

МОСКВА СТОЛИЦА

Н. М. Молева

МОСКВА – СТОЛИЦА

*Издательская программа
Правительства Москвы*

Москва
«ОЛМА-ПРЕСС»
2003

МОСКВА — СТОЛИЦА

Исключительное право публикации книги
Н. М. Молевой «Москва — столица»
принадлежит издательству «ОЛМА-ПРЕСС».
Выпуск произведения или его части
без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону.

М71   Москва — столица. — М., «ОЛМА-ПРЕСС», 2003 — 670 с.
ISBN 5-224-04274-7

Москва — не только столица, но и символ России. Каждая глава отечественной истории оставила по себе память на улицах и постройках древней столицы, в судьбах и характерах москвичей.

Книга «Москва — столица» — это путешествие на машине времени к москвичам прошедших времен, к их искусству, музыке, театру, литературе, к их живой речи, позволяющей услышать давно умолкнувшие голоса. Цель книги — помочь читателю узнать, понять, полюбить Москву. И через судьбу столицы — нашу Россию.

Автор книги — замечательная исследовательница и писательница, одна из создательниц современного московедения.

Книга снабжена многочисленными иллюстрациями — черно-белыми и цветными.

ББК 71

ОТ АВТОРА

Здесь все бывало: плен, свобода,
Орда, и Польша, и Литва,
Французы, лавр и хмель народа,
Все, все!.. Да здравствует Москва!

Н. М. Языков

Москва – это Россия. Каждая глава нашей родной истории оставила по себе память на улицах и постройках древней столицы, в судьбах и характерах москвичей.

Когда-то влюбленный в Италию Гоголь сказал, что жить можно только в двух городах мира – Риме и Москве. Проведя больше десяти лет в Риме, он навсегда переезжает в Москву, чтобы к тому же «упиться», по его выражению, русской московской речью, ощутить тот удивительнейший сплав всех сторон нашей культуры, который так ярко и своеобразно здесь развивался.

В сегодняшнем городе, с его напряженной и постоянно меняющейся жизнью, бывает не так просто ощутить это дыхание времени, понять, насколько каждый из нас, независимо от возраста, причастен к нему. Но для того чтобы по-настоящему осознать себя неотъемлемой частью родной страны, культуры, очень важно увидеть Москву сквозь призму ее богатейшей истории. Эту цель и ставит перед собой автор.

Наша книга – путешествие на машине времени к москвичам прошедших времен, к их искусству, музыке, театру и, конечно же, литературе, живой речи, позволяющей услышать давно смолкнувшие голоса. Сама последовательность исторических эссе, очерков, новел рассчитана на определенный результат: узнать – понять – полюбить. Наш город. Нашу Россию.

СО ДНА МОРСКОГО

Белокаменная — так звалась Москва с незапамятных времен. Почему? Ответ прост: лучшие и притом многочисленные постройки из местного известняка одели древнюю столицу в нарядный убор. Но не в белый. Особенный. Розовый, желтый, палевый камень даже в кладке одной стены переливался множеством оттенков луговых цветов. И не знал разрушительной силы непогоды и времени. У москвичей был на то свой, переживший многие века секрет. Каждый камень после шлифовки покрывался особым лаком — фирнисом, укреплявшим хрупкий известняк и усиливавшим его натуральный цвет.

Дарила Москве это каменное чудо тихая Пахра. С XII в. на ее берегах брали для столицы камень около села Нижнее Мячково, позже, для строительства Кремля, около Домодедова, Сьянова, Подольска. Брали со дна морского, в полном смысле этого слова. Сегодня похожая на черноморскую вода стоит на глубине 1,5 километра под Мячковом — память о том, что около 500 миллионов лет назад шумели над московской землей волны великого моря. То отступавшего, то наступавшего. На его дне ил, кости животных и рыб, ракушки перемешивались с песком, образуя известняковые залежи. На срезах берегов Москвы-реки и Пахры можно найти корненожек, мельчайшие раковины, окаменевшие кораллы, морские лилии, панцири и иглы морских ежей.

Человек пришел на эти земли много позже. Но как давно — никакие экспедиции и дискуссии археологов не позволяют еще точно сказать. Все ограничивается редкими находками и многочисленными предположениями. Бесспорно одно — это случилось в каменном веке.

Каменный век, иначе эпоха палеолита, слишком широк в своих границах: от 80-го до 13-го тысячелетия до н.э. Покрывавший Подмоскovie ледяной покров время от времени, словно нехотя, отступал на север, а за ним туда же, на необжитые места, тянулся растительный и животный мир. Тепла хватало ровно настолько, чтобы образовалась тундра. Пологие возвышенности среди множества рек, озер и болот покрывала низкорослая зелень, среди нее брусника, багульник, копытень, по-прежнему привычные для Подмоскovie, по-прежнему входящие в народную аптеку.

Знаменитый голландский путешественник и художник, посетивший Россию на переломе XVII–XVIII столетий, Корнелис де Брюин долгие месяцы провел в особенно любимой ему Москве. Ее заваленные съестной снедью рынки поражали воображение европейца. Де Брюин не мог не заметить, что брусничкой заросли все пригороды столицы, что москвичи предпочитают ее всем прохладительным напиткам и непременно используют как жаропонижающее. От чего бы ни поднималась температура, около больного тут же появлялась моченая брусника с сахаром или патокой.

Вечнозеленый пушистый кустарник багульника с кистями белых цветов годился на все случаи жизни: от простуды, ревматических болей, астмы до нашествий моли, от которой сухими веточками перекладывалось добро в сундуках.

Стелющемуся по земле, похожему своими листьями на след конского копыта копытню приписывалось также множество

Г. Кнеллер. Голландский путешественник Корнелис де Брюин — исследователь России. Кон. XVII в.

лечебных свойств, но главное — способность вылечивать от пьянства. Столовая ложка отвара, влитая в стакан водки, способна вызвать на долгие годы отвращение ко всем видам алкоголя.

И до сих пор эти растения свое дело делают, особенно для тех, кто родился в тех же местах, где выросли эти растения.

Сохранилась от каменного века не одна зелень. Москва окружена множеством озер ледникового происхождения.

На Рогачевском шоссе, у села Озерецкого, это три озера Долгое, Круглое и Нерское, сохранившиеся как части гигантского ледникового водоема. Характерной овальной формы, они словно тонут в сплошных торфяниках, из которых берет свое начало живописная Воря. В 20 километрах от станции Тучково Смоленского направления в таких же топких местах лежит озеро Глубокое. В ледниковый период задерживаемые холмами и впадинами талые воды образовали здесь огромный водоем. Его глубина местами достигает и сейчас без малого 40 метров. Но само водное зеркало постепенно начало заболачиваться и зарастать — слишком хорошей средой для водорослей и растений стали отложившиеся на дне так называемые черные юрские глины. И только птицы, летящие на юг и возвращающиеся по весне на север, по-прежнему опускаются здесь на отдых, да все так же берет свое начало речка Малая Истра.

Озеро Киево, в километре от станции Лобня Савеловского направления, — мир чаек, одна из самых крупных во всей Европе их колоний. До 5 тысяч пар выводят здесь птенцов, уместаясь на площади более 20 гектаров, теснясь на топких берегах и большом плавающем острове из густо переплетенных корневищ водолюбивых растений. И это при том, что глубина озера не превышает 1,5 метра.

Стоит вспомнить и о доледниковом рельефе земли — он сохранился в хорошо знакомой москвичам Теплостанской возвышенности: от Ясенева и Беляева-Богородского до излучины Москвы-реки у Лужников. Конечно, ей далеко до настоящих гор, но все же она достигает 253 метров над уровнем моря и 130 метров над уровнем реки.

А человек скорее всего ступил на московскую землю примерно 23 тысячелетия назад, когда граница материкового льда проходила по Верхней Волге. Находки в Рублеве и Крылатском свидетельствуют, что водились здесь в то время мамонты, первобытные быки, мускусные овцебыки и северные олени. На берегу Сходни, рядом с Братцевом, археологами обнаружена черепная крышка неандертальца.

Само название древнейших людей Европы — неандертальцев происходит от долины реки Неандра, вблизи Дюссельдорфа, где останки их впервые были открыты учеными. Найденный под Москвой неандерталец принадлежит к виду так называемого Разумного человека, по-латыни *Homo sapiens*, хотя и сохранил многие архаичные черты. Одна из них — сплошной надбровный валик вместо отдельных надбровных дуг.

Пока это единичная находка. Ни мест стоянок, ни орудий, которые могли бы принадлежать этому человеку, не обнаружено. Зато их достаточно много на левом берегу Клязьмы, вблизи города Владимира. Здесь и остатки костров, которые разводились в специально вырытых ямах — своеобразных очагах, и

кости употреблявшихся в пищу животных, и раскрашивавшиеся красной краской изделия из тесаного камня и кости.

Погребения делались неглубокие, сверху покрывались плоским камнем. Судя по остаткам одежды, носили наши предки в ту пору меховые рубахи, меховые штаны, которые шились вместе с меховыми сапогами типа мокасин, меховые шапки. Одежда сплошь расшивалась бусами, высверленными из бивней мамонта. Из клыков мамонта изготавливались обязательные для каждого плоские браслеты. Бивни мамонта искусно выпрямлялись и служили древками длинных копий, с кремневыми наконечниками. Наконец, мамонтовая кость применялась для изготовления кинжалов и огромных костяных булавок, которыми скалывалась на груди одежда.

В самой Москве наиболее древние стоянки обнаружены на берегу Химкинского водохранилища, близ деревни Алешкино, в Серебряном бору, у Троицкого-Лыкова, у Щукина, у Коломенского и на Крутицах, в районе Крутицкого переулка. Отдельные же находки попадались у Покровских ворот, в Зарядье и у Крымского вала.

Еще шире география находок следующей по времени — фатьяновской культуры, получившей свое название от деревни Фатьяново, близ Ярославля, где впервые был открыт относящийся к ней могильник. Второе тысячелетие до нашей эры — каменные орудия этого периода археологи находили в Крылатском и Чертанове, на Софийской набережной и Русаковской улице, в Сивцевом Вражке и на Бутырском хуторе, в Перове и Дорогомилове. Бронзовый нож обнаружен в Зюзине, а кремневые дротики и сверленные каменные топоры в Кремле. Но особенно богаты открытиями могильники. Их в Москве два: в Давыдовке и Спас-Тушине, иначе — в урочище Барышиха.

Располагались такие могильники обычно на водоразделах, выше мест стоянок человека. Умерших хоронили в согнутом положении, мужчин — на правом, женщин — на левом боку, как будто спящими, со всей той утварью, которой им приходилось пользоваться при жизни, например с хорошо вылепленными горшками с полукруглым дном, которое позволяло устойчиво помещать их среди камней очага.

Превосходно отшлифованные топоры из камня с высверленным отверстием для рукояти ценились особенно высоко, и поэтому в детских погребениях их заменяли игрушечными, вылепленными из глины.

Многочисленные ожерелья из зубов и когтей медведя, клыков свиньи, гораздо реже — тоненькие бронзовые колечки. Стоит вспомнить, что человек каждый осваиваемый им материал сначала использовал именно для украшений. А фатьяновцы впервые приступали к литью бронзы, о чем свидетельствуют глиняные ложки с носиками для слива металла в форму.

Основным занятием племени было скотоводство — фатьяновцы держали коров, овец, коз, свиней. Знали они культ предков, солнца и медведя. Входила их культура в состав большой культурно-исторической общности, так называемой «культуры боевых топоров», которую создали древние индоевропейские племена.

Но сегодня исследователи все больше склоняются к тому, что жили фатьяновцы южнее собственно московских земель, по

какой-то причине поднялись на север, жили обособленно от других племен, не воюя, но и не смешиваясь с ними, а затем то ли переселились на новые места, то ли вымерли.

На смену фатьяновской приходит дьяковская культура, и вместе с ней человек вступает в нашу эру. Ее временные границы — от VIII—VI вв. до Рождества Христова до VI—VII столетий нашей эры. Названная по селу Дьякову, около Коломенского, где впервые исследовалось принадлежащее к ней городище, дьяковская культура была распространена между Окой и Волгой, на всем Верхнем Поволжье и Валдае.

Значительно увеличилось население московских земель. Изменились условия его жизни. Если раньше стоянки устраивались как можно ближе к воде, то новые селения поднимались на высокие речные берега и старательно защищались. Незащищенные назывались селищами, те, вокруг которых насыпались высокие валы и рылись рвы, — городищами. Суффикс «-ищ» означал не большие размеры, но существование в прошедшем времени. Как и сегодня мы называем кострищем место погасшего костра или пепелищем — место бывшего пожара. В городищах легче было сохранять от вражеских набегов людей, скотину и появляющиеся запасы зерна. Человек переходил к оседлому скотоводству и земледелию.

Большими дьяковские поселения не были. Несколько десятков живших в каждом из них человек представляли членов одного рода. Каждая семья имела отдельное жилище-полуземлянку с круглой конической кровлей или наземный дом площадью 50—70 квадратных метров из не толстых, промазанных глиной бревен, с двускатной крышей.

Существовал и иной тип поселений: все жилища пристраивались по периметру к оборонительной стене. Каждая семья пользовалась отдельным отсеком с собственным очагом. Середина же городища служила загонem для скота, со временем здесь появляются и собаки.

Дьяковцам хорошо знакомо гончарное и ткацкое дело. С начала нашей эры начинается быстрое развитие металлургии, производятся в большом количестве железные ножи, копья, серпы, кресала для высекания огня. Завязывающиеся торговые связи с южными землями наводняют московские земли ювелирными изделиями из эмали, золочеными стеклянными бусами. И маленькая подробность образа жизни — глиняные сосуды приобретают плоское, вместо выпуклого, дно. Значит, их рассчитывают ставить на столы и плоский под печки.

В Москве найдены следы многих городищ и селищ. Селища — в Кремле, Химках, у Воробьевых гор, в Филях, Алешкине, городища — в Нижних Котлах, Капотне, Тушине, на Сетуни, в Кунцеве, Мамонове, Дьякове. Растущий город неизбежно стирал их с лица земли, и все же угадать их можно и сегодня. В старом Кунцевском парке это мыс с плоской, укрепленной тремя валами вершиной. Террасы-уступы были когда-то окружены частоколом. На верх холма ведет древний въезд.

А со второй половины I-го тысячелетия нашей эры, иначе говоря, с VI—VII вв., начинается заселение московских земель собственно славянами. До этого восточные части территории

Древнерусская ладья X в.

дьяковской культуры занимали финно-угорские племена, предки мери, веси и других племен, как называли их летописцы, западные же — балты. Собственно Москву заселяют славяне из племенного союза вятичей.

Ранние погребения вятичей связаны с существовавшим у них обычаем сжигать умерших. Позднее они обращаются к курганным захоронениям, которые сохраняются и после принятия христианства. Курганным насыпям обычно придавалась полукруглая форма, и были они небольшими — не выше 2 метров. Почти в каждом сохранились остатки поминальной трапезы — угли от костра, черепки разбитой посуды, кости животных. Женщин, независимо от возраста, хоронили в свадебном уборе.

Одевались вятичи в шерстяные и льняные ткани собственного, реже привозного производства. Ввозились на их земли главным образом шелка. В племенной убор входили бронзовые или серебряные височные кольца, хрустальные и сердоликовые бусы, ажурные бронзовые перстни, разнообразные браслеты. И кожаная обувь.

Где только не находят курганы славян вятичей в нынешней большой Москве. Это Коньково, Голубино, Зюзино, Тропарево, Ясенево, Фили, Царицыно, Узкое, Теплый Стан, Деревлево, Раменки, Крылатское, Тушино, Братеево, Черемушки, Матвеево, Очаково, Орехово, Борисово, Чертаново, Шипилово, Чагино. Селища XII—XIII вв. есть и на берегу Головинского пруда, и на Садовой-Кудринской площади, и в Нескучном саду, и в устье Яузы, а городища — на Самотеке, около Лыщикова переулка, рядом с Андроньевским монастырем, на Остоженке. И невольно задаешь себе вопрос: сколько же лет в действительности нашей белокаменной?

ПРИШЕЛ НА ЗЕМЛЮ ЧЕЛОВЕК

В отношении рождения Москвы летопись не дает ответа. Первое упоминание Москвы в 1147 г. не может считаться временем ее основания. Город уже существовал, обладал немалыми богатствами, был известен удельным князьям, входил в состав владений великих князей киевских. Его история тесно переплелась с историей их междоусобиц.

Великий Владимирский князь Всеволод Большое Гнездо с четырехлетним сыном Владимиром – будущим первым московским князем. Фрагмент рельефа Дмитриевского собора. 1198 г.

Владимир Мономах. Изображение XIX в.

Начало составления русской летописи – XI в., время правления Владимира-Василия Всеволодовича по прозвищу Мономах. Само по себе прозвище говорило о многом. Одни считали, что принесло его князю победное единоборство с генуэзским князем при взятии Кафы – будущей Феодосии (Мономах – значит победитель), другие – родство с императором византийским Константином Мономахом. Был Владимир-Василий сыном византийской царевны Анны Константиновны. Много на своем веку воевал, хотя стремился к миру и приложил немало сил, чтобы объединить князей против половцев. Кто знает, если бы такой союз состоялся, не спас ли бы он русские земли от татаро-монгольского нашествия? Поддерживали Владимира-Василия и оживленные связи с европейскими правителями – первой его женой была английская королева Гита Гаральдовна. Надеялся князь и на силу собственного, обращенного к потомкам слова.

«Поучение» Владимира Мономаха – первый памятник нашей литературы, философии. И русского характера. «Прочтя эти слова божественные, дети мои, воздайте хвалу Богу, явившему нам милость свою, и это от слабого ума моего поучение послушайте, и если не примете его всего, то хотя бы половину. Может, Бог смягчит ваше сердце, и слезы прольете о грехах своих, говоря: как блудницу и разбойника и мытаря помиловал ты, так и нас грешных помилуй; и в церкви это говорите, и ложась спать... Всего же паче сирых и убогих не забывайте, но по силе возможностей своих кормите, заботьтесь о сироте, и вдовицу сами поддержите, и не давайте сильным погубить человека. Ни права, ни виноватого не убивайте, не повелевайте убить его, если и будет повинен смерти, а души не губите никого из христиан... Паче всего гордости не имейте в сердце и в уме своем, но говорите: смертны мы, сегодня живы, а завтра лежим в гробу; это все, что ты нам дал, не наше, но твое, поручил ты нам его на малое число дней...»

Только мира и тишины «Поучение» Мономаха не принесло. Один за другим поднимаются на отеческий престол его сыновья в пылу жаркой борьбы. Семь лет правит в Киеве Мстислав Великий, столько же сменивший его брат Ярополк. После Ярополка Мономаховичам не удастся удержать престола: 7 лет его занимает Всеволод II, из так называемой черниговской ветви потомков Владимира Святого. Сын Мстислава Великого Изяслав II возвращает в семью власть над Киевом. И все это время его дядя, один из младших сыновей Мономаха, Юрий Владимирович Долгорукий мечтает о полноте отцовской власти, воюет, копит богатства, заключает и разрывает союзы с князьями, участвует в нестихающих междоусобных войнах.

Как рассказывает Ипатьевская летопись, в 1147 г. зовет Юрий Владимирович на встречу очередного своего союзника,

Вокняжение Владимира Мономаха (1116 г.)
Гравюра XIX в.

князя новгород-северского и черниговского Святослава Ольговича: «Приди, брате, ко мне в Москов».

Святослав Ольгович недавно вынужден был бежать в лесной суздальский край, оставив дочиста разграбленный дом и хозяйство. Князья-родичи опустошили его Новгород-Северскую волость и собственную усадьбу князя в Путивле. Увели они 700 человек дворни, 3 тысячи кобылиц и тысячу коней, не считая несметного множества «готовизны» — продовольственных запасов. С остатками дружины, женой и детьми добрался князь до суздальской Оки и остановился в устье Поротвы, куда Юрий Долгорукий послал ему богатую «встречу» и дары каждому из прибывших «паволокою» — дорогими тканями и «скорою» — мехами.

Не замедлил расчетливый Юрий Владимирович воспользоваться ратным искусством беглеца — дал ему «воевать» по последнему зимнему пути Смоленскую волость вверх по Поротве, а сам направился «воевать» новгородские волости. Святославу удалось успешно дойти до верховьев Поротвы и занять город Людогощ, Юрию — Новый Торг. На обратном пути из Нового Торга в родной Суздаль шел Юрий Владимирович через Волок Ламский, откуда, скорее всего, и послал приглашение соратнику, благо представляла Москва к тому же богатую и удобную княжескую усадьбу.

Святослав Ольгович поехал на встречу с небольшим числом воинов и в знак особого доверия Долгорукому выслал вперед маленького своего сына Олега, который получил почетнейший подарок — пардус, иначе — мех барса.

Состоялась встреча 4 апреля 1147 г., в пятницу, на пятой неделе Великого поста, в канун праздника Похвалы Богородицы. Князья радостно встретились, расцеловались «и тако возвеселишися вкупе», по словам летописца. А на следующий день довольный ходом дела Долгорукий приказал устроить «обед силен», одарил всех гостей и княжескую дружину щедрыми по-

Великий князь
Юрий Долгорукий,
сын Владимира
Мономаха. Миниатюра
из «Титулярника» 1672 г.

дарками и тут же сосватал свою дочь за малютку Олега Святославича. Венчание молодых состоялось спустя 3 года.

Возраст для брака в то время никакого значения не имел. Жизнь заставляла рано взрослеть. На коня садились, едва начав ходить. В 12 лет участвовали в сражениях наравне с взрослыми воинами. Ратный век князя начинался и кончался обычно очень рано. Приходилось торопиться обзавестись семьей, наследниками, чтобы было кому передать навоеванное и нажитое.

Союз Юрия Долгорукого с Святославом Ольговичем оказался недолгим. Уже на следующий год щедро одаренный суздальским князем Святослав соединился с его врагом Изяславом, и Юрию Владимировичу пришлось выступить против обоих. Измена оказалась тем тяжелее, что Изяслав пригласил себе на помощь венгров, богемцев, поляков. И все же 20 марта 1155 г. Юрию Владимировичу удалось очистить от врагов Киев и торжественно въехать в столицу. В продолжавшихся распрях он принимает решение, о котором сообщает под 1156 г. Тверская летопись: «Князь великий Юрий Володимерич заложи град Москву на устеже Неглинны, выше реки Аузы».

Заложить град не означало основать новый город, но построить укрепление. Москва уже располагала защитными сооружениями. Ее окружал 700-метровой длины земляной вал с частокотлом на гребне и глубоким рвом. Теперь площадь града была значительно увеличена. Длина стен достигла 1200 метров. Ров стал 5-метровой глубины, а ширина его увеличилась до 12–14 метров. Первоначальное же селение располагалось на вершине Боровицкого холма, на месте нынешней Оружейной палаты и Кремлевского Дворца съездов. Правильнее сказать, на бывшей вершине: во время строительства Храма Христа Спасителя в 1838 г. она была сильно срезана.

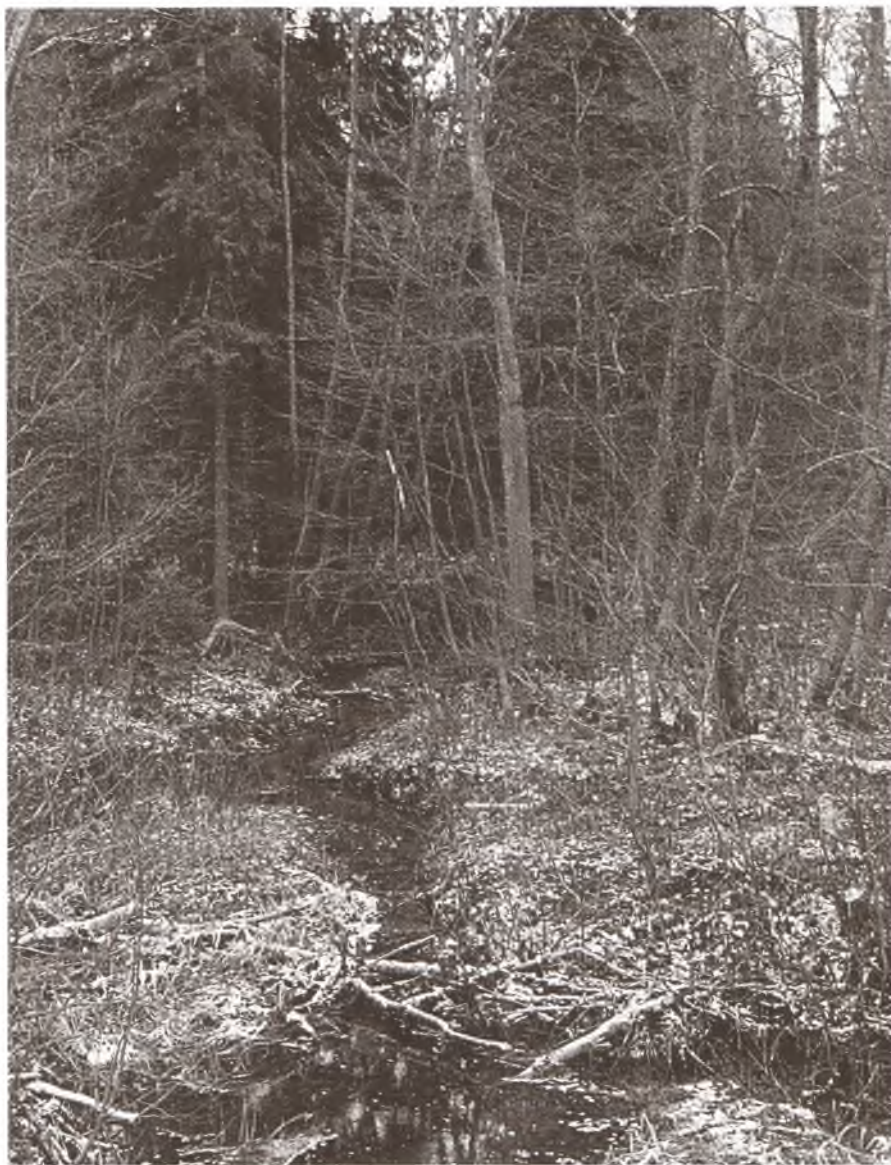
Но как бы быстро ни сооружалась новая крепость на Москве-реке, это не снимает вопроса о ее строителе. Через считанные месяцы после решения о строительстве Юрия Долгорукого не стало. В 1157 г. власть перешла к его сыну – Андрею Боголюбскому.

КНЯЗЬ-СТРОИТЕЛЬ

Юрий Долгорукий думал не просто о Москве. Он имел в виду охрану подступов к Клязьме со стороны рек Яхромы и Москвы. Ради этой главной цели он перенес на новое место Переяславль-Залесский, построил города Дмитров и Юрьев-Польский. Но по сравнению с другими укрепленными поселениями Северо-Восточной Руси именно у Москвы были особые преимущества, благодаря которым она приобретала все большее значение в жизни славянских земель. Около нее сходились

Исток Москвы-реки
близ Дровнино
на границе Московской
и Смоленской областей

торговые пути — от тесно связанного с Западом Новгорода Великого в рязанские земли, от общавшихся с Литвой и Польшей Полоцка и Смоленска к Ростовскому княжеству. Москва завязывает торговые отношения и с далеким Поморьем, и с располагавшимися в Причерноморье геноуэскими колониями. Да и о какой обособленности от Западной Европы можно говорить, когда среди родных сестер деда Долгорукого были Елизавета, королева норвежская, жена Генриха I французского Анна и королева венгерская Анастасия!

Слов нет, прокладывались — «теребились» пути и через лесную глухомань, но куда сподручнее оказывались для тех же целей реки с бесчисленными их притоками. В Московской области даже сегодня около 2 тысяч речек и рек. Из них 912 входят в бассейн собственно Москвы-реки, 700 — в бассейны Клязьмы и Верхней Волги, остальные забирает Ока. Сама Москва легко могла стать северной Венецией со своими, протекающими по ее землям, 120 ручьями и реками. Могла бы —

Андрей Юрьевич
Боголюбский
(ок. 1110–1174 гг.)

более 100 из них да еще 700 прудов, множество стариц и болот сегодня либо засыпано, либо заключено в трубы. Былые реки, лощины, овраги давно превращены в проезды, улицы, гораздо реже в скверы. Заново и по живому делались уже в XX столетии выемки и насыпи автомобильных и железных дорог. На наших глазах была скрыта Поклонная гора. Украсило ли это город? Конечно, нет. Угадать черты давней Москвы с ее холмами и долинами, зеркалом обильных и чистых вод, пышным цветением зелени попросту невозможно.

Для летописца все определялось реками. Москва-река. Многие ли москвичи бывали у ее истоков, на Старковском озере, в 5 километрах на восток от деревни Дровнино, которое называется в просторечье Москворецкой лужей? Здесь со склонов двух холмов сбегает в долину два ручья, образующих будущую реку.

Неглинная, левый приток Москвы, и вовсе уместилась вся в черте города. Семь с половиной километров ее длины можно определить с точностью троллейбусного маршрута: Марьяна роща – Новосушевская, Екатерининская площадь – Самотечная площадь – Цветной бульвар – Трубная – Неглинная – Малый театр – Театральная площадь и через площадь Революции к Александровскому саду. Стояло на ней множество мельниц, кузниц, мастерских. К началу XVIII в. по течению Неглинной находилось шесть проточных прудов.

Яуза, берущая свое начало у деревни Оболдино, близ Мытищ, до конца XVII столетия оставалась живой частью торгового пути из бассейна Москвы-реки в бассейн Клязьмы, с волоком около Мытищ. Характерно ее название. Яузой называлась вязь, или связь, водных путей. Многочисленные яузы находились в непроходимых лесах и болотах, позволяя людям из разных селений общаться друг с другом.

Скорее всего, замысел отца об укреплении узла трех рек досталось осуществлять его второму сыну от половецкой княжны, дочери хана Аэпы, – Андрею Юрьевичу.

Андрей Боголюбский под
стенами Луцка в одиночку
сражается с неприятелем
(1150 г.). Гравюра
П. Иванова. XIX в.

Андрей Боголюбский.
Реконструкция
М. М. Герасимова

Отважный воин и искусный полководец, Андрей Юрьевич характером напоминал деда, Владимира Мономаха. Он не любил сражений и, хотя сопровождал отца во всех его походах, был, по словам летописца, «не величав на ратный чин, но похвалы ища от Бога». Киевского князя Андрей не любил, сердцем тянулся к суздальским землям, убеждал и отца: «Нам здесь, батюшка, делать нечего, уйдем за тепло».

Неприязнь Андрея Юрьевича к Киеву оставалась так велика, что даже вопреки воле отца он оставил данный ему для княжения Вышгород, под Киевом, и направился в суздальские земли, захватив с собой единственное сокровище — написанную, по преданию, евангелистом Лукой икону Божьей Матери. Конь, который вез образ, внезапно остановился в 11 верстах от Владимира. На этом месте Андрей Юрьевич и заложил свое княжеское селение Боголюбово, а икона, ныне хранящаяся в Третьяковской галерее, стала называться Владимирской.

После смерти Юрия Долгорукого ростовчане и суздальцы, как повествует летописец, «задумавшеси, пояша (взяли) Андрея, сына его старейшего, и посадиша и в Ростове на отни (отеческом) столе и Суждали, занеже бе любим всеми за премногую его добродетель, юже же имяше прежде к Богу и ко всем сущим под ним». Ему то и довелось стать действительным строителем Москвы.

Рождение Москвы связывалось еще с одним именем — полупрозрачного боярина Стефана Ивановича Кучки, владевшего землями по Москве-реке и жившего в собственном селе на месте нынешних Сретенских ворот. Юрий Долгорукий воспользовался некоей мнимой или действительной провинностью Кучки, чтобы захватить его владения. Дочь боярина Улита Стефановна была насильно выдана замуж за Андрея Юрьевича, но не смирилась ни с гибелью отца, ни с собственной поруганной честью. 28 июня 1174 г. она приняла участие в заговоре против мужа и погибла от ран.

И вот археологическая находка наших дней, словно вызвавшая к жизни те далекие времена. На месте древнего московского кладбища, на Соборной площади Кремля, было открыто женское погребение, а в нем остатки богатейшей одежды. Обвивавшаяся вокруг головы шитая зелеными нитками лента — очелье и шитое золотом обрамление вокруг шеи. Входили они в наряд, который надевался на женщину дважды — в день свадьбы и в день похорон. Возраст знатной москвички и характер ран, от которых она умерла, позволяют предполагать, что это останки Улиты Стефановны Кучки.

Княгиня Улита не была одинока в своем бунте против мужа. Святой Владимир заслал сватов к славившейся своей красотой полоцкой княжне Рогнеде Рогволодшне. Рогнеда отказала крестителю Руси, потому что был он побочным сыном своего отца, по ее выражению, «сыном рабыни». Разъяренный Владимир пошел походом на Полоцк, пленил Рогволда и силой взял в жены Рогнеду, получившую новое имя — Горислава. И вот, став матерью трех сыновей и двух дочерей от князя, Рогнеда-Горислава попыталась заколоть мужа ночью мечом. Только мольбы сына, маленького Изяслава, спасли жизнь взбунтовавшейся супруги. Но от себя Владимир жену отлучил и поселил вместе с Изяславом в названном по его имени городе, где Рогнеда-Горислава и умерла в 1000 г. ...

В заговоре против Андрея Боголюбского кроме княгини приняли участие шурины князя Яким Кучков, хотевший отомстить за смерть брата, зять шурина Петр и любимый княжеский ключник Анбал, «ясин» — родом с Кавказа. Всего заговорщиков собралось около 20 человек. Ключник заранее спрятал меч князя, и Андрей оказался безоружным перед лицом яростно накинувшихся на него заговорщиков. Но даже голыми руками он сумел долго бороться с ними, так что им пришлось дважды добивать его. Два дня потом тело князя лежало на паперти церкви — никому не давали ни приблизиться к нему, ни войти в храм. Когда же князя-воина и строителя понесли погребать под его стягом, народ во Владимире горько плакал.

Летопись сохранила слова верного слуги князя, киевлянина Кузьмы: «Уж тебя, господин, и холопы твои знать не хотят; а бывало, придет ли гость из Царьграда, или из иной какой-нибудь страны, из Руси ли, латынец, христианин или поганый, ты прикажешь повести его в церковь, в ризницу, пусть посмотрит на истинное христианство и крестится, что и бывало: крестились и болгаре, и жидви, и все поганые, видевшие славу Божию и украшение церковное, сильно плачут по тебе, а эти не пускают тебя и в церковь положить...»

Трагедия гибели Андрея Боголюбского усугубилась тем, что княжеская чета не имела детей. Великокняжеский престол перешел к брату Андрея. Наступали страшные годы татаро-монгольского ига.

...Сегодня это только музейный экспонат, самый большой из относящихся к XIII столетию в коллекциях Московского Кремля, — обгорелый сруб, заново собранный в подzemелье Благовещенского собора. Чудом уцелевший в пожаре обыкновенный жилой дом, он сохранил для потомков свидетельство тех далеких времен: налет кочевников, охвативший город огонь, бег-

ство хозяев через сорванную в спешке дверь, около которой остался лежать затоптанный в землю веник.

Татаро-монгольское лихолетье оставило вечным своим следом на Боровицком холме толстый слой угля и золы. Лаврентьевская летопись скорбно повествует о нашествии: «В лето 6731 (1223)... Того же лета явились народы, их же никто толком не знает и какого они племени и откуда пришли, и что за язык их, и какого племени и какой веры; и зовут их татары, а иные называют таумены, а другие печенеги, иные говорят, потому что о них Мефодий Патарский епископ свидетельствовал: пришли они из пустыни Егриевской, лежащей между востоком и севером; как говорит Мефодий: как к концу света... поплелят всю землю от Ефрата и Тигра до Понетского моря, кроме Ефиопии. Бог же один ведает, кто они такие и откуда пришли, премудрые мужи знают их хорошо, кто книги читать умеет; мы же не знаем, кто они есть, но здесь вписали о них ради памяти русских князей беды, которая пришла от них... А князья русские пошли и бились с ними, и побеждены были ими и едва избавились от смерти: кому была судьба жить, те бежали, а остальные были побиты...»

В 1238 г. начинается нашествие хана Батыя на Москву, и у летописца не хватает слов для описания пережитого: «Татарове поидоша к Москве и взяша Москву... а люди избиша от старца и до сущего младенца, а град и церкви святыя огневи предаша... и много именья вземше (взяв много имущества), отидоша...» Перс Джувейни в своей «Истории завоевателя мира» говорит о разгроме города «М. к. с.», который расшифровывается исследователями как Москва, еще короче и страшнее: «Они оставили только имя его». Это был год восшествия на великокняжеский престол отца Александра Невского — Ярослава-Федора Всеволодовича.

Успешно воевал Ярослав Всеволодович с осаждавшими Псков и Новгород немцами. И не потому ли, когда пришлось князю ехать на поклон к Батыю, Батый предпочел переправить его к самому великому хану, на берега Амура. Тяжелой была поездка, еще тяжелее оказалось пребывание в ханской ставке. Против князя был организован заговор, и ханша подала ему за столом отравленное питье. Ярослав Всеволодович тяжело больным выехал из ставки и на обратном пути скончался. Тело его было привезено во Владимир и погребено в Успенском соборе, летописец же отозвался о князе, что он «положи душу своя за други своя и за землю Рускую». Не церковью, но благодарной народной памятью причислен Ярослав Всеволодович к лику святых.

После смерти отца к Батыю за ярлыком на великое княжение пришлось ехать Александру Ярославичу Невскому. Батый снова отослал князя-воителя в ханскую ставку, в Монголию, — в поездку, которая заняла целых два года. Видно, был князь не только бесстрашным ратником, но и способным дипломатом, раз удавалось ему у хана трижды оставаться невредимым да еще получать всяческие послабления для русского народа. В четвертый раз Александру Невскому посчастливилось избавить мужское население от воинской повинности — отныне русские могли не поставлять хану своих отрядов.

Но эта последняя поездка надорвала силы князя. Подобно отцу, он умер на обратном пути в родные места 14 ноября

Ярослав Всеволодович

Александр Ярославич
Невский (1220–1263 гг.)

Князь Даниил
Московский. Икона
1990-х гг.

1263 г. в Городце Волжском, имея от роду 43 года. Во Владимире митрополит Киприан возвестил горожанам о его смерти в таких словах: «Я чадаа моя милая, разумеите, яко заиде солнце Русской земли». На что присутствовавшие воскликнули хором: «Уже погибаем».

В момент кончины отца младшему из сыновей Александра Невского — Даниилу было всего 2 года. Двадцати лет он получил по разделу с братьями в удел Москву. Москва впервые обрела московского князя и превратилась в самостоятельное княжество.

За 20 лет своего правления Даниил Александрович сумел оставить по себе заметный след, который, как ни удивительно, дошел и до наших дней. Это название Даниловских проездов, Даниловской набережной, Даниловской улицы, наконец, одноименной площади и рынка, прилегающих к основанному им Данилову монастырю.

КНЯЖЕСТВО МОСКОВСКОЕ

Ему по-настоящему посчастливилось, что первый его князь пробыл «на столе» 20 лет, что отличался Даниил Александрович воинской сноровкой, но не имел нужды слишком часто к ней прибегать. Занимался столицей, строил — и как строил!

До последнего времени не было основания сомневаться в словах летописи, что первую каменную церковь возвели в 1330-х гг. в Кремле, на месте нынешнего Успенского собора. В ходе реставрационных работ действительно были найдены остатки этого сооружения. Но вот под ними оказались части белокаменного фундамента куда более древнего храма, никаких упоминаний о котором в документах нет. По всей вероятности, каменными постройками отметил превращение Москвы в самостоятельное государство именно первый его князь.

Некоторые исследователи считают, что как раз в Даниловом монастыре первый князь заложил в 1272 г. первый в городе каменный храм. Имел монастырь деревянные стены, которые Иван Грозный заменил каменными. А когда 30 августа 1652 г. были обретены мощи причисленного к лику святых князя Даниила Александровича, царь Алексей Михайлович распорядился перенести их в его монастырь.

Сыновья Даниила Московского больше напоминали талантами и нравом деда, чем отца. О старшем — Иоанне Даниловиче по прозвищу Калита иначе не отзывались, как о собирателе русских земель. Умел воевать с удельными князьями, используя против них татарскую рать, с ханами жил в дружбе. Летописец нахвалиться не мог правлением Калиты, потому что «бысть тишина христианам и престаше татарове воевать Русскую землю». Другое дело, что, чуть не лишившись великого княжения — после смерти старшего брата Калиты хан Узбек отдал заветный ярлык тверскому князю Александру, — сумел Калита восстановить того же Узбека против тверичанина, вернулся во главе 50 000 татарского войска и предал огню и мечу всю тверскую землю. Одиннадцать лет преследовал находившегося в бегах Александра, добился и того, что вызванный в Орду князь был

Данилов монастырь, основанный князем Даниилом Московским

Великий князь Иван Данилович Калита. Миниатюра из «Титулярника» 1672 г.

Великий князь Александр Невский и московский князь Иван Калита. Фреска. 1508 г.

Остатки кремлевских
сооружений времен
Ивана Калиты

там же казнен. В честь такой великой победы над своим недругом Калита распорядился снять большой колокол с тверского Спасского собора и перевезти в Москву.

Годом позже опустошил Калита и смоленские земли, благо смоленский князь Иоанн Александрович не хотел склонять головы перед татарами. Воевал и с новгородцами, не хотевшими платить ему старинную дань «закамское серебро». Чинил насилия над ростовчанами. Города Галич, Углич и Белозерск просто купил, временно сохранив за бывшими владельцами некоторые права: так выходило дешевле.

И как утверждение всех своих побед, строит Калита в Кремле каменные храмы: митрополичий Успенский собор (1326), великокняжеский Архангельский (1333), церковь Спаса на Бору у великокняжеского двора, храм-колокольню Иоанна Лествичника. Строила их скорее всего одна артель «каменных здателей», которых охраняли специальные ханские ярлыки. Именно в эти годы удастся Иоанну I уговорить переехать на жительство

Отослание на проповедь.
Миниатюра Сийского
Евангелия, сделанного
по заказу Ивана Калиты.
1340 г.

из Твери в Москву митрополита Петра. Русский митрополичий престол придавал особое значение московскому князю.

А в 1339–1340 гг. спешно возводятся новые кремлевские стены — «в едином дубу», из одних могучих дубовых бревен. Летописец не может надивиться, как спорится работа у мастеров. Воскресенская летопись подробно рассказывает, что заложены были стены в ноябре 1339 г. и полностью закончены в апреле 1340 г. Тем большее чудо, что «дубовый Кремль» представлял сложнейшее фортификационное сооружение.

Материалом для строительства послужили вековые дубы диаметром до 70 сантиметров — образцы их хранятся в Государственном Историческом музее. Стена состояла из отдельных, соединенных так называемыми «врубками» срубов, которые заполнялись камнями и землей. Ширина ее колебалась от 2 до 6 метров — в зависимости от рельефа местности и значимости участка для обороны Кремля. Башни, называвшиеся тогда вежами, стояками или кострами (понятие «башня», заимствованное из татарского языка, вошло в русский обиход только в XVI в.), достигали высоты от 6,5 до 30 метров. Верхняя часть каждой из них выступала над нижней с тем, чтобы в полу выступа делать прорезы — бойницы для так называемого навесного боя.

Только история дубового Кремля оказалась очень недолгой. Спустя всего 25 лет, в 1365 г., он погиб в страшнейшем Всехсвятском пожаре, уничтожившем за 2 часа весь город. На время его существования приходится правление сына Иоанна I — Симеона Иоанновича, прозванного Гордым.

Симеон легко получил ярлык на великое княжение, продолжил и дружбу с татарами, у которых пользовался большим доверием. Между тем ему удалось утишить междоусобицы, заключив с братьями договор «бысть им за один до живота (до конца жизни) и безобидно владеть каждому своим», предотвратить нападение на Москву Литвы. За это самые строптивые удельные князья сносили от московского князя обиды. Даже смоленский князь Федор Святославич молча примирился с тем, что Симеон Гордый вернул ему его дочь, свою жену, чем-то не угодившую московскому властителю. Вправе был великий московский князь написать в своем завещании знаменательные слова: «чтобы не перестала память родителей наших и наша, и свеча бы не угасла». Опасения Симеона Гордого были напрасными. Свеча по-настоящему ярко разгорелась в руках его родного племянника — Дмитрия Донского.

«МОСКВА, МОСКВА, РЕКА БЫСТРАЯ...»

Великий князь московский Дмитрий Иванович сочинял духовную. Завещания составлялись перед каждым трудным походом, перед поездкой в Орду, когда оказывалась под прямой угрозой княжья жизнь. Менялись духовные в зависимости от

Великий князь
Дмитрий Иванович
Донской. Портрет
из «Титулярника» 1672 г.

числа наследников, отношения князя к каждому из них, утраченных или прибавленных земель и богатств.

Со времени возникновения истории как науки духовные грамоты считались ценнейшим источником сведений экономических, юридических, географических. Человеческие, личные отношения оставались незамеченными. Да и о каких родственных чувствах можно было говорить на основании простого перечисления названий или вещей. Так казалось, а в действительности?

Деду Дмитрия Ивановича, Ивану Даниловичу Калите, как и ему самому в былое время, не ехать в Орду было нельзя. Без ханского ярлыка добиться полноты власти невозможно, особенно если речь шла о великокняжеском престоле. Оставалось все, до мелочи, предусмотреть, додумать, ни в чем не просчитаться. Слишком часто дорога в ханскую ставку становилась последней в жизни.

Боялись не за себя – за родных: чтобы не наступили между ними раздоры, вражда, чтобы не погибли в неволе и нищете. Иван Калита так и писал: «...Се аз (я), грешный худый раб божий Иван, пишу душевную грамоту, ида Ворду (направляясь в Орду), никимь не нужен, целымь своимь сумом, в своем здорovy. Аже Бог что разгадает о моем животе (если придется мне по воле божьей умереть), даю ряд (наказ) сынам моим и княгини своей...» С веками придут иные слова, юридические обороты – «в здравом уме и твердой памяти», «без насилия и принуждения», – но смысл останется неизменным.

Сыновьям предстояло княжить. Дочерей ждало замужество, и, значит, следовало подумать о достойном приданом. О княгине особый разговор. Надо было позаботиться о ее доходах, чтобы не знала до конца своих дней нужды.

Ивана Даниловича недаром прозвали Калитой. Калита – скопидом, буквально «денежный мешок». То ли за рачительное хозяйствование – счет копейке знал, порядок в княжестве любил, то ли за висевший всегда у пояса большой кошелек. Н. М. Карамзин в своей «Истории государства Российского» утверждал, что никого из нищих князь без милостыни не отпускал. Только вернее – с деньгами не расставался: всегда пригодиться могли, да и надежней, когда оставались под рукой. Изданное в 1813 г. собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел, – огромный, переплетенный в рыжую телячью кожу фолиант, словно сохранил звуки неторопливой, рассудительной княжеской речи.

«...А что золото княгини моя Оленино, а то семь дал дочери своей Фетиньи, 14 обручи и ожерелье матери ее, монисто новое, что семь сковал. А чело и гривну, то есмь дал при себе. А что есмь придобыл золота, что ми дал бог, и коробочку золотую, а то есмь дал княгини своей с меньшими детми». Лишних безделушек не было – все наперечет, все на памяти, как и рухлядь: не так много у московского князя парадной одежды, не так легко она шилась – «строилась».

«...А ис порт моих сыну моему Семену: кожух червленьный жемчужный, шапка золотая. А Ивану, сыну моему: кожух желтая обирь с жемчугомь и коць великий с бармами. Андрею, сыну моему: бугаи соболий с наплечки с великим жемчугомь с камением, скорлатное портище сажено с бармами. А что есмь

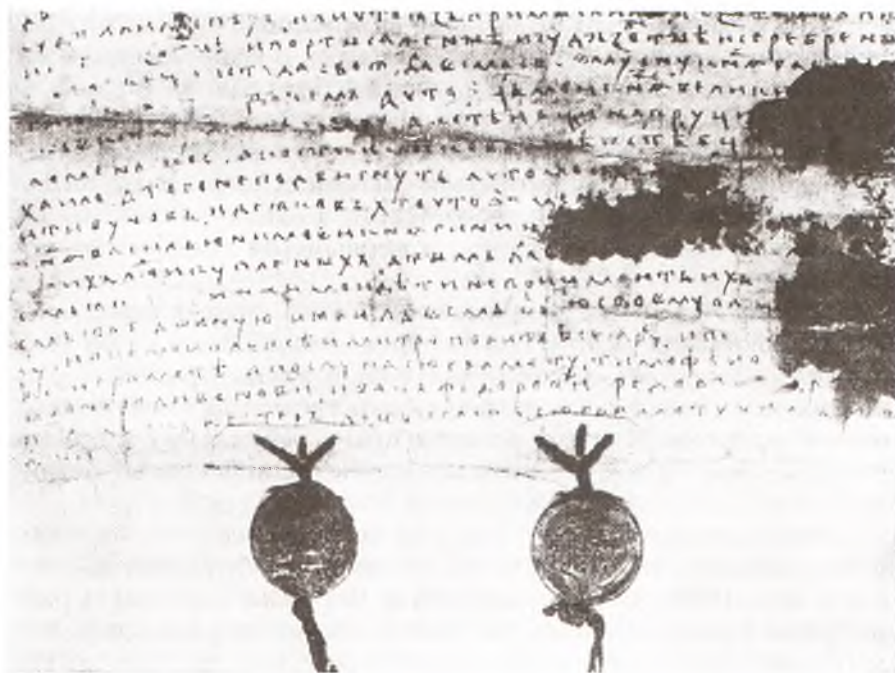

нынеча нарядил 2 кожука с аламы с жемчугомъ, а то есмь дал меньшим детям своим, Марьи же Федосьи, ожерельем». Была одежонка и попроще — парадный наряд лишний раз не надевали, так и ее раздать попам по церквям на помин души.

Но главным, конечно, оставалась земля, княжество. Волости, села, деревни, угодья, мельницы, бортницы с медовым оброком, луга, рыбные ловли. Уж тут князь тем более все знал наизусть, каждый косогор помнил, каждое селение, что к чему «потягло» — относилось. Здесь и нужна особая мудрость, чтобы власть была у старшего сына, сила, а только и младшим чтоб не обидно, чтоб против московского князя не бунтовали, брат на брата войной не шли. Потому вместе с уделами и дальними землями доставались каждому селения подмосковные и дворы московские: каждый на своем, а все-таки одной семьей.

Калита рассудил оставить Москву во владении всех сыновей — пусть каждый год получают по очереди с нее доход. И столицу делить не придется, а братьям теперь уже и вовсе не разойтись. А дальше «сыну большому Семену» — Можайск, Коломну, 16 волостей да из подмосковных сел Копотенское, сельцо Микулинское, село Махаловское да село Напрудское. Сыну Ивану — Звенигород, Кремичну, Рузу и 10 волостей вместе с подмосковным селом Вяземским. Андрею, как младшему, отходили Серпухов с Лопасней, 9 волостей да подмосковные Труфоновское, Коломенское, Ногатинское и Ясиновское. Четырнадцать волостей отходили княгине Олене «с меньшими детми», «село Михайловское на Яузе, Деигунинское и 2 села Коломенский».

На случай татарского нашествия — и о такой беде загодя думать приходилось: «А по моим грехам, ци имуть искать татарове которых волости, а отоимуться (будут захвачены), вам сыном моим, и княгине моя поделите вы ся опять тыми волостми на то место (вместо захваченных)».

Первая духовная грамота великого князя Дмитрия Ивановича

Так и видно в княжеских духовных, что одни князья жен любили больше, другие меньше, одни ценили своих княгинь за кротость, незлобивость, другие отдавали должное воле и уму, верили в их здравый смысл больше, чем в рассудок сыновей. Да и не вели княгини того теремного, скрытого от глаз посторонних образа жизни, как привычно утверждают учебники истории.

Вот и теперь победитель Куликовской битвы знал – жизнь подходила к концу, с ложа болезни ему не встать. А между тем оставалась немалая семья – восьмерых сыновей родила ему княгиня, ждала девятого. Строгий с князьями, жестокий с боярами – недаром будут его называть прямым предшественником Ивана Грозного, – в семье хотел Дмитрий Донской мира, тишины и надежду всю видел не в старшем сыне, которому завещал великокняжеский стол, – в своей княгине: «...А по грехом моим, которого сына моего бог отимет, и княгини моя поделит того оуделом сынов моих. Которому что даст, то тому и есть, а дети мои из воли ее не вымутся...»

Древний повествователь, оставивший рассказ о житии и кончине Дмитрия Донского, все сосчитал: «Поживе лет с своею княгынею Евдокеею 20 лет и 2 лета в целомудрии, прижи (прижил) сыны и дщери и въспита (воспитал) в благочестии; а вотчину свою великое княжение держаше лет 29 к 6 месяць, а всех лет от рожества его 30 и осмь и 5 месяць». Всего-то 38 лет, а если вспомнить, что на них пришлось!

Девяти лет осиротел. Родители ушли один за другим. Сначала отец Иван Иванович, за тихий, незлобивый нрав так и прозванный Кротким. Потом мать. А там и единственный младший брат Иван. Сиротство было тем горшим, что не умел великий князь Иван Кроткий князей в своей воле держать. В междоусобицах о былой силе Москвы стали забывать не то что тверичи, рязанцы, суздальцы, но и куда более слабые муромцы. Не диво, что тогдашний ордынский хан Навруз не колебался: ярлык на великое княжение отдал нижегородско-суздальскому князю Дмитрию-Фоме Константиновичу. Одно счастье, что пошли у татар «замятни». Сами расправились с Наврузом, зато на его место объявились целых два хана. Тот, что за Волгой, – Авдул поддерживал сидевшего во Владимире Дмитрия-Фому. Тот, что в Орде, – Мурат склонился на сторону Москвы. Сумели московские бояре исхитриться – выхлопотать ярлык на великое княжение малолетнему княжичу. То ли в 11 лет, то ли того раньше довелось Дмитрию в первый раз съездить на поклон к хану.

Хорошо, что получил ярлык, того лучше, что остался жив. На великокняжеский престол вступил – «покняжился» во Владимире – 12 лет. Год спустя и Авдул свой ярлык прислал – рассчитал, что в союзе с московским боярством надежней. Только тогда возмутился Мурат и от себя права передал все тому же Дмитрию-Фоме, а тот не замедлил явиться с войском во Владимир.

Снова спорили. Снова бились. И тем опаснее стала та распря для Москвы, что в страшное, отмеченное буранами и суховеями лето 1365 г. от вспыхнувшей в Чертолье (сегодня – район Храма Христа Спасителя) Всехсвятской церкви сторел в одночасье вместе со всем городом и посадами и Кремль. Не

просто дворы с постройками и терема — сколько раз доводилось их ставить заново, — а дубовые кремлевские стены, срубленные всего-навсего 25 лет назад. Москва осталась без защиты да еще с 15-летним князем, слишком молодым и неопытным.

Сильным духом Дмитрий Иванович от рождения был, властным и крутым нравом стал, но вот строптивости не знал. И на этот раз не стал своей воли творить. Держал совет с боярами, с близкими, согласился со словами своего духовного опекуна, мудрого митрополита Алексия.

Сын черниговского боярина Бяконта, Елевферий в юности принял постриг в московском Богоявленском монастыре под именем Алексия. Прославился он ученостью, перевел на славянский язык Новый Завет, побывал и в Царьграде, как назывался будущий Константинополь, где и был поставлен в сан митрополита еще при великом князе Иване Кротком. Дмитрий Иванович при нем родился, при нем вырос. Вот и теперь посоветовал митрополит не тратиться на восстановление деревянной крепости, а возвести белокаменную.

Как пишет летописец, «тое ж зимы князь великий Дмитрей Иванович, погадав с братом своим с князем Володимером Андреевичем и с всеми бояры старейшими и сдумаша ставити город камен Москву, да еже умыслиша (что задумал), то и сотворише, то е ж зимы повезоша камене к городу». А ведь дело было совсем новое. На владими́ро-суздальских землях каменная крепость сооружалась впервые. До того времени пользовались камнем для оборонных сооружений только псковичи и новгородцы. Надо было учиться, и надо было спешить.

Москва оказывается в кольце новых каменных стен, выдвинутых на 60 с лишним метров относительно старых: необходимо было обезопасить разросшийся восточный посад. Возводятся 6 проездных башен и 3 круглые угловые «стрельницы». Красавица крепость поражала воображение и своей мощью, и расчетом форм. Во время реставрационных работ 1934 г. удалось найти в толще более поздних стен небольшие участки старой кладки. Судя по ним, толщина стен XIV в. достигала 2—3 метров. Строители пользовались так называемой техникой забутовки, заливая известковым раствором «рваный» камень, поверх которого велась облицовка хорошо обтесанными и тщательно пригнанными белокаменными блоками. «Городниками» — градостроителями настолько дорожили, что нередко право распоряжаться ими специально оговаривалось в межкняжеских договорах.

И все же действительным чудом была быстрота строительства. Камень находят в 30 километрах по течению Москвы-реки, у села Мячково. Весь необходимый для строительства Кремля запас москвичи сумели доставить по реке по льду и воде. Как долго продолжались работы — у исследователей нет общей точки зрения. Академик М.Н. Тихомиров склонен предполагать, что к полному завершению они пришли через 15 лет.

Для Дмитрия Донского каменный Кремль представлялся не только могучей крепостью, которая могла успешно противостоять набегам Орды или Литвы. Он позволил объединить вокруг Москвы многие удельные княжества. Летописец так и пояснял, что вместе со строительством белокаменного града московский князь начал «и всех князей русских привожате под свою волю,

Строительство Московского Кремля при Дмитрии Донском. Миниатюра из Лицевого летописного свода

а которые не повиновехуся воле его, а на тех нача посегати (наступать)».

Какой же удачей стало, что через год – и снова при участии митрополита – сладилась свадьба московского князя с дочерью князя суздальского, того самого Дмитрия-Фомы Константиновича, который уже дважды отнимал у юного Дмитрия Ивановича великокняжеский стол. Договорились на том, что московские войска помогут суздальскому князю отнять у его младшего брата – Бориса Константиновича Нижний Новгород и сесть там на княжение. И вот под радостный перезвон колоколов вступили в белокаменную Воскресенскую церковь коломенского кремля московский великий князь Дмитрий и суздальская княжна Евдокия.

На браках замирялись, заключали союзы. Расчет был прежде всего. Но была и любовь. Великая. Верная. А вместе с ней забота о супруге, почтение к нему. Древний повествователь мог ограничиться простым перечнем дел Дмитрия Донского, но не «налегла» у него рука обойти плач Евдокии по мужу – как убивалась над ним, что говорила: «Како умре, животе мой драгий, мене едину вдовою оставив? почто аз прежде тебя не умрох (не умерла)? како заиде, свет очию моею? где отходиши, сокровище живота моего? почто не промолвише ко мне? цвете мой прекрасный, что рано уведаеши? винограде многоплодный, уже не подаси плода сердцу моему и сладости душе моей; чему, господине, не воззрише на мя, ни промолвиши ко мне, уже ли мя еси забыл?..»

А жизнь молодых была тревожной и многотрудной. Дмитрий и дальше укреплял Москву – послушался нового совета митрополита Алексия: охватить город и слободы земляным валом от Москвы-реки, близ старого устья Неглинной, где сегодня возведен Храм Христа Спасителя, до Сретенских ворот. Позже поднялись по валу стены Белого города, уступившие место нынешнему Бульварному кольцу.

Между тем литовский князь Ольгерд раз за разом подступал к Москве, приводя с собой и своих союзников – тверичан, пока не нашелся и на него испытанный способ – удалось просватать его дочь за любимого великокняжеского двоюродного брата. Так вошла в московскую княжескую семью Елена Ольгердовна, или, как звал ее муж, серпуховской и боровский князь Владимир Андреевич, – княгиня Олена.

Но далеко не всегда новоявленные родственники хотели помнить о кровных узах. На радость Евдокии в 1374 г. собралась в Москве на крестины ее второго сына – Юрия – вся семья – отец, братья. Тут и напали татары на оставленный Дмитрием-Фомой Константиновичем Нижний Новгород. И хоть отбились и без своего князя от врагов новгородцы, урон все же понесли немалый.

Спустя три года захотел Дмитрий Иванович помочь тестю, прислал против татар своих ополченцев, да сртозейничали русские военачальники. По собственному недосмотру были на реке Пьяне побиты. А родной брат княгини, Иван Дмитриевич, как кинулся на коне, спасаясь от врагов, в Пьяну, так на дне и остался. Пришлось Дмитрию Донскому самому выступить во главе рати и разбить на реке Родне в 1378 г. посланного Мамаем мурзу Бегича. Куликова поля было не миновать. И вот на

него-то, на главную русскую сечу, не выступил отец Евдокии, не захотел ссориться с опустошавшей его земли Ордой. Так в память о Мамаевом побоище родились строки: «Москва, Москва, река быстрая. Чему еси залелеяла мужей наших от нас в землю Половецкую? Можешь ли, господине князь великий Дмитрий Иванович, веслы Днепр исчерпати, а Дон трупы татарскими запрудити? Замкни, государь, Оке реке ворота, чтобы тые поганые татарове и потом к нам не бывали, а нас не квелили (не заставляли плакать) по своих государях, уже бо мужей наших рать прибило...»

150 000 русских ратников, собравшихся в Коломне под предводительством московского князя. 200 000 убитых с обеих сторон за один день гигантской битвы, разыгравшейся в долине Дона, Непрядвы и Красивой Мечи. Семь дней понадобилось русским, чтобы похоронить своих погибших собратьев. И день памяти убиенных в Мамаевом побоище останется в народном быту Дмитриевой, «родительской», субботой, веками сохраняющимся днем поминовения героев ратного поля. Следы побоища угадываются на берегах опоясавших Куликово поле рек. Они сохранились и в Москве, многочисленные, но слишком привычные, чтобы привлекать внимание сегодняшних москвичей.

Улица Солянка — дорога, по которой уходили и возвращались с Куликова поля московские отряды. Церковь Всех Святых на Кулишках — на бывшей Варварской, ныне Славянской площади. Многократно перестраивавшаяся, она сохранила в подzemелье кладку того первого храма, который был заложен Дмитрием Донским в 1380 г. как памятник победы.

Погребение павших воинов. Миниатюра из Линевого летописного свода. XVI в.

«Сказание о Мамаевом побоище». Рукопись. XVII в.

А. Бубнов. Утро
на Куликовом поле.
1943–1947 гг.

Другой памятник, основанный в том же году, — особенно любимый московским князем Высоко-Петровский монастырь, давший дороге, которая вела к нему, название Петровки.

Наконец, в 1386 г. возникает связанный с тем же событием Рождественский монастырь. Основанный матерью героя Куликова поля Владимира Андреевича Храброго, княгиней Марьей Кейстутовной, стал этот монастырь приютом многих матерей и жен погибших на Куликовом поле воинов. «Обителью женской верности и вдовьей печали» назовет его один из современников Пушкина.

Победа была великой — недаром стали для современников и потомков Дмитрий Иванович Донским, а его двоюродный брат Владимир Андреевич тоже Донским, или Храбрым, — да радость недолгой. В 1382 г. на Москву двинулся ставленник Тамерлана — хан Тохтамыш. И снова испугавшийся татар отец княгини Евдокии отпустил с ханом в поход на Москву двух ее братьев — Василия Кирдяпу и Семена. И не была бы взята Тохтамышем Москва, если бы брат Евдокии «обманно» не уговорил москвичей открыть ворота города, обещав им за то полную неприкосновенность. Слова своего Василий не сдержал — Москва была нещадно разграблена. Только и Василий Кирдяпа поплатился за временную дружбу с татарами. Тохтамыш взял его в качестве заложника в Орду и продержал там целых 5 лет.

Так или иначе, пришлось княгине вместе с Дмитрием Ивановичем скрываться в Костроме. Между тем, что ни год, приносила Евдокия князю сыновей. И хотя успела родить последнего за несколько дней до кончины мужа, не вошел княжич Константин в духовную. Неоткуда было уже взять князю сил на составление нового завещания.

Все оставалось на Евдокию Дмитриевну, даже самый страшный вопрос — если, не приведи Господь, не станет в одночасье старшего сына и наследника.

Нашествие Едигея.
Миниатюра из Лицевого
летописного свода

Думал об этом Дмитрий Донской: «...А по грехом моим, отыми бог сына моего, князя Василья, а хто будет под тем сын мои (кто будет из братьев следующим по возрасту), ино тому сыну своему княж Васильев оудел, а того (Василия) оуделом поделит их (остальных) детей моя княгиня...» И снова, как заклятие, отцовские слова: «А вы, дети мои, слушайте своее матери, что кому дасть, то тому и есть...»

Знал Дмитрий Иванович цену своей княгине, недаром увещевал сыновей. Так и вышло. Сама детей поднимала. Сама умуразуму учила, дружбе братней наставляла. Ни один против старшего брата голоса не поднял. Под стягом великого князя все вместе в походы ходили. Всегда скопом держались.

Василий I Дмитриевич, когда пришел его черед умирать, жену с сыном поручил тестю да двум братьям — Андрею и Петру Дмитриевичам. Андрей имел в уделе Можайск, Верею, Медынь, Калугу, Белозерск. Петру достались Дмитров и Углич. Но когда старший брат захотел ему Углич заменить на другие земли, слова не сказал. Ходил по приказу Василия Дмитриевича воевать литовцев и ливонцев — в помощь Новгороду Великому. Во время нападения хана Едигея был оставлен великим князем защищать Москву.

Углич понадобился младшему, Константину, которого Василий I позже наместником своим посылал то в Новгород, то во Псков. Один раз только Константин взбунтовался — не захотел признать власти над собой племянника — сына Василия. О том же долгие годы спорил и второй сын Донского, Юрий, князь звенигородско-галицкий. Но все это много позже смерти матери.

Не потому ли так болела за лад и порядок в семье Евдокия, что знала, как нужны они были всему княжеству Московскому! Вот и плакала, провожая в последний путь мужа: «Осподарь всей земли Русьской был еси, ныне же мертв лежише, ни в кем же не владееши; многия страны примирил еси и многия побе-

ды показал еси, ныне же смертью побежде еси, изменися слава твоя, и зрак лица твоего пременися во нетление; животе мой, како повеселюся с тобою? за многоценныя багряница худыя сия бедныя ризы приемлеши, за красный венец худым сим платом главу покрываеши, за полату красную гроб приемлеши; свете мой светлый, чему помрачился еси?»

Плакала, да не много часу отводилось на вдовьи причитания. По обычаю, хоронили на следующий день после смерти. Так и Дмитрия Ивановича отнесли 20 мая из княжьего терема в Архангельский собор Московского Кремля, чтобы положить рядом с отцом, дедом, всеми предками.

Другие вдовы княгини сразу после похорон думать о монастыре начинали. Евдокия на такую долю согласиться не могла. Что за дела сразу взялась — осудили княгиню. Что через год после смерти мужа свадьбу старшего сына сыграла — тоже в заслугу не поставили. А не могла поступить иначе, так как еще во время поездок по западным землям выбрал Дмитрий Иванович невесту наследнику, само собой разумеется, из расчета, — дочь литовского князя-воителя Витовта. Обо всем договорился, а свадьбы сыграть не сумел. Евдокия опасалась, как бы не расстроилось дело, — значит, нужное, коли великим князем было задумано.

Теперь лишь про себя оставалось повторять слова вдовьего плача: «еще бог услышит молитву твою, помолися о мне, княгине твоей; вкупе жих с тобою, вкупе и умру с тобою, уность (юность) не отъиде от нас, и старость не постиже нас; кому приказывавши мене и дети своя? не много нарадовахся с тобою, за веселие плач и слезы приидоша ми, а за утеху и радость сетование и скорбь яви ми ся: пошто аз преже тебе не умрох, да бых не видела смерти твоя и своя погибели?»

Память мужа — ради нее берется Евдокия и за необычное для княгини дело: решает поставить в Кремле новую белокаменную церковь во имя того праздника, в день которого состоялась Куликовская битва, — Рождества Богородицы. Теперь не так уж просто было с деньгами. Как ни считался с ней сын, а права свои великокняжеские ревниво берег. Все равно изловчилась и место выбрала, всей женской половине великокняжеской семьи особенно дорогое. Велела разобрать старую деревянную церковь Воскрешения Лазаря, под которой, как утверждала легенда, была усыпальница великих княгинь, пока не построили здесь же, в Кремле, в 1386 г. Вознесенский женский монастырь. Новая церковь Рождества Богородицы предназначалась для женской половины великокняжеской семьи, чтобы все княгини и княжны из рода в род молились за свою семью в стенах, которые бы служили памятником великому подвигу ее мужа.

С 1393 до 1396 гг. возводили мастера храм из белых каменных блоков с тонкими швами, двери с перспективными, в тоненьких колонках, порталами, круглые окна с напоминающими раковины оформлениями. И еще — был храм расписан знаменитым иконописцем Феофаном Греком вместе с Симеоном Черным и учениками. Немалую славу принесло Феофану и то, что первым написал вид Москвы в палатах Владимира Андреевича Храброго и даже на стене Архангельского собора. Уж очень красив стал к тому времени стольный град. По словам летописца, «град Москва велик и чуден... кипяще богатством и славою, превзыде же вся грады в Русской земле честию многою».

Так деятельно и успешно занималась Евдокия Дмитриевна мирскими делами, что и этого не простили ей «добрые люди». Поползли по Москве слухи, будто «нечестно» жила великая княгиня в своем вдовстве, будто верности покойному князю не хранила. Да что посторонние люди! «Смутились» даже родные сыновья, пришли к матери за ответом. Тогда княгиня, как повествует историк, раскрыла перед детьми роскошные княжеские одежды и показала им иссохшую, увешанную веригами грудь. По кончине Дмитрия Ивановича втайне приняла Евдокия монашеский обет и свято его соблюдала. Только поставив на ноги самых младших детей, уверившись в царившем в семье мире, отошла от дел, открыто постриглась под именем Ефросиньи. Скончалась княгиня в 1407 г., не дожив до 50 лет.

«...Не слышите ли, господине, бедных моих словес? не смялать (не смягчат ли) ли ти ся моя горкыя слезы? Звери земныя ко ложа своя идуть, и птица небесныя по гнездом летять, ты же, господине, от дому своего не красно отходиши. Кому уподоблюся? остала (потеряла) бо есмь царя; старыя вдовы, теши-те (утешайте) мене, молодыя вдовы, поплачите со мною, вдовия бо беда горчее всех людей...»

Церковь не сочла ее ни праведницей, ни угодницей — не потому ли, что слишком много времени отдавала семейным делам, ими одними жила. Исчез и сооруженный княгиней храм. Его не снесли — использовали как подклет для новой Рождественской кремлевской церкви, а там и просто замуровали. Лишь совсем недавно реставраторы сумели отыскать и восстановить этот древнейший и красивейший памятник нашего Кремля. Правда, он по-прежнему остается недоступным для обыкновенных экскурсантов и даже для телесъемок.

МОСКОВСКИЙ СВЯТИТЕЛЬ

«Ночь. Келья в Чудовом монастыре (1603)» — вспоминается одна из лучших трагедий Пушкина — «Борис Годунов». Спящий чернец Гришка Отрепьев. Отец Пимен, размышляющий над летописью. И последние слова будущего Лжедмитрия:

*Борис, Борис. Все пред тобой трепещет,
Никто тебе не смеет и напомнить
О жребии несчастного младенца, —
А между тем отшельник в темной келье
Здесь на тебя донос ужасный пишет:
И не уйдешь ты от суда мирского,
Как не уйдешь от Божьего суда.*

Сегодня это единственное литературное воспоминание о древнейшем монастыре Москвы, сооруженном за 15 лет до Куликовской битвы, в 1365 г., и разрушенном в 1950-х гг.

Все начиналось с основанной митрополитом Алексием каменной церкви Чуда Архангела Михаила в Хонех («Хоны» означают

Митрополит Алексий
исцеляет царицу Тайдулу.
Клеймо иконы Дионисия
«Алексий митрополит
с житием». Начало XVI в.

погружение.). Было это событие связано с прозрением ослепшей ордынской царицы Тайдулы, которое произошло по молитве митрополита, специально привезенного в Орду. Золотоордынские ханы вообще относились к русскому православному духовенству достаточно почтительно. Освобождали священнослужителей от всяких даней и пошлин, считая «молебниками» — предстоятелями перед Богом за них самих и их семейства.

Во многом из-за святителя Алексия благоволили ко всей русской земле царь Джанибек и его мать, царица Тайдула.

Летописцы запомнили и то необыкновенное обстоятельство, что, когда митрополит Алексий, перед отправлением в Орду, служил в Успенском соборе Кремля молебен, у гроба святого митрополита Петра «се от себя сама загорелся свеча». Чудесная свеча тут же была раздроблена, частью роздана свидетелям чуда, частью вместе со святой водой увезена Алексием в Орду. Эта часть свечи горела во время молебна у Тайдулы, когда, окропленная привезенной святой водой, царица прозрела.

Участок кремлевской земли, где митрополит Алексий заложил первую церковь будущего Чудова-Алексеевского-Архангело-Михайловского монастыря, и был подарен ему благодарной Тайдулой.

Чего только не перевидал за века своей истории митрополичий монастырь. Здесь был насильно пострижен в монахи царь Василий Шуйский, а позднее — дед Петра I по матери, Кирила Полуэктович Нарышкин, жил во иночестве будущий Самозванец и умер в подземелье от голодной смерти патриарх Гермоген. Чудов монастырь слышал самые сокровенные молитвы и молебны венценосцев. Великий князь Василий III Иванович молился «о прижитии чад» так долго, пока не родился его первенец и наследник — будущий Иван Васильевич Грозный. За эту милость положил счастливый отец сделать для мощей святителя Петра золотую, а для мощей митрополита Алексия серебряную раку. Грозный крестил здесь свою дочь царевну Евдокию, сыновей Ивана, которого сам лишил жизни, и Федора Иоанновича. Царь Федор Иоаннович — своего единственного ребенка,

рано умершую дочь Феодосию. Первый из Романовых, царь Михаил Федорович, — всех своих детей, среди них будущего царя Алексея Михайловича. В свою очередь, Алексей Михайлович крестил в Чудовом монастыре своего рано погибшего первенца царевича Дмитрия, позднее — Петра I и его сестру — царевну Наталью Алексеевну, а в XIX в. император Николай I — своего преемника и старшего сына, царя-освободителя Александра II.

В XVI—XVII вв. монастырь стал центром духовного образования — в нем действовала знаменитая Патриаршья школа, среди преподавателей которой были выдающиеся ученые тех лет. Об одном из них, создателе многих словарей, киевском монахе Епифании Славинецком, современники отзывались так: «Муж многоученый, аще кто ни таков во времени сем, не только грамматики и риторики, но и философии и самая феологии (теологии) известный бысть испытатель и искуснейший рассудитель, и опасный протолковник еллинского (греческого), славянского и польского языков». Начало традиции было положено самим митрополитом Алексием: в монастыре хранилась собственноручная рукопись его перевода Нового Завета с греческого на славянский. Она осталась невредимой даже после того, как в 1812 г. монастырь занимали штаб Наполеона и несколько гвардейских наполеоновских полков.

Митрополит Алексей советовал Дмитрию Донскому возвести белокаменный Кремль. Дважды приходил после этого по древней Смоленской дороге осаждать Москву, в 1368 и 1370 гг., литовский князь Ольгерд со своей и с дружественной ему тверской ратью и дважды отступал. Тем не менее, чтобы обеспечить полную безопасность с этой стороны столицы, митрополит советует князю возвести еще одно укрепление. Земляной вал и ров охватывают город полукольцом — от нынешнего Соймоновского проезда рядом с храмом Христа Спасителя до Сретенских ворот. Эта насыпь и сегодня еще просматривается на бульварном кольце, особенно на Гоголевском бульваре.

Соймоновский проезд, Пречистенские (Кропоткинские) ворота — древнее Чертолье. Между впадением в Москву-реку Неглинной и давшего названия Чертолью ручья Чартория поднимался мыс, на котором археологи еще в первой половине прошлого столетия нашли остатки городища и среди множе-

Чудов монастырь
в Московском Кремле.
Разрушен в 1929 г.

Зачатьевский
монастырь

ства предметов быта арабские монеты 862 и 866 гг. Когда-то проходила здесь рядом древняя дорога из Смоленска во Владимир и Суздаль и стояло ближайшее подмосковное село Киевец.

Подтверждая безошибочность своих фортификационных расчетов, митрополит Алексей вблизи Киевца основывает для двух своих сестер женский Алексеевский монастырь: черницам нечего бояться прихода вражеского войска. Отныне дорога чужеземцев к Кремлю от Крымского брода шла через Арбат. Только это не облегчило трагической судьбы обители. Ее первоначальное место, где теперь стоит Зачатьевский монастырь, сохранялось за Алексеевской обителью до венчания Ивана Грозного на царство. В день царского торжества очередной страшный пожар уничтожил за 10 часов весь город, а с ним и Алексеевский монастырь, который сначала был переведен в Кремль, а с 1572 г. в Чертолье. К тому времени здесь уже проходила дорога на Новодевичий монастырь – «к Пречистой Божьей Матери» (отсюда Пречистенка) через Малую и Большую Чертольские улицы, как назывались соответственно Волхонка и Пречистенка. В 1566–1593 гг. на месте Алексеевского земляного вала поднялись стены Белого города, доходившие по берегу Москвы-реки от Соимоновского проезда до Водовзводной башни Кремля.

Оборону Кремля особенно усилила возведенная на углу Соимоновского проезда самая могучая из всех башен Белого города – Алексеевская, или Семиверхая.

Во второй половине XVIII в. обращенная к реке стена Белого города исчезла вместе со своими башнями, под которыми устраивалось народное гулянье. А в 1838 г. в связи с задуманным строительством Храма Христа Спасителя древний монастырь был перенесен, в третий раз, в Красное село, на Верхнюю Красносельскую улицу.

Но и это переселение не обеспечило безопасности обители. Именно через нее, точнее – через знаменитое своими погребениями монастырское кладбище, было трассировано так называемое третье транспортное кольцо столицы.

Дионисий Алексий митрополит, с житием. Икона. Начало XVI в. В отдельных клеймах представлены наиболее значительные события в жизни святителя

В Третьяковской галерее хранится огромный, взятый из Успенского собора Кремля, образ «Алексий митрополит, с житием» — духовного отца и наставника Дмитрия Донского, написанный в начале XVI в. знаменитым мастером Дионисием. Изображение митрополита не несет портретных черт, зато «житие» — 20 окружающих фигуру Алексия сцен многое могут сказать о жизни святителя. И то, как просил Алексий Сергия Радонежского отпустить одного из его учеников — Андроника на игуменство в московский Спасский монастырь. Митрополит основал эту обитель в 1361 г. Она стоит и поныне в Москве под именем Андроньевского монастыря, где находится Музей древнерусской живописи. И как встречал Алексия по возвращении из Орды отец Дмитрия Донского — Иоанн II Иоаннович Кроткий. И как, чувствуя приближение своей кончины, уговаривал Алексий Сергия Радонежского стать митрополитом московским. И как сам готовил себе гробницу в Чудовом монастыре. И как на отпевании стояли у гроба святителя его духовные сыновья — Дмитрий Иванович Донской и Владимир Андреевич Храбрый. И как присутствовал при обретении мощей святителя внук Донского — великий князь Василий II Васильевич Темный, первый поклонившийся нетленным останкам все в том же Чудовом монастыре.

Василий Темный. Портрет из «Титулярника» 1672 г.

НА ВАГАНЬКОВОМ ХОЛМЕ

Земля Занеглименья — Ваганьков холм с нынешним зданием Пашкова дома и Кремль разделяла река Неглинная — она была заселена одной из первых, когда Москве стало тесно в стенах Кремля. Следы XIII столетия — можно ли их считать здесь самыми древними, или археология, если мы когда-нибудь в столице обратимся к ней всерьез, таит в себе новые открытия? Пока приходится ограничиваться тем, что заключено в документах.

В начале XV в. на месте Пашкова дома располагался Елизаров двор по имени крестившегося татарина Елизара Васильевича, сына перешедшего на московскую службу царевича Евангула, сторонника и приспешника великого князя Василия II Васильевича Темного. Только как правильно называть это правление: именем одного внука Дмитрия Донского или еще и матери его Софьи Витовтовны?

Выбранная в невестки самим Дмитрием Донским, дочь литовского князя-воина, Софья Витовтовна искусства дипломатии не знала, властолюбия своего не ограничивала ничем и никогда. Как рванулась она к власти после смерти мужа, как сумела удержать великокняжеский престол для своего малолетнего сына, которому не хотели подчиниться ни родной дядя Юрий Дмитриевич Галицкий, ни его дети — воинственные бунтовщики Юрьевичи!

Надо было добиться в Орде ярлыка на великое княжение — нашла Софья известного своими хитростями боярина Ивана Всеволожского, подкупила обещанием взять за великого князя его дочь, а когда достал боярин заветную грамоту, предпочла

И. Чистяков. Великая княгиня Софья Витовтовна на свадебном шпире

для сына другую невесту — из княжеского рода. На свадьбе же затеяла ссору, залившую Русь кровью междоусобиц, — сорвала с князя Василия Юрьевича Косого некогда принадлежавший Дмитрию Донскому пояс, сочла семейное сокровище собственностью своего сына. Не удавалось годами преодолеть сопротивления Дмитрия Юрьевича по прозвищу Шемяка, нашла и здесь способ — отравленную курицу, которой попотчевал князя подкупленный повар.

Только хватало Софье Витовтовне и настоящего мужества, стойкости, умения переносить любые невзгоды, а с чем не приходилось княгине в жизни сталкиваться. Год за годом возвращалась на московские земли чума, горели от страшной засухи леса и поля, гибли звери, птицы, рыба, бушевал голод, не оставляли в покое татары.

Занеглименье, где располагалось обок Елизарова двора село Ваганьково, оставалось самой опасной загородной землей. Отсюда чаще всего двигались на Кремль вражеские отряды. В 1439 г. изгнанный из Золотой Орды и засевший в Казани хан Уллу-Мухамед подходит к Москве. Решающее сражение разворачивается на окраине Ваганькова и нынешней Арбатской площади. Попытка Василия Темного выступить через несколько лет против казанского хана оказалась неудачной.

Попадает великий князь в плен, освобождается за непомерно большой выкуп, а по возвращении в Москву находит лишь развалины своего кремлевского терема. Город пострадал от жестокого землетрясения — «труса», и Василию Васильевичу пришлось поселиться на Елизаровом дворе. Это было в 1445 г.

Годом позже победу над московским князем одержали его двоюродные братья — Юрьевичи. Василий II был захвачен в Троице-Сергиевом монастыре и ослеплен, 75-летняя Софья Витовтовна сослана в Чухлому.

Только не сломили старую княгиню неудачи. Вскоре вместе со всей своей семьей добирается она до Москвы и за отсутствием сына сама организует защиту столицы от подступившего к ее стенам татарского царевича Мазовши. И не было ли заслуги Софьи Витовтовны в том, что Мазовша предпочел почти сразу уйти, так что приход его к Москве так и остался в истории под названием «скорой татарщины»?

Сына, великого князя, Софья Витовтовна позвала в столицу лишь тогда, когда миновала всякая опасность: жалела Василия да, видно, не слишком и доверяла его воинским способностям. К тому времени Елизаров двор уже составлял ее собственность, и завещала его княгиня своему любимому младшему внуку.

Крутой, неумный нрав Софьи Витовтовны не вносил мира и в ее собственную семью. Почти все свои немалые богатства передает она любимцу в обход старших внуков, и это повод для бесконечных распрей и обид. Может, угадывала старая княгиня в подростке те черты, которых так не хватало Василию Темному, — удачливость в бою и открытый нрав. Это о нем, Юрии Васильевиче Меньшом Дмитровском, напишет летописец, что «татары самого имени его трепетаху». Это он вместе с братом Андреем одержал в 1468 г. полную победу над казанским ханом,

Великий князь Иван III Васильевич (1440–1505 гг.). Миниатюра из «Титулярника» 1672 г.

а спустя 4 года не дал другому хану — Ахмету перейти Оку около Алексина. В духовной Софьи Витовтовны, после перечисления сел, казны, рухляди и двора в Кремле, так и говорилось: «А за городом дала есмь ему Елизаровский двор и со всем, что к нему потягло (относится)».

Но умер Юрий Васильевич Меньшой молодым, женат не был, а в духовной отказал Елизаров двор великому князю: «А что мое место Ваганково да двор на Ваганкове месте, что мя благословила баба моя, великая княгиня, а то место и двор господину моему великому князю», иначе говоря, Ивану III Васильевичу.

Иван III почти на 30 лет переживет младшего брата. При нем у Ваганькова будет уже числиться «Государев двор», обозначившийся для большей точности местоположения — «на Козьей бороде», или броне, как полагают некоторые историки. Былой Елизаров двор занимал место позднейшего Пашкова дома, село Ваганьково — место новых зданий Государственной республиканской библиотеки. Но вот насколько ценилось и ценилось ли вообще оно?

Известно, что Иван III дал волю своему зодчему Алевизу Ламберти де Монтаньяна, долгое время называвшемуся в документах Алевизом Новым, строить не только в Кремле, вокруг которого возводились в то время кирпичные стены, но и в посадах. Фряжский — итальянский мастер при нем и при его сыне Василии III возвел 11 каменных церквей. Была среди них и церковь Благовещения на Ваганькове, одноименную предше-

А. Васнецов. Московский Кремль при Иване III

ственницу которой, по утверждению летописца, разобрали за ветхостью в 1514 г.

Однако в начале прошлого века ученые придерживались иной точки зрения, будто Благовещенская церковь была сооружена семнадцатью годами позже по указу великого князя в честь рождения его первенца Ивана Грозного и освящена в честь Николы с пределом Сергия Радонежского, в котором Василий III хотел видеть покровителя своего сына.

Если подобное утверждение верно, значит, играло Ваганьково в великокняжеской жизни немалую роль. Ведь другая такая благодарственная церковь была возведена Василием III в Коломенском.

Правда, стал тогда называться Ваганьковский переулок не Никольским, а Благовещенским. Только называли его и Воздвиженским от близлежащей церкви и появившегося около нее монастыря, и Шуйским — на углу улицы Воздвиженки находился двор боярина князя Ивана Ивановича Шуйского. Смена названий говорила о стремительно переворачивавшихся страницах истории.

И как тут снова не вспомнить пушкинского «Бориса Годунова», первую сцену трагедии, где хитроумный Василий Шуйский толкует с князем Воротынским о выскочке и убийце Годунове и собственных правах на российский престол. Иван Шуйский — младший брат царя Василия, народом избранного, народом и отрешенного от власти. Это они, три брата — Василий, Дмитрий и Иван, по прозвищу Пуговка, приветствовали приход Самозванца, готовились к его торжественной встрече, а на десятый день прихода в Москву нового самодержца были Лжедмитрием осуждены и начали борьбу против него. Борьба закончилась убийством Самозванца и избранием на престол Василия Шуйского.

Только ничем полезным не отметил своего недолгого правления царь Василий, ни одной победы не одержал поставленный им во главе войска его брат Дмитрий. Зато завидовать и ненавидеть умели оба.

По убеждению современников, оба они причастны к гибели талантливого полководца, молодого их родственника Михаила Скопина-Шуйского, готовившего поход против польского короля Сигизмунда III. Скопин неожиданно для всех умер, побывав на пиру у князя Дмитрия и супруги его Катерины Григорьевны, дочери страшного своими зверствами Малюты Скуратова.

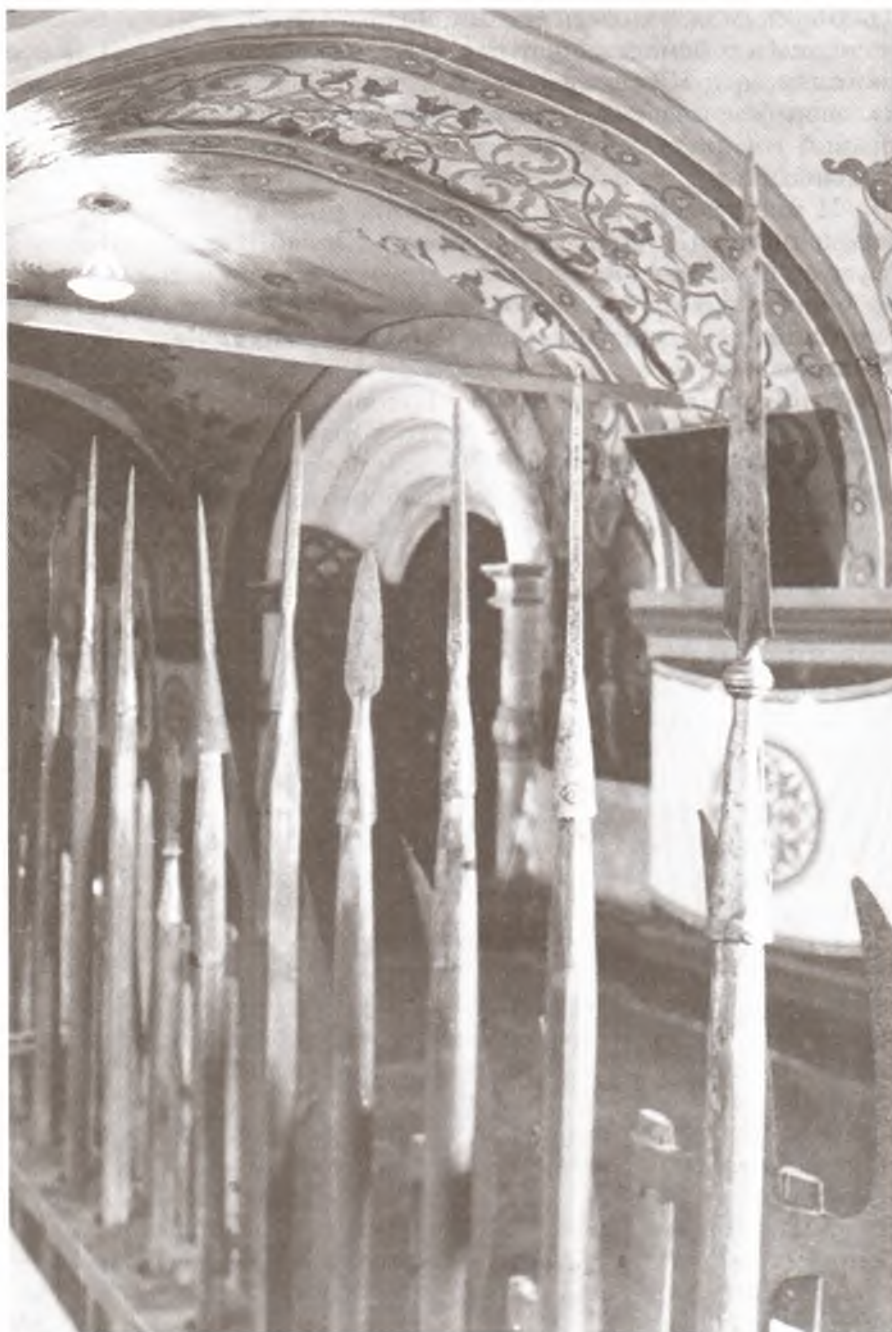
Ворвавшись к царю с толпой, Захар Ляпунов бросит в лицо Василию Шуйскому памятные слова: «Долго ли за тебя будет литься кровь христианская? Земля опустела, ничего доброго не делается в твое правление; сжался над гибелью нашей, положи посох царский, а мы уже о себе промыслим». Так утверждает летописец.

Шуйский не соглашался, медлил, придумывал увертки, пока не пришло решение собравшегося в Замоскворечье — так велик был сход москвичей, что не хватило на привычной Красной площади места, — народа. Русскому избранному царю бояре предпочли польского королевича Владислава. Но начало и конец царствования Шуйского были тоже связаны с Ваганьковым.

Василий Шуйский

В Ваганьковском переулке, у Государева двора, стал во главе отряда ополчения в мае 1606 г. дворянин и воевода Валуев. Он же, когда восстала Москва против Лжедмитрия, вместе с московским дворянином Воейковым двумя выстрелами убил Самозванца. С честью служил Валуев под знаменами Михайлы Скопина, а в 1610 г., вольно или невольно, стал главным виновником разгрома Дмитрия Шуйского, открыв его части польским отрядам. Во всяком случае дальше охотно подчинялся он всем очередным правителям – и королевичу Владиславу, и Михаилу Романову, который предпочел все же отправить Валуева подальше от Москвы – воеводой в Астрахань, где и исчез его след.

Старинное русское
оружие. Кошья. XVII в.

Между тем братья Шуйские с появлением в Москве полков Владислава были увезены в плен в Варшаву. В Старом городе польской столицы, на центральной и красивейшей его улице — Краковском Предместье, и сегодня показывают дворец Шуйских. Василий и Дмитрий в Варшаве умерли. Иван Пуговка вернулся, вошел в доверие к Михаилу Романову и патриарху Филарету, получил в свое ведение Судный приказ, но в 1638 г. умер бездетным, и двор перешел в чужие руки. Вместе с новыми хозяевами забылось и старое название переулка, а в 1680-х гг. соседний Елизаров, или Государев, двор стал собственностью думного дьяка Автонома Иванова.

В отличие от многих своих товарищей по службе, в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона Автоном Иванов удостоился специальной заметки, хотя и по очень сомнительному поводу. Автор заметки счел нужным отметить, что, не обладая никакими особыми заслугами и дарованиями, дьяк сумел нажить невероятное по своим размерам состояние. Похвала тем более ироническая, что наследственных богатств сын московского приходского попа Иванов не имел. Шестнадцать тысяч душ, множество земель и денег были им нажиты за время службы в Поместном — ведавшем поместьями — приказе. Это ли не достойный удивления пример сомнительных махинаций! Только документы вступали в прямое противоречие с подобным выводом.

Еще во времена правления старшей сестры Петра I — царевны Софьи Автоном Иванов начал править Поместным приказом и получил звание думного дьяка. Всем обязанный царевне, он тем не менее не колеблясь подписывает в числе пяти думных дьяков 1 сентября 1689 г. грамоту об отрешении ее от правления. Многоопытный приказный делает ставку на юного Петра.

Боязнь за собственное положение, надежда на дальнейшее продвижение по службе? Может, они и сыграли в поступке Автонома Иванова свою роль. Но не только и не в первую очередь. Иначе настороженный, подозрительно относившийся ко всем деятелям предыдущего правления Петр не поручил бы думному дьяку вести сразу тремя и какими же ответственными приказами — Иноземским, Рейтарским и Пушкарским! Ведь именно от них зависело формирование обновленной русской армии.

Автоном Иванов работает рука об руку с Иваном Григорьевичем Суворовым, дедом великого полководца. И.Г. Суворов был генеральным писарем, иначе — начальником генерального штаба Преображенского и Семеновского полков. А богатствам своим дьяк находит применение вполне в духе петровских времен. В 1705—1706 гг. в Москве формируется из служилых людей и рекрутов «драгунский полк думного дьяка Автонома Ивановича Иванова», вскоре переименованный в Азовский.

Сам дьяк командовать полком не мог — его замещал некий Павлов. Зато все обременительные расходы по обмундированию, вооружению и содержанию солдат лежали на Автономе Иванове. И в том, что полк отлично сражался под Полтавой, хорошо показал себя во время Прутского похода 1711 г., была немалая и высоко оцененная Петром заслуга московского дьяка.

Неудивительно, что разделял доверенный дьяк и вкусы Петра, его тяготение к западноевропейским формам жизни. Мало кто из бояр мог похвастать таким огромным, как ивановский, домом, к тому же выстроенным на новомодный «голландский» манер. Дьячий владения покупает у его сыновей племянница Петра, царевна Прасковья Иоанновна, а в 1734 г. они переходят к возвращенному из березовской ссылки единственному сыну Александра Даниловича Меншикова – Александру так стремительно, что во дворе остается погреб с опечатанным имуществом покойной царевны. В погребе, состоявшем из двух «палаток» – помещений, хранились 12 икон без снятых предварительно окладов, орел двуглавый жестяной вызолоченный с короной, какие обычно помещались на домах членов царской семьи, 1 стол, 1 шкаф, непонятного назначения обитые голубым и зеленым сукном доски, «в мешке пряжи орленой 56 талек», 3 железные двери, затворы, решетки и разная хозяйственная утварь. После составления описи сенатским служителем погреб был снова опечатан и при нем сохранен караул – то ли оберегать царевнино никому не нужное добро, то ли кстати присматривать за «подозрительным» семейством бывшего всемогущего Алексашки Меншикова. Как-никак вернулось оно из ссылки.

В первой половине 1760-х гг. не стало Александра Меншикова, его дети поспешили расстаться с домом, который семье так и не удалось полностью восстановить после страшного московского пожара 1737 г. Вскоре владельцем становится П.Е. Пашков.

Итак, Пашковы. Снова общепринятая версия – несметные богатства, принесенные ростовщицеством и винными откупам, спекуляцией землями и домами. А в действительности? Пашковы – одна из самых заслуженных фамилий среди служилого дворянства XVI–XVII столетий. Родоначальник – Филипп Истома, боярский сын, сторонник Тушинского вора, или Лжедмитрия II, казачий атаман, взятый в 1606 г. в плен под Москвой и верно служивший Василию Шуйскому. Его сын Афанасий – воевода на Мезени, в Енисейской и Новой Даурской земле. Внуки – участники походов в Крым под командованием Василия Голицына.

Петр I благоволил Пашковым и одного из них взял к себе денщиком – дежурным секретарем. Позднее стал вчерашний денщик Егор Пашков и губернатором Астрахани, и членом Военной коллегии. Его-то сын и приобрел былой Елизаров двор. И не только приобрел, но развернул строительство целого дворцового ансамбля. Знаменитый Пашков дом был сооружен в течение 1783–1787 гг.

Подробности – их сохранилось удивительно мало. Понятно, что строительство шло с ошеломляющей быстротой. Известно, что новое здание оказалось меньше старого дома Автонома Иванова. Очевидно, что архитектор использовал старые фундаменты – обычный прием московского строительства. В столице одинаково берегли строительные материалы и ценили труд мастеров. Только кем был автор проекта, документы не говорят. Как ни странно, большинство наиболее любопытных построек Москвы до XIX в. продолжают оставаться безымянными. И хотя сегодня Пашков дом связывается с именем замечательного зодчего В.И. Баженова, это всего лишь предположение, которое

полностью отвергал крупнейший историк русского искусства и архитектуры академик Игорь Грабарь.

Перед Пашковым домом разбивается превосходный сад с фонтанами, беседками, заморскими птицами в изысканных вольерах. Открытый в сторону Моховой улицы, он становится предметом восторгов и неослабевающего внимания москвичей. Но знала Москва и другое. В год окончания строительства дворца П.Е. Пашкову было предъявлено колоссальное взыскание — обязательная выплата в Московскую Казенную палату по винным поставкам государственного налога. Оно не могло полностью разорить Пашкова, но заметно пошатнуло его состояние.

Слов нет, сын петровского денщика отличался редкой предприимчивостью. Петр Егорович срочно пишет завещание в пользу дальнего родственника, А.И. Пашкова, который за это оплачивает долг. Тем самым наследники лишались дома, зато Петр Егорович, разбитый параличом и не оставлявший кресла на колесах, смог дожить жизнь в дорогом его сердце дворце. Только сохранившееся за домом имя Пашковых уже по-настоящему не имело к нему отношения. Новый наследник представлял капиталы своей жены, урожденной Мясниковой, а вместе с тем очередную историю Москвы и России.

Еще в конце XVII в. имел гостинодворец — купец Осип Твердышев лавки в Симбирске, но уже в 1720 г. организовал при прямой поддержке самого Петра I в Москве компанию по усовершенствованию суконного производства. В 1744 г. Осип, его брат Иван и их зять Иван Мясников получают от императрицы Елизаветы Петровны для «розыска медной руды» и строительства заводов башкирские земли на сказочно выгодных основаниях — бесплатно. К концу жизни компаньоны имели 8 заводов и 76 тысяч душ крестьян, доставшихся, за отсутствием прямых наследников, четырем дочерям Мясникова. Одна из них, Дарья Ивановна, приносит свои 2 завода и 19 тысяч душ А.И. Пашкову. Было из чего выплатить начет на старого владельца, купить завещание и продолжать благоустраивать дом.

И все же даже Мясниковские капиталы не могут выдержать испытания 1812 г. Выгоревший Пашков дом остается не восстановленным. Как вспоминала современница, «весь город по сю сторону Москвы-реки был точно как большое черное поле, со множеством церквей, а кругом обгорелые остатки домов; где стоят только печи, где лежит крыша, обрушившаяся вместе с домом; или дом цел, сгорели флигели; в ином месте уцелел один флигель». В ее же рассказах есть упоминание и о Пашкове доме. В 30-х гг. прошлого столетия он все еще стоял пустой, с заколоченными окнами. Сад зарос. Пруды заглохли. Вольеры с птицами опустели, а то и вовсе исчезли. Новая жизнь дома началась только после приобретения его государством для размещения Румянцевского музея. Двор великой московской княгини Софьи Витовтовны стал местом рождения первого московского публичного музея.

Живой памятью о тех далеких годах осталось только недавно восстановленное название переулка за Государственной республиканской библиотекой — Ваганьковский. И проездов около одноименного кладбища. Ваганьково словно раздвоилось. Старое было селением разного рода потешников, от псарей, сокольников, тех, кто разводил боевых петухов — кречетов, до

музыкантов, скоморохов: «ваганить» значило «потешать». К тому же сходились сюда москвичи на кулачные бои, бились стенка на стенку, устраивали гулянья и игрища.

Легенды? Нет, действительно был в Ваганькове Псаренный двор, были музыканты и народные игрища. При Иване Грозном церковный Стоглавый собор осудил звучащие у Ваганькова любимые народом органы — случалось, привозили их сюда по несколько десятков. В мае 1628 г. царь Михаил Федорович запретил местные народные гулянья — «безлепицы». Его отец, патриарх Филарет, и вовсе установил наказание кнутом за кулачные бои и борьбу.

Когда же выяснилось, что угроз и запретов недостаточно, Псаренный двор вместе с псарями, конными и пешими, был переведен в 1631 г. за речку Пресню. По дороге из Москвы, которая и стала называться Ваганьковской (нынешняя улица Красная Пресня), расположились друг за другом «государев новый сад», большая мельница и за вторым мостом Псаренный двор — собственно Новое Ваганьково.

Факты существовали, но никак не решали начинавших возникать вопросов и сомнений. Название первоначального, Старого Ваганькова — не появилось ли оно в действительности много раньше великокняжеских и народных потех: связанное с собственно урочищем? И почему утвердился в нем, как объясняют многие справочники, вологодский оборот «ваганить», незнакомый в других русских уделах, тогда как повсюду были известны ваганы — те, кто жил у притока Северной Двины реки Ваги? Еще в XI в. проникли к ваганам новгородцы. Позже завязались у ваган связи с Москвой, а царь Федор Иоаннович подарил эти земли как дорогой подарок своему любимцу Борису Годунову. Так не память ли о северянах — ваганах осталась жить и в названии московского урочища? Московская земля неохотно раскрывает свои тайны.

ПО СТЕНАМ И БАШНЯМ КРЕМЛЯ

«Град Москва велик и чуден... кипяще богатством и славою, превзыде же вся грады в Русской земле честию многою», — писал летописец после Куликова поля. Какой бы дорогой ценой ни досталась победа на Куликовом поле, как бы скоро после нее Москва ни подверглась новому налету и истреблению со стороны Орды, случилось главное — зародилось чувство общности народной, национальное самосознание. Они-то становятся почвой для блистательного расцвета культуры. Складывается московское летописание, а рядом с ним эпические литературные образы «Сказания о Мамаевом побоище» и «Задонщины». В иконописи выступают такие мастера, как Андрей Рублев, Даниил Черный, Прохор с Городца, в архитектуре — выдающие-

ся строители, почти каждый из которых был причастен к работам в обновлявшемся Кремле.

При великом князе московском Иване III Васильевиче служит Антон Фрязин, точнее — просто Антон, потому что «фрязин» означало по-русски «итальянец». Монетный мастер по профессии, он становится доверенным лицом князя, успешно справляется с множеством самых разнообразных поручений. Особенно успешным оказались его выступления в качестве дипломата. Во многом именно ему Иван III обязан был своей второй женитьбой на наследнице византийских императоров Зое-Софье Палеолог.

Не было за душой у красавицы гречанки ни богатого приданого, ни отеческих владений. Соблазнить московского князя удалось Риму и Ватикану другим — родством с византийским императорским домом, пусть призрачными правами бесприданницы на некогда великий престол. Посланный со специальной миссией в Италию, Антон Фрязин успешно завершает сватовство: принцесса со своей свитой направляется в далекую и загадочную для нее Москву.

Ехала принцесса Зоя обращать мужа и его государство в католическую веру — в Ватикане знали ее крутой нрав. С той же решительностью отмахнулась от всех своих данных на родине обещаний, сама приняла православие — лишь бы стать властительницей московской державы. Была второй женой, «деспинной», как ее называли документы, сумела стать единственной, обожаемой великим князем, необходимой ему в каждую минуту и в каждом деле.

Хлопотала принцесса о строительстве кремлевских соборов, об обновлении Кремля, чтобы сравнялась Москва по благоустройству с итальянскими городами. Способствовал появлению итальянских строителей и Антон Фрязин, впрочем, сначала оказавшийся в тюрьме.

После успешного сватовства Антон приобретает на родине славу удачливого дипломата. Венецианская республика решает воспользоваться его услугами и, осыпав богатейшими подарками, просит доставить в Орду к хану своего посланника. Втайне от московского князя Антон берется за сомнительное поручение, но, в конце концов, вместе с посланником оказывается в московской тюрьме. Оба узника получили свободу только после того, как Иван III отправил собственное посольство в ту же Венецию и установил с ней постоянные дипломатические отношения. Между прочим, привозит Антон Фрязин с собой в Москву своего брата, тоже Антона, который в начале XVI в. «вычинивает» стены Пскова. Именно к этому времени слово «фрязин» получает широкое распространение в русском обиходе.

Фрязино, Фрязево — таких названий в Подмоскovie немало и сегодня. Это память о том, что не только приезжали работать, но и постоянно жили здесь выходцы из Италии, особенно ценимые за свои инженерные знания и строительное искусство. У Ивана III и его соратников вполне определенное представление о том, какой должна быть столица молодого государства, чтобы достойно представлять московского царя.

Между тем белокаменные стены Кремля, возведенные ста годами раньше, обветшали и нуждались в постоянном поновле-

Тайницкая башня

Беклемишевская башня

Благовещенская башня

1-я Безымянная башня

нии, особенно из-за перенасыщенного влагой грунта на берегу окружавшей их Неглинной. Многие успели измениться и в военном деле, в видах и возможностях огнестрельного оружия. Необходима была более совершенная система оборонительных сооружений. В планах перестройки Кремля учитываются все технические новинки – от нового строительного материала, кирпича, до последних открытий европейских инженеров. А поскольку славой лучших среди них пользовались выходцы из Северной Италии, именно они приглашаются в Москву в 1480-х гг. Еще один Антон Фрязин (фамилии зодчего документа не сохранили) и его соотечественник Марко Руффо (в документах он обычно фигурирует также как Фрязин) приступают к работам.

Новый Кремль решено было построить, не разбирая старых стен и значительно отступая от них наружу, снова увеличивая площадь крепости. Если град XII в. занимал около 3 гектаров, теперь его стены охватывают около 28 гектаров и достигают длины 2235 метров – данные, оставшиеся неизменными до наших дней.

Первой на очереди у строителей становится обращенная к Москве-реке южная стена. Именно в 1485 г., когда Ивану III наконец-то удается подчинить власти Москвы ее исконную соперницу Тверь, в Новгородской летописи появляется запись: «Тою же весной 29 мая была заложена на Москве-реке стрельница у Шишковых ворот, а под нею выведен тайник; строил же ее Антон Фрязин...»

Стена, обращенная к самой опасной для города, постоянно грозившей появлением неприятеля, Ордынской дороге, – с ней приходилось особенно спешить. Она закладывается и строится сразу несколькими мастерами. Вслед за центральной – Тайницкой башней сооружаются угловые. В 1487 г. Марко Руффо закладывает угловую со стороны Красной площади – Беклемишевскую, или Москворецкую, башню, а Антон Фрязин переходит к сооружению угловой от устья Неглинной – Свибловой стрельницы, переименованной в 1623 г. в Водовзводную. За 5 лет отстраиваются Благовещенская, Первая и Вторая Безымянные, Петровская башни и соединившие их стены. К 1490 г. южная стена была завершена.

...Отсюда, от Боровицких ворот, кажется, будто стена уступает широкой излучине реки, упруго выгибается, сдерживаемая в своих изломах вертикалями башен. И в ней есть что-то от волны, прихотливо вздымающейся своими башнями-гребешками, похожими и неповторимыми в бесконечном переборе одних и тех же форм – четверики и восьмерики, большие шатры и малые шатрики, цветная чешуя ценинных – черепичных кровель, тронутых золотыми вспышками флюгеров. Но как нет в Кремле двух одинаковых башен, так нет у этих башен и одинаковых судеб. Каждая из них как неповторимая, особенная глава – архитектурного дела, инженерии, Москвы.

О Водовзводной башне Петр I отзывался, что ее «сама натура зело укрепила». Когда-то с наружной стороны около нее работали 3 мельницы и был пруд с лебедями, иначе Лебяжий двор, давший название поныне существующему Лебяжьему переулку. В 1682–1687 гг. неизвестный мастер водовзводного дела, по преданию монах, построил здесь первый каменный мост

через Москву-реку — он так и сохранил название Каменного — вместо существовавших до того времени «живых мостов» из сцепленных между собою плотов.

Мост этот связан с известным событием русской истории — взятием Азова. После прорыва к морским берегам русские войска были здесь встречены первым в нашей истории победным салютом. «Азовскую викторию» праздновала вся Москва. На улицах были расставлены еще не знакомые москвичам огромные живописные панно с аллегорическими изображениями и сценами похода, играли музыканты — Москва издавна увлекалась валторнами, фаготами, гобоями, трубами, исполняли специально сочиненные кантаты певчие.

По словам современника, «на каменном мосту Всехсвятском, на башне, сделана оказа (изображение) Азовского взятия, и их пашам персуны (портреты) написаны живописным письмом, также на холстине левкашено живописным же письмом как что было под Азовом, пред башнею по обе стороны».

Особенной красотой отличалось убранство Водовзводной башни. По приказу Петра она была украшена по ярусам и во всех окнах знаменами разных цветов, между которыми с наступлением темноты зажигались сотни ярко расписанных слюдяных фонарей. Эта иллюминация становится постоянной и повторяется в дальнейшем в связи с каждой «викторией» — победой и каждым праздником.

В момент своего строительства Свиблова стрельница должна была служить только оборонным целям. Подобно Беклемишевской и Тайницкой башням, она имела внутри колодец с питьевой водой на случай «осадного сидения». Перемена названия башни была связана с тем, что в ней устанавливается машина, качавшая воду. С верха башни вода по свинцовым трубам подавалась в особую водоразборную палатку и через нее распределялась для нужд разраставшегося царского хозяйства. Это и был первый московский водопровод. Система представлялась настолько сложной и технически совершенной, что, по заключению иностранных специалистов, вполне стоила тех нескольких бочонков золота, которые были на нее потрачены. Снабжала она водой и местные сады.

Кремлевские сады — у них своя слава, своя долгая и обстоятельная история. Были они большие и малые, грунтовые и «висячие» на сводах построек и галерей. Один из них, на месте нынешнего Тайницкого сада, располагался на каменных сводах и занимал площадь около 2200 квадратных метров. Устройство его было обычным для «висячих» садов. На своды клались спаянные между собой свинцовые доски, выводившиеся корытцем по краям. В образовавшуюся емкость насыпали слоем до 60 сантиметров хорошо просеянную землю, в которую высаживались кусты и даже деревья. В 1702 г. здесь было 130 яблонь трех сортов (налив, скрут и архат), 25 грушевых деревьев «волоских» и «сарских», 8 кустов винограда, 23 куста сереборинника — шиповника красного и белого и 40 кустов смородины. На зиму все посадки плотно закутывались рогожей и войлоком.

В саду даже был выложенный свинцовыми плитками прудик глубиной около метра. В такое устроенное на крыше Запасного кремлевского дворца озерцо вода подавалась из Водонапорной башни, и здесь будущий Петр I впервые катался на «потеш-

2-я Безымянная башня

Петровская башня

Водовзводная башня

ных» лодках — «карбусе» и «ошняке», который имел даже каюту, или «чердак». Они-то и стали предшественниками знаменитого петровского ботика.

Но в том своем первоначальном виде Водовзводная башня не дошла до наших дней. В начале XIX в. из-за ветхости она была до основания разобрана и вновь сложена. В 1812 г. наполеоновские войска взорвали ее вместе с рядом других кремлевских башен. В 1817–1819 гг. Водовзводная башня строится под наблюдением известного московского зодчего О. И. Бове, который использовал в ней ряд деталей, характерных для современной ему архитектуры позднего классицизма: обрамления окон и рустовку — имитацию каменных блоков.

Сооруженная в 1487–1488 гг., соседняя с Водовзводной, Благовещенская башня почти вдвое ниже ее по высоте. Бывшая Свиблова стрельница имеет сейчас, включая звезду, 61,25 метра. Благовещенская — 30,7 метра. Во времена Ивана Грозного она использовалась как государственная тюрьма. Рядом с ней находились хозяйственные — Портомойные ворота, через которые царская прислуга выносила на реку полоскать белье. Ворота эти заложены в 1821 г. при реставрации южной стены, но следы их видны с внутренней стороны и поныне.

Свое название башня получила от находившейся здесь иконы Благовещения и одноименной церкви, пристроенной к башне в начале XVIII в. В дальнейшем она и вовсе превратилась в церковный придел. Бойницы в ее стенах были растесаны до размеров окон. В дозорной вышке устроена колокольня с семью колоколами. Флюгер заменен крестом.

Свой первоначальный вид башня приобрела в 1933 г., когда была разобрана церковь, восстановлены бойницы и флюгер.

Еще более богата история Тайницкой башни, которая заменила собой древние Шишковые ворота белокаменного Кремля — съезд к реке, торговой пристани, к центральной — Соборной площади Кремля.

В изломе кривой, по которой вогнута внутрь Кремля его южная стена, Тайницкая башня заняла место рядом с углом излома. С нее удобно просматривался весь разворот стены от нынешнего Большого Каменного до Москворецкого моста. Кроме потайного хода к реке на случай осады она имела и другой «тайник» — колодец. К тому же Тайницкая башня была проездной — о находившихся в ней воротах напоминает неглубокая арка на фасадной стене. Своим силуэтом башня отмечает со стороны Замоскворечья центр кремлевского ансамбля.

В течение всего последующего столетия Тайницкие ворота вместе со Спасскими и Троицкими оставались главными для Кремля. Поэтому в 1585 г. все они имели городские часы. Уже после Смутного времени, в 1613–1614 гг., документы отмечают, что при Тайницких курантах состоит собственный «часовник» — часовых дел мастер для наблюдения и «бережения».

«Часовники» были, по существу, первыми русскими механизмами, изобретавшими и механизмы, самые разнообразные по назначению, но чаще всего связанные с потребностями сельского хозяйства. Один из таких мастеров, Моисей Терентьев, сделал в 1665 г. долгое время успешно действовавший «молотильный образец» — оригинальное устройство для обмолота зерна с помощью воды. Современники отдавали ему предпочтение

перед системой другого «молотильного образца» — «часовника» Андрея Крика. В 1666 г. Моисей Терентьев получает сразу несколько заданий — сделать три «образца»: «как молотить гирями и колесами без воды», «как воду провести из пруда к виноградному саду» и «как воду выливать из риг гирями ж и колесы». Правда, речь здесь шла об опытном хозяйстве в царском подмосковном селе Измайлове, получившем у историков название «русской сельскохозяйственной академии XVII века», но важно то, что мастер принял заказ и сумел его выполнить.

Насколько распространенным и привычным для Московского государства было это ремесло, можно судить по примеру «часовника» Якова Иванова Кудрина, работавшего в конце XVII в. в Кремле. Крестьянский сын из деревни Бокарицы Архангелогородского уезда, обучался он часовому делу да, кстати, и иконному мастерству не в столице, а у монаха глухой Пертоминской пустыни, а затем «по мастерству своему», как определяют документы, был направлен в Кремль к часовым делам.

Тайнические куранты просуществовали до 1674 г., после чего были разобраны. Однако слишком привычные для москвичей часы появились на башне снова. На этот раз использовали «машину» — механизм, снятый с так называемой Меншиковой башни, иначе церкви Архангела Гавриила при дворе Александра Даниловича Меншикова у Мясницких ворот. По указу 1734 г. куранты были смонтированы на Тайницкой башне, причем к 26 колоколам их «музыкального игrania» было подобрано еще 8 басовых колоколов.

Соображения военной безопасности заставили разместить на более близком расстоянии друг от друга башни Петровскую, Первую и Вторую Безымянные. Они, как воины, подтянулись к тому углу кремлевской стены, откуда открывалась дорога в самые беспокойные и опасные южные степи. Новоспасский монастырь, Симонов монастырь и Коломенское встанут в этом направлении как защитники и неусыпные сторожа столицы. А в судьбе трех кремлевских башен неразрывно сплетутся события истории военной и гражданской.

1547 г. — очередной, перекинувшийся на Кремль московский пожар. Казалось бы, в чем его опасность для каменных защитных сооружений, но в погребах и тайниках всех трех башен запас пороха. Одним за другим следуют страшные взрывы. Современник свидетельствует: «Высоко взлетали на воздух части стен и башен, их осколками был засыпан весь берег Москвы-реки». Россыпь осколков осталась на годы, зато повреждения исчезли с необычайной быстротой.

1612 г. — Петровская башня разрушена выстрелами из пушек польско-шведских частей и снова восстановлена. Собственно Петровской она стала называться только в XVIII в., когда внутри башни была устроена одноименная, перенесенная из упраздненного в Кремле подворья Угрешского монастыря церковь.

В пожаре 1737 г. сгорело покрытие всех кремлевских стен в виде двускатной деревянной кровли. В новых условиях его не представлялось необходимым восстанавливать. Но и в этом обновленном виде южной стене не удалось дожить до наших дней.

В 1770-х гг., в связи с предполагавшимся строительством в Кремле по проекту В.И. Баженова грандиозного дворца, башни

и стена между Беклемишевской и Благовещенской башнями были разобраны. Задуманный ансамбль должен был включить весь кремлевский холм и часть реки. По счастью, с разобранных частей предварительно сняли чертежи, и, когда от баженковского проекта отказались, их стало возможным восстановить. Работы велись под руководством прославленного московского зодчего М. Ф. Казакова. И все же избежать отступлений от первоначального вида стен не удалось. Вторая Безымянная башня лишилась находившегося в ней проезда. Тайницкая потеряла свою отводную стрельницу – соединенную с ней переходом, вынесенную далеко вперед малую башню. В 1862 г. отводная стрельница была все же восстановлена, но снова и окончательно разобрана в 1930 г., когда засыпали и тайник-колодец.

Петровская башня была еще раз повреждена наполеоновской армией и дошла до наших дней в том виде, который придал ей после восстановления архитектор О. М. Бове.

...В волнах зелени, щедро заливающей здесь подошвы стен, в ярком кипении облаков ее порыв ввысь кажется неудержимым. Беклемишевская башня – творение Марко Руффо. Впрочем, не его одного. Если говорить о привычном для нас образе, вписавшемся в силуэт Кремля и панораму Красной площади, он создавался не сразу и не одним зодчим. Могучий и стройный цилиндр башни, редко прорезанный щелями бойниц, венчает легкий, летящий к небу шпиль из сменяющих друг друга многогранников и покрытых цветной черепицей шатров, сооруженный, как и все завершения кремлевских башен, почти век спустя – в 1670-х гг. Свое название башня получила от располагавшегося поблизости двора могущественных бояр Беклемишевых и служила долгое время государственной тюрьмой. Среди ее узников оказался и незадачливый венецианец Треви-зани, которого царский сват Антон Фрязин не сумел препроводить к хану.

Сам боярин Никита Беклемишев был доверенным человеком великого князя Ивана III. По его поручению успешно ездил с посольством к крымскому хану. Сын боярский Иван Никитич унаследовал дипломатические способности отца. В 1490 г. встречал в подмосковном Хынске (нынешние Химки) цесарского посла, двумя годами позже был отправлен к польскому королю. В 1502 г. довелось ему побывать у великокняжеского друга – крымского хана Менгли Гирея.

С приходом к власти Василия III Иоанновича положение Ивана Никитича изменилось. Сын византийской принцессы ни с чьим мнением не считался, возмутился, когда опытный дипломат представил ему свои соображения о делах в Смоленске. За гневным окриком: «Поди, смерд, прочь, ненадобен ты мне» – последовала жестокая опала. В 1523 г. отнят был у Беклемишева родовой кремлевский двор, в 1525 г. полетела его голова у «живого» Москворецкого моста, близ Красной площади, где обычно совершались казни.

В год, когда заканчиваются работы на южной стороне Кремля, в Москве появляется «архитектон» Петр Антонио Солярио – младший представитель семьи талантливых миланских архитекторов и строителей. Его дед, Джованни, прославился постройкой здания Чертозы – монастыря картезианского монашеского ордена в 7 километрах от Милана, которая была задумана милан-

Великий князь
Василий III. Гравюра
из книги С. Герберштейна
«Необычайные
московитские истории».
XVI в.

ским герцогом Джованни Галлеаццо Висконти в 1396 г., и Миланского собора. Отец — участием в строительстве того же собора и сооружением целого ряда превосходных миланских церквей. Внук продолжил работы в Миланском соборе, и герцог Милана написал о нем: «Пьетро Антонио Солярио хорошими способностями и теперь уже пригоден, а впоследствии обещает быть еще более годным».

Убедиться в справедливости своего предположения герцогу не удалось: сорокалетний Солярио-внук принял приглашение поехать в Москву. Известность зодчего так велика, что ему немедленно поручается строительство Боровицкой проездной башни и одновременно всей восточной стены: в течение 3 лет Солярио возводит башни Константино-Еленинскую, Фроловскую (Спасскую), Никольскую, угловую к Неглинной — Собакину и стены «до Неглинны», где появится и Сенатская башня.

Когда-то здесь стояла проездная башня белокаменного Кремля, из ворот которой, по преданию, выехал в 1380 г. во главе московского воинства Дмитрий Донской на Куликово поле. В 1490 г. Солярио заменил ее другой башней — Константино-Еленинской, названной так из-за близости с одноименной церковью. Сегодня на плавно вздымающемся к Красной площади склоне холма она выделяется в ряду других кремлевских башен могучими формами приземистого кирпичного куба да чуть более сложной его надстройкой — характерным для ансамбля Московского Кремля сочетанием четвериков с постепенно уменьшающимися шатрами.

Но вначале Константино-Еленинская башня была проездной. Через ее ворота можно было попасть с подходившей из Китай-города улицы Великой на улицу, проложенную внутри Кремля, у самой южной стены — на Подоле, и ведущую к Боровицким воротам: живая связь Кремля с разраставшимся посадом и торгом. С далеко выдвинутой отводной стрельницей и перекинутым через ров каменным мостом она представляла сложную и совершенную для своего времени фортификационную систему. На наружном ее фасаде сохранились вертикальные прорезы для поднимавших мост деревянных рычагов.

После закрытия в XVII в. проезда башню стали использовать по-иному — в ней разместился так называемый Разбойный приказ, и москвичи называли ее Пытошной. В конце XVIII в. была разобрана отводная стрельница, а в дальнейшем, при планировке ската холма Васильевского спуска, нижняя часть башни засыпана землей, что заметно уменьшило ее высоту.

Для Боровицкой башни Солярио находит совсем иное решение. Ее ступенчатая пирамидальная форма из всех древнерусских башен похожа только на башню Сююмбеки в Казанском кремле. Отводную стрельницу Солярио помещает не перед башней, как то было принято, а сбоку и в ней же располагает проездные ворота. К воротам вел подъемный мост через Неглинную. О нем напоминают сохранившиеся по сторонам ворот отверстия в виде замочных скважин: через них тянулись цепи мощного подъемного механизма. В проезде башенных ворот находятся вертикальные пазы для опускавшейся железной решетки. Мост через Неглинную перестал существовать полтора столетия назад — в 1821 г.

Тайник под Алевиловским рвом близ Никольской башни

Константино-Еленинская башня

Набатная башня

Особое значение для обороны Кремля имела следующая за Константино-Еленинской – Набатная башня. С нее открывался широкий обзор на юг, и находившиеся здесь сторожа постоянно наблюдали за Серпуховской и Коломенской дорогами, откуда обычно появлялись вражеские отряды. Для предупреждения города об опасности сюда был перенесен со Спасской башни набатный колокол – Спасский набат. Он оставался на своем месте дольше всех остальных кремлевских колоколов – «всполохов» – вплоть до второй половины XVIII в., пока не подвергся опале при Екатерине II. Царским указом его лишили языка за то, что сзывал москвичей во время восстания 1771 г., известного под названием «чумного бунта». В 1803 г. колокол сняли вообще.

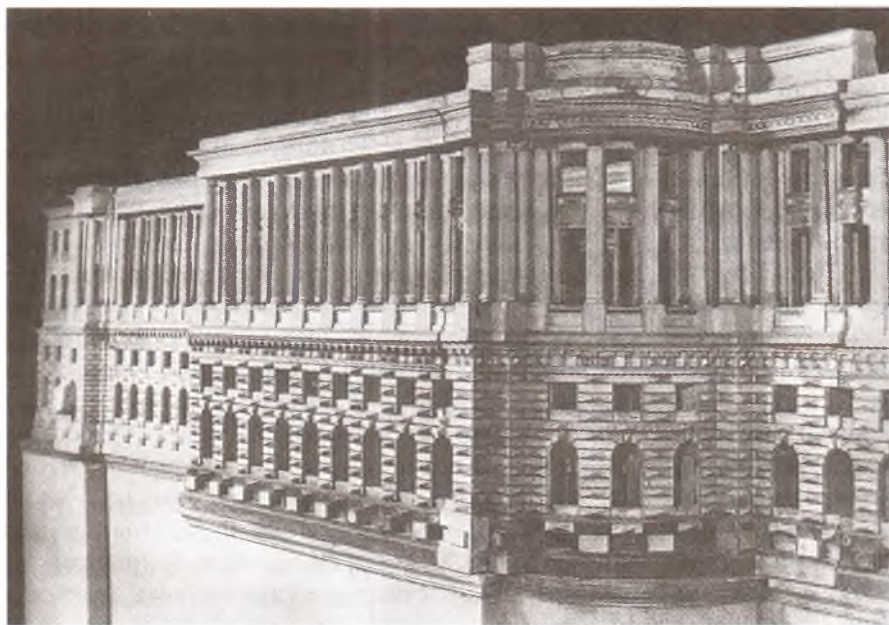
Хранившийся сначала в Арсенале, в настоящее время он находится в Оружейной палате. На краю его можно прочесть надпись: «1714 года июля в 30 день вылит сей набатный колокол из старого набатного ж колокола, который разбился Кремля города к Спасским воротам. Весу в нем 150 пуд (2400 кг). Лил сей колокол мастер Иван Моторин».

Надзору за южной стороной скорее всего служила и Смотровая, или Царская, башня. Свое название она получила от находившейся на ее месте деревянной вышки, которую легенда связывает с Иваном Грозным, будто бы смотревшим отсюда на все происходившее на Красной площади. Нынешний свой вид башня приобрела в 1680 г. Из двух ее ярусов нижний служит для прохода по стене. На верхней же открытой площадке некогда висел набатный колокол.

По мере сооружения восточной стены все яснее вырисовывались сохранившиеся до наших дней очертания Кремля. Строители использовали материал двух родов. Забутовка – основа стены делалась из белого, возможно, взятого из старых стен камня, который заливался раствором извести и песка. В раствор для прочности иногда добавлялась цемянка – битый кирпич. Собственно кирпич шел на облицовку, причем он

Модель Большого Кремлевского дворца. 1769–1772. Фрагменты фасада

очень хорошо обжигался и был крупного размера: 30×14×7 сантиметров. Вес отдельных кирпичей достигал 8 килограммов, откуда пошло его название — двуручный, неподъемный для одной руки.

Размеры стен колебались в зависимости от рельефа местности и оборонного значения отдельных участков. Высота их без зубцов — от 5 до 19 метров, толщина — от 3,5 до 6,5 метра. В свою очередь, высота зубцов — 2–2,5 метра при толщине 64–70 сантиметров.

Первенец фортификационного строительства нового типа в практике московских зодчих, Кремль с его архитектурным обликом и техническими особенностями на долгие десятилетия становится предметом подражания для русских строителей, в каком бы уголке Московского государства им ни приходилось работать.

А. Васнецов.
Всехсвятский мост
и Кремль в конце XVII в.

КРЕМЛЕВСКИЕ СОБОРЫ

Это самая древняя улица Кремля и, конечно же, Москвы. Пусть даже не улица — проулок между тесно сомкнувшимися каменными стенами, но здесь нет стен моложе трехсот лет. Прозрачный, прошитый вспышками света кристалл Дворца съездов. Раскинувшееся вокруг полотнище травы с прорисью тонких берез. Это наш сегодняшний день.

Но если шагнуть в полутень низко пригнувшихся сводов — этим путем когда-то выезжал со своего двора московский патриарх на Соборную площадь Кремля, — а потом свернуть вдоль стен Патриаршего дворца, улица встанет такой, какой была много веков назад. Теплой, солнечной желтизной светятся плиты Успенского собора. Синеватыми тенями переливаются белые стены Патриаршего дворца, легкой прозеленью отсвечивают исхоженные камни мостовой. И где-то далеко в вышине, над каменным ущельем обрывки облаков.

За углом низкие ступени неожиданно выдвинувшегося крыльца перечеркивают проход. Торжественный строй уходящих в толщу стены полуколонок портала словно втягивает в себя улочку, косые лучи солнца, прохожих. Самый древний собор Москвы, самый величественный памятник древнего Московского государства.

Перестройка кремлевских соборов опередила перестройку башен и стен. Успенский собор, сооруженный из белого камня еще в 1326 г., спустя 150 лет пришел, по свидетельству летописца, в полную ветхость и держался подпорками из бревен. Князь Иван III решает построить новый собор. Князя поддерживает митрополит Филарет. Но средств у обоих недостаточно, приходится прибегать к исключительным мерам. Митрополит облагает специальным налогом все монастыри, и церковнослужителей, мирян призывают к добровольным пожертвованиям. Уже спустя несколько месяцев нужные средства удается собрать и объявить, по существовавшему в Москве порядку, торги на строительный подряд. Выигрывал тот, кто предлагал самую низкую цену. На этот раз это были Иван Кривцов и Мышкин, наблюдать же за работой поручалось Ивану Голове и Василию Ермолину. Однако у Ермолина вскоре произошла «пря» — ссора с Головой, и он отстранился от участия в строительстве.

Особенно широких возможностей у строителей собора не было. Поддержанный митрополитом, московский князь хотел видеть в Кремле повторение прославленного и высокочтимого Успенского собора во Владимире, только непременно больших размеров: план нового собора увеличивался по сравнению с владимирским на 3 метра и в длину, и в ширину. Это должен был быть наглядный символ преемственности власти могущественных владими́ро-сузда́льских князей. Расцвет и сила города Владимира относились к домонгольской поре, но и в последующее время великие князья продолжали, по традиции, венчаться на княжение в нем же. Владимир представлялся им прямым наследником Киева, символом единой Руси.

И снова характерный московский прием, вскоре повторившийся при перестройке кремлевских стен: старый собор решено было не разбирать — постройка велась вокруг него. На месте будущего алтаря воздвигли временную деревянную церковку, в которой происходит торжественное венчание Ивана III с византийской принцессой Зоей-Софьей Палеолог. Старые стены разобрали только тогда, когда новые поднялись в рост человека.

К маю 1474 г. собор возведен был до сводов, но неожиданно рухнули вся северная стена, половина западной и опорные столпы. Несомненно, правы эксперты из числа русских строителей, признавшие применявшуюся известь «неклеевитой» —

недостаточно вязкой. Верно и то, что в роковую для собора ночь Москва пережила стихийное бедствие — землетрясение: «трус во граде Москве... и храмы все потрясашася, яко земля поколебатися».

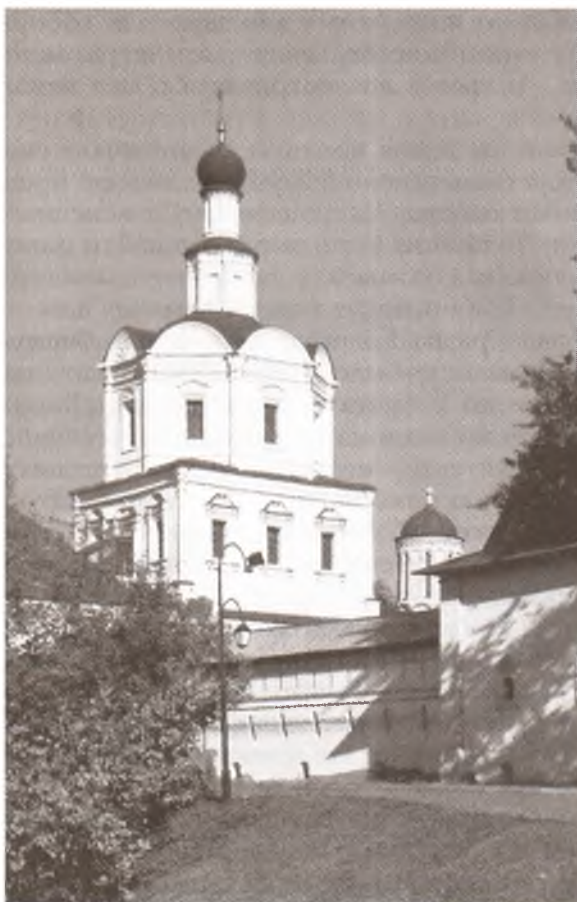
Так или иначе, только эксперты из числа славившихся своим строительным мастерством псковичей уклонились от предложенной им перестройки собора. Направленному к венецианскому дожу послу Семену Толбузину было поручено найти опытного строителя в Италии, как указывали документы, мастера «камнесечной хитрости». Выбор посла пал на широко известного архитектора и инженера из Болоньи Аристотеля Фиораванти. Итальянскому специалисту было предложено жалованье по 10 рублей, или иначе — по 2 фунта серебра в месяц. Таких трат не мог себе позволить ни один из европейских государей, тем более итальянских. Архитектор незамедлительно пускается в путь, захватив сына Андрея и помощника — «паробка Петрушку», как называют его документы. Западноевропейская слава Фиораванти достигла к тому времени своего зенита. В марте 1475 г. он приехал в Москву.

Уроженец Болоньи, сын архитектора Родольфо Фиораванти, Аристотель еще подростком начал помогать отцу в строительстве Палаццо Коммунале. После смерти Родольфо он продолжит работу под руководством своего дяди Бартоломее. Но юношу явно больше всего привлекает собственно строительное дело, искусство инженерии.

Сначала Аристотель помогает прославленному зодчему итальянского Возрождения Альберти в составлении плана перестройки Рима и вместе с ним участвует в раскопках античных памятников. Но, начиная с 1455 г., он совершает ряд настоящих инженерных чудес — передвигает в Болонье колокольню Святого Марка, в городе Ченто выпрямляет покосившуюся колокольню, в Павии восстанавливает арки древнего моста, проектирует и проводит Пармский канал. И это, не считая участия в постройке Госпиталя в Милане, починки и сооружения крепостных зданий в замках Миланского герцогства, наконец, создания проекта и модели Палаццо дель Подеста в Болонье, которое было построено уже после отъезда зодчего в Московское государство. Некоторые историки предполагают, что Фиораванти участвовал в планировке и Московского Кремля.

А на москвичей действительно самое большое впечатление производит инженерный талант Фиораванти, то, как он берется за организацию труда. Аристотель наотрез отказывается использовать сохранившиеся части незадавшейся постройки. По его указанию их разбирают с поразительной быстротой, освобождая место для удобной строительной площадки. «Еже три года делали, во одну неделю и меньше развалили», — записывает летописец.

За Андроньевским монастырем, в Калитникове, Фиораванти организует кирпичный завод и на нем производство нового по форме и очень твердого после обжига кирпича. Архитектор вводит новую рецептуру и технологию производства извести, также отличавшейся исключительной прочностью. Он делает фундамент глубокого заложения, а при возведении стен использует смешанную кладку кирпича и камня. Блоки белого камня вводятся для большей прочности перевязи стены. В предложен-

Спасо-Андроньевский
монастырь

ной Фиораванти системе связи стен вместо деревянных начинают применяться металлические тяги с выводимыми на поверхность анкерами в виде латинской буквы s.

Каждая такая подробность, как и то, что зодчему удалось добиться исключительной тонкости, а следовательно, и легкости кирпичных сводов, выложенных всего в один кирпич, имела для строителей тем большее значение, что Фиораванти не делал из своих приемов секрета. Наоборот – он настойчиво обучает им русских каменщиков.

Строительство Успенского собора отличалось исключительной обстоятельностью и методичностью. С июня до осени 1475 г. закладывается на 4-метровую глубину фундамент. С первыми заморозками работы были прекращены – это правило строго соблюдалось в Московском государстве. Перерыв итальянский архитектор использует для того, чтобы побывать на Белом море, Коле и Соловецких островах. Великий князь считал, что ему достаточно познакомиться с владимирским собором, но Фиораванти рассудил иначе – он хотел понять дух и особенности русской архитектуры.

За строительный сезон следующего года Успенский собор возводится почти до кровли, через год заканчивается вчерне. Еще 2 года заняли купола и внутренняя отделка. Освящение собора состоялось 12 августа 1479 г. «Бысть же та церковь, – отмечают составители Никоновской и Воскресенской летописей, – чудна вельми (очень) величеством и высотой, и светло-

стью, и звонностью, и пространством, такова прежде того не бывала на Руси, опричь (кроме) Владимирския церкви, а мастер Аристотель».

Радость Москвы в день освящения была неопикуемой. Великий князь повелел раздать милостыню на весь город и все близлежащие монастыри. Высшему духовенству и боярам был устроен обед на княжеском дворе, а спустя несколько дней состоялось торжественное перенесение в собор мощей всех московских митрополитов и великого князя Юрия Даниловича. «Земное небо, сияющее, как великое солнце, посреди Русской земли», — отзовется об Успенском соборе выдающийся писатель и церковный деятель тех лет Иосиф Волоцкий.

А в 1481 г., по словам Львовской летописи, архиепископ Ростовский Вассиан заказывает для Успенского собора иконостас — в память освобождения русских земель от татарского ига. Был Вассиан духовником и доверенным лицом великого князя, предотвращал междоусобные распри, мирил Ивана III с его братьями, не уставал в своем призыве объединяться в борьбе с татарами, указывать на пример Дмитрия Донского. Огромную для того времени сумму в 100 рублей платит он знаменитому иконописцу Дионисию, попу Тимофею, Ярцу и Коню за роспись, которая должна была утверждать идею единого и могущественного государства.

Это объединение вокруг Москвы символизировали и привозимые в собор из разных уголков русских земель святыни. Здесь и «Спас» (XI в.) — одна из старейших икон, вывезенная Василием III из Владимира в 1518 г., «Дмитрий Солунский», перенесенный опять-таки из Владимира еще Дмитрием Донским в 1380 г., «Спас Златая Рясa» (XII в.), вывезенная Иваном Грозным в 1570 г. из Новгорода. Успенский собор становился своеобразным музеем и летописью русской иконописи и всего изобразительного искусства.

Успенский собор
Московского Кремля

Успенский собор.
Юго-восточная часть
интерьера

В 1410 г. были привезены из городского собора Суздаля медные, расписанные по черному фону золотом южные двери (XII–XIII вв.). В 1551 г. Иван Грозный заказывает для собора царское место – Мономахов трон. Резные рельефы на панелях его ограждения иллюстрируют легенду о византийском происхождении русских царственных регалий. Царское место приобретает символическое значение, на него возводились русские государи при вступлении на престол. «Я сие место, – отзывался о нем Петр I, – почитаю драгоценнее золотого за его древность, да и потому, что все державные предки... на нем стояли». Царскому месту соответствовало белокаменное место патриарха.

Своеобразный исторический памятник представляет даже большая люстра в среднем нефе – проходе собора. Если все остальные люстры Успенского собора выполнены в XVI в., то эта отлита после Отечественной войны 1812 г. из отнятого казаками у наполеоновских солдат награбленного серебра.

Но посвящать все свое время строительству Успенского собора Аристотель Фиораванти не мог. Великий князь одновре-

менно занимает его «пушечным и колокольным литьем», «денежным делом». С новой артиллерией Аристотель отправляется в походы под Казань, в Тверь и Новгород Великий, где предварительно строит через Волхов, под Городищем, мост на судах, по которому могут пройти московские войска. Он может себе позволить такие длительные отлучки не только потому, что строительный сезон был очень коротким, но и потому что имел «верного» — надежного руководителя строительства, которым оказался Иван Голова.

Известно, что сразу после Куликовской битвы пришел на службу к московскому князю грек Степан Васильевич. Одни называли его князем, другие — владельцем Балаклавы и Мангупы. Во всяком случае располагал «нововыезжий грек» большими средствами и сразу занял при великом князе видное место. Носил Степан Васильевич прозвище Ховра. Его сын — Григорий Степанович Ховра известен был тем, что построил в Симоновом монастыре каменную соборную церковь Успения, одну из самых больших в Москве после кремлевских соборов. Строительство закончилось в 1405 г., и тогда же монастырь стал семейной усыпальницей Ховриных.

Но, несмотря на безусловное мастерство Аристотеля Фиораванти, как и других оказывавшихся в Москве итальянских мастеров, великий князь не собирался отказываться от местных строителей. Псковичей, не пожелавших перестраивать Успенский собор, ждет другой заказ — на возведение Благовещенского собора. Он должен был стать придворной церковью великого князя, поэтому соединялся сенями с его дворцом, стоявшим на месте нынешнего Большого Кремлевского. Отсюда летописное название Благовещенской церкви — «на царских сенях», «на великого князя дворе». Обычно настоятели собора становились духовниками московских государей, как известный протопоп Сильвестр при Иване Грозном или деятельно поддерживавший все начинания молодого Петра I протопоп Петр Васильев.

Выстроен был Благовещенский собор в течение 1484—1489 гг. В первоначальном своем виде он представлял собой по форме куб с тремя главами, поднятый на высокий подклет — цокольный этаж. Со всех сторон его окружала открытая терраса — гульбище. Но в XVI в. гульбище было перекрыто сводами, а в 1563—1566 гг. к имевшимся куполам прибавилось еще два. В ознаменование Полоцкой победы московского войска на сводах гульбища появились четыре одноглавые церковки. Наконец, после 1572 г. собор приобрел со стороны Москвы-реки новое крыльцо. Эта необходимость была вызвана четвертым браком Ивана Грозного. Церковь разрешала только три брака каждому человеку, и поэтому царь лишался права присутствовать на богослужении в церкви. Он должен был выстаивать службу на Грозненском, как его стали называть, крыльце. Между прочим, заботами Ивана Грозного собор приобрел свой необыкновенный желтовато-красный, из агатовидной яшмы, пол. Пол был вывезен царем из собора в Ростове.

Построенный псковичами Благовещенский собор сменил ранее существовавшую на том же месте соименную церковь. По свидетельству летописи, та, древняя, церковь была расписана в 1405 г. мастерами «Феофаном иконником Гречином, да Про-

Благовещенский собор
Московского Кремля

хором старцем с Городца, да чернецом Андреем Рублевым» — первое упоминание имени великого художника. Фрески эти при перестройке погибли, зато сохранились созданные теми же иконописцами иконы в иконостасе.

Все три художника замечательны своим мастерством. Феофан Грек приехал в Москву не позднее 1395 г. уже прославленным иконописцем. До этого ему пришлось работать в Константинополе, Галате, Каффе, Халкидоне. В 1378 г. он расписал церковь Спас Преображения на Ильине в Новгороде. «Философ зело хитрый», по выражению современника, Феофан поражал зрителей не только своей фантазией, бурным темпераментом живописца, но и умением рассуждать об искусстве, разговорами о мастерстве, которые вел во время работы. На одной из современных книжных миниатюр он так и изображен пишущим фреску в окружении толпы людей. Художник и сам владел в совершенстве искусством книжной миниатюры. Влияние его на молодого Андрея Рублева было очень велико.

Конечно, поводы для сооружения в Древней Руси каждого храма были разными, но в Кремле XV в. они отмечают собой события большого государственного значения, становятся своеобразными их памятниками. Небольшой белокаменный куб поднятой на высоком подклете церкви Ризоположения, вплотную придвинувшейся к западному крыльцу Успенского собора, — часть все той же древней кремлевской улочки.

В 1448 г. собор русских епископов, впервые не обращаясь за согласием к константинопольскому патриарху, самостоятельно избирает на свой митрополичий престол рязанского епископа Иону. Это был решающий шаг к полной церковной независимости Московского государства. Иона спешит подтвердить

Церковь Ризоположения

свое новое положение сооружением в Кремле митрополичьих жилых палат, которые считаются первой в Кремле гражданской каменной постройкой. Строительство началось в 1450 г., а годом позже митрополит решает воздвигнуть здесь свою домовую церковь в память чудесного спасения Москвы от так называемой скорой татарщины. Так и осталось неразгаданным, почему внезапно появившийся у московских стен ордынский царевич Мазовша простоял у города всего один день и так же стремительно исчез. Пришлось это событие на день Положения Ризы Пресвятой Богородицы — 2 июля, почему и церковь митрополит освятил как Ризоположенскую. После очередного московского пожара она была выстроена в 1484 г. и в таком виде дошла до наших дней. Строили ее мастера-псковичи. Как и Благовещенский собор, первоначально Ризоположенскую церковь окружало открытое гульбище, от которого спускались к Соборной площади два нарядных схода-лестницы.

Домовая церковь московских митрополитов, а с 1589 г. патриархов, церковь Ризоположения передается патриархом Никоном дворцу — сам он начинает строить для себя новые палаты. Лестницами церковь была соединена с теремами, северное гульбище перекрыто сводом, заново сделаны северный и западный порталы, а главный вход сооружен со стороны Успенского собора.

Но даже такого числа соборов Ивану III кажется мало. Спустя 16 лет после окончания строительства Благовещенского собора он задумывает величественный храм, которому предстояло стать великокняжеской усыпальницей. Только что приехавшему в Москву итальянскому архитектору Алевизу Новому поручается строить Архангельский собор (1505–1508 гг.).

По преданию, на этом месте раньше стояла деревянная церковь Архангела Михаила, сооруженная братом Александра Невского, Михаилом Ярославичем Хоробритом, а при Иване Калите ее заменил в 1333 г. белокаменный собор. Само по себе посвящение Архангелу Михаилу было очень распространено на Руси. Михаил чтился как предводитель «небесного ангельского воинства», помогавшего в праведной борьбе за родную землю. Поэтому и грандиозный пир по случаю завершения нового, алевизовского, храма при Василии III закончился знаменательным пожеланием князю «на супостаты победы и одоления».

Летописи не сохранили никаких подробностей о псковских строителях кремлевских соборов. По существу, ничего не известно и о домосковской биографии Алевиза Нового. Разве только то, что по пути в Москву зодчий был задержан крымским ханом и по его заказу соорудил в 1504 г. великолепный портал дворца в Бахчисарае.

Но по приезду в Москву Алевиз Новый начинает с технологических усовершенствований. Он полностью меняет и значительно расширяет производство кирпича. Введенный им так называемый алевизовский размер (30×7×14 см) был очень удобен в работе и оживил строительство по всей стране. А в архитектурном решении Архангельского собора зодчий находит своеобразное сочетание русских и итальянских черт. Собор сооружается из красного кирпича с белокаменными деталями. В первоначальном виде его окружала с трех сторон открытая арочная галерея. Каждую арочку венчало украшение в виде белокаменной пирамидки, а крыша была покрыта черной черепицей.

Впервые собор был расписан в 1564–1565 гг. Через 100 лет фрески повторили заново по старым прорисям. В работе участвовало несколько десятков художников со всех концов государства под руководством царских жалованных живописцев – Симона Ушакова, Степана Резанца и Федора Зубова. Яркие и сочные по цвету фрески рисуют удивительно полную картину жизни Московского государства. Здесь и многочисленные батальные сцены – память об окончательном разгроме Золотой Орды, и 60 портретов русских князей, которые, охватывая кругом весь храм, словно направляются в торжественном шествии к алтарю. Это как бы история становления Русского государства вплоть до Ивана Грозного, за которым даже константинопольский патриарх признал в 1561 г. титул царя.

Так случилось, что Иван III и в самом деле выстроил себе усыпальницу. Его не стало через 5 месяцев после начала строительства Архангельского собора. Погребение князя в храме состоялось до окончания строительства. А когда собор был возведен до сводов, 3 октября 1508 г., в него перенесли гробы всех великих князей, начиная с Ивана Калиты. Сейчас в нем находится 46 гробниц – не только московских, но и удельных князей, их соратников и сородичей. Некоторые гробницы включают в себе по два-три захоронения. Все погребения находятся под полом. Внутри же собора помещены выполненные в 1636–1637 гг. резные белокаменные надгробия. В 1903 г. их закрыли бронзовыми остекленными футлярами.

Получив первым титул царя, Иван Грозный захотел отметить его и особой царской усыпальницей, для которой было

Архангельский собор
Московского Кремля

выделено место в южном предалтарии за иконостасом. В 1581 г. здесь был похоронен убитый им старший сын — царевич Иван Иванович, спустя три года сам Грозный, а в 1598 г. другой его сын — царь Федор Иоаннович.

В ходе реставрационных работ 1963 г. неглубоко под белокаменным полом XVI в. были раскрыты каменные гробы Грозного в монашеской одежде — перед смертью он успел принять схиму — и обоих его сыновей в длинных льняных рубахах с шитьем. В изголовье у каждого стоял стеклянный сосуд.

В том же приделе — Иоанна Предтечи — находится захоронение героя борьбы с польско-шведской интервенцией, талантливого полководца князя Михайлы Скопина-Шуйского и место могилы Бориса Годунова. Приказом Лжедмитрия останки Годунова были вынуты из погребения (для чего пришлось ломать стену собора), захоронены сначала в Варсонофьевском монастыре, около Лубянской площади, а при царе Василии Шуйском высланы и вовсе в Троице-Сергиеву лавру.

Есть в Архангельском соборе и еще одно интересное захоронение: находящаяся в подвалах могильная плита матери царевича Дмитрия. Последняя, седьмая, жена Ивана Грозного, Мария Нагая прожила полную бурных событий жизнь. Сразу после свадьбы стала «неудобной» мужу — царь Иван Васильевич задумал жениться на английской королеве или по крайней мере ее племяннице. Сосланная после смерти Грозного в Углич, по обвинению в «недосмотре» за убитым сыном, царица Марья была пострижена в монахини и заключена в глухой монастырь. С появлением Лжедмитрия Борис Годунов собирался, но не решился

Вид Соборной площади.
Фрагмент круговой
панорамы XIX в.

использовать опальную царицу для разоблачения Самозванца. Зато в июле 1605 г. Мария Нагая торжественно была привезена в Москву и всенародно признала Самозванца своим сыном. Она так же легко отеклась от Лжедмитрия после его гибели, а годом позже не менее торжественно встречала привезенные из Углича останки царевича. Сегодня единственной памятью о ней осталась плита с надписью: «Преставися (скончалась) раба божия царица Марья Федоровна всея Руси Ивана (супруга)...»

Любопытную достопримечательность Архангельского собора представляют так называемые мерные иконы особого символического смысла. На доске в размер каждого новорожденного царевича писалось изображение святого, в честь которого он получал свое имя при крещении.

Высокие, грузные, под одинаковыми бронзовыми футлярами, тесно заполнившие внутреннее пространство собора, гробницы великокняжеской усыпальницы ничем не разнятся друг от друга. Между тем с каждой связана иная страница истории, события широко известные или те, которые лишь недавно удалось по-настоящему восстановить. Считанные годы назад под полом в сенях Архангельского собора была обнаружена верхняя часть могильной плиты с именем царевича Дмитрия: «убиен бысть (был) благоверны царевич князь Дмитрий Иванович Углицкий государь...»

Известно, что Борис Годунов отрицал факт убийства последнего сына Грозного, вместо которого сам вступил на престол.

Тем более опровергал это своим появлением Лжедмитрий. Поэтому, по всей вероятности, плита относится к недолгому правлению Василия Шуйского, когда в 1606 г. тело царевича с великими почестями было привезено в Москву, выставлено в Архангельском соборе в обитой золотым атласом раке (мощехранительнице), а сам Дмитрий объявлен чудотворцем. Начатое Шуйским продолжили вступившие на престол Романовы. В 1683 г. в соборе над гробницей царевича была сооружена белокаменная резная сень, литая бронзовая решетка и надгробная серебряная доска с изображением Дмитрия, выполненная чеканщиком Гаврилой Евдокимовым «с товарищи» в 1630 г. и в настоящее время хранящаяся в Оружейной палате.

...Раз за разом бесшумно приоткрываются тяжелые двери. Нескончаемые вереницы людей поднимаются по ступеням крылец, задерживаются на пороге, вступают под древние своды. Замедляются шаги, стихают голоса. Густой теплый отсвет старых росписей, созданных руками давно ушедших мастеров, ложится на посерьезневшие лица. Дыхание истории — в кремлевских соборах. Его нельзя не ощутить.

ПОВЕСТЬ О ЖИЛЬЕ

...Вчерашние царские дворцы, а ныне — народные музеи... подобно тому как каждому из нас дороги воспоминания детства и молодости — так и весь народ сохранит эти воспоминания истории минувшей былых годов как что-то дорогое и давно пережитое.

«Воззвание народного комиссариата художественно-исторических имуществ республики». 1918 г.

Своей обширностью она [крепость Кремль] почти как бы напоминает вид города.

С. Герберштейн, посол германского императора. XVI в.

Перестройка кремлевских стен, сооружение новых соборов — казалось бы, текущее строительство. В действительности оно становилось символом. Что бы ни предпринималось на Кремлевском холме — все служило отражением жизни целого государства, перемен в жизни всего русского народа.

1485 г. — начало сооружения кирпичного Кремля. Толпы съехавшихся русских мастеров и итальянских инженеров, чудеса новой технологии и требования менявшихся художественных вкусов. Но ведь именно 1485 г. в определенном смысле завершает собой долголетний и нелегкий путь растворения удельных русских княжеств в Московском государстве. За одно только правление Ивана III соединились с Москвой в 1463 г. Ярославское княжество, в 1472 — Пермь, в 1474 — княжество Ростовское. К 1478 г. окончательно потерял свою независимость Вели-

кий Новгород, отошли к Москве его земли за Волгой и почти одновременно с ними Двинская земля. Постепенно была уничтожена зависимость от Золотой орды. Москве удалось заключить выгодный мир с Литвой, нанести несколько тяжелых ударов Ливонскому ордену. И наконец, в 1485 г. с Московским княжеством соединилась его давняя и грозная соперница – Тверь. И московский митрополит Зосима в 1492 г. впервые обращается к московскому князю – «государь и самодержец всея Руси». Через считанные годы старец Филофей в своем известном послании к Василию III выдвинет идею «Москвы – третьего Рима», единственно правомерной и правомочной наследницы Киевского государства. А спустя полвека, в 1547 г., Иван IV Грозный будет венчаться на царство.

Рост Московского государства не мог не сказаться и на росте Москвы. Строился и перестраивался Кремль, стремительно рос вокруг него и городской посад. Если в начале XV в. он ограничен площадью Китай-города, то в конце того же столетия он включает в себя много слобод. С середины века московские летописи отмечают появление в слободах кирпичных церковных и гражданских зданий. Строятся каменные посадские церкви, вроде Зачатия Анны «что в углу», которая и сегодня рисуется на берегу Москвы-реки, у юго-восточной части гостиницы «Россия». Строитель московского Архангельского собора в Кремле Алевиз Новый будет строить не для одного князя, но и для посадских людей. Памятью о нем останутся в Москве, по свидетельству Львовской летописи, десять посадских церквей.

Город так тесно подступит к Кремлю, что Иван III, из соображений обороны, пожарной безопасности, наконец, чтобы просто открыть вид на Кремль, в 1496 г., по свидетельству Никоновской летописи, «повеле сносить церкви и дворы за Москвою-рекою против города и повеле на тех местах чинити сад». То же распоряжение последовало и в отношении обращенной к Неглинной стороны: все строения на ширину примерно 220 метров от кремлевской стены должны были быть снесены.

Происходившие перемены тем более касались и княжеского быта. Самодержец должен был располагать иным жильем, чем князь. Поэтому почти одновременно со строительством кирпичного Кремля в 1487 г. начинается сооружение нового дворца – так называемой Набережной палаты к западу от Благовещенского собора, а к северу от него – Грановитой палаты. Весной 1499 г. закладываются и другие «палаты каменные и кирпичные, а под ними погреба и ледники», как подробно поясняет летописец. Дворцовое строительство будет расширяться и продолжаться вплоть до времени правления Бориса Годунова.

Большая часть этих строений вошла в сооружения последующих столетий. Запечатленная на чертеже известного московского архитектора XVIII в. Д.В. Ухтомского Набережная палата в середине того же столетия была включена в здание дворца, а при очередной перестройке составила часть юго-восточного угла нынешнего Большого Кремлевского дворца. Упомянутые летописью палаты и погреба послужили основанием для возведенных в XVII в. теремов. Так что из всего ансамбля XV–XVI столетий до наших дней дошла одна Грановитая палата.

Зодчие Марко Руффо и присоединившийся к нему Петр Солярио, под руководством которых велось строительство, находят способ и в новом для Москвы дворцовом типе помещений найти единый сплав черт итальянского Возрождения и русской архитектуры. Грановитая палата (1487—1491) задумана как тронный парадный зал для церемоний государственной важности, празднеств, приемов иностранных послов. Архитекторы используют тип так называемых гридниц, известных еще со времен Киевской Руси. Но скорее всего прямым прообразом их решения послужила только что законченная Василием Ермолиным трапезная Троице-Сергиева монастыря.

Главный фасад Грановитой палаты обращен на Соборную площадь, но с этой стороны нет парадного входа. Строители подчеркивают нижний, цокольный, этаж квадратами белого камня, небольшими заглубленными окнами. На нем поднимаются два верхних этажа (в действительности — два света одного зала), облицованных стесанными на четыре грани камнями, отчего палата и получила свое название.

Первоначально верхние этажи имели небольшие двойные итальянского типа окна, и венчала здание высокая четырехскатная вызолоченная крыша. Парадный вход — Красное крыльцо с торжественными маршами лестниц, на площадках которых стояли каменные изваяния львов, разворачивалось к Москве-реке. Отсюда открывался редкий по красоте вид на Замоскворечье.

После пожара 1682 г. фасад палаты был перестроен зодчим Осипом Старцевым, который, в соответствии со вкусами XVII в., вводит обрамление окон колонками на кронштейнах. По замыслу первых строителей, за крыльцом шли ведущие непосредственно в Грановитую палату Святые сени.

Посетивший Москву в XVII в. антиохийский путешественник Павел Алеппский писал, что «столовые в этой стране, которые называют палатами, бывают четырехугольные. С одним только столбом посередине, будет ли строение из камня или из строганова дерева». Именно эту конструкцию имеет и расположенный на втором этаже здания центральный зал Грановитой палаты, ставший в свою очередь прототипом для многих позднейших по времени русских трапезных. Перекрытый крестовыми сводами, он имеет один опорный столб в центре при общей площади палаты в 495 квадратных метров и высоте, достигающей 9 метров в верхней точке свода.

К моменту своего завершения это был самый большой зал Москвы. Здесь происходят торжественные приемы послов — Московское государство поддерживало дипломатические отношения с Данией, Германией, Венгрией, Венецианской республикой, Турцией, Персией. Иван Грозный отмечает в Грановитой палате взятие Казани (1552). В 1653 г. Земский собор принимает здесь решение о воссоединении Украины с Россией. Петр I празднует в стенах палаты Полтавскую победу (1709) и Ништадтский мир (1721).

Сегодня от первоначального внутреннего вида Грановитой палаты сохранилось немного. Это восстановленная по фрагментам в 1968 г. резьба центрального столба, резной портал, оказавшийся в результате перестроек внутри Святых сеней. Некоторые историки искусства связывают и обрамления окон, и

Грановитая палата.
1487–1491 гг.
Архитекторы Марко
Руффо и Петр Солярио.
Задумана как тронный
парадный зал для
церемоний
государственной
важности, празднеств,
приемов иностранных
послов

самый портал с именем зодчего Алевиза Нового. Два покрытых резьбой вызолоченных портала, обрамляющих в Святых сенях ложные двери, выполнены в 1840-х гг. и представляют повторение древних прототипов.

При сыне Ивана Грозного, царе Федоре Иоанновиче, стены Грановитой палаты были украшены «бытейным» письмом на аллегорические сюжеты, утверждавшие идею незыблемости царской власти. В простенках находились условно-портретные изображения московских князей вплоть до Ивана Грозного, восседающего на престоле царя Федора и стоящего около него Бориса Годунова. Переписанная иконописцами под руководством Симона Ушакова во второй половине XVII в., эта стенопись в начале XVIII в., по-видимому, была забелена, а в 1812 г. и вовсе выгорела.

До наших дней дошли фрески 1881 г., выполненные палехскими мастерами во главе с братьями Белоусовыми. К XIX в. относятся и имитирующие XII столетие люстры. В допетровское время одним из украшений палаты служил, как, впрочем, и во многих боярских домах Москвы, любимый русский инструмент XVII в. — многорегистровый орган. Торжественные застолья обязательно сопровождалось исполнением музыкальных номеров органистами, инструменталистами-духовиками, подчас целыми инструментальными ансамблями и обязательно хором певчих.

Святые сени — невысокое длинное помещение под сводами — также лишилось первоначальной внутренней отделки. Существующая их роспись выполнена на старые сюжеты в 1847 г. художником Ф. Завьяловым. Сделанный над сенями тайник был рассчитан на то, чтобы дать возможность женской половине царской семьи, которой не полагалось присутствовать на

церемониях в Грановитой палате, наблюдать за происходившим.

Дворцом Ивана III, построенным Алевизом Фрязиным, пользовался и следующий московский князь, Василий III, но первому венчанному на царство их преемнику, Ивану IV, старых масштабов становится недостаточно. В 1560 г. возводится по его указу особый двор для царских детей — «на взрубѣ позади Набережные большие палаты» (на запад от Благовещенского собора) — с церковью Сретения, просуществовавшей до конца XVIII в. Почти одновременно на старом дворцовом здании надстраивается еще один кирпичный этаж, в котором разместится обслуживавшая различные потребности дворцового быта Мастерская палата.

На располагавшейся в непосредственной близости к Успенскому собору так называемой Княгининой половине дворца XV в. для царицы Ирины Годуновой, супруги Федора Иоанновича, возводится Царицына, иначе — малая Золотая палата. Предназначенная, подобно Грановитой палате, для наиболее торжественных дворцовых церемоний, связанных с женской половиной царской семьи, второе свое название она получила, по-видимому, из-за золотого фона стенописи.

Занимавшие стены и своды первоначальные фрески 1580-х гг. представляли сцены из жизни прославившихся своей мудростью или добродетелями цариц прошлого. Так, один из сохранившихся фрагментов представляет победу воинов грузинской царицы Динары над персами.

Опять-таки подобно Грановитой, Золотая палата имела вход через сени, получившие название Жилецкой палаты. Здесь располагались несшие придворную службу дворяне-жильцы. О внешнем виде оказавшейся почти со всех сторон застроенной Золотой палаты сегодня можно судить только по небольшой части восточного ее фасада с белокаменными наличниками и частью карниза. Жилецкая палата также сохранила от XVII в. окна и двери с белокаменными наличниками и порталами.

Опустошения, причиненные дворцовым постройкам во время польско-шведской интервенции, были увеличены пожарами 1613 и 1629 гг. Кремль нуждался в самых широких восстановительных работах. Ради них из Голландии выписывается кирпичный мастер Р. Мартыс, который налаживает большой кирпичный завод у Даниловской слободы. Но первый из Романовых, царь Михаил Федорович, не хочет отказываться от традиционного царского дворца. В 1635–1636 гг. на его основе начинают строиться опять-таки для царских детей «зело пречудные палаты», получившие название Теремов или Теремного дворца. В нем остался в виде подклетов дворец Алевиза. Осталось помещение Мастерской палаты, перестроенное и в центральной своей части послужившее основанием для трех новых жилых этажей, выведенных из кирпича.

Работы эти вели каменных дел подмастерья Бажен Огурцов, один из строителей Спасской башни Трефил Шарутин, в начале 1640-х гг. украсивший Москву новым зданием Печатного двора по лицевой линии Никольской улицы, Антип Константинов и Ларион Ушаков.

Казалось бы, связанные уже существовавшей постройкой, ее формами и параметрами, строители, тем не менее, находят

Теремной дворец.
Лестница и сторожевые
львы

совершенно новое и независимое решение, образ удивительно нарядного, праздничного, словно всегда пронизанного красками щедрого лета жилья. Новые этажи возводятся, отступая от старых стен и образуя открытое гульбище. Этот прием повторяется еще раз с верхним этажом, вокруг которого возникает открытый балкон – Верхний каменный двор. В своем силуэте дворец обретает сходство с пирамидой, но не замкнутой в себе, а открывающейся окружающему пространству широкими лестницами и крыльцами.

В своем стремлении к ощущению праздничности, точнее – к характерному для барокко разнообразию форм и цветов, зодчие украшают оконные проемы белокаменными резными наличниками, парапеты гульбищ и лестниц – многоцветными изразцами. Из майолики выполнены и сложные, полного профиля карнизы. Эту богатую игру светотени подчеркивают использованный в оформлении окон мотив двойной арки с подвесной гирькой и заключенные в них узорчатые, некогда слюдяные окошки. Точный и тонкий рисунок объемов дворца нарушается только примкнувшей к верхнему этажу с западной стороны так называемой смотрильной башней, которая была сооружена в 1836 г.

Внутри дворца каждый этаж имел свое особое назначение. Помещение подклета продолжало служить кладовыми и погребами, главным образом для самых разнообразных напитков.

Некоторое время здесь располагались палаты Сытного дворца. Второй этаж в течение XVI–XVII вв. неизменно занимала Мастерская палата. На третьем находились служебные помещения и, как можно предположить, временные покои царицы и царских детей, потому что основным местом пребывания семьи служил деревянный дворец. Деревянное жилье в Москве по-прежнему предпочитали каменному из соображений здоровья и тепла. Здесь же помещалась и маленькая царская банька-мыленка, откуда винтовая лестница вела непосредственно в спальню царя, расположенную, как и все его личные покои, на четвертом этаже.

Личных царских горниц всего несколько — небольших, каждая в три окна, почти одинаковых по размерам и одинаково обращенных на юг. Первыми идут Проходные сени, затем Крестовая палата, или гостиная, где происходило «сидение царя с бояры», дальше Престольная, или кабинет. В Престольной царь выслушивал доклады бояр, выносил решения по спорным делам. Здесь принимались и отдельные решения особой государственной важности, как, например, в 1660 г. об отрешении Никона от патриаршества, для чего в Престольной собрался духовный собор.

Москва хорошо знала среднее окно Престольной. Отсюда на специальном приспособлении спускался к подножию теремов ящик для челобитных на царское имя — «долгий ящик», как называли его в народе: слишком долго и далеко не всегда в пользу справедливых истцов решались подававшиеся жалобы.

За Престольной располагались Опочивальня и крохотная моленная. Строгой анфиладности в расположении горниц нет. Все они перекрыты пологими сомкнутыми сводами с распалубками, которые много позже, в XIX в., были украшены лепными гуртами.

Теремной дворец.
Царская опочивальня

Теремной дворец.
Фрагмент интерьера

С северной стороны к личным горницам примыкают еще меньшие по размерам подсобные помещения и тянется узкий длинный коридор. С ним предание связывает смотрины царских невест. Будто бы здесь их выстраивали для осмотра царем и царь, трижды пройдя мимо девушек, вручал рушник своей избраннице.

Попасть на последний этаж, в Верхний Теремок, можно было прямо из Престольной — через небольшие, примыкающие к ней сени и узкую витую лестницу. Определенного назначения Теремок не имел. Здесь могли решаться государственные дела, могли и просто играть царевичи. Как и царские горницы, Теремок перекрыт коробовым сводом с распалубками над окнами. Единственное его украшение — две большие изразцовые печи. Обстановка — тянувшиеся вдоль двух стен скамьи. Роспись стен относится к 1840-м гг., когда по рисункам Ф. Солнцева было выполнено все внутреннее убранство. Руководство работами осуществлял архитектор Ф.Ф. Рихтер.

Внутренняя отделка Теремного дворца в первоначальном ее виде отличалась разнообразием и богатством цветовых сочетаний: расписные слюдяные оконницы (русская слюда славилась на всю Европу своей чистотой и мало уступавшей стеклу прозрачностью), затянутые алым или зеленым сукном полы, изразчатые печи, расписанные стены и рядом с модной во всей Европе мебелью лавки с яркими полавочниками — покрытыми сукном мягкими тюфячками.

Включенный во внутренний двор Большого Кремлевского дворца Теремной дворец просматривается теперь только частями. Его композицию замыкает с восточной стороны группа дворцовых церквей — их купола видны с Соборной площади, с

запада — церковь Рождества Богородицы, одинокую главку которой можно заметить от Оружейной палаты. Фасады Теремного дворца открываются только из обращенных во внутренний двор окон Большого Кремлевского дворца или от Дворца съездов. И несомненно, самые существенные изменения в положении и внешнем виде Теремов произошли в связи со строительством в XIX в. Большого Кремлевского дворца.

С южной стороны Теремов к ним примыкала простиравшаяся до Грановитой палаты Боярская площадка — ее занял Владимирский зал. С середины Боярской площадки шла лестница на Верхоспасскую площадку, иначе — Переднее Золотое крыльцо, перекрытое в 1670 г. Золотой решеткой. Согласно преданию, решетка эта сделана из медных денег, изъятых из обращения после Медного бунта. В действительности же она выкована из железа, расписана и вызолочена. Переднее крыльцо было перекрыто потолком и вошло в состав внутренних дворцовых помещений.

Многие части ансамбля Теремного дворца имеют свою самостоятельную историю, но едва ли не самой сложной оказалась история церкви Рождества Богородицы — одной из древнейших построек Кремля и Москвы. В XIV в., как уже говорилось, место это занимала деревянная церковь Лазаря. Деревянный храм в 1393 г. уступил место белокаменному, переименованному во имя Рождества Богородицы, роспись которого, по свидетельству летописи, была поручена Феофану Греку «с товарищи». Однако новому зданию не посчастливилось. В конце XV в. церковь сгорела, а спустя несколько лет рухнули ее своды.

В 1514 г. Алевиз Фрязин получил распоряжение князя заняться перестройкой. Архитектор превратил белокаменную часть в подклет, с тем чтобы на уровне жилых помещений дворца вывести новый храм из кирпича. Эта часть была целиком перестроена в 1680-х гг. В ходе строительства Большого Кремлевского дворца в XIX в. замурованный подклет обнаружили и в переоборудованном его интерьере открыли, или, точнее, возобновили церковь Лазаря. В советские годы реставраторам удалось восстановить ныне существующие фрагменты белокаменной части: стены, круглые окна, двери с характерными перспективными порталами.

Группа домовых церквей восточной части Теремного дворца включает четыре церкви — Распятскую, Воскресения Словущего, Екатерины и Верхоспасский собор, иначе Спас «что наверху» или Спас «за Золотой решеткой». В 1635–1636 гг. строители Теремного дворца Б. Огурцов, Т. Шарутин, А. Константинов и Л. Ушаков одновременно с дворцом возводят Верхоспасский собор с приделом Иоанна Белгородского, точнее — надстраивают его над Золотой Царицыной палатой, на уровне Переднего каменного двора. Собор предназначался стать домовою церковью мужской части царской семьи. В 1663 г. Никита Шарутин пристроил к нему трапезную. В соборе сохранились фрагменты росписей 1670 г., две круглые муравленные печи конца XVII в. Резной иконостас с его закрытой на два яруса чеканным серебряным окладом средней частью относится ко второй половине XVIII в. Из находящихся в церкви икон особенно интересны работы царских жалованных иконописцев Леонтия Степанова и Сергея Костромитина (местная икона «Спас Нерукотворный

с житийными клеймами») и Федора Зубова («Лонгин сотник» и «Федор Стратилат»).

Выстроенная английским зодчим Джоном Талером церковь Екатерины служила домовою церковью для женской половины царской семьи. В конце XVII в. она оказалась со всех сторон застроенной, а в середине XIX столетия был полностью переделан ее интерьер.

В 1680–1681 гг. над обеими этими церквями сооружаются церкви второго яруса: над приделом Иоанна Белгородского – церковь Воскресения Словущего, над церковью Екатерины – Распятская. Первая сохранила от XVII в. резной деревянный иконостас, резное ограждение хоров, от XVI в. – резную же липовую дверь, ведущую с хоров в Распятскую церковь. Висящая в ней серебряная люстра с часами – подарок шведского короля Карла XI царю Алексею Михайловичу.

Небольшая и скромная по отделке Распятская церковь вместе с примыкающей к ней темной молельней, где установлено резное распятие 1687 г., имеет единственный в своем роде ансамбль «тафтяных картин». Они выполнены в аппликативной технике (художник писал только лицо и руки, фон и одежды выклеивались из разных тканей) Иваном Безминым, Богданом Салтановым и Василием Познанским. В ансамбль входили помещенный за резным большим Распятием Деисус и фланкирующие его в виде двух самостоятельных композиций фигуры Богоматери и Иоанна Богослова, кроме того, на северной стене – «Положение во гроб» и «Вознесение», на южной – «Страшный суд», «Вознесение» и Богоматерь.

«Смотрительная башенка»
Теремного дворца

«Опочивальня»
Теремного дворца

С дворцовым ансамблем непосредственно был связан и Потешный дворец. Расположенный у кремлевской стены, между Троицкой, Комендантской и Конюшенной башнями, в первоначальном своем виде он представлял собой жилые каменные боярские палаты. Его владельцем, начиная с 1651 г., был отец первой жены царя Алексея Михайловича, родной дед царевны Софьи, И.Д. Милославский. С его смертью палаты отошли в казну, а в 70-х гг. того же века стали использоваться для всяческого рода придворных музыкальных и театральных увеселений — «потех», чем и объясняется его название. Старший брат Петра I, Федор Алексеевич, в 1679 г. значительно расширяет дворец, пристраивая к нему жилые хоромы для царевен-сестер, соединявшиеся с дворцом перекинутым через улицу переходом.

Новые хоромы были особенно примечательны богатейшими стенными росписями. В работе над ними участвовало 47 живописцев и живописных учеников под руководством И.Б. Салтанова. Для каждого помещения характер и содержание росписи определялись вкусами владельца. Но всегда это сюжетные многофигурные сцены, дополнявшиеся в виде обрамления орнаментальными мотивами. Такие же сюжеты использовались для живописи на потолке — «подволоки».

В одной из комнат царевны Софьи композиция росписи стен была, например, такой: «На восточной стороне от северной страны царь Давыд. На другой стороне царь Соломон. В том же окне на своде образ пресвятыя Богородицы, а ниже того образа херувим. На другом окне на одной стороне царь Константин, в другой стороне великий князь Володимер. В том же окне на своде образ Знамения пресвятыя Богородицы, а ниже того херувим. Меж окон как жила Богородица во церкви Соломонове. Над дверьми шпренги и со стороны дверей столбцы расписаны по золоту». У другой царевны на стенах были представлены все царствовавшие и царствующие члены ее семьи вплоть до маленького Петра и царевны Софьи.

Собственно в Потешном дворце помещалась церковь с алтарем на выносных, нависающих над улицей арках византийского типа. Над трапезной церкви была возведена кубообразная звонница на четырех пилонах, сохранившаяся и поныне. В 1806 г. дворец подвергся коренной перестройке по проекту И.В. Еготова, переделавшего его под дом коменданта города. Вместе с упразднением церкви были сняты выведенные на крышу главки, а дворец получил псевдоготический декор фасада.

При следующей перестройке в 1874–1875 гг. по проекту архитектора Н.А. Шохина готический декор исчез, но оказались разобранными и великолепные Львиные ворота, находившиеся при въезде в парадный двор, — с тремя висячими арками и подвешенными к ним резными белокаменными масками львов. Н.А. Шохин предложил новый стилизованный декор в духе русского XVII в. — покрытый мелкой декоративной резьбой портал главного входа и разработанные таким же образом наличники окон.

В настоящее время о первоначальном виде дворца можно судить по северному и южному фасадам, причем со стороны последнего сохранилось парадное крыльцо с рундуком на кувшинообразных колонках, ведущее непосредственно на второй этаж, галерея-балкон и резные оконные наличники.

Возникший в результате достроек ансамбль дворцовых церквей привел к изменению и фасадной части Теремного дворца. В 1681 г. церкви были подведены под одну крышу. С восточной стороны Верхоспасского собора выводится на широких пилонах арка и закрытая галерея, по которой мог совершаться крестный ход. Каменных дел подмастерье Осип Старцев проектирует единый карниз с майоликовым фризом. На крыше устанавливается 11 глав, барабаны которых также обильно украшаются цветной майоликой. Рисунки для фриза, украшений барабанов и прорези редких по красоте ажурных крестов глав принадлежали известному резчику старцу Ипполиту. До этого он работал на строительстве монастыря в Новом Иерусалиме, задуманном некогда патриархом Никоном как патриаршая резиденция.

Отношение власти княжеской к власти церковной в различные периоды московской истории складывалось по-разному, и это неизменно находило отражение в строительстве на Кремлевском холме. Для Ивана Калиты особое значение имело то, что митрополит — олицетворение церковной власти на русских землях — решает обосноваться в Москве. Поэтому митрополиты получают для своего двора почетное место у северо-западного угла Успенского собора. В 1354 г. на митрополичьем престоле оказывается и вовсе москвич — Алексей. В 1448 г. Москва полностью обособилась от византийской церкви, и митрополит Иона стал ставленником собора русских епископов. Это событие большого политического значения отмечается сооружением в 1450 г. первых каменных митрополичьих палат. В 1626 г. митрополичьи палаты сгорели. Каждый очередной патриарх возводит на их месте собственные покои, разбирая до основания покои предшественника. Наконец, огромное строительство развертывает Никон. В течение 1653–1656 гг. сооружается занимавший часть территории дворца Бориса Годунова Патриарший дом. Его строителями были Давыд Охлебинин, Антипа Константинов, А. Макеев.

Огромный белокаменный куб словно замыкает перспективу Соборной площади. Жилые покои переходят в слитую с ними пятиглавую церковь Двенадцати апостолов, поднятую могучими арками над проездами в былой внутренний служебный двор. Здесь патриархи отправляли повседневную церковную службу все дни, кроме праздников. Внутри дворец состоит из палат и келий, связанных между собой, согласно принятому в древнерусском зодчестве принципу, сенями и внутрискладскими переходами. Традиционным было и распределение этажей: на первом — служебные помещения, на втором — парадные покои и церковь, на третьем — личные покои патриарха и его маленькая, собственно домовая церковь — Апостола Филиппа.

Почти одинаковой высоты с Успенским собором, увенчанная таким же, как собор, пятиглавием, церковь Двенадцати апостолов (первоначально она была посвящена памяти одного апостола — Филиппа) вызвала сильнейшие нарекания на гордыню Никона и его нескрываемое желание поставить свою власть выше власти царской, за что ему и пришлось в конце концов поплатиться потерей патриаршего престола. Южный, обращенный к Соборной площади фасад церкви решается по аналогии с примыкающим к нему фасадом собственно Патриарших палат. Аркатурный пояс на тонких колонках делит стену на этажи. Северный, в прошлом дворовый, фасад расчленен по высоте простыми тягами. Внутренние стены здания отмечены вертикальными рустованными лопатками. Окна обработаны характерными для XVII в. кокошниками. Советские реставраторы восстановили в их первоначальном виде северное крыльцо и проемы окон.

В 1680—1681 гг. в церкви Двенадцати апостолов были произведены значительные переделки — настлан пол из «угольчатого» муравленого кирпича, поновлена роспись стен, установлен резной иконостас (находящийся в настоящее время в церкви иконостас перенесен сюда из собора кремлевского, ныне снесенного Воскресенского монастыря). В 1691 г. над третьим этажом палат возводится Петровская палата, а между ней и закомарами закладывается характерный для кремлевского обихода тех лет «верховой» сад, уничтоженный впоследствии пожаром.

В настоящем своем виде покои Патриарших палат могут дать лишь самое общее представление о характере жилых помещений XVII в., отличавшихся, по свидетельству современников, исключительной роскошью. Павел Алеппский оставил описание новоселья здесь Никона, на котором присутствовали и царь Алексей Михайлович, и антиохийский патриарх Макарий: «Зал [Крестовая палата] поражает своей необыкновенной величиной, длиной и шириной; особенно удивителен ее обширный свод без подпор посередине. По периметру палаты сделаны ступеньки, и пол в ней вышел наподобие бассейна, которому недостает только воды. Она выстлана чудесными разноцветными изразцами. Огромные окна ее выходят на собор, в них вставлены оконницы из чудесной слюды, убранные разными цветами, как будто настоящими... Словом, это здание поражает ум удивлением, так что может быть нет подобного ему в царском дворце...»

Остальные, сравнительно небольшие по размерам покои были обставлены мебелью общеевропейского образца, отдель-

ные предметы которой вошли в нынешнюю музейную экспозицию. Но несомненно, наибольший интерес представляла именно Крестовая палата, предназначавшаяся, подобно Грановитой, для торжественных церемоний, приемов высоких гостей, церковных соборов.

Обращенный к Успенскому собору фасад Крестовой палаты еще носит следы громадного портала, некогда оформлявшего один из ее входов — парадной лестницы, выходившей на резное белокаменное крыльцо. Толщина стен достигает 2,35 метра. Вытянутая в плане (14×20 метров), Крестовая палата перекрыта сомкнутым сводом с распалубками.

Высокая и просторная, палата казалась особенно нарядной из-за многокрасочных расписанных слюдяных окон. «Расписанные красками по слюде окончины» — своеобразная интерпретация западноевропейских витражей и живописи на стекле — пользовались в Москве второй половины XVII в. особым успехом. Роспись по слюде и стеклу сочеталась с использованием цветных стекол, вставлявшихся в различных комбинациях в окна и в специальные наборные потолки. И.Б. Салтанов расписывал, например, оконницы в хорах маленького царевича Петра. Отапливалось громадное помещение палаты горячим воздухом, подававшимся из размещенных в подклетном этаже печей, — система, сохраняющаяся и в первых московских публичных театрах: рассчитанной на 400 мест Комедиинной хоромине (1701–1702) и даже в выстроенном В. Растрелли театре на Красной площади у Никольских ворот на 3 тысячи мест (1731–1732).

После смерти в 1701 г. патриарха Адриана Петр I не дал согласия на поставление нового патриарха. В 1721 г. последовал указ об учреждении Синода, в ведение которого и поступает Патриарший кремлевский дворец. В течение XVIII–XIX вв. здание неоднократно перестраивается в соответствии с потребностями работавшего в нем Синодального управления. В 1763 г. в Крестовой палате устанавливается печь для варения необходимого при совершении наиболее важных церковных обрядов благовонного масла — миро. Над печью сооружается деревянная резная сень, а самая палата получает название Мироваренная. В этом своем виде Крестовая палата и дошла до наших дней.

Сегодня Патриаршим палатам и церкви Двенадцати апостолов возвращен их первоначальный вид, которого они лишились во времена Николая I. Проездные арки были превращены в сараи для фуража, входы заложены кирпичной кладкой.

К концу XVII в. дворцовые строения Кремля захватывают значительную часть холма — от Благовещенского собора до Боровицких ворот. Они составляли живописное, разнородное и все равно единое целое — город в городе, оставлявший неизгладимое впечатление красочностью, разнообразием форм, связью с перспективой Москвы, которую он по-своему завершал.

ЧЕРТЕЖ ЗЕМЛИ МОСКОВСКОЙ

...Дарова ему [Ивану Грозному] бог дву мастеров русских по реклу Посника и Барму и была премудри и удобни таковому чудному делу.

Летопись – о строителях собора Василия Блаженного

[Чтоб] велела к нашему государству пропускати из своего государства и из иных государств без задержания, да и мастеров ратных и рукодельных каменного дела и городовых мастеров, которые города делают...

*Царь Федор Иоаннович – английской королеве
Елизавете I. 1584*

Города Московской земли были разные, но в чем-то схожие между собой. Общим для многих было решение городского центра, окончательно сложившееся и разработанное в Московском Кремле. Из XIV и XV столетий оно перейдет отдельными чертами в планировку городов XVIII и даже XIX вв.

Главный собор с крупным, ясно читающимся силуэтом. Около него, с юго-восточной стороны, вертикаль колокольни или выполнявшей те же функции церкви, с юго-запада – княжеский дворец. Его обращенная к собору часть была рассчитана на церемонии, официальные торжества и имела непременно красное крыльцо. Соответственно южные ворота собора становились княжескими, западные – митрополичьими, поскольку рядом располагался двор церковного владыки.

Площадь перед собором оказывалась главной в городе, становилась центром городской общественной жизни. От соборной площади к городским воротам расходились улицы, как радиально расходились они и в Кремле, переходя за его стенами в главные дороги. За стенами у городских ворот располагался торг, в Москве – Красная площадь с ее торговыми рядами. Впрочем, по сравнению с торгами других городов значение московской Красной площади стало совсем особым.

Уже во второй половине XVI в. с ней во многом связывается общественная жизнь столицы. Недаром Иван Грозный ознаменовывает взятие Казани строительством именно здесь деревянного храма Покрова с приделами во имя тех святых, на чьи дни памяти пришлось наиболее значительные события Казанского похода. В 1555–1560 гг. деревянный храм заменяет каменная церковь Посника и Бармы – собор Покрова «на рву», или, в народном обиходе, – Василий Блаженный (по имени достроенного в 1588 г. придела), ставший еще одним своеобразным символом Москвы.

В 1595 г. здесь же предпринимается не менее масштабное строительство – каменных торговых рядов. По словам «Временника», «в лето 7103 [1595] на Москве в Китае заложены лавки в рядах каменные и совершены в 7104 году». Быстрота строительства никогда не была в Москве чем-то необыкновенным.

Чувство города – трудно иначе определить тот точный расчет, с которым зодчие вносят поправки в уже существующий комплекс сооружений или дополняют его новыми. Появление около Успенского собора других кремлевских соборов приводит

к смещению первоначально задуманного центра, и в 1505–1508 гг. вместо построенной еще при Иване Калите церкви Иоанна Лествичника возводится итальянским архитектором Боном Фрязиным новая «колокольница». Благодаря необычной для тех лет высоте ее – около 60 метров – ансамбль кремлевских построек получал и свое завершение, и вместе с тем превосходную сторожевую башню с обзором на многие десятки километров.

Судя по так называемому «Петрову плану» Москвы конца XVI в., «колокольница» состояла из двух восьмигранных ярусов с аркадами для колоколов и завершалась круглым барабаном с куполом на нем. В 1532 г. строитель стен Китай-города итальянский архитектор Петрок Малый достраивает к «колокольнице» четырехъярусную звонницу по типу новгородских для гигантских по весу и размерам колоколов главных кремлевских соборов. Закончена звонница уже русскими мастерами в 1543 г. Внутри нее расположилась церковь Рождества Христова «иже под колоколы». Образовавшаяся группа построек замкнула перспективу Соборной площади с востока и отделила ее от соседней – Ивановской площади.

В отношении причин очередной надстройки «колокольницы» в 1600 г. мнения историков расходятся. Одни считают, что это решение Бориса Годунова было вызвано усиленным ростом города, когда только увеличенная колокольня могла по-прежнему царить над ним, возникая, как описывали современники, перед путниками за десять с лишним верст до Москвы. Для других исследователей – это одно из проявлений развитой Годуновым строительной деятельности, которая должна была

Освящение храма
Покрова митрополитом
Макарием в присутствии
царя Ивана IV Грозного.
Из Лицевого свода

Покровский собор.
Рисунок XIX в.

популяризировать начинавшуюся с Бориса новую царскую династию. Несомненно и то, что царю важно было занять работой массы разоренных посадских людей и собравшихся в Москве беглых со всех концов страны.

Задуманный Борисом Годуновым грандиозный храм, подобный церкви Вознесения в Иерусалиме, должен был стать центром Кремля, и, чтобы освободить необходимое для него место, царь готов был пожертвовать даже Успенским собором. Началась заготовка строительных материалов, была выполнена модель, и не исключено, что высота «колокольницы» устанавливалась относительно размеров будущего собора. Во всяком случае, под куполом ее осталась выведенная золотом на медных листах знаменательная надпись: «Изволением святыя Троицы повелением великого господаря царя и великого князя Бориса Федоровича всея Русии самодержца и сына его благоверного великого господаря царевича князя Федора Борисовича всея Русии сии храм совершен и позлащен во второе лето господарства их 108 [1600]».

По предположению некоторых исследователей, автором последней надстройки стал Федор Конь — строитель знаменитого Смоленского кремля и девятикилометровых стен московского Белого города с их 27 башнями и 10 проездными воротами (находившихся на линии современного Бульварного кольца столицы).

Надстройка была завершена сильно вытянутым барабаном и главой, которую образовали железные стропила, покрытые крепленными на винтах золочеными медными листами. Семиметровый крест, венчающий купол, сделан из дерева, обитого золоченой листовой медью.

Неслыханная высота столпа — 81 метр — дала колокольне имя Ивана Великого (в первом ее ярусе осталась церковь во

имя Иоанна Лествичника), а современникам позволила обвинить Бориса Годунова в превзошедшей все человеческие понятия гордыне: «...на самой верхней главе церковной, которая была выше всех других церквей, к прежней высоте которой он, равняясь с нею гордостью, сделал в начале своего царствования большое прибавление и верх которой позолотил, — она и теперь, блестя, существует и всеми видима, превосходя своею высотой другие храмы, на вызолоченных досках золотыми буквами он обозначил свое имя, положив его как некое чудо на подставке, чтобы всякий мог смотря прочесть крупные буквы, как будто имея их у себя на руках».

Но чем бы ни руководствовался Борис Годунов в строительстве Ивана Великого, в последующее время появляется тенденция сохранить за столпом исключительность его размеров. Царь Михаил Федорович издает указ, запрещающий возводить церкви, превосходящие по высоте Ивана Великого.

Столп Ивана Великого демонстрировал и блестящую для своего времени строительную технику. Он выстроен из кирпича с применением деталей из белого камня. Белый камень использован и в цоколе, и в достигающем десятиметровой глубины пирамидообразном фундаменте. Стены имеют в первом ярусе толщину 5 метров, во втором — 2,5, а в годуновской надстройке — 0,9 метра. Соответственно лестница в первом ярусе находится в толще стены, во втором проходит по центру (винтовая), а в третьем — по внутреннему периметру стены. По всей высоте в кладку введены для прочности переплетающиеся железные связи.

В 1624 г. группа Ивана Великого была дополнена по заказу патриарха Филарета примкнувшей к звоннице Петрока Малого Филаретовской пристройкой. Возведенная Баженом Огурцовым, она во втором и третьем ярусах использовалась как патриаршая ризница.

Есть немалые противоречия в сообщениях современников об окраске Ивана Великого. Один из опричников Грозного утверждал, что столп был красным кирпичным, однако обследование, проведенное еще во второй половине XVIII в. московскими зодчими Петром Никитиным и Иваном Мичуриным, этого не подтвердило. По их заключению, Иван Великий всегда был побеленным.

В 1812 г. отступавшие французские части делают попытку уничтожить колокольню. При взрыве были разрушены Филаретовская пристройка и звонница Петрока Малого, но самый столп Ивана Великого устоял, дав единственную трещину в круглом барабане. В 1814–1815 гг. вся его группа была восстановлена по проектам архитекторов И. Еготова и Л. Руска под наблюдением И. Жилярди-отца, причем во внешний декор ансамбля были введены характерные для классицизма детали.

И еще одна страница в истории Ивана Великого. В канун Октября здесь размещалась патриаршая библиотека.

Сияющее в небе чело Ивана Великого — образ, рождающийся у Рылеева. Часовой в белой одежде и золотой шапке, представленный Борисом Годуновым сторожить покой Кремля, — так видится он Герцену. Для Полежаева это сказочный великан Бриарей, спорящий с громами. И вот сегодняшний день Ивана Великого.

Вид Кремля и колокольни
Ивана Великого с
противоположного берега
Москвы-реки

...Это не улица — замоскворецкий проулок между кирпичной громадой растянувшегося на квартал казарменного дома и притиснувшегося к нему двухэтажного особняка. После широкого разлива площади, неожиданно быстро затянувшейся густым садом, — поди узнай бывшее Болото с крутыми желтыми булыжниками и щепотками упрямо пробивавшейся щетинистой травы! — сюда сразу не попасть. И, разве заблудившись или заглядевшись на парящий высоко в небе росчерк кремлевских башен, можно свернуть в неприметный проезд. Свернуть и — застыть.

В узком кадре темных стен стремительный взлет Ивана Великого, каким его не увидишь ниоткуда и никогда — легкого, неудержимо уносящегося к своему просвеченному золотом куполу. И каждый шаг к невидимой за встающими парапетами реке — шаг его горделивого роста. У самого вылета на набережную белокаменный столп встанет самым стройным, самым торжественным, таким, каким он казался в годы голода и волнений предсмертного времени людям, которые его строили. И уже ни открывшиеся в стороне кремлевские соборы, ни башни, ни пестрота мажорных Василия Блаженного не могут это звучание ни снизить, ни приглушить. Иван Великий... В народной памяти не церковь, давшая первоначальное название, но все те Иваны, которыми собиралась и утверждалась московская земля, — любимейшее, самое родное русское имя. И еще — могучий голос Москвы.

Колокола — они были неотъемлемой частью народной жизни в беде, торжестве, радости. Они оповещали о происходившем, кручинились, погибали и возрождались вновь. Сегодня ансамбль Ивана Великого располагает 21 колоколом, каждый со своей биографией. Большой, иначе Успенский, Праздничный, называвшийся одно время и Царь-колоколом, перелит в 1817—1819 гг. литейщиком Яковом Завьяловым и петербургского арсенала пушечным мастером Русиновым. Перелит он был из своего предшественника, отлитого в 1760 г. мастером К.С. Слизовым. После переливки вес его увеличился с 58 165 килограммов до 65 320 килограммов.

Второй колокол — Реут — одного из лучших в истории русского литейного дела мастеров Андрея Чохова. Отлитый по указу царя Михаила Федоровича в 1622 г., он всегда отличался редкой красотой звучания, которая сохранилась, несмотря на все пережитые колоколом перипетии. Во время взрыва Филаретовской пристройки в 1812 г. он потерял свои так называемые «уши», которые пришлось заново приделывать. В 1855 г. во время звона Реут упал, пробив несколько сводов. Поставленный на прежнее место, оставался в действии еще на протяжении 30 лет. Его вес составляет 32 760 килограммов. Вседневный, или Семисотый, колокол (13 071 килограмм) выполнен в 1704 г. мастером Иваном Моториным.

Восемнадцать колоколов продолжают оставаться на самой колокольне Ивана Великого. Шесть из них находятся в первом ярусе: Слободский (5062 килограмма), перелитый в 1641 г. из старого Слободского, Широкий (4914 килограммов) работы Василия и Якова Леонтьевых (1679 г.), Ростовский (3276 килограммов), отлитый в 1687 г. для Белогостинского монастыря под Ростовом, Новгородский (6880 килограммов), отлитый первоначально в 1556 г. для Софийского собора в Новгороде, он был перелит в 1730 г. в Москве по указу императрицы Анны Иоанновны. Два самых больших колокола — Медведь и Лебедь — были перелиты в 1775 г. Основой первого послужил колокол, отлитый в 1501 г. мастером Иваном Алексеевым. Вес Медведя 7273 килограмма. Весящий 7371 килограмм Лебедь перелит с сохранением старой формы и надписи. Своим названием он обязан звуку, который в представлении современников напоминал лебединый крик.

Все колокола среднего яруса более древнего происхождения. Это отлитый в Москве в 1679 г. колокол Новый (в прошлом Успенский), имеющий вес 3276 килограммов, Глухой (1638 килограммов, 1621 г.), Даниловский, отлитый в 1678 г. мастером из Переславля-Залесского, Немчин (3112 килограммов), Безымянный (2457 килограммов), второй Безымянный (1071 килограмм) мастера Филата Андреева (конец XVII в.), Марьинский (1668 г.) и самый маленький и самый древний — Корсунский, перелитый мастером Нестером Ивановым в 1554 г. из старого Корсунского колокола.

В верхнем ярусе колокольни всего три колокола, отличающихся по сплаву, из которого они отлиты. Во всех них есть значительная примесь серебра, сообщавшая звуку особенную чистоту, мелодичность и звонкость. Таковы два зазвонных корсунских колокола весом 156 и 123 килограмма и отлитый Ф.И. Шереметевым в 1620 г. для села Новгородни Шереметевский колокол.

Эту редчайшую коллекцию произведений искусства русских литейщиков своеобразно дополняют размещенные у основания Ивана Великого Царь-колокол и Царь-пушка.

История Царь-колокола — ее надо начинать с очень давних времен как удивительно полное воплощение лучших традиций развития национального литейного мастерства. В 1599 г. по приказу Бориса Годунова были отлиты два грандиозных колокола, предназначенных один для Кремля, другой для Троице-Сергиева монастыря. По восторженному свидетельству современников, «подобной величины колоколов и такой красоты нельзя

найти в другом царстве во всем мире». Звучали они только в большие праздники и во время особо торжественных, государственного значения церемоний, вроде приема иностранных послов.

Оставленный в Кремле Годуновский колокол требовал 24 звонарей. Как записал приезжавший в Москву Адам Олеарий, «для звона употребляются двадцать четыре человека и даже более, они стоят на площади внизу и, ухватившись за небольшие веревки, привязанные к двум длинным канатам, висящим по обеим сторонам колокольни, звонят таким образом все вместе, то с одной стороны, то с другой стороны».

В один из кремлевских пожаров Годуновский колокол рухнул и разбился. В 1651 г. царь Алексей Михайлович задумывает отливку значительно большего колокола: вместо 33 тонн 600 килограммов было решено увеличить его вес до 128 тонн. Попытка найти для решения подобной технической задачи иностранных специалистов, в частности в Нюрнберге, оказалась бесплодной. Заказ был передан мастерам Пушкарского приказа, кстати сказать, возникшего еще в XV в. и с тех пор занимавшегося отливкой как орудий, так и колоколов. Руководил работами мастер Емельян Данилов, и в 1654 г. новый колокол уже приветствовал с колокольни русские войска, возвращавшиеся из Польского похода. Звук его разносился, по утверждению современников, за семь верст.

Искусство Емельяна Данилова было оценено так высоко, что Алексей Михайлович собирался наградить мастера пятью сотнями крестьянских семей. Литейщик от подобной платы отказался. В том же 1654 г. он умер от моровой язвы. А вскоре разбился от слишком сильного удара и самый колокол.

На этот раз за возрождение Годуновского колокола берется совсем молодой литейщик Александр Григорьев и заканчивает отливку за 10 месяцев. О размерах колокола позволяет судить размер его языка, который по длине составлял полтора человеческих роста и весил около 4 тонн. Звонил ли григорьевский колокол и как долго, сказать трудно. Рисунок в альбоме иностранного путешественника А. Мейерберга показывает, что в 1661 г. Успенский, как его стали называть, колокол лежал на земле. Скорее всего, предназначенная для него пристройка не выдержала огромной тяжести, и колокол рухнул, не потерпев, впрочем, никаких повреждений. Подъем осуществили только в 1674 г. при помощи механизма оригинальной конструкции, созданной Иваном Кузьминым, — в альбоме путешественника Э. Пальмквиста была запечатлена эта необычная сцена, — и до 1701 г. Успенский колокол находился в действии, пока очередной пожар не привел к его гибели.

К забытому колоколу обращается в 1730 г. императрица Анна Иоанновна. Подобно певцам и актерам, которых она выписывает из Италии и Франции, Анна Иоанновна и здесь начинает с французского королевского механика, которому предлагается отливка колокола. Лишь после того как французский мастер объявил предложенную ему задачу невыполнимой, заказ был передан артиллерийского ведомства колокольному мастеру Ивану Моторину. Для исполнения чеканных рельефов к нему были прикомандированы мастера «пьедестального дела» скульпторы Василий Кобылев, Петр Галкин, Петр Кохтев и

Петр Серебряков. Начатая в 1733 г. работа по отливке несколько раз прерывалась из-за технических трудностей, так что в конце концов ее осуществил в 1735 г. сын умершего Ивана Моторина — Михаил Иванович. Вес нового колокола достиг 201 924 килограммов при высоте 6,14 метра и диаметре 6,6 метра. В состав сплава вошли медь, олово, примесь серы, около 72 килограммов золота и около 525 килограммов серебра.

И снова остается невыясненным, был ли Царь-колокол по окончании работ поднят из литейной ямы (отливался он тут же, в Кремле) и повешен на особых подмостках или так и оставался в ней. Скорее всего последнее. Во всяком случае, во время страшного Троицкого пожара в 1737 г. он находился в земле. С загоревшихся над литейной ямой лесов на него начали падать горящие бревна. Попытки тушить их, заливая водой, привели к неравномерному охлаждению металла, отчего от колокола отломился кусок весом 11,5 тонны. Это решило судьбу Царь-колокола на долгие десятилетия. Он был оставлен в яме, которая стала предметом осмотра любопытных. Яму расчистили и в нее сделали удобный спуск.

Только в середине 30-х гг. XIX века встал вопрос о подъеме Царь-колокола. Эта операция была рассчитана и проведена строителем Исаакиевского собора в Петербурге О. Монферраном. В 1836 г. колокол подняли на поверхность земли, подъем длился всего 42 минуты 33 секунды. Вскоре он был установлен на специальный восьмигранный постамент у подножия Ивана Великого.

В общей сложности Царь-колокол пробыл под землей 101 год и 7 месяцев. Неоднократно поднимался вопрос о его реставрации. Однако помимо исключительной дороговизны спайки после ее проведения трудно предположить, чтобы не произошло изменения звука, который и составляет главную ценность в любом русском колоколе. К тому же нет и звонницы, на которую бы реставрированный колокол можно было поднять.

Сегодня их соседство кажется живым и понятным — самая высокая колокольня Москвы, самый большой русский колокол и самое большое орудие своих лет, давно ставшие неотъемлемой принадлежностью столицы:

*Кто Царь-колокол подымет?
Кто Царь-пушку повернет?
Шляпы кто, гордец, не снимет
У святых в Кремле ворот?*

Царь-пушка отлита в Москве в 1586 г. литейщиком колокола Реута Андреем Чоховым, который, проработав больше 50 лет в своем деле, изготовил около 1600 орудий, не считая колоколов. Это было в определенном смысле завершение одной из интереснейших страниц русской военной техники. Огнестрельные орудия появились в русской армии еще в XIV в. По свидетельству летописи, в 1408 г. хан Едигей не решился на осаду и приступ Москвы прежде всего из-за ее артиллерии, хотя сам располагал многочисленным войском. Артиллерия решает при Иване Грозном победу русской армии под Казанью. Как писал Андрей Курбский, «Иоанн под Казанью имел одних великих дел и средних до 150, из которых самое меньшее было в полторы сажени, не считая дел огненных, ими же вверх стреляют, кро-

ме того, было множество полевых пушек, стоявших около царских шатров». В 1547 г. пушкарки были введены в состав стрелецких полков, но жили они в мирное время в особых — пушкарских слободах.

Имя Андрея Чохова появляется в документах еще во времена Ивана Грозного, начиная с 1568 г. Его пушки составляют вооружение русских войск во всех походах Ивана Грозного, и в том числе в Ливонию, отличаясь грандиозными размерами и превосходной техникой выполнения. Но даже среди чоховских орудий Царь-пушка представляет исключение. Весом 40 тонн, она имеет ствол длиной 5,34 метра с калибром у дульного среза 890 миллиметров. Толщина стенок ствола в дульной части составляет 15 сантиметров, в пороховой камере — 40. При таких размерах Царь-пушка лафета не имела. Она устанавливалась на станке с заданным углом подвышения. Такие гигантские размеры стали поводом для споров среди историков о том, использовалась ли Царь-пушка в деле или имела чисто декоративное назначение.

Действительно, участвовать в боевых действиях Царь-пушке не пришлось. Тем не менее трудно предположить, чтобы в условиях постоянной угрозы со стороны татарских войск Московское государство могло тратить драгоценное сырье и силы мастеров на какие-либо иные цели, кроме оборонных. Есть основания считать, что при подходе к Москве в 1591 г. войск хана Казы-Гирея Царь-пушка была подготовлена к участию в боевых действиях и установлена в Китай-городе для защиты главных кремлевских ворот и переправы через Москву-реку. Перетаскивали ее при этом тем же способом, как и с места ее изготовления, Пушкарского двора, на толстых бревнах — катках. Кстати сказать, первоначальное название гигантского орудия было «Дробовик Российский», поскольку рассчитывалась пушка на стрельбу картечью, иначе дробом.

Имя Царь-пушки связано с помещенным на ней изображением царя Федора Иоанновича в воинском уборе на коне. Над изображением помещена надпись «Божиею милостию царь и великий князь Федор Иванович Государь и самодержец всея великия Росия». Текст другой надписи: «Повелением благоверного и христолюбивого царя и великого князя Федора Ивановича государя самодержца всея великия Росия. При его благочестивой и христолюбивой царице великой княгине Ирине. Слита бысть сия пушка в преименитом царствующем граде Москве лета 7094 (1586). Делал пушку пушечной литец Ондрей Чохов».

Помещенная на Красной площади, Царь-пушка оставалась там вплоть до строительства в Кремле здания Арсенала. В 1825 г., как свидетельствуют о том московские путеводители, она находится уже в арсенальском дворе. Начиная с 1835 г. пушка стояла у старого здания Оружейной палаты, снесенного в 1960 г. в связи со строительством Дворца съездов. 14 февраля 1960 г. она была перемещена к подножию Ивана Великого.

...После неустояющей сутолоки Соборной площади с вечно спешащими толпами туристов, экскурсантов, забежавших взглянуть на новые выставки фондов москвичей, после шелканья фотоаппаратов, треска кинокамер, разноязычного возбужденного говора — все ли увидели, ничего не пропустили? — после не-

терпеливых очередей у Царь-пушки — сняться около нее надо, кажется, всем, — все здесь замирает непонятной тишиной. Пустынный разлив асфальта к отступившим за густую поросль деревьев Спасским воротам. Главы Василия Блаженного, тесно подвинувшиеся к стенам. Укрывшиеся в низко пригнувшихся ветках аллеи. Теплое дыхание окутанной птичьим гомоном земли. Фигура сидящего Ильича.

Ивановская площадь... Не менее важная в древнем Кремле, чем Соборная, получившая свое имя от Ивана Великого и оставшаяся в народной памяти поговоркой: кричать во всю мочь — «во всю Ивановскую». Здесь в XVI в. складывается административный центр уже не княжества — государства с его централизованной системой приказного управления: во второй половине XVI в. сооружается Посольская изба, за ней большое здание обращенных в сторону Архангельского собора Приказов.

Сам по себе характер занятий Приказов говорил о происходивших в Московском государстве изменениях. Государство нуждалось в создании единого войска вместо разрозненных княжеских и боярских дружин. В свою очередь, это единое войско испытывало потребность в постоянном совершенствовании, задачами которого и занимались соответствующие приказы. В начале 1630-х гг. Москва уже будет располагать и смешанными полками нового, европейского строя: пешими — солдатскими, конными рейтарскими и драгунскими. Вооружение, амуниция, даже комплектование каждого полка музыкантами-духовиками — все составляло предмет забот приказов.

Московское государство имело широкие дипломатические связи и множество проживавших на его землях иностранцев — к середине XVII в. население Москвы достигает 200 тысяч человек, из которых 28 тысяч были иноземцами. В это число входили специалисты разных родов — от врачей до фортификаторов, от инженеров до музыкантов. Право на въезд в Москву давалось представителям нужных государству профессий. Все это составляло компетенцию располагавшихся на той же Ивановской площади Посольского и Иноземского приказов.

Крупные градостроительные работы во всем Московском государстве привели в 1580-х гг. к организации Приказа каменных дел, который ведал заготовкой материалов, организацией рабочей силы, ее распределением, созданием военно-оборонительных сооружений и отдельных зданий государственного и общественного значения.

Зарождающаяся потребность в научной медицине, как и интерес ко всем видам биологических наук, которым отмечен конец XVI и XVII столетий во всей Европе, приводят к появлению Аптекарского приказа. Его делом было разведение лекарственных трав в «аптекарских огородах», поиски новых «целебных произрастаний» — экспедиции за ними под охраной стрелецких частей добирались до границ Китая, «бережение Москвы от моровых поветрий» — эпидемий, наконец испытание на право заниматься в Московском государстве лечебной практикой приезжавших с Запада и местных врачей. К середине XVII в. Москва будет иметь вольнопрактикующего врача на каждой из больших своих улиц, и половину из них составят русские лекари.

Среди приезжих медиков, которые работали и жили тут же в Кремле, были и такие европейские знаменитости, как быв-

ший медик шведского короля, «ученейший», по выражению современников, фон Розенбург или Лаврентий Блюментрост. Последний приехал в Москву вслед за своим пасынком, известным Иоганном Грегори, постановщиком первых драматических спектаклей при дворе Алексея Михайловича в кремлевских дворцах в 1670-х гг.

Приказной службой определялась вся жизнь Ивановской площади. Здесь объявлялись «во всю Ивановскую» царские указы, писались на ходу прошения, совершались наказания батогами и даже казни. «Сидение» дьяков продолжалось по целым дням — с половины восьмого утра до десяти часов вечера. К 1670-м гг. строения Приказов обветшали, и к середине 1680-х гг. было сооружено новое здание Земских приказов, охватившее Ивановскую площадь с южной и юго-восточной сторон. Это было едва ли не самое большое общественно-административное здание Древней Руси. Оно представляло собой ряд как бы самостоятельных объемов, под независимыми друг от друга крышами. Весь ряд объединял общий арочный подклет — всего 28 палат с семью далеко вынесенными крыльями крылец, лестницами и площадками, обращенными к площади. Внешнее убранство палат не отличалось замысловатостью: простые карнизы и несложные треугольные фронтоны над окнами. Простояли Земские приказы почти сто лет и были разобраны только в преддверии строительства баженковского кремлевского дворца.

Была в истории Ивановской площади и еще одна любопытная подробность. Здесь стоял древний собор Николы Гастунского, дьякон которого Иван Федоров стал русским первопечатником. Собор был разобран в одну ночь в 1817 г., чтобы освободить место для военного парада в связи с ожидавшимся приездом в Москву Александра I с гостем — королем прусским. Единственная память о соборе Николы Гастунского — алтарь, перенесенный на третий ярус звонницы Ивана Великого.

С Кремлем книгопечатное дело оказалось связанным и позднее, когда по окончании польско-шведской интервенции сюда привозится из Нижнего Новгорода вместе с обслуживавшим его мастером печатный стан, который работал на дело народного ополчения Минина и Пожарского. Только с окончанием специальных построек в Китай-городе в 1617 г. туда были переведены первоначально расположившиеся в Кремле печатники.

Государственное начало — оно все сильнее заявляет о себе в постройках Кремля.

В июне 1701 г. жертвой страшного пожара становятся почти все его здания. По словам летописца, «и разшелся огонь по всему Кремлю и выгорел царев двор весь без остатку, деревянные хоромы и в каменных все нутры и в подклетах и в погребях запасы... и Ружейная полата с ружьем, и мастерские государевы полаты, и на Тайницких воротах кровля, и набережные государевы полаты, и верхние, и нижние, кои построены в верхнем саду, выгорели». Сам Петр отозвался в одном из писем о размерах бедствия короче и категоричней: «Весь Кремль так выгорел, что не осталось не токмо что инова, но и мостов [деревянных мостовых] по улицам». Тем не менее речи о восстановлении погибших построек не было.

Старинное русское
оружие. Мортира

Еще указом 1699 г. в пределах Китай-города, Белого города, тем более Кремля на погорелых местах было разрешено возводить только каменные строения или глиняные мазанки «под камень». Но новый пожар открывал к тому же неожиданную возможность, по крайней мере, частичной перепланировки Кремля, чем Петр I не замедлил воспользоваться. В ноябре 1701 г. последовал указ построить на площади от Никольских до Троицких ворот грандиозное здание «Оружейного дома» — Арсенала. И задуман был Арсенал не как простое хранилище вооружения, а как своеобразный памятник славы и побед русского оружия.

Для претворения в жизнь этой зародившейся еще до пожара идеи Петр назначает руководителя царских живописцев Ивана Салтанова, опять-таки живописца Михайлу Чоглокова (у которого брал сам уроки рисунка и живописи) и приехавшего из-за рубежа «мастера каменного и полатного дела» поляка Кпиштофа Конратовича, часто называемого на немецкий образец Христофором Конрадом. Принимал участие в создании Арсенала и строитель Дмитрий Иванов. Документы не позволяют установить степени участия каждого из них в строительстве. Но во всяком случае, художникам в Древней Руси случалось выступать в роли архитекторов. По свидетельству Епифания Премудрого, Андрей Рублев, например, участвовал в строительстве церкви Всемилоственного Спаса в Андрониковом монастыре в Москве, который затем сам же и расписывал. Симон Ушаков был соавтором ряда кремлевских построек. Михайла Чоглоков перед самым началом работ в Арсенале закончил достройку переделанной под Математические и Навигацкие классы (будущая Морская академия) Сухаревой башни.

С другой стороны, приглашение К. Конратовича было связано с очередными техническими новинками, за которыми с неослабевающим интересом следила Москва. Строитель обязывался научить русских каменщиков новым способам кладки, в том числе особенно интересовавшей Петра I огнеупорной клад-

ки. Характерно, что даже общее руководство строительством оказалось в руках человека нового времени — дьяка Алексея Курбатова. Крепостной Б.П. Шереметева, он за предложенную в январе 1699 г. идею выпуска гербовой бумаги — нового и очень существенного источника дохода для государства — был освобожден из крепостного состояния, пожалован в дьяки и назначен руководить Оружейной палатой, в обязанности которой теперь вошло производство и продажа этой бумаги для документов.

Начатое весной 1702 г. строительство Арсенала затянулось почти до конца столетия. Первый перерыв был вызван трудностями, порожденными войной со шведами, — в течение 1706—1722 гг. никаких работ вообще не производилось. В дальнейшем вплоть до 1730 г. возобновленное строительство велось крайне медленно из-за постоянной нехватки средств: все внимание правительства сосредоточивалось на новой столице на берегах Невы. Только сооружение в Кремле дворца для императрицы Анны Иоанновны, который выходил фасадом к месту затянувшегося строительства, вызвало царский указ о скорейшем завершении работ. В 1736 г. здание было закончено, а годом позже стало жертвой очередного московского пожара. Выгоревший остов Арсенала простоял до 1763 г. Начатое тогда же восстановление завершилось в 1787 г. под руководством инженера Герарда. В связи с событиями Отечественной войны 1812 г. здание существенно пострадало и было восстановлено в течение 1816—1828 гг.

Могучий объем здания делится на нижнюю, цокольную, часть, отделанную рустом, и верхний этаж, прорезанный двоянными окнами в глубоких откосах, подчеркивающих массивность стен. Двое оформленных портиками ворот, ведущих в обширный внутренний двор, подчеркивают центр архитектурной композиции. По первоначальному замыслу зодчих, в решении фасадов широко использовались живопись и цвет. Сплошная роспись первого этажа имитировала крупные граненые камни. Для верхнего этажа К. Конратович предлагал в 1720-х гг. изображение увитых виноградными лозами колонн. Это впечатление мощи и вместе с тем особенной нарядности, праздничности как нельзя больше отвечало двойной роли Арсенала — как хранилища и как памятника.

С самого начала строительства Арсенала — «Оружейного дома» специальными указами предписывалось свозить в Кремль все наиболее значительные образцы захваченных у неприятеля на поле боя орудий. Начавшее формироваться собрание располагалось частично на Красной площади у Спасских ворот. В 1786—1788 гг. орудия были размещены на бровке холма Ивановской площади. После 1812 г. возникает идея устройства в Арсенале музея Отечественной войны, и кремлевская коллекция пополняется еще 875 орудиями, захваченными у наполеоновских войск. Музей открыт не был, но орудия, представляющие военную технику всех европейских стран начала XIX в., так и остались в стенах Кремля.

Сегодня перед фасадами Арсенала разворачивается своеобразная выставка по истории русского и иностранного огнестрельного оружия — 25 русских пушек XVI—XVII вв., 15 западных пушек того же периода, русские орудия XVIII столетия,

830 пушек и гаубиц из числа трофеев Отечественной войны 1812 г. Орудия работы русских мастеров в свое время служили для обороны Кремля, размещаясь на специальных площадках – раскатах и в этажах кремлевских башен.

Здесь две пушки Андрея Чохова, отлитые им в 1590 г.: «Троил» с изображением фигуры вооруженного троянского царя и «Аспид» с изображением на дульной части чудовища, держащего в лапах человеческие головы. Пушечным мастером Первым Кузминым отлита бронзовая пушка «Онагр», или «Единорог» (1581).

Особенно широко представлены «пушечные литцы» XVII в. Здесь орудия жалованных мастеров Оружейной палаты Григория Наумова и Харитона Иванова, пушка «Василиск» Федора Кириллова и отлитые Яковом Дубиной Безымянная пушка 1679 г., «Волк» и «Троил». Последняя снабжена литой надписью: «Божиею милостию повелением великих государей царей и великих князей Ивана Алексеевича, Петра Алексеевича всея великия и малыя и белыя России самодержцев вылита сия пищаль названа Троил на которой пищали на казне царь троянский изображен, в царствующем граде Москве при сидении в пушкарской канцелярии царственные большие печати и государственных великих посольских дел сберегателя ближнего боярина и наместника новгородского князя Василия Васильевича Голицына с товарищи. Лета от создания мира 7193 года (1685) месяца августа в 30 день. Ядром пищаль пуд 10 гривенок. Длиною 7 аршин в ней весу 402 пуда 15 гривенок анно 1685». Мастером Евсеем Даниловым отлита пушка «Соловей» (1681), Мартьяном Осиповым – «Инрог», или «Единорог» (1670), «Новый перс» (1685), «Гамаюн» (1690), «Орел» (1693). «Инрог» имеет в литой надписи следующее пояснение: «...в славном и преименитом царствующем граде Москве лета 7178 года вылита сия пушка весом 779 пудов ядро без четверти 2 пуда. Единорог яблоко держит пушка ядро пусти яблоко ядром умертви и Ирода супостата победы».

Память о Пушкарском дворе, где были отлиты многие из русских орудий кремлевской коллекции, сохранилась в Москве до наших дней. Это Пушечная улица, где на берегу ныне заключенной в трубу реки Неглинной, у специально вырытого пруда, куда спускались отходы производства, находился с конца XV в. литейный двор. В 1610 г. работавшие здесь пушкарки присоединились к Д.М. Пожарскому, вооружили и обороняли прославленный Введенский острожец на Устретенской улице, препятствовавший иноземцам поджигать город. С 1670 г. сюда был переведен из Кремля и Пушкарский приказ. При Петре производство на дворе было прекращено, и его помещения стали использоваться в качестве «старого Арсенала» – для хранения старинного оружия и знамен, пока в 1803 г. весь Пушкарский двор не был снесен, а его коллекция не присоединена к кремлевской. Сегодня многие орудия кремлевского собрания экспонируются помимо Кремля в Государственном Историческом музее, в Бородинском военно-историческом музее-заповеднике, у музея-панорамы «Бородинская битва».

...Он словно венчает собой разворот обращенной к Красной площади кремлевской стены – могучий купол с реющим высоко в небе алым полотнищем. Седеющие древние зубцы

отчеркивают белизну нарядных пилястр, длинный ряд стройных оконных проемов, дробный узор карниза в теплой желтизне полускрытого здания — одного из совершеннейших творений замечательного московского зодчего М.Ф. Казакова.

Столица давно была перенесена на берега Невы, и все же именно в Кремле в последней четверти XVIII в. возводится здание Сената как утверждение преемственности и традиционности государственной власти. Впрочем, постройке этой не придавалось особенно большого значения, поскольку поручается она не известным, работавшим при дворе зодчим, которых было в то время так много в Петербурге, а начинающему московскому мастеру. Ученик Д.В. Ухтомского и В.И. Баженова, Матвей Казаков успел построить единственное значительное сооружение — Петровский дворец. Годом позже он получил заказ на проект здания Сената, строительство которого затянулось на десять с лишним лет (1776–1788). Для М.Ф. Казакова это была первая часть задуманной им общей перепланировки Кремля.

Подобно строителям Арсенала, Казаков оказывается связанным конфигурацией отведенного под здание Сената участка. Его составили последние частновладельческие земли в Кремле, откупленные правительством у Трубецких и Бортнянских, владевших ими еще на основании вотчинного права. Казаков кладет в основу плана треугольник с мягко скругленными углами, усиливавшими ощущение объемности сооружения. В треугольник в свою очередь вписывается пятиугольник внутреннего двора, что позволяет дать усложненное решение внутренних помещений и построить оригинальную композицию, центром которой становится круглый, под огромным куполом зал.

Долгие годы строительства, достроек, перестроек, поколения сменявших друг друга архитекторов и неизменное ощущение единства и цельности образа каждого отдельного кремлевского здания, всего Кремля. Талант и труд каждого зодчего словно голос со своим неповторимым звучанием вливается в удивительно стройный и могучий хор.

Арсенал — лучший памятник русской архитектуры, по отзыву одного из самых взыскательных критиков, В.И. Баженова, и Сенат — русский Пантеон, как назовут его современники. Охватывая простор Сенатской площади, завершаемой в глубине Никольской башней, они смотрятся единым ансамблем, величественным и строгим в той скупости деталей, которой ограничиваются их создатели.

Казаков не нарушает заданной Арсеналом высоты — здание Сената ограничено двумя этажами на полутораэтажном цоколе. Чтобы композиционно объединить оба здания, въезд во внутренний двор Сената располагается точно напротив внутренних ворот Арсенала. Этот въезд, решенный как торжественная и строгая триумфальная арка, один нарушает нарочитое однообразие сенатских стен в равномерном ритме членищих их лопаток. За аркой в многоугольнике двора навстречу входящим выступает могучая и праздничная в полуколыце стройной колоннады ротонда под густой зеленью завершающего ее купола.

Пантеон — этот образ не случайно вспоминается современникам М.Ф. Казакова. Белый, или Екатерининский, как его вначале называли, зал Сената удивительно точно воссоздает ощу-

щение римского Пантеона с его парящей в потоках света чашей купола, разворотом охваченного хороводом колонн пространства, где размер пролета немногим уступает высоте (24–29 метров). Когда-то в Риме купол Пантеона с впервые начавшим применяться строительным материалом — бетоном смотрелся чудом строительной техники. Своеобразным чудом было для современников и творение М.Ф. Казакова: при своем огромном размере купол выложен в один кирпич. Сами строители никак не могли поверить в правильность расчетов архитектора, и, по преданию, в момент снятия с купола внутренних лесов Казаков нарочно остался стоять на нем, чтобы показать присутствующим полную уверенность в своей правоте.

Но для зодчего дело не сводилось к совершенству и оригинальности технического решения. Храм закона — таким видит М.Ф. Казаков свой зал, именно таким задумывают смысл его оформления поэты Г.Р. Державин и помогавший ему советами Н.А. Львов. Законность, правосудие, просвещение — этим темам посвящены скульптурные барельефы, которые складываются в единый сюжетный фриз. Державину и Львову принадлежат и их сюжеты, и тексты соответствующих пояснительных надписей. Приписываются барельефы скульпторам Г. Замараеву и И. Юсту. Над ними в простенках окон второго яруса располагаются скульптурные портреты русских князей и царей — гипсовые копии с мраморных оригиналов, выполненных замечательным русским скульптором Ф.И. Шубиным для Чесменского дворца в Петербурге в 1774–1775 гг. Снаружи купол зала первоначально также был увенчан скульптурой — цинковой конной статуей Георгия Победоносца, поражающего дракона (герб Москвы). Разрушенная в 1812 г. наполеоновскими войсками, эта скульптура больше не восстанавливалась.

М.Ф. Казаков проектирует в Сенате и еще один зал — Овальный, получивший впоследствии название Митрофаньевского. Этим последним он был обязан нашумевшему на всю Россию судебному делу о подделке купеческих завещаний игуменьей одного из монастырей Митрофанией, которое здесь разбиралось. Первоначально казаковское творение — «мастерское произведение вкуса и изящества», по выражению современников, — использовалось и как государственное учреждение, и как зал для дворянских собраний. В 1856 г. здание было передано Судебной палате и стало называться зданием Судебных установлений.

Арсенал и Сенат наметили ансамбль Сенатской площади. Чуть позднее в него входит сооруженное И.В. Еготовым, учеником и помощником М.Ф. Казакова, здание Оружейной палаты — первого публичного музея Москвы, полностью законченного к 1812 г. (позже музей был переведен в новое здание). Оно заняло место проданного с аукциона на слом дворца Бориса Годунова и специально разобранного Троицкого подворья.

И.В. Еготов находит решение, очень близкое постройкам его учителя. Низкий, отделанный рустом цокольный этаж нес основной бельэтаж с огромными полукруглыми окнами собственно выставочных зал. Центр здания был отмечен строгим восьмиколонным портиком, над которым высилось полукупольное завершение главного зала, перекликающееся с казаковским Сенатом. Под карнизом размещалась лента барельефных панно.

Окончательным завершением задуманного Казаковым ансамбля становится сооружение верхушки Никольской башни по проекту К.И. Росси, как бы замкнувшей площадь с последней стороны. Так сложился новый общественно-административный центр Москвы, сменивший по своему значению древнюю Ивановскую площадь.

Когда-то влюбленный в Москву Н.В. Гоголь говорил, что каждый ее уголок надо смотреть в свое время года, в свои часы дня, в свою погоду. Здесь в погожие зимние дни на снежную пелену ложатся синие тени берез. Гнутся под пышными сугробами разлапые ветки елей. Искрится колкой морозной пылью поземка, обметая стволы, струится у бело-желтых стен.словно сплавленный солнечным светом образ родной земли и пережитых ею веков.

О ЧЕМ МОЛЧАТ СТЕНЫ

Соломония Сабурова — дочь боярина Юрия Константиновича. Ее выбрал себе в жены тогда еще будущий великий князь Василий III, когда получил от отца, Ивана III, долгожданное разрешение вступить в брак. Отец с разрешением не торопился — не хотел вносить раздора в разросшуюся семью. Любил и почитал вторую свою жену — Зою-Софью Палеолог, советовался во многих делах, в строительстве Кремля, но наследника видел в первенце от первой жены. С ним делился планами, его готовил к великокняжескому престолу. Даже к невестке, дочери молдавского правителя — господаря, был расположен как к родной. А когда умер сын, без колебания наметил своим преемником внука.

Византийская принцесса на вид смирилась с судьбой своего первенца Василия. То ли впрямь молчала, то ли не подавала вида при посторонних. Во всяком случае приближенные никакого недовольства не замечали. Великий посол из Италии А. Контарини запишет, что Иван III пожелал, чтобы он отдельно побывал на приеме у великой княгини, а «деспина» «обращалась ко мне с такими добрыми и учтивыми речами, какие только могли быть сказаны; она настоятельно просила передать ее приветствие светлейшей синьории (правительству Венеции); и я простился с ней».

А между тем в делах о наследстве оставила за собой «деспина» последнее слово. В 1502 г. еще недавно нежно любимая невестка великого князя молдаванка Елена Степановна Волошанка вместе с сыном Дмитрием оказывается в опале. Иван III отправляет их весной в заточение. Новым наследником провозглашается сын Зои-Софьи Фоминишны, 23-летний Василий. Провозглашается на редкость вовремя, потому что в апреле следующего года «деспины» не стало. Отчаянию вдового князя не было границ. Ивана III вскоре разбивает паралич, и он уже

не в состоянии проводить завещанную ему покойницей политику, против которой были все бояре.

Вспыхивают в Москве и в Новгороде костры инквизиции, сжигавшие еретиков. Умирает «нужной» — насильственной смертью в заключении Елена Степановна Волошанка, главная их покровительница. Торопится себе найти невесту по собственному усмотрению наследник Василий Иванович, который хотел подчеркнуть свою связь с местной знатью и потому отказался от поисков жены среди иностранных принцесс. Княжен и боярышень было привезено в Москву на смотрины то ли 500, то ли 1,5 тысячи — мнения летописцев не совпадают. Только число не имело значения. Василий заранее знал, что свяжет себя со старым московским боярством — его выбор пал на Соломонию Сабурову.

Елена Елены
Волошанки. XV в.

Свадьбу сыграли 4 сентября 1505 г., а 27 октября умер Иван III. И снова удивительно вовремя, потому что перед концом начал вспоминать о всех своих сыновьях, приказывать Василию, чтобы никого не обошел уделами. Говорили — много ли в этом правды? — будто даже пожелал старик освободить внука и обратился к нему со словами: «Молю тебя, отпусти (прости) обиду, причиненную тебе, будь свободен и пользуйся своими правами». Какими именно? Уж не правом ли наследования великокняжеского престола?

Такое предположение возникает не только из-за того, что сразу после смерти отца Василий III, по словам летописца, «в железа (кандалы) племянника своего великого князя Дмитрея Ивановича закова и в полату тесну посади». Современники — историки С. Герберштейн и М. Стрыйковский утверждают, что расправа состоялась еще при жизни старого Ивана III, сразу после его разговора с внуком. Новый великий князь, слишком похожий по характеру на свою решительную матушку, не собирался рисковать. Через 3,5 года он окончательно расправится с опасным соперником. Дмитрий умрет в заточении, и тот же Герберштейн приводит существовавшие по поводу этой слишком ранней кончины разговоры: «Одни полагают, что он погиб от голода и холода, а по другим — он задохся от дыма». Второй способ был очень распространенным, потому что не оставлял видимых следов преступления.

Было нелегко с Иваном III и совсем непросто с его «деспичной». Средневековые нравы вообще не знали милосердия и сострадания. И все же даже для них нрав нового великого князя оказался полной неожиданностью. Василий III Иванович не искал советчиков, не допускал ни малейших возражений, в любом прекословии усматривал бунт против своих прав и подавлял всякое сопротивление железной, не знавшей снисхождения и минут слабости рукой. Попытался поспорить с ним Беклемишев и тут же лишился языка — лихое предупреждение для всех, кто решился судить великого князя.

Жестокий, грубый, особенно с родственниками, которых откровенно не хотел знать, Василий III был к тому же предельно и холодно расчетлив: с кем расправляться, с кем — несмотря ни на что — никаких ссор не затевать. Самые знатные и древние роды — Владимира Святого и литовского Гедимина — не знали обид от великого князя. И все время рядом с Василием — Соломония. Умная, деятельная, властная, мало чем уступавшая

Василий III. С немецкой
гравюры XVI в.

покойной свекрови. Брак великого князя мог считаться очень удачным, несмотря на бездетность.

Но отсутствие наследников до поры до времени не беспокоило Василия III. Найденный им выход представлял лишнюю защиту от ненавистных родственников и от враждебных бояр.

На Руси находился сын крымского хана Менгли Гирея царевич Кайдакул. С приходом к власти Василия III он захотел принять православие и был должным образом за свое желание вознагражден. После крещения великий князь выдал за него замуж свою сестру, а во время Псковского похода не только оставил местоблюстителем великокняжеского престола в Москве, но и назначил в завещании наследником. Для государственных интересов брак с сестрой великого князя был очень выгоден. Царевич Петр, как стали называть Кайдакула, считался одним из возможных претендентов на казанский престол. Обязанный своим благополучием Василию III, царевич Петр не мог ему изменить и вступить в переговоры с ненавидевшим «новокрещена» боярством.

Пока под рукой оставался Петр, великокняжеская чета могла не тревожиться насчет собственных детей. Но преждевременная смерть татарского царевича все меняет. Василию III необходим наследник. Двадцать с лишним прожитых с Соломонией лет не оставляли надежды на появление потомства. Снова поднимают голоса сторонники развода великого князя с бесплодной княгиней, хотя сама она винит в семейных неудачах одного Василия. Соломонии и в голову не приходит, что боярам важны не ее дети, а возможность лишить великого князя ее умной и верной поддержки.

Для Василия нет тайн в подобных расчетах. И он колеблется, откладывает окончательное решение, не испытывает уверенности в его правильности. Если бы знать, если бы угадать... Развод с Соломонией означал ссору с другой частью московского боярства. Чтобы противостоять новым врагам, следовало опереться на достойных союзников. И великий князь находит их в лице литовских князей Глинских, известных всей Европе своей воинственностью, ратным мастерством и связями с коронованными особами. Брак с их родственницей означал династическое соединение с западнорусскими землями.

Внешнеполитических соображений было множество. Укрепить обращенный против великого князя литовского Сигизмунда русско-молдавский союз. Возобновить борьбу за наследие ханов Золотой Орды — Глинские вели свой род от ханов Большой Орды и самого чингизида Ахмата. Не последнее место занимала и мысль о более успешных переговорах со Священной Римской империей — император Максимилиан покровительствовал Михаилу Глинскому, который, в свою очередь, мог бы стать влиятельным и надежным опекуном еще не родившегося, но уже задуманного наследника Василия III. Теперь выбор московского князя остановился на княжне Елене Глинской.

И все же нерешительность не проходила. В мае 1524 г. в Москве начинается спешное строительство нового — Смоленского Новодевичьего монастыря. Обетного, потому что великий князь дал обет заложить его в случае успешного похода в смоленские земли. И скорее всего предназначавшегося для жительства отрешенной от мужа Соломонии. Ради быстроты стро-

семѣ и ѿа номѣ . и зѣратъ еѣ споеѣ со
и семѣ геѡргіемѣ іа ндрѣемѣ и ѿа
но дити .

Пир Василия III в селе Коломенское с митрополитом и боярами после освящения церкви Вознесения. Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI в.

ительства и неусыпного наблюдения за ним из Суздаля вызывается настоятельница суздальского Покровского монастыря с 18 монахинями. И хотя работы приближаются к концу, в 1524 г. Василий III еще совершает обычную осеннюю поездку по своим землям с Соломонией. Весной следующего года строительство закончилось, и почти одновременно великую княгиню постригли в монахини.

До последней минуты не верила Соломония перемене в своей судьбе, помыслить не могла о коварстве мужа, надеялась кого-то в чем-то убедить, хотя бы избежать монашеского клобука. Современник Ивана Грозного — князь Курбский так и бу-

Пострижение Соломонии Сабуровой. Миниатюра Лицевого летописного свода

дет писать, что Василий III постриг свою первую жену «не хотящу и не мыслящу ей о том». И напрасно кричала великая княгиня о насилии и предательстве под сводами Рождественского собора, который и сегодня стоит в стенах Рождественского монастыря, у самой Трубной площади. Напрасно срывала силой надеваемое на нее монашеское одеяние, билась в смертной тоске о каменные плиты под ударами плетей присутствовавших при насильственном постриге бояр.

За непокорство и строптивость не увидела больше Соломония Москвы — Василий III не решился поместить ее в Новодевичьем монастыре. Он выбирает для нее далекий Каргополь, где ей придется пробыть 5 лет, чтобы понять бессмысленность всяких надежд.

Только после рождения первенца в новой семье ее мужа — будущего Ивана Грозного — перевезли Соломонию Сабурову, теперь уже старицу Софию, в суздальский Покровский монастырь, под начало той самой настоятельницы, что наблюдала за строительством московского Новодевичьего монастыря.

*Уж что это у нас в Москве приуныло.
Заунывано в большой колокол звонили?
Уж как царь на царицу прогневался,
Он ссылает царицу с очей дале,
Как в тот ли город во Суздаль,
Как в тот ли монастырь во Покровский...*

Такая жестокость — в характере Василия III. Словно забыв о недавних колебаниях, о прожитых в ладу и мире годах, он считает достаточным для расчета с Соломонией вкладом в монастырь то, что «пожаловал старицу Софию в Суздале своим селом Вышеславским... до ее живота» — пожизненно.

Может, и можно было по тем временам откупиться селом от собственной совести, но приобрести спокойствия великому князю не удалось. Может быть, не об одном насилии и вероломстве мужа кричала Соломония под сводами Рождественского собора. Может, пало и другое слово, взбудоражившее умы современников. Беременность великой княгини — слух о ней мгновенно расходится повсюду. Была пострижена с плодом в чреве, будущей матерью — утверждала народная молва, и оказалось, Василий III не смог пренебречь разговорами. Где там!

Он посылает для дознания доверенных дьяков Меньшого Путятину и Третьяка Ракова, жестоко расправляется даже с женщинами, которые утверждали, что слышали подобное признание от самой Соломонии. А было их две — жена казначея Юрия Малова да жена постельничего Якова Мансурова, который по самой должности своей обязан знать все теремные да дворцовые события и толки. Ведь ведал постельничий не одной княжеской рухлядью, как называлась вся одежда, но и самой безопасностью княжеской, «блюдя живот» своего князя во дворце весь день, да и в ночное время. Мансурову, чтобы отказалась публично от своих слов, чтобы забыла о них на веки вечные, подвергли бичеванию.

Помогли ли крутые меры? Скорее наоборот — убедили народ в справедливости слухов. Иначе чего бы боялся князь, чего бы так лютовал? Но и на этом слухи не кончились. Толковали люди, будто родила Соломония-София сына, нарекла Георгием

и отдала на сохранение и воспитание верным друзьям, а чтобы не искал великий князь опасного для новой своей жены младенца, распустила слух о смерти новорожденного и даже погребла со всеми церковными обрядами... куклу. Историки повторяли легенду, не придавая ей серьезного значения, пока в 1934 г. при уничтожении находившейся под собором суздальского монастыря усыпальницы не было обнаружено рядом с гробницей Соломонии детское захоронение. Только внутри вместо останков младенца оказалась... кукла в дорогой детской рубашечке и шитом жемчугом свивальнике.

Что можно сказать после этого о предании, по которому Иван Грозный всю жизнь охотился за братом Георгием, превратившимся, по утверждению другой легенды, в знаменитого разбойника Кудеяра-атамана, русского Робина Гуда, беспощадного к богатым и милосердного к бедным. Никуда не уйти и от того, что затребовал Грозный к себе следственное дело о беременности Соломонии, долгое время держал у себя, пока в конце концов собственноручно не уничтожил. А народная молва по-прежнему обращалась к образу справедливого и непобедимого мстителя за все свои обиды.

Другое дело – Глинские. Была у молодой великой княгини молодость. Была редкая красота. Было здоровье, если думать о наследнике. Но был – вещь в Москве неслыханная – и милосердный друг, которого Елена чуть не сразу после замужества ввела во дворец. Иван Федорович Овчина-Телепнев и сам прижился в теремах, и ввел в них свою сестру Аграфену Челяднину мамкой к родившемуся у княгини первенцу – Грозному.

Москва настороженно наблюдала и ждала беды. Родила княгиня будущего Грозного в день апостолов Варфоломея и Тита. Юродивый Дометиан так и предсказал: «Родится Тит – широкий ум». Только обстоятельства рождения оказались самыми страшными. По словам составителя Новгородского свода от 1539 г., «внезапу бысть гром страшен зело (очень) и блистание молнину бывшу по всей области державы их, яко основание земли поколебатися; и мнози (многие) по окрестным градом начаша дивитися таковому страшному грому». Рождение через год младшего брата Грозного – Юрия никакими приметами отмечено не было. Ребенок же оказался «несмыслен и прост (глуп) и на все добро не строен (не способен)». Слабоумие его определилось почти от рождения.

А еще через год не стало 54-летнего великого князя Василия III, и снова при обстоятельствах, поразивших народное воображение.

Лето 1538 г. было отмечено сильнейшим ураганом и засухой – до сентября не выпало ни капли дождя. По словам летописца, «леса выгореша и болота водные высохша... мгла толь бе велика, якоже и птицъ вблизи не узрит, а птицы на землю падаху». Четвертого июня появилась «звезда с долгим хвостом», стоявшая в небе несколько ночей. Девятнадцатого августа произошло солнечное затмение – «солнце гибло третьего часа дни». В сентябре же Москву залила кровь – казнили многих москвичей, смолян, костромичей, вологжан, ярославцев и других за подделку монет.

На великий московский праздник – день Сергия Радонежского великий князь с семьей отправился, по обычаю, к Трои-

Поездка великого князя
Василия Ивановича
на охоту. XVI в.

це, а оттуда на «свою потеху» — охоту в село Озерецкое на Волоке. Здесь и «явися у него мала болячка на левой стране на стегне на згибе, близ нужного места, в булавочную голову, верху же у нее несть же, а сама багрова». Василий Иванович и думать не хотел прервать задуманную поездку, побывал в Нахабине, Фуникове, Волоколамске, селе Колпь. Лечился все время похода, но в Колпи болезнь взяла верх. Пришлось задержаться здесь на две недели, а когда решено было тронуться в путь на Волок, «понесоша его на носилках дети боярские пеши и княжата на себе» — слуги оказались недостойны нести такую ношу.

Только в середине ноября на специально приспособленной повозке, с частыми остановками великого князя повезли в столицу. Чтобы не пугать москвичей видом больного, два дня готовили его в Воробьеве к въезду в город. Двадцать третьего ноября доставили, наконец, в Кремль. А в ночь с 3 на 4 декабря Василия III не стало. Исчезла и духовная, которую составлял великий князь во время болезни...

Москва не сомневалась, что перейдет правление в руки братьев Глинских, пока «не войдет в возраст» трехлетний Иван Грозный. Вышло иначе. Властной рукой великая княгиня перехватила кормило власти. Брат Василия III, князь Юрий Иванович, оказался в тюрьме. Андрей Иванович Шуйский, возмущавший против правительства помещиков и детей боярских, — тоже. Знатнейшие вельможи Семен Вельский и Ляцкий бежали от возможной расправы в Литву. Не пощадила Елена и соб-

ственного дядю: за первое же сказанное против Овчины-Телепнева слово бросила в кремлевскую темницу. Но и самому Овчине-Телепневу воли не дала. Распоряжаться, может, и позволяла, но каждый приказ проверяла, каждый готова была отменить.

Любила ли княгиня своих детей? Думала ли о них? Известно, что Грозный вспоминал одну мамку, за нее в свои 8 лет просил бояр, когда не стало в 1538 г. родной матери. Всю жизнь забыть не мог, как сапоги боярские целовал. Не помогло. Елену Васильевну Глинскую, по убеждению современников, отравили. Овчину-Телепнева уморили голодом в тюрьме. Мамка Аграфена Челяднина была пострижена в Каргополе. Жизнь мальчишке-царю сохранило не чудо – расчеты боярских партий.

Из такого же расчета братья Михаил и Юрий Глинские, забыв нанесенные им племянницей обиды, помогли внучатому племяннику вступить на престол. 16 января 1547 г. состоялось первое на русской земле венчание на царство. Титул царя делал Ивана IV Васильевича равным по чину императору, иначе говоря – ставил выше европейских королей. Тем самым Москва становилась «царствующим градом», а все государство – Российским царством.

В эти первые годы своего правления Иван IV становится отцом: в 1552 г. появляется на свет его первенец царевич Дмитрий. Иван со своей юной супругой Анастасией Романовной, царевичем «и со всеми князьями и з бояры» отправляется на богомолье молиться честным угодникам «о мире, и о тишине, и о устроении земstem (государственном благополучии)».

Дорога лежала в Кирилло-Белозерский монастырь. Но вернулась царская чета без сына. И самое непонятное – разные источники по-разному объясняют гибель царевича. Для одних младенец утонул в Шексне, выскользнув на палубе из рук няньки. Для других умер от «зельной» болезни. Убитые горем родители посетили на обратном пути Никитский монастырь недалеко от Александровой слободы, нынешнего города Александрова, сетовали игумену на свою потерю и получили утешение.

В милютинских четиях минеях за май помещена «Повесть о свершении (создании) большия церкви Никитского монастыря» в Переяславле-Залесском, где приводятся подробности этого события. Царь ночевал в монастыре «на своем царском дворе», и с этой ночи царица зачала. Тридцатого марта следующего года родила Анастасия Романовна сына, «которому наречено имя Иоанн Лествичник».

Но родительская радость часто омрачалась недугами ребенка. Здоровьем младенец не отличался. Через два месяца после рождения заболел царевич «зельною болезнию», от которой его спасли мощи святого Никиты. «Но на второе лето случися паки (еще) царевичу Ивану немощь». На этот раз младенца удается вылечить освященной водой от мощей святого Никиты. В благодарность родители дают обет восстановить Никитский монастырь, отстраивают в нем каменные церкви, стены, вносят большой колокол. Плащаницу (покрывало) на гроб святого Никиты вышивает собственноручно царица.

И вот переданное современником горе и переживания родителей. «Царь и царица в вящей (сильной) печали зряще (видят) отрачата своего зельне страждуще. Иоанн же царевич

Поместная конница
времен Ивана Грозного

некою боярынею носим бе на руках. Царь же и царица руке (руки) простирающи ко образу создателя бога и пречистой его матери пресвятей богородице, и к великим угодникам Божиим, и тепло вопиюще, и умильно моляще, и слезы испущающе, поне бы малу ослабу улучшить (чтобы малое облегчение получить) отроче своему от зельных его болезни. И окрест стояще ближний приятели государевы, мужие и жены, вси моляще и слезу испущающе, не токмо царевича видяще, зле болезнуема (тяжело больного), но и благоверного царя с царицей в велицей печали и скорби...»

Без малого 14 лет супружеской жизни Грозного, и внезапная кончина царицы Анастасии. Грозный не сомневался: от яда. Зародившееся подозрение оправдывало жестокость расправ при дворе. Впрочем, царь умело воспользовался возможностью избавиться сразу от всех бывших советчиков, в которых больше не испытывал нужды. Иван Васильевич стремился к самодержавию. Ровно через год в теремах появится новая царица Мария Алегуковна Черкасская, дочь кабардинского князя Темир-Гуки-Темрюка. И вместе с ней ее брат, страшный своей жестокостью Кострюк-Момстрюк, оставшийся в народных сказаниях. Ему Грозный поручит руководство впервые образованной опричниной. Долгое время Москва хранила память о Момстрюке в названии Момстрюкова — Мерзляковского переулка, у Никитских ворот.

Приехавший в Москву с королевскими грамотами и подарками 20 августа 1561 г. английский посол Дженкинсон не мог получить приема у царя. По его словам, «его высочество, будучи очень занят делами и готовясь вступить в брак с одной знатной черкешенкой магометанской веры, издал приказ, чтобы ни один иностранец — посланник или иной — не появлялся перед ним в течение некоторого времени с дальнейшим строжайшим подтверждением, чтобы в течение трех дней, пока будут продолжаться торжества, городские ворота были заперты и чтобы ни один иностранец и ни один местный житель (за исключением некоторых приближенных царя) не выходил из своего

Коронационное кресло
русских царей
в Успенском соборе

дома во время празднеств. Причина сего распоряжения до сего времени остается неизвестной».

Причина не выяснилась и впоследствии. В водовороте дворцовых перемен забылось, что у новобрачного два сына и что наследнику – царевичу Ивану Ивановичу всего 7 лет. Правда, его будущему не угрожало ничто. У царицы Марьи год за годом рождались тут же умиравшие дочери, а у последующих жен царя вообще не было детей, кроме последней царицы – Марии Нагой.

Характер наследника, его положение – о них трудно судить. Русские летописи и документы почти не упоминают будущего самодержца. Иноземцы ограничиваются согласным утверждением, что это повторение отца и в нраве, и в пороках. Портрет

же Грозного очень выразительно рисует его современник — князь И. М. Катырев-Ростовский в законченной в 1626 г. «Повести книги сея от прежних лет».

«Царь Иван образом нелепым (некрасивым), очи имея серы, нос протягновен (длинный), покляп; возрастом (ростом) велик баше (очень), сухо тело имея, плещи имея высоки, груди широки, мышцы толсты; муж чудного рассуждения, в науке книжного почитания доволен и многоречив зело (очень), ко ополчению дерзостен (воинственен) и за свое отечество стоятель (защитник). На рабы, от бога данны ему, велми (чрезвычайно) жестокосерд, на пролитие крови и на убиение дерзостен велми и неумолим; множество народу от мала и до велика при царстве своем погуби и многия грады свои поплени... Той же царь Иван многая и благая сотвори, воинство велми любяще и требующая им от сокровищ своих нескудно подавше. Таков бе царь Иван».

Царевич Иван сопровождает отца в походах, принимает по его поручению послов, но не приобретает с годами никакой самостоятельности. За этим Иван Грозный следит очень ревниво, как и за тем, чтобы не обзавелся сын своими детьми.

Один из самых тяжелых для Московского государства — 1571 г. Голод. Моровая язва. Чума. Нашествие на Москву Девлет-Гирея. Погибшие в огне Занеглименье, Китай-город, частью Кремль. Перемены с опричниной: казнь главнокомандующего опричным войском — брата незадолго перед тем скончавшейся царицы Марьи Темрюковны — Момстрюка, в крещении Михаила Черкасского, и других начальников. Начало войны со Швецией. И наперекор судьбе пышнейший выбор царской невесты. На суд Грозного в Александрову слободу было привезено полторы тысячи девиц.

Правда, выбор царской невесты состоялся загодя. Свахи — жена Малюты Скуратова и дочь царского любимца, будущая царица Мария Григорьевна Годунова, урожденная Скуратова. Дружки — сам Малюта и его зять Борис Годунов. Все вместе сумели они убедить Грозного жениться на их родственнице Марфе Собакиной.

Заодно, для полноты торжества, Грозный решает женить наследника и нескольких царедворцев. Царевичу предназначается Евдокия Сабурова, тоже из рода Годуновых. Судьба оказывается неблагоприятной к обоим новобрачным. Марфа Собакина умирает через несколько дней после венчания, Евдокия Сабурова через несколько месяцев ссылается свекром в монастырь. Ей предстояло провести почти полвека в стенах московского Ивановского, что в Старых садах (садах), у Солянки, монастыря.

В том же монастыре окажется и вторая, насильно постриженная, супруга царевича Ивана Ивановича — Прасковья Михайловна из рода Соловых. Грозный сам выбрал ее для сына, сам и сослал сначала на Белоозеро, где ее насильственно постригли в монахини, позже во Владимир. Прожила царевна Прасковья так же долго, как ее предшественница, умерла с ней в один год, так же была впоследствии похоронена в Вознесенском монастыре Кремля — усыпальнице великих княгинь и цариц.

Третья жена досталась царевичу, когда Грозный взял во дворец Марию Нагую. Теремный век Елены Шереметьевой стал

еще более коротким. Часть современников видела в ней причину гнева Грозного и его ссоры с сыном. Впрочем, летописцы молчали или ограничивались простым упоминанием о смерти царевича в Александровой слободе, как оно было написано и на могильной его плите.

Исключение составляли псковичи. Это автор Псковской летописи один решился написать: «Глаголют неции (некоторые), яко сына своего царевича Ивана того ради остием (острым концом посоха) поколел, что ему учал (начал) говорить о выручении града Пскова». Будто просил отца направить его во главе русского войска в помощь осажденному польским королем Стефаном Баторием Пскову. В историю с невесткой и гневом на нее поверить трудно — слишком мало придавали значения и отец, и сын появлявшимся в их жизни женщинам. Полководческие же мечты 27-летнего царевича понятны. Он до конца своих дней помнил, что считался с 1568 г. претендентом на польскую корону. В 25 лет попытался утвердить себя хоть бы в книжной премудрости — написал «Житие святого Антония», плохую переделку сочинения старца Ионы. И только честолюбие сына могло вызвать безудержный гнев самодержца.

19 ноября 1581 г. — ранение сына. И очередной взрыв отчаянного страха. В православии нет большего греха, чем детоубийство. Грозный, как покаяние в содеянном, признал невинно убиенными всех жертв опричнины, приказал немедленно составить синодик — список с именами казненных и начать их поминать «с сокрушением». Хотел отказаться от престола. И пытался сохранить жизнь царевичу. Врачи, знахари, ведуньи, колдуньи — все советы исполнялись, и ничто не могло помочь. Даже самое последнее средство — сырое тесто, которым обкладывалось тело раненого. Есть в нем жизненные силы, тесто станет подниматься, а вместе с ним и больной, опадет — надеяться не на что. Тесто опало. Через несколько дней царевича не стало.

За телом сына пошел Грозный из Александровой слободы, где случилась беда, к Троице, где доверил свою страшную тайну трем монахам — «плакал и рыдал» и «призвал к себе келаря старца Евстафия да старца Варсонофия Иоакимова, да тут же духовник стоял его архимандрит Феодосии, только трое их...». Евстафий, в миру Евфимий Дмитриевич Головкин, 30 лет управлял хозяйством Троице-Сергиева монастыря и к тому же оставил по себе память как талантливый иконописец. В лавре хранятся написанные им икона Сергия Радонежского и складень «Явление Богоматери Сергию». После смерти царя Федора Иоанновича — и его пережил старец — состоял Евстафий членом Земской думы, избравшей на царство Бориса Годунова. Корень Грозного прервался, окончательно истребило его убийство царевича Дмитрия. Сына Елены Глинской не стало, как и сына Соломонии Сабуровой: законного царя, как и легендарного Кудеяра-атамана.

ПО УЛИЦЕ ПО УСТРЕТЕНКЕ

Памятник Минину и Пожарскому, созданный на народные средства в 1818 г., уже 34 года был на Красной площади, стал частью Москвы, но никто по-прежнему не знал, где и когда умер Пожарский, никто не поинтересовался местом его погребения. Символ жил в народной памяти, не тускнел, приобретая для каждого поколения новый смысл, — разве мало, что простое перечисление имен дарителей на московский памятник заняло целый специально напечатанный том? Зато следы живого человека исчезли быстро, непостижимо быстро.

Говорили разное. Одни, что похоронен Пожарский в Троице-Сергиевой лавре, другие — в Соловецком монастыре (не потому ли, что были это наиболее почитаемые, достойные прославленного человека места?), вспоминали и нижегородское село, где он родился. Но чиновник особых поручений, будущий известный ученый А.С. Уваров думал иначе.

Памятник Минину и Пожарскому. Скульптор И. Мартос. 1804–1818 гг.

Сабля князя
Д.М. Пожарского

Около Суздаля лежали родные всей семье Пожарских места. Здесь, в Спасо-Евфимиевом монастыре, были похоронены родители полководца, и, направляясь с нижегородским ополчением в Москву, он не пожалел нескольких дней, чтобы перед решающими сражениями «проститься» — попросить прощения и поддержки, по народному обычаю, у родных могил. В Евфимиев монастырь делал Пожарский постоянные вклады. Обо всем этом свидетельствовали документы. Предположение, что именно здесь находилась могила и самого князя, выглядело более чем правдоподобно. Вот только проверить его было нелегко: на монастырском кладбище могил Пожарских не существовало — вообще никаких.

Правда, ответ на эту загадку удалось найти. Как утверждали те же монастырские документы, один из местных архимандритов распорядился разобрать «палатку» — склеп Пожарских «на выстилку у церкви рундуков (отмостки) и в другие монастырские здания». Распоряжение с завидной поспешностью было выполнено, и воспоминание о месте, где находилась «палатка», стерлось и у монахов, и у старожилов. Предстояло искать заново.

Перспектива подобных поисков не увлекла ни правительство, ни официальные учреждения. Уварову вообще чудом удалось получить разрешение на вырубку части сада и ведение раскопок. Как и на какие средства — это уже было его личным делом. И вот из-под путаницы яблоневых корней, в крошече кирпичей и земли встали 23 гробницы семьи Пожарских. Однако большинство из них были безымянными, и имя полководца не фигурировало среди названных. Следующим шагом было вскрытие погребений.

Подобное святотатство потребовало особого согласования с Синодом. Другое дело, что самый склеп уничтожили те же церковные власти. Новая победа Уварова оказалась едва ли не самой трудной. Тем не менее разрешение было получено, а вместе с ним создана и компетентная комиссия — как-никак речь шла о народном герое.

Гробницы были одинаковые — каменные, резные, со следами росписи синей краской, но одна выделялась пышностью и отдельно сооруженным над ней сводом. Обнаруженные в ней части боярской одежды с характерным золотым шитьем и дорогим поясом не оставляли сомнений, что принадлежала она боярину, а значит, именно Дмитрию Михайловичу. Звание боярина в древней Руси не переходило по наследству — оно давалось за службу, заслуги и оставалось личной наградой. В семье Пожарских его не имел никто, кроме полководца. К тому же и по возрасту останки в гробнице соответствовали возрасту Пожарского: он умер 63 лет. Решение комиссии было единогласным: могила Дмитрия Михайловича Пожарского найдена. Шел 1852 г.

Открытие, и какое. Но было что-то странное и труднообъяснимое в его обстановке. Толпы суздальчан и приезжих хлынули в Спасо-Евфимиев монастырь, и как было не поддаться впечатлению — очевидцы изумленно писали об этом, — будто народ вспоминал и чтит близко и хорошо знакомого ему человека, героя, чей образ не потускнел и не стерся за прошедшие 200 с лишним лет. Зато среди историков раздавались

голоса, опровергавшие не открытие Уварова, но значение личности Пожарского. Появлялись труды, прямо заявлявшие, что Пожарский был «тусклой личностью», выдвинутой разрухой и «безлюдьем» Смутного времени, а не действительными талантами и заслугами. Отыскивались его военные неудачи, падали прозрачные намеки на его личную связь с Мининым — без нее не видать бы князю руководства ополчением, придумывались просчеты в действиях ополчения. Может быть, забытая могила — всего лишь справедливый приговор истории?

Невольно возникало чувство, что не так-то прост и необразован был архимандрит, уничтоживший склеп Пожарских. Знал администратор Спасо-Евфимиева монастыря много. Как-никак его обитель использовалась для содержания особо важных преступников — и тех, кто проповедовал шедшие против церкви ереси, и тех, что принимали на себя царские имена, — самозванцев.

В результате просмотра достаточно обширной литературы о Смутном времени становилось все более очевидным другое. Стремление к принижению значения Пожарского не явилось результатом открытия новых фактов, обстоятельств. Вообще оно исходило не от ведущих ученых, а от тех, кто представлял в науке позицию официальных кругов. Официального ореола вокруг этого имени никто не стремился создавать. Почему же Пожарский становился спорной фигурой, да и кем вообще он был?

Как ни удивительно, историки, по существу, не ответили на этот вопрос. Да, известен послужной список князя — далеко не полный, назначения по службе — некоторые, царские награды — редкие и не щедрые. И безвестная смерть. Может быть, виной тому условия тех лет, когда еще не существовало личных архивов, переписки, воспоминаний, а единичные их образцы были всегда посвящены делу — не человеку? Или то, что род Пожарских пресекся очень рано, в том же XVII в., и просто некому было сохранить то, что так или иначе связывалось с полководцем? Наконец, пожары, болезни — «моровые поветрия», войны — да мало ли причин способствовало уничтожению следов. Несомненно, все они делали свое дело. Ну а все-таки из того, что сохранилось, что так или иначе доступно исследователю, неужели нельзя выжать хоть несколько капель, благодаря которым явственнее стал бы прорисовываться облик Пожарского, его портрет?

...Осенью 1610 г. в Москву вступил от имени приглашенного боярами польского королевича Владислава иноземный гарнизон, и сразу же в городе стало неспокойно. Враждебно и зло «пошумливали», кипели ненавистью на торгах и площадях горожане. Бесследно пропадали неосторожно показавшиеся на улицах ночным временем рейтары — иноземные солдаты. Шла и смущала все больше и больше людей смута. Против разрухи и иноземного насилия начинал подниматься народ, и, когда к марту 1611 г. к Москве подошли первые отряды рязанского ополчения во главе с князем Пожарским, обстановка в столице была напряжена до предела.

Для настоящей осады закрывшихся в Кремле и Китай-городе сторонников Владислава у ополченцев еще сил не хватало, но контролировать действия иноземного гарнизона, мешать

Надгробие князя
Д.М. Пожарского

всяким его вылазкам было можно в ожидании, пока соберется большее подкрепление. Сам Пожарский занял наиболее напряженный пункт, которым стала Сретенская улица. К его отряду присоединились пушкари из соседнего (на нынешней Пушечной улице) Пушечного двора. С их помощью быстро вырос здесь укрепленный артиллерией Острожец, боевая крепость, особенно досаждавшая иноземцам.

День 19 марта не предвещал никаких особенных событий. Снова ссора москвичей с гарнизоном — извозчики отказались тащить своими лошадьми польские пушки на кремлевские стены, офицеры кричали, грозились. Никто не заметил, как взлетела над толпой жердь, и уже лежал на кремлевской площади убитый наповал иноземец. В дикой панике солдаты гарнизона кинулись на Красную площадь, начали разносить торговые ряды, избивая всех на пути. И тогда загудел набат.

Улицы наполнялись народом. Поперек них в мгновение ока встали столы, лавки, кучи дров — баррикады на скорую руку. Легкие, удобные для перемещения, они опутали город непроходимой для чужих стрелков и конницы паутиной, исчезали в одном месте, чтобы тут же появиться в другом. И тогда командиры иноземного гарнизона приняли подсказанное стоявшими на их стороне боярами решение — сжечь город. В ночь с 19 на 20 марта отряды поджигателей разъехались по Москве.

И население, и ополченцы сражались отчаянно, и все же беспримерной, отмеченной летописцами, осталась отвага Пожарского и его отряда. Пали один за другим все очаги сопротивления — огонь никому не давал пощады. Предательски бежал оборонявший Замоскворечье Иван Колтовской. Острожец Пожарского продолжал держаться. «Вышли из Китая многие люди (иноземные солдаты), — рассказывает современник, — к Устретенской улице, там же с ними бился у Введенского Острожку и не пропустил их в каменный город (так называлась Москва в пределах бульварного кольца) князь Д. М. Пожарский через весь день, и многое время тое страны не дал жечь».

Прекратилось здесь сопротивление само собой. Вышли из строя все защитники острожца, а сам Пожарский, «изнемогши от великих ран, паде на землю». Потерявшего сознание, его едва успели вывезти из города в Троице-Сергиев монастырь.

Днем позже, стоя на краю охватившего русскую столицу огненного океана, швед Петрей де Ерлезунда потрясенно записал: «Таков был страшный и грозный конец знаменитого города Москвы». Он не преувеличивал. В едко дымившемся от горизонта до горизонта пепелище исчезли посады, слободы, торговые ряды, улицы, проулки, тысячи и тысячи домов, погреба, сараи, скотина, утварь — все, что еще вчера было городом. Последним воспоминанием о нем остались Кремль и каменные стены Китая, прокопченные дочерна, затерявшиеся среди угарного жара развалин.

Проходит девять лет, всего девять. И вот в первой московской переписи 1620 г. те же, что и прежде, улицы, те же, что были, дворы в сложнейших измерениях саженями и аршинами с «дробными» — третями, половинами, четвертями. Спаленная земля будто прорастала скрывшимися в ней корнями. Многие москвичи погибли, многие разорились и пошли «кормиться в мире» — просить милостыню, но власть памяти, привычек, внут-

ренной целесообразности, которая когда-то определила появление того или иного проезда, кривизну проулка, положение дома, диктовала возрождение города таким, каким он только что был, и с такой же точностью. Когда в 1634 г. Голштинское посольство использовало в своем отчете о поездке в Московию план начала столетия, неточностей оказалось немало, но только неточностей. Старый план — «чертеж земли Московской» — ожил и продолжал жить.

Документ 1620 г. говорил, что на перекрестках — «крестцах» — открылись бани, харчевные избы — своего рода столовые, блинные, палатки, зашумели торговые ряды, рассыпались по городу лавки, заработали мастерские. Зажили привычной жизнью калашники, сапожники, колодезники, игольники, печатники, переплетчики, лекарь Олферий Олферьев, тогда еще единственный в городе общедоступный врач, и его соперники — рудометы, врачевавшие от всех недугов пусканием крови, «торговые немчины» — иностранные купцы с Запада и Востока, пушкари, сарафанники, те, кто подбирал бобровые меха и кто делал сермяги. Каких только мастеров не знала Москва тех лет! И вот среди их имен и дворов двор князя Дмитрия Пожарского.

Пожарский — народный герой, Пожарский — символ. А тут двор, простой московский двор на такой же обыкновенной московской улице, которую даже не стерли прошедшие столетия, — Сретенской. Правда, начиналась та «Устретенская» от самых стен Китай-города, с нынешней Лубянской площади. И «в межах» — рядом с Пожарским — такие обыденные соседи: безвестный поп Семен да «Введенская проскурница» Катерина Федотьева, которая перебивалась тем, что пекла просфоры на церковь. Князь жил по тем временам просторно — на двух третьях гектара, у попа было в 7 раз меньше, а у Катерины и вовсе набиралось полторы наших нынешних сотки.

Перепись еще раз называла Пожарского — теперь уже около Мясницких (Кировских) ворот, и не двор, а огород. Так и говорилось, что земля эта была дана царским указом князю, чтобы пахал ее. Полтора гектара пахотной земли — немалое подспорье в любом хозяйстве. Вот и мерил Пожарский московскую землю от двора на улице Сретенке до огорода у Мясницких ворот и обратно. И не потому ли, что сажень за саженью, аршин за аршином, можно было привязать его каждодневную жизнь к московским улицам, памятник на Красной площади словно оживал, становился более человечным.

Сретенская улица — двор Пожарского и Сретенская улица — Острожец Пожарского. Какая между ними связь? Случайное совпадение, попытка князя сохранить от врага родной дом или что-то иное — кто ответит на этот вопрос? Оказывается, опять-таки перепись и... погонные метры. Указания летописи, воспоминания очевидцев, но главное — «чертеж земли Московской». Обмеры сажень за саженью позволяли утверждать: нет, Пожарский не только не заботился о собственном дворе, он пожертвовал им, построив именно здесь Острожец. Его родного дома не осталось вместе с Острожцем. В следующей, более обстоятельной московской переписи 1638 г. та же земля будет названа не «двором», но «местом» Пожарского. Велика ли разница, но именно она говорила о том, что собственного дома князя

здесь больше не существовало, зато выросли вместо него избы Тимошки-серебряника, Петрушки и Павлика — бронников (оружейников), Пронки — портного мастера, Мотюшки-алмазника, Аношки-седельника — крепостных Пожарского.

Выводы напрашивались сами собой: богато жил князь, раз требовались ему в хозяйстве такие мастера. И снова «но» — в действительности все это свидетельствовало не о богатстве Пожарского, а о его убеждениях. Роду Пожарских ни богатством, ни даже знатностью хвастаться не приходилось. И хоть велся он от одного из сыновей великого князя Всеволода Большое Гнездо, сын этот был седьмым по счету в слишком многодетной семье, да и его потомкам не удалось улучшить своего материального положения. По службе занимали они невысокие должности, а при Иване Грозном и вовсе попали в опалу. Последние земли были у них отобраны царем, и род стал считаться «захудалым». А вот история с крепостными оказывалась здесь неожиданной.

Крепостному праву в XVII в. еще далеко до жесточайшей его безысходности в последующих столетиях: умирал владелец крепостного, и тот оказывался на свободе. Да и формы его отличались разнообразием — от полного рабства до относительной свободы. Существовала категория холопов, называвшихся деловыми людьми. Предоставленные личной инициативе, они занимались ремеслами, заводили целые мастерские, торговали, сколачивали немалые деньги, даже имели собственных холопов. Далеко не все крепостники на это шли, а, предоставляя самостоятельность, норовили взыскать за нее подороже. Пожарский во многом был исключением, и каким же редким. Он охотно «распускал» холопов, да и требовал с них немногого, удовлетворяясь главным образом тем, что в случае военной необходимости его «люди» выступали в полном вооружении вместе с ним. Потому так много было в Москве ремесленников из «деловых людей» Пожарского. Им не пожалел он уступить и собственный двор.

Но все-таки, почему остался недостроенным княжеский двор на Сретенке? Не мог же Пожарский потерять все связи со столицей настолько, чтобы перестать нуждаться в московском жилье? Да и куда исчезла та огородная земля у Мясницких ворот, которую так торжественно передал ему царский указ, — в переписи 1638 г. она вообще не упоминалась. На ней успели вырасти дворы других владельцев. Сами собой такие перемены произойти не могли. Должны были существовать определенные причины, только где они крылись?

Документы, разные, подчас случайные, будто мимоходом роняли все новые и новые подробности. Не оправившийся от полученных у Острожца на Сретенке ран, Пожарский был избран руководить новым, теперь уже нижегородским ополчением. В этом выборе, сделанном осторожными и предусмотрительными нижегородцами, сказалась память и о московских сражениях князя, и о всем его опыте полководца.

Пожарскому было немногим более тридцати, и посторонним наблюдателем раздиравшей страну смуты он не оставался ни одного дня. В октябре 1608 г. он разбил со своими частями осаждавших Коломну сторонников королевича Владислава. Годом позже, уже как воевода Зарайска, отбил от своего города

казаков, выступавших на стороне только что объявившегося, второго по счету, Самозванца. Ему удалось освободить от казаков и Пронск, где формировалось рязанское ополчение, с частями которого Пожарский оказался в Москве в марте 1611 г.

Но документы рисовали не просто удачливого и отважного военачальника — да одно это и не убедило бы нижегородцев. Оказывается, как никто в те годы, думал он о тылах, умел организовать снабжение, стараясь приблизить свои случайно набранные отряды к регулярной армии, обладал талантом стратегически точно угадывать будущий ход каждой операции и даже использовал неведомо какими путями оказавшихся на Руси военных специалистов — англичан. Месяц от месяца росло умение полководца, а вместе с ним и его популярность.

Нижегородское ополчение освободило Москву. Пришла победа, за ней выборы нового царя, и вот тогда-то — невероятно, но факты не оставляли места для сомнений! — и началось затянувшееся на века старательно скрытое от глаз непосвященных дело Пожарского.

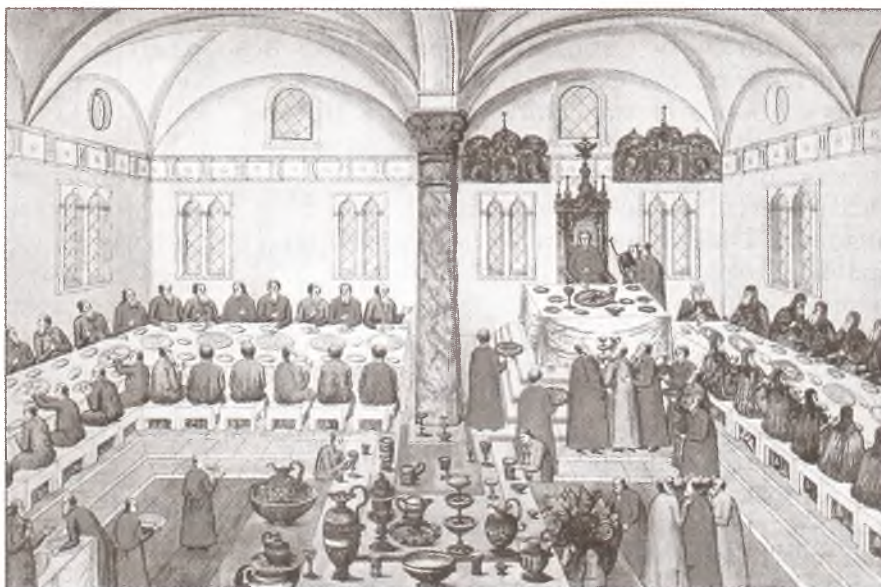
Кандидатов на престол, как всегда, было с избытком, — обладающих родственными связями, богатством, способностью к интригам и притом одинаково лишенных государственных заслуг и популярности в народе. Пожарского не было в числе претендентов на скипетр, во всяком случае формально, зато по существу... Не случайно кое-кто из современников, хоть и не слишком охотно, проговаривается, что, если бы князь обладал ловкостью и дипломатическими способностями Бориса Годунова, его кандидатура в цари могла стать вполне реальной. Был же избран Годунов на престол в конце концов вопреки воле бояр, при поддержке московских посадов. Не случайно находят среди современников и такие, которые готовы обвинить Пожарского в тайной мечте о престоле, хотя никаких прямых доказательств тому и не было. Но главное — за его плечами маячит тень поднятого со всей русской земли ополчения, тень народа. Опасность для боярства была слишком очевидной.

Престол получают Романовы — такова воля родовитых бояр. Не удалось в свое время Федору-Филарету, удалось его сыну Михаилу, а это почти одно и то же. Получивший тут же сан патриарха отец даже именовать себя заставляет государем наравне с шестнадцатилетним сыном: «великие государи Михаил и Филарет». Но мало было взойти на престол, надо было еще и удержаться на нем. А это за последние тридцать лет русской истории никому надолго не удавалось. Сторонников Романовым предстояло, не теряя времени, покупать. Щедрой рукой «великие государи» раздают вокруг себя земли и ценности, на первый взгляд кому придется, на самом же деле с оглядкой и точным расчетом.

Официальные историки в XIX в., захлебываясь восторгом, рассказывали о царских милостях, осыпавших Пожарского: звание боярина, земли, богатые подарки. Буква документа — относительно нее все представлялось правильным. Но существовали и другие документы, существовало сравнение, и оно-то вело к прямо противоположным выводам. Кто только ни получил тогда боярского сана: и те, кто сражался вместе с Пожарским, и кто сражался против него, и те, кто ограничился плетением придворных интриг, не коснувшись за все Смутное время ору-

Инокния Марфа
Романовна. Рисунок XIX в.

Пир в Грановитой палате
Московского Кремля.
1672–1673 гг.

жия. Сельцо под Рязанью, данное Пожарскому, по его собственным словам, «за кровь и за очищение Московское» — какой же ничтожной малостью смотрится оно рядом с целыми областями, которыми награждались другие бояре. Подарки и вовсе выглядели скупыми: одна шуба, один серебряный кубок...

Еще не кончилась борьба с интервентами, еще то там, то здесь появляются на русской земле их отряды, но в царском окружении, как по тайному сговору, никто не вспоминает вслух о заслугах Пожарского. Наоборот, бояре словно торопятся поставить его на свое место, «худородного», незнатного, небогатого. Так им кажется спокойнее, надежнее.

Дела о местничестве — сложнейшие расчеты между собой дворян о родовитости, знатности, а значит, и месте, которое один мог занять относительно другого. «Вместно ли?» — вопрос, которым постоянно задавались все, кто находился на царской службе. «Вместно ли?» — не унижительно ли для собственного достоинства и памяти предков сесть на пиру рядом с таким-то и «ниже» такого-то, можно ли принять назначение — а вдруг занимает или занимало подобную должность лицо худшего происхождения, и так без конца. И вот всем оказывается «невместно» быть рядом с Пожарским: одним, чтобы нести царскую службу, другим, чтобы видеть своих сыновей рядом с его сыновьями, пусть и на самом обыкновенном дворцовом приеме. Подвиги Пожарского растворяются в рутине придворной жизни.

Даже Иван Колтовской, тот самый, который предал Пожарского в бою, бросив оборону Замоскворечья, и тот отказывается от назначения вместе с князем на воеводство в Калугу. Правда, на него как раз управа находится быстро — слишком нужен был опытный военачальник в беспокойных тогда калужских краях. А вот непосредственно после освобождения Москвы Пожарский «головой выдается» боярину Борису Салтыкову, который куда как верно служил польскому королевичу Владиславу и добивался его утверждения на русском престоле. Унижение вчерашнего героя входило в расчеты придворных кругов, как

и возможность оставить его без средств, а уж это по тем временам было полностью в царских руках.

Земли — когда-то Иван Грозный поменял местами их владельцев, чтобы порвать связи феодалов с привычным окружением, поставить их в зависимость от царской власти, унять феодалную вольницу, — земли давались царем. Это была едва ли не единственная форма жалования для служилого дворянства — и так же просто земли передавались другим лицам. Еще в первые годы XVII в. Пожарский получил за службу несколько крохотных деревенок неподалеку от Владимира, в том числе и ту, которая так известна своим художественным промыслом, — Холуй. Оборона Острожца на Сретенке открыто поставила князя в число врагов королевича Владислава, и тот по просьбе одного из своих русских сторонников передал ему эти деревеньки. Казалось бы, после победы над интервентами они должны были вернуться к своему настоящему хозяину. Не тут-то было!

Пожарский должен был обратиться к Михаилу Романову с нижайшей просьбой восстановить его в былых правах. Царский указ не заставил себя ждать, но составлен он был так искусно, что оставлял «в сомнительстве», принадлежит земля именно Пожарскому или нет. Понадобилось немало лет, чтобы новый указ и с нужной формулировкой появился, не в порядке восстановления справедливости, а как... награда за очередную службу. Да и исчезнувшая огородная земля у Мясницких ворот торжественно дана Пожарскому за ратное дело — дешевый и удобный способ награды: на виду, и вместе с тем никакого сравнения с настоящим боярским поместьем. Данная при случае, земля так же легко была отнята, стоило Пожарскому уехать на новое место службы. А сколько переменил он их за свою жизнь!

Ни Романовы, ни родовитое боярство не поняли, что Пожарскому не нужна была их власть. Он не искал ее и не стремился к ней. Он просто делал то, что считал своим долгом человеческим, военным. Глухие города Нижнего Поволжья, Сибирь, Тверь, Клин, Калуга, печально знаменитая Коломенская дорога, откуда не переставала ждать нашествия татар Москва, Переславль-Залесский — всюду свои трудности, необходимость в опыте и таланте военачальника. И Пожарский имел полное основание сказать со спокойным достоинством Михаилу Романову и его отцу: «И где я на ваших службах ни бывал, тут яз (я) у вас, государей, не потерпывал (не плошал), везде вам, государям, прибыль учинял». Но на стороне полководца симпатия народа, и это делало его таким опасным для правящих кругов.

Пока жив был Пожарский, надо было бороться с его славой, стараться ее стереть, а позже... Впрочем, о том, когда Пожарского не стало, исследователи могут судить только на основании Дворцовых разрядов — документов, где отмечались события придворной жизни. Перестало встречаться там имя, значит, человека уже нет в живых. Утверждение официальных историков XIX в., будто умер князь в Москве, в своем доме и на погребении его присутствовал сам Михаил Федорович, не имеет никаких доказательств. Это легенда, скрывающая горькую правду.

Скорее всего, находился Пожарский в Переславле — на очередной службе. Московский дом так и оставался недостроен-

М. Скотти.
Минин и Пожарский

ным — с переписями не поспоришь. А что касается «царских выходов», то они слишком тщательно и подробно фиксировались. Нет, царь Михаил Романов не простился с полководцем. Зависимость от руководителя народного ополчения, опасность, которая таилась в его авторитете, — как же сама мысль о них была тяжела Романовым и как она не оставляла царей все три века правления их династии. А памятник на Красной площади — он был задуман в начале XIX столетия не венценосцами, но «Вольным обществом любителей словесности, наук и художеств», тем самым, которое стало известным своей приверженностью радищевским идеям. Радищевские идеи преданности народу — не царской власти! — продиктовали и выбор образов Минина и Пожарского. Сам князь виделся полководцем народного, в полном смысле слова, ополчения. «Природа могла, кажется, вдохнуть патриотическую силу в Пожарского, — писал журнал «Вольного общества» в 1806 г., — однако избранный ею сосуд был... так сказать, русский плебей (простолудин)».

Страсти, разгоревшиеся при жизни Пожарского, продолжали кипеть и после его смерти. Ну а правда истории? Она все равно заявила о себе. Сказали о ней свое слово обыкновенные свидетельства повседневной жизни Москвы, государства. Сквозь «чертеж земли Московской» яснее и человечнее проступал образ великого москвича.

ПО ТВЕРСКОЙ — В КРЕМЛЬ

Женщину поднимали на дыбу. Раз. Другой. Снова и снова. Треск костей. Запах крови. Боль. Господи, какая боль... От нее не требовали повиниться или в чем-то признаться. Палачи знали: бесполезно. Пусть лишь сложит пальцы для крестного зна-

нения, как велит царь. Три вместо двух. Веками жили с двуперстием. Теперь по исправленным от ошибок переписчиков церковным книгам, по рассуждениям князей церкви, все должно было сразу измениться. Ради утверждения полноты царской власти: все, как один, все, как приказано.

Женщина не знала толком богословских разночтений. Она думала о другом – о совести. Делать то, во что веришь. Не уступать насилию. Так чувствовали на Руси многие. Решились заявить некоторые. Очень немногие. Она среди первых и самых ярых. Боярыня из самых знатных в государстве. Свойственница царицы. Своя в царских теремах. Шел 1671 г. Боярыня Федосья Морозова – царь Алексей Михайлович...

Особых заслуг за немолодым Глебом Ивановичем Морозовым, взявшим за себя вторым браком 17-летнюю красавицу Федосью Соковнину, не числилось, но боярином, как и оба его брата Михаил и Борис, он был. С незапамятных времен владели Морозовы двором в Кремле, рядом с Благовещенским собором. Предок их Григорий Васильевич получил боярство в последние годы правления Ивана Грозного. До Смутного времени владел двором Василий Петрович Морозов, человек прямой и честный, ставший под знамена Пожарского доверенным его помощником и соратником, не таивший своего голоса в Боярской думе, куда вошел при первом из Романовых. В Кремле же родились его внуки, Глеб и Борис. Борису доверил царь Михаил Федорович быть воспитателем будущего царя Алексея Михайловича. Здесь уже нужна была не столько прямота, сколько талант царедворца; и нынешнему царю угодить, и будущего, не дай Бог, не обидеть.

Воспитание венценосцев – дело непростое. Борис Иванович всем угодил, а чтобы окончательно укрепиться при царском дворе, женился вторым браком на родной сестре царицы Марьи Ильичны – Анне Ильичне Милославской. Так было вернее: сам оплошаешь, жена умолит, золовка-царица в обиду не даст, племянники – царевичи и царевны – горой встанут. Милославских при дворе множество, дружных между собой, во всем согласных, на выручку скорых.

Да и брат Глеб не оплошал – жену взял с соседнего кремлевского двора князей Сицких, владевших этой землей еще во времена Грозного, когда был их прадед женат на родной сестре другой царицы Анастасии Романовны. После же смерти первой своей боярыни мог себе позволить Глеб Морозов, отсчитавший уже полсотни лет, заглядеться на девичью красоту, посвататься за Федосью.

Теперь пришло время радоваться Соковниным. Им-то далеко было до Морозовых. Разве что довелось Прокопию Федоровичу дослужиться до чина сокольничьего, съездить в конце 1630 г. посланником в Крым да побывать в должности калужского наместника. Но замужество дочери стоило многих служб. И не только мужу пришлось по сердцу Федосья Прокопьевна. Полюбилась она и всесильному Борису Ивановичу, и жене его, царицой сестре, да и самой царице Марье Ильичне. С собой хороша, нравом строга и наследника принесла в бездетную морозовскую семью – первенца Ивана. Может, к хозяйственным делам особой склонности не имела, но со двора выезжать не слишком любила. Упрекнуть молодую боярыню было не в чем.

Любила ли своего Глеба Ивановича или привыкла к старику, ни о чем другом и помыслить не умела, тосковала ли или быстро притерпелась? Больше молчала, слова лишнего словно вымолвить не хотела. А ведь говорить умела, и как говорить! Когда пришлось спорить о своей правде, о том, во что поверила, во что душу вложила, проспорила с митрополитом целых восемь часов: «И бысть ей прения с ними от второго часа нощи до десятого». Не убедила. Не могла убедить. Да ведь говорила-то по делу, находила доводы, возражала, переспорить себя не дала.

Упорством своим Федосья, похоже, была обязана своему роду. И предки ее, Соковнины, отличались им, и, когда настал час Федосьи, встали вместе с нею сестра Евдокия, по мужу княгиня Урусова, и братья, Федор и Алексей. Не отреклись, царской опалы и гнева не испугались. Остался и позже в их роду бунт против тех, кто злоупотреблял властью. Тот же брат Алексей был казнен в 1697 г. Петром I за то, что вместе с Иваном Циклером решил положить конец его царствованию, а брат Федор, несмотря на полученный боярский чин, оказался в далекой ссылке. Позже, во времена Анны Иоанновны, не кто иной, как Никита Федорович Соковнин, поплатился за сочувствие взбунтовавшемуся Артемию Волынскому, за планы переустроить власть на свой – не царский образец.

Покорство – ему в соковнинском доме, видно, никто толком Федосью Прокопьевну не научил. Пока жила с мужем, воли себе не давала. Но в тридцать овдовела, осталась сам-друг с подростком сыном, тогда-то и взяла волю, заговорила в голос о том, что и раньше на сердце лежало, о правильной вере. И потянулись к Федосьиному двору в переулке на Тверской – сразу за нынешним театром Ермоловой – сторонники раскола, пошел по Москве слух о новоявленной праведнице и проповеднице. Может, не столько сама была тому причиной, сколько протопоп Аввакум, вернувшийся из сибирской ссылки и поселившийся в доме покойного боярина Глеба Морозова. «Бывало сию с ней и книгу чту, – будет вспоминать протопоп, – а она прядет и слушает». Вот только откуда родился в ней бунт против затей Никона, убежденность в собственной правоте и сомнение в правоте патриарха?

При жизни мужа Федосья Морозова особой религиозностью не отличалась. Жила, как все, поступала, как иные. Или сказало и здесь свое слово время – желание понять себя и обо всем поразмыслить самому? Человек 60-х гг. XVII в. мучительно искал пути к самому себе. И еще сознание собственной значимости. Аввакум скажет – гордыни.

А воля словно сама шла в руки, прельщала легкостью и неотвратимостью. В 1661 г. не стало боярина Бориса Ивановича Морозова, главного в семье, перед которым и глаз не смела поднять, хоть тот и любил, и баловал невестку. Годом позже разом не стало мужа и отца – в одночасье ушли из жизни боярин и калужский наместник. Еще через полтора года могла распорядиться принять ссыльного протопопа, объявить себя его духовной дочерью.

Царский двор глаз с вдовой боярыни не спускал и вмешался сначала стороной: не успел Аввакум проделать путь из Сибири до столицы, как к концу лета 1664 г. был снова сослан –

на Мезень. Ни покровительство, ни заступничество Федосьи не помогли. Надо бы боярыне испугаться, притихнуть. А она, наученная неистовым протопопом, пришла в ярость, начала сама, не скрываясь, проповедовать, мучила сестру, забрала в руки сына. Теперь уже к ней приступили с увещеванием, постарались приунять, утихомирить. И увещавателей нашли достойных ее сана, ее гордыни. Разговор с Федосьей Прокопьевной повели архимандрит Чудова монастыря в Кремле Иоаким и митрополит Петр Ключарь. Кто знает, как долго говорили с отступницей, только, видно, ничего добиться не смогли. За упорство к концу 1664 г. отняли – «отписали» у боярыни половину богатейших ее имений, но выдержать характер царю не удалось. Среди милостей, которыми была осыпана царица Марья Ильична по поводу рождения младшего сына, Иоанна Алексеевича (будущего соправителя Петра I), попросила она сама еще об одной – помиловать Федосью. Иоанн Алексеевич родился в августе, а 1 октября 1666 г. были направлены все бумаги на возврат Федосье Прокопьевне морозовских владений.

И снова поостеречься бы ей, не перетягивать струны, уйти с царских глаз. Но то, что очевидно для многих царедворцев, непонятно Федосье. Для нее нечаянная, вымоленная царицей милость – победа, и она хочет ее испытать до конца. Все в ее жизни возвращается к старому: странники на дворе, беглые попы, нераскаившиеся раскольники. Федосья торжествует, не замечая, как меняются обстоятельства и время. Уходят из жизни последние ее покровители: в сентябре 1667 г. невестка – Анна Ильична Морозова-Милославская, в первых днях марта 1669 г. – сама царица. И надо же: богобоязненная, благочестивейшая, в мыслях своих не согрешившая против власти церкви, против разгула никонианской грозы, царица Марья Ильична не видела греха в «заблуждениях» Федосьи Морозовой. Ведь и сам царь Алексей Михайлович знакомился с Аввакумом, привечал его и на первых порах не прочь был обойтись с неистовым протопопом очень уважительно, лишь бы не посягал на каноны слитой с государством церкви.

Отбыв все испытания сибирской ссылки, Аввакум напишет о возвращении в Москву в своем «Житии». «Также к Москве приехал и, яко ангела Божия, прияша мя государь и бояря, – все мне ради (рады)... Государь меня тотчас к руки поставить велел и слова милостивые говорил: «Здорово ли-де, протопоп, живешь еще-де видатца Бог велел». И я оборотив руку ево поцеловал и пожал, а сам говорю: «Жив Господь, жива душа моя, царь-государь, а впредь что изволит Бог». Он же, миленький, вздохнул и пошел, куда надобе ему... Давали мне место, где бы я захотел, и в духовники звали, чтобы я с ними соединился в вере; аз (я) же вся сии яко уметы (грязь) вменил...»

Мог Аввакум и приукрасить, мог – и хотел – покрасоваться, но правда в его рассказах была. Ему отказ стоил ссылки на Мезень. Час Федосьи Морозовой наступил позже. И не стал ли главной ее виной гордый отказ пойти на свадьбу царя с новой женой – Натальей Кирилловной Нарышкиной?

Для Федосьи 2 года не срок, чтобы забыть царю о покойной царице Марье Ильичне. Против нового брака были все: и царские дети – родила Марья Ильична 13 дочерей и сыновей, и заполнившие дворец Милославские. Появление новой цари-

цы означало появление новых родственников, новую раздачу мест и выгод. А решилась пренебречь царской волей одна Федосья Прокопьевна. Когда царский посланец приходит приглашать боярыню Морозову на царскую свадьбу, Федосья решает на неслыханный поступок – отказывается наотрез от приглашения и плюет на сапог гонца. Чаша терпения Алексея Михайловича была переполнена. Расчеты государственные перехлестнулись с делами личными. В ночь на 16 ноября того же 1671 г. строптивая боярыня навсегда простилась со свободой.

После прихода чудовского архимандрита Иоакима Морозову вместе с находившейся у нее в гостях сестрой, княгиней Урусовой, заключают в подклете морозовского дома. Федосья отказывается подчиниться приказу, и слугам приходится снести боярыню в назначенное архимандритом место на кресле. Это будет ее первая тюрьма.

Но, даже сделав первый шаг, Алексей Михайлович не сразу решается на следующий. Может, и не знает, каким этому шагу быть. Два дня колебаний, и митрополит Павел получает приказ допросить упрямую раскольницу. Допрос должен происходить в Чудовом монастыре. Но Федосья снова отказывается сделать хотя бы шаг по своей воле. Если она понадобилась тем, в чьих руках сила, пусть насильно несут ее куда хотят. И вот от морозовского двора по Тверской направляется в Кремль невиданная процессия: Федосью несут на сукне, рядом идет сестра Евдокия – только в тот единственный раз были они в дороге вместе.

Митрополиту Павлу не удастся вразумить строптивицу. А ведь, казалось, все еще могло прийти к благополучному концу. Митрополит не собирался выказывать свою власть и в мыслях не имел раздражать Соковниных и Милославских. Царева воля значила много, но куда было уйти от именитого родовитого боярства. Цари менялись – боярские роды продолжались, и неизвестно, от кого в большей степени зависели князья церкви. Но оценить осторожной снисходительности своего следователя Федосья Морозова не захотела. Донесения патриарху утверждали, что держалась боярыня гордо, отвечала «дерзко», каждому слову увещевания противоречила, во всем вместе с сестрой «чинила супротивство». Допрос затянулся на много часов и одинаково обозлил обе стороны. Полумертвую от усталости, слуги снова отнесли боярыню в подклет собственного дома, под замок, но уже только на одну последнюю ночь.

Алексею Михайловичу не нужно отдавать особых распоряжений, достаточно предоставить свободу действий патриарху. Иосиф II сменил Никона, ни в чем не поступившись никонианскими убеждениями. Это при нем и благодаря его усилиям произошел окончательный раскол. Наутро после допроса в Чудовом монастыре Федосье вместе с сестрой еще в подклете родного дома наденут цепи на горло и запястья, кинут обеих на дровни да так и повезут скованными и рядом лежащими по Москве. В.И. Суриков в своей знаменитой картине ошибался. Путь саней с двумя узницами действительно лежал мимо Чудова монастыря. Морозова и впрямь надеялась, что на переходах дворца мог стоять и смотреть на нее царь. Но ни сидеть в дровнях, ни тем более вскинуть высоко руку с двуперстием она не

В. Суриков. Боярыня Морозова. Фрагмент

могла: малейшее движение руки сковывал застывший на морозе железный ошейник на горле.

Неточны историки и в другом обстоятельстве. Известные до настоящего времени документы утверждали, будто путь дровен с сестрами-узницами лежал в некий Печорский монастырь. На самом деле имелся в виду не монастырь, а его подворье, приобретенное в 1671 г. для размещения на нем Приказа тайных дел. Подворье было предназначено для пребывания Федосьи. Евдокию отправили к Пречистенским воротам, в Алексеевский монастырь. Княгиня Урусова ни в чем не уступала сестре. Ее велели водить на каждую церковную монастырскую службу, но княгиня не шла, и черницам приходилось таскать ее на себе, силой заталкивая в особые носилки.

Для одних это было проявление «крепости», для других – «лютости», но для всех одинаково – поединок с царской волей. Утвержденный на Московском соборе в мае 1668 г., раскол был делом слишком недавним, для большинства и вовсе непонятым. Но москвичи оставались на стороне бунтовщиц, тем более женщин, тем более матерей, оторванных от своих домов и детей. Скорая смерть Иосифа II – через несколько месяцев после ареста Морозовой, а за ним и его преемника Питирима – воспринималась как знамение свыше. «Питирима же патриарха вскоре постиже суд Божий», – утверждал современник.

А ведь новоположенный патриарх Питирим никак не хотел открытых жестокостей. Ему незачем было начинать свое правление с суда над знатными и уже прославившимися в Москве непокорными дочерьми церкви. Он был готов снова увещевать, уговаривать, ограничиться, наконец, простой видимостью раскаяния. Старый священник, он знает, что насилие на Руси всегда рождает сочувствие к жертве и ненависть к палачу. Москва только что пережила Медный бунт, и надо ли вспоминать те страшные для обитателей дворца дни? Но царь упорствует. Называвшийся Тишайшим, Алексей Михайлович не хочет и слышать о снисхождении и компромиссах. Строптивая бояры-

ня должна всенародно покаяться и повиниться, должна унизиться перед ним.

Настоятельница Алексеевского монастыря слезно молит избавить ее от узницы. Не потому, что монастыри не привыкли выполнять роль самых глухих и жестоких тюрем — так было всегда в средние века, не потому, что Урусова — первая заключенная в этой обители. Настоятельница заботится о прихожанах: к Урусовой стекаются толпы для поклонения. Здесь окажешься виноватой и перед властями, и перед москвичами. О доброй славе монастыря приходится радеть день и ночь, и Питирим хочет положить конец чреватому осложнениями делу: почему бы царю не выпустить обеих узниц, просто сослать в отдаленный монастырь «подначал»? Бесполезно!

...Сначала были муки душевные. Сын. Прежде всего сын. Не маленький, 22-летний, но из воли матери не выходивший, во всем Федосье покорный, из-за нее и ее веры не помышлявший ни о женитьбе, ни о службе. И мать права: ему не пережить ее заключения. Напрасно Аввакум уверял: «Не кручинься о Иване, так и бранить не стану». Может, и духовный отец, а все равно не своя кровь. Недаром же сам вспоминал: «...И тебе уж некогда четками стегать и не на ково поглядеть, как на лошадки поедет, и по головки неково погладить, помнишь, как бывало».

Помнила. Еще бы не помнила. Душой изболелась, печалась о доме, пока чужой, никонианский поп не принес страшную весть, что не стало Ивана, что никогда его больше не увидит и даже в последний путь не сможет проводить. От попа пришла и другая весть — о ссылке обоих братьев, что не захотели от нее и от Евдокии отречься. Новые слезы, новые опустевшие в Москве дома. Знала, что сама всему виною, но теперь-то и вовсе окаменела в своем упорстве, выбрала муки и смерть, и они не заставили себя ждать.

Алексей Михайлович не сомневался в «лютости» Федосьи. Так пусть и новый патриарх убедится в ней. Скованную боярыню снова привезут в Чудов монастырь, чтобы Питирим помазал ее миром. Но даже в железах Федосья будет сопротивляться, осыпать иерарха проклятиями, вырываться из рук монахов. Ее повалят, протащут за ошейник по палате, вниз по лестнице и вернут на бывшее Печорское подворье. Со следующей ночи на ямском дворе приступят к пыткам. Раздетых до пояса сестер станут поднимать на дыбу и бросать на землю. Федосье достанется провисеть на дыбе целых полчаса. И ни одна из сестер Соковниных не отречется, даже на словах не согласится изменить своей вере.

Теперь настанет время отступать царю. Алексей Михайлович согласен — пусть Федосья на людях, при стечении народа перекрестится, как требует церковь, пусть просто поднимет сложенные для крестного знамения три пальца. Если даже и не свобода, если не возврат к собственному дому — да и какой в нем смысл без сына, — хотя бы конец боли, страшного в своей неотвратимости ожидания новых страданий. В конце концов она только женщина и ей скоро будет сорок.

И снова отказ «застывшей в гордыне» Федосьи, снова взрыв ненависти к царю, ставшему ее палачом. Теперь на помощь Морозовой пытается прийти старая и любимая тетка царя — царица Ирина Михайловна. Да, она до конца почитала Нико-

на, да, ее сестра царевна Татьяна Михайловна с благословения Никона училась живописи и написала лучший никоновский портрет, но примириться с мучениями Федосьи царевнам-теткам не под силу. Ирина Михайловна своим именем молит племянника отпустить Морозовой ее вину, успокоить московскую молву. Алексей Михайлович неумолим. «Свет мой, еще ли ты дышишь? — напишет в те страшные недели протопоп Аввакум. — Друг мой сердечной, еще ли дышишь, или сожгли, или удавили тебя? Не вем и не слышу; не ведаю — жива, не ведаю — скончали. Чадо церковное, чадо мое дорогое, Федосья Прокопьевна. Провещай мне, старцу грешну, един глагол: жива ли ты?»

Это было чудо: она еще жила. Жила и когда ее перевезли в Новодевичий монастырь, оставив без лекарственных снадобий и помощи. Жила и когда ее перевезли от бесконечных паломников на двор старосты в Хамовниках. Жила и когда распоряжением вконец рассвирепевшего царя была отправлена в заточение в Боровск, где поначалу, к великому их счастью, сестры окажутся в одной темнице.

Стылые стены тюрьмы-сруба. Едва тронутое светом зарешеченное окошко. Холод, которого не могло осилить никакое летнее солнце. Голод — горстка сухарей и кружка воды на день. И тоска. Звериная, отчаянная тоска. Царь, казалось, забыл о ненавистной узнице. Казалось...

После двух лет, в апреле 1675 г., в Боровск приезжает для розыска-следствия по делу Морозовой стольник Елизаров со свитой подьячих. Он должен сам провести в тюрьме «обыск» — допрос, сам убедиться в настроениях узницы и решить, что следует предпринимать дальше. Стольнику остается угадать царские высказанные, а того лучше невысказанные желания. Откуда боярыне знать, что, чем бы ни обернулся розыск, он все равно стремительно приблизит конец.

Сменивший стольника в июне того же года дьяк Федор Кузьмищев приедет с чрезвычайным полномочием: «Указано ему тюремных сидельцов по их делам, которые довелось вершать, в больших делах казнить, четвертовать и вешать, а иных указано в иных делах к Москве присылать, и иных велено, которые сидят не в больших делах, бивши кнутом выпускать на чистые поруки на козле и в провотку».

Дьяк свое дело знал. Его решением будет сожжена в срубе стоявшая за раскол инокиня Иустина, с которой сначала довелось делить боровское заточение Морозовой. Для самой же Морозовой и Урусовой Федор Кузьмищев найдет другую меру: их опустят в глубокую яму — земляную тюрьму. И то сказать, зажились сестры. Теперь они узнают еще большую темноту, леденящий могильный холод и голод. Настоящий. Решением дьяка им больше не должны давать еды. Густой спертый воздух, вши — все было лишь прибавкой к мукам голода и отчаяния.

Решение дьяка... Но, несмотря на все запреты, ночами сердобольные боровчане пробираются с едой к яме. Не выдерживает сердце у самих стражников. Вот только, кроме черных сухариков, ничего не решаются спустить. Не дай Бог, проговорятся узницы, не дай Бог, стоном выдадут тайну.

Евдокия дотянет лишь до первых осенних холодов. Два с половиной месяца — разве этого мало для земляного мешка? К тому же она слабее телом и духом, до конца не перестает уби-

ваться об осиротевших детях. Федосья крепче, упорнее, но и ей не пережить зимы. Федосья не станет 2 ноября 1675 г. И перед смертью что-то сломится в ней, не выдержит муки... Она попросит у стражника: «Помилуй мя, даждь (дай) ми колачика, поне хлеба. Поне мало сухариков. Поне яблочко или огурчик». И на все получит отказ: не могу, не смею, боюсь. В одном стражник не сможет отказать Федосье – вымыть на реке единственную ее рубаху, чтобы помереть и лечь в гроб чистой. Шла зима, и в воздухе висел белый пух. Спуститься в земляной мешок было неудобно, и стражники вытащили окоченевшее тело Федосьи на веревочной петле.

Участники разыгранной драмы начинают уходить из жизни один за другим. Ровно через 3 месяца после Федосьи не стало царя Алексея Михайловича. В Пустозерске был сожжен в срубе протопоп Аввакум. В августе 1681 г., также в ссылке, скончался Никон. А в 1682 г. пришла к власти от имени своих братьев царевна Софья. Она меньше всего собиралась поддерживать старообрядцев, боролась с ними железной рукой. Но братьев Соковниных вернула из ссылки, разрешила перезахоронить Федосью и Евдокию и поставить над их могилой крест.

ЗАГАДКА ПРОСТОЙ ПЕРЕПИСИ

«Еще не знаем» – «уже знаем» – между этими рубежами органично укладываются знания почти из всех видов наук. Кроме истории. Для исторической науки возникает еще одна, промежуточная, ступень: «как будто знаем». Доказанность факта и, следовательно, правильность вывода из него по мере развития науки становятся проблемой все более сложной. «Общеизвестно, что...» – откуда известно, как, каким образом установлено, чем именно подтверждено, доказано? Иначе в канву объективных знаний неизбежно начинает вплетаться легенда. Путешествие в прошлое только тогда и может стать настоящим путешествием, когда все в нем будет не «общеизвестным», но документально установленным, выверенным, без малейших поправок на домысел и догадку.

Московская перепись – самая обыкновенная и самая необыкновенная. Обыкновенная, потому что перечисляла всех, кто жил в городе, платил любые налоги и подати, владел оружием и имел оружие на случай военного времени. Необыкновенная, потому что первая во всей истории города и первая после пожаров и разрухи Смутного времени, когда самые благожелательные иностранные наблюдатели готовы были признать полную гибель города.

Пожалуй, начинать хотелось с профессий. Их было множество – перепись 1620 г. называла около 250. Были здесь желез-

Улица Москвы. Из книги Адама Олеария «Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. 1634, 1636–1639, 1643 гг.». 1663 г.

ники, котельники, сабельники, харчевники, блинники, пирожники, медовщики. Были заплочных дел мастера — палачи и мастера-денежники. Были печатники, словолитцы, переводчики. Был и «перюшного дела мастер» — парикмахер, выделявавший парики. Вот и суди тут о привычном представлении, что появились парики в русском обиходе лишь в петровское время, да и то привозились из-за рубежа!

Да что там перепись. Описи имущества в боярских домах подтверждают — «накладные волосы длинные» встречались среди мужской одежды нередко. И разве не говорит само за себя то, что был «перюшного дела мастер» местным, русским, хотя, возможно, и единственным в городе. Единственным в Москве оставался и лекарь иноземец Олферий Олферьев. Единственным среди «рудометов», которые «отворяли кровь», специалистов по лечебным травам — зелейщиков. Но и Олферьев здесь прижился. Имел он свой двор — «в Казенной улице от Евпла Великого по другой стороне на праве», как определялся тогда точный московский адрес, — и врачевал не царскую семью, а обращавшихся к нему горожан.

Так было с медиками в 1620 г., а спустя каких-нибудь 18 лет лекари появляются на многих улицах Москвы, и все с собственными дворами, иначе говоря, обосновавшиеся на долгое житье. К 1660 г. они рассеяны по всему городу, в том числе и доктора — звание, которым отмечалась высшая ступень медицинских знаний, причем половину лекарей составляли русские специалисты. На Сретенке, например, в Кисельном переулке, имеет двор лекарь Иван Губин, у Мясницких ворот — «аптекорские полаты лекарь» Федот Васильев и лекарь иноземец Фрол Иванов. От Сретенки до Покровки живут и врачуют лекари Карп Григорьев и Дмитрий Микитин, на Покровке — «дохтур» Иван Андреев и лекарь Ортемья Назарьев. И так по всему Белому и Земляному городу.

Откуда могла возникнуть эта неожиданная тяга к медицине и доверие к ней? О чем они говорили — о неких национальных русских особенностях или совсем о другом — о прямой связи с процессами, происходившими в жизни народов всех европейских стран, будь то Франция, Голландия или Англия? Ведь именно в эти десятилетия анатомия и физиология становятся предметом всеобщего увлечения. Имена врачей начинают соперничать по своей популярности с именами государственных деятелей, а собрания анатомических препаратов составляют первые публичные музеи.

И вот в Москве стремительно растет число ученых медиков и уменьшается число «рудометов». Становится значительно меньше даже зелейщиков. Зато ширится Аптекарская палата, где лекарства изготовлялись под «досмотром врачей». Целый аптечный городок можно и сегодня увидеть на углу Воздвиженки и Ваганьковского переулка, за дворцовым зданием Музея истории и теории архитектуры.

Если кто и мог соперничать с врачами по стремительному росту численности, то это только мастера печатного книжного дела. За 18 лет, прошедших после первой переписи, их число увеличивается без малого в 7 раз. И косвенное свидетельство уважения к профессии — земли под дворы им отводятся не где-нибудь, а рядом с московской знатью и именитыми иностранцами, в устье Яузы.

Но все равно потребность в печатниках опережает любое строительство, так что на первых порах многим приходится селиться скопом, лишь бы иметь крышу над головой. Так и появляется в переулке, «что от Зачатия мимо тюрем до Варварского мосту», перенаселенный двор «нового Печатного заводу подъячего Василия Бурцева, людей у него Степанко Михайлов, Ерошка Иванов, Терешка Онаньин, да захребетники: словолитец Терешка Семенов сын Епишов, да сторож Печатного двора Якушко Григорьев, да резец Лучка Иванов, да калашник Онофрейко Васильев».

А ведь имена эти вошли в историю русской культуры! Василий Федоров Бурцев-Протопопов не только подъячий-администратор. Он же и печатный мастер. Ему московское книгоиздательское дело обязано своим обновлением, введением наборного орнамента, титульных листов, изданием самой популярной книги XVII в. — Азбуки.

Василий Бурцев наладил связь с украинскими книгоиздателями, и он же отстраивал каменные палаты московского Печатного двора после пожара 1634 г. на Никольской улице. Лучка — Лукьян Иванов оставил по себе память в авторских гравах.

И все было бы простым и понятным, если бы число печатников продолжало, пусть даже не так стремительно, расти в течение столетия. Но в том-то и дело, что после переписи 1638 г. число печатников начинает сокращаться. В середине 1660-х гг. их в Москве уже в 1,5 раза меньше, и дальше все замирает примерно на том же уровне, будто интерес к книге затухает. Могло ли так случиться, и если могло, то почему?

Конечно, сказала на печатных делах наступившая смерть Бурцева. Не могла не сказаться и последовавшая после нее пе-

редача Печатного двора в ведение приказов, а это означало введение чисто бюрократических методов руководства. И все-таки главная причина — в культурной политике пришедшего к середине века к власти царя Алексея Михайловича, куда более консервативного и придерживавшегося дедовских обычаев, чем его отец. Недаром Михаил Федорович и разрешает и поощряет ношение западноевропейского платья, тогда как Алексей Михайлович не просто запрещает, но и грозит за нарушение запрета нешуточными наказаниями.

Соотношение профессий — эта простая арифметика была как барометр того, как и чем жила Москва. В 1620 г. здесь печатников столько же, сколько иконописцев, а музыкантов столько же, сколько певчих. Причем первых двух втрое больше, чем вторых.

К концу 1630-х гг. певчих становится вчетверо больше, музыкантов — впятеро, печатников — в 7 раз, а вот иконописцев — всего лишь втрое. Их число останется неизменным вплоть до петровских лет, хотя население Москвы беспрестанно увеличивалось. Значит, все более отчетливо давала о себе знать потребность в каком-то ином виде изобразительного искусства.

Еще через четверть века певчих станет вдвое больше, зато в четыре с лишним раза увеличится число музыкантов. А ведь это действительно поразительно. Значит, не увеличивались религиозные настроения — певчие в основном были связаны с церковной службой. К тому же музыканты, которые никогда и ни при каких обстоятельствах не связывались с православным богослужением, явно свидетельствуют о росте «мирских» настроений и потребностей.

Праздник Входа Господня
в Иерусалим. 1636 г.
Рисунок А. Олеария

СМОЛЕНСКИЙ ШЛЯХТИЧ

Одутловатое, набухшее лицо. Недобрый взгляд темных, широко посаженных глаз. Осевшая на брови царская шапка. Штыком застывший скипетр в руке. Царь Алексей Михайлович... И хотя делались попытки назвать другого художника, документы не оставляют места для сомнений: портрет написан Станиславом Лопуцким, и это незаурядный портрет. Его трудно забыть — из-за необычного сочетания лица с крупными цветами занавеса за спиной царя, из-за звучных переливов зеленоватого золота, из-за характера — властного, самолюбивого и какого же незначительного! И при всем том это собственно живописный портрет.

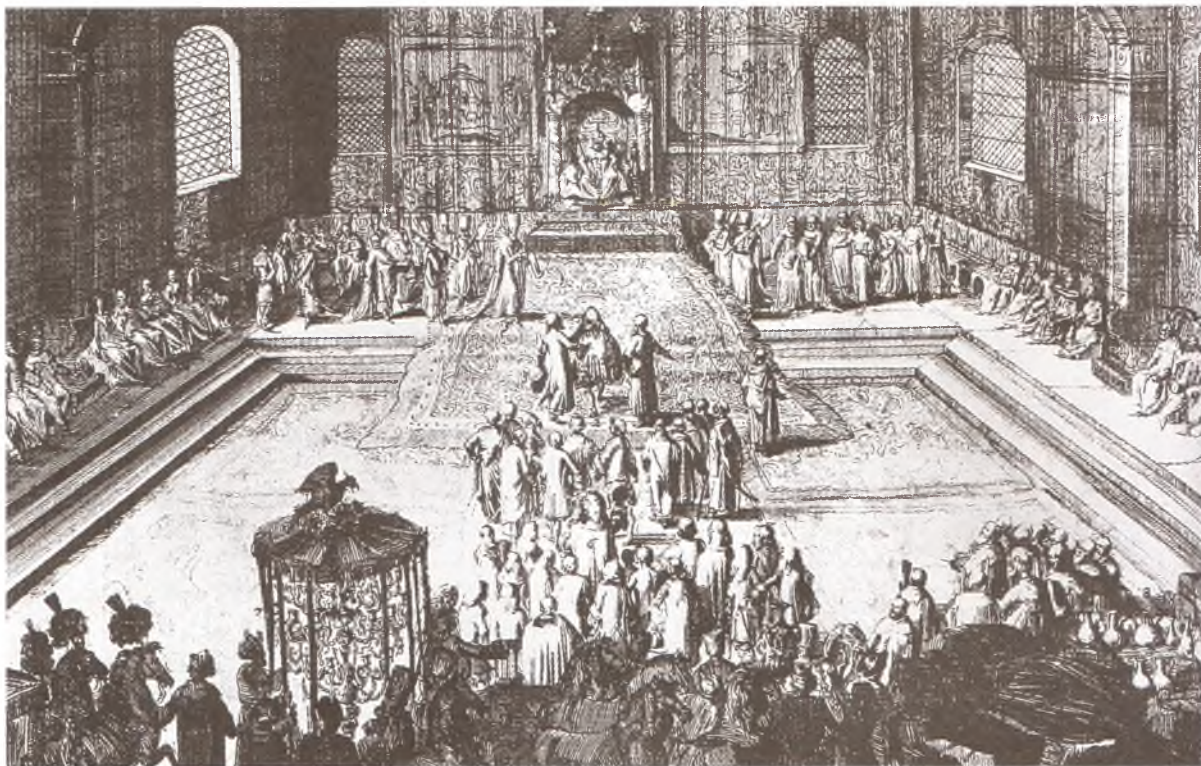
Лопуцкий появился в Москве в 1656 г. на месте умершего Детерса. Русские войска только что заняли Смоленск, и живописец был выходцем и шляхтичем из вновь присоединенного к Московскому государству города. С «персоны» начиналась его московская жизнь, и, видно, начиналась удачно. Недаром сразу после окончания портрета царским указом была дана ему в пользование казенная лошадь и корм на нее. Награда немалая, если «брести», как говорилось, на работу приходилось изо дня в день.

Так шла «государская» служба. А Москва?.. Как в московской обстановке складывалась жизнь живописца? Лопуцкий приехал из города, только что вошедшего в состав государства, и тем самым вполне отвечал понятию иноземца. И если восстанавливать его жизнь, то не с этой ли особенности биографии? Не отношение ли к иноземцам определяло положение Лопуцкого и его мастерства? Ставшим хрестоматийными разговорам о том, какой непроницаемой стеной отгораживались от чужеземцев и иноверцев москвичи, противостоят факты. В основном законодательстве века — Соборном Уложении Алексея Михайловича, принятом в 1649 г., — разрешался обмен поместий внутри Московского уезда «всяких чинов людем с московскими же всяких чинов людьми, и с городовыми Дворяны и детьми Боярскими и с иноземцами, четверть на четверть, и жилое на жилое, и пустое на пустое...». Бюро обмена того столетия не допускало только приезда из других местностей. Что касается происхождения владельца, то оно никакого значения не имело.

Сторониться иностранцев — не московская действительность, разве что несбыточная мечта некоторых и очень немногих. Об этом просят еще в 1620-х гг. купцы, которым не дает покоя конкуренция, особенно английских торговцев, — поди справься с ними, когда завалили товарами весь центр города! Одиннадцать церковников пишут слезную челобитную, что в нынешних Армянском и Старосадском переулках не осталось места для православных, а значит, и для их поповских доходов, — столько расселилось кругом иноземцев. И это притом, что в Москве было одновременно до шести иноземческих слобод повсюду: между Тверской и Малой Дмитровкой, у Воронцова поля, у Калужских ворот, в Замоскворечье и у Мещанских улиц.

Правда, в том же Уложении подтверждалось введенное еще первым Романовым запрещение русским жить на работе у некрещенных иноземцев, но на деле кто думал о его соблюдении! Главной оставалась работа, обучение, мастерство. Перед ними страх религиозных соблазнов легко и незаметно отступал на

задний план. Государственные учреждения оказывались в этих вопросах гораздо более свободомыслящими, чем отдельные люди. Мог отказать царь купцам в ограничении английского торгового, мог и вовсе не замечать обозленных попов, но что было делать с малолетними «робятами», которых пугала самая мысль обучаться не иконописи — живописи... А их история неожиданно всплывала из архивных дел.

Были «робята» присланы по специальному царскому указу из Троице-Сергиева монастыря к Лопуцкому перенимать его мастерство. Но не прошло и месяца, как пришлось отправлять в монастырь новый указ: «Да в нынешнем же во 167 году писали естя к вам, Великому Государю, и прислали иконного дела учеников робят, для учения живописного письма; и те робята отданы были по вашему, Великого Государя, указу живописцу Станиславу Лопуцкому для научения живописного письма; и они, не захотев учения принять от тово Станислава, збежали в Троицкой монастырь, и вы б потому ж тех робят прислали к нам. Великому Государю...» Монастырское начальство вынуждено было признаться, что подростки не только сбежали «от тово Станислава», но не пожелали вернуться и в монастырь: «А живописного дела ученики, приобретчи с Москвы, из монастыря разбежались безвестно». Оружейная палата явно ошиблась в выборе первых питомцев живописца. Не хотели одни — захотели другие. И эти другие не только охотно учились, но и вообще поселились со своим мастером в одной избе.

Протопоп Аввакум, Никита Пустосвят, раскольники, споры о вере, кончавшиеся потоками крови, неистовый фанатизм православных церковников — и рядом признания иностранцев, на первый взгляд — невероятные, что в XVII в. Московия была самой веротерпимой страной в Европе. Но если первая часть

Прием царем Алексеем Михайловичем голландского посольства. Нидерландская школа. Гравюра. Кон. XVII в.

этого сопоставления усиливалась известной предубежденностью историков, односторонностью публиковавшегося материала, то в словах современников трудно усматривать преувеличение: никто не заставлял их так подолгу жить в стране и сохранять о ней подобные воспоминания.

А кого только не было среди хотя бы военных специалистов, которых, не щадя расходов, приглашали первые Романовы: англичане, голландцы, французы, итальянцы, датчане, немцы. В большинстве своем это участники недавно окончившейся в Европе Тридцатилетней войны. Они обладали и теоретическими познаниями, и настоящим боевым опытом. Ради этого вполне можно было не замечать религиозных и национальных различий. Чем нужнее специалист, тем большей свободой и возможностями он пользовался, будь то офицер, архитектор, строитель, врач или музыкант – наиболее ценимые на Руси профессии. Зато проповедникам всех толков рассчитывать на терпимость или простое снисхождение не приходилось.

Слухи о широте взглядов московского царя привели сюда известного мистика, «духовидца» Кульмана из Бреславля, преследуемого по всей Европе за его взгляды. Он появился вместе со своим последователем, купцом Нордманом, и здесь нашел свой конец, но какой! Оба были сожжены в срубе, пройдя через все изощреннейшие виды суда и пыток, за то, что «чинили в Москве многие ереси и свою братию иноземцев прельщали». Оказывается, царевне Софье, в правление которой состоялась эта казнь, была одинаково важна чистота верований и своих, и чужих подданных – порядок прежде всего.

Лопуцкий относился к числу ценимых мастеров, специалистов. Религиозные страсти не могли его касаться. Вот только почему-то его приезд в Москву не был похож на появление здесь его предшественника. Детерс получил двор, да к тому же «пожаловал государь царь великий князь Михаил Федорович всея Руси живописцу Анцу Дитерса за приезд, велел дати ему своего государева жалованья за приезд в приказ ковш серебрян в две гривенки (около восьмисот грамм), камку куфтерь, тафту добрую, сукно лундышь доброе...». Лопуцкому же пришлось удовлетвориться двадцатью рублями. Их могло хватить на двор и простой дом – не больше. Можно бы подумать, что сказалось происхождение художника: выходцы из польских и литовских земель на деле исключались из понятия иноземцев. Но нет, секрет здесь в действительности заключался во времени – в тех тринадцати годах, которые успели пройти после поступления на русскую службу Детерса. Профессия живописца становилась все нужнее, но и свою исключительность она уже начинала терять. Совсем рядом были годы, когда в Оружейной палате появятся целые списки живописцев.

Правда, не прослужил Лопуцкий и полугода, как обзавелся двором и решил жениться на русской «девице Марьице Григорьевой». В разрешении на обзаведение семьей нужды не было, но обратиться по этому случаю к царю с челобитной имело смысл. По установившемуся порядку, свадьба – предлог для получения денег на семейное хозяйство. Как и все русские мастера, Лопуцкий получил на него полугодовой оклад. Обо всем

этом подробно рассказали документы. Но, чтобы ближе познакомиться с художником, дальше предстояло найти — если удастся! — тот дом, который он в конце концов построил.

А. Васнецов. Книжные лавки на Спасском мосту в XVII в. 1902 г.

«В Земляном городе, близ Арбата» — никаких иных указаний на дом Лопуцкого в документах не встречалось. Да их бесполезно было бы и искать: точно так же обозначались места жительства и других москвичей. Адресов в нашем смысле Москва не знала.

Улицы постоянно меняли свои названия (может, это стало традицией?), переулки к тому же одинаково легко появлялись и исчезали. Церковный приход — он только позже начал играть роль фиксированного территориального участка. Иное дело — участок «объезжего головы». Назначавшийся на один год из числа служилых дворян, голова получал под свое начало определенный район города. Здесь он следил за порядком, принимал меры против пожаров и грабителей, вел учет обывателей, разбирал мелкие тяжбы и даже занимался предварительным дознанием в уголовных делах. Служба эта считалась и ответственной, и почетной. Во всяком случае, имя одного из первых объезжих голов времен великого князя Василия III, Берсень Беклемишева, сохранилось и в названии кремлевской башни, и в названии москворецкого берега — сегодняшней набережной.

Но Москва в разные годы бывала разной: мирная — она не нуждалась в большом числе объезжих голов, зато «бунташная» (а часто ли случалось ей бывать иной!) срочно делилась на

дополнительные участки. В Земляном городе их становилось одиннадцать вместо семи — о твердых топографических границах говорить не приходилось. В конце концов единственными, действительно неизменными ориентирами оставались городские укрепления: Белый город — в границах нынешнего Бульварного кольца («А»), Земляной — в границах Садового («Б»). Дальнейшему уточнению могла служить ссылка на слободу или сотню, а их Москва имела около полутора.

Казалось, простая и конкретная цель поиска — один определенный, известному человеку принадлежавший дом в городе. Но сколько же надо вокруг увидеть и узнать, чтобы получить возможность добраться до него, представить его себе! И иного способа относительно тех далеких лет не существовало.

Слобода, сотня — хотя известные различия между этими понятиями и существовали, в общем обозначали они объединения людей по характеру повинностей, которые те несли. Жители дворцовых слобод занимались непосредственно обслуживанием дворца, казенных — были состоявшими на государственной службе мастерами, а вот так называемых черных — не пользовались никакими привилегиями, зато несли всю тяжесть государственных повинностей, иначе — тягла. И что только не входило в обязанности черных слобод! Это они оплачивали содержание недешево обходившихся московских дорог — так называемые «мостовые» деньги (о скольких москвичах и какие подробности можно было узнать именно по этим таким дело-

А. Васнецов. На крестце в Китай-городе. 1902 г.

вым описям!) и главной городской пожарной команды, которая состояла из стрельцов. Это они были обязаны обеспечивать дежурства нижних полицейских чинов — ярыжных и извозчиков для разных неотложных надобностей, сторожей и даже сборщиков налогов — целовальников. Поборы с одного двора достигали восьмидесяти восьми копеек в год, и это в то время, когда на государственной службе мастер получал не больше алтына в день. Жизнь в черной сотне была совсем не легкой. Жили своим замкнутым мирком. На сходе «лутчих людей» — самых состоятельных — решали, как распределять повинности и платежи, как установить очередь на повинности. Но тут уже говорил свое слово и «мир» — общий сход, который судил «по животам и промыслам», по числу людей и по профессиям. В масштабе времени многое теряет свой первоначальный смысл. Копеечные платы, мелкие повинности — все это не рисуется теперь таким уж тяжелым, а вот посадские люди любой ценой хотели избавиться от них. Одни записывались на государственную службу — в стрельцы, пушкари, ямщики. Другие «сходили в Сибирь». И так влекла к себе вольнолюбов эта далекая сказочная Сибирь, что одно время думали устраивать специальные заставы, чтобы задерживать и возвращать в родные места переселенцев. Города в XVII в. и так пополнялись очень слабо, деревня никак не тянулась в них. Вслед за Сибирью манила к себе и Средняя Волга, и юг. Так что числились в одном только Симбирске переселенцы из Ярославля, Перми, Мурома, Устюга, Кадома, Балахны.

Свои особенности были и у Москвы. Военная опасность, неразрешенные вопросы западной и южной границ заставляли не только держать большое число профессиональных военных в самой столице, но и постоянно думать о переустройстве армии. Конечно, это не дело искусствоведа, даже не историка культуры по общепринятым канонам. Но как пройти равнодушно мимо извлеченных статистикой цифр, в которых так ощутимо бьется и пульс тех давних времен, и заботы человека тех лет, которые не обходили ни самих художников, ни того, для кого они работали, с кого писали свои портреты. В годы Лопуцкого Москва насчитывала в дворцовых и казенных слободах три тысячи четыреста дворов, в монастырских и патриарших — тысячу восемьсот, в черных — около трех с половиной тысяч, зато в военных (а были и такие) — не меньше одиннадцати тысяч. Но ведь именно поэтому первой работой Лопуцкого вместе с «персоной» Алексея Михайловича становится армейское оборудование — полковые знамена, «прапорцы» — своеобразные войсковые вымпела, росписи станков под пищали — ружья.

Район Арбата — только в нем одном сумело разместиться около десятка слобод: самая многолюдная Устюжская черная, Арбатская четверть сотни, дворцовые кормовые между Арбатом и Никитской улицей, дворцовая царицына — на Сивцевом Вражке, Каменная — казенных мастеров, ближе к Смоленскому рынку, еще одна казенная — Иконная, между Арбатом и Сивцевым Вражком. Лопуцкий с одинаковым успехом мог оказаться в каждой из них, и поиски ни к чему бы конкретному не привели, если бы не... пожар. Память о нем осталась и в документах Дворцового приказа, и в «столбцах» Оружейной палаты.

Весной 1668 г. художник должен был спешно закончить шестьдесят войсковых знамен — сложнейшие композиции с человеческими фигурами, пейзажами, символическими атрибутами и надписями. Обычно иконописцы и живописцы Оружейной палаты работали в казенных «светлицах», здесь «ради поспешения» мастеру разрешили взять работу домой. От топившейся всю ночь для просушки знамен печи начался пожар. В огне погиб весь двор — три избы и поварня. Лопуцкий снова получил на обзаведение двадцать рублей. Начинать приходилось заново.

Обычное московское несчастье, но благодаря ему в документах оказалось указанным место, где находился двор, — на землях, примыкавших к «Арбатской четверти сотни». А в челобитной о помощи «на пожарное разорение» заключалась и подробная опись владения. Что ж, это был двор ремесленника средней руки, каких в Москве насчитывались многие сотни.

Чтобы окончательно разобраться в подробностях, не хватало плана местности. Попробовать поискать его? Ведь планы Москвы к этому времени уже существовали, и притом во многих вариантах. Самый ранний — составленный между 1600 и 1605 гг. и подписанный «Кремленаград», другой, принадлежащий сыну Бориса Годунова Федору (как это у Пушкина — «Учись, мой сын»!) и помещенный на им же выполненной карте России, несколькими годами позже составленный «Сигизмундов чертеж» или относящийся уже ко времени правления первого Романова «Петров чертеж» — все они были напечатаны в том же XVII в. в иностранных изданиях и обладали одной особенностью. Их авторы основывались не на обмерах, а на зрительных впечатлениях и глазомере. План города помечал основные улицы, но в целом превращался в совершенно своеобразный панорамный вид. Напрасно было бы искать в нем верных масштабов, топографического соответствия натуре, зато можно было почерпнуть немало интереснейших, неожиданно подмеченных деталей архитектуры или устройства дворов. И тем не менее попытка пойти по этому пути дала свой, хоть и непредвиденный результат.

Не удалось найти двора Лопуцкого — нашлось его имя, и где! Среди тех немногих в XVII столетии мастеров, которые владели умением составлять «чертежи», вот эти самые панорамные виды — планы земель и городов. В те годы это специфическая форма применения искусства именно живописца. Документы утверждали, что Лопуцкий единственно специально «посылай был с Москвы на железные заводы, и на железных заводах был 6 недель и чертежи железных заводов написал» (именно написал — не снял, как сказали бы сегодня картографы!). Двумя годами позже он выполняет «чертеж всего света» — карту мира, а потом «московской, и литовской, и черкасской земель».

Впрочем, и с установлением размера двора положение не было безнадежным. Если не наука и искусство, тогда, во всяком случае, соседи могли помочь решить эту задачу. Вот по ним-то — от двора к огороду, от огорода к пустоши и от пустоши к лавке — и удавалось определить нужные сажени. И чего только не было у Лопуцкого по соседству — «в межах»: и кладбище (ведь хоронили там же, где жили, — у сво-

А. Васнецов. У стен
деревянного города.
1907 г.

ей приходской церкви), и дворы, и даже общественная банька, без которой не обходились шумные перекрестки московских слобод.

Кто не знает, как выглядела Москва триста лет назад? Достаточно вспомнить школьные учебники, виды старой Москвы Апполинария Васнецова. Громады почерневших срубов, выдвинутые на улицу широченные крыльца, просторные — хоть на тройках разъезжай! — дворы и на уличных ухабах разлив пестрой толпы. Здесь не было ничего от фантазии художника, разве белесовато-свинцовая пелена зимних московских дней — она просто вошла в полотна из ощущения привычной живописцу и современной ему Москвы. Так рисовался город историкам, Васнецова же отличала скрупулезная выверенность каждой детали: не картина — почти научное исследование.

А потом пришли археологи. Они были и раньше, но где в густозаселенной, сплошняком застроенной Москве заниматься раскопками! Урывками это удавалось при строительстве метрополитена, по-настоящему — один-единственный раз, когда для будущей гостиницы «Россия» целиком сносилось старое Зарядье. Вот тогда-то, ценой потери части древнего города, и начались подлинные открытия.

Что ж, действительно тонула Москва в ухабах разъезженных, залитых то грязью, то жидким крошевом снега дорог. Слободские дороги... Даже сегодня, давным-давно ставшие городскими улицами, под лентой асфальта и бетона, среди восторженных газонов, в нескончаемом шорохе шин, они по-прежнему чертят свой непонятный и замысловатый узор веками проложенных и исхоженных троп. Но тогда на двести тысяч москвичей — а всего насчитывало Московское государство около двенадцати миллионов человек — приходилось в столице около

четырёх с половиной километров мостовых — мостов через грязь. А в 1646 г. предполагалось проложить еще более полутора сажен по Арбату.

Но зато огромного рубленого дома у Лопуцкого при всем желании не могло быть. Не могло потому, что такие дома были в Москве наперечет, в обыкновенных же дворах отличались они совсем незначительными размерами. В Китай-городе строили их четыре на четыре метра — стандарт существовал и тогда, — в Зарядье и вовсе четыре на три метра, и это притом, что в каждом и без того тесную площадь уменьшала внушительная и совершенно необходимая русская печь. Далеким воспоминанием оставались московские дома начала XVI столетия: тогда они рубились по тридцати квадратных метров. С течением времени средневековый город теснился все больше и больше. Не отличалась замысловатостью и архитектура. Апполинарий Васнецов будто варьирует все многообразие форм знаменитого, но ведь и единственного в своем роде дворца в Коломенском с его бесчисленными достройками-прирубками. Только в обычной московской жизни все сводилось к одиночным срубам и в лучшем случае пятистенкам. Еще недавно считалось, что пятистенка появилась у восточных славян только в XIX веке, раскопки обнаружили, что существовала она и тремя столетиями раньше — на рубеже XV–XVI вв.

Внутри дом никакими перегородками не делился, да и что делить на двенадцати — шестнадцать метрах! Не эти ли соображения выгадывания лишней площади побуждали рубить дома в Москве не «в лапу» — со свободно выступающими на углах концами бревен, как рисовал их себе Васнецов, а «в обло» — в край. Все удавалось выиграть при той же длине бревна лишних двадцать — тридцать сантиметров по каждой стороне сруба. Да, тесно, очень тесно даже для тех условных пятирых человек, которые, по расчетам статистики, жили на одном московском дворе.

Не предвиденный никакими рабочими планами спор с Васнецовым уводил как будто все дальше и дальше от Лопуцкого. Но в архивных поисках всегда так: от столбовой дороги уходят проселки, разбегаются по сторонам замысловатые тропинки, и везде можно найти новое, неповторимое.

Строился Станислав Лопуцкий сразу по приезду в Москву, строился второй раз — после пожара, и это не требовало большого времени: сегодня подал челобитную о деньгах «на пожарное разорение» — через полтора-два месяца справил новоселье. Москвичи вообще строили легко и быстро. В деревянных домах обходились и вовсе без фундамента. Просто копали яму до материкового песка, углубляли в него на один-два венца сруб. Вынутый песок шел на засыпку завалинок — где-где, а в Москве бороться с холодом и сыростью приходилось постоянно. От этого во многом зависел и выбор строительных материалов. На жилые постройки шла ель, на хозяйственные постройки, особенно хлева, — дуб. При всей своей прочности был он хуже «для вольного духа», для естественного проветривания перенаселенного дома.

Ошибался вместе с историками Апполинарий Васнецов и в отношении размеров бревен: никаких огромных в московской практике не было. Ходовое московское строительное бревно

имело в диаметре всего-навсего двадцать — двадцать пять сантиметров. Археологи не встретили других.

На рисунках приезжавших с разными посольствами иностранных художников московские дома — это узкие высокие башенки с подслеповатыми прорезями мелких окон, ни в чем не похожие на обычную избу, разве в ее северном варианте. Боязнь холода и сырости заставляла высоко поднимать уровень пола. Сруб вытягивался в высоту, так что между землей и деревянным полом жилья образовывался лишенный окон глухой подклет. Только некоторые дома его не имели и были поставлены прямо на земле.

К тому же эта часть сруба имела важное значение для хозяйства: в ней хранился основной запас съестных припасов. В описании зажиточного ремесленника из Кадашевской слободы за Москвой-рекой так и указывалось: «На дворе хором — горница белая на глухом подклете, да горница черная на глухом подклете, меж ними сени». Хозяйство Лопуцкого ни в чем ему не уступало: еще бы, целых три избы да отдельная поварня!

Правда, если обратиться к языку наших понятий, это три небольших комнаты с кухней. Художник не мог обойтись без них, потому что жила с ним вместе до десяти учеников, зачастую требовалось место для срочной работы, а на «казенное дело» полагались бесплатные дрова. Иначе, с одними учениками, он скорее обошелся бы, как и все москвичи его достатка, лишней летней горницей. Но значило это еще, что живописное дело процветало.

Лопуцкому и в голову не приходило жаловаться на тесноту. К тому же, при всех своих маленьких размерах, московский дом не был лишен удобств. Наверно, есть свой смысл даже для историка искусства знать, что жил художник с обязательным белым дощатым полом. И печь у него была жаркой — клались московские печи из маломерного кирпича с большой прослойкой глины, чтобы быстрее нагревались, — и окна светлыми, хоть и слюдяными. В эти годы их в столице полно даже у простых людей. А качеством слюды Москва славилась. На первых порах приказные, составлявшие описи строений, даже путали ее с только что появившимся и достаточно дорогим стеклом.

А спор с Апполинарием Васнецовым волей-неволей приходилось продолжать. Крыльца, самые нарядные, в самых богатых московских домах, — они никогда не выходили на улицу, да и не были видны толком с нее. Дома отступали по возможности в самую глубину двора. Впереди размещались хозяйственные постройки, огород, ставился колодец с обычным для Москвы журавлем, копался погреб под невысокой, меньше метра, насыпью. Об удобствах думали мало. Иногда, если донимала сырость, копали дренажные канавы — по стенкам плетень, сверху жерди, — делали деревянный настил для прохода. Хозяева побогаче часом тратились и на специальную хитроумную мостовую. На земле крепились в виде деревянной прямоугольной решетки деревянные лаги, а образовывавшиеся квадраты плотно забивались сучьями и землей. Главное же было — все это хозяйство надежно отгородить от других, спрятать от любопытных глаз. Отсюда и вставляли вокруг каждого двора плотные высокие ограды, реже — плетни, чаще — крутые островерхие частоколы. Чтобы дивить улицу, прохожих — об этом никто и не думал.

На чем-то надо, непременно надо было остановиться. Воскресить целую Москву ради одного художника — не много ли, не бессмысленно ли? Но дело было уже не в одном Станиславе Лопуцком — в том совершенно новом представлении об облике времени, без которого по-настоящему нельзя было представить и современного искусства. Если перед нашими глазами как живые встают средневековые улочки Амстердама и Гааги, Схевенингена и Брюгге, если без них невозможно ощутить хотя бы Рембрандта с его жизненной трагедией или даже Вермера Дельфтского с невозмутимо уложенным потоком его жизни, то как можно говорить о нашем XVII столетии без его действительного реального воплощения!

Положим, те же московские частоколы. Для археологов они — своеобразный ориентир во времени. В домонгольский период тонкие — из кольев толщиной в три-четыре сантиметра, — они с годами приобретают прочность, настоящую несокрушимость маленьких крепостей. Уже в конце XIV в. в Китай-городе встают дыбом леса еловых бревен в двадцать — двадцать пять сантиметров толщиной. Под стать им делались и ворота — глухие, со сложным железным подбором. И не раз приходилось стрельцам штурмом брать по царскому указу провинившихся бояр, которых за частоколами защищала к тому же целая армия вооруженных и на все готовых холопов. Общих между дворами оград не существовало. Каждый огораживался сам по себе, а между частоколами оставлялись обязательные промежутки «вольной» земли в два — два с половиной метра шириной. Служили они и для прохода, служили и вместо сточных канав для всякого рода нечистот. Поставить частокол было большим событием и тратой, хотя сколько-нибудь значительными размерами те давние московские дворы, вопреки представлениям Васнецова, не отличались.

Само собой понятно, существовали дворы боярские, с вольно раскинувшимися службами, «огородом», даже собственной церковью. По-видимому, это под их впечатлением Павел Иовий Новокомский, написавший книгу о посольстве Василия Великого государя московского к римскому папе Клименту, и мог восхищаться количеством зелени в городе. Он утверждал, что сады имелись при каждом доме — «как для пользования, так и для удовольствия». Казалось бы, куда дальше — слова современника. Но в том-то и дело, что речь у Павла Иовия шла обо всех без исключения домах. Да, розысками археологов установлено, что наиболее распространенный земельный надел под двором в Москве в XVI в. (не говоря о XVII!) — всего-то две нынешних сотки. И вот на этих сотках местились и хозяйство, и дом, и... сад. Обязательно сад, с несколькими яблонями и грушами, хоть одной непременно сливой, кустами белой, черной и красной смородины, травой «барщ», которую секли в похлебку и свежей, и квашеной, огурцами, тыквами и многими другими «прирастаниями».

Столичная теснота? Но и в таких далеких от столицы городах, как Устюг Великий, в те же годы наделы под дворами были нисколько не больше. Жили, например, здесь на улице Здыхальне три брата-иконника и имели под своим общим хозяйством пять соток. На улице Выставке такой же иконник

располагал полутора сотками, а на улице Клин их собрат по мастерству имел и того меньше. Просто такой была жизнь в любом европейском средневековом городе.

Двор Станислава Лопуцкого, вся обстановка его жизни — с ними, пожалуй, неясностей не оставалось. В искусстве живописца современники не видели никакого чуда и ценили его как мастерство любого хорошего ремесленника. Числился Лопуцкий «жалованным», — значит, получал к денежному окладу еще и «кормовые», выдававшиеся зерном и овсом. В XVII в. москвичи уже перестали их подсеивать на своих дворах, как бывало до монгольского нашествия, — от тех времен сохранились в московской земле двузубая соха и серп. Теперь они покупались на специальных торгах зерном, мололи же хлеб домашним способом, чаще всего на ручных жерновах.

Плата продовольствием полагалась и за хорошо выполненную работу. Принес Лопуцкий в Оружейную палату «чертеж всего света» — карту мира, и за это выдается ему пуд с четвертью муки ржаной, два ведра пива, ведро меда. Отличился художник в обучении учеников — «что он учеников учит с раденьем и мастерства своего от них не скрывает, и впредь тем ученикам то его ученье будет прочно, дать государева жалованья... 10 четей муки ржаной, 3 чети круп овсяных, 5 ведр вина, 2 пуда соли». А были среди этих учеников и живописец Иван Безмин, и не менее известный талантливый скульптор Дорофей Ермолин. Жизнь художника упорно и неотделимо сплеталась с жизнью города и объяснялась ею. Получал он в награду зерно, домашнюю птицу, но никогда не давались ему овощи. Чем-чем, а ими москвич обеспечивал себя сам — каждый сажал тыкву, огурцы, капусту. Многие подсеивали лен и коноплю. Никогда не встречалось в выдачах и простое мясо — говядина. Коров, свиней, лошадей, овец, коз на тесных московских дворах держали множество. Не давал Кормовой дворец «жалованным» простой рыбы — ее было много в городе, как свежей, так и копченой. По Москве-реке и Яузе повсюду стояли рыбкопильни.

Все рисуется в XVII в. необычным. Творчество художника — в документах о нем говорят только пуды зерна и аршины ткани. Материальные блага позволяют судить, ценился ли тот или другой художник современниками. Лопуцкого, несомненно, ценили, не хотели терять. Его наградили даже редкой для тех лет наградой — парой нарядных кафтанов «для того, что он, Станислав, с польскими послы в Литву не поехал». Видно, уже не тянуло Лопуцкого в родные места, видно, до конца почувствовал себя москвичом.

И разительный контраст. Сколько лет надо было проработать и «заслужить» художнику, чтобы удостоиться «дачи» на кафтан, зато кафтаны регулярно шились для... Спасской башни Кремля. Дело в том, что украшали башню четыре скульптуры — «болваны», одетые в суконные кафтаны из самой дорогой ткани. Солнце и непогода одинаково легко расправлялись с ними, вот и появлялись в документах Оружейной палаты постоянные записи: «Сделано на 4 болвана однорядки суконные, а сукна пошло английского разного цвета 12 аршин». Кстати, отсюда напрашивается вывод — были «болваны» натуральной величины: ровно три аршина получал на кафтан и Лопуцкий. Но при всем

уважении, которого добился художник, нажать пресловутых «палат каменных» он не успел. Спустя два года после приезда послов, в 1669 г., наступает самое страшное – болезнь, тяжелая, затяжная, и Лопуцкий почти сразу оказывается без средств к существованию, тем более что хотел он лечиться у ученого лекаря и пользоваться лекарствами из аптеки. В его челобитной отчаяние и надвигающаяся внутренняя сломленность: «Служу я, холоп твой, тебе, великому государю, с Смоленской службы верою и правдою, а ныне, я, холоп твой, стал болен и умираю и лежу при смерти для того, что нечем лекарю за лекарство платить». И это едва ли не единственные собственные слова живописца о самом себе.

Художнику могло помочь полугодовое, уже им заработанное жалованье, но его не торопились выдавать. На свадьбу, на обзаведение хозяйством это делалось руководством Оружейной палаты охотно – тогда перед мастером лежала целая жизнь. Какое могло быть сравнение с изработавшимся хворым человеком! И вот уже та же Марьица Григорьева просит о вспомоществовании на похороны мужа. В этом ей отказано не было: Лопуцкий получил свои последние двадцать рублей.

А двор «в Земляном городе, близ Арбата» – он тоже скоро потерял связь с именем художника. Может, Марьица Григорьева поспешила его продать, хотя это и значило лишиться крыши над головой. Скорее всего, он с ее смертью поступил в казну, чтобы быть переданным в пользование другому мастеру. Закрылась последняя страница в жизни Лопуцкого, а вместе с ней и неожиданно прочитанная страница истории Москвы.

КИЗИЛБАШСКИЕ ЗЕМЛИ ЖИВОПИСЕЦ

Сомнений не оставалось. Посольство в Константинополь должно было ехать, переговоры с оттоманской Портой становились неизбежными перед лицом год от года возрастающих притязаний турецкого султана. Впрочем, на этот раз кроме обычного дипломатического розыгрыша, который предстояло провести одному из самых талантливых дипломатов времен Алексея Михайловича – боярину Ордыну-Нащокину, посольство могло рассчитывать и на очень существенную помощь скрытых союзников. Могущественная торговая компания купцов из Новой Джульфы обращалась к своим соотечественникам-армянам, жившим под властью султана, всеми доступными им средствами содействовать успеху русских дипломатов. Да и как могло быть иначе, когда на московского царя – единственного – возлагалась надежда, что поможет в освобождении давно потерявшей независимость и разделенной Армении.

Неизвестный художник.
Царь Алексей
Михайлович. XVII в.

И вот старательнейшим образом подготовленное посольство готово тронуться в путь. Огромный караван снабжен необходимыми грамотами и документами, подарками, снаряжением, охраной. Время не терпит, но, оказывается, все может подождать, пока главный переводчик посольства и правая рука посла Василий Даудов отвезет и представит царю только что прибывшего в Москву «Кизилбашские земли армянские веры живописца» Салтанова Богдана.

Да, да, всего-навсего живописца, которых и без того было вполне достаточно в штате Оружейной палаты. Необычная поездка в Преображенское, где жил летним временем Алексей Михайлович, и — вещь уж и вовсе необъяснимая! — трехмесячное пребывание Салтанова в Преображенском. Без малейших отметок в делах Посольского приказа, без распоряжений по Оружейной палате, которой подчинялись все царские художники.

Салтанов работал, — вне всякого сомнения. Работа его устраивала царя — и здесь не может быть двух мнений. Разве мало того, что «корм и питье» отпускаются Салтанову с Кормового царского двора, а по возвращении из Преображенского в Москву получает художник право на самое почетное, никогда не достававшееся его собратьям-художникам жилье — в Китай-городе, на Посольской улице, на дворе, которым пользовался для своих подопечных Посольский приказ. А когда через полгода вспыхивает на этом дворе пожар, Салтанову выдается «на пожарное разорение» втрое больше денег, чем любому из царских жалованных живописцев.

Как же мучительно завидовал этим привилегиям прославленный Симон Ушаков! Особенно двору — удобному для жилья, тем более для живописной работы и размещения целой школы. Не случайно до передачи его Салтанову существовала здесь школа кружевных дел государева мастера Федора Воробьева.

И дом-то был на высоком каменном подклете, с каменным крыльцом, рубленый и под драничной крышей, а в доме три большие палаты с муравлеными печами, забранными стеклом оконницами, отдельной кухней – «стряпущей» – и просторной баней прямо в подклете. На дворе к услугам хозяина – три жилых новеньких избы, конюшня с высоким сеновалом, навес для саней и повозок. В саду – разные сорта особенно любимой москвичами смородины, а для удобства – через весь двор наведенные от грязи деревянные мостки, не говоря о «частоколе толстом сосновом на иглах». Такому хозяйству легко позавидовал бы и иной боярский сын. Симон Ушаков хлопотал о нем еще до появления Салтанова, но получил лишь после того, как «иноземец Кизилбашский земли» отстроил себе собственный двор. Не поспешил Алексей Михайлович и с «кормовой дачей» для Салтанова. Десять ведер вина дворянского, ведро вина двойного, полведра «романей», полведра «ренского», десять ведер меду, пятнадцать ведер пива, не считая нескольких штук белуги, осетрины да разных «свежих рыб» и хорошего веса пшеничной муки, – так дарили только послов. Но, может быть, Салтанов и не был в глазах царя простым художником, хотя позднее, в связи с поступлением на царскую службу, ему и будет предписано «выучить своему мастерству из русских людей учеников впредь для ево государевых живописных дел».

Фамилии – конечно же, они повторялись. Не могли не повторяться в городе, насчитывавшем в то время больше двухсот тысяч человек. Знала Москва и Салтановых. В 1649 г. за Москвой-рекой, у Пятницкой улицы, в приходе Черниговских мучеников Михаила и Феодора покупает себе у вдовой попадьи двор «новокрещен» Салтанов Иван. Простой однофамилец? Если бы спустя тридцать лет не владела тем же двором вдова «новокрещена» Наталья, у которой жил московский дворянин Самойла Блудов, приходившийся и племянником покойному и прямым родственником вновь приехавшему Салтанову Богдану. Выходит, чужой для художника Москва не была. Больше того: знакомо было царю и его собственное имя.

Армянская земля потеряла свою независимость. Бороться за нее с оружием в руках у народа не было сил. Зато существовала иная возможность, требовавшая не меньшей самоотверженности, настойчивости, изворотливости и дипломатических способностей. Вернуть самостоятельность родной земле с помощью иноземных сил, расчета на чужие интересы и выгоду. Оказавшиеся под властью иранского шаха и насильственно вывезенные с родины купцы из Новой Джульфы – предместья персидской столицы Исфагани – выискивали, и как же удачно, этих путей. Под прикрытием обыкновенных торговых дел куда как удобно и незаметно было заниматься делами политическими. В Москве же у армян и вовсе рано появляются свои постоянные ходатаи.

Приехало к московскому царю в 1654 г. посольство иранского шаха – переговорам с Персией, казалось, не было конца, – и неожиданно остается на царской службе его советник, армянин Василий Даудов. Полвека пробудет он в Посольском приказе, неизменно поддерживая своих сородичей, ходатайствуя за их интересы. Направляет персидский шах в Москву послом Григора Лусикова, и тот захватывает с собой, под сво-

им покровительством, представителей джувейхийской армянской торговой компании. Глава джувейхийских купцов-дипломатов Захар Ходжа не замедлит в 1660 г. повторить свой визит и снова встретит самый радушный и уважительный прием. Получил он личную аудиенцию у царя, — сколько приходилось дожидаться такой чести государственным посланникам! — а перед его домом все время московской жизни стоял почетный караул. Московское правительство явно ценило и побуждения, и реальные возможности джувейхийских купцов.

Впрочем, дипломатия дипломатией, переговоры переговорами, но, верные своей профессии, купцы не отказывались и от более простых способов завоевания симпатий московского царя. Привезенным ими подаркам оставалось только дивиться: огромные деньги — непревзойденное мастерство. Алексей Михайлович имел самую реальную возможность убедиться, каких во всех отношениях ценных союзников и подопечных мог при желании получить.

Алмазный трон царя Алексея Михайловича — он и сегодня составляет украшение Оружейной палаты, воспроизводится во всех описаниях кремлевских сокровищ, возбуждает восторги зрителей и специалистов-искусствоведов. На него купцы не пожалели ни ценнейшего сандалового дерева, ни двадцати восьми фунтов золотых и восьми фунтов серебряных украшений, ни многих тысяч алмазов, бриллиантов, драгоценных камней, специально подбиравшихся на рынках Индии. Ремесленники джувейхийской мастерской Сагада, отца Захара Ходжи, знали свое дело, а заказчики не останавливались ни перед какими тратами. Ничто не имело цены перед возможностью вывести на троне витиеватую и многозначительную латинскую надпись-пожелание: «Могущественнейшему и непобедимому московскому императору Алексею, на земле счастливо царствующему, сей трон с величайшим искусством и тщанием сделанный, да будет счастливым предзнаменованием грядущего... 1659 год». К трону присоединялись и другие подарки, которыми не были обойдены и все члены царской семьи, и все приближенные московского государя. Игра стоила свеч!

Правда, даже после таких даров переговоры в Посольском приказе продолжались больше года. Зато результаты превзошли все самые смелые ожидания джувейхийцев. Не только им, но и всем армянским купцам, где бы они ни жили, давалось право торговать по всей Волге — от Астрахани и дальше до Архангельска — с такими таможенными преимуществами, какими не пользовалось до того времени ни одно иностранное государство.

Армяне-ремесленники могли открывать в Московии свои производства, а лично для себя Алексей Михайлович захотел того самого художника, который рисовал алмазный трон и к тому же выполнил гравированную на меди композицию «Тайной вечери». Желание немалое, раз речь шла об опытном и талантливом мастере. Захар Ходжа напишет о нем в 1666 г., по возвращении в Персию, что «а имя ему Богдан», и посоветует своему адресату, посольскому дьяку Алмазу Иванову, использовать Богдана для обучения учеников. Письмо выглядело так, как будто вопрос о приезде Богдана в Московское государство был уже решен.

Трон Алексея Михайловича

Джюльфийским дипломатам, безусловно, выгодно удовлетворить желание могущественного и нужного им царя, но вот сам Богдан — что побудит его принять подобное приглашение? Охота за деньгами? Вряд ли он знал на родине нужду, но и в последующие годы жизни в Москве не проявлял никакой особенной жадности. Поиски приключений, новых, не пережитых впечатлений? Но те же московские годы рисуют Салтанова скорее ремесленником, знающим и любящим свое дело, охотно набирающим все новые и новые заказы и редко выходящим из мастерских. Оставалось последнее предположение — у Салтанова, как и у его сородичей-купцов, могла быть определенная миссия, выполнив которую, ему просто не захотелось расставаться с полюбившимися и гостеприимными краями. Единственным в своем роде он никак не был.

И все-таки решение далось не сразу. Гостеприимство, щедрость, знаки монаршего благоволения, наверно, искушали, но не убеждали. Салтанов предпочитает на первых порах положение гостя. Присматривается, примеряется, делает первые профессиональные опыты. С него никому и в голову не приходит спрашивать образцов мастерства, как со всех остальных художников. Зато он сам, по доброй воле, «взносит» в Оружейную палату сваренную им олифу — камень преткновения для самых опытных и умелых мастеров. И свидетельствующий ее Симон Ушаков вынужден признать, что качеством салтановская олифа лучше той, которую варил его предшественник при московском дворе, Станислав Лопуцкий, хотя он, Ушаков, берется изготовить еще лучшую. Спор двух превосходных знатоков своего дела — в нем Оружейная палата могла быть только заинтересована.

Пожар на Посольском дворе многое предрешит и ускорит. Иного достойного, на посольском уровне, жилья в это время у Посольского приказа нет, да и совсем неудобно было бы о нем просить. И Салтанов принимает решение — в августе 1667 г. в «столбцах» Оружейной палаты появляется запись о зачислении художника на государеву службу. Царским указом ему назначается самое высокое среди живописцев и иконописцев жалованье и деньгами, и съестными припасами. Достаточно сказать, что годовой денежный оклад Салтанова равнялся сумме выкупа за наиболее талантливого и необходимого для дворцовых работ иконописца, который выплатила Оружейная палата дворянину Григорию Островскому за его крестьянина, выученика Симона Ушакова, Григорейку Зиновьева.

Увлечение талантливым и новым для Москвы художником, уважение к его мастерству — все это легко было бы понять, если бы не характер работ, которые поручаются Салтанову. Первый из сохранившихся в «столбцах» заказ — всего-навсего «преоспектирный вид», иначе — «перспектива», которые давно писались московскими художниками. Правда, это вид государева двора, и все же... Зато гораздо больше числится за Салтановым самых обыкновенных «верховых поделок», как определяли современные документы все виды прикладных работ для дворца.

Шкафы, доски для столов — столешницы, ларцы, стулья, сундучки-подголовники со скошенными крышками, деревянные кресла, подставки — «налои» для книг, точеные кровати на подставках и под затейливыми балдахинами «новомодного убору»,

переносные погребцы, рамы для картин, даже расписные оконные стекла — все проходило через его руки. Что же из этого так ценилось современниками — возможность покрыть росписью мебель и окна? Но художники и прежде расписывали предметы домашнего обихода — один из наиболее низкооплачиваемых видов работ. Обычно этим занимались иконописцы, и притом самой низшей, третьей, статьи. Верно и то, что из «столбцов» далеко не всегда понятно, в чем выражалось собственно салтановское искусство, даже с какими предметами ему приходилось иметь дело.

Палаты XVI–XVII в.

Что это за «ящик» и как его Салтанов «взчернил», или стол, который «выспидил», или еще один «ящик с дверцей», о котором сказано, что в нем было «50 лиц по золоту и красками»? А заказ, ради которого живописца оторвали от письма царских икон, — «написать объяринные обрасцы травчетые по обоим сторонам» и «сработать бархотные обрасцы», когда известно, что объярь и бархат — ткани? На образцы пошло четыре сорта красной краски, «клею на гривну, олифы да масла оллненого на 5 алтын» — других подробностей не сохранилось. Или и вовсе таинственная «шкатуна» из палат царицы Натальи Кирилловны, в которую сразу по ее окончании столярами требовалось «написать» двенадцать ящиков!

И надо же, чтобы как раз «шкатуна» особенно удалась художнику: в награду за нее он получает деньги на покупку верховой лошади. Лучшего средства сообщения Москва не знала.

«Шкатуна» — самого слова, понятия ни в каких справочниках по русскому искусству не встречалось. Увидеть собственными глазами — как это, оказывается, важно даже для исследователей, даже для историков, самой своей профессией воспитанных на том, что слишком мало материальных свидетельств прошлого доходит до потомков. И разве можно сопоставить степень изученности сохранившихся вещей и документов!

Под названием «шкатуны» не известен ни один музейный экспонат, но в современных Салтанову, да и в более ранних описях имущества москвичей — составлялись такие и в связи с наследованием, и в связи с тяжбами, и при конфискациях — это слово отыскать удалось. «Шкатуны» были разными — описи не скупилась на подробности, — всегда дорогими, и главное, их было много.

Замысловатая подставка — «подстолье» — в сплошной, часто вызолоченной резьбе, и на нем род шкафа со множеством ящиков, частью скрытых за маленькими дверцами. Встречалось и точное подобие «шкатуны» Натальи Кирилловны. В современном описании она выглядела так: «Шкатуна немецкая на шти (шести. — *Н.М.*) подножках витых; а в ней в середине створ двойной; а в ней за затворами в середине 5 стекол; да посторонь 7 ящиков выдвижных; да с лица во всей шкатуне 12 ящиков больших и малых выдвижных же; а по ящикам нарезаны с лица, по черепахе, травы оловом; на верху шкатуны гзымс, а у него внизу две личины человеческих с крыльями золочеными; а на верху и посторонь 3 шахматца золоченых; под шкатуною внизу, меж подножек, личина на две резьбы золочена».

Пусть язык описания непривычен, — в точности ему отказать нельзя. Просто с течением времени для обозначения старых понятий стали применяться новые термины: гзымс — карниз, личина — изображение, затворы — дверцы. Если внести эти поправки, перед нами кабинет — самый модный и высоко ценившийся вид мебели в Европе XVII в. Кабинетами обставляли свои дворцы испанские короли, увлекался версальский двор. Их дарил в знак высшего своего благоволения великий герцог Тосканский из семьи Медичи. От них получают название комнаты, где они стояли, а во Франции — и просто комнаты. Да, кабинет — целая глава в истории быта и прикладного искусства.

Сначала обыкновенный небольшой ларец с двумя створками, за которыми находились ящики, кабинет, появившись еще в XVI в., начинает быстро увеличиваться в размерах. В XVII в. для него уже требуется специальная подставка (без подстоля это и будет салтановский «ящик»!), а конструкция становится все сложнее и сложнее. На фасаде кабинетов делаются колонки, карнизы, балюстрады, имитируя архитектуру здания. На дверцах и ящиках появляются выполненные из самых разнообразных материалов картины. И здесь каждая страна вырабатывает свой стиль, свои особенности.

Испанские мастера увлекаются прорезными металлическими накладками на цветном бархате. Они помещались на наружных стенках, а дверцы и ящики инкрустировались слоновой костью. Флорентийские мебельщики, которыми так гордился герцог Тосканский, делали кабинеты из черного дерева с набором из цветного камня. На ящиках расцветали яркие объемные цветы, птицы, фрукты. Милан предпочитал сочетание черного

дерева с одной слоновой костью. А на севере Европы, в имперском городе Аугсбурге, который славился резчиками по дереву, была обязательной богатая резьба на подстолях. На фасадах делался набор из черепаховых пластинок и металла — серебра, меди или свинца — в сложнейшей для исполнения прорезной технике.

Московский подъячий не ошибался, называя описанную им «шкату» немецкой. Аугсбург производил и еще один вид кабинетов — с дверками, на которых писались пейзажи. Но «шкатуна», для которой писал ящики Салтанов, не повторяла буквально ни аугсбургского и никакого другого типа. У нее была своеобразная конструкция, и, сработанная местными мастерами, она украшалась одной живописью. Это уже собственно московский кабинет. И его рождение означало, как много изменилось не только в царском обиходе. Кабинет был рассчитан на то, чтобы держать в нем документы, особенно письма. Значит, переписка стала распространенной, писем писалось достаточно много, и были они одинаково нужны и привычны и женщинам, и мужчинам.

Существует история живописи. Существует история архитектуры. Существует и история мебели. Но в том, пока еще очень скупом ее разделе, который посвящен России, XVII в. отводятся вообще считанные строчки. Недостаток сохранившихся образцов? Несомненно. Но верно и то, что здесь сказал свое слово XIX в., то представление о русской старине, которое появилось в восьмидесятых его годах.

Это выглядело возрождением национальных традиций, возвращением к забытым родным корням — тяжеловесные громады кирпичных зданий в безудержном узорочье «ширинок», «полотенец», замысловатых орнаментов и карнизов, выполненных из кирпича, как в здании московского Исторического музея.

Архитекторы действительно обращались к памятникам прошлого, действительно штудировали XVII в., но каждый найденный прием или мотив использовался в свободном сочетании с другими, вне той конструктивной логики и рационального смысла, которым руководствовались когда-то древние зодчие. Рождались дома-декорации как вариации на очень поверхностно понятую тему, а вместе с ними — и искаженное представление о стиле, о целой эпохе. И сейчас в перспективе москворецких набережных бывший дом Перцова с его замысловатыми кровлями, окнами неправильной формы, майоликовыми вставками на кирпичных стенах многим кажется куда более «древнерусским», чем отделенные от него рекой беленые и строгие по рисунку палаты дьяка Аверкия Кириллова.

А ведь палаты Кириллова — самое типичное жилье XVII столетия. Хоть предание связывает их с именем Малюты Скуратова, страшного сподвижника Ивана Грозного, и по наследственным связям — с семьей Годуновых, свой окончательный вид они приобрели в 1657 г. Тогдашний же их хозяин лишь спустя двадцать лет достиг по-настоящему высокого положения — стал думным дьяком, а еще через пять погиб среди сторонников маленького Петра во время бунта выступивших против Нарышкиных стрельцов.

Сколько можно здесь угадать о жизни этого давно ушедшего человека! Стоял дом в глубине двора, бок о бок с церковью, в которую вела кирпичная галерея. Церковь становилась частью дома и обязательно семейной усыпальницей. Так и здесь сохранила она надгробия и самого «мученически скончавшегося» Аверкия, и его умершей через несколько месяцев «от злой тоски» жены, и неизвестного, о ком сегодня говорят только первые строчки надписи: «Всяк мимошедший сею стезею прочти сея и виждь, кто закрыт сею землею...» Нет ничего удивительного и в побелке усадьбы, если вспомнить, что в 1680 г. были побелены все кремлевские стены. И все-таки палатам Аверкия Кириллова явно не хватает хрестоматийного теремного колорита, без которого тем более не представить внутреннего убранства жилья.

Кто не знает, что и богатые хоромы обставлялись наподобие избы, — здесь взгляд ученых до конца совпадал с убеждением неспециалистов. Широкие лавки по стенам, разве что крытые красным или зеленым сукном, большой стол, божница в красном углу, повсюду резьба и — как свидетельство настоящей роскоши — расписанные «травмами» стены. Предметы европейской мебели считались редкостью, исключением и якобы не стали обиходными вплоть до петровских лет.

Казалось бы, это косвенно подтверждалось и московскими изысканиями археологов. Они установили, что жизнь зимним временем даже в самых поместительных домах ограничивалась несколькими горницами. Если в доме хозяина среднего достатка было около десяти покоев, зимой его семья обходилась одним-двумя. Тут и спали, и занимались домашними делами, и коротали время. Где же было размещать сколько-нибудь сложную и громоздкую обстановку!

В «теории избы» все устраивало историков. Не хотели с ней примириться только современники, те самые москвичи, которые жили в городе четыреста лет назад.

Оказавшись в 1680-х гг. в доме Василия Голицына, стоявшем на углу Тверской и Охотного ряда, польский посланник Невиль писал: «Я поражен богатством этого дворца и думал, что нахожусь в чертогах какого-нибудь итальянского государя». И характерно — говорит Невиль не о роскоши вообще. Он вспоминает именно итальянские образцы. В отчете дипломата, который обязан был быть в общем объективным и точным, подобная оценка вряд ли случайна.

Или на той же Тверской дом Матвея Гагарина. Его архитектура, которой будет восхищаться такой скупой на похвалы зодчий, как Василий Баженов, и внутренний вид побудят современников определить, что он устроен «на венецианский манер». Сравнение подтвердится перечислением заключенных в нем чудес — мебели из редких сортов дерева, мрамора, бронзы, зеркальных потолков, наборных полов и в довершение — хрустальных чаш, где плавали живые рыбы. И многое из этого богатства Матвей Гагарин перевез из своих старых палат.

Сошлется на «итальянский вкус» в архитектуре дворца Лефорта известный голландский путешественник Корнелис де Брюин, оказавшийся в Москве в январе 1702 г. Вспомнят итальянские образцы и другие иностранцы в связи с иными жилищами московскими домами.

Палаты XVI–XVII в.

Такая обстановка в Москве? Правда, в отношении торговли с иностранцами Москва располагала широкими возможностями. Одна из первых глав основного законодательного документа XVII столетия — «Уложения царя Алексея Михайловича» так и гласила: «А буде кто случится ехать из Московского государства для торгового промысла, или для какого иного своего дела в иное государство, которое Государство с Московским Государством мирно, и тому на Москве бить челом государю, а в городех воеводам о проезжей грамоте... А в городех воеводам давать им проезжие грамоты без всякого задержания...» Значит, мебель вполне могла быть привозной, заграничной, как это и принято считать. Но, не говоря о слишком высокой в таком случае цене, как бы удалось ее доставить в необходимом количестве?

Широкая деревянная рама на ножках, с бортами и колонками для балдахина по углам — так выглядела кровать, которой пользовались во всей Европе. Немецкие мастера делали ее из орехового дерева с богатой резьбой и вставками из зеркал или живописи на потолке балдахина. У Салтанова она имеет иной вид: «рундук деревянной о 4-х приступех, прикрыт красками. А на рундуке кроватной испод резной, на 4-х деревянных пуклях (колонках. — Н.М.), а пукли во птичьих когтях; кругом кровати верхние и исподние подзоры резные, вызолочены; а меж подзоров писано золотом и расцвечено красками». При этом сложился уже и порядок, как «убирать» такую кровать.

В московской горнице на матрас — «бумажник» и клавшееся под подушки изголовье — «зголовье» надевались наволочки рудо-желтого — оранжевого — цвета, а на подушки — пунцового. В самых богатых домах их обшивали серебряными и золотыми

кружевами, а внутри закладывали «духи трав немецких». Прикрывать постель любили покрывалом из черного с цветной вышивкой китайского атласа.

Кровать «новомодного убору» не шла ни в какое сравнение по своей ценности ни с коврами — на московском торге было немало и персидских, и «индейских», шитых золотом, серебром и шелками по красному и черному бархату, — ни даже с часами. Самые дорогие и замысловатые часы — «столовые боевые (настольные с боем. — Н.М.) с минутами, во влагалище золоченом, верх серебряной вызолоченной, на часах пукля, на пукле мужик с знаком» — обходились в семьдесят рублей, попроще — «во влагалище, оклеенном усом китовым, на верху скобка медная» — вдвое дешевле. Зато кровать, сделанная Салтановым, оценивалась в сто рублей, постель на ней — в тридцать. Атласное покрывало можно было купить отдельно за три рубля.

Конечно, Салтанов «работал» кровати для дворцового обихода. Их имели еще министр царевны Софьи Голицын, будущий губернатор Сибири Гагарин, которого Петр в конце концов казнил за лихое казнокрадство. Но по салтановским образцам начинали делаться вещи и попроще, появляющиеся в торговых рядах. Кровать оказывается и в доме попа кремлевских соборов Петра Васильева, чье имя случайно сохранили документы. Ее имеет и жилец попа, «часовник», иначе — часовых дел мастер, Яков Иванов Кудрин.

Что говорить, мастерство часовника Кудрина было редким. Состоял он при курантах Сухаревой башни, вместе с ними перебрался в Шлиссельбург, а позже смотрел за часами в петербургских дворцах Петра и Меншикова. И все же «крестьянский сын деревни Бокариц Архангельского уезду» Кудрин продолжал оставаться всего лишь ремесленником.

Казалось бы, что особенного в появлении того или другого обиходного предмета. Еще куда ни шло — «шкатуна», ну, а самая обыкновенная кровать? Но разве дело только в том, насколько нарядной она в те годы выглядела? Главное — на нее не ляжешь одетым, сняв одно верхнее платье. А ведь как раз так и рисовался сон в русской горнице XVII в.: лавка, на лавке войлок и подушка, сверху одеяло или и вовсе овчина.

Другая мебель — другие привычки. Кто бы попытался себе представить палаты без сундуков... Они единственные считались хранилищем «рухляди» — мягких вещей и нарядов. Но вот Москва, оказывается, хорошо знала и шкафы. Мало того. Шкафы, и среди них самые модные на Западе — гамбургские, огромные, двустворчатые, с резным щитом над широким, далеко вынесенным карнизом, просто вытеснили сундуки из парадных комнат. Была здесь и мода, была и прямая необходимость: в шкафах платье могло уже не лежать, а висеть. Иначе и нельзя было при менявшемся на «польский» лад крае одежды.

Составлявшие описи подъячие свободно разбирались в особенностях изготовления шкафов: «Шкаф большой дубовой, оклеен орехом». Имелась в виду ореховая фанера, а ведь этот материал — новинка и для Европы. Фанера появилась во второй половине XVI в. с изобретением аугсбургским столяром Георгом Реннором пилы для срезания тонких листов.

Не редкость и шкафы, фанерованные черным деревом. По видимому, Салтанову приходилось воспроизводить именно этот

материал, «взчерняя» шкафы или «ящики с дверцами» — верхние части кабинетов. Чернились Салтановым наборы мебели для целых комнат — понятия гарнитуров еще не было ни в западных странах, ни в Московском государстве — и почти всегда стулья.

Еще бытовали в богатых московских домах лавки. Встречались «опрометные» — с перекидной спинкой скамьи. Зато где только не было стульев. Столярной, а нередко токарной работы, с мягкими сиденьями, обивались они черной или золоченой кожей, простым «косматым» или «персидским полосатым» бархатом, более дешевой тканью — цветным или волнистым триком. В домах победнее, у того же попа Петра Васильева, шла в ход «телятинная кожа» и сукно. Но главным украшением обивки всегда оставались медные с крупными рельефными шляпками гвозди, которыми прибивалась кожа или ткань. Считали стулья полдюжинами, дюжинами, а в палатах, подобных голицынским, их бывало и до сотни. Мода на XVII в. и живое лицо того далекого времени — как же мало между ними оставалось общего!

Имя Салтанова — оно мелькало чуть не в каждом «столбце» и... по-прежнему оставалось неуловимым. Заказы, материалы, сроки, точный пересчет бухгалтерских ведомостей — каждая копейка на учете, каждый израсходованный рубль — событие. Художник выписывал материалы для работы. Оружейная палата отсчитывала рабочие часы. Приказные составляли описи сделанного. И из безликой бухгалтерской мозаики, рассыпанной по все новым и новым архивным «столбцам» — если хватит настойчивости в поисках, терпения в переписке, — вставала картина яркая, неожиданная.

Палат было много, разных и в чем-то одинаковых — стиль времени всегда отчетливо выступает в перспективе прошедших лет, — но снова бесконечно далеких от пресловутого теремного колорита.

Стены — о них думали прежде всего. В кремлевских теремах они почти целиком отдаются под росписи. В частных московских домах мода выглядит иначе. Их обивают красным сукном, золочеными кожами, даже шпалерами, затягивая часто тем же материалом потолки.

Когда палата больше по размеру, каждая стена решается по-своему: на одной сукно, на другой тронутая позолотой и серебрением роспись, на третьей кожа. Появляются здесь в 1670-х гг. и первые обои. Их, имитируя соответствующий сорт ткани, будет учить писать на грунтованных холстах Салтанов (не для того ли и нужны были «образцы объярей травчетых»?). Такие живописные обои натягивались на подрамники, а затем уже крепились на стенах — последняя новинка западноевропейской моды.

Но обивка служила главным образом фоном. На стенах щедро развешивались зеркала — да, да, зеркала, которые только в личных комнатах еще прятались иногда в шкафах, иногда задерживались занавесками. Никакой симметрии в размещении их не соблюдалось. Размеры оказывались разными, рамы — и простыми деревянными, и резными золочеными, в том числе круглыми, и черепаховыми с серебром — отзвук увлекавшего

Западную Европу стиля знаменитого французского мебельщика Шарля Буля, и сложными фигурами, как, например, «по краям два человека высеребрены, а у них крыла и волосы вызолочены».

Зеркала перемежались с портретами, пока еще только царскими, гравюрами — «немецкими печатными листами» и картами — «землемерными чертежами» на полотне и в золоченых рамах. Из-за своей редкости гравюры и карты ценились наравне с живописью. Так же свободно и так же в рамах развешивались по стенам и «новомодные иконы». Были среди них живописные на полотне, были и совершенно особенные — в аппликативной технике, когда одежды и фон выклеивались из разных сортов тканей, а лица и руки прописывались живописцем. На их примере и вовсе трудно говорить о пристрастии к старине, хотя бы к дедовским семейным образам.

Потолки тоже составляли предмет большой заботы. Если их не обтягивали одинаково со стенами, то делали узорчатыми. «Подволока» могла быть «слюдная в вырезной жести да в рамах». Иногда слюда в тех же рамах заменялась все еще дорогим и редким чистым стеклом. Но в главной парадной комнате на дощатый накат потолка натягивался грунтованный, расписанный художником холст. Одной из самых распространенных была композиция с Христом, по сторонам которого изображались вызолоченное солнце и посеребренный месяц со звездами, иначе — «беги небесные с зодиями (знаками Зодиака. — *Н.М.*) и планетами».

В живописную композицию старались включать и люстру, называвшуюся на языке тех лет паникадиллом. Люстры часто были по голландскому образцу — медные или оловянные, реже хрустальные с подвесками. Встречались и исключительные паникадила, как «в подволоке орел одноглавой резной, позолочен; из ног его на железе лосеная голова деревянная с рогами вызолочена; у ней шесть шанданов (подсвечников. — *Н.М.*) железных, золоченых; а под головою и под шанданами яблоко немецкое писано».

Но и такого многообразия форм и красок в жилой комнате, казалось, мало. В окна местами вставлялись цветные стекла, «стеклы с личины» — витражи, а за нехваткой витражей — их имитация в виде росписи по слюде. Ее Салтанов выполнял и для спальни маленького царевича Петра. А вот дальше шла мебель.

О чем может рассказать обстановка жилья? По всей вероятности, о нашем вкусе, интересах, потребностях, привычках, средствах — зачастую беспощадный рассказ о том, в чем человек не хотел бы признаваться даже перед самим собой. Но это в наши дни или, в крайнем случае, в чеховские годы. А много раньше, когда привычные нам формы мебели были редкостью, когда они только зарождались и начинали входить в быт?

Конечно, то же — о вкусах владельцев, об их приверженности к старине или, наоборот, стремлении угнаться за новым, за модой. Хотя, в общем, мода, если она даже ассоциировалась с враждебно воспринимаемым церковниками Западом, сохраняла свои соблазны для каждого. От нее трудно отказаться, а на Руси тем труднее, что слишком наглядно связывалась она с изменениями в жизни людей, с новыми чертами и быта, и повседневных потребностей.

Сундук должен дать место шкафу — в XVII столетии от него отказываются уже все страны Западной Европы, кроме Голландии, — скамьи, лавки не могли не уступить стулу. Но для этого на Руси еще должна была возникнуть соответствующая отрасль производства, появиться сырье, подготовленные мастера. А спрос — он слишком быстро растет в Москве и выходит далеко за пределы царского двора: стоит заглянуть в дела торговых рядов.

Столовая палата. Обычная. Одна из многих. Стулья, «опрометные» скамьи — от них, оказывается, труднее всего отказаться, несколько столов — дубовых и «под аспид». Пара шкафов — под посуду и парадное серебро. Непременные часы, и не одни. Остальные подробности зависели уже от интересов и увлечений хозяев — «большая свертная обозрительная трубка», птичьи клетки в «ценинных (фаянсовых. — Н.М.) станках», термометр — «три фигуры немецких, ореховых; у них в средине трубки стеклянные, а на них по мишени медной, на мишенях вырезаны слова немецкие, а под трубками в стеклянных чашках ртуть». Во многих зажиточных московских домах посередине столовой палаты находился рундук и на нем орган. Встречались также расписанные ширмы — свидетельство проходивших здесь концертов или представлений.

Обстановка «спальных чуланов», которыми пользовались в зимнее время, ограничивалась кроватью, столом, зеркалами. В спальнях летних палатах к ним добавлялись кресла, шкафы, часы, ковры, музыкальные инструменты.

Списки салтановских работ — художник будто входит во все дома, «делает» все покои, касается всех вещей. Сделанные в первый раз для царских покоев, они быстро оборачиваются тиражом, становятся модой, прочтенной для Москвы и профессиональных особенностей ее мастеров.

Кто спорит, само время складывалось для художника на редкость благоприятно. Московское государство только что, в январе 1667 г., выиграло Андрусовский мир с Польшей. Осваивалась Сибирь. Вслед за Нерчинском и Иркутском закладывается в 1666 г. Селенгинск. Обретает реальные черты русский флот — его начинают строить в Дединове на Оке. К тому же окончательное низложение и опала Никона освобождают государство, да и частную жизнь тех же москвичей, от жесткой ферулы церкви. Теперь мода приобретает для каждого иной вес и смысл, тем более в отношении повседневного быта. Новая обстановка неразрывно связывалась с новыми формами жизни, и потому работа Салтанова приобретала совершенно исключительную ценность.

Правда, для жалованного художника не меньшее значение имели перипетии внутри царской семьи, слишком ощутимо сказывавшиеся и на характере заказов, и на том, какую оценку и благоволение они получают. В феврале 1669 г. умирает новорожденная царевна Евдокия, а месяцем позже — сама плодовитая и богобоязненная царица Мария Ильична из семьи Милославских. В апреле того же года не станет одного из сыновей Алексея Михайловича — Симеона, а в январе 1670 г. царь лишится — что было уже очень существенным — своего объявленного наследника царевича Алексея Алексеевича. Немудрено, что в

Царица Мария
Ильинична, первая жена
царя Алексея
Михайловича. Рисунок
нач. XX в.

окутавшем дворец трауре некому было интересоваться украшением царских покоев.

Только вдовство Алексея Михайловича оказывается очень недолгим. Увлечение юной воспитанницей боярина Артамона Матвеева настолько сильно, что царь торопится с новым браком — во дворец входит молодая царица Наталья Кирилловна, своевольная, независимая нравом, обожаемая до восторга. А уж ей-то не терпится всего самой испробовать, все переиначить на свой вкус, благо Алексей Михайлович и не думает ни в чем перечить молодой жене. Салтанову поручается руководство всеми художественными работами во вновь строящихся палатах Натальи Кирилловны. И не с появлением ли новой царицы было связано решение Салтанова окончательно обосноваться в Московии? В апреле 1674 г. он объявляет о желании своем креститься «в православную веру», и дело здесь было не в религиозных побуждениях, тем более не в необходимости стабилизировать свое положение в русской столице. Салтанов имел в виду исключительно те выгоды, которые приносило крещение.

Обставлялось крещение исключительно пышно. «Новокрещену» шилось бесплатно дорогое платье, выдавались в зависимости от его положения деньги, предоставлялись всяческие льготы. Некий Иван Башмаков был за это назначен в ученики к самому прославленному Симону Ушакову. Ушаков, избегавший, как правило, воспитанников, обязывался царским указом учить Башмакова «иконному письму с великим радением и тем свою работу объявил, чтобы иноземцы, смотря такую государскую милость, к благочестию приступали». Если «новокрещен» считал себя, тем не менее, обделенным, он обращался на царское

Царица Наталья
Кирилловна, вторая жена
Алексея Михайловича.
Рисунок нач. XX в.

имя с челобитной, ссылаясь на крещение как на особую свою заслугу, и требовал доплаты. Перемена веры была выгодной сделкой, и Салтанов точно определил, что должен в таком случае получить. «За службу и крещение» он просил ему дать дворянство и записать как дворянина по московскому списку при Оружейной палате. Случай беспрецедентный, и тем не менее просьба художника была удовлетворена. Салтанов, ставший именоваться после крещения Иваном Богдановичем, с этого момента и вплоть до своей смерти возглавляет список художников-живописцев в штате Оружейной палаты.

Дворянская служба несла с собой и иные преимущества, о которых Салтанову даже не приходилось упоминать, — огромное для того времени жалованье — двести шесть рублей в год и пятьдесят рублей так называемых кормовых. Следующий после него по списку и мастерству Иван Безмин получал за полгода тридцать два рубля двадцать восемь алтын и две деньги. И притом Салтанов не преминет упомянуть о каждом отдельном, тем более понравившемся царской семье заказе, чтобы получить и разовое награждение. Вот так и шьется дворянину Ивану Салтанову «за ево доброе мастерство» суконный кафтан, в другой раз жалуется он «дворовым местом в Кузнецкой слободе за Яузские ворота» — оно и в переписи Москвы 1720-х гг. все еще будет связано с его именем. Заводятся у Салтанова и собственные крепостные. Один из них, помогавший художнику, обучившись более или менее мастерству, сбежал от Салтанова, да еще и «снес разное имущество», о чем велось долгое и безрезультатное следствие. А когда умрет у художника первая жена, он получит из Оружейной палаты десять рублей на ее по-

Предполагаемый портрет
Петра I в юности

хороны. Только верно и то, что, как ни один другой живописец, умел Салтанов «потрафить» вкусам и требованиям заказчиков, выполнить одинаково искусно любую из потребовавшихся им работ.

При Алексее Михайловиче и Наталье Кирилловне это прежде всего «верховые поделки», при подростке Федоре Алексеевиче – своеобразные портреты, по-своему перекликавшиеся с иконописью. В октябре 1677 г. Салтанову поручается написать «ево великого государя персону золотом и краски в длину и в ширину по размеру». Спустя три месяца у него новый и не менее ответственный заказ на «Распятие с предстоящими», где должны были быть изображены покойные Алексей Михайлович, Марья Ильинична и царевич Алексей Алексеевич. Предложенное художником решение оказалось настолько удачным, что ему придется его много раз повторить и на меди, и на полотне. Напишет Салтанов и отдельный портрет Алексея Михайловича «во успении», получая каждый раз немалые денежные награждения.

При царевне Софье спешно строятся терема. Каждая из ее многочисленных сестер хотела почувствовать свою причастность к царскому дому, обиходу, богатствам. И Салтанов руководит стенными росписями; кстати, пишет и станковые картины. Одну из них царевна Софья непременно хотела видеть в своей приемной палате. А при Петре... Но тут-то и начиналось самое интересное.

У Салтанова были ученики. Собственно, полагалось им быть у каждого жалованного мастера, чтобы не растерять для государства его умения, сообщить этому умению новую жизнь. Обязательными были казенные ученики – на содержании Оружейной палаты, обычными – частные, которые набирались и содержались художником на собственные средства. Существовала особая форма договора – «жилая запись»: как мастер обязан учить и содержать ученика, сколько и на каких условиях

должен у него ученик прожить. Без участия подобных помощников заниматься в то время любым ремеслом не представлялось возможным. Потому и случилось, как говорится в жалобе некоего ученика Ивана Гребенкина на иконописца Афанасия Семенова: «И впредь учить не хочет, и не кормит, и не поит, и не одевает, и не обувает, и мучит, и просит на меня жилой записи на 20 лет». Мастер и ученик — каждый боролся за свои интересы.

В жизни Салтанова все выглядело иначе. У него первая в Московском государстве казенная живописная школа, о которой печется Оружейная палата. И избы для жилья и обучения молодых художников отстраивает на салтановском дворе, и выдает дрова для отопления изб, не забывая и об освещении — свечах. Со смертью Натальи Кирилловны Салтанов как бы отстраняется от дворцовых заказов, только руководит их выполнением, зато все остальное время отдает школе. Школа остается под его началом до конца 1690-х гг., точнее — до начала строительства столицы на Неве, куда постепенно отзываются все специалисты. Так жадно стремившийся к новшествам Петр салтановскую школу и не думал закрывать. Мастерство Салтанова, очевидно, вполне соответствовало представлениям Петра об искусстве.

Ничего удивительного. Это Салтанов участвует в оформлении первых празднований побед русского оружия на улицах Москвы. Он проектирует одни из первых триумфальных ворот в Москве в 1696 г. — по случаю взятия Азова. Под его руководством пишутся грандиозные картины-панно, изображавшие отдельные эпизоды победоносной кампании и расставленные на улицах Москвы. И полнейшая неожиданность — Петр поручает Салтанову ведение архитектурно-строительных работ в старой столице. В 1701 г. ему предписывалось «быть в надзирании» начатого строительства в Кремле Арсенала и наблюдать одновременно там же за разборкой стрешневского дворца. Но ведь для такого решения нужно было не простое доверие и давнее знакомство — уверенность в профессиональном умении человека, способности справиться с работой, которой придавалось совершенно исключительное значение. Выбор Салтанова означал, что художник и раньше соприкасался — должен был соприкасаться — со строительными делами. Другой вопрос, что как служилый дворянин он мог нести подобную службу помимо Оружейной палаты и ее делопроизводства. Недаром даже жалованье Салтанов получал не по Оружейной палате, а по так называемому Приказу Новой чети. Дворянин не мог подчиняться правилам, общим с простыми ремесленниками.

Смерть помешала Салтанову увидеть окончание Арсенала. Когда и как не стало художника — ответа нет. Документы, так старательно перечислявшие работы мастера, его занятия на каждый день и час, обошли кончину Салтанова. О ней можно судить лишь по приходе-расходной книге Оружейной палаты, в которой появилась в 1703 г. запись: «Февраля в 27 день по указу великого государя подьячему Андрею Беляеву выдать от прихода денег дворянина Салтанова Ивана жене его вдове Домне за многие мужа ее службы и непрестанные работы на поименование души ево... окладу ево сто рублей».

Последняя страница истории «кизилбашские земли живописца» была дописана. Оставалось добавить, что понадобилось несколько человек и около десятка учреждений, чтобы передать функции и обязанности одного Ивана Салтанова. И в них, их деятельности, почти без остатка растворилось когда-то столь хорошо известное москвичам и ценимое ими имя.

МУЗЫКАНТЫ СЛУЧАЛИСЬ РАЗНЫЕ

Посольство готовилось в путь многолюдное и торжественное. В который раз московский государь отправлял послов в Персию с заманчивыми предложениями и богатейшими подарками. Предложения выслушивались, подарки принимались — шах и сам не оставался в долгу, — но договора, к которому стремились москвичи, по-прежнему не было. Теперь окольный Ф.Я. Милославский вез шаху Аббасу II, среди других подношений «для соблазну», и вовсе необыкновенную вещь — орган. И не какой-нибудь маленький, портативный, а настоящий, большой, с редкой тщательностью и искусством сделанный инструмент. Описание имущества посольства позволяет судить хотя бы о его виде:

«...Органы большие в дереве черном немецком с резьбой (резьбой), о трех голосах, четвертый голос заводной, самоигральной; а в них 18 ящиков, а на ящиках и на органах 38 травок позолоченных. У двух затворов 4 петли позолочены. 2 замка медные позолоченные. Наперед и органов больших и средних и меньших 27 труб оловянных; около труб 2 решетки резные вызолочены; по сторонам органа 2 крыла резные вызолочены; под органами 2 девки стоячие деревянные резные вызолочены... Поверх органов часы боевые (с боем), с лица доска золочена (циферблат), указ (стрелки) посеребрен. Поверху часов яблоко медное, половина позолочена...»

Идея подарка принадлежала самому Алексею Михайловичу. Но главное осложнение заключалось не в условиях отправки, хотя везти инструмент можно было только в разобранном виде и на особой барже — путь посольства на столицу Персии Исфгань лежал по Москве-реке, Оке, Волге и Каспию. Все упиралось в мастера, который должен был его сопровождать, чтобы на месте собрать и «действие показать». По случаю особенной ответственности дела московскому царю приходилось поступиться лучшим из своих мастеров, к тому же отличным музыкантом, Симоном Гутовским. Правда, Алексей Михайлович беспокоится, не будет ли из-за его отъезда задержка в «строении» других инструментов — как-никак путь в одну только сторону занимал целый год.

Документы не оставляли ни малейших сомнений: орган «построен» был именно в Москве, в мастерской, которая рас-

Алексей Михайлович.
Гравюра Н. Лармессена.
До 1676 г.

полагалась в Кремле, на склоне обращенного к реке холма. Она имела много мастеров и была завалена заказами. «Строились» здесь и органы, и клавесины для царского обихода — каждому из царских детей клавесины, например, делались по возрасту: от самых маленьких, полуигрушечных, до обычных инструментов. Делались они и для заказчиков со стороны. Нередко служили особо ценными царскими подарками.

Царевна Софья заказала для своего любимца Василия Голицына сложнейшее по конструкции бюро-«кабинет», в одном крыле которого помещался маленький клавесин, в другом — такой же орган. Но здесь шла речь уже не о занятиях музыкой, о моде.

Успех посольства Ф.Я. Милославского, который вез московский орган, превзошел все ожидания. Осенью 1664 г., через два с лишним года после выезда из Москвы, оно возвращается с полной победой: шах Аббас разрешил русским купцам бесполовинно торговать на всех подчиненных ему землях. Какую роль сыграл в этом решении орган? Вероятно, немалую, если шах просил ему немедленно прислать второй такой же инструмент. Больше того, Аббас готов был заплатить за него любую цену. Алексей Михайлович тут же распорядился начать «строить» новый орган, на этот раз на 500 труб и 12 голосов — регистров. Шах не удовлетворился и этим. Спустя несколько лет персидские послы разыскивали в Москве для покупки частным порядком еще один орган.

Был ли московский орган первым в азиатских странах? Вполне возможно. И во всяком случае он принес московской мастерской огромную славу на Востоке. В ожидании посольства московского царя, бухарский хан, в нарушение принятого дипломатического этикета, заранее заказывает себе подарок: ему

нужен орган и органист. В 1675 г. русские послы увозят в Среднюю Азию и инструмент, и «игреца». На этот раз выбор пал на «Кормового двора подключника» Федора Текутьева.

Федор Текутьев не был городовым — зарабатывающим себе на жизнь исполнением музыкантом. Против его имени никогда не встречалось пометки об этой профессии. А ведь игра на органе требовала не только специального обучения, но и постоянных упражнений. И если сегодня органами располагают только крупнейшие концертные залы страны (да и так ли их много всего?), то на что же мог рассчитывать рядовой чиновник 300 лет назад?

И вот в промежутке между посольствами в Персию и Бухару, в 1671 г., московская городская хроника отмечает на первый взгляд ничем не приметный случай. Сторожа у одной из рогаток, которыми в ночное время перегораживался от «лихих людей» город, остановили несколько подвод, на которых ехали из Немецкой слободы музыканты со своими инструментами — органом и клавесином. Музыканты назвались холопами Воротынских и Долгоруких, которые, с разрешения своих господ, играют по разным домам «в органы, и в цимбалы, и в скрипки и тем кормятся». Объяснение было принято без возражений и подводы пропущены.

Составлявшие в тот же период описи имущества боярских домов — иногда в связи со смертью владельца и вопросами наследования, иногда из-за конфискации «мения» (имущества) по царскому указу — свидетельствуют, что орган был обычной частью обстановки столовых палат, по примеру Грановитой палаты Кремля, где происходили все торжественные государевы «столы». Современная хроника так и отмечала: «А у стола были в Грановитой от государева места по правую сторону: боярин Иван Алексеевич Воротынский, боярин Иван Андреевич Хованский, окольничей князь Иван Дмитриевич Пожарский (сын народного героя)... а достальные ж сокольники в особом же столе сидели, где органы стоят».

Стоял орган на особом возвышении — рундуке. У отдельных любителей музыки такой же рундук с органом ставился и в спальне палате, где нередко встречались и другие любимые москвичами инструменты, как «охтавки» (клавикорды) и «басистая домра». Средняя стоимость органа колебалась от 100 до 200 рублей. Около 100 рублей стоил и двор с надворными постройками зажиточного московского ремесленника — цена, вполне доступная для бояр и служилого дворянства.

И тем не менее дорогими и сложными инструментами располагала не только эта часть москвичей. Органы составляли собственность многих городских музыкантов, не связанных ни с царским двором, ни с боярскими домами, находивших слушателей-заказчиков среди гораздо менее состоятельных горожан.

Органист — профессия, обычная для московских переписей. Были среди них иностранцы, но гораздо больше русских, вроде проживавшего на Ильинской улице Китай-города Юрия, который значился также как «цынбальник» — клавесинист. О дворе Юрия говорилось, что «у него живет теща ево Анна фонарница, у нее лавочных сидельцов Афонка да Куземка татарин, да Осипка Спиридонов». При «военном слу-

чае» все они обязывались явиться на защиту Москвы с пищами: все рядовые москвичи были обязательными ополченцами.

Но вот использовался орган совсем непривычно для наших дней. Случалось, что звучал он и один, но гораздо чаще несколько органов составляли своеобразный оркестр. На одной только свадьбе шута Шанского в первые годы XVIII в. играл 21 органист, из них 14 русских и 7 иностранцев, и все со своими органами. Так же часто орган совмещался с другими музыкальными инструментами. С ним вместе выступали литаврщики и «трубники», но вот с «трубниками» открывалась совсем особая страница московской жизни.

В том, что, судя по переписи, гусельник Богдашка и рожечник Ивашка с Драчовой (Трубной) улицы так и не отстроили после Смутного времени своих дворов, не было ничего удивительного: мало ли как складывались у людей после таких передряг судьбы. Но вот почему не восстанавливали своих домов и другие московские гусляры и рожечники? К середине века остается их в городе совсем немного. Может, решили уехать из Москвы, может, не сумели заработать нужных денег и из хозяев дворов превратились в «соседей», «подсоседников», а то и вовсе «захребетников», как назывались те, кто пользовался домом на чужой земле, частью снятого внаем дома или жил в одном помещении с хозяйской семьей. К тому же бессемейных — бобылей было в то время в русских городах множество, иногда больше половины мужского населения.

Но как бы там ни было, верно одно — спрос на такого рода музыку в Москве явно падал. Зато все больше становится среди городских музыкантов «трубников», которые играли не на каких-нибудь примитивных инструментах, но... на гобое и валторне.

Сегодня и гобой, и валторна связываются для нас с симфоническим оркестром. В XVII в. таких оркестров еще не существовало. Создавались большие или меньшие по составу ансамбли инструментов. В их составе усовершенствованная валторна была применена итальянским композитором Дж. Б. Люлли только в 1664 г. Примерно в то же время совершенствуется и гобой. Иначе говоря, Московия полностью разделяла с Западной Европой увлечение всеми музыкальными новинками.

Независимые, достаточно зажиточные — у каждого свой двор, некоторые на военной службе — так называемые «трубники рейтарского строя» имелись в каждом полку задолго до появления музыкантов Преображенского и Семеновского полков при Петре I. Чаще всего «трубники» «кормились с горожан». Были среди них признанные виртуозы — «трубные мастера». Были специалисты-педагоги, у которых жили ученики. Для духовиков была создана и первая государственная музыкальная школа — «государев съезжий двор трубного учения», памятью о которой осталось название переулочка у Садовой-Кудринской площади — Трубниковский.

Переписи сохранили еще одну, казалось бы, несущественную подробность, которая, тем не менее, ярче любых примеров говорила, каким уважением пользовались среди остальных музыкантов именно «трубники». Гусельников и рожечников называли всегда уничижительными именами, без отчеств и тем более фамилий. Органисты заслуживали полного имени, но и

только. Зато «трубников» величали обязательно по имени и отчеству, а нередко и фамилии. Такую честь в XVII в. надо было заслужить.

«Трубников» охотно приглашали из-за рубежа — способ познакомиться с новой музыкой, с совершенствовавшимися инструментами, с модной манерой исполнения. Ради этого не скупились на плату, чтобы задержать хоть ненадолго и тех музыкантов, которые приезжали в составе самых пышных посольств. «184 (1675) году ноября в 2 день указал великий государь иноземцев музыкантов Януса Братена да Максимилиана Маркуса, которые остались на Москве после цесарских посланников, — записывается в делах Посольского приказа, — ведать в Посольском приказе и дать им своего великого государя жалованья в приказе: стяг говядины, две туши баранины, пол-осьмины круп овсяных да им же давать поденного корму и питья ноября с 1 числа нынешнего с 184 году, покамест они на Москве побудут, по калачу да по хлебу двуденежному, по шти чарок вина, по 4 крушки меду, по 4 крушки пива человеку на день и денег пять алтын в день». Шестьдесят рублей в год — такому жалованью могли только позавидовать самые известные царские жалованные иконописцы, не исключая и прославленного Симона Ушакова.

А вот рожечники продолжали исчезать. В 1730 г. их уже нет ни в Москве, ни в окрестных селах. Несмотря на строжайший, грозивший всеми карами приказ Анны Иоанновны, их удастся разыскать для потешной свадьбы всего только четырех, да и то «в летах». Гусельники к этому времени останутся только в числе придворных музыкантов. Городские переписи забудут об этой профессии.

ДЕВЯТЫЙ ПАТРИАРХ

Понял сразу: это конец. Хоть отчаянно делал все, что подсказала последняя надежда. Летописцы скажут: заскорбел главной болезнью. Может, и так. Только голова не отказала. Сознание не мутилось. Хворей за всю жизнь не знал. Лекарей не допускал. Обходился травами. Семьдесят лет — велик ли век для монаха!

Пятого марта слег. Спустя десять дней соборовался и посвятился елеем. Полегчало. Не могло не полегчать. Как у всех. Шестнадцатого распорядился «за спасение души своей и ради облегчения от болезни» подать милостыню. Во все московские монастыри женские и девичьи. Игуменьям и старицам. Кроме Воскресенского, что в Кремле, и Алексеевского в Чертолье. Кремлевский — царицын: негоже. Алексеевский стал тюремным двором для женщин-узниц. Для Тайного приказа. Пытошным. Там и на дыбу подымали, плетью били, да мало ли.

Федосью Морозову — строптивицу проклятую — тоже. Урусову Евдокию...

И еще по всем богадельням московским — мужским и женским. Каждому нищему по шести денег. Вроде и немного, а гляди — 58 рублей 10 денег набежало. Казначей Паисий успел ответ дать. Святейший всегда знал деньгам счет. Пустых трат не терпел. На школьников и учителей — другое дело.

Только главным оставалось завешание. Не о богатствах и землях — о них позаботился давно. Родных много, обидеть никого не хотел. Братьев одних трое. Племянников с десятков. Сестра... О другом думал. Ненависти своей не изменил: чтоб духу не было на русской земле ни раскола, ни чужих вероучителей, особенно, не дай Бог, католических — «папешников». Государям завещал Петру и Иоанну Алексеевичу. Больше полугода прошло, как не стало у власти мудрейшей из мудрых царевны Софьи. С ней все иначе было. Теперь убеждал. Наказывал. Грозил. Властью своей и бедами.

На ненависть эту всю жизнь положил. С толком ли? Не мальчишкам-царям решать! Вокруг них вон какая толпа правителей. Милославские потеснились — Нарышкиных видимо-невидимо набежало. Властные. Еще полунищие. Непокорливые.

Того же шестнадцатого марта приказал прикупить каменный гроб. Велел отныне называть ковчегом. Так потом и пошло. Если в Мячкове на каменоломнях у каменщиков нету, у московских каменных дел подмастерьев спросить. От кончины до погребения один день положен — успеть ли?

Успели. Хоть семнадцатого святейшего не стало. В своей келье отошел. На Патриаршем дворе. В тот же час доставили в келью дубовый гроб. Казначей Паисий записал: за два рубля. Все по чину и обычаю. Снаружи черное сукно с зелеными ремешками. Внутри — бумага, бумажный тюфяк и бумажная подушечка.

Одр для выноса ковчегу новый изготовили. Тоже под черным сукном. Гвоздей отпустили в обрез: дорогой материал не портить. Святейший сколько раз говаривал, чтоб лоскут не пропадал — отпевавшим попам в награду отдавался. Все было готово для последнего пути девятого патриарха.

Гроб вынесли сначала в домовую церковь. Патриаршью. Двенадцати Апостолов. Ту самую, которую кир-Иоаким строил, украшал. Сюда мог прийти для прощания каждый. Приложиться к руке усопшего, отдать земной поклон. Часть дня и всю ночь.

Девятнадцатого марта под жидкий перезвон всех кремлевских и городских церковных колоколов подняли одр архимандриты и игумены. Хоронила святейшего вся Москва. Впереди шествовали протопопы, священники от всех сороков, дьяконы с иконами, крестами, рипидами, певчие с лампадами и свечами. Перед самым одром несли великий символ русского патриаршества — посох святого Петра митрополита. Шествие двигалось под надгробное пение в Успенский собор. Главный в государстве. Где короновали на царство и погребали церковных иерархов. Цари земные — цари духовные. В пышности и торжественности церемоний одни не уступали другим.

Достойной святейшего должна была быть и могила. Ее копали в самом соборе. Выкладывали кирпичом на извести. По-

Успенский собор
Московского Кремля.
Интерьер

середине выводили кладку. Кладка служила постаментом каменного гроба-ковчег с покрытой резьбой крышкой. На крышке приличествующие слова в расписанной и позолоченной кайме. Другая надпись на особой каменной доске, которую приставляли к гробнице, — «летопись» жизни и деяний покойного.

В одном чин был нарушен. То ли волею покойного, то ли приказом государей на кладку поставили не гроб дубовый, а положили вынутое из него тело. За всю историю патриаршества такое раньше случилось всего один раз. С Иоасафом I, преемником Филарета. Государь Михаил Федорович сам повелел опустевший гроб «поставить в Колокольницу под большой колокол». Там и хранить. Вечно. Куда потом делся, неизвестно.

Мало что накрыли гроб-ковчег каменной крышкой, соорудили поверх каменную надгробницу с замочкою ее свода. А тогда уж сверху накинули покров. Для простых дней был вседневный — черного сукна с нашитым из простого серебряного кру-

жева крестом. Для торжественных — бархатный, с крестом из кованого серебряного кружева. Сверху киот с иконами. Шанданы со свечами. Серебряное блюдо, на которое ставили кутью в дни поминовений. И в эти мелочи кир-Иоаким успел войти, всем распорядиться. Духом остался крепок. Как всю жизнь, а о ней-то и повествовала надгробная каменная летопись. Летопись кира-Иоакима, в миру Ивана Большого Петровича Савелова, Можайского дворянина.

...Слов нет, мирская тщета, а все равно родом своим гордился. То ли и впрямь шел он от выходца из «Свизской» земли легендарного Андроса, то ли начинался от всем известного посадника Великого Новгорода Кузьмы Савелова. Богатого землями, селами, рухлядью. Войны не искавшего, но и сражений не чуждавшегося, — было бы за что постоять. За то же выкликнули посадником и сына его Ивана Кузьмича в 1477 г., а спустя несколько месяцев взял над Новгородом верх московский князь. Вместе с знаменитой своим упорством и крутым нравом Марфой Борецкой вывезли Ивана Кузьмича в первопрестольную. Лишили отписанных на московского князя — конфискованных — земельных владений. При Иване Грозном постигла та же судьба и младших Савеловых, силой переселенных в Ростов Великий и Можайск. Великим князьям казалось главным оторвать крепкий род от древних корней.

Не каждый бы такую обиду простил, не каждый душой смирился. Савеловы разобрались: одно дело — государь, другое — родная земля. У государей ласки не искали, за землю сражались честно. Не зря в царском указе о награждении брата патриарха — Тимофея Петровича Савелова — будет сказано: «...За его которые службы, ратоборство и храбрость и мужественное ополчение и крови и смерти и предки и отец его и сродники и он показали в прошедшую войну в Коруне Польской и Княжестве Литовском, похваляя милостиво тое их службу и промыслы и храбрость, в род и в потомство поместья в вотчину в Можайском уезде... жеребей пустоши Захарковской... А буде у него в роду не останется и та вотчина останется не продана, и не заложена, и в приданые не отдана и та вотчина взять и приписать к нашим великого государя волостям...» Кстати, речь шла о том самом Захарове, близ Больших Вязем, в котором прошло пушкинское детство.

Верно, что убит был поляками родной дядя патриарха и Тимофея Петровича Анкидин Иванович, что сложил в боях с ними под родным Можайском голову в 1618 г. другой дядя — Тихон. Но пришла царская благодарность слишком поздно — без малого полвека спустя. Богатства в своем детстве племянники не знали. Дед — Иван Софронович, по прозвищу Осенний, был всего-то царским сокольником и не пережил польского лихолетья: в 1616 г. прибрался. Отец — Петр Иванович тоже оставался при дворе, но кречетником. От царя недалеко, да сыновьям какая корысть. Оттого и начал Иван Большой Петрович службу среди простых рейтар и только в двадцать четыре года сумел попасть на придворную должность — стал сытником. Невеликая снова должность, зато всегда у царя на глазах.

Не замечать сытников царь никак не мог. Автор записок тех лет Котошихин пояснял: «чин их таков: на Москве и в походах царских носят суды с питьем, и куды царю случится итти

или ехать вечеровою порою, и они ездят или ходят со свечами».

Не один год понадобился Ивану Большому, чтобы выбиться из придворных служителей в стряпчие Кормового дворца. Настоящих покровителей куда как не хватало, а одной честной службой далеко ли уйдешь. Может, потому и решился тридцатилетний стряпчий снова испытать судьбу – вернуться в рейтарский строй.

Для Московского государства все началось еще в 1647 г., когда казацкий сотник Зиновий Богдан Хмельницкий бежал из Украины в Запорожье, а оттуда в Крым. Борьба с поляками была трудной и заметных успехов не приносила. Богдан вернулся из Крыма с существенной подмогой – татарским войском. Избранный казацкой радой в гетманы, он поднял всю Украину и вместе с татарами добился нескольких блестящих побед. Разгромил польское войско при Желтых Водах, Корсуне, Пилаве, осаждал Замость и наконец заключил под Зборовом выгодный мир.

Но удача так же скоро отвернулась от Хмельницкого. Гетман неожиданно потерпел поражение под Берестечком и принужден был согласиться на куда менее почетный и выгодный мир, который народ ему не захотел простить. Оставалось искать поддержки у «восточного царя» – московского государя. В октябре 1653 г. казаки по их просьбе были приняты в русское подданство, а московский царь объявил войну обижавшей их Польше. Тринадцатого мая 1654 г. сам Алексей Михайлович возглавил войско, двинувшееся к Смоленску. Поход оказался очень успешным, и государь сразу по взятии Смоленска возвратился в Москву, которую в отсутствие войска охватила жестокая моровая язва. Радость победы и полученных поощрений была отравлена для рейтара Ивана Большого Савелова страшным несчастьем. В одночасье болезнь унесла и его молодую жену Евфимию, и четверых малых детей. Московский двор на Ордынке стоял вымершим и пустым.

Можно было начать восстанавливать родное гнездо, обзавестись новой семьей. В тридцать четыре года это было бы так просто. Можно было забыться в новом походе: весной 1655 г. Алексей Михайлович отправился в новый поход. Тридцатого июля московское войско торжественно вступило в Вильно. Позже были взяты Ковно и Гродно. В ноябре победители вернулись в Москву. Но Ивана Большого Савелова с ними уже не было. Он нашел иной и, казалось бы, совершенно неожиданный для его склада характера выход: принял постриг. Инок Иоаким отстранился от всех мирских дел и тревожений. Впрочем...

Именно в иноческом сане дают о себе по-настоящему знать энергия, воля и редкие организаторские способности бывшего Ивана Большого Савелова. И еще широкая книжная ученость, которую трудно было подозревать в рядовом сытнике или подьячем. Спустя девять лет после пострига Иоаким ставится в архимандриты кремлевского Чудова монастыря. В годы его правления обителем голландец Кленк напишет, что «Чудов монастырь скорее можно назвать дворянским учебным заведением, чем монастырем. Там редко увидишь кого другого, как только детей бояр и важных вельмож. Их помещают туда, чтобы

отдалить от дурного общества и научить благонравному поведению. По исполнении 16 лет от роду они снова могут уйти». Но это лишь одна особенность обители, которую мог заметить иноземец. Главное заключалось в постоянном участии братии Чудова монастыря в личной жизни царей, в «государственном устройении».

Цари искали в Чудовом монастыре духовной опоры. Архимандрит Иоаким сумел такой опорой для Алексея Михайловича стать. Первые три года его правления обителью еще продолжается война с Польшей, только в 1667 г. приведшая к заключению Андрусовского мира. Кому как не бывшему рейтару было знать и ее неизбежность, и ее тяготы. В том же году заявляет о себе Степан Разин, а Алексей Михайлович наконец решается на строительство русского флота, первые суда которого закладываются на верфях в Дединове.

Вместе с перипетиями Андрусовского мира Алексей Михайлович проходит одно из самых тяжелых в его жизни испытаний — состоявшийся в 1666 г. окончательный суд над бывшим патриархом Никоном. Для царя это не просто вопрос отношений государства и церкви, — это еще и очень глубокая личная привязанность, восхищение личностью человека, годами оставшегося его другом и советником.

Когда в апреле 1652 г. не стало патриарха Иосифа, Алексей Михайлович не видел на патриаршьем столе никого другого, как Никона, посланного в это время в Соловки для перенесения мощей митрополита Филиппа из Соловецкого монастыря в Москву. Конечно, могли воспротивиться церковники. Чтобы этого не случилось, мягкий и, на первый взгляд, постоянно колеблющийся царь берет инициативу в свои руки. Девятого июля празднуется торжество перенесения мощей, а спустя две недели Никон буквально назначается на патриарший стол «без жеребья». На глазах всего народа ему кланяются в ноги с просьбой принять власть Алексей Михайлович и все бояре. А Никон не соглашается и требует от царя собственноручной записи «еже во всем его послушати и от бояр оборонить и его волю исполнять». Алексею Михайловичу остается согласиться, что отныне он не будет больше заниматься делами церкви и духовенства. Еще через три недели царь подносит новопоставленному патриарху на золотой мисе золотую корону-митру вместо обычной для того времени патриаршей шапки, опушенной горностаем, и присоединяет к его кремлевским владениям огромный Царь-Борисов двор. С 1654 до 1658 гг., находясь постоянно в походах, Алексей Михайлович оставляет на попечении Никона и город Москву, и собственную семью.

Но все это в прошлом. Через шесть лет после своего такого необычного и пышного избрания Никон отказывается от сана, не добившись так манившего его слепого послушания царя. А в 1666 г. Иоаким оказывается рядом с царем, когда принимается решение лишить Никона сана и заточить в Белозерский Ферапонтов монастырь. Да и мало ли в эти годы непростых для Алексея Михайловича обстоятельств!

В 1669 г. не стало царицы Марьи Ильиничны Милославской, а в следующем объявленного народу наследника царевича Алексея Алексеевича — повод для нового появления Степана Разина, выдававшего себя за покойного. Здесь и увлечение

красавицей Натальей Нарышкиной, и осужденная многими царская свадьба с новой царицей. Иоаким оказался в числе тех, кто спокойно принял развитие событий. Больше того. Он поставляется в митрополиты Новгородские при поддержке царя, а спустя каких-нибудь два года и в патриархи. 26 июля 1674 г. стало звездным часом Ивана Большого Петровича Савелова. Отныне для истории существовал только кир-Иоаким.

Гражданские историки не находили в девятом патриархе никаких сколько-нибудь примечательных качеств: один из многих и, само собой разумеется, ни в чем не сравнимый с колоритной фигурой властного, тщеславного, не знавшего компромиссов Никона. Та же формула использована и авторами отличавшегося достаточной объективностью энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона. Но как, по поговорке, успех говорящего зависит от уха слушающего, так и образ исторического деятеля оказывается в прямой зависимости от внутренней позиции и угла зрения исследователя.

Формально у шестого и девятого патриархов мало общего. Ни в происхождении – Никон из крестьянской семьи, Савелов из дворян, ни в характере прихода к власти. Но уже в своей новгородской епархии Иоаким наводит особый порядок. Он устанавливает единообразную и совершенно определенную церковную дань, сбор которой поручает исключительно церковным старостам. Посылавшиеся обычно из митрополичьего приказа для этой цели светские чиновники допускали, по его мнению, слишком большие и частые злоупотребления. Есть здесь и другая не сформулированная в словах сторона: начать избавляться от участия в церковных делах светских лиц.

Сразу после поставления в патриархи Иоаким собирает в 1675 г. в Москве собор, решением которого у епархиальных архиереев появляются судьи из лиц духовных вместо мирских, как то было раньше. Иоаким настаивает, чтобы мирские судьи не имели права судить лиц духовных, а боярские дети посылались из архиерейских приказов только «на непослушников и непокорников». Спустя одиннадцать лет ему удастся окончательно завершить свое стремление царской грамотой о неподсудности лиц духовного сана гражданским властям. Царевна Софья поддалась на уговоры патриарха.

Но у Иоакима есть и еще одна, уже совершенно противоположная никоновской цель: борьба с роскошью. На том же соборе рассматривается так называемый чиновник архиерейского служения и издаются строжайшие законы по поводу малейшего проявления роскоши в быту и одежде высокого духовенства.

Достаточно посмотреть на денежные отчеты Патриаршего приказа: никаких трат на одежду Иоакима, никаких дорогих тканей. Это Филарет и Никон «строили» себе одну за другой рясы, шубы, шапки. Иоаким, судя по документам, обходится тем, что было в патриаршских кладовых. Патриархам не полагалось спать на кровати, ее заменяла широкая лавка у келейной стены. Но если его предшественники все время требовали новых одеял, крытых самыми дорогими мехами и тканями, Иоаким довольствуется купленным в Ветошном ряду бумажным тюфяком, покрытым наволокою из черного киндяка. Он не отказывается от клавшегося поверх тюфяка пуховика, но ему достаточно простыни на него, сшитой из 12 аршин холста.

У патриарха существовала извечная статья дохода — подношения приходивших за благословением по различным поводам лиц. За один только декабрь 1675 г. восьмого числа кланяется Иоакиму именинным пирогом голова московских стрельцов Богдан Пыжов, тот самый, чье имя долго хранил переулочек на Большой Ордынке и сохранившаяся там же церковь Николы в Пыжах. Двадцать пятого от государыни царицы Натальи Кирилловны и царевен является думный дворянин Авраам Никитич Лопухин с «перепечами», двумя днями позже стряпчий боярина Якова Никитича Одоевского приносит полотно.

Февраль 1676 г. оказывается еще более урожайным, к тому же вся придворная жизнь находит свое отражение в приходах за благословением вновь назначенных государственных деятелей. Тут и боярин князь Юрий Алексеевич Долгоруков, назначенный «сидеть» в Стрелецком приказе, и направляющийся воеводой в Сибирь боярин Петр Васильевич Шереметев, и пожалованный в Казань воеводой боярин Иван Богданович Милославский, и «приходившие на отпуске» донские казаки — атаман, есаул и сорок рядовых, причем каждый получал от патриарха образ, что само по себе обходилось недешево.

Особенность кира-Иоакима — его редкая хозяйственность. Вскоре после занятия Патриаршьяго стола он начинает заботиться о патриаршьях владениях на Пресне. Издревле эта московская река была запружена для нужд царского и Патриаршьяго обихода. Иоаким решает строить здесь новый пруд и сам доглядывает за работами в течение весны, лета и осени. Единственная роскошь, которую он себе позволяет, — это устройство в Кремле Патриаршьяго «висячего», по образцу царских теремов, сада.

После первого же проведенного в Кремле, на Патриаршьем дворе, лета Иоаким замечает, как мало там в жаркие дни прохлады. Никто из его предшественников специально садом не занимался, Иоаким не только решает устроить необыкновенный сад, но и сам придумывает технологию его сооружения. Уже в феврале 1675 г. он приказывает строить «на палатах Каменный приказ с сенями и крыльцом», а над ними, около своих деревянных келий, садовое место, огороженное каменной стеной. Расчетливый хозяин, Иоаким не может себе позволить таких затрат, которые шли на сооружение теремных висячих садов, когда кровля покрывалась свинцовыми спаянными между собой досками. Вместо них он придумывает сделать бревенчатый пол, иначе мост, с бревенчатыми толстыми желобами для спуска воды, причем все употребленные для пола бревна должны были быть «выжелоблены». Мост предстояло сплотить, положить на кровельные перекиды, все желоба тщательно просмолить. Между бревен следовало выконопатить все щели просмоленной посконью — тканью. Мост перекрывался поперек тесом, а по тесу берестой. На образовавшийся помост насыпалась садовая земля, в которую и производились садовые посадки. Как выглядел такой сад, судить трудно. Но, например, в 1679 г. садовник, судя по документам, посадил здесь 65 кустов гвоздик, салат, много гороху и бобов.

Не тратился Иоаким и на свою конюшню, которая была предметом особых забот всех патриархов. Он готов был пользоваться старыми каретами. Единственная новая была ему пода-

рена царем Федором Алексеевичем. Согласно описанию, была она «обита черной кожей золочеными гвоздями с четырьмя яблоками золочеными же по углам; внутри обита черным бархатом; в двух дверях и в окнах 10 окончин стекольчатых с подъемными тесьмами, две подушки черного бархата; в карете Спасов образ писан на золоте. Бич ременный, у него плетовище немецкое покрыто красным сукном». Гораздо нарядней был также подаренный возок: «крыт бархатом вишневым с голуном черным; на месте две подушки, вислые, сукно лазоревое. Внутри обито сукном и бархатом лазоревым, полы атлас вишнев; шесть окончин и одна маленькая круглая, слюдяные».

Когда кир-Иоаким отправлялся в путь, чаще всего в Преображенское или Измайлово — там жили царские семьи Милославских и Нарышкиных, — его карету или возок сопровождало двадцать стрельцов. Иногда такие поездки совмещались с общегосударственными заботами, как в засуху 1681 г., когда от великой жары стала трескаться подмосковная земля.

Патриарх совершает в Успенском соборе молебное пение о дожде с великой раздачей милостыни предварительно оповещенным по всему городу нищим, причем всего выдается 28 рублей 20 алтын. «На другой день, после молебного пения и литургии святейший ходил к великому государю в село Коломенское и поздравлял ему государю, что он в прошлом во 184 году сего числа венчался царским венцом. А как патриарх вошел в село Коломенское и без себя указал на своем патриаршьем дворе раздать нищим поручено милостыни 21 рубль 6 алтын и 2 деньги. Раздавал казначей Паисий Сийский, чтоб нищие молили Бога о государевом многолетнем здравии и о дожде. Возвратившись из Коломенского, на другой день, 19 июня, святейший снова перед литургиею в соборе молебствовал о дожде и после службы пожаловал на своем патриаршьем дворе нищим, которые были у собора в молебное пение и в литургию, милостыню 61 рубль 12 алтын 2 деньги». Всего нищих было около шестисот человек.

Единство церкви и нерушимость веры обретают для Иоакима особый смысл к концу 1670-х гг. Он выступает как автор ряда любопытных полемических сочинений, как «Извещение о чуде» и «О сложении трех перстов», изданных в 1677 г. Годом позже принимает решение упразднить во всех городах, кроме Москвы, древнейший обряд шествия на ослии в Вербное Воскресение. В Москве же оно должно было приобрести смысл похвального действия, изображающего перед народом образ царского смирения перед Царем Небесным. Но и церковным — на ослии восседал патриарх, около шел, символически придерживая поводья, царь.

Между тем в Москве начинаются волнения по поводу чисто догматического вопроса о времени так называемого пресуществления Святых даров, которому Иоаким придает исключительное значение: и потому, что волнения совпали с появлением в России иезуитов, и потому, что среди высшего духовенства и боярства в его решении многие склоняются к католицизму. Достаточно сказать, что такова позиция Симеона Полоцкого, воспитателя всех старших царских детей, и ближайшего советника царевны Софьи Сильвестра Медведева.

Чтобы пресечь ненавистные ему влияния, кир-Иоаким обращается за поддержкой к восточным патриархам. Именно в

Успенский собор
Московского Кремля.
Интерьер

это время в Москву впервые присылается «Православное исповедание» Петра Могилы. На стороне патриарха в споре принимают участие братья Лихуды, выписанные им для занятий в Славяно-греко-латинской академии, образованной из греческой школы, которую Иоаким открывает при поддержке царя Федора Алексеевича в 1679 г. Через десять лет основанная на догматических расхождениях вражда приведет Сильвестра Медведева к мысли о необходимости убить святейшего. Но дело Шакловитого не только привело к осуждению Медведева — оно дало возможность Иоакиму добиться высылки из Москвы иезуитов.

И неожиданная подробность. В своей заново устроенной на Патриаршьем дворе церкви Двенадцати Апостолов Иоаким приказывает поставить вверху иконостаса Распятие с предстоящими — прием, вскоре распространившийся по всей России, хотя сам по себе он свидетельствовал о западном влиянии.

Распятие с
предстоящими. Фрагмент
креста Шумаева

Лист Букваря Кариона
Истомина. 1692 г.
Гравюра Л. Бунина.
Карион издавал
литературу учебного
характера. Его букварь
представляет скорее
не книгу, а альбом для
обучения грамоте,
собрание гравюр.

Иоаким оказывается настолько дальновидным, что для отстаивания ортодоксального православия начинает готовить высокообразованных проповедников и учителей. Расчетливый во всех расходах, он никогда не считается с деньгами в отношении Академии и школы при Печатном дворе — двух основных учебных заведений. Обычно два раза в год он посещает их с щедрой раздачей денежных поощрений ученикам и педагогам. В январе 1684 г. 168 младших учеников получают по денежному калачу, двадцать три старших по двуденежному, «да ученикам первым и над прочими надсматривальщикам, названным старостам Силке Семенову 2 рубля, Власку Абрамову да Андрюшке Осипову по рублю». В январе 1687 г. преподаватели братья Лихуды Сафроний и Аникий получают по пяти золотых, «да учеником боярина князь Юрья Михайловича Одоевского детям его, князь Михаилу, да Князь Петру, да кравчего Бориса Алексеевича Голицына сыну его князь Алексею, да дьяка Василья Посникова, сыну его Петру, по золотому одинакому».

Бояр и дьяков особенно привлекала в Академии возможность дать своим детям широкие знания, кстати и высокое ораторское искусство, одинаково необходимое и на дипломатическом поприще, и в заметно менявшейся придворной жизни. При Иоакиме становится обычаем произнесение перед патриархом рацеи или орации, иначе — праздничных на определенную тему речей. Рацеи произносились учениками при каждом удобном случае, на одном празднике с ними могли выступать пять-семь человек.

И снова кир-Иоаким использует свои незаурядные организаторские способности. Он не ограничивается ораторскими навыками учителей и отдельных учеников, но устраивает специальное обучение своих меньших поддьяков — певчих мальчиков — этому сложному искусству. Этот курс занятий поручается и проводится с большим успехом Карионом Истоминым.

По-видимому, с его питомцами небезуспешно состязаются и воспитанники Сафрония Лихуда. Известно, что в конце декабря 1687 г. он приходит к кир-Иоакиму «и с ним ученики его Греческого языка реторического, грамматического и книжного Греческого и Словенского учения, и в Крестовой полате перед Святейшим и освященным собором Христа славили пением Греческого согласия и говорили Гречески и Словенски о Христове воплощении от божественных писаний многия речи и орации святейшему патриарху с подздравлением. В это время орацейщиков было семь человек».

Кажется, даже Никон не проявлял такой жесткости в борьбе с расколом, как кир-Иоаким. На соборе 1681 г. признается необходимой совместная борьба светских и церковных властей с разрастающейся «духовной смутой». Патриарх требует отсылать раскольников в городской суд, силой отбирать старопечатные книги и заменять их тщательно исправленными — при Иоакиме издаются в исправленной редакции Шестоднев, Требник, Псалтирь, Минея общая, Октоих, Часослов, — следить за продажей тетрадей с выписками из Священного Писания, чтобы в них не содержалось хулы на церковную власть.

Иоаким сам участвует в прениях с раскольниками в Грановитой палате 5 июля 1682 г., громя Никиту Пустосвята. И до сих пор остается не выясненным до конца авторство «Увета духовного» — интереснейшего труда, написанного по поводу бунта 1682 г. в ответ на поданную тогда челобитную. Стоящее на «Увете» имя Иоакима вызывает у некоторых исследователей сомнение, поскольку трудно себе представить, что патриарх один мог его сочинить всего за пятьдесят дней. Но если даже в его составлении участвовали блестящий полемист архиепископ Холмогорский Афанасий и Карион Истомин, роль Иоакима отрицать невозможно. Ведь это он почти одновременно выпускает никем не оспариваемые труды «Поучение ко православным христианам» (1682), «Об избавлении церкви от отступников» (1683), «Слово против Никиты Пустосвята» (1684).

Он так до конца своих дней и продолжает добиваться исключительности положения московской церкви. В 1687 г. Киевская митрополия, с согласия восточных патриархов, подчиняется патриарху московскому. В год окончания правления царевны Софьи Иоаким собирает на собор все московское духовенство и архиереев, которые сурово осуждают «папешников». Святейший собирается выпустить новый обращенный против иноверцев сборник, но смерть становится на пути его замысла. Православным во укрепление их веры Иоаким оставляет и образ Божьей Матери Всех Скорбящих Радости, им открытый, им же превращенный в образ особого почитания и надежды.

Историки утверждают, что эта тема появляется в нашей иконописи не ранее XVII в., точнее — во времена правления церковью Иоакима. Такое раньше трудно себе представить — Царица Небесная, окруженная обыкновенными людьми, страдающими недугами и житейскими скорбями. «Алчущих кормилица», «нагих одеяние», «больных исцеление», «сырым помощница», «одиноким утешение», «жест старостин» — строки канона Богородице, расписанные по всему полю иконы, позволяли каждому молящемуся найти свою беду и увериться в помощи свыше.

...Двор на Большой Ордынке, на окраине Кадашевской слободы. Сестра Евфимия, пораженная неизлечимым недугом. Пророческий сон патриарха, увидевшего Богородицу, обещающую исцеление Евфимии. Икона тут же была заказана по описанию Иоакима иконописцам Оружейной палаты. Первый же молебен, отслуженный у нового образа, совершил чудо — многие годы лишенная ног Евфимия встала и пошла. По обету Савеловы соорудили на своей земле храм во имя Божьей Матери Всех Скорбящих Радости, как стала называться икона. Толпы страждущих устремились к Чудотворной. Иначе ее стали называть патриаршым образом. Образом Иоакима Савелова.

Спустя почти сто лет на месте обветшавшей и разобранный Церкви встает трапезная и колокольня, построенные, как можно предположить, В.И. Баженовым. Внимание прославленного зодчего к приходской церкви объяснялось просто. Через дорогу от нее находился двор родственников его жены купцов Долговых. Она и сегодня украшает улицу, выстроенная по проекту того же Баженова долговская городская усадьба с главным домом, окруженным двумя флигелями и торжественной оградой с воротами.

Скорбященская церковь тоже получает на рубеже XVIII—XIX вв. превосходную чугунную ограду. А в 1828—1833 гг. церковный ансамбль завершается огромной ротондой, созданной другим московским зодчим Осипом Ивановичем Бове.

Конечно, со временем Скорбященский храм перестает быть единственным в Москве. Одноименные церкви возникают в Старо-Екатерининской больнице на Второй Мещанской, при Алексеевской психиатрической больнице, именовавшейся в просторечии Канатчиковой дачей, на Калитниковском кладбище и на Зацепской площади. И все равно первый по времени оставался самым главным и почитаемым москвичами. Кажется, сохранялась в нем и традиция, начатая девятым патриархом. При Скорбященской церкви, что на дворе Савеловых, с 1880-х гг. издавался ее священниками настоятелем Симеоном Ляпидевским и отцом Сергеем Богословским очень популярный журнал «Кормчий» с множеством приложений. Здесь были и 52 «Воскресных поучения по житиям святых» с изображением святых и событий из их жизни, еженедельные выпуски «Современного обозрения», 12 книг «Народной библиотеки», 12 выпусков «Православного миссионерского листка» и листов «На борьбу с пьянством». И весь этот объем изданий просуществовал вплоть до 1917 г.

Все-таки повезло Скорбященской: в нее вселили в свое время не механический завод или клуб, а запасник икон Третьяковской галереи. Сравнительно рано в ней восстановили «пение» — богослужения. Хорошо отреставрировали. Организовали превосходный хор. Не повезло девятому патриарху — живой и действующий памятник никак не увековечил его имени, деятельности, стараний. И если сегодня где-то и упоминается имя Иоакима Савелова, то, пожалуй, лишь в селе Сивкове под Можайском, где в 1685—1687 гг. возвел во владениях своего брата Ивана Меньшого Петровича Савелова патриаршью церковь. Небогатую. Небольшую. С ложей для патриарха. Ничего большего сам для себя Святейший не захотел.

«БОЯРЕ ВИСЯЧИЕ» ПРЕОБРАЖЕНСКОГО ДВОРЦА

От царских подмосковных, тем более XVIII в., дошло до наших дней слишком мало. Еще можно силой воображения воскресить дворец в Измайлове: сохранились его изображения на гравюрах тех лет и продолжают стоять сегодня памятью о нем ворота, ограды, мост, собор, хоть и встроенный в нелепые унылые крылья казарменных богаделен времен Николая I. Можно себе представить исчезнувший дворец в Коломенском на пологом берегу широко развернувшейся реки, между остатками палат, стен, старого огорода и стремительно взметнувшейся ввысь свечки храма Вознесения — ведь существует же превосходно выполненная и часто воспроизводившаяся модель. А Преображенское — какие в нем найдешь ориентиры петровского времени?

Корпуса завода «Изолит», прозрачные павильоны метро, нестихающая суeta трамваев, сплошной, до горизонта, чертеж широко расступившихся высоких белесоватых, перепутанных паутиной балконов жилых домов. Правда, кое-где еще встретишь рубленый дом с резными подзорами на покачнувшемся крыльце. Есть и речонка в заросших лебедой берегах. Но как и где поместить здесь петровский дворец?

Преображенское... Какой угрозой старой Москве без малого 300 лет назад оно было! «Потешные», первый ботик на Яузе, городок-крепость Прешбург, сражения — самые настоящие, с потерями, ранеными и убитыми. Преображенский приказ, из которого выйдут коллегии — прообраз министерств, дворец, где жил Петр, собирались первые ассамблеи, разудалые празднества Всешутейшего собора... Все тогда говорило о новой и непонятной жизни, надвигавшихся год от года все более неотвратимых переменах... И вот теперь передо мной едва ли не единственная реальная память о дворце — опись, составленная в 1739 г.

Он был совсем простым, этот первый петровский дворец. Деревянные, ничем не прикрытые стены, дощатые полы, двери, только в одной, самой парадной комнате стены обиты алым сукном. Комнат немного, почти столько же, что и в обычном зажиточном доме тех лет. Передняя, столовая, спальня, зала для ассамблей, токаря с четырьмя станками, где Петр находил время работать чуть не каждый день, еще несколько помещений.

Из мебели — непременно дубовые раздвижные столы, лавки, иногда обтянутые зеленым сукном, иногда покрытые суконными тюфяками такого же цвета — зеленый в начале XVIII в. был в большой моде. В столовой единственный шкаф — большая по тем временам редкость, к тому же сделанный в новом вкусе: «оклеен орехом, на середине картина затейная, над ней три статуйки». На стенах повсюду всякого рода памятки об увлечениях Петра — деревянные модели кораблей, подвешенные к потолку или поставленные на подставки, компасы простые, морские, использовавшиеся на кораблях, даже ветхий барабан. Рядом с зеркальцами в тяжелой свинцовой оправе множество гравюр — «картин на бумаге», как их называли, с изображениями морских сражений, кораблей, крепостей, а в зале к тому же целая галерея живописных портретов. И вот один из них.

Картина не имела ни автора, ни названия, т. е. они, конечно, были когда-то, но живописец не оставил своего имени на холсте, и оно забылось, а сюжет стал определяться условно. Пожилой мужчина с гривой седых, падающих на плечи волос, с растрепанной бородой, в остроконечной короне и с трезубцем в правой руке. Само собой разумеется, не портрет. Скорее, изображение мифологического существа – бога морей Нептуна, как его называли римляне, или Посейдона – имя, которое ему дали греки. Ему полагалось иметь длинные седые волосы, олицетворявшие потоки воды, корону в знак власти над всеми морскими стихиями и трезубец, способный в мгновение ока воцарять тишину на океанах или вызывать бурю. «Нептун» – так и назван был холст, хранящийся в запаснике Третьяковской галереи.

Московский «Нептун» явно напоминал тех грубоватых, сильных людей с крупными лицами и упорным взглядом недоверчивых глаз, чьи портреты висели в Петровской галерее Зимнего дворца, встречались в залах Русского музея, – современников Петра I.

Раз за разом приходя в запасник, встречаясь с неприветливым взглядом человека в маскарадной короне, думала, кем же мог быть этот бог морей. И наверное, такие мысли так и остались бы мыслями между прочим, если бы однажды в архиве мне не попала на глаза опись имущества дворца в Преображенском – того самого, в котором жил Петр.

Опись 1739 г. имела несколько вариантов. То ли составлявший ее чиновник не мог найти необходимых формулировок, удачных оборотов, то ли пытался переписать в окончательном виде без поправок. Во всяком случае в одном варианте портреты перечислялись только частично, причем среди них фигурировал и «Нептун», но без имени изображенного лица. В другом варианте каждый из «бояр висячих», как называлась вся серия, определялся очень подробно. Общее число полотен в обоих случаях оставалось неизменным. Не третьяковский ли это «Нептун»? Одно непонятно: как входившая в состав дворцового имущества картина могла оказаться в частных руках, откуда ее и приобрела галерея? Оказывается, существовало обстоятельство, делавшее предположение о связи «Нептуна» с Преображенским дворцом достаточно вероятным, а поиск в этом направлении оправданным.

Преображенское постигла судьба, им самим предопределенная. Родившиеся в подмосковном селе планы требовали простора, иных, невиданных масштабов. И вот сначала воронежские годы – строительство флота, потом берега Невы – новая столица окончательно увели Петра из Москвы. На места, где проходила юность, не хватает времени, а лирические воспоминания не в характере людей тех лет.

Недавно отстроенный дворец забыт. Разбиваются стекла, протекают потолки, рассыпаются дверные косяки, по частям, как придется, вывозится в Петербург обстановка. Мебели и вещей в придворном обиходе постоянно не хватало, а Петр не склонен увеличивать расходы на них. В Преображенское не возвращается ни сын царевича Алексея император Петр II во время своей жизни в Москве, ни тем более сменившая его Анна Иоанновна, предпочитавшая родовое гнездо своего отца –

Измайлово и специально отстроенный дворец в Лефортове — Анненгоф. Из петровского дворца брали без счета и отдачи.

Да и дальнейшая история Преображенского оказывается недолгой. Остатки имущества и само здание, вплоть до каменного фундамента, были проданы в 1800 г. с торгов на слом и вывоз. Тогда же некоторое число дворцовых портретов приобрел некто Сорокин, внук которого впоследствии передал их известному историку М.П. Погодину, чьим именем называется сегодня улица в районе Новодевичьего монастыря. Сюда и тянула ниточка от «Нептуна». Но тогда среди «бояр висячих» находился тот, кого изобразил неизвестный художник в виде бога морей.

Опись перечисляет «бояр висячих» неторопливо и уважительно: «Персона князя Федора Юрьевича Ромодановского, персона Никиты Моисеевича Зотова, персона Ивана Ивановича Бутурлина, персона иноземца Выменки, персона султана турецкого, другая персона жены его, персона Матвея Филимоновича Нарышкина, персона Андрея Бесящего, персона Якова Федоровича Тургенева, персона дурака Тимохи, персона Семёна Тургенева, персона Афанасия Ипполитовича Протасова...»

Для более поздних лет собрание в полтора десятка портретов не представляло ничего особенного. Но на рубеже XVII—XVIII вв. портреты еще не имели сколько-нибудь широкого распространения в России. Живописцев, умевших их писать, очень немного, как невелика была и сама потребность в подобного рода изображениях. Интерес же к ним Петра носил и вовсе познавательный характер. Петра увлекала возможность создания подобия живого человеческого лица, и для этой цели живопись, скульптура, тем более снятая непосредственно с лица маска представлялись ему одинаково достигающими цели. В одном из своих писем от 1701 г. он писал дьяку Виниусу о только что умершем соратнике своем Плещееве: «Сказывал мне князь Борис Алексеевич, что персона Федора Федоровича не потрафлена (не удачна). Прошу вас изволите с лица ево сделать фигуру из воску или из чего знаешь, как ты мне сказывал, о чем паки прошу, дабы исправлено (выполнено) было немедленно».

Заказ на каждый новый портрет представлял собой событие. Но тогда тем более обращал на себя внимание подбор изображенных на преображенских портретах лиц.

Десять имен (не считать же султана турецкого с супругой!), десять очень разных, но и чем-то связанных между собой человеческих судеб. Среди лиц, изображенных на портретах, нет видных государственных деятелей, тех ближайших соратников Петра, к кому мы привыкли, кто действительно пользовался большой известностью. Почему Петр пожелал видеть в своем дворце именно эти персоны, и притом в самой парадной и посещаемой гостями зале? Если бы даже кто-нибудь из написанных заказал портрет по собственной инициативе, вопреки воле Петра, он не мог его повесить в Преображенском. Выбор должен был принадлежать самому Петру, а в этом выборе молодой царь, несомненно, руководствовался определенным принципом, вопрос только в том — каким. Видно, для того чтобы разгадать «Нептуна», придется идти по пути исключения, пока кольцо не сомкнется — если удастся! — вокруг одного имени.

...Иван Иванович Бутурлин — первая, самая ранняя страница Преображенской летописи. Он всегдашний участник петровских игр, один из командиров «потешных». В только что сформированном Преображенском полку Бутурлин получает чин премьер-майора. Но детские шутки оправдываются делом. Молодой офицер прекрасно показывает себя в первых же боях. А в 1700 г., уже в чине генерал-майора, он приводит под Нарву для сражения со шведами Преображенский, Семеновский и еще 4 пехотных полка, при которых в чине младшего офицера находился и сам Петр. Но здесь удача изменяет Бутурлину. Нарушение шведским королем Карлом XII своих гарантий стоило ему и целой группе русских офицеров 10 лет шведского плена. Попытки бегства не удаются. Только в 1710 г. Бутурлин возвращается в Россию. И снова военная служба, сражения со шведами, участие в разгроме их флота при Гангуте, занятия кораблестроением. Но Преображенский портрет мог быть написан только до шведского плена и, значит, до 1700 г. Для роли Нептуна, как и для всего облика мужчины с третьяковского портрета, Бутурлин тогда еще слишком молод.

Иное дело Ромодановский. Он управлял Преображенским приказом, командовал всеми «потешными» и регулярными войсками после того, как власть от царевны Софьи перешла к Петру. А когда в 1697 г. Петр отправился с Великим посольством в поездку, затянувшуюся без малого на два года, то доверил ему руководство государством, присвоив выдуманный титул «князь-кесарь». По поручению Петра вел Ромодановский расследование вспыхнувшего в отсутствие царя стрелецкого бунта и наблюдал за находившейся в заключении царевной Софьей, Петр и в дальнейшем сохранил за Ромодановским всю полноту внешней, представительной стороны царской власти, которой сам всегда тяготился, продолжал величать его и письменно, и в личном обращении царским титулом, строго требуя того же и ото всех придворных.

Мог ли Ромодановский оказаться «Нептуном»? Опять-таки нет. Судя по современным описаниям празднеств, в них всегда принимал участие «князь-кесарь», занимавший наиболее заметное и почетное место. С какой же стати было писать его портрет в маскарадном костюме, которого он никогда не носил? Но это соображение, так сказать, теоретическое. Существуют и более конкретные доказательства.

Оказывается, изображали «князь-кесаря» достаточно часто еще до получения им этого титула: в старорусском кафтане поверх легкого шелкового платья, с длинными заложенными за уши волосами и такими же длинными, по польской моде, усами (именно такой портрет висел в Преображенском) — и в качестве титулованной особы: в горностаевой мантии и латах, как того требовала в отношении царственных особ западноевропейская традиция. Ни на одном из сохранившихся портретов Ромодановский не имеет ничего общего с «Нептуном» — это разный тип лица, разные люди.

Дело далекого прошлого, но нельзя не припомнить, что в Преображенские годы между Бутурлиным и Ромодановским существовала своя особая связь. Оба они возглавляли каждый свою часть сражавшихся между собой на показательных учениях

Портрет Никиты Зотова

войск. Отсюда первый получил от Петра шуточный титул «царя Ивана Семеновского» (по названию села), второй — «царя Федора Прешбургского» (по названию крепостцы). Наиболее известными маневрами, которые позволяли убедиться в абсолютном превосходстве обученных новыми методами «потешных» над стрельцами, были маневры под Кожуховым. Схватка оказалась серьезной: 50 раненых, 20 с лишним убитых, зато предположения молодых военачальников подтверждались. «Шутили под Кожуховым, теперь под Азов играть едем», — писал спустя год Петр, откровенно признавая, что «Кожуховское дело» не было простым царским развлечением. Не эта ли связь с первыми серьезными выступлениями «потешных» послужила причиной написания оказавшихся в зале Преображенского дворца портретов?

...Письмо было неожиданным и необычным. Оно легло на мой рабочий стол — большое, почти квадратное, расцвеченное множеством марок и штампами на нескольких языках — «Просьба не сгибать»: Париж, улица Клода Лоррена. Из разрезанного конверта выпали две большие фотографии. Известный собиратель и знаток русского искусства во Франции С. Белиц писал, что, прочтя мою последнюю работу по живописи XVIII в., хотел бы помочь мне французскими материалами, но, к сожалению, располагает пока сведениями о единственном портрете интересующей меня эпохи. С фотографии смотрело молодое мужское лицо с усами и бородой. Легкий поворот к невидимому собеседнику, умные живые глаза с припухшими нижними веками, характерный излом высоко поднятых бровей, готовые сложиться в усмешку губы. Никаких мелочей — простой опущенный мехом кафтан, сжимающая книгу рука. И внизу на белой ленте надпись: «Никита Моисеевич Зотов Наставник Петра Великого».

Самый текст (Петр получил от Сената титул Великого в 1721 г., много позже смерти Зотова), как и характер написания букв свидетельствовали о том, что надпись сделана позднее, хотя тоже в XVIII в. А вот портрет...

Забавы, петровские забавы — какими сложными по замыслу и подлинной своей цели они были. То, что постороннему наблюдателю представлялось развлечением, подчас непонятым, подчас варварским, в действительности помогало рождению нового человека. Ведь люди еще были опутаны предрассудками, представлениями, традициями и мерой знаний средневековья. Как писал поэт и драматург XVIII в. А.П. Сумароков, «Петр природу пременяет, Новы души в нас влагает...».

А Россия — и это соратники Петра великолепно сознавали — не могла ждать. Каждый день, каждая неделя в этой погоне за знаниями, за умением, за наукой могли обернуться невосполнимой потерей. Надо было спешить, во что бы то ни стало спешить. Так появляются «потешные», вчерашние товарищи детских игр Петра, сегодняшние солдаты российской армии, сражающиеся с турками и шведами, утверждающиеся на Неве. Так появляется Всешутейший собор, удовлетворявший не тягу к бесшабашному разгулу и пьянству, как опять-таки казалось иностранцам. Собор становился опаснейшим оружием борьбы с церковью. Ни Петр, ни его сподвижники не искали способов дискредитировать церковь вообще — им бесконечно далеко до атеизма. Но они хотели ослабить ее влияние, внести в отношение к ней и ее установлениям и запретам элементы разума, сознательного отношения человека к религии, где «верую» не исключало бы «знаю» и «понимаю».

Идея собора разрабатывается в окружении Петра и при его постоянном участии в мельчайших подробностях с тем, чтобы в повторении привычных обрядовых форм предать осмеянию отдельные их стороны, преодолеть силу привычки. Несмотря на все крайности, отметившие его историю, собор отличался по-своему не меньшей целенаправленностью, чем игры с «потешными». Недаром на первых шагах оба эти начинания тесно связаны между собой. В них участвуют одни и те же лица из числа «бояр висячих» Преображенского дворца.

Все было здесь как в настоящей церковной иерархии — от простых дьяконов до самого патриарха. Петр назывался всего лишь «протодьяконом Питиримом», зато главой собора — «архиепископом Прешпурским, всея Язуы и всея Кокуя патриархом» состоял его бывший учитель Никита Зотов. Казалось бы, человек сугубо старого закала, приставленный в свое время к 5-летнему Петру для обучения письму и чтению по церковным книгам, как то полагалось еще в XVII в., Зотов понял необычные устремления питомца. И нашел в себе достаточно сил и способностей, чтобы стать одним из самых верных его помощников. До конца своих дней Зотов ведал личной канцелярией Петра и вместе с тем оставался душой всех затей Всешутейшего собора — «святийший и всешутейший Аникита». Он-то мог оказаться и Нептуном, и каким угодно другим персонажем. Только, как и в случае с Ромодановским, и портрет, и самая роль главы Всешутейшего собора исключали подобную возможность: не Никита Зотов был изображен на картине.

Когда после смерти Зотова в 1717 г. происходило избрание нового «князь-папы» — еще один титул главы собора, то его именем уже пользовались как своеобразным символом. Преемник Зотова должен был произносить составленную Петром формулу: «Еще да поможет мне честнейший отец наш Бахус:

предстательством антицесарцев моих Милака и Аникиты, дабы их дар духа был сугуб во мне». Несомненно, появление портрета Зотова в Преображенском было связано с собором и ролью «патриарха», тем более что именно в этой зале происходили основные собрания участников собора. Все укладывалось в логическое и не вызывавшее сомнений целое. Оставался один Милака — имя или прозвище, фигурировавшее в формуле. Не имело ли оно отношения к «Нептуну»?

Письма Петра — многотомное издание, снабженное богатейшими комментариями, многочисленные изданные документы тех лет, наконец, материалы так называемого Кабинета — канцелярии Петра в Московском государственном архиве древних актов — ничто не давало никаких указаний по поводу Милаки. И все-таки это имя было знакомо.

...Запасник Русского музея. На одном из холстов удивительное лицо. Могучий седеющий старик с крупными, властными чертами лица и яростным взглядом темных глаз из-под густых клочковатых бровей. Простой зеленовато-желтый кафтан, посох и словно впившаяся в него багровая рука. Суровая в своей простоте правда жизни, человеческого характера, времени. И как же он близок по душевному складу, по особенностям композиции, по самой манере живописи к «Нептуну». У него даже имя было необычным — «Патриарх Милака». Тогда же я попыталась узнать, что оно означало, но инвентарный список музея не давал никаких пояснений. Может быть, описка?

Теперь места для прежних сомнений не оставалось — написание имени дошло до наших дней неискаженным, зато полностью исчезла память о том лице, которое за ним скрывалось. Тем не менее в частной переписке 1690-х гг. удалось найти упоминание о Милаке. Вслед за письмами и документы подтвердили, что носил это прозвище ближайший родственник Петра, его двоюродный дед по матери, Матвей Филимонович Нарышкин. Но ведь именно Матвей Филимонович Нарышкин, его персона занимала место среди «бояр висячих» Преображенского дворца!

Иностранные путешественники отзываются о нем с пренебрежением и плохо скрываемой неприязнью, вот только правы ли они? Известно, что Матвей Нарышкин был деятельным сторонником Петра в его борьбе за власть, участником подавления стрелецких восстаний. Вошел он и во Всешутейший собор его первым главой, сумев разобраться в замыслах внука. А поставив перед собой какую-либо цель, этот человек умел к ней идти. Только характер у Матвея Нарышкина был не из легких.

Круг кандидатов в «Нептуны» заметно сужался, но не одно это поддерживало надежду. Среди оставшихся «бояр висячих» несколько имен принадлежало так называемым шутам Петра. Среди них как-то легче казалось найти таинственного старика. К тому же шуты петровских лет — это совсем не так просто.

Шутка, злая издевка, острое слово — как же ценили их Петр и его единомышленники, какую видели в них воспитательную силу. Под видом развлечения любая идея легче и быстрее доходила до человека, а ведь имелась в виду самая широкая аудитория, выходившая далеко за рамки придворного круга. Сколько шуму наделала в Москве знаменитая свадьба шута Шанского, разыгравшаяся на глазах целого города с

участием именитого боярства, на улицах и в специально подготовленных помещениях. «В том же году, — вспоминает с характерной для тех лет краткостью один из современников, — женился шут Иван Пименов сын Шанский на сестре князя Юрья Федоровича сына Шаховского; в поезде были бояре, и окольничие, и думные, и стольники, и дьяки в мантиях, в фрезах, в горлатных шапках, также и боярыни». Трудно придумать лучший повод для пародии на феодальные обычаи и вместе с тем возможность унижить ненавистную Петру боярскую спесь.

Чтобы сохранить память об удавшихся торжествах, Петр заказывает голландскому граверу Схонебеку гравюры, в которых свадьба должна быть запечатлена в мельчайших подробностях. Шанского никак не назовешь шутком в нашем нынешнем понимании этого слова. Представитель одной из старейших дворянских фамилий, он в числе так называемых волонтеров в 1697–1698 гг. вместе с Петром ездил учиться на Запад, был по-настоящему образован, очень остроумен и хорошо понимал замыслы царя. Тем не менее живописный портрет Шанского не числится среди имущества Преображенского дворца. Петр, по-видимому, не считал его лицом достаточно важным и интересным для подобного представительства. Зато в ассамблейной зале висела «персона иностранца Выменки», состоявшего на должности шута в придворном штате.

Однако «принц Вимене», как называли его современники по любимому присловью — искаженному акцентом выражению «вы меня», фигура и вовсе необычная. Настоящее его имя остается загадкой, но именно он становится одним из основоположников русской политической сатиры. Сохранилась любопытная переписка «Выменки» с Петром, дошла до нас и составленная им сатирическая «грамотка» к польскому королю Августу II Саксонскому в связи с далеко идущими военными планами последнего. Темой шуток «принца Вимене» была только внешняя политика России, предметом сатиры — ее внешние враги. Обличье «Нептуна» никак ему не подходило.

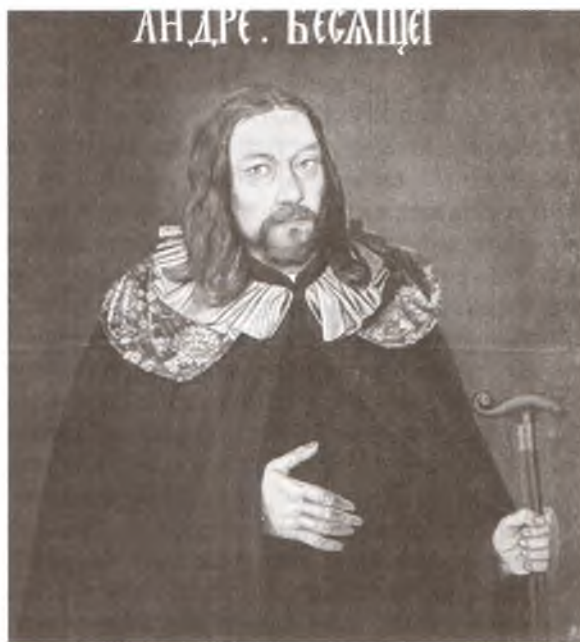
А вот какая роль принадлежала двум другим шутам — Андрею Бесящему и Якову Тургеневу?

Еще в прошлом веке было высказано предположение, что под именем Андрея Бесящего скрывается Андрей Матвеевич Апраксин. Был Андрей Апраксин одним из приближенных бояр брата Петра, Иоанна Алексеевича, но состоял в дальнем родстве и с самим Петром. Сестра Апраксина, Марфа Матвеевна, была женой другого брата царя — рано умершего Федора Алексеевича. Но вот что побудило Петра поместить в ассамблейной зале портрет человека, достаточно далекого от его деятельности?

В отличие от двух своих братьев, ближайших соратников Петра, Андрей Апраксин сначала не разделял преобразовательных идей Петра. Попросту они его не занимали, а боярская привычка тепшить свой норов постоянно приводила к столкновениям с царем. Вольный дух старого боярства искоренялся Петром жестоко и неуклонно.

Среди «молодецких» выходок Андрея Апраксина одна отличалась особенной бессмысленностью. В 1696 г. под Филями он со своими людьми «смертно прибил» стольника Желябужского с сыном, а при допросе отрекся от своего поступка. Вzbешен-

Неизвестный художник.
Портрет А. Бесящего
(Андрея Матвеевича
Апраксина). Коп. XVII –
нач. XVIII вв.

ный Петр приговорил его к исключительно высокому денежному штрафу и битью при всем честном народе кнутом. От кнута Апраксина спасли только неотступные просьбы сестры, царицы Марфы, которая на коленях вымолила у Петра прощение. Битье кнутом заменили прозвищем Бесящий, которое оказалось увековеченным и на специально написанном портрете как предостережение и напоминание всей остальной боярской вольнице. В такой же роли одержимого Апраксин вынужден был принимать участие во всех «действиях» Всешутейшего собора: Петр постоянно выставлял его на осмеяние. Чести быть Нептуном ему бы никто не предоставил.

По сравнению с другими Преображенскими портретами портрет Якова Тургенева, прямого предка замечательного нашего писателя, оказался в наилучшем положении. Император Павел I забрал его в Гатчину — он собирал все связанное с Петром I. Затем портрет перешел в Русский музей и теперь открывает залы нового русского искусства.

Немолодой мужчина в широко распахнутом кафтане, подпоясанный ярким узорчатым поясом, с палкой или, может быть, жезлом в правой руке. Бледное, почти испитое лицо под темной полосой придерживающей волосы перевязи, усталый и недоверчивый взгляд умных темных глаз. И прямо над головой, по фону, крупной вязью старинного шрифта: «Яков Тургенев». Каталог Русского музея добавляет, что портрет принадлежит кисти Ивана Одольского и написан в 1725 г.

Вообще в первой четверти XVIII в. имя Якова Тургенева ни в каких документах встретить не удалось. Молчание о нем настолько долгое, что есть все основания считать — в это время его уже не было в живых. Зато вся юность Петра самым тесным образом связана именно с Тургеневым. Был он дьяком приказа, ведавшего «потешными», отличился в «Кожуховском деле». Был он с Петром I и под Азовом. Сразу после этого похода состоялась его свадьба «на дьячей жене — в шатрах, на поле, промеж сел Преображенского и Семеновского», веселое

шутовское празднество, близкое к «действиям» Всешутейшего собора.

Пожалуй, один-единственный этот эпизод и позволил дать Тургеневу имя шута, хотя и безо всякого на то действительного основания. И если внимательно всмотреться в костюм дьяка, то совершенно очевидно, что в руках у него не некий шутовской атрибут, а вид служившего символом военной власти жезла, который использовался в «потешных» войсках. Так не явилось ли поводом написания Преображенского портрета успешное участие Тургенева в «Кожуховском деле», чтобы остался он изображенным с теми знаками власти, которые были тогда ему даны?

Но существовали и иные соображения, делавшие дату написания тургеньевского портрета совершенно неправдоподобной. Родившийся около 1650 г., Тургенев должен был иметь в год написания портрета 75 лет. Тогда этот возраст считался более чем преклонным. Но на портрете представлен мужчина нестарый, с едва тронутой проседью бородой. Этот холст был написан по крайней мере 30 годами раньше утвердившейся за ним даты.

Вот именно здесь, в карусели дат, документов, отрицаний и утверждений, и начала проясняться загадка «Нептуна». Списки участников Всешутейшего собора – они сохранились в обрывках: где документ, где воспоминания современника, где случайное упоминание. Но никогда Яков Тургенев не называется в связи с ролью Нептуна. Роль бога морей исполнял... Тургенев Семен, тоже упоминающийся среди Преображенских портретов. Значит, его имя и опустил переписчик, ограничась названием исполнявшейся им роли – Нептун.

Иван Сергеевич Тургенев был прав и не прав, когда писал, что гордится «тем шутком Петра Великого, Яковом Тургеневым, которому пришлось в новый 1700 г. обрезать бороды бояр: он по-своему тоже служил делу просвещения». В реформах Петра его пращур участвовал, но собственно шутком не был. Скорее эту роль можно отнести к сыну Якова Федоровича – Семenu Яковлевичу, и то только за счет того, что участвовал он в «действиях» Всешутейшего собора, представляя грозного владыку морей. Пока больше никаких подробностей его жизни отыскать не удалось. Может, и действительно единственным сколько-нибудь значительным событием в его жизни была эта роль? Вряд ли. Но пока можно сказать, у «Нептуна» не стало тайны – появилась «персона Семена Тургенева», один из первых писавшихся для Преображенского дворца русских портретов.

ОГНИ МОСКОВСКИХ ВИКТОРИЙ

Оружейная палата сегодня – это огромное, все в замысловатом орнаменте здание, примкнувшее к Большому Кремлевскому дворцу. Музей известный, поражающий своим богатством.

Но не говоря о том, что его нынешние помещения совсем-совсем молоды — им недавно исполнилось 100 лет, само понятие Оружейной палаты в русской истории с ними в общем никак не связано.

Еще в XVI в. появилось при царском дворе звание оружничего — боярина, ведавшего царским оружием, а вместе с ним и палата, где это оружие хранилось. Но из кладовой палата очень скоро превратилась в мастерскую. Появились в ней оружейники, кузнецы, чеканщики, златописцы, ювелиры, золотых и серебряных дел мастера — все, кто имел хоть какое-нибудь отношение к изготовлению оружия. За ними потянулись художники, тогда еще только иконописцы, — надо было расписывать знамена, стяги, походные палатки, потом переписчики книг, миниатюристы, наконец плотники, каменных дел мастера, строители.

А раз мастера были под рукой, их все чаще занимали работами для царского обихода. Чем пышнее становился царский быт, тем больше появлялось специальностей в палате. Просили о такой же помощи другие города и даже иноземные правители. Не было сколько-нибудь большой работы в государстве, в которой бы палата не участвовала. Имела она свой немалый штат мастеров, имела и подробнейшие сведения о местных — «городовых» ремесленниках и иконописцах. В случае надобности ничего не стоило вызвать их из самых далеких уголков. Новгород и Устюг Великий, Александрова слобода (нынешний Александров) и Кострома, Псков и Ярославль, Переяславль-Залесский и Нижний Новгород были для нее одинаково доступны. За явку художников в столицу головой отвечали воеводы. Волей-неволей мастерам приходилось ехать. Хоть платила палата щедро, не каждому хотелось оставлять дом, семью, собственные заказы. «Терпела» на том, по тогдашнему выражению, местная работа, но взамен приходило признание. В Москве художник получал аттестацию по своим способностям и умению, и это принималось во внимание во всем государстве, куда бы ни попал мастер.

Трудно даже просто перечислить, что входило в обязанности иконописца тех лет. Надо было расписывать сундуки, писать образа, украшать доски столов, покрывать сложнейшей росписью из цветов, фруктов, великолепных в своем цветовом богатстве орнаментов стены новых палат, отделявать шахматы, выполнять в огромных помещениях фрески. Приходилось даже подделывать ткани под заморские образцы, если их почему-нибудь не удавалось достать.

В Оружейной палате появляются и первые специалисты невиданного до того времени в Древней Руси мастерства — живописи. Один из них, Иван Детерс, еще в годы правления деда Петра I, едва не поплатился жизнью за свою профессию, когда во время пожара в Немецкой слободе спасавшие имущество погорельцев стрельцы увидели среди его личных вещей череп и скелет. Только счастливый случай помог уцелеть заподозренному в колдовстве художнику.

Оружейная палата становится первым и единственным учреждением, где готовились русские живописцы. И именно среди них, в числе «живописных учеников», удалось обнаружить самые ранние следы Чоглокова, того самого Михайлы Чоглокова, как его будут именовать документы 20 лет спустя.

1681 г. В штате Оружейной палаты состоит живописный ученик Мишка Иванов, которому полагается жалованья — «корму» — 10 денег в день. Не так-то просто установить, что это он и есть. И только после многочисленных сопоставлений, сравнений, экскурсов в последующие годы появилась возможность с уверенностью сказать: да, тот самый. Уже одно то, как называли художника — по отчеству ли вместо фамилии, или по имени и фамилии, или с отчеством и фамилией, говорило лучше всяких свидетельств об уровне его мастерства и, соответственно, уважении, каким он пользовался. Мишке Иванову еще предстояло стать Михайлой Ивановым, а потом Михайлой Чоглоковым — очередная ступень на профессиональной лестнице, чтобы получить, наконец, право на самое уважительное полное имя.

В эти ранние годы Чоглоков ничем не отличается от своих товарищей по мастерству. Низкий оклад, пренебрежительное имя, участие в работах, где требовалась наименьшая квалификация. Раз за разом возвращаясь к документам. А может быть, что-то ускользнуло от внимания, может, остался незамеченным какой-то маленький штрих, который дальше совсем иначе построил всю жизнь художника? Ведь из тогдашних живописных учеников один Чоглоков будет иметь отношение к строительству и пользоваться неограниченным доверием Петра.

1684 г. Все художники палаты заняты одним общим трудоемким делом. Это роспись только что выстроенных палат царицы и царевен. Работа как на пожар, «денно и ночью», «с великим поспешением». Что же произошло? Ответ дает история. Прошло всего 2 года после смерти молодого царя Федора Алексеевича. Но за это время провозглашены были царями Иван и Петр и успела после очередного дворцового переворота оказаться правительницей при них неукротимая и властная Софья. Чем-чем, а характером она была схожа со своим младшим сводным братом Петром.

Вслед за Софьей начинают заявлять о себе и ее многочисленные сестры. Любимая сестра Софьи, Екатерина, решает расписать стены своей палаты портретами всех членов семьи. Здесь и умершие — отец, мать, брат Федор, и живые — Софья, братья Иван и Петр (на всякий случай — как-никак царь!), и рядом сама Екатерина. Другое дело царица Наталья Кирилловна. Совсем обойти вдовую царицу казалось неловким, но довольно ей и небольших деревянных покоев, и художников похуже, помоложе, вроде Чоглокова. И вот тут-то и начинается перелом в судьбе Мишки Иванова.

Расход красок, перечисление имен художников, наряд на работы — мелкие повседневные подробности, отмечаемые день за днем в бумагах дворцового делопроизводства, — и постепенно начинает вырисовываться яркая картина жизни тех лет.

Последняя жена давно умершего царя, на что могла рассчитывать Наталья Кирилловна? Для росписи палат к ней назначается всего несколько художников. Самые известные и опытные даже не заглядывают — начальство палаты слишком хорошо понимало положение царицы. Ненависть к ней Софьи не знала границ. Умирает малолетний племянник Натальи Кирилловны, сын ее родного брата. Чтобы «списать», по существовав-

Петр I. Гравюра И. Голя

шему обычаю, его портрет — «персону», требовался один из лучших художников палаты. Другие попросту еще не умели этого делать. Но желание Натальи Кирилловны — не царская воля, и работа передоверяется живописному ученику Михайле Чоглокову, благо все равно расписывает он царицыны покои.

Если такое назначение и было обидой для самой царицы, то, видно, к художнику ни у нее, ни у находившегося с ней Петра претензий не оказалось. При неумном любопытстве подростка Петра, его жажде всего нового, неизвестного, не мог он не заинтересоваться работой живописца и не оценить его способностей. Иначе как объяснить, что сразу после дворцового переворота, отстранившего от власти Софью и передавшего правление в руки Петра, именно Чоглокову дается звание живописца с окладом большим, чем получали уже давно работавшие мастера из-за рубежа. Михайла Чоглоков постоянно состоит при царе, работает уже не столько в помещениях Оружейной палаты, сколько в Преображенском, где живет Петр, украшает там новый дворец, расписывает знамена для солдатских полков, пишет большие батальные картины — «бои полевые», которых еще не знало русское искусство. И как свидетельство возникшей чисто человеческой близости, — когда умирает Наталья Кирилловна, Петр поручает написать ее портрет «во успении» именно Чоглокову.

В делах палаты сохранилось собственноручное «доношение» художника: «Велено во успении матери Натальи Кирилловны написать на полотне живописным письмом персону длиною два аршина и зделать рамы флемованные (с волнообразной рейкой по рельефу. — *Н. М.*) и прикрыть чернилами. И того ж числа велено писать живописцу Михайлу Чоглокову своими припасы.

И февраля во 2 день живописец Михаил Чоглоков тое персону против указу написав и зделав флемованные рамы принес в оружейную палату. И того же числа по приказу окольничего Ивана Юрьевича Леонтьева та персона переставлена в Оружейную большую казну».

Как ни странно, историки не знают этого портрета. Вряд ли он мог исчезнуть – Петр очень дорожил памятью матери. Скорее всего, просто трудно установить, какое из сохранившихся изображений Натальи Кирилловны принадлежит кисти Чоглокова. Подписи художниками ставились крайне редко, по сути дела никогда, а «во успении» человек писался как бы живым – таково было обязательное условие.

Но до сих пор – а это 1694 г. – ничто не указывает на связь Чоглокова со строительным делом, с Сухаревой башней. А ведь ее сооружение начато двумя годами раньше, как раз тогда, когда художник оказался в Преображенском. Да и самый повод для строительства имел слишком большое политическое значение. Охранявший Сретенские ворота Москвы стрелецкий полк под командованием Лаврентия Сухарева первым перешел на сторону молодого царя, когда тот выступил против Софьи. Башня – новые каменные ворота – должна была стать памятником этого события.

Год... И еще год... Чоглоков по-прежнему занят одними живописными работами, все более разнообразными и все же обычными, пока их поток не прерывает Азовский триумф. Азовский триумф!..

XVII в. Теснота и затишье московских улиц. Рубленые частоты оград: чем выше, тем надежнее. Дома деревянные, земляные, редко каменные, среди хлевов, погребов, огородов. Все свое, все при себе. Мир человека, для многих замкнувшийся в десятке дворов – приходе одной церкви. Можно родиться, прожить и умереть, не побывав на соседней улице. И вот 1696 год...

Молодая Россия рвалась к морю. Азов, прочно закрывавший выход Дона, стал первой пробой сил. Но взять эту турецкую в то время крепость сразу не удастся. Осада 1695 г. кончилась неудачей. Нужен был флот, и в Воронеже спешно закладываются корабли со странными, теперь уже забытыми названиями – прамы, галеасы, брандеры. Были они далеки от совершенства, но с их помощью русская армия вторым приступом взяла Азов. Оправдали себя вчерашние «потешные», оправдал едва успевший родиться флот. Путь к морю был открыт. И вот тогда-то в первый раз на улицах Москвы вспыхнули многоцветные огни викторий.

Правда, и раньше ходили разговоры о необычных забавах Петра, о «потешных», о ботике на Яузе, уже давным-давно существовала в Москве Немецкая слобода. Но какое все это имело отношение к обыкновенному москвичу! А вот теперь первый раз далекие, известные только по слухам события ожили на улицах города. Повсюду расставлены огромные многофигурные картины, живописные эмблемы, аллегии – каждый может собственными глазами увидеть, как все происходило на далеком Дону у Азова, чего добились русская армия, как она выглядела и каким был ее противник. Тут же раздавался «гром трубных и мусикийских гласов» – у картин размещались певчие и музыканты.

Ботик Петра Великого

Петр I. Гравюра П. Гунста

Но по-настоящему воображение москвичей было захвачено именно картинами. Их никто не встречал на улицах, почти никто вообще никогда не видел в своей жизни. И немудрено. Живопись — искусство, воспроизводящее реальный мир и реальные предметы, то, что человек видел вокруг себя, — еще не имела распространения. Она была чудом, и среди других мастеров это чудо открывал для москвичей Михайла Чоглоков.

В хранении Кабинета графики Музея изобразительных искусств эти листы поражают и своими размерами, и удивительно убедительной, хоть и своеобразной жизнью. Гравюры петровских лет с их мелочной внимательностью к каждой подробности — рельефу местности, узору на кафтане, форме сапога, сбруе на лошади. Там, где не может сказать всего резец гравёра, на помощь приходят надписи, обстоятельнейшие, многословные, даже с номерами, которыми отмечены отдельные

Возвращение русских войск после взятия Азова. Гравюра из немецкого «Календаря исторических дат». 1698 г.

изображенные люди. И вместе с тем каждый лист смотрится картиной — живописной, полной света и воздуха, в контрастных противопоставлениях сочных черно-белых пятен.

О взятии Азова рассказывает исполненная несколькими годами позже «триумфа» гравюра голландского гравера Адриана Шхонебека, приехавшего в Россию по приглашению Петра. Резал ли ее гравер по собственному рисунку или воспользовался одной из тех композиций, которые были выставлены на московских улицах, выполненных мастерами Оружейной палаты, неизвестно, во всяком случае она дает о них достаточно полное представление.

Современник применяет выражение «оказа» — непонятное для нас, но какое же точное слово. Это не картина, не образ происходившего, а наглядный рассказ, очень подробный, верный в каждой мелочи и детали. На первом плане — группа участников сражения перед картой: каждый из них соответствует реальному лицу. Рядом несколько палаток, дальше панорама местности и схематически обозначенная битва. Во всем можно досконально разобраться: в расположении войск, характере местности, стратегическом решении командующих обеих сторон.

Конечно, не стремление показать москвичам собственно живопись занимало Петра в «триумфе». Его цель гораздо сложнее — познакомить людей со смыслом преобразований, убедить в своей правоте, увлечь общим порывом перемен, перестроек, сделать происходившее доступным и понятным каждому. Без этой «учительной» роли искусство для него теряло смысл. Но чтобы выполнить подобную, совершенно новую роль, оно должно было создаваться художниками, думающими и понимающими, а не просто исполнителями. Поэтому, несмотря на острую нужду в живописцах под Азовом и в Воронеже, где создавался флот и украшались первые корабли, под Нарвой и Петербургом, где нужно было поновлять и писать заново горевшие в огне сражений полковые знамена, Петр держал Чоглокова в Москве. Зато нет ни одного «триумфа», который бы создавался без участия живописца, нет ни одной иллюминации, которую бы он ни рисовал.

Проходят годы. Уже не Азовское море, а Балтика занимает Петра. Выход на север — выход в Европу. Москва с еще большей пышностью празднует одну из побед в войне со шведами — взятие крепости Нотебург, будущего Шлиссельбурга. Случайно оказавшийся в русской столице путешественник не может прийти в себя от развертывавшегося перед его глазами зрелища. Звучит оркестр, призрачно вспыхивают и гаснут потешные огни, и перед многотысячной, словно замороженной толпой нескончаемым рядом сменяют друг друга живописные декорации.

«...Около шести часов вечера зажгли потешные огни, продолжавшиеся до 9 часов. Изображение поставлено было на трех огромных деревянных станках, весьма высоких, и на них установлено множество фигур, прибитых гвоздями и расписанных темною краскою. Рисунок этого потешного огненного увеселения был вновь изобретенный, совсем не похожий на все те, которые я до сих пор видел. Посередине, с правой стороны, изображено было Время, вдвое более натурального росту чело-

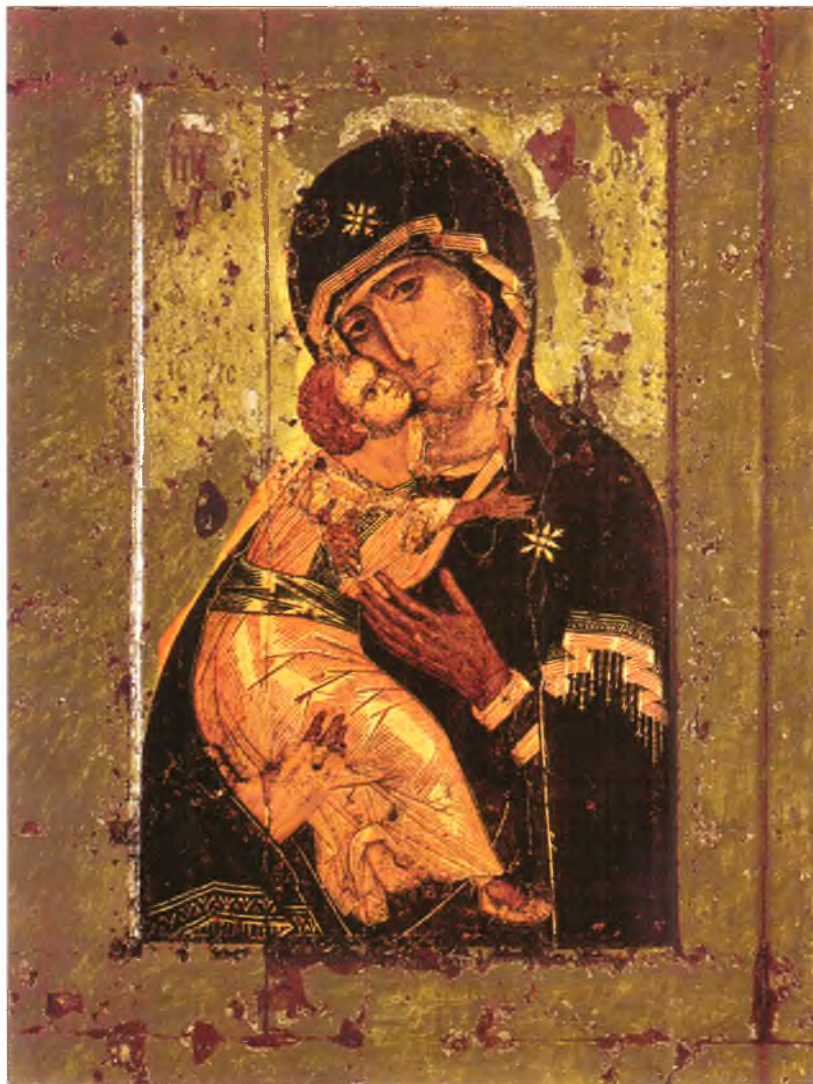

Встреча суздальского князя Юрия Долгорукого с князем Святославом Ольговичем, в связи с которой Москва впервые, в 1147 г., упоминается в летописи. Миниатюра из Лицевого летописного свода. 16 в.

Взятие и разорение ордынцами Москвы. 1237–1238 гг. Миниатюра из Лицевого летописного свода. 16 в.

Богоматерь
Владимирская.
Начало 12 в.

Городское строительство
в Москве конца 14 в.
Миниатюра из Лицевого
летописного свода. 16 в.

Спас. Первая
половина XIV в.
Из Благовещенского
собора Московского
Кремля

Посольство Василия II
к императору
Максимилиану I.
Фрагмент раскрашенной
гравюры

Ослепление великого
князя Василия II
Дмитрием Шемякой.
Миниатюра

Митрополит Петр
закладывает Успенский
собор в Московском
Кремле. Клеймо иконы
«Митрополит Петр
с житием». Конец 15 в.

Паникадила в Успенском
соборе Кремля,
сделанные из серебра,
отбитого казаками
Платова у французов

Коломенское. Церковь Вознесения. На заднем плане — церковь-колокольня Георгия Победоносца и Передние ворота. 17 в.

Царь Иван Грозный.
Гравюра из книги
С. Герберштейна
«Необычайные
московитские истории».
1563 г.

Трон Ивана IV. 16 в.
Облицован пластинками
слоновой кости
с рельефными резными
изображениями
мифологических,
исторических
и бытовых сцен.
Предание связывает
трон с именем Ивана III,
деда Грозного

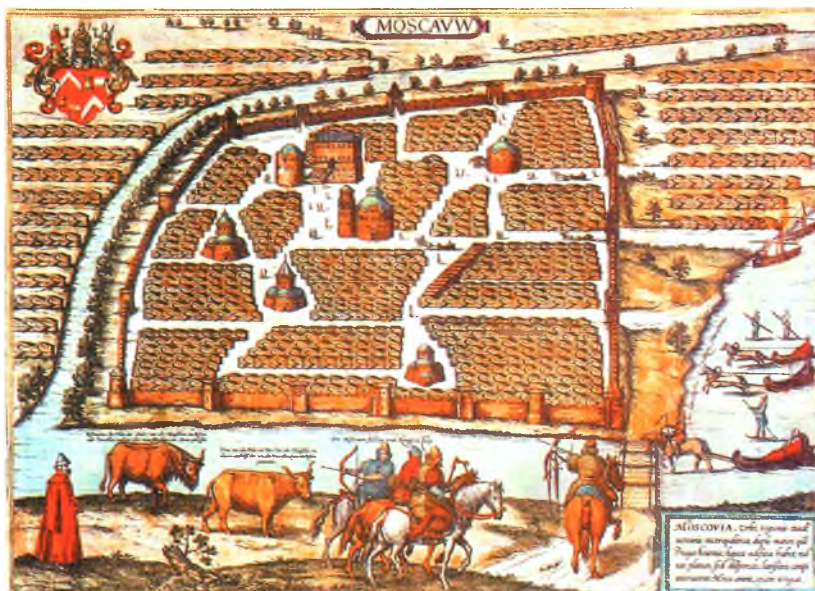

Евангелие. Вклад
Ивана Грозного
в Благовещенский
собор в 1571 г.

Царское место
Ивана Грозного
в Успенском Соборе

План Москвы. Карта
Московии из книги
С. Герберштейна
«Необычайные
московитские истории».
16 в.

Украшения Спасской
башни. 1624 г.

Въезд в Москву
царя Михаила
Федоровича в день
венчания
на царство

Русские послы
в Гааге 4 ноября
1631 года.
Середина 17 в.

Кремлевский Теремной дворец, построенный в 1635—1637 гг. Южный фасад

Кремлевский Теремной дворец. Площадка перед каменным «златоверхим теремком»

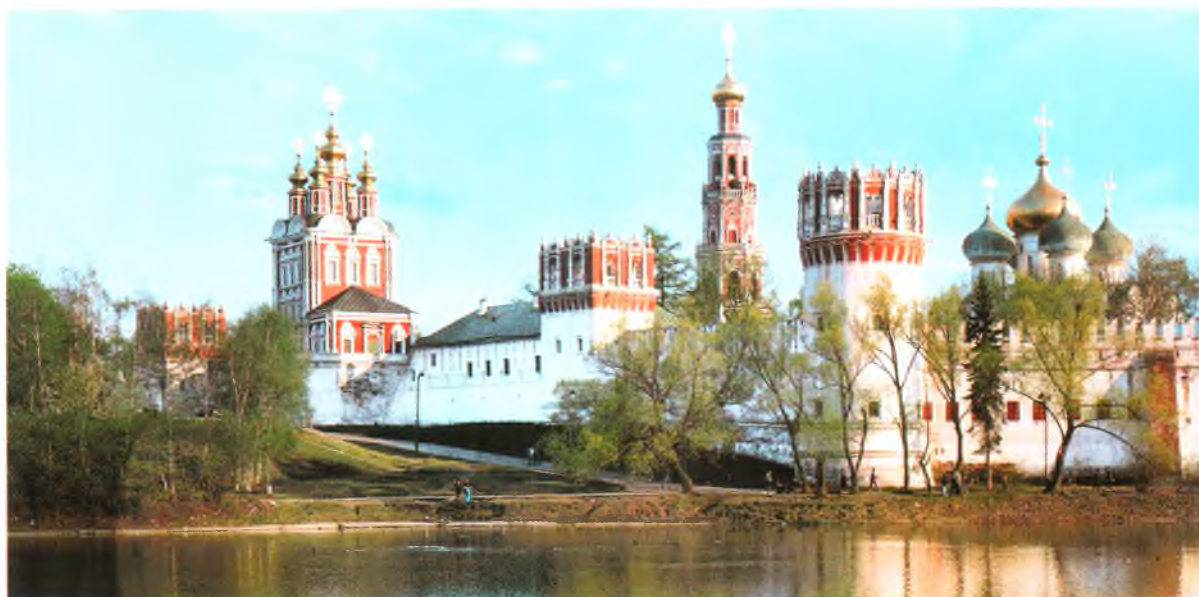
«Переднее Золотое
Крыльцо» Теремного
дворца

Царицыны палаты
в Кремле

Грановитая палата

Новодевичий
монастырь

Боярская одежда 17 в.

Грановитая палата
Московского Кремля

Царь Алексей
Михайлович

Двойной трон,
изготовленный в 1635 г.
в Оружейной Палате
и переделанный в 1684 г.
для ц. Иоанна и Петра
Алексеевича

«Петров чертеж».
1597-1599 гг.
Охватывает территорию
Москвы в пределах
нынешнего Садового
кольца

Общий вид усадьбы
«Останкино»

Дом Пашкова

века, в правой руке оно держало песочные часы, а в левой пальмовую ветвь, которую также держала и Фортуна, изображенная с другой стороны, с следующей надписью на русском языке: «Наперед поблагодарим бога!» На левой стороне, к ложе его величества, представлено было изображение бобра, грызущего древесный пень, с надписью: «Грызя постоянно, он искоренит пень!» На 3-м станке, опять с другой стороны, представлен еще древесный ствол, из которого выходит молодая ветвь, а подле этого изображения совершенно спокойное море и над ним полусолнце, которое, будучи освещено, казалось красноватым и было с следующей надписью: «Надежда возрождается». Между этими станками устроены были малые четырехугольные потешные огни, постоянно горевшие, и также с надписями... Кроме того, посреди этой площади представлен был огромный Нептун, сидящий на дельфине, и около него множество разных родов потешных огней».

Это был целый многочасовой спектакль, хоть и без слов и без актеров. Воспоминание о недавних неудачах русских войск в Северной войне — мало ли нареканий в адрес Петра вызывало поражение при Нарве! — свидетельство происшедшего перелома и лишнее доказательство, что, несмотря ни на какие срывы, принятый политический курс привел к победе, — зрителям было над чем призадуматься и поразмыслить. А Нептун — олицетворение морской стихии, к которой с таким упорством на севере и на юге пробивалась Россия. И кем бы ни был задуман сценарий, только от художника зависело, чтобы он воплотился в образах убедительных, впечатляющих, «невиданных», как любили говорить в то время.

Даже среди музыкантов здесь отдавалось предпочтение тем, кто прошел весь путь с русской армией. Поэтому так по-человечески волнующе звучит обыкновенное прошение об обычном жалованье участникам «триумфа»: «Служили мы тебе, государю, в трубах, и в прошлом, государь, году по твоему государеву указу были мы на твоих государских службах на Воронеже и в Азове, и на тагане роге и на море на кораблях... у города архангельского и под Слисельбургом...»

На Полтавском поле Петр скажет ставшие крылатыми слова, что победа нужна не ему, а России. О том же говорили московские «триумфы», все чаще разгоравшиеся огни победных викторий.

И вот снова передо мной материалы 1702 г. Сколько раз просматриваешь такие сложные архивные дела, как «Столбцы» Оружейной палаты, столько раз раскрываются они все новыми и новыми сторонами. А что же участие Чоглокова в строительстве Сухаревой башни? Оно так и остается невыясненным? Не совсем. Ответ складывается из отдельных, на первый взгляд неприметных, но, по существу, очень важных посылок.

Прежде всего история Сухаревой башни состоит из двух совершенно самостоятельных частей. В первом своем варианте башня была построена в 1692–1695 гг. Затем, когда Петру понадобилось помещение для математических школ в конце 1690-х гг., он распорядился о надстройке. Именно тогда Сухарева башня приобрела второй этаж и собственно башню с курантами, делавшую ее такой похожей на стены Кремля. В первом

случае никаких свидетельств об участии Чоглокова не удалось найти, во втором он был, несомненно, единственным руководителем строительства и, значит, собственно архитектором. Но не произошло ли за это время каких-нибудь изменений, связавших Чоглокова с архитектурой и строительным делом (почему все-таки дьяк Курбатов утверждал, что художник так хорошо его знает?)?

Теперь уже лист за листом, день за днем проверяю каждое упоминание о Чоглокове – и неожиданный результат: его имя пропадает из «столбцов» на довольно длительный период. Оно не упоминается в 1697 – первой половине 1698 г. Случайность? Длительная работа? И то и другое маловероятно. Зато гораздо убедительнее другой вариант. Именно в этот период находилось в поездке по Европе так называемое Великое посольство, в котором принимал участие Петр. К нему относятся и его собственная работа на верфях Голландии и Англии, и обучение многочисленной выехавшей с ним молодежи «волонтеров» – самым разнообразным специальностям. Не ездил ли и Чоглоков? Не там ли ему пришлось ознакомиться со строительным делом? Во всяком случае, и много позже каждому из выезжавших на Запад для обучения живописцев предписывалось в обязательном порядке ознакомиться с практикой архитектуры.

Пока это только догадка – полных списков участников Великого посольства не сохранилось, но кто знает, не подтвердят ли ее со временем документы. Разве нельзя видеть косвенного доказательства в том, что как раз в это время пребывания за границей Великого посольства о Чоглокове в штате палаты делается пометка: «В Воронеже не был и не посылать» – без объяснений, чем же именно занят художник. Так или иначе, Петр позднее спокойно поручает Чоглокову две наиболее ответственные московские стройки и остается совершенно удовлетворенным результатами. Не стоят и живописные дела. Чоглоков назначается «живописным надзорщиком» над остальными мастерами, и сам должен делать многое, особенно для Меншикова, который без зазрения совести использует казенных работников. Художник принужден расписывать ворота в его дворце в селе Алексеевском, украшать в его доме два поставца. Рядом регулярно повторяющиеся пометки: «Был у прописки полотен для приготовления триумфа». «Триумфы» становились все сложнее, исполнять их стало все труднее.

Празднование Полтавской победы в Москве в 1709 г. требовало тысячи картин, расставленных по всему городу, причем некоторые из них достигали колоссальной величины – три на три сажени (около 28 квадратных метров). С ними согласовывалась великолепная иллюминация и даже музыка – специально для этого случая писавшиеся кантаты, которые тут же исполнялись певчими и оркестрами. Торжественное шествие сопровождалось «барабанным боем и пушечными выстрелами при колокольном звоне у всех церквей». И как всегда, центром праздника оставалась Водовзводная башня Кремля, на берегу реки, близ Боровицких ворот, разукрашенная по всем ярусам полотнищами знамен и специально расписанными фонарями. В одном из «доношений» Чоглокова указано, что фонарей следова-

ло бы заготовить впрок по крайней мере пятьсот штук. И это для одного «триумфа»!

По сравнению со скупыми записями «столбцов» насколько же словоохотливее очевидцы, особенно иностранцы! Для них московские праздники — настоящая сказка. Датский посланник Юст Юль пишет о поразившем его световом спектакле в канун нового, 1710 г.: «В 10 часов начался в высшей степени затейливый и красивый фейерверк. Замечательнее всего в нем была следующая аллегория: на двух столбах сияло по короне, между ними двигался горящий Лев; Лев сначала коснулся одного столба, и он опрокинулся, затем перешел к другому столбу, и этот тоже покачнулся, как будто готовясь упасть. Тогда из горящего Орла, который словно парил в вышине, вылетела ракета, попала во Льва и зажгла его, после чего он разлетелся на куски и исчез; между тем наклоненный Львом столб с короною поднялся и снова стал отвесно».

Представленная аллегория имела в виду поражение Польши в войне со Швецией и последующую победу над Швецией России. Юст Юль отмечает, что Петр обязательно находился среди зрителей и любил давать пояснения по ходу зрелища.

Под впечатлением этих московских празднеств, ставших народной легендой, Михаила Ломоносов будет писать:

Теперь от радостной Полтавы
Победы Росской звук гремел,
Тогда не мог Петровой славы
Вместить вселенныя предел.

Торжественный въезд
в Москву по случаю
празднования Полтавской
победы в 1709 году.
Гравюра А. Зубова

АДОНИС ИЗ ГОЛЛАНДИИ

...Мною овладело желание увидеть чужие страны, народы и нравы в такой степени, что я решился немедленно же исполнить данное мною обещание читателю в предисловии к первому путешествию, совершить новое путешествие чрез Московию в Индию и Персию...

Корнелис де Брюин.
1711

Без малого сто лет эта книга служила пособием для каждого направляющегося в Россию — купца, дипломата, ученого, тем более путешественника. С нее начинали знакомство с далекой и загадочной страной. По ней изучали русский быт, привычки, обряды, кухню, манеру одеваться и убирать жилье, отмечать церковные праздники. Она рассказывала о климатических условиях и о том, с какими людьми предстоит столкнуться, как найти с ними общий язык.

В 1711 г. в Амстердаме вышло «Путешествие чрез Московию в Персию и Индию» голландского путешественника Корнелиса де Брюина. Через несколько лет необычный труд был переведен едва ли не на все европейские языки. Необычный — потому что, помимо очень добросовестного и очень благожелательного по отношению к русским характера изложения, в него входили 320 изображений с натуры. Огромные — до двух метров в длину — выполненные по зарисовкам автора гравюры открывали перед читателем виды русских городов, отдельных зданий, бытовые сценки вплоть до зарисовок почему-либо заинтересовавших путешественника растений. Впрочем, и сам автор представлялся для своего времени человеком достаточно необычным.

Летучий Голландец — это имя он получит, когда перейдет порог своих сорока лет. В годы молодости во многих странах его знают как Адониса из Голландии. Превосходное образование, острый и живой ум, несомненный талант художника делали Корнелиса де Брюина желанным гостем самых изысканных салонов, а романтическая внешность — предметом восторга многих женских сердец. Отсутствие богатства ему заменял редкий дар портретиста. Пускаясь в поездку без гроша в кармане, он был уверен, что найдет заказчиков в любом месте, где решит остановиться.

Голландия последних лет жизни Рембрандта. Де Брюину было десять лет, когда не стало великого живописца. Первые уроки живописи мальчик берет у местного, ничем не примечательного художника в родной Гааге; двадцати двух лет отправляется в Италию, чтобы продолжить занятия в Риме. Молодой голландец делает заметные успехи, приобретает первых заказчиков, но неожиданно для всех прерывает удачно начатую карьеру и пускается в далекую и долгую поездку.

Через несколько лет де Брюин вернется в Италию — на этот раз в Венецию, чтобы снова стать учеником известного живописца Карла Лотто. Восемь лет ученичества, новые успехи в искусстве и — непонятный для окружающих отъезд в родную Гаагу. Следующие пять лет де Брюин проведет затворником, работая над книгой о своих путешествиях. Снабженная двумястами выполненными автором гравированных рисунков, она

Петр I рассматривает с голландскими мастерами модель корабля. Гравюра Ж. Мишеля с картины Г. Ваннера. 1858 г.

станет первым географическим бестселлером в мире, переведенным едва ли не на все европейские языки. Встреча с Петром I в лондонской мастерской Готфрида Кнеллера предпринимает поездку в Россию.

И вот первое впечатление путешественника от Московии — множество иностранцев. В Архангельске они обзавелись собственными домами. В огромном каменном Гостином дворе — «Палате» — хранятся и продаются товары и русских, и иностранных купцов. Де Брюин встречается голландских купцов и в Вологде — красивейшем, по его словам, городе России, с множеством каменных и деревянных церквей и собором, построенным итальянским зодчим. Не называя имени архитектора, де Брюин только отмечает, что им же построен один из соборов Московского Кремля. Вологодский архиепископ Афанасий приветствует гостя, поражая голландца своей образованностью и пристрастием к искусству — в его палатах настоящий музей картин. Один из «знатнейших» городов Московии Ярославль, красавец Сергиев Посад, Ростов Великий — художник едва поспевает делать зарисовки и описания.

На второй день по приезде де Брюина в Москву здесь праздновался день Водосвятия. «В столичном городе Москве, на реке Яузе, подле самой стены Кремля, — пишет де Брюин, — во льду сделана была четырехугольная прорубь, каждая сторона

Катание с ледяных гор на Масленной неделе в Москве. Раскрашенная гравюра по оригиналу Г. Делабарта. 1790-е гг.

которой была в 13 футов, а всего, следовательно, в окружности прорубь эта имела 52 фута. Прорубь по окраинам своим была обведена чрезвычайно красивой деревянной постройкой, имевшей в каждом углу такую же колонну, которую поддерживал род карниза, над которым видны были четыре филенки, расписанные дугами... Самую красивую часть этой постройки, на востоке реки, составляло изображение Крещения...».

Спустя несколько дней пришло известие о победе русских войск над шведским генералом Шлиппенбахом, чему и был посвящен совсем особый праздник – представление из живописных панно и иллюминаций. Де Брюину довелось повидать немало всякого рода праздников, но здесь иное: наглядный урок и пояснение зрителям, что, если еще не все благополучно складывается в войне со шведами, победят все же русская правда и русское оружие.

Не меньшее впечатление производит и музыка. Де Брюину ее приходится слышать повсюду – гобоистов, валторнистов, литаврщиков в военном строю и во время торжественных шествий, целые оркестры самых разнообразных инструментов вплоть до органа у Триумфальных ворот, на улицах и в домах, наконец, удивительное по стройности звучание певческих ансамблей. Без этого не обходился ни один праздник в Московии.

А разве можно себе представить что-нибудь великолепнее игры солнца на золоте московских куполов, когда смотришь на них с колокольни Ивана Великого! И тут же де Брюин сообщает, что всего в Москве церквей с часовнями считается 679, а монастырей 22 и что сам Иван Великий построен еще при Годунове, и это с него упал самый большой колокол, отлитый русскими мастерами.

Или вид Москвы с Воробьевых гор! Остается только удивляться размерам расположенного на них царского дворца, но такой размах домов быстро перестает удивлять голландца. Достаточно привести в качестве примера дом Лефорта на Яузе – громадное каменное здание «в итальянском вкусе» с превосходно обставленными комнатами и фантастическим количеством серебра. «Там стояли два громадные леопарда, на шейной цепи, с распростертыми лапами, опиравшимися на щиты с гербом, и все это было сделано из литого серебра. Потом большой серебряный глобус, лежащий на плечах Атласа из того же металла, и, сверх того, множество больших кружек и другой серебряной посуды». И в то же время строится колоссальное здание Арсенала в Кремле, а на Красной площади, напротив Никольских ворот, Комедийная хоромина – первый общедоступный городской театр. Труппа для него уже прибыла из Данцига и дает спектакли на первых порах в доме Лефорта.

Петр, оказывается, далеко не во всем считал возможным нарушать старый порядок, даже в отношении традиционной русской одежды. Другое дело, что, когда дошло до голландского языка, именно он предстал наилучшим переводчиком, бегло переводившим разговорную речь. Царь знаком с широким кругом научной литературы. Его замыслы настолько увлекательны, что де Брюин буквально теряет счет времени – свое путешествие в Персию он продолжит только через полтора года – при содействии Петра и после клятвенного обещания царю на обратном пути снова задержаться в России. «Моя жизнь не была

бы полна, если бы я не увидел этой удивительнейшей страны» — признание де Брюина незадолго до его кончины.

Это оказалось совсем не просто — определить для себя Москву. Облик города, дома, сады, улицы — все отступает перед впечатлениями городской жизни, слишком многолюдной даже для европейца, слишком шумной и, конечно же, необычной.

Первое московское жилье де Брюина — в доме одного из прижившихся в Москве голландских купцов. Нахлынувшие толпы гостей — хозяину приходится выставять столы на триста человек. И среди них сам царь.

Другой купеческий дом. Тоже столы на сотни человек. Де Брюин ждет случая быть официально представленным царю. Вдруг зашедший в комнату человек завязывает с ним беседу по-итальянски. Князю Трубецкому — а это именно он — достаточно знаком чужой язык. Появляется Петр, и разговор переходит на голландский. Даже на родном языке де Брюину отнюдь не просто отвечать на град вопросов спутников Петра о Египте, Каире, разливах Нила, портах Александрия и Александретта — последними особенно интересуется царская сестра принцесса Наталья Алексеевна.

Очень скоро предметом подлинного увлечения Летучего Голландца становится повседневная жизнь москвичей, причем самого среднего достатка, начиная от обычая оставлять в доме, из которого уезжаешь, хлеб и сено — пожелание благополучия новым жильцам, вплоть до манеры шить, надевая наперсток на указательный палец и придерживая полотнище ткани коленями, а большими пальцами ног, или красить пасхальные яйца в самый любимый у русских «цвет голубой сливы».

Де Брюин без усталости колесит по подмосковным дорогам, заглядывает на огороды, в сады, приценивается на торгах — сколько, почем, как на вкус. Он не прочь побывать и в погребах — что запасают, как и надолго ли хватает? В чем-то он даже не путешественник — обстоятельный и хозяйственный голландский бюргер.

Ягоды? Больше всего в подмосковных лесах костяники. Едят ее с медом, едят и с сахаром. Готовят из нее похожее на лимонад питье, которое особенно полезно при горячке: снижает жар. Много под Москвой земляники, но куда больше привозят на торги брусники. Эту ягоду готовят только впрок — заливают водой, подмешивают сахар или мед и употребляют как питье. Пожалуй, это основное, что приносят к столу московские леса. Остальное выращивается на огородах.

Когда появились плодовые деревья в московских дворах? Де Брюин видит Москву сплошным цветущим садом, но ведь заботились о них еще в XVI в. Знаменитый «Домострой» устанавливал особо дорогое наказание за воровство и поломку в садах и огородах: каждое подпорченное (не то что сломанное!) дерево — штраф в три рубля.

И словно предвидя недоуменные вопросы людей начала XXI столетия, де Брюин успевает отметить особенности московского климата. Так ли уж он разнится от нашего сегодняшнего?

«Месяц Апрель начался такую резкою теплотою, что лед и снег быстро исчезли. Река от такой внезапной перемены, продолжавшейся сутки, поднялась так высоко... Немецкая слобода

затоплена была до того, что грязь доходила тут по брюхо лошадям...» Летом особой жары не случилось, а в конце сентября непременно выпадал первый снег. В начале октября наступали морозы, вскоре и надолго сменявшиеся дождями, так что, когда в середине ноября Яуза стала и на ней начали кататься на коньках, снега еще не было. И снова «под исход года время настало дождливое... Но в начале Генваря, с Новым годом, погода вдруг переменялась: сделалось ясно и настали жестокие морозы». И так повторялось из года в год.

День за днем де Брюин втягивается в круг придворной жизни. И спустя несколько недель – первый царский заказ. Петру срочно нужны портреты трех племянниц Иоанновен. Иоанна давно нет в живых, но царевны при случае могут превратиться в неплохой политический капитал. Их будущими браками Петр рассчитывает укрепить политические союзы России. Слов нет, хватало и своих живописцев. Но от де Брюина ждали полного соответствия европейским модам и вкусам – недаром он побывал при стольких дворах. Русские невесты ни в чем не должны были походить на провинциалок.

4 февраля 1702 г. Меншиков везет де Брюина в Измайлово, к матери царевен вдовой царице Прасковье Федоровне. Хотя и поглощенный сложным придворным церемониалом, де Брюин успевает все же заметить, что Измайловский дворец совсем обветшал, что царица Прасковья когда-то была хороша собой, а из дочерей красивее всех средняя, Анна Иоанновна, белокурая девочка с тонким румянцем на очень белом лице. Две другие сестры – черноглазые смуглянки. Отличаются «все три вообще обходительностью и приветливостью очаровательной». Подобной простоты обращения в монаршем доме объездивший пол-Европы путешественник и представить себе не мог.

Да, радушие и приветливость царицы и царевен поразительны. Да, простота обращения с художником Петра I невозможна для других коронованных особ в Европе. И все же ничто не может скрыть от де Брюина смысла существующей в Московии государственной системы.

«Что касается величия Русского двора, – приходит он к выводу, – то следует заметить, что Государь, правящий сам государством, есть монарх неограниченный над всеми своими народами; что он все делает по своему усмотрению, может располагать имуществом и жизнью всех своих подданных, от низших до самых высших; и, наконец, что всего удивительнее, его власть простирается даже на дела духовные, устройство и изменение богослужения по своей воле».

Де Брюин не торопится покидать Россию. Только 15 апреля 1705 г. он решается тронуться в дальнейший путь на Восток. За Коломенским, у села Мячково, где добывается камень, сделавший Москву «белокаменной», он садится на судно армянских купцов, чтобы по Оке и Волге спуститься к Астрахани.

И мелькают названия – Белоомут, Шапово, Дединово, Рязань, Касимов. Из этих мест одни будут отмечены дорожными происшествиями, другие запомнятся постройками, пейзажами, иные – простым отсчетом верст. Их виды со временем оживут на огромных великолепных гравюрах, выполненных Летучим Голландцем.

Прошло четыре года. Позади Персия, Индия, Ява, Борнео. Летом 1707 г. де Брюин снова в Астрахани, чтобы пройти те-

Герб Российского государства

перь путь вверх по Волге. Но сейчас, уже не столько исследователь, сколько добрый знакомый, он от души радуется произошедшим переменам в облике Москвы.

На Курьем торгу выросло здание аптеки, которая должна снабжать лекарствами всю русскую армию. Трудятся в ней восемь аптекарей, пятеро подмастерьев, сорок работников. Лечебные растения разводятся в двух садах в черте Москвы и к тому же собираются по всей стране вплоть до Сибири, куда готовится за ними специальная экспедиция.

На Яузе появилась городская больница, иначе — Странноприимный дом для больных и увечных, с двумя отделениями на восемьдесят шесть человек. Есть здесь своя большая

аптека и соответственно один аптекарь, один медик и один хирург.

Рядом с больницей построена суконная фабрика с выписанными из Голландии специалистами. На берегу Москвы-реки около Новодевичьего монастыря начал работать стеклянный завод, где делают всякие зеркала до трех аршин с четвертью в высоту — без них не обходится парадное убранство ни одного зажиточного московского дома. Де Брюин видит, что исправлена Китайгородская стена, отремонтирован Кремль, а со слов москвичей ему становится известно, что в местном Печатном дворе появился латинский шрифт, выписанный из Голландии.

В городском театре на Красной площади — Комедийной хороmine — идут регулярные, пользующиеся большим успехом у горожан спектакли.

И еще — замечания по поводу массового характера строительства по всей Московии, не говоря о самой столице. «Относительно зданий ничто не показалось мне таким удивительным, как постройка домов, которые продаются на торгу совершенно готовые, так же как покои и отдельные комнаты. Дома эти строятся из бревен, сложенных и сплоченных вместе так, что их можно разобрать, перенести по частям куда угодно и потом опять сложить в очень короткое время».

В этом-то и кроется главная причина исключительно быстрого восстановления русских городов после частых и сильных пожаров.

Изучив столицу Московии и с грустью расставаясь с нею, де Брюин приходит к выводу: «Многие писатели полагают, что некогда город Москва был вдвое больше того, как он есть теперь. Но я, напротив, дознал, по самым точным исследованиям, что теперь Москва гораздо больше и обширнее того, чем была когда-нибудь прежде, и что в ней никогда не было такого множества каменных зданий, какое находится ныне и которое увеличивается почти ежедневно».

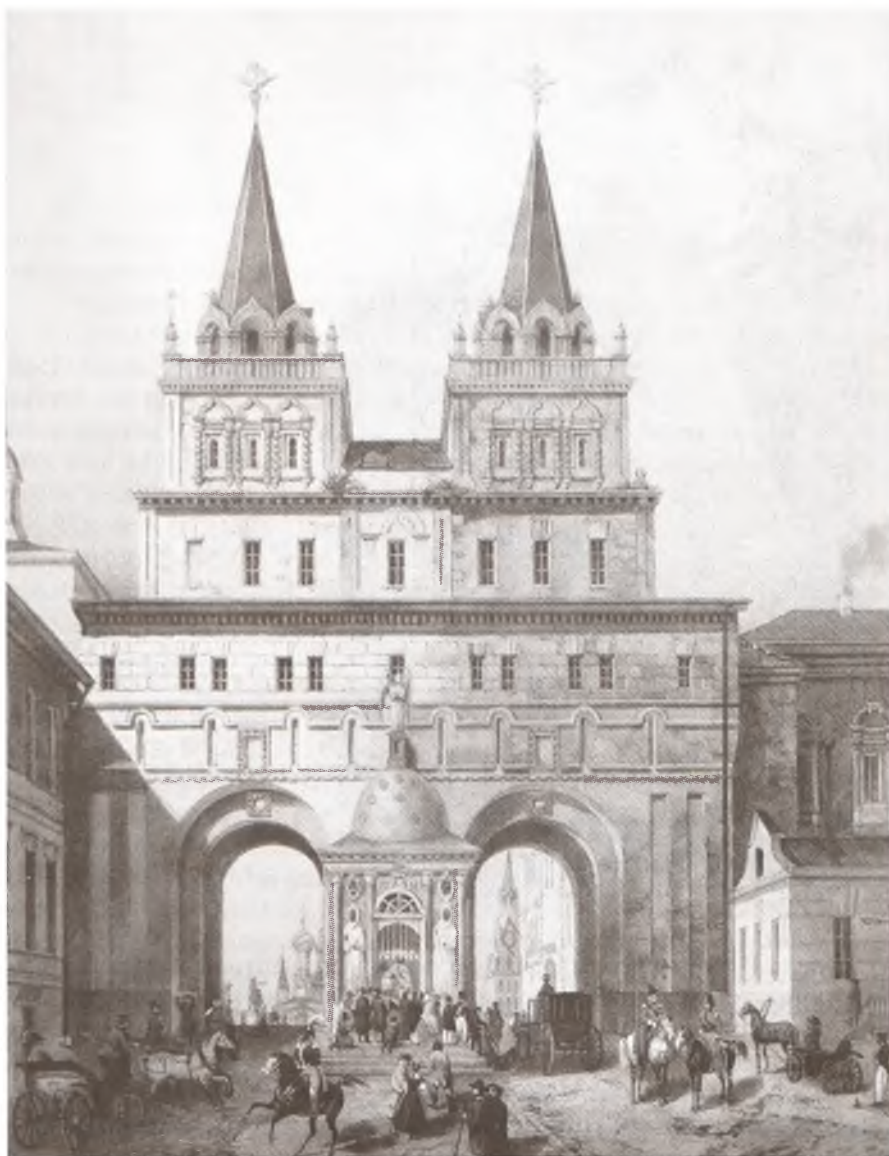
В феврале 1708 г. де Брюин окончательно прощается с Москвой. Это был канун произошедшей в 1709 г. Полтавской битвы.

ТЕАТР НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ

«О комедии, что делать велено, вельми (очень) скучаете? Гораздо вы утеснены делами? Кажется, здесь суетнее и беспокойнее вашего — делают бесскучно. Как наперед сего вам писано, делайте и спешите к приезду великого государя анбар построить. Скучно вам стало!»

Дьяки Посольского приказа всячески искали способ уклониться от выполнения распоряжения Петра, а распоряжение было такое — спешно строить в Москве публичный театр. Ведавший приказом Федор Головин (он находился в это время с

Иверские ворота.
Литография Миллюра
с оригинала Вивьена.
1850-е гг.

Петром в Архангельске) не принимал никаких отговорок. Хватит того, что сумели открутиться от стройки в Кремле, — убедили, будто много времени займет расчистка пепелища после страшного пожара 1701 г., — на Красной площади ничто не мешало работам. А «вместно» (достойно) или «невместно» (недостойно) стоять на главной площади Москвы «позорищу» — театру, об этом в 1702 г. никто не позволил бы судить закосневшим в старине посольским дьякам. К тому же выписанная из-за границы театральная труппа Иоахима Кунста уже приехала в столицу.

Конечно, Посольский приказ, т. е. ведение иностранными делами, и театр — соотношение неожиданное. Зато логичное по выводам, которые давно уже сделали историки искусства. Затея с театром будто бы не имела местных корней. Во всем приходилось обращаться к Западу — актеры, антрепренеры, пьесы. Значит, Посольскому приказу надлежало соорудить и «анбар» — театральное здание, как раз на месте нынешнего Историческо-

«Певческая азбука»
из собрания рукописей
Московской
государственной
консерватории
им. П.И. Чайковского

го музея. В архивном фонде Посольского приказа достаточно подробностей об этой новой затее Петра. Денег Петр не жалел. Не жалел на костюмы самых дорогих материалов, вплоть до венецианского бархата и парчи. Спектакли шли 2 раза в неделю по понедельникам и четвергам. Что из того, что в морозные и ненастные дни из 450 мест бывало занято всего 2–3 десятка. Доступные цены – от 10 до 3 копеек. Представления на немецком и русском языках. Открытие в дни спектаклей ворот в Кремле, Китае и Белом городе «в ночное время до 9 часу ночи» без проездной пошлыны – «чтобы смотрящие того действия ездили в комедию охотно».

Все было предусмотрено, вплоть до музыки: «при тех комедиях музыкантам на разных инструментах играть». Играли не во время представления, но в виде вставных номеров, своего рода музыкальных антрактов. Между действиями пьесы по трагедии Лоэнштейна «Сципион Африкан, вождь Римский, и погубление Софонизбы, королевы Нимидийския», трагедии Чиконьяни «Честный изменник, или Фридрих фон Поплей и Алоизия, супруга его», шутовской пьесы Сергея Смирнова «О тенере, Аизеттине отце, книгопродавце». Серенада из шести валторн, квартет гобоев, «пиеса из двух валторн, трех гобоев и цимбал» сменяли пафос любовных объяснений.

А л о и з и я. О, свирепый любви огонь!
М а р к и з. О, аз вижу земной рай!
А л о и з и я. Я чаю ад в сердце моем!

М а р к и з. О, чтоб я ограблен был видения своего!
А л о и з и я. О, чтоб я никогда не родилась!
М а р к и з. Хощу любить и терпете.
А л о и з и я. Хощу вздыхати и молчати.
М а р к и з. О, любовь!
А л о и з и я. О, честь!

Так сложились первые годы «Комедийной хоромины». Дальше начиналась для Петра петербургская жизнь. Московские заботы отходили в прошлое.

Вот здесь и возникали разночтения историков — что стало с «Комедийной хороминой»? Разрушилась (не слишком ли скоро?). Была разобрана (почему?). Или простояла пустой до вступления на престол Анны Иоанновны и была восстановлена для придворных спектаклей в начале 1730-х гг.? Так думал историк Москвы И.Е. Забелин, а вслед за ним — многочисленные историки театра.

Их версия выглядела и на самом деле правдоподобной уже по одному тому, что обе первых не подтверждались никакими архивными данными. Теоретические предположения — не больше. Зато работа над театром при Анне Иоанновне оставила след во множестве документов.

Правда, тогда оставалось непонятным, почему Петр начиная с 1710-х гг. не использовал «хоромину» для бесконечных московских празднеств — маскарадов, торжеств Всешутейшего собора, придворных церемоний. Почему в «Комедийной хороmine» не выступали сменявшиеся в городе театральные труппы или, положим, ученики доктора Бидлю? Созданный им «публичный театр при Московской гошпитале» просуществовал, начиная с 1722 г., больше 20 лет. Был он по-настоящему общедоступным театром. Местным. С русским репертуаром и исполнителями — будущими врачами и хирургами. И тем не менее... зрительным залом ему с начала и до конца служил наспех переделанный сарай. Но настоящие мои вопросы начинались с оркестра.

Теперь, когда документы окончательно доказали его существование — симфонического оркестра на 90 музыкантов (нынешний полный состав оркестра Большого театра насчитывает 120), как было совместить эти масштабы с масштабами «Комедийной хоромины»? Как мог размещаться в ней оркестр, тем более вместе с певчими, оперными певцами, балетом?

«Комедийная хоромина» и найденный мною симфонический оркестр... Они неразрывно связаны хотя бы потому, что в Москве никакого другого зала нужного размера для концертов не было.

Но как же быть с нравом новой императрицы? Хватало в Москве дворцов, царских теремов, но Анна Иоанновна пожелала иметь свои — сразу, немедленно, в первые же месяцы правления. Ею руководила не столько страсть к роскоши — стремление утвердить свои недостаточно очевидные права на престол. Писали же современники: «Выбрана была на престол одна принцесса крови, которая никакого следу не имела к короне».

Так неужели только с театром императрицей овладел расчет? Неужели она решила подновить полуразрушенное здание?

Сохранившиеся документы не говорили ничего определенного: ремонт или стройка. Просто требования на материалы,

пересчет досок дубовых, еловых и липовых, бревен, белого камня, бочек извести, сажень бута, песка, глины, десятков тысяч штук кирпича. Десятков тысяч! А что если попробовать с них и начать...

Разве нельзя по количеству материала определить общий объем работ? Да и нужен был здесь не абсолютный, а относительный их объем. Мог ли он соответствовать ремонту, пусть самому основательному, петровской «хоромины» — деревянного сооружения 36 на 20 метров в плане и высотой 10 метров?

Заключение первых же опрошенных мною архитекторов: не мог. Не мог, потому что использованных материалов хватило бы для сооружения нескольких новых «хоромин».

Значит, все-таки новая стройка? А как же судьба «Комедийной хоромины»? Оба вопроса оставались, по существу, открытыми.

И еще Растрелли. Бартоломео Растрелли. В недалеком будущем самый прославленный архитектор XVIII в. Это он, только что назначенный придворный архитектор, подписывал требования на материалы, определял их количество. Может быть, недоумения разрешатся через его имя? Строил ли архитектор в это время в Москве? Строил, и еще сколько! В течение одного только 1730 г. возвел в Кремле дворец на 130 апартаментов, разработал проект переделки старого Головинского дворца и сада на Яузе, там же, в Лефортове, закончил деревянный дворец, в котором Анна Иоанновна жила до своего отъезда в Петербург и который получил пышное название Анненгофа. Вот только театра в московском списке не было. Первый раз театр появляется среди работ архитектора через несколько лет. В 1734 г. в южном крыле так называемого «Третьего Зимнего дворца» ему довелось соорудить обширный театр «комеди и опера». Так утверждали исследователи творчества Растрелли. Столько им удалось установить. А в действительности?

В материалах, связанных с петербургским театром, несколько раз мелькает ссылка — «по примеру московского». Значит, «комеди и опера» не был для Растрелли первым в его практике театром. В документах же московского строительства постоянные ссылки на Растрелли, его разрешения, распоряжения, запреты.

И наконец, среди бесконечных повторов предыстории дела, которыми начинался в XVIII в. каждый документ, долгожданная разгадка: «...прошлом, 1730 году... ее императорское величество изволила указать построить комедиантской дом по чертежу на Красной площади, на том же месте, где был Комедиантской дом прежде, и чтоб к строению того дома леса и прочие припасы порядком или покупкою исправлять також и плотников подрядить без промедления...»

После упоминания о резолюции Анны Иоанновны появилась «опись комедиантскому дому, что построен близ Никольских ворот на Красной площади». Вместо небольшой «комедийной хоромины», — значит, исчезла она еще в петровские годы, — на площади стоял огромный новый театр на 3 тысячи мест. Это означало публичный городской, а не придворный театр.

И это был первый театр, построенный архитектором Бартоломео Растрелли. Первый в его творческой практике. И именно в Москве.

Трудно себе представить, как бы выглядела наша Красная площадь, сохранись на ней театр Растрелли. Видимо, было так. Здание вставало на склоне Красной площади в белоснежном камне высокого глухого цоколя, в широких лентах стройных решетчатых окон, фигурных изломах высоких кровель.

Парадное крыльцо. Широкие ступени. За раствором дверей расходящиеся по сторонам лестницы, и с последних их ступеней — зрительный зал в полуколыце бельэтажа и «галдарей», в росчерке поднимающихся на ярусы «круглых лестниц».

Пустота партера и пустота сцены. Стулья — и то очень немногочисленные — вносились в партер только на время спектакля. Большинство зрителей смотрели отсюда представление стоя. Сцена не имела занавеса. Уход и приход исполнителей, смена декораций — все происходило на глазах зрителей.

Все здесь было обыденным, и каким же живым. Теснота лож — их пришлось почти сразу разобрать. На сплошных скамьях умещалось больше зрителей, а мест для желающих все равно не хватало. Спешка с полом — его еще не успели полностью затянуть красным сукном по моде тех лет. Хлопоты с «облаками» — огромным, на всю залу, плафоном: его еще предстояло доделывать. С отоплением — горячий воздух подавался по трубам от огромных печей, размещенных в цокольном этаже.

Но для огромного зала тепла не хватало. Дуло от плохо проконопаченных стен. От дверей, которые с «галдарей» вели на открытые наружные лестницы — «для пожарного случая, от чего боже сохрани». Для актеров и музыкантов приходилось топить печи в уборных — погреться от ходившего по залу «сквозного ветру». Хватало забот с нужниками, двери в которых на первых порах были заменены лубьем. Приходилось отлаживать под потолком сцены «мост», откуда спускались по ходу действия актеры.

Вот только пола, обыкновенного дощатого пола, на сцене не было. Никакого. Составляющий опись дворцовый подключник и помощник архитектора утверждали: «Во оной комедии внизу и по сторонам в нижних и верхних галдареях полы досками намощены, кроме высокого мосту, который называется театр».

Что бы это могло значить. Столкнувшийся до меня с тем же обстоятельством исследователь сделал вывод: раз пола на сцене не было, значит, театр на Красной площади не начал действовать, значит, и не мог он сыграть никакой роли в истории Москвы и нашей культуры.

Но для любого исторического исследования одного свидетельства всегда мало. К тому же логика наших дней, основанная на доступном нам круге представлений и знаний, и логика человека 250 лет назад — вещи слишком разные. Очевидное для них — загадка незнания для нас, а очевидное для нас не отвечает тому багажу практического опыта, которым располагали они. Начать с того, что мы не знаем, как выглядела сцена тех далеких лет.

Но главное — передо мной был не один, а много документов, и они не оставляли тени сомнения — театр жил. Стояли же в кладовых «налойцы на ноты» — пюпитры вместе с ветхими «музыкантскими скамьями». В актерских уборных комоды-по-

ставцы и редкие по тому времени в золоченых и серебряных рамах французские зеркала соседствовали с простыми деревянными ушатами и ковшиками для умывания. Лежали же навалом в сундуках костюмы, и старательно пересчитывалась бутафория: «Жестяной топор большой, седло, жестяные ножницы огромные...» Смотрители хлопотали о ремонте ломавшихся стульев: надо было то клеить ножки и спинки, то менять перетиравшуюся обивку – красную кожу.

И вдруг неожиданно между юбками атласными для «балета богов» и медными пожарными трубами – «в погребке доски и полы от театра».

Значит, пол на сцене все-таки существовал. Но почему хранить его надо было в погребке?

Оказывается, все начиналось с веревок. Обычных веревок, проволоки, брусьев. Но для чего они были нужны? Для декораций? Но в 1730-х гг. декорации ни сложностью, ни хитроумием не отличались – достаточно разобраться в имуществе театра на Красной площади.

Нет, речь шла не о сооружении декораций. Требование на веревки и брусья поступало сразу после приказа готовить представление – много раньше первых репетиций оркестра, спевков хора. Едва ли не раньше, чем брался за сочинение музыки композитор. Впрочем, само по себе распоряжение о сочинении оперы давалось не ему. Вернее, имя капельмейстера, он же композитор, упоминалось вторым. Первым шел «машинный мастер». Вот это было совсем необъяснимо. Впрочем...

В январе 1729 г. газета «Петербургские ведомости» сообщала любопытным о состоявшейся в Риме премьере оперы. В заключение автор писал: «Опера есть музыкальное деяние в подобие комедии, в которой стихи поют, а при оном разные танцы и преизрядные машины представлены бывают». Но еще несколькими годами раньше писатель Антиох Кантемир пояснял русскому читателю, что «в операх машины значат те, которыми внезапные и чрезвычайные перемены чинятся, как, например, снисхождение с облаков с людьми на них и проч.».

Дело не в том, что опера была незнакома в России, – просто она стояла еще на пороге своей будущей популярности. Рождение этой популярности было связано с театром на Красной площади и с появлением «машинных мастеров».

...Храм медленно опускался на облаках. В храме, вокруг статуи Афины Паллады, стояли и олимпийские боги и герои древности. Но не успевали облака коснуться земли, как статуя становилась невидимой. На ее месте вспыхивал разноцветными огнями вензель императрицы, и вокруг начинался «балет богов». Потом непонятным образом исчезали танцующие олимпийцы. Над вензелем вырастала затейливая беседка, и оказавшийся по сторонам ее хор исполнял заключительную кантату. Так выглядел один из финалов «с машинами».

Громоздкая, требовавшая для своего сооружения множества брусьев, досок, канатов, проволоки, каждая «машина» служила только для определенной постановки. Монтировалась «машина» в подвальном этаже, выводилась на уровень сцены, и к ней подводился со всех сторон съемный, составленный из отдельных щитов пол. Разбиралась «машина», разбирался и

прятался пол — одна из самых ценных частей театрального оборудования.

Значит, в действующем театре 1730-х гг. пола на сцене не только не было — между постановками его и не могло быть.

Доказательство отрицания превращалось в доказательство утверждения.

Между тем история театра на Красной площади становилась все более ясной. Первые успешные сезоны. Относительное затишье после переезда двора в Петербург. И гибель в очередном грандиозном пожаре Москвы 1737 г. Пожар был так велик, что составленный после него план Москвы представлял практически новый город. Театра на Красной площади в нем уже не было.

Но имена связанного с театром штата — костюмеров, смотрителей бутафории, гардероба — очень скоро появляются на листах документов. О восстановлении постройки речи не было. Зато одним из первых распоряжений вступившей на престол Елизаветы Петровны становится указ о строительстве нового театра — на этот раз в Лефортове. Ему давалось название — Оперный дом.

В этом заказе очередная императрица не смогла отказать придворному архитектору ненавистной ей Анны Иоанновны, хотя весь придворный штат сменила немедленно. И не Оперный ли дом определил будущую судьбу Растрелли? Он не только сохранил за собой старую должность, но и превратился в любимого архитектора дочери Петра.

Все повторялось сначала — требования на материалы, расчеты со строителями, описание работ, приказы Растрелли.

Миронов. Актер на сцене

Снова строилось деревянное сооружение на каменных столбах — для выведения сплошного фундамента не хватало времени. Архитектор и так творил чудеса: распоряжение о строительстве последовало в феврале — в июле подрядчики сообщали, что «оперный дом мы, именованные, построили совсем во окончание». И это на 5 тысяч мест (наш Большой театр вмещает около 2000 зрителей) — партер теперь уже с постоянными рядами, амфитеатр с рядами обитых красным сукном скамей «без перил», три яруса. Потребовалось для этого на несколько месяцев 450 плотников, 150 солдат, 20 каменщиков для фундамента и печей, 16 столяров, 6 кузнецов, токарь, паяльщик, 12 живописцев и в заключение 40 штукатуров «для прибавки и выбеливания холста», которым обтягивались стены.

Мода не могла не сказать своего слова. Стены и потолки затягиваются грунтованным беленым холстом под штукатурку. Столбы в зале вытачивают «в ордене дорическом» — дорическом ордере, имитируя мраморные колонны. Ложи со стороны зала расписывают под мрамор, обивают по барьеру алым сукном с золотым позументом. Улучшают акустику — на потолке насыпается слой кожаных опилок, глушивших эхо. Дощатые полы промазывают глиной, засыпают песком и по песку покрывают двойным коровьим войлоком, скрадывавшим шум шагов.

Доходят руки и до внешних шумов: особенно много их было от наезжавших саней и карет. И вот для кучеров — «чтоб не зябли» — сооружаются избы. Для лошадей на большом расстоянии от театра ставятся перегородки — «чтоб во время того действия оные лошади отнюдь близко тому дому не стояли и от того шуму и крику не было».

А рядом повторялись старые просчеты. Не удалось толком натопить зал. Не помогали ни дополнительные печи по его углам, ни печи в ложах. Царскую ложу и вовсе пришлось перегородить стеной с застекленными окнами. В образовавшейся задней комнате топились печь, и озябшая Елизавета Петровна, если становилось от холода невмоготу, наблюдала действие через приоткрытое окно.

Но главное — по-прежнему не хватало мест. Опять пришлось разбирать ложи скрепя сердце — какой же настоящий театр без лож! — ставить сплошные круговые скамьи. Все равно современник, первый историк русской музыки и театра Якоб Штелин вспомнит: «Стечение народа на этот первый зингшпиль (оперу) в городе, насчитывающем свыше полмиллиона жителей, и знатного дворянства со всего государства было так велико, что многие зрители и зрительницы должны были потратить по шести и более часов до начала, чтобы добыть себе место... Таков был всеобщий успех этого первого зингшпиля в Москве, и столь широко был развит среди московского дворянства вкус к такой совершенной и пленительной музыке».

Вот только прав ли был Штелин, когда вспоминал об одних дворянах? Дело не только в том, что в Москве их жило не так уж много, чтобы заполнять каждый раз многоярусный зал. Трудно предположить, что каждый дворянин стал заядлым театралом, готовым дежурить на одних и тех же спектаклях. Но есть и другие доказательства того, что в зрительном зале сидели не одни дворяне.

Места для саней и карет — их явно недостаточно для такого множества зрителей. Выходит, большая часть приходила пешком. Еще труднее думать, что московское дворянство изо дня в день сражалось за билеты у касс — «пелетных будок». Строить же эти будки приходилось возле театра каждые 3–4 месяца заново: слишком быстро ветшали «от стеснения и многолюдства», как и стулья в зале, как и перетиравшаяся до дыр обивка на скамьях.

Итак, театр для царского двора, театр для дворян — так его привычно рисовала история нашей культуры — оказывался мифом, мифом, которому противоречила вся жизнь тех далеких лет.

И еще одна поправка. История искусства XVIII в. сохранила нам легенду о презрении к актерам, о касте париев, работавшей на сцене. Нам приводили примеры и доказательства. Да, примеров достаточно. Но таких ли уж обыденных, повседневных? Или наоборот, память современников отчеркивала не совсем обычное, чем-то задевшее привычные представления?

Почему же никто из них не изумлялся (но и не возмущался) тем, что первыми нашими профессиональными танцовщиками, артистами балета стали воспитанники самого привилегированного дворянского учебного заведения — Сухопутного шляхетного корпуса?

Найденные документы не оставляли ни малейших сомнений. Для современников же в этом факте не было ничего особенного. Даже в том, что танцовщики «из кадетов» танцевали вместе с безвестными «балетными девками» из крепостных.

Пятьдесят придворных певчих, составлявших хор оперы, по мнению знатоков, едва ли не лучший вокальный ансамбль Европы середины XVIII столетия, — половина среди них дворяне. У одного оставалась на родине собственная деревенька, у другого — наследственное имущество, не деленное с родней, у третьего — должность на государственной службе и соответствующий чиновничий чин. Оказывается, всем можно было поступиться ради музыки, в конечном счете ради искусства. Оказывается, это было почетно — посвятить жизнь искусству. К тому же для мальчиков-певчих, заменявших по звучанию в хоре женские голоса, в этой театральной службе таилась надежда на дальнейшее устройство судьбы — о придворных певчих принято было заботиться. Взрослые хористы оставались на службе, пока хватало голоса, — это были профессионалы, не искавшие иной судьбы. Значит, не было ни позора, ни осуждения окружающих. А пресловутая кастовость — не развивается ли она в полной мере к концу века, за годы правления Екатерины II? До того времени актер — профессия редкая, ценимая, необыкновенная.

И в этом отношении к актерам явственно сказывается то, что так тянуло современного зрителя в Оперный дом. Все было здесь важно — декорации с грандиозными фантастическими пейзажами, неиссякаемая красочность костюмов, замысловатые действия машин, сочетание балета и пения, музыка огромного оркестра. «Мы привыкли к зрелищам огромным и великолепным», — запишет в 1765 г. в дневнике воспитатель Павла I Семен Порошин.

Портрет Ф.Г. Волкова

Но с годами все начинает меняться. Почти незаметно. На той же сцене оперы чередуются с французскими трагедиями и комедиями. Итальянскую комедию масок с неперменными ее участниками – Арлекином, Пьерро, Коломбиной, Бригеллой сменяет Мольер. Появляются русские трагедии А.П. Сумарокова. Они «разыгрывались» воспитанниками все того же Сухопутного шляхетного корпуса, высшей школы военных инженеров. Былые «страсти», преувеличенные чувства начинают уступать место простой человеческой жизни.

*Не плачь так много, дорогая,
Что разлучаюсь я с тобой:
И без того, изнемогая,
Едва владею я собой.
Ничем уже не утешаясь,
Как вображу разлуки час,
И сил и памяти лишаясь,
Твоих, мой свет, лишаясь глаз.*

Стихи Сумарокова нам понятны и близки, они живут рядом с нашими чувствами. Еще в начале 1750-х гг., переложенные на музыку Г. Н. Тепловым, они вошли в первый сборник русских песен. Начало отказа от полного господства оперы лежало как раз там.

А самый Оперный дом? Его судьбу решила не перемена вкусов, но общая установка правления Екатерины II. Просвещенная, как она сама себя называла, императрица меньше всего была заинтересована в общедоступном театре. Другое дело – придворные спектакли, императорская сцена. В 1783 г. все было решено: «ее императорское величество изустно указать изволила находящийся в Москве оперный театр со всем, что к нему принадлежит, отдать в Московский Воспитательный дом...»

Колоссальный общедоступный городской театр Екатерина заведомо приговаривала к разрушению — как бы смог его содержать «дом для сирот и подкидышей»! К рубежу XIX столетия театра уже не существовало.

Что же касается сложившейся в Москве традиции, то сегодня просто трудно поверить, что почти 240 лет назад, в 1758 г., на южном берегу ныне засыпанного Красного пруда (память о котором сохранилась в названии Краснопрудной улицы) содержатель Петербургской итальянской комической оперы Локателли сооружает еще один театр на 4 тысячи мест, «без всякого утеснения», и дает представления на итальянском языке, что нисколько не смущает зрителей. Здесь 18 февраля 1759 г. дается первый «публичный машкерад» — маскарад. Огромным успехом у москвичей пользуется итальянская опера «Граф Кармелла». Тогда же направленные из Петербурга первый русский актер Федор Волков и москвич Яков Шумский ставят в «Локателлиевом доме» русские спектакли. Театр стал неотъемлемой частью московской жизни.

ЛИСТОК ИЗ ФАГОТА

Для чего не веселиться?
Бог весть, где нам завтра быть!
Время скоро изнурится,
Яко река, пробежит —
И еще себя не знаем,
Когда к гробу прибегаем...

Застольная песня времен Петра I

Аббат Вивальди собирался в Москву. Тот самый венецианский аббат, сочинения которого исполнялись по всей Европе, а мастерство рождало легенды — обыкновенному человеку не дано так владеть скрипкой! Легендой стало и его спасение из рук святейшей инквизиции. Во время богослужения аббат оставил алтарь, чтобы записать мелькнувшую в голове музыкальную фразу. Смертный приговор миновал его чудом: инквизиторы признали Вивальди всего лишь сумасшедшим.

И вот теперь, в 1732 г., мысль о Москве. Любопытство? Но аббат был стар. Деньги? Директор венецианской консерватории, он в них не нуждался. Пустые слухи? Но в том же году в Россию уезжает ученик таинственного аббата скрипач и композитор Верокайи — так или иначе, возможность не была упущена.

...Низкие дощатые потолки, затянутые грунтованным беленым под штукатурку холстом. Холщовые набивные обои — травы с желтыми разводами — модный товар с ярославской фабрики Полотняникова. Окна, плотно прикрытые с сумерками красным сукном. Красной кожи стулья. Дубовые столярной работы

столы. Обеды с нескончаемой переменной блюд. И музыка – несколько музыкантов – «для слуху».

Или иначе. Покои побольше. На полотне потолка плафон – античные божества вперемежку с придуманными добродетелями. Медные люстры – «паникадила» с десятками свечей. Полы «дубовые шушные» – паркет. Двери «под белила с золотым дорожником». Но те же за красным сукном окна. Обои с тусклыми пятнами зеркал. Стулья по стенам. И музыка – для танцев. На маскарадах. Вечерах. Приемах дипломатов.

И сама Анна Иоанновна. Днями напролет в широком засаленном капоте. Повязанная по-бабьи застиранным платком. С детьми Бирона, «до которых имела слабость». За пальцами. За письмами: «А Кишкине жене очень вы хорошо сделали, и надобно ее так [в тюрьме – Н.М.] содержать, пока совершенно в память не придет или умрет...» Музыка появлялась вместе с «тягостным» парадным платьем, залитым волной алмазной россыпи. Так полагалось. Так было при каждом европейском дворе.

О комнатах, обычаях Анны, венецианце Верокайи рассказывали документы. О музыке – очерки по истории русской музыкальной культуры, каждый из них, к какому бы ни пришлось обратиться, без ссылок, пояснений, указаний на источники. Черное десятилетие бироновщины, как, впрочем, и пустые для русской музыки годы Петра, – хрестоматийная неоспоримая истина.

Но – ведь звучали же во всей Москве (и не только Москве) XVII в. органы, о чем до последнего времени не упоминали труды по истории музыки. Но – были же любимыми, самыми распространенными инструментами городских – не дворцовых! – музыкантов тех же лет валторна и гобой, тогда как обзорные труды упоминают только гусли и рожки. Но – существовала же в Москве с середины того же столетия первая государственная музыкальная школа – «съезжий двор трубного учения», в то время как каждый справочник утверждал, что исполнительство на подобных инструментах, тем более обучение игре на них было делом одних заезжих западноевропейских музыкантов.

Все это установили неопровержимо и совсем недавно, буквально считанные месяцы назад, десятки обнаруженных архивных дел. И тогда еще одно «но». Куда и как могла исчезнуть эта высокая музыкальная культура, эта насущная потребность в ней не двора – целого народа? Какой же немислимый катаклизм стер их по крайней мере на полвека из истории России? И не говорил ли эпизод с Вивальди и Верокайи, что все обстояло не совсем так, как привыкли утверждать общие обзоры по русской культуре?

Листы архивных дел... Выцветшие и густо пожелтевшие, вспухшие сыростью и раскрошенные пудрой удушливой пыли, размашисто прошитые широкими строками и скучно низанные мелочью старательно рисованных букв. Кабинеты – личные канцелярии Петра, Екатерины I, Петра II, Анны Иоанновны, Елизаветы, фонды Гоф-интендантской – занимавшейся всеми придворными делами – конторы в Петербурге и Москве, Центральный государственный архив древних актов и Государственный исторический архив в Ленинграде. Каждая страни-

ца говорила здесь много и не говорила ничего. Как легко понять, почему их давно и упорно обходило внимание историков искусства!

Музыкантов множество, но... В одном документе два-три имени без упоминания инструментов. В другом — сумма выплаченных денег без исполнителей и имен. Дальше справка, что такого-то числа «играла музыка», без ссылок — что, кем и на чем исполнялось. Поиск лишался не просто динамики — смысла. И невольно единственным оправданием потерянного времени становились домыслы исследователей: что-то будто намечалось, что-то словно бы начинало давать о себе знать, что-то вот-вот готово было появиться. Будущее. Только будущее. А пока иностранные певцы — шла же в нескольких документах о них речь, случайные заезжие инструменталисты — фамилии говорили сами за себя. И уж совсем редко камерные ансамбли — о них вспоминал кто-то из современников-иностранцев. Но даже для самого условного, «среднеарифметического» вывода документы тех лет содержали слишком много нерасшифрованных сведений. И до тех пор, пока они оставались нераскрытыми, любой вывод был гипотетическим, любое утверждение по меньшей мере спорным.

Итак, расшифровка. Она предполагала дополнительные сведения, хотя бы косвенные указания. Как перекрещивающиеся линейки кроссворда, которые должны в конце концов подсказать нужное слово. Только откуда было эти сведения взять?

Конечно, продолжали существовать городские переписи. Не каждый историк решается работать с ними, тем более историк искусства. Слишком трудно выдержать однообразное мелькание сотен тысяч безликих имен, — только бы не упустить угасающим вниманием нужные! — посторонних профессий. Но здесь другого выхода не было.

И переписи говорили. Говорили о том, что с основанием Петербурга резко сократилось среди вольных музыкантов число органистов. Органисты еще есть в Москве и их уже почти нет в Петербурге. Делали свое дело мода и личный вкус Петра. Сказалась гибель в московском пожаре 1701 г. старой превосходно налаженной кремлевской мастерской органов и клавесинов. Восстанавливать ее не стали — у Петра были иные виды на самую застройку Кремля, за новую мастерскую никто не стал браться. Меньше музыкантов стало среди владельцев московских дворов. Безработица? Подкравшаяся бедность? Это не так сложно было проверить по другому виду учета жизни горожан — тщательно регистрировавшимся и облагавшимся налогом актам купли-продажи. И оказывается, все обстояло иначе. Органисты меняли профессию. Гобоисты, валторнисты, трубачи тянулись туда, где живее, чем в старой столице, текла жизнь. Многие меняли положение вольного городского музыканта на государственную службу. Вакансий, появившихся при Петре, было так много, что оставалось только выбирать.

Музыканты и музыкантские учебные команды при каждом из вновь образованных полков. Вообще полковые музыканты — «трубачи рейтарского строя» появились в России еще в середине XVII в. (если не раньше!). Музыкантские команды на толь-

ко что родившемся флоте, на каждом корабле. При многих учреждениях. В перебаламученном быте разъезжавшего по всей стране и Европе двора. При каждом иностранном посольстве — Петр не собирался уступать в пышности ритуала никому из монархов, особенно если соблюдение ритуала выпадало на долю чиновников и послов — не его самого. И прежде всего народные празднества — грандиозные «виктории» на улицах городов, где в свете «штучных» огней, под написанными на огромных холстах «оказами» — картинами выигранных сражений, аллегорических сцен — исполнялись музыкантами специально написанные кантаты. Или, возможно, и не кантаты. Ноты тех музыкальных произведений не сохранились — только бухгалтерские расчеты за написанную музыку.

Отправлялись музыканты из обеих столиц «в походы» — в другие города: Азов, Архангельск, Воронеж, Шлиссельбург, Таганрог, на Ладожский канал и Марциальные воды. И только по приходившим раз в год за «заслуженным жалованьем» женам можно узнать, что еще жив гобоист и продолжает плавать на флоте трубач. Семьи всегда оставались на месте и получали почти весь оклад кормильца — чтобы «не избаловался» в походе, не забывал о существовании родного дома. А время от времени появлялись в денежных раздачах коротенькие пометки: «помер в походе горячкою», «кончился ранами», «из похода не воротился», и тогда уже вдова в последний раз получала «достаточное» жалованье и в виде признания добросовестной службы умершего пару лишних рублей.

Жили хлопотно, трудно, зато и не нудно. Жалованье музыкантам шло деньгами и натурой — зерном, крупами, овсом. На выступлениях при дворе каждый успех отмечался кормовой дачей — парой гусей, уток, половиной бараньей туши, деликатесами, вроде бочки яблок в патоке, «а в бочке 250 штук», или «постилы длиной аршин с четью, шириною четь аршина» — ключники умели отчитываться в каждой мелочи. Но и здесь тоже существовали свои тонкости. Меньшее одобрение выражалось пастилой из смородины красной и черной, из ягоды пьяницы, большее — «постилою яблошною с коруною на патоке, пересыпана сахаром с анисным маслом». В части водок традиции были еще тоньше — кому водка самая простая рамайная с анисом, земляничная или из терновых костей, кому самая ценная яблочная с бадьяном или бадьянная из раманейных высетков с вином. Упомянуть такие подробности в хозяйственных отчетах, конечно же, представлялось важнее, чем упомянуть композиторов исполнявшихся пьес.

Те же безотказные платежные ведомости — когда бухгалтерия не была вездесущей! — вместе с городскими переписями утверждали, что в первом десятилетии XVIII в. рядом с гобоистами, валгорнистами, трубачами появляются все более многочисленные флейтисты и перестают быть редкостью литаврщики. Можно встретить фаготистов — духовые инструменты безусловно преобладали, зато с пресловутыми рожешниками дело обстояло куда хуже.

Ничего не стоило найти в Москве или Петербурге хорошего исполнителя-духовика, но когда «для некоторой потешной свадьбы и маскараду» понадобились рожешники, их не оказалось в городах. Впрочем, в городских переписях они исчезли

достаточно давно. Поэтому последовал царский указ «около Москвы набрать из пастухов шесть человек молодых людей, которые б умели на ронжах играть и отправить в Санкт Питербурх ко двору ее императорского величества конечно б оные привезены были». Времени на поиски давалось три недели, найти удалось четырех человек.

Нет, другие инструменты из числа тех, которые мы теперь привыкли называть народными, — бандура, гусли, лютня — в документах встречались, но только в связи... с дворцовым обиходом. И исполнителями на них были, как утверждают списки придворного штата, специально приглашавшиеся иноземцы. Здесь лютнист Иван Степановский, специально «вызванный из Саксонии от двора польского короля», «польской нации» гуслисты Войнаровский и Матей Маньковский, лютнист Григорий Белгородский, бандуристы Нижевич и особенно часто награждавшийся дуэт супругов Санкевичей. Кстати, не была ли бандуристка Санкевич первой женщиной-инструменталисткой, выступавшей в России на публичных концертах? Много позже рядом с ней появилась безымянная исполнительница народных песен «малороссиянка вспевальщица».

Все было неожиданным, необъяснимым, но так утверждали документы. Они могли сказать и много больше. Для этого оставался путь самый долгий, рассчитанный на бесконечное долготерпение и несокрушимый педантизм, — тобой самим отработанная картотека имен. Не выдающихся, не чем-либо примечательных — всех, какие тебе встречались в делах за годы и годы работы в архивах и могли иметь хоть какое-то отношение к искусству. Такие записи обычно безнадежно копятя годами же, чтобы со временем в чем-то прийти на помощь, собираясь иногда в целые биографии, чаще в намеки на биографии отдельных людей. И в сравнении их начинают угадываться определенные закономерности, тенденции искусства, живые и не выявленные ни в каких видах документов.

Имена случайные и по существу не случайные — типичные, каких много. Иван Никитин... Полтораэта лет историки искусства вплетали обстоятельства его жизни в биографию знаменитого однофамильца — портретиста петровских лет: художник оказывался вдобавок ко всем своим талантам еще и певцом и преподавателем пения. На самом деле два человека, разных, по своему интересных.

Никитин-певчий в 1705 г. стал «гобойным учеником» и, кончив «музыкальную науку», смог стать в старом хоре учителем и администратором. В 1711 г. он, по поручению Петра, перевозил из Москвы в Петербург особо ценный бывший патриарший хор. Исключительная судьба? Нисколько.

Собравшиеся в картотеке сведения утверждают: певчие обучались инструментальной музыке всегда. Младшие же из них — мальчишки, «спав с голоса», отсылались к специальным учителям и становились профессиональными музыкантами. Лучшей предварительной подготовки для инструменталиста современники себе не представляли. Если дело происходило в царском хоре, особенно при Петре, мальчиков собирали «для скорости науки» по 10–15 человек. Селились они в доме учителя, попеременно с его семьей, там же кормились, там же и занимались. Занятия

шли целыми днями, зимой и при специально отпускавшихся от двора свечах — лишь бы «не упустить времени».

А учитель? Просто опытный музыкант, старший по возрасту, навыкам, умению? Опять нет. В 1701 г. Жмудский староста Григорий Огинский делает Петру царский подарок — присылает четырех музыкантов. Петр благодарит, пользуется услугами квартета и ни к одному из музыкантов не назначает учеников. Другое дело — «саксонской нации» Иоганн Христофор Ахтель. Его Петр берет на службу во флот, переводит в Преображенский полк. Позже, уже в Сухопутном шляхетном корпусе, Ахтель становится учителем музыки поэта и драматурга Александра Сумарокова. В личном имуществе Ахтеля, когда он решает оставить преподавание в корпусе, не один, а несколько инструментов, и каких! Гобой, валторна, флейта траверс, скрипка, контрабас — целый ансамбль. Да, но Ахтель не просто располагал ими — он обучал игре на каждом из них, как, впрочем, и все остальные его коллеги по корпусу. Этому условию отвечали все «музыкантские учителя», какие бы скудные сведения о них ни сохранили документы, — Григорий Мазура, Иван Лызлов, Герасим Куксин... И ученики, каждому из которых одного инструмента было заведомо мало: если гобой, то уж и скрипка, если валторна, то и «скрипичной басон». Для наших дней необъяснимо, почти невероятно, для XVIII в. — обыкновенная будничная жизнь. Просто ремесло. Просто профессия.

Феофил Анжей Фолькмар был органистом «староградской главной церкви святой Екатерины в Данциге» и еще занимался посредничеством при продаже самых дорогих и становящихся все более редкими инструментов — органов, клавикордов, клавесинов. Об этом сообщала газета «Санкт-Петербургские новости» за 1729 г. Газетное описание инструментов давало и сейчас любому музыканту исчерпывающее представление о каждом из них: «Любопытным охотникам до камерной и хоровой музыки чрез сие известно чинится, что в Данциге на продажу имеются: 1) малые органы хорного и камерного голосу с 7 играющими голосами со стимулантом за 200 рублей; 2) Преизрядной клавесин от контра О: Фис до С (до третьей октавы) с четырьмя голосами, из которых один о четырех тонах, два о семи, четвертой о 16 тонах за 100 рублей; 3) преизрядной клавикорд с тремя хорами преизрядного голоса и преизрядной работы за 30 рублей. Все три суть так согласных голосов и пречестной работы, что оные как голос оных, так и работа лутче быть не может».

Среди вопросов, которые хотелось решить в гданьских архивах, — раз уж появилась возможность там оказаться и поработать, — вопрос о Фолькмаре был одним из последних. И все же — что толкнуло поморского органиста искать сбыта своих инструментов именно в России? Неопытность? Надежда на слепую случайность? Нет, книги городского гданьского магистрата за конец 1720-х — начало 1730-х гг. судили иначе. Фолькмар был опытным посредником и с Россией связаны его многие самые значительные сделки. Объявления в петербургской газете вполне оправдывали себя, хотя стоили предлагаемые инструменты недешево. Для сравнения — заработок средней руки

музыканта составлял в эти годы около ста рублей, и только придворный капельмейстер, он же композитор, мог рассчитывать на 400–450.

О том, сколько в общей сложности музыкальных инструментов в Россию ввозилось, как шел этот вид торговли с Западом, могли бы, казалось, рассказать наши архивы, в частности, фонд Московского городского магистрата тех же лет. Могли бы, если бы подобного рода сделки фиксировались. Но, не ответив ни на один вопрос, книги городского магистрата содержали не менее любопытные сведения. Здесь были зарегистрированы местные действующие фабрики музыкальных инструментов. И торговля ими. И продажа нот — все новые и новые подробности, не учтенные историей нашей музыкальной культуры.

Но ведь гобой — деревянный инструмент, кстати сказать, усовершенствованный (приобретший первые клапаны) только в XVII столетии, непосредственно перед его появлением и широким распространением в России. Валторна же — инструмент медный, и значит, технология их изготовления достаточно специфична и требует многопрофильного производства. Тем не менее московские фабрики их производили — фабрика сержанта Емельяна Мещанинова «за Тверскими воротами, в приходе церкви Рождества Христова, что в Старых Палатах», иначе где-то на нынешнем Трехпрудном переулке, фабрика капитана И. Башкина и Митрофана Переплетчикова, другие мастерские.

В документах податных обложений все становилось обыденно и просто. Гобои ценились в три рубля, валторны в шесть. Флейта траверс стоила шесть рублей двадцать пять копеек, а флейта «абека» полтора рубля. За скрипки простые платили четыре рубля, зато за «скрипичной басон» целых десять. Особенно много требовалось вкладышей для гобоев, которые и привозились из-за рубежа и выделялись в самой Москве. По объяснению одного из «музыкантских учителей», они быстро портились «от всегдашнего учения и от великого духу». И еще оставались ноты, сборники нот — «музыкантские тетради в телятинных переплетах» по средней цене тридцать копеек.

Само собой разумеется, магазины размещались не во дворцовых покоях и открывались не ради нужд царского двора. Даже сама реклама торговли музыкальными инструментами и нотами обращалась к «почтеннейшей публике». Размер налогов на лавки и фабрики говорил о значительном торговом обороте, и отсюда единственный вывод — «публика» была достаточно многочисленна. Не случайно Петр, помогая купеческому московской Кадашевской слободы человеку Василию Киприанову открыть в 1701 г. светскую типографию, специально предписывал наряду с знаменитой «Арифметикой» Леонтия Магницкого усиленно «печатать набором нотные книги по подобию печатных книг и всякого партесного пения и мусийкийского кантыки».

Теперь, к 1730-м гг., речь уже идет о нотах «модных» и «новомоднейших». Историки спорят о преобладающем влиянии в музыке тех лет итальянской или немецкой школы, единственных, знакомых русским слушателям. А современная печатная реклама предлагает «почтеннейшей публике» музыку и итальян-

скую, и немецкую, и французскую, и английскую, и... русскую! Имена композиторов, характер пьес — об этом не принято было говорить. В конце концов, их могли толком не знать и сами исполнители. Ведь именно тогда художники еще не имели обыкновения оставлять на холстах свои подписи, а зрители интересоваться их авторством.

Только дело не в именах и не в названиях пьес. Нотные тексты, те самые, которые содержались в «музыкантских тетрадах в телятинных переплетах», продавались когда-то в магазинах, издавались, и притом немалыми тиражами, — отсутствовали. Не дошли до наших дней. Вообще не сохранились.

«...Всесоюзный научно-исследовательский институт судебных экспертиз Министерства юстиции СССР... из Государственного исторического музея при препроводительном письме № 212 от 25 июня 1971 г. на исследование поступила часть нотного листа с угасшими записями... Проведенными исследованиями удалось выявить имеющиеся на листе нотные записи (см. прилагаемую фототаблицу)». И дальше перечень проведенных исследовательских работ — фотосъемка в отраженных инфракрасных лучах, съемка люминесценции (при облучении ультрафиолетовыми лучами), съемка с усилением контраста. Документ находился на исследовании 17 дней. И подписи экспертов — Б.А. Сахарова, А.А. Гусев.

Конечно, все это не имело ни малейшего отношения ни к юридическим проблемам, ни к судебной экспертизе. Просто один из музыкантов Государственного оркестра радио и телевидения, солист-фаготист Антон Розенберг разбирал в Отделе металла Государственного Исторического музея части музыкальных инструментов XVIII в. — что к чему и что откуда — и попытался вынуть мундштук из очередного гобоя. Мундштук сидел очень плотно: его держала скрученная бумажка — та самая нотная запись, «документ с угасшими записями», как его официально назовут специалисты-эксперты. За двести с лишним лет ни одному из пользовавшихся гобоем музыкантов не пришлось в голову поправить мундштук, заменить приспособление, наспех сделанное их далеким товарищем из небрежно оторванного куска партитуры. Правда, это не пришлось в голову и ни одному из хранителей музея, где гобой оказался полвека назад. Так что же — удивляться или радоваться? Удивляться тому, как это могло произойти, или радоваться тому, какие возможности еще существуют, обнадеживают, толкают на поиск.

Трудно сравниться по напору поиска с историками польской музыки, но ведь считанные годы назад был найден «Танец польского короля» — рукопись анонимного музыканта рубежа XVI–XVII вв. в библиотеке городка Ульма-над-Дунаем. «Марш польского короля» обнаружил венгерский историк в манускрипте 1757 г., преспокойно хранившемся в библиотеке одной из будапештских гимназий. В 1968 г. в Польше была впервые исполнена ария Сиренки — той самой, которая стала символом Варшавы, — сочиненная итальянской оперной певицей XVII в. Франческой Скаччини.

И вот листок из фагота... Небольшой. Зеленоватый. Пожелтевший до водной ряби. Перетертый на местах сгибов. Несколько десятков музыкальных тактов — может быть, целая

фраза, может быть, и больше: ее еще никто не пытался воспроизвести. А о листке хочется сказать больше. Французская бумага, та, которую начали выделять в конце XVII в. и продолжали выпускать почти до конца следующего столетия. Почуть уловимому оттенку цвета, характеру старения, «тесту» — скорее середина XVIII в. Манера письма примерно тех же лет. Уверенный стремительный почерк музыканта: переписчик оказался бы аккуратнее, щеголеватее. И еще одно — оркестровая партия духового инструмента. Возможно, сольная. Скорее всего, гобоя.

И все-таки, кто бы мог оказаться автором безымянного отрывка? Имена без звуков — судьба всей музыки первой половины XVIII столетия. И какие имена! Тот же Верокайи и Ристори, Мадонис и Доменико Долольо. Еще один представитель итальянской школы Иоганн Гассе, автор без малого ста опер и стольких же ораторий. Произведения каждого из них исполнялись в России, были широко известны и любимы. Или русские авторы. Пусть сегодня их список начинается только в 1740-х гг. именем известного деятеля Академии наук, переводчика Григория Теплова — ему принадлежала музыка к первому изданному сборнику романсов на стихи русских поэтов. Теплов был известен превосходной игрой на скрипке и хорошим голосом. Но так или иначе он не профессионал. А несомненно, были и многочисленные профессионалы.

За это говорит прежде всего богатейшая традиция музыкального сочинительства в XVII в., где мы уже можем назвать несколько десятков русских композиторов. Практика петровских лет с сочинением бесконечных кантат на все празднества и «случаи» государственной жизни. Скорее всего отношения со «своими» были проще, не требовали контрактов, всей той сложной системы бюрократического оформления и учета, которая позволила сохранить до сегодняшних дней имена иностранных гастролеров или даже надолго селившихся в России музыкантов, вроде широко популярного Арайи — вся жизнь этого композитора оказалась связанной именно с Россией.

Не успел появиться молодой неаполитанец Франческо Арайя при дворе Тосканского герцога — там была поставлена его первая опера, как в 1735 г. композитор был приглашен в Россию и остался здесь на четверть века. Год за годом он сочиняет и ставит оперы: 1737 г. — «Абизар», 1738 г. — «Семирамида», в сороковых годах «Селевк», «Беллерофонт», отличавшийся исключительной пышностью постановки «Александр Македонский в Индии», множество ораторий, и в заключение первая опера на русский текст (кстати сказать, Александра Сумарокова) «Кефал и Прокрида», исполненная первым составом русских оперных певцов в 1755 г. Успех нового начинания был триумфальным. Публика требовала все новых и новых исполнений. Елизавета Петровна засыпала подарками певцов и накинула на плечи композитору соболью шубу. Ценой в 500 рублей — как старательно отметили расходные книги.

Кстати, любопытно, что все композиторы тех дней непременно и инструменталисты, и дирижеры. Больше того. Документы утверждали, что обязательным условием контракта с каждым приезжавшим на гастроли или вступавшим на русскую службу композитором было не только сочинение музыки по

поводу событий придворной жизни или по специальным царским заказам, но и дирижирование. Искусство капельмейстера ценилось исключительно высоко. В истории нашей музыки это обстоятельство проходит незамеченным, а вместе с тем не возникает и вопроса, где это искусство могло проявляться. Иначе — кем и чем должны были дирижировать приезжие европейские знаменитости, кому предстояло исполнять их сочинения.

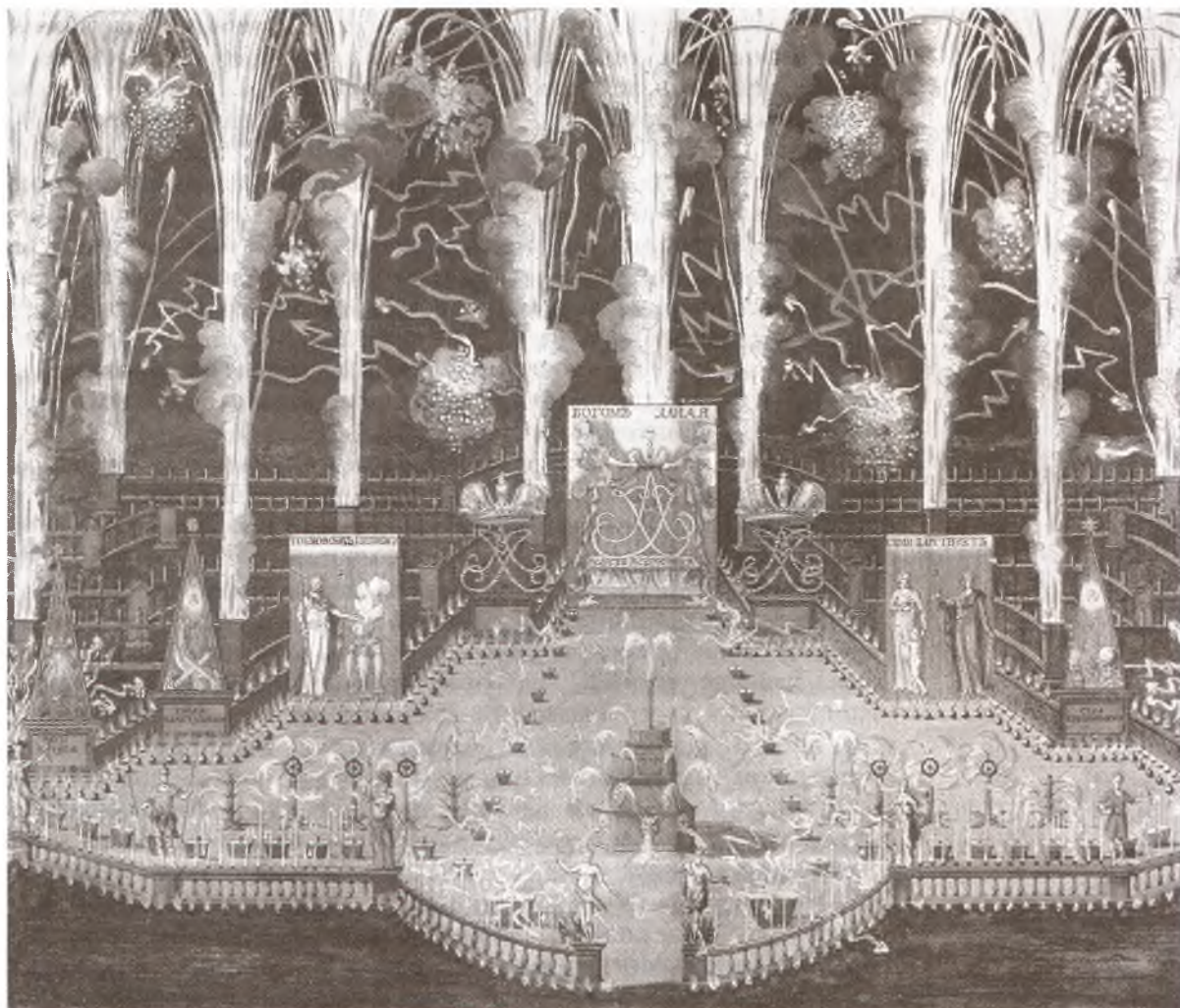
На этот раз предметом моего мысленного спора оказался Иоганн Гибнер, скрипач-виртуоз из Вены. Не было никаких разногласий у историков в том, что Гибнер первый раз попал в Петербург в начале 1720-х гг. с австрийским посольством и снова был приглашен сюда, чтобы усилить группу итальянских инструменталистов, в 1731 г. Но собравшиеся в моей картотеке данные утверждали: Гибнер не уехал — не пожелал уехать из России. Его гастрольные приезды казалось естественным объяснить первый раз любопытством (что знали в Европе о России!), второй — высокими гонорарами. Но выбор Москвы и Петербурга в качестве места постоянного жительства и работы выглядел совсем иначе.

Да, документы подтверждали, что известный в Вене скрипач оказался в Петербурге в сентябре 1720 г. в составе капеллы, которую привез с собой для большей пышности австрийский посол граф Кинский. Как-никак речь шла о том, чтобы суметь сосватать старшую дочь Петра Анну Петровну за ставленника венского двора. Посредственных музыкантов Кинский не признавал. Достаточно назвать рядом с Гибнером другого, не менее известного, виртуоза — валторниста Иоганна Лейтенбергера. Его умение аккомпанировать на валторне всем инструментам, выдерживать без перерыва до восьмидесяти пяти тактов поражали воображение и слух современников.

В июле 1721 г. посольство выехало из Петербурга, но уже без Гибнера. Скрипач перешел на службу к жениху цесаревны Анны Петровны Голштинскому герцогу, которого Петр содержал на особом пенсионе в Петербурге.

Сразу после смерти Петра герцогу пришлось с новообвенчанной женой покинуть Россию — на этом настаивал всесильный Меншиков. Гибнера в составе сопровождавших молодую чету лиц не числится. Зато в 1730 г., когда задолго до приезда каких бы то ни было итальянских инструменталистов составляется придворный штат только что вступившей на престол Анны Иоанновны, Иоганн Гибнер и никто другой оказывается в должности первого музыканта двора — скрипача, композитора, капельмейстера. Точнее — он сохраняет за собой должность, которую занимал, оказывается, и раньше.

Громкие титулы не меняли существа дела: в пересчете курса рубля тех лет оклад Гибнера никак не превышал его венских заработков. Что же касается жизненных неудобств, то их на придворного скрипача приходилось с избытком. Чего стоили одни переезды из Петербурга в Москву и обратно, жизнь в случайных, почти непригодных для жилья кремлевских дворцовых покоях. Даже снисходительные дворцовые смотрители признавали, что предлагаемые покои «в темных проходах, с малыми

окошками, с сводами и русскими печами и весьма нечисты». Да и в пригодные, с их точки зрения, покои музыканты «жить не идут за тесными вверх входами, також при тех покоях кухен, чуланов и других никаких нужд не имеется». А вот венский скрипач годами делит эти неудобства со своими русскими товарищами по искусству. Делит он их и с появившимся в Москве Вεροкайи.

Правда, Гибнеру, Вεροкайи или Ристори полагалось по три покоя. Зато в других комнатах музыканты размещались и по одному, и по несколько человек, — по всей вероятности, в зависимости от того, насколько ценилось их умение. Вот только почему инструменталистов оказывалось в общей сложности так много — несколько десятков человек? Правда, при Петре еще в 1701 г. состоит около двадцати музыкантов. Музыкантская команда каждого полка насчитывала от десяти до двадцати человек. Но ведь здесь-то инструменталистов в несколько раз больше. И другое — почему они и переезжали, и размещались, и — что самое важное — были заняты почти всегда одновременно?

В памяти невольно начинали всплывать отдельные, в свое время ускользнувшие от внимания подробности. Закупки придворной конторой десятков экземпляров «музыкантских тетра-

Фейерверк по случаю коронации императрицы Анны Иоанновны. Из коронационного альбома. 1730 г.

дей». Распоряжение об этом давал всегда кто-нибудь из капельмейстеров. Указания архитекторам об увеличении «оркестров» — подиумов, на которых размещались музыканты, — в дворцовых залах. Первый раз такая переделка предпринимается во времена Петра II, иначе говоря, в конце 1720-х гг., второй — после вступления на престол Анны Иоанновны. Ставший придворным архитектором — «баудиректором» новой императрицы — В.В. Растрелли должен был сооружать эти «оркестры» во всех дворцах «заново» — настолько увеличивались их размеры. По нашим нынешним представлениям, на этих площадках могло размещаться до пятидесяти исполнителей. Примерно столько же расселяли каждый раз в дворцовых кремлевских покоях служители, столько же обеспечивала подводами при переездах Гофинтендантская контора.

И вот наконец, как подтверждение смутных догадок и робких предположений, — архивное дело с составом придворного штата на 1731 г. Это выглядело совершенно невероятным — около девяноста инструменталистов! Смычковая группа — больше тридцати человек. Шесть трубачей. Столько же валторнистов. Гобоисты. Литаврщики... Сомнений не оставалось — состав симфонического оркестра. Мало того, что полного, — большого даже для наших дней, ведь оркестр Большого театра насчитывает сегодня всего около ста двадцати музыкантов. И рядом с основными исполнителями «музыкантские ученики» — коллектив живой, местный, несомненно, давно и постепенно складывавшийся и тем более несомненно рассчитанный на будущее. И все это на семьдесят лет раньше, чем принято считать в истории русской музыки!

Но тогда, может быть, не так уж много фантазии в слухах о том, что венецианский аббат Вивальди готов был принять приглашение в Москву и только ряса и преклонный возраст не дали осуществиться его желанию?.. И если оказавшийся в России его ученик Верокайи не жалел, по словам современников, восторженных выражений для оценки стройности и чистоты звучания московского оркестра, его гармонического сочетания с большим и великолепно обученным хором певчих, то не говорит ли это, что именно творческие возможности в работе с одним из самых больших в Европе того времени оркестров неудержимо влекли в Россию первой половины XVIII в. прославленных музыкантов. Значит, не было никаких «пустых» десятилетий, не было пресловутого провала культуры. Прочная исторически сложившаяся традиция русской музыкальной культуры давала в новом столетии новые плоды. Ну, а если мы не знаем об этом...

Могли исчезнуть ноты тех лет — именно потому, что их было много, что были они в ходу и ни для кого не представляли ни редкости, ни ценности. С вещью на каждый день расстаться особенно незаметно и легко. Многое могло не найти своего отражения в документах — прямого отражения. Вывод? Надо научиться искать, познавая музыку через человека и ради человека.

ЖЕМЧУЖИНА ЗАРЕЧЬЯ

Ц а р ь

А ты, мой сын, чем занят? Это что?

Ф е о д о р

Чертеж земли московской; наше царство

Из края в край. Вот видишь, тут Москва.

А.С. Пушкин. «Борис Годунов»

Урочище называлось Ордынцами, и стояла на нем небольшая крепостца-острожек. Отсюда, с окраины Замоскворечья, и начали свой путь к занятому врагами Кремлю ополченцы Д.М. Пожарского. Первый бой с засевшими в острожке поляками — первая победа, возвестившая о том, что подошло к концу Смутное время. Так утверждали летописцы. Место сражения определялось стоявшей обок церковью — Климентовской — и было выбрано не случайно.

Соседство двух замоскворецких улиц — в прошлом двух дорог. По Большой Ордынке лежал путь в Золотую Орду, позже — в Крым, и ездили по нему тут же и селившиеся ордынцы — те, кто с поручением великого московского князя посылался к насильникам с грамотами, иной раз с дарами или данью. Пятницкая появилась, вероятнее всего, в конце XIV — начале XV вв., когда торговля перестала уместиться в восточной части Кремля, вышла за его стены, а там, со строительством прорезавшего Красную площадь оборонного канала, который соединил воды Москвы-реки и Неглинной, сильно потеснилась на восток, в Большой посад — Китай-город. Тогда же был отодвинут на восток и деревянный мост через главную реку — Москворецкий, от вылета Большой Ордынки к вылету Пятницкой, начинавшейся от него и кончавшейся у Климента. Дальше тянулись поля — «всполье», по которым и продолжила новую улицу дорога на Рязань. Еще в XV в. вся земля эта называлась Заречьем, сменившимся со временем Замоскворечьем. Потому что появились в городе и Занеглименье, и Заяузые.

На первой по времени карте Москвы, о которой идет речь в пушкинской трагедии и которая получила название «Годунова чертежа», на Пятницкой улице обозначены три церкви. И хотя названия их не определены, расположение достаточно точно соответствует поныне существующим церквям: Черниговских чудотворцев Федора и Михаила в Черниговском переулке, Троицы в Вишнякове и Климента папы Римского. Замученные в Орде черниговский князь Михаил и его боярин Федор оставались живой памятью вековой неволи. Церковь Троицы стояла в стрелецкой слободе приказа Матвея Вишнякова — отсюда идет сохраняющееся до наших дней название Вишняковского переуллка. Климентовская церковь была посадской.

Кругом селились торговые люди, тянулись харчевни и лавки. На луг пригоняли татары для продажи табуны коней, и торгу помогали специальные переводчики, жившие по соседству с Климентом — в Толмачах.

Правильность данных автора «Годунова чертежа», составленного до 1605 г. и изданного четырнадцатью годами позже в Амстердаме, в географическом атласе Герарда Меркатора, автора известной картографической проекции, подтверждает следующий по времени «Петров чертеж». В 1650-х гг. его автор корректирует своего предшественника на натуре и издает свой труд

во втором томе «Географии» Блавиана в том же Амстердаме в 1663 г. Климентовская церковь помечена на том же месте. Факт ее существования подтверждается и многочисленными документами. Здесь любопытно отметить само по себе ее посвящение Клименту, папе Римскому. Климентовские церкви — не редкость в Новгороде Великом и Пскове, где к его покровительству особенно охотно прибегали жители «концов» — улиц, вскладчину возводившие свои храмы и для молитвы, и для сбережения всем скопом своих непросто нажитых богатств. В Москве посвящение Клименту встречалось редко, и то кончая первой третью XVII в. В 1621–1625 гг. были выстроены Климентовская церковь за Петровскими воротами, у стрельцов приказа Михаила Рчинова, в 1628–1639 гг. еще две: на Трубе у Яру в Стрелецкой слободе и в «Михайлове приказе у Баскакова». Почти во всех случаях это были стрелецкие церкви.

Среди приходных и расходных книг Патриаршего Казенного приказа ружная книга 7133–7144 гг. содержит записи о постоянном взносе причтом Климентовской церкви оклада, что дает основание считать — крупнейшие московские пожары 1626 и 1629 гг. ее не коснулись, и она сохранялась в неизменном виде до сороковых годов XVII столетия. Именно на это время приходится важный поворот в ее истории. Если раньше оклад вносился за церковь Климента, то теперь один и тот же причт вносит деньги то за Климентовскую, то за Знаменскую церкви. В некоторых случаях название совмещается, хотя нетрудно проверить, что нового Знаменского придела в старом храме не появилось.

В пятидесятых годах очередной климентовский поп Варфоломей Леонтьев хлопочет о «патрахельной» грамоте, разрешавшей совершать богослужение вдовым священникам. Брак в жизни попа значил многое. Без жены его не полагали в священнический сан, со смертью жены церковные власти начинали сомневаться в его нравственности. «Патрахельные» грамоты на основании свидетельства прихожан о добропорядочном поведении пастыря полагалось выправлять раз в год, а то и в полгода. Правда, Варфоломей Леонтьев отправляется на «службу с государем» — уходит в Ливонский поход Алексея Михайловича, закончившийся после осады Риги перемирием 24 октября 1656 г. Но никакие «служебные» заслуги не избавляют отца Варфоломея от необходимости по возвращении в Москву снова хлопотать о грамоте на свой былой климентовский приход.

К следующему году относится землемерная — Строельная книга церковных земель, уточнявшая размеры «монастыря», или собственно приписанной к церкви земли. Ее при Клименте числилось, соотносясь с единицами измерения наших дней, около двенадцати соток: двенадцать сажен по Климентовскому и четырнадцать по отходящему от него Голиковскому переулкам. Именно от тех далеких лет и пришел замысловатый изгиб Голиковского переулка, и ширина Климентовского, и расстояние от церкви до ближайших домов. Конечно, дома с тех пор успели измениться, и все же сохраненные их расположением элементы градостроительной структуры необходимо сохранить. Рассуждения проектировщиков будущей пешеходной зоны о целесообразности «открыть» памятник архитектуры для широкого обзора равносильны приговору для неповторимого в своем

колорите уголка Москвы. Можно ли предположить, что на таком небольшом «монастыре» помещались две церкви или что одна из них осталась неопианной? И в том и в другом случае ответ будет только отрицательным. Разгадка двойного названия прихода крылась в одной из хранившихся у Климента икон.

Согласно многочисленным путеводителям по московским святыням прошлого века, Климентовская церковь была известна двумя чудотворными иконами: Николая Чудотворца и Знамения Богородицы. Обе они составляли вклад думного дьяка Александра Дурова, причем вторая несла на обороте подробную запись его семейной легенды. Записанное полууставом XVII в. предание гласило, что в 1636 г. Александр Степанович Дуров был оклеветан, безвинно осужден и приговорен к смертной казни. В канун исполнения приговора Дурову якобы было видение от его домовых икон Знамения Богородицы и Николая Чудотворца, взятых им с собой в темницу, — что казни не будет и он останется жив. Подобное видение было будто бы в ту же ночь и царю Михаилу Федоровичу, который тут же затребовал дело дьяка, пересмотрел его заново и оправдал Дурова. Дуров же, согласно данному в темнице обету, «устроил на том месте, иде же бысть его дом, Церковь каменну, украсив ю всяким благолепием, в честь Божия Матери Честнаго Ее Знамения с приделом святителя Николая. А сии святые иконы, яко его домовнии, постави в том святом Храме». Фактический год основания Знаменской церкви неизвестен, закончена же она была в 7170 (1662) году, как свидетельствует «Реестр церквей, находящихся в Москве с показанием строения лет, приходских дворов и расстояния от церкви до церкви места» 1722 г. В том, что ее не учли материалы церковных переписей, нет ничего удивительного.

Двор дьяка находился «в смежестве» с церковным участком, и новая, обетная, Знаменская церковь была сооружена именно на нем. Ее отделял от приходской, Климентовской, примерно метровый проход, благодаря чему, с точки зрения топографов, оба храма составляли единое целое, а по разумению церковных властей, учитывая малые размеры прихода, не было возможности обременять прихожан содержанием еще одного причта. Обе церкви обслуживались одним клиром и за них вносился по-прежнему общий оклад. Тем более что первоначально состоятельностью А.С. Дуров не отличался.

Родоначальник будущего дворянского рода Дуровых, он начинал с приказной службы. В качестве подьячего ему довелось побывать посланником в Крыму в 1630 г., затем в должности дьяка Ямского приказа отправиться в поход под Смоленск «в большом полку» с боярином Михаилом Борисовичем Шеиным. Участие в неудачном для русских войск походе действительно едва не стоило А.С. Дурову жизни — надпись на иконе была не совсем точна только в отношении года: не 1636, но 1634 г.

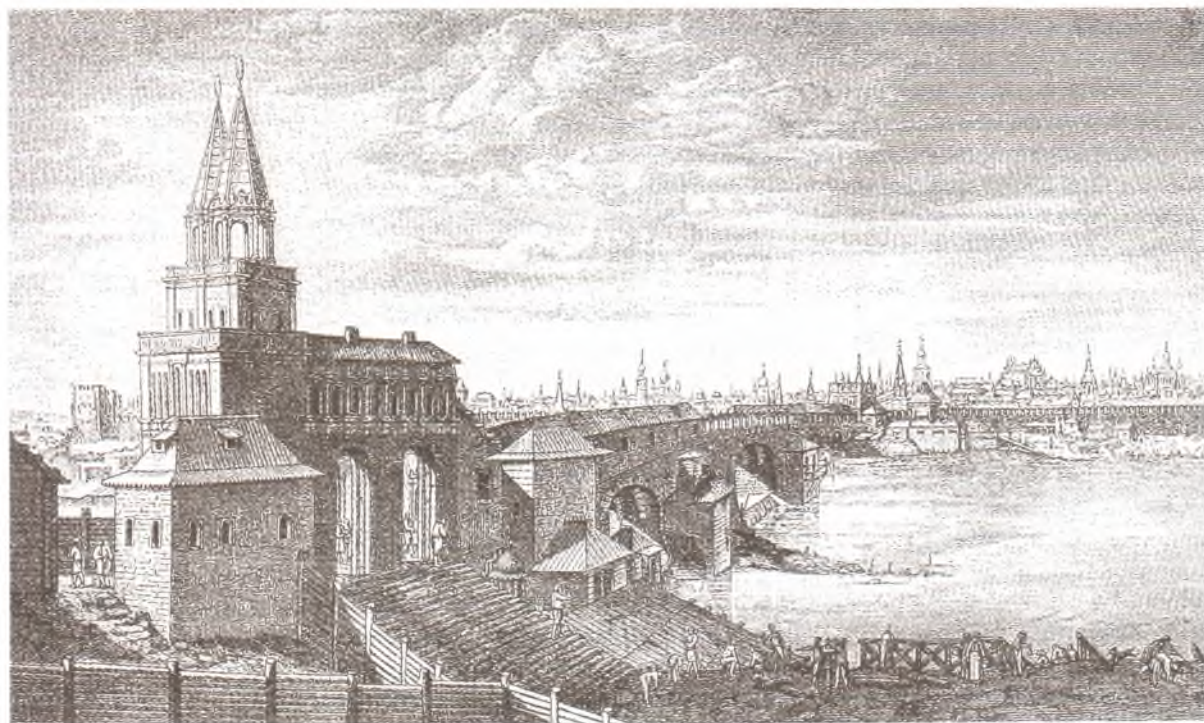
Первые месяцы похода прошли благополучно. Сдалось много городов, готов был сдаться после 8-месячной осады и Смоленск. Осажденным не хватало провианта, на что и рассчитывали воеводы Шеин и Измайлов. Но начавшиеся действия крымцев побудили многих дворян устремиться на юг — защищать собственные владения. Подошедший с подкреплением король Владислав перерезал осаждавшим дорогу на Москву. Те-

перь недостаток продовольствия стали испытывать московские части. Воеводы пошли на переговоры, и здесь-то переломилась их судьба: слишком велики были уступки московских военачальников, на слишком большой позор они согласились. Врагу достался обоз, артиллерия, но еще к тому же отступали наши войска, по-рабски склоняя знамена перед Владиславом. С таким унижением согласиться было невозможно. Возмутились бояре, возмутился Михаил Федорович, и в 1634 г. казнены были Михаил Шеин и Артемий Измайлов, а вместе с последним и его сын Василий Артемьевич. За семейный позор пришлось заплатить даже их родственникам, не говоря о помощниках по походу. По всей вероятности, разбирательство продолжалось, но А.С. Дуров оказался непричастным к делам и решениям воевод.

Оправданный перед царем, А.С. Дуров успешно продолжал свою службу. За службу в Астрахани получил «у государева стола шубу, атлас золотный, кубок и придачу к окладу» — было это в конце 1643 г. Участвовал в отражении татарского набега на Тулу, в походе государя в Вязьму в 1654 г. Вместе с князем Н.А. Трубецким был допущен к переписыванию «всяких дел» разжалованного патриарха Никона, состоял в приказах Стрелецком, Большого прихода, Конюшенного и Устюжской чети.

Существует и еще одно обстоятельство Смоленского похода, которое могло быть вменено в вину оборотистому приказному. В опубликованных Н.В. Калачовым «Актах, относящихся до юридического быта древней России» упоминается, что А.С. Дуров «безденежно» купил у некоего Е. Гвоздева вотчину. Продавец в 1634 г. обратился с жалобой к царю, в результате чего сделка была расторгнута, вотчина возвращена прежнему владельцу, и впредь такие «безденежные» купли строго-настрога запрещены.

Вид старой Москвы

Смерть А.С. Дурова в 1671 г. положила конец заботам этой семьи о Знаменской церкви, которая оказывается на попечении прихода. Новый обмер земель, производившийся в 1679–1681 гг., ничего нового не дает, из чего можно заключить, что никаких коренных переделок обе церкви за это время не претерпели. Не пострадали они и от большого пожара 1688 г., сохранив свой первоначальный вид, насколько можно судить по регистрации антиминсов, до 1710 г. Расположение их было оговорено в несохранившейся летописи Климентовской церкви. Знаменская находилась на месте позднейшего придела Знамения в нынешнем Преображенском храме, то есть слева от главного престола, Климентовская — на месте позднейшего придела Климента, то есть в правой части трапезной. Та же летопись прямо указывала, что основное богослужение совершалось в Знаменской церкви, тогда как Климентовская использовалась исключительно как кладбищенская — следы древнего погоста и надгробий со стороны Пятницкой улицы сохранялись вплоть до конца 1940-х гг.

1714 г. принес указ Петра I о запрещении строить в Москве, как и повсюду в русском государстве, всякое каменное строение. Нарушение указа каралось возведением виновным в принудительном порядке постройки такого же размера в Петербурге. В действительности Патриаршим Казенным приказом не было зарегистрировано ни одного нового церковного строительства уже с 1712 г. Исключение составляют несколько церквей, начатых, по-видимому, ранее и потому пользовавшихся правом достройки. Это церковь Казанской Божьей Матери Вознесенского девичьего монастыря, Нерукотворенного Спаса на дворе Строгановых, Благовещения на Тверской и церковь Петра и Павла на Новой Басманной, начатая по благословению митрополита Стефана и указу Петра I в 1705 г. и в 1714 г. близкая к окончанию. Климент в делах Казенного приказа не упоминался.

Отмена петровского запрета последовала только в конце января 1728 г.: «Его императорское величество указал впредь с сего указа в Москве всякое каменное строение, как в Кремле, в Китае, так и в Белом и в Земляном городах, кто как похочет, делать позволить». Прихожане и причт климентовского прихода сразу же стали перед необходимостью немедленного ремонта и перестройки своей обветшалой Знаменской церкви, свод которой грозил падением, а внутреннее устройство было почему-то неудобно для богослужения. В ответ на их прошение Патриарший Казенный приказ запечатал 27 мая 1730 г. указ «О строении Замоскворецкого сорока церкви Знамения Пресвятой Богородицы и Климента папы Римского, что на Ордынках, попа Симеона Васильева с прихожаны, велено: в той настоящей Знаменской церкви старый свод разобрав поднять в вышину и построить вновь, также и престол в той же церкви сделать посредине алтаря понеже оный престол стоял к одной стороне».

Климентовская церковь к этому времени не меньше нуждалась в ремонте, тем более что была много старше Знаменской и службы в ней не производились — стояла она «без пения». Но приход по своей скудости не мог позаботиться об обеих церквях, и выбор, естественно, пал на требовавшую меньших затрат

Знаменскую церковь, в которой и был произведен частичный ремонт. Климентовский приход в это время к числу состоятельных не принадлежал. Приписано было к нему всего 35 дворов и оклад его оставался одним из самых низких в Замоскворечье: кругом причты платили до десяти алтын, с Климента полагалось всего три алтына две деньги. Поэтому и в торжественном церемониале погребения царевны Прасковьи Иоанновны в начале 1730-х гг. климентовским попу с дьяконом было отведено самое последнее место среди священнослужителей их сорока.

Лишних денег в приходе не водилось. Не стало в 1729 г. у Климента дьякона, возвели на его место собственного дьячка, а нового младшего причетника взяли из числа сельских: дешевле обходились, меньше требовали. Сыскался такой «Московского уезда, вотчины князь Львова от церкви Покрова, что в селе Покровском».хлопотали о назначении поп Симеон Васильев с прихожанами, и тот же Симеон в 1743 г. кланялся о назначении церковным старостой посадского человека Николая Дмитриева Левина. Старостой каждая церковь хотела иметь одного из самых состоятельных прихожан, климентовский приход лучшей кандидатурой не располагал. Тем удивительнее было появление здесь дошедшего до наших дней богатейшего и принадлежащего выдающемуся зодчему храма.

Его необычную историю содержал в себе помеченный 1754 г. рукописный сборник, обнаруженный сто лет спустя в городе Верхнеуральске Оренбургской губернии. По обычаю тех лет, сборник содержал пеструю смесь занимательных рассказов в духе итальянских фацетов, сведений о лекарствах, планетах, травах, минералах, стихов, и в заключение обстоятельное «Сказание о церкви Преображения Господня между Пятницкой и Ордынкой, паки рекомой Климентовской». С публикацией «Сказания» в «Московских ведомостях» выступил подрегент синодального хора в кремлевском Успенском соборе Руф Игнатьев, известный специалист по археологии, археографии и этнографии.

Первый естественно возникавший вопрос – каким образом история московской церкви могла оказаться на восточном склоне Уральского хребта, при впадении в Урал речушки Урляды. Скорее всего сборник мог составлять собственность кого-то из попавших сюда офицеров. Верхнеуральск был основан всего лишь в 1734 г., до 1775 г. носил название Верхнеяицка и входил в состав Уйской охранной линии. Но в 1755 г. он был в центре событий так называемого Бурзянского бунта, охватившего башкир и мещеряков. Офицеры попали сюда с воинскими частями, присланными для подавления мятежа. Трудно представить, чтобы кому-нибудь, кроме жителей Замоскворечья, была интересна история приходской, не прославившейся никакими святынями церкви.

Согласно «Сказанию», в последние годы царствования Анны Иоанновны в московском климентовском приходе находились палаты А.П. Бестужева-Рюмина. По предположению автора, пребывавал «боярин» постоянно в Петербурге. За оставленным хозяйством доглядывал его управляющий Иван Данилыч Монастырев. Ввиду сильного обветшания Климентовской церкви ее давний настоятель и подружившийся с ним управляющий решились просить вельможу о вспомоществовании. В своем письме

они просили его о деньгах на ремонт и — чтобы подсластить пилюлю, поскольку А.П. Бестужев-Рюмин щедростью не отличался, — о лекарствах. Было известно, как увлекается граф их составлением. Но расчет оправдался только наполовину: лекарства пришли, деньги — нет.

Когда дворцовый переворот привел на престол Елизавету Петровну, Бестужев-Рюмин деятельно помогал цесаревне и в честь знаменательного события решил возвести новый храм. При этих обстоятельствах ему припомнилась забытая московская церковь, престольный праздник которой приходился на редкость удачно на день восшествия новой императрицы на престол. «Боярин» выделил на строительство 70 тысяч рублей, заказал придворному архитектору план и фасад и отправил в Москву для ведения строительных работ надворного советника Воропаева.

Заслуживало ли доверия «Сказание»? Во всяком случае, в ряде утверждений его легко было проверить. Палаты Бестужева-Рюмина в климентовском приходе действительно существовали — о них говорили совершавшиеся прихожанами акты купли-продажи «в смежестве». Управляющий И.Д. Монастырев упоминается в бестужевском архивном фонде. Священником, многие десятилетия состоявшим в приходе, был скорее всего Семен Васильев, хлопотавший о починке церквей и в 1720-х, и в 1740-х гг.

Правда, находился А.П. Бестужев-Рюмин не в Петербурге, а за рубежом. С 1720 г. он состоял русским резидентом в Дании, с 1731 г. в Гамбурге, с 1734 г. снова в Копенгагене, а до 1740 г. посланником при нижнесаксонском дворе. Приезды его в Россию были нечастыми и ограничивались обычно одним Петербургом. Но зато редкой портретной чертой было увлечение вельможи химией.

Где бы ни приходилось находиться Бестужеву-Рюмину, он всюду оборудовал превосходную химическую лабораторию и набирал необходимых для работы в ней помощников из числа профессиональных химиков-фармацевтов. Опыты в бестужевской лаборатории велись постоянно и с его непосредственным участием. Дипломата занимало искусство врачевания и составления новых лекарственных препаратов.

Успех Бестужева-Рюмина — многие ли химики могут похвастать созданием лекарства, продержавшегося в обиходе медицины без малого двести лет! — остался в истории лекарствоведения. Знаменитые Бестужевские капли, иначе спирто-эфирный раствор полуторахлористого железа, считавшиеся незаменимым средством для восстановления нервной системы!

В жизненных перипетиях дипломата занятия химией имели свои полосы удач и неудач. В одну из последних сотрудник Бестужева-Рюмина химик Лемоке решил обогатиться за счет изобретенных при его участии, как их тогда называли, «капель жизни». Рецепт был продан французскому фармацевту Ламотту, который не замедлил пустить их в ход под своим именем.

Лекарство творило чудеса. Имя Ламотта приобрело европейскую известность. И понадобилось личное вмешательство Екатерины II, чтобы положить конец незаслуженной славе. В начале 1770-х гг. в «Санкт-Петербургских ведомостях» появился специальный царский указ, утверждавший приоритет

Бестужева. Все это произошло после смерти дипломата и стало своеобразным памятником его научной деятельности. Современники утверждали, что Екатерине довелось испытать на себе живительное действие лекарства, и из-за одного этого она испытывала к изобретателю чувство живейшей признательности.

Тем самым приведенные в первой части «Сказания» факты находили подтверждение. Автор был хорошо знаком с людьми, обстоятельствами дела и не использовал никаких слухов. Тем более интересным представлялось описание им собственно строительства.

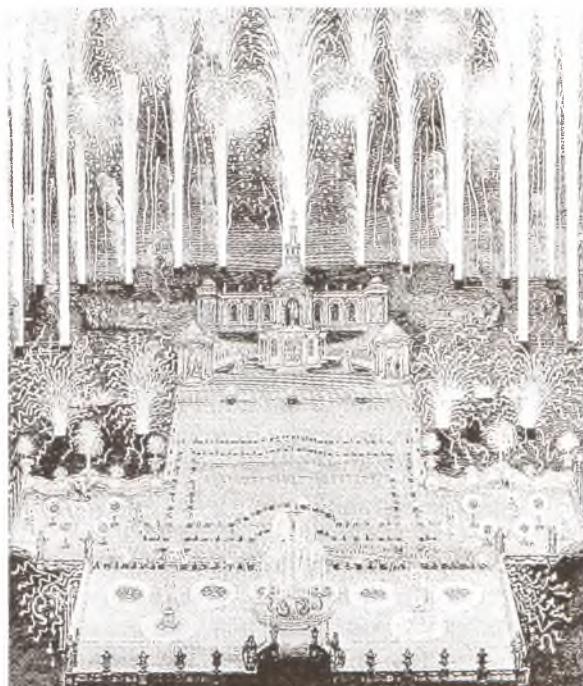
Приехавший в Москву Воропаев начал со спешной разборки Знаменской церкви — места для строительства на «монастыре» и без того было слишком мало. Его усердие увенчалось успехом: уже летом 1742 г. стало возможным приступить к строительным работам. Нетрудно догадаться, что важно было приурочить закладку новой Климентовской церкви к коронационным торжествам. Но скорое начало не означало столь же деятельного продолжения. По словам автора «Сказания», несмотря на вполне достаточные средства и постоянное присутствие надворного советника, строительство непонятным образом затянулось на десять с лишним лет. После торжественной закладки церкви Климента, на которой священнодействовал один из наиболее влиятельных членов Синода, одинаково любимый Анной Иоанновной и Елизаветой Петровной епископ Вологодский и архиепископ Новгородский Амвросий Юшкевич, дипломат заметно охладел к своему детищу. Деньги на него стал отпускать неохотно и нерегулярно. Обычная прижимистость Бестужева-Рюмина, на которую только между строк решался намекнуть автор, давала о себе знать все сильнее. Тем не менее в 1754 г. здание вчерне удалось закончить — имелись в виду основная коробка церкви и ее внешние фасады.

Храм стоял, но нуждался в дорогостоящей внутренней отделке, без которой не мог быть освящен. Все обращенные к Бестужеву-Рюмину просьбы прихожан оставались без ответа. Приход по-прежнему пользовался теперь уже очень сильно обветшавшей Климентовской церковкой, ютившейся у основания вновь возведенного красавца храма, к тому же окруженного крестами и памятниками древнего погоста. Так обстояло дело в 1754 г., когда автор писал свое «Сказание».

Дальнейшую историю позволяют восстановить документы. Денег в приходе удалось с трудом набрать на то, чтобы заменить ветхую, считавшуюся кладбищенской церковь теплой трапезной, пристроенной к незавершенному Клименту. Отсюда появившийся в справочниках год строительства трапезной — 1756-й, подтверждаемый сохранившимися в Московской духовной консистории материалами.

Кстати, — и это очень существенная подробность — среди прихожан в это время числится тот самый Козьма Матвеевич Матвеев, которому большинство справочников приписывает строительство всей Климентовской церкви. Его участие во взносах на трапезную было столь незначительным, что церковный староста не счел возможным выделить Матвеева среди других прихожан. К тому же Козьма Матвеевич одним из последних по времени внес свою лепту. Откуда же, в таком случае,

Фейерверк в Москве
в 1744 г.

у него два года спустя взялись средства на сооружение огромного храма?

Но здесь возникал и еще один существенный вопрос. Благословенная грамота на строительство трапезной существовала, почему же в архиве не было аналогичного документа, разрешавшего возведение церкви, — ни в том году, о котором говорило «Сказание», ни в те годы, которые приводили справочники и курсы истории русской архитектуры? Значило ли это, что могла существовать еще какая-то, пока не выясненная, дата его основания? Как ни удивительно, но как раз отсутствие храмовданной грамоты служило косвенным доказательством правоты «Сказания». Именно в это недолгое время 1742 — марта 1743 гг. происходило переустройство церковной администрации, и Бестужев-Рюмин, имея в виду его высокое положение при дворе, мог получить простое разрешение Московского Синодального правления канцелярии, тем более что речь шла об увековечении дня восшествия на престол новой императрицы.

Климент счастливо избежал самых страшных пожаров Москвы в XVII в. — не потому ли в новом храме появился редкий для московских храмов придел Неопалимой Купины, предохраняющей, по народному поверью, от огненной напасти? И снова пожары 1748 и 1752 гг. не нанесли строившейся церкви никакого урона. Климент разделил общую судьбу московских церквей только в 1812 г., когда сгорели и все приходские дворы, и внутренность церкви, ее завершенное или не вполне завершенное — относительно замысла зодчего — убранство. Потери были так велики, что после ухода наполеоновской армии не оказалось возможным освятить ни одного придела — ни в холодном храме, ни в теплой трапезной. Средств у прихожан снова не было. Досконально проверив действительное их материальное положение, Московское епархиальное управление включило Климента в число 14 церквей, которые получили единовремен-

ное денежное вспомоществование. Откликнулись на его беду и дворяне Костромы, добавившие от себя значительную сумму. В результате в мае 1813 г. удалось освятить наиболее чтимый Климентовский придел. С остальными дело затянулось, средства продолжали собираться по крохам. Предполагаемый строитель храма или, по крайней мере, его наследники почему-то участия в ремонтных работах не приняли.

В момент первоначального строительства К.М. Матвеев располагал единственным в Москве собственным домом «на монастыре» Климентовской церкви. В Замоскворечье два дома числились и за его женой Анисьей Григорьевной, однако по своим размерам все три владения никак не свидетельствовали о высокой состоятельности семьи. К началу 1820-х гг. ни Матвеева, ни его жены среди московских домовладельцев уже не числилось. Исчезла их фамилия и из исповедных книг климентовского прихода — основной формы регистрации москвичей. Сын Матвеевых, чиновник 8-го класса в Воспитательном доме, за восстановление утраченного жилья братья, по-видимому, не стал, удовлетворившись казенной квартирой, которую предоставляла ему служба.

Между тем имя К.М. Матвеева появляется там, где его меньше всего можно было ожидать, — в архиве Бестужева-Рюмина. Прихожанин Климентовской церкви не занимает сколько-нибудь значительного положения в ведомстве великого канцлера, но выполняет какие-то неизвестные личные его поручения. В 1741 г. он, по-видимому, становится посредником между Бестужевым-Рюминым и правительницей принцессой Мекленбургской Анной Леопольдовной. Без посредников будущий канцлер в это время не мог обойтись. Формально над ним довлеет суровый приговор, из ссылки в Петербург он привезен тайно, но правительница испытывает все большую нужду в услугах опытного царедворца. К.М. Матвеев пользуется в этой ситуации почти неограниченным доверием проникать во дворец, передавать важные бумаги. По-видимому, и в отношении окончания строительства Климентовской церкви на долю Матвеева выпала именно роль посредника, потому что Бестужев-Рюмин снова находился в «жесточкой ссылке» и сам заниматься московским строительством не имел права.

В последние годы правления Елизаветы Петровны он завязывает отношения с ненавидимой ею невесткой — будущей Екатериной II. Приняв один из болезненных припадков императрицы за смертельный, канцлер предпринимает несколько опрометчивых шагов, чтобы обеспечить престол великой княгине. Его действия становятся известными выздоровевшей Елизавете Петровне, и Бестужев-Рюмин в который раз в своей жизни приговаривается к смертной казни, милостиво заменяемой пожизненной ссылкой с лишением всех чинов, знаков отличия, поместий и дворянства. Местом его ссылки на этот раз оказывается сельцо Горетово вблизи Можайска. Возобновленные работы по строительству Климентовской церкви должны были напомнить императрице о былой верности разжалованного царедворца.

Но довести строительство до конца и на этот раз не удалось. С вступлением на престол Екатерины II Бестужев-Рюмин восстанавливается во всех правах, возвращается ко двору, зани-

мает, хотя бы формально, место доверенного советника императрицы. В этих условиях излишние заботы о памятнике ее предшественнице были и не нужны, и опасны. Былой канцлер снова начинает тянуть с оплатой работ, а затем, по-видимому, и вовсе отказывается от их продолжения. Отсюда возникает характерное для Климента несоответствие между тщательно и изысканно оформленными фасадами и предельно скупой, грубоватой отделкой интерьеров, скупой маловыразительной лепниной в них. Замысел архитектора? Но для ответа на этот вопрос надо было бы наконец со всей определенностью назвать имя зодчего.

Путаясь в датах строительства церкви, трапезной, колокольни, справочники приводят несколько возможных вариантов, причем, не подтвержденных никакими документами. Здесь и глава московской архитектурной школы Д.В. Ухтомский, и наблюдавший за всеми московскими и подмосковными дворцовыми постройками А.И. Евлашев, и даже В.В. Растрелли, которого некоторые исследователи готовы заменить одним из учеников модного мастера. Между тем «Сказание» обращается к понятию «придворного архитектора», иначе говоря, строителя, достаточно известного при дворе, если и не состоявшего непосредственно в штате, — выполнявшего соответствующие заказы. И если так расчетливо выбирал будущий канцлер факт строительства соименной знаменательному для императрицы дню церкви, то скорее всего должен был примениться к вкусам Елизаветы Петровны и при выборе зодчего.

В роли цесаревны Елизавета Петровна не располагала ни средствами, ни возможностями для строительства. Необходимые поделки, в частности, в Александровой слободе, где у нее был дом, выполняли Иван Бланк, поплатившийся за это ссылкой в Сибирь, и Петр Трезин, родственник первого архитектора Петербурга, строителя многих петербургских зданий и Петропавловской крепости Доменико Трезини, к тому же, согласно легенде, крестник Петра I.

В первых же указах Елизаветы Петровны фигурируют две одинаково занимавших ее постройки: собор и театр. Собор должен был воплотить благодарность дочери Петра гвардейскому полку, который первым после переворота принес ей присягу на верность! В петербургских слободах Преображенского полка должен быть построен соименный полку храм Преображения с приделом в честь Климента, папы Римского, на день памяти которого пришлось «счастливое восшествие на отеческий престол». Театр — это подарок Москве, в преданности которой Елизавета Петровна не испытывает полной уверенности. В отношении собора она склоняется к кандидатуре любимого Петром Михайлы Земцова, но до окончательного решения хочет провести род конкурса.

Никита Трубецкой пишет 7 сентября 1742 г. подполковнику Преображенского полка графу Салтыкову (полковником числилась сама императрица): «По высочайшему ее императорского величества указу имянному повелено в Санкт-Петербурге в новопостроенных лейб-гвардии Преображенского полку солдатских слободах, где была гренадерской роты съезжая, построить церковь каменную во имя Преображения Господня, по обеим сторонам с приделами, из которых один во имя чудотворца

Сергия, а другой Климента папы Римского и Петра Александрийского... А строению той церкви рисунок... рассматриван и сочинен разными манирами от состоящих сдесь в Петербурге разных архитекторов. Планы и фасады, из которых сочиненные архитектором Земцовым ее императорское величество все-милостивейше апробовать, и по оному оную церковь с приделами строить указать соизволила».

Новый собор должен был стать семейной святыней возвращенного к власти «гнезда Петрова», поэтому такое значение придает Елизавета каждому из многочисленных проектируемых в нем алтарей. Но самое показательное – все они были предусмотрены и в московском Клименте Бестужева-Рюмина. Отныне официальное название храма по главному алтарю – церковь Преображения, «паки рекомая Климентовская». Именно так она и названа автором «Сказания». Более того. Елизавета оговаривает список всех основных икон, и почти весь этот связанный с ее семейством Пантеон будет повторен в бестужевском Клименте. За одним серьезным исключением – опытный царедворец не найдет нужным ввести в московский храм памяти о наследниках престола. Общность многих особенностей Преображенского полкового собора и Климентовской церкви говорила сама за себя и случайной быть не могла.

Утвердив рисунок Земцова, Елизавета вместе с тем привлекает к будущему строительству и Петра Трезина. Он словно готовится к тому, чтобы заменить старшего мастера, и подобная необходимость вскоре наступает. Хлопоты по коронационным торжествам свели и без того перегруженного работой архитектора в могилу. Земцов умер осенью 1743 г. 10 декабря Елизавета Петровна устным приказом назначила руководителем строительства Преображенского собора П. Трезина.

Петру Трезину предстояло не только продолжить работы по проектам Земцова. Заложённых фундаментов и общего плана в основном изменить было нельзя. Но закладка состоялась всего лишь летом 1743 г., и строительство еще по-настоящему не успело развернуться. К тому же Петр Трезин достаточно независим в своих архитектурных решениях. Путем бесконечных поправок, дополнений, уточнений проекта он утверждает собственное решение, тем более что его предложения вполне отвечают вкусам Елизаветы Петровны. Исчезает Земцов, появляется Петр Трезин – метаморфоза, одобренная, а в чем-то и подсказанная императрицей. Преображенский собор – единственная стройка, за которой императрица следит с начала до конца, о ходе же работ ей постоянно докладывает наследник престола, будущий Петр III.

И Елизавета Петровна не ограничивается первым заказом. Вслед за полковым собором она передает в руки Петра Трезина строительство Аничкова дворца, присоединяет к нему Гошпитальную церковь между корпусами Морской и Сухопутной гошпитали. Благоволение императрицы, казалось, открывает перед зодчим широкую дорогу в архитектуре.

Биография архитектора – о ней известно и не слишком много, и не очень точно. По всей вероятности, уроженец Петербурга. По-видимому, сын или во всяком случае близкий родственник первого архитектора новой столицы – в документах Петр Трезин не заявляет своего родства. Он завершает образо-

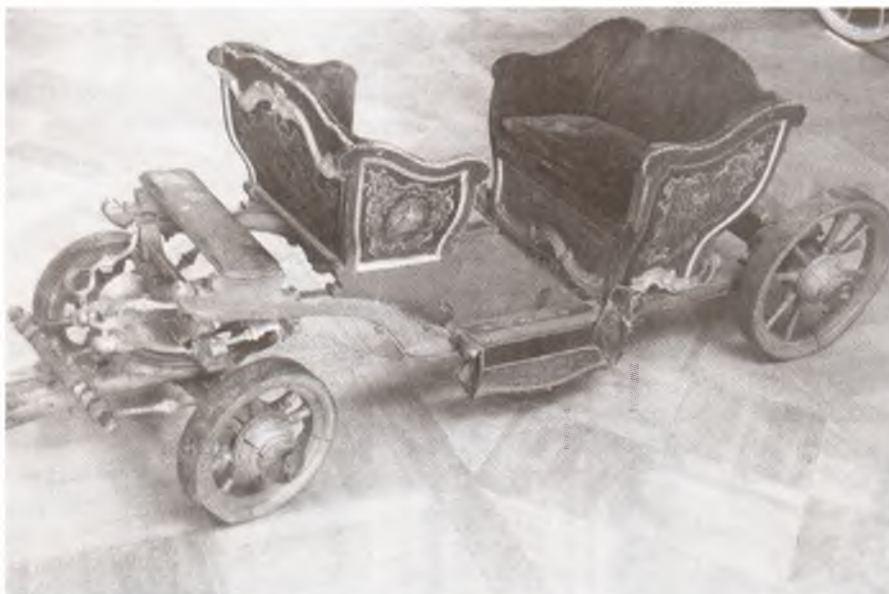

вание за границей и возвращается в Россию, но только после смерти Петра. Между тем именно в это время сокращается строительство, исчезает былая увлеченность им. Высокий чин родоначальника этой семьи русских зодчих — полковника Доменико Трезини — наследует не Петр, но муж его сестры Джузеппе, в русской транскрипции — Осип Иванович Трезин. Петру приходится ограничиваться строительством по Таможенному и Конюшенному ведомствам, от которого остались следы только в чертежах, и поделками для цесаревны Елизаветы. Что же касается легенды о том, что он был крестником Петра I, то именно этим обстоятельством объясняла Елизавета Петровна свое обращение к архитектору. На практике же с Петром Трезиним связано распространение в русской архитектуре стиля рококо.

Рококо — стиль, порожденный французским искусством времен Людовика XV, — приходит на русскую почву с опозданием. Новая, светская архитектура, сменившая творения древнерусских зодчих, придерживалась проголландской ориентации. Условия Голландии особенно напоминали Петербург, на котором было сосредоточено внимание реформаторов, а расчетливая простота голландских построек как нельзя более отвечала стремлениям Петра. Ничего лишнего ни в смысле расходов, ни в смысле мастерства. Подобно Растрелли, Петр Трезин среди тех, кто начинает отходить от суховатой рациональности начала века. Под влиянием рококо еще недавно такие грузные и строгие стены первых петербургских построек прорастают

Красные ворота.
Раскрашенная
литография Ж. Арну
с оригинала Вивьена.
1850-е годы

Карета. XVIII век

хитросплетением лепной листвы и цветов. Увеличиваются, будто раскрываются навстречу свету, окна. Их сложный абрис повторяется в бесчисленных зеркалах, щедро покрывающих стены помещений. Колонны сменяются полуколоннами, пилястрами, создавая причудливую игру света и тени, в которой словно растворяется стена. Как фантастические беседки смотрятся внутренние помещения, где зеркало легче принять за окно, а окно за живописное панно, — все в одинаково замысловатом обрамлении лепнины и резьбы. Неустойчивый призрачный мир готовых каждое мгновение смениться зрительных впечатлений — он как настроения человека, к которым так внимательно искусство рококо.

Петр Трезин немного иной. Он как бы серьезней, вдумчивей. Он полон впечатлений от рождающегося Петербурга, но и от архитектуры старой Руси. Конюшенное и Таможенное ведомства, оперный театр в Аничковом дворце, многие церкви — постройки Трезина сохраняют материальность, их декор более сдержан. Вместе с тем зодчий ищет, как совместить привычные формы с новым ощущением архитектуры. Именно он предложит ввести в рокайльных церквях-дворцах характерное московское пятиглавие — пять куполов, и его примеру последуют другие зодчие. Это как бы переход рококо на русскую почву со всеми ее особенностями и традициями. И если придирчиво сопоставить проекты архитектора с Климентовской церковью, рука одного автора становится очевидной. Тот же вывод подсказывают и документы: проект памятной московской церкви был заказан А.П. Бестужевым-Рюминым Петру Трезину.

Но интерес Елизаветы к Петру Трезину оказывается очень недолгим. Ее увлекает дарование В.В. Растрелли, которому императрица препоручает даже внутреннюю отделку Преображенского собора. Первый раз возникающий конфликт со всей остротой дает о себе знать в вопросе о соборном иконостасе. Сдержанный по форме трезинский проект отвергается. Многие современники не могли с этим согласиться: «А что ж в письме

пишете, что фасад, учиненный Трезиным и присланный в письме Вилима Вилимовича Фермера, гораздо лучше подписанного Растреллилею и образов более, однако оный тогда как ко апробации был подан, отрешен, а опробован подписанный Растреллилею...»

Создание иконостаса вообще было связано с большими трудностями. Необходимым числом умелых резчиков Петербург не располагал. Первоначально даже делалась попытка привлечь к работам обладающих соответствующими навыками солдат. Но в сентябре 1749 г. на происходивших в Москве торгах заказ на иконостас по рисунку Растрелли получили столяры Кобылинские за сумму в 2800 рублей. Смотрителем над ними был назначен А.И. Евлашев. К 1754 г. все работы в Преображенском солдатском соборе были закончены. В первых числах августа состоялось освящение храма в присутствии самой Елизаветы Петровны.

Но ведь именно к 1754 г. относит окончание московского Климента и автор «Сказания» — с той только существенной разницей, что работы по внутреннему убранству были заказчиком приостановлены. Вполне возможно, что постигшая П. Трезина неудача побудила Бестужева-Рюмина воздержаться от ставших излишними трат. Так или иначе, одновременно задуманные соборы одновременно подошли к своему завершению.

Существовало и еще одно обстоятельство, почему П. Трезин не мог уже вмешаться в судьбу своих проектов: несколькими годами раньше ему пришлось оставить Россию. Вслед за собором у него было отобрано строительство Аничкова дворца, также перепорученное В.В. Растрелли. Новых заказов не было. Последняя отчаянная попытка архитектора — отъезд под видом командировки в Италию. Под влиянием И.И. Шувалова Елизавета Петровна склонялась к восстановлению петровского института государственных пенсионеров. П. Трезин должен был выяснить за рубежом условия работы, но вместо этого он присылает руководству Канцелярии от строений ультиматум-условия, на которых может согласиться продолжать строить в России. Именно строить — то, в чем ему отказывает двор. Ультиматум проходит незамеченным. П. Трезин остается в Италии. Дата его смерти и обстоятельства последних лет жизни неизвестны.

Даже все ученики П. Трезина переводятся в помощники к Растрелли и теряют связь со своим настоящим учителем. Среди них и ставший строителем Ораниенбаума П.Ю. Патон, и родоначальник известной семьи крепостных художников Федор Леонтьевич Аргунов.

Время, казалось, стерло с одинаковым равнодушием и имя архитектора, и имя строителя. И только Климентовская церковь сохранила непреходящую память нашего искусства о своем создателе, а рядом с ним невольно и о том, в чью человеческую судьбу этот памятник был вплетен: Петр Трезин — великий канцлер Алексей Петрович Бестужев-Рюмин.

ПУТЕШЕСТВИЕ В ЛЕГЕНДУ

Здравствуй, здравствуй, граф Суворов,
Что ты правдою живешь.

Солдатская песня

«Здесь жил Суворов» — без дат и пояснений. Просто когда-то жил. Иных памятных знаков полководца, кроме перекрытой дождями, посеребрившей мраморной доски на доме у Никитских ворот, в Москве нет — памятник у театра Советской Армии появился слишком недавно. А ведь Москва — годы и годы жизни Суворова, рождение, детство, юность, недолгое семейное счастье и мысль о погребении. Полководец хотел быть похороненным в Москве, кто знает, не у тех же ли Никитских ворот, около прошедшей через весь его век церквушки Федора Студита с крошечными куполками над вросшим в землю беленым кубом.

С домом Суворов расстается незадолго до смерти — отдаст в пользование «Варюте», незадачливой своей жене, с которой давно жил в разводе. Видеть не хотел, добром вспоминать не мог, а об удобствах заботился, денег для нее тоже не жалел. «Варюта» каялась в былом легкомыслии, мечтала о возвращении к мужу и знала: все усилия бесполезны. Только и оставалось жить для единственного сына — к дочери, «Суворочке», путь ей был закрыт. Отец решил — пусть вырастет на чужих руках, у начальницы Смольного института, лишь бы не у матери. С сыном долго колебался, пока признал родным, хотя и оставил у «Варюты». Теперь Аркадий Александрович мог располагаться в отцовском доме. Тем более, что ему предстояла скорая женитьба.

Но все равно суворовским гнездом дом не стал. «Варюта» всего на пять лет пережила сурового мужа. Красавец, богатырь, любимец солдат Аркадий Александрович погиб в 1811 г. при переправе через Рымник — реку, давшую вторую фамилию Суворову. Он утонул, спасая своего не умеющего плавать кучера. Молодая вдова заторопилась снова замуж. Заниматься восстановлением сгоревшего в пожар 1812 г. дома оказалось некому. Он переходит в чужие руки, начинает менять хозяев.

Николай Яковлевич Свербеев, отец известного литератора и хозяина еще более известного литературного салона, не успевший заняться ремонтом суворовской усадьбы; он умер сразу после ее приобретения, в 1814 г. Дом будет отстроен неким коллежским асессором Николаем Михайловичем Юрьевым. Небогатая и незнатная, эта старая московская дворянская семья имела едва ли не единственным предметом гордости связь с Суворовым.

В 1824 г. умершего Н.М. Юрьева сменяет ненадолго крупный помещик, чиновник времен Александра I, действительный статский советник С.Н. Озеров, за ним две одинаково любопытные фигуры — Вейер и Шеншинг.

Н.А. Вейер — одна из горьких страниц пушкинской жизни, ростовщик, у которого Нащокин одалживает деньги для поэта до его свадьбы и у которого Пушкин закладывал бриллианты жены после свадьбы. Расчеты были сложными и долгими. Ни уступчивостью, ни доброжелательностью Никита Вейер не отличался, хотя совсем посторонним человеком Пушкин для него не был.

Уроженец Москвы и московский купец, он в силу французского своего происхождения сумел получить должность вице-

консула Франции, а благодаря женитьбе на А.И. Евреиновой войти в дворянские круги старой столицы. Через родного племянника А.М. Вейер-Евреиновой, В.П. Зубкова, поэт мог с ним иметь прямую связь. К тому же именно в квартире В.П. Зубкова, через улицу от суворовского дома, — есть и такая легенда — молодые Пушкины проводят после венчания в соседней церкви Большого Вознесения свою первую брачную ночь.

Семья баронов Шеппингов приобретает суворовскую усадьбу сразу после встреч Вейера с Пушкиным, они числятся совладельцами в 1833 г., и они тоже связаны с поэтом. Оттон Дмитриевич Шеппинг, участник войны 1812 г., полковник кавалергардов, хоть и не пользовался симпатиями поэта, увековечен в пушкинских посланиях А.М. Горчакову «Питомец мод, большого света друг» и П.Я. Чаадаеву «В стране, где я забыл тревоги прежних лет». В доме у Никитских ворот начинает свою научную деятельность сын Шеппинга Дмитрий, знаток славянской мифологии и этнографии, автор работ, послуживших переходом от старой этнографической школы к Афанасьеву и Буслаеву. Здесь написаны им «Мифы славянского язычества», «Русская народность в ее поверьях, обрядах и сказках», «О древних навязях и влиянии их на язык, жизнь и отвлеченные понятия человека».

Дальше усадьба окончательно переходит в купеческие руки. Здесь и потомственный почетный гражданин некий Н.И. Баранов, владевший домом в 1850–1870-х гг., и носивший такое же звание М.И. Сабашников с сыновьями, и, наконец, с февраля 1892 г. московская первой гильдии купчиха Надежда Кунина.

Двумя годами раньше овдовевшая супруга престарелого миллионщика, она быстро выйдет замуж за другого купца — торговца писчебумажными товарами — и теперь уже станет торжественно именоваться «женой шведского подданного» К.И. Гагмана. У Карла Гагмана свои амбиции. Он и член Мужского благотворительного тюремного комитета, и помощник Московского отделения Российского Военно-исторического общества, которое на его средства и на его доме установит в 1913 г. мемориальную доску «Здесь жил Суворов».

* * *

Талант, из толпы выхваченный, преимуществует перед многими другими. Он всем обязан не случаю, не старшинству, не породе, но самому себе.

А.В. Суворов

За стеклянным брусом троллейбусной остановки серое полотнище травы. Жидкие пучки чуть золотящейся сурепки. Седые былки полыни. Бурые головки припавшей к пыли кашки. Как на пригородной дороге, когда поле начало уступать улице, первым палисадникам, домам, но еще не уступило. Мастерство садовников — оно по другую сторону Большой Никитской. В бархатном разливе старательно подстриженной травы строго прорисованными островками кустятся гортензии, клонятся на ветру растрепавшиеся свечи берез, сыплют иголки

Патриарх Филарет.
Рисунок XIX в.

составленные в ровный кружок елки – торжественное вступление к грузному кубу Большого Вознесения. Да и как иначе! Венчание Пушкина, отпевание Ермоловой – разве такие события не дают права на исключительность, не говоря об архитектурных удачах.

Правда, менялись и продолжают меняться имена предполагаемых зодчих. Первоначального Матвея Казакова сменил Александр Григорьев, Григорьева – Шестаков. Историки все еще колеблются: кто-то строил по чьему-то проекту или наоборот – заменил принятый проект собственным.

Правда, давно стало известно, что закончено Большое Вознесение десятью годами позже пушкинской свадьбы, и, значит, поэт венчался либо в недостроенном приделе, либо в той старой церковке XVII в., которая подарила нынешнему храму свое имя и была разобрана за ветхостью. Кто найдет в себе мужество опровергнуть легенды, да и так ли это легко? «Хочется, чтобы было!» – что противопоставить желанию народной памяти?

На Федора Студита никто не обращает внимания. Зная округу Никитских ворот, толком не помнит. И уж тем более не скажет, что бывал здесь Суворов каждый день своей московской жизни, стоял у родительских могил, у алтаря. Да и где оно, то место, которое занимала исчезнувшая могильная плита Авдотьи Суворовой? Все здесь сравнительно молодо и все полно вековых преданий XVII в. Одна из самых важных московских дорог – от Кремля на Запад, к Волоку Ламскому. И у городских ворот часовня в честь особо почитаемой иконы Федоровской Божьей матери. Часовня со временем превратится в церковь, скромная ограда в женский монастырь. В 1626 г. у его ворот новоизбранный монарх Михаил Романов встречает своего воз-

вращавшегося из плена отца Федора, в монашестве Филарета. Мирской свободой Федор Романов поплатился за неумное, страстное стремление к власти, к престолу.

Избрание сына было победой сторонников отца, но теперь Федор-Филарет мог рассчитывать только на патриарший сан — высшую ступень церковной власти — предоставленный ему Самозванцем. Сын меньше всего повинен в этом, при всем желании ничего не может изменить, разве что безропотно ставить повсюду титул «великие государи Михаил и Филарет». Все равно Филарет продолжает переживать свой личный проигрыш, свою одинокую обиду. Потому и домовым патриаршим монастырем изберет не какую-нибудь из богатейших кремлевских или московских обителей, но первый и самый скромный на пути в столицу монастырек — Федоровский, превращенный из женского в мужской. Сюда будет часто приезжать, здесь станет проводить многие дела, при своем монастыре откроет первую в городе бесплатную больницу, которая принесет с собой новое название — Федоровский больничный монастырь.

Петр I всегда был далек от благоговения перед традициями. Заветы предков? Только не в отношении монастырей! Никаких денег, никаких трат. Раз Федоровский монастырь обветшал и требовал большого ремонта, его лучше вообще закрыть. В 1709 г. монахи переведены в соседний монастырь, церковь назначена приходской. Теперь заботиться о ее состоянии следует прихожанам, если церковный причт сумеет найти подход к их небогатым кошелькам. Никаких особых святынь здесь нет, притока богомольцев тоже. Разве что тянет многих бывшее монастырское кладбище, поколениями складывавшиеся родовые погребения, как у той же суворовской семьи.

Историк Москвы И.М. Снегирев запишет в дневнике 3 июля 1864 г., что говорил с настоятелем церкви Федора Студита отцом Преображенским и присоветовал ему поновить обветшалые надгробия родителей Суворова — и матери, и отца. Из многочисленных потомков полководца никто заботиться о них не пожелал. И еще. Восьмидесятилетний священник Нечаев в начале 1860-х гг. рассказывал, что был очевидцем, как в каждый свой приезд в Москву Суворов служил панихиду на родительских гробах. Денег на это не жалел и сам непременно пел на клиросе. Трогательно. Убедительно. Но как быть с подмосковным Рождествено, или Рождествено-Суворово, как его стали называть?

Поехать в Рождествено можно: сорок с небольшим километров от Москвы — не расстояние. Но от бывлой усадьбы не осталось почти ничего. Сгорел в 1812 г. перестроенный А.В. Суворовым большой барский дом. Исчезли службы. Поредел растворившийся в перелеске парк. Только по-прежнему стоит затейливая кирпичная церковь XVII в., стоит около ее южной стены и грузный каменный саркофаг, воздвигнутый сыном в память отца, — могила В.И. Суворова находилась, как считается, в церковном подземелье. Считается, потому что документальных доказательств нет, а косвенные дают слишком богатую пищу для сомнений.

Рождествено — не родовое поместье. Суворов-старший приобрел его уже вдовцом, расставшись с начавшими самостоятель-

ную жизнь детьми. Ни семейных традиций, ни преданий, ни особых чувств оно не вызывало. Суворов-сын наследовал просто земельную собственность, о которой заботился, где время от времени бывал, — полководец всю жизнь оставался рачительным и умелым хозяином. У Федора Студита он служит панихиды, в Рождествено ни о чем подобном не помнил никто, хотя предания о многих суворовских привычках, обиходе, даже отдельных выражениях и словечках хранились почти до наших дней.

Но и этого мало. Что могло побудить полководца разделять могилы родителей? Ведь Рождествено местом своего постоянного пребывания он не выбирал. Получалось, что считал своим долгом постоянно посещать давно умершую мать и отказывал в тех же знаках сыновнего внимания только что скончавшемуся отцу. К тому же с Никитскими воротами Суворов связан самым своим рождением. Так, во всяком случае, согласно утверждают все биографы полководца.

Родился на Большой Никитской — по утверждению большинства путеводителей и справочников. Положим. Но где? Дом с памятной доской вошел в жизнь полководца слишком поздно. Отец обзавелся им в 1766 г., решив уйти со службы. Сын унаследовал благоприобретенную городскую усадьбу девятью годами позже. Солдатская жизнь, бесконечные кампании — жить в городе толком не удавалось. Но других адресов никто из биографов не приводил. Так что же — очередная легенда или очередная загадка? Ни тем, ни другим Суворов никогда не был обделен.

И все-таки скорее всего не легенда. Потому что в первой половине 1720-х гг. некий подполковник Суворов Василий Иванович продал наследственный двор как раз у Никитских ворот. Год продажи на несколько лет опережал рождение полководца. Кем приходился ему упоминаемый в запродажной подполковник? Отцом? Имя и отчество действительно совпадали с отцовскими, но В.И. Суворов-отец не имел в то время такого высокого воинского звания. Документы утверждали, что в 1725 г. он был выпущен в Преображенский полк бомбардир-сержантом и дальше продвигался по служебной лестнице достаточно медленно: чин подпоручика он получит всего лишь в 1730 г. Значит, при всех обстоятельствах это не был отец полководца. Родственник? Только ответ на естественно возникающий вопрос совсем не прост. Наша историческая литература не богата родословными справочниками. Касаются подобные справочники достаточно узкого круга дворянских семей, выбор которых целиком зависел от желания и возможностей составителя. Ни полнотой, ни точностью они не отличались. Поколениям же Суворовых — предков полководца и в них места не нашлось.

Биографы полководца достаточно обстоятельно повествуют об отце и деде Александра Васильевича. Сын Суворова в своей автобиографии 1766 г. ограничивается упоминанием некоего Сувора, выходца из Швеции, который в 1622 г. перешел на русскую службу и положил начало новой для русских земель фамилии — Суворовых. Оставалось попытаться соединить между собой ближайших и этого отдаленного предка полководца.

* * *

Молясь, остря, весь преданный причудам,
То ловкий шут, то демон, то герой,
Суворов был необъяснимым чудом.

Дж. Байрон. «Чайльд Гарольд»

Пояснение Суворова напоминало когда-то бывший в ходу рассказ о приходе на Русь первых легендарных князей, приглашенных править русскими землями: «Земля наша велика и обильна, но порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами». Даже имя предка перекликалось с теми давними именами Рюрика, Синеуса и Трувора. Слишком давними для конца первой четверти XVII в. Приходило ли в голову полководцу, что в этих временных пределах существовали достаточно верные способы установления истины?

Посольский приказ — начиная с 1613 г. его дела сохранялись в идеальном порядке. Каждый, кто хотел попытать счастья в Московском государстве, обращался сюда с челобитной и на границах русских ждал решения: нужен ли, подходит ли как специалист, внушают ли доверие представленные им рекомендации. Неспециалистов Посольский приказ не пропускал, к рекомендациям и дипломам относился очень придирчиво. Но уж если разрешение давалось, каждый шаг «нововыезжего» иностранца находил свое отражение в делопроизводстве. Ведь приходилось устраиваться на работу, заботиться о хозяйственных нуждах, жилье. И каждый раз требовалась новая челобитная с самым обстоятельным изложением обстоятельств приезда. По посольскому приказу проходили сотни имен, только никакого Суворова среди них не было.

Случайная оплошность дьяков? Затерянные или не попавшиеся на глаза документы? С подобной возможностью приходилось считаться. Но как быть, если согласно московской переписи 1638 г. — особенно подробной, поскольку ею устанавливались военные возможности столицы, — в Китай-городе, «на Ильинском кресце на Большой мостовой улице в подворье Калязина монастыря» живет стряпчий Антип Иванов сын Суворов, по прозвищу Водопол, а в Занеглименье, на Старом Ваганькове числятся дворы стрелецкого сотника Тараса Суворова и «Сытнова двора стряпчего Ондreja Суворова, у него стоит сытник Василий Обухов да челядник ево Степанко Иванов да дворник Нехорошко Иванов», которые «ружья у себя не сказали» — не имели. И могли такие дворы принадлежать только старым москвичам, а не «нововыезжему» человеку.

Историки не переставали удивляться, как быстро сумела разрастись семья шведского Суворова: в конце XVII столетия в Московском государстве насчитывалось девятнадцать Суворовых-помещиков. Удивлялись, но ни сомнений, ни возможных объяснений не высказывали. Странно, но чего не встретишь в истории! А между тем ту же фамилию, оказывается, можно найти и в самой первой переписи Москвы 1620 г., иначе говоря, до переезда на русские земли «честного мужа». Не переводится она в Москве вплоть до петровских времен. Здесь и стольник Естафей Иванович Суворов, владевший богатым двором в Кречетниковском переулке, и поселившийся у Боровицких ворот Кремля стряпчий Гаврила Андреев Суворов, и живший у реки

Пресни дворянин Яков Федорович Суворов, и многочисленные слобожане Красносельской, Сыромятнической, Конюшенной слобод. Дворы богатых Суворовых оценивались в сотни рублей, дворы слобожан — в несколько десятков.

Можно гадать, откуда появилась сама по себе фамилия — не от произвища ли «сувор» — нелюдим, брюзга или, наоборот, молчун, «сувориться» — сердиться, упрямитесь, «суворь» — крепкое место в дереве или суке, которое не берет топор. Во всех случаях прав блестящий офицер и дипломат екатерининских времен С. Р. Воронцов: «Имя Суворов доказывает, что он русский по происхождению, а не немец, не ливонец и не швед». Отмахивалась от «шведской версии» и Екатерина II, считавшая утверждения Суворова чистейшей фантазией. И, может быть, именно здесь стоило вспомнить суворовские слова, объяснившие все его необычное поведение и невероятные придумки: «Это моя манера. Слышал ли ты о славном комике Карлене? Он на парижском театре играл арлекина, как будто рожден арлекином, а в частной жизни был пресерьезный и строгих правил человек: ну, словом, Катон».

Современный первому из Романовых предок полководца, само собой разумеется, существовал. Другой вопрос — что он из себя представлял. Остается обратиться к обратному отсчету поколений.

* * *

Я по вотчинам ни рубля, ни козы, не токмо кобылы, не нажил... И лучше я останусь на моих простых, незнатных оброках.

Из письма А.В. Суворова. 1784

Александр Васильевич — Василий Иванович — Иван Григорьевич — Григорий... Находка недавних дней — Григорий Суворов, прадед полководца, состоял подьячим так называемого приказа Большого дворца. Немаловажная должность в бюрократическом раскладе Московского государства, до которой надо было дослужиться, отдав приказу многие годы жизни. Чтобы достичь ее в 1650-х гг., следовало начинать службу в тридцатых. Если иметь в виду легендарного предка, Григорий Суворов мог быть его сыном. Вот только как быть в таком случае с вероисповеданием? Выходец из шведских земель, естественно, принадлежал к западной церкви, но никаких намеков на крещение «в истинную веру» — православие в связи с подьячим приказа Большого дворца нет.

Вряд ли Григорий Суворов мог пожаловаться на материальные затруднения. Дочь свою, Наталью Григорьевну, выдал он замуж за Михайлу Архипова Самсонова, одного из тех уездных дворян, которые жилали при царском дворе временно, для несения военной службы, — «жильца». Сыну Ивану немного облегчил путь по крутой чиновничьей лестнице. То ли записал его Григорий в потешные, то ли нашел иной путь к юному Петру. Во всяком случае, по возвращении царя из первой заграничной поездки — Великого посольства 1696–1697 гг. — Иван Григорьевич уже выступает в должности генерального писаря потешных — Преображенского и Семеновского полков. Так на-

зывалась должность начальника генерального штаба будущей русской армии. «Изба генерального писаря» была настолько важным для русского государства учреждением, что память о ней сохранилась поныне в названии московской улицы — Суворовской, близ Преображенской площади, на землях бывлой слободы.

Суворов ничего не сказал о прадеде-подьячем — может, посчитал его дело недостойным воинских успехов внука? — ни словом не обмолвился и о генеральном писаре. Зато внимание биографов полководца сосредоточилось как раз на Иване Григорьевиче, но не в части его военной службы, а на последних годах жизни. Будто, наскучив мирскими тревоблениями, принял Иван Суворов на старости лет, подобно многим своим современникам, священнический сан и стал протоиереем Благовещенского собора московского Кремля. Будто, часто встречаясь с внуком, сумел привить ему религиозность, пристрастие к обрядам и обычаям. В какой только из суворовских биографий нет подобного утверждения!

Портрет человека можно восстановить по словам очевидцев — только так ли часто умеют сохранять современники беспристрастность! По письмам. Реже и труднее — по обстоятельствам работы, службы. Но есть еще один род источников, на первый взгляд никак не связанных с душевным обликом и характером человека, а между тем...

Всего несколько деловых бумаг. Нотариально заверенных. Юридически правомочных. Акты купли-продажи недвижимой собственности. Имена покупателя и продавца, описание имущества, цена: «1715 года июня 20 дня лейб-гвардии Преображенского и Семеновского полков генеральный писарь Иван Суворов продал двор села Покровского оброчному крестьянину Ивану Дорофееву сыну Маслову за Покровскими воротами Барашевской слободы на тяглой земле в приходе церкви Воскресения Христова», в «межах» с двором стольника Ивана Беклемишева, за сто рублей.

Был Иван Суворов человеком деятельным и оборотистым, любившим сложные финансовые операции. Где искать лучших доказательств, когда в тот же день он расстается и с другим своим двором — «на тяглой земле, за Сретенскими воротами, за Земляным городом, в приходе Святой Троицы, что в Троицкой», продает его за 49 рублей отставному солдату. Третьего декабря того же года генеральный писарь оформляет запродажную на третий двор, богатейший, в Копюшенной слободе, в Больших Лужниках, оцененный в целых триста рублей. А спустя день приобретает владение «на белой земле, за Москвою рекою, в Татарской улице, в приходе Никиты Христова Мученика» за 150 рублей, куда и перебирается со всей семьей.

Не смущался Иван Григорьевич давать деньги под заклад, научил тому же и жену. Берет она в июле 1716 г. в заклад двор за Таганскими воротами в Алексеевской слободе, а спустя два с половиной года, не получив выкупа и процентов от бывшего владельца, продает за 50 рублей. Какое еще нужно доказательство, что не было никакого кремлевского священника, — это, кстати, подтверждается и клировыми списками Благовещенского собора, — не было и ухода от мирской суеты.

Изразец с надписью.
XVII в.

Закладные Марфы Ивановны Суворовой позволяют установить, что умер Иван Григорьевич в начале 1716 г., до конца оставался на старой должности, занимался вполне светскими делами... и никак не мог встречаться с внуком, родившимся через пятнадцать лет после его смерти. Родством Суворов действительно любил считаться, но вся многолюдная его родня от мира не уходила, тем более не отгораживалась от петровских преобразований.

Старший сын Ивана Григорьевича – Терентий, тот, что жил за Москвой-рекой, в Кадашевской слободе, служил подьячим Оружейной канцелярии, ведавшей и снабжением армии, и строительством новой столицы на Неве. Другой сын – Иван и вовсе состоял «царского дома сослужителем», по выражению современных документов. Дворцовая служба не мешала ему успешно заниматься торговлей – имел он в Китай-городе, в Старом Суроожском ряду, несколько лавок, в приходе Никиты Мученика на Старой Басманной несколько дворов да жил в не уступавшем боярским дворе на Большой Сретенской улице. Этот сын Ивана Григорьевича имел землю у Никитских ворот, иначе говоря, приходился двоюродным дядей полководцу. Наконец третий сын – капитан-поручик Александр Иванович Суворов, женатый на графине Зотовой, внучке первого учителя Петра I, многолетнего князь-папы Всешутейшего и Всепьянейшего собора. Смолodu жил великий полководец у этого своего дяди на петербургской его квартире вместо полковых казарм, позже постоянно навещал овдовевшую тетку в ее доме на Мясницкой. И рассказывали об этих подробностях не современники или потомки – скупые деловые строки нотариальных бумаг: купчих, закладных, запродажных, завещаний. Они же позволяли определить и место родового суворовского гнезда.

* * *

Трудолюбивая душа должна
всегда заниматься своим ремеслом.

А.В. Суворов

Биографы красочно и многословно описывали придуманного деда и никогда не спорили об отце. Почвы для споров и сомнений здесь как будто не было: крестник, затем денщик Петра I, заграничный пенсионер, обучавшийся кораблестроительному делу и с поразительной легкостью овладевший несколькими языками, что по возвращении на родину позволило ему превосходно перевести классический труд французского инженера Вобана о строительстве крепостей. «Это был человек неподкупной честности, человек весьма образованный; он понимал или мог говорить на семи или восьми мертвых и живых языках. Я питала к нему огромное доверие и никогда не приносила его имя без особого уважения», — слова достаточно капризной и требовательной в отношении своего окружения Екатерины II лишний раз подтверждали общеизвестные факты. Факты? Впрочем, как всегда, в отношении предков полководца документальные свидетельства отсутствовали.

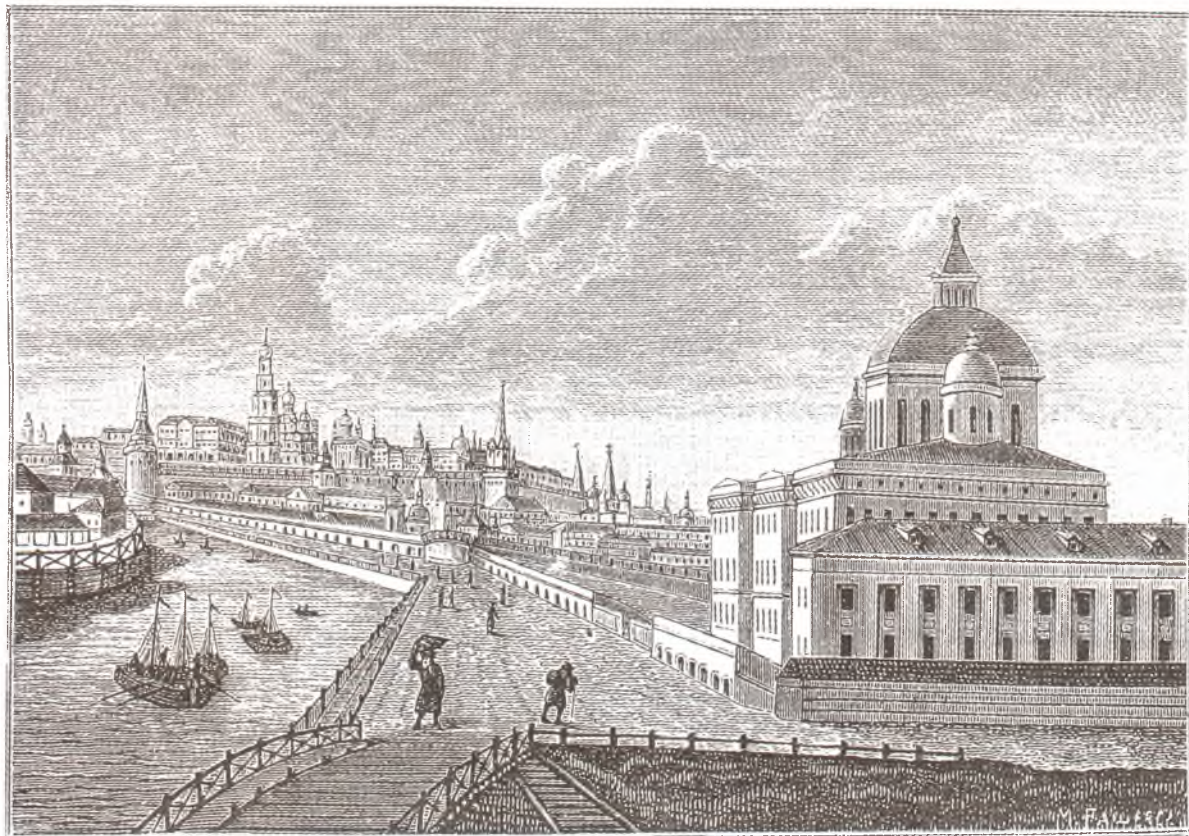
В материалах личной канцелярии — Кабинета Петра I, где хранились все сведения о заграничных пенсионерах, Василий Суворов в списках молодых специалистов не значился. Кораблестроительным делом он никогда не занимался. Сравнительно недавно было установлено имя действительного переводчика Вобана — Василий Суворов отношения к этой книге не имел. Да и само по себе пенсионерство практически не могло иметь в его жизни места — доказательства были самыми простыми.

До сих пор не утихают споры о годе рождения Суворова: 1723 или 1730. Метрической записи найти не удалось. Сведения исповедных росписей приходской церкви в селе Покровском — район нынешнего Лефортова, где жила семья, побуждают считать более вероятной вторую дату: в 1745 г. Суворову показано 16 лет, десятью годами позже 26, соответственно, Василию Ивановичу 37 и 47. Но тогда годом рождения отца следует принять 1708 г. И простейший вывод.

В момент смерти Петра I юному денщику — а царским денщиком В.И. Суворов действительно состоял — было всего семнадцать. За столь короткую жизнь не успеть получить за границей инженерное образование и три года пробыть царским секретарем — именно такой по своему характеру была служба царских денщиков. Подсказанный исповедными росписями год рождения Суворова-старшего позволял уточнить и время его женитьбы: после 1725 г., а не в начале 1720-х гг., как представлялось отдельным биографам. Венчание молодых состоялось, согласно преданию, в церкви Федора Студита, что у Никитских ворот.

Тех домов давно нет. Разве что фундаменты. Иногда скрывшиеся под более поздними постройками, чаще заброшенные и затянувшиеся землей — предмет раскопок, которые никогда не состоятся. А вот дворы — дворы остались. Их границы и сегодня нетрудно угадать.

Суворовский — у дома с мемориальной доской, за голубой оградой на неуклюжих кирпичных столбах. Соседняя усадьба,

Старая Москва. Вид на Кремль со стороны устья реки Яузы

как рекомендует ее добела выцветшая надпись о производящихся реставрационных работах, — с выдвинувшимся на улицу просторным и покойным барским домом в толчее бесчисленных пристроек и служб. Нынешний сквер с памятником Алексею Толстому — корявые липы прочно заняли место бывших флигелей и конюшен. Густое плетение американских кленов отгородило улицы. Матовые стаканы фонарей отчеркнули выстроившиеся скучным прямоугольником скамьи, угрюмый цоколь памятника, грузную фигуру в неудобном кресле. На стыке трех прошитых бесконечным мельканием машин улиц зеленый островок живет своей особенной безлюдной жизнью.

С первыми тенями сумерек сюда начинают слетаться вороны. Большие черные птицы неслышно соскальзывают на деревья. Перелетают с ветки на ветку, стряхивая в сугробы пушистые комья рассыпающегося снега. Переговариваются приглушенными гортанными голосами. Лиловеющий свет городской ночи выхватывает разметенный квадрат у памятника, строй колонн Большого Вознесения, торопливый шаг одиноких прохожих. Тишина...

На первый взгляд, в саженях и аршинах старых замеров невозможно разобраться, немислимо их перевести в масштаб наших дней, изменившейся конфигурации домовладений, выровненных где больше, где меньше красными линиями улиц, выросших домов. «...Земли от южных дверей до попова сада 6 саженей без 3 четвертей, от западных до двора сторожа 6 сажен с 1 аршином, от северных до богаделен 16 сажен без четверти квадратных, до двора просвирницы 3 сажени с полусаженью и 2 вершками», — так определяется положение Федора Сту-

дита, когда около него хоронят мать Суворова. Головоломка, имеющая тем не менее свое решение.

Если попытаться совместить замеры нескольких лет, можно с достаточной уверенностью сказать — как раз здесь, в границах сквера, находился в XVII в. первый суворовский семейный двор. После Григория Суворова земля отошла к его дочери Наталье Самсоновой, позже к внуку, подполковнику Василию Ивановичу Суворову.

Только разгадка места двора рождала очередную и не менее сложную загадку. Положим, семейный двор, но ведь не удержавшийся в семье. Иван Григорьевич жил в Барашевской слободе, у нынешних Покровских ворот, перед смертью перебрался в Замоскворечье. На царскую службу отец полководца уходил из дома на Татарской улице. Что же привлекало его к Федору Студиту? Или дело было не в нем, а в его молодой жене — «девице Авдотье Федосеевне Мануковой». Ее приданое составлял двор на соседнем Арбате, где молодые и поселились.

* * *

Ваша кисть изобразит видимые черты лица
моего, но внутренний человек во мне скрыт...
Я бывал мал, бывал велик.

*А.В. Суворов в разговоре
с художником Миллером. 1800.*

Незнакомый голос в телефонной трубке звучал недоумением, почти обидой: «Ваш читатель... занимались Суворовым... ничего не сказали о матери — армянка Ануш... родилась в столице...» Далее приводилось название, подробности о рождении и переезде в Москву.

Да, такая версия существовала. Конечно, имя Авдотья никак не напоминало по звучанию Ануш, зато фамилия Мануковых наводила на мысль об армянском родоначальнике Мануке. Версия не получила распространения в специальной литературе — еще одна связанная с Суворовым легенда. Но из-за Федора Студита к ней стоило обратиться.

Мануковы могли иметь приехавшего из кавказских краев родоначальника, вернее — родоначальников, потому что было их уже в XVII в. в Москве немало, и притом не связанных никаким родством. Живший в 1638 г. на Тверской улице бобровник по профессии «Новгородской сотни Гришка Семенов сын Мануков» занимал совсем иное место среди горожан, чем живший на Кормской улице стряпчий Никита Мануков, тем более подьячий Иван Мануков с Воскресенской улицы. Жизнь каждого из них с большим или меньшим трудом удавалось наметить по нотариальным бумагам. Петр Иванович Мануков, например, уже в петровские времена приобретал дворы на Пятницкой улице.

В допетровское время в Москве существует несколько сложившихся приказных династий Мануковых, из поколения в поколение живших все в тех же дворах. К ним относился и дед полководца — дьяк Поместного приказа, позднее вице-президент Вотчинной коллегии Федосей Семенов Мануков. Должность его была чрезвычайно важной — судьбы земель, распределявшихся между дворянами и служилыми людьми, благосостояние, а подчас и пря-

мое разорение владельцев. Да и с именами ему приходилось иметь дело куда какими влиятельными – так, в 1704 г. проводит он сам перепись поместий и вотчинных земель Московского уезда.

Федосей Мануков перебрался на Арбат в первые годы XVIII в., именно когда занимался этой московской переписью. Родовой мануковский двор был неподалеку – в Иконной слободе, нынешнем Филипповском переулке, где селились в основном городские вольные иконописцы и художники государевой Оружейной палаты. Кстати, и детство Суворова прошло «в межах» со двором интереснейшего портретиста петровских времен Ивана Одольского.

Владения деда Федосея (Арбат, 14) были поделены двумя его дочерьми – старшей, Авдотьей, и младшей, Прасковьей, вышедшей замуж за полковника Московского драгунского полка Марка Федорова Скарятину. Скарятин – давние соседи Суворовых по землям у Никитских ворот, их имя сохранил переулок – Скарятинский. Быт военных, их интересы окружали мальчика Суворова с первых дней жизни, и не отсюда ли родилось увлечение будущего полководца военным делом. Как не вспомнить, что полковник Скарятин – Прасковья Манукова вышла за немолодого вдовца – располагал немалыми владениями на реке Пресне. И сегодня еще можно увидеть в церкви Иоанна Предтечи, «что за Преснею, на Песках», рядом с Астрономическим институтом имени Штернберга, надпись на внутренней алтарной стене: «Против сей таблицы погребена раба Божия Параскева Феодосиева дочь по роду Манукова, а по супружеству господина полковника Марка Стефановича Скарятинна жена от рождения ей было 28 лет, преставися 1741 года Апреля 13-го».

Авдотье достанется, правда, всего лишь бомбардир-сержант, зато по состоятельности не уступавший Скарятину, и главное – связанный с царским двором. Может, и знакомство Василия Суворова с мануковской семьей произошло благодаря царскому дворцу: родственник дядка Федосея – Сергей Минич Мануков состоял одновременно с ним в царских денщиках. Наверно, совсем не случайно были оба жениха соседями дьяческой семьи и, подобно Мануковым, имели родительские гробы в Федоровском монастыре. Связь молодой четы Суворовых с Федором Студитом получала свое достаточно убедительное объяснение.

...В узкой горловине Старого Арбата снесенные дома бессмысленно вспарывают привычную уютную тесноту. Здесь срезанный угол у площади, иссеченный множеством торопливых тропок, – лишь бы короче, лишь бы быстрее. Там – открывшиеся подсобные дворы новоарбатских новостроек, путаница въездов, стоянок, снующих машин. Тут – облезлые ларьки вместо недавней зелени. Но домовладение под номером 14 давно отгородилось от улицы низкой каменной стеной, за которой зелень деревьев напрасно пытается скрыть несуществующие стены.

Его так и называли: «Дом с привидениями» – едва ли не единственный в Москве, окруженный таким множеством самых фантастических рассказов. Вернее, полуфантастических, потому что смельчаки, решавшиеся, несмотря ни на что, въехать в его стены, быстро отказывались от своей попытки. В доме всегда что-то выло, стучало, раздавались непонятные голоса, шаги, мелькали таинственные тени. Гиляровский объяснял, что виной всему был

расположившийся в подвале воровской притон, нашедший способ избавляться от нежелательного соседства с хозяевами и квартирантами. Так или иначе, дом годами пустовал и разрушался.

А когда-то он был одним из самых нарядных на Арбате — дом губернского прокурора князя П.А. Шаховского, унаследованный в первых годах XIX в. его дочерью, княжной Анной. Как бы много ни строил знаменитый Казаков, каждое его творение вызывало восторг, дом же Шаховских был одним из лучших творений Матвея Федоровича. Л.Н. Толстой свяжет с ним одну из сцен «Войны и мира» — когда Мюрат пытается узнать у москвичей, где расположилась русская армия.

В 1812 г. дом сгорел, но так называемые Альбомы Казакова — полное собрание проектов зодчего — сохранили его тайну: в левую часть дома Шаховских вошли древние одноэтажные палаты. Этой постройкой XVII в. были те самые мануковские палаты, в которых поселились молодые Суворовы. Их сын Александр родился не на Большой Никитской, а в самом центре старого Арбата.

* * *

Дело? Я готов.

А.В. Суворов

Об этом знает каждый: родители Суворова не хотели видеть единственного сына военным. Слабый здоровьем, он предназначался ими для гражданской службы, и только вмешательство друга семьи, «арапа Петра Великого», Абрама Петровича Ганнибала помогло осуществиться мечте ребенка. Суворову было около 12 лет, когда отец решился записать его в Семеновский полк.

1742 г., декабрь — дата бесспорна, но все остальное... Детей записывали в военную службу при рождении, чтобы ко времени совершеннолетия дворянский сын получал за выслугу лет офицерский чин. Прежде всего — каким образом в момент рождения первенца родители полководца могли судить о слабости его здоровья? В 12 лет эта слабость стала очевидной, тем не менее отец склоняется на просьбы сына и тем самым обрекает его на прохождение действительно очень тяжелой солдатской службы. А трогательный рассказ о том, как Ганнибал в игре ребенка усмотрел способности будущего полководца, просто не вмещается во времени. Ганнибал оказался в Москве после многолетней своей опалы не до, но после записи Суворова в полк.

А может быть, все складывалось иначе? Военная служба обязательна для всех без исключения дворян. Если бомбардир-сержант Василий Суворов не подчиняется общему строго соблюдавшемуся правилу, не значит ли это, что его избавляло от подобной необходимости отсутствие потомственного дворянства? Для представителей всех иных, кроме дворянского, сословий существовала только действительная — не номинальная, начинаемая в детские годы, служба.

Вчерашнему царскому денщику понадобится целых пять лет для получения первого офицерского чина: он станет, как уже говорилось, подпоручиком только в 1730 г. Прямые преемники Петра явно его не ценили и не замечали. Но и при Анне Ивановне служба Василия Суворова долго не отмечается повыше-

нием: следующий чин — поручика — он получит в 1737 г. И тем не менее перелом в его карьере наступит и будет связан с печально знаменитым делом Долгоруких. Любимцы умершего Петра II, они были осуждены и сосланы с приходом к власти Анны Иоанновны по обвинению в «недогляде» за покойным императором, что не уберегло его жизни и тем самым... открыли дорогу на престол новой самодержице. То, что члены этой могущественной семьи рассчитывали сохранить влияние на государственные дела за счет ограничения царской власти, естественно, не упоминалось. Лишенные былых богатств и положения, ссыльные Долгорукие снова становятся предметом следствия в 1738 г. Новое расследование заканчивается смертной казнью нескольких из них. Делом занимался сам начальник Тайной канцелярии А.И. Ушаков и неожиданно назначенный на должность «в полевых войсках прокурора» Василий Суворов, целый год проработавший в Сибири. Окончание дела настолько устраивало императрицу, что, помимо иных наград, В.И. Суворов переводится на гражданскую службу в Берг-коллегию в ранге полковника, а в 1741 г. назначается там же прокурором. Именно в этом новом, принесшем ему потомственное дворянство чине Василий Суворов и запишет сына в военную службу. Теперь отец имел на это право и мог рассчитывать на успешное прохождение мальчиком служебной лестницы.

Суворов никогда не вспоминал об отцовском доме и собственном детстве — вся жизнь сосредоточилась для него в военной службе. «Материалы, касающиеся истории моей военной деятельности, — напишет полководец, — так тесно связаны с историей моей жизни вообще, что оригинальный человек и оригинальный воин не могут быть отделены друг от друга, если образ того или другого должен сохранить свой действительный оттенок». Единственное воспоминание детства — скупость отца, лишившая будущего полководца хороших учителей, систематического образования, тех знаний, которые ему приходилось самоучкой добирать всю жизнь.

Василий Суворов, несомненно, расчетливостью отличался и вполне мог не помогать сыну, как в свое время никто не помогал ему самому овладевать иностранными языками. Тем не менее очередное предание упоминает некоего учителя Суворова, который был у него якобы общим с Иваном Ивановичем Шуваловым, образованнейшим человеком своего времени, основателем Московского университета и Петербургской Академии художеств. Происхождение И.И. Шувалова, его детство, обстоятельства получения образования остаются невыясненными. Очевидно одно — определенная связь между Василием Суворовым и И.И. Шуваловым существовала.

Это с началом фаворитизма Шувалова — он был замечен императрицей Елизаветой Петровной в самом начале 1750-х гг. — Василий Суворов получает назначение прокурором Сената, в 1753 г. чин бригадира, почти сразу генерал-майора и назначение членом Военной коллегии. Спустя пять лет он уже генерал-поручик, Кенигсбергский генерал-губернатор и главнокомандующий русскими войсками на Висле. За всеми этими назначениями легко угадывалась рука Шувалова. Елизавета Петровна больна, далека от дел, а раньше попросту не замечала В.И. Суворова. Может быть, не могла забыть услуг, оказанных ненавистной ей Анне Иоанновне.

Старинное русское
оружие. Пистолеты XVIII в.

Петр III постарается по возможности скорее избавиться от шуваловского любимца. В январе 1762 г. Василий Суворов получает назначение Сибирским губернатором в Tobольск, но уклоняется от нового поста, равносильного слишком дальней и многолетней ссылке. Его расчет прост. Под всеми возможными предложениями он задерживается в Петербурге, чтобы принять самое деятельное участие в дворцовом перевороте в пользу Екатерины II. Ему будущая императрица обязана важнейшей операцией — арестом всех находившихся в Ораниенбауме и способных защищать свергнутого Петра III с оружием в руках голштинцев. Наградой В.И. Суворову стал чин премьер-майора Преображенского полка, где полковником числилась сама императрица, и назначение членом Военной коллегии. Судьба сына, особенно в детские годы, не могла не быть связанной с судьбой отца.

*   *

Если б я не был военным, я стал бы поэтом.

А.В. Суворов

Имя учителя оставалось неизвестным, как и сам факт его существования не подтверждался. Исследователи гораздо больше значения придавали библиотеке, которая была — должна была быть! — в доме Василия Суворова. Чтобы зачитываться «Сравнительными жизнеописаниями» Плутарха и подражать «Метаморфозам» Овидия, их надо по-настоящему хорошо знать.

*Все в свете пустяки, богатство, честь и слава;
Где нет согласия, там смертная отравка,
Где ж царствует любовь, там тысяча наград, —
И каждый мнит в любви, что он, как Крез, богат.*

Что стоит за этими суворовскими строками — воспоминание о родительском доме или неудачный опыт своей семейной жизни? У Суворова всегда под рукой Юлий Цезарь, Цицерон, Кор-

нелий Непот, Юстин, Ювенал. Он хлопочет о приобретении заинтересовавшего его нового издания Тита Ливия и в разговоре сравнивает Саллюстия с Плинием Старшим. Полководец одинаково дорожит Тацитом, Валерием Максимом, Вергилием и Гелиодором. Разве об отношении к жизни не проще сказать строками Палладия из Александрии:

*Наг я на землю пришел и нагим же сойду и под землю.
Стоит ли многих трудов этот конец мой нагой?*

А в разговоре о женщинах прочесть между прочим строки Лукиана:

*Мед покупаешь ты с воском, румяна, и косы, и зубы.
Стало б дешевле тебе сразу купить все лицо.*

Тяжело борясь с недугами, Суворов с детства избегает врачей. В последние годы попросту им не доверяет, обвиняя в двуличии. Но ведь о том же остроумно говорили древние:

*Раз астролог Диафант напрофочил врачу Диогену:
Что остается ему девять лишь месяцев жить.
Врач, засмеявшись, сказал: «Девять месяцев? Экое время!
Вот у меня так с тобой будет короче расчет».
Так говоря, он коснулся рукой Диафанта, и сразу
Вестник несчастья сам в корчах предсмертных упал.*

Суворов слишком жаден к знаниям, слишком легко, на лету продолжает их усваивать всю жизнь. Отделить полученное в детстве от благоприобретенного в зрелые годы у него слишком трудно. Но ведь, кроме брата, в семье были еще сестры — старшая Марья и младшая Анна, родившаяся непосредственно перед кончиной матери. Авдотья Федосеевна умерла вскоре после переезда семьи с Арбата на берег Яузы, в район нынешнего Лефортова. Это тоже одна из семейных загадок — почему обе сестры Мануковы почти одновременно расстались около 1740 г. с наследственными дворами и разъехались в разные концы города.

Если Василий Суворов экономил на учении сына, что же говорить о дочерях. И тем не менее обеих отличает высокая образованность. Отец выдает их замуж, только выйдя в отставку, — в конце 1760-х гг. Он может дать им значительное приданое, но выбор зятьев сам по себе очень примечателен.

Марья становится женой просветителя и близкого к Н. И. Новикову писателя Алексея Васильевича Олешева. Василий Суворов мог познакомиться с ним на военной службе, которой Олешев отдал около двадцати лет. Но кипучая энергия дельного офицера претворяется в не менее бурную деятельность гражданского чиновника, которым он становится в 1764 г.

Олешев — предводитель дворянства богатейшей Вологодской губернии, он работает судьей, и среди всех своих обязанностей не оставляет литературы и философии, которой особенно увлекается. Он многолетний член Вольного Экономического общества, в трудах которого помещает свои статьи, и автор выдержавших не одно издание книг, — среди них очень популярные «Цветылюбумудрия, или Философические рассуждения» и «Начертание благоденственной жизни», — сборников переводов

с немецкого и французского языков трудов Юнга, Шпальдинга, де Мулена. Именно Олешеву посвящает свою известную «Эклогу» писатель М.П. Муравьев, отец декабристов. По-видимому, Муравьеву принадлежит и эпитафия умершему в 1786 г. другу:

*Останки тленного того сокрыты тут,
Кой вечно будет жить чрез свой на свете труд.
Чем Шпальдинг, Дюмулин и Юнг себя прославил,
То Олешев своим соотчичам оставил.
Был воин, судия, мудрец и эконо,
Снискавший честь сохой и шпагой, и пером.*

Анна Суворова выходит замуж за князя Ивана Романовича Горчакова. Литературных наклонностей у ее мужа нет, и добрые отношения с полководцем проявляются главным образом в выполнении Горчаковыми многих его чисто хозяйственных поручений. Зато и Александр Васильевич усиленно хлопочет об устройстве судьбы обоих племянников Горчаковых — младшего Алексея, будущего генерала от инфантерии, военного министра времен Александра I, и старшего Андрея, ставшего флигель-адъютантом Павла I и пытавшегося смягчить гнев венценосца против дяди — почти всегда безуспешно, но очень взволнованно и искренно. Наконец племянница Аграфена Горчакова отдает руку назначенному состоять при Суворове подполковнику Д.И. Хвостову. Так складывается семья, ставшая настоящим родным домом для Суворова. В ней он жил, когда приезжал в Петербург, в ней и скончался, окруженный самым нежным вниманием и заботами. Эти близкие отношения с полководцем со временем принесут Хвостову титул графа — в память привязанности к нему Суворова. Анна Васильевна на редкость скромна, чтобы ее вспоминали. И все же она обратит на себя внимание Державина, который почтит ее кончину теплыми строками:

*Здесь прах почитет той, что славы и сребра
Средь мифа тленного в сей жизни не искала,
Но добродетельми на небо возлетала:
Се Горчаковых мать, Суворова сестра.*

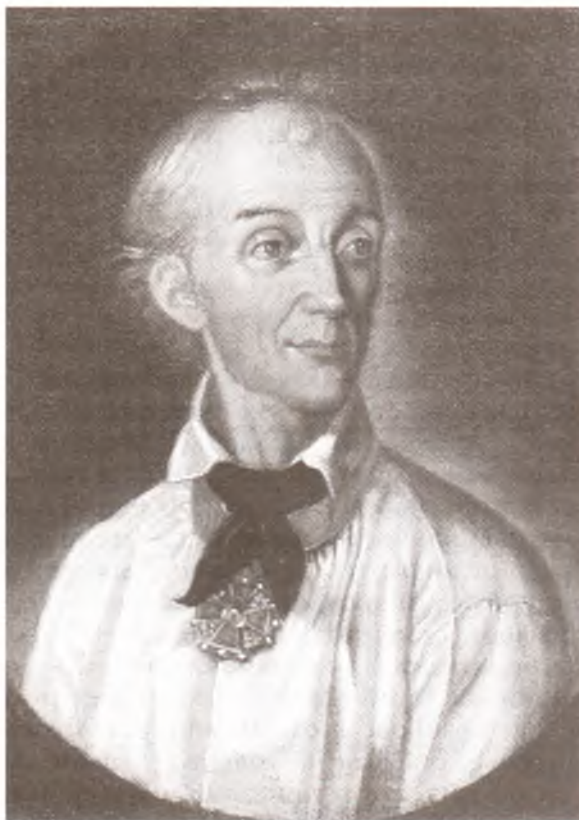
Любовь к литературе, постоянное обращение к ней пришли еще в родительском доме и остались на всю долгую жизнь.

* * *

Истинная поэзия складывается вдохновением.
Я же просто складываю рифмы.

А.В. Суворов

Стихи нужны были как глоток свежего воздуха, как ощущение полноты жизни, которая без них словно теряла в своей красочности. Стихи чужие, лучшие, худшие, — всякие. С ними провинившийся офицер мог рассчитывать на снисхождение Суворова, а впервые появившийся в окружении полководца — на сравнительно быстрое выдвижение и внимание: об этой слабости Александра Васильевича знала вся армия. Суворов готов был подтрунивать над собой, но ничего поделать не мог. А ведь стихи того же Хвостова оставались простой графоманией и

Неизвестный художник.
А.В. Суворов-
Рымникский. 1799 г.

вызывали вполне обоснованные насмешки современников. Достаточно снисходительный к другим, Суворов был слишком требователен к самому себе: у него-то дарование имелось, и немалое, но печататься он не хотел, отказываясь от всех предложений.

Он обращается к тому, что называет всего лишь рифмованными строками, от избытка чувств, когда обычная речь не способна вместить его переживаний. Письма к дочери – шуточные, ласковые, очень сердечные, нарочито деловые: стихотворная форма досказывает то, чего стеснялся полководец в обычных словах. Письма к начальникам и товарищам по оружию – вместо многословных донесений, реляций, обязательной и столь ненавистой Суворову штабной писанины. В этом Суворов с одинаковой легкостью пользовался несколькими языками. Румянцеву-Задунайскому по поводу победы под Туртукаем он пишет на русском, австрийцу Моласу перед битвой под Нови – на безукоризненном немецком, принцу Нассау – на изысканном французском. И только характерные затруднения в правописании выдают самоучкой приобретенные языковые навыки.

Для Суворова обращение к стихотворным строкам всегда эмоциональный взрыв, свидетельство и выражение совершенно исключительных обстоятельств. Суворовские письма требуют расшифровки – слишком краткие, слишком иносказательные, «многослойные», переполненные недомолвками и намеками. В стихах Суворов легко сбрасывает привычную броню расчета и предусмотрительности, как говорил он о себе, «я бывал при дворе, но не придворным, а Эзопом, Лафонтеном, шутками и звериным языком говорил правду». Перо выдает его на-

стоящего — живого, непосредственного, одинаково не скрывающего уныния или восторга, нетерпения или насмешки, всех бесконечных оттенков своего жадного отклика на жизнь.

Отношения с отдельными людьми — они также могли укладываться в лаконичную краткость суворовских строк. «Я на камушке сижу, на Очаков я гляжу» — этих шуточных слов достаточно, чтобы привести светлейшего в настоящее бешенство. Но Очаков взят, и это именно Потемкину достаются все официальные лавры — Таврический дворец, торжественно подаренный императрицей победителю, и сказочный праздник, устроенный официальным победителем императрице в его стенах. Державин не смог устоять перед фантастичностью зрелища и умело нарисованным образом Потемкина. Он пишет одно за другим панегирические стихотворения, обращенные к светлейшему. Суворов иронически перечитывает их, наблюдает за происходящими событиями и в конце концов раздражается эпиграммой, которая была прямой пародией на державинские «Хоры» 1791 г.:

*Одной рукой он в шахматы играет,
Другой рукою он народы покоряет.
Одной ногой разит он друга и врага,
Другую топчет он вселенны берега.*

Потемкина можно было не любить и панически бояться, но кто бы отказал себе в удовольствии запомнить и передать другим суворовские строки, в немалой степени способствовавшие, кстати сказать, опале полководца.

И существовало в жизни Суворова еще одно не менее глубокое и прошедшее через всю его жизнь увлечение — театр. Вот оно-то было прежде всего связано с домом у Петровских ворот.

Увеселительные строения на Ходынском поле в Москве в 1775 году в честь заключения Кючук-Кайнарджийского мира. Восточная сторона. Рис. М. Казакова

* * *

Держаться надобно каданса в стихах, подобно инструментальному такту, — без чего ясности и сладости в речи не будет, ни восхищения... Комическим ролям можно приучать и маленьких певчих из крестьян.

А.В. Суворов – из письма.

Был быт, почти суровый в своей простоте, — немудреная самая необходимая мебель, обыкновенная посуда, простая таратайка для переездов, которую могла в любую минуту заменить каждая подвернувшаяся под руку лошаденка, мундир и плащ, без сюртука, шлафрока, даже шубы и перчаток. Были привычки, непостижимые в своих неудобствах, — подъем в четыре утра, независимо от самочувствия и предыдущего дня, обед в 8–9 утра, сон после раннего обеда, всегда одни и те же напитки, стакан кипрского вина и рюмка водки, непременно тминной, безразличие к холоду в походе и любовь к жарко натопленным комнатам, отвращение к фруктам и сладостям, зато любовь к самым дорогим сортам чая. «Чем больше удобств, тем меньше храбрости», — утверждал Суворов.

И рядом бесконечные траты на то, что представлялось совершенно необходимым: анонимные выплаты ежегодно десяти тысяч рублей в одну из тюрем для улучшения содержания арестантов, содержание целой инвалидной команды в собственных деревнях, подписка на бесконечные периодические издания со всей Европы. В связи с наступавшим 1791 г. Суворов писал: «Я держал газеты немецкие, гамбургские, венские, берлинские, эрлангер, французские: «Варенн», «Курье де Ла Лондр», варшавские, польские, с.-петербургские или московские, русские, французский малый журнал «Энциклопедик Дебулион», немецкий «Гамбургский политический журнал». Не изволите ли вы прибавить «Нувель Экстраординер»?» И рядом расходы на театр — актеров, костюмы, декорации, музыкальные инструменты, ноты, педагогов, которые вели занятия и репетиции.

Детство, как и у всех москвичей, было наполнено театром. Первое огромное здание на Красной площади, открытое вскоре после рождения будущего полководца. Три тысячи мест, великолепная архитектура — одно из первых творений знаменитого Растрелли. Просторный партер, куда вносились стулья по мере надобности, или не вносились вовсе, когда из-за наплыва зрителей приходилось стоять все представление. И исполнители — итальянская труппа Комедии масок, итальянские вокалисты, первый в Европе симфонический оркестр полного состава, русские певчие, составлявшие хор в постановках опер.

Оперный дом в Лефортове, первый сезон которого состоялся в год переезда родителей на берега Яузы. Пять тысяч всегда переполненных мест. Сложнейшие оперные постановки, где красота и замысловатость декораций соперничали со сложностью музыкальных решений и совершенством исполнения. Московские зрители были известны всей Европе своей влюбленностью в театр и тонким пониманием музыки.

При жизни отца Суворов проводит в доме у Никитских ворот свой медовый месяц, считанные недели, прожитые в ладу

с женой. После смерти Василия Ивановича и развода перестраивает всю городскую усадьбу. Сооружает деревянные службы для удобного размещения дворни. В большом доме отводит для себя несколько скупобставленных комнат, остальную часть предназначает под контору, ведавшую его именьями, и для жизни актеров, которых присылает в Москву для обучения. Крепостных театров и хоровых капелл в городе множество, было у кого поучиться, с кого брать пример. Отсюда же управляющий должен был снабжать необходимыми инструментами, нотами, реквизитом суворовский театр, причем Суворов подробно оговаривал в письмах, что именно и для кого нужно. Он не претендовал на славу мецената или знатока, но сохранившиеся пояснения складываются в интереснейшую систему подготовки актера конца XVIII в. — в театральных делах Суворов разбирался досконально.

«Помни музыку нашу — вокальный и инструментальный хоры и чтоб не уронить концертное, — пишет Суворов в одном из писем своему управляющему. — А простое пение всегда дурно было и больше, кажется, его испортил Бочкин великим глазом с кабацкого. Когда они певали в Москве с голицынскими певчими, сие надлежало давно обновить и того единожды держаться. Театральное нужно для упражнения и невинного увеселения. Всем своевременно и платье надеть. Васька комиком хорош. Но трагиком лучше будет Никитка. Только должно ему научиться выражению — что легко по запятым, точкам, двоеточиям, вопросительным и восклицательным знакам. В рифмах выйдет легко. Держаться надобно каданса в стихах, подобно инструментальному такту... о чем ты все подтвердительно растолкуй».

И такая неожиданная забота о крестьянских мальчишках: надо купить для них побольше скрипок — пусть учатся по деревням все, у кого удалось заметить хоть какие-нибудь способности. Обращение с артистами предписывалось особенно бережное, хотя Суворов вообще не признавал никакой жестокости в обращении с людьми, будь то его солдаты или крепостные крестьяне: «Я люблю моего ближнего, я никого не сделал несчастным, не подписал ни одного смертного приговора, не задавил ни одной козявки».

* * *

Всторжествовал и — усмехнулся,
Внутри души своей тиран,
Что гром его не промахнулся,
Что им удар последний дан
Непобедимому герою,
Который в тысячах боях
Боролся твердой с ним душою
И презирал угрозы страх.

Г.Р. Державин о А.В. Суворове

Конец начал приближаться с неумолимой быстротой. Об этом могли не догадываться самые близкие, об этом точно знал сам Суворов. Чудо в Альпах — с него пошел этот последний отсчет. И, наверно, дело было не в возрасте, не в усталости —

просто Суворов не видел для себя никакой перспективы. Павел I одинаково не мог простить ему ни поражения, ни победы. В каждом качестве строптивый, к тому же овеванный всемирной славой полководец был ненавистен самодержцу, а личное общение Суворова с солдатами в корне разрушало ту систему безгласных и безответных частей механизма, в которых Павел мечтал превратить всех граждан Российской империи, тем более ее армию. Великое противостояние человека, каким его видел и утверждал Суворов, и подданного в полном смысле этого слова, которого хотел видеть император.

Безнадежность – не она ли лишает Суворова сил, заставляет в Вене отказаться от марша во главе возвращающейся армии, передать командование своими орлами другому. Болезнь, с которой сорок лет втайне сражался полководец, переходит в последнее роковое наступление. Остальной путь в Россию полководец проделает лежа в коляске. Именно в Россию – не в Петербург. Не доезжая столицы, его остановит курьер с царским предписанием направиться «для восстановления здоровья» в поместье, куда приедет и посланный лейб-медик. Два месяца мучительного ожидания в Кобрине – надежды слабели день ото дня, радость победы сменялась горьким сознанием собственного бессилия. О переменах в армии, уничтожавших все суворовские принципы, не знать было нельзя, противостоять им бессмысленно.

Запоздалая возможность въехать в Петербург касалась уже не генералиссимуса – впрочем, по воле императора это звание больше не называлось – больного старика, частного лица, ехавшего в дом собственных родственников. Ранее разработанный и сообщенный Суворову ритуал торжественной встречи был отменен, полководца ждала только семья Хвостовых. У Суворова хватит сил самому, без посторонней помощи выйти из дормеза, подняться на второй этаж, переступить порог той комнаты, которая станет в его жизни последней. Дальше силы оставят полководца – почти без сознания он рухнет на постель. И новый удар – появление посланца императора, который должен передать волю Павла. Суворову запрещается показываться во дворце. Бессмысленная, казалось, ничем не вызванная опала, унижение, рассчитанное только на то, чтобы сократить дни измученного солдата.

В это трудно поверить, но для Суворова снова наступает ожидание, безумная надежда на справедливость, хотя бы на возможность вернуться в армию, – только она одна может восстановить его силы. Все кончается с появлением в хвостовском доме второго посланника императора, на этот раз предупреждающего Суворова о том, что он лишен права на адъютантов. О каких иллюзиях можно говорить, когда вчерашний кумир России оказывается обреченным на полное одиночество. Товарищам по оружию запрещено посещать его дом, единственный пришедший по распоряжению Павла Багратион не осмелится оторваться от косяка двери. Встреча глаз – цепкая, взволнованная и безнадежная. Свидетели ее будут потом сомневаться, узнал ли вообще полководец своего любимца, был ли в сознании или в забытии.

«Как раб, умираю за отечество, как космополит, за свет», – несколько раз повторит Суворов. Около его постели Хвостовы и Державин, потрясенный наступающей кончиной. «Вот урок,

вот что есть человек», — напишет он спустя несколько дней. В полдень 6 мая 1800 г. Суворова не стало.

Павел не изменил своего отношения к полководцу. Ни в одной из русских газет не появится сообщения о кончине, даже о похоронах. Первоначально назначенные на 11 мая, они будут перенесены по желанию Павла на 12-е — неоправдавшийся расчет уменьшить народные толпы. Заново разосланные пригласительные билеты касались только лично Аркадия Александровича Суворова: «Действительный камергер, князь Итальянский, граф Суворов-Рымникский с прискорбием духа сообщает о кончине родителя своего... и просит сего мая 12-го дня, в субботу, в 9 часов утра на вынос тела его и на погребение того же дня в Александро-Невский монастырь». Гвардии не было разрешено участвовать в церемонии. Дело ограничилось одними армейскими частями и народом.

На улицах стоял, кажется, весь Петербург. Никакими предупредительными мерами не удалось скрыть всеобщей глубочайшей скорби. Пусть император не пожелал почтить своим присутствием погребения, пусть демонстративно именно на эти часы назначил на Дворцовой площади смотр лейб-гусар и казаков, а после похорон также нарочито отправился на обычную свою прогулку по городу. Это только для него ничего не произошло, это только он со своим окружением мог остаться равнодушным.

* * *

Храни в памяти своей имена великих людей.

А.В. Суворов. «Наука побеждать»

Адреса, которых нет... Вернее, есть, только измененные до неузнаваемости стремительной историей большого города.

Когда-то здесь были электронные часы — непонятное мелькание разноцветных огоньков, которое так трудно связать с привычным ощущением хода времени. Пушкинская площадь. Начало Тверского бульвара. Длинный ряд забитых окон на бледно-зеленой стене — бывлой флигель очередной казаковской усадьбы. В главном доме шумная теснота городской библиотеки. Плакаты. Стенды. Объявления.словно притиснутая к стене узкая лестница. И неожиданно широко распахнутые тусклому зимнему свету окна читального зала — бывлой веранды, откуда хозяева могли любоваться оживленным перекрестком Большой Бронной и Сытинского переулка, мелькавшим между соседних крыш Страстным монастырем. Суворов бывал здесь гостем участника своих походов генерала Юрия Поливанова, отца будущих декабристов.

Совсем рядом, в глубине Сытинского переулка, аккуратные маленькие колонны уютного деревянного особнячка на пять окон — дом капрала Сытина, как назовут его путеводители. Но москвичи давних лет больше знали помещавшуюся в нем фабрику духовых инструментов Емельяна Мещаникова. Суворов предпочитал ее продукцию любой другой: «Валторны моим музыкантам купи, а какой именно, спросись с добрыми людьми. Васютку Ерофеева постарайся сюда скорее прислать. В нем там дела нет, а здесь фиолбас. Купи еще полдюжины скрипок с принадлежностями для здешних ребятишек».

И снова казаковский, теперь уже дворец, — дом Губина у Петровских ворот. Колоннада, уступившая место пилястрам, — слишком тесна улица у Высокопетровского монастыря. Барельефные вставки над окнами — прозрачная белизна на чуть брезжущем синевой фоне, словно воспоминание о знаменитом веджвудском фарфоре. Ушедший за главный дом бывлой почетный двор — город все меньше оставлял возможностей для повторения усадебного приволья. Впрочем, Губин и его преемники куда как далеки от дворцового размаха. Дом сдается внаймы по частям, одну занимает модный магазин «музыкального мастера Мацкевича» — скрипки, клавишные инструменты, ноты: «Была плоская в доме тетрадь. Прозванье ее, помнится, «дело между бездельем», или собрание ста песен, положенных на ноты, печатные. Купи ее в Москве...» При случае Суворов и сам был не прочь порыться в новинках, безотказно поступающих к Мацкевичу.

На углу Маросейки и Армянского переулка нарядный, в крутой мешанине стилей, дом, бывлой дворец Румянцева-Задунайского, который нередко приходилось посещать Суворову. Широко распахнутая парадная лестница. Привольные анфилады превосходно обставленных зал. Фельдмаршал, о котором упорно говорилось, что был он побочным сыном Петра I, любил и знал толк в роскоши. И это его сыну Москва обязана рождением сложившегося в стенах дворца на Маросейке первого публичного — Румянцевского музея, коллекции которого вошли и в собрание Третьяковской галереи, и в собрание Государственного музея изобразительных искусств.

Денису Давыдову не пришлось служить под начальством Суворова. Генералиссимусу он был обязан своим военным крещением — словами, сказанными мальчику: «Помилуй Бог, я еще не умру, как он выиграет два сражения». Дом на Кропоткинской (№ 17) несет мемориальную доску поэта-партизана. Суворов бывал в нем, когда он еще принадлежал Бибиковым и славился концертами бибиковской певческой капеллы, которой руководил крепостной композитор Д.Н. Кашкин.

Большой, прошитый полуколоннами желтый дом за глухим каменным забором на углу Арбатской площади и Гоголевского-Пречистенского бульвара. Давно потерявший свое бывлое величие и назначение — апраксинского дворца и апраксинского театра, знаменитого сложностью и совершенством оперных постановок. Большой оркестр. Хор на сотню с лишним человек. Живые олени, пробегающие через сцену. На итальянской опере здесь побывает Пушкин, много раньше Суворов, связанный совместной службой с хозяином дома С.С. Апраксиным.

С наступлением первых теплых дней острый запах бензиновой гари начинает мешаться с запахом почек, медленно оттаивающей в лучах солнца земли. Белесоватые ростки травы словно нехотя раздвигают городскую пыль, проталкиваясь сквозь паутину старых былин, продергивают зеленью широкий, когда-то тенистый бульвар. Редкие липы. Прожилки прирастившихся у дорожек цветочных грядок — давно забытый табак в длинных стебельках вздрагивающих на ветру сизых трубочек, кудлатые граммофончики малиновых петуний, лиловая пелена жмущейся к земле резеды. Старые, еще уловимые в своей сладкой духоте запахи. Скупой свет поздно загорающихся

фонарей. Строй схваченных чугунными лапами длинных скамей. Отмостка из цветных кирпичей у вылета к Никитским воротам. Стайка воркующих сизарей, деловито спешащих к проходим. Надо ли было лишать Суворовский бульвар имени полководца? Наверно, не обязательно.

ТАЙНА СОЛОВЬИНОГО ДОМА

Да, это так: я слышал в них,
В твоих напевах безотрадных,
Тоску надежд безумно жадных
И память радостей былых.

*Аполлон Григорьев –
А.Е. Варламову*

Удача! Неужели удача? После стольких лет просьб, унижений, почти нищеты. И вдруг должность помощника капельмейстера на казенной сцене — и это вместо обязанностей учителя певчих придворной капеллы, годовой оклад в две тысячи рублей — вместо тех тысячи двухсот, которые едва позволяли сводить концы с концами. Наконец, казенная квартира с фортепьяно, на приобретение которого он так и не сумел скопить средств.

Он всегда твердил: «Не надо мне сто рублей, лучше сто друзей». До сих пор множество приятелей разве что словом поддерживали его в трудную минуту. Зато еле знакомый Михаил Николаевич Загоскин, только что прославившийся романом «Юрий Милославский» и назначенный директором московских театров, решил забрать Александра Варламова с собой в Москву, и на сказочных для скромнейшего из скромных музыканта условиях.

Правда, тень горечи в душе все-таки оставалась. Прощание с Петербургом было прощанием с детством, молодостью, с далеко не до конца осуществившимися надеждами на путь инструменталиста-исполнителя, тем более певца. А кроме них, в жизни Варламова ничего и не было. Не могло быть.

Стесненное в материальных средствах детство. Отец — молдаванин, вступивший на русскую военную службу, добившись всего лишь самого низшего офицерского чина, не мог позаботиться об образовании сына. Спасибо, у того рано обнаружился на редкость красивый голос, который открыл ему в десять лет двери придворной капеллы. Единственная связанная с расходами просьба мальчика купить ему скрипку была отцом с немалым трудом удовлетворена. Шестнадцати лет Александра Варламова переводят во взрослую часть капеллы и дают чин XIV класса, иначе — титулярного советника. С ним он и уйдет из жизни, ничего не достигнув на служебном пути.

И все-таки все складывалось не так уж плохо. Руководивший капеллой знаменитый композитор тех лет Бортнянский с само-

го начала отличал одаренного ученика, который самоучкой овладевал и скрипкой, и виолончелью, и фортепьяно, и уж совсем неожиданно – гитарой. На склоне лет Бортнянский порекомендует своего питомца ко двору великой княгини Анны Павловны, вышедшей замуж за принца Вильгельма Оранского. Восемнадцатилетний Варламов становится в Брюсселе учителем певчих великой княгини и, главное, получает возможность концертировать сам. Он выступает в местных залах как певец и как гитарист. Среди многочисленных восторженных рецензий в брюссельских газетах были и такие строки: «Чистота и беглость игры его на мелодическом инструменте, для многих слушателей неизвестном, возбудили громкие и продолжительные рукоплескания». Во Франции подлинной сенсацией становится исполнение Варламовым вариаций для скрипки Роде в переложении для гитары русского музыканта Андрея Сихры. Варламов становится настоящей знаменитостью. У него мягкий характер и натура романтика. Он бесконечно расположен к людям и убежден в их доброжелательности. Эти черты вызывают безусловную симпатию у великой княгини, будущей королевы Нидерландов, которая сама отличается скромностью, добротой и овеяна романтическим ореолом. Но даже Варламов со временем признается в безрассудстве своего брака. В 1824 г. он ведет под венец Анну Шматкову. Дочь придворного камердинера должна стать его музой, но в действительности закрывает мягкосердечному мужу путь к каким бы то ни было европейским успехам. Молодая супруга сварлива, неуживчива, ждет от музыканта больших заработков и, что много хуже, – отличается легкомыслен-

Артист Дюре с женой.
балериной Новицкой.
Первая треть XIX в.
ПЦГМ им. А.А. Бахрушина

ным поведением. Варламовым приходится покинуть двор принца Оранского и вернуться в Петербург.

Вынужденное возвращение не обещало ничего хорошего. Варламов с трудом устраивается преподавателем пения в Петербургской театральной школе, обучает певчих Преображенского и Семеновского полков. Бортнянского уже нет в живых, и путь для его любимца в придворную капеллу закрыт. А между тем приходят на свет один за другим дети, жена не изменяет легкомысленного поведения. У нее появляются признаки будущего тяжелейшего недуга — тяги к вину. И как бы много воспоминаний ни было связано с Петербургом, Варламов понимал: отъезд в Москву становился единственной надеждой на спасение.

Конечно, он знал старую столицу давно и хорошо. Знал Большой и Малый театры — так называемую казенную императорскую сцену. Знал даже дом, в котором ему предстояло жить. Москвичи еще не пользовались нумерацией. Извозчику достаточно было сказать: «На Арбат, к Кокошкину, что у Бориса и Глеба». Последнее не слишком обычное уточнение объяснялось тем, что бывший директор московской казенной сцены Федор Федорович Кокошкин, совмещавший государственную службу с театральными переводами и режиссурой, слыл самым восторженным театралом. Его родовой дом находился на Воздвиженке, по стороне Крестовоздвиженского монастыря (№ 11). Вступив в новую, связанную с театром должность, он поспешил приобрести второе домовладение, прямо через улицу, за церковью Бориса и Глеба (Никитский бульвар, 6). Здесь проводились литературные вечера, читки пьес, репетиции, работала типография для печатания театральных программ и афиш, жили наиболее известные актеры. Квартиры были покойные, удобные, а главное — позволявшие иметь артистов всегда под рукой, — случалось, репетиции затягивались далеко за полночь в зависимости от настроения и замыслов неутомимого хозяина.

Соловьиный дом — это название родилось очень рано, едва ли не со дня открытия в январе 1825 г. вновь отстроенного после пожара начала века Большого театра, где с таким блеском дебютировал дотоле никому не известный певец Николай Лавров. Настоящие театралы предпочитали иное название — «кокошкинская академия», и судьба того же Николая Лаврова служила лучшим тому обоснованием.

Совершенно случайно Кокошкину довелось услышать во время церковной службы в Новоспасском монастыре молодого певчего, занимавшегося в свои девятнадцать лет мелкой торговлей лесом. Николай Чиркин никакого представления о театре вообще не имел и не обратил внимание на предложение Кокошкина заняться его образованием. А потом в один прекрасный день сам пришел в дом на Арбатской площади и согласился на все условия хозяина. Федор Федорович по своему методу стал готовить юношу к поступлению на сцену. Ни музыкального, ни общего образования у вчерашнего помощника приказчика не было.

Больше года провел Чиркин в Соловьином доме едва ли не взаперти, занимаясь с раннего утра до поздней ночи. В заключение получил более благозвучную фамилию Лаврова и появился перед зрителями во время торжественного открытия Боль-

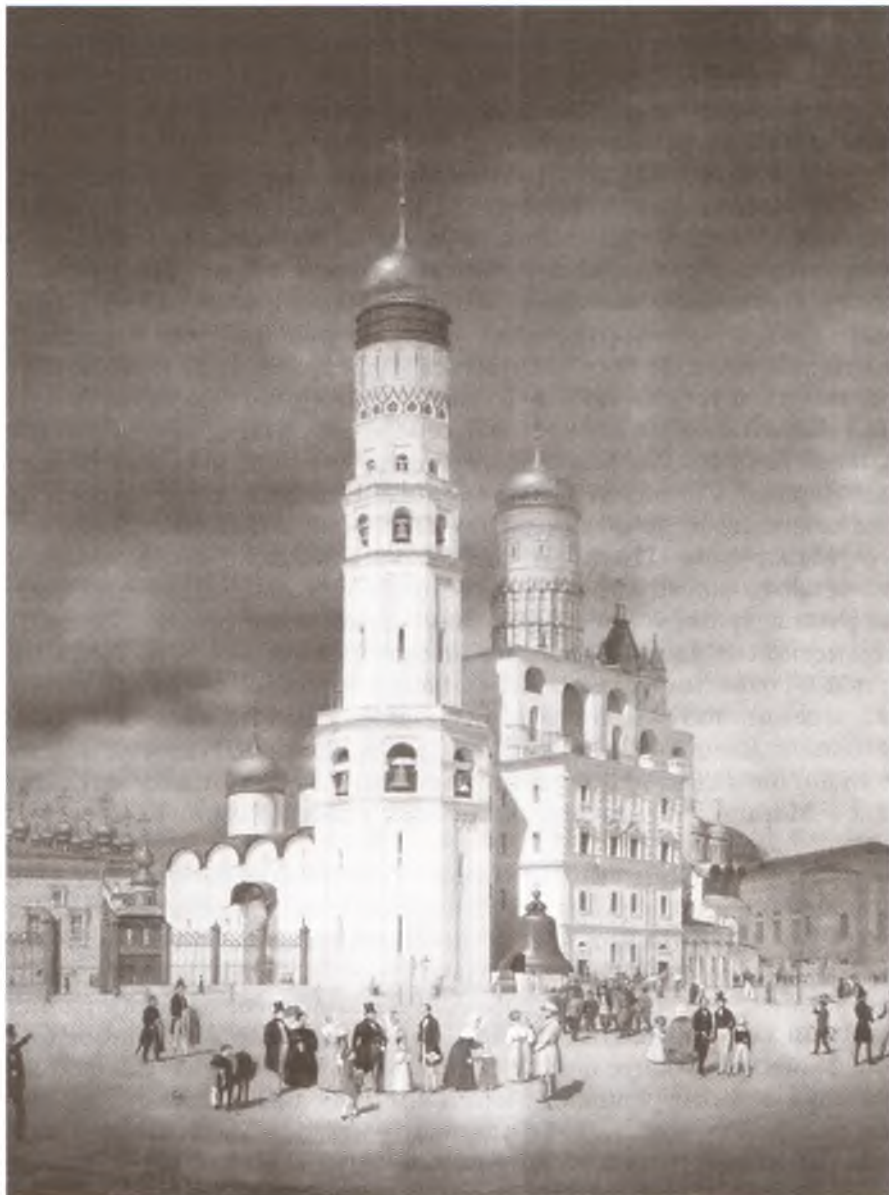

шого театра. Начинал с драматических спектаклей. И если самого Кокошкина отличала любовь к классической трагедии, выпранный стиль, Лавров отличался предельной простотой и естественностью на сцене. Он превосходно играл Шекспира и был первым исполнителем роли Мельника в драматической постановке пушкинской «Русалки». Лавров был партнером Щепкина, Надежды Репиной, Павла Мочалова, супругов Сабуровых, Булахова, и современники согласно утверждали, что в жанровых ролях он не уступал самому Михайле Семеновичу. Не меньшие восторги вызывал и голос Лаврова. Заезжие итальянские знаменитости писали о его необычайно широком диапазоне: он пел партии от теноровых до басовых и мало кому удавалось слышать второй такой богатейший бас профундо. Для Лаврова писали многие композиторы, и в одном только архиве Алябьева сколько переписано пушкинских строк с неизменной пометкой: «Для Лаврова». Так сама судьба привела Лаврова в этот легендарный дом.

Когда-то отстроенный князьями Шаховскими, позднее принадлежавший любимой племяннице Г.А. Потемкина-Таврического княгине Варваре Васильевне Голицыной, Соловьиный дом чудом уцелел в пожаре 1812 г. Широкие ворота с Калашного переулка вели во двор, полный казенных театральных и частных карет. От большого дома крылья флигелей полукругом смыкались у погоста церкви Бориса и Глеба. Гудели колокола соседнего Крестовоздвиженского монастыря, плыли звоны кремлевских соборов. Толпа на Арбатской площади торговала, разбирала воду из большого фонтана, вечерами спешила в Итальянскую оперу, размещавшуюся в Апраксинском доме, растекалась по бульварам с еще не до конца отстроенными особняками, вновь посаженными садами. Было шумно, ярко, весело, и Варламов, привыкший к чисто прибранному Петербургу, к западным городам, неожиданно для самого себя испытал, как признавался, чувство возвращения к чему-то близкому и понятному. Возвращения в родные места.

Его ждут в десятках московских домов как старого знакомого. Пушкин приглашает его в числе самых близких друзей на «мальчишник» в канун свадьбы. И как бы ни пытались советские пушкиноведы обвинять участников «мальчишника» в ошибке — дескать, перепутали очевидцы композитора Варламова с композитором Верстовским, который, по их мнению, должен был там быть, — приятели поэта упрямо, один за одним называли именно его имя. Пушкин «накануне свадьбы был очень грустен и говорил стихи, прощаясь с молодостью (был Варламов), ненапечатанное. Мальчишник. А закуска из свежей семги. Обедало у него человек 12, Нащокин, Вяземский, Баратынский, Варламов, Языков...» Другой свидетель: «Накануне свадьбы Пушкин позвал своих друзей на мальчишник, приглашал особыми записочками. Собралось обедать человек 10, в том числе были Нащокин, Языков, Баратынский, Варламов, кажется, Елагин (Алексей Андреевич) и пасынок его Иван Васильевич Киреевский. По свидетельству последнего, Пушкин был необыкновенно грустен, так что гостям его было даже неловко. Он читал свои стихи прощание с молодостью, которых Киреевский после не видал в печати». Это было 17 февраля 1831 г., и едва ли не с тех же дней Варламов становится посто-

Э. Гертнер. Ивановская
площадь в Московском
Кремле. 1839 г.

янным гостем соседней квартиры Соловьиного дома — друзья вводят его в салон Марии Дмитриевны Львовой-Синецкой.

Современникам оставалось только недоумевать. Пушкин, такой взыскательный и ревнивый в отношении своих произведений, Пушкин дал согласие на инсценировку «Цыган», и где же — в Большом театре, в Москве, из которой уехал около полугода назад с молодой женой и где оставил столько литературных собратьев, мнением которых особенно дорожил. Положим, за переделку поэмы брался Василий Андреевич Каратыгин, прославленный петербургский трагик и критик, увлекавший Пушкина своей сценической игрой еще до ссылки поэта на юг, неплохой переводчик, чьи книги с дарственными надписями хранились до конца в пушкинской библиотеке, наконец, муж ценимой современниками актрисы Александры Колосовой. Изменчивый характер поэта не облегчал отношений с обоими супругами. Пушкин то посвящал Колосовой востор-

женные строки: «О ты, надежда нашей сцены», то спустя год бросался в лагерь поклонников Екатерины Семеновой, то и вовсе не щадил артистки в эпиграммах, то снова объявлял себя восторженным поклонником Александры Михайловны – «Кто мне пришлет ее портрет...».

Но к зиме 1831 г. страсти давно успели улеться. Поэт читал в доме Каратыгиных «Бориса Годунова» и просил хозяев сыграть сцену у фонтана Самозванца и Марины Мнишек, благо до него еще не успел дойти каратыгинский отзыв о трагедии: «галимаття в шекспировском духе». Пройдет шесть лет, и Пушкин подарит Каратыгину рукопись «Скупого рыцаря» для бенефиса, который должен был состояться 1 февраля 1837 г. и был отменен из-за гибели поэта. Только все это дело будущего. А пока В.А. Каратыгин хлопочет не о себе и даже не о петербургской сцене. Речь идет о бенефисе в старой столице московской звезды Львовой-Синецкой. Это ее коротенькая записочка с просьбой вызывает немедленный благожелательный ответ Пушкина.

Между тем «Цыганам» не отводилось даже сколько-нибудь почетного места в раскладе бенефиса. Сначала должна была играть драма в двух действиях «Вина» сочинения любимого артисткой Э. Скриба, затем одноактная комедия того же Э. Скриба в сотрудничестве с Мельвилем «Другой год брака, или Кто из них виноват?» и лишь в заключение картины из пушкинской поэмы с Львовой-Синецкой в роли Земфиры. Пушкина не смутил ни порядок исполнения пьес, ни возраст исполнительницы – Марии Дмитриевне оставалось совсем немного до сорока лет.

С ней Пушкин участвовал в любительском спектакле у Олениных, по всей вероятности, незадолго до своей южной ссылки. Шли «Воздушные замки» любимого поэтом Н.И. Хмельницкого. Добрые отношения с талантливой любительницей у поэта завязались еще на «чердаке» А.А. Шаховского, где собирались каждый вечер завязанные театралы, в том числе А.С. Грибоедов.

Успех на любительской сцене определил потребовавшее немалой смелости решение Марии Дмитриевны поступить на сцену профессиональную. Ее первым учителем становится князь А.А. Шаховской, последующим – Ф.Ф. Кокошкин. Составление московской труппы пришлось как нельзя более кстати. Почти одновременно с Н.В. Лавровым Львова-Синецкая зачисляется в казенную труппу и переезжает в квартиру у Арбатской площади.

Первые любительские опыты Марии Дмитриевны были замечены театралами, и когда Кокошкин получает руководство московской сценой, он предлагает Львовой-Синецкой место в драматической труппе. В 1823 г. новая актриса оказалась в белокаменной. И для первого же ее бенефиса старый петербургский знакомец А.С. Грибоедов пишет комедию «Кто брат, кто сестра?», где мужскую и женскую роли с одинаковым блеском исполняет Мария Дмитриевна.

Это первая зима, которую проводит в Москве Грибоедов после ухода в армию в 1812 г. По каким-то причинам до того времени ему приходилось бывать в родном городе лишь проездом. Теперь он привез с Кавказа первые два акта своей еще не законченной комедии, живет на Мясницкой у армейского друга Степана Бегичева, проводит все вечера в театрах и на званых вечерах, собирает, по собственному выражению, впечат-

ления для «Горя от ума». Конечно же, бывает у Марии Дмитриевны в Соловьином доме. Лучшая исполнительница его первых драматических опытов — он очень дорожит добрыми отношениями с ней. Но откуда было Грибоедову знать, что именно Марии Дмитриевне достанется стать первой исполнительницей роли Софьи, когда в Москве будет осуществлена первая постановка «Горя». Критики не замедлят обрушиться на актрису за неверное, с их точки зрения, истолкование роли. Еще бы! Вместо неумной кисейной барышни она сыграет девушку с сильным характером, когда-то влюбленную в Чацкого, обманутую в своей первой любви, на шесть лет оставленную им и отчаянно борющуюся с былым чувством ради израненного самолюбия.

Слишком сложно и неуместно — утверждали критики. Исследования наших дней покажут — права была только Львова-Синецкая. Как актриса она догадывалась, как добрая знакомая могла и просто знать личную жизнь Грибоедова. В истории Малого театра вообще обвинили любимицу московской публики в ходульности и неспособности передавать живую страсть. Вот только Пушкину она виделась иной. Это было совсем особое и непохожее на поэта отношение к женщине — без намека на флирт, без иронических замечаний, без обсуждений с приятелями. А ведь они знали друг друга давно, познакомились у Олениных сразу после выхода Пушкина из лицея, больше того — вместе играли в любительской постановке «Воздушных замков» Хмельницкого: первая и едва ли не единственная попытка поэта выйти на сцену.

В любой стране о ней были бы написаны книги. Ее имя знал бы каждый выученик театральной школы, не говоря об историках и любителях театра. В любой, но не в России. Те же авторы последней по времени выхода истории Малого театра безразлично констатируют, что ничего не знают ни о происхождении актрисы, ни о ее прошедшей на глазах всей Москвы жизни. Семья, родные, обстоятельства биографии — все покрыто мраком неизвестности. А между тем тридцать пять лет, из года в год, в самый разгар сезона, обычно в январе, Москва переполняла Большой театр ради бенефиса актрисы, ради ее поразительной игры и не менее интересного репертуара, который она умела подбирать как никто другой. Сказывалось превосходное знание отечественной и западной драматургии, которую Мария Дмитриевна перечитывала в подлиннике, и безукоризненный вкус, вызывавший восторг профессоров Московского университета, вроде Н.И. Надеждина, или его студентов, как И.А. Гончаров и Ф.И. Кони. Все они были постоянными посетителями ее салона.

Варламов близко узнает Марию Дмитриевну во время выхода на сцену «Горя от ума». Но едва ли не большее впечатление на него производит относящаяся к тем же первым месяцам жизни в Москве ранняя смерть Николая Цыганова: ее связывали с судьбой артистки. Первый русский бард, о котором все успели забыть. Актер московской казенной сцены, поэт, несомненно оказавший большое влияние на Кольцова, Цыганов сам исполнял свои стихи под гитарный аккомпанемент. Говорили, ему подсказала такой прием Львова-Синецкая. Цыганова почти всегда можно застать в гостиной Марии Дмитриевны. Он не пытается бороться со своей безнадежной любовью, и не она ли

сводит Николая Григорьевича тридцати трех лет в могилу. Варламов стоит у его гроба, и он разделяет чувство покойного: образ прекрасной и недоступной Марии Дмитриевны заполняет всю его жизнь. Не видеть ее, не говорить с ней, не бывать у нее каждый день становится для Варламова невозможным.

Между тем у Марии Дмитриевны нет и тени легкомыслия. Она не кокетлива, и, может быть, именно потому, что не ищет поклонников, приобретает их множество. Она по-прежнему увлечена театром, способна часами говорить о ролях и пьесах. Спокойный взгляд ее темных глаз скорее завораживает своей глубиной, чем сулит неожиданные переживания. О ней говорят ее университетские знакомые, что она видит человека и сквозь человека. Природная доброта и великодушие не мешают актрисе быть очень требовательной к себе, к товарищам по сцене. С ней каждый раз познаешь все новые глубины человеческой души, — признается также безнадежно влюбленный в Марию Дмитриевну великий трагик Павел Мочалов. Это ей, своей неизменной партнерше по сцене, посвящает он скорбные строки: «Ах, нет, друзья, я не приду в беседу вашу». 27 ноября 1831 г. в первом спектакле «Горя от ума» он выйдет на сцену вместе с Львовой-Синецкой — блистательный Чацкий, удивительная Софья.

Судьба так рано ушедшего из жизни Цыганова не оставила равнодушным никого из его товарищей-актеров. Михайла Семенович Щепкин забирает в свою семью осиротевшую и лишенную средств к существованию мать Николая Григорьевича. Мария Дмитриевна помогает старушке деньгами, хлопочет о пенсии и — подсказывает Варламову мысль сочинить музыку к стихам Цыганова. Она же помогает их издать. В январе 1833 г. в «Молве» появляется сообщение: «...песни сии и отдельно от музыки имеют свое достоинство, но вместе с прекрасными голосами Г. Варламова составляют весьма приятный подарок на Новый год и для литературы и для любителей музыки... Воспоминание о человеке с дарованиями, так рано кончившем жизнь свою, есть достойная ему дань». Варламов и раньше пробовал свои силы в сочинении музыки, но это было действительно его рождением как композитора. Известного. Любимого. И влюбленного — лучший из романсов сборника «Красный сарафан» был посвящен Львовой-Синецкой.

В истории русской музыки, по всей вероятности, невозможно найти пример такого успеха и популярности. В считанные дни «Красный сарафан» облетает всю Россию. Романс пели в великосветских гостиных и в деревнях, в провинциальном захолустье и на столичной сцене. Гоголь заставляет напевать «Красный сарафан» Хлестакова, а Полина Виардо будет непременно исполнять полюбившуюся мелодию на своих концертах.

Современник вспоминал: «Мы были свидетелями, как Виардо обрадовалась, встретив случайно в одном доме господина Варламова; она тотчас же села за фортепьяно и пропела его «Сарафан». По словам А.О. Смирновой, Пушкин-жених просил Н.Н. Гончарову не петь ему «Красного сарафана», иначе он с горя уйдет в святогорские монахи. Смешливый В. Сологуб писал: «У нас барышень вдоволь. Все они по природному внушению поют варламовские романсы... Кончился стол. — Олимпиада, спой что-нибудь. — Маман, я охрипши. — Ничего, мой друг,

мы люди не строгие. — Сережа кланяется, подает стул, и Олимпиада просит свою маменьку самым жалобным голосом не шить ей красного сарафана. — Шармант вуа! браво! — говорит Сережа. — Прекрасная метода...»

И даже спустя сто лет Голсуорси в своем романе «Конец главы» обратится все к тому же околдовавшему всю Европу романсу: «— Ты обедал, Рональд? — Ферз не ответил. Он смотрел на противоположную стену со странной и жуткой усмешкой. — „Играйте“, — шепнула Динни. Диана заиграла «Красный сарафан». Она вновь и вновь повторяла эту простую и красивую мелодию, словно гипнотизируя ею безмолвную фигуру мужа. Ферз не шелохнулся. Усмешка сбежала с его губ, глаза закрылись. У него был вид человека, который заснул так же внезапно, как загнанная лошадь валится между оглоблями перегруженной телеги. — „Закройте инструмент, — шепотом бросила Динни. — Идемте ко мне“».

Кроме «Красного сарафана», в первом сборнике Варламова-Цыганова были романсы «Ох, болит да щемит», «Что это за сердце», «Молодая молодка в деревне жила», «Смолкни пташка-канарейка», «Ах, ты, время, времечко», «Что ты рано, травушка». Один варламовский романс следовал за другим, а все вместе они приносят — не без деятельного покровительства Марии Дмитриевны — решительный поворот в судьбе Александра Егоровича. Уже в 1834 г. он получает место «композитора музыки» при оркестре московских казенных театров. Это было полным и неоспоримым признанием. Одновременно Варламов начинает издавать музыкальный журнал «Эолова арфа», где наряду с собственными произведениями печатает сочинения М.И. Глинки, А.Н. Верстовского и многих других современных композиторов.

Восемьдесят пять первых и лучших романсов рождаются за десять лет жизни в Соловьином доме, рядом с Марией Дмитриевной. «Белеет парус одинокий», «Горные вершины» на слова Лермонтова, «Скажи, зачем явилась ты», «Что отуманилась, зоренька ясная», «Зачем сидишь ты до полночи» — каждое сочинение было событием и почти каждое в первый раз исполнялось в гостиной Львовой-Синецкой или в ее уютном загородном доме в Марьиной деревне. Как писал один из музыкальных критиков о пении Варламова, «чтоб передать свою песнь на бумаге так, как она была пропета, стоило бы великих трудов и едва ли достало всех условных музыкальных знаков». С этим полностью соглашался и великий Ференц Лист, приезжавший с концертами в Москву в начале сороковых годов. Варламов знакомил его с русской музыкой и — что самое удивительное — с цыганской, с московскими цыганскими хорами. В последний день своего пребывания в Москве Лист пришел в Соловьиный дом к Варламову на прощальный обед, попросил Александра Егоровича сесть в последний раз за фортепьяно спеть да так заслушался, что пропустил свой дилижанс и остававшуюся до следующего дилижанса неделю провел безвыходно в варламовской квартире, не отпуская хозяина от инструмента.

Новая жизнь, широкая известность, но личного счастья не было. В 1840 г. удастся благополучно завершить дело о разводе — Варламов остается с четырьмя детьми на руках. Матери их судьба никогда не была интересна, и она не думает за-

ботиться о них. Но эти семейные сложности не имеют отношения к Марии Дмитриевне — она все так же далека, как восхитительный лунный свет, по выражению Павла Мочалова, на который нельзя не смотреть и к которому невозможно прикоснуться. К тому же Варламову еще нет сорока, а Марии Дмитриевне уже сорок пять, и цену возрасту она хорошо знает. Вместе с друзьями актриса советует композитору еще раз попробовать наладить спокойную семейную жизнь, которой его обделила судьба. Находится и невеста — скромная, влюбленная в варламовскую музыку семнадцатилетняя Мария Сатина.

Может быть, слишком скромная и наверняка слишком молодая. Спустя два года наступает самый страшный для Варламова разрыв с безраздельно господствовавшим в московских театрах композитором А.Н. Верстовским. Сказывается профессиональная ревность, которой до того времени удавалось избегать благодаря советам и влиянию Марии Дмитриевны, но о которой не имеет представления юная Варламова, не способная вмешиваться в дела мужа.

В течение 1842—1844 гг. Верстовский лишает Варламова почетных и доходных бенефисных концертов в Большом театре. В декабре 1844 г. Варламов не выдерживает и подает прошение об увольнении, которое незамедлительно удовлетворяется. Композитору назначается нищенский пенсioen в 285 рублей годовых. И теперь уже с шестью детьми и женой он предпочитает уехать в Петербург. Поэтический роман, а вместе с ним и вдохновение Соловьинного дома были кончены.

Но Петербург по-прежнему неприступен, особенно для неудачника. Варламов не найдет должности даже в родной ему Певческой капелле — Министерство двора против его кандидатуры. Он вынужден скрываться от бесконечных кредиторов и в чужих гостиных на клочках бумаги писать романсы, которые можно за гроши тут же продавать издателям. Жизнь унижительная и безнадежная продлится, по счастью, всего три года. Варламов умрет от сердечного приступа в гостиной чужого дома, завещав жене с двумя малолетними детьми на руках искать помощи только у его нового петербургского друга композитора А.С. Даргомыжского.

А Мария Дмитриевна так и не выйдет замуж. Она будет еще долго блистать на московской сцене, переиграет множество ролей, всегда первых, всегда восторженно встречаемых москвичами, — несравненная Мария Стюарт, соблазнительная и ловкая Городничиха в «Ревизоре», великосветская дама в пьесах А.Н. Островского. Она расстанется с театром на пороге семидесяти лет и почти мгновенно канет в реку забвения, как и все актеры. Ее похороны в 1875 г. не соберут и кучки поклонников. «Забытый талант» — будет озаглавлена единственная посвященная ей заметка в газете. Это был год дебюта на сцене Александрийского театра в Петербурге замечательного русского актера-комика Константина Александровича Варламова, сына композитора и его второй жены. Мария Дмитриевна будет интересоваться судьбой Варламова-младшего, попытается поклониться праху отца. Напрасно. Могила композитора Александра Варламова на Смоленском кладбище Петербурга была смыта одним из наводнений Невы.

«Господи, за что же! Его-то, незлобивого и светлого, за что?» — из письма актрисы Львовой-Синецкой.

2002 г. — последний в истории Соловьиного дома. Отселенный и окруженный глухим забором, он долго ждал решения своей участи — полной перестройки, с перепланировкой, нахлобучиванием таких чужих Москве мансард, с новыми, конечно же, алюминиевыми рамами, лишаящими здание старого рисунка, бетонными лестничными пролетами вместо дошедших до наших дней белокаменных. Пока на День Победы не был снесен. До основания. И никогда никто из исследователей будущих поколений не получит возможности заглянуть в его нераскрытые тайны, восстановить пушкинские, а где-то и екатерининских времен интерьеры, удержать ускользающие тени пушкинских знакомцев. Какими же горькими и гневными словами вспомнят они наши годы. И будут правы.

ПРАВДА МОСКОВСКОГО СОЛОВЬЯ

Иногда в музыке нравится что-то совсем неуловимое и не поддающееся критическому анализу. Я не могу без слез слышать «Соловья» Алябьева.

П. И. Чайковский, 1877

«Об Алябьеве замечаний писать не имею времени — извините». Желание М.П. Погодина почтить в «Москвитянине» память только что ушедшего из жизни композитора А.Н. Верстовский не собирался удовлетворить. Былая дружба с покойным? Совместные сочинения? Тянувшаяся через всю жизнь переписка? Но управляющий Конторой московских императорских театров за годы выполнения высоких обязанностей не запятнал себя поддержкой ссыльного товарища, ни в чем не посодействовал появлению в репертуаре его произведений.

Погодин нашел другого автора? Тем лучше. «Статья об Алябьеве прекрасна — но в ней нет ничего из его музыкальных произведений!.. Алябьев, сколько известно, был сослан за карточную игру и смерть Времева».

Несколько строк — и целая эпопея человеческих отношений. Верстовский не колебался назвать причины наказания. Судите сами — карточная игра! И даже не ошибся в имени человека, с которым был связан перелом алябьевской судьбы. Тени давних дней — как бы ни отнесся к ним издатель, некролог в «Москвитянине» не появился.

Уж если сам Верстовский!.. Немногочисленным биографам композитора вступать в спор не приходилось, и это при том, что двух сколько-нибудь совпадавших изложений «дела» не су-

ществовало. Противоречия громоздились одно на другое, множились, обрастали новыми подробностями тем легче, что за ними не стояло документальных подтверждений. Неизменной оставалась схема: гусарская среда – лихие нравы – ссора за карточным столом – смерть одного из картежников.

Между тем документы, которые позволили бы выяснить подлинный смысл случившегося, существовали, и притом во множестве. Исторический архив Московской области – фонды I отделения Московской палаты гражданского и уголовного суда и московского военного генерал-губернатора. Исторический архив Москвы – фонд III отделения. Государственный исторический архив в Санкт-Петербурге – фонд гражданских и духовных дел Государственного совета. Но даже будучи обнаружены исследователями, они не привели к окончательному и обоснованному в каждой своей части выводу: виновен – не виновен. Наконец, если виновен, то в чем. А если невиновен, так что же позволило обвинению продержаться вплоть до наших дней?

* * *

Товарищи на ратном поле,
Среди врагов, в чужих краях
Встречать уже не будем боле
Мы смерть столь славную в боях.

*«Прощание гусара». Музыка А.А. Алябьева,
стихи Н. Оржикского*

Речи не было – он не собирался оставлять военную службу. Чины, награды, благоволение начальства – их было мало, но они его и не занимали. На исходе четвертого десятка лет твердо знал: лучшие десять с лишним прошли в полку. Служба не мешала единственному увлечению – музыке. Высочайшее повеление об отставке стало тем большей неожиданностью, что, как оказалось, было предрешено до ухода в обычный отпуск. О состоявшемся увольнении не знал даже командир полка, адъютантом которого он состоял.

События разворачивались как пущенная вспять кинолента. 26 ноября 1823 г. отъезд в месячный отпуск, предоставленный полковым командиром. 25 ноября приказ главнокомандующего I армии о четырехмесячном отпуске, поступивший уже после отъезда. 13 ноября высочайший указ об увольнении, опубликованный с опозданием в две недели. Полный пансион, очередной чин – возврата для подполковника Александра Алябьева не оставалось. Причина выглядела вполне достойно – «за ранами». Только ран не было. Единственная за годы сражений пуля, тронувшая руку, не вывела из строя, не заставила написать о себе родным.

В одном приказе с Алябьевым стояло имя уволенного «за болезнями» его ближайшего друга генерал-майора Дениса Васильевича Давыдова.

Алябьев смеялся, что не умел ладить с Петербургом. Другое дело – Москва. Правда, и в ней многое изменилось. Не стало матери и отца. Вместо родного гнезда на Козихе наемный дом в Леонтьевском переулке. Вместе со старшей сестрой Катей. И с майором Давыдовым. Случайное знакомство военных лет, перешедшее в близкую дружбу.

Г. Делабарт. Вид на Москву с балкона Кремлевского дворца в сторону Москворецкого моста. 1797 г. Фрагмент

Театр становится главным — из увлечения профессией. Об алябьевской музыке хлопотали прославленные бенефицианты и дирижеры, устроители концертов и приезжие знаменитости. Ему и раньше не отказывали в признании, теперь его имя не сходило с афиш.

Репетиции. Оркестровые. Вокальные. Спектакли. Премьеры. Застать его дома почти невозможно. Даже работать подчас приходилось на стороне — в Леонтьевском так и не успел обзавестись хорошим инструментом. В ходе следствия слуги подтвердят — какие там гости! Ни шумных приемов, ни полуночных застолий.

Разобраться в «деле»... Очевидцы не оставили воспоминаний. Зато существовало свидетельство не менее достоверное, подтвержденное перекрестными допросами и очными ставками, — разросшееся до сотен листов дело под № 153 «Экстракт к делу Алябьева с прочими».

24 февраля 1825 г. За столом в доме на Леонтьевском Алябьев, Давыдов, их давний знакомый, приехавший по делам в Москву Времев. И Калугин, сосед Времев по воронежскому

поместью и спутник по московской поездке. Из докладной записки Бенкендорфа Николаю I: «Калугин, оставленный по суду в подозрении за лихоимство в повальном обыске, оглашенный любодеем и бежавший дважды из-под караула». Это его прошлое в 28 лет от роду, нисколько не смутившее Времева. У них общие дела, общие денежные предприятия.

К концу обеда приедут Н.А. Шатилов, муж сестры Алябьева Варвары Александровны, и И.А. Глебов — майор в отставке, только что приехал в старую столицу, впервые оказался в доме.

Разговоры. Воспоминания. Непременная музыка — хозяину редко доводилось так много играть и петь. И все же гости разошлись задолго до полуночи. Первым Глебов, за ним Времеv и Калугин, последним заходивший поклониться Катерине Александровне Шатилов. Она жила своей жизнью и к гостям брата не выходила.

Версий последующих событий, как и самого вечера, позднее сложится множество. Собравший все возможные варианты Бенкендорф не сомневался: вернувшись от Алябьева, Времеv спокойно лег спать. Наутро им был задуман сложный и непонятный финт. Времеv выезжает из Москвы, но на первой же почтовой станции, в Чертанове, устраивается на ночлег. На следующий день он возвращается в город, где его, оказывается, ждет множество дел. И только такие мастера сыска, как знаменитый Яковлев, могли во всех подробностях их восстановить.

Итак, оформил доверенность и дал заемное письмо другому своему соседу по имению и ближайшему приятелю Калугина Антонову. Купил в рядах и отправил вперед в Воронеж повозку. Объехал несколько домов с прощальными визитами. Записался в книге отъезжающих у полицейского офицера. Выкупил заложенные часы. После всех хлопот вернулся в Чертаново и долго растирался на ночь мазями, жалуясь на ломоту и стеснение в груди. Из донесения того же сыщика Яковлева следовало, что 27 февраля он «рано разбудил человека Андрея проводить себя на двор для телесной нужды, куда и пошли; а как он стал испражняться и в виду того человека упал и умер». На постоялом дворе остался один Калугин.

Дальше все пошло установленным порядком. Полицейский протокол. Вскрытие. Заключение уездного лекаря Корецкого: смерть произошла «от сильного апоплексического удара, коeму споспешествовали сырое тела его сложение, преклонные лета и какое-нибудь сильное волнение». Мысль о сильном волнении вряд ли сама пришла в голову лекарю. Калугин должен был при всех обстоятельствах позаботиться о собственной безопасности.

Единственный свидетель! 28 февраля ему придется давать Земскому суду показания об обстоятельствах смерти. Никаких особых обстоятельств приведено не было. Конечно, никакого насилия. Никакой карточной игры. Слова Калугина во всех мелочах совпали с рассказом времевского человека Андрея. Сомнений в естественности наступившей смерти не возникало. Но — Калугин должен был дать подписку о невыезде: оставались невыясненными некоторые имущественные вопросы. Количество денег, найденных у покойного, не совпадало с тем, которым Времеv должен был располагать. Разница составляла не менее 1600 рублей.

* * *

И вовеки надо мною
Не сольется, как поднесь,
Небо светлое с землею...
Там не будет вечно здесь.

«Воспоминание».

*Музыка А.А. Алябьева,
стихи В.А. Жуковского*

Недостающие деньги помешать погребению, само собой разумеется, не могли. 3 марта в Симоновом монастыре тело Тимофея Времева было предано земле. 5 марта С.А. Калугин подал записку в канцелярию военного генерал-губернатора. В записке участники обеда у Алябьева Шатилов, Давыдов и Глебов обвинялись вместе с хозяином в крупной и непорядочной игре и драке, приведшей к смерти обыгранного ими на сто тысяч рублей и отказавшегося расплачиваться Времева.

Подробности? Казалось, чего проще. Государственный исторический архив Московской области, фонд Московского военного генерал-губернатора, опись 4, связка 449 и под № 2602 «Дело о произведении следствия о внезапной смерти коллежского советника Времева». Только записки Калугина в нем не было. Ее не существовало нигде. Сохранились свидетельства, что она не имела ни числа, ни подписи доносителя. И что в скором времени была изъята из дела, которое — будучи раз начато — продолжалось без нее.

Объяснения Калугина по поводу исчезнувших времевских денег носили достаточно невразумительный характер. Калугин не мог отрицать, что они так или иначе связаны с ним. Часть была якобы передана самим Времевым Антонову, другую, по его поручению, передал тому же Антонову Калугин. Круг замкнулся. Доноситель и единственный свидетель в одном лице поддерживали друг друга. Впрочем, не только в этом.

Утверждения Калугина целиком опирались на свидетельства одного Антонова. Другое доказательство — письмо Времева Антонову с фразой о «великой неприятности», случившейся «вчерашним днем». Правда, «неприятность» не была раскрыта. Правда и то, что «вчерашний день» приходился на 25-е: на письме стояли даты, проставленные рукой отправителя и получателя, — 26 февраля.

Много сложнее обстояло дело с почерком. Времевское письмо — Калугин принужден признаться — было написано «под диктовку» им самим. Времева ограничился тем, что его подписал. Но в «Деле о скоропостижной смерти коллежского советника Времева» под № 206 первой описи фонда Государственного совета по департаменту гражданских и духовных дел на листе 98-м безоговорочно утверждается несходство подписи в письме с подлинной рукой Времева. Варвара Александровна Шатилова-Алябьева была права: «Подпись руки Времева, сличенная в Правительствующем Сенате с прочими его письмами, оказалась несходной. На таком подозрительном акте сооружено обвинение четырех семейств единственно в том намерении, чтобы прикрыть неосновательные донесения начальников губернии».

Оснований для возбуждения дела по меньшей мере недостаточно. И тем не менее события начинают развиваться с

ошеломляющей стремительностью. Через четыре дня после подачи записки Калугин дает объяснения гражданскому губернатору Г.М. Безобразову. Еще день, и 11 марта обер-полицмейстер Шульгин 1-й обратится к московскому митрополиту Филарету за разрешением на эксгумацию тела, и властный, суровый Филарет незамедлительно просимое разрешение дает. Почему?

Теперь Шульгин 1-й свободен в своих действиях. У Алябьева, Шатилова, Давыдова и Глебова отбирается подписка о невыезде. 14 марта происходит эксгумация, превращаемая с ведома и по желанию полиции во всенародное зрелище. Первый и единственный раз в истории Москвы! Главный помощник Шульгина 1-го, не уступающий ему в ретивости и службистском рвении полицмейстер А.П. Ровинский приглашает — иного определения не найти — присутствовать всех желающих. Вскрытие будет происходить среди бела дня в самом Симоновом монастыре — оговоренное Филаретом или подсказанное ему условие — при гостеприимно распахнутых воротах.

«Не сотни, может быть, тысячи, — напишет под свежим впечатлением случившегося Екатерина Александровна Алябьева, — были зрителями сего необыкновенного, ужасного и жалостного зрелища, разнесшегося тотчас по стогнам столицы с ожидаемою баснею». Именно ожидаемою.

Меры предосторожности были предусмотрены. Производившего вскрытие прозектора не привели, как того требовала юридическая процедура, к присяге, и главное — ему не дали подписать протокол. Ото всего можно было отказаться, все поставить под сомнение. Листы 13-й и 14-й дела № 45 за 1826 г. «О лицах, прикосновенных к делу об обыгрии в карты и убиении коллежского советника Времева», хранящегося в фонде III Отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии, сохранили все отдававшиеся распоряжения. Путь для слухов и сплетен свободен. Доброе имя Алябьева, заслуги боевого офицера, слава любимого композитора окажутся под ударом много раньше, чем события примут роковой оборот.

14 марта — эксгумация тела Времева. 17 марта — первый допрос Алябьева. 18 марта — выделена стража для домашнего ареста обвиняемых и арестованы все слуги не только самого Алябьева, но и его сестры Екатерины Александровны. 19 марта — арест Калугина, которого помещают в съезжий дом. И это самое непонятное.

Доносчик благонамеренный и верноподданный на одном полюсу с предполагаемыми преступниками! Потому ли, что обер-полицмейстеру его роль не представляется однозначной, потому ли, что пребывание в съезжем доме способно оградить бывшего стряпчего от нежелательных встреч и воздействий, — слишком легко начинает он противоречить самому себе. А Калугин нужен. Время покажет — очень нужен. В конце концов, только благодаря ему генерал-губернатор Д.В. Голицын будет иметь основание обратиться с докладной запиской о произошедшем в старой столице неслыханном злодеянии. Подобно обер-полицмейстеру, князь не собирался терять ни одного дня.

* * *

В Москве составилось общество богатых игроков под председательством славного Чекалинского, прошедшего век свой за картами и нажившего некогда миллионы, выигрывая векселями и проигрывая чистые деньги.

А.С. Пушкин. «Пиковая дама»

Докладная записка государю кипела благородным негодованием: в Москве обнаружилось «Игрецкое общество»! Пусть недавно возникшее — Голицын называл временем его образования январь 1825 г., но уже заявившее о себе тягчайшими преступлениями. К убийству присоединялось еще и ограбление — шулерство. Имена участников — Шатилов, Алябьев, Давыдов и Равич, «бывший под именем полковника Глебова» и являвшийся руководителем. И это при том, что по сведениям, доставленным сыщиком Яковлевым, никогда до 24 февраля 1825 г. карточной игры в доме Алябьева не бывало, а знакомство композитора с Равичем носило поверхностный характер.

Что же имел в виду Голицын? Борьбу с картами? Но они бытовали повсюду. Если речь шла о высоких ставках и значительных проигрышах, то они постоянно касались Пушкина. Друзьям хорошо знакома эта слабость, и они только подшучивают над нею. Тот же генерал-губернатор и обер-полицмейстер спокойно мирятся с существованием откровенных игорных домов бок о бок с учреждениями, казалось бы, обязанными бороться с ними. Если на Большой Дмитровке, 15 в принадлежащем генерал-губернатору доме располагалась квартира обер-полицмейстера, то в дом № 9 съезжалась ежевечерне вся карточная Москва к В.С. Огон-Довгановскому. Скромный помещик Серпуховского уезда был профессиональным игроком и стал прообразом Чекалинского в «Пиковой даме». Переписка Пушкина с П.А. Вяземским полна упоминаний о денежных обязательствах Довгановскому.

Голицын явно запутывается в своем донесении. Уже в июле 1825 г. ему приходится признаться, что с Равичем произошла обыкновенная ошибка: в алябьевском доме находился самый настоящий Глебов. Не полковник — майор. Участник Отечественной войны, побывавший в пятидесяти сражениях. И тем не менее извинений в адрес К.Е. Равича не последовало. Равича будут изводить допросами все время следствия по делу Времева. Его заключат в тюрьму, как только дело будет завершено. Конкретных обвинений предъявить не удалось, зато осталось «подозрение» неизвестно в чем и неизвестно на каком основании. Но этого оказалось достаточным, чтобы семь лет продержать «подозреваемого» в московской тюрьме и затем сослать в Сибирь.

Равич слишком хорошо понимал, как бесполезно доказывать свою невиновность относительно никак не сформулированной вины. В письме Бенкендорфу через несколько лет тюремного заключения он напишет: «Генерал-губернатору оставалось или сознаться в неправильном донесении своем, что вероятно было несовместимо с честолюбием его сиятельства, или для прикрытия горькой для него истины примешать меня

к делу Времева, дабы тем поддержать свое донесение, каковое последнее средство и избрано им было».

Судьба Равича целиком в руках Голицына – это знают окружающие, и потому именно к нему обратится спустя тринадцать лет московский комендант генерал-лейтенант К.Г. Стааль: если бы князь проявил истинное милосердие и попросил императора за ссыльного. Голицын отвечает категорическим отказом. Довод главнокомандующего предельно прост: он, «сделавшись однажды преследователем человека – не может уже за него быть ходатаем». Именно преследователем – не блюстителем закона. Но в том, что Голицын не пожелал изменить взятой на себя роли, имела значение и позиция Равича. Его чувство собственного достоинства и независимость, сохранявшиеся даже в письме Бенкендорфу. Годы тюрьмы не повлияли на «строптивый» его характер. Для московского главнокомандующего здесь оживали отзвуки гусарства, одинаково ненавистного ему и императору – каждому, будь то Александр I или Николай I.

Докладная записка об «Игретском обществе» оказалась как нельзя более своевременной. 5 апреля 1825 г. Аракчеев по личному указанию императора направил ее Управляющему Министерством внутренних дел для представления ни много, ни мало – в Кабинет министров. Последовавшее решение Кабинета предписывало подвергнуть всех обвиняемых по делу Времева аресту и по окончании следствия предать суду. Решение скреплялось резолюцией самого Николая I.

* * *

...Около трех лет я содержался под арестом в полицейском доме в самой сырой комнате, что самое много способствовало к разрушению здоровья, в особенности же глаз моих, уже от природы весьма слабых.

А. А. Алябьев. 1831

Резолюция императора не оставляла никакой надежды на снисходительность и простую объективность: «Дабы строгое внимание было обращено на сие гнусное происшествие для открытия виновных и должного примера над оными, как над бессовестными игроками». Ложь генерал-губернатора вызывала к жизни волевое решение, которое оставалось без рассуждений принять к исполнению. Александр требовал «должного примера» – этот пример следовало явить. Знаменательным было то, что времени на рассмотрение голицынского доклада у императора чудом хватило даже во время пребывания в Варшаве.

Предназначенное ему предостережение Комитет министров не замедлил подтвердить своей властью, обезопасив себя от возможных неожиданностей (кто знает, как повернется следствие!) со стороны будущих судей: «Употребить деятельнейшие меры к скорейшему окончанию следствия; по поступлении же дела в судебные места решить во всех инстанциях без очереди и немедленно и о приговоре, каковой по оному окончательно последует, не приводя в исполнение, представить Комитету».

Иными словами, заранее высказанное недоверие суду, несмотря на все слишком явственные предостережения.

А может быть, необходимость в нем действительно существовала? И борьба за любимого композитора в самом деле велась? Всего два факта. Резолюция Александра I была наложена 1 мая. Комитет министров подтвердил ее только двадцать шестого. Почти месяц — слишком большой срок для дела, вызывавшего императорский гнев. Но гораздо более удивителен другой временной разрыв. Предварительное постановление Комитета министров от 21 апреля было сообщено в Москву отношением управляющего Министерством внутренних дел лишь 9 июля. Два с половиной месяца! Не жила ли у высоких чиновников мысль о возможной перемене настроения императора?

Наконец 7 сентября Московская Уголовная палата получит из Сената указание ускорить рассмотрение дела и — очередное предупреждение! — сообщить о приговоре, не приводя его в исполнение. Уже четыре месяца со дня императорского и притом совершенно категорического приказа. И это несмотря на результаты эксгумации. Не имевший правовой силы, не подписанный, протокол вскрытия утверждал смерть Времева от жесточайших, вызвавших разрывы внутренних органов побоев. К протоколу были добавлены показания «свидетелей», одобренные Шульгиным 1-м и Ровинским.

Свидетели — слуги Алябьева. Их арестовывают и вопреки закону подвергают не допросам — ответы не удовлетворяли полицию, — но «увещеваниям». Очевидцы с отвращением и ужасом вспоминали, какими звуками и воплями сопровождались подобные процедуры. Тем не менее только приставу Тверской части удастся похвастать необходимыми результатами: вверенный его умению и опыту слуга Алябьева «по сильному убеждению его сознался». Результат — трое из двенадцати крепостных не выдержали и изменили первоначальные показания: «человек», оказавшийся в Тверской части, его родной и двоюродный братья. Девятеро остальных до конца будут утверждать: ни карточной игры, ни драки, ни ссоры в доме Алябьева не было. Несмотря на три месяца заключения, они не согласились, по выражению документа, «показать сходно с доносчиками».

Показания слуг полностью подтверждали свидетельства участников обеда. За все время следствия и до конца своей жизни ни один из них не признал предъявленных ему обвинений. Алябьев, Шатилов, Глебов, Давыдов единодушно отрицали самый факт карточной игры. К концу третьего месяца дальнейшие «увещевания» алябьевских людей были признаны бесполезными. Их отпустили к старшему брату композитора, чтобы отстранить вообще от участия в процессе. Что же касается «сознавшихся», лист 87-й «Дела о скоропостижной смерти коллежского советника Времева» из архива Департамента гражданских и духовных дел Государственного совета за № 206 свидетельствует — они не были допущены до очной ставки с Алябьевым. Следствие в установлении правды не нуждалось.

11 июля Голицын направил законченное следствием дело в Управу благочиния «на законное рассмотрение». Через три дня оно было передано в I департамент Московского Надворного суда, который получил право «сделать немедленное заключение о взятии мер к содержанию, где следует, под арестом подсуди-

мых, дабы полиция более не отягощалась командированием в квартиры их полицейских чиновников и команды». Дело к производству принял судья Иван Иванович Пущин.

На следующий же день после передачи ему дела Пущин отдает распоряжение доставить — «для подтверждения данных при следствии показаний» — 17 числа Алябьева, Шатилова, Глебова, 20-го — Давыдова и Калугина. Участники обеда свои первоначальные показания полностью подтвердили. Более того — они внесли ходатайство о пересмотре результатов эксгумации. Окончательное заключение должен был дать медицинский факультет Московского университета.

Конечно, ни о каком очередном вскрытии не могло быть и речи. В руках экспертов решение лекаря Корецкого, составленное непосредственно после смерти Времева, и неоформленный протокол из Симонова монастыря, который мог быть составлен и неумело, и нарочито. Обычно привлекаемые к полицейским экспертизам университетские медики не испытывают колебаний — они на стороне полиции. Но неожиданное осложнение — резкий протест доктора медицины Ф.А. Гильдебрандта, единственного узкого специалиста в области патологоанатомии. Гильдебрандт обвиняет своих сослуживцев в профессионально неграмотном толковании отмеченных протоколом явлений. Для него очевидно: смерть носила естественный характер и никаким насилием вызвана не была. Его выводы получают полную поддержку декана факультета, знаменитого и необычайно популярного в Москве доктора С.Я. Мудрова.

Мудров полностью присоединится к выводам Гильдебрандта. Смысл заключения обоих специалистов — все признаки, обнаруженные при эксгумации, связаны с ускоренным влажностью могилы процессом разложения. Если бы описанные повреждения были нанесены при жизни Времева, они стали бы источником сильнейших страданий и немедленной смерти. Справедливость доводов убедит даже Бенкендорфа, который напишет через несколько лет Николаю I: «Если бы разрыв селезенки случился у него от понесенных им 24 февраля у Алябьева побоев, он не мог бы жить после сего три дня, по крайней мере, без жестокой боли». В действительности же Времева ни на какую боль «никому не жаловался, но, по-видимому, был здоров».

26 июля 1825 г., через неделю после допроса Алябьева и Шатилова, И.И. Пущин напишет брату Михаилу: «Теперь у меня чрезвычайно трудное дело на руках. Вяземский знает его — дело о смерти Времева. Трудно и мудрено судить, всячески стараюсь как можно скорее и умнее кончить, тогда буду спокойнее...» «Скорее и умнее» можно было бы счесть просто неудачным выражением. О скорейшем завершении хлопотал Голицын и его требовал Александр I. «Умнее» не составляет синонима «справедливее» и говорит скорее о неких независимых от справедливости условиях, которым судья должен был удовлетворить.

Одним из первых действий судьи оказывается незамедлительно удовлетворенное ходатайство перед генерал-губернатором об освобождении Калугина. 4 августа доносчик оказался на свободе. По прошествии трех недель Пущин снова обращается к Голицыну, на этот раз за разрешением Калугину вообще уехать в свое воронежское поместье, поскольку жизнь в Москве ему не по средствам. Отказ благоволившего Пущину Голицына мотиви-

И.И. Пуцин.
Рис. Н. Бестужева. 1837 г.

ровался единственно необходимостью скорейшего решения дела. Другой вопрос, что всякое полицейское наблюдение за доносителем было снято, а разговор о противоречивых показаниях и заведомой лжи прекращен. Калугину оставалось ждать суда в сознании полной своей правоты как главного и единственного свидетеля обвинения. 23 октября 1825 г. на совместном заседании I департамента Московского уголовного суда и I департамента Земского суда Алябьев, Шатилов, Глебов и Давыдов были оправданы. Вопрос об убийстве из дела раз и навсегда исключен. Зато Калугина «за его разнообразные показания и за скрытие перед Земским судом своих изветов» решено «выдержать в смиренном доме с подтверждением впредь быть осмотрительнее». Ложность доноса была очевидной, доносчик понес соответствующее наказание.

Решение суда могло быть единогласным — если бы не судья И.И. Пуцин, будущий декабрист. Он не согласился с оправдательным приговором и заявил о внесении протеста. 29 октября дело было представлено им на ревизию в I департамент Уголовной палаты московского суда. Настолько благоприятного оборота дела не ждали ни при дворе, ни в Министерстве внутренних дел. Протест судьи избавлял их от прямого вмешательства — теперь суровость окончательного приговора была предрешена.

Но ведь вопрос убийства для Пуцина также отпал — он не мог не посчитаться с мнением и серьезностью доводов специалистов. Оставалась карточная игра и пресловутая драка, на которых продолжал настаивать один Калугин. Единственный пытавшийся поддержать его человек Времева Андрей Иванов, который якобы слышал из-за закрытых дверей стоны и крики своего господина, был разоблачен остальной прислугой: все время обеда его видели спящим в передней...

В калугинской версии обед сменился карточной игрой. Банкометом стал Глебов. Он же выиграл у Времева сто тысяч руб-

лей, которые тот отказался признать. За обвинением в нечестной игре последовали пощечины. Глебов уехал, якобы потребовав от хозяина урегулировать вопрос выплаты долга. За ним пришлось спасаться бегством Времеву. При этом Калугин признавал, что никакого способного нанести телесные повреждения предмета в руках Алябьева не было. «Экстракт к делу Алябьева с протчими» Московской палаты гражданского и уголовного суда на 247 листе сохранил его показания.

Тем не менее приведенных обстоятельств, с точки зрения Пущина, достаточно, чтобы требовать для Алябьева, Шатилова, Глебова и Давыдова одинакового наказания — лишения чинов, орденов, дворянства с последующим зачислением в солдаты. Если же по ранениям или по возрасту бывшие участники Отечественной войны 1812 г. для военной службы не годились, ее следовало заменить пожизненным поселением в Сибири. Калугина Пущин считал необходимым освободить, сочтя за достаточную меру наказания срок предварительного заключения во время следствия и суда.

Расхождение с мнением основного состава суда было принципиальным. Оставалось ждать мнения III Отделения, которое предстояло сформулировать кассационной инстанции.

* * *

Видаешь ли Алябьева? Что с ним? Напиши мне непременно. Поклонись ему от меня, и попроси у него, чтобы он прислал мне мои ноты.

*В. Ф. Одовский – А. Н. Верстовскому.
11 декабря 1826*

Итак, началом всему стал донос Калугина. Точнее — страх, родившийся у бывшего стряпчего: с его прошлым ему не приходилось рассчитывать на доверие или снисходительность полицейских властей. Он понимал, что опоздал с запиской, что против него были его собственные предварительные показания в Земском суде, введение в заблуждение властей, лжесвидетельство — настоящие преступления перед лицом закона, которые могли грозить слишком серьезными последствиями. И если он решался так легко ими пренебречь, то не потому ли, что приобрел неожиданную и очень весомую поддержку? Риск оборачивался в таком случае сознанием безнаказанности. Записку можно было не подписывать, числа не надо было проставлять — в зависимости от обстоятельств оно могло изменяться. Остававшийся в тени, но несомненно существовавший покровитель Калугина имел в виду возбуждение преследования против вполне конкретного лица.

Несмотря на присутствие на алябьевском обеде нескольких человек, несмотря на то, что банкометом, но и лицом, выигравшим огромную сумму, был Глебов, несмотря на то, что даже в изложении Калугина игра ничего не принесла Алябьеву, мнимое убийство связывалось только с ним одним. Но и после того, как обвинение в убийстве было снято, смягчение наказания допускалось в отношении всех, кроме него. А великолепно отлаженная полицейская машина продолжала производить и поддержи-

вать самые нелепые слухи, от которых Алябьеву не удастся уйти до конца своих дней.

Небольшая подробность: записку принимает у Калугина чиновник особых поручений Ф.М. Тургенев, а составляет по ней донесение Д.В. Голицыну его адъютант П.П. Новосильцев. Таков порядок? Ничего подобного. Сообщение Новосильцева носит по существу частный характер. Он всегда в курсе всех поступков, но и настроений князя, умеет их угадать, а то и подсказать.

А если все-таки предположить вмешательство с его помощью III Отделения? Дело Алябьева в подведомственных шефу жандармов фондах, конечно же, существовало — «О лицах, прикосновенных к делу об обыгании в Москве в карты и убиении коллежского советника Времева» под № 45 первой описи за 1826 г. Обстоятельства составления новосильцевского донесения — именно его! — подробно зафиксированы. Бенкендорфу понятны все внутренние пружины дела, в том числе и порожденные личными конфликтами нарушения закона.

«Самое начало оно, по мнению публики, — напишет он, — послужило к сугубому вреду прикосновенных к оному лицам по существу существовавшей будто бы в то время ссоры между губернатором Безобразовым и бывшим обер-полицмейстером Шульгиным, который после следствия, произведенного губернатором на месте, где Времева умер, разнес слух, как говорят, по личности к одному из прикосновенных, о насильственной смерти Времева, и приступил к преследованию дела в Москве».

Начальник III Отделения не захотел упоминать ни в какой связи имени Д.В. Голицына. Между тем настоящий конфликт существовал именно между генерал-губернатором и Шульгиным 1-м. Вне зависимости от многих других соображений, Голицын имел в виду скомпрометировать деятельность обер-полицмейстера, от которого давно и безуспешно пытался избавиться. Преждевременные похороны воронежского помещика на основании неверного медицинского заключения давали слишком серьезные преимущества в борьбе с Шульгиным 1-м. В сложившейся ситуации обер-полицмейстеру не приходилось возражать, но нарочитым рвением попытаться прикрыть явное упущение по службе. Как-никак к разрешению на похороны Голицын никакого отношения не имел.

И в то же время князь уверен, что император не отнесется снисходительно именно к Алябьеву. Всего три года назад Алябьев по его личному приказу был посажен на гауптвахту в Петропавловской крепости за то, что осмелился явиться в театр в партикулярном платье. Неуважение к мундиру! Царский гнев не знал границ. В крепости оказался даже сосед Алябьева по театру, отказавшийся назвать его имя. Но при этом в материалах гауптвахты причина ареста Алябьева не проставлена. Отмечено, что просидел он в крепости месяц, «а за что именно, неизвестно».

Наверно, самым сложным для Голицына после доклада императору стало столкновение с расположенными к храбрейшему офицеру и любимому композитору москвичами. Под давлением ближайшего и наиболее влиятельного родственника Алябьева сенатора Соймонова главнокомандующий формально просит разрешения содержать обвиняемых в их собственных домах. Но именно формально — в тот же день 22 июля 1825 г.

Народное празднование на Девичьем поле во время коронации Николая I в 1826 году. Раскрашенная литография. Первая треть XIX в.

последовал приказ об аресте и размещении всех их по разным тюрьмам. Мало кто владел в таком совершенстве искусством двойной игры!

Пересмотр алябьевского дела приходится на время больших перемен. 19 ноября в Таганроге не стало Александра I. Можно было бы ждать милости в связи с вступлением на престол нового императора. Но разворачиваются события на Сенатской площади.

Вчерашний судья превращается в государственного преступника, узника той самой крепости, откуда так недавно удалось выйти Алябьеву. И тем не менее берет верх именно его предложение. Сразу после 14 декабря оно принимается Московской уголовной палатой, 17 февраля представляется на утверждение Голицыну и почти сразу направляется в Сенат с его особым мнением. Разница с предлагаемым вариантом заключалась в том, что Шатилову и Глебову приговор смягчался, для Алябьева и Давыдова генерал-губернатор настаивал на безоговорочной отдаче в военную службу «без рассмотрения: будут ли они способны к оной или нет, чем уже ссылка их в Сибирь на поселение сама собою, как несообразная с существом наказания, отменится». Оговорка особенно существенная, если иметь в виду болезнь глаз Алябьева и общее тяжелое состояние Давыдова, который через год с небольшим умрет в тюрьме. О нем так и сказано будет в окончательном приговоре: «о Давыдове, за смертью его, суждение оставить».

Но при всей категоричности своей позиции сам отстаивать ее на заседаниях Сената Голицын не захотел. Он уклонился от участия в заседаниях, чтобы в глазах широкой публики не выглядеть лично причастным к становившемуся все менее оправданным даже в глазах обывателей делу. К тому же в ответах на очередные запросы Сената князь вынужден раз за разом при-

знаваться в многочисленных правонарушениях, с которыми велось предварительное следствие. Так, прокурор отдельных допросов не производил, а представленный императору доклад был составлен на основании непроверенных частных сведений.

Николай и Бенкендорф снисходительно наблюдают за всеми сложностями, которые возникают у генерал-губернатора. Но восстанавливать истину меньше всего входит в их расчеты. Разве действия Голицына не направлены против тех, кто тесно связан с будущими декабристами? Людям подобного рода не место в старой столице, а лишняя остротка придется на редкость кстати московским вольнодумцам, да и не им одним.

Алябьев и его товарищи уже два с половиной года находятся в московских тюрьмах, пока их дело доходит до высшей инстанции. Дебаты в Сенате затягиваются на целый год. Часть сенаторов склонялась к тому, чтобы вообще освободить подозреваемых. Но находились и такие, кто требовал ужесточения приговора, вменяя в вину вчерашним офицерам еще и грабеж. Прийти к общему решению сенаторам не удалось. Дело перешло в Государственный совет.

Очередная проволочка, и наконец решение. Последнее. Неоспоримое. «Подполковника Алябьева, майора Глебова, в звании камер-юнкера титулярного советника Шатилова и губернского секретаря Калугина, лишив их знаков отличия, чинов и дворянства, как людей вредных для общества сослать на жительство: Алябьева, Шатилова и Калугина в сибирские города, а Глебова — в уважении его прежней службы в один из отдаленных великороссийских городов, возложив на наследников их имени обязанность доставлять им содержание и, сверх того, Алябьева, обращающего на себя сильное подозрение в ускорении побоями смерти Времеву, предать церковному покаянию на время, какое будет определено местным духовным начальством».

* * *

...Лишенный всех надежд, — лишенный всех прав, и гражданского моего бытия, заживо так сказать похороненный...

А.А. Алябьев. 1831

Все было учтено и рассчитано. Оставить «в подозрении» — разве не значило это недоказанности преступления, в котором сам суд не сомневался. Отсутствие прямых улик, удачное стечение обстоятельств — и только. Зато церковное покаяние — публичное зрелище, мало в чем уступавшее трагическому спектаклю в Симоновом монастыре. Поклоны и молитвы на глазах всего храма изо дня в день недели и месяцы — кого бы не убедили в вине кающегося. Потому так непреклонно, не задумываясь над могущими произойти последствиями, отказывался от наложенной на него епитимьи Алябьев. Подчиниться — значило сознаться.

Не меньшим унижением становился и совершенно неожиданный знак равенства с доносчиком Калугиным. Одинаковое наказание, одинаковое определение — «вредные для общества люди». По существу редакция решения Государственного совета означала гражданскую смерть. В качестве уголовного пре-

ступника Алябьев действительно мог считать себя заживо похороненным.

Но Николаю I и этого мало. Он хочет знать мнение Москвы и получает далеко не успокоительный ответ: Москва не признает объективности суда и безоговорочно отдает свои симпатии Алябьеву. «Пишут из Москвы, — сообщается в одном из донесений III Отделения, — что полученное в оной известие о решении участи Алябьева и Шатилова произвело весьма невыгодное впечатление. [...] И действительно, Государственный совет сам находит погрешности в первоначальном следствии и в решении своем говорит, что нет явных доказательств, что Алябьев и Шатилов были причиною смерти коллежского советника Времева.. но не менее того учинили над ними приговор, как над тяжкими преступниками...»

Архив III Отделения сохранил и другое донесение из Москвы — безымянное, поскольку низ листа срезан: «Решение по делу Времева приписывают мощному влиянию кн[язя] и в особенности удивляются, что и доносчик Калугин, если открыл он зло, то почему же посылается в Сибирь? Потому, дабы не могла открыться через него истина. Так слышал я рассуждающих». Сестра композитора не ошибалась и не преувеличивала: «Над ним составлено особое судилище, самое строгое, и потому секретное, тайное действие коего никак не может равняться с обыкновенными действиями. Сие судилище, в коем заседает неизвестно кто...» Эту неизвестность и следовало всеми возможностями полицейского аппарата сохранить.

Жизнь как будто раз и навсегда раздвоилась: музыкальная слава не могла изменить судьбы арестанта, но и перипетии арестанта не сказывались на музыкальных успехах. Музыка звучала на казенной сцене — в Большом и Малом театрах все время следствия и пребывания Алябьева в московской тюрьме. Алябьев в одиночном заключении работал как никогда, и каждое новое его произведение немедленно доходило до слушателей. Имя уголовного преступника могло стоять на афишах рядом с именами официальных и титулованных музыкантов.

Удивительным оставалось одно — неизменность позиции Алябьева. Он категорически отрицал самый факт карточной игры. Почему? В карты играли все, тем более в офицерской среде. Несмотря ни на какие царские угрозы, карточный долг оставался долгом чести. Отказ от него грозил потерей положения в обществе, полной компрометацией. И если Алябьев, по утверждению Калугина, вступился за соблюдение принятых в обществе этических норм, в глазах окружающих он был бы абсолютно прав. Опасение перед суровым наказанием? Но возможна ли трусость у Алябьева и его товарищей по оружию и походам?

В «Именном алфавите генералов и офицеров, получивших боевые награды за кампании 1812—1814 годов» против имени Алябьева стоит: «Имеет Анны 3 за Лейпциг Владимира 4-й за 17 и 20 января 1814 чин». Наград и чинов могло быть больше. Если бы Алябьев о них заботился. У него есть чувство долга и ответственности, чувство товарищества и справедливости, собственного достоинства и независимости — все то, что не могло одобрять начальство и что связывалось с представлением о «гусаршине». По сравнению с подобным обвинением пестрев-

ший записями об участии в сражениях формуляр терял всякое значение.

Боевое крещение — в битве под Ловчицами 20 октября 1812 г. «Действия партизанами» с Денисом Давыдовым. Битва под Калишем. «...Будучи ж употреблен в самых опаснейших местах, везде отлично исправлял данные препоручения и был при взятии неприятельского генерала по сдаче с двумя батальонами и двумя пушками». Взятие Дрездена и демонстративный отъезд с отстраненным от командования полком Д.В. Давыдовым. Кстати, Алябьев был единственным, кто решился на открытую поддержку командира.

20 января 1814 г. — сражение при Ларотьере: «Был послан в партию, встретил адъютанта фельдмаршала Бертье, посланного с важными бумагами, ударил он на конвой, который был при означенном адъютанте, разбил оной и захватил адъютанта со всеми бумагами». Бертье был начальником штаба наполеоновской армии.

И дальше день за днем сражения: 24 января — при реке Арр, 27-го — у Лаферт-су-Жуар, 30-го — в местечке Монмирай, 23 февраля — кровопролитнейшее сражение под Красным, 13 марта — под Фер-Шампенуазом, где так блестяще показала себя русская конница. «Можно слышать отзыв всех в армии, его знавших, — напишет в июле того же года Соймонов. — Вышел преисправной и храброй офицер... Более полугода не знали мы, жив он или нет».

Боязнь Алябьева за свою судьбу? Москва имела все основания возмутиться «секретным судилищем».

* * *

Судьба Алябьева и Шатилова решена и, к сожалению, не в их пользу. Они в Москве более жить не будут.

Из письма В.Л. Пушкина. 1828

По существу, это был поединок, приобретающий месяц от месяца все большую остроту. Государственный совет рассматривал дело — Москва определяла свое отношение к Алябьеву. Весь 1827 г. обе столицы не только слушают алябьевские сочинения в театрах, они живут под впечатлением «Соловья». Первый раз романс был исполнен в Большом театре в январе 1827 г., через считанные дни его уже знают в Туле, Новгороде, Тобольске, Малороссии, самых удаленных уголках страны. 1 декабря того же года Николай I наложит резолюцию на приговоре: «Быть по сему», 20 декабря под овации зала в Большом театре исполнит «Соловья» знаменитый тенор А.О. Бантышев. Один из агентов III Отделения заподозрит в этом злонамеренную манифестацию.

До сих пор остается неустановленной точная датировка романса и легшего в его основу стихотворения А.А. Дельвига. Одно неоспоримо — они возникли в период тюремного заключения композитора. Между объявлением приговора и отправкой осужденных в Сибирь рождаются еще два романса, о чем будет немедленно уведомлен Бенкендорф. Бенкендорф докладывает Николаю: «Ныне отправление их в Сибирь погрузило московскую

Москва. Вид Театральной площади и Большого театра. 1856 г.

публику в глубокое уныние. Мне представили из Москвы два изданные на этот случай романсы, под заглавием „Разлука с милой“ и „Прощание с соловьем“». Интерес III Отделения к алябьевским произведениям не случаен. Несправедливость приговора воспринимается как продолжение трагедии декабристов. Именно так интерпретирует его в своих записках Н.И. Лорер.

Место ссылки композитора — Тобольск. И первые сложности, не предусмотренные III Отделением. Гостеприимство в отношении ссыльного тобольчан, музыкальные вечера с множеством любителей и — покровительство генерал-губернатора Западной Сибири И.А. Вельяминова. Ветеран войны 1812–1814 гг. и Финляндского похода не только уважительно настроен к Алябьеву, но через три года сделает серьезную попытку помочь ему вернуться в Европейскую Россию. Четыре врача дадут заключение о тяжелом состоянии здоровья композитора и надвигающейся слепоте, что даст основание генерал-губернатору обратиться к Бенкендорфу с просьбой ходатайствовать перед императором. Результат — разрешение на временное лечение ссыльного на Кавказе. В январе 1828 г. Алябьев в сопровождении урядника направляется в Ставрополь.

Новые места и не менее деятельный новый покровитель, младший брат Вельяминова, только что назначенный командующим войсками Кавказской линии и начальником Кавказской области. Алябьев получает здесь свободу передвижения. Со своей стороны начальник Кавказа делает все возможное, чтобы не возвращать Алябьева в Тобольск. Очередное ходатайство перед Петербургом — очередной ответ, переводивший Алябьева в еще более губительный для его здоровья Оренбург. В сентябре 1833 г. А.А. Вельяминов вынужден отправить композитора под караулом казака.

Но и оренбургский военный губернатор В.А. Перовский встречает Алябьева с распростертыми объятиями. Приятель Пушкина и Жуковского, в прошлом член декабристского Военного общества, он принимает в нем самое живейшее участие. Прежде всего он добьется для композитора права вступить на гражданскую службу, правда, только по Оренбургу. Но В.А. Пе-

ровский тут же направит Алябьева в Москву под вымышленным предлогом — осуществлять «надзор за находящимися в Москве для обучения разным мастерствам малолетками казачьих войск». В своем письме композитору он пояснит: «Это поручение имеет целью более доставить вам возможность лечиться, нежели обременять вас хлопотами».

И все же в борьбе за Алябьева В.А. Перовский переоценил свои силы. Бенкендорф осведомлен о нарушении и не замедлит сделать соответствующее внушение начальнику московского жандармского округа. Но даже после этой меры В.А. Перовский оставляет за Алябьевым право жить в Москве. Более того. Через несколько месяцев он решается на открытое выступление в его защиту и просит Бенкендорфа содействовать Алябьеву в получении разрешения на постоянное жительство в старой столице, правда, с нейтрализующей остроту вопроса оговоркой: «чтобы пользоваться пособиями искуснейших медиков».

Бенкендорф, как всегда, обстоятельно и как бы бесстрастно излагает существо просьбы. Николай накладывает резолюцию: «Генерал-адъютанту Перовскому заметить, что он не имел никакого права командировать его без испрошения моего дозволения, а Алябьева выслать на жительство в Коломну, уволив от службы. 24 апреля 1842 года».

По счастью, новая ссылка оказывается недолгой. Спустя год сам главнокомандующий Д.В. Голицын дает разрешение Алябьеву проживать в Москве, но под строжайшим полицейским надзором и без права показываться на публике. Отношение генерал-губернатора к композитору ни в чем не изменилось, и его снисходительность может быть объяснена только прямым указанием двора. Старая история оказывалась завершенной — сама по себе, без участия императора и без снятия вины. Полулегальное существование на задворках жениного дома, без надежды на изменение положения.

Так ли внутренне необходима Алябьеву Москва? Безусловно. Прежде всего из-за музыки. Но не менее важным оставался вопрос о несправедливом приговоре, клевете. Время показало: самые могущественные и убежденные ходатаи бессильны перед

Неизвестный художник.
Вид Кремля со стороны
Болотной площади

позицией императора. И не ускорила ли помощь Алябьеву снятия В.А. Перовского с должности оренбургского генерал-губернатора? Впрочем, есть еще одна сила – жена композитора. Давнее, прошедшее через многие годы чувство, завершившееся браком в 1839 г. Теперь Е.А. Алябьева сама может обращаться к Николаю и не замедлит это сделать: «Я вступила в супружество с Алябьевым уже во время его несчастья, не увлекаясь никакими житейскими выгодами, и одно только чувство любви и уважения к его внутренним качествам могло ободрить меня на такую решимость». Она просит восстановить мужа в правах, она – урожденная Римская-Корсакова, по первому браку Офросимова. Ее не смутило ни его бедственное положение, ни надорванное здоровье, ни разница в возрасте.

«Несчастье», но не вина, не преступление – таково убеждение Екатерины Александровны. Еще один проблеск надежды – случай с И.И. Соснищим. Великолепный актер и неисправимый картежник, он попадает в поле зрения вышедшего из терпения Николая. Еще в 1821 г., живя в Кишиневе, Пушкин собирался написать комедию об игроке, имея в виду именно Сосницкого. Теперь, в 1849 г., император устраивает актеру полный разнос. Но что значит самый суровый выговор по сравнению с обвинением суда! Екатерина Александровна решает попытаться счастья: может быть, помня о прощенном Соснищом, Николай снисходительнее отнесется к ее мужу. Новый отказ с подробным разъяснением: Алябьев никогда не будет восстановлен в правах. Единственная милость, на которую могут рассчитывать супруги, – возвращение дворянства их детям. Если таковые будут. Если – Алябьеву шестьдесят четыре, Екатерине Александровне сорок три. Через полтора года композитора не станет.

Но только разгадка трагической истории московского соловья существовала. Официально удостоверенная. Подшитая к делу. Пронумерованная. Внесенная в опись: Центральный Государственный исторический архив в Москве, фонд III Отделения, опись I, 1826 г., дело № 45, часть 2-я – о признании С.А. Калугиным ложности своего доноса.

Выйти из заблуждения, в котором он по невыясненной причине оказался, судья И.И. Пущин просто не успел. Лист лег в дело тогда, когда декабрист Пущин уже находился под следствием. Ситуация парадоксальная, но М.Л. Нечкина, как и другие занимавшиеся декабристами историки, не ошибалась в своих – пусть тогда еще не документированных – выводах: Алябьеву в конечном счете пришлось поплатиться за близость к тем, кто вышел на Сенатскую площадь.

Верно было и другое. Преступления не существовало. Было наказание, конца которому не положила и алябьевская смерть. Умело распространенная ложь продолжала делать свое дело. Вплоть до новой надписи на могильной плите Времева в Симоновом монастыре: скончался 20 февраля 1825 г. То есть за четыре дня до злосчастного обеда в Леонтьевском переулке. На всякий случай.

ПУШКИНИАНА. НЕПРОЧТЕННЫЕ ЛИСТЫ

...Милый мой, что же такое жизнь?

П.А. Плетнев – А.С. Пушкину
1831

ПОД КРОВОМ ЗЕМФИРЫ

Пушкинский дом, пушкинские музеи, регулярные пушкинские торжества – и все те же, что и полтора-два десятилетия назад, загадки, белые пятна в биографической канве, в географии домов, где бывал поэт.

День рождения по метрической записи – 27 мая 1799 г., в пятницу, на следующий день после Вознесения. Но и сам поэт, и его отец Сергей Львович утверждали – 26 мая, именно в день Вознесения. И этого они не могли спутать, потому что на Вознесение родилась единственная дочь Александра I, рано умершая великая княжна Мария Александровна. Событие было отмечено всеобщим торжеством и множеством разговоров.

Крестные – Артемий Иванович Воронцов и бабка поэта по отцу Ольга Васильевна Пушкина, урожденная Чичерина. Вот только А.И. Воронцов с января 1799 г. безвыездно находился в Петербурге, а О.В. Пушкина непонятным образом получила в первоначальном документе титул графини. Метрическая запись была через три месяца переписана дьячком.

Место рождения. Нам кажется, что арендный договор на тот или иной дом может служить безусловным доказательством места рождения поэта. Так возник последний вариант – Почтовой улицы в Москве. Но почему сам Пушкин так упорно твердил о «родной Молчановке», и ни родители, ни няня, ни старшая сестра, наконец, не опровергали его слов? И В.В. Кожинов был, безусловно, прав, настойчиво обращая на это внимание увлеченных хрестоматийным вариантом исследователей и детективов-любителей.

Как уложить в схему пушкинского детства дом М.М. Данилова на Поварской (№ 21), где жил в 1808 г. полковник Сергей Львович Пушкин, без жены, тещи и детей, но с четырнадцатью дворовыми, среди которых находился и дядька поэта Никита Козлов?

Или первые учителя, обозначенные в пушкинских справочниках одними фамилиями, без имен и возраста, без обстоятельств биографий? Таковы Монфор, по словам сестры Александры Сергеевны Павлицевой, граф, «музыкант и живописец», и учитель французского языка Русло. Последнее достаточно необычное имя удастся встретить через четверть века в петербургских аристократических домах – так звался знаменитый и давно живший в России повар.

Через две с небольшим недели после торжественного открытия Большого театра она получит в нем бенефис. Шли «Уроки старикам» Казимира Делавиня в переводе Ф.Ф. Кошкина и опера-водевиль «Встреча дилижансов» с музыкой А.Н. Верстовского и А.А. Алябьева.

Восторги зрителей оказались тем более прочными, что в Москве появляется еще и салон Львовой-Синецкой, который

Великосветский салон.
1830-е гг.

собирает университетскую профессию и студентов, актеров и занятых театралов. Здесь можно было встретить профессора Н.И. Надеждина, студентов И.А. Гончарова и Ф.И. Кони, С.Т. Аксакова, А.Т. Ленского, В.С. Межевича, актеров И.В. Самарина, В.И. Живокини, П.С. Мочалова, ставшего известным своими стихами Н.Г. Цыганова и композитора А.Е. Варламова.

Завсегдатаем своего салона актриса обязана специально для нее делавшимися переводами особенно любимых ею французских романтических пьес, инсценировками, оригинальными драматургическими произведениями. Трудно найти литературную новинку, которой бы Львова-Синецкая не знала и не пыталась использовать на сцене, утверждают современники. Здесь «Укрощение строптивой» и «Кориолан» Шекспира, «Клавиги» Гете, «Собор Парижской Богоматери» В. Гюго, драмы Э. Скриба, И. Мельвиля, Ж.-Ж. Озана наряду с «Басурманом» И.И. Лажечникова, «Безумной» по поэме И. Козлова, лермонтовским «Маскарадом», «Тарасом Бульбой» Гоголя, романтическими драмами Евдокии Ростопчиной – и все это составляло репертуар московской казенной сцены. 35 лет, из года в год, в разгар сезона – но уже на сцене Большого театра проходили бенефисы актрисы. Только Щепкин сумел так же долго удерживать внимание и любовь московской публики.

Для своего бенефиса в январе 1832 г. актриса получает разрешение Пушкина на инсценировку «Цыган». В афише она была объявлена как «Драматическое представление в двух частях, взятое из поэмы А.С. Пушкина В.А. Каратыгиным». Сам поэт Марию Дмитриевну в роли Земфиры не видел – он уехал из Москвы месяцем раньше. Между прочим, это для одного из бенефисов Львовой-Синецкой А.С. Грибоедов написал водевиль «Кто брат, кто сестра, или Обман за обманом», в котором артистка играла и брата и сестру. Так, может быть, дом у Арбатской площади видел в своих стенах Пушкина, как видел он Грибоедова?

Актер перестает существовать, сходя со сцены. Былая московская звезда не составила исключения. Новыми поколениями забылась и иная связанная с артисткой подробность — то, что именно ей был посвящен самый популярный в свое время романс А.Е. Варламова, одинаково широко известный в России и на Западе, — «Красный сарафан», на который так живо откликнулся и Пушкин.

Строки из воспоминаний Александры Осиповны Россет-Смирновой: «Пушкин спросил меня: прислал ли мне его друг Нащокин те романсы, которые мы должны были пустить в ход? Он попросил баронессу Клебек спеть «Красный сарафан». Пушкин очень любит этот романс. — «Он, конечно, напоминает тебе Тригорское и Евпраксию?» — спросил Жуковский. — «Нисколько, — ответил Пушкин. — Он напоминает мне один вечер в Москве, где была и моя жена; я уже был влюблен, и очень мне хотелось сказать ей: «Не говорите вашей матушке того, что говорит в этом романсе девушка своей матери, потому что, если вы не выйдете за меня, я уйду в святогорские монахи, не буду писать стихов, и русские хрестоматии много потеряют от этого... Вы же, как Татьяна, выйдете замуж за генерала, и он будет гораздо ревнивее, чем я». — «И ты сказал?» — спросил Жуковский. — «Нет, — ответил Пушкин, — побоялся...»

Сын бедного молдаванина, выслужившего при Екатерине II в русской армии офицерский чин, А.Е. Варламов не мог рассчитывать на материальную поддержку отца. С десяти лет он служит в Придворной капелле, самоучкой овладевает игрой на скрипке, виолончели, фортепиано и гитаре. Восемнадцати лет его переводят во взрослый хор и вскоре направляют в Брюссель, ко двору голландской королевы — русской великой княжны Анны Павловны — учителем певчих. Здесь он удачно выступает в концертах как певец и особенно как гитарист, но отозванный обратно в Петербург, не может найти себе иного занятия, кроме преподавания пения в театральной школе, а также в Преображенском и Семеновском полках.

Близкая дружба с М.И. Глинкой позволяет Варламову сделать первые шаги в композиции. В 1828 г. друзья вместе представляют в цензуру свои произведения: Глинка — вариации, Варламов — свой первый романс. Кстати, это Варламов помогает Глинке в вокальной части, исполняет у него дома отдельные партии «Жизни за царя», приводит с собой для той же цели певчих. Именно в это время возобновляются встречи Глинки и Пушкина. Не зная Варламова, как пытаются утверждать некоторые музыковеды, поэт просто не мог. В начале же 1831 г. композитор получает приглашение занять в Москве должность помощника капельмейстера в конторе императорских театров. И снова место для Варламова находится именно в кокошкинском доме.

Сенатор радушно встречает в своем доме и Марию Дмитриевну Львову-Синецкую.

«ЭТА СТАРАЯ АРХАРОВА...»

Пречистенка, 16 — этого дома нет среди московских пушкинских адресов. Пушкиноведа предпочитают осторожную формулировку: здесь мог бывать поэт. Документы позволяют

сказать: не мог не бывать. Слишком тесно была связана его жизнь со сменявшимися обитателями старой городской усадьбы. И еще — это новые и неожиданные черты среды, которую он знал и любил.

Московские справочники не обходят дома стороной. По их свидетельствам, в особняке перебивала вся грибоедовская Москва. Но ведь А.С. Грибоедов всего четырьмя годами старше поэта. Со старой столицей оба расстались почти одновременно: Пушкин, отправившись в 1811 г. в Царскосельский лицей, Грибоедов — в 1812 г., записавшись в Московский гусарский полк. Поэт вернулся из михайловской ссылки в родной город в 1826 г. и позже бывал постоянно, Грибоедов — в 1818 г., проездом, и затем прожил здесь с лета 1823 г. до весны 1824 г. Иначе говоря, Москва грибоедовская и есть Москва пушкинская.

Среди первых владельцев городской усадьбы мелькает имя князей Дашковых. Для Пушкинианы важнее поселившиеся здесь на рубеже XVIII–XIX столетий Архаровы. «Александр приехал ко мне вчера, в среду, из Царского; весел, как медный грош, забавлял меня остротами, уморительно передразнивал Архарову, Ноденов, причем не забыл представить и «дражайшего» [С.Л. Пушкина], — из письма Ольги Сергеевны Павлицевой, сестры поэта, мужу от 10 сентября 1831 г.

Древняя, но не родовитая семья Архаровых связывала свое начало с неким выходцем из Литвы, последовавшим на переломе XIV–XV вв. в Россию за князьями Патрикеевыми, потомками Гедимины. Служившие затем в московских дворянах, ни богатством, ни служебными успехами Архаровы не отличались. Два сына теперь уже каширского дворянина Петра Ивановича Архарова — Николай и Иван к тому же не получили и настоящего образования. Николай Петрович с 16 лет начал службу в Преображенском полку и сумел обратить на себя внимание графа Г.Г. Орлова, присланного в Москву в 1771 г. на эпидемию моровой язвы. По докладу графа императрице он неожиданно получил чин армии полковника и назначение московским обер-полицмейстером.

Доверие Екатерины II к деятельному администратору заходит так далеко, что императрица поручает ему участвовать вместе с А.Г. Орловым-Чесменским в похищении так называемой княжны Таракановой, а в дальнейшем — в розыске по делу о Пугачевском бунте. Ловкость и служебная изворотливость Н.П. Архарова входят в поговорку. О его умении раскрывать самые сложные и запутанные преступления узнает вся Европа. Знаменитый парижский полицмейстер времен Людовика XV Сартин пишет московскому коллеге, что, «уведомляясь о некоторых его действиях, не может довольно надивиться ему».

Высочайшие награды изливаются на Н.П. Архарова щедрым потоком. Он становится кавалером всех российских орденов, генерал-поручиком, назначается в 1782 г. губернатором Москвы, а в 1784 г. — генерал-губернатором Новгородского и Тверского наместничества. Н.П. Архарову везет даже в том, что в последние годы правления Екатерины II он оказывается в немилости и потому Павлом I сразу же возводится в генералы от инфантерии. Император снимает с себя Андреевскую ленту, чтобы возложить ее на Николая Петровича, и назначает Архарова

вторым, после наследника престола, генерал-губернатором Петербурга. Получает он и две тысячи душ крепостных.

Иван Петрович, владелец усадьбы на Пречистенке, всего лишь бледная тень своего старшего брата. Благодаря его поддержке, скромный армейский подполковник, он производится Павлом I в генералы от инфантерии, получает Александровскую ленту, тысячу душ крепостных и назначение командиром московского восьмибатальонного гарнизона, иначе — военным губернатором старой столицы. Как губернатор он и занимает дом на Пречистенке. И хотя назначение оказывается очень недолгим — около года, — оно оставляет заметный след в истории Москвы. Набранные Иваном Петровичем полицейские драгуны были такими головорезами и так плохо ладили с законом, что в московском быту утвердилось понятие «архаровцы».

Однако быстрое возвышение привело к такому же стремительному падению обоих Архаровых. Оба они в 1797 г. снимаются императором со своих должностей и отправляются на жительство в Рассказово — богатейшее тамбовское имение Николая Петровича. Братья были очень дружны и даже в ссылке не пожелали расставаться. Вместе в 1800 г. они получают «прощение» и разрешение поселиться в Москве, но уже как партикулярные лица. Теперь дом Ивана Петровича становится одним из самых гостеприимных и хлебосольных в старой столице. И без преувеличения, в нем бывает вся Москва. «Стол накрыт для званных и незванных» — Грибоедов вполне мог говорить и об архаровском доме.

М.И. Пыляев приводит два ходивших об Иване Архарове анекдота. «Встретив на старости лет товарища юности, много десятков лет им не виданного, он, всплеснув руками, покачал головой и воскликнул невольно: „Скажи мне, друг любезный, так ли я тебе гадок, как ты мне?“» Второй анекдот связан со слабостью Ивана Петровича к французскому языку, которого выучить ему толком не довелось. Приезжает к нему однажды старый приятель с двумя рослыми сыновьями, для образования коих денег не щадил. «Я, — говорит он, — Иван Петрович, к тебе с просьбою: проэкзамениуй-ка моих парней во французском языке. Ты ведь дока...» Иван Петрович подумал, что молодых людей кстати спросить об их удовольствиях, и попытался перевести на французский фразу: «Милостивые господа, как вы развлекаетесь?» Однако языковые тонкости ему были недоступны: сказанное им имело совсем иной смысл: «Милостивые господа, хотя вы предупреждены...» «Юноши, — пишет Пыляев, — оstonбенили. Отец стал их бранить за то, что они ничего не знают, даже такой безделицы, что он обманут и деньги его пропали, но Иван Петрович утешил его заявлением, что сам виноват, обратившись к молодым людям с вопросом, еще слишком мудреным для их лет».

И все же по-настоящему привлекательной для гостей была хозяйка дома на Пречистенке, вторая жена Ивана Петровича, о которой так тепло отзывается Н.М. Карамзин. Высокая, стройная, до глубокой старости сохранившая следы красоты и яркий цвет лица, Екатерина Александровна известна была редкой добротой, но и независимым твердым характером. Сама управляла семейными делами, не допускала никаких долгов, все лишние средства тратила на подарки и — умела дружить с женщинами. Одной из близких ей особ становится Надежда Оси-

повна, мать поэта. И это была одна из причин знакомства и интереса к Архаровой самого Пушкина.

Потеряв в результате войны пречистенский дом – он полностью сгорел, – лишившись почти сразу после освобождения Москвы мужа и его старшего брата, к которому вся ее семья была очень привязана, Екатерина Александровна переезжает в Петербург, в семью старшей своей дочери – княгини А.И. Васильчиковой. Лето «старая Архарова» обычно проводила в Павловске, где ее в день рождения непременно посещала вдовствующая императрица Мария Федоровна. Столицу на Неве Архарова поражает патриархальностью своих привычек.

Екатерина Александровна до конца жизни ездит в одной и той же карете, на одних и тех же окончательно одряхлевших лошадях, с теми же кучером и фореитором. Дом на Пречистенке всегда был полон родственников и приживалок – Архарова любила считаться самым дальним родством. Многих она привезла с собой в Петербург, постоянно хлопоча об их делах и интересах. На царские обеды, куда ее приглашала императрица Мария Федоровна, Архарова приезжала непременно в том самом костюме, в котором написал ее когда-то на портрете В.Л. Боровиковский, и набирала со стола множество угощений для всех своих домашних вплоть до любимых слуг. Зная эту особенность «старой Архаровой», ей специально готовили подносы с лакомствами. Екатерина Александровна утверждала, что «с царского стола все вкуснее».

В свою очередь, в день своего рождения Екатерина Александровна накрывала поистине царской пышности стол для приезжавших лиц императорской семьи, через которых ей удавалось удовлетворять многочисленные ходатайства тех, кто искал у нее самой покровительства и защиты. Москвичи утверждали, что у «старой Архаровой» было всего три слабости – хорошо и много поесть, целые ночи просиживать за картами и ездить по грибы. Именно ездить: в лесу Екатерина Александровна оставалась сидеть в одноколке, тогда как грибы предоставлялось собирать кучеру. Так бывало и в подмосковном архаровском имении Иславское, неподалеку от нынешней станции Жаворонки, и в расположенном около станции Шарапова Охота поместье Рождественка, иначе Телятьево-Рождественское, где сохранились и выстроенный Архаровыми дом, и церковь, и остатки липового парка с копаными прудами.

П.Д. Сытин называет среди последующих владельцев дома на Пречистенке Бахметьева и князя Гагарина; документы же свидетельствуют о том, что с 1829 г. его владельцем становится Иван Александрович Нарышкин, родственник и будущий посаженный отец Н.Н. Гончаровой на ее свадьбе с поэтом. Но это уже следующая страница непрочитанной Пушкинианы.

ПОСАЖЕННЫЙ ОТЕЦ

В Москве жили – удобно, вольготно, не связывая себя чинным протоколом столичного Петербурга. Но в Москве и переживали ссылку. Отлучение от Петербурга и двора – судьба, постигшая и И.А. Нарышкина. При самых высоких придворных должностях, не менее высоком происхождении и прямом род-

стве с царствующей фамилией он навлек на себя гнев императора. Не служебными просчетами — со службой всеобщий любезник справлялся легко. Не убеждениями — Иван Александрович не вдавался «в тонкости политики». «Большого шаркуна», как его называли современники, подвела ловкая француженка, владелица модного петербургского магазина. В погоне за парижскими новинками она устроила путь их доставки без уплаты пошлин — через дипломатов и, попавшись на неблагоприятном занятии, перечеркнула карьеру своего покровителя. Слабость к прекрасному полу всегда отличала Нарышкина, несмотря на строгий надзор супруги. Семье пришлось переехать в старую столицу.

В книге «Пушкин и его окружение» сказано: «Нарышкин Иван Александрович (19.03.1761–18.01.1841) — оберцеремониймейстер, сенатор, тайный советник, дядя Н.Н. Пушкиной». И дальше упомянуто о его встрече с Пушкиным в московском театре С.В. Карцевой на «открытии французского спектакля», о его присутствии на свадьбе, вероятных встречах с поэтом и во время следующих приездов поэта в Москву. Перечислены члены семьи — жена, три сына, три дочери. Оставалось добавить, что обосновалось многолюдное семейство в бывшем архаровском доме на Пречистенке, 16, и что вся жизнь хозяина дома стала живой московской легендой.

«Небольшого роста, худенький и миловидный человек, он, в противоположность супруге своей, был очень общительного характера, — вспоминает современник, — и очень учтив в обращении. Волосы у него были очень редки, он стриг их коротко и каким-то особенным манером, что очень к нему шло; был большой охотник до перстней и носил прекрупные бриллианты». Лишившись возможности поклоняться петербургским львицам, Иван Александрович тотчас находит себе московских кумиров и прежде всего Зинаиду Волконскую, которую восторженно называет «нашей Коринной». Уже в очень преклонном возрасте его продолжают видеть на каждом гулянии в Сокольниках и Петровском парке — на «куцом коне, с розою в петлице фрака, ухаживающим за дамами».

Но был Иван Александрович известен не только как дамский угодник. Он не менее восторженный театрал, хорошо разбиравшийся и в драматическом и особенно в музыкальном искусстве. Смолodu неплохо играл на скрипке, участвовал в любительских концертах — квартетах, хотя злые языки не уставали твердить, что из пропущенных Нарышкиным нот можно было бы составить целую симфонию.

«Вчера я был на чтении у Декампа, — пишет в апреле 1829 г. Василий Львович Пушкин П.А. Вяземскому, имея в виду пользовавшегося в свете немалой популярностью лектора Московского университета. — Слушателей было гораздо меньше прошлых дней. Может быть, оттого, что вчера многие поехали в концерт к Ивану Александровичу Нарышкину». В доме на Пречистенке хозяин продолжал традиции своих петербургских музыкальных вечеров. В службе Нарышкин не преуспел. Сын камер-юнкера, ставшего затем камергером двора Петра III, он так или иначе расплачивается за то, что отец сохранил верность незадачливому императору и был с ним рядом при неудавшейся попытке бежать из Ораниенбаума в Кронштадт. Екатерина II подобных просчетов не прощала. Положение Нарышкина-младшего при

дворе улучшила его женитьба на графине Екатерине Александровне Строгановой, мать которой была дружна с императрицей и совершила вслед за ней настоящий подвиг в глазах современников, разрешив привить себе оспу. Не говоря о богатейшем приданом, Екатерину Александровну отличала редкая красота, но и «строгие правила».

Высокая, полная, голубоглазая, с открытым лицом и смелым взглядом, она не любила ни светской суеты, ни злословия, сама следила за материальным благополучием семьи, крепко держала в руках детей. Ее старшую дочь Елизавету Ивановну в Москве по этому случаю сочувственно прозвали Бедной Лизой. Елизавета Ивановна была в дружеских отношениях с Пушкиным и стала участницей известного масленичного катания 1 марта 1831 г. в Москве, где поэт появился со своей молодой женой.

Екатерине Александровне помогали дружеские отношения с Марией Антоновной Нарышкиной, фавориткой Александра I, и самим Александром I, охотно навещавшим петербургский дом Нарышкиных – супруги жили на Разъезжей, у Пяти Углов. Связи с Петербургом Екатерина Александровна не потеряла и во время московской ссылки. Одна из немногих, она могла ввести любого в самый высокий аристократический дом. Вот только устроить удачных партий для собственных детей не сумела.

Старший сын Нарышкиных Александр Иванович погиб на дуэли в 1809 г. По свидетельству М.И. Пыляева, он «был видный и красивый молодой человек, офицер, живого и вспыльчивого характера, у последнего была дуэль с известным Толстым, прозванным «Американцем»; на этой дуэли Толстой убил Нарышкина. Убив Нарышкина, Толстой бежал из Москвы, долго путешествовал, был в Сибири, на Камчатке. Про него сказал Грибоедов:

Ночной разбойник, дуэлист,
В Камчатку сослан был,
Вернулся алеутом,
И крепко на руку нечист...

Ф.И. Толстой был очень видный, красивый мужчина и большой кутила... Про него сказал кто-то в Москве: «Кажется, он довольно смугл и черноволос, а в сравнении с душою его покажется блондином».

Судьба свела осиротевшего отца и его обидчика. Толстой-Американец выступает посредником в сватовстве Пушкина, Нарышкина Гончаровы выбирают в качестве посаженного отца невесты.

«Сегодня свадьба Пушкина наконец, — пишет 18 февраля 1831 г. А.Я. Булгаков брату. — С его стороны посаженными Вяземский и графиня Потемкина, а со стороны невесты Ив.Ал. Нарышкин и А.П. Малиновская. Хотели венчать их в домовая церковь кн. Серг. Мих. Голицына, но Филарет не позволяет. Собирались его упрашивать; видно, в домовых нельзя...»

Занимало Москву и пророчество о будущем нарышкинской семьи, связанное с исчезновением хранившейся у них бороды известного юрдового времен Анны Иоанновны — Тимофея Архипыча. С незапамятных времен все повторяли его слова: «Нам, русским, не надобен хлеб: мы сами друг друга жрем и тем сыты бываем».

Тимофей Архипыч предсказал прабабке И.А. Нарышкина, что, пока борода его будет храниться в их семье, нарышкинский род не пресечется и не изменит православию. Бороду действительно держали «со всяческим бережением» в особом ящике, на шелковой подушке с крестом. Но при переезде из Петербурга в «Пречистенский дворец» она непонятным образом исчезла. Скорее всего ее сгрызли белые мыши, которых Иван Александрович держал во множестве и которых на время пути надумал поместить в тот же ящик.

Так или иначе, но пророчество юродивого стало сбываться. Бедная Лиза рано умерла, и притом в девичестве. Два сына ушли из жизни бездетными. Единственный внук от третьего сына имел лишь дочерей. Две из них вышли замуж за католиков — французского барона Валуа и австрийского майора Петца, третья сама приняла католичество и ушла в католический монастырь под именем сестры Натальи Нарышкиной.

«Давеча изволил ты сказать, что Москва — это дома, улицы, торги, много разного другого. Тут и спору нет. Только по моему разумению Москва — это люди, каких нигде не сыщешь...» (из письма актрисы Г.Н. Федотовой театральному художнику И.Е. Гриневу).

ГЕРОЙ ТИЛЬЗИТА

Петербургский дом его зрелых лет остался жить в «Медном всаднике». Это около него «с поднятой лапой, как живые, стоят два льва сторожевые...»

Московский дом его юности остался незамеченным историками. Об Адмиралтейском проспекте, 12, Пушкин писал в 1833 г. О доме по Никитскому бульвару, 14, на углу Никитских ворот, не мог не знать с самых ранних лет. Тем более, что так любил соседнюю Молчановку и даже видел в ней свою родину.

Этот дворец появился во второй половине XVIII в. как владение князей Лобановых-Ростовских, потомков героев Куликовской битвы Александра и Владимира Константиновичей, во всех поколениях остававшихся живой легендой древней столицы.

Можно ли было забыть князя Ивана Ивановича, отправившегося по приказу царя Алексея Михайловича с посольством к иранскому шаху Аббасу II с неслыханным для Азии подарком — впервые привезенным в эту часть света органом московской работы. И его гордый ответ на вопрос шаха, какие развлечения предпочитает московский царь: некогда государю в игры играть, его дело — о государстве думать.

Или сына князя — Якова Ивановича, стольника при всех трех царствовавших сыновьях Алексея Михайловича. Вот только в 1685 г. не устоял князь Яков Иванович перед искушением попытаться ограбить царскую казну по дороге к Троице, у Красной сосны. Убил двух из везших казну людей, но был схвачен и бит кнутом на глазах у народа в железном подклете. Но почему-то настоящего зла на князя-разбойника Петр I не держал. Позволил ему принять участие в Азовских походах, сделал майором Семеновского полка и всем ставил в пример редкую плодовитость Якова Ивановича: от двух браков имел он ни много ни мало 28 детей.

Родной племянник князя-разбойника и стал хозяином московского дома. Яков Иванович Лобанов-Ростовский младший тоже начал службу в Семеновском полку, тридцати трех лет стал камергером — сказалося покровительство влиятельных родственников: графа Никиты Ивановича Панина и князя Н.В. Репнина. С приходом к власти Павла I последовал чин тайного советника и назначение в Москву наблюдать за делами в московских департаментах и театрах. Особняк у Никитских ворот пришелся при таких назначениях как нельзя более кстати.

С Пушкиным оказывается связанным сын Якова Ивановича — князь Александр Яковлевич. Он познакомился с поэтом сразу после выпуска его из Лицея, встречался в Царском Селе и в Петербурге. Александр Яковлевич задумывает издать сборник стихотворений Пушкина в Париже. Предложение очень льстило самолюбию поэта, но по разным причинам не смогло быть реализовано. Спокойное течение жизни молодого Пушкина было нарушено южной ссылкой. С Лобановыми-Ростовскими ему удалось теперь увидеться только по возвращении из Михайловского. Супругой князя стала урожденная графиня Клеопатра Ильинична Безбородко, подарившая ему семерых сыновей и двух дочерей — они запечатлены вместе с матерью на превосходном портрете В.Л. Боровиковского.

Московский дом у Никитских ворот — что ж, он отошел в область детских воспоминаний поэта.

РОКОВОЙ ДОЛГ

Ошибка вкралась в написание фамилии. Составитель справочника «Пушкин и его окружение» спутал стоявший на конце слова твердый знак с мягким. Появившийся в результате Огонь-Догановский превратился в молочного брата поручика Киж. Подобной фамилии в природе не существовало, и это было тем важнее, что речь шла о прообразе одного из действующих лиц «Пиковой дамы» — Чекалинского.

Пушкинские строки: «Долговременная опытность заслужила ему доверенность товарищей, а открытый дом, славный повар, ласковость и веселость приобрели уважение публики... Он был человек лет шестидесяти, самой почтенной наружности». Поэт имел в виду потомка польского шляхетского рода Огонь-Догановского, перешедшего на русскую службу после взятия Смоленска при царе Алексее Михайловиче.

В отличие от своих далеких предков, первый из которых был пожалован в стольники, современник Пушкина государственной службе предпочитал спокойную жизнь помещика Серпуховского уезда Московской губернии. Вместе с супругой, урожденной Екатериной Николаевной Потемкиной, они держали в Москве открытый дом. Их особняк и сегодня производит впечатление своими размерами и великолепием. Застроенный многоэтажным доходным домом на углу Большой Дмитровки и Камергерского переулка (№ 9), он относится к числу лучших памятников московской архитектуры конца XVIII в., но упоминается обычно в связи с именем Л.Н. Толстого. В нем находилась первая семейная московская квартира писателя после свадьбы, здесь он работал над «Семейным счастьем».

О. Кипренский. Портрет
Александра Пушкина.
1827 г.

Для Пушкина все сложилось иначе. За карточным столом у Василия Семеновича Огон-Догановского поэт проигрывает, уже после официальной помолвки с Н.Н. Гончаровой, огромную для него сумму в 25 тысяч рублей. Иначе и не могло быть. Хозяин дома был профессиональным игроком, и хотя никто никогда не обвинял его напрямую в мошенничестве, зеленый стол составлял основной и неисчерпаемый источник его доходов. Василий Семенович никогда не бывал в проигрыше, тем более что располагал целым штатом помощников. Расплатиться Пушкин был, само собой разумеется, не в состоянии. На часть долга ему пришлось подписать вексель:

«Тысяча восемь сот тридцатого года июля в 3-й день я, нижеподписавшийся 10-го класса Александр Сергеев сын Пушкин, занял у полковника Луки Ильина сына Жемчужникова денег государственными ассигнациями двенадцать тысяч пятьсот рублей, за указанные проценты сроком впредь на два года, то есть: будущего тысяча восемь сот тридцать второго года июня по вышеписанное число, на которое должен всю ту сумму сполна заплатить, а буде чего не заплачу, то волен будет он, господин Жемчужников, просить о взыскании и поступлении по законам. К сему заемному письму 10-го класса Александр Сергеев сын Пушкин руку приложил. № 1196-й. 1830 г. Июля третьего дня сие заемное письмо к определению в Москве публичному нотариусу явлено и в книгу под номером тысячу сто девяносто шестым записано — Нотариус Ратьков».

Отставной полковник Жемчужников был компаньоном «почтенного Чекалинского». Дальше Пушкину оставалось ехать к отцу для выяснения своего и без того нелегкого материального положения.

Респектабельный хозяин дома — и не менее респектабельный его компаньон. Л.И. Жемчужников как нельзя лучше впи-

сался в высший московский свет. Гвардейский полковник, помещик Боровского и Медынского уездов, член Петербургского Английского собрания, женатый на красавице неаполитанке графине де Морелли, титул и происхождение которой, впрочем, вызывали у современников серьезные сомнения. Играл Жемчужников ежедневно и из игры черпал средства для жизни и обогащения. Поэт же был за зеленым сукном всего лишь любителем – азартным и неумелым.

Так или иначе, долг существовал и доставлял немало неприятностей. Уже после свадьбы Пушкин вынужден приехать специально для его урегулирования в Москву. С мая 1831 г. он жил с женой в Петербурге, надеясь на благополучную оплату долга при посредстве московских друзей. Седьмого октября Пушкин напишет П.В. Нащокину: «Прошу тебя в последний раз войти с ними в сношение и предложить им твои готовые 15 т., а остальные 5 я заплачу в течение 3 месяцев». Через три недели возможность личного объяснения с кредиторами появится у самого поэта: «Видел я Жемчужникова. Они согласились взять с меня 5000 векселем, а 15 000 получить тотчас. Как же мы сие сделаем? Не приехать ли мне самому в Москву?» В результате 6–22 декабря 1831 г. Пушкин проводит в Москве.

И все равно расплатиться в оговоренный срок Пушкин не смог. Росла семья, росли расходы. К старым долгам неумолимо прибавлялись все новые и новые. Жемчужниковский вексель продолжал тяготеть над Пушкиным до последнего дня жизни. Его погасила только опека 11 мая 1837 г., когда сумма векселя с указанными процентами достигла 6389 рублей. В.С. Огон-Догановского не стало ровно через год – в мае 1838 г.

Л.И. Жемчужников пережил своего компаньона почти на двадцать лет. Любопытно, что оказалось возможным установить, куда пошли проигранные Пушкиным деньги. Отставной полковник стал совладельцем сельца Ховрино. Другая часть принадлежала Столыпиным, семейству двоюродной бабки М.Ю. Лермонтова – Натальи Алексеевны, вышедшей замуж за своего дальнего родственника и однофамильца, Пензенского губернского предводителя дворянства. Между совладельцами делились 22 ховринских двора, в которых проживало 82 мужика и 71 баба. Л.И. Жемчужников оказался рачительным хозяином. Он подновил старый боярский дом с флигелями, отремонтировал церковь, почистил раскинутый на холмах сад с мостиками и гротами.

Но долго пользоваться Ховрином Жемчужниковым не пришлось. В 1854 г. умер единственный сын, 24-летний гвардейский поручик. Годом позже не стало жены игрока, а в 1856 г. к их могилам на Смоленском кладбище Петербурга присоединилось погребение и самого пушкинского кредитора – последняя точка в истории рокового долга.

ПОДАРЕННОЕ ПИСЬМО

Известие было не из приятных. Письмо, которое счастливый жених написал родителям, оказалось подаренным Надеждой Осиповной ее приятельнице княгине Александре Ивановне Васильчиковой 3 мая 1830 г.

В эти же дни поэт доверится В.Ф. Вяземской: «Первая любовь всегда есть дело чувства. Вторая — дело сладострастия, — видите ли! Моя женитьба на Натали (которая, в скобках, моя сто тринадцатая любовь) решена. Отец мне дает двести душ, которые я закладываю в ломбарде». Накануне Петру Андреевичу Вяземскому были адресованы строки: «Сказывал ты Катерине Андреевне [Карамзиной] о моей помолвке? Я уверен в ее участии — но передай мне ее слова — они нужны моему сердцу, и теперь не совсем шастливому».

Такими откровениями с родителями поэт делиться бы не стал. И все же он готов отдать несколько своих автографов за злополучное письмо. Готов, но получает решительный отказ. Письмо остается у Александры Ивановны, с которой он связан добрыми отношениями долгие годы.

Собственно, дело не в княгине Васильчиковой, а в семействе Архаровых, из которого она родом. И разве не доказательство дружеской близости — присылка именно княгине 4 ноября 1836 г. одного из анонимных пасквилей, адресованных поэту. Есть и другое обстоятельство, связывавшее Васильчиковых с Пушкиным, — жизнь Гоголя в их доме. На этой почве завязываются добрые отношения поэта и писателя.

Пушкин впервые узнает о Гоголе из письма П.А. Плетнева в конце февраля 1831 г., но за недосугом едва ли не до конца апреля не берется за чтение его сочинений. Личное знакомство в мае у того же Плетнева оказывается мимолетным. Зато с июня Пушкин с молодой женой устраивается в Царском Селе, Гоголь в Павловске — у Васильчиковых. «Все лето я прожил в Павловске и Царском Селе, — пишет Николай Васильевич А.С. Данилевскому. — Почти каждый вечер собирались мы — Жуковский, Пушкин и я. О, если бы ты знал, сколько прелестей вышло из-под пера этих мужей». Гоголь не упоминает только о своем положении в доме, которое если несколько и скрашивалось, то лишь благодаря тактичности жившей с дочерью «старой Архаровой» и самой княгини.

«У тетки Васильчиковой было пятеро детей, — вспоминал впоследствии В.А. Сологуб. — Один из сыновей родился с поврежденным при рождении черепом, так что умственные его способности остались навсегда в тумане. К этому-то сыну, в виде не то наставника, не то дядьки и был приглашен Гоголь для того, чтобы по мере возможности стараться хоть немного развить это бедное существо... На балконе, в тени, сидел на соломенном низком стуле Гоголь, у него на коленях полулежал Вася, тупо глядя на большую, развернутую на столе книгу; Гоголь указывал своим длинным, худым пальцем на картинки, нарисованные в книге, и терпеливо раз двадцать повторял следующее: — «Вот это, Васенька, барашек — бе...е...е, а вот это корова — му...у...му...у, а вот это собачка — гау...ау...ау...» При этом учитель с каким-то особым оригинальным наслаждением упражнялся в звукоподражаниях. Признаюсь, мне грустно было глядеть на подобную сцену, на такую жалкую долю человека, принужденного из-за куска хлеба согласиться на подобное занятие».

И это на следующий день после того, как «старая Архарова» отправила внука послушать чтение Гоголя. Сами хозяйки интереса к литературе не проявляли. У стола с тремя вяжущи-

ми на спицах старухами Сологуб впервые услышал гоголевские строки: «Знаете ли вы украинскую ночь?..»

Несмотря на, казалось бы, тяжелые воспоминания, Гоголь постоянный гость Васильчиковых. Продолжает посещать княгиню и Пушкин. Это о ее московском доме на Большой Никитской (№ 46) сказано у А.Ф. Писемского: «...у Васильчиковых по средам большие вечера». Здесь появляются М.С. Щепкин, Ф.И. Тютчев, Т.Н. Грановский, С.М. Соловьев, И.К. Айвазовский, не говоря о родном племяннике хозяйки – В.А. Сологубе.

Но для Пушкинианы не менее важны многочисленные родственники и свойственники Архаровых. Мать Владимира Александровича Сологуба Софья Ивановна с мужем, которого Пушкин упоминает в первом варианте I главы «Евгения Онегина», их второй сын – Лев, связанный с окружением барона Геккерна, и племянница Софьи Ивановны по мужу – Надежда Львовна Сологуб, горькое и, по всей вероятности, встреченное взаимностью увлечение поэта:

*Нет, нет, не должен я, не смею, не могу
Волнениям любви безумно предаваться;
Спокойствие мое я строго берегу
И сердцу не даю пылать и забываться...*

Когда попытки противостоять пылкому влечению поэта оказались тщетными, родственники девушки прибегли к крайнему решению. В июле 1836 г. Софья Ивановна увезла племянницу за границу, откуда Надежда Львовна вернулась только после гибели Пушкина, и притом женой декабриста А.Н. Свистунова.

Дому на Большой Никитской оставалось хранить еще одну страницу жизни поэта.

ВЕЛИКАЯ ТЕНЬ

Поэты русские свершают жребий свой,
Не кончив песни лебединой...

*Е.П. Ростопчина
1841*

Свершилось! Перед ней был Пушкин. Юная Додо Сушкова никому не признавалась, как ждала этой минуты, как готовилась к ней. Она знала на память едва ли не все, что становилось известным из его стихов. И обстоятельства жизни. Поэт оставил Москву в год ее рождения, направляясь в Царскосельский лицей, и впервые вернулся на родину с фельдъегерем, отбыв ссылку на юге и в Михайловском, когда ей едва исполнилось пятнадцать. Кто бы стал представлять девочку знаменитому поэту? И все же их знакомство должно было состояться. Пушкин знал ее со всей ее родней и разве что случайно еще не успел побывать в их доме на Чистых прудах.

Гулянье в Марьиной
роще

8 апреля 1827 г. — она запишет для себя этот день и будет помнить его во всех подробностях до конца своей жизни. Ничто не предвещало чуда. Все семейство Сушковых собиралось на модное гулянье под Новинским. Не побывать там на Рождество, Святки или Масленую настоящие москвичи не могли себе позволить.

От Садово-Кудринской площади в сторону Смоленской-Сенной по правую сторону выстраивались рестораны и палатки со всяческими лакомствами. По другую сторону раскидывались балаганы с циркачами, фокусниками, дрессированными животными, кукольными театрами, пантомимами. Простой народ развлекался «самокатами» — каруселями с колясками, качелями, простыми каруселями. Посередине проезда пробирался бесконечный ряд экипажей. И вот среди этого шума, веселья, беспорядочной толчеи, взрывов смеха Додо увидела:

*Вдруг все стеснилось, и с волнением
Одним стремительным движеньем
Толпа рванулась вперед...
И мне сказали: «Он идет...»
Он — наш поэт, он — наша слава,
Любимец общий! Величавый
В своей особе небольшой,
Но смелый, ловкий и живой,
Прошел он быстро предо мной...*

Будущая известная поэтесса Евдокия Ростопчина с детства была увлечена литературой. В семье дань этому виду искусства отдавали все. Бабушка Мария Васильевна Сушкова получила известность как переводчица на русский язык Мармонтеля и с русского на французский — произведений М.М. Хераскова. Она сотрудничала в первых литературных журналах екатерининского времени, и Данила Лукич Мордовцев, один из самых люби-

Кулачный бой. 1836 г.

мых в России авторов исторических повестей, причислил ее к замечательным женщинам второй половины XVIII в.

Сын Марии Васильевны, родной дядя Додо, Н.В. Сушков учился и дружил с А.С. Грибоедовым, познакомился с совсем еще маленьким Пушкиным, виделся с ним в Лицее и даже передал поэту поэму М.М. Хераскова «Бахариана», которой тот пользовался, работая над «Русланом и Людмилой». Если его собственные литературные опыты и не отличались талантливостью, это искупалось тем благоговением, с которым он относился к Пушкину. 1 февраля 1837 г. он был у гроба поэта.

Современникам нравились сочинения и переводы другого дяди Додо — М.В. Сушкова, в том числе его «Российский Вертер». Писали стихи и братья поэтессы. Однако родственная критика подчас бывала такой беспощадной, что девочка далеко не всегда решалась представлять на семейный суд свои сочинения.

Юную Евдокию Сушкову родные начинают вывозить в свет, и на одном из декабрьских балов в доме А.В. Голицына ей представят Пушкина. Теперь поэт забудет обо всем окружающем. Разговор пойдет о стихах Додо, которые Пушкин, оказывается, знал уже не один год. События на Сенатской площади, выступление декабристов вызовут к жизни строки поэтессы, и они станут известны:

*Соотчичи мои, заступники свободы,
О, вы, изгнанники за правду и закон,
Нет, вас не оскорбят проклятием народы,
Вы не услышите укор земных племен!..
Хоть вам не удалось исполнить подвиг мести
И цепи рабства снять с России молодой,
Но вы страдаете для родины и чести,
И мы признания вам платим долг святой.*

Она была очаровательна, романтична, но не только эти черты собирали вокруг Евдокии Петровны толпы поклонников. Не о юной светской красавице думал Николай Огарев, едва не каждый день приезжавший в сушковский дом на Чистых прудах. Общность взглядов, мыслей, литературных увлечений казалась дороже всего остального. И насмешливый Пушкин ни разу не позволит себе даже тени иронии в отношении «прелестной поэтессы». Во-первых и прежде всего — поэтессы.

Как разгадать, что занимает в эти дни воображение поэта? Он приезжает в Москву в первых числах декабря 1828 г. всего лишь на месяц, на который и приходится знакомство с Сушковой. Пушкин частый гость Зинаиды Волконской, сестер Ушаковых, одной из которых — Екатериной — он начинает серьезно увлекаться, Марии Ивановны Римской-Корсаковой с ее созвездием красавиц-дочерей — многие из москвичей помнят еще недавно украшавший Пушкинскую площадь их дом, иначе называвшийся «домом Фамусова». Он ездит к цыганам в Тишинские переулки и не может обрести душевного равновесия.

На это обращает внимание близкий приятель поэта П.А. Вяземский в одном из своих писем: «Он что-то во все время был не совсем по себе, не умею объяснить, ни угадать, что с ним было, но он не был в ударе...[я] все не узнавал прежнего Пушкина».

О том же записывает в своем дневнике и, казалось бы, только что узнавшая поэта Евдокия Петровна. Даже самой себе юная поэтесса не признавалась в том, насколько сильное впечатление произвел на нее Пушкин. Впечатление на всю жизнь. Только в строках, написанных после гибели поэта, она приоткрывает завесу своей жизненной тайны:

*Слова его в душу свою принимая,
Ему благодарна всем сердцем была я...
И много минуло годов с того дня,
И много узнала, изведала я, —
Но живо и ныне о НЕМ воспоминаю;
Но речи поэта, его предвещанье
Я в памяти сердца храню как завет
И ими горжусь... хоть его уже нет!..*

Евдокия Петровна оказывается свидетельницей увлечений поэта. Их немало. Но ни разу она не делает попытки привлечь к себе внимание своего кумира. Она уверена: подлинная любовь, если ей суждено возникнуть, должна развиваться по своим собственным законам, ей чуждо какое-либо вмешательство или насилие.

В жизни Пушкина появляется Натали Гончарова. Любящим сердцем Евдокия Петровна угадывает, насколько нелегка будет дальнейшая судьба поэта. Может быть, она лучше других понимает характеры и душевные особенности участников будущей драмы. Никого не обвиняет, всем только сочувствует. Ее выдержке и такту могут позавидовать умудренные жизненным опытом люди. У Евдокии Петровны нет опыта — есть чувство.

31 марта 1831 г. она видится с супругами Пушкиными — они вместе участвуют в санном масленичном катаньи и блинах, которые устраивает ее близкий родственник С.И. Пашков, женатый на княжне Надежде Сергеевне Долгоруковой, ровеснице поэтессы.

Наталья Гончарова

Это все молодые пары. Недавно поженившиеся. И очень счастливые. Свадьба Пашковых состоялась в 1830 г. Брат княжны А.С. Долгоруков, участвующий в том же катанье, обвенчался со своей женой, Ольгой Александровной Булгаковой, всего два месяца назад, и Пушкину довелось танцевать на первом балу молодоженов. Это Ольга Александровна поразила Пушкина своим замечанием, когда он заявил о своем желании ехать в Персию: «Байрон поехал в Грецию и там умер; не ездите в Персию, довольно вам и одного сходства с Байроном». Молодая княгиня Долгорукова не скрывала, что Пушкин был ее любимым поэтом.

Но именно потому, что она находится в среде поклонников и друзей поэта, Евдокия Петровна не может не знать больно ранящих ее подробностей его жизни. Того, как много проиграл Пушкин в Москве записным игрокам и как не сумел расплатиться с чудовищным для него долгом. Того, что ему пришлось заложить свою деревеньку и полученные деньги почти полностью раздать за долги и за приданое своей невесты. Теща откровенно заявила соискателю руки прекрасной Натали, что средствами не располагает, а без приличного приданого выдать дочь замуж ни за что не согласится. Даже в день венчания она готова была отложить обряд, требуя с Пушкина все новых и новых сумм. В результате поэту оказалось не на что сшить себе к свадьбе фрак. Пришлось надеть фрак Нащокина, в котором, по утверждению друзей, Пушкина позже положили и в гроб.

И множество дурных примет, сопровождавших самый обряд венчания в церкви Большого Вознесения, через проулок от

усадьбы Н.А. Вейера. Друзья шепотом передавали друг другу, как упали случайно задетые Пушкиным крест и Евангелие с аналая, как при обмене колец одно из них скатилось на пол, и в довершение всех бед у жениха погасла свеча. «Одни дурные предзнаменования», — заметил побледневший поэт.

Разговор об этом как-то происходил и в присутствии Евдокии Петровны, и Пушкин был искренне удивлен безмятежным выражением ее лица. Эпизод этот, однако, — лишь новое свидетельство того, как умела молодая женщина владеть собой. «...Сердце у меня сжималось в это мгновение от боли», — признавалась сама Ростопчина.

Евдокия Петровна с редким добросердечием относится к Наталье Николаевне. Ни тени зависти, тем более ненависти, напротив, старается ободрить, помочь. Ради поэта. «Ее чувства были не по нашим меркам», — замечает ее брат С.П. Сушков.

Но наступает время перемен и для самой поэтессы. Биографы склоняются к тому, что не Евдокия Петровна, а заботливые родственники находят для нее блестящую партию.

Сын бывшего московского генерал-губернатора Ф.В. Ростопчина, деятельного участника событий 1812 г. в Москве, граф Андрей давно освободился от отцовской опеки: генерал-губернатора не стало в 1826 г. Правда, Андрею Федоровичу всего 19 лет, и он моложе своей невесты. Зато граф богат, знатен и очень хорош собой. Впрочем, согласие невесты последовало скорее всего из-за литературных увлечений жениха.

Со временем А.Ф. Ростопчин станет известным библиографом, книжным знатоком и даже почетным членом Петербургской Публичной библиотеки. Он занимается литературой и относится к числу поклонников поэтического таланта своей будущей жены.

28 мая 1833 г. в Москве появляется поэтесса Евдокия Ростопчина. Под этим именем Додо Сушкова и войдет в историю нашей литературы. Закончился этап ее биографии, который она так охарактеризовала в своем стихотворении «Три поры жизни»:

*Была пора: во мне тревожное волненье,
Как перед пламенем в волкане гул глухой,
Кипело день и ночь; я вся была в стремленье...
Я вторила судьбе улыбкой и слезой.
Удел таинственный мне что-то предвещало;
Я волю замыслам, простор мечтам звала...
Я все высокое душою понимала,
Всему прекрасному платила дань любви, —
Жила я сердцем в оны дни!*

Новую страницу своей жизни Евдокия Ростопчина назовет порой тщеславия. Светские успехи словно должны отвлечь ее от мыслей и чувств, у которых нет будущего. «Я вдохновенья луч тушила без пощады для света бальных свеч... я женщиной была», — скажет поэтесса о себе.

Но в канун этих оказавшихся нелегкими для нее лет, весной 1832 г., Ростопчина напишет своего рода эпитафию Пушкину — стихотворение «Отринутому поэту». Карточный долг продолжал существовать и обрастать процентами. Мысли о работе, непрестанно растущей семье, связях со двором не

оставляли Пушкина ни на минуту. Доходившие до Евдокии Петровны сведения о петербургской жизни поэта были неутешительными. Но у Ростопчиной хватает широты души не принять сторону одного Пушкина. Она искренне симпатизирует Наталье Николаевне, считая ее обреченной на семейные неурядицы и раздор.

Через три года семейной жизни Ростопчины переезжают в Петербург. Имя графини Евдокии Петровны окружено громкой славой. Журналы охотно предоставляют свои страницы ее поэзии. Критики не скупятся на восторженные похвалы. Особенно ее поддерживают В.А. Жуковский и — Пушкин. Наконец-то у них завязываются более тесные и постоянные отношения.

Ростопчина не претендует на обычный столичный салон. У нее в доме превосходная кухня, и ростопчинские обеды собирают самых знаменитых литераторов. Пушкин, правда, как-то замечает: насколько Ростопчина превосходно пишет, настолько же неинтересно говорит. Здесь есть чему удивиться. Ее беседы привлекают Огарева, Жуковского, впоследствии Лермонтова. Именно беседы. А Пушкин — что ж, откуда ему было догадаться, как робела перед ним блистательная светская красавица. Недаром она проговорится в одном из своих стихотворений:

*Боюсь двусмысленных вопросов и речей!
Боюсь участия, обмана... и друзей.*

Ее отношение к Пушкину остается трепетным и благоговейным.

Кто только не бывал в петербургском салоне Ростопчиных! Здесь и самые известные певцы из Италии, и великолепные музыканты графы братья Виельгорские, М.И. Глинка, А.С. Даргомыжский. Расширяется круг литературных завсегдатаев — ее навещают П.А. Вяземский, В.Ф. Одоевский, А.И. Тургенев, П.А. Плетнев, С.А. Соболевский, Владимир Сологуб. Для Ростопчиной наступает третья и самая счастливая, по ее собственному признанию, пора жизни:

*Но третья пора теперь мне наступила, —
Но демон суеты из сердца изженен,
Но светлая мечта Поэзии сменила
Тщеславья гордого опасно-сладкий сон.
Воскресло, ожило святое вдохновенье!..
Дышу свободнее; дум царственный полет
Витает в небесах, и Божий мир берет
Себе в минутное, но полное владенье;
Не сердцем — головой, не в грезах — наяву,
Я мыслю теперь живу!*

Пушкин настолько дорожит домом Ростопчиных, что даже за день до дуэли приезжает обедать к Евдокии Петровне. «Обычный гость», — отзываются о нем современники. Привычная сдержанность графини не позволит тем же современникам увидеть всю глубину трагедии, которой стала для нее гибель поэта. Лишь Жуковский, сердцем проникший в тайну графини, делает ей драгоценный и необыкновенный подарок — последнюю черновую тетрадь Пушкина, в которую тот еще ничего не успел вписать. Тетрадь сопровождалась запиской Василия

Андреевича — он благословлял Ростопчину «докончить книгу». И графиня откликается на подарок посвященными памяти великого поэта стихами:

*Смотрю с волнением, с тоскою умиленной
На книгу-сироту, на белые листы,
Куда усопший наш рукою вдохновенной
Сбирался вписывать и песни и мечты;
Куда фантазии созревшей, в полной силе
Создания дивные он собирать хотел...
...И мне, и мне сей дар! Мне, слабой, недостойной,
Мой сердца духовник пришел ее вручить,
Мне песнью робкою, неопытной, нестройной
Стих чудный Пушкина велел он заменить!..*

Но в действительности тетрадь не была совсем чистой. В ней уже находились черновые наброски самого Жуковского, к которым Ростопчина начала добавлять ходившие в списках, «потаенные» стихи Пушкина. Там оказались эпиграммы на Аракчеева, Булгарина и других. И около полтора ста стихотворений самой графини.

Ростопчиной не дано было знать, какой сложный путь предстоит проделать ее рукописному сборнику. Дочь Евдокии Петровны предпочла продать его собирателю рукописей и предметов пушкинского времени А.Ф. Онегину-Отто. Сборник оказался в парижском музее. И лишь счастливый случай помог ему, вместе со всем онегинским собранием, вернуться в конце 1920-х гг. на берега Невы, в Пушкинский дом.

«Она, без сомнения, первый поэт теперь на Руси», — отзовется о Ростопчиной в это время сменивший Пушкина в руководстве журналом «Современник» П.А. Плетнев. И почему-то так высоко ценимая поэтесса не хочет оставаться в Петербурге, ищет одиночества. Графиня уезжает в свое воронежское имение «Анна», где пишет две повести — «Чины и деньги» и «Поединок», объединенные в сборнике «Очерки большого света». Одновременно она готовит первый сборник своих стихов. Он достаточно необычен. Тема Ростопчиной — неразделенная женская любовь, любовь скрытая, робкая в своих проявлениях, но глубокая и поглощающая всю ее жизнь. Графиня и здесь не дает угадать, кому принадлежало ее сердце.

Некоторое горькое утешение она находит теперь в общении еще с одним великим поэтом России. Знакомство с Лермонтовым, который был на три года моложе Ростопчиной (как и ее муж), относилось еще к годам ее «московского жития». Но с тех пор произошло слишком многое в жизни обоих. Лермонтов поплатился за свои строки на гибель Пушкина, успел побывать на Кавказе и снова вызвать императорский гнев. В эти тяжелые дни он начинает часто бывать у графини.

Их связывает общность литературных увлечений и преклонение перед Пушкиным. Литературоведы до сих пор не могут с уверенностью сказать, познакомился ли Лермонтов при жизни со своим великим современником. Пушкин как будто читал лермонтовские строки и высоко их оценил. Скорее всего Лермонтов смог проститься с телом поэта. Воспоминания и рассказы Ростопчиной об их общем кумире особенно его трогали.

«Отпуск его подходил к концу, — вспоминала впоследствии Ростопчина. — Лермонтову очень не хотелось ехать, у него были всякого рода дурные предчувствия. Наконец, около конца апреля или начала мая мы собрались на прощальный ужин, чтобы пожелать ему доброго пути. Я одна из последних пожала ему руку... Во время всего ужина и на прощанье Лермонтов только и говорил об ожидавшей его скорой смерти. Я заставляла его молчать и стала смеяться над его казавшимися пустыми предчувствиями, но они поневоле на меня влияли и сжимали сердце».

Ростопчина и Лермонтов обменялись посвященными друг другу посланиями. Стихотворение Ростопчиной называлось «На дорогу». Лермонтовское начиналось строками:

*Я верю: под одной звездой
Мы с вами были рождены,
Мы шли дорогою одною,
Нас обманули те же сны...
Предвидя вечную разлуку,
Боюсь я сердцу волю дать,
Боюсь предательскому звуку
Мечту напрасную верить...*

Стихотворение «Графине Ростопчиной» датировано 27 марта 1841 г. 15 июня того же года Лермонтова не стало. Ростопчина отозвалась на эту потерю строками:

*Поэты русские свершают жребий свой,
Не кончив песни лебединой...*

Графине всего тридцать лет. Но груз потерь и разочарований так велик, что, кажется, ей уже не удастся оправиться. Бесследно исчезает романтика юности, и она повторяет для себя лермонтовские строки:

*Мы жадно бережем в груди остаток чувства —
Зарытый скупостью и бесполезный клад...*

В 1845 г. Ростопчина с мужем и тремя детьми уезжает за границу. Перед ней проходят Германия, Австрия, Италия, Франция. Во Франции поэтесса знакомится с великим романистом Александром Дюма-отцом. Дюма недавно выпустил в свет «Записки учителя фехтования», посвященные русским декабристам и резко осужденные императором Николаем I. Въезд в Россию для писателя закрыт. Между тем рассказы Ростопчиной, сам ее образ вызывают живейший интерес Дюма. Особенно волнует его история Лермонтова. Для Дюма Ростопчина предстает последней любовью поэта.

Встреча в Риме с Гоголем побуждает Евдокию Петровну направить для публикации в Россию ее стихотворение «Насильный брак», аллегорически представлявшее присоединение к Российской империи Польши. Гоголь был прав — цензура пропустила в печать «недосмотренное» сочинение, зато Николай I тут же разгадал его истинный смысл. Последовало запрещение для Ростопчиной появляться в северной столице. Для жизни ей определялась Москва, из которой она время от времени выезжала в подмосковное же Вороново.

В доме на Садово-Кудринской Ростопчины устраиваются с полным комфортом. Они владеют великолепной библиотекой и редким собранием картин и скульптуры — коллекционированием увлекается граф Андрей Федорович. Дом-музей гостеприимно открыт для всех желающих — никаких ограничений для посетителей.

А в литературном салоне графини собирается без преувеличения вся литературная Москва. Здесь можно встретить М.Н. Загоскина, Д.В. Григоровича, А.Ф. Писемского, выступавшую под псевдонимом Е.В. Тур графиню Салиас де Турнемир — сестру драматурга А.В. Сухово-Кобылина, поэта Я.П. Полонского, актеров М.С. Щепкина и И.В. Самарина. В этих стенах происходит знакомство Льва Толстого с А.Н. Островским, живописца П.А. Федотова с Гоголем.

В мае 1850 г. Ростопчины устроили выставку Федотова, пользовавшуюся совершенно исключительным успехом. «Что заставляло стоять перед ними [картинами] на выставках такую большую толпу посетителей, что привлекло приходивших к ним в ростопчинскую галерею, — писал журнал «Москвитянин», где сотрудничала Ростопчина, — это верность действительности, иногда удивительная, разительная верность».

Федотовым же был написан превосходный портрет Евдокии Петровны.

Но память — ею поэтесса дорожит больше всего. Она много пишет, много работает, а сердцем по-прежнему принадлежит пушкинским годам. Евдокия Петровна сама признается в этом незадолго до своей смерти профессору историку М.П. Погодину: «Принадлежу и сердцем и направлением не нашему времени, а другому, благороднейшему — пишущему не из видов каких, а прямо и просто от избытка мысли и чувства, я вспоминала, что жила в короткости Пушкина, Крылова, Жуковского, Тургенева, Баратынского, Карамзина, что эти чистые славы наши любили, хвалили, благословляли меня на путь по следам их — и я отреклась... от своей эпохи, своих сверстников и современников, сближаясь все больше и больше с моими старшими, с другими образцами и наставниками моими...».

Такое отчуждение оказывается недолгим. Ростопчина уходит из жизни сорока шести лет. Ее уносит неизлечимый недуг.

Но на пороге смерти судьба подарит графине еще одну встречу с Александром Дюма, который после смерти Николая I наконец-то получает разрешение посетить, хотя и под негласным надзором, Россию. По его просьбе Евдокия Петровна возвращается к своему прошлому: она пишет воспоминания о Лермонтове и передает французскому романисту список стихотворения Пушкина «Во глубине сибирских руд».

«Я выполнила свои обязательства в отношении тех, кого сердцем любила...».

СУДЬБА МЦЫРИ

...Пускай в раю,
В святом, заоблачном краю,
Мой дух найдет себе приют...
Увы! за несколько минут
Между крутых и темных скал,
Где я в ребячестве играл,
Я б рай и вечность променял!..

М.Ю. Лермонтов. Мцыри
1839–1840

Ученые спорили. Прежде всего о времени написания портрета. Лермонтов в лейб-гусарской шинели, накинутой на плечо, с треугольной шляпой в руке. Одни считали, что портрет был заказан Елизаветой Алексеевной Арсеньевой, бабушкой поэта, в связи с окончанием им школы подпрапорщиков. Другие относили его к более позднему времени. Портрет попал в Пушкинский дом из саратовского поместья родного брата бабушки Афанасия Алексеевича Столыпина; а о 1836–1837 гг. упоминали современники, почти очевидцы.

Но существовал и другой предмет спора – авторство портрета. Чьей кисти он принадлежал? Для одних решала вопрос надпись на обороте поступившего в Пушкинский дом холста: «Писал Будкин, 1834 г., С.-Петербург». Для других свидетельства современников и стилистические особенности живописи. Известный библиограф М.Н. Лонгинов отмечал: «Мы видели этот оригинал в Саратовской губернии в селе Нееловка у владельца его, покойного Афанасия Алексеевича Столыпина, родного брата бабушки Лермонтова. Оригинал писан масляными красками в натуральную величину художником Захаровым, а гравюра выполнена в Лейпциге со снятой с него Г. Муренко фотографии...».

Слова Лонгинова подтверждал другой не менее известный библиограф, П.А. Ефремов: «В начале 1865 года до меня дошла копия... с оригинального портрета. Г-н Муренко прислал И.И. Глазунову [книгоиздателю] фотографический снимок, сделанный им с портрета Лермонтова в лейб-гусарском мундире... Замечу, что покойный Лонгинов считал этот портрет самым схожим».

Красные ворота. Дом, где родился Лермонтов

В обоих случаях называлось имя живописца Петра Захарова — чеченца, как любил подписываться художник.

Доводы представлялись далеко не одинаково весомыми. Надпись, именно надпись, на обороте картины не может служить бесспорным подтверждением авторства, особенно когда сделана не рукой художника, — подписи Будкина известны. Главное же — обстоятельство, не учитывавшееся участниками дискуссии, — в 1834 г. Будкин Филипп только начинал свои занятия в Академии художеств и рассчитывать на подобный заказ попросту не мог. Скорее всего надпись была сделана уже в Нееловке, по памяти, самими хозяевами, которые могли и заказывать Будкину повторение портрета, но портрета кисти именно Петра Захарова, сыгравшего свою определенную роль в жизни поэта. Без него мог не родиться «Мцыри».

...Женщина была мертва. Генерал сдержал слово. Сооружая на берегу реки Сунжи ряд крепостей, он особое значение придавал той, которая, будучи укреплена шестью бастиянами, получила от него название Грозной. Огромное, утонувшее в садах селение по другую от Грозной сторону реки следовало из стратегических соображений переселить. И немедленно. Жители уйти отказались. 15 июня 1819 г. аул Дады-Юрт пал. Около убитой женщины лежал израненный трехлетний мальчик.

По распоряжению генерала А.П. Ермолова мальчиком занялся казак Захар Недоносков. Не спал ночами, выхаживая малыша. Другим его питомцем оказался лезгин. Обоих казак поставил на ноги. Крестил. По своему имени дал отчество и фамилию. Крестным отцом стал сам генерал. Павел Захарович Захаров-лезгин стал со временем солдатом и умер в том же Грозном. Петра Захаровича Захарова-чеченца взял под опеку двоюродный брат генерала П.Н. Ермолов, командовавший в Грузии бригадой 21-й пехотной дивизии. Шел 1823 г. Спустя еще четыре года П.Н. Ермолов вышел в отставку и отправился на житье в Москву, вернее, на подмосковный хутор Собакино вместе с шестью собственными детьми и «нашим Петрушей», как теперь в семье станут звать чеченского воспитанника.

Петруша проявляет недюжинные художественные способности. Мальчик рисует целыми днями все, что попадает ему на глаза. П.Н. Ермолов ищет возможности устроить воспитанника в Академию художеств, но искренне радуется совету президента Академии А.Н. Оленина подучить мальчика рисунку в домашних условиях: по крайней мере, с ним нет необходимости расставаться. Учителем становится живущий по соседству с Ермоловыми московский художник Лев Волков. Только когда Петруше исполнится шестнадцать, приемный отец возобновит свои хлопоты об академии.

«Ты знаешь моего чеченца Петра Захарова, — пишет он своему давнему другу еще по кавказской службе. -- В 1826 г. во время коронации я просил Алексея Николаевича Оленина поместить его в Академию художеств... Не знаю, как приступить к сему: Оленин большой барин, живущий в Петербурге в большом свете и кругу, я, отставной, деревенский житель, ничем не прикосновенный к большому свету и большому кругу, хотя некогда и пользовался его благорасположением, но боюсь, что изгладился в его памяти; писать к нему, вспомнит ли он обо мне, станет ли отвечать и будет ли ответ благоприятен? К тебе

моя просьба состоит в следующем. Ты, может быть, сам к нему ездил, вероятно, имеешь общих знакомых, то не можешь ли кого-нибудь или через кого-нибудь напомнить ему об его обещании и внушить ему, что сам я к нему не пишу, единственно боясь обеспокоить... Сделай милость, любезный Николай Викторович, не откажи сделать мне еще одолжение».

Просьбы будут настойчиво повторяться несколько месяцев, но безрезультатно. На помощь придут другие знакомые П.Н. Ермолова, руководившие Обществом поощрения художников, того самого, которое давало возможность заниматься в Академии в качестве пансионеров юношам из провинции, а также детям с необычной судьбой. Петруша будет отправлен под их опеку в Петербург и в 1833 г. наконец станет официальным учеником Академии. Один из руководителей Общества напишет воспитателю: «Итак, для поддержания его остаются только средства твоего кармана, средства, в коих он нуждается...». На автопортрете этих лет Петр Захаров предстает худеньким юношей в модном сюртуке и с неслучайной для щеголей тех дней тросточкой в руке.

Впрочем, внешний вид обманчив. Захаров умеет упорно, как никто, работать, и уже в 1835 г. его выпускают из Академии со званием свободного художника. В повседневной жизни это означало, что он со всем своим потомством может пользоваться, как гласил аттестат, «вечною и совершенною свободою и вольностию, и вступить в службу, в какую сам, как свободный художник, пожелает».

У Захарова есть заказы на портреты светских генералов. Со временем он напишет герцога Максимилиана Лейхтенбергского, супруга президента Академии художеств великой княгини Марии Николаевны, и самого Николая I. Парадные портреты его кисти можно увидеть в Эрмитаже. Одно время он пробует свои силы в Военном министерстве в качестве художника в Департаменте военных поселений, рисуя принимавшиеся на экипировку формы солдат и офицеров, — слишком велико желание накопить денег на поездку в Италию. Но подводит здоровье. Начавшиеся еще в Москве неприятности с легкими все серьезнее дают о себе знать. Заработки приходится тратить на летние поездки в пригородное Парголово и приготавливавшийся там кумыс. А главное — изводит тоска по близким людям и родственной среде.

Художник пишет превосходный портрет духовного писателя и поэта Андрея Николаевича Муравьева, пользовавшегося поддержкой Пушкина, сотрудничавшего в «Современнике» и выпустившего популярное «Путешествие по святым местам» — плод четырехлетних странствий по Востоку. У него завязываются дружеские отношения с семьей московских купцов Постниковых, где можно было встретить Гоголя, Петра Киреевского, Н.М. Языкова, певца и композитора П.П. Булахова и рядом с ними цвет университетской профессуры. Другими сына хозяев дома хирурга Ивана Петровича Постникова были профессор И.П. Матюшков, Ф.И. Иноземцев, С.А. Смирнов. Иноземцев был одним из основателей Общества русских врачей в Москве, редактором «Московской медицинской газеты». Семен Алексеевич Смирнов посвятил себя преобразованию кавказских курортов и создал в Пятигорске Русское бальнеологическое обще-

ство. Его имя и поныне носят Смирновские источники и площадка с каскадной лестницей в Железноводске. В отношении же близко подружившегося с Захаровым П.П. Булахова достаточно сказать, что он был автором романсов и песен «Гори, гори, моя звезда», «Вот на пути село большое», «Тройка», «Тихо вечер догорает». Первое исполнение многих этих романсов состоялось в доме Постниковых, и на этих вечерах неизменно присутствовал художник.

Но просто вернуться в Москву Захарову кажется мало. Он делает еще один шаг на пути академического признания. В 1843 г. портрет А.П. Ермолова приносит ему звание академика. Вот тогда-то академик Петр Захаров — «чеченец», или «из Дады Юрта», как станет художник подписывать свои произведения, — напишет «Автопортрет в бурке с ружьем», ставший по духу воплощением Мцыри. Не случайно именно после него Карл Брюллов назовет Петра Захарова лучшим, после себя, портретистом.

Кого только не пишет в эти лучшие свои московские годы художник! Здесь и Т.Н. Грановский — современников восхищал созданный художником овеянный высокой романтикой и полный душевной чистоты образ. После фантастического успеха лекций профессора в Московском университете А.И. Герцен и Н.Х. Кетчер приходят к мысли о необходимости увековечить Грановского в живописи и обращаются для этого именно к П.З. Захарову. Здесь и все посетители постниковских вечеров. И стареющая красавица А.В. Алябьева, которой посвящали в начале 1830-х гг. свои дифирамбы Пушкин и Лермонтов. И молодой Н.А. Некрасов. И художник Н. Тербенев.

В этот период Петру Захарову удастся устроить и свою личную жизнь. Уже много лет он пишет при разных обстоятельствах дочь Постниковых Александру Петровну. Любимая девушка выходит замуж за одного из товарищей брата, тоже врача. Но к этому времени она успевает овдоветь. Захаров просит ее руки и получает согласие. 14 января 1846 г. молодые венчаются в церкви Покрова, что в Кудрине. Шафером художника выступает его крестный отец — А.П. Ермолов.

Но 13 июля того же года в том же храме Захарову суждено проводить в последний путь Александру Петровну. Заразившись от мужа, она сгорела в несколько недель от скоротечной чахотки. Он и сам уйдет из жизни в роковом 1846 г., успев оставить в семейном альбоме удивительно проникновенный и трагический портрет жены на смертном ложе. Похоронены были супруги Захаровы на соседнем Ваганькове. Художнику из Дады-Юрта едва исполнилось 30 лет.

А на берегах Сунжи дожила до наших дней легенда. Будто выросла здесь потерявшая семью девочка и, став невестой, попросила суженого привезти в аул ее младшего брата, которого, по слухам, увезли то ли в Москву, то ли в Петербург. И жених выполнил ее просьбу. Когда же старейшины усомнились в родстве невесты и привезенного юноши, девушка сказала, что когда-то уронила малыша на кетмень, отчего остался у него на спине шрам. Шрам, к великому счастью невесты и ее брата, оказался на месте. Брат отпраздновал свадьбу сестры и снова уехал на север. И назвался художником из Дады-Юрта.

Только у легенды оказалось и продолжение. В Грозном удалось собрать многие и едва ли не лучшие работы художника: портрет жены, относящийся к 1839 г., портреты П.П. Булахова, И.Ф. Ладыженского, автопортрет в бурке с ружьем...

А в конце декабря 1994 г. картины перестали существовать – как и почти все сокровища Республиканского музея бывшей Чечено-Ингушской АССР. Просто никто не подумал, что национальные ценности надо спасать от национальной армии. Точечное бомбометание и артиллерийский шквал на родной и общей для всех нас земле...

ПОСЛЕДНЯЯ КВАРТИРА

Ты меня спрашиваешь о Гоголе... Примирение произошло еще на письмах. Все ему обрадовались, и отношения остались по-прежнему дружеские; но только все казалось, это не тот Гоголь.

В.С. Аксакова – М.Г. Карташевской
1848

На этот раз Гоголь возвращался в Россию навсегда. Годы, проведенные в Италии, не принесли разочарования, но стало труднее работать. По его собственным словам, он хотел «упиться русской речью», оказаться в среде своих героев, мечтал о скорейшем завершении второй части «Мертвых душ», был полон новых замыслов. И поселиться решил в Москве. Москва и Рим представлялись ему единственными городами, в которых в Европе стоило жить. Осенью 1848 наступила очередь Москвы.

Но первая встреча с древней столицей принесла разочарование. Теплый погожий сентябрь задержал всех друзей в поместьях. Предоставленный ему в Дегтярном переулке дом Шевыревых угнетал пустотой. Гоголь не терпел одиночества, даже писать предпочитал в итальянских тавернах, среди шума и мелькания веселой бесцеремонной толпы. И теперь решил бежать в Петербург, пусть всего на несколько недель, лишь бы подавить ощущение дурного предзнаменования.

Казалось, это удалось. По возвращении в Москву в октябре перед ним гостеприимно распахнулись двери десятков домов друзей и знакомых. Пришло даже примирение с М.П. Погодиным, чей дом у Новодевичьего монастыря Гоголь так любил и где в предоставленном ему кабинете хозяина так чудесно жилось и работалось прежде. Тот же кабинет в мезонине с огромными окнами в вековой липовый парк, со шкафами, полными ценнейших рукописей, документов, книг, коллекций древностей, был предоставлен ему и теперь. Все возвращалось на круги своя, но...

Примирение с М.П. Погодиным не вернуло былой тесной дружбы. Хозяин и гость через считанные дни начинают тяготиться друг другом. Чтобы прервать заколдованный круг неудавшихся отношений, Погодин придумывает срочный (среди зимы!) ремонт дома. Гоголь использует тот же предлог, чтобы найти другую квартиру. Денег на собственную у него нет. Из нескольких гостеприимных предложений он выбирает приглашение четы графов Толстых, с которыми поддерживал отношения и за границей. Подобно ему самому, они только что вернулись в Москву и поселились в доме на Никитском бульваре. На первом этаже главного дома так называемой Талызинской усадьбы для Гоголя находятся две отдельные комнаты со входом из главных сеней. Писатель волен поселиться в них вместе со своей прислугой, подниматься к столу хозяев на второй этаж или требовать кушанье в свои покои. Принимать собственных гостей и даже, в крайнем случае, пользоваться гостиной первого этажа, где и состоится знаменитое авторское чтение «Ревизора» для труппы Малого театра, на котором присутствовал И.С. Тургенев.

От хозяев трудно было требовать большего. Но Гоголь панически боится холода, не выносит сырости, испуганно рвется к солнцу. В его же комнатах стоит волглая полутьма от низких, у самой земли окон, от протекавшего под самым домом в открытых берегах ручья Черторыя, от грязи, вылетавшей из-под колес разворачивавшихся у подъезда карет. Тянуло холодом от входной двери...

Встречи с друзьями — но он никогда так остро не ощущал своего положения на хлебника. Прислуга давала это понять, и Гоголь готов расстаться с последними деньгами, платить бесконечные чаевые, чтобы не видеть насмешливых взглядов. Главное же — хозяева были глубоко безразличны к его писательскому таланту. Гоголя объединяли с Толстыми только религиозные настроения, хотя и очень разные по своему существу. Все сводилось к тому, что писатель приходил слушать церковную музыку, которую исполняла на рояле графиня Анна Егоровна, и сам в погожие дни читал хозяйке церковные сочинения на выходившем в сад балконе.

Толстые замечали его и не замечали, так что даже день своего рождения Гоголь предпочитает провести у Аксаковых, в полном смысле слова напросившись к ним на обед. Ощущение собственного угла не появилось. В 43 года он подведет для себя итог: ни дома, ни средств к существованию, ни семьи, о которой втайне так мечтал, надеясь на союз с графиней Анози Виельгорской. Знаменитому писателю было не только отказано в ее руке — Виельгорские вообще отказали Гоголю от дома. На многолетней сердечной дружбе с дорогим ему семейством поставлен крест. А что, если надо было прислушаться к первому дурному предзнаменованию, все переиначить, по-другому устроить? Нет-нет эта мысль возвращалась, и не хватало духу додумать ее до конца.

«Борюсь с судьбой» — эти слова как нельзя точнее определяют его состояние на переломе 1851–1852 гг. В середине декабря Гоголь весело уверяет Г.П. Данилевского, что весной, самое позднее летом приедет к нему с законченными «Мертвыми душами». День за днем он хлопочет о делах, занимается изданиями. 31 января правит гранки. 3 февраля договаривает-

Н. Андреев. Памятник
Н. В. Гоголю

ся с Аксаковыми о вечере с малороссийскими песнями и только 4-го пожалуется Шевыреву на необычную слабость. Никто не придаст значения его словам (все то же проклятое одиночество!), а он 10-го уже с большим трудом заставит себя подняться на второй этаж к столу. От его опасений досадливо отмахнется А.П. Толстой, которого Гоголь попросит «на всякий случай» взять к себе его рукописи. В страшную ночь с 11 на 12 февраля они сгорят в камине. Ровно через десять дней писателя не станет. Через считанные минуты после кончины граф найдет время пересмотреть вещи покойного. Ношеное белье, старые сапоги, шинель и книги легко уместятся в двух тощих чемоданах. Ни денег, ни рукописей нет.

И все же не он стремился уйти из жизни – жизнь неумолимо отторгала его. Жестоко и бесповоротно. Графиня Толстая бросила больного и весь дом на произвол судьбы – она панически боялась любых болезней. Граф вызывал медицинских знаменитостей, чтобы можно было оповещать Москву о своем преисподушии. Консилиумы следовали один за другим, назначения опровергали друг друга, и ни одно не проводилось в жизнь. Простой лекарь, наблюдавший за медицинской каруселью без права голоса и вмешательства, с ужасом констатировал, что больного на его глазах убивали.

Незадолго до кончины приехавшая навестить Гоголя теща М.П. Погодина едва нашла больного среди прохваченных сквозняками комнат первого этажа, никем не замеченная просидела

у постели всю ночь и также никем не замеченная ушла. Гоголя подальше от людских глаз перенесли из его половины в самую дальнюю и неудобную комнату у черного крыльца. Потемневший от пота халат никто не удосужился ему заменить. Впрочем, у него другого и не было. Но самое странное началось потом.

Раз денег у покойного не осталось, кто-то должен позаботиться о погребении. Граф ставит свои условия, с которыми не соглашаются друзья, забывшие о Гоголе во время последней болезни. С условиями друзей, в свою очередь, не соглашается Москва, вернее — Московский университет: прах великого писателя теперь принадлежит его народу. И вещь, невероятная для людей, исповедующих православие: ни граф, ни друзья не примут участия в похоронах. Это студенты и профессора на плечах отнесут гроб в Татьянинскую церковь университета, а когда придет срок — и на кладбище Данилова монастыря. Ни родных, ни близких у могилы не будет. Кроме дамы в черном. Это Евдокия Петровна Ростопчина приедет в полночь в университетскую церковь и до утра простоит, облокотясь на гроб, время от времени откидывая густую вуаль и прикладываясь к заолодевшему лбу.

Толстые поторопятся стереть все следы пребывания писателя в их доме. Комнаты гоголевской половины превратятся в три клетушки для прислуги и четвертую — швейцарскую. Более основательных перемен им не удастся произвести в связи с переездом в Петербург: после многих лет отставки граф неожиданно получит назначение обер-прокурором Синода. После смерти графа в 1873 г. дом будет продан графиней Анной Егоровной вдове брата бабушки М.Ю. Лермонтова — М.А. Столыпиной, от которой он перейдет к двоюродной тетке поэта — Н.А. Шереметевой. И первое, что сделают новые владельцы, — окончательно сотрут память о Гоголе. В его комнатах будут поставлены капитальные перегородки, уничтожены старые печи и роковой камин.

С 1909 г. кабинет писателя будет превращен в швейцарскую пристроенного к старому особняку доходного дома (№ 9—11). Очередные хозяева — камергер двора А.М. Катков и его жена — разместят в старой усадьбе принадлежавший им магазин «Русские вина», молочную лавку и частную лечебницу внутренних и детских болезней. И, кстати, превращение кабинета в швейцарскую происходило в год открытия на Арбатской площади памятника писателю работы Н.А. Андреева, одного из трех в Москве, сооруженных на народные деньги. Народ оплатил памятники Минину и Пожарскому, Пушкину и Гоголю. Но это относилось к народной памяти.

Октябрь 1917 превратил старый особняк в коммунальное жилье. Имя Гоголя официально не забывалось. Только вместо создания музея дело ограничивалось упоминанием о том, что в бывшем кабинете писателя живет семья рабочего, которой знакомо имя Гоголя, не больше. Так отмечается на страницах «Огонька» в 1939 г. очередной гоголевский юбилей. Впрочем, не только так.

Столетие со дня смерти ознаменовывается началом наступления на писателя. Еще в 1932 г. прах Гоголя был перенесен из Данилова монастыря в Новодевичий: оставлять гоголевскую могилу в организованной здесь колонии для малолетних преступников представлялось не слишком удобным. Но в протоко-

ле государственной комиссии, осуществлявшей перезахоронение, по свидетельству заместителя ее председателя профессора А.А. Федорова-Давыдова, пришлось указать, что состоял прах из нескольких костей, бархатной погребальной туфли и обрывков истлевшей ткани сюртука. Черепа в могиле не оказалось.

Вместе с остатками праха был перенесен и надгробный памятник – огромный валун с водруженным на нем каменным крестом. Оставившие Гоголя во время погребения Аксаковы, по-видимому, ощутили свою вину и доставили в Москву валун, отысканный в южных степях. В 1952 г. решением советского правительства аксаковское надгробие было заменено плохим портретным бюстом. Одновременно решилась судьба андреевского памятника – на его месте, на старом постаменте и в окружении андреевских фонарей появился монумент работы Н.В. Томского со знаменательной надписью: Гоголю «от Советского правительства».

А творение Н.А. Андреева, так понравившееся Льву Толстому, – понадобилось наступление хрущевской «оттепели», чтобы ему отыскалось место: в тесном закоулке талызинского сада, против окон гоголевских комнат. Так, чтобы никто не мог его толком рассмотреть, побыть рядом. Ссылный памятник – кто знает, соберется ли Москва с силами и совестью, чтобы открыть музей писателя, и, конечно же, вернуть на его законное место памятник. Кто знает...

КУПЦЫ ИЗ КАСИМОВА

Капитал сам по себе не есть памятник человеку, его составившему. Однако во благоверении и с пользой употребленный, способен он споспешествовать делам, отечеству необходимым, и тем доставить владельцу своему благодарную память потомков.

*Путеводитель по Москве
1838*

Еще в начале XX столетия их имя было хорошо знакомо москвичам. Кожевниковы – именитые купцы, фабриканты, торговцы колониальными товарами, владельцы гостиниц. На все их хватало, всем успевали заниматься – с размахом, с выгодой, но еще и радовать Москву. Кто как не Кожевниковы, начиная с пушкинских времен, устраивали концерты самых знаменитых певцов и музыкантов, открывая на них бесплатный вход всем желающим. По воскресеньям от Крестовской заставы в их родовое Свиблово тянулся нескончаемый поток москвичей. Кто мог – раскошеливался на извозчика, кто добирался пешком – в свибловском саду всем хватало места.

Основатель рода Иван Прокофьевич Кожевников родился в Касимове в первые годы правления Анны Иоанновны. По купечеству пошел, как и его отец. Торговал знаменитой мягчай-

шей касимовской кожей, изделия из которой сбывались преимущественно в южных областях России вплоть до Бессарабии. Имел фабричку, где шились на месте не менее известные касимовские тулупчики. В канун того, как родной город был веле-нием Екатерины II записан в уездные — в 1777 г., перебрался с поднакопившимся капиталом в старую столицу и записался в московское купечество. Немало ему в том помогло и приданое жены Ксении Ивановны из торгового касимовского рода Чили-киных.

В Москве супруги устроились в собственном доме в Златоу-стовском переулке и на первых порах развернули широкую тор-говлю колониальными товарами. Переезжали вместе с сыном Петром Ивановичем, который, хоть ему было и под тридцать, своего дела еще не имел и состоял при отце. Особенно понравился москвичам ароматный кожевниковский чай. Пили его во всех дворянских домах, в том числе и у Пушкиных, Вяземских, Трубецких.

Петр Иванович лишился родителей в один год — 1793-й. С почетом похоронил на специально откупленной земле Миус-ского кладбища. А затем еще возвел над их могилами церковь Софии Премудрости Божией.

Но сыну прежнего размаха уже было мало. Капитал позво-лил ему сменить Златоустовский переулок на огромный земель-ный участок между нынешней Пушкинской площадью и Козиц-ким переулком (Страстной бульвар, 4), между домовладениями статского советника, ближайшего друга баснописца И.А. Крыло-ва, полковника И.И. Бенкендорфа (№ 6) и статс-секретаря Екатерины II Г.В. Козицкого — отсюда и название московского переулка. Удобный барский дом посередине двора был окружен обширными флигелями, но жить на дворянский манер П.И. Ко-жевников не захотел.

В одном из флигелей он устраивает богатую, со всячески-ми удобствами гостиницу. В то же время покупает подмосков-ное село Свиблово, но не ради усадьбы, а ради возможности развернуть в нем давно задуманное суконное производство. В 1802 г. он уже значится московским купцом первой гильдии, выполняет большие поставки на армию, а с началом Отече-ственной войны 1812 г. берет на себя бесплатное обмундирова-ние ополченцев. В 1816 г. Москва с почетом хоронит купца-жерт-вователя в Новодевичьем монастыре. И здесь начинается нов-ая глава в истории почтенного рода, немало удивившая москвичей.

После П.И. Кожевникова остаются его вдова Мария Петров-на с детьми Иваном и Анной, и почти сразу затевается далеко не благополучный раздел наследства. Отказавшись от московс-кого дома, Кожевников-третий перебирается на жительство в Свиблово. Возможно, одной из причин возникших семейных неурядиц послужили произошедшие с Кожевниковым-внуком перемены. Еще недавно робко сопровождавший отца на Бирже и в Гостином дворе — в неизменном тулупчике с кушаком, на тележке, заменявшей им обоим все виды экипажей, он вдруг превращается в одетого на европейский манер деятельного промышленника и к тому же мецената.

Петр Кожевников не просто построил в Свиблове суконную фабрику, но следовал последним западным образцам, выписав

из Англии и оборудование, и мастеров. Для своих рабочих соорудил вместительные дома с разбитыми около них садами. Все сделал, чтобы удержать специалистов на своем производстве и, судя по всему, добился цели.

Шерстопрядильная фабрика Кожевникова работала на сырье, поставлявшемся из Касимова, который издавна вывозил шерсть в Англию. Здесь же были сукноткацкая и суконная фабрики и самостоятельное аппретурное заведение. Особенно славилось тончайшее кожевниковское сукно, которое шло на мундиры, а отдельные сорта его использовались для бильярдных и письменных столов.

Иван Петрович-младший еще более усовершенствовал производство, докупил заграничных машин, но особенно заботился о том, чтобы «рабочие люди были веселы», — основное, как он считал, условие для добросовестной работы. Один из немногих заводчиков тех лет, он ввел бесплатную рабочую одежду — кумачовые рубахи и коломьянковые порты, а также еду во время смены — миску черной — гречневой — каши с постным маслом. В субботу — «на шабаш» каждому отпускалась стопка водки. Когда в Свиблове устраивались концерты и праздники на открытом воздухе, рабочие с семьями могли также на них бывать — но обязательно надев при этом «чистую одежду».

«Было в этом, — писал один из современников, — более купеческого расчета, нежели человеколюбия и движения душевного. Однако же следует признать: рабочие кожевниковские и впрямь выглядели лучше, чем на остальных московских фабриках, местами своими дорожили и непременно добивались, чтобы переходили они их детям».

Кожевниковское производство еще при жизни Петра Ивановича приобретает славу образцового. Им интересуется сам Александр I и специально приезжает для знакомства в Свиблово, где по такому исключительному случаю вся дорога от Дмитровского тракта была обсажена свежевыкопанными березками, густо засыпана желтым песком, а выстроенные по обочинам рабочие были одеты в только что сшитые чуть не шелковые алые рубахи.

С не меньшей пышностью была встречена на свибловской фабрике и вдовствующая императрица Мария Федоровна, мать Александра I. Для нее Кожевников и вовсе не пожалел красного сукна, которое разложил от того же Дмитровского тракта до Свиблова. Императрица интересовалась преимущественно благотворительными и образовательными заведениями. Ей Кожевников смог показать содержащуюся на его средства церковно-приходскую школу, сиротский приют для детей рабочих и богадельню для их вдов. Впечатление на членов императорской семьи было произведено. Кожевникова наградили орденом Анны третьей степени. Кроме того, он имел чин коммерции советника.

Если великолепные приемы Кожевникова и вызывали подчас насмешки москвичей, зато концертные вечера в Свиблове пользовались исключительной популярностью.

У Кожевникова выступали и великий русский трагик Павел Мочалов, звезда московской казенной сцены, и его сестра — актриса Мария Францьева, и талантливая прима московского балета Акулина Медведева, неизменно привозившая с собой

свою дочь, будущую выдающуюся актрису Московского Малого театра Н.М. Медведеву. Для Н.М. Медведевой написал ряд ролей в своих пьесах А.Н. Островский. Ее урокам обязана своими первыми успехами М.Н. Ермолова.

Но едва ли не самой большой радостью для слушателей были сольные концерты «русской Каталани», как называли современники цыганскую певицу Стешу — Степаниду Сидоровну Солдатову. «У нее, как у соловья, в горлышке звучат и переливаются тысячи колокольчиков», — напишет один из меломанов тех лет.

Выступала Стеша с необычным по составу ансамблем — скрипачом, гитаристом и тремя вторившими ей певицами. Совершенно своеобразной была и ее исполнительская манера. В некоторых романсах и песнях она выпевала только отдельные строки куплета, а то и вовсе лишь отдельные слова, придавая таким образом произведению особую эмоциональную окраску. Репертуар ее был огромен. В него входили русские, украинские и польские народные песни и множество романсов, главным образом современных авторов. В Москве говорили, будто Наполеон, оказавшись в русской столице, пожелал услышать прославленную цыганскую певицу; но Стеша до прихода французов уехала в Ярославль. Ее специально приезжала слушать итальянская певица Каталани и, растроганная великолепным исполнением романса на слова Мерзлякова «Жизнь — смертным тяжелое бремя, страдание — участь людей...», сделала цыганке подарок: то ли бриллиантовый перстень, то ли дорогую шаль с собственного плеча. Этот поразивший воображение москвичей эпизод остался жить в пушкинских строках, обращенных к Зинаиде Волконской. Посылая «царице муз и красоты» свою поэму «Цыганы», поэт просил прослушать ее так же благосклонно,

Как мимоездом Каталани

Цыганке внемлет кочевой...

Но это внешняя, как бы обращенная к публике сторона жизни артистки. Была и другая сторона: неизлечимая болезнь (Стеша и умерла молодой — от горловой чахотки); незадавшаяся жизнь дочери Ольги. Кожевников знал об этом и как мог старался облегчить участь обеих, посылая им деньги и подарки.

Ольга часто пела дуэты с матерью. Состояла она в том же цыганском хоре Ильи Соколова, куда так охотно приезжал Пушкин. Дружила с приятельницей поэта Танюшей Демьяновой, позднее была выкуплена у хора влюбившимся в нее П.В. Нащокиным.

Пушкин останавливался у Нащокина в годы близости друга с О.А. Солдатовой, стал крестным отцом их дочери. У поэта складываются с О.А. Солдатовой самые добрые отношения, тем не менее он одним из первых поддержит П.В. Нащокина в его намерении оставить Ольгу и жениться на В.А. Нагаевой. После состоявшегося разрыва и свадьбы приятеля Пушкин напишет ему: «Желал бы я взглянуть на твою семейственную жизнь и ею порадоваться. Ведь и я тут участвовал, и я имел влияние на решительный переворот твоей жизни». И снова через третье лицо И.П. Кожевников передаст Ольге с двумя детьми немалую сумму — в «незабвенную память матушки, которая осчастливила нас в Свиблове своим ангельским пением».

Происходили обычно свибловские музыкальные вечера, принесшие такую широкую популярность цыганским певицам,

в специальном дощатом театре площадью около двухсот квадратных метров. Для гуляний же предназначалась длинная густо обсаженная цветами аллея, где зажигались транспаранты с инициалами выступавших исполнителей и пускались замысловатые – «кожевниковские» фейерверки.

Между тем, живя в Свиблове, И.П. Кожевников не переставал заботиться и о московском доме. Гостиница здесь постоянно улучшалась, пользовалась хорошей славой и процветала. Именно в ней – в «Виктории» – трижды останавливался в своей жизни Л.Н. Толстой. Первый раз – в феврале 1878 г. Месяцем раньше писатель начал собирать материалы о николаевском времени для задуманного романа о декабристах. Второй раз он жил здесь в январе 1879 г., когда уже были написаны первые главы романа: приезд в Москву ее героев – семьи Лабазовых. Но тогда же приходит решение отказаться от темы. В третий раз Л.Н. Толстой остановился в «Виктории» в мае 1881 г. – после своего письма Александру III о событиях 1 марта 1881 г., когда он просил о помиловании цареубийцы. Кстати, это последнее его пребывание в московских гостиницах. Чуть позже он приобретет дом в Долгохамовническом переулке.

Старое домовладение перестало существовать в 1890-х гг., проданное внучатыми племянниками И.П. Кожевникова светлейшему князю К.А. Горчакову, который в 1900 г. возводит на его месте огромное (и ныне существующее) здание по проекту архитектора И.Ф. Мейснера.

Развитие промышленности во второй половине XIX в. резко меняло уклад жизни России, ломало многие традиции. И.П. Кожевников стал быстро терять былую силу. Гуляния в Свиблове еще какое-то время продолжались, но уже без финансового участия владельца. Судьба «Вишневого сада» постигла Свиблово задолго до появления чеховской пьесы. Сам И.П. Кожевников умер в 1889 г. и был похоронен все на том же Миусском кладбище, под еще раз обновленной им церковью Софии.

ТОРЖЕСТВО В МАНЕЖЕ

Я знаю, что Москва свои имеет нравы,
Где сердце веселят различные забавы.
Какое множество в Москве
Прекрасных лиц!

Д.И. Фонвизин. Комедия «Корюк»

Какой это был удивительный праздник: 27 декабря 1867 г. в Москве. Манеж, превращенный в гигантский концертный зал, 700 человек оркестрантов и хористов, 12 тысяч зрителей – и несмолкающие овации после каждого исполненного произведения. Москва приветствовала Гектора Берлиоза. Тяжело больной, подошедший к концу своих дней музыкант переживал свой са-

мый большой в жизни триумф. Московские газеты помещают восторженные отзывы.

А вот строки из письма москвича, присутствовавшего на памятном концерте: «Дорогой друг, не суди строго, что не сразу взялся за перо... В голове и чувствах полнейший сумбур — сумбур восторга. Представь себе зрелище. Маститый, убеленный сединами старец, с потухшими очами и неверностью движений, занял место в оркестре. С немалым трудом вскинул он палочку и будто по ее мановению превратился в юношу, страстного и нежного, меланхолического и восторженного разом. Только что в его сухощавой согбенной фигуре была одна слабость лет и недуга, и вот уже она стала гибкостью и силой молодости. Поразительная метаморфоза творчества. Человечность и доброта — к ближнему, к людям, к миру — это и есть сила великого француза. Его страсти человечесны, а человечность чутка и страстна».

Но это была не первая встреча Берлиоза с русскими слушателями. Композитор уже побывал в России двадцатью годами раньше — в феврале 1847 г. Причин для первой поездки было немало. Здесь и затруднительное материальное положение, которое композитор надеялся поправить, и живейший интерес к России — о ней столько говорили побывавшие там западноевропейские музыканты, в частности, только что вернувшийся с гастролей Ференц Лист. Берлиоз уже давно следил за успехами русской музыки и даже выступил в печати с подробным разбором творчества Михаила Ивановича Глинки, которого считал одним из лучших композиторов современности. Но главным, хотя и невысказанным желанием Гектора Берлиоза было попытаться найти в России своих слушателей. Во Франции его больше ценили как музыкального критика. Признание его музыки симфониста-романтика приходило труд-

Август Бетанкур.
Московский манеж.
Акварель. 1819 г.

Здание Благородного собрания в Москве.
Литография. Сер. XIX в.

но и было связано для автора с множеством горьких разочарований.

И вот, наконец, после длительного утомительного путешествия по снежным равнинам, в непривычных санях, со случайными и надоедливymi попутчиками – Петербург. Переполненный до отказа императорский оперный – Мариинский театр, превосходный оркестр и особенно понравившийся композитору редкой стройностью звучания хор.

Берлиоз напишет в «Мемуарах»: «После хора Сильфов возбуждение публики действительно дошло до высшей степени. Никто не ожидал музыки, тонкой, воздушной и легкой настолько, что надо было очень внимательно слушать, чтобы ее воспринять. Признаюсь, это была упоительная минута для меня. Я только немного беспокоился за состав военного оркестра, не видя его прибытия к апофеозу, которым должен был закончиться концерт. Обернувшись после скерцо «Фея Маб», требовавшего исключительно глубокой тишины, я вдруг увидел всех моих музыкантов – их было шестьдесят – стоящими в ряд на местах с инструментами в руках. Они прошли и встали так, что никто даже этого не заметил. Блаженный час».

Далее его путь лежал в Москву. Концерт в сохранившемся до наших дней Колонном зале. Овации. Море букетов. Берлиоз потом будет жалеть, что в напряжении подготовки, непрерывных репетиций ему не удалось толком рассмотреть показавшийся сказочно прекрасным город, необычную его архитектуру. В московском Большом театре Берлиоз слушает «Жизнь за царя» Глинки – произведение, в котором, как он напишет позже, много «изящных и очень своеобразных мелодий». Уезжая

после двух с половиной месяцев гастролей, Берлиоз оставляет в России множество друзей.

Прошло 20 лет. Больной Берлиоз снова приезжает к русским слушателям как к источнику живой воды. Он уверен в полном понимании его творений русской публикой. В программе концерта в Манеже — Глинка, Моцарт, Бетховен и собственные сочинения композитора. Успех превосходит ожидания. Берлиоз писал в эти дни из Москвы: «Я просто не знал, куда деваться. Это самое громадное впечатление, какое я только произвел за свою жизнь... За всю жизнь».

На устроенном в честь Берлиоза обеде к нему обращается с восторженной речью П.И. Чайковский.

Россия, Москва — Берлиоз будет вспоминать о них до конца жизни. А в последние минуты к умирающему композитору придет известие о триумфальном исполнении его произведений в обеих русских столицах, где ими дирижировали М.А. Балакирев и Н.Г. Рубинштейн. Берлиоз обращается благодарной памятью к русским слушателям и в своих мемуарах, которые заканчивает словами: «Какая из двух стихий может возвести человека до самой высшей из всех вершин: любовь или музыка? Это трудный вопрос. И все же я отвечу так: любовь не может дать представления о музыке, а музыка может дать представление о любви... Но зачем отделять одну от другой? Они два крыла одной души...» «Русской души особенно, — добавит он в разговоре с друзьями. — Манежный концерт меня окончательно в этом убедил...»

ЗАБЫВШЕЕСЯ ЧУДО

Для скольких поколений музыкальная Москва начиналась с Юргенсона. Хотя это относится и ко всей России.

С.С. Прокофьев
1933

«Более 38 000 №№ собственных изданий». «Самый обширный в России склад нот для всех инструментов и из всех стран». «Единственные в России дешевые издания в томах». «Духовная и школьная музыка, книги музыкального содержания». «Оптовая и розничная продажа нотной бумаги». «Музыкальное издательство и нотная торговля».

Ни в одном утверждении широко печатавшейся по всей России рекламы не было и тени преувеличения. Более того, о многом авторы текстов умалчивали. Издания фирмы Юргенсона находили спрос в большинстве европейских стран, достигали даже Южной Америки. Фирма поддерживала Московскую консерваторию и деятельно участвовала немалыми капиталами в создании Императорского Русского музыкального общества. Ее продукция была отмечена многочисленными международными наградами.

Юргенсон – это имя знакомо музыкантам во всем мире. Размах, достигнутый в течение жизни одного поколения, уже представлял редкость, но настоящее чудо заключалось в другом.

В семье ревельского рыбака не только не было профессиональных музыкантов, но не могло быть и средств, чтобы дать музыкальное образование хоть одному из детей.

Родившийся в 1836 г. Петр Иванович Юргенсон окончил неполных два класса уездного училища. Со смертью же отца вообще пришлось думать о собственном пропитании.

14-летний подросток делает достаточно неожиданный выбор, поступая в музыкальное издательство Ф.Т. Стелловского учеником гравера.

Работает он на редкость добросовестно и успешно, так что вскоре становится гравером, но достигнутому мастерству предпочитает новую профессию – приказчика. Ремесленной выучке он был обязан превосходным знанием всего процесса нотопечатания, однако приказчику, кроме того, следовало разбираться в музыкальной литературе, в школах, направлениях и во всем том разнообразии требований, которые предъявляли к нотной продукции покупатели – от начинающих до профессиональных исполнителей и композиторов.

Петр Юргенсон очень точно знает свою цель. Один за другим он меняет магазины издателей Бернарда, Стелловского, Битнера, наиболее популярные в то время, но и разные по характеру предлагаемых изданий и постановке дела. И уж настоящим чудом было, что 21 года от роду ему предлагают место управляющего нотным отделом в торговом доме Шильдбаха в Москве.

Но мечты П.И. Юргенсона простираются гораздо дальше. Его энергия, безупречный музыкальный вкус и ясное представление о возможностях улучшения нотоиздательского дела вызывают живую симпатию у московских музыкантов.

Своеобразным покровителем молодого торговца становится Николай Григорьевич Рубинштейн. Впрочем, это правильнее назвать не покровительством, а сотрудничеством. Ровесники Н.Г. Рубинштейн и П.И. Юргенсон увлекаются одной идеей – создания в Москве отделения Русского музыкального общества и музыкальных классов, которым в будущем предстояло превратиться в Московскую консерваторию. В 1860 г. отделение было основано, 10 августа 1861 г. на углу Большой Дмитровки и Столешникова переулка открылось музыкальное издательство и магазин Юргенсона. Не ограничиваясь одними советами, Рубинштейн оказал Юргенсону и существенную материальную помощь.

Казалось бы, начиная собственное дело, 25-летний предприниматель должен был в первую очередь обращаться к изданиям, на которые имелся наибольший спрос. Так, можно было бы строить расчет на издание салонной музыки, пользовавшейся популярностью потребителей. П.И. Юргенсон рискует, но с самого начала делает установку на музыку серьезную и наиболее ярко выражающую тенденции времени. За один только первый год существования издательства здесь выходят произведения Баха, Вебера, Даргомыжского, Антона и Николая Рубинштейнов. П.И. Юргенсон убежден: фирма может приобрести марку только при рождении или не приобретет ее никогда. Издания

П. И. Юргенсона сразу же становятся мерилом высокого художественного вкуса, профессионализма. Это знал широкий покупатель, это знали и композиторы, которые стремились быть изданными именно под юргенсоновской маркой.

В 1862 г. издательство приобретает широкую известность благодаря выходу в свет первого полного собрания сочинений Мендельсона — такого издания еще не существовало и за границей. Но едва ли не главной была общедоступность издания. По тем же низким ценам Юргенсон выпускает за тот же год сборники романсов Шуберта, Шумана, Гурилева, Булахова, Венявского. Со временем он приобретает право собственности на сочинения Глинки, Даргомыжского, Серова, Верстовского. Юргенсон — первый, а в дальнейшем и единственный издатель всех произведений Чайковского.

Диапазон его интересов очень точно отражает диапазон интересов русских музыкантов и слушателей. Именно поэтому он издает уникальное в 12 томах собрание сочинений Бортнянского и около двух тысяч духовных сочинений других композиторов. Большое место в издательских планах занимает школа, теоретические труды по музыкальной педагогике и произведения, на которых велось обучение детей и молодежи.

Немало изданий пользовалось ограниченным спросом, некоторые годами залеживались на складах издательства. Это не останавливало Юргенсона. Он стремился к тому, чтобы ни один покупатель не ушел из его магазина неудовлетворенным. Он любил повторять: «Теперь никто не сомневается: у Юргенсона можно достать все».

Находясь в центре музыкальной жизни, он чутко улавливает интересы и потребности своих клиентов. В течение 30 лет, начиная почти с года открытия издательства, Юргенсон связан с Русским музыкальным обществом — обеспечивает его нотами, принимает участие в организации концертов, музыкальных торжеств.

И еще одна сторона его деятельности — постоянная помощь музыкантам. Два обязательных экземпляра каждого издания бесплатно пересылались в библиотеку Московской консерватории. Бедствующая же консерваторская молодежь, как и семьи умерших музыкантов, всегда могла рассчитывать на материальную поддержку Юргенсона. И не будет преувеличением сказать, что для русской музыки второй половины XIX — начала XX вв. издательство Юргенсона сыграло такую же роль, как Третьяков с его галереей для живописи.

Приобретенные в юности профессиональные навыки подсказали П.И. Юргенсону мысль о целесообразности создания собственной нотопечатни. Задача относилась к числу далеко не простых. Техника нотопечатания отличалась исключительной трудоемкостью и сложностью. Сначала в металлических пластинах из сплава свинца, олова и сурьмы стальными штемпелями выдавливались головки нот, ключи, цифры. Все остальные элементы нотной записи вырезались резцами. С досок снимался оттиск на переводную бумагу, с которой изображение переводилось на литографский камень и закреплялось специальным составом. С камня и осуществлялось собственно печатание.

Каждый из этапов работы требовал высокого мастерства, и поскольку Россия не располагала собственными граверами и

металлографами подобного профиля, Юргенсону приходится выписывать их из Германии. Но Юргенсон прикрепляет к каждому из них русских учеников и уже через десять лет может обходиться одними отечественными специалистами.

Те первоначально высокие затраты, на которые П.И. Юргенсон так часто идет, в конце концов оборачиваются для него высокими доходами, а для издательского дела в стране – прямой выгодой. Отказавшись от услуг иностранных специалистов, П.И. Юргенсон смог снизить цену на музыкальную литературу, приравняв ее к той, которая существовала во всей Европе. В результате это привело к массовому снижению цен на нотные сборники в России. Чтобы конкурировать с Юргенсоном, другим фирмам приходилось также дешевле продавать нотные издания.

Вместе с тем Юргенсон стремится к расширению рынка для своего издательства. В 1871 г. его брат Осип Иванович, без малого 30 лет проработавший в петербургском магазине Бернарда, открывает в столице на Неве филиал фирмы.

Художественный уровень печатаемых произведений и высочайшее издательское качество – этими критериями фирма руководствуется на протяжении всей своей деятельности. В маленьком помещении, с далеко не лучшим оборудованием юргенсоновская нотопечатня не только успешно выдерживает конкурс с лучшими европейскими фирмами, но подчас далеко обходит их. На Всемирной выставке в Париже в 1900 г. Юргенсон удостоивается Золотой медали и «Гран при».

Между тем обстоятельства далеко не всегда складывались для фирмы благоприятно. В 1876 г. архитектор А.С. Каминский пристраивает к находившемуся на углу Кузнецкого моста и Неглинной улицы ресторану «Яр» трехэтажное здание, нижний этаж которого фирма Юргенсона арендует под пользовавшийся большой популярностью свой магазин и склад.

В июле 1878 г. во время очередного наводнения (Неглинка часто бывала виновницей подобных бед) почти вся хранившаяся здесь продукция оказалась под водой и погибла. Материальные потери были очень значительными, и тем не менее Юргенсон отказывается расстаться с опасным местом: москвичи быстро привыкли приезжать за нотами к Юргенсону на Неглинную, и любая перемена адреса была бы чревата потерей клиентуры, которой фирма слишком дорожила. Правда, как только рядом под номером 14-м вырастает в 1890-х годах новый дом по проекту архитектора Б.В. Фрейденберга, фирма занимает в нем безопасный второй этаж. Расположенным там нотным магазином – хотя уже и другого ведомства – москвичи пользовались до самого последнего времени.

Зимой 1881–1882 гг. Юргенсон приобретает собственный дом по Колпачному переулку, 9. В нем же он располагает и обновленную нотопечатню. В июле 1884 г. Чайковский пишет Н.Ф. фон Мекк:

«На днях меня очень тронуло и обрадовало известие, сообщенное мне издателем моим Юргенсоном. В течение зимы я нередко говорил, что хотел бы иметь в Москве хоть маленький постоянный свой уголок, дабы не тяготиться жизнью в гостинице, когда подолгу приходится гостить в Москве. Юргенсон, как оказывается, с весны уже приступил в своем доме к пост-

ройке специально для меня маленького флигелька, который до конца жизни отдаю в полное мое распоряжение. Я тем более рад этому, что место, где находится дом Юргенсона, очень мне симпатично, и вид оттуда на всю Москву великолепный».

Театральный проезд

Широко известна роль, которую сыграла в жизни Чайковского Н.Ф. фон Мекк, в частности, в создании условий для его творчества. О роли П.И. Юргенсона говорится значительно меньше, а между тем 17-летняя переписка нотоиздателя с композитором содержит на этот счет немало интересных сведений.

Письма Чайковского друзьям пестрят упоминаниями о посещениях дома Юргенсона, у которого он часто засиживался далеко за полночь. На Юргенсона композитор просил адресовать всю свою московскую корреспонденцию. Вместе с Петром Ивановичем собирался съездить в Прагу, чтобы послушать местную постановку своей «Орлеанской девы».

Конечно, ему случалось — и нередко — испытывать недовольство старым другом. То Чайковский сетует, что вынужден исполнять предложенный ему (кстати сказать, ради его же заработка) заказ на шесть пьес для фортепьяно, в числе которых оказался и знаменитый «Сентиментальный вальс». В другой раз не соглашается с расценками издателя: почему за «Орлеанскую деву» и «Мазепу», которого сам композитор ценил выше, Юргенсон одинаково заплатил по тысяче рублей. Он искренне негодует, что в 1885 г. Юргенсон приобретает все издания фирмы Бернарда, которые ему представляются «модными пошлостями».

Но зато во всех сложных материальных ситуациях Чайковский бесконечно доверял Юргенсону, будь то переговоры о приобретении дома в Клину, вопрос оплаты театром каждого исполнения его опер или и вовсе деликатное дело продажи бриллиантового перстня, полученного композитором от императора. Расчетливость и предусмотрительность Юргенсона не раз служили добрую службу импульсивному и тяжело переживающему любую неудачу или жизненную трудность Чайковскому.

Между тем фирма продолжала развивать свое дело. Через два года после переезда в новое здание на Неглинной улице, 14, Юргенсон открывает отделение в Лейпциге. Он имеет собственные склады в Париже и Лондоне, ведет торговлю с Южной Америкой, Мексикой и Австралией. В России юргенсоновские магазины имеются во многих городах.

В 1903 г. основателя фирмы не стало, но к этому времени в ней работали его сыновья. Руководство перешло к старшему

из них — Борису Петровичу, который, следуя принципам отца, возглавил и Московское отделение Императорского Русского музыкального общества. Ему были обязаны широким изданием своих произведений композиторы нового времени — Рахманинов, Скрябин, Стравинский, Прокофьев.

Служение Юргенсонов русской музыкальной культуре продолжилось и после событий октября 1917 г.

За месяц до выхода декрета о национализации нотопечатного дела братья Борис и Григорий Петровичи передали фирму государству.

В декабре 1918 г. при их деятельной помощи создается издательский подотдел Музыкального отдела Наркомпроса — будущее издательство «Музыка».

Сумело ли новое издательство удержаться на высоте своего предшественника? Во всяком случае, имена создателей фирмы оказались прочно забытыми, а вместе с ними и тот образец предприимчивости, трудолюбия, самосовершенствования и высочайшей порядочности, которое продемонстрировал крестьянский мальчик-самоучка, ставший крупнейшим и полезнейшим деятелем русской культуры.

ПОД НОВИНСКИМ

«Меркурий»! Новое название в считанные часы стало известно всей Москве. Старой столице можно было только позавидовать, с какой быстротой распространялись в ней любые вести, что же говорить о всеми любимом Новинском. На этом московском гулянье собирался весь город, а уж устроители старались превзойти себя в выдумках. И вот всего лишь тремя годами раньше открылась под Петербургом первая железная дорога, соединившая столицу на Неве с Царским Селом, а теперь то же чудо могли увидеть москвичи, проехать в набитых до отказа вагонах, под непрерывные свистки паровоза, иначе «ручного парохода», и веселые команды машиниста, тщетно пытавшегося уговорить восторженную толпу. «Машина» носила гордое название «Меркурий» — в честь древнегреческого посланца богов, покровителя торговли, особенно зерном, и любого рода доходов, потому и изображавшегося с мешком денег в руке. Шел 1841 г.

Сегодня мало кто из москвичей сумеет назвать холмы, дававшие Москву подобной, как считалось, древнему Риму. Это Кремлевский, или Боровицкий, Сретенский (в междуречье Яузы и Неглинной), Тверской (в междуречье Неглинной и Пресни, точнее — около современной нам Пушкинской площади), Швивая горка (в устье Яузы), Лефортовский (опять-таки на Яузе), Воробьевы горы и Три Горы (за Пресней). Особенностью Трех Гор было обилие вкусной и, как считалось, целебной воды,

П.П. Мельников —
руководитель
строительства
магистральной Санкт-
Петербург — Москва

которую водовозы — до проведения в Москву Мытищинского водопровода — развозили по всему городу.

В XVII в. за рекой Пресней, с южной стороны нынешней улицы Красная Пресня, располагалась Садовничья дворцовая слобода, с северной — дворцовое село царя Федора Алексеевича Воскресенское с небольшим зверинцем, занимавшим часть территории нынешнего зоопарка. За слободой и селом тянулись вплоть до Ходынского поля пахотные земли Новинского монастыря.

В начале нашего столетия Большая Пресня, как и теперь, начиналась с зоопарка, который был основан здесь в 1864 г. не городом, но знаменитым императорским Русским обществом акклиматизации животных и растений, являвшимся владельцем территории. Здесь же имелись отдел голубеводства, ихтиологический и орнитологический отделы, кружок любителей певчей и другой вольной птицы, отделение собаководства и промысловых животных, отдел пчеловодства с образцовыми пасеками в Конькове и Измайлове, ветеринарно-биологическая лаборатория и бактериолого-агрономическая станция под попечительством известного фармацевта и содержателя московских аптек магистра фармацевтики В.К. Ферейна. Кстати, измайловская пасека была создана на основе древней пасеки царя Алексея Михайловича, располагала музеем русского пчеловодства, учебными классами для будущих пчеловодов, помещениями для их жизни во время обучения. Заведовавший пасекой доктор зоологии профессор Г.А. Кожевников вел специальные занятия для сельских учителей и крестьян по рациональному ведению пчеловодства.

Но, возвращаясь к теме гуляний, надо сказать, что потянулась на Пресню вся Москва в XVIII в. Многолюдные гулянья объединяли бедных и богатых, поэты не скупились на восторги по поводу необычайной красоты закатов над гладью Пресненских прудов. 24 июня здесь проходило традиционное гулянье на Трех Горах. Даже появление в 1799 г. на берегу Москвы-реки Прохоровской ситценабивной мануфактуры не изменило московской традиции.

Расстояние до Пресни от центра города по тем временам представлялось достаточно большим, так что в 1806 г. начальник строительства Кремля, не колеблясь, вложил значительные

Общий вид фабрик товарищества Прохоровской Трехгорной мануфактуры. Конец XIX в.

Здание больницы
товарищества
Прохоровской
Трехгорной мануфактуры

средства в благоустройство прудов и стоявшей на нижнем из них, в районе Нижней Пресненской улицы, мельницы, где проходили чаепития под открытым небом. По словам современника, «не совсем прямая, но широкая аллея, обсаженная густыми купами дерев, обвивалась вокруг спокойных прозрачных вод двух озеровидных прудов; подлые гати (дороги) заменены каменными плотинами; через них прорвались шумные кипящие водопады; цветники, беседки украсили сие место, которое обнеслось хорошей железной решеткой. Два раза в неделю музыка раздавалась над всеми прудами, стар и млад, богат и убог теснились вокруг них». На большом пруду было устроено катание на катерах.

У Новинского же была своя история. Еще при Дмитрие Донском на месте нынешней Садовой-Кудринской площади располагалось село Кудрино, принадлежавшее Владимиру Андреевичу Храброму-Донскому. Новинским же назывался древний монастырь, стоявший между Большим Девятинским переулком и Новым Арбатом. И село, и монастырь были загородными. В 1591–1592 гг., при царе Федоре Иоанновиче, по линии современного нам Садового кольца была построена могучая оборонная стена, по утверждению очевидцев, «в голландском вкусе», с многими башнями и бастионами. Пережить Смутное время ей не пришлось. Пожар 1611 г. уничтожил стену дотла. В переписи Москвы 1638 г. упоминается один оставшийся на ее месте земляной вал — название, сохраняющееся и в нынешней Москве.

В XVII в. остатки вала были уничтожены, и открывшееся у Новинского монастыря свободное место отведено под народные гулянья. Происходили гулянья на Рождество, на Масленицу и на Святой неделе, «для полирования народа», по выражению Петра I. Приметой Новинского служили две скромные и очень почитаемые москвичами церкви: выстроенная в 1692–1693 гг. церковь Рождества Христова, снесенная в советские годы, и появившаяся несколькими годами позднее, но тоже в петровское время церковь Девяти Мучеников.

Игра в пристенки.
Гравюра К. Вагнера
по рисунку Е. Корнеева.
1812 г.

Возникал под Новинским городок-скороспелка буквально в одночасье, иногда не успевая к первому дню гулянья. Из года в год порядок строительства сохранялся один и тот же. По внутренней стене проезда, обращенной к городу, располагались питейные заведения, «ресторации» на открытом воздухе, палатки со всевозможными лакомствами — жамками, пряниками, цареградскими стручками, сорока сортами пастилы. Непременным сооружением был знаменитый «колокол» — шатер с водруженной на нем зеленой елкой, которой отмечалась торговля водкой. Торговля здесь велась особыми мерками — «плошками» и «крючками», откуда и шло московское выражение: получать деньги не на чай, а «на крючок».

Противоположную сторону проезда, со стороны Большого Девятинского переуллка и Пресни, занимали всяческого рода увеселения. Сооружались «коньки» — карусели простые и «самокаты» — карусели с колясками. Последние давали повод для всеобщего веселья. Забираться в самокаты надо было по высокой, двухметровой, приставной лестнице, которая очень скоро от постоянного напора желающих рассыпалась. Тогда ее заменяли руки и плечи охотников — по ним можно было добраться до коляски, но в случае недосмотра добровольных помощников и слететь на землю. Тем не менее рисковали многие, в том числе и женщины, а толпа зевак веселилась до упаду. Рядом с каруселями стояли десятки качелей. Но самыми привлекательными для посетителей оставались балаганы.

Не каждому по карману была даже грошовая плата за представление, зато перед каждым балаганом был балкон, откуда зазывалы шутками и розыгрышами завлекали публику. Здесь работали первые в Москве цирковые труппы с фокусниками, канатоходцами, дрессированными животными, школой верховой езды. Обязательно показывались «дикие звери» — перед посетителями проходили слон, тигр, барс и другие, как объявляли афиши, «звери и насекомые».

Даже искушенные знанием петербургской жизни любители признавали, что «декорационная и машинная части были здесь довольно хороши». Имелись в виду и цирковые представления, и «волшебные-комические пантомимы», и «кукольный театр с разными превращениями», и «итальянский порчинель» — Петрушка, и «механический театр». В 1840-х гг. одним из организаторов балаганов выступал известный в России антрепренер А. Каспар, который демонстрировал к тому же кабинет восковых фигур и «олимпическое ристание» — олимпийские игры. Здесь же демонстрировалась камера-обскура, выступали цыганские певцы и хоры.

От обеих сторон центральная часть проезда отгораживалась узорной балюстрадой и предназначалась для проезда экипажей. Составной частью гулянья был выезд дворянской и купеческой Москвы на собственных лошадях. Холодная погода не позволяла женщинам похвастаться нарядами, поэтому щеголихи-купчихи ездили с завернутыми за спину полами шуб, чтобы одновременно показать и платье — их для тепла одевалось несколько, одно на другое, — и подкладку шубы. По этому же проезду и была проложена в 1841 г. первая московская железная дорога: от Кудринской площади в сторону Смоленской-Сенной.

В эти годы вся Россия переживала зарождение железнодорожного движения. Известно, что линия Петербург — Павловск была разрешена частным предпринимателям еще при жизни Пушкина — в 1835 г., открыта тремя годами позже и ввиду малого числа пассажиров дохода не приносила: Павловск представлял из себя аристократическое курортное местечко, собиравшее очень ограниченный круг публики, к тому же предпочитавшей конные экипажи. Это не помешало возникнуть Обществу Варшавско-Венской дороги, которое начало прокладку пути в 1839 г., но завершить строительства не смогло из-за отсутствия средств. С 1843 г. строительство перешло в руки государства, которое одновременно приступает к проектированию магистрали Петербург — Москва. В этих условиях интерес к московскому «Меркурию» был особенно большим, а проехать в его составе могли и беднейшие москвичи. По установившемуся порядку, последний день гулянья под Новинским городские власти оплачивали из собственной казны, открывая бесплатно для всех желающих развлечения и в 1841 г. поездку на «Меркурий».

Очевидцы с восторгом вспоминали, что шел состав под звуки специально приглашенного полкового оркестра, паровоз «выпускал нарочитый дым из трубы» и, к полнейшему восторгу собравшихся, несмотря на невероятную тесноту, ни одного несчастного случая не произошло. Среди очевидцев оказалась семья Аксаковых — несколько лет они жили на Смоленской-Сенной, маленький Ф.М. Достоевский, Н.В. Гоголь, М.С. Щепкин, знаменитый трагик П.С. Мочалов. По словам одного из москвичей, «сия попытка служить может явственным свидетельством приближения российского к Европе, открывая перед путешественниками и прелестными путешественницами нашими редкостные возможности передвижения быстрого и гигиенического». «Меркурий» явно одержал победу над сердцами москвичей.

Несмотря на все изменения моды, гулянье под Новинским просуществовало до 1861 г. В 1862 г., в связи с прокладкой по

Садовому кольцу бульвара, оно было перенесено частью на Красную площадь, частью на Болотную, или просто Болото, как называли это место москвичи.

Под названием Вербы на Красной площади гулянье продолжалось вплоть до начала Первой мировой войны. На Болоте же ему удержаться не удалось. Уже в 1864 г. его переместили на Девичье поле, а в 1911 г. оттуда и вовсе за Пресненскую заставу. Но и Новинский бульвар, как стали называть бывшее место для гуляний, не сохранился. Вековые липы были выкорчеваны в 1938 г., а бульвар получил название улицы Чайковского. Память о народном гулянье, казалось, навсегда была стерта.

Только как не горят рукописи, непременно оставляя по себе след, так не проходят бесследно и события истории. Потомки непременно обращаются к ним, невольно вспоминая и старые строки.

ХРАМ ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ

Мысль о нем родилась в день, когда на нашей земле не осталось последнего наполеоновского солдата, — мысль о храме-памятнике. 25 декабря 1812 г. Рождество. Впереди предстоял путь до Парижа, десятки тяжелейших сражений, но Россия была уже свободна. Первые благодарственные молебны за избавление «от нашествия галлов и с ними двенадцати языков» — православная церковь продолжает их служить до наших дней, сразу после рождественской обедни, подобно службам Дмитриевой родительской субботы — в память воинов, павших на Куликовом поле.

Сооружением храмов испокон веков отмечались ратные дела — достаточно обратиться к Василию Блаженному на Красной площади. Каждая из его церковок отмечает одну из успешных битв такого важного для Московского государства Казанского похода. Но на этот раз речь шла не о традиции. Мысль о рукотворном памятнике счастливейшему дню официальные историки приписывали Александру I. На деле ее подскажет в те же дни дежурный генерал Первой армии Петр Андреевич Кикин в письме государственному секретарю А.С. Шишкову.

О Кикине можно рассказывать много. Опытный военачальник, участник турецкой войны, для Пушкина он добрый знакомец, член «Беседы любителей русской словесности». Для живописцев Карла Брюллова и Александра Иванова он человек, которому они обязаны многолетним итальянским пенсионерством — Академия художеств отказала в этом праве своим лучшим ученикам за их независимый нрав. Чтобы противостоять «императорскому заведению» в поддержке «истинных талантов», Петр Андреевич участвовал в основании Общества поощрения художников и стал первым его председателем. И кто знает, как сложилась бы судьба Московского училища живописи, ваяния и зодчества, если бы легший в его основу Московский

художественный класс не поддержал П.А. Кикин. В своем письме дежурный генерал говорил о необходимости сооружения народного храма, посвященного не конкретному церковному празднику, но великому символу.

Да, идея носилась в воздухе, иначе не нашла бы столь бурного и всеобщего отклика. В особом манифесте о сооружении Храма Христа Спасителя стояли слова, что должен он быть сооружен «в сохранение вечной памяти того беспримерного усердия, верности и любви к отечеству, какими в те трудные времена превознес себя народ русский». Поток пожертвований – фамильные драгоценности, образа, деньги – хлынет сразу после появления манифеста. Именно поэтому о заказе не могло быть и речи. К участию в объявленном конкурсе допускались художники всех стран и народов. Срок исполнения проекта назначался двухлетний. В 1816 г. руководители конкурса получили возможность осмотреть около 20 представленных проектов. Среди авторов были Воронихин и успешно работавший в Петербурге итальянский зодчий Джакомо Кваренги, будущий строитель московского Большого театра Михайлов. Тем не менее выбор пал на самого молодого участника – Александра Лаврентьевича Витберга, который был выпускником Академии художеств по классу живописи исторической и основами архитектуры овладел лишь за время работы над конкурсным проектом.

Его пытались представлять самоучкой и объясняли неудачу витберговского проекта дилетантством. Александр Лаврентьевич несомненно был дилетантом в строительном деле, раз категорически отказался от веками складывавшейся системы подрядов, легко и быстро обогащавшей за счет государства подрядчиков, и раз вкладывал слишком сложное символическое и философское содержание в задуманное сооружение.

Отбывавший вместе с ним ссылку в Вятке А.И. Герцен напишет: «Наша встреча была важна, вы были Вергилий, взявший вести Данта, сбившегося с дороги». Не менее восторженно отзовется о зодчем Огарев: «Когда Александр с вами прощался, он хотел поцеловать у вас руку, как у отца. Артист и друг моего Александра, и я склоняю перед вами колени. Ваше творение велико, и любовь ваша велика».

Витберговский храм должен был стоять на горе, занимая весь ее склон. Александр I предложил для строительства Швивую горку – место, занятое сегодня высотным зданием на Котельнической набережной, Аракчеев – район Симонова монастыря. Витберг остановил свой выбор на Воробьевых горах. Спустя много лет А.П. Чехов скажет: «Кто хочет понять Россию, должен посмотреть отсюда на Москву». Храм должен был начинаться с набережной, в 150 метрах от которой проектировалась лестница стометровой ширины. Проходя 5 уступов, она вела до половины горы, где закладывался нижний храм, возвышавшийся до вершины горы и имевший 30-метровую высоту. Над ним на склоне располагался верхний храм. Общая высота ансамбля от подошвы до верхней точки венчающего креста составляла 231 метр, переходя на наши измерения – 77-этажный дом. Сорок восемь колоколов, подобранных в четыре гармонических аккорда, должны были быть слышны во всем городе.

Одной из самых сложных задач в условиях Воробьевых гор оставался подбор и доставка строительного материала. Витберг сам разыскивает залежи мрамора в двух подмосковных деревнях — Ладыгине и Григорове — рядом с имением Герцена Васильевское. Английский техник Мурзай строит единственную в России «водоподъемную машину для поднятия водяного столба на 32-саженную высоту» — т. е. на 70 с лишним метров. Возникает необходимость открытия судоходства на Москве-реке, тем более что речь шла не только о каменоломнях в ее собственном верховье, но и о финском граните. Впервые после смерти Петра I встает вопрос о соединении водным путем верховьев Москвы и Волги.

В свое время Петр наметил 6 систем с каналами и шлюзами, из которых была осуществлена одна Вышневолоцкая, соединившая Волгу с Балтикой. Он обратил внимание на благоприятное географическое положение Дубно-Сестринской системы, но только в связи с проектом Витберга решено было продолжить Тихвинскую систему до Москвы. Между рекой Сестрой, притоком впадающей в Волгу Дубны, и притоком Москвы-реки Истрой строится канал с 33 шлюзами в габаритах Тихвинской системы — речь шла о едином водном пути между Петербургом и Москвой. Подпором Сестры в шлюзованной ее части становится специальное водохранилище Подсолнечное, известное в наше время под именем Сенежского озера. Пропускная способность системы была достаточно велика — 3 тысячи судов в год, хотя грузоподъемность последних оставалась незначительной: баржи, снабжавшие Витбергов храм, поднимали до 35 тонн

Историческое изображение торжества, происходившего при заложении Храма Христа Спасителя на Воробьевых горах 12 сентября 1817 г. Гравюра А. Афанасьева

К. Тон. Главный фасад
храма Христа Спасителя.
1832 г. Проект

груза. Тридцать шестой номер «Московских ведомостей» за 1823 г. торжественно сообщал о небывалом событии — открытии москворецкого судоходства.

Версия, принятая историками, — Витберг не справился со сложнейшей отчетностью по строительству, не сумел противостоять ловким дельцам, упорно стремившимся к привычным барышам. 16 апреля 1827 г. Комиссия по сооружению Храма Христа Спасителя была закрыта. Подвергнутый унижительному следствию и лишенный всего своего состояния и имущества архитектор сослан в Вятку. И все-таки главная, если не единственная, причина прекращения строительства — нежелание нового императора продолжать дело, начатое его предшественником. Достаточно, что в память брата Николай I воздвигнет на Дворцовой площади Петербурга Александровскую колонну, перестройка центра исторической Москвы должна быть связана с его собственным именем.

Витберговский храм останется на бумаге, но народная память не забудет о нем. Это для него так щедро жертвовались народные средства, и это на его месте Московская городская управа поставит в 1912 г. памятное сооружение, сохранившееся для нас как место клятвы Герцена и Огарева.

Новое строительство основывалось на новых принципах. Николай I сам определил его место — вблизи Кремля. Единственно — безо всяких конкурсов! — решил вопрос об архитекторе. Им стал Константин Андреевич Тон. Известная аналогия с

Витбергом — Тон еще не проявил себя как профессиональный зодчий. Ученик Воронихина, он после окончания Академии художеств получил право на пенсионерскую поездку в Италию, где занялся изучением памятников античности и раннехристианских церквей. Им были выполнены проекты возобновления храма Фортуны в Пренесте и дворца цезарей на Палатинском холме. Последний проект обратил на себя внимание Николая I. В 1828 г. молодой архитектор причисляется к императорскому Кабинету, а по возвращении через год в Петербург получает заказ на переделку ряда помещений в здании Академии художеств.

Одной из лучших тоновских работ стала превосходная Академическая набережная с привезенными из Египта сфинксами. Одновременно Николай передает вопрос о московском Храме Христа Спасителя академии и выражает категорическое желание, чтобы им занимался Тон.

Два проекта разделило 10 с небольшим лет, но эти годы слишком много значили для нашей истории. Высочайший подъем патриотизма на гребне победы в Отечественной войне, образование декабристских обществ и — события на Сенатской площади, трагедия, пережитая русским обществом, в ряду которой стояла и гибель Грибоедова. Николай I обращается к диктату в отношении культурной и художественной жизни России, тем более в отношении храма-памятника. Храм будет проектироваться и строиться на протяжении полувека — от июльской революции во Франции до Парижской коммуны, от возникновения общества «Молодая Италия» до года разгрома «Народной воли». Николай I стремился к созданию символа самодержавия, для русского же общества в выраставшем храме по-прежнему воплощались те чувства и надежды, которые объединяли народ в Отечественной войне, — великое противостояние, далеко не всеми в наши годы осознанное.

Старые снимки и открытки, сохранившие вид храма-памятника, говорят о нем и много и мало. Много — потому что позволяют представить, как он выглядел. Мало — потому что не дают возможности представить, воспринять его вместе с городом. И пожалуй, только картина Н.Е. Маковского «Иллюминация Москвы» 1881 г. возрождает живую картину тех далеких дней. В нашей памяти стерлось даже то обстоятельство, что первые электрические фонари на московских улицах появились около храма — 32 фонаря, которым давала ток первая московская электростанция, построенная на противоположном берегу реки, на бывшем Винно-соляном дворе. Позже огни вспыхнули на Каменном мосту и Кремлевской набережной. Все, что происходило с храмом, становилось событием в московской жизни.

История, воплощенная в камне... Простой равноконечный крест в плане. Выступы в углах, образующих порталы. Одинаковые фасады. Одинаковые, в 15 ступеней, широчайшие крыльца у каждого портала: их площадь составляла почти половину общей площади храма. Темно-красный и пестрый полированный гранит на крыльцах и облицовке фундамента. Могучие, по 3 на каждом фасаде, двери — литые, бронзовые с внутренней стороной из резного дуба. Вес средних достигал 13 тонн каждая, боковых — 3 тонн. И сразу за ними летопись величайших дней, прожитых народом, в так называемом коридоре — про-

странстве между внешними стенами и четырьмя основными несущими столбами – высеченные тексты. На мраморных белых досках, начиная с левой стороны западных дверей, давалось описание всех событий Отечественной войны и имена павших офицеров.

...Объявление от 13 июня 1812 г. о вторжении неприятеля в пределы Российской империи. Армия была готова к военным действиям, но в роковой день 12 июня через Березину на нашу землю вступили 450 тысяч солдат в сопровождении 1200 полевых орудий и 10 тысяч провиантских повозок. Сомнений не могло быть – армия нуждалась в поддержке народа. Александр I должен был обратиться памятью к временам ополчения Минина и Пожарского.

...Воззвание от 6 июля 1812 г. к народу русскому и к Москве об ополчении: «Да найдет неприятель на каждом шаге верных сынов России, поражающих его всеми средствами и силами. Да встретит он в каждом дворянине Пожарского; в каждом духовном – Палицына, в каждом гражданине – Минина». Это после воззвания за каких-нибудь полчаса было собрано на собрании представителей московского дворянства и купечества несколько миллионов рублей, и первым половиною своего состояния пожертвовал городской голова Куманин.

На Тверской, в доме главнокомандующего (нынешняя мэрия), Комитет для приема ополченцев записывал лиц всех со-

Вид храма Христа Спасителя в Москве по рисунку Журавлева. 1862 г.

словий, среди них всех 215 студентов так называемого срочного выпуска Московского университета. В местах народных увеселений близ Новоспасского и Андроньевского монастырей, в специальных павильонах лежали на столах книги пунцового бархата, около которых выстраивались очереди спешивших записаться добровольцев – волонтеров. Первым ополченцем в полной форме явился к главнокомандующему писатель С.Н. Глинка, за ним историк К.Ф. Калайдович.

Дальше в храме шли в хронологическом порядке описания всех сражений, бывших в пределах России в 1812 г. (71 сраже-

ние). Напротив алтаря — благодарственные манифесты русскому народу и русскому дворянству в связи с изгнанием неприятеля за пределы государства. Напротив самого почитаемого — горнего места манифест о построении храма: «Да простоит сей храм многие веки, и да курится в нем... кадило благодарности позднейших родов, вместе с любовью и подражанием к делам их предков». Его окружали по сторонам благодарственный манифест городу Москве и манифест об учреждении медали 1812 г. Дела предков — о них говорили описания 87 сражений русской армии за границей. Этот летописный ряд замыкался с правой стороны западных дверей манифестами о взятии Парижа, низложении Наполеона и о воцарении мира в Европе.

Слов нет, строительство отличалось медлительностью, но такая медлительность в отношении храма имела свое слишком серьезное оправдание — виртуозное мастерство и тщательность выполнения всех, без исключения, работ. Специалисты едины в своем мнении: достичь их сегодня невозможно, ведь строили на века и строили с пониманием смысла памятника.

Роспись стен и оформление главного иконостаса храма Христа Спасителя. Эскиз К. Тона. Рисовал академик С. Дмитриев

Горельеф «Преподобный
Сергий благословляет на
битву Дмитрия Донского
и дает ему иноков
Пересвета и Ослябю».
Скульптор
А. Логановский

К концу 1839 г. была вынута из котлована 21 тысяча кубометров земли, выложена сплошная каменная масса основания. В течение 1839–1853 гг. велась кладка кирпичных стен, куполов и внешняя облицовка. До 1857 г. установлены металлические части крыши и куполов и одновременно построены леса внутри — начались штукатурные и облицовочные работы стен и пола. В 1859 г. были сняты наружные леса, а годом позже начаты росписи и внутренняя художественная отделка.

Художники — их было множество, и каких! В восторженных отзывах очевидцев о красоте внутренней отделки нет ни малейшего преувеличения. Обычно называются имена В.И. Сурикова, В.М. Васнецова, Г.И. Семирадского — они и в самом деле знакомы нам по музеям. Об одних стало принятым умалчивать, потому что они преимущественно занимались церковной живописью, — профессора Академии художеств А.Т. Марков, В.П. Верещагин, М.Н. Васильев, П.В. Басин или автор поражавшего воображение современников «Медного змия» Ф.А. Бруни. О других не говорилось, потому что не представлялось возможным связывать храм Христа Спасителя с теми, кто принимал участие в академическом «бунте 13-ти», вошел в созданную И.Н. Крамским Артель, а дальше и в Товарищество передвижных художественных выставок.

Между тем сам И.Н. Крамской сделал для А.Т. Маркова около 50 рисунков с натуры для росписи купола и расписывал тот же купол вместе с Н.А. Кошелевым и К.Б. Венигом, автором исторических полотен «Последние минуты Дмитрия Самозванца» и «Царь Иван Васильевич Грозный и его мамка». В храме работали «артельщики» А.И. Корзухин — кто не знает его «Поминок

Открытие памятника императору Александру III перед храмом Христа Спасителя. 1912 г.

на сельском кладбище», «В монастырской гостинице», «Перед исповедью»! — и Фирс Журавлев, оставшийся в истории нашего искусства картинами «Перед венцом» и «Поминки». Здесь создал лучшие образцы своей живописи Г.С. Седов, автор полотен «Иван Грозный и Василиса Мелентьевна», «Иван Грозный и Малюта Скуратов», и Кирилл Горбунов. Больше 30 образов было написано носившим титул придворного живописца Т.А. Неффом, немногим меньше К.Е. Маковским. Кстати, запрестольный образ «Тайная вечеря» принадлежал кисти Г.И. Семирадского.

Скульптурные работы были несколько сдвинуты во времени, потому что значительная часть их находилась на наружных стенах, — они велись с 1846 до 1863 г. Тридцать три рельефа А.В. Логановского, чьи работы привлекли внимание А. С. Пушкина и отмечены его четверостишием «На статую мальчика, играющего в бабки». Добрый знакомец поэта Федор Толстой, скульптор и медальер, автор медальонов, посвященных 1812 г., и дверей храма-памятника. Подобно Логановскому, трудившийся над рельефами скульптор и один из первых русских историков искусства Н. А. Рамазанов, написавший в своих «Материалах для истории художеств в России»: «Долг наш хотя бы теперь не дать замереть преданиям о наших стариках». Современники восхищаются его бюстами И.А. Крылова, А.Н. Островского, М.С. Щепкина, Федора Толстого, И.И. Панаева. Снимает он и посмертную маску Н.В. Гоголя, которая позволяет ему сделать портрет писателя.

О работах мастеров для Храма Христа стало не принятым говорить еще и потому, что в них видели главным образом способ заработать большие деньги, особенно трудно достававшие-

Вид из окна
Практической академии
на Воспитательный дом
и храм Христа Спасителя.
Фото Н.М. Щапова.
1899 г.

ся молодым. Тем неожиданнее оказываются факты. Не приобрел здесь состояния М.А. Чижов, автор известных скульптур «Крестьянин в беде» и «Татьяна». Осталась в самых затруднительных материальных обстоятельствах семья Н.А. Рамазанова, умершего через 4 года по окончании работ от простуды, полученной в Манеже, где он готовил выставку для Румянцевского музея. В том же году Академии художеств пришлось хоронить за свой счет П.К. Клодта, создателя конных групп на Аничковом мосту Петербурга и памятника И.А. Крылову в Летнем саду. «Он бескорыстен, чист душой, скромен и только от других узнает, что его работы достойны хвалы и уважения», напишет о нем еще при жизни художника критик Н.И. Греч. П.К. Клодт открывает тайну своих товарищей по искусству: работа для Храма Христа была для каждого из них приобретением «к великому памятнику народного долга и любви к родной земле».

В годы Первой мировой войны рождается идея создания во Всехсвятском — нынешнем поселке Сокол — кладбища-памятника для погибших на фронте солдат и сестер милосердия. На 11,5 десятинах векового парка Маврокордато, в Песочном переулке, проектируется ансамбль церкви с примыкающими к ней галереями. В одной из галерей должны были разместиться материалы о ходе войны, в другой — на вечное хранение военные трофеи. В феврале 1915 г. кладбище было открыто, и на нем, рядом с временной часовней, произведены первые погребения. Среди них — героически погибшей 19-летней сестры милосердия 1-го Сибирского отряда Всероссийского союза городов О.И. Шишмаревой, студентов Московского университета, воспитанников московского Алексеевского военного училища.

Но сколько можно было довести до Москвы! Для большинства прах близких оставался на неведомых полях. И стихийно сложившийся обычай — в Москву приезжали со всех концов, чтобы, отслужив панихиду в Храме Христа Спасителя, на его же стенах написать родное имя. От руки. Как получится. Фамилия, год рождения и день гибели, иногда слова прощального приветия. Никто не запрещал, не препятствовал. Все понимали —

в этом храме не могло быть иначе. Семьдесят с лишним лет мы не говорили об обычае, который впоследствии заменил огонь Вечной славы у могилы Неизвестного солдата.

В храме, который возведен сегодня из железобетонных конструкций, нет вдохновенного труда ремесленников и художников, старательно подбиравшегося со всей России материала, подлинников живописи и скульптуры. Новая церковь может стать только памятником нашего желания, но не способности воссоздать прошлое.

МОЯ ОСТОЖЕНКА

Он словно обмолвился в разговоре со своим учителем Павлом Петровичем Чистяковым: «ласковая улица». Ласковая для него, молодого художника В.И. Сурикова, приехавшего сразу после окончания Академии художеств работать над заказом для храма Христа Спасителя и остановившегося на ней? Или скорее ласковая для каждого — с сохранившимся в названии запахом кошенных трав, простором заливных лугов, близостью реки в низких песчаных берегах, к которым убегали извилистые протоки переулков? Четыреста лет назад здесь были отведены покосы для царских конюшен: от дворцового села Семьчинского тянулись к Москве-реке пойменные Самсоновские луга. Это было тем удобнее, что кругом размещалась старая Конюшенная слобода — памятью о ней остался Староконюшенный переулок, а ближе к Крымскому броду — прозванная Стадной слобода конюхов. Стадным когда-то назывался и нынешний Кропоткинский переулок. Остожье — то ли размер луга, с которого накашивали стожок, то ли ограда вокруг стога. И так, и так — Остоженка.

А еще раньше, в XIV в., стоял здесь женский Алексеевский монастырь. Находился он в относительной безопасности, потому что дорога неприятелей от брода к городу, к Кремлю лежала через сегодняшний Арбат. Начало Остоженки, как стала называться улица с XVII в., терялось в топком разливе ручья Чарторыйя. После уничтожившего почти весь город страшного Всехсвятского пожара в июне 1547 г. монастырь был переведен в Кремль, но на его месте в 1584 г. появился новый — Зачатьевский. Покровителями монастыря становятся с первого же года своего правления царь Федор Иоаннович с царицей Ириной Годуновой, надеявшиеся на появление у них потомства. От него сохранились любопытная по архитектуре надвратная церковь и фрагменты стен, у которых ополченцы Д.М. Пожарского отразили в августе 1612 г. попытку интервентов прорваться в Кремль. Память о монастырской слободке по-прежнему живет в сплетении Зачатьевских переулков.

Тогда как большинство улиц, отходивших от Кремля, имели своим продолжением главные дороги Московского государства, будь то Тверская, Дмитровка или Ордынка, Остоженка оставалась дорогой «потаенной». По берегу реки шла она к

Лужникам, чтобы через тамошний брод привести к старой Смоленской дороге. Но как раз потому, что существовали в том же направлении куда более оживленные тракты, Остоженка не стала ни бойкой проезжей, ни торговой улицей. И все же в связи с нею мелькают в истории многие имена: в 1665 г. царя Алексея Михайловича, а в 1683 г. его сыновей Ивана и 10-летнего Петра I, бывавших по разным причинам на старой улице. Долгое время кончалась она по нынешней нечетной стороне Остоженским государевым конюшенным двором, а по четной — «светлицами Остоженских государевых конюшен», на смену которым пришли казенные магазины, а в 1832–1835 гг. один из интереснейших памятников русской архитектуры — Провиантские склады, построенные по проекту В.П. Стасова архитектором Ф.М. Шестаковым.

Топонимика города — как мало уделяем мы ей внимания и как много она способна рассказать о прошлом Москвы! Каждое название — это страница истории, живой, не абстрактной, происходившей именно здесь, на этой улице, по которой мы ходим каждый день, или даже в доме, где мы живем. Хрестоматия, в которой все страницы разные, но ни без одной нельзя обойтись.

Две первые московские квартиры В.И. Сурикова. Одна — в снесенном для разбивки сквера у Кропоткинских ворот угловом доме (с июля 1877 г.), другая — в доме № 6 (с ноября 1877 г.). Художник заканчивает единственную в своей жизни заказную работу «Вселенские соборы» — для Храма Христа Спасителя и начинает готовиться к «Утру стрелецкой казни». «Я как в Москву приехал, прямо спасен был, будет он вспоминать впоследствии об этих первых месяцах. — Старые дрожжи, как Толстой говорил, поднялись... Решил «Стрельцов» писать. Задумал я их, когда еще в Петербург из Сибири ехал. Тогда еще красоту Москвы увидал. Памятники, площади — они мне дали ту обстановку, в которой я мог поместить свои сибирские впечатления».

Предельно скупой на слова и письма, Суриков пишет матери и брату в Красноярск, чтобы прислали немного, хоть 2–3 фунта, его любимого сибирского лакомства — сухой черемухи. На Остоженку, в дом Чилищева, «меблированные комнаты, в № 46». Строки от декабря 1877 г.: «Живу еще в Москве и работы мои кончаю... Не пошлете ли вы с попутчиком или по почте, смешно сказать, сушеной черемухи?! Здесь все есть: и виноград, и апельсины, и сливы, и груши, а ее, родной, нет!!!»

Маленькие особнячки, отдельные почти дворцовые здания, постепенно появляющиеся доходные дома, и в этом сплаве времен удивительно остро ощущается архитекторами чувство единого живого целого. Не потому ли, что новые постройки на низывались на нить старого ожерелья домов осторожно, с оглядкой друг на друга, нигде не нарушая исконного московского принципа периметральной застройки квартала.

В доме № 7 в конце 80-х гг. XX века поселится А. Е. Архипов. В его жизни это решающий рубеж. Он заканчивает занятия в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, с 1889 г. начинает выставляться на передвижных выставках, в 1891 г. становится членом Товарищества передвижников. Его талант вызывает самые сочувственные отзывы товарищей, а картины «На

Волге», «Деревенский иконописец», «В мастерской масок» и особенно «На Оке» — восторженную поддержку передовой критики. У Архипова нередко бывают его любимый учитель В.Д. Поленов, к кружку которого он принадлежит, товарищи-художники С.А. Виноградов, Е.М. Хруслов, Сергей Иванов. «Удивительную душевную ясность мне эти годы принесли», — повторял уже в старости Архипов.

Рядом со своим однокашником по Московскому училищу устраивается и Сергей Иванов. В своей первой скромной квартире (2-й Ушаковский переулок, 8) он пишет серию полотен о трагической судьбе крестьян-переселенцев: «Обратные переселенцы», «В дороге. Смерть переселенца», «Вагон 4-го класса», «Бунт в деревне». Резкие нападки официальной критики и конфликт, возникающий в составе Товарищества передвижников, приводят художника к длительному творческому кризису. Вместе с В.Д. Поленовым, В.А. Серовым, И.И. Левитаном, К.А. Коровиным, А.Е. Архиповым он подписывает письмо, настаивающее на предоставлении молодежи больших возможностей для поисков, на уничтожении мелочной опеки в отношении творческих решений. «Кого вы возьмете теперь, кто бы работал с верой, с увлечением, весь отдаваясь своей картине? — пишет С.В. Иванов Е.Д. Поленовой. — Большинство пишет так, чтобы только участвовать на выставках... чтобы только написать что-нибудь».

Лишь спустя несколько лет художник вернется к живописи и... Остоженке. В доме № 30 он напишет «Приезд иностранцев в Москву в XVII столетии», «Царь. XVI век», «Поход москвитян. XVI век». По поводу картины «Царь», показанной в 1902 г. на выставке «Общества 36-ти художников», критик «Московских ведомостей» с негодованием писал: «Но вот С.В. Иванов почувствовал потребность вернуться к этой отвратительной тенденции... он в карикатурном виде изображает русского царя!.. На белом коне едет в богатом царском одеянии какая-то толстая, неуклюжая фигура с напыщенным, идиотским глупым лицом и самодовольно поднятым кверху носом, и эта бессмысленная туша — русский царь? В XVI в. на Руси было только два царя: Иван Грозный и Федор Иоаннович! Кого же хотел изобразить Г. Иванов? Очевидно, ни того, ни другого: ему просто хотелось из грязно либеральных побуждений нанести грубое оскорбление русскому народному чувству...» И это в канун событий 1905 г.!

Со старой московской улицей связаны и ярчайшие страницы русской исторической науки. В здании бывшего Коммерческого училища (№ 38), выстроенного в 1770-х гг. М.Ф. Казаковым для подавившего Чумной бунт 1771 г. главнокомандующего Москвы П.Д. Еропкина, родился в 1820 г. и жил последующие 30 лет С.М. Соловьев. Его знаменитые лекции в Московском университете поражали слушателей не столько эрудицией, мастерством слова, сколько тем, как ученый умел ввести их в лабораторию своих исследований. Вместо лектора перед ними, по выражению В.О. Ключевского, предстал «ученый, размышляющий вслух в своем кабинете».

С 1851 г. С.М. Соловьев живет в доме № 5 — время, когда выходит из печати первая книга его «Истории России с древнейших времен». Как писал Н.Г. Чернышевский, «тут в первый раз нам объясняется смысл событий и развитие нашей

государственной жизни». Последующие 27 лет ученый выпускает ежегодно по одному тому своего капитального труда. Только 29-й том выходит после его кончины. И хотя квартиры за это время несколько раз менялись, историк не изменил Остоженке и ее переулкам уже как председатель Московского общества истории и древностей российских и директор Оружейной палаты, которому полагалась казенная квартира в Кремле.

Как россыпь бесценной нашей культурной мозаики вспоминаются на Остоженке имена долгие годы проработавших на ней ученых. Крупнейший специалист по русской графике, автор трехтомного издания «Русских народных картинок» и четырехтомного «Подробного словаря русских гравированных портретов», Д.А. Ровинский проводит здесь 1850-е гг. (дом № 24). Среди его гостей можно было встретить историка Москвы И. Е. Забелина, хотя хозяин в это время занимался преимущественно правоведением. В должности губернского прокурора он добивается вместе с доктором Ф.П. Гаазом улучшения положения арестантов, объективного применения закона к крепостным, ратует за введение суда присяжных. Его принцип — «быть прежде всего людьми, а не чиновниками, служить делу, а не лицам, опираться на закон, но объясняя его разумно, с целью сделать добро и принести пользу, и домогаться одной награды: доброго мнения общества...».

Без малого полвека живет, по его собственному выражению, «в остоженских весях» академик Ф.Е. Корш, крупнейший представитель московской лингвистической школы, возглавлявший Московскую диалектологическую комиссию, Общество славянской культуры, Славянскую комиссию Московского археологического общества.

Имя В.Г. Шухова, квартировавшего в 1900-х гг. в доме № 7, вызывает в памяти прежде всего представление о Шуховской башне, вошедшей в историю радиотехники как эмблема советского радиовещания. 160-метровая башня, не имеющая ни одного криволинейного элемента и построенная без лесов — ее секции поднимались телескопическим путем, очень интересовала В.И. Ленина, всячески поддерживавшего конструктора. Шухову же принадлежит изобретение крекинг-процесса, давшего в результате бензин, и форсунки для использования отходов нефти. Им проложен первый нефтепровод в Баку и созданы первые в мире нефтеналивные баржи.

Театральные страницы Остоженки... В 1830-х гг. в доме № 26 живет Н.В. Лавров.

Любимцем Москвы был и живший в 1850-х гг. в доме № 4 актер Малого театра С.В. Васильев. С ним связано создание и первое исполнение многих ролей в пьесах А.Н. Островского. Драматург отзывался о Васильеве, что это один из «тех исполнителей, которые редко выпадают на долю драматических писателей и о которых они мечтают, как о счастье». Прекрасно играла репертуар Островского и жена актера — Е.Н. Васильева I, дочь Н.В. Лаврова. В 1865 г. зрители преподнесли ей венок с надписью: «Первой русской актрисе». На остоженские годы Васильевых приходится основная деятельность И.С. Тургенева как драматурга, у которого им приходилось бывать в расположенном неподалеку тургеневском доме.

Дом Тургеневых
на Остоженке. Начало
XIX в.

Если бы существовали гербы старых улиц, символом Остоженки наверняка бы стал этот уютный шестиколонный особнячок на зеленой лужайке, обозначившей место бывшего просторного запущенного сада (№ 37). И еще старый вяз, по-прежнему стоящий у окон комнаты писателя. Дом, видевший Тургенева на протяжении 10 лет, вдохновлявший Ивана Сергеевича и не раз им описанный...

Кварталы, переулки, дома... На Остоженке была одна из первых квартир вернувшегося в 1826 г. в Москву С.Т. Аксакова, где он начал свои «Записки театрала». «Аксаковские среды» сложатся значительно позже, но уже Остоженка окончательно соединит их будущих неперенных участников — управляющего московской казенной сценой, способного режиссера и актер-любителя Ф.Ф. Кокошкина, профессора Московского университета Н.И. Надеждина, композитора А.Н. Верстовского, ведавшего музыкальной частью московских театров, писателя Н.Ф. Павлова.

Остоженка — это 8 лет жизни учившегося в 1822—1830 гг. в Коммерческом училище И.А. Гончарова и небольшая, но счастливая глава в жизни В.Г. Белинского. Отправленный на собранные друзьями средства летом 1837 г. на Кавказ, «неистовый Виссарион» находит по возвращении квартиру в доме № 10 по Савельевскому переулку. Она представлялась ему тем более удобной, что в соседнем Полуэктовом (ныне — Сеченовском) переулке № 4 жил А.Д. Галахов, ведавший в «Отечественных записках» рецензиями на книги, которые выходили в Москве. Его заказы составляли едва ли не единственный, нищенский, но верный источник доходов великого критика.

У улицы есть и свои музыкальные страницы. С ней связан П.И. Чайковский времен написания его Первого квартета и в преддверии сочинения музыки к «Снегурочке»; А.Н. Скрябин 1890-х гг., когда так часто навещали его товарищ по консерватории С.В. Рахманинов и ставший с 1885 г. директором консерватории С.И. Танеев (дом № 35). И снова это не просто адреса очередных квартир, но летопись единственной и неповторимой «остоженской жизни», ценнейший культурный слой истории Москвы.

И одно из самых дорогих воспоминаний Остоженки — последняя квартира Сергея Есенина — Померанцев переулок, 3, та самая, из которой летом 1925 г. уезжал он в Мардаканы,

а 23 декабря того же года вышел, направляясь на Николаевский, Петербургский, вокзал, в ту роковую поездку, из которой ему не суждено было вернуться. «Снежная память дробится и колется», «Эх, вы сани, а кони, кони», «Синий туман. Снеговое раздолье», «Свищет ветер, серебряный ветер», «Ты меня не любишь, не жалеешь», «Неуютная жидкая лунность», поэма «Черный человек» — сколько врезавшихся навсегда в память есенинских строк связано с гулким подъездом, пологой лестницей, тишиной сумрачных комнат, в которых считанные годы назад стояли вещи, помнившие поэта. Тяжелые дубовые входные двери с медными ручками. Старинный, в полированной деревянной коробке, звонок. Деревянная вешалка. Табурет у кухонного стола. Старинная чугунная ванна на львиных лапах. Потрескивавший паркет... Сегодня их заменили — по условиям капитального ремонта, когда удобство строителей неизменно оказывается важнее памяти. Но они остались в летописи улицы, которая так грела сердце поэта зеленью старых лип, лужайками тихих двориков, влажным дыханием близкой реки...

ОТ СРЕТЕНКИ ДО НЕГЛИННОЙ

Я люблю у застав переулки Москвы,
Разноцветные, узкие, длинные,
По углам у заборов обрывки травы,
Тротуары, и в полдень пустынные...

Валерий Брюсов

Москва. Настоящая Москва. О которой столько писали и столько рассказывали! Казалось бы, те же улицы — теперь тем более, с возвращенными старыми названиями. Те же дома. Или почти те же — но ведь город не может не меняться. Груды литературы — более или менее отвечающей объективному ходу истории. Даже повсюду публикуемые воспоминания очевидцев — хотя слишком поздно относительно реальных возможностей человеческой памяти многие принялись вспоминать, смешивая желаемое с действительным, случайно узнанное с пережитым. Оказывается, этого мало. Это все еще не жизнь, не жизненный уклад — порядок, от которого так легко или, напротив, — трудно, но опасливо отмахнулись наши прямые предшественники. Кто-то боялся, кто-то находился во власти душевной апатии, кто-то был охвачен стремлением к некой сказочной всеобщей правде.

Отдаем ли мы себе отчет в том, что в своих метаниях между жертвами репрессий и зарубежьем, памятью о былых партиях от монархистов до эсеров и этнографическими ансамблями, церковными песнопениями и привозной откровенно ресторан-

ной цыганщиной мы ищем именно этот душевный ПОРЯДОК, без которого обществу грозит только хаос, только исчезновение человека и всего человеческого? А если так, может быть, существует и иной, безусловно, общедоступный путь от душевной слепоты к душевному прозрению? Скажем, простая и неторопливая прогулка по улицам и переулкам Москвы, дом за домом, ничего не выделяя и не опуская, как то было в канун Февральской революции до всех взрывов и перемен. Те, кто владел домами, кто жил в них, имел свое самое крохотное или, наоборот, известное всей Европе, а то и за океаном, дело, учил, лечил, играл на сцене, печатал газеты и книги, просто служил. И в результате — как все были тесно связаны между собой общественными нуждами, делами милосердия, если не прямыми заботами, то мыслями друг о друге, как жили в огромной городской общине, осознанно или неосознанно ощущая причастность к Москве.

Но от этого ощущения и масштаб постигшей людей трагедии: сколько из них одним выстрелом «Авроры» были навсегда обречены, поставлены за предел нового существования как классовые враги — враги народа. Исчезновение семей, фамилий, а за ними выброшенные вещи, уничтоженные семейные архивы, отказ от памяти как залог «благополучного» заполнения всесильной анкеты — единственного условия относительно спокойного существования. Просто существования. Сколько кому было отпущено.

Прогулка по Москве 1916 г. — это еще и воскрешение тысяч москвичей с их честной службой, добрыми делами, порядочной жизнью. Кого-то эти имена оставят безразличными, кого-то заставят вспомнить об обстоятельствах своих исследований, но кому-то вернут историю семьи, а значит, побудят порыться в остатках семейных памятков, о чем-то вспомнить, почувствовать живо и ощутимо собственные корни. Так или иначе, пусть многолетняя работа в разного рода архивах города поможет почувствовать сегодня его дыхание, доброе, отеческое и требовательное: какими же мы все-таки стали за годы молчания и что должны в себе воскресить.

...Первые упоминания — они почти не разнятся по времени с событиями Куликова поля. До 1389 г. здесь существовало единственное городище Драчи и около него монастырь Николы Чудотворца «в Драчах», или «на Старом Городище». Монастырь сгорел в страшный московский пожар 1547 г., вспыхнувший, когда играл свадьбу с первой своей женой Анастасией Романовой только что венчавшийся на царство Иван IV, еще не ставший Грозным. Перепуганный насмерть монарх бежал в Воробьево, а разъяренные москвичи порешили его родного дядю князя Юрия Глинского и потребовали на расправу бабу, старую княгиню Анну Глинскую, которая якобы колдовством вынимала у людей сердца, кропила их кровью город, отчего и разгорелось пламя.

Восстановить монастырь больше не пришлось. На его месте встала церковь Николы Чудотворца, что в Драчах (Трубная улица, 42–44), снесенная в 1930-х гг., чтобы освободить место для типового школьного здания и физкультурной площадки перед ним.

Название городища могло иметь различное происхождение. Драч — плотничий большой двоеручный струг для крупной

стружки. Драчие – всякая сорная трава. Наконец, драть на старорусском языке применялось как понятие пахать лесную новину, что скорее всего и определило имя селения. В то время как у монастыря Николы в Драчах рос вековой бор, по противоположной стороне реки Неглинной находилось урочище Пески, откуда появилось название церкви Спаса, что в Песках, или За Петровскими ворота.

В середине XVII в., исходя из переписных книг, на месте городища располагалась военная «в Листах», или «в Драчах», слобода. Вторая военная слобода – Пушкарская находилась примерно на месте Пушкарева переулка. В 1638 г. она насчитывала 374 двора. Уместно вспомнить, что Москва того времени была преимущественно военным городом. Статистика свидетельствует, что самое большое число дворов – 11 000 находилось именно в военных слободах, 3400 – в дворцовых и казенных, 1800 – в монастырских и владычных, 500 – в иноземческих и 3428 – в черных.

На месте Печатникова переулка находилась казенная Печатная слобода, между Сретенкой и Рождественкой – монастырская Чудова монастыря. Наконец, в черной Сретенской слободе на 1651 г. числилось 374 двора.

Держался город прежде всего на черных слободах – основных налогоплательщиках на городские нужды. Каждый владелец двора выплачивал в год 88 копеек, не считая так называемых мостовых, которые шли на устройство бревенчатых покрытий улиц. Сюда входила оплата дежурства ярыжных («ярыжек») – низших полицейских чинов, главной городской пожарной команды из стрельцов, целовальников, сторожей, извозчиков для срочных посылок. Некоторые повинности были натуральными – отбывались самими слобожанами. При этом распределение всех платежей и повинностей решалось сходом «лучших людей» слободы. Женщины на них права голоса не имели. В качестве исполнителей постановлений выступали староста и окладчики. Очередь слобожан на разные «службы» устанавливалась тем же сходом «по животам и промыслам».

Согласно первой московской переписи 1620 г. на земле от реки Неглинной до улицы Сретенки жили, помимо пушкарей и стрельцов, представители многих профессий, в том числе шапочники, рудометы, плотники, рукавичники, холщевники, хлебники, житники, кожевники, замощники, свечники, подковщики, сапожники, бондари, седельники, скорняки, канатчики, пуговичники, ножевники, портного дела мастера. Имелся и единственный печатник – печатного двора наборщик Офонася Петров. Размеры дворов, как и в остальных московских слободах, колебались от двухсот до четырехсот квадратных метров. Из знатных имен фигурировал один Володимер Тимофеевич Долгоруков, имевший здесь огородную землю.

Но даже в этой связи имя князя В.Т. Долгорукова заслуживает особого внимания. Став в 1607 г. боярином, он спустя восемь лет состоял воеводой в Казани, а в 1624 г. оказался царским тестем – его дочь Мария Владимировна стала первой супругой Михаила Федоровича Романова – и судьей в судебном патриаршем приказе. Правда, молодая царица через четыре месяца замужества умерла – в Москве ходили упорные слухи об отраве. Отец удалился от двора, оставил все дела и умер в 1633 г.

Преобладание ремесленного населения сохранилось в районе и в последующем столетии. В то время, как в других местностях Москвы торговля сосредоточивается в основном на перекрестках — крестцах — и больших улицах, переулки Сретенского холма, сохранив конфигурацию древних дворов — домовладений, всегда переполнены лавками и всяческого рода ремесленническими мастерскими. В XIX в. здесь охотно селится служащая интеллигенция — врачи, юристы, преподаватели гимназий и высших учебных заведений. Плотность использования домов была едва ли не самой высокой в городе. Естественно, что дома перестраивались, приобретали требуемую временем комфортность, но не нарушали идущих от XVI—XVII столетий принципов периметральной застройки кварталов и неперменных для Москвы озелененных дворов. Нумерация домов шла от Трубной улицы в сторону Сретенки. По ним легко можно составить себе представление о московской жизни в преддверии событий Октября.

Вот Печатников переулок. Дом № 1 (П.П. Гаврилова) имел на первом этаже два магазина — съестную лавку А.В. Ивановой и дешевого готового платья И.Я. Рубановича. Зато квартиры второго этажа, сдававшиеся внаем, отличались достаточной комфортабельностью вплоть до весьма редких для Москвы телефонов. Следующий дом по той же стороне составлял собственность преподавателя 1-й и 3-й мужских гимназий, а также частной женской гимназии Л.Ф. Ржевской Алексея Николаевича Суворова. Обе гимназии относились к числу лучших в Москве и преподавание в них свидетельствовало об очень высокой квалификации педагога. Достаточно сказать, что в 1-й гимназии, находившейся на Волхонке, среди педагогов был приват-доцент Московского университета С.П. Виноградов, а в 3-й — Г.Н. Зограф, хранитель Московского Музея прикладных знаний, секретарь Наблюдательного комитета зоологического сада и член императорского Общества акклиматизации животных и растений. Среди жильцов суворовского дома были семьи офицеров и вел юридический прием помощник присяжного поверенного А.А. Мясников.

В доме № 5 вдовы купца К.В. Кирхгоф — сама хозяйка жила вместе с сыновьями и невестками в другом собственном доме, на углу 4-й Мещанской и Садовой-Сухаревской (№ 17), — жил талантливый церковный историк, дьякон церкви Успения, что в Печатниках, Николай Петрович Виноградов. Н.П. Виноградов состоял членом Московского Общества любителей церковного духовного просвещения и выполнял обязанности секретаря его Церковно-археологического отдела. Кстати, возглавлялся этот отдел другим большим специалистом по московской церковной истории протоиереем Н.А. Скворцовым. Многочисленные виноградовские публикации и архивные розыски по поводу отдельных московских храмов отличались научностью и скрупулезной выверенностью всех данных. Соседствовал с Н.П. Виноградовым по дому торговавший скобяными товарами купец Ф.И. Кулаков, староста той же приходской церкви Успения, что в Печатниках.

Наибольший интерес в архитектурном отношении среди остальной застройки переулка представлял дом № 7. Его история восходит к первым послепожарным годам, когда он состав-

лял собственность московской купеческой жены Н.Ф. Золотаревой. Катастрофическое положение с жильем в Москве после пожара 1812 г. приводит к тому, что дворяне начинают приобретать дворы и на Сретенском холме. Так, дом Н.Ф. Золотаревой переходит в руки полковницы Елены Ждановой, для которой его переделывает архитектурный помощник Строганов. В шестидесятых годах особнячок становится собственностью коллежского асессора А.С. Мельгунова, а в семидесятых–восемидесятых — «жены дворянина», как ее называют документы, А.В. Богданович.

В 1896 г. домовладение приобретает крестьянин Московской губернии Подольского уезда Сухановской волости деревни Сафроновой П.С. Сысоев, формовщик и лепщик, устроивший во дворе свое производство вплоть до специально заложенного собственного артезианского колодца. Сысоеву принадлежало выполнение лепных работ в булочной Филиппова на Тверской, в гостиницах «Метрополь», «Аврора» и наиболее дорогих московских магазинах и ресторанах. Как образец доступного ему мастерства, П.С. Сысоев украшает, по проекту архитектора Зубова, всеми возможными видами отделки свой дом снаружи, покрывает лепниной все крошечные комнатки своей квартиры на втором этаже. Несмотря на то, что в годы советской власти в ней ютилось на площади около пятидесяти квадратных метров до тридцати жильцов, замысловатый декор сохранялся вплоть до того дня, когда в целях сохранения необычного дома («памятника архитектуры местного значения», как определяет его местный райсовет) он был передан некоему учреждению.

Более скромно выглядели следующие дома — Ел. Вас. Прохоровой (№ 9), Вл. Мих. Новикова (№ 11) и г. А. Лобова (№ 13), используемые только как жилье. Дом № 15 составлял собственность потомственного почетного гражданина купца Вл. Ник. Смирнова. Его хорошо известный в Москве мебельный магазин находился на Сретенке (№ 15). При доме располагался один из двух гаражей компании «Автолюкс». Второй гараж был на Театральной площади (№ 2). В доме № 17 помещался единственный в переулке трактир, принадлежавший домовладельцу, купцу А.В. Тюменеву. Немногим меньшее число посетителей привлекала находившаяся здесь же Техничко-строительная контора Торгового дома «Братья Н. и А. Потураевы», выполнявшая работы с применением железобетона: строительство, проведение водопровода, канализации и биологическая очистка воды. Фирма располагала в Москве еще двумя конторами — на Бахметьевской и Раздельной улицах.

Но настоящей популярностью в городе пользовался дом № 19 с помещавшейся в нем Конторой объявлений и редакцией справочного издания «Иллюстрированный путеводитель по Москве». Несмотря на немалый по тем временам тираж и полиграфическую сложность издания, все его службы во главе с редактором-издателем Борисом Львовичем Добровольским занимали единственную квартиру — № 19. На первом этаже находился магазин колониальных товаров (под колониальными товарами стало принято подразумевать продукты, привозимые из Западной Индии, как то чай, кофе, сахар и другие) Д.П. Волкова и магазин электротехнических принадлежностей И.Д. Дмитриева, объединенный с мастерской, которая выполняла заказы на

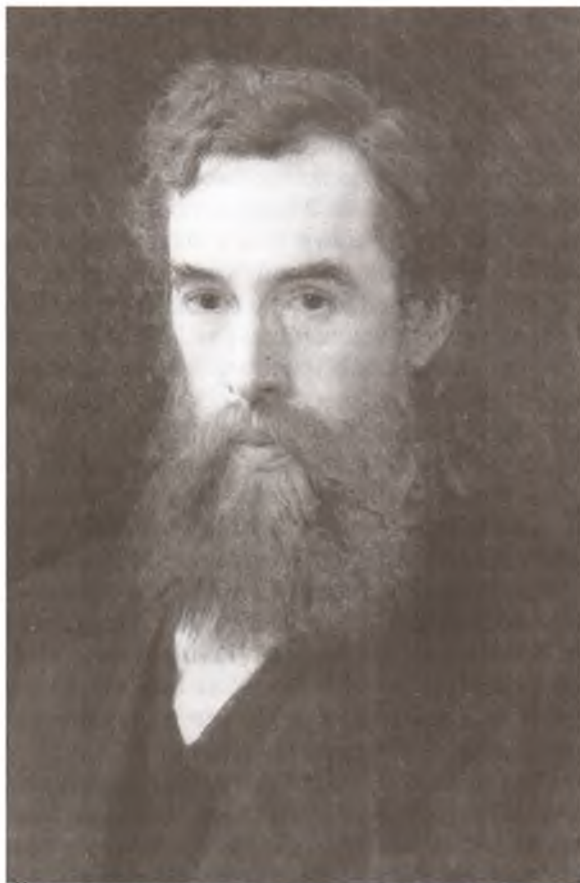
проводку освещения и только что вошедших в моду электрических звонков — «как для прислуги внутри квартиры, так и для входных дверей». Владелицей дома была вдова статского советника Ю.А. Поржезинская.

В доме № 21 располагалась известная музыкальная школа Н.И. Дмитриева. Сам Дмитриев преподавал пение в 5-й мужской гимназии, на углу Поварской и Большой Молчановки, и в частной женской гимназии Е.Н. Дюлу на Никитском бульваре (№ 15), которая славилась превосходной постановкой преподавания музыкальных дисциплин. И это не мешало располагаться рядом с дмитриевской школой портновской мастерской Н.И. Махлюева, парикмахерской А.Т. Эберта, скорняжной мастерской и меховому магазину И.Ф. Покорни, не говоря о настройщике А.К. Трейснере, сотрудничавшем с московской Консерваторией.

В городском обиходе дом носил название малюшинского — по фамилии владевшей им, как и многими другими в сретенских переулках и на Цветном бульваре, купеческой семьи. В годы Первой мировой войны ее глава являлся директором Правления Общества Теплых торговых рядов, одного из центров оптовой торговли России. В шестидесятых годах здесь снимал квартиру В.В. Пукирев, одна из самых по-человечески трагических фигур в истории русского искусства. Здесь он работал и над наиболее известным своим полотном «Неравный брак», все действие которого связано со сретенскими переулками.

...Картину знали со времени ее появления на выставке 1863 г. Знали в числе считанных полотен в нашем искусстве. Разные по художественным достоинствам, таланту авторов, они тем не менее каждая по-своему поражали воображение современников. «Грачи прилетели» А.К. Саврасова и «Незнакомка» И.Н. Крамского, «Утро в сосновом бору» И.И. Шишкина и «Березовая роща» А.И. Куинджи, «Княжна Тараканова» К.Д. Флавицкого и «Неравный брак» В.В. Пукирева. Все в жизни Пукирева было совсем обыкновенным. Детство в крестьянской семье. Уроки у иконописца в Могилеве. Московское училище живописи, ваяния и зодчества, выгодно отличавшееся от императорской Академии тем, что никогда не готовило придворных художников и не следовало канонам официального искусства. Это была школа искателей и мир тех, кто не собирался добиваться с помощью своего мастерства жизненных благ. По сравнению с «академистами» «москвичи» просто работали. Много, трудно и вдохновенно.

Звание свободного художника, полученное Пукиревым в 1858 г., не давало особенных преимуществ. Но вместе с ним он получает приглашение заняться педагогической работой. Рекомендовавший его мастер напишет: «Пукирев один из всех бывших здесь учеников твердо владеет рисунком и способен преподавать свои познания». Художник возвращается в родную школу, хотя это и не решает его материальных затруднений. Скучное жалование преподавателя училища приходится дополнять частными заказами на церковную и портретную живопись. В частности, Пукирев пишет девять больших образов для московской церкви Троицы в Грязях. Приработков ему кажется достаточно, чтобы создать собственную семью, тем более что его чувство обращено к очень бедной невесте. Девушка отвечает художнику взаимностью, но жених, ставший к тому времени

И. Крамской. Портрет
П.М. Третьякова

еще и академиком, получает отказ родителей, которые находят для дочери более выгодную партию. От этой трагедии Пукирев не сумеет оправиться до конца своих дней.

Единственный способ излить свое горе – написать картину со всеми подробностями пережитого. И не эта ли внутренняя открытость мастера так привлекает к его полотну зрителей.

Пукирев еще раньше выбирает для жизни дом Малюшина – бок о бок с Московским училищем живописи. Одна из тесных комнат скромной квартиры превращается в мастерскую. Действие картины происходит в приходской церкви – Успения, что в Печатниках. В ней помещает художник портреты всех участников его драмы – от невесты до себя самого в виде горестно задумавшегося шафера и стоящего рядом своего рамочника, которому предстояло оформить картину.

Самому появлению картины на выставке уже предшествовало множество разговоров и слухов. Не видя пукиревской работы, П. М. Третьяков заранее выражает желание ее приобрести, но по непонятной причине картину торопится приобрести один из заказчиков художника. Она исчезает с глаз любителей, и понадобятся долгие годы переговоров, пока Третьякову удастся убедить владельца расстаться с холстом, который тут же будет экспонирован в Третьяковской галерее. Впрочем, за это время «Неравный брак» успеет побывать на Парижской Всемирной выставке 1867 г., а Павел Михайлович – приобрести интерьер одной из комнат малюшинского дома: картину «В мастерской художника». Начинался 1871 г.

Спустя два года Пукирев оставляет преподавание в Училище живописи. Тяжелое нервное расстройство приводит к не менее тяжелой болезни сердца. Уходят силы и желание писать, а вместе с ними и средства для жизни. Пукиреву приходится расстаться с таким дорогим ему малюшинским домом и перебраться в деревеньку за Дорогомиловской заставой. Ничтожная пенсия и посильная помощь далеко не состоятельных товарищей не могут обеспечить ему ни должного лечения, ни простого ухода. Уйдет из жизни Пукирев в начале лета 1890 г. в доме приютившего его священника на Божedomке. «Среди своих товарищей и учеников он оставил по себе теплое и прочное воспоминание, а в истории русского искусства — блестящий, хотя и короткий след», — будет сказано в таком же коротеньком некрологе, который поместит в приложении к «Вестнику изящных искусств» А.И. Сомов.

И вот четная сторона того же Печатникова переулка. В доме напротив малюшинского (№ 4), который принадлежал приходской церкви, жил настоятель Успения, что в Печатниках, Василий Петрович Никольский. И характерно для московского духовенства — в то время как дьякон увлекался исследованиями в области церковной истории, священник занимался благотворительной деятельностью. Отец Василий был членом Братства Святой Равноапостольной Марии Магдалины. Это братство опекало, давало пособие по обучению и содержанию учениц находившегося на углу Большой Ордынки и Большого Толмачевского переулков Мариинского епархиального женского училища для дочерей беднейшего духовенства Московской епархии. Причем членство в нем предполагало постоянные денежные взносы.

В доме № 6 помещалось достаточно необычное Общество взаимопомощи официантов. В квартире № 14 его секретарь ежедневно вел прием с десяти утра до шести вечера. Домовладелица купчиха Н.С. Кознова сумела здесь же разместить портновское заведение И.С. Степанова и две колониальных лавки — С.Г. Некрасова и В.Г. Лебедева, что, по-видимому, несколько не смущало владевших домом № 8 князей Бебутовых. Глава семьи, князь Г.В. Бебутов, состоял помощником пробирера в Московском окружном пробирном управлении. Это были последние представители знатного и воинственного рода армянских меликов, перешедших на русскую службу и успешно воевавших на Кавказе.

О доме № 16, как и о предшествовавших ему №№ 10 (братьев Яковлевых), 12 (Шебанова), 14 (Е. П. Журиной), можно было бы сказать как о простом жилье средней руки, если бы не связывался он для москвичей с именем доктора П.В. Панфилова, работавшего в Старо-Екатерининской больнице Московской городской управы. Частного приема он не имел, но никогда не отказывал в бесплатных советах превосходного диагноста.

Дом № 18 (Г.М. Штутыко) был известен по магазину недорогой обуви Рут, аптеке А.И. Красовского, а для пишущей Москвы и художников-журналистов по находившейся в нем редакции иллюстрированного еженедельника «Луч», который издавался книгоиздателем П.Я. Кумановым. Как и во всех сколько-нибудь больших домах, здесь был свой медик — на этот раз акушерка М.В. Васильева, а среди жильцов находился хранитель Истории

Продавец рыбы

Торговка платками

ческого музея П.А. Незнамов. Остается удивляться, каким образом одним хлестким очерком В.А. Гиляровскому удастся превратить этот район в страшную московскую трущобу, кишевшую проститутками и ворами.

В доме № 24, принадлежавшем церкви Успения, что в Печатниках, рядом с квартирами помещалась небольшая приходская богадельня. Обычно размеры подобных богаделен определялись потребностями прихода. Приход брал на свое содержание своих престарелых и неимущих сомолитвенников. В канун революции 1917 г. здесь было четыре женщины, и одна из них слепая.

Продавец лимонада

Настоящей местной поликлиникой выглядел дом № 26. В нем функционировала зубная лечебница Л.Б. Залманзона и кабинет «народного доктора» Федора Иллиодоровича Российского, известного своим постоянным участием в делах милосердия. Российский состоял врачом Васильевского Басманного приюта и был одним из руководителей московского Общества попечения о неимущих и нуждающихся в защите детей. Подобно многим другим аналогичным по своим задачам организациям, Общество попечения входило в систему благотворительных учреждений, созданную и руководимую великой княгиней Елизаветой Федоровной. В данном случае она выступала покровительницей, помощницей же ее была княгиня С.А. Голицына, супруга управляющего Московским Воспитательным домом и шталмейстера императорского двора Александра Борисовича.

Характерная черта елизаветинских учреждений – вместе с духовенством, крупными промышленниками, аристократами в них сотрудничали и самые обыкновенные служащие, как заведующий 54-м почтово-телеграфным отделением города М.К. Можейко. Рядом с ним стояли имена епископа Серпуховского Арсения, председателя правления Московского частного коммерческого банка А.И. Геннерта, управляющего канцелярией московского губернатора А.В. Даксергофа, директора правления «Товарищества А. и В. Сапожниковы» инженера-механика Н.Н. Кукина. Помещалось же Общество в здании Исторического музея на Красной площади.

Под № 28 находилась церковь Успения, что в Печатниках. В переписи 1620 г. она еще не значится. Зато относительно занимаемого ею места имеется запись: «почат было делать храм каменный, а почат было тот храм Лев[онтий] Волков, а ныне тот храм разрушен, а камень продают, церковной земли в длину 27 сажень, поперечнику 17 сажень». Двор «Левы Волкова» находился через улицу и имел восемь на восемь сажень.

В настоящем своем виде церковь сооружена в 1695 г., трапезная достроена в 1902 г.

Замыкал переулок Печатников дом № 30 – братьев Михайловых.

Следующий переулок – Колокольников в переписях XVII в. названия не имел. Согласно одной из недокументированных версий, оно появилось из-за открытого здесь во второй половине того же столетия литейного завода, отливавшего колокола, который непонятным образом переписями не отмечен. Между Печатниковым и Колокольниковым переулками не было ни одного мастера, связанного с литейным, тем более с собственно колокольным делом.

Продавец воздушных шаров

В XIX веке, как и в XX, название принадлежало только истории. Особенностью же переулка было множество частных врачебных кабинетов и медицинских заведений, связанных преимущественно с акушерством и женскими болезнями. Другая причина популярности переулка перед Октябрем — ювелирные магазины и мастерские, отличавшиеся сравнительно невысокими ценами и добротностью работы. Любая починка семейных реликвий обходилась здесь много дешевле, чем на Тверской или в Столешниковом. А дома — в них, как в калейдоскопе, развертывалась производственная жизнь большого города.

Большую часть дома № 1 занимали контора подрядчика земляных работ В.А. Кузнецова и скорняжная мастерская Н.Г. Сухарева, известная хорошей обработкой беличьих шкур. Домовладелец — торговавший выделанными кожами купец Н.С. Требоганов имел один из лучших в Москве магазинов на Большой Тверской-Ямской (№ 44), а жил в еще одном собственном доме на Большой Пресне.

В следующем доме хозяйка, вдова дьякона Е.П. Воздвиженская, сдавала все квартиры причту приходской церкви Сергия в Пушкарях, в том числе дьякону С.И. Успенскому, учительствовавшему в 5-м Мещанском городском училище, и псаломщику А.Н. Аносинскому, также преподававшему, но в местном церковно-приходском училище, занимавшем дом № 7, сразу за чулочным магазином М.Ф. Беляевой, владелицы дома № 5. Училище обходилось тремя педагогами: законоучителем — им состоял настоятель церкви Н.В. Толгский, учителем грамоты и арифметики — М.П. Воздвиженский, пения — псаломщик А.Н. Аносинский.

Самым удивительным было великое множество мастерских, довольствовавшихся одним-двумя выходившими на фасад окнами. В доме купца 2-й гильдии Г.И. Ипатова (№ 9) соседствовали ювелирная мастерская К.Н. Поляковой, граверная мастерская Швыркова, портновская Я.И. Шарапова. Среди жильцов преобладали служащие Московской государственной сберегательной кассы.

Дом наследников купца Астахова (№ 11) считался, по-видимому, тем более престижным. В нем снимали квартиры заведовавший электрическим освещением Московской городской управы инженер-электрик Н.И. Трофимов и податной инспектор Московского уездного раскладочного по промысловому налогу присутствия, известный своей благотворительной деятельностью Виктор Петрович Попов.

В.П. Попов состоит членом Совета Суцевского 1-го участка отделения Городского Попечительства о бедных. Число отделений попечительства соответствовало числу полицейских участков, на которые делилась Москва. Каждое из них имело своего председателя, почетных и действительных членов, от организаторских способностей и личной щедрости которых зависело число благотворительных учреждений, создававшихся на данном городском участке. На 1-м Суцевском, например, совет располагал временной женской богадельней на 38 мест, временной мужской богадельней на 7 мест и бесплатной столовой для приходящих бедных на 60 человек. Все эти учреждения помещались в собственных домах Попечительства в Пыховом

Городовой

Почтальон

переулке, на пересечении Бутырского вала и Новослободской улицы. Собственно канцелярия располагалась в целях экономии в доме председателя Совета – потомственного почетного гражданина В.И. Бакастова (Селезневская ул., 3), где занимала две квартиры. Всего в Совет входило двенадцать человек, и открывалась канцелярия всего два раза в неделю.

В астаховском доме находились также агентство и контора фирмы «Гейликман Братья» и гинекологический кабинет Ф.И. Роговиной-Гейликман. В соседнем (№ 13) владелец дома А.Г. Левин имел контору по устройству водяного отопления, а в первом этаже располагалась колониальная лавка А.П. Петрова и большая прачечная А.И. Ивановой, которой со всей округи привозили в стирку самое тонкое и кружевное белье.

При желании в переулке можно было одеться с головы до ног. Принадлежавший ювелиру Г.И. Афанасьеву дом № 15 выделялся, по утверждению газетной рекламы, «новомодно оборудованным магазином» ювелирных изделий, в том числе фирмы Фаберже. Его населяли преимущественно модистки и портные: «дамский мастер» И.Н. Обухов, портнихи В.И. Саввина, Э.А. Паче, мастерская «Ольга», обслуживавшая актрис императорской сцены, мужской портной М.В. Хохлов, выделявавший мужские шляпы Н.В. Шиленков. Э.А. Паче был связан с торговым домом художественных принадлежностей и произведений искусства «И. и Д. Дациаро».

Дом купца Луппа Сорокина (№ 17) предпочитали квартиранты также из купеческого сословия. Но среди них нашли себе место зубоучастный кабинет Л.А. Нагли и сапожная А.И. Кузьмина. Не существовало такой потребности, которой местные квартиранты не могли бы удовлетворить в собственном квартале. Дом майорши В.А. Макеевой (№ 19) облюбовали врачи, начиная с сына хозяйки доктора М.Н. Макеева, акушерки А.Н. Петрученко вплоть до акушерки-массажистки Э.А. Карлштейн, содержавшей здесь же небольшой родильный приют. Замыкал нечетную сторону переулочка тянувшийся от Колокольниковой до Большого Сергиевского двор со строениями дворянки Л.С. Окрочделовой, где многие годы существовала мастерская модной портнихи Е.П. Зыковой.

Первые дома четной стороны (№№ 2 и 4) составляли собственность владелицы магазина готового платья (в соседнем доме по Трубной улице) Боси-Хавы Рубанович. Первый из них очень характерен для доходных домов, возводившихся в Москве непосредственно перед Мировой войной. Он целиком заполнял участок, имел приспособленные для хранения товаров подвалы – магазины занимали обычно все первые этажи. На единственную лестничную клетку выводились для дополнительного освещения окна коридоров. Четырех-пятикомнатные квартиры отличались очень рациональной планировкой. В данном случае торговые помещения занимают магазин колониальных товаров И.В. Белоногова, в доме № 4 – сапожная мастерская М.Н. Спиридонова и портновская Г.И. Валеева, шившего военное обмундирование.

Дом № 6 был только жилым, тогда как его скромный сосед под номером 8-м, принадлежавший псаломщику церкви Трифона Мученика на 3-й Мещанской Д.Ф. Ярре, вмещал микроскопическое «заведение по чистке стекол» И.Д. Новикова.

На примере дома № 10 (А.П. Курдюкова) можно составить представление о том, как складывалось «общежитие» комфортабельного доходного дома. В нем живет санитарный врач Московской Городской управы В.Ф. Ставровский. В соседних квартирах принимают своих пациентов врач по внутренним болезням Н.Г. Полумордвинов и клиентов — помощник присяжного поверенного Ф.Ф. Брон. Настоятель храма Сергия, что в Пушкинских, протоиерей Н.В. Толгский соседствует с помощником заведующего Отделением по улучшению быта служащих при Управлении Московско-Виндавской железной дороги В.И. Поповым. Последний также преподавал законоведение в 6-й мужской Варшавской гимназии, временно располагавшейся в помещении московской гимназии им. Г. Шелапутина (Трубецкой переулок, 18). Здесь снимал квартиру и преподаватель 4-й Варшавской гимназии В.И. Титов. Питомцем этой гимназии был один из ведущих советских онкологов профессор Б.В. Милонов.

Начало Первой мировой войны повлекло за собой эвакуацию всех государственных учреждений и соответственно служащих из Варшавы и всего так называемого Царства Польского именно в Москву. Эвакуированные расселились по всему городу, как правило, располагали отдельными квартирами или по крайней мере номерами в меблированных комнатах, которых в городе было множество. Большое их число пришлось на переулки Сретенского холма.

Польскими врачами Теличей и Сербиным открываются два врачебных кабинета у домохозяина В.М. Новикова, где еще до них теснились колониальная лавка С.В. Кулакова, специализировавшаяся на модной женской обуви сапожная мастерская В.Ф. Федорова, портновские заведения В.И. Филимонова и Н.Г. Олейникова. Аренда помещений в сретенских переулках была делом исключительно выгодным. Поэтому Г.А. Лебов предпочитал сдавать принадлежавшие ему дома №№ 14 и 18, а сам жить в собственном доме по Большому Козловскому переулку № 14. Предпочитала свои владения в Большом Власьевском переулке (14) и хозяйка дома № 16 В.И. Редрикова. О ее состоятельности свидетельствовало то, что сам Редриков-супруг состоял так называемым членом-соревнователем Московского попечительства Человеколюбивого общества.

Московский попечительский комитет императорского Человеколюбивого общества, как правильно называлась эта организация, представлял собой систему благотворительных учреждений — от воспитания детей до содержания больных, престарелых и выдачи всяческого рода пособий. Размещавшийся в собственном доме в Спасоглинищевском переулке на Маросейке Комитет имел юрисконсульта, врачей, даже архитектора, наблюдавшего за многочисленными принадлежавшими ему зданиями. В их число входили Усачевско-Чернявское женское училище, Набилковское коммерческое училище, Сергиевская школа, Троице-Набилковская школа, Медицинский комитет, Убежище для вдов и сирот имени П.М. Рябушинского и Народная столовая его же имени, Орловская лечебница для приходящих, Детская больница Святой Ольги, Глазная лечебница, Убежище при Троице-Набилковской школе, Народная столовая Комитета, Общежитие для престарелых наставниц и учительниц, несколько богаделен, в том числе богадельня для неизлечимых больных имени А.С. Спиридонова.

Рассыльный

Председательствовал в Комитете сын А.С. Спиридонова, чьим именем — по завещанному капиталу — и была названа богадельня для неизлечимых. Кстати, он был последним владельцем нынешнего Дома-музея К.С. Станиславского в Леонтьевском переулке (№ 6). Состав Комитета складывался из очень разных людей. Здесь и инженер-путеец, помощник начальника службы пути Московско-Виндавской железной дороги Дм. Дм. Кашкин, и председатель Воинского благотворительного общества Белого креста генерал-майор в отставке В.А. Ложкин, и директор правления Товарищества Ж. Блок — И.В. Блок, и известный врач, доктор медицины, профессор М.М. Гарднер, и городской участковый архитектор, занимавшийся, в частности, районом Сретенки, Петр Онисимович Ушаков. Из его построек в этом районе остались дома по Сретенке (№ 1) и по Большому Головину переулку (№ 3) 1892 и 1889 гг. строительства.

В то время как хозяева предпочитали жизнь в тихом арбатском переулке, дом № 16 по Колокольникову сдавался сразу двум трактирам — В.Н. Хлебникова и В.В. Ануфриева. Второй ануфриевский трактир находился на Зацепской площади, также славился отличной кухней, механическим органом и песельниками по праздничным дням. Значительное место занимала и картонажная мастерская А. И. Васильева.

Вряд ли соседство с трактирами могло быть удобным для жилых домов 18-го (Г.А. Лебова) и 20-го (Панина). Между тем в доме № 22 (Ю.А. Поржезинской) рядом с магазином колониальных товаров А.П. Дмитриева и переплетной мастерской «для роскошных изданий» И.Е. Дворникова находилась еще и 1-я бесплатная консультация для грудных детей Московского общества борьбы с детской смертностью. В отличие от многих других благотворительных организаций это Общество складывалось не столько из состоятельных людей, сколько из врачей-специалистов.

Общество возглавляли крупнейшие педиатры и акушеры своего времени: Ф.А. Александров, Г.Л. Грауерман, Н.Ф. Альтгаузен, В.И. Молчанов, И.Д. Астрахан, С.И. Федынский, И.К. Красовский. Под эгидой Общества работала Комиссия по изучению физиологии и патологии грудного возраста, Комиссия по изучению детского туберкулеза и борьбе с ним, Консультационная комиссия, Комиссия летних колоний. Общество располагало детскими колониями в Крыму, на Кавказе, в Прибалтике. Летние площадки в Москве предоставляли детям бесплатное горячее питание.

Кроме 1-й бесплатной консультации в Колокольниковом переулке, существовали также консультации в Ружейном и Николо-Ямском переулках. При каждой из них функционировало попечительство, имелись стационарные отделения, бесплатно выдавалось молоко. Комиссия располагала также собственной библиотекой медицинских журналов. Материальные нужды во многом покрывала деятельность комитета «Розового цветка», устраивавшего благотворительные базары и аукционные распродажи.

Управляющим 1-й бесплатной консультацией был доктор Николай Федорович Альтгаузен, заведующим М.А. Фишер-фон-Вальдгейм. В делах попечительства, которыми руководил тот же Альтгаузен, ему помогала жена входившего в Комитет при-

сяжного поверенного А.А. Рындзюнская. Участие собственным трудом, а не простыми денежными вкладами считалось в делах благотворительности очень почетным. Единственной просьбой врачей, настойчиво повторяемой в печати, было, чтобы родители и опекуны обращались к ним за помощью как можно раньше.

Выходивший на Сретенку очередной дом наследников Малушина (№ 24) выглядел настоящей колонией медиков. В нем вели прием зубной врач Ф.О. Окунь, врачи И.Н. Шумбов, С.М. Рубашев, Е.Б. Мамот, находилась медицинская лаборатория М.Б. Цыпина и целая частная женская лечебница с родильным отделением Н.Е. Соколовой. В соседних квартирах принимали клиентов присяжный поверенный В.А. Попов и помощники присяжных поверенных В.М. и К.М. Богдановы. Рядом располагались представители торгового дома «Юлиус Гартох и сыновья», машиностроительного завода «Братья Кертинг», портниха П.И. Иванова и дамский портной Д.П. Калугин. Большую площадь снимал склад шведско-американской конторской мебели. Был среди жильцов и художник-реставратор И.К. Крайтор, сыгравший едва ли не роковую роль в последних годах жизни и эмиграции Константина Коровина.

...Дом был похож на утюг. И еще на волнорез — грузная кирпичная громада, неуклюже втиснувшаяся в бойкий поток Мясницкой и Мясницкого проезда. Словно налетая на него, улицы разворачивались, разбегались, исчезали за углами. В этой стремительной круговерти, подхваченной сверкающим мельканием машин, все становилось чуть необычным, почти праздничным. Мясницкая, 48, дом Немчинова, квартира 10 — последняя московская квартира Константина Коровина.

Узкий колодец подъезда. Забитое окошко крохотной дворничкой. Крутые марши обрамленной чугунным плетением перил лестницы. Высокая дверь с множеством звонков и имен.

Недоумение вставшей на пороге молодой женщины: «Константин Коровин здесь, у нас? Вы не ошиблись?» Только ошибки не было.

Широкий коридор, где когда-то — памятью об Италии — висело привезенное из Венеции зеркало, громоздились чемоданы беспокойного хозяина, сундуки с его рыболовными принадлежностями и удочки, над которыми не переставали подтрунивать постоянные гости — актеры Малого театра.

За первой дверью налево гостиная, она же мастерская, переполненная при Коровине мольбертами, умещавшимися рядом с «буддийскими богами», как их называл Коровин, стереоскопом, с украшенными майоликовыми вставками столом и круглым зеркалом екатерининской эпохи. Здесь делал многочисленные наброски своей композиции «Старинные песни» Л.О. Пастернак: Ф.И. Шаляпин, А.М. Васнецов, пейзажист С.А. Виноградов, С.А. Щербаков, П.А. Тучков с гитарой в руках. О коровинских вечерах знала и говорила вся Москва.

Дальше — комната жены художника, той самой Анны Яковлевны, с которой легко ли, трудно ли прошла целая жизнь Коровина, их сына Леши. Спальня самого Коровина — простая кровать со столиком, два старинных стула, обитых тисненой кожей с крупными шляпками гвоздей, письменный стол и большой шведский секретер, заваленные театральными эскизами. Еще одна память об Италии — привезенный из Падуи малень-

кий инкрустированный секретер с таким же итальянским зеркалом над ним. И повсюду «платки и тряпки», по выражению Коровина, разноцветье тканей, так необходимое живописцу в работе и оживавшее в его произведениях такими неожиданными, неповторимыми образами. «Это же все составляет жизнь труда, — отзовется о них Коровин. — Разная ерунда, грошовые предметы, тряпки старины давали мне целые аккорды красок, праздники глаз и формы, которые можно видеть в огромном труде постановок Государственных театров в Москве и Петрограде». Речь шла об этих самых комнатах, о последних московских годах. Только то, что касалось творчества, было его частью, представлялось ценным, просто имело право на существование рядом с художником.

А за окнами Москва. Сегодняшняя и коровинская. Несмотря на высоту поднимающихся кругом этажей все так же широко распахивающаяся взгляду, уходящая в лиловою дымку старых улиц, площадей, несчетных новых кварталов. Здесь — в сторону былых Рогожских его раннего детства, там — к тонущему в зелени разросшихся бульваров Сущеву его юности.словно весь размах прожитых художником лет.

...Пресловутая коровинская эмиграция. Попавшего под трамвай единственного сына К.А. Коровина не представлялось возможным протезировать в Москве двадцатых годов. Товарищи подсказывают выход — попытаться показать сына французским врачам, специалистам по протезам: возможно, в условиях более благоприятных для длительного и сложного лечения, чем те, которые существовали тогда в разоренной мировой и гражданской войнами России, удастся хотя бы частично вернуть ему работоспособность.

Предложение вызывает сначала резкий протест со стороны художника. Коровин не хочет уезжать из России, хотя бы и ненадолго, порывать с работой, с привычным кругом товарищей и занятий. Время идет, знакомые все снова и снова возвращаются к этому предложению. Его поддерживает нарком просвещения А.В. Луначарский. Главизо Наркомпроса РСФСР, со своей стороны, предлагает Коровину, чтобы облегчить материальное обеспечение сына-инвалида, сделать в Париже выставку и получить от продажи работ средства, необходимые для лечения и жизни. Один из художников принимает на себя организационную сторону поездки. Ухудшение собственного здоровья побудило Коровина решиться. С сыном и женой он выехал в Париж. Картины увез И.К. Крайтор.

Письмо из Парижа Б.Б. Красину: «Милый Боря, недаром я не хотел ехать за границу. После моих мытарств о квартире, которую нашел с трудом, заказав ноги Леше, Анна Яков[левна] отчаянно захворала. У нее пошла горлом кровь и так сильно, что лежит теперь со льдом на груди и в наркозе под морфием. Бедняга вся извелась, похудела и завтра будет опять консилиум профессоров. Леша и я сбились с ног, и душа болит, понимаешь, как? Анна, Анна! — бедняга, а Леша! Остались одни круглые испуганные глаза. «Мать умрет?» — спрашивает у меня, и горько мне за него, больно, не выдерживает чувство, хромой бедняк.

Конечно, по приезде, начав писать красками, я все бросил. Протезы, заказанные для Леша, не удалась. Все здесь стало

очень дорого. Так что прав я был, интуитивно я не хотел ехать. Сначала Анна кашляла немного и, конечно, не обратила внимания, и назад тому 8 дней полила из гортани кровь фонтаном, и вот что теперь?..»

Строки из другого письма: «Надежда на выставку не сбылась. Г. Крайтора не видел больше года, а хорошие картинки мои у него». «Крайтора я уже с весны не видал, он озлился на меня и сказал, что я помешал ему сделать мою выставку... Он говорил, зачем я показал тебе, помнишь, у меня в комнате он принес условие, которое ты нашел, что оно все только в его пользу...» И позже: «С великим счастьем вспоминаю Россию, и своих друзей, и природу, и снег, и дождик, и небо серое, и траву-ковыль, и избушку, и дым из трубы своей в Охотине и друзей-охотников... Крайтора я не видал два года, и где картины мои, что у него, не знаю».

Не было средств на врачей. Их не было и на то, чтобы расплатиться с долгами и вернуться на родину. Литературные рассказы — но Константин Коровин их никогда не писал. Просто достаточно сравнить то, что печатается под его именем, с рукописями художника, хранящимися в наших архивах. Это не было секретом для друзей и близких: Коровин до конца не справлялся даже с падежными согласованиями, тем более с построением литературной фразы и знаками препинания. Детство у Рогожской без школы и учителей оставило свой след на всю жизнь.

«По Устретенской улице идучи от города влеве пятый», как определяла Большой Сухаревский переулок перепись 1620 г. Впервые название его определилось в начале XIX в. — Большой Колосовский по появившейся здесь фабрике Колосова. И только 1907 г. дал ему нынешнее имя.

Москвичам же он был хорошо знаком по двум приметам — располагавшемуся здесь Обществу глухонемых имени И. К. Арнольда и одной из лучших в городе частной женской гимназии О. Ф. Гейне.

Угловой дом № 1 купчихи М. С. Кондрашевой славился трактиром А. М. Трофимова, тогда как в соседнем (№ 3, Г.Г. Боровикова) можно было найти все виды услуг — от магазинов, мастерских до самых респектабельных контор. Здесь была контора инженера В.К. Штаффеля, производившего канализационные и водопроводные работы, на первом этаже — сапожная мастерская И.А. Сухарева, портновское заведение М.Я. Белоусова и считавшаяся среди мусульман одной из лучших в городе лавка конского мяса Якуба Ишниязова.

В доме № 5 купца Д.Г. Воробьева, церковного старосты храма Николая Чудотворца, что в Драчах, значительную площадь занимали меблированные комнаты «Калязин» А.Т. Шелопова, а среди жильцов были известный инженер-механик Д.Ю. Эппельбаум и Дм. Вас. Шушков, преподававший в двух учебных заведениях при московской Евангелическо-лютеранской церкви Петра и Павла в Космодемьянском переулке, который в 1922 г. был переименован в Старосадский. Женская гимназия находилась рядом с храмом, мужское училище в соседнем — Петроверигском переулке. Последнее складывалось из трех частей: начальной школы, реального училища с коммерческим отделением и

гимназии с правами казенных гимназий. Преподавание велось на немецком языке.

Общество глухонемых находилось в доме № 7 (А.Ф. Альберта). Кстати, пользовалось оно очень высоким покровительством. Его председателем являлся близкий к императорскому двору А.В. Шлиппе. Один из братьев Шлиппе – Карл был камергером Двора, предводителем дворянства Верейского уезда. Второй – Федор, имевший чин камер-юнкера, состоял председателем Московской Земской губернской управы и был одним из активных деятелей комитета великой княгини Елизаветы Федоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, ушедших на войну. Правление располагалось непосредственно в квартире председателя (№ 3). В том же доме вел прием врач по внутренним и женским болезням Дьяконов (кв. № 7) и помощник присяжного поверенного Н.А. Лобов (кв. № 6). Нашлось место и для одной из немногих в городе мастерских по тиснению золотом и серебром А.П. Просина.

Дом № 9 составлял собственность Гефсиманского скита. Доходными домами и гостиницами для приезжающих располагали в Москве многие обитатели. В данном случае речь шла о загородном монастырском доме настоятеля Троице-Сергиевой лавры. Мысль о его основании возникла еще в годы правления императрицы Анны Иоанновны и принадлежала архимандриту Кириллу Флоринскому. В середине XVIII в. в двух с половиной верстах от лавры был возведен своеобразный «версальский» дворец с французским садом. Собственно Гефсиманский скит, как своеобразное продолжение летней резиденции, был заложен в 1844 г.

Целых четыре домовладения – №№ 11, 13, 15 и 18 принадлежали купцу И.Д. Розанову. Розанов занимался торговлей строительными материалами и печным заведением, имел большой магазин на 9-м пути Нижегородской железной дороги и меньший рядом, на Сретенке № 18. В 13-м доме находилось портновское заведение В.В. Степановой, 15-й представлял своеобразную поликлинику. В нем имели кабинеты врач по внутренним болезням И.М. Матвеев, акушер и гинеколог С.М. Розенблюм и дантистка С.С. Розенблюм, вел в своей квартире прием один из крупных специалистов по гражданскому праву, кандидат прав, присяжный стряпчий Московского Коммерческого суда М.И. Кулишер.

Дома 17-й и 25-й составляли собственность купца 1 гильдии А.П. Богданова, имя которого было хорошо известно в финансовых кругах. Он являлся членом Наблюдательного комитета городского кредитного общества, гласным Московской Городской думы от купеческого сословия, директором Правления Сухаревского домовладельческого товарищества. Профессиональная деятельность сочеталась у А.П. Богданова с широкой благотворительностью – сочетание обязательное для делового человека предреволюционных лет. Он входит в Общество распространения коммерческого образования, выступает как попечитель Мещанского Петровского мужского училища и одновременно как церковный староста церкви Елизаветы Всемилюйской в Елизаветинской женской гимназии в Казенном переулке, которую содержало Общество поощрения трудолюбия. Попечительницей гимназии состояла близкая к императорскому Дво-

ру М.Н. Пальчикова, директор Московского Дамского благотворительного тюремного комитета, заботившегося о женщинах-заключенных и их семьях. Между прочим, Елизаветинскую гимназию отличала очень хорошая постановка музыкального образования, которым дополнялся обязательный гимназический курс.

Сам А.П. Богданов жил в собственном же доме по 1-й Мещанской (34/36), а в доме по Большому Сухаревскому находился его фирменный магазин уксуса (любопытно, что в Москве было в общей сложности семь подобных специализированных магазинов разных фирм), популярный магазин новой мебели И.К. Парфенова (второй магазин — со старой и в том числе антикварной мебелью — того же владельца — функционировал в Панкратьевском переулке, 7). Но главное место в богдановском доме принадлежало Бесплатной Мещанской городской лечебнице для приходящих больных.

Прием в больнице велся утром и вечером все дни недели. «Утренним» был доктор В.Э. Орлинков, имевший также частный прием в собственной квартире на Покровке, 43, и две фельдшерицы, «вечерними» — врачи А.Ф. Декапольский и Иван Васильевич Русаков вместе с тремя фельдшерицами. Имя И.В. Русакова нельзя не выделить — это он принимал участие в революционных событиях, а впоследствии в организации здравоохранения в первые послереволюционные годы. Именно его именем названа Русаковская улица, бывшее Сокольническое шоссе. Жил доктор на Оленьем валу и каждый день проделывал путь до Сретенки. Прах Ивана Васильевича похоронен в кремлевской стене.

Подобно своему соседу, купец А.Б. Халатов, владевший домом № 19, сам предпочитал жить на Петровке. В его же доме располагались зубо врачебный кабинет С.Н. Рождественской, мастерская зубо врачебных принадлежностей И.Ф. Чекмарева, парикмахерская «с самыми модными парижскими моделями» М.М. Яковлева и два портновских заведения — Т.П. Спешневой и Е.С. Столяровой.

Дом № 21 составлял собственность одного из богатейших купцов-старообрядцев Ф.Н. Кудряшова, члена Совета Московского Общества христиан Старо-Поморского согласия. Сам Кудряшов жил в Лялином переулке, а дом целиком сдавал частной женской гимназии преподавательницы немецкого языка С.Ф. Гейне.

Среди множества существовавших в Москве частных гимназий, пользовавшихся правами казенных учебных заведений, гимназия Гейне была особенно тесно связана со своим районом. Это прежде всего сказывалось на том, что ее попечителями выступали жившие в округе купцы, финансисты, государственные чиновники. Здесь и купец-домовладелец И.Д. Розанов, и мировой судья Сретенского участка В.М. Файвишевич, и широко известный Осип Никитич Пуришев, глава торгового дома «Пуришев О.Н. и Сыновья». Специальность торгового дома, размещавшегося в Лубянском проезде, составляли, как гласила реклама, «все товары для кондитерских, булочных, конфектных, карамельных, шоколадных, пряничных и бакалейных магазинов. Громаднейший выбор елочных украшений и пасхальных яиц. Механические фигуры для рекламы на окнах». Пуришевы игрушки красовались на большинстве московских елок,

как и яйца на пасхальных столах, успешно соперничая по дешевизне с кузнецовскими. А на витринах еще долгие годы после Октября сохранялись огромные, в рост человека, псевдокитайские вазы, поставлявшиеся торговым домом Пуришевых.

Вместе с тем далеко не обычным был и профиль гимназии. То, что председателем ее педагогического совета состоял Д. М. Россинский, определяло особое внимание к естественным наукам. Россинский являлся председателем Общества акклиматизации животных и растений и редактором журнала «Птицеведение и птицеводство». Очень хорошо было поставлено преподавание музыки и пения — их вел член Союза музыкально-драматических писателей Иннокентий Николаевич Устюжанинов — и танцы, которые преподавал артист балета Большого театра Дмитрий Иванович Голубин. Подобная практика была широко распространена в Москве: артисты балета, оперной труппы и оркестра императорского оперного театра отдавали свободное время занятиям в средних учебных заведениях города, и такой уровень преподавания не мог не сказываться на высокой подготовленности молодежи к восприятию театра и музыки. При гимназии существовал также хор, руководимый И. Н. Устюжаниновым, являвшимся директором Народных хоровых классов Москвы.

В соседнем (№ 23) доме торговавшего москательными и писчебумажными товарами купца П.В. Надеждина размещалась одна из шести имевшихся в городе контор Д.А. Фурмана, поставлявшего в Москву антрацит, и жил мануфактурщик Г.С. Староверов, владелец магазинов мануфактурных товаров на Сретенке (№ 28) и Старой Басманной (№ 7).

Четная сторона переулка начиналась со стоявшего напротив трофимовского трактира И. П. Гуркина в доме Л. А. Бессонова (№ 2).

Следующий дом принадлежал семье широко популярного в Москве виноторговца «Депре К. Ф. и Товарищество». Семья Депре жила в Машковом переулке, главный их магазин и контора помещались в собственном доме на Петровке (№ 8), второй магазин — в 1-м Знаменском переулке (№ 12), сухаревский же дом целиком отдавался внаем. В нем помещалась мясная лавка Т.С. Трындына, вела прием акушерка А.И. Вейсман и — что свидетельствовало о респектабельности владения Депре — секретарь Московской городской управы А.Я. Никитин.

Дом № 6 занимал его владелец — М.В. Дмитриев, которому принадлежал и следующий дом (№ 8) с магазином скобяных товаров М.А. Лагунова. В десятом доме (М.А. Мишке) работала прачечная тонкого белья Е.И. Лысенковой, в двенадцатом (П.Е. Шестовой) — трактир Н.Ф. Кузнеченкова, в четырнадцатом жила семья хозяйки — А.Г. Булановой.

И все же самым удивительным в Москве было смешение на одной улице людей самых разных слоев общества. Так, дом № 16 представлял собственность Братолюбивого общества снабжения в Москве неимущих квартирами. Общество находилось под покровительством императрицы Марии Федоровны, имело почетного председателя в лице великой княгини Елизаветы Федоровны и располагало в Москве более чем сорока подобными домами. В одних из них можно было рассчитывать на приют и питание, в других только на ночлег и медицинское обслу-

Половой

Извозчик

живание — врач состоял при каждом подобном доме. Дом № 16 назывался Куликовским и имел попечителей в лице семейства Куликовых, пожертвовавших на его оборудование и содержание соответствующий капитал.

В 18-м доме (И.Д. Розанова) находилась большая лавка колониальных товаров фирмы «Маздыковы Е. и А. Братья». Колониальная торговля велась и в двух соседних домах — характерный для старой Москвы прием объединения в одном месте нескольких магазинов специализированной торговли, как, например, Леонтьевский переулок оставался средоточием антикварных лавок. Покупатель должен был быть уверен, что в данном месте он непременно достанет нужный ему товар не в одном, так в другом магазине. 20-й дом составлял собственность купчихи А.И. Чернобаевой, 22-й некоего Лебедева, сдававшего первый этаж под колониальную лавку М.Ф. Случевской и сапожную мастерскую М.С. Ерошина.

Дом фон Груннера (№ 24) вмещал третий магазин колониальных товаров — М.П. Иноземцева, производство и ремонт гармоний Г.А. Маслова, полотерное заведение И.С. Гаврилова, сапожную А.Я. Яковлева, столярную мастерскую В.И. Чернышева и чистку стекол А.Я. Марцинкевича. Сам домохозяин — статский советник дворянин А.Ф. фон Груннер был одним из ведущих преподавателей императорской Практической Академии коммерческих наук, находившейся на Покровском бульваре (ныне — здание военной академии).

Академия коммерческих наук пользовалась значительными привилегиями. Те, кто оканчивал ее курс с отличием, получали звание кандидатов коммерции. Для воспитанников из купеческого и мещанского сословия окончание Академии означало

получение звания личных почетных граждан. В военные годы все они пользовались правом на отсрочку, а при поступлении на государственную службу академический диплом приравнивался к реальным училищам. Очень сильным был здесь преподавательский состав. В него входили директор Академии, член императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, преподаватель Высших женских курсов и Народного университета Шанявского Александр Николаевич Реформатский, отец воздухоплавания, доктор механики, профессор Московского университета, член Московского Общества воздухоплавания Николай Егорович Жуковский и многие другие.

В 26-м доме купчихи А.П. Ныrkовой располагались магазин готового платья Б.Я. Орендлихер и химических товаров А.Б. Дусман.

Выходивший собственно на Сретенку угловой дом (№ 28) был одинаково примечателен именем своих владельцев — Кантакузиных, как и тем, что в нем размещалось «Всероссийское центральное адресное депо», которое вел П.И. Гельтищев. Дом буквально роился от нанимателей. Здесь и еще один трактир — М.Д. Колядовой, и часовой магазин Д.Г. Ширмана, и зубная лечебница Р.А. Кричевского, и контора присяжного поверенного В.Н. Ноткина, и даже одна из ценимых в Москве типографий — П.Т. Сапрыкина.

Сама же по себе фамилия Кантакузиных, единственными представителями которой в предреволюционной Москве были владельцы дома на Сретенке, вела свой род от византийского императора Иоанна VI. В конце XVI столетия Кантакузины переехали в Молдавию и Валахию, где были господами. После Прутского похода Петра I в 1711 г. многие из них поступили на русскую службу, на которой сумели отличиться. Князь Родион Матвеевич участвовал вместе с войсками Румянцева-Задунайского в сражении при Кагуле. Князь Николай командовал бугскими казаками при штурме Измаила. Князь Григорий Львович в канун Октября был русским посланником в Вашингтоне.

Кстати, жила чета Кантакузиных не в сретенском доме, а на Кудринской площади (№ 1). Трудно не вспомнить и о тесной связи А.С. Пушкина со многими Кантакузиными во время пребывания поэта в южной ссылке. Ходили слухи, трудно сказать, в какой мере оправданные, что какие-то связанные с Пушкиным материалы находились в руках Василия Григорьевича и Елены Яковлевны — именно сретенских домовладельцев.

Важна ли сама по себе каждая такая подробность? Обыкновенные имена, повседневные занятия, ничем не отметившие себя в истории судьбы, они — как морщинки на старом лице, которыми можно пренебрегать или дорожить, не любить или любить бесконечно. Все зависит от глубины и направленности наших собственных чувств. Или иначе — умения любить, чувствовать себя сопричастным великому и единому потоку жизни.

ПО НИКИТСКОМУ БУЛЬВАРУ

Для нас этот московский бульвар связан прежде всего с именем Н.В. Гоголя — последняя квартира писателя в Москве, единственный его мемориал в Российской Федерации. Но Никитский бульвар можно назвать и литературными мостками столицы: столько имен литераторов и деятелей культуры с ним связано. Вместе с тем это один из тех районов старой Москвы, на которых особенно ярко прослеживается ход исторического формирования города от Средневековья до наших дней.

Вылеты двух важнейших для Москвы дорог — на Смоленск и Новгород Великий — между ними первоначально замыкался участок будущего бульвара. В XII—XIII вв. путь на Волоколамск — Новгород шел в направлении улиц Знаменки — Поварской. В XIV в. через Воздвиженку — Арбат прокладывается дорога на Смоленск, тогда как путь на Новгород через Большую Никитскую. В начале этой последней — Волоцкой дороги в XV в. ставится часовня Федора Студита, у которой при Иване III, во время строительства кремлевских соборов, закладывается женский Смоленский монастырь. В XVI в. Большой Посад Москвы, иначе — Загородье, обносится по линии будущего кольца «А» земляными стенами с бревенчатыми воротами на вылетах дорог. В 1586—1593 гг. по кромке вала возводятся каменные стены Белого города. Этот третий, после Кремля и Китай-города, оборонительный рубеж Москвы при общей протяженности около 10 километров имел 27 башен, из них 10 проездных, названия которых продолжают сохраняться в московском обиходе под именем ворот.

У Никитских (иначе — Смоленских) ворот происходит встреча царя Михаила Федоровича с возвращающимся из польского плена патриархом Филаретом. В честь этого события в 1626 г. дается царская жалованная грамота на превращение Смоленского монастыря в мужской с больницей на 20 человек, а на месте часовни закладывается Смоленская церковь с приделом Федора Студита — старейший из дошедших до наших дней памятников бульвара. Монастырь, получивший народное название Федоровского больничного, был объявлен домовым патриаршим и стал любимым местопребыванием Филарета. В 1709 г. указом Петра I он был закрыт, церковь превращена в приходскую. На протяжении XVIII в. к приходу Федора Студита принадлежали дворы Волконских, Кирилы Разумовского, Толстых, Суворовых. А.В. Суворов пел здесь на клиросе, при церкви был похоронен и прах его матери.

Со стороны Арбата Никитский бульвар замыкает другой памятник XVII в. В 1676 г. на средства царя Федора Алексеевича «на Дехтереве огороде за Арбатскими воротами» строится церковь Введения с приделом Симеона Столпника (угол Нового Арбата и ул. Поварской). В приходе ее находились загородные боярские дворы Нарышкиных, Молчановых, Салтыковых, Хитрово, Несвицких, а также многочисленных мастеровых Оружейной палаты. Впоследствии в этой церкви венчался С.Т. Аксаков, ее постоянно посещал в течение 1848—1852 гг. Гоголь. На отпевании «у Симеона Столпника» настаивали, хотя и безуспешно, друзья Гоголя из аксаковского окружения.

За два века своего существования стены Белого города приходят в ветхость. В 1765 г. Синод отменяет традиционные крестные ходы на них, а от императрицы следует разрешение ис-

В. Маковский.
На бульваре

пользовать их как материал для строительства казенных зданий и первым – Воспитательного дома у Яузских ворот. В 1775 г. утверждается проект сноса стен и разбивки бульварного кольца. Москва повторяла градостроительный прием европейских средневековых городов, где крепостные укрепления (немецкое – «bolkvern») уступали место зеленым насаждениям (французское – «boulevard»). В 1783–1785 гг. производится разбивка первой части будущего бульварного кольца – от Никитских до Петровских ворот. Участок от Никитских до Арбатских ворот оказывается одним из последних. В 1796 г. здесь высаживаются два ряда деревьев, и указом Павла I в начале и конце бульвара строятся две гостиницы. По внешнему проезду бульвара был сохранен протекавший в открытых берегах ручей Чарторый.

В архитектурном отношении образовавшийся бульвар представлял крайне непривлекательный вид: все дворы выходили на него задними сторонами, иначе – хозяйственными постройками. Существование стены Белого города определило, что дворы Белого города ориентировались на Калашный переулок, Земляного – на Мострюкову улицу (неискаженное название Мерзляковского переулка), откуда и были сделаны въезды. При этом застройка в Земляном городе отличалась разнохарактерностью, тогда как в Белом еще со времен Петра регулировалась специальными предписаниями, поощрявшими строительство каменных, по меньшей мере полуторазэтажных зданий.

Характерным для Земляного города загородным боярским двором был двор Салтыковых (№№ 7 и 7-а), где находится мемориал Гоголя. Основной каменный двухэтажный дом располагался торцом к Мострюковой улице, остальные строения (деревянные одноэтажные жилые, многочисленные хозяйственные, вплоть до коровника и конюшен) – по границам участка. Около въезда со стороны Мострюковой улицы находился колодец.

Для дворов Белого города не менее характерна история участка Голицыных (№№ 6, 8-а, 8, 10). На рубеже XVIII–XIX вв. им владеет С.Ф. Голицын, известный актер-любитель, женатый на одной из племянниц Г.А. Потемкина-Таврического, В.В. Энгельгардт. Воспетая Г.Р. Державиным под именем Пленеры, В.В. Голицына пробует свои силы в литературных переводах с французского. Она поддерживает К.Ф. Рылеева и И.А. Крылова, состоявшего домашним учителем ее десятирех сыновей. После пожара 1812 г. голицынские постройки остаются невосстановленными, а со смертью владелицы наследники начинают распродавать участок.

Первой была продана средняя часть участка с двухэтажным домом, украшенным восьмиколонным портиком со стороны бульвара (№ 8 и 8-а), где собственно и жила голицынская семья вместе с Крыловым. Купчая оформляется в Пензенской Гражданской палате на имя коллежского асессора И.П. Фролова в 1816 г., но уже спустя три года дом перекупает Н.П. Головкина, внучка В.Ф. Салтыкова, дочь любимца Павла I П.И. Измайлова. Н.П. Головкина занимается литературой сама и входит в семью, причастную к одному из интересных памятников мемуарной литературы XVIII в. Отец ее мужа, состоявший на голландской службе, был автором известных «Записок». В конце 1820-х гг. во флигеле дома (№ 8-а) жил друг Пушкина полковник С.Д. Киселев, и существуют предположения, что именно здесь поэт впервые читал свою поэму «Полтава».

Отстроив дом и надворные постройки, Головкина расстаётся с владением, которое переходит в 1836 г. в семью морских офицеров Моллеров. Здесь бывал и известный портретист Н.В. Гоголя, живописец Ф.А. Моллер. В 1858 г. владелицей дома становится правнучка Алексея и Кириллы Разумовских М.П. Галаган, бывшая замужем за П.Е. Комаровским. В 1876 г. ей наследует дочь Екатерина, жена графа К.Н. Ламздорфа, внука воспитателя Николая I. Их семья в 1894 г. получает право называться Ламздорф-Галаган.

Однако именно 1870-е гг. оказываются тем временным рубежом, на котором происходит очередная перемена владельцев домов на бульваре. Дворянские фамилии одна за другой уступают место купеческим, те, в свою очередь, перестраивают усадьбы, превращая их в доходные дома. Е. П. Ламздорф почти сразу продает все владение купцу 2 гильдии А. Н. Прибылову, жившему «собственным домом в Рогожской слободе». В 1877 г. тот расширяет и надстраивает дом № 8-а, в 1889 г. дом № 8, квартиры в которых получают все новейшие удобства вплоть до зимних садов на каждом этаже. В 1930-х гг. дом № 8 былстроен еще на два этажа. В 1941 г. его частично разрушила бомба, и вместе с восстановлением он приобрел еще один этаж.

По сравнению с главным голицынским домом дом № 6 значительно раньше переходит в купеческие руки. Начиная с 1846 г. его владельцами становятся московский купец Ф.В. Фрейман, с 1875 г. — «московский 2 гильдии купец рижский гражданин А.К.Ф. Шмит», с 1898 г. — дочери последнего, жена статского советника З.А. фон Брискори и жена генерал-майора Е.А. Фабрициус. Но и здесь основные перестройки приходятся на семидесятые годы, когда дом надстраивается, а его подвальные помещения оборудуются под Архив Контрольной палаты,

Дом Луниных
на Никитском бульваре
(1818–1827 гг.)

находившийся здесь с 1878 по 1898 гг. В конце девяностых годов весь первый этаж отдается под магазины, а подвалы под жилье.

Последняя часть голицынского владения нашла покупателя только в 1832 г. До этого времени выгоревший дом оставался неотстроенным. С расходами по строительству с трудом справляются и новые владельцы – семья участника турецкой кампании генерал-майора Нагеля. В документах 1836 г. отмечается, что во всем владении «к житью приспособлены» 18 1/2 покоев, из числа которых 15 1/2 еще не готовы. От Нагелей домовладение на короткий срок переходит к представителю одной из старейших московских семей А. П. Щепотьеву, которым в XVIII в. принадлежал целый участок по Большой Никитской – от Хлыновского тупика до Леонтьевского переулка. Но начиная с семидесятых годов он составляет собственность той категории купцов, а затем мещан, которые, не модернизируя домов, превращали их в скопище мелких дешевых, зато дававших большие доходы квартир. Для этой цели переоборудуются под жилье обширные подвалы, делаются многочисленные изолированные входы и въезд со стороны бульвара. В остальном дом и вся застройка участка сохраняли планировку и вид начала XIX в. вплоть до 2000 г.

Участок внутреннего проезда бульвара от голицынских земель до Никитских ворот на рубеже XIX в. принадлежал Лобановым-Ростовским (№ 14), Луниным (№ 12-а) и Хованским (12). Один из выдающихся памятников московской архитектуры, ансамбль лунинского дома (1818–1821, арх. Д. Жилярди) сразу

Гусар на коне. Изразец.
1-я половина XIX в.

по его окончании был продан Коммерческому банку. В дальнейшем банк докупил и участок Хованских, на котором в 1914 г. началось строительство многоэтажных жилых корпусов для банковских служащих, завершившееся уже в 1920-х гг. Участок Лобановых-Ростовских представлял такое же родовое гнездо, как и усадьба Салтыковых. Во второй половине XVIII в. им владеет Я. И. Лобанов-Ростовский, обер-камергер, член Государственного Совета, в течение 1806–1816 гг. генерал-губернатор Малороссии. С лобановским дворцом — двухэтажным, украшенным восьмиколонным портиком, связано и имя его сына, известного историка и собирателя, Александра Яковлевича. Составленная А.Я. Лобановым-Ростовским редчайшая коллекция старинных карт поступила в Главный штаб, его собрание портретов Петра I — в Государственную Публичную библиотеку. Особенную ценность представляли разысканные и опубликованные им в течение 1830-х — 1840-х гг. в Париже и Лондоне документы, связанные с Марией Стюарт.

От Лобановых-Ростовских дом переходит к другому историку — Бантыш-Каменскому, а в 1826 г. к семье Огаревых. В его стенах проходит юность самого Н.П. Огарева, собрания огаревского кружка, встречи с А.И. Герценом. После отправки Огарева в ссылку домом владела его сестра, а в 1860-х гг. почетный попечитель Смоленской гимназии А.А. Голицын, член увлекшейся католицизмом и идеями миссионерства семьи. Два его брата кончили свои дни католическими фанатиками в Париже, сестра — в Луизиане (США), куда уехала в качестве миссионера. С 1868 г. все домовладение переходит к некоему штаб-ротмист-

ру Миклашевскому, который приступает к его переделке в доходных целях. В связи с поддержанной Абрамцевским кружком модой на кустарные изделия, надстроенный дом оборудуется под Кустарный музей (с 1883 г.).

Подобно голицынским землям, участки внешнего проезда Никитского бульвара от салтыковского двора в сторону Никитских ворот подвергаются после пожара 1812 г. переделу и смене владельцев. Соседний с салтыковским двор Волынских переходит в 1817 г. к камергеру А.С. Власову, известному коллекционеру, чье собрание живописи, гравюр и редких книг, начиная с изданий XV в., оговаривалось в путеводителях Москвы как одна из достопримечательностей города. В 1846 г. часть этого участка приобретает полковник Н.Г. Головин, от него в 1859 г. купеческая семья Манухиных, а в 1884 г. владельцем становится «городской учитель Дашкевич», который многочисленными рассчитанными на маленькие квартиры пристройками превращает все владение в некое подобие старой барской усадьбы (дом № 11).

Остальные дома внешнего проезда отражают различные этапы жилищного строительства города. В течение 1910–1913 гг. сооружаются многоэтажные доходные дома — № 5 (арх. Л.В. Стеженский), № 13 (арх. К.К. Кейзер), предназначавшийся для «Общества распространения практических знаний между образованными женщинами»

ПАТРИАРШЬИ ПРУДЫ

Около ста лет назад историк П. Бартенев писал об этих местах, что живут здесь «по преимуществу люди, принадлежащие к достаточному и образованному сословию, где тишина и нет суетливой торговли». Еще веком раньше, сразу по окончании Отечественной войны 1812 г., именно сюда приехал замечательный наш баснописец Иван Иванович Дмитриев свой век «доживать на берегу Патриаршых прудов, беседовать с внутренней стражей отечественного Парнаса и гулять сам друг с домашним своим журавлем».

В тишине и покое Патриаршых прудов И. И. Дмитриев проведет 23 года, будет принимать у себя Карамзина, Вяземского, историка Погодина, Жуковского, Пушкина-дядю, Василия Львовича, и Пушкина-племянника, Александра Сергеевича, Гоголя и Баратынского. Впрочем, Баратынский станет его соседом, и вместе назовут они Патриаршьи пруды «Приют, сияньем муз согретый».

Со времен Бориса Годунова была эта земля отдана патриархам московским, называлась Козьей слободой и имела три пруда, наполнявшихся считавшейся удивительно вкусной и целебной грунтовой водой. Отсюда сохранившееся до наших дней название Трехпрудного переулка.

Но потребности застройки привели к тому, что два пруда были засыпаны. К 1831 г. местность вокруг оставшегося пруда была распланирована и засажена деревьями в расчете, что «место сие сделается приятным для окрестных жителей гулянием», как писал «Путеводитель по Москве» 1833 г. Сложилась здесь и своеобразная традиция — гуляний «семейственных», непременно родителей с детьми, в стороне от «московских торжищ». Именно для детей стал заливаться каток, который в конце XIX в. перешел в ведение Первого Русского гимнастического общества «Сокол». По субботам и воскресеньям для тех же маленьких москвичей с родителями приглашался каждый раз иной духовой полковой оркестр. Известно, что самым большим успехом пользовались духовики Самогитского полка, которых ждали с нетерпением из-за их «слаженности» и прекрасного репертуара. Стоит вспомнить, что на Патриаршьи пруды привозил своих дочерей кататься на коньках Л.Н. Толстой. Для взрослых существовал превосходно оборудованный каток в Зоопарке, описанный в «Анне Карениной». Летом и весной славилась Патриаршьи пруды соловьиным пением. В тишине их аллей разливались птицы, которых довелось слушать постоянно приходившему на прогулку Алексею Николаевичу Толстому.

Именно в этих местах, приобретших в прошлом веке название московского Латинского квартала, проводит свою единственную московскую зиму Александр Блок. Здесь первая московская квартира юного Маяковского (Спиридоньевский переулок, 12 — во дворе), его гимназия и квартира друга — сына знаменитого московского архитектора Ф.О. Шехтеля — Льва Жегина-Шехтеля. Вместе с художником-сверстником Василием Чекрыгиным они «колдуют на прудах» над первой самодельной книжкой стихов Маяковского «Пощечина общественному вкусу». И как бы кто ни относился к раннему творчеству поэта — оно ярчайшая страница московской культурной жизни.

А.Н. Толстой не случайно говорил о магнетизме «патриаршьего уголка», его удивительной притягательной силе. Достаточно назвать семейное гнездо знаменитых наших актеров Садовских. Их дом стоял в начале Мамоновского переулка, и жили в нем три поколения, трогательно тянувшихся к уголку, который великая старуха (по ее сценическому амплуа) Ольга Осиповна считала своим садом. Погожими днями, возвращаясь после спектакля, она объезжала пруды, «чтобы отдохнуть душой в тишине и покое». А ее сын, народный артист СССР, художественный руководитель Малого театра Пров Михайлович и внук Пров Провович до конца своих дней жили в Спиридоньевском переулке — «поближе к соловьям»...

С 1897 г. здесь можно было видеть Л.В. Собинова, а с 1902 г. реформатора русского классического балета А.А. Горского, назначенного балетмейстером императорских театров. Тогда же живет в Патриаршьем переулке Гликерия Николаевна Федотова. И есть еще одно не потерявшее с годами своего очарования имя — киногерой первых лент И.И. Мозжухин. Он постоянный гость у родных, которым принадлежал дом по Малой Бронной, 28 — Мозжухиным Прасковье Андреевне и Михаилу Андреевичу с Марией Васильевной.

Никогда не имевший собственной мастерской В.И. Суриков, осенью 1890 г. устраивает ее себе в Б. Палашевском переулке —

это время его работы над этюдами к «Взятию снежного городка», — как вскоре и В.Д. Поленов в конце Спиридоновки.

И не менее важно, что связаны наши Патриаршьи пруды с четырьмя большими московскими зодчими — Ф.О. Шехтелем, И.В. Жолтовским, Львом Рудневым и Леонидом Павловым. Шехтель строит здесь нынешнее Аргентинское посольство, один из интереснейших памятников московского модерна — Дом приемов МИДа на Спиридоновке и дом для своей семьи (Б. Садовая, 4), Жолтовский — бывший дом Тарасова (Спиридоновка, 30) и Дом Московского Архитектурного общества (Ермолаевский пер., 17), где, может быть, когда-нибудь появится мемориальная квартира Лидии Андреевны Руслановой, народной певицы и собирательницы русской живописи. У Льва Владимировича Руднева, автора проекта МГУ на Воробьевых горах, Военной академии им. Фрунзе, многих других московских зданий, его творческая мастерская находилась в им же самим выстроенном доме по Садовой-Кудринской (№ 28 — 30), с окнами на пруды. Леонид Николаевич Павлов, автор зданий Вычислительного центра на Мясницкой (№ 45), корпуса Госплана в Георгиевском переулке, жилых домов на Б. Калужской (№ 32 и 39), в 1960—1970-х гг. занимался живописью в мастерской Э.М. Белютина, расположенной здесь же. Москва не научилась уважать память своих зодчих, но неужели Патриаршьи пруды не дают повода для установления новой традиции?

Всех связанных с прудами имен просто перечислить нет возможности, и все-таки как не назвать великого ученого И.М. Сеченова с его женой М.А. Сеченовой-Боковой, первой русской женщиной-окулистом, живших в Патриаршьем переулке, оставивших воспоминания о здешних местах и ставших прообразами героев Н.Г. Чернышевского в его романе «Что делать?» — Кирсанова и Веры Павловны. Или содержателя цыганского хора Илью Соколова, постоянными гостями которого были композиторы А.Е. Варламов и А.Н. Верстовский. Это Варламов привез к Соколову Ференца Листа, увлекшегося с тех пор цыганскими мотивами.

Но один уголок прудов заслуживает совершенно особого внимания. Это маленький квартал от «Дома маршалов», где жил Рокоссовский, до Малой Бронной и по М. Бронной до Садовой (дом 31/13 по Ермолаевскому пер. и № 32 по Садовой-Кудринской), принадлежавший одному из самых древних и знатных грузинских родов — князьям Сидамон-Эристовым-Арагвским. Их предок, эристав (удельный князь) Торникий служил со славой в византийских войсках, основал на Афонской горе Иверскую-Афонскую обитель и принял в ней иночество. Стовшие здесь дома принадлежали князю Дмитрию Алексеевичу и его сыновьям. Сам Дмитрий Алексеевич окончил курс в Царскосельском лицее, занимался историей, стал одним из участников «Военно-энциклопедического лексикона», а в 1842 г. издал «Словарь исторический о святых, прославленных в Российской церкви, и о некоторых подвижниках благочестия, местно чтимых», за что был удостоен Демидовской премии. Но если доходный дом еще стоит, княжеская усадьба снесена в апреле 2002 г.

УЛИЦА БОЯРЫНИ МОРОЗОВОЙ

Кто не знает знаменитой суриковской «Боярыни Морозовой»? А знакома ли кому-нибудь улица, которой картина обязана своим рождением? Не потому только, что в годы работы над холстом художник жил именно на ней. Куда важнее то множество подробностей, которые были подсказаны Сурикову ею, — от тающего в морозной дымке пейзажа до примостившейся среди дворов церковки и полозьев саней на свежавыпавшем снегу.

Долгоруковская — Каляевская — рассказа о ней не найти ни в одном самом подробном путеводителе. Просто одна из напряженных транспортных артерий Москвы, ничем не сумевшая привлечь историков архитектуры и не ставшая предметом изучения историков культуры. Рядовая застройка, как теперь принято говорить, которую, кажется, нет нужды хранить.

Кажется, а в действительности...

Все начиналось с дороги. С дороги, что вела от московского Кремля к городу Дмитрову. Рождение города было далеко не обычным, а дальнейшая история его — очень важной для будущей русской столицы. В 1154 г., через семь лет после первого летописного упоминания о Москве, Юрий Долгорукий собирал дань — «полюдье» в долине реки Яхромы. И здесь у сопровождавшей мужа княгини родился сын Всеволод, получивший со временем прозвище Большое гнездо и названный в крещении Дмитрием. В честь княжича и был назван заложенный на памятном месте город, который тесно связан с Москвой и вошел в топонимику столицы: Большая Дмитровка, Малая Дмитровка, Долгоруковская и Новослободская, еще сто лет назад составлявшие единую Новослободскую улицу. Название последней пошло от Новой Дмитровской слободы, объединившейся в середине XVII столетия с соседней Суцевской. Многолюдьем обе слободы не отличались — приходилось на них в 1653 г. всего 149 дворов. Жители занимались торговлей и ладили телеги, как в Дмитрове выпасали коней для царских конюшен. От того времени сохранилась построенная в XVII в. церковь Николы, «что под вязками», достроенная в 1904 г. трапезной и колокольней (Долгоруковская ул., 23).

В 1877 г. растянувшаяся на две версты Новослободская улица была переименована в честь московского губернатора В.А. Долгорукова. Причиной тому стали не столько его хлопоты о благоустройстве города, сколько участие в организации обществ Красного Креста во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг.

Однако спустя десять с небольшим лет, при регулировании планов Москвы, название Долгоруковской было сохранено только за отрезком от Садового кольца до Селезневки. Остальной части улицы возвращено имя Новослободской. В 1919 г. Долгоруковская получила название Каляевской — в честь И. П. Каляева, убившего бомбой великого князя Сергея Александровича в феврале 1905 г.

Улица горела в пожаре 1812 г., а в 1858 г. Александр Дюма-отец, направляясь в сад «Эльдорадо», где Москва устраивала в его честь пышнейшее торжество — «Ночь графа Монте-Кристо», отметил понравившуюся ему уютную улицу из небольших домов, за которыми скрывались скромные зеленые дворики.

Не потому ли начнут отдавать ей предпочтение перед другими, более богатыми районами художники и работавшая интеллигенция?

По-своему Долгоруковская отличалась немалыми удобствами. В восьмидесятых годах XIX века по ней прошла конка, а в 1899 г. вместе с окончанием строительства Савеловского вокзала проложена первая в Москве трамвайная линия, соединившая нынешнюю Пушкинскую площадь с Бутырской заставой. Кстати, впервые москвичи увидели электричество именно в этих местах. Газетное объявление по поводу программы «Ночь графа Монте-Кристо» сообщало: «На пруду при освещении электричества будет исполнена серенада на гондолах тирольскими певцами и инструментальной музыкой».

Суриков выберет квартиру на Долгоруковской (№ 18) в 1884 г., сразу по окончании «Меншикова в Березове». Три года жизни – время работы над новым полотном. На этот раз это была «Боярыня Морозова». Художник не искал ни особых удобств, ни тем более высоких заработков. Сама работа была единственным счастьем и смыслом жизни.

«...Его скромная мастерская на Долгоруковской улице была недостаточно светла и недостаточно просторна для работы над большими полотнами, – вспоминал театральный художник А.Я. Головин. – Василий Иванович занимал две небольшие квартиры, расположенные рядом, и когда писал свою «Боярыню Морозову», он поставил огромное полотно на площадке и передвигал его то в одну дверь, то в другую, по мере хода работы».

Многие из натуральных этюдов писались прямо на улице – уж очень красивой и тихой казалась здесь зима без ветра, в лиловой дымке ранних вечеров.

«Мы на Долгоруковской жили, – рассказывал Суриков. – Там в переулке всегда были глубокие сугробы, и ухабы, и розвальней много. Я все за розвальнями ходил, смотрел, как они след оставляют... Как снег глубокий выпадает, попросишь на дворе на розвальнях проехать, чтобы снег развалило, а потом начнешь колею писать... И переулки все искал, смотрел; и кры-

Городской родильный дом на Мiusской площади. 1903–1906 гг.

В. Суриков. Этуд
к картине «Боярыня
Морозова»

ши, где высокие. А церковь-то в глубине картины — это Николы, что на Долгоруковской».

Картина была показана на XV Передвижной выставке в 1887 г. И, как всегда после окончания большой работы, художник сменил квартиру, чтобы через несколько лет вернуться в полюбившиеся места. Теперь ему надо было справиться со своим горем — смертью жены, попытаться в привычной обстановке обрести душевное равновесие. Весной 1891 г. Суриков въезжает в дом № 17, в конце того же года переезжает через улицу — в дом № 18. Это начало его работы над «Покорением Сибири Ермаком» и завершение великолепных портретов сибирских красавиц — Т.К. Доможиловой и Е.А. Рачковской.

Знал ли Константин Коровин, что становился соседом Сурикова? Во всяком случае, в том же 1884 г. он, закончив Московское училище живописи, ваяния и зодчества, перебирается из полуподвала на Селезневке на Долгоруковскую. Это была старая мечта, которую наконец-то удалось осуществить. Здесь же у него будет жить и приехавший в Москву из Киева М.А. Врубель.

«Дядя Антон, по моей просьбе, был у Миши и вчера сообщил, что Миша здоров, невредим и весел, — пишет в декабре 1889 г. отец Врубеля. — Сошелся с прежними своими товарищами художниками: Серовым и Коровиным, и на днях сообща открывают мастерскую (Сущевская часть, по Долгоруковской улице...)».

Сведения эти не были вполне точными. Мастерская принадлежала К. Коровину. Врубель вообще никакими средствами не располагал.

По ночам в мастерской примерзало к спине одеяло — даже чугунную, пристроенную посередине комнаты печурку не всегда было чем топить. Еды часто хватало только, чтобы подкармливать мышь, каждый вечер появлявшуюся у коровинского мольберта. Ванной служил большой красный таз, ставившийся поближе к печке, душем — губка, которую упорно каждый день выжимал себе на затылок Врубель. Он же берется для экономии готовить — печь на той же печурке яйца, но они лопаются — повод для безудержного веселья Коровина. И только дворник выступает время от времени спасителем, устраивая грошовые заказы на именинные поздравительные ленты, для которых Врубель придумывает фантастические по красоте орнаменты и шрифты.

«Демоническая эпоха» в жизни Врубеля и К. Коровина, как скажет один из их знакомых, потому что оба они увлечены образом Демона. Именно здесь Врубель напишет первый вариант своей знаменитой картины, которую удастся выставить только спустя 12 лет. На некоторое время художник оставит Долгоруковскую, чтобы снова вернуться в коровинскую мастерскую.

«В это лето мы, я и Михаил Александрович, как-то со всеми поссорились, — станет вспоминать Коровин. — Нужда схватила нас в свои когти, и мы целые дни сидели в мастерской. Иногда ходили в Петровско-Разумовское, где много говорили, а потому не скучали и были довольны смехом, который не покидал нас, дружбой и исключительно новизной. Но жилось тяжело...».

Рядом с другом Врубель переживет и очень тяжелый для него провал своих панно, созданных для павильона отдела живописи Всероссийской выставки 1896 г. в Нижнем Новгороде, — «Принцесса Греза» и «Микула Селянинович». На взрыв возмущения врубелевской живописью Коровин ответит записью:

«Критика наша за малым исключением занимается колебанием треножника артиста, совершенно выражая собой страшную психологию унтера Пришибеева... Авторы этих памфлетов сердятся на создание художника, боясь, что художник лучше других видит всю мелкую душонку их бытия».

Горькие воспоминания не мешают К. Коровину после триумфального участия во Всемирной парижской выставке 1900 г. снять квартиру именно на Долгоруковской. Мастерской художник связан не был, потому что за всю свою жизнь в Москве ее не имел, удовлетворяясь для работы обыкновенной жилой комнатой. В только построенном доме № 17 купчихи Ковригиной он напишет один из лучших своих портретов — Н.Д. Чичагова, блистательный по свободной маэстрии и предельно точный по душевной характеристике одаренного и жизнелюбивого музыканта, картины «Весной», «Деревня», находящийся в Третьяковской галерее «Ручей». Это время возобновления Коровиным в Большом театре «Руслана и Людмилы» и «Манфреда».

В первые годы существования Русской частной оперы Долгоруковская становится своего рода общей квартирой для большинства артистов труппы. На квартире у Т.В. Любатович (№ 36) идут репетиции, разбираются партитуры, проходятся отдельные партии. Здесь же во дворе поселится перешедший в Частную оперу Ф.И. Шаляпин — так было легче войти в необычную ат-

Бутырская тюрьма

мосферу этого театра. Шаляпин останется здесь и после перехода в Большой театр. Тем же адресом помечена им высланная в ноябре 1989 г. телеграмма В.В. Стасову: «Вчера цел первый раз необычайное творение Пушкина и Римского-Корсакова «Моцарт и Сальери» с большим успехом очень счастлив...».

Годы, проведенные на Долгоруковской, для В.В. Маяковского — один из напряженнейших периодов его жизни. После первого ареста сестра перевозит всю семью на лето в Петровско-Разумовское, но конфликт с хозяевами, недовольными неблагонадежными жильцами, заставляет раньше времени вернуться в город. Долгоруковская, дом Бутюгиной, квартира 38 (в нынешней нумерации домовладение № 33). Маяковский усиленно занимается революционной деятельностью. Второй раз его арестовывают 18 января 1909 г. и через месяц без предъявления обвинения выпускают. Но тут же вся семья втягивается в подготовку побега группы политкаторжанок из женской Новинской тюрьмы. У Маяковских дома шьются платья для беглянок, смолится канат. В момент побега Володя подает условные сигналы с соседней колокольни. Его матери один из организаторов побега передает главную улику — ключ, который Маяковские бросят в пруд Петровско-Разумовского.

Женщинам удалось скрыться, но все участники их освобождения были арестованы, в том числе Маяковский, находившийся в то время у И.И. Морчадзе. На вопрос пристава о его имени и причине появления у хозяина он ответит каламбуром, вызвавшим взрыв хохота товарищей: «Я, Владимир Маяковский, пришел сюда по рисовальной части, отчего я, пристав Мещанской части, нахожу, что Владимир Маяковский виноват отчасти, а посему надо разорвать его на части».

В январе 1910 г. его освободят из бутырской «одиночки» под гласный надзор полиции. Сохранился рассказ Н. Асеева о том, как Маяковский сразу после освобождения побежал осматривать Москву.

«Денег на трамвай не было. Теплого пальто не было, было одно только огромное, непревзойденное и неукротимое желание снова увидеть и услышать город, жизнь, многолюдство,

Архитектор Р. Клейн.
Кинотеатр «Колизей»
на Чистопрудном
бульваре. В настоящее
время в этом здании
размещается театр
«Современник»

Кинотеатр «Колизей».
Интерьер

шум, звонки конки, свет фонарей. И вот в куцей куртке и налипших снегом безгалошных ботинках шестнадцатилетний Владимир Владимирович Маяковский совершает свою первую посетую прогулку по Москве, по кольцу Садовых».

Имена, события... Но – и архитектура, может быть, все дело в том, что мы еще не научились разбираться в зодчестве второй половины XIX – начала XX вв., и некоторым архитекторам просто незнакомы имена их товарищей по профессии. Они не ценились в курсах истории архитектуры, им не привыкли придавать значения и в натуре. А между тем на Долгоруковской это – Р.И. Клейн (дом № 27), автор здания Музея изобразительных искусств, старого ЦУМа, «Колизея» (театр «Современник»), Бородинского моста; Ф.Н. Кольбе (№ 36), особняк Глебовых-Стрешневых-Шаховских – на Большой Никитской (19); В.В. Воейков, автор многочисленных доходных домов в центре города.

Кстати, построенный В.В. Воейковым дом № 29 — один из первых в Москве образцов кооперативного строительства, он принадлежал Долгоруковскому товариществу для строительства квартир. Своя особая страничка есть на Долгоруковской и у Б.В. Фрейденберга, выученика Московского училища живописи, ваяния и зодчества. Это им вместе с архитектором Шестаковым сооружены дома №№ 18 и 20 по Петровке, составившие единственный в городе ансамбль переулка Петровские линии, дом № 10 по улице Знаменке, занятый Институтом государства и права АН СССР. И если на привычно воспринимаемых как заповедных улицах работы этих зодчих сохраняются и восстанавливаются, не пора ли отнестись к ним так же и на Долгоруковской улице.

Выбор, который мы делаем сегодня, предельно ответствен: расстаться ли с вехами истории на наших улицах под предлогом, что их мало и их надо проявлять, или наоборот — самым бережным образом сохранить и проявить их, чтобы в новом облике города прочитывались страницы его богатейшего культурного наследия.

ОБИТЕЛЬ МУЗ

За долгие годы истории эта улица меняла название не раз. Одно из самых ранних — Живодерный переулок. В пушкинские времена — попросту Живодерка. В 1891 г. она получила имя Владимиро-Долгоруковской, в честь московского генерал-губернатора, и это само по себе было событием для древней столицы. Москва дорожила стариной своих названий, но Владимир Алексеевич Долгоруков много сделал для города за четверть века.

К примеру, во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. организовал в Москве и Московской губернии около двадцати комитетов Общества Красного Креста, собрал в его пользу около полутора миллионов рублей пожертвований и два с лишним миллиона на приобретение судов. Армия была обязана В.А. Долгорукову устройством госпиталей, санитарных поездов. Переименование улицы достойно почтило память скончавшегося генерал-губернатора.

Впрочем, память оказалась недолгой. Вскоре после 1917 г. улице было присвоено имя одного из лидеров австрийских социал-демократов Фридриха Адлера. Приговоренный к смертной казни за убийство в октябре 1916 г. министра-президента Австро-Венгрии графа Штюка, Адлер был спасен благодаря вмешательству рабочих многих стран и в первую очередь России, для которых его поступок явился актом протеста против империалистической войны. Однако, выйдя из тюрьмы, Адлер не принял ни коммунистического движения, ни революции в России. Непримируемость его привела к тому, что Живодерку пришлось в очередной раз переименовать, на этот раз в честь Л.Б. Кра-

сина, одного из хозяйственных и дипломатических деятелей нового режима.

Но все же Живодерка – это прежде всего многие страницы пушкинской биографии. На углу Большой Садовой и дальше, почти до самой Триумфальной площади, тянулись владения отчима Веры Федоровны Вяземской – П.А. Кологривова, в дальнейшем раздробившиеся на несколько домовладений (№№ 1–9). Привезенный из ссылки в Михайловском Пушкин поспешил сюда повидать П.А. Вяземского, жившего у своего тестя. О том, как и где произошла встреча друзей, существует две версии. Согласно первой П.А. Вяземский на время коронационных торжеств Николая I оставил Москву и вернулся лишь к самому их концу. По второй он был в бане, где Пушкин его и разыскал.

Усадьба Кологривова даже для Москвы отличалась огромными размерами. Не менее просторным был и большой старый барский дом. Сын П.А. Вяземского вспоминал, какой переполох наделало в нем появление опального поэта: «Пушкин, Пушкин приехал», – раздалось по нашим детским, и все дети, учителя, гувернантки все бросились в верхний этаж взглянуть на героя дня».

Снова вспомнил Пушкин о Живодерке в 1830 г. Тяжело переживавший оскорбительные перипетии своего сватовства к Н.Н. Гончаровой, горько задумывавшийся над перспективой своего возможного семейного счастья, поэт стал часто навещать «к цыганам». Домовладения №№ 13–17 по Живодерке служили местом их жительства. Особенно славилась своим голосом Татьяна Дмитриевна Демьянова, иначе – Таня, Танюша. Первый раз Пушкин оказался в ее доме вместе с П.В. Нащокиным, Александром Голохвастовым и Протасьевым: Таня была дружна с гражданской женой Нащокина, тоже цыганкой певицей Ольгой Солдатовой. «И стал он, – вспоминала впоследствии Т.Д. Демьянова, – с тех пор часто к нам ездить, один даже частенько ездил, как ему вздумается, вечером, а так и утром приедет». Скорее всего первая встреча с Таней относилась к 1828 г.

1831 г. Пушкин, по его собственным словам, встречал с «цыганами и Танюшей». Горькие слезы поэта вызвала подблюдная песня, которую спела ему Демьянова по его же собственной просьбе накануне женитьбы, – «Ах, матушка, что во поле пыльно». Певица и сама не могла понять, почему выбрала для будущего молодожена именно эту, считавшуюся несчастливой песню. Добрые отношения с Таней продолжались у Пушкина и после женитьбы.

Со времени своего поселения в Москве в конце XVIII в. цыганские хоры отдавали предпочтение району Живодерки, Тишинской площади и прилегающих к ней Грузин. Местами их выступлений служили московские трактиры, но особенной популярностью пользовался Глазовский трактир на Живодерке (№ 27), принадлежавший стряпчему В.М. Глазову. Пушкин побывал в нем в 1832 г.

В начале XX века Владимир-Долгоруковскую выбрал для жизни начинавший свою блистательную театральную карьеру Пров Михайлович Садовский (№ 1). Именно в это время он дебютировал в одной из лучших своих ролей – Чацкого в «Горе от ума». И квартиру актер выбирает не случайно – ему знако-

ма слава одного из знаменитых московских культурных гнезд. В 1860-х гг. и позже дом принадлежал сестре драматурга А.В. Сухо-во-Кобылина графине Е.В. Салиас, известной под литературным псевдонимом Евгения Тур. Е.В. Салиас издавала журнал «Русская речь», в котором, в частности, сотрудничал Н.С. Лесков. Ему издательница предоставила квартиру в дворовом флигельке.

К сожалению, совсем недавно улица лишилась именно этой знаменитой усадьбы, уступив очередному многоэтажному монолиту.

Владими́ро-Долгоруковская связана и еще с одним литературным именем — В.В. Маяковского, который жил в 1912 г. в доме № 12. Это место его рождения как поэта. Учащийся Московского училища живописи, ваяния и зодчества, он впервые решился прочесть свои стихи товарищу по занятиям: «Днем у меня вышло стихотворение. Ночь. Сретенский бульвар. Читаю строки Бурлюку». Стесняясь написанного, Маяковский попытался выдать собственное сочинение за чужое. Бурлюк не поверил: «Во-первых, вы врете — это вы сами написали. А во-вторых, вы гениальный поэт». Об этом эпизоде, во многом предопределившем его будущее, Маяковский писал в автобиографии: «Применение ко мне такого грандиозного и незаслуженного эпитета обрадовало меня. Я весь ушел в стихи. В этот вечер я совершенно неожиданно стал поэтом». С Владимиро-Долгоруковской на квартиру на Большой Пресне (№ 36) Маяковский переехал в 1914 г., уже приобретя литературное имя.

И была еще одна причина, побудившая Маяковского брать для жизни Живодерку, — напротив, через Большую Садовую (№ 4) находился дом самого модного в Москве архитектора Ф. О. Шехтеля, а в нем — ближайшие друзья рождающегося поэта: сын Шехтеля Лев Федорович Жегин-Шехтель и его сестра Вера Федоровна. Это они помогли Маяковскому выпустить первый сборник его стихов. На даче Шехтелев в Кунцеве они втроем занимались живописью. До недавних пор во дворе шехтелевского особняка стоял неохватный тополь, которому читал первые свои строки поэт.

ЗНАКОМЫЕ НЕЗНАКОМКИ

Не правда ли, неожиданный заголовок для главы о славных москвичках? Но так ведь оно и есть! Знакомые — потому что дело каждой из них жило в Москве долгие десятилетия, дойдя так или иначе до наших дней. Незнакомые — потому что в течение почти восьмидесяти лет их имена не назывались и, по возможности, старательно вычеркивались из истории.

Милосердие, благотворительность — все это были «пережитки царского прошлого», «вредные» и «ненужные» народу. Между тем, и то и другое было неотделимо от национального характера, от самой отечественной истории. Именно милосердие,

Вид вдоль Яузы
в сторону
Воспитательного дома.
Гравюра. Начало XIX в.

благотворительность во все века помогали поддерживать в обществе внутреннее равновесие, позволявшее выживать слабейшим и обездоленным, и не терять человеческого облика сильнейшим, власть имущим. Как сказала одна из наших героинь, Александра Николаевна Стрекалова: «Богу угодно, чтобы богатый делал добро бедному, чтобы любовь была связью, их соединяющею. Благотворя ближним, мы, сами не замечая, делаем гораздо более для себя, чем для других».

Княгиня Татьяна Голицына

Ее знала и почитала вся Москва. Как не знать супругу самого популярного московского генерал-губернатора, светлейшего князя Дмитрия Владимировича Голицына! Но почет и уважение москвичей принесло ей не замужество, урожденная княжна Татьяна Васильевна Васильчикова сумела завоевать их собственной деятельностью. Потомки станут говорить о «моде на благотворительность», которая с легкой руки Голицыной увлекла дам высшего общества в пушкинские времена. Вряд ли здесь уместно слова «мода», я бы сказала — душевное влечение. И княгиня Голицына оказалась едва ли не первой, полностью ему отдавшейся.

Ее замужеству завидовали многие. Как писал один из современников, «князь Дмитрий Владимирович Голицын был настоящий вельможа времен Александра Первого, великосветский, просвещенный, либеральный, с некоторыми замашками русского сановника, но допускавший и даже одобрявший независи-

мость суждений подчиненных. Это был истинный градоначальник старинной барской Москвы». Блестящий суворовский офицер, он воевал со шведами, участвовал в сражении под Прейсиш-Эйлау, при Бородине и Красном. Женился, само собой разумеется, по любви и собирал в своем московском доме блестящую плеяду литераторов и историков — от Пушкина, Тютчева, Даля, Лажечникова, Загоскина до профессоров Московского университета Михаила Погодина и Степана Шевырева. Была у него одна слабость — театр, это Голицыну была подчинена впервые образованная в 1823 г. московская казенная сцена, Большой и Малый театры.

Его благотворительность иначе, как широчайшей, не назовешь. Голицын открывает училища, приюты, богадельни, ему обязана Москва 1-й Градской больницей... Кажется, княгине и проявить себя не в чем. Но нет, Татьяна Васильевна загорается идеей женского образования. Это действительно была проблема — системы общеобразовательных школ еще не существовало, Смольный институт был рассчитан на очень небольшое число воспитанниц. В 1825 г. в Москве появляется Дом трудолюбия, занявший великолепный дворец горнозаводчика Н.Н. Демидова. (Под именем Елизаветинского института, — в память супруги Александра I, Елизаветы Алексеевны, — он просуществует до 1917 г.) В нем бесплатно и на полном пансионе получают образование дочери младших офицеров и чи-

Дом градоначальника
на Тверском бульваре

новников не выше титулярного советника. И какое! Здесь преподают математику и физику, космографию, естественные науки, географию, историю, иностранные языки, музыку, пение, учат танцам, занимаются гимнастикой...

Спустя 12 лет, в год гибели Пушкина, Татьяна Васильевна основывает Благотворительное общество 1837 г., которое занимается устройством школ рукоделия для девочек по всей Москве. Княгиня считала, что каждая девочка должна не только обеспечивать своим трудом собственную семью, но и иметь гарантированный приработок. Та же мысль побуждает Голицыну организовать в своем родовом поместье Большие Вяземы кустарный промысел плетения корзин из раkitника — на это занятие она обратила внимание во время своего путешествия по Швейцарии. На ее средства швейцарские мастера были приглашены в Большие Вяземы, где и по сей день лозоплетение живет как народный промысел.

«Быть полезной другим — единственное оправдание нашего земного существования», — как-то заметила Татьяна Голицына в одном из писем.

Александра Стрекалова

Превратности судьбы — их как никто другой испытала на себе Александра Николаевна Стрекалова, урожденная княгиня Касаткина-Ростовская. Превосходное образование, редкая красота, наконец, богатство и брак по любви с сыном казанского генерал-губернатора сулили легкую и счастливую жизнь. Многие годы молодые супруги провели в Италии, Швейцарии и Париже — среди самых выдающихся писателей и художников. Близкая подруга Александры Николаевны, А.П. Нарышкина, была замужем за А. Дюма-сыном.

Казалось бы, круг увлечений определился. Но, вернувшись в Россию, Стрекалова начинает деятельно участвовать и в Благотворительном обществе 1837 г. Т.В. Голицыной, и в учрежденном С.С. Щербатовой в 1844 г. Дамском попечительстве о бедных, и в Дамском комитете Попечительного общества о тюрьмах. Одно за другим обрушиваются на нее несчастья, которые довелось пережить и многим из ее подопечных, — она теряет мужа, детей, единственного внука. Но ей и в голову не приходит отречься от мира, уйти в монастырь. Наоборот, она становится еще деятельнее — находит в себе силы жить, приходя на помощь другим.

Ее первая самостоятельная благотворительная организация — Общество распространения полезных книг, появившееся буквально накануне отмены крепостного права. При участии выдающегося юриста, специалиста по международному праву М.Н. Капустина, Стрекалова организует издательство с типографией и литографией для выпуска дешевых книг по народному и юридическому образованию, исторических рассказов, описаний путешествий. С ее помощью в Москве образуется Комиссия публичных и народных чтений с целой системой собственных библиотек, читален, аудиторий. Не потеряло своего значения собственное сочинение Александры Николаевны о детстве Пушкина. Стоит вспомнить и другой ее труд — «Благочестивые

Ерменев. Нищий с поводырем

Ерменев. Поющие слепцы

Столовая ночлежки
на Хитровом рынке

мысли и наставления и руководства христианина на пути к совершенству», где она пишет: «Богатство не есть необходимое условие для делания добра; твердые воля и сердце, жаждущие добра, суть неистощимые сокровища».

Основанное Стрекаловой в год отмены крепостного права Общество поощрения трудолюбия преследовало цель дать возможность женщинам зарабатывать на дому. Их изделия продавались через специальный магазин Общества. Почти сразу разворачивается целая сеть швейных мастерских со школами кройки и шитья, одна за другой открываются женские ремесленные школы, Яковлевский ремесленный приют в Болшеве, Дом воспитания сирот убитых воинов, Александровское убежище увечных воинов во Всехсвятском, Стрекаловская больница для хронически больных женщин (и при ней — дешевые квартиры для престарелых гувернанток), многочисленные дешевые народные столовые, содержащиеся на средства Александры Николаевны, Стрекаловская столовая на Хитровом рынке, наконец, Комиссия бесплатного снабжения топливом беднейших жителей Москвы и несколько храмов.

Именно Стрекаловой принадлежит идея дешевых столовых. В 1870 г. начало им было положено Школой кухарок с кухмистерской, где так называемыми пробными обедами начинают пользоваться студенты. Кажется, уже и не осталось такой области, где нужна помощь, которую обошла бы своими заботами Александра Николаевна. Но семидесяти двух лет она создает еще одно благотворительное общество — «Московский муравейник», которое имело целью предоставлять работу беднейшим женщинам. У «Московского муравейника» был свой Дом трудолюбия, очередная школа кройки и шитья, народная чайная и пекарня. Ему А.Н. Стрекалова посвятит весь остаток своей жизни; ее не станет в 1904 г.

Княгиня Софья Щербатова

Москвичи привыкли называть эту больницу Филатовской. А ведь это название для того и было ей дано, чтобы навсегда вычеркнуть из памяти имя ее основательницы! За неделю до смерти 87-летняя княгиня Софья Степановна Щербатова своей рукой написала завещание, согласно которому ее усадьба по Садово-Кудринской, № 15 передавалась детям. Спустя 12 лет, после специальной перестройки, здесь открылась Софийская больница (при ней действовал и детский приют Святой Софии на Воронцовской улице для неизлечимых больных). Наследники ее не только не оспаривали последней воли княгини — они поддерживали больницу значительными материальными взносами. Дети бедных родителей принимались в больницу бесплатно. Более состоятельным содержание и лечение ребенка обходилось в 4 рубля серебром (за месяц), причем и те, и другие находились в общих палатах.

По происхождению Софья Степановна принадлежала к самым древним и заслуженным дворянским родам России. Ее отцом был граф Степан Степанович Апраксин, генерал от кавалерии, один из самых блистательных вельмож екатерининского века. Апраксинскую городскую усадьбу на углу Знаменки и Гоголевского бульвара сегодня занимает Министерство обороны и за высоким каменным забором скрывает от наших глаз здание знаменитого апраксинского театра, где в постановках участвовали живые лошади и олени, где позже гастролировала итальянская опера. Театр видел в своих стенах Пушкина, с которым в юности Софье Степановне не раз приходилось встречаться и танцевать на балах. Апраксины умели и любили привечать гостей. В радушной и хлебосольной Москве их дом считался едва ли не самым гостеприимным.

Родная племянница по матери генерал-губернатора Д.В. Голицына, Софья Степановна наследовала дяде во всех его начинаниях. Тем более что ее муж, Алексей Григорьевич Щербатов, сменил Голицына в должности генерал-губернатора в связи со смертью последнего. Почти одновременно С.С. Щербатова образовала Дамское попечительство о бедных в Москве. К 1917 г. оно имело 18 отделений во всех районах Москвы. В его ведении находились Мариинское училище для девиц, 5 школ, 5 приютов, 9 богаделен, приют для пожелавших изменить свою жизнь проституток, два убежища — для неизлечимо больных и для слепых детей, 3 лечебницы для приходящих больных, ясли и Александровский дом, принимавший престарелых классных дам.

Светская красавица, какой ее запечатлел на своем портрете Орест Кипренский, в жизни не увлекалась ни балами, ни туалетами. У нее был блестящий организаторский талант, который и стремилась она реализовать. Уже в 1845 г. Софья Степановна становится председателем Совета детских приютов Москвы (впоследствии Совет располагался в мемориальном доме И.С. Тургенева на Остоженке, № 37). Приюты были рассчитаны и на постоянно живущих детей, и на приходящих. К началу XX столетия они действовали в каждом районе города.

Но и этих начинаний Софье Степановне было мало. По подсказке знаменитого московского «доктора для бедных», тюремного врача Ф.П. Гааза, Щербатова основывает первую в Москве Никольскую общину сестер милосердия. Не просто своего рода школу, но и детский приют при ней, богадельню и лечебницу для приходящих больных. «К делам милосердия поздно обращаться в старости, — замечала С.С. Щербатова. — Они должны стать стержнем всей жизни. Тогда с годами вы будете ощущать от них постоянный прилив сил».

Надежда Трубецкая

Они не ждали ни славы, ни благодарности. Судьба не всегда дарила даже просто благополучие в личной жизни. Все как у всех, подчас даже тяжелее, чем у всех, уж во всяком случае — горше. Надежда Борисовна Трубецкая, урожденная княжна Святополк-Четвертинская, начинала жизнь фрейлиной императрицы Александры Федоровны, при дворе Николая I. Князь Алексей Николаевич Трубецкой стал для юной фрейлины отличной партией, тем более что ни в чем не препятствовал увлечениям супруги. Прекрасно образованная, она захотела и прослушала еще и университетский курс. В Москве ее дом в Знаменском переулке становится одним из видных культурных центров старой столицы. С хозяевами накоротке знакомы Вяземский, Жуковский, Пушкин, Гоголь, славянофилы Аксаковы, Хомяков и Самарин, им близок Чаадаев.

Но княгиня не довольствуется ролью хозяйки блистательного литературного салона. В 1842 г. она входит в Совет детских приютов, а двумя годами позже организует Ольгинский приют, в чем ей помог С.Д. Нечаев. После смерти мужа благотворительность становится единственным смыслом жизни Надежды Борисовны. Зима 1859—1860 гг. выдалась особенно снежная, что грозило большим разрушительным половодьем. И вот, вместе с сестрой, матерью и несколькими московскими аристократками она снимает у Калужских ворот дом, куда переселяет тех, кто живет под угрозой наводнения.

Убедившись, каким безнадежным было положение с жильем у бедняков, уже в следующем году княгиня добивается образования Братолюбивого общества снабжения в Москве неимущих квартирами, где, в зависимости от обстоятельств, можно было получить или квартиру или пособие на ее аренду. Избранная председателем, Н.Б. Трубецкая на протяжении полувека будет исполнять свои обязанности. Под ее неустанной опекой к началу XX столетия общество располагает уже без малого 3-миллионным капиталом и 40 благотворительными учреждениями. К этому времени его покровительницей становится вдовствующая императрица Мария Федоровна, а почетным председателем великая княгиня Елизавета Федоровна.

В 1865 г. княгиня становится попечительницей Арбатского отделения Дамского попечительства о бедных Москвы и организует ремесленную школу для мальчиков, названную в дальнейшем Комиссаровским училищем (в честь спасителя Александра III). Благодаря хорошей постановке преподавания вскоре школа превращается в техническое училище, го-

товившее, как тогда говорили, помощников инженеров. При нем строится вагоноремонтный завод, который соединяется ветками с Николаевской и Смоленской железными дорогами.

Год за годом Надежда Борисовна выступает с новыми инициативами. В 1869 г. она создает Дамский комитет Московского отделения Общества попечения о раненых и больных воинах, преобразованный впоследствии в Российское Общество Красного Креста. С началом войны с Турцией, в 1877 г., организует санитарный поезд и в 65 лет отправляется на фронт, где работает вместе с другими сестрами милосердия на полях сражений. Когда два года спустя страшный пожар уничтожает почти весь Оренбург, княгиня достает значительные средства для погорельцев и сама отвозит в город предметы первой необходимости из запасов Красного Креста. Как видим, отнюдь не придворными интригами и не ловкостью приобрела княгиня Трубецкая свой орден Святой Екатерины и звание статс-дамы двора.

Несчастье грянуло неожиданно. Чтобы запутавшийся в долгах сын не покончил с собой, княгиня продала родовой дом в Знаменском переулке. Свой долгий век ей пришлось доживать в крохотной квартирке, которую она снимала в некогда принадлежавшем ей доме — большую его часть теперь занимала знаменитая галерея купца С.И. Щукина, на ничтожную пенсию, которую глубокой старухе удалось выхлопотать в созданном ею же Человеколюбивом обществе. С помощью к Надежде Борисовне не пришел никто.

Неизвестный художник.
Дворянская гостиная
в казенной квартире.
Первая треть XIX в.

Екатерина Захарьина

Ее мужа называли в числе лучших русских терапевтов и, безусловно, одним из лучших диагностов. Профессор Г.А. Захарьин был, что называется, врачом милостью Божьей. Он умел и любил лечить и не знал других увлечений, кроме медицины. Екатерине Петровне оставалось лишь оберегать и обслуживать Григория Антоновича, который легким нравом не отличался. Внимания с его стороны она не ждала — просто все долгие годы их совместной жизни оставалась помощницей и женой. Современники готовы были обвинять доктора Захарьина и в тяжелом характере, и в необычном сребролюбии. Еще бы! Визит клиника оценивался в 100 рублей — столько удавалось заработать за месяц земскому врачу.

Но, пожалуй, одна только Екатерина Петровна знала, как много и часто помогал муж нуждающимся студентам, какие средства жертвовал на военно-санитарные отряды, научно-медицинские общества и научные журналы. По завещанию Григория Антоновича полмиллиона рублей были направлены на строительство народных училищ в Саратовской губернии: не унаследованные деньги — заработанные тяжким трудом и талантом. Не случайно Чехов писал о своем университетском учителе: «Из писателей предпочитаю Толстого, из врачей — Захарьина».

После смерти мужа Екатерина Петровна вместе с дочерью, Александрой Григорьевной, делает большой вклад в собрание Музея изящных искусств, дарит семейную коллекцию пластики эпохи Итальянского Возрождения, а в Захарьине-Куркине строит бесплатную больницу для бедных. Начатое в 1909 г., строительство было закончено в канун первой мировой войны, причем по проекту живописца и историка искусств И.Э. Грабаря. Одним из исполнителей воли Екатерины Петровны стал ученик ее мужа профессор В.Ф. Снегирев, основоположник гинекологии как самостоятельной отрасли русской науки. «Мне хотелось по возможности доделать то, что не удалось исполнить покойному Григорию Антоновичу», — напишет Екатерина Петровна.

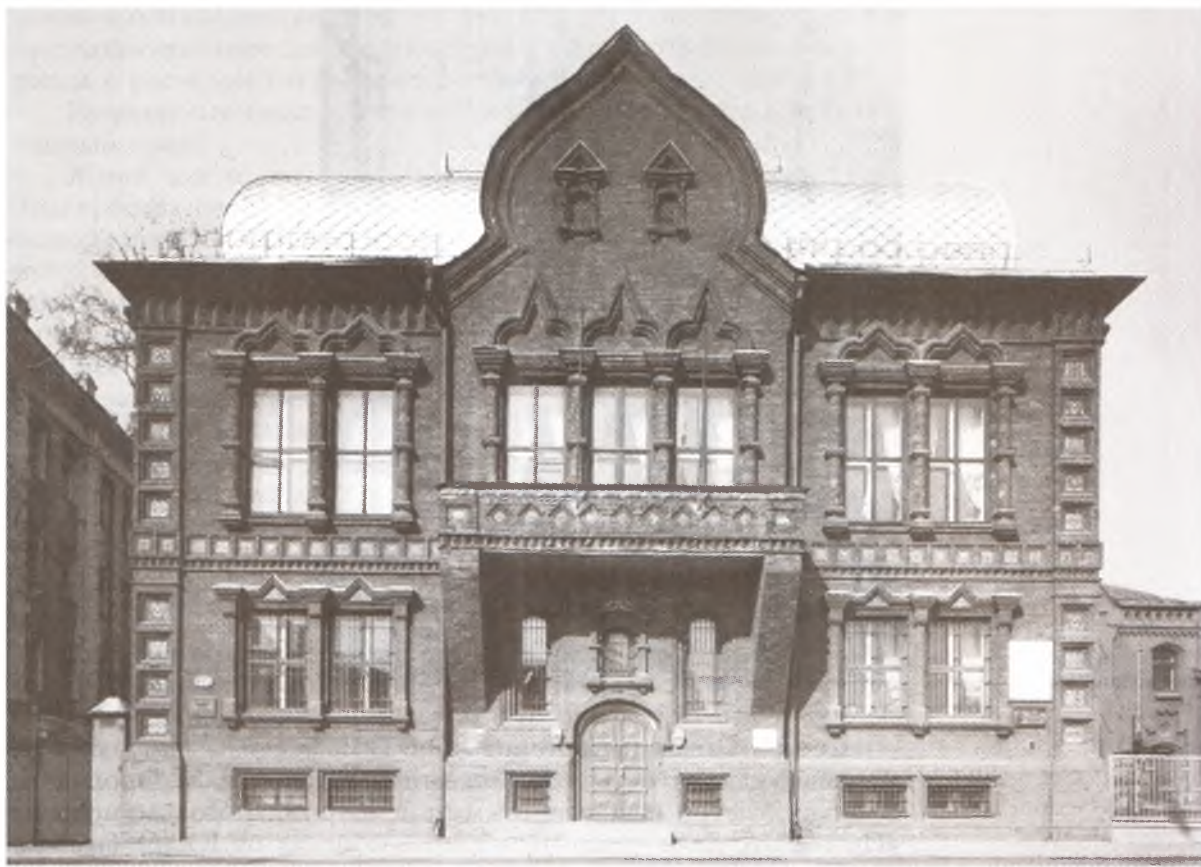
Сегодня в доме, выстроенном по проекту Грабаря, находится Городская туберкулезная больница. Имена из истории вычеркнули, но само доброе дело продолжается.

Морозовы: мать и дочь

Кто из москвичей не слышал о знаменитых фабрикантах Морозовых? Предпринимательская и благотворительная деятельность Саввы и Сергея Тимофеевичей коснулась многих сторон жизни города. Но что мы знаем о женской половине этой семьи?

Удивительное сочетание образованности и склонности к суевериям, религиозности и свободомыслия, романтизма и предельной деловитости отличало супругу Тимофея Саввича Морозова — Марию Федоровну — урожденную Симонову. В ее двенадцати комнатном доме в Большом Трехсвятительском переулке не было электрического освещения, поскольку хозяйка считала его бесовской силой. Никогда не пользовалась она ванной — из боязни простуды; купание заменялось протиранием одеколоном. Чтение далеко не благочестивых романов спо-

койно совмещалось с глубокой набожностью; зимний сад, который Мария Федоровна предпочитала прогулкам под открытым небом, соседствовал в доме с молельней, где служили священники Рогожской старообрядческой общины. Все деловые вопросы решались Морозовой на дому, в специально отведенные для этой цели приемные часы. Благотворительность была частью ее жизни и осуществлялась под неусыпным контролем. Копейка, украденная в таком деле, представлялась Марии Федоровне худшим из преступлений («У Бога украдено», — говорила она).

По настоятельному совету жены Тимофей Саввич, после известной стачки на Никольской ткацкой фабрике, организовал акционерное общество, оказавшееся в руках клана тех же Морозовых. Она же убедила мужа пожертвовать большие средства на строительство здания гинекологической клиники на Девичьем поле. После смерти супруга, когда все дела перешли в ее руки, Мария Федоровна открывает в Москве Биржу труда и финансирует строительство Марфо-Мариинской обители Труда и Милосердия на Большой Ордынке. Она поддерживает дочь Юлию в ее благотворительных проектах и сыновей в их увлечении искусством. Савва Тимофеевич, как известно, помогал Художественному театру, Сергей Тимофеевич создал первый в России музей народных ремесел — Кустарный, у Никитских ворот, позднее перенесенный в специально выстроенное здание в Леонтьевском переулке. «Деньгам умный ход давать нужно», — любила говорить старая, как ее называли, Морозова.

Фасад дома И.Е. Цветкова на Пречистенской набережной, построенный по рисунку В. Васнецова. 1900–1901 гг.

Подростки-рабочие
на мощении улицы

Сестра Саввы и Сергея, Юлия Тимофеевна, отличалась не меньшей деловитостью. И все, что предпринимала, проводила в жизнь быстро и под личным присмотром. В Москве шутили: «Пустое это дело – пытаться утаить копейку от Юлии Тимофеевны...»

Постоянные трудности испытывала так называемая черно-рабочая больница, предназначенная для наименее обеспеченного населения. Ее отделения располагались в нескольких местах. Хуже всего обстояли дела у Старо-Екатерининской больницы, что на 3-й Мещанской (ныне ул. Щепкина, 61/2). Хотя в 1877–1881 гг. на средства жертвователей удалось построить целый больничный городок (кстати, отмеченный медалью на Международной выставке в Брюсселе), деревянные корпуса быстро ветшали и постоянно требовали ремонта. В мае 1907 г. Юлия Тимофеевна берет на себя строительство каменного корпуса для хронических больных, выделив на это 5 тысяч рублей (не считая средств на необходимое медицинское оборудование). Исполнение замысла поручается городскому архитектору А.И. Роопу и архитектору А.И. Герману. Одновременно она дает 10 тысяч на переоборудование родильного приюта.

Работы по переустройству, которые параллельно ведет сама больница, Юлию Тимофеевну не устраивают. И в 1908 г. она обращается к городскому главе с заявлением: «Мать моя, Мария Федоровна Морозова, и брат, Сергей Тимофеевич Морозов, передали в мое распоряжение, каждый соответственно, средства на предмет постройки в Старо-Екатерининской больнице двух корпусов размерами приблизительно такими же, как построенный мною корпус. Первый – для нервных больных в память Саввы Тимофеевича Морозова, в второй – для родильного приюта его, Сергея Тимофеевича, имени, о чем настоящим заявлением довожу до вашего сведения и покорно прошу о принятии этих пожертвований городом и соответственных распоряжений для возмож-

ности в ближайшее время приступить к работам. Корпуса эти я предполагаю возвести в течение настоящего строительного периода с расчетом открыть их осенью 1908 г.».

Разрешение было получено, корпуса — возведены в назначенный срок.

Живя, как и мать, в районе Покровского бульвара, Юлия Тимофеевна решает раз и навсегда покончить с беспокоившим всех здешних жителей Хитровым рынком. Мария Федоровна попросту скупил и закрыла все печально знаменитые ночлежные дома, а дочь взяла на себя обязательство построить за свой счет в районе Белорусского вокзала новый ночлежный дом на 800 мест. Дело было за выделением участка под застройку, и его немедленно предоставили — на Пресненском валу (№ 15). Не прошло и года, как огромное пятиэтажное здание, необходимым образом оборудованное, оказалось в распоряжении города. Морозовы избавились от тяготившего их соседства, Москва получила кров для тех, кто приезжал в поисках работы.

Варвара Лепешкина

Сегодня об этом здании, что стояло на углу Пятницкой улицы и Курбатовского переулка, никто не вспоминает (в лучшем случае в литературе упоминается, что оно — могучий трехэтажный куб с выведенным на улицу парадным входом — не сохранилось). Оно стало жертвой фашистской авиации в первый же налет на Москву, в ночь с 21 на 22 июля 1941 г. 500-килограммовая фугаска не смогла его полностью разрушить, но вся война была еще впереди, о восстановлении думать не приходилось. Коренным москвичам оставалось лишь сожалеть о знаменитом Лепешкинском училище (хотя размещалось здесь уже совсем другое учреждение, благодарная память невольно возвращалась к щедрому подарку купчихи Варвары Яковлевны Лепешкиной).

Казалось бы, ничего особенного, два отделения: одно готовившее домашних учительниц, другое — мастериц по рукоделию. Но именно Лепешкинское училище предоставляло самые широкие возможности девочкам из малообеспеченных семей: они приобретали профессию и, как правило, сразу по окончании — место преподавательницы. Наряду с общеобразовательными предметами будущие рукодельницы знакомились с историей искусств, товароведением, началами торгового дела. Все ученические работы по очень низким ценам продавались в специальном магазине, что позволяло полностью окупать используемый на занятиях материал. Особенно гордились здесь обучением технике рисунка и занятиями основами живописи, причем оба эти курса вели женщины-художницы. Помимо изящных рукоделий, училище имело отделения домоводства, белошвейное и портняжное, а также машинно-вязальное. Сама Варвара Яковлевна занималась училищем 14 лет. После ее смерти в 1901 г. по завещанию оно перешло городу Москве вместе с полумиллионным капиталом на его содержание.

Не лишне вспомнить, что Первое студенческое общежитие Московского университета было основано мужем Варвары Яковлевны — С.В. Лепешкиным. Председателем его Комитета являлся сам ректор, а среди членов находились виднейшие профессора (как, например, один из крупнейших представителей фи-

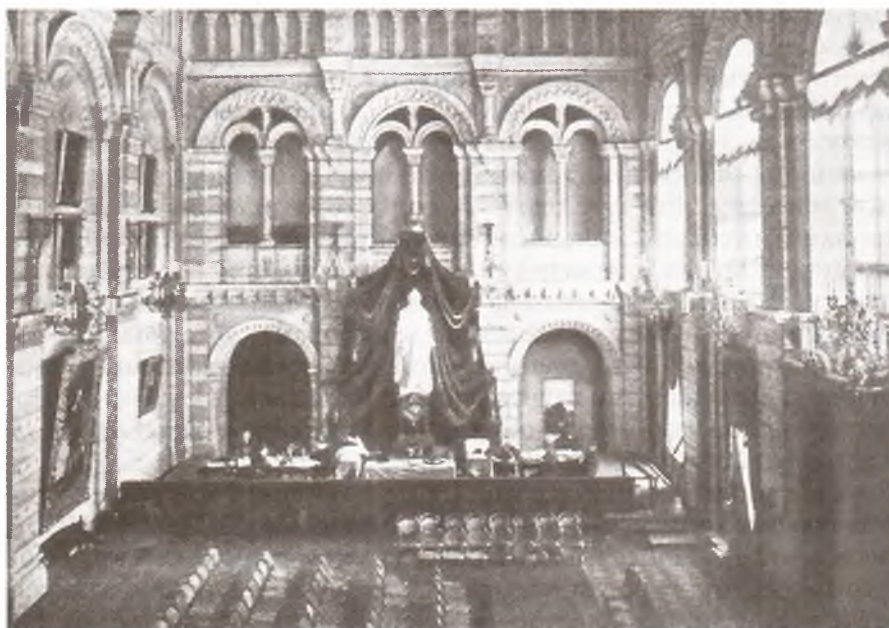

зической химии и основоположник электрохимии неводных растворов И.А. Каблуков). Общежитие было предназначено для беднейших студентов, которые жили в нем бесплатно, на полном пансионе. В своем завещании С.В. Лепешкин оставил на эти нужды 200 тысяч рублей: «Для содержания в строгом согласии с уставом Комитета бесплатных квартир для беднейших и достойнейших студентов... и для бесплатного продовольствия их сытой и здоровой пищей». Благотворительность в Москве, как правило, была семейным делом.

Александра Алексеева

С именем Александры Владимировны Алексеевой, урожденной Коншиной, связаны две замечательных семьи – Третьяковых и Станиславских. Ее мать, Елизавета Михайловна, была родной сестрой братьев Третьяковых, муж – двоюродным братом К.С. Станиславского. Всего шесть лет оставался Николай Александрович Алексеев городским головой (1887–1893). (Как отзывался современник, «блестящим метеором пронесся он над Москвой, которая его не забудет»). На эти шесть лет пришлось работы по расширению Мытищинского водопровода, начало прокладки системы городской канализации, устройство городских боен и городской прачечной, приведение в порядок городских бульваров, разбивка многочисленных скверов, строительство ГУМа, Исторического музея, Городской думы (Музей В.И. Ленина) и основание городской психиатрической больницы, которой до того времени Москва не имела. Место для нее приобретено за Серпуховской заставой у купца Канатчикова, почему Алексеевскую больницу стали еще называть Канатчикова дача (в советское время ее переименовали в «имени П. Кашенко»).

Жизнь Н.А. Алексеева была оборвана смертельным выстрелом признанного умалишенным человека. Последними его словами к жене была просьба внести 300 тысяч из личных средств на окончание строительства. Это было лишним напоминанием,

Московская городская дума. 1890–1892 гг.
Архитектор Д. Чигаров.
Зал заседаний

Александра Владимировна и так всю жизнь занималась вопросами устройства душевнобольных. Во время организации работ по строительству Канатчиковой дачи она приобретает и дарит Москве здание, стоящее напротив ворот Преображенской психиатрической больницы на Потешной улице, — для устройства приемного покоя на 45 больных. По духовному завещанию Александры Владимировны, тяжело переживавшей гибель мужа, Москва получила свыше полутора миллионов рублей на различные благотворительные учреждения. Это были два новых городских училища — около Новоспасского монастыря и на 2-й Бородинской улице, приют с ремесленным училищем для сирот и полусирот из самых бедных семей — около Ваганьковского кладбища, наконец, реконструкция городского училища на Ульяновской улице (№ 42), построенного на средства и по заказу ее мужа.

О такой многоплановой деятельности справедливо сказать: «Вся в трудах и заботах». Но она не мешала Алексеевым держать открытый дом, собирать у себя ведущих музыкантов. Как вспоминала П.М. Третьякова, «И он, и его жена были люди остроумные и радушные. У них было шумно, интересно и приятно. Петр Ильич (Чайковский) играл в винт, беседовал, ужинал. Меньше всего говорил о музыке. Все старались не утомлять его. Я помню это чувство бережности по отношению к нему».

Елизавета Медведникова

Так сложилось, что забота о психических больных в Москве едва ли не полностью оказалась возложенной на частных лиц. В этой связи нельзя не вспомнить семейство перебравшихся в Москву купцов Медведниковых.

Среди купечества стало традицией отмечать память близких жестами благотворительности. Логгин Федорович уходит из жизни, оставив 27-летнюю вдову Елизавету Михайловну с двумя маленькими сыновьями. Несмотря на трудности ведения большого торгового дела, она всегда находит время позаботиться о голодных сиротах. А перед кончиной завещает значительную сумму на устройство, как тогда говорилось, сиропитательного дома — приюта для девочек-сирот. Сыновья строят в Иркутске приют, при нем создают банк, доходы которого предназначены на содержание воспитательного учреждения памяти их матери. Сюда принимали детей всех сословий, и они получали здесь и общее образование, и специальное — по различным рукоделиям. Именно Медведниковский приют открывает историю женского образования в Сибири.

Переселившийся в Москву Иван Логгинович и здесь продолжает дело образования. Вместе с женой, Александрой Ксенофонтовной, создает мужскую гимназию (Староконюшенный пер., 18), которую отличала блестящая постановка преподавания древних и живых иностранных языков, законоведения, философской пропедевтики, естественной истории и химии. О том, какая трагедия случилась в жизни этой семьи, можно судить по завещанию Александры Ксенофонтовны: два миллиона рублей жертвует она на приют и богадельню, из них 600 тысяч — на устройство отдельного приюта «для идиотов и эпилептиков».

Для строительства приюта Городская дума выделила участок через овраг от Канатчиковой дачи (Алексеевской психиатрической больницы), за Даниловским кладбищем. Начало Первой мировой войны заставило Думу перепрофилировать приют — он был отдан душевнобольным воинам. Один из корпусов Медведниковского приюта получил имя Павла Михайловича Третьякова, поскольку строился на его средства. Сын мецената был болен, что не позволяло доверить ему капитал. Отец ограничил сына процентами с 200 тысяч рублей, которые после смерти Михаила Павловича должны были «перейти в собственность города для учреждения и содержания приюта для слабоумных на столько лиц, насколько позволит этот капитал». Воля П.М. Третьякова не была исполнена — через пять лет после завешания наступил 1917 г.

В этом отношении Александра Ксенофоновна оказалась счастливее. Согласно ее последней воле в селе Поречье была построена богадельня с больницей для лиц духовного звания, которая просуществовала до революции целых 14 лет. И поныне самым большим детским психиатрическим учреждением остается бывлой Медведниковский приют (5-й Донской проезд, 21а).

Екатерина Ермакова

В 1895 г. известный московский благотворитель Флор Яковлевич Ермаков завещал свыше трех миллионов рублей на помин его души. Иными словами, грандиозный капитал должны были раздать в виде милостыни, вопрос заключался в том, кому и как. Разделенный по числу жителей старой столицы, он мог одарить каждого двумя рублями. Но как организовать такую раздачу? В течение семи лет душеприказчики уклонялись от исполнения воли усопшего. После их смерти последнюю волю мужа решила выполнить вдова, Екатерина Корнильевна. Ее план оказался сложным, но и очень рациональным. Она выделяет неприкосновенный капитал — для пособий бедным невестам крестьянского, мещанского и ремесленного сословий, а также для пособий городским участковым попечительствам о бедных. Немалые суммы отпускаются Домам трудолюбия, воинскому благотворительному обществу «Белый крест» и в распоряжение великой княгини Елизаветы Федоровны, но особенно большие средства — на содержание богаделен имени Ф.Я. Ермакова и устройство ремесленного училища его же имени. Екатерина Корнильевна решает также построить для Москвы два огромных ночлежных дома. В одном из них — шестиэтажном, рассчитанном на 1500 человек, — впоследствии работал Госнаб СССР (Орликов пер., 5), другой, также на полторы тысячи человек, находится на Краснохолмской улице (№ 14). Не забыла Ермакова и бедных родственников, но каждому из них было выделено не более 3 тысяч рублей («Деньги надо не за родство давать, а на дело», — считала Екатерина Корнильевна, как это явствует из ее переписки с Московской Городской думой).

Елизавета Милюкова

Елизавета Петровна Милюкова сама признавалась, что первым ее побуждением было создание достойного памятника родному дяде, умершему в 1867 г., статскому советнику С.В. Лепехи-

ну. В Тупом переулке на Покровке (№ 22а) она приобрела дом, в котором открыла лечебницу его имени, взяв на себя ее содержание. Здесь был небольшой стационар и амбулаторное отделение, где неимущим оказывалась бесплатная помощь. По завещанию Елизаветы Петровны наследницей и пожизненной попечительницей лечебницы должна была стать ее племянница, Н.И. Карпачева-Зворыкина. Но это оказался один из редчайших случаев, когда родные воспротивились воле покойной. Особенно волновал их неприкосновенный капитал, на проценты с которого должна была существовать лечебница вместе с устроенной в ней домовою церковью Сергия Радонежского.

Возбужденное дело оказалось в суде проигранным, но угроза его возобновления оставалась. И спустя двадцать с лишним лет после смерти тетки племянница сумела-таки добиться своего: процветающая Лепехинская лечебница была включена в состав Александровской общины «Утоли моя печали», где получила название — «Лечебница в память статского советника С.В. Лепехина, учрежденная Е.П. Милюковой». В печать лечебницы был включен герб рода Лепехиных. В 1906 г. лечебница перешла во владение города Москвы. Ее превратили в родильный дом имени того же С.В. Лепехина. Первым главным его врачом стал Г.Л. Грауерман. Когда в 1929 г. здесь открылся Институт охраны материнства и младенчества, имена основателей были, как обычно, из памяти вычеркнуты.

Вот так и ширились в Москве ряды «знакомых незнакомцев». Вернутся ли к жизни подлинные имена, займут ли должное место в памяти москвичей — дело уважения к собственной истории и совести каждого из нас, живущих уже в третьем тысячелетии. Ведь народ начинается с памяти, тем более — о добрых делах.

МИЛОСЕРДИЕ

Призрение и вспомоществование — с этих давно исчезнувших из обихода наших дней понятий начиналась сложнейшая система поддержания неимущих и малоимущих, в которой был задействован не только весь город с его системой городского управления, но и без малого все москвичи. Мысль о том, что недостаток средств может перечеркнуть человеческую судьбу, была главной для Москвы.

Все начиналось с церковных приходов, каждый из которых старался заботиться о своих приходских неимущих хотя бы в пределах организации маленьких богаделен под непосредственной опекой настоятеля церкви. И с Городского попечительства о бедных, председателем совета которого в Арбатском отделении, например, была княгиня Марина Николаевна Гагарина, а почетными членами — благочинные протоиерей Петр Приклонский и священник Дмитрий Некрасов.

Всего Москва была разделена на 28 участков, каждый из которых имел свой совет, от энергии и предприимчивости членов которого во многом зависело развитие попечительского дела. Так, Арбатское отделение располагало богадельней для 50 престарелых женщин (Новинский бульвар, дом Бари), тремя детскими приютами (Палашевский пер., 3; Большая Полянка, Шапочный пер.; Кривоникольский пер., 5), детским очагом для детей запасных, призванных на войну, семейно-кочной и кочной квартирами в домах Гирш на Малой Бронной на 50 человек, бесплатной квартирой для семейств запасных (Богословский пер., 14) и по тому же адресу столовой для выдачи обедов и «Клубом разумных развлечений», швейной мастерской для женщин, не имеющих собственных машинок, раздаточной мастерской выдачи белья для шитья женам запасных, призванных на войну, и художественной мастерской для мальчиков.

В Басманном отделении, где председательствовал табачный магнат М.Н. Бостанжогло (канцелярия отделения помещалась в его особняке), имелись двое яслей, общежитие и приют для призрения престарелых женщин, приюты для девочек и мальчиков, столовая для бедных и Дом бесплатных квартир имени М.Г. Михайловой в Денисьевском переулке.

Лефортовское отделение (Немецкая ул., 6) содержало столовую для бедных детей с ежедневной выдачей бесплатных обедов с 12 до 14 часов и устраивало для неимущих «поминовенные обеды». Убежище для детей и Дом призрения имени Назаровых находились на 9-й Сокольнической улице, в собственной доме попечительства.

Мещанское отделение имело четыре отдельных участка, из них 3-й участок располагал богадельней для стариков и старух на 102 человека (Капельский пер., собственный дом), приютом для детей на 35 человек (там же) и кочной квартирой на 70 мест. Председательствовал в отделении Николай Матвеевич Кузнецов, директор Товарищества производства фарфоровых и фаянсовых изделий его имени.

Пресненское отделение 1-го участка, находившееся в Трехгорном проезде, возглавляла жена действительного статского советника Мария Александровна Новосильцева. При попечительстве функционировали богадельня, Детский приют имени С.Н. Прохорова на 56 человек, детский приют для детей лиц, пострадавших в 1905 г. (на 14 девочек), Детский сад имени Е.В. Петрово-Соловова на 50 человек, Детский сад имени М.Е. и М.Г. Поповых на 80 человек (Трехгорный пер., 15), ясли на 40 человек, общежитие для престарелых женщин на 50 человек (Гюдеинский пер., 5), вязальная мастерская для женщин, Дом дешевых квартир имени князя А.А. Щербатова (Трехгорный пер., 15). По этому последнему адресу также находились детская бесплатная столовая на 250 человек, вечерние классы для школьников на 40 человек, клуб для мальчиков 13–16 лет и клуб для женщин от 15 лет.

Рогожское отделение 1-го и 2-го участков возглавлял Павел Васильевич Зубов, потомственный почетный гражданин, к тому же опекавший попечительство при своем приходе церкви Мартина Исповедника. В ведении отделений находились приют для 100 престарелых женщин (Б. Алексеевская, 4), мужской приют на 30 стариков (там же), ясли на 30 детей обоего пола в возрасте до 3 лет и детский приют для постоянно живущих 10 девочек.

Председательницей Хитровского отделения (Николоворобинский пер., 16) была графиня Варвара Николаевна Бобринская. При отделении имелось постоянно открытое паспортное бюро, Биржа труда имени Т.С. Морозова (1-й Дьяковский пер., 8) и Ночлежный дом имени Ф.Я. Ермакова.

Полностью охватывало своими заботами территорию города и Дамское попечительство о бедных (Б. Молчановка, дом Глебовой). Председательница совета Софья Николаевна Глебова вместе с мужем занималась торговлей зерном, шерстью, хлебом, коннозаводством. Почетными членами совета были великая княгиня Елизавета Федоровна и М.А. Новосильцева. Наиболее деятельными членами совета, который координировал работу 18 отделений, оставались княгиня О.В. Волконская, графиня М.Н. Толстая, графиня А.А. Голенищева-Кутузова, княгиня В.А. Трубецкая. В ведении каждого отделения находились богадельня престарелых женщин, больных или неизлечимо больных, ясли для малолетних детей, школа для девочек.

При Лефортовском отделении, почетным попечителем которого состоял принц Петр Александрович Ольденбургский, существовал кружок «Музыкальные сумерки» для врачей Лефортовской больницы. Попечительство ведало и Александровским домом, в который принимались престарелые и неспособные к труду бывшие классные дамы учебных заведений Ведомства учреждений императрицы Марии.

В Москве широко практиковалось устройство приютов по бывшим профессиям лиц, нуждавшихся в помощи. Так, существовало Общество для устройства убежища лицам женского медицинского звания Российской империи (Знаменка, 16). На одиннадцатой версте Московско-Ярославской железной дороги, близ платформы Лосиноостровская, были открыты два «павильона» для престарелых акушеров и фельдшериц. Общество для призрения престарелых и лишенных способности к труду артистов и их семей (1-й Самотечный пер., 9) имело убежище. Для призрения бедных духовного звания существовали Георгиевский дом (Георгиевский пер., 3), Горихвостовский дом (Армянский пер., 2), для нижних чинов военного и гражданского ведомств — Дом призрения имени Куракиных, для московского дворянства — Дом призрения имени гвардии полковника В.Б. Казакова (Поварская ул., собственный дом), для штаб- и обер-офицеров — Дом призрения благотворительницы Шереметевой (Лопухинский пер., 2).

Дом призрения Мазуриных имел два отделения: в первом содержались 50 женщин из купеческого и мещанского сословия, «родители коих или мужья пробыли не менее 15 лет в московском купечестве», во втором 50 женщин — из старинного московского мещанства. Сословным был и Николаевский Дом призрения бедных вдов и сирот Московского купеческого общества (Б. Алексеевская ул., дом Купеческого общества). На 5-й Тверской-Ямской в собственном доме находился Петровско-Александровский пансион-приют дворянства Московской губернии. Наконец, на Красносельской, в собственном доме, располагался Дом успокоения престарелых священнослужителей имени Малютиной. Его смотрителем являлся священник Алексей Афонский, протоиерей при соседнем Алексеевском женском монастыре. И это несмотря на существование Московского

Дом бесплатных квартир
братьев Бахрушиных на
Софийской набережной.
1902 г.

попечительства о бедных духовного звания Московской епархии (Лихов пер., дом епархии), выделявшего постоянно пособия обедневшим и одряхлевшим священнослужителям.

Действенность благотворительных учреждений Москвы во многом определялась частной инициативой, умением отдельных общественных деятелей находить незаполненные ниши в заботе о тех, кого обездолила жизнь. Московский попечительный комитет Императорского Человеколюбивого общества (Спасоглинцевский пер., собственный дом) видел свою цель «в оказании материальной и медицинской помощи нуждающимся, в содержании учреждений по воспитанию детей, призрении престарелых и больных и подаче всякого рода помощи нуждающимся». Комитет располагал собственными врачами и юристами. В число его учреждений входили Усачевско-Чернявское женское училище, Набилковское коммерческое училище, Сергиевская школа, Троице-Набилковская школа, Медицинский комитет, Орловская лечебница для приходящих, Детская больница святой Ольги, Главная лечебница П. и А. Волудских и М.Ф. Морозовой, Дневное трудовое убежище при Троице-Набилковской школе, Убежище для вдов и сирот имени М.П. Рябушинского, Приют для престарелых наставниц и учительниц, Приют имени Гишпиус, Набилковская и Усачевско-Маросейская богадельни, Черкасская богадельня, Чернышевская богадельня, Нероновская богадельня, Богадельня для неизлечимых больных имени А.С. Спиридонова, народная столовая имени М.П. Рябушинского и Народная столовая Комитета.

Среди богаделен Человеколюбивого общества одна — на 40 человек — находилась в селе Болшеве, причем на это незначительное число призреваемых имелись штатный врач и сестра милосердия. Чихачевская богадельня располагалась в селе Алмазове Богородского уезда и также имела двух штатных медиков. В отношении всех богаделен неизменно оговаривалось: «для призрения больных всех сословий». Поступление в них не было даже связано с представлением каких бы то ни было документов — все определялось состоянием, материальным и физическим, человека.

Широчайшую систему благотворительных учреждений представляло Елизаветинское благотворительное общество в Москве и Московской губернии (Успенский пер., собственный дом), находившееся под попечительством великой княгини Елизаветы Федоровны. Задачу общества «составляло оказание детской помощи беднейшему населению Москвы и губернии». На начало 1915 г. в составе общества значилось 13 приютов, 11 ясель, 1 приют-ясли, 1 временное убежище, 2 детских очага и 224 Елизаветинских комитета. Средства общества составляли: в капитале и наличных деньгах — 687 158 рублей, в недвижимом имуществе — 445 200 рублей, а всего — более одного миллиона рублей. Главным аспектом деятельности великой княгини являлась забота о неимущих и беспризорных детях, а не создание Марфо-Мариинской обители, как сейчас пытаются представить. Имя Елизаветы Федоровны было магнитом, привлекающим к занятию проблемой беспризорничества и детской нищеты лиц из наиболее обеспеченной части населения.

О детях в Москве всегда заботились в первую очередь. В старой столице действует Детолюбивое общество (Самотеч-

Городская детская
больница имени
В.Е. Морозова (1900–1905).
Архитектор И. Иванов-
Шил

ный пр., 16). Московский совет детских приютов (Остоженка, 37 – мемориальный дом И.С. Тургенева) под председательством почетного опекуна в должности шталмейстера Двора П.А. Базилевского располагает приютом для грудных детей (2-й Ушаковский пер., собственный дом), где младенцы содержатся до двух лет, Александринским – мужским ремесленным (Хамовнический пер., 3), Александро-Мариинским – с сиротским отделением для живущих и обучающихся в женских гимназиях (Старо-Басманная, собственный дом), Георгиевским – для живущих и приходящих девочек (Охотничий пр., собственный дом), Долгоруковским – женским ремесленным (Казанский пр., собственный дом), Елизаветинским (Петровский пер., собственный дом), Анастасьинским (там же), Ксенинским (Несвижский пер., собственный дом), Марии-Максимилиановским (Калужская пл., собственный дом), Николаевским (3-я Мещанская, собственный дом), Ольгинским – для живущих мальчиков (Преображенская ул., собственный дом). Любой приют давал четырехклассное начальное образование 90 мальчикам. При Сергиевском приюте (Остоженка, 37, дом совета) имела Коммерческая школа. Приют имени А.С. Шмакова предназначался для детей военных (Бутиковский пер., собственный дом). Кроме того, были еще приюты Ольденбургский (в Петровском парке), Терлецкий и Яузский.

Московское общество призрения, воспитания и обучения слепых детей (1-я Мещанская, собственный дом) под покровительством императрицы Марии Федоровны давало возможность своим питомцам «применять приобретенные ими знания для добывания себе средств к жизни». Приют общества, помещавшийся на 2-й Мещанской, в собственном доме, имел цветочную и корзиночную мастерские, склад их изделий и печатню книг для слепых по системе Брайля. Взрослым слепым могли прийти на помощь Московское отделение Попечительства императ-

рицы Марии Александровны о слепых (Тверской бульвар, 25). Почетными членами его совета состояли великая княгиня Елизавета Федоровна, митрополит Киевский Владимир, архиепископ Тульский и Белевский Парфений, епископ Дмитровский Трифон, осуществлявший функции председателя.

Совет Московского отделения Попечительства императрицы Марии Федоровны о глухонемых (Тверская, 54) возглавлял сам московский губернатор егермейстер Двора граф Н.Л. Муравьев. Примечательно, что Приют цесаревны Марии Общества попечения о детях лиц, ссылаемых по судебным приговорам в Сибирь (Продольный пер., собственный дом), возглавлял московский генерал-губернатор. Августейшей же покровительницей считалась императрица Мария Федоровна.

Среди множества московских богаделен отличались своими размерами Императорский Екатерининский богаделенный дом, иначе — Матросская богадельня (Матросская улица, собственный дом) на 1 265 человек, учрежденный в 1775 г., Измайловский инвалидный дом императора Николая I (Измайловский зверинец) на 15 офицеров и 402 человека нижних чинов. Здесь же был семейный инвалидный дом для 6 отставных офицеров и 42 нижних чинов с женами и детьми, приют для вдов инвалидов, школа для детей призреваемых и наемной прислуги, городское почтовое отделение и при нем сберегательная касса.

Выделялись также своим размахом Ермаковская богадельня на 1 000 человек «православного исповедания всех сословий, но преимущественно крестьян». Александровское ее отделение в Сокольниках было рассчитано на 520 человек и Мариинское, за Трехгорной заставой, на 480 призреваемых. Не уступала ей по размерам Покровская мещанская богадельня (Покровская ул., 82) на 1 100 человек престарелых и неспособных к труду мужчин и женщин мещанского звания. Председателем ее совета был сословный старшина В.Е. Гринев. При Покровской богадельне существовал Приют для малолетних, учрежденный в память священного коронования их императорских величеств, — на 40 лиц, из которых десятеро состояли на стипендиях великой княжны Марии Николаевны.

На особом положении в городе находился Приют Братства во имя Царицы Небесной (Зубовский бульвар, 21/23) — для детей слабоумных, припадочных, умственно отсталых и калек. Приют был рассчитан на 120 воспитанников в возрасте от 3 до 16 лет, за которыми ухаживали 25 сестер-послушниц из монастырей. При приюте работали школа и мастерские по производству обуви, корзин, гамаков, сумочек, скакалок, швабр и щеток. Дача приюта находилась рядом с Рублевской водокачкой. Председательницей совета состояла графиня О.Д. Апраксина под покровительством императрицы Александры Федоровны.

Приют Благотворительного общества при Московской городской больнице имени князя А.А. Щербатова (Калужская ул.) принимал детей, родители которых находились на лечении в больнице, и женщин, выписавшихся из больницы для окончательного поправления здоровья и «до приискания себе заработка». Приют давал возможность не оставлять детей без призора в случае болезни родителей, а в случае смерти последних заботился об устройстве их дальнейшей судьбы.

Богадельня Яузского
попечительства. 1900 г.
Архитектор
Д. Шапошников

Наконец, Москва располагала пятью ночлежными домами. Первый городской находился в Трифоновском переулке, Второй городской – на Гончарной улице, Покровский городской – бесплатный, на 700 человек – в Лыщиковом переулке, Городской ночлежный дом имени Ф.Я. Ермакова – в 1-м Дьяковском переулке, у Каланчевской площади, «Имени В.П. Белова Общества поощрения трудолюбия» – в 1-м Николо-Щеповском переулке. Рядом с последним располагалась Народная столовая имени Я.И. Белова под попечительством княгини Е.П. Волконской.

ЛОСИНКА

Когда-то на этом направлении преобладали непроходимые еловые и сосновые леса, тянувшиеся до самого Владимира. Но все равно местность оставалась заболоченной, пересеченной множеством ручьев и речушек. Что говорить, если на одной территории Москвы было их больше 120, теперь в подавляющем большинстве своем или засыпанных, или взятых в подземные трубы. Но для тех же вятичей каждая речушка была средством сообщения. По ней, минуя бурелом и лесные завалы, можно было пробираться от селения к селению и летом – на суденышке, и зимой – по льду.

Тем большее значение приобрели водные пути, когда стала развиваться Москва – центр, через который пролегали торговые пути во все стороны света. Не обойтись здесь было без волоков. Так называли водораздельные участки между верховьями двух рек, по которым можно было перетаскивать – проволакивать суда по земле из одного речного бассейна в другой. Вблизи Москвы таких волоков было несколько. Волок с реки

Ламы в Озерну и Рузу, а затем в Москву-реку соединял столицу с Волгой. На этом волоке возник город Волоколамск.

Совершенно исключительное значение имел путь из Москвы-реки по Яузе в Клязьму, к Владимиру. Волок начинался в верховьях Яузы, при впадении в нее речки Работни, где стоит сейчас город Мытищи. Не случайно и это название. Волоки, где суда полностью разгружались, были наиболее удобными местами для сбора пошлин с товаров — мыта.

Но с течением времени особенно развиваются сухопутные дороги. К концу XIV в., после Куликовской битвы, Москва превращается в крупнейший русский торговый и ремесленный центр, с богатейшим торгом и стремительно разрастающимся посадом. Дороги, соединяющие Москву с удельными княжествами, со временем становятся главными городскими улицами: Тверская — на Тверь, Дмитровка — на Дмитров, Серпуховская — на Серпухов и т. д. Уже к этому времени было известно 12 дорог, веером расходящихся от Москвы.

Куликово поле показало татаро-монгольским ордам русскую силу. Показало оно и самим русским удельным князьям, что сила их в единении. Но уже спустя год после Мамаева побоища орда захватила и разграбила Москву. А когда направился на русскую столицу Тамерлан, решено было обратиться за помощью к величайшей русской святыне — образу Владимирской Божьей Матери. В 1395 г. образ принесли из Владимира, мимо будущей Лосиноостровской, в столицу. Память об этом событии поныне живет в названиях московских улиц. Место, где москвичи встречали святыню, получило название Сретенки — встречи. Так первоначально стала называться не только нынешняя Сретенка, но и Большая Лубянка, и Никольская — вплоть до Никольских ворот Кремля, куда принесли Владимирскую Божию Матерь и установили в Успенском соборе.

Росла Москва, разрастались окружавшие ее деревни и села, но леса под Мытищами оставались нетронутыми. Уже правнук Дмитрия Донского, Иван III любил выезжать сюда на охоту. Предпочитал многим другим местам нынешний Лосиный остров и сын Ивана III от греческой принцессы Софьи — Зои Палеолог — Василий III. Так установилось в обиходе великокняжеского двора, что по осени направлялся князь с супругой и свитой на богомолье, а между делом и на охоту. Путь всегда лежал на север, в направлении Троицы-Сергиева монастыря и дальше, к Александровой слободе. Слободу заложил Василий III как место своего отдыха во время осенней охоты.

Но что примечательно — берегли великие князья подмосковный уголок, заботились, чтобы не уменьшались в нем запасы зверья и дичи. С тем Иван Грозный, первенец Василия III, объявил земли Лосиноостровской заповедными. И это во второй половине XVI столетия!

Объявить леса заповедными было делом не простым. Одно-го слова царского указа представлялось недостаточно. Для этого следовало, чтобы священник в полном облачении, в окружении клира, с хоругвями обошел нужный участок. При этом певчие и собиравшиеся толпы молящихся пели «Слава вышних Богу», и только потом священнослужитель «заповедал» не трогать леса, не охотиться в нем, тем более не производить поруб-

ку. Выходит, Ивану Грозному обязаны потомки сохранением Лосиноостровского заповедника.

Бережное отношение к подмосковной фауне вообще характерно и в последующие годы уже для московских царей. Известен «зверинец» в Измайлове, которым занимался отец Петра I, царь Алексей Михайлович. Славился и царский «зверинец» на месте нынешнего Зоопарка, основанный старшим братом Петра I — царем Федором Алексеевичем. Во все «Зверинцы» и заповедные леса завозились самые разнообразные звери, в том числе и заморские, которых доставляли приезжавшие в Московское государство иностранные послы. Были среди подарков слоны, львы, тигры, барсы, всяческие хищники и диковинные, как тогда говорили, птицы. Русские хозяева рассуждали, что от всякой попытки обогатить животный мир Подмоскovie «ино Русской земле может быть прибыль». Также бережно — «счетом» велась и царская охота. Тем более строго-настрого было запрещено убивать самок, детенышей. «Ино что детям своим и внукам оставим», рассуждали наши предки.

Ярославское шоссе, называвшееся Троицкой дорогой, всегда отличалось исключительной оживленностью. Знаменитый путешественник и живописец, голландец Корнелис де Брюин, направлявшийся в столицу из Архангельска в канун 1701 г., с изумлением писал, что череда саней с поклажей, проезжавших ему навстречу, не прерывалась ни днем, ни ночью. Русские и иностранные купцы спешили со своими товарами, хлебом, всяческого рода съестными припасами. А скольких исторических личностей перевидела проходящая рядом с Лосиноостровской дорога! В 1689 г. мчался к Троице молодой Петр I, спасавшийся от сестры-правительницы царевны Софьи Алексеевны. Все цари проходили здесь на богомолье и обязательно пешком, почему по всей дороге до монастыря выросли так называемые путевые дворцы. В них можно было передохнуть и провести ночь. Такой дворец стоял и в соседнем с Лосиноостровской Тайнинском.

Значительно изменилась роль Троицкой дороги, да и уклад жизни всей окружающей местности, после проведения в 1860-х гг. Северной железной дороги. Впрочем, судьба Лосиноостровских земель при этом не изменилась. Они по-прежнему оставались заповедными и потому стали для русской художественной школы, а точнее — для школы московской настоящей зеленой академией.

Все началось с класса пейзажной живописи, который начинает с 1850-х гг. вести в Московском училище живописи, ваяния и зодчества замечательный русский пейзажист Алексей Саврасов. В отличие от петербургской императорской Академии художеств Московское училище было предназначено для беднейших слоев населения России. В нем не требовалось от поступающих ни определенного образовательного ценза, ни даже сколько-нибудь приличной одежды. Каждый одевался как мог, многие питались одним чаем с ситным хлебом, ночевали, прячась от сторожей, в самом здании училища, на углу Мясницкой и Юшкова переулков. Так долгое время пришлось перебиваться будущему знаменитому пейзажисту Левитану. И вместе с тем это было, по выражению самих воспитанников, «свободнейшее учебное заведение по всей России».

Но даже в этих условиях класс пейзажной живописи, которым начал руководить 26-летний Саврасов, обращал на себя

внимание свободой и увлеченностью учащихся. Саврасов проводил в классе целые дни, независимо от расписания, и при каждом удобном случае заставлял своих питомцев отправляться работать на натуру. Обычно это были сравнительно недалекие Сокольники, куда ходила конка, но куда добирались юные пейзажисты непременно пешком, чтобы сэкономить единственный имевшийся в кармане пятак. Поэтому столько раз Сокольники появляются на полотнах художников, начиная с картины Левитана «Осенний день. Сокольники».

Когда же снег сходил и дороги подсыхали, Саврасов отправлял своих питомцев в дальнюю дорогу — к нынешней Лосиноостровской, говоря, что нигде кроме не найдут они такого благоуханного леса, такой лесной тишины и жизни природы. «Потом там появилась железнодорожная станция, — вспоминал один из учеников Саврасова, Константин Коровин, — а при нас поезда со свистом проносились мимо. А мы по пояс в разнотравье, папоротниках, отыскивали местечко для работы и забывали обо всем, кроме необходимости экономить краски. Писали аккуратно, берегли каждый мазок, чтобы и на следующий этюд хватило. Главное было чувство передать, то, от чего тепло в груди и слезы набегали. Между собой толковали, что дешевле тратить: масло или краски. Обед оставляли до дома. За работой и голод донимать переставал. Мы с Левитаном очень тому удивлялись».

Но и уже известным художником, успешно выступив театральным декоратором в Русской Частной опере Саввы Мамонтова, Константин Коровин испытывает те же лишения. В то время как его сверстники разъезжают по самым прославленным уголкам Западной Европы, Константин Коровин вынужден оставаться в Москве даже на летнее время и тогда выбирает для работы знакомые места. Он селится на окраине Медведкова и каждый день направляется к будущей Лосиноостровской. «Я даже не знаю, на что купить красок, — записывает он в записной книжке 1892 г. — А я доныне доброе имел спеть людям — песню о природе красоты». «Только искусство делает человека человеком», — отзывается он через несколько страниц.

Сегодня образы, вдохновленные лосиноостровскими местами, разбросаны по крупнейшим музеям России. Едва ли не интереснейший из них «Лосиный остров в Сокольниках», хранящаяся в Третьяковской галерее картина Саврасова, за которую художник получил в 1870 г. I премию Московского общества любителей художеств, и этюд к ней. В тех же местах написана саврасовская картина «Дорога в лесу» 1871 г., которая находится в Русском музее, тогда как этюд к ней в Третьяковской галерее. К этому можно прибавить многочисленные этюды и зарисовки Левитана, Константина Коровина, десятков других учеников Московского училища.

Незадолго до своей кончины в 1898 г. художница Елена Поленова напишет: «Всегда с особым чувством проезжаю станцию с длинным названием: Лосиноостровская. Как-то стало принятым спешить в Абрамцево, а вот если писать лес для сказок, пожалуй, стоило бы остановиться на Лосином. Есть в нем что-то таинственное, которое не разрушают даже первые строящиеся здесь дома. Плотники суетятся, подводы едут...»

Лосиноостровская возникает как дачный подмосковный поселок. Само понятие Лосиного острова означало в обиходе ста-

рого русского языка бугор, сухое место среди топей. К острову в таком смысле относилась собственно правая (от Москвы и от железнодорожной линии) часть поселка, расположенная на песчаном грунте. Левая была более низкой, глинистой и сыроватой. Но именно с этой стороны селятся одни из первых застройщиков Лосиноостровской московские банкиры Джамгаровы.

Банкирский дом Джамгаровых возник еще в 1874 г. и пользовался вполне заслуженным доверием биржевиков и промышленников. Им руководили братья – коммерции советник Иван, потомственные почетные граждане Николай и Александр Исааковичи, а в состав правления входили Афанасий Исаакович, Исаак Исаакович и сын Николая, Степан Николаевич. Помещался банкирский дом на Кузнецком мосту (№ 6). Там же находилось и родовое гнездо Джамгаровых (№ 12). В столице братья были известны своим деятельным участием в благотворительности.

Так, Иван Исаакович входил в Благотворительный тюремный комитет, имевший своей целью обеспечивать материально освободившихся после отбытия наказания заключенных, их семьи. Отдельно комитет заботился о тех, кто оказался в долговой яме, не будучи в состоянии выплатить свои долги.

Благотворительные взносы И. И. Джамгарова оказались так значительны, что он избран пожизненным почетным членом комитета. Его племянник Степан Николаевич берет на себя обязанности директора Яузского отделения Московского совета детских приютов. И оба они заботятся о том, чтобы их подопечные могли на летние месяцы выезжать в Лосиноостровскую. Джамгаровы углубляют и расширяют старый пруд в рождающемся поселке и поддерживают вскоре возникшее Общество благоустройства «Джамгаровки», которое представляет Вера Ильинична Забизовская. О детском досуге летом заботится жена И. И. Джамгарова – Екатерина Власьевна.

Другими «первооткрывателями» зарождающейся Лосиноостровской становится семья Гриневых. Еще не так давно в мос-

В. Перов. Последний кабак у заставы

ковском обиходе существовало понятие «Гриневской крепости», как называли землю от Верхней Красносельской до линии Северной железной дороги: когда-то здесь существовал большой пруд, давший название улицам и переулкам — Красный. Со времен Петра I Москва съезжалась сюда на Троицкое гуляние. На берегу пруда располагались владения многих соратников Петра, в том числе А.Д. Меншикова, любимой царской сестры царицы Натальи Алексеевны.

С появлением Петербургской, а затем и Северной железной дороги понадобилась земля для нужд железнодорожного хозяйства. Пруд начали постепенно засыпать. Среди приобретаемых появляющуюся землю были Гринева, семье которых вплоть до 1917 г. принадлежало несколько домов в Красносельских переулках. Они же пожертвовали часть своего участка Алексеевскому монастырю для устройства кладбища. Из троих детей служившего «по судебному ведомству» Егора Ивановича Гринева Иван Егорович стал художником Московской конторы императорских театров и основал существующее поныне собрание произведений западноевропейского искусства XIV—XVII вв. Двое других — дочь Ираида и сын Василий занялись предпринимательской деятельностью и в ходе нее обратили внимание на начинающую строиться Лосиноостровскую.

Супруга старшего биржевого маклера на Московской хлебной бирже, Ираида Егоровна Попова оказывается в числе первых в России женщин, занявшихся маклерским делом. Причем специализируется она не на простой недвижимости, а на продаже фабрик и заводов. Сын Поповых учится в Кадетском корпусе, дочь оканчивает Высшие женские курсы и становится врачом-акушером. И.Е. Попова не только строит в Лосиноостровской несколько огромных дач, выделявшихся искусной резьбой — резчики из Пушкина славились в этом отношении исключительным мастерством. По ее заказу архитектор планирует большие открытые террасы на первом и втором этажах. И.Е. Попова участвует значительными средствами в благоустройстве улиц и организации местной гимназии.

Василий Егорович Гринева многие годы остается старшиной и председателем Московской Мещанской управы, которая располагалась в центре Москвы, в Гюргиевском переулке. В качестве выборного московского мещанского сословия он также долго входит в Городскую управу. Известна широкая благотворительная деятельность Василия Егоровича. Он выступает попечителем Покровской мещанской богадельни на 1100 мест. Следит за ее обеспечением, финансовые нехватки восполняет из собственного кармана, заботится о гостинцах, которыми отмечался каждый праздник — Рождество, Пасха, двенадцатые праздники. Богадельня по организации считалась едва ли не лучшей в Москве.

Те же заботы В.Е. Гринева переносит и на Лосиноостровскую. Он участвует в летних каникулах в Лосиноостровской Городского сиротского приюта имени братьев Бахрушиных. В зимнее время приют располагался в собственном доме на 3-м Лучевом просеке, у Алексеевской водокачки. Благодаря В.Е. Гринева сюда могут выехать Приют имени доктора Ф.П. Гааза, «доктора бедных», как его называли в Москве, — зимой приют находился на Оленьем Камер-Коллежском валу, — и даже Елизаветинские Алексеевские ясли. В.Е. Гринева участвует в проведении в

Лосиноостровской водопровода. Кстати, принадлежавший ему дом был построен тем же архитектором, что и дом сестры, но только по другую сторону железной дороги.

В целом население постепенно образовывавшегося поселка отличалось не только зажиточностью, но и живым интересом к оборудованию возможно большего круга коммунальных удобств. В результате появляется Общество благоустройства местности «Лосиноостровская», которое располагалось вблизи железнодорожной станции, в здании местной гимназии. Но правление Общества находилось в Москве, на Старо-Басманной улице (№ 15).

Председателем Общества в последние предреволюционные годы был Сергей Павлович Золотарев, имевший собственную дачу на участке № 112 по Станционному проезду. Товарищем председателя выступает редактор газеты «Лосиноостровский вестник» Александр Иванович Никитин, казначеем – инженер путеец Семен Гаврилович Будаков из Службы тяги Северной железной дороги. Среди членов правления Общества с Северной железной дорогой был связан и Валерий Андреевич Петровский – контролер при Службе сборов. Стоит перечислить и другие имена общественных деятелей Лосиноостровской – у их потомков могут оказаться самые неожиданные материалы по истории Лосинки. Это Алексей Иванович Котельников, Семен Петрович Митрофанов, Эдуард Эразмович Тиери, Виктор Александрович Птицын, Сергей Николаевич Красовский.

Особого внимания заслуживает приват-доцент Московского университета по физико-математическому факультету Александр Александрович Борзов, всего лишь арендовавший дачу Носилова по Савеловскому проезду, но практически безвыездно живший в Лосинке. Он преподает математику в Практической Академии коммерческих наук, которая размещалась на Покровском бульваре, является старшим помощником директора императорского Румянцевского музея (директором был князь В.Д. Голицын). В Лосиноостровской А.А. Борзов хлопочет о благоустройстве улиц – почти все они представляли проложенные в лесу просеки – и открытии большой библиотеки.

В Лосинке возникает и еще одна общественная организация – Общество благоустройства Лосиноостровского поселка торговых служащих, который располагался по правой стороне Троицкого шоссе. Вместе с председателем Н.А. Елецким в него входили члены правления А.П. Огурцов, К.Я. Суслин, П.П. Хорошавин, В.Н. Марков и А.И. Кольхерт.

Через 12 лет после того, как была срублена первая дача, в Лосиноостровской открывается гимназия, в 1911 г. лечебница. Закладывается основа местного музея, который в 1920-х гг. будет окончательно оформлен Главнаукой как Опытно-лабораторный музей по изучению района (Осташковское шоссе, 63). К 1917 г. в поселке насчитывалось более 1500 домовладений, большинство из которых было занято постоянно живущими жильцами. На летний сезон выделялась лишь небольшая часть площади для дачников, особенно дороживших целебными особенностями Лосинки: она была признана одним из лучших в Подмосковье мест для лечения туберкулеза.

В письмах Константина Коровина тех лет есть строки: «Лосинская все больше начинает походить на европейский курортный городок, пожалуй, только более шумный и оживленный, чем у

немцев. Но та же яркая гуляющая публика, те же непременные больные в окружении служащих и врачей, дети с гувернантками, скучающие барыньки. Как-то странно видеть все это на пути в лавру. Меняются времена, ничего не подделаешь, меняются!»

Сходство с немецким курортным городком было сразу уничтожено после 1917 г. Прежде всего сменили свое название почти все улицы. Вдоль железнодорожного полотна, с правой стороны, около платформы, протянулся проезд Троцкого, через дорогу — Ульяновский проезд. Появились Коминтерновская улица (параллельно пр. Троцкого), проезды Карла Маркса, Чичерина, Луначарского, Коммунистов. В 1925 г. поселок объявляется городом. Предполагалось, как утверждает современный путеводитель, в следующем же году пустить от Москвы до Пушкина, через Лосиноостровскую, автобусную линию, а, возможно, и трамвайную.

Население Лосиноостровской стремительно растет. По существу, она становится городом-спутником. Летом 1929 г. Москву с Мытищами соединяют электропоезда. В 1930 г. электролиния протягивается до Пушкина и до Щелкова по Щелковской ветке. В 1930-х гг. в Лосиноостровской в центре города оборудуются два больших сосновых парка.

В 1939 г. город Лосиноостровск переименовывается в город Бабушкин в память уроженца соседней деревни Бордино известного полярного летчика Михаила Сергеевича Бабушкина. Окончив в числе первых русских авиаторов в 1915 г. Гатчинскую военно-авиационную школу, Бабушкин с 1923 г. работал в Арктике. Он участвовал в спасении экспедиции Нобиле (1928), в экспедициях на пароходе «Челюскин» (1933) и ледоколе «Садко» (1935), в высадке дрейфующей станции «Северный полюс-1» с папанинцами (1937). Погиб Бабушкин в авиационной катастрофе, а в 1960 г. Лосиноостровская лишилась его имени. Памятью о летчике осталось наименование улицы и станции метрополитена, выстроенной в 1976 г. по проекту архитекторов В.И. Клокова и Л.Н. Попова.

Сегодня это просто часть Москвы — сколько разных и неповторимых уголков вобрала в себя древняя столица! И все же неповторимость Лосинки продолжает сохраняться — стоит внимательнее всмотреться в ее улицы с новой застройкой, в остатки былых рощ, в лица людей.

МОСКОВСКАЯ ЖИЗНЬ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Начало XX столетия — оно рисуется в архитектурных образах модерна, мелькающих кое-где на столичных улицах. Мелькающих — потому что далеко не всегда реставрация в нынешнем понимании означает скрупулезное возрождение первоначально сооруженной постройки. Гораздо чаще приходится говорить о своего рода неавторизованном переводе былого со-

чинения, для чего всегда находятся убедительные оправдания, и среди них на первом месте — требования, потребности нового владельца, арендатора, проектирующего район архитектора.

Но главная и действительно невосполнимая наша потеря — бытовая среда той такой далекой и привлекательной жизни. Из чего она и как складывалась, в какой ауре возникало и поддерживалось мироощущение и мировосприятие поэтов, музыкантов, художников и тех, кто нуждался в их творчестве. Просто комнаты, просто квартиры, просто входные двери и лестничные клетки. Их напрочь сметает новое представление о комфорте, собственной значимости в мире шальных денег и отсюда глубочайшего презрения к окружающим. И все это, по сути своей, полное отрицание смысла Серебряного века.

Москва сто лет назад — город превосходных доходных домов и все еще сохраняющихся старых особнячков, город электрификации и газовых фонарей, газификации и русских печек в просторных кухнях верхних этажей, ломовых извозчиков и автомобильных салонов самых дорогих и популярных в мире автомобильных фирм. Достаточно сказать, что таких салонов в городе было больше десятка, а рядом с ними красовались магазины, торговавшие спортивными... самолетами. Но главное — Москва представляла город, где первенствовал дух общежития, потребности общения, постоянных дружеских встреч, разговоров, завязанных споров, кипевших на столах самоваров, около которых они происходили.

...Дом 22 по Цветному бульвару — домовладение деда поэта В.Я. Брюсова. Жилой двухэтажный особнячок с подслеповатыми окошками. В глубине двора такой же двухэтажный флигелек, занятый пробочной фабричкой. Хозяйская квартира выходила на бульвар. Углы комнат занимали зеркала голландских, белого

Дом Морозовых на
Спиридоновке. Парадная
лестница

Павильон у Старых
Триумфальных Ворот,
сооруженный ко дню
коронации Николая II

кафеля, печей с начищенными медными вьюшками. Такой же начищенный медный лист помещался у топки. От натертых до зеркального блеска паркетных, в крупных квадратах, полов тянуло приторным запахом воска. Свет из окон терялся в буйной листве расставленных по стенам широколистных латаний, рододендронов. В дедовских комнатах они уступали место разросшимся до потолка фикусам. Спускавшаяся с потолка керосиновая лампа под широким абажуром с бисерным подбором бросала ровный свет на багрово-коричневую ковровую скатерть. Поблескивали медные подсвечники на стареньком пианино с круглым, на винте, табуретом. Модную мебель сюда не вносили. «Грелись душой», по выражению В.Я. Брюсова, у уходящей эпохи.

Это здесь собираются Андрей Белый, И.А. Бунин, приходит Константин Бальмонт, впервые приехавший печатать свои стихи Александр Блок, составляются три коллективных книги московских поэтов-символистов «Русские символисты». «Мы не отталкивались от прошлого — мы выходили из него с полным пиететом к достигнутому им», — говорил Блок.

Иное — дом № 3 в Померанцевом переулке. В полном смысле этого слова — доходный. С просторным подъездом. Широки-ми маршами лестниц. Двойными дубовыми дверями в квартиры, где висели массивные электрические звонки в дубовых коробках. Крепились на стенах прихожих массивные вешалки с деревянными штырями для верхней одежды. Занимали углы грузные подставки для зонтов. А иногда висел на стене и телефонный аппарат — деревянный, с ручкой вызова станции и черной трубкой.

Еще в 1980-х гг. все это сохранялось в квартире Толстых, родственников последней жены Сергея Есенина. Здесь прошли невеселые месяцы жизни поэта. С балкона под угрюмой колон-

Окружная железная дорога. 1902–1908 гг. Пассажирское здание на станции «Воробьевы горы»

Гараж общества «Мерседес» в Неглинном проезде. Фасад конторы

надой он выбросил на мостовую собственный скульптурный бюст. Отсюда уехал на Николаевский вокзал, чтобы вернуться в Москву в гробу. Знал, что не вернется живым, что грозит ему смертельная опасность и... не мог не уехать.

Толстые ничего не переменили в квартире. Все также в глубине коридора скрывалась за широкой дверью ванна на львиных лапах. Чугунных, с кривыми когтями. С ней поэт имел обыкновение здороваться каждое утро. В противоположную сторону от спальни и ванной уходил из прихожей, ломаясь под прямым углом, коридор в залитую солнечным светом кухню. Примостившись у столика на грубо сколоченной и тоже сохранявшейся табуретке, пил с прислугой чай в утренние часы. Смотрел на Москву-реку у Крымского моста. На буйную зелень сада Всеволожских в конце Остоженки.

Как же надо было все сохранить! Пытались. Историки. Журналисты. Сами Толстые. Не вышло — дом был предназначен под элитную перепланировку: престижный район, прочная коробка здания.

ДОМ В ГНЕЗДНИКАХ

Пани Марья сказала: «Дом в Гнезdnиках... Если бы удалось побывать в Москве, первым хочу увидеть дом в Гнезdnиках». Она выговаривала необычное даже для москвичей слово очень старательно, с четкой буквой «н», как редко услышишь на наших улицах. А здесь...

В распахнутую на просторное крыльцо дверь тянуло прелью весенней земли и первой зеленью. На грядке кустились первые ландыши. Дорожка прямо от ступенек убегала в заросший ежевикой овраг. За ним в лиловеющей дымке теплого апрельского дня морской зыбью колыхались пологие холмы.

Дом Марьи Кунцевичевой в Казимеже Дольном, иначе Казимеже на Висле, — о нем в Польше знают все. Нет путеводителя по этому одному из древнейших на польской земле городов, где бы рядом с могучими руинами замка Казимира Вели-

кого XIV столетия, резными фронтонами «каменичек» XVII в. на площади Рынка не было бы его снимка: двухэтажный черный сруб на высоком белокаменном подклете под перекрытой дранкой кровлей, у вековых плакучих берез. Нет туриста, который бы не поднялся по глубоко врезанному среди лещины и вязов оврагу, чтобы взглянуть на место работы писательницы, очень необычной и по почерку своих сочинений, и по человеческой судьбе.

Поляки называют ее польской писательницей, американцы с таким же правом — американской, а англичане считают ставшего бестселлером «Тристана 1946» частью своей литературы. Военные годы прошли для Кунцевичевой на английской земле. Позже она преподает славянскую литературу в одном из американских университетов, но все свободные месяцы проводила в Казимеже. Ограды у ее дома нет. Он давно передан пани Марьей соседнему дому отдыха Союза журналистов, с тем чтобы, когда ее нет в Казимеже, в нем могли работать ее коллеги.

Час от часа она возвращается к духу своих довоенных рассказов, ироничных и горьких, о варшавских нравах и нравах маленького Казимежа, о его обитателях, которых помнят уже слишком немногие. Но еще раньше в ее жизни была Россия. Приволжский город. Консерватория, которую открывали родители. Поездки в Москву, и та, которая запомнилась особенно. Начало зимы 1914 г., чествование Герберта Уэллса в доме на Гнезdnиковском: Москва выбрала для торжества помещавшийся в его подвалах театр «Летучая мышь».

Уэллсом в те годы увлекались по-разному. Одних поражала его фантастика, научное провидение. В своем романе «Война в воздухе» он первый сказал, чем станет в скором будущем военная авиация, а в «Освобожденном мире» — о возможности использования внутриатомной энергии, — они оба непосредственно перед приездом писателя в Россию стали известны читателям. Но был еще Уэллс-бытописатель, увлекавший главным образом читателей. Пани Марья не задумываясь называет: «Анна-Вероника», «Брак», «Страстная дружба». Они тоже только вышли, ими тоже зачитывались.

Что осталось в памяти... С Тверской въезжали, как в ущелье. Терявшийся в темноте неба дом сверкал сотнями огней. У подъезда с широкими стеклянными дверями трубили клаксоны автомобилей. В просторном вестибюле пышнейшие взбитые дамские прически. Теснейшие шелковые платья с тренами. Студенческие куртки. Офицерские мундиры. Толпа, добивавшаяся автографов. Веселый голос Уэллса, пытавшегося выговорить русские слова. Смех... На книжной полке у меня стоит экземпляр «The war in the air» с авторской надписью одному из первых русских военных летчиков Павлу Стефановичу Лаврову, моему деду, погибшему на фронте Первой мировой войны от подложенной в аэроплан адской машины.

По прошествии без малого сорока лет польская и английский писатели встретятся в Лондоне. Г. Уэллс припомнит дом на Гнезdnиковском как кусочек Америки, но в русском, по его выражению, соусе. С крыши десятого этажа, куда поднимал отдельный лифт, был виден Кремль и Василий Блаженный. Вблизи вздымались стены Страстного монастыря — кто-то объяснял, что с его колокольни раздался первый удар колоко-

ла, оповестивший Москву об освобождении от наполеоновских войск. Об опущенном сугробами Тверском бульваре родители говорили с особенным чувством – место встреч Адама Мицкевича с Пушкиным и своей неудавшейся любовью Каролиной Яниш, которая станет поэтессой Каролиной Павловой. Несмотря на зимние холода продолжала светиться огнями прозрачная «Греческая кофейня», где собирались литераторы. А рядом звучала музыка и кружились пары на скеттинг-ринге, – предмет всеобщего увлечения, такой же каток был устроен и на крыше ресторана «Прага».

Всего-навсего две недели, проведенные Г. Уэллсом в тот первый свой приезд в Петрограде и Москве. Впечатления были разными. Но не «Летучая мышь» ли предприняла, что через шесть лет писатель без колебаний примет приглашение снова приехать в Россию, – оно исходило от приехавшего в составе советской торговой делегации Льва Каменева. Несмотря на все слухи и предостережения. Кстати, к этому времени его сын уже вполне сносно изъяснялся на русском языке. Но его помощь при разговоре отца с Лениным не потребовалась. Ленин, к изумлению Г. Уэллса, свободно говорил по-английски и не нуждался ни в каком переводчике. Русская тема по-своему осталась и в творчестве Марьи Кунцевичевой. Неясный и волнующий образ дома-гиганта, собравшего столько человеческих судеб. Русские народовольцы. В семье пани Марьи один из ее членов, романист Ян Юзеф Щепаньски напишет дилогию об Антони Березовском, отчаянном смельчаке, решившем в Париже, в одиночку, застрелить Александра II и поплатившемся пожизненной каторгой в лесах Новой Каледонии, – «Икар» и «Остров». Пани Марья роется в огромной библиотеке, дарит и эти книги и мимоходом роняет вопрос: «Писателей и теперь продолжают чествовать на Гнездниковском?»

И все-таки название... Все ведущие справочники «Имена московских улиц» не знают и тени колебания: «гнездники» – мастера литейного дела, название известно с XVIII в. Справочники переиздаются почти из года в год, но если отступить по их следу на двадцать лет, у истоков сведений окажется книга П. Сытина «Откуда произошли названия улиц Москвы» с более подробным объяснением, что гнездники, собственно, мастера частей дверных петель, что в 1648 г. в этом месте был известен двор «Ивашки-гнездника», а само слово известно в обиходе с 1604 г. Подробно и не убедительно.

Прежде всего в многочисленных и впервые начавших производиться московских переписях XVII в. профессии гнездника по существу нет. Если в обиходе и существовало подобное определение, оно было слишком редким, чтобы так стойко удержаться в отношении переулков. Но ведь существует и иное истолкование того же слова: гнездник – птенец ловчей птицы, вынутый из гнезда и воспитанный для охоты. Специалисты по подобному воспитанию ценились особенно высоко. А неправильное истолкование старых названий в Москве – явление далеко не редкое. Так, Столешники объясняются жизнью в этом уголке Москвы столяров, делавших столы, вернее, их верхние доски – столешницы. Те же переписи XVII в. свидетельствуют, что никаких столяров в переулке не было, зато жили ткачи, специалисты по скатертям – столешникам, Трубниковский пе-

реулок упорно связывается с целой чуть ли не слободой трубочистов, хотя в действительности переулок сохранил название «Государева съезжего двора трубного учения» — первой в Москве государственной музыкальной школы, и трубниками назывались исполнители на духовых инструментах.

Что же касается одинокого «Ивашки-гнезdnика», если подразумевать под ним ремесленника, то сохранились в соседней церковке Рождества Богородицы в Путинках надгробия оловенничника Семена Иванова, зелейщика — порохового мастера Ивана Юрьева. Профессий было множество, но ремесленных слобод в этих местах не сложилось. Да и у Гнезdnиковских переулков с течением времени названия все же менялись: Большой назывался Урусовым, Исленьевым, Малый — Шереметевским и Вадбольским.

Лев Федорович Жегин, сын знаменитого московского архитектора Ф.О. Шехтеля, не носивший фамилию отца в силу сложных семейных отношений, уверял: Бурлюк поселился в доме на Гнезdnиковском после чествования Уэллса. В год окончания занятий в Московском училище живописи, ваяния и зодчества или, пожалуй, сразу по выходе из него, выходе, в который никто из приятелей не был в состоянии поверить. За Бурлюком слишком прочно укрепилась слава вечного студента. Никаких дипломов и свидетельств он не искал, а его жажда знаний в изобразительном искусстве была неиссякаемой. После Казанского и Одесского художественных училищ он оказывается в Королевской Академии Мюнхена у прославленного В. Дица, чтобы сменить его на студию Ф. Кормона в Париже. Он участвует в 1910 г. в организации «Бубнового валета», что не мешает ему одновременно поступить в Московское училище и заниматься в нем еще четыре года. Его профессиональные познания не сравнить с художественным багажом занимающегося рядом с ним Маяковского, и в свои тридцать лет он вправе сказать слова, которые сделают «Вадима Вадимыча» поэтом в собственном сознании: «Да это же ж вы сами написали! Да вы же ж гениальный поэт!» В 1913—1914 гг. они совершат вместе с В.В. Каменским, втроем, поездку с выступлениями по России. Жегину, тесно дружившему с Маяковским, помогавшему в выпуске его первого, на светочувствительной бумаге, сборника стихов, представлялось, что именно после этой поездки Маяковский переехал на Большую Пресненскую, 36, а Бурлюк на Гнезdnиковский. В респектабельнейшей холостяцкой квартире над «Летучей мышью» обосновался далеко не респектабельный штаб русских футуристов.

Благодаря застенчивой настойчивости Льва Федоровича в какой-то день мы оказались с ним за заветной дверью, хотя новые хозяева не проявляли ни малейшего интереса к истории. Квадратная, почти сорокаметровая комната с единственным, во всю стену, очень низко опущенным окном. Темный альков для ванны и импровизированного буфета — кухонь в холостяцких квартирах не было. Вид на глубоко запавший вниз Леонтьевский переулок и когда-то золотившийся вдали купол храма Христа. По словам Жегина, хозяин никогда не бывал в одиночестве. Его расставленные по всей комнате холсты, разбросанные рисунки и записки мешались с чужими рукописями и набросками. Особенно давало о себе знать присутствие брата хозяина — Владимира Бурлюка.

В то время как старший постоянно искал, — не случайно автор биографической заметки в первом издании Большой Советской Энциклопедии напишет, что Бурлюк «перепробовал все разновидности крайних левых течений в искусстве», — младший ограничился парижской Школой изящных искусств и первым начал выставляться: еще в 1907 г. на московской выставке «Голубой розы», в 1910–1911 гг. на выставках «Бубнового вальса». Во время переезда брата на Гнезниковский он участвует в парижском Салоне независимых и готовит к показу на следующий год в Риме свои картины — так называемые «освобожденные слова».

Гости — Маяковский, Казимир Малевич, Павел Кузнецов, Елена Бебутова, Василий Каменский, Велимир Хлебников. Уехавший в Петроград в январе 1915 г. Маяковский в марте — мае того же года приезжает и останавливается у Бурлюка. Жегин вспоминал, каким особенным удовольствием казались прогулки по крыше и лишняя возможность взлететь на лифте на десятый этаж. В этом была своеобразная символика, что дом на Гнезниковском становится участником событий Октября 1917 г.

Шел четвертый день восстания, когда красногвардейцы наконец приобрели так необходимое им оружие. Красногвардеец И. Маркин при проверке составов на путях Казанской железной дороги обнаружил вагоны с сорока тысячами винтовок. И почти одновременно у юнкеров были отбиты Симоновские пороховые склады, доставившие восставшим амунизию. В то время как будущий Моссовет уже был в руках красногвардейцев, градоначальство на Тверском бульваре, как и Никитские ворота, находилось в руках юнкеров. 28 октября подтянутые к Страстной площади колонны Красной гвардии и солдат были сгруппированы в три сводных отряда. Первый начал контрнаступление по Тверскому бульвару в направлении Никитских ворот, второй обходным маневром занял все дома по противоположной от градоначальства стороне бульвара, третий — дом на Гнезниковском как наиболее высокую точку района. С утра 29-го началась атака на градоначальство. Но отсюда же начинают свое наступление на Москву и футуристы.

Не проходит и месяца, как в соседнем Настасьинском переулке, в помещении бывшей прачечной, друзья открывают «Кафе поэтов». К сожалению, справочная литература по Москве не точна: устроителями его были В. Каменский и В. Гольцшмит. Бурлюк и Маяковский участвовали в оформлении помещения вместе с тем же Каменским, В. Хлебниковым, В. Ходасевичем и Г. Якуловым. Все предварительные эскизы и проекты делались в доме на Гнезниковском. О кафе напишет в своих воспоминаниях «Великолепный очевидец» В. Шершеневич: «В маленькой хибарке было кафе жизни. Там собирались не только поэты. Туда приходили попавшие с фронта бойцы, комиссары, командиры... Там гремели Маяковский и Каменский, там еще выступал неэмигрировавший Бурлюк. В переулке раздавалась пальба, за стенами шла жизнь... В этом кафе родилось молодое поколение поэтов, часто не умевших грамотно писать, но умевших грамотно читать и жить. Голос стал важнее орфографии».

Отдельные страницы составили выставки тех месяцев, к которым готовились по-новому — тщательно и расчетливо. Од-

новременно с «Кафе поэтов» в салоне К.И. Михайловой открывается функционировавшая до 3 декабря выставка «Бубнового валета». Критик отзовется о ней, что она, «как доброе бабье одеяло старого типа, сложена была по кусочкам. Один — изрядный кусок состоял из полотен, откровенно подобранных для заполнения стен (...) Второй кусок из остатков «Бубнового валета» с Давидом Бурлюком в центре... Третий кусок «Бубнового валета» — собрание работ А. Экстер. Это самая привлекательная часть выставки. Художница огромного темперамента, настоящий живописец (...) Последний наконец кусок выставки составила группа «супрематистов» — Малевич, Клюн, Пуни, Розанова, Давыдова и т.д. «Геометрия в красках» здесь процветает; как и в минувшем году — все те же параллелограммы, круги, треугольники, заполненные краской разного цвета и стоящие друг к другу в известных пространственных отношениях (...)».

В день закрытия выставки Бурлюк, Каменский и Малевич прочитали здесь доклады на тему «Заборная живопись и литература». Печатавшие эту информацию «Русские ведомости» не находили слов для выражения негодования. Но сама по себе тема новой не была. В своей опубликованной в 1918 г. книге «Звучаль Веснеянки» Василий Каменский опубликовал «Декрет о заборной литературе, о росписи улиц, о балконах с музыкой, о карнавалах искусств»:

*Давайте все пустые заборы —
Крыши — фасады — тротуары —
Распишем во славу Вольности,
Как мировые соборы...
Расцветайте, была не была,
Во все весенние колокола —
Художники — великие Бурлюки,
Прибывайте к домам карнавально
Ярчайшие свои картины,
Тащите с плакатами тюки —
Расписывайте стены гениально,
И площади — и вывески —
и витрины...*

О положениях докладов спорили и договаривались в штабе на Большом Гнезdnиковском. Тем неожиданнее кажется приготовленное в те же дни выступление Маяковского на 2-й выставке современного декоративного искусства «Вербовка» — по названию села на Киевщине, откуда были представлены вышивки, кружева и плахты. А 30 декабря по старому стилю друзья примут участие в шумной «Елке футуристов» в Политехническом музее — Бурлюк, Гольцшмит, Каменский и Маяковский. Л.Ф. Жегин-Шехтель называл в связи с ними еще одно имя привычного гостя в квартире дома Нирензее — И.В. Лотарева (Игоря Северянина).

Громкое имя «короля поэтов» Северянин получил 27 февраля 1918 г. все в том же Политехническом музее, на специальном заседании, где председательствовал известный критик П. Коган. Первые три места в соревновании распределились: Северянин — Маяковский — Бальмонт. По словам Жегина, Северянин подсмеивался, что они с Маяковским родились в один год — 1913-й, когда Маяковский издал свой первый самодельный сборник, а Северянин выпустил нашумевший «Громокипящий кубок» с пре-

Доходный дом
в Большом Гнезниковском
переулке (1912). Вид
со Страстной площади

дисловием Федора Сологуба. Почти одновременно они пустились странствовать со своими поэтическими концертами, в декабре 1913 – январе 1914 встретились во время гастролей и вместе выступали в Харькове, Симферополе, Севастополе, Керчи. В той же поездке участвовали Д. Бурлюк и В. Каменский. Но одна демаркационная линия соблюдалась обоими молодыми поэтами очень тщательно: Северянин гордился тем, что провозгласил в России футуризм, точнее – эгофутуризм (в отличие от Маринетти), Маяковский – несколькими месяцами позже – кубофутуризм. Они церемонно обращались друг к другу по имени-отчеству, но были связаны по-настоящему приятельскими отношениями. Выступал ли Северянин в «Кафе поэтов», Жегин не мог вспомнить, хотя это и представлялось вполне вероятным. Кстати, очередная неточность наших справочников по Москве: «Кафе поэтов» просуществовало не два месяца, а почти полгода и закрылось только в апреле 1918 г. Вообще дом со дня своего рождения имел для всех москвичей имя – дом Нирензее, по имени своего строителя и первого владельца. Э.К. Нирензее был архитектором, построившим в городе несколько одинакового типа домов, ультрасовременных, снабженных всеми возможными в те годы удобствами и комфортом. Законченный в 1912 г. корпус на Большом Гнезниковском переулке оставался самым импозантным и богатым по отделке. Л.Ф. Жегин, знавший обстоятельства строительства со слов отца, вспоминал о слухах, которые приписывали Нирензее редкую практичность: будто строил он под выданный банком кредит и тут же выгодно продавал законченное здание, чтобы повторить ту же операцию. Покупателем на этот раз оказался Дмитрий Рубинштейн, постоянный спутник и подручный Григория Распутина. Возможно, сыграло здесь свою роль то, что рядом, на Тверском бульваре, находился особняк Рубинштейна.

В начале XIX в. это было одно домовладение, перешедшее в руки отставного фаворита Екатерины II И.Н. Римского-Корсакова, – нынешние дома № 24 и 26 по Тверскому бульвару. Здесь бывал Пушкин, увлекавшийся рассказами хозяина о нравах екатерининского века, был частым гостем П. Вяземский, гостили

заезжие театральные знаменитости — актрисы Каталани и Филлис. В великолепном открытом для москвичей саду с огромными цветниками, фонтаном, прудом и лодками на нем бывал в детстве маленький Л. Толстой. Одну зиму здесь провел С.Т. Аксаков. На нее припала его встреча с проезжавшим через Москву Т. Шевченко и вернувшимся из Сибири С. Волконским. По просьбе Марии Николаевны Волконской Аксаковы устроили праздник святок.

В дальнейшем домовладение разделилось самым неожиданным образом. Дом № 24 принадлежал участнику убийства Григория Распутина Феликсу Юсупову, соседний, под № 26, — ближайшему подручному «старца» Дмитрию Рубинштейну. Все выглядело так, будто Рубинштейн собирался прочно обосноваться в Москве. На деле получилось иначе. Как утверждала молва, «Митька» проиграл дом Нирензее — случайно или, как обычно, с расчетом — Распутину, записав проигрыш на собственном крахмальном манжете. Правда, воспользоваться выигрышем «старец» не успел — его не стало в конце 1916 г. После Октября дом Нирензее стал Домом Моссовета.

Сергей Юткевич в своих воспоминаниях признавался, что, подобно многим, считал «Летучую мышь» обычным кабаре и был искренне удивлен, впервые увидев ее постановки. Если в своем репертуаре театр склонялся к комедии и юмору, то делал это на высоком актерском уровне. Об этом уровне можно судить по тому, что его представлял актер Николай Подгорный, игравший, по словам Юткевича, «в лучших мхатовских традициях» одного из главных персонажей в инсценировке гоголевской «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». Достаточно часто в «Летучей мыши» проходили благотворительные вечера в пользу студентов Московского университета — их организовывало правление студенческой кассы взаимопомощи Союза землячеств при университете, — выступали все звезды московской сцены, начиная с А. Южина и Ф. Шаляпина. «Летучую мышь» в начале 20-х гг. сменил «Кривой Джимми», гораздо менее памятный московским театрам, может быть, в силу необычности своего репертуара. Это был по преимуществу авторский театр — в одном вечере исполнялись произведения одного автора, который к тому же выступал и сам с пояснениями или в качестве исполнителя. Потускнели, подчас и вовсе стерлись имена, остались только свидетельствующие об успехе афиши. В марте 1923 г. например, идет 100-е «представление А. Алексева «Женитьба». Все 10 пародий в один вечер». Через день состоится «вечер произведений Н. Агнивцева: Бродячие музыканты, Урок танцев. Замоскворецкий амур, Грум-Мум и 4 Монденки, Ю-Ю-Ю». Были здесь в программе — без указаний имен авторов — одноактные пьесы «Блуждающая совесть», «Казус в студии», «Сан-Суси в Царевококшайске», «Три бандита из Торонто», балеты «Музыкальная табакерка», «Персидский ковер». Любимцем публики был и часто выступавший Н. Евреинов. В один вечер шли его сценические гротески «Кулисы души», «Школа этуалей», «Коломбина сегодня» и в заключение предлагались авторские песенки.

Николая Николаевича Евреинова критики называли русским Оскаром Уайльдом. Драматург и театальный теоретик, он считал присущий человечеству так называемый инстинкт «те-

атральности» основой всякого «жизненного порыва» и «творческой эволюции». Этот инстинкт театрального «преображения», в его истолковании, становился «всемагнитом и всемогущим» человечества на всем пути развития цивилизации. Отсюда искусство жизни истолковывалось как своего рода «театр для себя», а в сценических постановках Евреинов искал адекватного решения, при котором зритель становился бы участником разыгрываемой на сцене монодрамы. Такие опыты делались им на сценах театров Комиссаржевской и Суворина в Петербурге. Неудовлетворенный результатами, он обращается к малым формам сценического гротеска, которые осуществляются в «Веселом театре» и в знаменитом «Кривом зеркале». «Кривой Джимми» послужил их продолжением. Сохранились воспоминания современника о том, как проходили еврейновские вечера. «Его вечер состоял из пьесы «Веселая смерть» и сольного выступления самого автора в неожиданной роли исполнителя «интимных песенок» собственного сочинения. Потряхивая своей длинногрой шевелюрой (непривычной в те годы), популярный проповедник «театра для себя» усаживался за рояль и, откровенно фиглярничая и как бы иллюстрируя свои философские формулы, играл роль «любимца публики». Не помню содержания его репертуара, но один из трюков был забавный. Евреинов напевал, вернее, наговаривал (голоса у него не было, не существовали и микрофоны) текст о слоненке, учившемся игре на пианино. После нескольких аккордов Евреинов проделывал по всей клавиатуре виртуозный пассаж, обрывая его на самой высокой ноте, — так он изображал слезу, скатившуюся из глаз слоненка. На паузе автор вопрошал о причине грусти животного, и тот отвечал: «Как же мне не плакать, если, может быть, я играю на костях моей любимой матушки». И прославленный создатель «Старинного театра» и режиссер «Кривого зеркала» неизменно уходил под аплодисменты... Но гораздо любопытнее, чем этот коммерческий «экспозиционизм», было представление его же пьесы «Веселая смерть». Арлекина блестяще играл известный провинциальный актер А.Г. Крамов, но на меня прежде всего произвела сильное впечатление декорация — она была яркой и выразительной: огромные, в два человеческих роста, красно-белые ромбы прорезали все сценическое пространство».

Стояло в списке авторских вечеров «Кривого Джимми» и еще одно имя, мимо которого сегодня уже нельзя пройти. Имя, дважды связанное с домом Нирензее — успехом в подвале и неудачей всей жизни на последнем, одиннадцатом этаже.

Его рекомендовали в Союз писателей П. Антокольский и Н. Асеев, Всеволод Вишневский и философ В. Асмус, Г. Шенгели и П. Лидин, П. Павленко и С. Мстиславский. Список можно было бы продолжить в бесконечность, потому что речь шла о писателе-легенде. Но председательствующий Александр Фадеев не стал скрывать изумления по поводу такого единодушия товарищей — он просто никогда не слышал имени рекомендованного. Легендой было все: высочайшая образованность — к юридическому факультету Киевского университета прибавились путешествия по всей Европе, знание почти всех европейских языков, греческого и латыни. Глубочайшее проникновение в проблематику истории и теории театра. Редкий талант лекто-

ра, оратора, рассказчика — его лекции пользовались исключительным успехом, и А. Таиров, приглашая Кржижановского преподавать в Государственных экспериментальных мастерских при Камерном театре, предоставлял ему полную свободу «придумать курс». Он назвал свой курс «Психологией сцены» и включил в него знакомство с философскими системами, эстетическими теориями, основами психологии, истории театра и литературы. До этого Сигизмунд Доминикович Кржижановский вел цикл «собеседований» по вопросам искусства в Киевской консерватории, в который входили разделы: «1. Культура тайны в искусстве. 2. Искусство и «искусства». 3. Сотворенный творец. 4. Черновики. Анализ зачеркнутого. 5. Стихи и стихия. 6. Проблема исполнения». Но главной для него оставалась литература.

Бывают незадачливые жизни, бывают жизни неудачные, о Кржижановском можно сказать, что его литературная жизнь не состоялась, причем потому, что ничего из его произведений не было напечатано. Вернее, он начал публиковаться с 1912 г.; появились его стихи, путевые очерки, статьи, он стал автором сценария протазановского «Праздника святого Йоргена» и первого нашего отечественного мультипликационного фильма «Новый Гулливер» режиссера А. Птушко. Но ни один из подготовленных к печати сборников прозы так и не увидел света: то закрывалось издательство, то происходили некие организационные перемены, то начинался процесс над Львом Каменевым, с которым он был связан дружескими отношениями, или и вовсе Великая Отечественная война. Сборник рассказов писателя был сдан в набор буквально за несколько дней до начала войны. Одно верно — бороться за себя, за свои произведения Кржижановский не умел, больше того — не хотел. Рукописи заполняли не один рабочий стол — всю тесную каморку на Старом Арбате, которая послужила его единственной московской квартирой. Он заслужил горькое право сказать о себе: «Всю мою трудную жизнь я был литературным небытием, честно работающим на бытие». Его иронически-философская проза должна его поставить рядом с Булгаковым и Андреем Платоновым.

Авторские вечера в «Кривом Джимми» были первым творческим знакомством писателя с Москвой, куда он переехал из Киева в 1922 г., как, впрочем, и само название театра, раньше принадлежавшее одному из популярных кабаре в киевском подвале. Сборник рассказов Кржижановского, надломивший его судьбу в 1941 г., был принят к изданию в «Советском писателе», с которым связана особая глава истории дома на Большом Гнезdnиковском.

Это было случайностью, но сложилось в традицию — литературные связи переуллка с необычным названием. Уже не первый год Моссовет покушается на судьбу дома № 3 с тем, чтобы на его месте поднять несуразную и безликую коробку здания Горплана. И никакие постановления о возвращении городу его жилых функций, о прекращении насыщения центра учреждениями, о недопустимости так называемого «островного» вторжения в исторически сложившуюся застройку не в силах противостоять чиновничьим претензиям.

Между тем в доме № 3 жил с 1830-х гг. Павел Александрович Нащокин, участник Отечественной войны 1812 г., адъютант Д.С. Дохтурова, добрый знакомый Пушкина. С лицейских лет

поэт знал его брата, известного среди друзей П.Я. Чаадаева под именем «эпикурейца Нащокина». Сводная сестра Нащокиных, Вера Александровна Нагаева, стала женой Павла Воиновича Нащокина. Пушкин и переписывался с П.А. Нащокиным, и сам бывал в этом доме.

В следующем десятилетии дом в качестве приданого переходит к известному драматургу и переводчику, секретарю Московской дирекции казенных театров К.А. Тарновскому. На русской сцене шло около полутора ста переводных и оригинальных пьес Тарновского, широко исполнялись сочинявшиеся им романсы. В доме на Гнездииковском собирались на читки и репетиции все ведущие актеры московской сцены: М. Щепкин, Д. Ленский, П. Садовский, Г. Федотова.

Не менее примечательны и последующие страницы истории дома. В конце XIX в. в нем помещалось жандармское отделение, где выправлял документы перед отправкой в ссылку в Шушенское Ленин. В годы Советской власти дом занял МУР – Московский уголовный розыск, и долгое время на третьем этаже размещался его музей. Подобное соседство делало переулочек и дом Нирензее безопасными даже в ночные часы, что особенно ценилось в нэповской Москве.

Тогда же поблизости от дома Нирензее, в бывшем доме «Митьки Рубинштейна», разместилось акционерное издательство «Огонек», издававшее, между прочим, необычайно популярный в 20-е гг. «Женский журнал» и бесчисленные литературные приложения. Оно уступило со временем место Всероссийскому театральному обществу, его фундаментальной библиотеке и издательству, но все же своеобразным культурным центром по-прежнему оставался дом Нирензее.

Наверное, в этом путешествии в хорошо знакомый дом не было настоящей нужды, но Елена Александровна Хрущева, директор 2-й Городской библиотеки и единственных в России Мемориальных комнат Н.В. Гоголя, настаивала: «Давайте пройдем дорогой, которой столько лет ходил Сабашников. Может быть, больше вспомнится. В конце концов, у Нирензее почти ничто не изменилось». Елена Александровна – родственница Сабашниковых, с детских лет подруга замечательной актрисы Елены Николаевны Гоголевой и племянницы А.И. Южина Марии Александровны Богуславской, многолетней помощницы и литературного секретаря И.Д. Папанина. Им ли – двум Лелям и Мусе – не знать старой Москвы и обихода Сабашниковых. Впрочем, младший из братьев, Сергей, ушел из жизни слишком рано – в 1909 г. Все воспоминания сосредоточиваются на старшем, Михаиле, когда к нашей экскурсии присоединяется еще и М.А. Богуславская.

Для Михаила Сабашникова это были непростые годы. Братья занялись книгоиздательским делом в ранней юности – старшему едва исполнилось восемнадцать лет, – и первым их опытом стало издание труда их учителя – ботаника-систематика и флориста П. Ф. Маевского. Выпущенные братьями Сабашниковыми его определители «Злаки Средней России» (1891) и «Флора Средней России» (1882) положили начало своеобразной Сабашниковской академии, как назовет книгоиздательство один из современников. Попасть в число напечатанных в нем значило войти в число «бессмертных», и в этом не было преувеличения –

достаточно назвать имена К.А. Тимирязева, М.А. Мензбира, П.Б. Ганнушкина, Ф.Ф. Зелинского, А.Е. Ферсмана, М.А. Цявловского. Совершенно исключительным по своему значению для развития русской культуры был выход четырнадцати сабашниковских серий: «Памятники мировой литературы», «Страны, века и народы», «Русские Пропилеи», «Памятники прошлого». Кстати, каждая из этих серий нашла свое продолжение в последующей деятельности наших издательств. «Памятники мировой литературы», в рамках которых увидели свет «Баллады-послания» Овидия, комедии Аристофана, сочинения Лукиана, Фукидида, Саллюстия, труды Петрарки, русские былины, скандинавский эпос, — в серии издательства «Наука» «Литературные памятники», «Памятники прошлого» — в нынешних «Литературных мемуарах» и т. д.

События Октября не изменили положения М.В. Сабашникова. Сыграло свою роль прямое указание Ленина. В ответ на вопрос Луначарского о судьбе частных издательств Ленин твердо указал: «Наиболее культурным из них, вроде Сабашниковых, надо помогать, пока не будем в силах их заменить полностью». Это «пока» Сабашников чувствовал с особенной остротой. Вместе с тем появлялись попытки оказать влияние на издательские планы, приходилось идти на компромиссы, которые все усиливались благодаря настойчивому вмешательству цензуры. Последняя книга с маркой собственно сабашниковского издательства вышла в 1930 г. Дальше пришлось согласиться на образование кооперативного товарищества «Север», разместившегося на последнем этаже дома Нирензее. Правда, еще продолжали выходить издания, задуманные самим М.В. Сабашниковым, но уже в 1934 г. «Север» вошел в состав издательства «Советский писатель».

Сабашников по старой привычке, но и по делам продолжал проделывать привычный путь к былому скетинг-ринку, от которого осталась открывавшаяся перед окнами нового издательства терраса. Перемены коснулись не только книгоиздательских планов. Изменился самый характер работы, подхода к редактированию, организации дела. Десятки сотрудников сменили тех пятерых-шестерых человек, которые составляли весь штат сабашниковского издательства, сумевшего выпустить за сорок с небольшим лет своего существования 540 изданий общим тиражом около полутора миллионов экземпляров. Братья Сабашниковы обладали и необходимыми организаторскими способностями — на них лежала вся административно-хозяйственная часть, — и той обширнейшей эрудицией, которая позволяла им осуществлять на самом высоком профессиональном уровне редактуру книг из любой области знаний. Передавалась в устной традиции фраза М.В. Сабашникова, что он чувствует, как человека в книгоиздательском деле начинает заменять безлика и бездушная машина. Смириться с этим было невыносимо.

Е.А. Хрущева постоянно приходила к Сабашникову за книгами для библиотеки Красного Креста, которой заведовала. Библиотека была создана по указанию Н.К. Крупской, а в дальнейшем превратилась в единственную в городе библиотеку, которая доставляла читателям книги на дом и находилась на улице Герцена, неподалеку от Консерватории. Сабашников всегда находил возможность предоставить ей бесплатно очередное издание: ассигнования на пополнение фонда были слишком

ничтожны. Тем обиднее, что все эти книги, перешедшие затем в фонд Городской библиотеки № 2, оказались списанными как устаревшие. Самые большие и невосполнимые опустошения в библиотечных фондах производились, как известно, в результате цензурных списываний.

В 1924 г. «Кривой Джимми» уступает место близкому ему по репертуару вновь образованному Театру сатиры. Репертуар последнего в течение нескольких первых лет складывался из обозрений, водевилей, памфлетов, но в доме Нирензее появляются и первые спектакли из числа современных бытовых комедий. В 1931 г. Театр сатиры, переводится на Садовую-Триумфальную (ныне Маяковского) площадь, а в доме Нирензее начинает работать только что созданный цыганский театр «Ромэн», находившийся под особым покровительством МХАТа. Иван Васильевич Хрусталеv вспоминает, как старые мхатовцы собирались у них после своих спектаклей, как вместе устраивали капустники, встречали традиционный для актеров «старый Новый год». Выиграла ли труппа «Ромэн», перебравшись в концертный зал гостиницы «Советская»? В смысле числа зрительских мест, постановочных возможностей – несомненно. Но зато безвозвратно утратила ту камерность, то непосредственное соучастие зрителей, которым так дорожили актеры МХАТа и сам Станиславский. Классика их сцены – спектакли «Табор в степи», «Кровавая свадьба», «Чудесная башмачница», «Сломанный кнут», «Грушенька» по Н. Лескову были поставлены и сыграны в доме – Большом Гнезниковском. Размещается здесь сегодня Учебный театр ГИТИСа. Достаточно ли этого для сложившихся традиций?

Между тем дом Нирензее продолжал оставаться жилым. Все годы и при всех обстоятельствах. Многих из тех, кого принял Дом Моссовета, не стало после ежовщины, на их месте появились те, кто осуществлял репрессии. Еще совсем недавно в отдельные его квартиры было страшно входить. Там вдова одного из начальников оперативного отдела НКВД продолжала хранить собрание (уникальное!) итальянской майолики времен Возрождения – ее муж был снобом и предпочитал такую форму поборов со своих жертв. Другая вдова была обязана столь же сановному супругу коллекцией – и тоже уникальной! – подлинной бижутерии XVIII–XIX вв. Может быть, они продолжают там храниться и сегодня, как и память о А.Я. Вышинском, кровавом прокуроре, жившем на верхнем этаже и пользовавшемся отдельным лифтом. Можно здесь назвать и имя П.М. Керженцева, возглавившего в 1936 г. вновь организованный Комитет по делам искусств и отметившего свой приход к руководству культурой истреблением В. Мейерхольда. Не говоря обо всех остальных его действиях, со статьи в «Правде» «Чужой театр» в декабре 1937 г. начался окончательный разгром гениального режиссера. В квартире Керженцева готовилась тщательно продуманная акция, сюда же ежевечерне доставлялись протоколы собрания труппы, в течение трех дней 25–27 декабря отрекавшейся от своего учителя, клеймившей его позором и требовавшей для него самого сурового наказания.

Давняя поговорка – «бумаги не горят»: протоколы собрания канули в бездонные глубины государственных архивов и считанные месяцы назад всплыли в частном хранении в виде рукописных оригиналов протокола, который вел актер театра В.А. Про-

мов. Они слишком объемны для одной статьи, но некоторых строк, читавшихся и одобрявшихся в доме на Гнезdnиковском, нельзя не привести, — это возможность стереть еще одно «белое пятно» нашей истории.

О. Абдулов. «Меня поразила организация производства, когда я пришел в ГОСТИМ. Нет дисциплины. Работает один человек. Где помощники? Нет репертуара. «Наташу» (Л. Сейфуллиной) поставили в бреду или в запое. Задержка со «Сталью» («Одна жизнь» — инсценировка Е. Габриловича по роману Н. Островского «Как закалялась сталь») — ошибка. Семейственность в репетициях «Наташи». Что касается неудобства помещения, то мы в подвале с Завадским работали. Сейчас растерянность. Надо временно отойти. Надо было анализировать свои ошибки. Излечима ли болезнь? Сомневаюсь — нужен совершенно новый театр. Да, ГОСТИМ надо закрыть».

С. Мартинсон. «Оценка своевременная и правильная. Мейерхольд подмял под себя коллектив, задавил волю коллектива. Мейерхольда не интересует ансамбль и актер. Для него артист — марионетка и исполнитель мизансцен. Отсюда отсутствие образа. Вся система Мейерхольда построена на отрицании внутреннего оправдания. Формализм не сцепляется с советской действительностью. Отсюда отход от советской тематики. Кадры не воспитываются. Как по такой системе сыграть царя Федора или Анну Каренину? Станиславский писал: мы не нанимали актеров, а коллекционировали, выращивали. О себе: я — формалист. Пришел сюда, чтобы сбросить с себя этот деготь. Сегодня товарищи не критиковали себя, а только Мейерхольда. Актерам тоже надо излечиваться. Разве наша индустрия строится на одиночках?»

Н. Боголюбов. «Я не ушел, потому что многому здесь научился. Я с Мейерхольдом создавал большевиков на сцене. Мейерхольд может, но не хочет. Я ждал и верил. Удовлетворяясь на стороне (т.е. в кино), я был в пассиве. Надо пятно смывать. Все смотрят на нас. Предупреждал на читке. Бились за ваше будущее — дайте Магнитогорск искусства. Открытые репетиции: он себя показывал себе как актера. Не признавать свои ошибки важно, а как будем жить дальше. Это не бессилие, а вредительство... Вывод: вместе работать нельзя».

С. Майоров. «Крах ясен. Ошибки вскрыты. Мейерхольд ушел от действительности: «Наташу» ставили, в деревню не ездили. Дело в мировоззрении — идеалистически-индивидуалистическое мировоззрение ошибочное. Не признал ошибок на дискуссии о формализме. Мейерхольд — автор всему, субъективное представление. Свой блеск показывает, а не служит советскому народу, социализму. Мейерхольд тормозит приход молодых художников к реализму. Ошибки эти и мне мешают. Заразительное искусство Мейерхольда вредно. Я пришел, так как верил и хотел помочь. Надо быть поближе к действительности, увидеть людей, процессы в нашей стране. Мейерхольд не умеет показывать процесса в человеке. Такой театр не нужен, тормозит, вреден. И в Мейерхольде, и в коллективе большие ошибки. Ответственность художника перед своим народом. Молодой рабочий класс разберется во всем — это сильный класс».

В. Громов. «Самое катастрофичное в жизни ГОСТИМа — это беспорядочность в работе, бесплановость. О планах очень мно-

го говорилось, но почти ничего не осуществлялось. Или начатая пьеса вдруг прекращалась и на ее место ставилась другая пьеса, неожиданная, не увлекавшая по-настоящему коллектив. Так нередко погибали творческие ожидания, надежды, мечты. За немногие годы, проведенные мною здесь, эта бесплановость работы часто дезориентировала меня. А то, что случилось теперь, — это урок, тяжкий, трагический».

Однако даже такие совершенно однозначные выступления подвергались корректировке со стороны П. М. Керженцева, от которой пытается себя обезопасить враждебно настроенный к Мейерхольду В. Громов. В архиве сохранилась его записка:

«Председателю общих собраний работников Гос. Театра имени Мейерхольда (22, 23, 25 дек. с. г.) — т. М.Г. Мухину.

Копия — Предместкома т. В.Ф. Пшенину

(от) Секретаря собрания В. Громова

Заявление

Ввиду того, что стенограммы сдавались в театр и раздавались на руки помимо меня, я снимаю с себя всякую ответственность за перепечатанные стенограммы.

25.XII.37

В. Громов».

Дом на Гнезниковском — не ждет ли он своего романа, как Дом на набережной?

ТЕРЕМОК НА НАБЕРЕЖНОЙ

Сегодня едва ли не каждый без колебаний назовет два основных художественных музея Москвы — конечно, Государственная Третьяковская галерея, конечно, Государственный музей изобразительных искусств имени Пушкина. Любители могут прибавить и третий — Частных собраний. Первый объединяет все русское искусство, второй — западноевропейское, третий допускает их объединение.

Все верно. Почти верно — если отмахнуться от нашей истории. Потому что все музеи Москвы созданы частными собраниями. Просто потомки сумели пренебречь благодарностью к тем, кто положил свои жизни и душевную щедрость на накопление единственных в своем роде духовных сокровищ, которые задумывались с самого начала как дар москвичам, но не как форма вложения капитала. Как способ приобщения к художественной культуре многих, но не собственного обогащения на аукционах, выставках-продажах. В Москве так было испокон веков. В условиях рыночной экономики и свободного рынка.

В апреле 1909 г. москвич Иван Евменьевич Цветков передал в дар Москве свою галерею, которой отдал тридцать лет жизни. Вместе с земельным участком на Пречистенской набереж-

ной, за углом от Храма Христа Спасителя. И специально построенным музейным зданием.

Даритель поставил городу два условия. Первое — он останется пожизненно хранителем музея. Второе — «если художественное собрание почему-либо исчезнет, например, в случае пожара, то жертвуемый дом не может сдаваться внаймы и служить доходной статьей городу. В этом несчастном случае — который, надеюсь, допущен не будет — дом должен служить целям просветительства или благотворительности, например, для помещения школы, читальни или амбулатории для приходящих больных».

В 1925 г. Цветковская галерея была превращена в филиал Третьяковской галереи. Годом позже перестала существовать. Лучшая ее часть вошла в третьяковское собрание (полторы тысячи рисунков, около ста картин), остальная разослана по губернским музеям. В настоящее время в доме-музее находится военное представительство Франции. В годы Великой Отечественной войны в нем формировался полк «Нормандия-Неман», о чем сообщает мемориальная доска.

А начиналось все общероссийским торжеством. Строки из письма И.Е. Репина — И.Е. Цветкову: «Еще один драгоценный перл в диадему Москвы! И в каком царственном месте! Как вставлен и освещен... И внутри во всех деталях — загляденье.

Всякому русскому и даже заморскому гостю на всю жизнь врежется в память этот драгоценный новый камень Москвы.

Да здравствует русское искусство! Да радуются благородные, изящные сердца, возлюбившие образный мир представлений! Честь Вам и слава, дорогой Иван Евмениевич! Всемирная слава вовеки! Считаю себя счастливым, что и мои труды, в достаточном числе, собраны в Вашем дарении матери Москве. Ваш Илья Репин. 3 мая 1909».

Не будет преувеличением сказать, что на путь собирательства Ивана Евмениевича толкнули обстоятельства. В результате Москва приобрела создателя уникального музея — Цветков первым начинает увлекаться русским искусством XVIII — первой половины XIX вв., открывает для широкого зрителя творчество портретистов Д.Г. Левицкого и В.Л. Боровиковского, таких мастеров, как В.А. Тропинин и А.Г. Венецианов (интересы П.М. Третьякова лежали в области современного ему искусства), русский рисунок и первым подходит к рисовальному искусству М.Ю. Лермонтова. Но русская математическая наука теряет одного из талантливых своих представителей.

Свой путь в науку Цветков начинает в Симбирской духовной семинарии, которую оставляет ради Симбирской же гимназии. Выиграв конкурс, проводившийся Петербургским Технологическим институтом, он мог бы бесплатно пройти здесь курс обучения, но вынужден уехать из Петербурга из-за начавшегося легочного процесса. Выздоровление Цветков ознаменовывает поступлением на математический факультет Казанского университета, откуда в 1869 г. переводится в Московский университет. Диссертация на тему «Интегрирование линейных уравнений с постоянными коэффициентами» открывает перед ним возможность получения профессорского звания: университет предлагает на редкость способному выпускнику приступить к соответствующей подготовке. Но...

Подрабатывая в студенческие годы репетиторством в семье князя Гагарина, Цветков вместе с ней оказывается за границей, видит поразившие его музеи Берлина, Вены. В Москве начинает интересоваться многочисленными к тому времени частными собраниями. В 1881 г. он делает первый самостоятельный шаг в собирательстве, приобретя полотно В.Д. Поленова «Сказитель былин Никита Богданов». Перед лицом необходимости постоянных расходов на покупку произведений Цветков решает отказаться от будущего профессорства и отдает предпочтение службе в Московском акционерном земельном банке, где остается на всю жизнь, сделав очень заметную карьеру.

Вместительная квартира в центре Москвы становится местом притяжения для многих художников. Она всегда открыта и для знакомых, и для совершенно незнакомых любителей искусства, проявляющих желание познакомиться с собранием. Но количество экспонатов постоянно растет, и Цветков задумывает строительство специального музейного здания. Он особенно тщательно и расчетливо выбирает место для него. Пречистенская набережная с панорамой Кремля и реки, не загроможденная никакими строениями, представлялась наиболее удачной. Кстати, рядом с ней зажигаются первые в Москве электрические фонари.

В. Васнецов. Теремок.
1898 г.

Кругом располагаются владения богатейших московских купцов. Дом коллекционера древнерусских книг и рукописей Хлудова. Склад продукции знаменитой мебельной фирмы Тонет, которая изобрела и выдвигала пользовавшуюся исключительным спросом гнутую – «венскую» мебель. Сам Цветков приобретает домовладение, в прошлом принадлежавшее семье Нащокиных, добрых знакомцев Пушкина. Он сам решает внутреннюю планировку здания, полностью подчиненного музейным целям. Фасадную же его часть рисует Виктор Васнецов.

Виктор Васнецов вообще нередко выступал в содружестве с архитекторами, рисуя внешний облик домов. Мы не часто вспоминаем, что именно ему принадлежит фасад старой Третьяковской галереи, и вообще не упоминаем, что Васнецов – автор фасада Большого Кремлевского дворца.

В 1907 г. «Теремок на набережной» был закончен и сразу же открыт для бесплатных посещений. Московские меценаты считали честью для себя именно бесплатно все делать для москвичей, ни при каких обстоятельствах не превращать культуру, искусство в источники наживы и коммерческих предприятий.

Один из современников рассказывает о посещении галереи: «Когда вы входили в вестибюль, навстречу появлялся сам Иван Евменьевич, и ожидал вас на площадке лестницы, ведущей на второй этаж... Вечером хозяин зажигал электрический свет в люстрах второго этажа, показывал гостю свою галерею и давал объяснения. У него была хорошая память, и он знал всю родословную каждого художника, начиная с петровского времени». Через два года он передал музей Москве.

По этому поводу писательница Н.Б. Нордман-Северова писала Цветкову: «...Много, много лет жить идеей и наконец достичь алмазных сверкающих вершин!.. Сейчас же почувствуешь всю ту железную силу воли, всю ту сосредоточенную, глубокую любовь, с которой Вы идете по намеченному пути. Россия говорит Вам свое спасибо!»

ПЕРЦОВСКИЙ ДОМ

Все началось с терема на берегу Москвы-реки, собственно на Пречистенской набережной, до начала XX столетия не имевшей жилой застройки. Красивейшая излучина реки была занята складами, сооружениями производственного назначения, фабриками. Иван Евменьевич Цветков первым присмотрел здесь себе место для художественной галереи. Внутреннюю планировку будущего музея коллекционер берет на себя, фасад ему рисует В.М. Васнецов. В едином стиле выдерживаются интерьеры всех двенадцати музейных зал, мебель, осветительные приборы. В 1907 г. музей был закончен и открыт для посещения москвичами.

Но еще во время строительства музей посещает инженер-путеец П.Н. Перцов. Петр Николаевич приходит в восторг от расположения дома и самой идеи воплощения в материале древнерусского стиля. Со своей стороны, Цветков ловит гостя на слове: если Перцов готов в стилистическом отношении последовать его примеру, он готов сосватать ему еще более красивый участок по соседству. Петр Николаевич дает согласие и при деятельном посредничестве Цветкова приобретает угловой участок набережной за немалую по тем временам сумму в 70 000 рублей. Домовладение было уже застроено безобразным трехэтажным кирпичным корпусом, тем интереснее представляется ему задача преобразовать сложившийся ансамбль по своему вкусу. Петр Николаевич человек нового времени. Он превосходный инженер, проложивший по России не одну тысячу километров железных дорог, редкий организатор, к тому же умеющий делать деньги, но и пользоваться ими не только для себя — прежде всего для интересов России. Он не исключает для себя участия в политике — в 1905 г. П.Н. Перцов входит в Центральный комитет партии «Союз 17 октября», баллотируется в первую Государственную думу. И в то же время, случайно попав в Туапсе, сразу оценивает возможности этого богатейшего края и принимается за меры, необходимые для его развития.

Было очевидно, что ставшая монополистом Владикавказская железная дорога, поддерживаемая министром финансов Коковцевым, эксплуатирует и никак не думает о перспективах края. Перцов берет концессию на строительство первой народной дороги и порта в Туапсе. Но на его пути оказывается тот же министр финансов, благодаря влиянию которого Перцов не получает необходимой для выпуска акций концессии банковской ссуды.

Поиски ссуды приводят Перцова в Англию. Ему предлагается законная и на редкость выгодная сделка, но ставящая русскую дорогу в зависимость от иностранных акционеров. За 1 миллион 200 тысяч рублей золотом, которые предоставлялись инженеру, акции должны были распространяться в Англии. Точка зрения Перцова: все акции должны принадлежать жителям края. Он категорически отказывается от подобных условий, и тогда на помощь ему приходит молодой Путилов.

Увлечшись идеей дома на Пречистенской набережной, Перцов ищет объективно лучшего для города и для себя решения. Он объявляет закрытый конкурс на проект «доходного дома» в русском стиле, к участию в котором приглашает художников А.М. Васнецова и С.В. Малютина, архитектора А.И. Дидерихса и архитектора-художника Л.М. Браиловского. Условием конкурса

было, чтобы дом «отвечал духу и преданиям Москвы и требованиям современности». Мало того. Вместе с городским архитектором Н.К. Жуковым Петр Николаевич, для нормировки проектирования, заранее предлагает план дома, соотносенный с необычным по плану участком земли. Первая премия определялась в восемьсот, вторая – в пятьсот рублей. А заказчик оставлял за собой право построить любой из отмеченных проектов. В жюри конкурса вошли В.М. Васнецов, В.И. Суриков, В.Д. Поленов, Ф.О. Шехтель, И.А. Иванов-Шиц и др.

Жюри присудило первую премию А.М. Васнецову, вторую – С.В. Малютину, но Перцов не удовлетворился подобным решением. Васнецовский вариант показался ему шаблонным, малютинский, в стиле московского ампира, не отвечал первоначальному замыслу. И все же Петр Николаевич готов предложить именно Малютину его проект, когда находит среди первоначальных вариантов художника тот, который признает совершенно идеальным.

Смысл проекта С.В. Малютина заключался в том, что на уже существовавшем трехэтажном кирпичном здании он предполагал возвести четвертый этаж с большими окнами комнат-студий для художников. По набережной к нему пристраивался четырехэтажный особняк, а со стороны Курсового переулка, как писал в своих «Воспоминаниях» П.Н. Перцов, «особый отлетный корпус со стильно разработанным главным подъездом, богато покрытым майоликовой живописью. Все здание завершалось высокими отдельно разработанными крышами, а стены и фронтоны дома были богато украшены пестрой майоликой». В качестве исполнителей майоликового убранства были привлечены объединенные в артель «Мурава» выпускники Строгановского училища, которым работы по перцовскому дому принесли известность и множество заказов.

Перцов писал: «Я лично руководил всеми работами и входил во все детали постройки, целыми днями носясь по всем этажам и не оставляя без личного надзора ни одного места работ. Все работы велись одновременно, и через четыре с небольшим месяца после начала работ постройка была закончена... в одиннадцатимесячный срок были закончены решительно все работы, и с апреля месяца (1907) квартиры были объявлены к сдаче». Как признавался владелец, он преследовал две основные цели: «солидность устройства и удовлетворение требований эстетики». Во всем доме не было деревянных перекрытий, переборки делались из двух рядов – вертикальных и горизонтальных алебастровых, изготавливаемых на особых станках досок.

Квартира хозяев имела особый подъезд со стороны набережной, располагалась на трех этажах, а в подвальном помещении под ней одно время располагался, по словам Перцова, «кружок артистов Московского Художественного театра под названием «Летучая мышь», устраивавший свои закрытые интимные собрания по ночам, по окончании спектаклей. Душой этих собраний был Н.Ф. Балиев, организовавший позднее свою труппу для публичных выступлений «Летучей мыши», ставшую вскоре столь популярной в Москве». Само же по себе подвальное помещение было переделано Перцовым под зал для молодежи – в семье росли пятеро детей.

События Октября, по счастью, обошли Перцова стороной. Заканчивая в 1924 г. свои воспоминания, он написал: «Я не могу не благодарить Создателя, что он уберег меня от самого ужасного — угрызений совести — и сохранил еще во мне на 67-м году моей жизни радость бытия и веру, что придут, пусть после нас, лучшие дни, когда наступит действительное равенство между людьми и ничьи интересы не будут приноситься в жертву ни классам, ни партиям».

Петр Николаевич прожил еще тринадцать лет. Похоронил нежно любимую жену. Лишился детей, но не отправился вместе с ними в эмиграцию, считая себя не вправе отойти от судьбы своей России.

МОСКВА — XX СТОЛЕТИЕ

«К вам обычно приезжают знакомиться с вашими древностями. Слов нет — они великолепны. Но я приехал узнать вашу сегодняшнюю жизнь. Меня называют писателем-фантастом. Что ж, может быть, именно чутье фантаста подсказало мне эту поездку. Я стремился на московские улицы, в московские дома и — я захвачен ими!»

Знаменитый писатель Герберт Джордж Уэллс не мог сдерживать восторга. 21 января 1914 г. старая столица чествовала гостя в театре «Летучая мышь», расположившемся в нижней части дома Нирензее, в Большом Гнездниковском переулке. Зал был переполнен молодыми русскими военными летчиками, авиаторами-любителями, студентами и, конечно, поклонниками литературы. Речь Уэллса раз за разом прерывалась взрывами аплодисментов.

Огромный город — это определение нельзя считать преувеличением для Москвы начала XX в. По количеству населения она занимает второе место в России и девятое в мире, уступая лишь Лондону, Нью-Йорку, Парижу, Берлину, Чикаго, Вене, Петербургу и Филадельфии. По сравнению со всеми ними она растет значительно быстрее. Цифры говорят сами за себя.

С 1882 по 1912 гг. ее население удвоилось, а за последнее пятилетие прирост составлял ежегодно 4%, то есть 50 тысяч человек. Разрастаются окраины, но заметно уплотняется и населенность центра — свидетельство тому строительство многоэтажных домов, использование находившихся ранее под садами площадей.

В Москве было немало сезонных рабочих, но данные переписей позволяют судить о том, что многие из них переходят в разряд постоянных городских жителей. Доказательство тому — увеличение процента женского населения и детей. В 1871 г. это 170 женщин на 100 мужчин, детей малолетних 10,6%, в 1912 г., соответственно, 84 женщины и 16,8% детей.

Но чем Москва, действительно, могла гордиться, — постоянное повышение рождаемости. Показатель 35 на 1000 человек

Тверская улица

Открытие памятника
Александру П. Фото
П. Павлова. 16.08.1898 г.

населения означал, что ежегодно Москву пополняло 50 000 маленьких москвичей, причем уровень смертности в городе постоянно падал и дошел до 22 человек на тысячу жителей. Этот показатель значительно ниже среднего по России. Общее население старой столицы в 1912 г. составляло немногим более 1 000 000 жителей (вместе с пригородами). В пределах муниципальной черты проживало 1 400 000 человек. При этом – старой столице было чем гордиться! – рост числа квартир точно соответствовал росту населения.

К началу Первой мировой войны Москва была самой дешевой для жизни среди столиц Европы. Налоги с каждого москвича составляли в год 8 с половиной рублей, тогда как в Берлине – 21 рубль, в Париже – около 25. При этом в городском бюджете налоги с населения составляли всего лишь одну четвертую часть. Имея городскую смету в 52 с половиной миллиона рублей, Москва половину бюджета получала от городских предприятий (канализация, ломбарды и т.п.). Два с половиной миллиона составлял доход от городских имуществ – земель, домов и т.д. Аналогичную сумму составляли пособия от казны на содержание полиции, всех учреждений общегосударственного значения и на народное образование.

Значительные сложности в городскую жизнь приносит начало Первой мировой войны, когда решением правительства в Москву эвакуируются все правительственные и учебные заведения Западного края – польских земель. Это канцелярия варшавского генерал-губернатора, гражданского губернатора, Варшавское губернское правление, весь штат канцелярии Варшавского обер-полицмейстера – от сыскного и охранного отделений до врачебной управы, адресного стола, сотрудников наружной полиции и даже смотрителя судоходства на реке Висле.

Совершенно так же в Москве оказались магистрат Варшавы, канцелярии губернаторов Калишского, Келецкого, Люблинского, Радомского, все учреждения управления земледелия, министерства финансов (казначейства, казенные палаты, таможни), министерства императорского двора, ведомства государственного контроля, министерства путей сообщения, министерства юстиции, включая все окружные суды и мировые съезды.

Но главными стали все учреждения министерства народного просвещения – Варшавский политехнический институт имени императора Николая II, Алексеевский Варшавский ветеринарный институт, Варшавский институт глухонемых и слепых,

**Вид в Кремле
у Спасских ворот. 1838 г.**

**Ф. Алексеев. Вид Московского Кремля
и Каменного моста. 1815 г. Художник много раз
повторял и варьировал сюжет, первоначально
написанный им вместе с другими видами
старой столицы по поручению императора
Павла I в 1800 г.**

Ф. Алексеев. Кремль.
Внутренний вид

Пожар в Москве
в сентябре 1812 г. Вид
Москвы с балкона
императорского дворца.
Раскрашенная гравюра

А. Кадоль. Красная площадь. Акварель. 1820-е гг.
Художник выполнил 10 видов Москвы, которые
стали основой очень популярного в Европе
цикла литографий

Ложи Большого театра.
Из коронационного
альбома Александра II.
Литография

Новое здание Торгово-
промышленного музея
кустарных изделий
в Леонтьевском переулке.
1911 г.

Третьяковская галерея.
Фасад выстроен по
проекту В. Васнецова,
облицован керамикой
завода «Абрамцево».
1901–1903 гг.

Государственный музей
изобразительных искусств
им. А.С. Пушкина

Гостиница «Националь».
Фасад

Дом дружбы с народами
зарубежных стран

Гостиница «Националь».
Интерьеры

Одна из торговых
линий ГУМа после
реставрации

Дом П.Н. Перцова. Угол
Саймоновского проезда
и Курсового переулка

Стена Кремля
на Васильевском спуске

**Высотное здание
на Смоленской площади**

Мэрия

Борисовские пруды

Интерьер гостиницы
«Рэдиссон-Славянская»

Жилой квартал
в Митино

Гостиница «Космос»

Станция метро
«Чкаловская»

Мемориальный
комплекс на Поклонной
горе

Гостиница «Софителъ-
Ирис-Москва»

Многофункциональный
жилье комплекс «Парк-
Плейс»

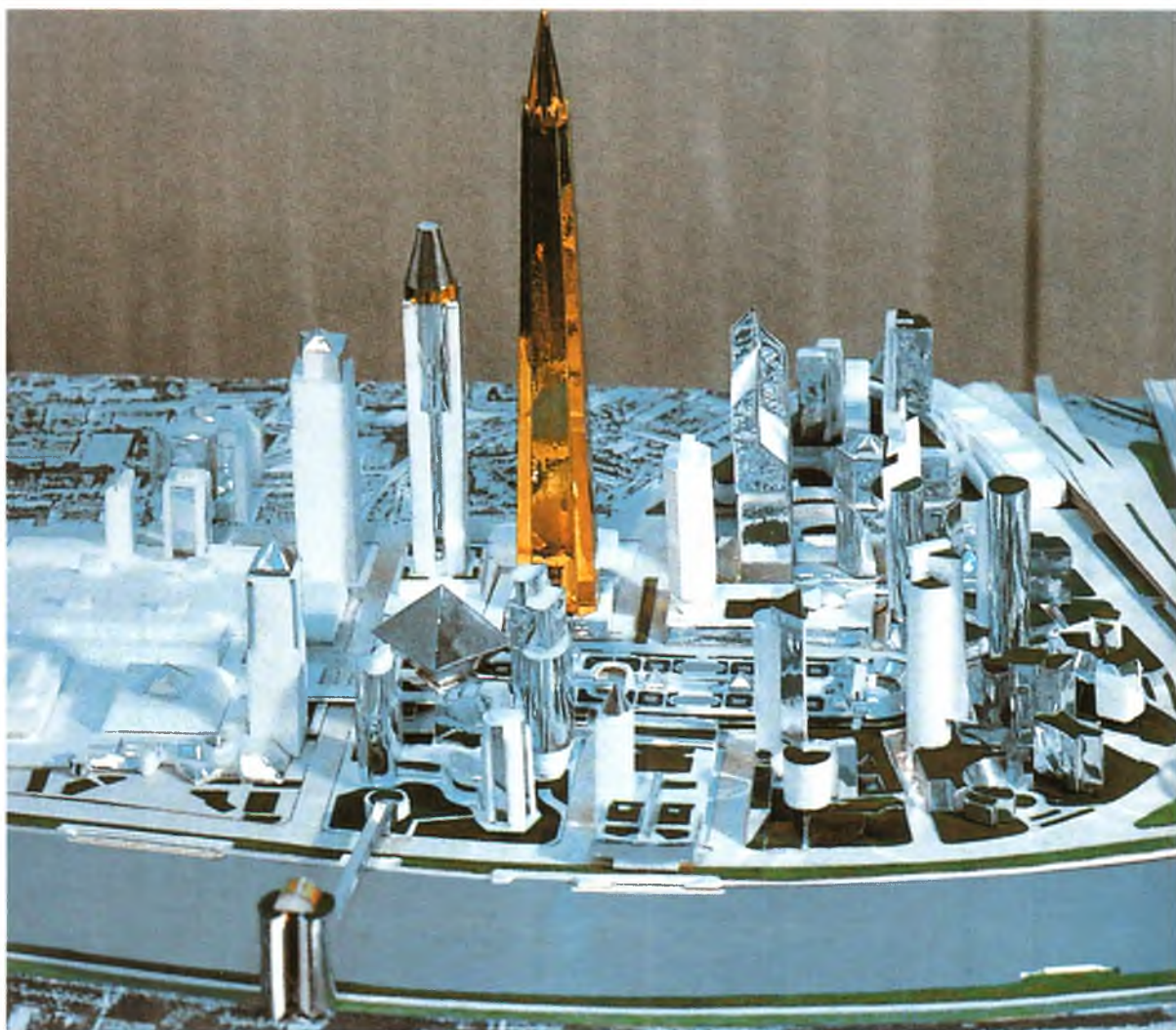

Манежная площадь
в наши дни

МКАД. Надземный
пешеходный мост

Проект «Москва-Сити»

Казанский вокзал.
Проект архитектора
А. Щусева

Павильон товарищества
«Владимир Алексеев»
на Всероссийской
торгово-промышленной
и художественной
выставке 1882 года

музыкальные училища, гимназии из уездных городов, духовные семинарии. Всем им была предоставлена возможность продолжать занятия в помещениях московских гимназий и училищ — во вторую смену. Учебный год не был нарушен.

Самое удивительное, что жилищные условия в Москве при этом не ухудшились. Старая столица сумела принять и с удобствами устроить тысячи и тысячи приезжих. Стоит вспомнить, что эвакуация из западного края проходила очень организованно. Уезжавшие имели возможность отправлять багажом значительную часть своего имущества и даже мебели. Таким образом, заранее предполагалось предоставить им в Москве соответствующую площадь.

Остались в истории города слова постоянного гласного Городской думы, представителя мещанского сословия В.Е. Грине-

К. Савицкий. На войну

ва с призывом не повышать квартирной платы для приезжих, не осложнять положения и без того обиженных судьбой людей. И то, что призыв был услышан: цены на квартиры остались неизменными. Одной из причин стала развиваемая в Москве в течение нескольких десятилетий система отдаваемого внаем жилья и прежде всего меблированных комнат.

Ко времени Февральской революции Москва имела 47 гостиниц и около 260 меблированных комнат, сдававшихся с полной обстановкой и обслуживанием. Это был один из вариантов «холостого» жилья, которое во множестве появляется в XX в. в старой столице.

«Холостые» квартиры в доме над Елисеевским магазином, на Тверской: по две комнаты с крохотной темной прихожей. Без кухни, а первоначально и без ванны. Куда более комфортными и пользовавшимися исключительной популярностью становятся номера в доме Нирензее в Большом Гнезниковском переулке. Квадратная, сорокаметровая жилая комната с единственным, почти во всю стену, низко опущенным окном. Темные альковы для ванны и для импровизированного буфета — кухонь и здесь не было. За обедом или ужином спускались в находившийся в подвальном этаже, специально для жильцов, ресторан. Там же находились почтовое отделение, прачечная и парикмахер. На крыше десятого этажа располагался сад и площадка для катания на роликах (скетинг-ринг).

По тому же принципу в городе начинают строиться дома для студентов, как дом Арманда на Большой Садовой (№ 5) — для слушательниц Высших женских курсов: отдельные небольшие комнаты с общей для нескольких комнат ванной и непременно хозяйством в полуподвальном этаже, где, кроме кухни и прачечной, размещалась еще и бесплатная библиотека, небольшой зал для собраний и диспутов.

Меблированные комнаты предлагали вообще самый широкий выбор удобств и благоустройства. Быт «Америки» (Воздвиженка, 11) напоминал жизнь в отдельной квартире. Здесь на третьем этаже долгие годы жил и работал писатель П.Д. Бобо-

рыкин. Несколько раз возвращался на второй этаж Сергей Рахманинов. В «Америке» им написаны «Элегическое трио памяти великого артиста» — скончавшегося П.И. Чайковского, Второй фортепьянный концерт, кантата «Весна» на стихи Н.А. Некрасова «Зеленый шум», оперы «Франческа да Римини» и «Скупой рыцарь». Композитор работал в это время дирижером в Большом театре.

Для малосостоятельных лиц или, как было принято говорить, неимущих, Городское попечительство о бедных, имевшее отделения во всех частях города, располагало сотнями детских ясель, приютов, богаделен, коечными и семейно-коечными квартирами, «денными приютами», рассчитанными, главным образом, на оставшихся без надзора при работающих матерях детей, бесплатных квартир для семей тех, кто был призван на войну. Все это огромное хозяйство существовало на добровольные пожертвования и в зависимости от непосредственно занимавшихся тем или иным участком благотворителей строилось по-разному.

Председателем Пресненского отделения (2-го и 3-го участков) был, например, глава огромного торгового дома, основанного еще в 1863 г., Н.Н. Шустов. В собственном доме на Большой Грузинской, около Зоологического сада, он предоставил помещения для богадельни, детских ясель, бесплатной столовой, швейной мастерской, вещевого склада и вечерних классов, рассчитанных на желавших окончить курс городского училища. За Пресненской заставой находился большой детский приют. Но особенно славилось «шустовское» отделение организацией, опять-таки, бесплатных консультаций по вскармливанию и уходу за детьми грудного возраста. В этой работе участвовали самые известные медики, начиная с Георгия Несторовича Сперанского. Нуждающимся предоставлялась еще и юридическая консультация.

Пятницкое отделение, находившееся под опекой семьи Бахрушиных, помимо ясель и очага для младших детей, дневного приюта для солдатских сирот, располагало ремесленным отделением для девочек, учебно-швейной мастерской, столярно-художественной мастерской для мальчиков, закройной мастерской, раздаточной для выдачи надомной работы, а также детской столовой и несколькими богадельнями.

Семья промышленников Бромлеев в 1-м Серпуховском участке содержала убежище для престарелых женщин, бесплатную библиотеку, лавку для продажи населению дешевых продовольственных и кормовых продуктов. Во 2-м участке Мясницкого отделения известный на всю Россию производитель мельничных жерновов и гранитных памятников Д.Д. Кабанов сумел прибавить к обычным формам работы зимнюю колонию на станции Братовщина, в имении А.Я. Фридрихсон.

Наряду с Городским попечительством существовало Братолюбивое общество снабжения неимущих в Москве квартирами, располагавшее сорока благотворительными учреждениями. Его объявленный капитал составлял около трех миллионов рублей. Более тысячи человек получало от него в течение года денежные пособия. Покровительницей общества была императрица Мария Федоровна, почетной председательницей — великая княгиня Елизавета Федоровна, практическим же руководителем — писатель и археолог графиня П.А. Уварова.

По всему городу в канун Первой мировой войны появляются дома дешевых квартир, строившиеся с учетом потребностей их будущего населения. Такой Дом дешевых квартир имени Г. Солодовникова (2-я Мещанская, 89) имел 219 комнат для семейных — с электрическим освещением, центральным отоплением, кухнями-очелками и даже телефоном у дежурного по этажу. Для детей квартирантов имелся бесплатный детский сад и ясли. Действовали также паровая прачечная и сушилка.

Другой дом Солодовникова — для одиноких — по 2-й Мещанской, 97, располагал 1 170 местами. Электрическое освещение, центральное отопление, общий телефон, паровая прачечная и сушилка для белья дополнялись наличием библиотеки, удешевленной столовой для жильцов, обширного «сборного зала» и круглосуточного бесплатного кипятка.

Деятельность солодовниковских домов руководилась советом, в который входили строитель Музея изящных искусств и Бородинского моста Р.И. Клейн, гласный Московской Городской думы инженер М.М. Кожевников, известный присяжный поверенный А.Н. Паренаго, другой гласный думы, член Общества русских врачей П.Н. Диадроптов, жены некоторых крупных промышленников.

Бесплатными квартирами располагало большинство Домов призрения — например, братьев Боевых на Стромынке (на 60 семейств), Герасима Ивановича Хлудова в Сыромятниках (более 100 квартир).

На особом положении находился Императорский Вдовий дом. Пятистам вдовам от него выдавались небольшие пенсии. В 1916 г. Дом помещает в газетах объявление, что имеются вакансии для желающих получить подобную пенсию. А также «имеются свободные вакансии в разряде испытываемых вдов, посвящающих себя уходу за больными. В этот разряд принимаются вдовы чиновников военной и гражданской службы, прослуживших в чинах не менее 5 лет. Возраст вдовы должен быть от 40—50 лет. Вместе с вдовой могут быть принимаемы двое детей ее в возрасте от 3—10 лет».

Примечательно, что бесплатные квартиры рассматривались благотворителями как своеобразное вечное поминовение их близких. В Доме Хлудовых корпус на 84 комнаты носил имя Герасима Ивановича, корпус на 75 комнат — имя Пелагеи Ивановны Хлудовой, корпус на 24 комнаты — Константина и Екатерины Константиновны Хлудовых.

Муниципальную систему организации городской жизни во всех ее частях дополняет и перекрывает система благотворительности. Если сегодня, в начале XXI в., спонсорство представляет явление редкое, если не сказать исключительное, в начале XX столетия благотворительность составляла нравственный стержень общественной деятельности. В предоктябрьской России действовала система общественного мнения, сознания и соответственно моральных ценностей. Участвовать в благотворительности на каждый день, из года в год было не просто престижно. Отстраняясь от нее, человек, независимо от своих капиталов, выпадал из общества, переставал по-человечески цениться. Именно благотворительные организации объединяли различные социальные слои единой свободной волей — помогать другим, осознавать собственную ответственность за чужое существование и благополучие.

Если на первом месте в Москве стояла забота о крове для каждого, то на втором находилось образование. Москва насчитывала около 600 средних учебных заведений. И это давало родителям возможность выбирать для своих детей те, которые соответствовали их достатку. Кроме того, самыми распространенными были Общества вспомоществования «недостаточным» ученикам, они имелись при каждой школе или гимназии. Подобное общество при 2-й мужской гимназии (на Елоховской площади) заявляло о себе: «Деятельность общества заключается главным образом в помощи учащимся при взносе платы за обучение; кроме того, некоторым ученикам назначаются единовременные пособия, другие получают за счет общества завтраки в гимназии и деньги на покупку платья и учебных пособий».

В состав совета этого общества входили, среди других, табачный магнат, владелец табачных фабрик, М.Н. Бостонжогло, состоявший гласным Московской Городской думы, известный присяжный поверенный А.Л. Малицкий – юрисконсульт Московско-Рыбинской железной дороги, а также директор и инспектор гимназии.

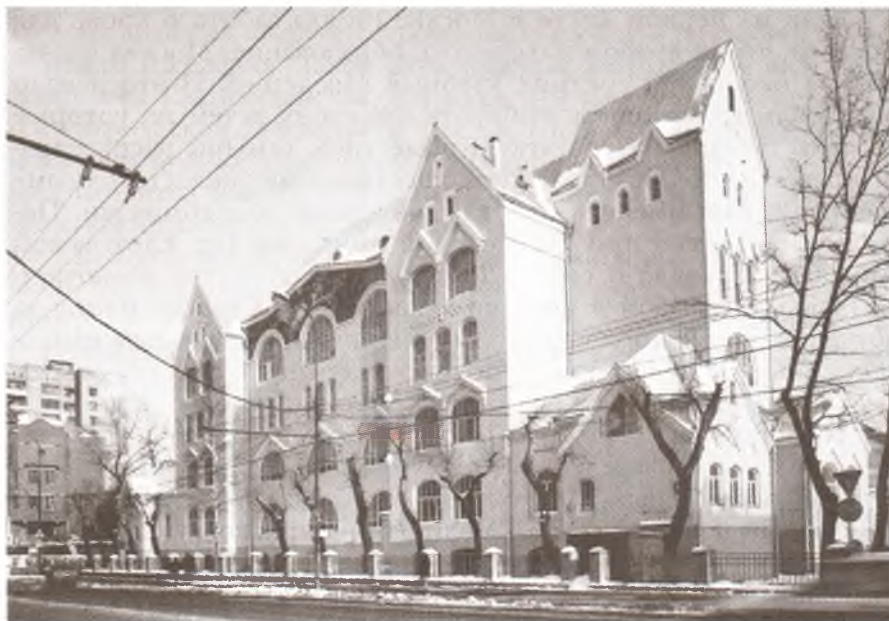
В женских гимназиях общества брали на себя дополнительную заботу по подысканию выпускницам работы – «для доставления занятий бывшим воспитанницам»; в них обязательно участвовали заботившиеся о правах девушек юристы.

Отдельно существовали при многих учебных заведениях Общества вспомоществования *бывшим* учащимся. Такие имелись в Московском университете, Лазаревском институте восточных языков, Московском Коммерческом институте, Императорском Лицее имени цесаревича Николая, во всех кадетских корпусах.

Городские училища находились практически целиком на попечении московского купечества. В качестве примера можно привести особенно популярное Александро-Мариинское Замоскворецкое училище Московского Купеческого общества на Большой Ордынке. В него принимались, независимо от пола, «дети беднейших родителей всех сословий». Четырехлетний курс обучения, учебные пособия, завтраки и лекарства предоставлялись бесплатно. Окончившим курс предлагался на тех же условиях дополнительный – рукодельный класс белошвейного и дамского портновского мастерства. Председателем Совета Училища и его попечителем был миллионер Александр Александрович Найденов, гласный Московской Городской думы, один из крупнейших деятелей шерстоткацкой промышленности. В Совет входили также Н.П. Бахрушин и владелец Трехгорки Николай Константинович Прохоров.

На Большой Ордынке в специальном здании находилась и состоявшая под августейшим покровительством их императорских величеств школа, точнее – Училище попечительства императрицы Марии Федоровны о глухонемых. Здесь учащиеся бесплатно проходили общеобразовательный курс и затем, по собственному выбору, могли приобрести специальность – столярную, резную, сапожную, портновскую, переплетную. Существовали также курсы бухгалтерии, фотографии, изготовления «теневых картин для волшебного фонаря». Наконец, училище имело при Высокопетровском монастыре мастерскую для обучения церковной живописи и иконописи. Основателем и руково-

Дом Городского
начального училища
на Девичьем поле.
Архитектор
А. Остроградский.
1911–1912 гг.

дителем всей этой системы был псаломщик церкви Иверской Божьей Матери на Большой Ордынке Василий Сергеевич Воздвиженский, поддерживаемый скрывавшими свои имена дарителями. Анонимность в добрых делах была извечной московской традицией.

Бесплатные вакансии «для беднейших» в обязательном порядке предписывалось иметь всем платным училищам и школам. С оказавших «особые успехи в обучении» плата вообще не взималась.

Эта система ближе всего подходит к той, о которой ведется сейчас столько споров, — так называемой адресной помощи. Здесь принимали участие и приходские комитеты помощи, многие из которых отличались очень внушительным составом. Так, при церкви Николая Чудотворца в Новом Ваганькове, что на Трех Горах, в комитет входили архиепископ Тульский Парфений, епископ Серпуховской Анастасий, епископ Можайский Василий, епископ Волоколамский Федор. Между тем в ведение совета входила всего лишь двухклассная церковно-приходская женская школа и женская же богадельня.

В Иоакиманском Церковно-приходском попечительстве состояла церковно-приходская школа и бесплатная библиотека. При церкви Бориса и Глеба, что у Арбатских ворот, содержался лазарет для раненых солдат. Церковь Николая в Столпах, что в Армянском переулке, имела дневной детский приют. Здесь уже речь шла не о наиболее состоятельных москвичах, а о каждом прихожанине, для которого благотворительность становилась неотъемлемой частью повседневной жизни.

Попечительство при церкви Спаса Преображения в Малом Болвановском переулке заявляло о своей *обязанности* — именно *обязанности*! — «оказывать помощь живущим в приходе бедным выдачею единовременных и ежемесячных пособий, как деньгами, так и натурой; вообще проявлять различные благотворительные действия, например, устройство бесплатных квартир, устройство приютов, школ для бедных и т.п. в пределах прихо-

да». И это при том, что входили в совет мелкие государственные служащие, околоточный надзиратель, владельцы маленьких, по большей части односемейных домов.

Не просто ждать появления в приемных нуждающихся москвичей и их детей, но идти им навстречу — именно так была организована деятельность Общества борьбы с улицей (было и такое!), Благотворительного общества попечения о беспризорных детях, состоявшего непосредственно при Управлении московского градоначальника, Московского общества патроната над несовершеннолетними, Московского общества покровительства беспризорным, освобождаемым из мест заключения несовершеннолетним, Московского общества ремесленно-земледельческих колоний для освобождаемых из мест заключения несовершеннолетних, Общества попечения о бедных и бесприютных детях города Москвы и ее окрестностей, Общества попечения о неимущих и нуждающихся в защите детей в Москве. Центр последнего находился на Красной площади, в здании Исторического музея, и возглавлял его военный врач Василий Петрович Миртов, санитарный инспектор Московского военного округа.

Отличительная особенность любой формы московской благотворительности — отсутствие штатных служащих. Все ограничивалось одним — двумя делопроизводителями. Остальная работа выполнялась самими благотворителями, и это был их вклад в благое дело. Слова того же доктора Миртова: «У нас не должно быть посредников: мы не хотим и не будем плодить дармоедов и воров». Категорическая форма высказывания явно определялась трудностями военного времени.

Москва всегда была многонациональным городом, но как ни один город России, а может быть, и Европы, она старалась облегчить жизнь тем, кто не принадлежал к коренной национальности. Сегодня это особенно бросается в глаза: все народы бывших стран СНГ имели в старой столице свои землячества, культурные и даже экономические центры, библиотеки, театры, даже детские летние колонии, способствовавшие сохранению знания родного языка.

Общество грузин в Москве под председательством выдающегося актера Малого театра, известного драматурга князя А.И. Сумбатова-Южина «имеет целью заботиться о духовном развитии и материальном благосостоянии московской грузинской колонии».

Московское Латышское общество оказывает своим членам всяческого рода пособия: выдает низкопроцентные и даже беспроцентные ссуды, пожизненные и единовременные пенсии в случае нужды, болезни или смерти члена семьи, обеспечивает приобретение по сниженным ценам лекарств и товаров, получение бесплатных медицинских и юридических советов, занимается образованием детей и особенно сирот. При этом общество располагает собственной библиотекой, читальней, буфетом, устраивает спектакли, концерты, балы, лотереи. Правительством ему предоставлено право открывать, в случае необходимости, детские сады, летние колонии, столовые, потребительские лавки и ссудо-сберегательные кассы.

Тем же кругом возможностей располагает и Литовское вспомогательное общество, которое, кроме того, берет на себя обязанность биржи труда, заботу о состарившихся членах, неспо-

собных к труду, увечных и неизлечимо больных. Возглавлял общество Иван Иванович Валентинович, заведовавший аптекой Морозовской детской больницы.

Московское Эстонское общество имело к тому же общежитие для женщин и занималось преимущественно приезжавшими в Москву и Подмоскowie эстонскими сельскохозяйственными рабочими.

Для Общества польских женщин в Москве и общества «Дом польский» главное — культурная пропаганда. В старой столице имелись также Бельгийское общество взаимного вспоможения, сербское общество «Несвинье», Чешский комитет и Русско-чешское общество имени Яна Гуса, Французское общество взаимного вспоможения, Дамское общество вспоможения армянкам, учащимся в Москве, «Общество для пособия нуждающимся сибирякам и сибирячкам, учащимся в Москве», аналогичное «землячество уроженцев Донской области, учащихся в столице», пособия учащимся в высших учебных заведениях воложжанам. Работавшие в Москве швейцарцы, главным образом, домашние учительницы и гувернантки, располагали на Малой Ордынке общежитием, где могли жить при перемене места работы.

«Удобный для жизни город» — это определение, примененное А.И. Сумбатовым-Южиным в одном из писем в отношении Москвы, как нельзя более точно характеризует устройство старой столицы. Можно ли говорить о распространении здесь алкоголизма по сравнению с концом XX столетия? Тем не менее предреволюционная Москва имеет широко развитое Московское столичное попечительство о народной трезвости, располагающее во всех частях города чайными, народными столовыми, народными читальнями, библиотеками. Его деятельность включала организацию народных чтений, курсов, музыкальных занятий, народных театров, гуляний, содержание больниц и амбулаторий для алкоголиков. Попечительство о трезвости имело 11 народных домов, в том числе Алексеевский (Васильевская, 13), где находится в настоящее время Дом кино. Отдельно работали Дорогомиловское, Варнавинское, Даниловское и Рогожское общества трезвости. В организованных ими чайных находились библиотеки-читальни, проводились воскресные чтения и специальные молебствия об излечении от страшного недуга, работали вспомогательные кассы.

С годами забылось, что в Москве успешно велось лечение алкоголиков медицинскими сестрами, и в нем участвовали такие выдающиеся врачи, как Петр Борисович Ганнушкин. Специализированные амбулатории имелись при Старо-Екатерининской больнице (ныне — МОНИКИ) и при Яузской. Стационар располагался в Обуховском переулке. Существовали также специализированные платные лечебницы.

Москва имела 46 больших больниц и, как государство в государстве, систему специализированных клиник Московского университета, располагавшихся в районе Большой Пироговской улицы (в прошлом — Большой Царицынской) и Новодевичьего монастыря. И общая тенденция развития медицинской помощи — расширение бесплатных услуг врачей. Это было абсолютным приоритетом Городской думы, но и моральной установкой самих столичных медиков. Каждый нуждающийся в лечении

должен был иметь возможность получить *бесплатный* совет и — *бесплатные* лекарства. На последнем условии особенно настаивали специалисты-медики, широко представленные в числе гласных Городской думы.

В Большом Харитоньевском переулке функционировала бесплатная лечебница военных врачей для бедных любого звания. Специально оговаривалось, что «бедным выдаются даровые лекарства». Городская Глазная больница имени Алексеевых, на углу Садово-Черногрязской и Фурманного переулков, подчеркивала: «прием, а также выдача лекарств бесплатно». «Прием по всем болезням бесплатно», — подтверждали клиники Московского университета. Бесплатные койки имелись во всех стационарах. Ничего не стоило лечение туберкулеза — им занимались многочисленные лечебные учреждения секции по борьбе с туберкулезом в Москве высочайше утвержденного Русского общества охранения народного здравия, включавшие дневные санатории, загородные санатории, приют-колонии для туберкулезных детей в Серебряном бору.

Беднейшие больные могли обращаться и к самым дорогим вольнопрактикующим врачам, имевшим собственные кабинеты и клиники для приема. Отказать в бесплатной помощи считалось нарушением профессиональной этики и серьезно сказывалось на репутации медика. И все это при том, что состоятельные москвичи за свое лечение платили очень высокие цены. Определение собственного материального положения предоставлялось на усмотрение самих больных, само собой разумеется, безо всяких справок и свидетельств о бедности.

Испокон веков Москва была городом торговым, опять-таки удобно устроенным для потребностей горожан. Среди продовольственных магазинов самыми распространенными были молочные скопы — так назывались молочные, лавки колониальных товаров (бакалея, чай, кофе) и булочные, которые имелись буквально в каждом квартале. Конкуренция здесь отличалась исключительной жесткостью.

Первая Городская больница имени Н.И. Пирогова. Середина XIX века. Архитектор О. Бове

Сегодня стало принятым вспоминать булочные Филиппова, ставшие нарицательным понятием вкусного хлеба. Для старых москвичей градаций качества и вкуса существовало гораздо больше.

Торговля хлебом была чаще всего семейным, передававшимся из поколения в поколение делом, в котором участвовали многие члены семьи. Вместе с тем наиболее богатые торговые дома не считали необходимым обзаводиться собственными зданиями для контор, магазинов и представительств, ограничиваясь арендой и пользуясь услугами казенных вспомогательных учреждений, в частности, лабораторий. Ссылка на один и тот же номер домовладения нескольких фирм свидетельствует и о размерах этих участков, которые в районе Сокольнического шоссе – Гавриковой площади порой достигали гектара, благодаря чему на них рядом с представительствами и конторами размещались склады и лабазы.

Владельцы хлебопекарен и булочных, приобретая готовую муку, иногда предпочитали пользоваться зерном, молотым на определенных московских мельницах. Придирчивость москвичей к вкусу и качеству хлеба была исключительно высока. Среди других пользовался хорошей славой товар «Бутурлинской вальцевой паровой мельницы товарищества».

Большинство булочных имело собственные пекарни. Исключение составляли хлебопекарни городские – в здании Екатерининской богадельни на Стромьнке и на Коровьем валу (№ 5). Всего городских хлебных лавок было 18, и размещались они в районах расселения наименее состоятельной части москвичей – у застав, на площадях Садового кольца в Замоскворечье.

Настоящими королями московского хлебобулочного рынка были торгово-промышленное товарищество «Титова С. Сыновья» (правление и контора – Никольямская, 6), располагавшее 66 булочными по всему городу; Дмитрий Иванович Филиппов – 24 магазина; Иван Федорович Тихомиров – 19 булочных; Николай Иванович Казаков – 17 лавок, преимущественно в районе Краснопрудной улицы, то есть около вокзалов; Алексей Иванович Чуев с 11-ю булочными в центре Москвы (Остоженка, Пре-

Романовская больница с церковью св. Михаила Малесина. «27 декабря 1913 г. торжественно освящена новая больница Покровской общины в память 300-летия Дома Романовых. Больница устроена на 60 кроватей и обонлась в 250000 рублей. Она предназначена для хирургических и терапевтических больных» (Искра. 1914, № 1, с. 7).

чистенка, Б. Никитская, Б. и М. Дмитровка). Н.К. Аксенов обслуживал десятью лавками район Черкизова, Елоховской площади; Анна Афиногеновна Филиппова с девятью магазинами, имевшими кондитерские отделы, — Бронные улицы, Тверской бульвар, Камергерский переулок, Павловские улицы и переулки.

Этим булочникам приходилось конкурировать по части вкуса их изделий, и для старых москвичей понятия титовского, филипповского или тихомировского хлеба очень разнились между собой, как и особые сорта, составлявшие секрет фирм.

Большинство же московских булочников имели один-два магазина, которые обслуживали собственной выпечкой. В начале 1910-х гг. появилась практика устройства в булочных кондитерских отделов с несколькими столиками, за которыми можно было на месте пробовать лакомства, а вместе с ними и необходимость продажи чая.

В поставке молочных продуктов боролись две могучие фирмы — А.В. Чичкина и братьев В. и Н. Бландовых. Чичкин имел в Москве 91 скопу, Бландовы — 71. Нередко их скопы располагались буквально бок о бок, перехватывая покупателя. Они отличались исключительной чистотой, отделялись белоснежным с синим бордюром у Чичкина и чуть желтоватым со светло-коричневым бордюром у Бландовых кафелем. Обе фирмы предлагали молоко утреннего, а в полуденные часы — дневного удоя, без пастеризации и химической обработки. Секрет заключался в умелой организации доставки. У Чичкина, например, существовало негласное соглашение с руководством Киевской железной дороги: почтовые поезда, за определенную плату, притормаживали на подмосковных полустанках, чтобы на ходу загрузить в тамбуры бидоны, которые также на ходу разгружались в начале платформ московского вокзала. Цирковая ловкость — «ловкость рук и никакого мошенства», по местному выражению, — окупалась высотой доходов. В интервью одной из московских газет Н. Бландов утверждал, что его фирма знала с точностью до одного литра потребности постоянных покупателей, и потому они могли рассчитывать объем поставок своих скоропортящихся продуктов, не допуская длительного их хранения.

В Москве существовало правило — сколько-нибудь несвежие продукты раздавались неимущим. На кондитерских фабриках бесплатная раздача бракованной продукции производилась в субботу. В основном же конфетный и выпечной лом рассылся по богадельням. Так, известная кондитерская фабрика Жукова в Голиковском переулке, на Пятницкой улице, снабжала две богадельни — Ляминскую, в приходе церкви Климента папы Римского, и общественную, в приходе церкви Никиты Мученика на Новокузнецкой («что в Кузнецях»).

Особенностью Москвы было множество портных с небольшими мастерскими. Модные магазины в центре города оставались сравнительно немногочисленными. Бутики наиболее знаменитых иностранных фирм с успехом практиковали торговлю по журналам. Постоянные клиентки заказывали платья непосредственно из Парижа, где в банке данных хранились их мерки и — фотографии, позволявшие модельерам определять стиль и наиболее удачные «креации» для заказчицы.

Но основная масса москвичей имела собственных портных, успешно следивших за всеми изменениями моды. Тем более это

касалось обуви, которая шилась у «своих» сапожных мастеров непременно на заказ. Примерка готовой обуви в магазине оставалась не слишком одобрявшейся покупателями новинкой. Главными считались удобство и прочность, которые гарантировались индивидуальным пошивом. Отсюда очень большое число сапожных мастерских.

Своеобразным московским институтом были бани и прачечные. Каждая баня имела свои особенности, свой «порядок», которым так дорожили посетители, и свой круг постоянных «бывальцев». Адреса многих бань оставались неизменными на протяжении десятилетий. В канун Октябрьского переворота в Москве действовало 49 бань. В банном деле существовали и свои магнаты. Это прежде всего Ф.П. Кузнецов, образовавший вместе с И.Н. Виноградовым торговый дом, и многочисленная семья потомственных «банщиков» Бирюковых.

Потомственному почетному гражданину Ивану Никитичу Виноградову и личному почетному гражданину Федору Павловичу Кузнецову принадлежали «Центральные бани» (Театральный пр., 3). Одному Кузнецову – «Московские» (Неглинный пр., 29) и «Европейские» (Неглинный пр., 27), а также очень популярные в Замоскворечье «Бани в Кадашах» (М. Кадашевский пер., 7).

Бирюковы рассчитывали на менее состоятельную, но более привязанную к старомосковским обычаям публику. Фирма «Ф. П. Бирюкова наследники» располагала двумя банями – на Смоленском рынке и на Самотечной улице. Оба «заведения» располагались в принадлежавших Бирюковым домах.

Сергей Петрович Бирюков получил в наследство «Краснохолмские бани» (1-й Гончарный пер., 9). При этом он уже имел собственное дело – фабрику искусственной овчины и плюша. Такое совмещение профессий не было исключением среди владельцев бань. Любопытный в этом отношении пример представлял владелец «Чернышевских бань» (Брюсовский пер., 7) доктор Аркадий Дмитриевич Звездин. Известный акушер-гинеколог, он имел ежедневный прием в собственном доме на Донской улице, 32, а в женском отделении бань ввел специальные гинекологические водные процедуры.

Владельцем существовавших вплоть до последнего времени «Тверских бань» (М. Палашевский пер., 7) являлся глава значительного по своему капиталу торгового дома «Братья В. и И. Власовы» – Иван Самсонович.

В начале XX в. Москва располагала 362 прачечными, владельцами которых были, как правило, женщины. Большинство таких заведений располагалось в центре города. Ближе к окраинам прибегали к услугам приходящих на дом прачек.

Среди множества прачечных имелось всего два торговых дома с большим объемом работы и соответствующим капиталом – «А. Бавастро» (Кузнецкий мост, 4) и «Шевлягины Братья и Буров А.» (Старая Божедомка, 27). Значительно более низкие цены существовали в таких прачечных, как «Воспитательный дом» (Солянка, 12) и «Городская прачечная» у Краснохолмского моста. Единственным специализированным заведением был филиал парижской фирмы «Э. Тассель и К°» – для чистки воротничков и манжет.

Практически прачечные имелись в каждом квартале. За грязным бельем приходили посыльные, они же доставляли чи-

стое белье. И при том прачечные оборудуются во многих домах, жилых и достаточно комфортных, что, по-видимому, не нарушало санитарных норм.

Совершенно так же в жилых многоквартирных домах оборудовались врачебные, зубоврачебные и даже «родовспомогательные заведения». Здесь можно было найти и так называемые «частные учебные заведения III разряда» — мужские, женские, смешанные, дававшие первоначальные сведения по арифметике, истории, географии, русскому языку и в отдельных случаях — по иностранным языкам. Они успешно готовили к поступлению в гимназию или городское училище, не отрывая детей от родной среды. Но как все медицинские учреждения, так и педагогические находились под строжайшим контролем и постоянным наблюдением Городской управы.

Предметом особой гордости Городской думы было положение учителей. На 1912 г. в начальных училищах их было более двух тысяч. Старшие учителя получали годовое жалованье в 600 рублей и бесплатную казенную квартиру с полной обстановкой. Классным учителям выплачивалось 460 рублей годовых и 240 «квартирных». Через каждые три года следовала надбавка в 40 рублей.

Для учителей были организованы постоянно действующие дополнительные лекции при Педагогических курсах и Университете Шанявского. Город содержал Музей учебных пособий с целью знакомить педагогов с новыми методами обучения. Бесплатный склад учебных пособий снабжал все школы учебниками, письменными принадлежностями и пособиями. Во все школы рассылались комплекты диапозитивов — «Картин для проекционных фонарей».

Для внешкольного образования город содержал бесплатные читальни — имени Тургенева и имени Островского и библиотеки-читальни имени Пушкина, Гоголя, Грибоедова, а в Замоскворечье еще одну — безымянную, в Спасском переулке. Последней решено было присвоить имя Льва Толстого, но Городская дума не дала на это согласия.

«Отцы города» — так отзывались москвичи о гласных Городской думы. Сначала не без иронии, а в XX столетии с полным пиететом. Можно применить и другое обиходное выражение — *радетели города*. Но никак не хозяева. Работа в думе не давала никаких преимуществ, тем более людям с большим профессиональным авторитетом. Среди гласных — ведущие архитекторы Москвы: Богдан Михайлович Нилус — москвичам хорошо знакомы выстроенные по его проектам огромные доходные дома по Большой Никитской, 24 и Никитскому бульвару, 12. Это автор комплекса Делового двора на нынешней Славянской, ранее Варваринской площади, Иван Сергеевич Кузнецов, Роман Иванович Клейн, строитель Варваринских жилых домов на Солянке и Сытинской типографии на Пятницкой Владимир Владимирович Шервуд. Рядом с ними известные юристы и инженеры — путеец Э.И. Альбрехт, инженер-механик В.В. Зворыкин, профессор Д.Н. Головин, преподаватель Константиновского межевого института, гражданский инженер, глава фирмы Н.Н. Зимин, механик А.И. Стрепихеев, профессор Я.Я. Никитинский, возглавлявший Общество содействия успехам практических применений.

Всего при думе было организовано 27 комиссий из состава гласных. «Господа, гласным Московской думы недостаточно быть образованными людьми, им следует оставаться практикующими специалистами. Только в таком случае Дума сможет успешно справляться со всем многообразием стоящих перед городом проблем. Просто служащие чиновники — всегда балласт для городского устройства и горожан», — это слова из речи присяжного поверенного Владимира Владимировича Пржевальского, члена Братолюбивого общества снабжения неимущих квартирами, Благотворительного тюремного комитета, Городского попечительства о бедных, попечителя Дома призрения имени Фирсанова (в Соколовском переулке) и одновременно председателя Наблюдательного комитета Московского городского общества взаимного от огня страхования. Подобное совмещение занятий для гласных представлялось необходимым.

О круге вопросов, решаемых думскими комиссиями, свидетельствуют их названия: комиссия по общественному призрению, по разработке вопроса о сооружении народного дома и учебно-ремесленной мастерской на пожертвования А.А. Бахрушина, по ревизии отчетов о постройке городского электрического трамвая, по вопросам постройки и эксплуатации газового завода, для выяснения и разработки вопроса об организации трудовой помощи населению рабочих домов и домов трудолюбия, для ревизии расходов городского управления, вызванных войной 1914 г.

Усилия городских властей, но и всех жителей Москвы, бескорыстно и самоотверженно принимавших участие в благоустройстве, были весьма плодотворными. А.И. Сумбатов-Южин не ошибался: «Удобный для жизни город».

УПРАВЛЕНИЕ ГОРОДОМ

Первым городским административным органом Москвы, управляющим жизнью города, можно считать учрежденную 19 января 1722 г. Полицмейстерскую канцелярию во главе с обер-полицмейстером, который назначался императором.

17 января 1799 г. Павел I утвердил Устав столичного города Москвы по образцу Санкт-Петербурга. Фактически это был первый документ, определивший статус Москвы и структуру управления городом. Таким образом, Москва сохраняла за собой статус столичного города. Во-первых, потому, что на протяжении нескольких веков она являлась престольным городом и здесь находилась известная всему миру резиденция русских царей — Кремль. Во-вторых, Москва была крупным торгово-промышленным и культурным центром с большими историческими традициями. И, в-третьих, здесь проживало почти полтора миллиона человек.

В 1802 г. центральные органы управления в России были реформированы, в результате чего администрация и полиция,

Московская Городская дума. Старое здание на Воздвиженке. 1860-е гг.

Новое здание Городской думы в Москве. 1890–1892 гг.

а также органы самоуправления перешли в ведение самого могущественного министерства Российской империи — Министерства внутренних дел. Под его юрисдикцию попали и губернаторы. Однако генерал-губернаторы сохранили определенную автономию. Формально входя в правительственную иерархию, генерал-губернатор имел право непосредственного обращения к императору, а также первенство перед всеми воинскими начальниками, исключая главнокомандующих и командующего Московским военным округом.

По законам 1863, 1870 и 1892 гг. в Москве, получившей Городовое положение, соответствующее ее статусу столичного города, были сформированы предусмотренные этим положением административные органы самоуправления: Городская дума и Управа. Самоуправление находилось под неусыпным надзором центра в лице Министерства внутренних дел через специальную, жесткую соподчиненную хозяйственно-полицейскую вертикаль. Узлом взаимодействия самоуправления с полицейской администрацией были местные органы полиции, выстроенные по иерархии снизу вверх: градоначальство, губернатор, генерал-губернатор.

Указом от 1 января 1905 г. Москва получила новый статус: по образцу Санкт-Петербурга она была выделена в администра-

тивно-территориальную единицу – градоначальство. Градоначальство включало в себя и близлежащие местности Московского уезда в границах полицейской черты. В соответствии с этими изменениями была преобразована и система административно-полицейского управления городом: административно-полицейский аппарат возглавил московский градоначальник. И он, и его помощники подчинялись по административной и полицейской частям генерал-губернатору.

Для повседневного надзора за деятельностью городского самоуправления – думы и управы – существовало Особое по городским делам присутствие под председательством градоначальника.

В соответствии с Общей инструкцией, утвержденной Высочайшим указом Николая I в 1853 г., генерал-губернатор являлся «главным блюстителем неприкосновенных и верховных прав самодержавия, пользы государства о точном исполнении наказов... по всем частям управления во вверенном ему крае». Практически его власть ничем не ограничивалась и распространялась на общественную безопасность и благосостояние, личный состав местного управления, здравоохранение, финансы, суд. Но особенное значение, согласно букве Инструкции, имела ответственность генерал-губернатора «за состояние умов».

По настоянию думы имена всех чиновников администрации ежегодно публиковались в общих справочных книгах по городу. В них содержались краткие сведения о чиновнике: домашний адрес, телефон, состав семьи, круг занятий, в том числе, в обязательном порядке, участие в благотворительных акциях. Подобная проявленность была обязательной также для всех полицейских чинов, врачей и участковых архитекторов.

Кроме городской управы, в Москве существовали сословные управы: Купеческая, располагавшаяся неподалеку от собора Василия Блаженного, Мещанская (Георгиевский пер.) и Ремесленная, организованные во многом по принципу средневековых гильдий. Все они имели выборных, и круг их интересов выходил за рамки одного сословия.

В Купеческой, например, управе существовали постоянные комиссии: по постройке Соляного двора, по разработке вопроса об устройстве музея промышленности, торговли и кустарных изделий, по выяснению мер борьбы с германским и австро-венгерским влиянием в области торговли и промышленности, по разработке вопроса об устройстве школ в память 50-летия освобождения крестьян от крепостной зависимости или о пользе и нуждах общественных.

В Мещанской управе основное внимание уделялось благотворительной и строительной комиссиям, а также комиссии по переустройству зданий. Председателем сословия и многолетним бессменным старшиной Собрания выборных был Василий Егорович Гринев, один из основателей и строителей поселка Лосиноостровский.

Дворянское собрание включало уездных предводителей дворянства: Коломенского, Дмитровского, Волоколамского, Можайского, Звенигородского, Серпуховского, Рузского, Верейского, Клинского, Бронницкого, Подольского, Богородского и депутатов уездов. Последним губернским предводителем дворянства стал шталмейстер Двора Петр Александрович Базилевский.

На рубеже XIX–XX вв. специально административные здания не строились. Тем не менее расширение полномочий думы и управы привели к необходимости сооружения новой резиденции. В 1887 г. управой был объявлен конкурс. Проведенный в два тура, он определил победителя — архитектора Д.Н. Чичагова. В течение 1890–1892 гг. строительство было завершено, но почти сразу стало очевидной потребность в его расширении. Непосредственно перед началом Первой мировой войны последовало решение о сооружении нового здания думы, тогда как чичаговское предполагалось передать Историческому музею для расширения его экспозиций. Однако после переворота 1917 г. здание на Воскресенской площади заняли новые правительственные учреждения.

ДРАЧЕВКА, г. ЧЕ-ВУ

Я ужасно полюбил Москву. Кто привыкает к ней, тот не уедет из нее. Я навсегда москвич. Приезжай литературой заниматься... Приезжай!!!!... Что ни песчинка, что ни камушек, то и исторический памятник.

А.П. Чехов

Жизнь в Таганроге оборвалась сразу и навсегда. Лавочник Павел Чехов стал банкротом. Свой дом — пусть не такой видный, как мечталось, пусть тесный (деньги, деньги!), пусть заселенный родными и не приносящий дохода, — разрушил все надежды на будущее. Выплатить взятую под него банковскую ссуду всего-то в полторы тысячи рублей не представлялось возможным. Оставалось бегство — и это через два года после окончания строительства — тайное, казавшееся мучительно позорным, бесповоротное.

По счастью, старшие сыновья Александр и Николай уже учились в Московском университете и Московском училище живописи, ваяния и зодчества. Павел Егорович с женой, дочерью и младшим сыном направлялись к ним. В Таганроге оставался последний из семьи — гимназист Антон Чехов.

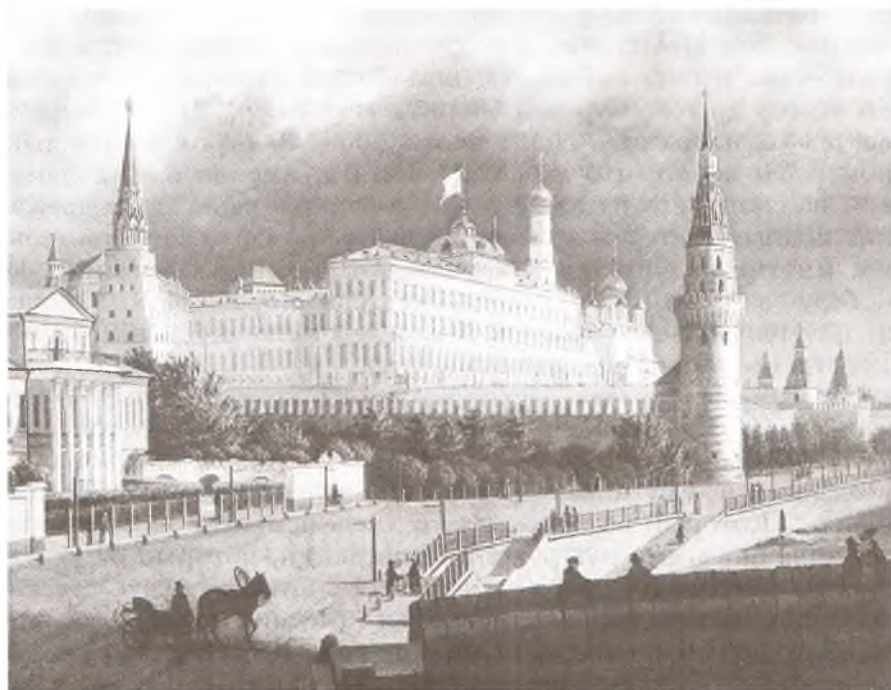
Со временем он напишет А.С. Суворину: «Напишите рассказ о том, как молодой человек, сын крепостного, бывший лавочник, певчий, гимназист и студент, воспитанный на чинопочитании, целовании поповских рук, поклонении чужим мыслям, благодаривший за каждый кусок хлеба, много раз сеченный, ходивший по урокам без галош, дравшийся, мучивший животных, любивший обедать у богатых родственников, лицемеривший Богу и людям без всякой надобности — только из сознания своего ничтожества, напишите, как этот молодой человек выдавливает из себя по каплям раба и как он, проснувшись в одно прекрасное утро, чувствует, что в его жилах течет уже не рабская кровь, а настоящая человеческая». Этим перерождением он будет обязан Москве.

М. Бочаров. Вид Москвы от села Воробьева. 1853 г.

Чехов попадет в старую столицу первый раз семнадцати лет, на летние каникулы 1877 г., и найдет родных ютящимися на задворках дома № 29 по Даеву переулку. Старый полусгнивший флигелек на две квартирки. В одной из них – на три конурки – вся семья. Такой бедности они не знали в Таганроге. Почти без мебели – спать зачастую приходилось вповалку на полу. Зачастую – потому что квартиры мелькали как в унылом калейдоскопе: больше десяти адресов за первые три года московской жизни. Это сестра Маша будет вспоминать о запущенном саде и настоящей «тургеневской» беседке. Гимназист далек от ее романтических настроений и никогда не придет больше в этот переулок. Тем не менее: «После Москвы у меня в голове крутится... Если только кончу гимназию, то прилечу в Москву на крыльях, она мне очень понравилась...» Прежде всего сам город и уж потом возможности, которые открывались в отношении продолжения образования.

Высокий басовитый молодой человек в штатском, как определит его брат Михаил, который сойдет с извозчика у обшарпанного дома № 36 по Трубной улице, словно не заметит, что район станет много беднее. Осень 1879 г. Чеховы с прошедшей зимы ютятся в подвале. Было промозгло холодно, сыро и «через окна под потолком виднелись одни только пятки прохожих». Но после первых поцелуев и родственных объятий Антон торопится в город. Просто в город. «Гурьбой отправились смотреть Москву, – рассказывал М.П. Чехов. – Я был чичероне, водил гостей в Кремль, все им показывал, и все мы порядочно устали. Вечером пришел отец, мы ужинали в большой компании, и было так весело, как еще никогда». «Гостями» были привезенные Антоном из Таганрога два товарища, которые стали квартирантами семьи, – немалое облегчение для грошового бюджета Чеховых.

К. Тон. Большой
Кремлевский дворец.
1838–1849 гг.

Так получается, что при множестве мужчин в семье только Антон оказывается общим кормильцем. У него стипендия от Таганрога для занятий в Московском университете — целых 25 рублей в месяц. Это он заботится о квартирантах. Он же начинает пробовать свои силы в литературе — сначала прежде всего ради заработка. Первая попытка — изложение того бесконечного «научного спора» обывателя со всеми открытиями науки, которым обычно развлекал появлявшихся в доме гостей: «Письмо донского помещика Степана Владимировича к ученому соседу дру Фридриху».

Ответ на присланный рассказ редакция петербургского еженедельника «Стрекоза» помещает в рубрике «Почтовый ящик»: «Драчевка, г. Че-ву. Совсем недурно. Присланное поместим. Благословляем и на дальнейшее подвижничество». «Благословение» появилось в номере от 13 января 1860 г., публикация прошла 9 марта. Автор был предупрежден об ожидающем его гонораре — 5 копеек за строку. Чеховы жили уже в это время на втором этаже дома Савицкого на той же Драчевке (Трубная ул., 23).

Литературные занятия и одновременно занятия на медицинском факультете Московского университета (Б. Никитская, 2) — свободного времени у него просто не существовало. Тем более, что при грошовой оплате писать было нужно очень много — благо перед студентом-сочинителем открываются двери редакций многочисленных газет и журналов. «Сотрудничаю я в «Осколках» с особенной охотой, — пишет Чехов его издателю Н.А. Лейкину. — Направление вашего журнала, его внешность и уменье, с которым он ведется, привлекут к вам, как уже и привлекли, не одного меня». Но предназначенную для «Осколков» посылку может перехватить редактор «Зрителя» (М. Дмитровка, 1). «Отнять нельзя было: приятель», — объясняет Чехов свои отношения с В.В. Давыдовым, у которого сотрудничали к тому же

его братья писатель Александр и художник Николай Павловичи. Вместе с Николаем Павловичем Чехов сотрудничает в журнале «Свет и тени». «В несчастном «Будильнике», — замечает он по поводу другого журнала (Леонтьевский пер., 21), — зачеркивается (цензорами — Н.М.) около 400–800 строк на каждый номер. Не знают, что и делать». Кстати, именно в «Будильнике», на спор с его издателем, Чехов берется написать подражание модным светским душещипательным романам. Действительно, многие из читателей принимают чеховскую «Ненужную победу» за роман венгерского писателя Мора Йокая. Рассказ пользуется большим успехом и впоследствии, в течение 1916–1924 гг. неоднократно экранизируется.

В журнале «Москва» Чехов печатает рассказы «Забыл!», «Зеленая коса. Маленький роман», «Свидание хотя и состоялось, но...», «Ярмарка», «Барыня», в «Мирском толке» — «Цветы за поздалые», в «Спутнике» — «Пропавшее дело», «Двадцать девятое июня», «Который из трех». И это лишь немногие из тех пяти-шести сот с лишним литературных произведений, которые будут написаны за годы занятий в университете. Случалось, что рассказы Чехова появлялись ежедневно. «Я газетчик, потому что много пишу, но это временно... Оным не умру. Коли буду писать, то непременно издаю, из щелочки... Не завидуй, братец, мне! Писанье ничего, кроме дерганья, ничего не дает мне. 100 руб., которые я получаю в месяц, уходят в утробу, и нет сил переменить свой серенький неприличный сюртук на что-либо менее ветхое. Плачу во все концы... Живи я в отдельности, я жил бы богачом, ну, а теперь... на реках Вавилонских сдохом и плачохом...»

Его мечта — освободиться от ига издателей и обратиться к медицинской практике. Университетские занятия увлекают и приносят серьезные результаты. Трудно было не испытать на себе влияния таких светил русской медицины, как доктора Остроумов, Захарьин, Кожевников и особенно декан медицинского факультета Н.В. Склифосовский. Чехов проходит практику рядом со своим домом: университетские клиники располагались на Рождественке.

К ним была присоединена находившаяся у Петровских ворот Екатерининская больница (Страстной бульвар, 15/29). «Не сомневаюсь, — напишет со временем Чехов, — занятия медицинскими науками имели серьезное влияние на мою литературную деятельность... Знакомство с естественными науками, с научным методом всегда держало настороже, и я старался, где было возможно, соотноситься с научными данными, а где невозможно, — предпочитал не писать вовсе». Во всяком случае, с самого начала мысль о предстоящей медицинской практике не только не угнетала, но воспринималась со всей серьезностью.

Казалось, Москва владела всеми помыслами и участвовала во всех планах на будущее. Но не за счет неприязни ко все более глубоко уходившему в прошлое Таганрогу. Мысль о городе на Азовском море постоянно возвращалась, жила до последних дней. Незадолго до кончины, тяжело больной, он напишет в завещании, обращенном к сестре: «После моей смерти и смерти матери все, что окажется, кроме дохода с пьес, поступает в распоряжение Таганрогского городского управления на нужды народного образования, доход же с пьес — брату Ивану, а пос-

ле его, Ивана, смерти — Таганрогскому городскому управлению на те же нужды по народному образованию». Впрочем, заботы о родном городе начинаются много раньше. Усилиями Чехова формируется городская библиотека. Год за годом он пересылает в Таганрог ящики с книгами, последний — за месяц до смерти. Само здание библиотеки строится по проекту его друга, архитектора Ф.О. Шехтеля. По инициативе Чехова и на средства, собранные при его участии, сооружен в городе памятник Петру I. Даже псевдонимом он обязан Таганрогу и именно поэтому относится к нему с редкой бережностью: «Псевдоним А. Чехонте, вероятно, и странен и изыскан. Но он придуман еще на заре туманной юности, я привык к нему, а потому не замечаю его странности...» Автором был один из любимых гимназических учителей Чехова — законоучитель Ф.П. Покровский, отличавшийся прогрессивностью убеждений и совершенно необычной для священника манерой поведения, откуда шло его прозвище «гусара в рясе».

...Переулки, как весенние ручьи, сбегают с кругого пригорка. Горбатые. Извилистые. В редких всполохах зелени в просветах крыш тесно уставленных домов. Дома — приземистые, кирпичные, в мелкой мозаике окон. Сретенские. Конечно, были похожие и в других уголках Москвы. Были. И все же эти — особенные: совсем, как на центральных улицах, в богатых кварталах, но уменьшенные — во много раз «обедненные». Доходный дом — всего в три этажа и в три квартир. Отдельная квартира — но из крохотных очень сумрачных комнат: куда ни глянь, посеревшие от грязи стены, лукошки стиснутых камнем дворов, вздыбленные булыжником мостовые. Не нищета — скорее бедность, всеми силами цеплявшаяся за внешнюю благопристойность.

«Я живу в Головином переулке (М. Головин пер., 3), — пишет Чехов. — Если глядеть со Сретенки, то на левой стороне. Большой нештукатуренный дом третий со стороны Сретенки, средний звонок справа, бельэтаж, дверь направо, злая собачонка». Здесь пройдут 1881—1885 гг. Сюда же соберется к молодому писателю Н.С. Лесков. В письме брату Александру Чехов подробно опишет это взволновавшее его происшествие: «...Спрашивает: «Знаешь, кто я такой?» — «Знаю». — «Нет, не знаешь... Я мистик...» — «И это знаю...» Таращит на меня свои старческие глаза ж пророчествует: «Ты умрешь раньше своего брата». — «Может быть». — «Помазую тебя елеем, как Самуил помазал Давида... Пиши». Этот человек похож на изящного француза и в то же время на попа-расстригу. Человечина, стоящий внимания. В Питере живучи, погощу у него. Разъехались приятелями».

Слов нет, средств для переезда в лучший район со всей семьей не хватало. Но не только из-за этого Чехов не думает о переезде. Время покажет — он с нежностью будет вспоминать сретенские переулки, хотя никаких удобств ни для жизни, ни тем более для литературной работы они не давали. «Пишу при самых гнусных условиях, — жалуется Чехов в 1883 г. — В соседней комнате кричит детеныш приехавшего погостить родича, в другой комнате отец читает матери «Запечатленного ангела» (Н.С. Лескова — Н.М.). Кто-то завел шкатулку, и я слышу «Елену Прекрасную»... Обстановка бесподобная. Браню себя, что не удрал на дачу, где, наверное, и выспался бы; и рассказ бы вам

А. Егоров.
Рождественский бульвар
зимой. 1896 г.

написал, а главное — медицина и литература были бы оставлены в покое».

А между тем они продолжали сосуществовать — внутренний выбор еще не был сделан: врач или писатель. В 1884 г. Чехов заканчивает курс медицинского факультета и издает свой первый сборник рассказов «Сказки Мельпомены». Зато на чеховских вечерах в Малом Головине переулке явно преобладают литераторы. Вездесущий «дядя Гиляй» — В.А. Гиляровский станет вспоминать: «Все было проникнуто какой-то особой теплотой, сердечностью и радушием». Первым шагом в новую жизнь молодого доктора становится перемена квартиры и даже самого района. Выбор Чехова падает на далекое, «затхлое», но более богатое пациентами Замоскворечье.

«Полы красят», — сообщает Чехов 30 сентября 1885 г. о своей будущей квартире на Большой Якиманке (50). В ближайшие дни происходит переезд, а уже 12 октября он рассказывает в письме: «Квартира моя за Москвой-рекой, а здесь настоящая провинция: чисто, тихо, дешево и... глуповато». Но это впечатление от первых, еще сравнительно теплых осенних дней. Через месяц становится очевидным, насколько неудачным был выбор: «У меня беда! Новая квартира оказалась дрянью: сыро и холодно». Дело не в неудобствах — к ним Чехов давно привык, просто он начинает неважно себя чувствовать. В ближайшие же недели совершается новый переезд, почти рядом, через улицу, на первый этаж дома, принадлежавшего врачу 1-й Градской больницы Клименкову. Бельэтаж занимал кухмистер (Б. Якиманка, 45).

Снова на первый взгляд все выглядело как нельзя более удобно. У самого доктора Чехова отдельный кабинет и даже с камином. У семьи достаточно места. Пациенты быстро разгадывают добросовестность и знания начинающего врача. Но настоящих удобств нет, и как-то никто не обращает внимания на состояние хозяина. Холод, опять холод, такой мучительный для начинающего испытывать ознобы Чехова. «Ваш диван гораздо мягче моего матраца», — пишет он в Петербург Лейкину, — да и не холодно у вас, как у меня... Бррр!..» При всей своей общительности ему трудно целыми днями выдерживать нашествия

знакомых сестры: «Вечная толкотня, гам, музыка. В кабинете холодно... пациенты...» Недели проходят в постоянных поездках по больным, когда приходится выезжать и на далекие окраины. В течение одного дня можно столкнуться с сыпным тифом, крупом, оспой. Начатые рассказы лежат без движения из-за бесконечных перерывов.. А вечера и ночи — они принадлежат предприимчивому кухмистеру: бельэтаж сдается под свадьбы, поминки, всяческого рода обеды и ужины: «Надо мной сейчас играет свадебная музыка... Такие-то ослы женятся и стучат ногами, как лошади... Не дадут мне спать».

Но особенно донимали материальные нехватки. Несмотря на достаточно успешно начатую практику, на то, что гонорар за строчку рассказов вырос до 12 копеек, чеховских заработков семье недостаточно. Чехов будет писать брату, что одно пианино для сестры ему обходится в месяц дороже, чем тому квартира в Таганроге. К тому же приходится платить долги братьев лавочникам, портным, которые те делают, даже не ставя Антона в известность. Все острее заявляет о себе зарождающийся недуг: «Я болен. Кровохарканье и слаб... Надо бы на юг ехать, да денег нет»; «Боюсь подвергнуть себя зондировке коллег... Вдруг откроют что-нибудь вроде удлиненного выдыхания или притупления!» И в том же письме замечание о том, что надо ехать лечить Гиляя. Вот только один день из-за собственного плохого самочувствия придется пропустить, зато завтра поедет непременно: «На пожаре человечина ожегся, кругом ранился и сломал ногу».

Между тем как раз в этой квартире приходит то литературное признание, которое определит всю остальную писательскую жизнь.

Письмо маститого писателя Д.В. Григоровича, друга Ф.М. Достоевского, автора известного «Антон-горемыки». С удивительной заботливостью и добротой он пишет молодому коллеге о его необычайном таланте, о необходимости талант беречь и ни в коем случае не растрачивать на пустяки, о серьезной работе. Чехов потрясен, и с этого времени на его рабочем столе займет свое неперемное место фотография Григоровича с надписью: «От старого писателя на память молодому таланту». В недолгие замоскворецкие годы выйдет и второй сборник рассказов «Пестрые рассказы».

Чехов и позже говорил о себе, что легок на подъем и всегда готов пуститься в дорогу, близкую или дальнюю. Из Замоскворечья он проделывает внушительные концы на Долгоруковскую, где располагались в импровизированной мастерской подружившиеся с ним художники. Мастерская впервые появилась в связи с работой над декорациями для только зарождавшейся Частной русской оперы С.И. Мамонтова. «Другого критика (помимо С.И. Мамонтова. — Н.М.) мы имели в лице Антона Павловича, — вспоминал П.Н. Мамонтов. — Мнения его отличались лаконичностью удивительно странной формы: окинет взглядом через пенсне, задумается и уронит такой афоризм, что разгадаешь не сразу». Чехов начал заходить сюда еще в период жизни в Малом Головине переулке, обычно имея в виду возможность повидать брата Николая.

«Он развлекал нас своими рассказами о своих наблюдениях, — добавлял тот же мемуарист, — и приправлял свое повество-

вание такими звукоподражаниями, паузами, мимикой, насыщенными черточками такой острой наблюдательности, что все мы надрывались от смеха, хохотали до колик, а Левитан, как наиболее экспансивный, катался на животе и дрыгал ногами».

В мае 1886 г. молодежь заканчивает Московское училище живописи, ваяния и зодчества, которое было, по словам Чехова, «лучшей Академией в мире». Получив аттестаты и медали, Константин Коровин и И.И. Левитан направляются в дом на Большой Якиманке звать приятеля праздновать в Сокольники. Чехов, конечно же, соглашается, но с медалями разыгрывает сцену, на всю жизнь запомнившуюся К.А. Коровину: «А.П. Чехов посмотрел на наши медали и сказал:

– Ерунда! Не настоящие.

– Как не настоящие! – удивился Левитан.

– Конечно. Ушков-то нет. Носить нельзя. Вас обманули – ясно.

– Да их и не носят, – уверяли мы.

– Не носят!.. Вот я и говорю, что ерунда. Посмотрите у городских, вот это медали. А это что? Обман».

Было лето в окрестностях Звенигорода, одинаково увлекательное для Чехова и художников. Наступила осень, принесшая с собой очередной переезд – на этот раз на Садовую-Кудринскую, в дом Корнеева (Садовая-Кудринская, 6 – ныне Дом-музей А.П. Чехова). Не хотелось признаваться самому себе, что выбор уже сделан, что отныне в жизни будет литература и только литература. В письмах же промелькнет, что рука не налегает повесить табличку о врачебных приемах. «Место чистое, тихое и отовсюду близкое, не то что Якиманка», – одно из основных преимуществ. Самый же дом вызывает достаточно иронические замечания о сходстве с комодом и о «либеральном цвете» – красном, в который он выкрашен. Работать удобнее, еще удобнее встречаться с людьми – подобная потребность была у него неиссякаемой.

В «Доме в Кудрине», как станет называть его Чехов, всегда «много дяди Гиляя». Чехову хорошо знакомы адреса Гиляровского на Большой Никитской (Хлыновский тупик, 4), и в районе Мещанских (ул. Гиляровского, 24), и на Столешниковом переулке (№ 11). У него завязывается дружба с В.Г. Короленко, выступившим впервые в печати в 1885 г. с рассказом «Сон Макара», который был напечатан в журнале «Русская мысль». Работая над «Слепым музыкантом», он надолго задержался в старой столице в Большой Московской гостинице на Воскресенской площади (пл. Революции). Чехов будет писать в 1888 г.: «Это мой любимый из современных писателей. Краски его колоритны и густы, язык безупречен...» Со своей стороны Короленко, полюбивший дом в Кудрине, ответит той же глубокой симпатией: «Чехов произвел на меня впечатление человека глубоко жизнерадостного. Казалось, из глаз его струится неисчерпаемый источник остроумия и непосредственного веселья»

Между тем, хотя редко и скупое, Чехов признавался: «Понемножку болею и мало-помалу обращаюсь в стрекозиные мощи». Иногда мелькали и жалобы на дом, возможно, связанные с развитием болезни: «Не знаю, как у Зола и Щедрина, но у меня угарно и холодно».

Необычными гостями были театральные деятели. В.Н. Давыдов разыгрывает в доме в Кудрине сцены из запрещенной цензурой пьесы Л.Н. Толстого «Власть тьмы». Он же выступает главным исполнителем первой поставленной на профессиональной сцене чеховской пьесы «Иванов». «Иванова будет играть Давыдов, — пишет Чехов, — который к великому моему удовольствию в восторге от пьесы, принялся за нее горячо и понял моего Иванова так, как именно я хочу. Я вчера сидел у него до 3-х часов ночи и убедился, что это действительно громаднейший художник». Разбор пьесы происходил в доме № 26 на Петровке.

Премьера «Лешего» состоялась 19 ноября 1887 г. в театре Корша (Петровский пер., 3). Мнения публики разделились. Одни приняли пьесу с восторгом, другие с негодованием. Взрывы аплодисментов прерывались шиканием и топанием. От постоянных вскакиваний зрителей кресла в партере были сдвинуты со своих мест, перепутаны, так что никто не мог найти своего места. «А что делалось на галерке, — писал брат Чехова Михаил Павлович, — то этого невозможно себе представить: там происходило целое побоище между шикавшими и аплодировавшими». Резюмируя произошедшее, сам Чехов назвал спектакль «всеобщим аплодисменто-шиканьем».

В чеховской семье читает сцены из «Ричарда III» А.П. Ленский, постоянным гостем бывает А.И. Южин. Оба они жили в 1886 г. в доме № 22 по 1 Ушаковскому переулку. Чехову одинаково хорошо знакомы и позднейшие южинские квартиры — в 1887 г. номер в гостинице «Европа» (Неглинная ул., 4), с 1887 г. — Леонтьевский переулок, 4. Но особенное значение для Чехова-драматурга имело знакомство с В.И. Немировичем-Данченко (Чудовский пер. 5), оставившим превосходный литературный портрет писателя: «Я увидел довольно красивого, положительно красивого молодого человека, с приятно вьющимися, забранными назад волосами, бородкой и усами, очевидно, избегавшими парикмахера, державшегося скромно, но без излишней застенчивости и, очевидно, склонного к невычурной чистоплотности и внешней порядочности. Голос очень низкий, молодой бас, дикция настоящая русская, даже с каким-то оттенком чисто великорусского наречия, интонация гибкая, даже переливающаяся в легкий распев, однако без малейшей сентиментальности и, тем более, театральности».

В 1889 г. Чехову пришлось пережить премьеру еще одной своей пьесы — «Леший», которая состоялась в частном театре Абрамовой (Театральная пл., 2 — ныне Центральный детский театр) 29 декабря. Именно пережить, потому что успеха пьеса не имела и впоследствии долгие десятилетия не ставилась на сцене. Но тот же год приносит встречу с П.И. Чайковским. Чехов получает в подарок от композитора фотографию с надписью: «А.П. Чехову от пламенного почитателя. 14 октября 1889 г.». И немедленно откликается запиской: «Очень и очень тронут, дорогой Петр Ильич, и бесконечно благодарю вас. Посылаю вам и фотографию, и книгу, и послал бы даже солнце, если бы оно принадлежало мне». В другом письме он напишет: «Я готов день и ночь стоять почетным караулом у крыльца того дома, где живет Петр Ильич». Предприняв попытку поселиться в Москве, П.И. Чайковский жил в это время в доме № 6 по Померанцеву переулку.

И. Пелевин. Лубянская площадь. 1895 г.

«Дорогой Антон Павлович! Мне нескоро удастся урваться к вам, и об этом я страшно горюю. Душевный поклон всем бабкинским жителям. Скажите им, что я не дожусь минуты увидеть опять это поэтичное Бабкино; об нем все мои мечты. Пишите мне по следующему адресу: Пречистенка, дом Лихачева, меблированные комнаты, № 14». За первым письмом Левитана Чехову последовало другое: «Лежу в постели пятый день... Пишите мне...» Чехов не мог не откликнуться. Он бывает в этих левитановских «меблирашках», как и в «Восточных номерах» (Садовая-Спасская, 12), где Левитан жил вместе с его братом Николаем, как и на их общей квартире напротив Консерватории (Б. Никитская, 14). Помимо учеников, он был в самых добрых отношениях и с их учителем В.Д. Поленовым, чьи вечера собирали столько чеховских друзей-художников. Сначала с 1862 до 1887 г. они проходили на Божedomке (Самарский пер., 22–24), с 1889 г. на Кривоколенном переулке, 11.

Талант признательности – за каждое доброе слово, за каждое проявление дружбы и доброжелательности – им Чехов обладал в удивительной мере. Ему дорог появляющийся в его доме А.Н. Плещеев, автор революционных стихов сороковых годов, прошедший много лет в ссылке по делу кружка петрашевцев, в который входил вместе с Достоевским. И он с сердечной симпатией относится к Я.П. Полонскому, которому обязан высшей русской литературной наградой – Пушкинской премией 1887 г. за сборник рассказов «В сумерки». «О доме в Кудрине я вспоминаю с особенным чувством, и эти воспоминания не бледнеют от времени», – признается Чехов. Тем не менее 21 апреля 1890 г. – последний день, который он проведет в полюбившемся гнезде. Им задумано путешествие на Сахалин. Родные и Левитан проводят его на Ярославском вокзале.

Не было ни официального поручения, ни командировки — ничего, кроме собственного желания увидеть места каторги и ссылки. Корреспондентский билет от «Нового времени», устроенный А.С. Сувориным, представлял единственный документ для дальнего и небезопасного путешествия. В одном из писем по окончании поездки Чехов коротко скажет обо всем пережитом: «Я проехал на лошадях всю Сибирь, плыл 11 дней по Амуру, плавал по Татарскому проливу, видел китов, прожил на Сахалине 3 месяца и 3 дня, сделал перепись всему сахалинскому населению, чего ради исходил все тюрьмы, дома и избы... затем на обратном пути, минуя холерную Японию, я заезжал в Гон-Конг, Сингапур, Коломбо на Цейлоне, Порт-Саид и проч. и проч.»

Возвращаться приходилось на новую квартиру. Родные даже недолгие месяцы его отсутствия не хотели платить за ставший слишком большим для них одних дом. Особнячок в конце Малой Дмитровки (29) обходился много дешевле.

Он сдержанно отнесется к перемене: «Живу я теперь на Малой Дмитровке; улица хорошая, дом особнячок, два этажа. Пока не скучно, но скука уже заглядывает ко мне в окно и грозит пальцем». И это при том, что пишет Чехов на редкость много. Дом Фирганга — по имени владельца — связан с появлением «Гусева», «Дуэли», «Попрыгуньи». Он снова втягивается в поток московской жизни. Расположенная через несколько домов мастерская Константина Коровина, в которой в это время работает над своим «Демоном» Врубель (М. Дмитровка, 15). Встречи с М.Н. Ермоловой (Тверской бульвар, 11). Приезды В.Г. Короленко. Множество посетителей, мешающих работе. И в октябре 1891 г. признание: «Я приказал никого не принимать и сижу в своей комнате, как бугай в камышах — никого не вижу и меня никто не видит. Этак лучше, а то публика и звонки оборвет и кабинет мой превратит в курильню и говорильню. Скучно так жить...». Единственный выход — оставить Москву. Может быть, отправившись в Петербург или Нижний Новгород, может быть, — и это впервые появляющаяся мысль — перебравшись в провинцию.

Дело не только в условиях для литературной работы — Чехов после впечатлений сахалинской поездки ищет поля для общественной деятельности. «Ах, подруженьки, как скучно! — пишет он в том же октябре. — Если я врач, то мне нужны больные и больница; если я литератор, то мне нужно жить среди народа, а не на Малой Дмитровке, с мангусом. Нужен хоть кусочек общественной и политической жизни, хоть маленький кусочек, а эта жизнь в четырех стенах без природы, без людей, без отечества, без здоровья и аппетита — это не жизнь...»

Решение приходит неожиданно и осуществляется стремительно: Мелихово. Небольшое поместье вблизи станции Лопасная, между Подольском и Серпуховым. Крепкий, «с затеями», дом. Сад. Маленький пруд. Из инвентаря в исправности, по отзыву Чехова, один рояль. И невыгодные условия покупки. Правда, всего за треть цены наличными, но с переводом на нового владельца банковского долга — обстоятельства, резко усложнившие для Чехова жизнь.

Работа. Снова работа. Не та, свободная, о которой так мечталось, но по-прежнему связанная с финансовыми расчетами.

Зато меняется общий характер жизни. Он много занимается собственно хозяйством. В работах по устройству Мелихова принимает участие вся семья. С переменным успехом — к сельским заботам нужно привыкать. Сам Чехов втягивается в местную общественную жизнь. Участвует в организации школ. Работает бесплатным земским врачом, обслуживающим крестьян. Добивается прокладки шоссейной дороги. И пишет. Среди первых и самых сильных впечатлений от Мелихова — кабинет с большими итальянскими окнами, более просторный, чем в Москве. Не обходят Мелихова и гости, которых только вначале приходится усиленно приглашать.

Между тем жизнь без Москвы очень скоро становится невозможной. Чехов приезжает в нее часто, сделав своим домом две гостиницы — Большую Московскую и Славянский базар (Никольская, 17). В первой у него даже появляется любимый номер. Охотно бывает в театрах — у Корша и в Малом, где в частности смотрит в декабре 1893 г. пьесу И.Н. Потапенко «Жизнь». Конечно, ослабевают связи с актерами, но не интерес к сцене. Впрочем, достаточно появиться в старой столице, как весть о приезде проносится среди друзей. Первым чаще всего появляется М.А. Саблин, забирающий Чехова в традиционную поездку по московским трактирам, вечером, после спектакля, непременно Южин. Завязываются достаточно близкие отношения с Л.Н. Толстым. В письмах много раз повторяется желание бывать у него в одиночку, без знакомых и связанных с ними дел: слишком большое значение придает Чехов этому общению, слишком трепетно относится к толстовскому дому (ул. Льва Толстого, 21). Летом 1896 г. именно через Чехова американский физик Роберт Вуд и американский писатель Франс Виллард, приехавшие на Всероссийскую промышленную выставку в Нижний Новгород, передают Толстому изданные за рубежом те из его произведений, которые были запрещены цензурой. Уважение писателей друг к другу было взаимным. «Чехов — это Пушкин в прозе», — утверждал Толстой.

Теперь в Москве еле хватает времени на самые необходимые деловые и дружеские контакты. Брат Иван — он живет и работает в школе на Новой Басманной. Левитан — с 1892 г. и до конца своей короткой жизни он располагает мастерской в крохотном, густо заросшем сиренью домике, затерявшемся в глубине московского двора (Б. Трехсвятительский пер., 1). Сестра Мария Павловна, жившая в доме Кирхгофа на Садовой-Сухаревской улице. Книгоиздатель И.Д. Сытин (контора — Тверская, 18, типография — Пятницкая ул., 71), заинтересовавший своим отношением к простому читателю: «Интересно в высшей степени. Это настоящее народное дело. Пожалуй, это единственная в России издательская фирма, где русским духом пахнет и мужика-покупателя не толкают в шею». В.И. Немирович-Данченко — ему передает в 1895 г. свою только что законченную «Чайку» Чехов (Гранатный пер, 11).

Им обоим запомнится этот хмурый декабрьский день, который описывает в своих воспоминаниях Немирович-Данченко: «Я сидел за письменным столом перед рукописью, а он стоял у окна, спиной ко мне, как всегда, заложив руки в карманы, не обернувшись ни разу по крайней мере в течение получаса и не проронив ни одного слова». Но только 9 и 11 сентября 1898 г. Чехову доведется присутствовать на репетициях пьесы вновь созданным Художественным театром.

Приобретая Мелихово, он искренне торжествовал, что больше не будет иметь так связывавшей его «московской берлоги». В чем-то он был прав, чего-то не принял в расчет. Еще в марте 1892 г. в письме Л.С. Мизиновой будут строки: «Денег нет, Мелита. Немножко угарно. Форточек нет. Отец накурил ладаном. Я навонял скипидаром. Из кухни идут ароматы. Болит голова. Уединения нет...». Уединение действительно не состоялось. Число гостей день ото дня растет. Чтобы сохранить возможность работы, Чехов перебирается из кабинета в большом доме в маленький флигелек — кабинет займет под свою живописную мастерскую сестра Маша. Все хуже — и он это прекрасно знает — обстоит дело со здоровьем. Временами появляется кровохарканье, одолевает слабость. Двадцать второго марта 1897 г. Чехов приезжает в Москву на учредительный съезд будущего Всероссийского театрального общества, который проходил в Малом театре. Вечером во время обеда в ресторане «Эрмитаж» у него открывается сильнейшее легочное кровотечение. Десять дней придется провести в клинике А.А. Остроумова (Б. Пироговская ул., 2), где его почти сразу навестит Толстой. С выводом коллег-врачей не приходилось спорить: нужна была немедленная перемена климата, условия юга. Его ждала Ялта, европейские курорты.

Но впереди была и глава его жизни, связанная с Художественным театром. Он знал театральные успехи, знал и полные провалы, особенно тяжелые, когда дело касалось таких дорогих сердцу пьес, как «Чайка». Он не будет спасаться бегством и не впадет в отчаяние после неудачи петербургской постановки. С гордостью напишет о своей внутренней выдержке и... с замиранием сердца станет дожидаться московского опыта. Присутствие на первых репетициях молодой мхатовской труппы в Пушкине позволяло на многое надеяться: «Меня приятно тронула интеллигентность тона, и со сцены повеяло настоящим искусством».

Спектакли, которые начались в театральном помещении сада «Эрмитаж» (Каретный ряд, 3), подтвердили — почитатели Чехова стали восторженными зрителями нового театра. И вместе с тем радовал внутренний контакт с наиболее молодыми и ищущими актерами, такими, как ставший близким другом Чехова В.Э. Мейерхольд, первый и лучший исполнитель ролей Треплева в «Чайке» и Тузенбаха в «Трех сестрах». «Неужели вы могли подумать, что я забыл вас, — пишет Мейерхольд в одном из писем любимому писателю. — Да разве это возможно? Я думаю о вас всегда-всегда. Когда читаю вас, когда играю в ваших пьесах, когда задумываюсь над смыслом жизни, когда нахожусь в разладе с окружающим и с самим собой, когда страдаю в одиночестве». В свою очередь, когда конфликт с Немировичем-Данченко приведет молодого актера к уходу из родного театра, Чехов обратится к О.Л. Книппер: «Я бы хотел повидаться с Мейерхольдом и поговорить с ним, поддержать его настроение: ведь в Херсонском театре ему будет нелегко! Там нет публики для пьес, там нужен еще балаган». И тем не менее «чеховские» сезоны, организованные Мейерхольдом, пройдут в Херсоне с редким для провинции успехом.

Семнадцатое декабря 1898 г. — день премьеры мхатовской «Чайки» застаёт Чехова в Ялте. Смерть отца как бы подвела

последний итог мелиховским годам. Мать и сестра перебираются в Москву, и Чехов поддерживает их в этом решении. «Твое намерение и желание не расставаться надолго с Москвой одобряю, — пишет он сестре. — Надо жить в Москве хоть два месяца в году, хоть месяц». В ожидании решающего дня он жалуется: «Мне скучно по Москве, скучно, я хотел бы туда, где теперь дурная погода и хорошая толчея, делающая незаметной эту погоду».

Между тем спектакль начался. Актеры сразу не могут понять настроения зала. Но первые переходящие в сплошную овацию аплодисменты, восторженные крики, вызовы автора, а после заявления Немировича о том, что его нет в театре, требование зала послать ему общую телеграмму. Триста подписей! И собственная телеграмма Немировича: «Только что сыграли «Чайку», успех колоссальный. С первого акта пьеса так захватила, что потом последовал ряд триумфов. Вызовы бесконечные... Мы сумасшедшие от счастья». Это был подлинный день рождения нового театра.

Здоровье позволит Чехову оказаться в Москве только в конце апреля 1899 г. В душе теплится надежда не просто побывать в любимом городе, но и по-прежнему зажить в нем: «Я приехал в Москву и первым делом переменил квартиру. Мой адрес: Москва, Мал. Дмитровка, д. Шешкова. (М. Дмитровка, 11, кв. 14). Квартиру эту я нанял на целый год, в смутном расчете, что, может быть, зимой мне позволят здесь пожить месяц-другой».

Первая квартира, в которую он приехал, — матери и сестры находилась через улицу (М. Дмитровка, 12, кв. 10), но его не устроила. Верно, что и здесь не удалось избежать шумной толчеи, бесконечных посетителей. Зашедший повидаться с ним Толстой вынужден был уйти, так толком с хозяином и не поговорив. Вся труппа Художественного театра, режиссеры, актеры, множество московских знакомых с утра до вечера заполняют скромные комнаты. Их легко узнать и сегодня. Боковой подъезд безликого доходного дома со стороны Дегтярного переулка. Выложенные старой плиткой лестничные полы. Следы камина около бывшей швейцарской. Замысловатое кружево металлических балюстрад у перил...

Сезон окончен, и тем не менее труппа хочет во что бы то ни стало показать «Чайку» автору. Правда, без декораций. Правда, в чужом и пустом зале «Парадиза», иначе Никитской оперетты у Никитских ворот (19). Без специального освещения и зрителей. Единственным человеком в зале предполагался Чехов. «„Чайку“ видел без декораций; судить о пьесе не могу хладнокровно, потому что сама Чайка играла отвратительно, все время рыдала навзрыд, а Тригорин (беллетрист) ходил по сцене и говорил, как паралитик; у него „нет своей воли“, и исполнитель понял это так, что мне было тошно смотреть. Но в общем ничего, захватило», — строки из письма Горькому. Претензии Чехова были обращены к актрисе М.Л. Роксановой и К.С. Станиславскому. Понадобится несколько дней, чтобы разобраться до конца в своих впечатлениях и прийти к выводу в другом письме: «Постановка изумительная».

Уезжать из Москвы, несмотря на наступившее летнее время, не хочется. «Теперь я пока в Москве. Хожу в «Аквариум» (Б. Садовая, 16), гляжу там акробатов...» «Буду сидеть в Москве

А.П. Чехов

на Мл. Дмитровке, гулять по Тверскому бульвару». «Да будет Арбат и прилегающие к нему переулки самым приятным и благополучным местом на земле», — из письма. «Вчера ужинал у Федотовой. Это актриса настоящая, неподдельная», — Гликерия Николаевна жила в это время в доме № 19 по Леонтьевскому переулку. «Я не знаю, что с собой делать», — признается Чехов. — Строю дачу в Ялте, но приехал в Москву, тут мне вдруг понравилось, несмотря на вонь, и я нанял квартиру на целый год, теперь я в деревне, квартира заперта, дачу строят без меня — и выходит какая-то белиберда». Выход был найден тогда же. В письме О.Л. Книппер от 1 июля 1899 г. он пишет: «Мы продаем Мелихово».

Теперь московской квартирой становится гостиница «Дрезден» (Тверская, 6), где Чехов обычно останавливается или даже просто ночует, имея квартиру на Малой Дмитровке. Он почти каждый день бывает в Художественном театре, навещает мастерские художников и в том числе В.М. Васнецова (пер. Васнецова, 13).

«Милая мама, благословите, женюсь. Все останется по-старому. Уезжаю на кумыс... Здоровье лучше. Антон», — скупые строки телеграммы одни отметили решающий поворот в его жизни. Он не преувеличивал и не успокаивал мать — ничто и в самом деле не изменилось: та же жизнь в Ялте в одиночестве, те же нечастые приезды в Москву, где продолжала по-прежнему работать в труппе, по его настоянию, О.Л. Книппер. Случайные квартиры, случайные адреса: (1901 года) дом Бойцова на Спиридоновке, точнее небольшой дворовый флигель (Спиридоновка, 14–16). Лето 1902 г. — Неглинный проезд, дом Гонецкой (Звонарный пер., 2). «Я теперь в Москве не живу, а только пробую», — с горечью ответится он в одном из писем. Пробу-

ет, потому что ни для кого не составляет секрета – болезнь делает свое страшное дело, и никакие перемены мест и климата уже не могут задержать ее хода.

С начала декабря 1903 до середины февраля 1904 г. Чехов живет в доме Коровина на Петровке (Петровка, 19). «Я люблю громадные дома», признавался он еще в первые месяцы жизни в Мелихове. Коровинские доходные дома были самыми большими в Москве, со всеми возможными удобствами, которые только предоставляло время. Врачи говорят о целесообразности условий жизни в Подмоскovie зимой. Именно в Подмоскovie – не в городе, и Чеховы делают попытки приобретения зимней дачи. Одна из таких поездок – в Царицыно – резко обострила состояние Чехова, потому что из-за какой-то железнодорожной катастрофы возвращаться в город пришлось в сильный мороз на извозчике.

Дом в Леонтьевском переулке (24) – месяц в постели, в самые погожие и теплые майские дни, со 2 мая до 2 июня, когда было решено везти больного за границу. Тридцать первого мая Чехов просит вызвать извозчика и одетый в теплое пальто отправляется прощаться с любимыми московскими местами. Увидевший его в канун отъезда Н.Д. Телешев напишет: «То, что я увидал, превосходило все мои ожидания, самые мрачные... Сомневаться в том, что мы видимся в последний раз, не приходилось...» Второго июля 1904 г. на курорте Баденвейлер Чехова не стало.

«Когда приеду, пойдем опять в Петровское-Разумовское? Только так, чтоб на целый день и чтобы погода была очень хорошая осенняя...» С Петровским-Разумовским были связаны удивительно светлые страницы их недолгой совместной жизни – Чехова и Книппер. Как-то их заметили едущими в вагоне маленького паровичка студенты Сельскохозяйственной академии и, желая выразить свой восторг перед любимым писателем, наломали для него огромный букет сирени. Но когда им удалось разыскать в старом парке счастливую пару, и те и другие оказались в самом неловком положении. Чехов и Книппер гонялись за бабочками и поторопились сбежать от поклонников, у студентов не хватило духу передать им цветы. Теперь прибывший на Николаевский вокзал они могли украсить огромным венком с надписью: «Он жил в сумерках, а думал о том времени, быть может, даже близком, когда жизнь будет такою же светлою и радостною, как тихое весеннее утро». Похороны организовывала редакция журнала «Русская мысль», но тело так и не удалось поставить на приготовленный катафалк. Студенты-петровцы, студенты университета, просто москвичи подняли его на руки и на руках донесли до Новодевичьего монастыря.

Но сначала многотысячное шествие повернуло к Художественному театру, который Чехов успел увидеть и о котором успел написать: «Художественный театр в самом деле хорош; роскоши особенно нет, но удобно». (Камергерский пер., 3). Под звуки тихо игравшего театрального оркестра рабочие вынесли огромный венок из полевых ими самими собранных цветов. В.И. Качалов вспоминал: «Два лица запомнились мне в эту минуту: лицо Евгении Яковлевны, матери А.П. Чехова, и Горького. Они оказались рядом у катафалка. В обоих лицах, как-то беспомощно по-детски зареванных, было одно общее выраже-

ние какой-то, мне показалось, физически нестерпимой боли, какой-то невыносимой обиды...»

И невольно всплывали в памяти слова из одной из последних работ Чехова — «Невесты» о будущем, о той новой жизни, которая должна наступить: «Главное — перевернуть жизнь... И будут тогда здесь громадные великолепные дома, чудесные сады, фонтаны, необыкновенные, замечательные люди...»

КНЯЖНА МАРЬЯ

...В наступившей жизни мне представляется главным сохранить человеческое достоинство. Все житейские неурядицы в конце концов можно претерпеть. Настоящая беда наступит, если забудем об этом.

Из письма М.Н. Гриневой-Курбатовой, 1937

...В добрые минуты она готова была чуть подшучивать над унаследованным от отца титулом: князья-то князья, вот только без княжества. Благополучие закончилось вместе с отменой крепостного права, а сама она родилась на следующий год после указа Александра II и с трудом припоминала вскоре исчезнувшее большое поместье под Харьковом. Просторный дом с вздувавшимися, как парус на ветру, полотняными занавесками на открытой террасе, с цветущими плетями огненно-рыжих настурций у широкой лестницы. Уходившую в пшеничное поле аллею вековых тополей.

Отец, князь Никита Иванович Курбатов, и раньше был причастен к ведомству путей сообщения, как тогда говорили. Теперь ему пришлось принять должность начальника станции Ромодань. Мать, княгиня Татьяна Ольгердовна, выпускница Харьковского института благородных девиц, так и не сумела приспособиться к провинциальному укладу жизни. В памяти младшей дочери она осталась вечно сидящей в камышовом кресле-качалке с последним номером журнала в руках — их выписывалось множество — и неизменной тоненькой длинной дамской папирсой — пахитоской. Княгиня оживлялась только когда закладывали бричку для очередной поездки в гости, в одно из соседних поместий, или когда знакомые собирались в доме.

Две тысячи населения не позволяли Ромодани называться даже городком — просто железнодорожная станция, правда, с почтовым отделением, сберегательной кассой и элеватором (в округе шла бойкая торговля хлебом). Княжна посмеивалась, что вообще-то «ромоданью» на Украине назывались все шляхи, по которым тянулись чумацкие обозы на юг — за рыбой и солью, а зачастую и стоявшие по ним постоялые дворы. Вместе с народными песнями то была далекая история.

Историю часто вспоминали в курбатовском доме. Память младшей княжны на всю жизнь удержала подробности о време-

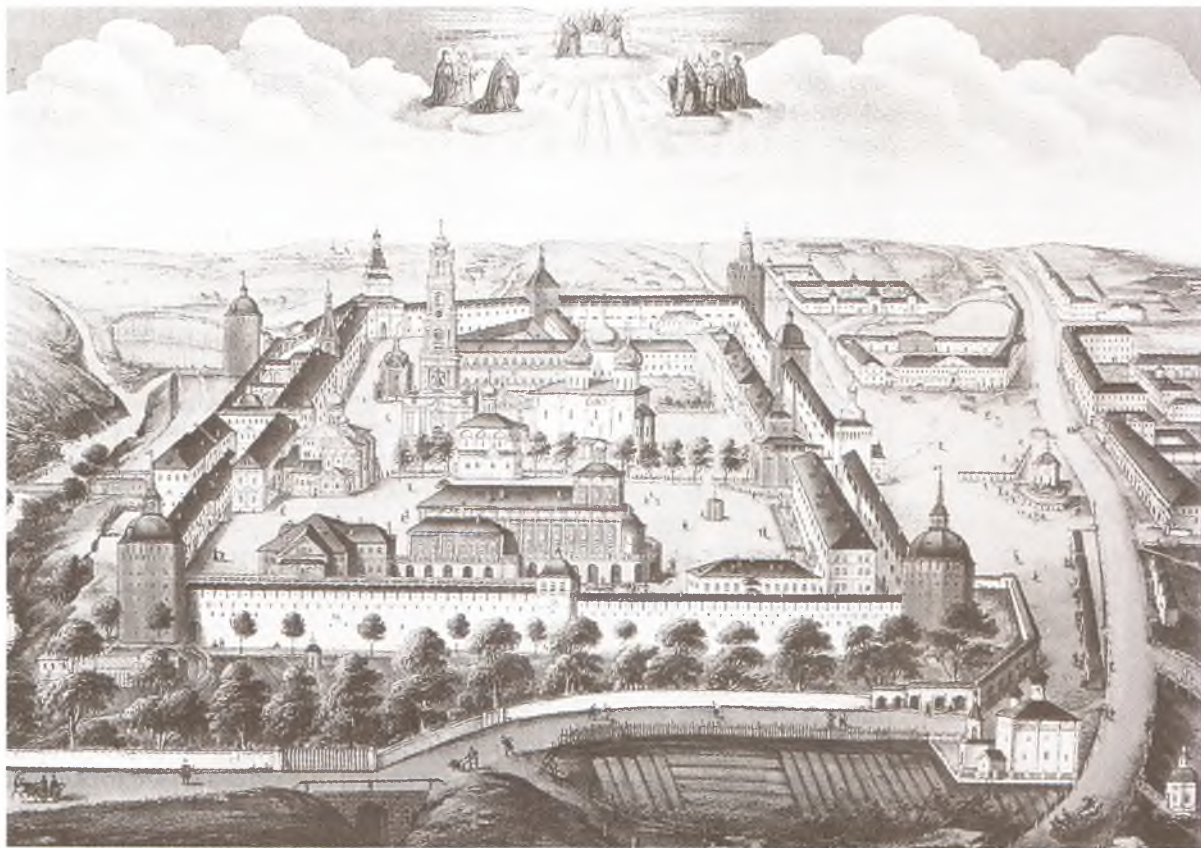
нах Ивана Грозного, когда ездил в составе посольства к польскому королю дьяк Тарас Курбат Григорьевич, награжденный за верную службу большим поместьем. О Смутном времени, когда сын того Курбата – Иван Тарасевич Курбатов – ездил с посольствами, был жалован думным дьяком и Лжедмитрием, и боярским царем Василием Шуйским, и Михаилом Романовым. Вот только с патриархом Филаретом, подлинным правителем Московского государства, Курбатов-младший почему-то не поладил, за «непослушанье, упрямство и самодовольство» был сослан, но после кончины владыки был возвращен в Москву царем Михаилом, получил в свое ведение Посольский приказ – все иностранные дела государства – да еще и государственную печать, стал «печатником». Умер Курбатов в великом почете, перед смертью постригся под именем Иоиля в Троице-Сергиевом монастыре, а душеприказчиками его были ближайшие родственники царицы Марьи Ильиничны Мирославской, матери царевны Софьи, – ее дед и отец.

В каждый свой приезд в Москву князь Никита Иванович непременно отправлялся с Машей в Троице-Сергиеву, служил молебен у погребения инока Иоиля, считавшегося заступником всей семьи, поминал и остальных хоронившихся в монастырских стенах предков. Этому обычаю младшая княжна сохранила верность до конца своих дней – во всех жизненных неурядицах искала поддержки у «дедовских гробов». Кстати, оба первых Курбатова имели прозвище Грамотиных. Потомки инока так и разделились – на Грамотиных и Курбатовых. Дома, в Ромодани, висела вся почерневшая копия хранившегося в Московском Архиве иностранных дел портрета с подписью на обороте: «Курбатов-Грамотин».

Но князя Никиту Ивановича привлекала и совсем недавняя история. Недалеко от Ромодани находились знаменитые Кибинцы, поместье богатейшего вельможи екатерининских времен и дальнего родственника Гоголей-Яновских Д.П. Трощинского с богатейшим собранием живописи, скульптуры, музыкальных инструментов, книг. Вельможи давно не было в живых. Собрание мало-помалу исчезало, и когда наследники решили пустить остатки с молотка, это оказались и в самом деле всего лишь жалкие остатки. На распродаже больше всего охотников нашлось на обстановку большого барского дома. Никита Иванович предпочел потратить все свободные средства на «домик Гоголей».

Родители писателя, малоимущие и всегда стесненные в средствах, месяцами жили у родственника, участвуя в самом любимом его развлечении – любительском театре. Отец Гоголя был его душой: сам писал пьесы, сам их ставил, сам играл вместе с женой. Марья Ивановна Гоголь была хорошей актрисой. Чтобы задержать своих любимцев, Трощинский отвел для них отдельный, удобно обставленный домик, где можно было разместиться с четырьмя детьми.

Слов нет, обстановка богатством не отличалась, но ведь именно в ней жил месяцами мальчик Гоголь! Князь Никита Иванович увез к себе в Ромодань огромный кабинетный диван, обитый кожей, сделанный крепостным умельцем овальный стол для гостиной – «под красное дерево», шкаф с вышитой картинкой на дверце, ломберный столик и главное – рабочий столик

Марьи Ивановны, служивший ей гримировальным в дни спектакля.

Вид Троице-Сергиевой лавры

Сегодня этому столу не было бы цены. Но в 1989 г. министр культуры РСФСР Мелентьев отказал внуку княжны Марьи в праве подарить его мемориальным гоголевским комнатам в Москве. В результате стол был подарен только что восстановленному музею-заповеднику Гоголя «Васильевка» на Полтавщине, входит в его основную экспозицию и никогда не вернется в Россию!

А еще были шитые шерстью картины, считавшиеся делом рук Марьи Ивановны, — «Турчанка» и «Невеста с подругой, выбирающие свадебный венок». Чернильница конца XVIII в. Книги и музыкальные альбомы, и даже костяная игольница. Кроме картин, все выставлено сегодня в последней квартире Гоголя на Никитском бульваре.

Кто знает, не эта ли обстановка подсказала старшей княжне сделать свой жизненный выбор? По окончании гимназии Виктория Никитишна уехала в Москву, поступать на Высшие женские курсы по специальности русская литература. Не задержался в Ромодани и единственный брат — Владимир Никитич. В той же Москве он окончил медицинский факультет университета и уехал работать в родной для семьи Харьков. Обстоятельства сложились так, что княжна Марья не могла оставить дома. Против занятий в местной гимназии возражали и отец, и мать. Они отдали предпочтение домашним учителям и тем урокам, которые давали сестре Виктория и Владимир.

Домашнее образование, как говорили в те годы... Оно никак не могло удовлетворить Машу. Сразу после смерти матери она добивается разрешения поехать в Москву. Сначала речь шла об обычном посещении родственников — их было в старой столице очень много. Затем отец вынужден был согласиться, чтобы Маша задержалась для подготовки к экзамену на звание домашней учительницы. А потом уходит из жизни и сам Никита Иванович. Дом в Ромодани перестает существовать. В качестве единственного наследства Мария Никитишна, по собственному выбору, получает все памятные вещи из Кибинцов. Приходится искать работу: о материальной поддержке со стороны родных княжна Марья не хотела и слышать.

Это было время, когда готовилось открытие памятника Пушкину на Тверской площади. Княжна Марья присутствовала на самом торжестве. Ей посчастливилось быть и в Колонном зале Благородного собрания («Только на балконе!») во время знаменитого выступления Тургенева. В конце жизни она скажет: «Знаете, они не были классиками, бессмертными, они были воздухом моего поколения. Ими можно было дышать». Запомнились Южин и Ленский в спектаклях Малого театра, постановка «Царя Федора Иоанновича» в театре сада «Эрмитаж», с которого начинал свою историю Художественный общедоступный театр. Все вечера и воскресные утренники были расписаны, несмотря на достаточно хлопотную работу — в благотворительных учреждениях великой княгини Елизаветы Федоровны.

Благотворительность, милосердие — княжна Марья не переставала о них спорить и в глухие брежневские годы.

Вспоминаю наши с ней беседы.

«Ох, уж этот мне ваш Даль, — подсмеивалась она. — Все-то вы на него, как на икону, а язык чувствовать надо самим. Сами-и-им!». В ее старом, красного дерева комоде можно было найти открытки: Дворцовая площадь Кремля, подцвеченный памятник Скобелеву на фоне гостиницы с вывеской «Дрезден», Воскресенский монастырь за кремлевской стеной, Кузнецкий мост с лихачами... И везде — «Издание Общины Святой Евгении» и знак Красного Креста. «А как же иначе? Чтобы каждый грош на дело милосердия. Об этом было принято думать».

«Так было принято».... Иначе говоря: общественное мнение, определяющее привычную убежденность каждого. Отсюда и несогласие Марии Никитишны с Далем. У него «милосердие» отнесено к кусту слов «милый», а надо бы — к слову «сердце». Потому что всегда это — действие. Не просто сочувствовать, сожалеть, а действовать по подсказке сердца. Тут можно вспомнить и общие с польским языком праславянские корни: «милость» — любовь.

«И вовсе не моя это догадка. За примером ходить недалеко. На углу Скатертного и Хлебного переулков на фасаде дома надпись: «Милосердие есть движение душевное, подвигающее на доброе действие». Конечно, — была. Прежде, когда дом принадлежал церкви Бориса и Глеба, что на Поварской, там клир жил, и богаделенка приходская помещалась то ли на шестерых, то ли на четверых старушек. Мысль тут хорошая была: чтобы приход одной семьей жил. В семье ведь и здоровые, и молодые, и больные, и старые — все перед глазами. Из памяти не вычеркнешь. Нет, из совести...»

«Кто занимался благотворительностью? Не думайте, что одни миллионеры или очень состоятельные люди». В руках Марии Никитишны очередная открытка из комода. Мясницкие ворота. Московское училище живописи, ваяния и зодчества — не нынешнее, для высоких посещений и элиты, а каким было задумано — для самых малоимущих, «из народа». Напротив — окруженный конными упряжками Почтамт. Под поздравительными строками подпись: «С. Тютчева» и обратный адрес: Средний спасский переулоч, дом Носова.

«Вот возьмите — Софья Ивановна Тютчева, фрейлина Двора, внучка поэта, дочь Ольги Николаевны Путяты, которая в приданое получила Мураново. Они там все вместе жили — и Ольга Николаевна, и Федор Иванович, и Николай Иванович, и сама Софья Ивановна. У всех придворные чины, но деньги совсем небольшие, а все равно милосердием занимались.

Федор Иванович, камер-юнкер, был в Попечительстве над учащимися в Москве славянами. Было такое после русско-турецкой войны. Николай Иванович, церемониймейстер, — в Совете Иверской Общины сестер милосердия, что в начале Большой Полянки. А Софья Ивановна — в Московском Комитете Красного Креста. Мы еще с ней постоянно в Елизаветинском благотворительном обществе встречались.

Елизаветинское — по имени великой княгини Елизаветы Федоровны. Сколько она детских приютов устроила по всей Москве и Московской губернии! И для младенцев, и для дошкольников, и для школьников. Я работала в Елизаветинском приюте имени великой княжны Ольги Николаевны — в Старо-конюшенном переулке, в собственном доме. Ребят по тихомировской методе грамоте учила, Божьему миру, что вокруг них. За рукоделием следила — ему с самого малого возраста девочек начинали обучать, чтобы в плоть и кровь вошло.

А еще одна тютчевская сестра, Екатерина Ивановна, была замужем за секретарем великой княгини Василием Евгеньевичем Пигаревым. Сын их потом много лет в мурановском тютчевском музее директорствовал. В Трубниковском переулке находилось Общежитие Елизаветы Федоровны для юных добровольцев, попечителем которого выступал Василий Евгеньевич. Там приют давали мальчикам — участникам войны, помогали вернуться к родителям, сиротам — получить образование и занятие...»

На замужество княжна Марья решила поздно — без малого сорока лет. Считала, что с близким человеком должно быть прежде всего интересно. В отношении Ивана Егоровича Гринева не колебалась. Его необычность обращала на себя внимание многих. Коренной москвич, хотя из рода служилых ярославских дворян, он в юности увлекся театральным искусством. Стал учеником знаменитого театрального декоратора и постановщика московской казенной императорской сцены Карла Вальца. А сделал такой выбор потому, что мальчишкой увидел поставленный Вальцем в московском увеселительном саду «Эльдорадо» на Новослободской праздник «Ночь Графа Монте-Кристо». По случаю первого и последнего приезда в Москву Александра Дюма-отца.

Мать не стала слишком возражать. Недавно потеряв мужа, она предпочла разделить между детьми — сыновьями Иваном и

Василием и дочерью Ираидой — причитающуюся им часть наследства. Дальше каждый решал за себя сам. Ираида Егоровна вышла замуж за старшего маклера московской Хлебной биржи, но очень скоро открыла и собственное дело — посредническую контору по продаже крупной недвижимости, стала едва ли не первой в России женщиной-маклером. Василий Егорович стал присяжным поверенным, занимался преимущественно городскими делами, был гласным Городской думы и многие годы председателем сословия, попечителем Покровской богадельни на 1100 мест. Вместе с сестрой они стали застраивать подмосковную станцию Лосиноостровская и благоустраивать новый поселок. От былых просторных, богато украшенных резьбой дач до наших дней сохранилась только одна — у железнодорожного полотна, — получившая статус памятника.

Еще недавно старые москвичи помнили так называемую Гриневскую крепость — уголок городской земли между Верхней Красносельской и линией Ярославской железной дороги, вокруг постепенно сокращавшегося в размерах Красного пруда. Здесь семье Гриневых принадлежали многие участки. Один из них был пожертвован Алексеевскому монастырю под кладбище.

Второй Красносельский переулок, 12 — нет уже этого нарядного особняка, выстроенного другом семьи, известным московским архитектором Владимиром Густавовичем Пиотровичем. Он уступил место безликим коробкам многоэтажных «спальных» сооружений, хотя должен был служить совершенно особому увлечению Ивана Егоровича — размещению созданного им собрания произведений западноевропейского искусства XV—XVII вв. Это увлечение, на первых порах поддержанное тем же Вальцем, объединяло его и с Константином Коровиным, и с Александром Головиным, и с Константином Юоном. Все они, как и певцы Большого театра, были завсегдатаями гриневского особняка.

С помощью Гринева Юон впервые обратился к оформлению театральных постановок. Иван Егорович был одержим идеей восстановить в собственной антрепризе русский театр XVII в. Юон эти спектакли оформлял в театре «Скоморох», который Гринева некоторое время держал там, где нынче Дом дружбы с народами зарубежных стран на Воздвиженке.

В буквальном смысле слова в музейных залах родилась и единственная дочь немолодых супругов Лидия. Девочке было двенадцать лет, когда наступил Октябрь 1917 г., четырнадцать, когда сыпняк унес в могилу отца. Дом был разграблен. Мария Никитишна свалилась с тяжелейшей испанкой, от которой многие месяцы не могла оправиться. Подделав возраст, знакомые сумели устроить Лидию на работу. Конторщицей. Для окончания школы оставались только вечерние и ночные часы.

Первая любовь и стремительный брак дочери в 17 лет, в конечном счете, даже матери показались улыбкой удачи. Правда, молодой супруг был иностранцем. Сын известного итальянского композитора и оперного дирижера, Микеле Беллучи, благодаря военным действиям оказался перенесенным из родного Кракова, где отец участвовал в создании местного оперного театра, в Крым, а затем в Москву. Винтовку он сменил на перо, начал писать и печататься на польском и итальянском языках, примкнул к литературной группе «Перевал». Дом в Красносель-

С.А. Есенин

ском зажил новой жизнью. Здесь постоянно стали бывать члены объединения, можно было встретить Маяковского, Рюрика Ивнева и — боготворимого молодой и старой хозяйками — Есенина. Вот отрывок из все еще полностью не опубликованных воспоминаний Лидии Белютиной (русская транскрипция итальянской фамилии в районном паспортном столе) — Гриневой.

«Есенин бывал у нас, когда мы жили во 2-м Красносельском переулке. Постоянными нашими гостями были «перевальцы». Угощения почти никакого — один самовар... Сергей Александрович очень любил, когда самовар «пел». Моя мама начинала волноваться, вспоминать плохие приметы, а он смеялся и говорил, что без пения не получается настоящего чаепития.

Была в Сергее Александровиче удивительная ловкость и непринужденность. Все, что он делал, — поднимет за спинку венский стул, возьмет из рук чашку, откроет книгу (обязательно пересматривал все, что было в комнате), — получалось ладно. Можно бы сказать пластично, но ему это слово не подходило.

Ладный он был и в том, как одевался, как носил любую одежду. Никогда одежда его не стесняла, а между тем заметно было, что она ему не безразлична. И за модой следил, насколько в те годы это получалось. Особенно запомнилось его дымчатое кепи. Одевал его внимательно, мог лишний раз сдунуть пылинку. Мне этот жест всегда потом вспоминался в связи со строкой: «Я иду долиной, на затылке кепи...»

Читали у нас свои произведения многие. Читал и Сергей Александрович. Ото всех поэтов его отличала необычная сегодня, я бы сказала артистическая, манера чтения. Он не подчер-

кивал ритмической основы или мысли. Каждое его стихотворение было как зарисовка настроения. Никогда два раза не читал одинаково. Он всегда раскрывался в чтении сегодняшней, сиюминутной, когда бы ни было написано стихотворение. Помню, после чтения «Черного человека» у меня вырвалось: «Страшно». Все на меня оглянулось с укоризной, а Сергей Александрович помолчал и откликнулся как на свои мысли: «Да, страшно». Он стоял и смотрел в замерзшее окно...

А вот строка «Голова моя машет ушами» так и осталась жить в нашем доме. Сколько лет прожила, и все поколения ее повторяют... Это было одно из первых чтений, как сказал Сергей Александрович...

Меня всегда удивляла и трогала та бережная почтительность, с которой Сергей Александрович обращался к моей маме. Мама не была очень старым человеком — ей подходило к шестидесяти. Она недавно перенесла тяжелую испанку, сильно поседела и особенно исхудали у нее руки с длинными тонкими пальцами.

Когда мама входила в комнату, Сергей Александрович первым вскакивал и старался чем-нибудь ей услужить: подвинуть стул, поддержать пуховый платок, поправить завернувшийся уголок скатерти. А когда мама протягивала ему руку, Сергей Александрович брал ее, как хрупкую вещь, — обеими руками, и осторожно целовал. Было видно, его до слез умиляло, что мама знала множество его стихов и начинала их читать с любой строчки. Мама вообще очень любила поэзию, но больше всех — Лермонтова и Есенина.

Мне всегда казалось, что мама видит в Сергее Александровиче больше, чем все мы. Она так о нем и говорила: «Светлый человек», и что у него «колдовской язык». Мама как-то сказала за чаем Сергею Александровичу, что слова у него обыкновенные, а звучат, как заговор. Сергей Александрович внимательно посмотрел на маму, а потом рассмеялся и сказал: «Это как ручей журчит, Мария Никитична?» «Под кладкой», — сказала мама, и оба начали смеяться»...

Оказалось, дочери было отведено всего пять лет спокойной семейной жизни. Михаил Белютин был расстрелян первым среди литераторов, причастных к «Перевалу». В стенах Алексеевского монастыря, на краю выросшего на гриневской земле кладбища. В 1936 г. первый секретарь Московского комитета партии Хрущев откроет на месте снесенного кладбища Детский парк Железнодорожного района Москвы.

С началом Великой Отечественной войны ушел в ополчение единственный внук, которому несколькими днями раньше исполнилось шестнадцать. Дальше была контузия, газовая гангрена, многолетний пневмоторакс легкого. Вчерашнему мальчишке-фронтовику никто не простил ни иностранного происхождения отца, ни его расстрела. Когда понадобились козлы отпущения для развертывания «всемирной компании борьбы с космополитами и формалистами» сразу по окончании войны, его имя — имя студента Художественного института — оказалось названным рядом с именами «корифеев преступного течения».

Впрочем, «анкетный выбор» неожиданно оказался пророческим. Яркий живописный талант Элия (Элигиуша) Белютина был представлен миру родиной отца и родиной деда. В Польше

Э. Белютин. Модули-С

состоялась первая международная выставка его работ, повторенная затем в Париже. В Италии его выставки обошли все художественные центры, принесла со временем вместе с многочисленными наградами Золотую медаль «За творческие успехи и деятельность, имеющую международное значение». Княжна Марья и тут оказалась права.

Отчаяние? Она его и близко не подпускала. Твердо верила, что каждое испытание посылается человеку сообразно его силам. Нужно преодолевать его самому и не тревожить Всевышнего своими бедами — может быть, придет еще горшая минута, и вот тогда... В 90 лет катаракта лишает ее зрения, и она требует, буквально требует операции. Все возражения врачей о возможности неблагоприятного исхода не производят на нее впечатления. Сократится жизнь? Я и так долго жила, но если хочу — все получится.

Получилось! Врачи уступили воле маленькой энергичной женщины, к тому же обманувшей их на целых 15 лет. Операция прошла успешно, и сразу по возвращении из больницы Марья Никитишна заняла свое привычное место у обеденного стола — с книгой, под ярким пятном старого абажура. «Три мушкетера»! Она успела перечитать всю трилогию — запоем, не отрываясь, потому что в ней побеждают порядочность и благородство. И успела подсказать автору этого очерка идею книги — о русских женщинах. Ведь, в самом деле, если переведутся настоящие русские женщины, с их стойкостью, жалостливостью, преданностью, способностью забыть себя ради других, что станет с Россией? Сумеет ли наша земля продолжить свою историю или навсегда растворится среди общих и ничьих представлений, понятий, устремлений, перестанет быть только твоей, только моей, только нашей?

А вот киноповесть о семье княжны Марьи опоздала. Полнометражная картина была создана талантливым режиссером-документалистом Александром Мироновым на «Центрнаучфильме» в 1993 г. — к 20-летию смерти героини. Но ведь все-таки сделана! Пусть для потомков...

АКАДЕМИЯ ТОРГОВЫХ НАУК

Что за город без Гостиного двора, а торг без заморского гостя — сегодня в обстановке бесчисленных бутиков, супермаркетов, самых «хитростных» приемов торговли старые поговорки кажутся смешными и бесполезными. Вот только так ли это на самом деле? Ведь за каждой из них, тем более за материализующим подобные поговорки памятником, стоит не просто наша история, но определенный уклад жизни, взаимоотношений в обществе, веками определявших ментальность народа, те нравственные ценности, которые сообщали народу внутреннюю его силу и историческую стойкость.

...945 г. н.э. Договор князя Игоря с греками: «мы от рода русского слы (послы) и гостье (купцы)». Разъезжавшие по всем городам и странам купцы-гости сначала не составляли сословия. Но уже в Московском государстве существуют четыре сословия — «великих чина»: освященный (духовные лица), служивый, торговый и земледельный. А в конце XVI в. гости вырастают до привилегированных представителей купеческого чина вообще. Они обладают правом иметь вотчины — наследственную землю и крестьян. «Гостиным именем» жаловались самые успешные и дельные купцы, т.е. начинали именоваться гостями.

Существовал и еще один, ныне совершенно забытый в своем исконном значении юридический термин для обозначения торговли — «гостьба». Дать товар на комиссию значило дать его «в гостьбу» — так утверждала «Русская правда». Можно было и «зайти в чужие земли гостьбою» — торговлей, как то сделали, например, в 1216 г. новгородцы и «смоляни», которые появились во владениях князя Ярослава Всеволодовича Переяславль-Залесского. Тем более много значили гости в истории Москвы.

Много ли найдется сегодня москвичей (даже из числа грызущих гранит таинственной науки москвоведения), которым что-то скажет это название — Большой Посад? Другое дело, если речь пойдет о Новгороде Великом или Пскове, Ростове Великом или Вологде. Там уходящее в далекое прошлое имя легко обретает материальность, реальные очертания — в отдельных улицах, зданиях, взгорьях и подолах. Обстоятельства истории столицы таковы, что стерлись следы исторической топографии, а вместе с ними и то исконное название, которое принадлежало Китай-городу.

Впрочем, Китай-городом он стал много позже. Сначала между взгорьем Неглинной и берегом Москвы-реки, от кремлевских стен до топкого Васильевского луга тянулся Большой Посад. Потому что не хватало за надежными кремлевскими стенами места всем, кто хотел жить «на Москве». Потому что именно в этом направлении тянулась самая важная для древнего Московского княжества дорога — на Ростов Великий, Суздаль, Владимир. Дорога эта была известна уже в XIII в., о Большом Посаде документы упоминают с начала XIV столетия.

Владимирская дорога начиналась от Тимофеевской проездной башни Кремля, на Васильевском спуске, где ее сменила со временем долго остававшаяся проездной Константино-Еленинская башня.

Выйдя из Кремля, путники поднимались на вершину холма, представлявшего высокий берег Москвы-реки, и по сухому «верху» направлялись к Варваринской (ныне — Славянской) площади.

Приезжих в Москве было много, и преобладавшие среди них гости скоро превратили первую часть дороги в улицу. Здесь выросли дома гостей-сuroжан, иначе — выходцев из Крыма, соорудивших рядом свои торговые ряды. Среди них поселился и выходец из Новгорода боярин Кобыла Андрей, родоначальник будущего царственного рода Романовых, память о которых продолжает хранить ставший музеем так называемый Дом бояр Романовых.

По этой дороге прошел в 1380 г. со своим войском великий князь Дмитрий Иванович, направляясь на Куликово поле. А по возвращении с берегов Непрядвы уже Дмитрием Донским заложил в конце образовавшейся улицы благодарственную церковь Всех Святых на Кулишках, которая дала улице ее первое название — Всехсвятская.

По преданию, на берегу быстрой и шумливой речки Рачки, о водах которой напоминают нынешние Чистые пруды, прощались московские воины со своими близкими. И больше не оглядывались. А остававшиеся последними усилиями старались подавить плач — не отбирать сил у уходивших. Сбегала Рачка по нынешнему Большому Ивановскому переулку, текла по Солянке, чтобы дальше свернуть на Васильевский луг, где теперь стоит здание бывшего Воспитательного дома — военной академии. И через луговые травы и камыши добиралась до Москвы-реки.

Здесь же ждали москвички войско, гадая, кому какая выпала судьба: кому суждено вернуться, кому навеки остаться на донских берегах. Каждому воину полагалось зачерпнуть из Рачки воды, ополоснуть руки и лицо — только тогда подходить к родным. Потому и церковь на Кулишках стала так дорога москвичам.

Тем не менее продержалось первое название улицы совсем недолго. Купцы-сuroжане решили построить для своего прихода собственную церковь и поручили ее возведение строителю Архангельского собора в Кремле — Алевизу Фрязину Новому. Храм оказался так красив, что тут же в народе название улицы сменилось с Всехсвятской на Варварскую — по имени святой, которой была посвящена церковь.

В XVII в. Варварку почему-то упорно хотели царским указом переименовать сначала в Знаменскую улицу — по существовав-

шему здесь, на дворе Романовых, одноименному монастырю: его собор и постройки существуют поныне. Потом в Большую Покровскую – по построенной церкви Покрова на Псковской горе. Вслед за крымчаками поселились здесь и выходцы из Пскова. Но в народе прижилась одна Варварка.

Между тем город все больше разрастался, а вместе с ним разрастались и примыкавшие к Варварке торговые ряды. Еще в XVI в., при Иване Грозном, между Хрустальным и Рыбным переулками, а точнее – рядами, располагался гостиный двор, где производились оптовые сделки. При царе Михаиле Федоровиче он был расширен и перестроен, при Алексее Михайловиче – рядом сооружен второй, но достройки не позволяли избежать тесноты и неудобств.

Никольские ворота
Китай-города.
Фотография конца XIX в.

Торговля со стороны Китай-города упорно наступала на Москву. О размахе русской торговли говорит древняя постройка – Старый Английский двор. При Иване Грозном с огромными трудностями и немалыми потерями английским купцам и мореплавателям удалось добраться до нынешнего Архангельска, а оттуда в Москву. Проезжая город за городом, они удивляются прежде всего огромным и добротным гостиным дворам в каждом из них. Гостиные дворы набиты заморскими товарами, а во многих заморские гости предпочитают и жить, иногда одни, нередко с многолюдными семьями.

Обрадованный появлением англичан Грозный предоставляет им право беспошлинной торговли и дворы для жизни в нескольких городах и в том числе в столице, в непосредственном соседстве с Кремлем.

Один из участников экспедиции напишет, что у русских «особенно приятно видеть порядок, который они стараются поддерживать в торговле, и ответственность при заключении торговых сделок. Они высоко ценят свое слово, которому, как уверяют поселившиеся здесь иноземцы, им можно твердо доверять безо всяких письменных соглашений. Нам рассказывали, что если заморский гость нарушит свое обязательство, после соответствующего рассмотрения его вышлют из Московского государства без права нового появления в его пределах. Если в таком же грехе будет замечен и уличен местный гость, он немедленно лишится места в торговых рядах и права торговать в Москве. При этом сделки в торговых рядах заключаются нешуточные, но обычно к удовольствию обеих сторон».

Многое изменилось еще в младенческие годы Ивана Грозного. Правление его матери, властной и независимой нравом великой княгини Елены Глинской, было отмечено долгожданным для Москвы строительством вокруг Большого Посада каменных стен, которые возвел итальянский мастер Петрок Малый. При Василии III он закончил строительство колокольни Ивана Великого, княгиня Елена Васильевна доверила ему создание крепости, стены которой примкнули к двум кремлевским башням – Беклемишевской, на берегу Москвы-реки, и Собакиной – со стороны Неглинной. Новая крепость, поражавшая воображение современников мощью своих 6-метровой толщины стен, получила название «Китая», остающееся до наших дней нерасшифрованным. Многочисленные версии его истолкования формально имеют одинаковое право на существование.

При царе Федоре Иоанновиче Гостиный двор в Китае разделялся на двадцать торговых рядов. Но в общей сложности их было в Китай-городе около двухсот. Иностранцам особенно нравилось четкое разделение товаров, существенно облегчавшее покупки: Суконный, Шапочный, Шелковый, Седельный, Скобяной, Овощной, Игольный, Кружевной, Бумажный и пр. Но с изданием в 1698 г. Петром I указа об изгнании с Красной площади всякой торговли, которая производилась там с незапамятных времен и в шалашах, и на скамьях, былой порядок смешался. Торговцам было предложено «вместиться» в основные торговые ряды. В результате в выходившем фасадом на Красную площадь Овощном ряду продавались и писчая бумага, и льняные холсты, и турецкие атласы, мыло «грецкое и индийское». Здесь же можно было купить дюжину «стульев немецких золотных», «трубки зрительные», «фряжские и немецкие листы» и даже несессер — «монастырек», а в нем «два ножичка, да ноженки, да вилки, да свойка, да зубочистка».

В большой московский пожар 1737 г. Гостиный двор сгорел, как и находившийся рядом с ним Посольский двор, как и огромное здание оперного театра на Красной площади.

К этому времени характер торговли и во всем Китай-городе, и особенно в Гостином дворе начинает меняться. В 1730—1740-х гг. на площадях Садового кольца и в Замоскворечье складываются ставшие традиционными московские розничные рынки. Из Китай-города мелкая торговля переходит в новые районы, тогда как здесь сосредотачивается торговля оптовая. Обороты ее достигают многих миллионов рублей.

По «Прожектированному плану» Москвы 1775 г., одобренному Екатериной II, в Китай-городе отныне разрешается только каменная застройка. Предполагается перестроить все лавки и все торговые ряды, расширить улицы, создать площади, отремонтировать стены, построить мосты через Неглинную, которую намечено заключить в канал. Полностью план претворен в жизнь не был, и тем не менее облик этой части города изменился до неузнаваемости. Причем главным акцентом должен был здесь стать Гостиный двор. Его проект поручается Джакомо Кваренги, выполняется в Петербурге и оказывается в Москве, с предписанием к исполнению, в 1789 г.

Итальянец по происхождению, живописец и рисовальщик по образованию, археолог по увлечению, Д. Кваренги проявил свой блестящий архитектурный дар впервые и только в России. Строитель Смольного, колоннады Аничкова дворца, Конногвардейского манежа в Петербурге, он получает заказ на московский Гостиный двор после того, как им выполнены в столице на Неве здания Академии Наук, Государственного банка и Эрмитажного театра. Московский проект свидетельствовал о расцвете таланта Д. Кваренги, который, подобно другим представителям русского классицизма, тяготел преимущественно к созданию сооружений общественного назначения.

В одном из писем современников зодчего есть строки: «Искренне подивились, что для Гостинного двора не сыскался строитель в самой Москве. Кажется, таковых в первопрестольной немало, да и строительство у нас не затихает ни на один год. Так надо полагать, что тем самым было выражено высочайшее недовольство и тонкий намек на несоответствие масштабов

Р. Курятников. Гостиный двор на Ильинке. 1824 г.

Новая биржа и Гостиный двор в Москве. 1850-е гг.

наших масштабам столичным. Некоторые однако в нашей Экспедиции (Кремлевского строения) толкуют о необходимости сообщить Москве более духа империи, чем она по лености под-держивает, более предаваясь силе привычки и сибаритству. К тому же будто бы поступило негласное указание никаких лавчонок и магазинчиков в новое строение не допускать, но всячески способствовать сосредоточению в нем главных капиталов старой столицы. Одно скажу, любезный друг, волнений множество, а пока приисканы архитекторы, коим надлежит Кваренгиев замысел осуществить».

Этими исполнителями стали московские архитекторы С.А. Карин и И.А. Селин, которым в определенном смысле пришлось стать и соавторами выдающегося зодчего. Дело в том, что привязка к рельефу местности не была осуществлена автором, а возможно и не сообщена ему с необходимой точностью. Значительный уклон рельефа по переулкам, на

которые выходили боковые фасады Гостиного двора, не позволил сохранить задуманную Д. Кваренги единую ордерную систему. Тем не менее монументальность здания была достигнута и, по выражению французского консула и торгового представителя 1830-х гг., «монумент величию торговли российской был воздвигнут».

МОСКВА — ДЕЛОВОЙ ФИНАНСОВЫЙ ЦЕНТР

Первые опыты банковского дела предпринимаются в России еще в первой половине XVIII в., при императрице Анне Иоанновне. При Елизавете Петровне указом от мая 1754 г. учреждаются Дворянские заемные банки в Петербурге и Москве, а также Купеческий в Петербурге для торгующего там купечества. При Екатерине II создаются Ассигнационные банки, памятью о Московской банковской конторе остается название переулочка на Мясницкой — Банковский. В 1786 г. создается Государственный Заемный банк, оказывавший содействие главным образом дворянскому землевладению.

Система кредитных установлений подверглась значительным преобразованиям при Александре I, когда в мае 1817 г. был создан Совет государственных кредитных установлений и основан Государственный коммерческий банк для оживления оборотов промышленности и содействия в кредите торговому сословию. Та же цель кладется в основу нового преобразования фи-

Биржа в Москве. Общий вид. 1865 г.

нансового дела в России с образованием в июле 1860 г. Государственного банка «для оживления промышленности и торговли». Для его Московской конторы на Неглинной улице, на месте усадебно-паркового ансамбля графа Воронцова («Русский Версаль») сооружается специальное здание по проекту К.М. Быковского, к которому в 1930 г. пристраивает боковые флигеля И.В. Жолтовский.

В начале XX столетия Москва становится наряду с Петербургом финансовым центром России. В ней функционируют 33 банка и 16 банкирских контор. Значительная их часть сосредотачивается в исторически сложившемся деловом центре – Китай-городе, на Ильинке и вокруг Биржевой (б. Карунинской) площади. Именно они определяют и новый архитектурный облик московского Сити.

Первым крупным частным банком в России был Московский Купеческий банк. Основанный в 1866 г. с основным капиталом в 5 миллионов рублей, он увеличил его к 1917 г. до 27 миллионов. Его последним председателем был талантливый экономист А.Д. Шлезингер, директор правления развернувшего широкое строительство в Москве Варваринского акционерного общества домовладельцев. В 1884–1894 гг. для банка было построено здание архитектором Б.В. Фрейденбергом на месте бывшей застройки конца XVIII – начала XIX вв. (Ильинка, 14).

К числу наиболее крупных частных банков относился и Московский Торговый банк, располагавший складочным капиталом в 10 млн рублей, запасным – в 5 млн и резервным в 200 тысяч. Его здание, по Ильинке, 12, было построено в 1889–1891 гг. архитектором Р.И. Клейном на основе ансамбля М.Ф. Казакова конца XVIII в.

В. Маковский. Крах банка. 1881 г.

Не уступал ему в темпах развития и Московский Учетный банк (Хрустальный пер., 2, дом Общества Средних Торговых рядов). Основанный в 1870 г. с первоначальным капиталом в 2 млн рублей, он располагал к Октябрю 9 млн. Председателем совета банка был один из банковских и промышленных магнатов — барон А.Л. Кноп, директор Товарищества ситцевой мануфактуры «Альберт Гюбнер» и член Торгового дома «Кноп Л.».

Московский банк в местном обиходе часто называли банком Рябушинских (Биржевая пл., 2). Родоначальник этой семьи, выходец из крестьян Калужской губернии, основал в 1887 г. «Товарищество мануфактур П.М. Рябушинского с Сыновьями». Рябушинский-старший был деятельным членом старообрядческой общины на Рогожском. Все восемь его сыновей, не порывая со старообрядчеством, выступают лидерами так называемой «молодой буржуазии». В 1902 г. они создают Банкирский дом братьев Рябушинских, преобразованный в 1912 г. в Московский банк. Здание для него строит в 1904 г. Ф.О. Шехтель. В 1905 г. братья участвовали в создании партии «октябристов», в 1906 г. — буржуазной партии «мирного обновления», в 1912 г. — «прогрессистов». Рябушинские издавали газету «Утро России». С началом Первой мировой войны они выступили инициаторами образования Военно-промышленных комитетов и, несмотря на все трудности военного времени, начали в 1916 г. строительство автомобильного завода АМО (ныне — ЗИЛ).

Не было преувеличением со стороны журналистов тех лет утверждение, что главные деньги России сосредоточены на Ильинке, и уже одно то, что банк строится на этой улице, свидетельствует о его исключительном богатстве и главное — надежности. Под номером 9 здесь два банковских корпуса. В левом находился Международный коммерческий банк (1910–1911, архитектор А.Э. Эрхсон). Правый, отстроенный в 1912 г. по проекту А.Н. Зелигсона, принадлежал Азовско-Донскому банку (ныне — Министерство финансов РФ).

Самых удивительных результатов удалось достичь Частному Коммерческому банку. Начав с капитала в 5 млн рублей, он уже через два года увеличил его в пять раз. Для него архитектором П.П. Щекотовым был выстроен дом № 13, перестроенный затем в 1926–1927 гг. Здание № 14 возведено для богатейшего Русско-Азиатского банка В.В. Фрейденбергом. Под № 12 располагался также Сибирский торговый банк с основным капиталом в 20 млн, запасным — в 5 млн и резервным в 5 млн рублей. В Москве Сибирский банк имел 9 отделений в разных районах города — от Кузнецкого моста до Преображенской площади и от Зацепы до Гаврикова переулка.

В том же доме размещался и Русский банк для внешней торговли. Его управляющий — кандидат коммерции, дворянин (что он особенно подчеркивал в любых документах!) Н.Ф. Киршбаум пользовался широкой известностью как автомобилист-спортсмен и к тому же щедрый попечитель Московской школы для бедных детей и сирот евангелического исповедания.

В 1890 г. архитектором В.В. Фрейденбергом на месте опять-таки казаковского дома был построен корпус для Волжско-Камского Коммерческого банка (№ 8). Это землевладение пережило немало пертурбаций. Когда-то здесь находился Посольский двор, который снесли в 1780-х гг. для строительства по заказу

купцов Павла и Калинина проекта М.Ф. Казакова. Волжско-Камский банк еще имел в Москве и так называемое Гавриковское отделение – в здании Хлебной биржи. Его управляющий – К.Ф. Корженецкий состоял также чиновником по особым поручениям.

ПАМЯТНИКИ ВЕРЫ

Религиозная жизнь Москвы на переломе XIX–XX столетий отличалась большой активностью и одновременно стремлением к сохранению традиционных форм. В старой столице действовали 10 женских и 15 мужских монастырей. Службы шли в восьми кремлевских соборах и в соборе кафедральном – храме Христа Спасителя. Былые сорок сороков церквей – это 270 приходских и 174 домовых, представляющих православную веру.

Из административных церковных учреждений здесь находились Московская Святейшего Синода контора (в Кремле), которую возглавлял первоприсутствующий синодальный член митрополит Московский и Коломенский Макарий; Московская Духовная консистория (Мясницкая, собственный дом); Московский духовно-цензурный комитет (Лихов пер., собственный дом), там же – Московский епархиальный училищный совет во главе с председателем – епископом Верейским Модестом.

В непосредственном подчинении московским духовным властям находились благочинные монастырей города – ставропигиальных (монастыри, находящиеся под непосредственным управлением патриархов) и епархиальных – и благочинные городских церквей, объединенных по шести «сорокам» (Китайгородский, Ивановский, Никитский, Сретенский, Пречистенский, Замоскворецкий). Седьмой «сорок» представлял единоверческие церкви Москвы. Из учреждений это было Московское Синодальное училище церковного пения, Синодальный хор (Б. Никитская, 11, собственный дом) и Московская Синодальная типография (Никольская, собственный дом).

Главное место среди женских монастырей отводилось Вознесенскому девичьему в Кремле, основанному супругой Дмитрия Донского, великой княгиней Евдокией Суздальской. С 1407 по 1728 гг. в монастырском храме Вознесения Господня погребались русские великие княгини, царицы, великие княжны и царевны.

Зачатьевский девичий монастырь (Остоженка) был основан московским святителем Алексеем, митрополитом Московским, в первой половине XV в. Со святителем связано возникновение Алексеевского девичьего монастыря, первоначально находящегося также в районе Остоженки, затем – на месте храма Христа Спасителя, в связи со строительством которого, по указу Николая I, обитель снесли и заново отстроили на Верхней Красносельской улице.

Новодевичий во имя иконы Смоленской Божьей Матери монастырь (Девичье поле) был основан великим князем Василием III в память взятия Смоленска в 1524 г. В обители жили царица Ирина Годунова, супруга царя Федора Иоанновича и родная сестра царя Бориса Годунова, Евдокия Лопухина, первая супруга Петра I, томилась в заключении правительница Софья.

Рождественский девичий монастырь на улице, которой он дал имя Рождественки, основан сразу после Куликовской битвы княгиней Серпуховской и Боровской Марией Кейстutowной для вдов и осиротевших матерей участников великого сражения.

Возникновение Ивановского девичьего монастыря (Б. Ивановский пер.) связывается с обетом матери Ивана Грозного великой княгини Елены Васильевны из дома Глинских. Страстной девичий (находившийся на нынешней Пушкинской площади) начал свою деятельность в 1654 г. в связи с перенесением в Москву чудотворной иконы Страстной Пресвятой Богородицы Одигитрии из нижегородских земель. Никитский девичий (расположенный на Б. Никитской — снесен) находился под покровительством царствующей семьи.

Более поздними по времени возникновения были монастыри Всехсвятский единовещерский девичий (за Рогожской заставой) и открытый в 1890 г. близ Бутырской заставы, на Новослободской улице, общежительный монастырь Всех Скорбящих Радости, по имени домового церкви, устроенной основательницей монастыря княжной А.В. Голицыной. Соборная монастырская церковь была сооружена во имя Всемилоостивого Спаса воскресенской купчихой А.А. Смирновой. Монастырь содержал восьмиклассную гимназию с правами государственного учебного заведения.

Чудов мужской кафедральный монастырь в Кремле (снесен) был основан в 1365 г. митрополитом Алексеем. Он просуществовал вплоть до своего разрушения в том виде, который приобрел в 1771 г. Строительство Богоявленского мужского монастыря (Никольская ул.) было начато при первом московском князе Данииле Александровиче. Собор сооружен при последнем древнем патриархе — Адриане.

Древнейшим среди московских монастырей считается Даниловский мужской, основанный в XIII столетии князем Даниилом Александровичем. Монастырь входил в число «сторожей» Москвы — крепостей, защищавших столицу от нападений неприятелей. К XIV в. относится основание Златоустоустинского монастыря (Б. Златоустинский пер.). К «сторожам» Москвы относился и Новоспасский ставропигиальный монастырь (Новоспасская пл.). Поставленный первоначально князем Даниилом Александровичем близ нынешнего Данилова монастыря, он около 1300 г. переносится Иваном Калитой в Кремль, на Боровицкий холм и начинает именоваться великокняжеским. При Иване III он еще раз переносится — на этот раз в «Васильцевский стан», на берег Москвы-реки, около двора Сарских и Подонских епископов. Долгое время Новоспасский монастырь служил усыпальницей рода Романовых (до избрания на престол), о чем свидетельствуют 70 их погребений.

В XVII в. патриарх Филарет учредил Знаменский мужской монастырь, «что на старом государевом дворе» (Варварка).

Старый собор Донского монастыря

К числу «сторожей» относился в прошлом Симонов ставропигиальный монастырь (Симоновская слобода), освященный при Дмитрие Донском при непосредственном участии Сергия Радонежского и его племянника, архиепископа Ростовского Федора, а также Спасо-Андроньевский монастырь (Андроньевская пл.), устроенный в 1360 г. В честь иконы Донской Божьей Матери закладывается ставропигиальный мужской первого класса монастырь (Донская ул.).

Большинство остальных обителей своим появлением отмечали знаменательные исторические события. Сретенский мужской закладывает сын Дмитрия Донского, Василий I, в память сретения чудотворной иконы Владимирской Божьей Матери, Покровский миссионерский – царь Михаил Федорович в память кончины его отца, патриарха Филарета, в 1635 г.

Относительно новыми для Москвы обителями были монастыри Николаевский, Греческий, Афоногорский (Никольская ул.) и Никольский единоверческий (у Преображенского кладбища).

Законоспасский ставропигиальный мужской монастырь (Никольская ул.) связан с историей русского просвещения. Принадлежащее ему Законоспасское духовное училище помещается в здании бывшей Славяно-греко-латинской академии, одного из старейших и лучших образовательных учебных заведений Руси. Из-за тесноты Академия была в 1814 г. переведена в Троице-Сергиеву лавру, а на ее месте размещено духовное училище, рассчитанное главным образом на детей московского духовенства.

В XX столетии в Москве появляются новые обители сестер милосердия. Это Иверская община сестер милосердия (на Б. Полянке), Покровская (Покровская ул.), Александровская (Госпитальная пл.) и наиболее значительная, прежде всего в архитектурном отношении, Марфо-Мариинская обитель на Большой Ордынке. По замыслу ее учредительницы – великой княгини Елизаветы Федоровны, «сестры обители призваны были соединить и высокий жребий Марии, вмещающей вечным глаголам жизни, и служение Марфы, поскольку они опекали у себя Христа в лице меньших братьев».

Красные ворота. Фото
Н. Шапова. 5.10.1902 г.

Что же касается отдельных храмов, то в архитектурном плане наибольший интерес представляет церковь Покрова Богородицы в той же Марфо-Мариинской обители (1908–1912) и церковь Воскресения у Сокольнической заставы, в просторечии московском «Кедрово», по имени первого ее настоятеля (1909–1913). Было также задумано строительство собора Александра Невского (Миусская пл.), не уступающего по размерам храму Христа Спасителя, — в память 50-летия освобождения крестьян от крепостной зависимости. Несмотря на то, что собранной по подписке суммы было совершенно недостаточно, в 1904 г. состоялось освящение земель будущей постройки, а в 1911 г. началось и само строительство по проекту А. Померанцева.

Наконец, в районе Песчаных улиц на средства А. и М. Катковых, потерявших на фронте двоих сыновей, в 1915–1918 гг. строится церковь во имя Преображения Господня.

Но, несомненно, самым оживленным для Москвы тех лет оказывается строительство старообрядческих храмов. Очень внушительным было число церквей старообрядцев, приемлющих Белокриницкое священство и признавших Окружное послание. В Московское Епархиальное управление, возглавляемое архиепископом московским Иоанном, входили 24 храма. В этом числе две соборные церкви — Покрова Пресвятой Богородицы (пр. Рогожского кладбища) и Рождества Христова (Рогожское кладбище). Обслуживались они одним причтом, как и храм-колокольня во имя Воскресения Христова в память Распечатания алтарей, поражающий своими размерами.

Посвящение Покрову Пресвятой Богородицы было наиболее распространенным. Покровскими назывались церкви Остоженской общины (3-й Ушаковский пер.), Замоскворецкой общины (Б. Вокзальный пер.) — после 1905 г., в Гавриковом переулке, на Таганской площади, на Лужнецкой улице (в доме Полежаевой).

Никольско-Рогожская община строит церковь во имя Введения Богородицы во храм на углу Малой Андроньевской и 3-й Рогожской в 1912 г.

Старообрядцы Федосеевского Старопоморского благочестия, не приемлющие священства и брака, располагали семью

храмами, находившимися на Преображенском кладбище: соборная – Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня, Богоявления, пророка Ильи, Покрова, Преображения Господня, Всемиловитого Спаса и Успения.

Старообрядцы Поморского брачного согласия, не приемлющие священства, располагали частной молельней в доме В. Морозова (Введенский пер.) и построили на месте бывшей молельни в Большом Переведеновском переулке храм во имя Рождества Христова, Успения Богородицы и Николы Чудотворца, а в Токмаковом переулке – Воскресения Христова и Покрова Божьей Матери.

По одной церкви имели старообрядцы, приемлющие священство и не признающие общин (их молитвенный дом на Лужнецкой улице был освящен во имя иконы Казанской Божьей Матери), и старообрядцы, «приемлющие Белокриницкое (Австрийское) священство, не признающие Окружного послания и общины и следующие епископу Иосифу», иначе – иосифовцы, располагающие церковью Сергия Радонежского (угол Б. и М. Вокзальных переулков), и так называемые даниловцы (следующие епископу Даниилу Богородскому). Последние имели церковь на углу Земляного вала и Таганского тупика.

Существовали еще старообрядцы, следующие епископу Иову – иовцы. Свою соборную церковь Свято-Николаевской общины они строят в 1912 г. (Лефортовский пер.), имея, кроме того, храм на Лужнецкой улице – во имя апостолов Петра и Павла.

Церковь великомученицы Екатерины (Ирининская ул.) и молитвенный дом во имя Николая Чудотворца (М. Андроньевская ул.) имели старообрядцы, «приемлющие священство, переходящее от господствующей Греко-Российской церкви, и признающие общину».

Широко представлены в Москве и храмы иноверческих исповеданий. Три армяно-грегорианских: Воздвижения Честного и Животворящего Креста (Армянский пер.), при котором находился Совет московских армянских церквей, Воскресения Христова (на армянском кладбище, за Пресненской заставой) и Успения Богородицы (на Георгиевской площади, в Грузинах). Обслуживал все три храма один причт.

Англиканская епископальная церковь была представлена так называемой Великобританской Святого Андрея церковью в Большом Чернышевом переулке. Римско-католическая польская – костелом апостолов Петра и Павла (Милютинский пер.) и костелом Непорочного Зачатия Святой Девы Марии (М. Грузинская), римско-католическая французская – костелом Святого Людовика на Малой Лубянке.

Евангелическо-реформаторская церковь находилась в Малом Трехсвятительском переулке. Две церкви имели лютеране. Первая – во имя Святого Михаила – на Вознесенской улице, евангелическо-лютеранская – апостолов Петра и Павла – в Старосадском переулке.

Каждая церковь представляла собой достаточно сложную систему, в которую входили приходское попечительство, школы, библиотеки, в некоторых случаях даже гимназии с общими государственными программами, богадельни, иногда собственные типографии и подробно разработанные программы культурной и благотворительной деятельности.

Существовавшее в Москве Татарское общество имело мечети в Выползовом переулке и на Малой Татарской улице.

Еврейскому обществу принадлежали домовладения по Большому Спасоглинищевскому переулку, где была построена синагога. В 1890-х гг. Еврейское общество располагало на тех же участках молитвенным домом.

«РАССТРЕЛЬНЫЙ ХРАМ»

Храм в Большом Девятинском переулке. Через дорогу от городка американских дипломатов. В виду Белого дома. Освященный в память Девяти мучеников Кизических. Святые Артем, Филимон, Феодот, Руф, Антипар, Феотих, Маги, Фавиасий и Феогний пострадали за христианскую веру во времена императора Константина Великого, в IV в., в городе Кизике на берегу Дарданелл. В Москву частицы их мощей были доставлены в годы Петра I, в то время, когда на ее площадях разыгрывались страшные сцены стрелецких казней.

Первоначально деревянный, храм был заложен по обету последнего древнего патриарха кира Адриана и закончен в 1698 г., когда только что вернувшийся из Великого Посольства, своей первой заграничной поездки, молодой царь посетил больного Адриана вместе с товарищем своих детских игр имеретинским царевичем Александром Арчиловичем и его сестрой царевной «Милетинской» Дарьей. В нынешнем своем виде храм был возведен во времена императрицы Анны Иоанновны. Колокольня пристроена в 1844 г. В советские годы церковь перешла в ведение ЧК ОГПУ и использовалась как место приведения в исполнение приговоров к высшей мере наказания — расстрелов. Женщин.

История здешних мест известна со времен, предшествовавших Куликовской битве. Во второй половине XIV в. вырос на склоне спускающегося к Москве-реке холма новый, или Новинский, Введенский монастырь, ставший с учреждением при Борисе Годунове патриаршества домовым патриаршьим, с большой слободой и приписанными к нему землями, тянувшимися по реке Пресне до Ходынского поля. Памятью о пресненских запрудах тех лет остался нынешний пруд в Зоопарке.

В 1680-х гг. часто сопровождал патриарха Иоакима в Новинский монастырь архимандрит Чудова монастыря Адриан, поставленный в 1686 г. митрополитом Казанским и Свияжским. Приезд Адриана в Казань совпал с началом тяжелейшей эпидемии. Тридцатью тремя годами раньше такое же «моровое поветрие» опустошило город, унеся сорок восемь тысяч жизней. Митрополит дал обет в случае окончания «горячки» основать монастырь Девяти Мучеников Кизических, помогавших, по народным повериям, при такого рода болезнях, как и всякой другой телесной немощи.

Эпидемия неожиданно прекратилась. Адриан выстроил под Казанью Кизиическую обитель, для которой даже сумел приобрести частицы мощей святых. Но сделал он это, уже став в августе 1690 г. патриархом. В 1693 г. он заказывает царскому жалованному иконописцу Петру Семенову Золотову, ученику живописца Ивана Безмина и замечательного иконописца Симона Ушакова, образ Девяти Мучеников. Кстати, одна из работ Петра Золотого – Богоматерь Боголюбская – хранится в Третьяковской галерее.

В 1694 г. кир Адриан заказывает написать церковную службу Девяти Мученикам выдающемуся церковному писателю, автору 120-томных Четых-Миней, Димитрию Туптало – святому Димитрию Ростовскому. А когда в 1696 г. сам кир Адриан оказывается на пороге смерти, пораженный параличом, он дает обет поставить в Москве церковь Девяти Мученикам, выбрав для нее место рядом со своим любимым Новинским монастырем.

Но пережить события стрелецкого бунта недомогавшему Адриану не было дано. Патриарха не стало в 1700 г. Одновременно Петр I отменил институт патриаршества, заменив его Синодом, но сохранил знаменитых патриаршских певчих, которых слушал в Десятинской церкви. Они будут в полном составе перевезены в Петербург, и Петр до конца своих дней будет разучивать с ними духовные концерты.

«Наперсник царя» – досадливый отзыв одного из современников о кире Адриане можно назвать и справедливым и несправедливым. Мало кто из князей православной церкви пользовался таким уважением Петра, как последний патриарх. Петр часто видится с ним, пишет ему письма из походов, сообщая о всех одержанных победах и – что кажется неожиданным – советует об отдельных предпринимаемых реформах, в частности в отношении переустройства образования.

Обычной формой ранних государственных документов было: «Божиею милостию великий государь, царь и великий князь Петр Алексеевич всея Великия и Белыя России самодержец, советовав со отцем своим, великого государя богомольцем, с великим господином, святейшим кир Адрианом, архиепископом Московским и всея России и всех северных стран патриархом». Так строится, в частности, указ о введении в действие Соборного уложения от февраля 1700 г.

Разделял ли кир Адриан реформаторские планы? Или просто понимал их неотвратимость? Среди современников ходили разговоры, что не случайно только после смерти патриарха Петр принял решение о перенесении столицы на берега Невы, кир Адриан непременно бы убедил царя не оставлять отеческих гробов и народных святынь. Но вот во время последней болезни патриарха, у постели больного Петр считает необходимым развернуть полный план перестройки обучения священнослужителей, твердо веря в поддержку больного. Время не терпит, и организуя ряд учебных заведений в Москве, Петр не хочет ждать выздоровления патриарха, торопится. И получает благословение. В официальных документах появится «Изложение речи Петра I», сказанной при посещении больного патриарха Адриана, о необходимости просвещения для России, о целях и способах организации школ для борьбы с невежеством.

Не воспроизводившееся в широко доступной литературе, оно представляет тем больший интерес.

«Во имени господни извещение.

Изволил великий государь царь святейшему патриарху глаголати, быв у него октоврия месяца 4 д. ради посещения в немощи его.

Что священники ставятся, грамоте мало умеют, иже бы их таинств научати и ставити в той чин. На сие надобно человека и не единого, кому сие творити; и определить место, где быти тому.

Чтобы возымети промысл о разумлении к любви Божией и к знанию его христиан православных и зловерцев: татар, мордвы, и черемисы, и иных, иже не знают творца Господа, и для того во обучение послати колико десять человек в Киев в школы, которые возмогли бы к сему прилежати.

И благодатию Божиею и zde есть школа, и тому бы делу породеть мощно, но мало которые учатся, что никто школы, как подобает, не назирает. А подобно тому человек знатный в чине и во имени и в доволстве потреб ко утешению приятства учителей и учащихся. И сего не обретається ни от каких людей. Быти тому како?

Евангелское учение и свет его, си есть, знание Божией человеком, паче всего в жизни надобно. И на школы бы всякия потребности люди благоразумно учася, происходили в церковную службу и в гражданскую воинствовать, знати строение и докторское врачевание.

Еще же мнози желают детей своих учить свободных наук и отдают zde иноземцом оныя, инии же и в домах своих держат, будто учителей, иноземцев же, которые славянского нашего языка не знают право говорити. К сему еще иных вер, и при учении том малым детям ереси своя знати показывают, отчего детям вред и церкви нашей святой может быть спона велия, а речи своей от неискусства повреждения.

А в нашей школе при знатном и искусном обучении всякого добра учинилися. И кто бы где в науке заправился в царскую школу, хотя бы кто побывать пришел, и он бы ползовался.

И сего смотрети не надобно и прирадеть тщательн зело. Но яко вера без дела, а дело без правая веры мертво есть обоя, тако слово без промысла, а труд без чина и потреб не успеет ползовати.

Еще же велия злоба от диавола и козни его на люди, еже бы наука благоразумная где-либо не возимела места, всячески бо препиная деет в той.

Господь же Бог во всем помощь да сотворит людям спасительну».

Поденные записи придворного обихода свидетельствуют, что Петр вообще не раз посещал патриарха и засиживался у него за беседой по много часов. Так, 9 декабря 1695 г., перед Азовским походом, царь пробыл у кира Адриана «с начала 5 часа ночи до 8 часа; и по восстании и шествии Его Великого Государя, патриарх благословил Его образом Богородицы Владимирския». 1 октября 1696 г., буквально в день возвращения из того же похода, «Великий Государь Петр Алексеевич изволил быть у патриарха и сидеть в Столовой полате с последнего часа дневных часов до другого часа ночи до последней четверти».

Показательный морской бой в заливе Эй в честь царя Петра I
1 сентября 1697 г.

Чтобы побаловать государя, патриарх распорядился купить в Яблочном ряду у торговца Ивана Васильева 50 яблок «самых добрых больших наливу за 4 рубля», а на прощание благословил царя образом Всемиловитого Спаса. 21 февраля 1697 г., в первое воскресенье Великого поста, Петр гостил у кира Адриана «с первого часа ночи до третьего часа ночи» и «на отпуске» был благословлен образом Владимирской Богородицы.

31 августа 1697 г., сразу по возвращении из Великого посольства, Петр просидел у патриарха «до 10 дневного часа» и был благословлен образом Успения Богородицы. На этот раз угощение было особенно торжественным, почему отпустили на него «вина секту полворонка, ренского полведра, 2 ведра меду вишневого, меду малинового ведерный оловеник (кувшин), пива мартовского трехведерный оловеник, меду светлого ведерный». Это было начало стрелецких казней.

В XVIII в. былой домовый патриарший храм становится приходским. Среди его прихожан оказывается обер-прокурор Сената Волынский, супруга которого приходилась двоюродной бабкой А.С. Грибоедову. От нее усадьба на углу Новинского бульвара и Девятинского переулкa переходит к дяде Грибоедова Алексею Федоровичу, владельцу смоленской «Хмелиты». В свою очередь, Алексей Федорович продает в 1801 г. усадьбу своей сестре Настасье Федоровне, матери драматурга. Последующие 11 лет своей жизни Грибоедов проводит в приходе Девяти Мучеников. Церковные книги – единственный источник документальных сведений о нем самом и его близких вплоть до

Отечественной войны 1812 г. Это время его занятий в Благородном пансионе и Университете. В приходской церкви семья служит молебен перед уходом Александра Сергеевича в ополчение. Когда со временем скончается его мать, ее отпоют в Десятинском храме и похоронят на ближайшем Ваганьковском кладбище.

А в 1840–1850-х гг. «потаенным» прихожанином того же храма станет автор знаменитого «Соловья» — композитор А.А. Алябьев. В силу несправедливого приговора ему будет запрещено проживать в столице, и он станет скрываться в доме своей жены Екатерины Александровны, урожденной Римской-Корсаковой, по первому браку Офросимовой (Новинский бульвар, 7).

Храм был возвращен церкви в 1992 г. С 1994 г. его настоятелем стал внук нашего знаменитого живописца Валентина Серова — о. Антоний Серов.

Примечательно, что в Москве больше не было храмов Десяти Мучеников. Кроме домового церкви графа Владимира Григорьевича Орлова, освященной в связи с эпидемией чумы 1771 г. В борьбе с ней принимал участие старший брат графа, любимец Екатерины II, Григорий Григорьевич Орлов. Помещение храма сохранилось до наших дней в мезонине дома № 5 по Большой Никитской, который занимал исторический факультет, а теперь издательство МГУ имени Ломоносова.

Лицевая сторона медали, выпущенной в память первой поездки Петра I за границу в 1697–1698 гг.

ПРОСТО УЧИТЕЛЬНИЦА

Они стояли, крепко держась за руки. Растерянные от множества посетителей. Ошеломленные цветами, приветствиями, пожеланиями. И счастливые. Очень счастливые. Митенька и его Леночка — Дмитрий Иванович и Елена Николаевна Тихомировы, те, кому Россия обязана абсолютной грамотностью выпускников самой скромной и затерянной в глухомани школы.

Это никакое не преувеличение. Питомцы и двухлетних церковно-приходских училищ, и четырехлетних городских школ могли испытывать трудности в употреблении знаков препинания, но никогда не делали ошибок. Грамматических. И неверных ударений. Кажется, никто и никогда не задумывался над этим чудом. Между тем оно существовало, и в его основе лежали удивительнейшие книги и пособия для учителей, написанные Тихомировыми. До революции они вышли тиражом в 7 000 000 экземпляров. В любом уголке России с них начиналось знакомство с грамотой. Простота и доступность изложения, убедительность примеров позволяли овладевать правописанием даже самоучкой, даже не добравшись до школы.

Итак, шел 1901 г. Формально отмечалось 35-летие литературно-педагогической деятельности Дмитрия Ивановича. Но за спиной юбиляра оставались 30 лет супружеской жизни и 30 лет совместной работы. Все, что было сделано, было сделано вмес-

те, и кто знает, как сложилась бы судьба Тихомирова, если бы не помощник, соавтор, писатель и издатель Елена Николаевна. Увлеченная. Неутомимая. Способная в любую минуту подставить плечо мужу, заменить его, предложить новую, неожиданную идею. И – бесконечно женственная, мягкая, до последнего дня своего восторженно влюбленная в Митеньку. Моя «Елена Прекрасная», как называл ее супруг.

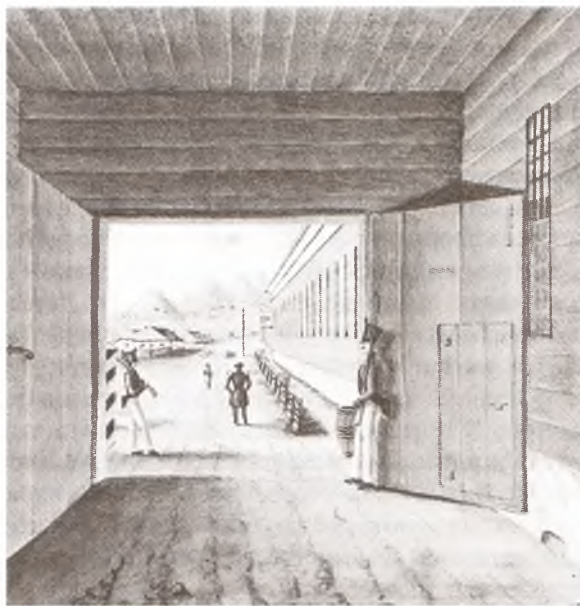
А ведь вначале были две совсем разные судьбы, два разных человека, жизненные пути которых, казалось, даже не могли пересечься. Род князей Оболенских, дворян Шепелевых, Прончищевых и семья безвестного сельского священника из села Рождествено Нерехтского уезда Костромской губернии.

Кто не знал в Москве дворца Оболенских на Новинском бульваре, рядом с усадьбой Грибоедовых! Незадолго до Отечественной войны 1812 г. старика Николая Петровича сменил во владении домом его сын – князь Петр Николаевич. При Наполеоне дом сгорел, но почти сразу после ухода французов его восстановили – у князя было многочисленное семейство. От двух браков он имел пятерых сыновей (в том числе декабриста Евгения Петровича Оболенского) и пятерых дочерей. Сыновья женились, дочери выходили замуж. Брак отцовской любви, княжны Варвары Петровны, можно было считать особенно удачным: красавец и богач Алексей Прончищев влюбился в невесту и пользовался взаимностью. Почти сразу у супругов пошли дети. Дочери, а они мало занимали родителя. Он знал лишь два настоящих увлечения – псовую охоту да карточную игру. Вспыльчивый и несдержанный, обычно хозяин вымещал свою досаду на дворовых и крестьянах, которых Варвара Петровна каждодневно пыталась спасти от барского гнева.

Не находя общего языка с супругом, она все свое время отдает дочерям. Прекрасно образованная, хорошо знавшая литературу, владевшая пятью иностранными языками, Варвара Петровна отказывается от домашних учителей и гувернанток и сама обучает детей. Карточная игра супруга приводит семью к полному разорению. С молотка уходят имения, московский дом, обстановка, даже фамильные бриллианты. И Варвара Петровна решается на немыслимый по тем временам шаг – начинает работать. Благодаря мужу сестры, князю А.П. Оболенскому, она получает место начальницы при Малолетнем отделении Воспитательного дома при Николаевском институте и с четырьмя малолетними дочерьми переезжает на казенную квартиру. Куда как нелегко ей было на это решиться. Но со временем Варвара Петровна признается, что только в стенах института почувствовала себя свободной и по-настоящему счастливой.

Наверно, для матери было неожиданностью, когда ее третья по счету дочь, Юлия Алексеевна, решила выйти замуж за студента Николая Немчинова. Препятствовать молодым она не стала, но браку категорически воспротивилась мать жениха. Представительница древней дворянской семьи Шепелевых, она в свое время вышла замуж за пожилого купца и не мыслила для сына невесты без приданого. Николай лишился материальной поддержки матери. Зарабатывать на жизнь надо было самому. Он перебивается бесконечными грошовыми уроками, а Юлия за такие же гроши переписывает студенческие лекции и занимается шитьем. Трех лет оказалось достаточно, чтобы Немчи-

Петровский завод.
Вход в острог. Акварель
М. Юшневской. 1837 г.

нов сгорел от чахотки. И Юлия Алексеевна с маленькой дочерью Леночкой возвращается в Николаевский институт к матери, где начинает работать надзирательницей. Ей едва исполнилось девятнадцать лет. Снова устраивать свою жизнь — выходить замуж — Юлия Алексеевна не захотела. Слишком яркими были впечатления короткого семейного опыта, слишком любила своего Николая.

В бедной студенческой квартирке Немчиновых каждый вечер собирались студенты Московского университета. Это было время всеобщего увлечения лекциями Грановского по истории. Завсегдатаем дома стал известный в будущем писатель А.Ф. Писемский, ученик К.П. Брюллова, портретист «из чеченцев» Петр Захаров. Заглядывал на огонек композитор и пианист А.И. Дюбюк — Юлия Алексеевна пела все новые его романсы.

В Николаевском институте, где пройдет все ее детство, Леночка оказывается под влиянием прежде всего бабушки. В доме поддерживается культ бабушкиного брата-декабриста. Гвардейский капитан, адъютант командующего пехотой Гвардейского корпуса генерал-адъютанта Бистрома, он прибыл 14 декабря 1825 г. на Сенатскую площадь и оставался там до конца, но главное — ранил штыком генерала Милорадовича. За эту вину Евгений Оболенский был признан преступником 1-й категории, что означало смертную казнь на плахе. Казнь заменили вечными каторжными работами. В Сибири он попал на солеваренный завод в Иркутском Усоле, затем в Нерчинск, Читу и, наконец, на Петровский завод. В 1839 г. Оболенский вышел на поселение, а еще спустя почти пять лет был переведен в Ялуторовск. Освобождение последовало в 1856 г., вместе с возвращением титула князя. К этому времени он женился на вольноотпущенной крепостной девушке. С его сыном, будущим уездным врачом в Тарусе, Леночка поддерживала самые добрые отношения.

Скорее всего, разделяя в чем-то взгляды брата, Варвара Петровна учит внучку ходить по чердакам и подвалам, раздавая милостыню городской бедноте. Леночка часто отказывает себе в лишнем куске сахара, чтобы сохранить его для «своих бед-

ных». По воскресеньям бабушка берет внуку в воскресные школы для взрослых, которые создавались при гимназиях. В доме Прончищевой начинает появляться студенческая молодежь. Впрочем, этому способствовали и учителя Леночки. Бабушка не захотела отдавать внуку в учебные заведения, сначала занималась с ней сама, как когда-то с собственными дочерьми, позже нашла для Леночки превосходных педагогов. В их числе — бывший учитель Лермонтова А.З. Зивьев, который вводит свою воспитанницу в мир русской литературы. Наконец, бабушка разрешает поступить на педагогические курсы: Леночка видит себя только педагогом, готовится к ставшей наследственной профессии, мечтает о ней и — встречает на этом пути Д.И. Тихомирова.

Встреча на педагогических курсах решает судьбу молодых людей. В апреле 1871 г. состоялась их свадьба.

В жизни Тихомирова все складывалось иначе. Приход его отца относился к беднейшим в Нерехтском уезде. Два десятка курных избенок составляли село, при котором находилась старая церковь. К ней же относилось еще несколько деревенок и приселков и вовсе на пять — семь изб. Отцу, Ивану Егоровичу, приходилось делать всю крестьянскую работу, чтобы как-то прокормить семью, в которой постоянно рождались и быстро умирали дети. По счастью, Митя оказался достаточно крепким ребенком, мог чуть ли не с пеленок помогать отцу в церкви, где он прислуживал во время богослужения, читал на клиросе, пел в хоре. Приходилось работать и в поле, и в огороде. Иван Егорович надеялся видеть сына священником, да иного пути при скромном семейном достатке и быть не могло...

Десяти лет Митю отвозят в духовное училище в Кострому, но когда там же оказывается и младший его брат, Тихомировым становится не под силу их содержать. По счастью, в то время открываются военно-учительские семинарии. Митя не только блестяще заканчивает курс, но и назначается «образцовым» учителем в такую же семинарию в Москву. 13 августа 1866 г. он впервые выступает в новой для себя роли педагога. Ко времени знакомства с Леночкой Немчиновой Дмитрий Иванович уже пользовался славой блестящего оратора, полемиста и редкого знатока русской литературы. Его уроки и выступления в кружках привлекали массу молодежи.

Знакомство будущих супругов — знамение близящегося нового времени. На урок Тихомирова — так называемый урок объяснительного чтения — Леночка впервые попадает осенью 1869 г. Она делится впечатлением с бабушкой, заинтересовывает Варвару Петровну, и та приглашает молодого преподавателя, чтобы воспользоваться его советами для своего институтского отделения. Еще полтора года — и молодые люди соединяют свои жизни.

«Я часто думала, что соединило меня с Дмитрием Ивановичем, — рассказывала впоследствии Елена Николаевна. — И ныне знаю точно: он показался мне пророком, открывшим передо мною смысл моего существования и возможность применения моих сил. Это было то одухотворение жизни, в котором мы были необходимы друг другу. Его светлая душа, его высокие помыслы увлекли меня навсегда. И чем больше мы работали, тем ближе друг другу становились. Если годы, говорят, охлаждают человеческие чувства, у нас они, напротив, их усиливали.

Я благодарила и благодарю судьбу, что дала возможность жить рядом с Дмитрием Ивановичем и для него. И я хочу верить, что была и останусь ему помощью, а не помехой». Д.И. Тихомиров отзывается в дни юбилея почти так же: «Чествуя меня, друзья мои, вы чествуете в первую очередь Елену Николаевну. Все, что мы делали, мы делали вместе, все, что задумывали, задумывали и додумывали вместе, а уж доводила все до последней точки, конечно, Елена Николаевна. У нас была общая цель, и если мы к ней хоть сколько-нибудь приблизились, мы счастливы, мы оба».

К этому времени, помимо работы в учительской семинарии, Дмитрий Иванович открывает первую в России вечернюю воскресную школу для взрослых рабочих на фабрике Ф.С. Михайлова в Москве. Пока он издал только первую часть «Азбуки правописания», которая до 1900 г. выдержит 19 изданий. Следующим трудом станет совместная с Еленой Николаевной работа над «Букварем», который до начала XX в. будет переиздан 137 раз (при этом каждое новое издание дорабатывалось и дополнялось сообразно тем требованиям, которые выдвигала педагогическая практика Дмитрия Ивановича).

Современник вспоминает, что рабочие комнаты Тихомировых представляли собой настоящую «научную фабрику», где неустанно кипела работа: рукописи соседствовали с гранками, версткой, бесконечные поправки со специальных карточек переносились в новые тексты, и непосвященному казалось совершенно невозможным понять методику происходившего. Но главное, что поражало, — это увлеченность обоих супругов, которые напоминали дирижеров огромного оркестра.

Книги, подобной «Азбуке правописания», русская учебная литература еще не знала. Приведенные в ней примеры и статьи были подобраны таким образом, чтобы ученик от первой до последней ступени заключенной в ней программы встречался лишь с уже известными ему правилами правописания. Ничто не вызубривалось, не требовало механического запоминания. Автор как бы раскрывал перед ребенком логику построения и развития языка, что позволяло ему в дальнейшем не делать ошибок. Тихомировы верили в силу точно подобранного примера, который запоминался на всю жизнь. Дмитрий Иванович отлично знал, что уровень подготовки и способностей учителей всегда бывают разными. Именно поэтому объяснения должны отличаться предельной простотой, чтобы не загромождать память ничем лишним и сложным.

Роли супругов в общей работе распределялись очень строго. Занятия вел Дмитрий Иванович, и он, казалось, не знал ни усталости, ни предела возможностей в своем стремлении заниматься — и с детьми, и с педагогами. Каждое лето он ведет учительские курсы в разных уездных городах. Берет на себя руководство школами на фабриках Морозовых, которые становятся едва ли не лучшими в России, школой при фабрике Товарищества Тверской мануфактуры. Совет Московского благотворительного общества приглашает Тихомирова инспектором и организатором своих школ. А Елена Николаевна все время рядом — скрупулезно записывает лекции и уроки, составляет записки о курсах в огромном объеме. Впрочем, цифры говорят сами за себя. За тридцать лет «Букварь» Тихомировых распространяет-

ся в количестве двух миллионов экземпляров. Вышедший в 1874 г. «Элементарный курс грамматики» — более миллиона. Дмитрий Иванович пишет специальный курс для сельских школ, разошедшийся в 15 изданиях, и находит совершенно оригинальное педагогическое решение — «Правописание до грамматики», или иначе — опыт обучения правописанию вообще без грамматики. Широчайшим распространением пользовалась тихомировская «Книга для церковно-славянского чтения». «Школа грамотности» представляла собой руководство для деревенского домашнего обучения.

Но главная сила педагогики Тихомировых заключалась в том, что вместе с грамотой они учили ребенка всей жизни — общению с природой, условиям человеческого существования, географии, начаткам истории. Их знаменитые книги для внеклассного чтения — «Вешние всходы» — передавали и первые необходимые ребенку знания об окружающей его среде, и те гуманные принципы, на которых эту среду следовало строить.

«Они были учителями жизни, истинно русскими в своей человечности, сострадательности, всепонимании и бесконечной доброте», — отзывается современник. «Книги Тихомирова просвещали всю Россию вдохновенно, доходчиво и мудро», — отзывается замечательный русский художник Поленов. И когда к 35-летию юбилею деятельности Тихомирова рождается идея выпустить юбилейный сборник, составители теряются от неимоверного количества рассказов, очерков, статей, стихотворений, рисунков, которые бесплатно передают в него Мамин-Сибиряк, Немирович-Данченко, Гиляровский, Щепкина-Куперник, Чехов, Дрожжин, художники Архипов, Константин Коровин, Виктор и Аполлинарий Васнецовы, Серов, Суриков, композиторы Скрябин, Слонев, Кохановский, Сементковский. Бунин передает свое стихотворение «На острове»:

Иван Бунин

*Люблю я наш обрыв, где дикою грядю
Белеют стены скал, смотря на дальний юг,
Где моря синего раскинут полукруг,
Где кажется, что мир кончается водою*

*И дышится легко среди прибрежных вод!
В веселый летний день, когда на солнце блещет
Скалистый известняк, и в каждый звонкий грот
Зеленая вода хрустальной влагой плещет, —
Люблю я зной и ширь, и вольный небосвод.*

*И тихих островов пустынные высоты:
Ласкают их ветра и волны лижут их,
А чайки зоркие заглядывают в гроты, —*

*Косятся в чуткий мир пещер береговых —
И вдруг, над белыми утесами взмывая,
Сверкают крыльями в просторах голубых,
Кого-то жалобно и звонко призывая!*

Что читать и как читать? — этот вопрос все больше занимает Елену Николаевну и в начале 1880-х гг. она открывает книжный магазин «Начальная школа». По-прежнему помогая во всем мужу, она теперь пересматривает и всю выходящую в России

литературу, чтобы составлять из нее необходимые педагогам библиотечки, к тому же магазин и сам выпускает несколько хороших детских книг. Среди них — сборник рассказов В.И. Немировича-Данченко о последней турецкой войне «За Дунаем».

Когда обстоятельства вынуждают отказаться от просуществовавшего больше десяти лет магазина, Елена Николаевна приобретает старый известный журнал «Детское чтение». Вместе Тихомировы подбирают состав сотрудников, увеличивают объем журнала, начинают выпускать при нем «Педагогический листок», отдельную «Библиотеку „Детского чтения“» и «Учительскую библиотеку». Адрес супругов — Большая Молчановка, дом 18 — становится педагогическим центром не только старой столицы, но и всей России. Сюда пишут из самых дальних уголков, приезжают за советами и помощью. Само собой разумеется, что Дмитрий Иванович становится гласным Московской городской думы, работает в комиссии по школьным вопросам, поскольку знаком с положением и нуждами едва ли не каждой городской школы.

Мир денег и мир расчета для Тихомировых не существует. Огромная каждодневная работа не приносит им сколько-нибудь значительного состояния, да они и не стремятся к нему — лишь бы хватило средств на новые издания и замыслы. Признание? Оно приходит, но от народа, от русского общества — не государства и властей. Тихомиров получает Золотые медали от московской и петербургской общественности — от Комитета грамотности. Золотую медаль ему приносит Всемирная Парижская выставка 1900 г. О его труде и методах пишут специальные французские и американские журналы. Принципы Тихомирова входят в общеобразовательную систему Соединенных Штатов и по сей день. О Дмитрие Ивановиче и его «беспримерных трудах» помещает большую статью известная и лучшая русская энциклопедия издательства Брокгауза и Ефрона. В Большой же Советской Энциклопедии о замечательном педагоге не было сказано ни слова.

«Пусть трудом будет радостен его трудовой путь, — писал о Тихомирове юбилейный сборник. — Лучшая слава — это память потомства. Кто может быть другом детей и юношей и кто был им, того вспомнят юные потомки и через десятки лет».

Десятки лет забвения прошли. Может, наконец-то наступило время благодарной памяти в отношении двух удивительных людей, прошедших, крепко держась за руки, через такую долгую и плодотворную жизнь?

Остается добавить, что юбилейный сборник Тихомировых был выпущен семью типографиями, цинкографиями и переплетными заведениями Москвы бесплатно. Чистый же доход от него предназначался на образование осиротевших детей народных учителей. Дмитрий Иванович и Елена Николаевна до конца остались верными себе — сельский попович и внучка одного из самых знаменитых княжеских родов.

ГОСПОЖА МАГИСТР

Вот и все... Она не плакала. Не теряла сознания. Не откликалась на чьи-то тревожно шепчущие голоса. Смотрела — чтобы запомнить, чтобы вместе пережить последние отпущенные жизнью мгновения. Большие руки на сбившихся простынях. Смятая подушка. Лицо... Иван Гаврилович. Ваня. Ее Ванечка...

Больше чем муж. Больше чем отец единственной дочери. Почти отец для нее самой — по заботливости, внимательности, умению понять, поддержать, чего-то не заметить, с чем-то вопреки самому себе согласиться, раз ей могло быть лучше. Она вдруг поняла — это он учил ее жить, и так, что наука не была в тягость. Тринадцать лет разницы в возрасте шли только на пользу. Доброта — нет, куда важнее: справедливость. Спокойная. Во всех мелочах выверенная. Сколько раз он повторял: «Русский характер? Это исконная, подспудная и не знающая сделок с совестью тяга к справедливости».

Вот и теперь он обратился к высшей справедливости: жить ему или уйти. Тяжелая болезнь сердца была понятна у боевого генерала. Врачи с ней боролись, могли помочь. Но Иван Гаврилович не захотел. Она еще прочтет строки прощального письма, затаившегося в ящике ночного столика: «Дорогой друг мой, Соничка. Я — христианин по таинству Святого Крещения и офицер по слову присяги... То, что происходит в России, не совместимо ни с одним из моих обязательств. Покинуть Россию не могу и не хочу. Пусть все решат высшие силы...»

О решении мужа она догадывалась: во время очередного приступа он не позвал ни ее, ни врача. Лекарство не было вовремя принято. Развязка наступила стремительно и бесповоротно. Старый полковой врач отвел глаза: «Генерал — мужественный человек...» Было Вербное воскресенье 1918 г. В родных Ливнах, куда генерал приехал в короткий отпуск из Главного штаба, наступала весна, и на городском кладбище, где гремел военный оркестр, подсохший песок тучами поднимался в порывах теплого ветра. Ивана Гавриловича Матвеева хоронили со всеми воинскими почестями, как «красного генерала», — сообщала местная газета «Пахарь». Несмотря на Страстную неделю, у могилы собрался почти весь город. И генерал, и его не проронившая ни единого слова молодая вдова были «своими», из тех, кого в Ливнах знали во многих поколениях.

...Замысловатая золоченая виньетка с именем ливенского фотографа. 1897 г. На фоне нарисованного парка — молодая женщина в окружении четырех детей. Антонина Илларионовна Лаврова, помещица сельца Богдановка, что на линии железной дороги от Ливен к Теляжьюму, о котором мимоходом упоминает даже энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона (чернозем, по соседству залежи железной руды!). Помещица не слишком богатая, но достаточно уважаемая в округе, если специально для нее задерживался на полустанке пассажирский поезд, чтобы посадить собравшуюся в уездный город домоседку. В семье помнили, какая поднималась суматоха в доме, когда вдали раздавался паровозный гудок! Только тогда Нина (как ее звали домашние) Илларионовна выходила садиться в экипаж, непременно что-то забывая при этом. Так же непременно опаздывала она к полустанку и непременно здоровалась за руку с поджидавшим ее обер-кондуктором.

Никто в округе не удивлялся. Была Нина Илларионовна из семьи Мудровых, где все отличались своеволием и независимым нравом. Рано лишившись матери, 15 лет от роду она сама решила пойти под венец с помещиком Стефаном Львовичем Лавровым. Отец не стал противиться упрямыце. Родные только ахали, качали головами, а вчерашняя девочка оказалась между тем сноровистой хозяйкой, взяла с собой только няньку и стала учиться, да как!

Начала с хворей (не в силу ли дальнего родства со знаменитым доктором пушкинской поры Матвеем Яковлевичем Мудровым?). Разузнавала народные рецепты, отвела под лечебные травы целый чердак на гумне. Заговаривала кровь (даже у скотины, когда, случалось, корове пропарывали брюхо в стаде), рожу, зубную и головную боль, вправляла вывихи компрессами из взбитых яиц. Справлялась с детскими болезнями — сама к 22 годам стала матерью четверых.

Не бывало дня, чтобы на барский двор в Богдановке не заворачивало несколько телег с недужными из соседних деревень. В помощи никому не отказывала, чужой хворью не брезговала. Не потому ли и в октябрьскую сумятицу уберегли ее крестьяне ото всех «органов» — слишком дорожили своей целительницей. И с местными докторами не ссорилась: ее подопечные все равно не могли заплатить за свое лечение, а от богдановской барыни уезжали не только с бесплатными снадобьями, но другой раз и с мешочком муки или зерна.

Между тем цену народной медицине Нина Илларионовна знала, изо дня в день вела свою «Синюю книгу», куда записывала все рецепты (оказавшиеся удачными), да еще и домашние советы. И как исправить затхлые яблоки (с помощью сухих цветов бузины), и как снять ревматические боли (настоянными на водке почками душистого тополя), и как облегчить острый приступ радикулита (настоянными на водке цветами картофеля)...

Медицина не мешала другому увлечению помещицы — картам. Целые ночи просиживала она за зеленым столом — гости в доме не переводились. И еще запоем читала — выписывала множество журналов, литературных и по сельскому хозяйству. Дочери вспоминали: целые дни как в котле кипела, на все находила время, ни с чего глаза не спускала. Не стала возражать, когда старшая дочь Сонечка захотела учиться в гимназии. Кто бы стал считаться с желаниями 10-летней девчонки? Но Нина Илларионовна понимала: времена меняются. Да и гимназия была своя, в Ливнах.

На одной из фотографий Сонечка так и застыла около матери в строгой гимназической форме. Рядом — сжавший в руке грабли смешливый Федя, опершийся на детский велосипед Паня, прильнула к Нине Илларионовне ласковая Сашенька с корзинкой цветов в руках.

Одного не учла Нина Илларионовна — характера гимназистки: Сонечка настояла, чтобы ее оставили доучиться во впервые открывшемся восьмом, так называемом педагогическом, классе. Она задумала продолжить занятия еще и в университете, хотя и знала, что мать никогда не согласится отпустить ее от себя.

На помощь пришел отец. Переспорить жену Стефан Львович и не пытался, по-другому поддержал он свою любимицу.

Нина Илларионовна заранее побеспокоилась о женихе для выпускницы гимназии, то был единственный наследник владельцев богатейших ливенских элеваторов и мельниц. Сонечка же отдала предпочтение своему дальнему и старшему родственнику — всего-то штабс-капитану Ивану Гавриловичу Матвееву, не имевшему за душой ничего, кроме офицерского жалованья и должности в Штабе западных войск в Варшаве. Штабс-капитан был не только хорош собой и ловок, родственники знали его мягкий характер, серьезное увлечение литературой и давнюю привязанность к троюродной племяннице. Со временем Сонечка признается, что ее мысль продолжить занятия его не возмутила, а Варшава была куда ближе к западным университетам, где только и разрешалось заниматься женщинам.

При крутом нраве Нины Илларионовны выход оставался один — бегство из дома и тайное венчание, в котором вместе со Стефаном Львовичем принял самое деятельное участие двоюродный брат Сонечки, тоже местный помещик, Владимир Васильевич Тезавровский. В год бегства Сонечки он уже был актером только что образовавшегося в Москве Художественного общедоступного театра Станиславского и Немировича-Данченко. Более того — вложил в новое предприятие большую часть своего наследственного состояния. Он и в церковь примчался с другом-актером — Всеволодом Эмильевичем Мейерхольдом.

Романтическое венчание состоялось, но семейные нелады приняли трагический оборот. Нина Илларионовна не пожелала видеть молодых и не простила мужу пособничества. Стефан Львович предпочел на какое-то время перебраться к родственникам, унаследовавшим у И.С. Тургенева Спасское-Лутовиново. Молодые же отправились в Варшаву.

В сохранившихся письмах к дочери Стефан Львович сообщает, что нашел большой барский дом в Лутовинове разоренным. Для него с трудом отыскалось «старенькое канапе», на котором, впрочем, «устроили преудобную постелью».

Стефан Львович рассказывает и о таких милых сердцу мелочах, как сладковатый запах густо навощенных полов, скрип старых половиц. Он сокрушается о густо зарастающем саде, «чудесном во всех своих аллеях и кустах». Но все это сущие пустяки по сравнению с той тишиной и «благостным покоем, коими можно здесь совсем по-старому пользоваться».

Пользоваться удалось только две недели... Жестокий сердечный приступ свел богдановского помещика в могилу. Приехавшая Нина Илларионовна не стала возражать против последней воли мужа — быть похороненным в Спасском-Лутовинове. Шел 1900 г.

Софья Стефановна ждала первого ребенка. Ее собирались известить о случившемся позже, но удивительное обстоятельство не позволило ничего скрыть.

Однажды ночью она очнулась от страшного сна: чужая комната, почти без обстановки, и умирающий на диване отец. Сон продолжался и после пробуждения, под плотно сомкнутыми веками: клетчатый плед, столик с упавшим стаканом, оплывшая свеча в стеклянном подсвечнике, отцовская Псалтырь, открытая на первом листе. И ровный голос отца... То было продолжение недавнего разговора со Стефаном Львовичем. Отцу показалось, что Сонечка недостаточно тверда в вере, что «приле-

жание к науке посеяло в ней сомнительные мысли», и тогда он обещал дочери прийти к ней в минуту своей смерти, чтобы доказать существование Господа...

Рождение первенца не повлияло на планы Матвеевых. Иван Гаврилович дал жене разрешение ехать в Сорбонну. Она выбрала для себя физико-математическое отделение, а знание французского языка, приобретенное в ливенской гимназии, безо всяких домашних репетиторов и гувернанток, оказалось достаточным, чтобы сразу приступить к слушанию лекций и сдаче экзаменов.

...Со знаменитого парижского бульвара Сен-Жермен надо свернуть на безлюдный бульвар Сен-Жак. Сотня шагов, и вот оно, сердце Латинского квартала — суровое, кажущееся неприступным здание Сорбонны. Могучие, бесшумно отворяющиеся двери. Каменные полы. Огромная гулкая галерея с тонушими в сумраке потолками. Широкие, до зеркального блеска отполированные скамьи у стен...

Группа студентов приподнимается навстречу (со старшими не принято разговаривать сидя!). Как пройти в канцелярию? В архив канцелярии? Еще одни двери. Квадратный, вымощенный крутолобым булыжником двор. Вход — без пропусков и окриков. За считанные минуты архивариус выводит на компьютер данные о русской студентке: приехала — дата, предъявила аттестат гимназии — город Ливны, успешно занималась — оценки в матрикуле...

Для архивариуса все выглядело просто: в Сорбонну с незапамятных времен съезжались со всех сторон света. Слов нет, не совсем обычно — женщина на физико-математическом отделении, сто лет назад, к тому же замужняя дама — «Софи Матвеефф». Но — девушка за компьютером улыбается — разве славянки не отличались своеобразием? Верно, отличались.

Магистру физико-математического отделения непременно хочется применять полученные знания. Первые публикации в математических бюллетенях Франции и Германии не мешают неожиданно увлечься изучением ремесел. «Математический принцип» моделирования одежды получает парижский диплом. Дальше идет бытовая электротехника — каких только новшеств не появляется на варшавской квартире! Слесарное дело. Переплетное. Плетение из камыша. Зачем? Время покажет: все эти новинки ложились в единую, постепенно выстраивавшуюся схему формирования современной человеческой личности.

...Ровно через неделю после торжественных похорон «красного генерала» в доме Матвеевых на Пушкинской улице в Ливнах появляются представители «органов» с ордером на его арест. Вдове и дочери удается бежать из родного города. Десятки верст проселочных дорог. Трясая телега. Женщины, переодетые в «простое» платье, под рогожами, около полных мешков.

Но встреча с бывлым сослуживцем и подчиненным Ивана Гавриловича по варшавской службе, Антоном Ивановичем Деникиным, ничего не меняет в жизни Софьи Степановны. Она наотрез отказывается уезжать из России: «Это же моя страна!» Не допускает ни помощи, ни подачек: «У меня есть профессия и силы».

После долгих скитаний по городам и весям предпочитает поступить вместе с успевшей закончить гимназию дочерью в Новочеркасский университет на сельскохозяйственное отделение. Решение оказывается тем более верным, что поиски «бывших» среди первых студентов по-настоящему не велись.

Генерал Антон Деникин

В итоге — два высших образования (с отличием!) и невозможность использовать их из-за анкетных данных. Вычеркнуть из жизни мужа Софья Стефановна не хотела, о долгом пребывании за границей умалчивать не представлялось возможным. Выход? Она решает начать преподавать в школе, в младших классах, ссылаясь только на свой гимназический аттестат. И не считает это унижением, потому что и здесь (тем более здесь!) можно практически применить выработанную методику.

По счастью, двадцатые годы допускали экспериментирование. Софья Стефановна настояла, чтобы ей разрешили — «в порядке эксперимента» (Н.К. Крупская) — вести малышей до четвертого класса исключительно по всем дисциплинам, а в дальнейшем перейти на математику и физику (волей-неволей пришлось обнародовать сельскохозяйственное отделение!), параллельно ведя так называемый труд.

Смысл методики необычной учительницы заключался в том, чтобы строить все обучение на развитии математического мышления, которое, в ее представлении, наиболее соответствовало изменениям, происходившим в человеческой цивилизации XX века. Троек по математике в матвеевских классах не было, даже четверки — редкость, а уж об увлеченности ребят и говорить не приходилось.

Вместе с тем Софья Стефановна считала обязательным развитие в каждом человеке (она не пользовалась понятием «ребенок»!) ремесленнических навыков, потому что, по ее словам, только «гармония умелых рук и мыслящей головы способна сформировать гармоничного и полноценного человека, способного полностью выразить свои творческие возможности и — противостоять всем жизненным невзгодам». Она одинаково учила и мальчишек и девчонок слесарному и плотницкому делу (как можно не уметь держать в руках молотка и рубанка!), монтерским навыкам (позор не уметь справиться в быту с электричеством!), переплетному делу (книжки-то все равно дома приходят в негодность!), началам конструирования одежды. Ножницы и иголку мальчишки применяли с не меньшей ловкостью, чем девчонки. Как было не доверять «математичке», когда изделия из ее собственных рук экспонировались на всесоюзных выставках, в частности в 1923 г. на первой Сельскохозяйственно-кустарной выставке, что была развернута на месте нынешнего Центрального парка культуры и отдыха имени Горького в Москве. И неожиданная подробность. На физкультурном параде 1936 г. в столице физкультурники выступали в костюмах, сконструированных матвеевским классом, — простых, удобных, легко выполнимых.

Так удалось провести два выпуска. Всего два, потому что далее была война. Ни о какой эвакуации Софья Стефановна не могла и подумать (это как называется — бросить столицу?).

И вот были дежурства в госпиталях (как в Первую мировую!). Были занятия с оставшимися в городе детьми. Была медаль «За оборону Москвы». И сразу после окончания Великой Отечественной — запрещение работать по собственной методике, которая оказалась проявлением «формализма и космополитизма», — шла волна постановлений Центрального Комитета по вопросам культуры. Сегодня те же самые принципы, но в упрощенном виде получили всеобщее распространение в Соединенных Штатах, стали неотъемлемой частью современных воспи-

тательных систем. Само собой разумеется, без ссылок на российские приоритеты...

Учить «как все», по методу, который сама считала неудовлетворительным, если не порочным? Это было не для старой учительницы. Пришлось отказаться от школы и вернуться к научным публикациям. Небольшим. Редким. Главное — не позволявшим «перестать думать».

Софьи Стефановны не стало в 1954 г. Весной. Почти в тот же день, что и генерала. Она знала о неизлечимости своей болезни, обходила всякие разговоры о врачах. Один только раз и высказалась: «Если бы у нас существовал, как у индусов, обычай развеивать прах человека по ветру, я хотела бы, чтоб мой развеяли около Ливен... над Богдановкой. Какие там луга по весне — тимopheевка, мятлик...»

На старой фотографии, о которой мы упомянули, Сонечка была не одна. Ее братья, сестра — их жизнь тоже прошла. Павел Стефанович (тот, что с велосипедом) стал одним из первых русских военных летчиков, стажировался во Франции и погиб во время Первой мировой войны. Его имя Нина Илларионовна, как и многие сотни осиротевших матерей, написала карандашом на белом мраморе внутреннего коридора храма Христа Спасителя. Настоящего, навсегда потерянного для истории храма.

Федор Стефанович учился в Петровской сельскохозяйственной академии, организовал под Москвой, в Апрелевке, образцовое молочное хозяйство, не уступавшее по надоям знаменитым голландским породам коров. Но оказался приписанным к «бывшим» и исчез, не успев закончить магистерской работы.

Александра Стефановна — и та не осталась около Нины Илларионовны (впрочем, проявившей с годами понимание своих, как она любила говорить, «гадких утят»). Она кончила Высшие женские курсы по разделу биологических наук, вышла замуж за бывшего белого офицера-топографа Александра Григорьевича Богословского, начала преподавать в школе. Но офицер был действительно специалистом своего дела и не мог согласиться с безграмотными реформами, которые предпринимались в картографическом деле. В 1938 г. он был расстрелян. Жена — выброшена из казенной квартиры вместе с дочерью-школьницей.

А дальше — дальше работала в сельской школе. Вырастила дочь, кончившую Московский Горный институт по необычной для женщины специальности — маркшейдерскому делу. Вместе с ней изъездила всю страну, жалея только о том, что не всегда удавалось продолжать собственную работу. «У меня был в жизни смысл, настоящий смысл — знания, которыми я могла делиться. Считаете, что это слишком высокопарно? Да нет же, это просто символ веры русской интеллигенции», — говорила Александра Стефановна незадолго до своей кончины в Усть-Каменогорске.

Просто русские люди. Просто наши женщины, достойно прошедшие трудную и ничем не баловавшую их жизнь. Достоинно! Слово, которое исчезает из нашего обихода...

СПОРТИВНАЯ СТОЛИЦА

Спортивная столица. Или, может быть, даже самая спортивная среди главных городов европейских стран. Такой Москва стала, в нашем представлении, в советские годы, и сегодня остается следовать сложившимся традициям, во многом ставшим и недостижимыми. На самом деле — как и чем заменить бывшее государственное финансирование, творившее чудеса?

Все так. Понятна ностальгия. Понятны существующие и кажущиеся неизбежными трудности, если бы не одно «но». Простое обращение к документальному прошлому нашего города позволяет узнать: самой спортивной столицей Европы Москва была уже на переломе XIX—XX столетий. Размах физкультурного движения в советские годы действительно огромен, но только не за счет того, что ранее носившие эксклюзивный характер спортивные развлечения стали доступными каждому трудящемуся. Особенность развития спорта в России и, в частности, в Москве заключалась в том, что начало ему было положено в общеобразовательных школах. Именно общеобразовательных и общедоступных, где физическая культура стала обязательной дисциплиной.

Сегодня никто, кроме самых узких специалистов-историков, не вспоминает, что преподавание ее ввела Екатерина II, руководствуясь философией французских энциклопедистов-просветителей. Гимнастические упражнения, наряду с танцами, преподавались в обоих отделениях Смольного института — «для благородных девиц» и «для представительниц мещанского сословия». Но действительно всеобщим обучение гимнастике становится на рубеже XX в.: от 4-классных городских училищ до гимназий, как государственных, так и частных.

Еще одна забытая (а жаль!) традиция. Ежегодно издававшиеся справочники Москвы заключали в себе список всех действующих на территории древней столицы учреждений, банков, промышленных предприятий, магазинов, правительственных органов вместе со списком ВСЕХ жителей Москвы с указанием их адресов, ВСЕХ улиц с перечислением принадлежности каждого дома. Совершенно так же давались списки врачей с адресами, специализацией и приемными часами, адвокатов, архитекторов, художников. Не менее обязательным было указание всех без исключения учебных заведений с поименным перечислением их педагогического состава.

Подобная скрупулезность выражала не только уважительное отношение к педагогам. Добрая слава, которую завоевывал тот или иной учитель, приводила к нему учеников со всех концов Москвы. Родителям не составляло труда отыскать нужного преподавателя и именно ему поручить своего ребенка. Эти же имена служили и рекламе учебного заведения, причем предпочтение неизменно отдавалось так называемым «казенным», т.е. содержавшимся на государственный счет. Но во всех случаях в одном ряду с другими коллегами фигурировали имена преподавателей физической культуры.

Невольно возникает вопрос: кем были эти педагоги и обладали ли специальной подготовкой. Оказывается, диплом требовался во всех случаях. Единицы приобретали его в Германии — для старших классов или в Швейцарии и Франции — для младших, где существовала подробно разработанная методика. Но в основном в Москве все выглядело иначе. Учредителем Курсов

физического воспитания выступает... артист императорских театров Николай Проклович Петров, сам преподававший гимнастику и «ритмические танцы» в частных женских гимназиях Л.О. Вяземской и Деконской. Первые же в нашем городе Курсы для учительниц гимнастики, «ритмических танцев» и «подвижных игр» основывает Мария Павловна Островцева, состоявшая соответствующим преподавателем в Училище ордена Св. Екатерины и в Женском институте имени императора Александра III.

Мужские учебные заведения придерживались иной ориентации. Предпочтение отдавалось офицерам, которым в принципе разрешалось совмещать обязанности военной службы с работой в гимназиях и реальных училищах. Так, в XI мужской гимназии преподавал Н.А. Вельтищев, штабс-капитан, состоявший в штате Московского артиллерийского склада и к тому же являвшийся старшим помощником начальника Исправительной тюрьмы. Подобное сочетание никого не смущало, а ученики не совсем обычного учителя показывали действительно превосходные результаты в атлетических соревнованиях. И в конной выезде.

Другой штабс-капитан, В.В. Беркут, школьную работу совмещал со штатной должностью воспитателя 3-го Московского Александровского II Кадетского корпуса. Директора гимназий не скрывали: их устраивало развитие в школьниках «офицерского духа, выправки и кодекса чести», по выражению одного из современников.

Речь шла не о муштре. Учитель физической культуры должен был участвовать в формировании личности своих питомцев наряду с педагогами других дисциплин. И в этом отношении очень примечательна фигура работавшего «физкультурником» в реальном училище А.И. Анастасьева и Н.М. Махаева поручика Евгения Васильевича Краснощекова, который был деятельным членом Императорского Военно-исторического общества, Кружка ревнителей памяти Отечественной войны 1812 г. и Общества ознакомления с историческими событиями России.

В Москве именно средние общеобразовательные учебные заведения становятся базой для возникновения спортивных клубов. Спортивные клубы и располагаются в их помещениях, и организуют работу только в вечерние часы — после окончания основных школьных занятий. Так наш город имел четыре «Русских гимнастических общества», носивших одинаковое название «Сокол». Первый «Сокол» находился в здании мужского реального училища на Садовой-Кудринской, 1, Второй — в здании Промышленного училища на Миусской площади, Третий — в здании Комиссаровского технического училища в Благовещенском переулке. Четвертым «Соколом», располагавшимся в городской усадьбе графов Бобринских на Малой Никитской, 12, руководил учитель гимнастики нескольких московских гимназий и реальных училищ Ф.Ф. Шнепп.

Первый «Сокол» располагал собственным катком — на Патриарших прудах и гимнастическими классами. Но независимо от лучшего или худшего оборудования, материальных возможностей, «Соколов» объединяла общая программа — «содействовать физическому и нравственному совершенствованию своих членов, развивая в них путем систематических упражнений

Состязание по фигурному катанию в Москве в 1909 г.

физическую силу и ловкость, мужество и сознание единства». Причем это относилось и к старшим по возрасту членам клубов.

В принципе детские клубы не отделялись от взрослых. Считалось естественным, что вчерашний гимназист или реалист продолжает занятия и тренировки. Но и взрослые клубы непременно принимали детей. Причина – то, что в спортивных занятиях видели не развлечение, а форму воспитания.

Москва располагала тремя футбольными объединениями. Это была Московская футбольная лига, Кружок футболистов «Сокольники» и «Озерковская Футбол-Лига». Особенностью «Сокольников» оставалась их связь с семьей знаменитых булочников Филипповых. Один из представителей семьи – Николай Илларионович, владевший 9 булочными в городе, в том числе в собственном доме на углу Малой и Большой Бронных, состоял казначеем Кружка, второй представитель – капитаном команды. «Озерковская Лига», основанная Г.М. Степановым, была самой большой и хорошо организованной. Вне Всероссийского футбольного союза она организовывала междугородние и международные матчи, проводила сезонные – весенние, летние и осенние розыгрыши кубков. Кроме того, футбол входил в программу всех спортивных клубов.

Следующими по популярности были коньки, лыжи и хоккей. Замоскворецкий Клуб спорта, располагавшийся в собственном доме на Калужской улице, имел секции футбола, коньков, лыж, хоккея, легкой и тяжелой атлетики, бокса и лаун-тенниса. Председателем руководившего им комитета являлся один из руководителей Даниловской мануфактуры промышленник Е.Р. Бейнс. Клуб содержал и собственный каток. Московский кружок любителей спорта (около Соломенной Сторожки, в Петровско-Разумовском) летом «культивировал», по выражению его программы, легкую атлетику, футбол и лаун-теннис, зимой же коньки, лыжи и «катанье с гор». Любопытно, что «дамы и учащиеся» одинаково имели право на льготные членские и входные билеты, а те из учащихся, кто показывал хорошие результаты в спорте, могли в каждом клубе рассчитывать на бесплатные занятия и более того – на материальную поддержку.

К тем же секциям чрезвычайно популярный «Немчиновский Кружок спорта» присоединял крокет, городки, лапту. Его летняя станция и спортивная площадка находились при деревне Малая Сетунь, зимняя — на станции Немчиновский пост. Его правление составляли в основном чиновники московских городских служб.

Не меньшей известностью пользовались и московские объединения по отдельным видам спорта. Лыжников объединяли Всероссийский союз лыжебежцев (председатель — известный промышленник, владелец одноименной фирмы, а также член Московского клуба мотористов и Московского Автомобильного общества Федор Петрович Кавский), «Московская Лига лыжебежцев» и «Сокольнический кружок лыжников». В правления двух последних входил настоящий энтузиаст этого вида спорта Александр Иванович Булычев. Но лыжи не были единственным видом его увлечения. А.И. Булычев входил в состав Московского кружка «Музыка и драма», который ставил своей задачей на благотворительных началах знакомить московскую публику с музыкальными и драматическими новинками.

Еще более многочисленными были Общество любителей лыжного спорта и Московское общество горнолыжного и водного спорта. Первое держало свою спортивную площадку между 4-й и 5-й Просеками в Сокольниках и предоставляло самые большие скидки для учащихся. Второе имело так называемую дачу и горнолыжную станцию на Воробьевых горах, в имении С. Грачева, лыжную станцию — на Бережковской набережной, у Дорогомиловского моста, и так называемую «гавань» в виде собственной баржи-дебаркадера у Дорогомиловского моста. Его председателем был Карл Адольфович Ферман, купец, служивший в Контроле по поставкам на железные дороги, секретарем — один из руководителей Прохоровской (Трехгорной) мануфактуры Иван Митрофанович Косарев. Входившим в общество легкоатлетическим отделом ведал представитель видной московской купеческой семьи Николай Яковлевич Колли, а инструкторской группой — Вейне Аарнио.

Любителей коньков объединяли Московское общество конькобежцев-любителей и Московская конькобежная лига, которая

Матч Лондон-Москва.
Момент игры 1914 г.

координировала деятельность всех московских спортивных клубов, имевших соответствующие секции. Существовали также в Москве Московское гребное общество и представительство Всероссийского союза гребных обществ. Но гребля была наименее доступна для подростков.

Уделяя немало внимания прошедшим в Москве XXII Олимпийским играм и их намечаемому продолжению в нашем городе, справочники, к сожалению, обходят вниманием то обстоятельство, что сто лет назад столице это движение было знакомо. Существовал Московский Олимпийский комитет, располагавшийся на Покровке, 2 и имевший четкую программу. Как в ней говорилось, «цель Комитета – объединение всех организаций, культивирующих любительский спорт в Москве». В состав Комитета входило по три представителя от каждой спортивной лиги, «избираемые на год отдельно по каждой отрасли спорта». Комитет продолжал свою деятельность и в годы Первой мировой войны. Председателем президиума «олимпийцев» оставался Роман Федорович Фульда, состоявший одновременно председателем Московской лаун-теннис лиги, секретарем Сокольнического клуба спорта и Московского Общества воздухоплавания.

Инженер-технолог по профессии, Р.Ф. Фульда был одним из руководителей и учредителей одной из старейших московских фирм того же имени, основанной в 1861 г., которую они вместе с отцом преобразовали в 1902 г. в Торговый дом по сбыту металла, москательных и химических товаров. В состав президиума также входили М.Ф. Бауер, Ф.В. Генниг, присяжный поверенный Б.Ф. Яроцинский (казначей), Ф.Ф. Энгельке и К.Г. Бертрам, секретарь Всероссийского футбольного союза.

С детьми начинает работать и Московское отделение Русского Турнинг-клуба, иначе – Российского общества туристов, целью которого было «содействовать развитию в России всякого рода туризма, без различия способов передвижения». По воскресным и праздничным дням, круглый год Общество организовывало подмосковные экскурсии за копеечную плату годового абонемента. Эта членская плата расходовалась на «проезд, чаепитие, «чаевые» и организационные вопросы». Среди почетных членов состояли графиня В.Н. Бобринская, В.И. Рябушинский, граф Г.И. Рибопьер. Последним председателем правления стал Роман Павлович Выдрин, потомственный почетный гражданин, член Правления Ярославско-Костромской земельной биржи и Правления для сооружения и эксплуатации подъездных железнодорожных путей в России, директор Московского Торгового общества, лично принимавший участие в отдельных туристических походах. Если дети выражали желание присоединиться к экскурсантам, оплата их участия производилась Обществом.

Политика Москвы в отношении детей – ее очень точно определил широко известный в городе врач-акушер, руководивший «Родовспомогательным заведением» на Старом Арбате Иван Константинович Юрасовский: «Даже перед новорожденным открывается немало соблазнов. С годами их становится, тем более в огромном городе, все больше и больше. Запреты здесь возможны, но не слишком действительны. Куда практичнее соблазнам стихийным противопоставить соблазны разум-

ные и среди них в первую очередь те, которые ведут к гармоничному развитию всего организма. Здоровое тело и здоровый умысел сами воспротивятся самоуничтожению спиртным и наркотиками — лучше всяких административных запретов. Вот над этим и надо думать».

ВЕК СЕРЕБРЯНЫЙ — ТЕАТРЫ

Когда великую русскую актрису Ермолову спросили в 1920-х гг., не хочет ли она оставить Россию или хотя бы Москву, где жизнь в тот период была очень тяжелой, Мария Николаевна с юношеской живостью отозвалась: «Никогда и ни в каком случае!» Ее объяснение было простым и неожиданным для газетчиков. Дело не только в том, что здесь ее театр и вообще великолепные театры, дело не в превосходных музеях. Главное — а этого вы не найдете ни в одной столице Европы! — культурная жизнь формируется в Москве не сверху, не элитой, как мы говорим в наши дни, но малосостоятельными москвичами. «Московская культурная жизнь произрастала, как живое растение, — снизу вверх. Наверху распускались пышнейшие цветы, но соки к ним шли от корней. В Москве с незапамятных времен все было устроено только так», — таковы были слова замечательной актрисы. И Ермолова знала, что говорила.

«Порой казалось, — вспоминал выдающийся пианист-педагог, создатель уникальной системы воспитания музыкантов-исполнителей, профессор Григорий Прокофьев, — что музыка, искусства захлестывали в Москве все. Не заходя в театры и консерваторию, вы могли узнавать любые новинки современного искусства и пробовать в них собственные силы. В Петербурге добропорядочность высоких чиновников вольно или невольно предполагала дисциплину в жизни искусства. В Москве ферула начальственных вкусов и указаний отсутствовала полностью, хотя профессиональные требования отличались очень высоким уровнем, который диктовался вкусом подлинных мастеров».

В начале XX в. среди театров Москвы (а всего их было четырнадцать) первенствовала безусловно казенная сцена, или иначе — императорские московские театры: Большой — с оперной и балетной труппами и Малый с его драматической труппой. Существенная деталь — цена всех билетов включала сбор в пользу Ведомства учреждений императрицы Марии, причем на утренние спектакли они стоили в 2,5 раза дешевле, чем на вечерние, но дирекция обладала правом повышать цены в зависимости от успеха спектакля. Если восьмиместная ложа бенуара обходилась вечером в 25 р., утром всего в 8, то так называемая «возвышенная цена» составляла 31 р. 50 к.

Главным режиссером Большого выступает Василий Петрович Шкафер, в прошлом солист Московской частной русской оперы С.И. Мамонтова, блестящий исполнитель партии Васи-

лия Шуйского в «Борисе Годунове». Современники сопоставляли его мастерство с искусством самого Ф.И. Шаляпина. Не менее известным режиссером оперной труппы был Ф.Ф. Комиссаржевский, отец знаменитой актрисы. Режиссерская группа включала также Л.А. Фильшина, Р.В. Василевского и продолжавшего петь в оперной труппе В.А. Лосского. Главным дирижером был В.И. Сук, главным хормейстером — не менее знаменитый У.И. Авранек. В труппе поют Е.К. Катульская, А.В. Нежданова, Сергей Мигай, Григорий Пирогов, Леонид Собинов, Леонид Савранский.

Балетная труппа складывалась из 83 балерин и 51 танцовщика. Балетмейстерами были А.А. Горский и в.Д. Тихомиров, их помощником — М. Мордкин. Тихомиров и Мордкин продолжали танцевать сами, как и второй помощник балетмейстеров И. Сидоров. Было правилом, что постановщики формировались из солистов своего же балета.

Балет располагал и собственными капельмейстерами. По выражению Екатерины Гельцер, она никогда бы не рискнула танце-

В. Серов. М.Н. Ермолова.
1905 г.

Большой театр

вать балет с оперным дирижером: «Такого испытания и страха я бы не выдержала!» Капельмейстерами выступали А.Ф. Арендс и Ю.Н. Померанцев. Режиссером балетных спектаклей был А. Булгаков. В их постановках выступают Екатерина Гельцер, Александра Балашова, Вера Коралли, Касьян Голейзовский, сам Тихомиров, Михаил Мордкин, Иван Смольцов.

По сравнению с масштабами конца XX в. драматическая труппа Малого театра во главе с ее управляющим А. Южным представлялась совсем небольшой: 35 актрис и 37 актеров. Впрочем, достаточно назвать хотя бы некоторые имена. М.И. Ермолова, Е.К. Лешковская, В.О. Массалитинова, Н.А. Никулина, В.Н. Пашенная, Елизавета Садовская, знаменитая Ольга Осиповна Садовская, Е.Д. Турчанинова, А.А. Яблочкина. В труппе продолжала числиться и Г.Н. Федотова, хотя она уже многие годы не могла самостоятельно передвигаться и выходить на сцену. Слишком восторженным было отношение и товарищей по сцене, и зрителей к великой драматической актрисе.

Среди актеров Малого театра — Н.Н. Музиль, А.А. Остужев, М.Ф. Левин, И.А. Рыжов, Пров Садовский, О.А. Правдин, Н.К. Яковлев.

Билеты в Большой театр на вечерние спектакли стоили от 6 рублей до 60 копеек, на утренники — вдвое дешевле. Немного дешевле было посещение Малого театра. При этом дирекция казенных театров заключала соглашения с наиболее крупными из московских фабрикантов, которые сотнями закупали места для своих рабочих на воскресные утренники, как, например, Прохоровы, дирекции Цинделевской мануфактуры или заводов Листа. Посещение спектаклей казенной сцены было своеобразным дополнением к программе фабричных воскресных школ.

Вторым оперным театром Москвы считалась опера С.Н. Зимина (Б. Дмитровка, театр Солодовникова — ныне Театр оперетты). Состав труппы был меньшим, но тем не менее позволявшим осуществлять самые сложные оперные постановки. Он располагал 18 солистками, 23 певцами, хором в 80 человек, оркестром из 70 музыкантов (Большой театр — 129) и балетом из 50 танцовщиков. Дирижерами у Зимина работали Е. Плотни-

ков, Е.Н. Буке, Ю.М. Славинский, З.С. Коган и будущая звезда Большого театра – Н.С. Голованов.

Большое значение Зимин придавал и постановочной части, которой заведовал Ф.Ф. Комиссаржевский. В нее входили опять-таки будущая звезда Большого театра Ф.Ф. Федоровский, И.Д. Малютин, А.И. Маторин, И. Федотов и скульптор Л.И. Королев. Имелся даже специалист по «электрическим эффектам» и отдельный учитель фехтования.

Музыкальные постановки мог себе позволить и Сергиевский народный дом (Новослободская ул.), которым ведал камер-юнкер Двора В.Б. Шереметев. Его оперная труппа имела 15 артисток, 17 певцов, 53 хориста и полный состав оркестра, который вели капельмейстеры М. Букша и М.Ф. Хлебников, хор – хормейстер И.С. Прокофьев. «К Зимину» попасть на утренник, правда, на самые плохие места, стоило всего 15 копеек.

Серебряный век – время становления Художественного театра, вначале заявившего о себе как об общедоступном. Открывшийся в октябре 1898 г. спектаклем «Царь Федор Иоаннович» А.К. Толстого в помещении театра «Эрмитаж», МХАТ вскоре переезжает в собственное здание в Камергерском переулке. Одна за другой в нем выходят пьесы Чехова – «Чайка» (1898), «Дядя Ваня» (1899), «Три сестры» (1901), «Вишневый сад» (1904), а также М. Горького – «Мещане» и «На дне» (обе – в 1902 г.), воплотившие смысл исканий нового направления в развитии сценического искусства.

Режиссерское управление театра составляли К.С. Станиславский, В.И. Немирович-Данченко, В.В. Лужский, Н.Г. Александров, Л.А. Сулержицкий. Группа художников объединяла А.Н. Бенуа, М.В. Добужинского, К.Н. Сапунова, А.А. Петрова, И.М. Полунина. Среди актеров блистали имена О.В. Гзовской, О.Л. Книппер-Чеховой, А.И. Поповой, С.В. Халютиной, Ф.В. Шевченко, И.Н. Берсенева, А.П. Бурджалова, В.В. Готовцева, В.И. Качалова, Л.М. Леонидова, В.В. Лужского, И.И. Москвина, Н.А. Подгорного, В.В. Тезавровского, М.А. Чехова.

Необходимость постоянного эксперимента в работе с актером приводит руководство МХАТа к решению об открытии молодежных студий.

В 1912 г. К.С. Станиславским и Л.А. Сулержицким основывается 1-я студия, помещавшаяся сначала на Скобелевской, затем на Триумфальной площади. Среди ее участников Е.Б. Вахтангов, А.Д. Дикий, С.Г. Бирман, С.В. Гиацинтова, И.Н. Берсенов, Михаил Чехов. В 1916 г. В.Л. Мчедлов открывает 2-ю студию, откуда со временем придут в основной состав театра Н.П. Хмелев, А.К. Тарасова, К.Н. Еланская, А.П. Зуева, М.И. Прудкин, В.Я. Станицын, М.М. Яншин, А.П. Баталов.

Через несколько лет после открытия Художественный театр с полным на то основанием изъяс из своего названия слово «общедоступный» – цены на его спектакли мало чем уступали ценам в Большой театр и превышали цены Малого театра.

Блестящий расцвет переживает в 1900–1909 гг. театр Корша, основанный еще в 1882 г., но в лучший свой период руководимый режиссером Н.Н. Синельниковым. Восторженно любимый москвичами, названный по имени его директора – кандидата прав Федора Адамовича Корша, «Корш» славился тем, что каждую неделю давал премьеру – актеры особенно любили ра-

К.С. Станиславский
и В. И. Немирович-
Данченко

ботать здесь из-за великолепной профессиональной тренировки: без ролей, и притом самых ответственных, в этом театре никто никогда не сидел. Не имея времени на сколько-нибудь продолжительный репетиционный период, актеры здесь много импровизировали, увлекая зрителей живостью и непосредственностью игры. Среди них блистали имена Н.П. Рощина-Инсарова, М.М. Блюменталь-Тамариной, А.П. Кторова, А.А. Остужева, В.О. Топоркова, М.М. Климова, Е.М. Шатровой. С 1885 г. театр помещался в Богословском переулке, в здании, выстроенном по проекту М.Н. Чичагова. У «Корша» существовала разновидность «вечерних общедоступных спектаклей», которые обходились зрителю всего на гривенник дороже билета на утренник. Режиссером театра был неизменный М.Н. Доронин с помощниками С.Н. Варламовым и И.А. Никитиным. Москвичи очень хвалили и хореографическую часть постановок, которую ставил М.Г. Дысковский.

Драматический театр представляли в Москве также Театр В.Ф. Комиссаржевской (Настасьинский пер., 5) с крошечной труппой в 10 человек и очень интересным режиссерским составом, которым руководил Ф.Ф. Комиссаржевский. В него входили В.Г. Сосновский и А.П. Зонов. Московский Драматический театр играл в помещении театра «Эрмитаж» в Каретном ряду. Среди его режиссеров были А.А. Санин, И.Ф. Шмидт. Театр заявлял интересных театральных художников — Д.А. Колупаева и С.С. Кузнецова. В труппе отличались такие имена, как М.М. Блюменталь-Тамарина, Е.Н. Змиева, М.Л. Мозжухин, Н.М. Радин. Спектакли были только вечерние и достаточно дорогие. Под руководством режиссера Н.С. Аксагарского и при попечительстве Алексея Александровича Бахрушина работал драматический театр в Городском народном доме на Введенской площади. Немногочисленная труппа отличалась хорошим составом, а цена билетов была действительно доступной — от 90 копеек за кресло 2-го ряда партера и вплоть до гривенника за место на балконе.

В 1914 г. был открыт новый — Московский Камерный театр (Тверской бул., 23) под руководством — и административным, и художественным — А.Я. Таирова. Программа его отличалась раз-

нохарактерностью – от героической высокой трагедии, вроде «Федры» Расина, до буффонады и оперетты, в том числе известной «Жирофле-Жирофля» Леока.

Из развлекательных театров работали в Москве Театр Петра Струйского (Б. Ордынка, 69), в программу которого входили оперетта, фарс, обозрения, пародии. Ежедневно давалось два представления, а по праздникам три. В театре «Аквариум» работал фарс Е.А. Беляева с режиссерами А.И. Гариным и Р.З. Чинаровым (Б. Садовая, сад «Аквариум»), относившийся к числу самых дорогих театральных развлечений. Рядом, на углу Большой Садовой и Тверской, находился театр Зон (бывший «Буфф»), по имени директора-распорядителя. Художественной частью в нем заведовал А.А. Брянский, режиссировал С.П. Калинин. На Тверской же, в соседнем Мамоновском переулке, находился театр миниатюр П.В. Кохманского. Спектакли давались дважды каждый вечер и три раза по воскресеньям.

Наконец, особым интересом зрителей пользовался Московский театр-кабаре «Летучая мышь» Н.Ф. Балиева (Б. Гнезниковский пер., 10).

К ним можно добавить два стационарных цирка – Никитиных на Большой Садовой (ныне – театр Сатиры) и Саламонского на Цветном бульваре.

ВЕК СЕРЕБРЯНЫЙ – МУЗЕИ

Москва располагала 31 музеем, из которых самыми многочисленными и оставшимися в центре внимания города были музеи педагогического профиля. В их число входили Музей учебных пособий (Б. Чернышевский пер., 10). Постоянная экспозиция дополнялась в нем абонементом учебных пособий по разделам: Первоначальное обучение, Русский язык, Математика, История, География, Ботаника, Зоология, Минералогия, Природоведение, Технология, Новые языки и Рисование. Такой абонемент помогал учителям находить интересные и полезные для их личных методик вспомогательные материалы. Характер преподавания в средних учебных заведениях не декларировался административными органами, не ограничивался едиными для всех методическими рамками. Принимался во внимание только результат обучения, и в стремлении к нему педагог волен был искать своих путей. Музей, кстати сказать, располагавшийся в помещении женской гимназии, которую организовал и вел Кружок преподавателей, преследовал именно такую цель.

Аналогичную ориентацию имел Педагогический музей Дирекции народных училищ Московской губернии (Б. Гнезниковский пер., 8). Заведующим и научным руководителем музея был Николай Анатольевич Флеров, директор народных училищ Московской губернии, секретарь редакции журнала «Педагогический вестник». Вместе с братом Владимиром Анатольевичем и отцом Анатолием Александровичем, окружным инспектором

Московского учебного округа, они представляли передовых московских учителей, постоянно ищущих, экспериментирующих и участвующих в решении проблемы детской беспризорности и нищеты.

Москва имела также Педагогический музей Общества воспитательниц и учительниц (М. Царицынская, собственный дом). Открытый для осмотра два раза в неделю, он предоставлял педагогам возможность осматривать свои коллекции в воскресенье, а в случае необходимости углубленного изучения какого-либо раздела музей выделял желающим и индивидуальные часы работы. В Большом Кисловском переулке (№ 1) помещался Постоянный и подвижный Педагогический музей учебного отдела Общества распространения технических знаний. Несмотря на свою, казалось бы, профильную ориентацию, музей состоял из отделов: религиозно-нравственного воспитания, русского языка, истории, географии, физики, естествознания, иностранных языков и начального обучения. Директором музея был один из ведущих педагогов начала XX века Георгий Карлович Вебер.

К числу музеев город относил Городской Подвижной музей наглядных учебных пособий им. К.Т. Солдатенкова (Казанский пер., здание училища им. В.Г. Белинского), Музей наглядных учебных пособий (Поварская, 8), открытый ежедневно, но только во время летних каникул. Председателем совета музея был известный попечитель и деятель народного образования Георгий Александрович Пузыревский, член Московской городской управы. Помещение для музея он предоставил в собственном доме. В совет музея входили мировой судья Таганского участка статский советник Б.А. Астров, присяжный поверенный и гласный Московского земского собрания С.К. Говоров, гласный того же собрания и почетный мировой судья В.М. Духовской, биржевой нотариус и член Московского отделения Совета торговли и мануфактур С.В. Ганешин, мировой судья Лубянского участка и председатель Московского общества патроната над несовершеннолетними Э.Э. Маттерн.

Для учителей были открыты, опять-таки со статусом музеев, Городской склад теневых картин (Арбат, 4), его первое филиальное отделение в Дурном переулке (№ 30), Склад учебных пособий и письменных принадлежностей (Поварская, 3) и даже Городской кинематограф (Арбат, 4).

К музеям научной ориентации относились Зоологический (Б. Никитская, здание университета), открытый для обозрения только по воскресеньям в течение учебного года; Антропологический (Моховая, старое здание университета), которым заведовал профессор Д.Н. Анучин; Птицеводства (Театральная пл., в башне Китайгородской стены), принадлежащий Императорскому Российскому обществу сельскохозяйственного птицеводства и находившийся под руководством С.И. Матвеева — высокого чиновника из Управления Московского губернатора.

Располагали обширными коллекциями, но еще только готовились к их широкомасштабному показу «Склад Высочайше утвержденного Особого комитета по устройству музея в память войны 1812 года», расположенный в Арсенале Московского Кремля, и «Высочайше Учрежденный Комитет для устройства в Москве Музея прикладных знаний (Политехнического)». По-

четным председателем последнего был великий князь Константин Константинович, среди почетных членов — граф С.Ю. Витте, академик Д.Н. Анучин, неперенных членов: от Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии — тот же Д.Н. Анучин и Н.Е. Жуковский; от Городской думы, Биржевого комитета, Биржевого общества, Московского генерал-губернатора и от попечителя Московского учебного округа. Многочисленность постоянных членов совета, среди которых состояли многие промышленные и банковские магнаты, высочайший уровень ученых, ведавших отделами, говорили о том, какое значение придавалось Политехническому музею.

К социальной группе московских музеев можно отнести Музей гигиены и санитарной техники (Лобковский пер., 9), едва ли не единственный взимавший плату за вход; Музей городского хозяйства (у Никитских ворот, в доме князя Гагарина) — он подчинялся Училищному отделению Московской городской управы и заведовал им П.В. Сытин, Социальный музей им. А.В. Погожевой (Страстной бул., 10), которым заведовал ординарный профессор Московского университета А.И. Елистратов и который был ежедневно открыт и для посещений, и для занятий студентов, а также Противоалкогольный музей Московского столичного попечительства о народной трезвости (Н. Кисловский пер., 6). Единственным в своем роде был музей, или «Частная антисанитарная коллекция», доктора М. Попялковского (4-я Мещанская, 19), представлявшая «собрание образцов пищевых продуктов с различными в них примесями из трех царств природы (животного, растительного и минерального)».

Исторический музей (Красная пл., 1/2) годом своего рождения может считать 1872 г., когда идея его создания зародилась во время московской Политехнической выставки. За реализацию замысла взялись И.Е. Забелин и граф А.С. Уваров. По их плану музей должен был в вещественных памятниках, в хронологической последовательности, представить историю жизни всей территории Российской империи. В 1875–1883 гг. на месте старого Земского двора было возведено музейное здание по проекту инженера А.А. Семенова (с фасадами по рисункам В.О. Шервуда и внутренней отделкой по эскизам А.И. Попова). Председателем Совета музея состоял великий князь Михаил Александрович, товарищем председателя — князь Н.С. Щербатов, чиновником особых поручений при августейшем председателе — князь М.Н. Щербатов.

Группу исторических музеев составлял также Дом бояр Романовых (Варварка) — в ведении начальника Московского дворцового управления князя Н.Н. Одоевского — Маслова, и «Кутузовская изба» (за Дорогомиловской заставой), заново отстроенная Обществом хоругвеносцев Московского кафедрального собора во имя Христа Спасителя. Изба, как музей, состояла из трех зданий. В первом экспонировались различные памятники 1812 г., во втором призревались 4 престарелых инвалида, в третьем хранилась коляска, в которой ездил в 1812–1813 гг. князь М.И. Голенищев-Кутузов. Ежегодно 1 сентября здесь совершалась панихида в память Военного совета в Филях и благодарственное молебствие.

Предмет особой гордости Москвы составляла Оружейная палата Кремля. Открытая четыре дня в неделю, она предоставляла особые часы посещения для учащихся – по воскресеньям, с часу до трех дня. Ее хранителем состоял камергер Двора действительный статский советник Ю.В. Арсеньев, прикомандированным к палате также числился церемониймейстер Двора князь А.Д. Голицын.

Искусство художественной промышленности и кустарей представляли Торгово-промышленный музей кустарных изделий Московского губернского земства (Леонтьевский пер., дом Морозова) и Художественно-промышленный музей императора Александра II при Строгановском училище (Рождественка, собственный дом). Оба музея были открыты ежедневно.

История Кустарного музея очень знаменательна для развития России. Под влиянием статистических исследований русского крестьянского быта, которые проводил отец земской статистики В.И. Орлов, Московское губернское земство решило показать на Всероссийской выставке 1883 г. кустарную промышленность Московской области. Экспозиция доказала, насколько необходима народным промыслам поддержка губернии. Для большей экономической устойчивости было решено объединить все кустарные предприятия. Центром стал заново организованный музей-лавка, куда поступили коллекции с выставки. Одновременно был открыт кредит кустарям, сделаны первые попытки организации сбыта их продукции. Большая роль в этом деле принадлежала С.Т. Морозову.

В XX в. Московский кустарный музей раскинул по уездам целую сеть своих учреждений. Созданы артели сусальщиков, игрушечников, кружевниц и др., открыты мастерские, склады (корзин, сельскохозяйственных орудий и т.п.), художественно-столярная и резная школа-мастерская в Сергиевом Посаде. При посредстве музея земство всячески содействует возникновению в каждой кустарной артели кооперативных организаций, передает им свои мастерские, склады и т.п. К 1914 г. торговые обороты музея достигли полумиллиона рублей. У него были установлены торговые связи с Францией, Англией, Голландией, Бельгией, Америкой.

Императорский Московский и Румянцевский музеи (Знаменка, Пашков дом) – старейший художественный публичный музей Москвы. Мысль о создании в Москве широкой публичной библиотеки и музея возникла в середине XIX в. у тогдашнего попечителя учебного округа Е.П. Ковалевского, вскоре ставшего министром народного просвещения. Его преемник в Москве, генерал Н.В. Исаков, нашел возможность скорейшего воплощения удачного замысла. Он выступил с ходатайством о переводе в Москву сокровищ Румянцевского музея, которые находились, по существу, без опеки в Петербурге.

Созданное государственным канцлером графом Н.И. Румянцевым уникальное собрание осталось в 1826 г., после смерти составителя, без средств для дальнейшего существования и развития. В 1861 г. было дано высочайшее согласие перевести музей в Москву и слить с уже начавшим формироваться здесь музеем. Новое учреждение получило сложное название «Московский публичный музей и Румянцевский музей». Ко дню открытия музея – 9 мая 1862 г. – на фронте приспособленного

для новых целей Пашкова дома появилась надпись: «От государственного канцлера Румянцева на благое просвещение».

Москвичи немедленно откликнулись на новое начинание многочисленными пожертвованиями. Первым жертвователем выступил К.Т. Солдатенков, ежегодно вносивший по тысяче рублей. Вклады делались и целыми собраниями, коллекциями, библиотеками. И если говорить о некоем музее частных коллекций, то именно он лежит в основе считающегося государственным нынешнего Музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина.

В результате в музее сформировалось пять отделений: 1) отделение рукописей, 2) библиотека, 3) отделение доисторических христианских и русских древностей, 4) отделение изящных искусств и 5) этнографическое. В первое отделение вошли знаменитое систематическое собрание Ундольского (1419 рукописей и 1037 старопечатных книг), собрания Пискарева (хронографы и летописцы), Большакова (рукописи по старообрядчеству), академика Тихонравова (оригинальная древнерусская литература), Норова (греческие рукописи и единственные в своем роде рукописные неизданные сочинения Джордано Брунно), коллекция С.С. Ланского (рукописи по истории масонства), собрание Скачкова (китайские рукописи) и многие другие по времени вплоть до рукописей Пушкина, Гоголя, Тургенева, Островского, Льва Толстого.

В основу второго отдела легла библиотека графа Румянцева до 28 512 томов. Пожертвования в нее и в дальнейшем вносились целыми собраниями (например, библиотека императрицы Александры Федоровны в 9 тыс. томов, собрания Чаадаева, В.Ф. Одоевского, Солдатенкова и пр.). Ради читального зала внутреннее устройство Пашкова дома переделывается гражданским инженером Н.Л. Шевяковым, который стилизует его в духе александровской эпохи и украшает огромной люстрой и жирандолями.

Для третьего отдела – картинной галереи – тем же Н.Л. Шевяковым строится во дворе, прилегающем к Пашкову дому, двухэтажное музейное здание со специальным залом для переданной

Н.Ф. Федоров на балконе
московского
Румянцевского музея.
Рисунок с натуры
М. Шестеркина

Третьяковская галерея

городу императором Александром II картины Александра Иванова «Явление Христа народу». Там же экспонируются картины П.А. Федотова, богатейшее собрание русской живописи первой половины XIX в. Ф.И. Прянишникова, подаренное в 1867 г., коллекции К.Т. Солдатенкова, И.П. Свешникова, Н.А. Львова. Иными словами, сокровища города стали доступны москвичам намного раньше собрания Третьяковской галереи и тем более Музея изобразительных искусств. Начало собранию старой западноевропейской живописи в Москве было положено картинами, переданными Румянцевскому музею из Эрмитажа. Пополненные многочисленными дарениями москвичей, они и составили основу коллекции сегодняшнего нашего ГМИИ им. А.С. Пушкина.

Четвертый отдел составлял богатейший в России Этнографический музей. В 1867 г. в Москве прошла Всероссийская этнографическая выставка, организованная Обществом любителей антропологии, естествознания и этнографии при Московском университете. Средства для выставки были предоставлены В.А. Дашковым. По окончании экспозиции все экспонаты перешли безвозмездно Румянцевскому музею, причем сам Дашков долгое время оставался директором отдела.

В 1913 г. здесь открылся зал им. Ф.П. Рябушинского, предназначенный для размещения коллекции, собранной Камчатской экспедицией Русского географического общества, которая была профинансирована этим меценатом. Этнологический отдел экспедиции вел известный ученый В.И. Иохельсон. Собранные им в течение 1908–1911 гг. коллекции были в полном составе пожертвованы вдовой ученого Румянцевскому музею.

Следующей по времени открытия для москвичей стала, как ее называли с момента основания, Московская городская художественная галерея Павла и Сергея Третьяковых (Лаврушинский пер.), бесплатная, открытая ежедневно, даже с бесплатным гардеробом, на чем специально настаивали городские власти.

К. Брюллов. Портрет детей Волконских с араном. 1843 г.
Картина из фонда Государственной Третьяковской галереи

И. Репин. П.М. Третьяков

Как известно, П.М. Третьяков начал собирать картины около 1856 г., а в августе 1892 г. принес собрание в дар городу от своего имени и имени покойного брата. После смерти жертвователя в 1898 г. — до этого времени П. Третьяков состоял попечителем галереи — заведование ею перешло к избираемому Городской думой совету, во главе с попечителем. Последним эту функцию исполнял художник, писатель, историк русского искусства, архитектор и блестящий реставратор Игорь Грабарь. В состав совета вошли дочь Третьякова — Вера Павловна Зилоти, архитектор Р. Клейн, один из известнейших собирателей русской живописи врач-педиатр А. Ланговой и князь С. Щербатов. Хранителем был Н.Н. Черногоубов.

Музей изящных искусств им. императора Александра III числился при Московском университете. Собственно, мысль об устройстве «эстетического музея» именно при Московском университете зародилась еще в 1820-х гг. в салоне З. Волконской. Его предполагалось посвятить исключительно античному ваю. Из-за отсутствия необходимых средств идею удалось частично осуществить только в 1840-х гг. усилиями профессоров и меценатов в виде «Кабинета изящных искусств». Только в 1890-х гг. резко увеличившийся поток пожертвований — коллекции, фонды на устройство отдельных зал, наконец, большой участок земли, предоставленный Городской думой, — позволили заложить здание по проекту архитектора Р.И. Клейна. Особенно много энергии и организаторского таланта вкладывал в затянвшееся на 14 лет строительство профессор И.В. Цветаев, стремившийся к созданию именно музея античных слепков. Название музея было присвоено по завещанию первой крупной жертвовательницы (150 000 руб.) В. Алексеевой. В первоначальную коллекцию музея входили слепки с античной и западноевропейской скульптуры, античные вазы, монеты, уникальное собрание памятников искусства и материальной культуры Древне-

го Египта и некоторое количество подлинников западноевропейской живописи.

Еще до открытия Музея изящных искусств в Москве появилась Цветковская галерея, вернее, Московская городская художественная галерея Ивана Евменьевича Цветкова (Пречистенская наб., собственный дом). Выпускник математического факультета Московского университета, многолетний служащий Московского земельного банка, И.Е. Цветков с 1880-х гг. собирал живопись и графику русских художников XVIII–XIX вв. К 1908 г. он построил для своей коллекции дом по проекту В.М. Васнецова и подарил его в качестве музея городу. (В 1829 г. музей включен в Государственную Третьяковскую галерею.)

Представитель богатейшего торгового дома «И.В. Щукин с сыновьями» Петр Иванович Щукин с 1890-х гг. собирал произведения древнерусского искусства, изделия народных промыслов, книги и рукописи по истории России. С 1893 г. он разместил свою коллекцию в специально построенном по проекту архитектора В. Фрейденберга доме (М. Грузинская, 15). С 1893 г. музей был открыт для ежедневных посещений, а в 1905 г. подарен владельцем Историческому музею. Собрание объединяло около 15 тыс. экспонатов.

Сергей Иванович Щукин составил уникальную коллекцию западноевропейской, преимущественно французской, живописи, экспонировавшуюся в его доме в Большом Знаменском переулке (после 1918 г. – Музей нового западного искусства). Дмитрий Иванович увлекался старыми западноевропейскими мастерами, работы которых находились в его доме в Старокопюшенном переулке (после 1918 г. переданы в Музей изобразительных искусств).

Превосходная частная галерея принадлежала представителю другого купеческого рода – Дмитрию Петровичу Боткину. Уже

Московский
государственный музей
изобразительных
искусств имени
А.С. Пушкина

после смерти ее составителя она продолжала демонстрироваться в родовом боткинском доме на Покровке (№ 27).

Наконец, Москва имела Частную картинную галерею К. Лемерсье (Петровка, Салтыковский пер., 8), где с сентября до мая проводились выставки картин современных русских и иностранных художников, и имевшая ту же программу, но функционировавшая круглый год Частная постоянная художественная выставка П.П. Саурова (Тверской бул., 26). Обе галереи были открыты целыми днями, с 10 до 18.

Москва славилась многочисленными художественными выставками. В здании Московского училища живописи, ваяния и зодчества регулярно проходили экспозиции передвижников. Очень характерным для московской школы живописи был возникший в старой столице Союз русских художников (Константин Коровин, С.А. Виноградов, И.С. Остроухов, С.Ю. Жуковский и др.). Здесь же возникают объединения «Бубновый валет» (П.П. Кончаловский, А.В. Лентулов, Р.Р. Фальк, И.И. Машков) и авангардная группировка «Ослиный хвост» (Наталья Гончарова, Михаил Ларионов и др.). В 1910-х гг. в Москве зарождается собственно абстрактное искусство в лице наиболее ярких его представителей – В. Кандинского, М. Ларионова, К. Малевича, И. Клыуна.

Н.Е. Жуковский

Университетскому Обществу любителей естествознания, антропологии и этнографии город обязан возникновением еще одного интереснейшего собрания. В 1872 г. Обществом была устроена Политехническая выставка в память 200-летия рождения Петра I, создателя фабрично-заводской промышленности в России. Экспонаты этой выставки и составили знаменитый Политехнический музей. Музей оставался настоящим детищем Москвы. В число членов Комитета по его устройству, который продолжал функционировать десятки лет, входили крупнейшие отечественные ученые, в том числе К.А. Тимирязев, В.Р. Вильямс, Н.Е. Жуковский, М.К. Каблуков, Н.М. Кулагин. Они же входили в дирекцию отделов музея и заседали в его совете вместе с представителями городской Думы, Биржевого комитета, московского генерал-губернатора и попечителя Московского учебного округа. Особенностью музея было то, что в 60 его залах проводились постоянно занятия студентов и старшеклассников-гимназистов.

Исключительного размаха достигло в начале XX в. книгоиздательское дело. Москва имела около 250 издательств, среди них «Знание» И.Н. Кнебеля, Компания И.Н. Кушнерева, «Наука» И.Б. Поздеева, «Посредник» И.И. Горбунова, «Право» П.В. Бусыгина, «Правоведение» И.К. Голубева, В.М. Саблина, Товарищество Печатное, издательское и книжной торговли «И.Д. Сытин», Товарищество А.С. Суворина «Новое время», Промышленное и торговое товарищество «М.О. Вольф», «Гранат А. и И. Братья и компания», «Детский мир», «Жизнь и правда», «Реальный идеализм», «Скорпион», «Современные проблемы», «Д.И. Тихомиров».

Для Москвы рассматриваемого здесь периода было характерно существование многочисленных обществ, занимающихся культурной и просветительской деятельностью. В городе действовал постоянный Совет съездов обществ благоустройства московских дачных местностей, пригородов и поселков, в чис-

Типография И.Д. Сытина
«Русское слово»
на Тверской (1904–1906).
Архитектор А. Эрихсон

ло которых входили село Богородское, местности Благуша, Вешняки, Измайловский зверинец, Петровский парк, Петровско-Разумовский проезд, Серебряный бор, Лосиноостровская, Николаевская (около Химок), Новое Кунцево, Новые Сокольники, Старое Кунцево, Чухлинка и многие другие. Одним из главных объектов внимания подобных обществ, помимо благоустройства, была организация постоянных спектаклей и концертов на специально оборудованных площадках. К участию в этих представлениях привлекались не любители, но непременно профессионалы, поскольку их цель состояла, как говорилось в одной из старокунцевских афишек, в «приобщении жителей к тем высотам искусства, которыми славна наша древняя столица». Все мероприятия были бесплатными, часто благотворительными. Актеры и музыканты никакой mzды за них не получали.

Московское Общество взаимопомощи оркестровых музыкантов помогало вдовам и сиротам своих членов, содействовало образованию оставшихся без кормильца детей и вместе с тем постоянно формировало симфонические оркестры, устраивало симфонические концерты, не столько с целью приработка, сколько для предоставления оркестрантам возможности упражнений и «исполнения произведений, ими задуманных, однако не входящих в репертуар» коллективов, к которым они принадлежали. Возглавляли общество преподаватели Московской консерватории, и благотворительность сочеталась здесь с творческим экспериментом. Главным оставалось не развлечение слушателей, а их просвещение и приобщение к «высокой музыке».

Одной из популярных в этом отношении площадок был Учительский дом на Малой Ордынке (№ 31), выстроенный

Обществом взаимной помощи при Учительском институте. Актеры казенной сцены вспоминали, насколько удобной была здесь сценическая площадка, оборудованная по последнему слову техники. Часто бенефисные спектакли, проходившие в том же Малом театре только один раз, повторялись на «учительской площадке». Учителя же получали возможность не тратиться на достаточно дорогие билеты. Аналогичным образом строит свою деятельность Взаимно-вспомогательное общество ремесленников, в программе которого показ спектаклей с профессиональными актерами и организация концертов с участием академических музыкантов рассматривались как условие нравственного совершенствования членов этого общества. М.Н. Ермолова не случайно говорила, что актеры казенной сцены знали Москву вдоль и поперек и за свою творческую жизнь не миновали ни одного московского театрального помещения, не заработав на этом никаких денег. Характерно, что если деятельность общества учителей организовывали и направляли продолжавшие работать по профессии педагоги, то делами ремесленников занимались соответственно ремесленники. Председателем общества был К.И. Деллос, имевший «портновские заведения» в Камергерском переулке, напротив Художественного театра, а также в Оружейном переулке, а его заместителем — К.И. Гдалев, державший магазин готового платья на Софийке.

Совершенно исключительная роль принадлежала Московскому обществу народных университетов, основанному в 1906 г. Как указывалось в его программе, «основная цель общества — распространение просвещения среди широких слоев населения города Москвы и Московской губернии путем организации систематических профессиональных и образовательных курсов, лекций, экскурсий и всякого рода научно-образовательных и воспитательных учреждений».

Народный университет имел юридический, исторический, литературный, философский, естественный и медицинский отделы, как бы повторяя систему университетского образования. Стоимость билета на одну двухчасовую лекцию составляла 5 копеек. Центральная аудитория находилась в Политехническом музее, остальные размещались по районам — «в рабочих кварталах, при фабриках и городских народных домах». При том же обществе существовали три секции — музыкальная (иначе — народная консерватория), секция театра при фабричных и деревенских школах, а также театрально-художественная, «заведующая общедоступными и просветительными вечерами и народным общедоступным театром». Все секции были бесплатными. Председателями общества являлись преподаватель Константиновского межевого института Б.И. Сыромятников, доктор зоологии, профессор Московского университета и Московского сельскохозяйственного института Н.М. Кулагин и приват-доцент Московского университета Д.Ф. Синицын.

Та же просветительская тенденция, в русле которой протекала вся культурная жизнь Москвы, определяла и деятельность многих связанных с Народным университетом обществ, в том числе Московского общества народных чтений и библиотек. Руководили обществом директор народных училищ Московской губернии А.И. Одинцов и доктор медицины, ординатор Мясниц-

кой городской больницы И.И. Приклонский, известный хирург-уролог. Это общество располагало аудиториями в том же Политехническом музее и в училище при Московском металлическом заводе, а также в Смоленской и Торлецкой народных столовых и в нескольких чайных.

Московское общество бесплатных народных библиотек возглавляла директриса Дамского тюремного комитета и Общества распространения полезных книг К.П. Щепкина. Сам характер занятий руководительницы позволяет определить, с какими слоями московского населения работали члены общества.

Московское общество содействия устройству общеобразовательных народных развлечений заявляло в своей программе, что «имеет целью содействовать доставлению сельскому и рабочему городскому населению нравственных и разумных развлечений, отнюдь не может преследовать целей коммерческих, а должно стремиться к возможно большей доступности устраиваемых им развлечений». И это при том, что председателем его был К.Ф. Корженецкий, управляющий Московским отделением Волжско-Камского коммерческого банка, чиновник особых поручений при собственной Его Величества Канцелярии по учреждениям императрицы Марии и член Английского клуба.

Даже Московское лермонтовское общество образования, созданное в честь 100-летия со дня рождения поэта, не преследовало цель сооружения памятника, а стремилось «почтить память великого стихотворца путем создания образовательных учреждений».

Весьма оживленной была в Москве и творческая жизнь, кипевшая в десятках кружков и объединений. В Обществе русских драматических писателей и оперных композиторов, возглавляемом не слишком даровитым, зато на редкость плодовитым драматургом И.В. Шпажинским, можно было встретить и А.И. Сумбатова-Южина, и В.И. Немировича-Данченко, и Ф.А. Корша, и Н.И. Тимковского. Московское общество искусства и литературы представляли приват-доцент Московского университета, руководитель Московского архива Министерства юстиции С.К. Шамбинаго, кондитерский магнат Н.Н. Абрикосов, представитель Комиссионного контроля В.А. Колли, присяжный поверенный П.Н. Малянтович, являвшийся к тому же товарищем председателя суда чести при Обществе деятелей периодической печати и литературы. Последнее по существу представляло собой Союз журналистов, занимавшийся прежде всего защитой профессиональных, этических и материальных интересов своих членов, которые должны были быть профессионалами. В состав его руководства входили Н.Д. Телешов, В.Я. Брюсов, Ю.А. Бунин, В.М. Фриче.

Простое перечисление московских кружков, в работе которых принимали участие известные писатели, актеры, представители самых различных профессий, свидетельствует о том, насколько широким был круг интересов москвичей и насколько разным было общественное, материальное и социальное положение людей, которых объединяли эти интересы. В здании Исторического музея заседало Общество истории литературы во главе с профессорами М.Н. Сперанским и Н.М. Розановым. Под председательством В.Я. Брюсова действовал литературно-художественный кружок.

жественный кружок. В гимназии Бесс на Большой Никитской (№ 14) работал литературно-художественный кружок московской молодежи, целью которого было «развивать молодые творческие силы и способствовать данному развитию на почве служения чистому искусству и красоте». Первое литературно-драматическое и музыкальное общество им. А.Н. Островского нашло свой приют в здании казенного реального училища на Садовой-Кудринской (№ 9), и в его работе принимали участие такие звезды русской сцены, как Е.Д. Турчанинова, В.Н. Рыжова, А.А. Яблочкина, С.В. Халютин.

Общество «Московский драматический салон» объединяло М.Н. Ермолову, О.О. Садовскую, О.А. Правдину, А.И. Южину-Сумбатову, известного московского архитектора А.О. Гунста. Тот же беспокойный архитектор А.О. Гунст создал Московскую лигу любителей сценического искусства, целью которой было «развитие и объединение деятельности музыкальных и драматических кружков Москвы и окрестностей». Активную деятельность вели московский кружок любителей сцены и литературы «Родник» и Московский кружок любителей сценического искусства. И тем и другим руководили люди, далекие от искусства, — купцы, офицеры, чиновники.

Не менее широко были представлены в древней столице музыкальные и певческие общества, необычайно разнообразные по своей ориентации. Впервые появляются объединения, занимающиеся исключительно щипковыми инструментами, например, Общество мандолинистов и гитаристов-любителей, кружок гитаристов им. А.П. Соловьева. Наряду с Московским обществом женского хорового пения, Обществом любителей хорового пения и музыки «Лютня», Русским хоровым обществом, которым руководили композитор М.М. Ипполитов-Иванов и его «помощник по светскому пению», будущий знаменитый дирижер Большого театра Н.С. Голованов, большой популярностью пользовались Московское общество квартетного пения «Лидертафель», Общество любителей смешанного хорового пения, общество «Музыка и пение» и особенно основанный М.А. Олениной «Дом песни». Именно «Дом песни» устраивал многочисленные концерты, закрытые исполнительские собрания, совершенно особенные конкурсы — на гармонизацию народных песен и музыкальные переводы, издавал музыкальные произведения.

«Если вы хотите пройти стороной мимо культурной жизни старой столицы, — писал в своих воспоминаниях известный книгоиздатель Владимир Михайлович Саблин, — поверьте, ваша попытка окажется бесплодной. Вы непременно чем-то увлечетесь. Москва так много думает обо всем, что происходит с человеком, так деятельно хочет выразить свое отношение к происходящему. Она — город, который дышит культурой».

ЖИВЫЕ КАРТИНЫ 1917 г.

1917, 2 марта. Император Николай II подписал акт отречения от престола.

1917, 4 марта было опубликовано отречение, 5 марта в «Утре России» появилась наделавшая много шума корреспонденция со станции Дно, где приводилась ставшая исторической фраза царя: «Я люблю цветы!»

1917, 13 марта. В Большом и Малом театрах были осуществлены театральные представления — «живые картины». В Малом театре под звуки «Марсельезы» поднялся занавес. Декорации на сцене изображали лазурное небо с горящим солнцем. Под солнцем — женщина в русском костюме, с разорванными кандалами. Это «Освобожденная Россия», которую изображала А.А. Яблочкина. У ее ног — лейтенант П. Шмидт, вокруг плеяда писателей: Пушкин, Грибоедов, Лермонтов, Гоголь, Некрасов, Достоевский, Толстой, Добролюбов, Чернышевский, Белинский, Писарев. Здесь же «сидит, скрестив руки, Бакунин, стоит Петрашевский, опустив голову, глубокую думу думает Шевченко, в черном платье Перовская, а вокруг них изможденные лица в серых арестантских халатах... Дальше в мундирах Александровских времен — декабристы и среди них княгиня Волконская, княгиня Трубецкая. Дальше — студенты, крестьяне, солдаты, матросы, рабочие, представители всех классов и народностей России... Теперь они победно поют «Марсельезу». Впереди этой живой картины стоит комиссар московских государственных театров князь А.И. Сумбатов. Публика рукоплещет. У многих на глазах слезы».

1917, 19–20 марта. А.А. Блок — матери. Петроград.

Последний русский царь
Николай II с семьей

«...Несмотря на тупость, все происшедшее меня радует. — Произошло то, чего никто оценить еще не может, ибо таких масштабов история еще не знала.

Не произойти не могло, случиться могло только в России.

...Все бесчисленные опасности, которые вставали перед нами, терялись в демоническом мраке. Для меня мыслима и приемлема будущая Россия, как великая демократия (не непременно новая Америка)».

1917, 16 марта. В.Д. Поленов – К.В. Кандаурову.

«Да, я несказанно счастлив, что дожил до этих дней... То, о чем мечтали лучшие люди многих поколений, за что они шли в ссылку, на каторгу, на смерть, совершилось».

1917, 23 марта. И.Е. Репин – В.Н. Черткову.

«...А какое счастье нам выпало в жизни. Все еще не верится... Какое счастье».

1917, 26 марта. Е.Е. Лансере – Н.Е. Лансере.

«Завидуем теперь страшно вам, какие грандиозные события прошли перед вашими глазами... Поразительно хорошо и радостно на душе».

1917, 25–26 марта. К.С. Петров-Водкин – А.П. Петровой.

«Обо всем этом потом целые книги напишут, дети в школах изучать будут каждый из прошедших дней Великого Поворота, а нам пока трудно разглядеть все свершившееся, так оно крупно и так стройно, что не верится... Поверь мне, чудесная жизнь ожидает нашу родину и неузнаваемо хорош станет народ — хозяин земли русской...»

1917, 6 марта. Б.М. Кустодиев – В.В. Лужскому.

«Было жутко и радостно все время... Как будто все во сне и так же, как во сне, или, лучше, в старинной «феерии», все провалилось куда-то старое вчерашнее, на что боялись смот-

К. Сомов. Александр Блок

Б. Кустодиев.
Ф.И. Шаляпин. 1922 г.

реть, оказалось не только страшным, а просто испарилось «яко дым»!!! Как-то теперь все это войдет в берега...»

1917, 21 марта/3 апреля. Ф.И. Шаляпин – дочери. Петроград.

«...Необычайный переворот заставил очень сильно зашевелиться все слои общества, и, конечно, кто во что горазд, начали работать хотя бы для временного устройства так ужасно расстроенного организма государства. Вот и я тоже вынужден почти ежедневно ходить по различным заседаниям — пока я состою в Комиссии по делам искусства и на днях вступлю в Общество по изучению жизни и деятельности декабристов, проектов для возведения им памятников и проч., и проч. Кроме того, я, слушая, как народные массы, гуляя со знаменами, плакатами и проч. к моменту подходящими вещами поют все время грустные, похоронные мотивы старой рабьей жизни, — задался целью спеть при первом моем выступлении в новой жизни свободы, что-нибудь бодрое и смелое. Но, к сожалению, не найдя ничего подходящего у наших композиторов в этом смысле, позволил себе написать слова и музыку к ним сам. Совершенно не претендуя на лавры литератора или композитора, я, тем не менее, написал, кажется, довольно удачную вещь, которую назвал «Песня революции» и которую, в первый раз выступая перед публикой после революционных дней, в первый же раз буду исполнять в воскресенье 26 марта, днем в симфоническом концерте Преображенского полка в Мариинском театре. С этой вещью, как, впрочем, и со всем вообще, я имел уже порядочно неприятностей...

1917. Конец сентября. Германский флот на Балтике захватил острова Эдель и Даго, после чего для немецких войск открылся доступ в Рижский и Финский заливы.

Временное правительство принимает решение перевести столицу в Москву и сдать немцам Петроград.

1917 г. В первых числах октября в Москву начали прибывать специальные поезда из Петрограда с эвакуируемыми из Эрмитажа произведениями искусства. В общей сложности ожидалось прибытие двух тысяч картин и икон, 300 скульптур из главных музеев Петрограда и природных двориков. Для их приема готовились Третьяковская галерея, Исторический и Румянцевский музеи, Оружейная палата.

1917, 17 октября. В Москву прибыл специальный поезд с художественными предметами, эвакуированными из учреждений бывшего министерства двора. Из Эрмитажа отправлено в Москву 250 ящиков с картинами, монетами и драгоценностями.

Со специальным поездом были отправлены вещи из Русского музея, музея Академии художеств, Конюшенного ведомства и других хранилищ.

Одновременно ширились погромы дворцов, музеев, помещичьих усадеб, уничтожались коллекции произведений искусства и библиотеки. Награбленное распродалось и вагонами вывозилось из России.

ВЕЛИКИЙ ПЕРЕДЕЛ

Все начиналось с национализации. 14(27) ноября 1917 г. последовала публикация в печати «Положения о народном контроле», которое распространялось на производство, финансы и торговлю. В результате к концу февраля 1918 г. в Москве было национализировано 73% промышленных предприятий. На учете в Моссовете оказалось 600 предприятий, в 528 действовал народный контроль, в котором было задействовано более 5 тысяч человек.

6(19) ноября была захвачена Московская контора Государственного банка. 14(27) того же месяца создан Финансовый совет, а все частные банки подчинены рабочему контролю. Но из-за отсутствия специалистов последний не мог быть сколь-нибудь эффективным, и по декрету ВЦИК от 14(27) декабря 1917 г. все частные банки были национализированы. К началу января 1918 г. все книги и документы частных банков сосредоточили в Московском отделении Народного банка, а с 1 сентября 1918 г. функции частных банков перешли к Народному банку РСФСР – его Московскому отделению.

До июня 1918 г. были национализированы отдельные, но крупнейшие предприятия машиностроительной, металлообрабатывающей и текстильной промышленности. В эту первую группу вошли завод АМО (ныне – ЗИЛ), завод «Братья Тилманс» и другие. После 28 июня, соответственно букве нового декрета, национализации подверглись заводы Бромлея, «Дукс», «Мотор». В дальнейшем начали национализироваться целые отрасли промышленности. К первой половине 1919 г., в частности, государство стало владельцем текстильной промышленности Москвы и Московской области. К осени 1919 г. московская промышленность была национализирована полностью.

Демонстрация
в Петрограде. 1917 г.

Национализация торговли заняла вторую половину 1918 г. Торговые дома и крупные общества передавались центральным государственным учреждениям, наркоматам и главкам. Все розничные фирмы переходили в ведение Моссовета. Исключение составили аптеки. За отсутствием специалистов было решено их оставить в руках прежних владельцев и персонала, хотя и под контролем Моссовета.

Едва ли не сложнее всего протекала национализация жилья. Постановлениями *от 30 ноября и 12 декабря 1917 г.* Моссовет отменил права собственности на домовладения, доход с которых превышал 750 рублей в месяц. *20 августа 1918 г.* Исполком Моссовета утвердил декрет о муниципализации недвижимого имущества. Весь жилой фонд переходил под контроль Моссовета, а доходы от него поступали в Жилземотдел. Свыше 4 тысяч крупных домов перешло в ведение домовых комитетов, избравшихся из числа жильцов. *В течение 1918–1920 гг.* происходит «уплотнение» квартир. Если в 1917 г. в пределах Садового кольца проживало 5% рабочих, то к 1920 г. — от 40 до 50 процентов. Те из владельцев квартир, кто не успел вернуться с дачи до 1 октября, вообще лишались жилой площади, на которую вселялись новые жильцы. *К ноябрю 1918 г.* в 3 200 квартир «нетрудовых элементов» были вселены 19 150 рабочих. *К концу 1920 г.* в Москве было 500 домов, заселенных только рабочими.

В 1917–1918 г. приняты декреты о национализации культурных ценностей, имеющих художественно-историческое значение. *В октябре 1918 г.* Моссовет муниципализировал все частные библиотеки, театры и кинематографы.

1918, 30 января. Из письма В.Д. Поленова. Поместье Борок.

...Одно время мне казалось, что настал нам конец. Как некогда развалились и кончились разные царства и наикрепчайшие государства, так и наше рассыпалось. А теперь мне кажется, что это скорее начало, а что рассыпалось — это нам на пользу, и мерещится мне, что будет лучше, не говоря уже об

Плакат. Неизвестный
художник. 1929 г.

недавних временах самодержавия, Распутина и Протопопова, общего произвола, бесправия и всяческого порабощения. Конечно, предсказывать теперь трудно... слава Богу, с голоду мы пока не померли, хотя бывает, что сидим без сахара. Пшеничного хлеба вот уже шесть месяцев не видали... Возвращаясь к современности, не раз поблагодаришь решительных людей, уничтоживших много вековых глупостей: напр. освобождение брака из-под ига попов, упразднение разных несправедливостей судьбы, уничтожение ехидного ять, который причинял гибель не одной сотне юнцов; даже перенесение числа на западный календарь есть хорошая перемена...

1918, 10 марта. В.Д. Поленов – Л.В. Кундрауову. Поместье Борок.

...Ты говоришь, что «все разрушено, что строилось с Петра», а я бы сказал: поколеблено не только, что от Петра, но и что от Иванов, ибо Петр, мне кажется, больше внешность изменил, а суть осталась все та же. А так как я всегда глубоко ненавидел все духовное, что создалось Россией Иванов, то и не печалюсь разрушению ивано-петровских затей и побед. От этого и мой оптимизм...

Последнее столетие России, или, вернее, московско-петербургской деспотии, чертовски везло: чуть что не пять веков она давила все, попадавшее под ее жестокую «рукодержаву», как говорит царь Максимилиан в ее единственной народной драме. Ты как-то сравнил Россию с салым пятном, которое, расплываясь, все засаливает. Ну, а теперь, надо надеяться, что этого уже больше не будет... За эти последние месяцы поразительно выяснилась та всеобщая ненависть, которую Россия умела распространять вокруг себя. Россия... «была великой тюрьмой народов»...

1918 г., 3 марта. В Брест-Литовске Россией подписан мир с Германией. Одновременно немцы заключили отдельный договор с Центральной радой Украины. Австро-венгерские и германские войска вошли на территорию Украины.

1918, сентябрь. Пребывание наркома по военным делам Л.Д. Троцкого в воинских частях — Записки адъютанта.

Ночью 16 сентября было сообщено в штаб армии из поезда Троцкого, что завтра, то есть 17 сентября, он прибывает в Саратов.

В 9 часов 37 мин. утра под звуки народного гимна, исполненного духовым оркестром, поезд Троцкого подошел к перрону вокзала, где были выстроены части Саратовского гарнизона. Появление т. Троцкого было встречено громовым «Ура»...

На автомобилях кортеж проследовал на пристань. В 12.15 пароход прибыл в Покровск. На пристани был выстроен почетный караул шпалерами. С парохода Троцкий держал речь. В ответ — громовое «Ура». Затем Троцкий прибыл в Вольск. Тоже встречали народным гимном. Троцкий держал речь. В ответ — громовое «Ура».

Прибыл в Балаково. Опять держал речь. Вновь шпалеры войск, держал речь из автомобиля.

Прибыли в Хвалынский. Опять встречали шпалеры войск. Держал речь. Построили интернациональный полк. Троцкий держал речь на русском и Линдов на немецком языке.

Затем отправился в Николаевск. Был почетный караул, шпалеры, «Ура».

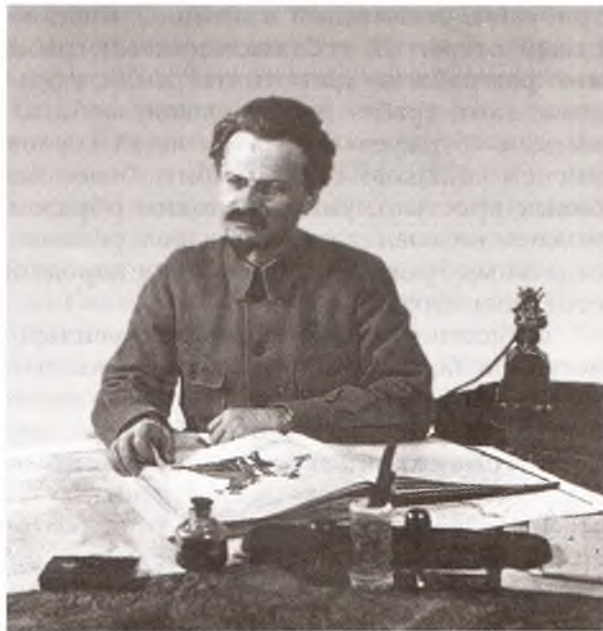
За день проехали на автомобиле 200 верст.

При поездках тов. Троцкого находились фотограф и кинематограф, которые зафиксировали важные эпизоды поездки и отдельных лиц, представляющих из себя интерес для Российской Советской Республики и которые послужат политическим примером для других стран света, как борется пролетариат с игом капитала.

Старший адъютант Савин.

1918, 26 октября. Послание патриарха Тихона Совету Народных Комиссаров.

...Не России нужен был заключенный вами позорный мир с внешним врагом, а вам, задумавшим окончательно разрушить

Лев Троцкий

Патриарх Тихон

внутренний мир. Никто не чувствует себя в безопасности, все живут под постоянным страхом обыска, грабежа, выселения, ареста, расстрела. Хватают сотнями беззащитных, гноят целыми месяцами в тюрьмах, казнят смертью, часто без всякого следствия и суда, даже без упрощенного, вами введенного суда...

Но вам мало, что вы обагрили руки русского народа его братской кровью: прикрываясь различными названиями – контрибуций, реквизиций и национализации – вы толкнули его на самый открытый и беззащитный грабеж. По вашему наущению разграблены или отняты земли, усадьбы, заводы, фабрики, дома, скот, грабят деньги, вещи, мебель, одежду. Сначала под именем «буржуев» грабили людей состоятельных, потом под именем «кулаков» стали грабить более зажиточных и трудолюбивых крестьян, умножая таким образом нищих, хотя вы не можете не сознавать, что с разорением великого множества отдельных граждан уничтожается народное богатство и разоряется сама страна.

Соблазнив темный и невежественный народ возможностью легкой и безнаказанной наживы, вы отуманили его совесть, заглушили в нем сознание греха; но какими бы названиями ни прикрывались злодеяния – убийство, насилие, грабеж всегда останутся тяжкими и вопиющими к небу об отмщении грехами и преступлениями.

Вы обещали свободу...

Великое благо – свобода, если она правильно понимается, как свобода от зла, не стесняющая других, не переходящая в произвол и своеволие. Но такой-то свободы вы не дали: во вся-

ческом потворстве низменным страстям толпы, в безнаказанности убийств, грабеже заключается дарованная вами свобода. Все проявления как истинной гражданской, так и высшей духовной свободы человечества подавлены вами беспощадно... Голос общественного и государственного обличения и осуждения заглушен; печать, кроме узко большевистской, задушена совершенно... Это ли свобода, когда никто не может высказать открыто свое мнение, без опасения попасть под обвинение в контрреволюции?..

1918, ноябрь. Из «Воспоминаний» Л. Троцкого.

Нельзя строить армию без репрессий. Нельзя вести массы людей на смерть, не имея в арсенале командования смертной казни. До тех пор, пока гордые своей техникой, злые бесхвостые обезьяны, именуемые людьми, будут строить армии и воевать, командование будет ставить солдат между возможной смертью впереди и неизбежной смертью позади.

1918, 30 декабря. А.А. Блок – В.В. Маяковскому. Петроград.

Не меньше, чем вы, ненавижу Зимний дворец и музеи. Но разрушение так же старо и так же традиционно, как они. Разрушая постылое, мы так же скучаем и зеем, как тогда, когда смотрели на его постройку... Разрушая, мы все те же рабы старого мира; нарушение традиций — та же традиция...

ГОРОД И ПОЭТ

С Москвой было связано все. Совсем недавно она начиналась в окне поезда. Огромная. Продымленная заводскими трубами. Просвеченная отблесками золотых куполов. В крикливой пестряди вывесок и витрин. Тем более непонятная после зеленой тишины Багдади и ленивого захолустья Кутаиси. Город и подросток, которого уводила из родных и привычных мест нужда. Недавняя смерть отца возложила заботу о матери и младших детях на сестру Людмилу. Володя из младших — ему тринадцать. Счастья решено было попытаться в Москве. Шел 1906 г.

С Курского вокзала заторопились на Николаевский (ныне — Ленинградский) — кров на первых порах давала знакомая семья, жившая на даче в Петровском-Разумовском. Петербургский почтовый поезд довез до Сельскохозяйственной академии. Оттуда на извозчике добирались на Выселки к Плотниковым. Так выходило дешевле — пока найдется подходящая городская квартира, экономить приходилось на всем.

Но утром следующего дня все равно была Москва — поездка с Людмилой и ошеломляющее впечатление надвинувшегося нового века. Громады каменных домов. Электричество. Медлительные кабины лифтов. Автомобили. Трамваи. Двухэтажные конки. Извозчики. Кинематографы. Заполонившие улицы густые толпы. Для него — дыхание колосса, равнодушного и бесконечно притягательного. Робости не было и в помине — един-

ственное желание видеть собственными глазами и самому познавать. «Володю очень интересовала жизнь, — станет рассказывать мать. — Володя больше всего ходил по Тверской, Садовой и другим улицам и переулкам, изучая достопримечательности Москвы, а главное — людей и их жизнь в большом городе».

Нравился размах. Нравилось все новое. Особенно кинематограф, куда зайцем — за полным отсутствием денег — удавалось пробираться на несколько сеансов подряд: «Поэт должен быть в центре дел и событий...»

Квартира нашлась, конечно, в «Латинском квартале» Москвы на Козихе. Причин тому было множество. Связи сестры Людмилы со студентами, которые преимущественно заселяли Козиху. Их настроения, дышавшие еще не пережитым 1905 г. Надежда матери поддержать скудный семейный бюджет сдачей комнат с обедами, чем жило, с трудом сводя концы с концами, большинство квартирохозяек на Козихе. «Сняли квартирнку на Бронной, — отзовется Маяковский. — Комнаты дрянные. Студенты жили бедные». Дом Ельчинского, где на третьем этаже устроились Маяковские, стоял на углу Спиридоньевского и Козихинского переулков (Спиридоньевский пер., 12), всего в одном квартале от первой московской квартиры семьи Ульяновых (Б. Палашевский пер., 6, кв. 11), где Ленин навещал своих родных в течение лета 1893 г.

Бедные студенты, о которых напишет Маяковский, были социалистами, и это от них в квартирнке на Спиридоньевском подросток получит первые издания нелегальной литературы, сам будет просить для чтения «что-нибудь революционное». «В действительности он увидел вскоре много большевиков в своей комнатке, — станет вспоминать один из жильцов квартиры Маяковских, первый «большевик», узанный Володей, В.В. Канделаки. — Это были студенты Московского университета — товарищи и приезжие. Говорили, курили, спорили много и горячо. Тащили вороха нелегалщины. Иногда, спохватившись, оглядывались на неподвижно сидящего долговязого мальчугана. Я успокаивал: «Это сын хозяйки, Володя Маяковский, свой». В горячке учебы и кружковщины мне было не до «ребенка», каким я считал Володю». Между тем в пятнадцать лет «ребенок» знал «Анти-Дюринга» Ф. Энгельса, знал «Две тактики социал-демократии в демократической революции» Ленина.

Занятия в 5-й московской гимназии, располагавшейся неподалеку (ул. Поварская, 3), его не могут увлечь. Окончив в течение первой московской зимы четвертый класс, он не собирается продолжать гимназических занятий. Слишком памятна взрывная обстановка кутаисских лет, где Володя учился с 1902 до 1906 гг. Тогда были ученические сходки, были уличные демонстрации: «Первая победа над царскими башибузуками была одержана в Гурии, этих собак там было убито около двухсот». Кутаис тоже вооружается. По улицам только и слышны звуки «Марсельезы». Словно в ответ на письмо брата Людмила Владимировна, приезжая на каникулы из Москвы, привозит листовки со стихотворными текстами: «Приехала сестра из Москвы. Восторженная. Тайком дала мне длинные бумажки. Нравилось... Это была революция. Это было стихами. Стихи и революция как-то объединились в голове». Володе исполнилось двенадцать лет.

Он успел стать взрослым, и теперь, на Козихе, засыпает вопросами старших собеседников: «Вы дрались в Москве во время революции 1905 г. на баррикадах? В какой дружине? Действительно ли ваша дружина охраняла великого Горького?» Нетерпеливый интерес к рассказам И.И. Морчадзе тем более распространяется на улицы и дома, которые помнят. В нескольких минутах ходьбы на Малой Бронной знаменитые дома Гирша, наполненные революционно настроенными студентами. Здесь жил С.И. Мицкевич, с которым, как с представителем московских марксистов, встречался Ленин в августе 1893 г. в Нижнем Новгороде. В Мерзляковском переулке театр Гирша — в нем 21 ноября 1905 г. состоялось I заседание Московского совета депутатов. В нем приняло участие сто семьдесят депутатов от восьмидесяти тысяч рабочих.

Революционная волна поднялась здесь много раньше боев на Пресне. В 1901 г. московские студенты поддержали демонстрацией петербургских, подвергшихся арестам и избиениям полиции. Двести москвичей были арестованы и заперты в Манеже. И тогда впервые в поддержку студентов выступили рабочие Прохоровской, Даниловской, Цинделевской мануфактур. На следующий день, 25 февраля 1901 г., на Тверском бульваре начались вооруженные столкновения и выросла первая баррикада (ныне — памятник Первой баррикаде на Тверском бульваре). Семнадцатого сентября 1904 г. по Малой Бронной проходит студенческая демонстрация протеста против избиения полицией на Ярославском вокзале мобилизованных на русско-японскую войну. Малая Бронная, 4 — дом Общества для пособия нуждающимся студентам, студенческая столовая, и здесь же в декабре помещался штаб студенческой дружины, защищавшей баррикаду у Романовки. Медицинский пункт участников уличных боев располагался в самой Романовке, в квартире зубного врача Дашишевского.

Мало лет? Но какое это имеет значение, когда ему верят. И первая явка, которая будет ему сообщена, — у балюстрады так называемого Нового здания московского университета (ул. Б. Никитская, 1). Он не провалит ни одного поручения, справится со всеми заданиями. Никто не вспомнит о его пятнадцати годах, когда он вступит в 1908 г. в партию: «Вступил в партию РСДРП (большевиков). Держал экзамен в торгово-промышленном подрайоне. Выдержал. Пропагандист. Пошел к булочникам, потом к сапожникам и, наконец, к типографщикам». На партийной конференции, проходившей, как обычно, в Сокольниках, в лесу, Маяковский был избран в состав Московского комитета партии.

Первый арест застал его в помещении нелегальной типографии МК РСДРП (б) (Зоологическая ул., 7): «Нарвался на засаду в Грузинах. Наша нелегальная типография. Ел блокнот. С адресами и в переплете». Последовавший арест и наказание оказались сравнительно мягкими благодаря юному возрасту подсудимого. Маяковский попадает сначала в Пресненскую полицейскую часть (Баррикадная ул. 4), затем в Сущевскую (Селезневская ул., 11). Однако до суда дело не доходит ввиду того, что арестованный был несовершеннолетним. Его выпускают на поруки старшей сестре, но под гласный надзор полиции. Семья к этому времени уже переехала на новую квартиру (4-я Тверская-Ямская ул., 28, кв. 52). Но приближалось лето, и Маяков-

ские решают от докучливых глаз перебраться вообще за город, в уже знакомое и полюбившееся Петровское-Разумовское.

Он полюбил эту необычную и дальнюю дорогу — от памятника Пушкину на первой проложенной в Москве линии трамвая через Малую Дмитровку, Долгоруковскую, Новослободскую, мимо Бутырской тюрьмы к заставе, откуда начинал свой путь паровичок. Соломенная сторожка. В сосновом лесу терялись редкие дачи и, несмотря на постоянную слежку, удавалось незамеченным добраться до Нового шоссе. В охранном отделении первоначальные клички «Кленовый» и «Высокий» очень быстро сменились другой — «Скорый». На Новом шоссе исчезнувший со временем дом располагался между нынешними домами 18-м и 20-м. Памятью о нем осталась зеленая полоска сквера.

«Дача большая, двухэтажная, — вспоминала Людмила Владимировна, — с широкими балконами, большим тенистым садом и цветником. В первом этаже жили хозяева дачи. Они не любили нас, называли «революционной бандой» и однажды сообщили в полицию, что у нас часто бывают собрания. В результате сделанного хозяевами доноса полиция, конная и пешая, оцепила дачу, закрыла все выходы и произвела ночью проверку всех живущих. Когда вошли в комнату Володи, он спал. У него ночевал товарищ и тоже спал. Полицейские удивленно спросили:

— Как, вас двое и вы спите?

На что Володя ответил:

— А вам сколько надо? — повернулся на другой бок и заснул.

Таким образом, затея наших хозяев не удалась, но они не оставили нас в покое и подали на нас в суд, требуя выселения».

Дождаться суда представлялось слишком большой неосторожностью — Маяковские вернулись в город на ставшую знакомой Долгоруковскую, где в доме Бутюгиной сняли квартиру № 38 (старый адрес — Долгоруковская, 47, современный — 33).

И все же, несмотря на казавшиеся надежными предупредительные меры, избежать нового ареста Володи не удастся. Второй арест наступает 18 января 1909 г. Маяковский снова в Сущевской части, где его продержат больше месяца и выпустят без предъявления обвинения. Вскоре вся семья Маяковских втягивается в подготовку побега группы политкаторжанок из женской Новинской тюрьмы.

Женщинам удалось скрыться, зато на следующий же день были арестованы все участники их освобождения, в том числе Маяковский.

Юный арестант попадает 1 июля в Басманную часть, но вскоре «за буйное поведение» переводится в Мясницкую (Малый Трехсвятительский пер., 8). Мера не оказывает действия, и 18 августа Маяковский ввиду того, что «своим поведением возмущает политических заключенных к неповиновению», направляется в Бутырскую тюрьму, этот, по выражению современников, «университет революционного образования». Его заключают в одиночную камеру № 103, где он проведет почти полгода.

Полгода «одиночки» — не всем даже очень опытным революционерам пришлось испытать на себе подобное наказание. Каким же невыносимым представлялось оно юноше, которого и на этот раз только возраст — все еще несовершеннолетний —

да еще недостаточно полный следственный материал спасают от суда и маячившего впереди сурового приговора. 9 января 1910 г. его освободят под гласный надзор полиции. И первое побуждение Маяковского — сейчас же, без промедления ощутить Москву, встретиться с ней. Семья к тому времени жила на Новой Божедомке (ул. Достоевского, 3), напротив Мариинской больницы, где родился и провел детство Ф.М. Достоевский.

Долгие недели в тюремной камере заставили над многим задуматься, многое для себя пересмотреть. Маяковский пробует писать стихи, но признает их совершенно неудачными. Он много рисует и останавливает свой выбор на живописи. Решение стать художником определялось не только внутренним влечением и способностями. Известное значение имели и условия занятий в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, со времени своего основания отличавшемся большим, чем в других учебных заведениях либерализмом. Здесь не делалось никаких ограничений ни в отношении образовательного ценза, ни в отношении благонадежности. Полицейский надзор закрывал перед Маяковским двери Университета и других институтов.

Лето 1911 г. уходит на подготовку к вступительным экзаменам по рисунку и живописи. Место работы — все тот же парк Петровской сельскохозяйственной академии, Соломенная сторожка. На даче, которую они будут снимать, Володя повесит на потолке большой размеченный по дням кусок колбасы — суточный рацион, которого не следовало нарушать и который из-за молодого аппетита постоянно нарушался: колбаса исчезала с необъяснимой быстротой. В августе экзамен был выдержан. Маяковский стал учеником Московского училища, живописи, ваяния и зодчества (Мясницкая, 21), куда ему приходилось добираться из 1 Мариинского переулка (пер. Достоевского, 12): Самотечная площадь, Цветной бульвар с цирком Соломонского, Труба, Рождественский бульвар, Сретенский бульвар, Мясницкие ворота...

Его отличает от сверстников редкая внутренняя сосредоточенность и целеустремленность. Ему не представляется возможным совмещать с каким бы то ни было занятием подпольную работу, но для подпольной работы — он теперь приходит к этому выводу — у него недостаточный запас знаний. В своей автобиографии он расскажет о времени выхода из Бутырок: «Вышел взбудораженный. Те, кого я прочел, — так называемые великие... Что я могу противопоставить навалившейся на меня эстетике старья? Разве революция не потребует от меня серьезной школы?.. Я прервал партийную работу. Я сел учиться». В словах Маяковского предвидение посылки, с которой выступит А.В. Луначарский в послереволюционные годы: «Если революция может дать искусству душу, то искусство может дать революции ее уста».

В первые же месяцы занятий в Училище имя Маяковского попадает на страницы газет. Скончался В.А. Серов, один из ведущих и любимейших преподавателей Училища, Маяковский выступает на его превратившихся в манифестацию похоронах. В газете «Русское слово» сообщалось: «Ученик Училища живописи Маяковский, указав на тяжелые потери, которые понесло русское искусство за последние пять лет в лице Мусатова, Вру-

И. Репин. Валентин Серов

беля и, наконец, Серова, высказался в том смысле, что лучшее чествование памяти покойного — следование его заветам». Смысл заветов Серова не раскрывался, но для каждого причастного к искусству человека он был ясен. Не получил признания М.А. Врубель, скончавшийся от тяжелой нервной болезни. Никак не ценился официальным искусством В.Э. Борисов-Мусатов. В открытой оппозиции к нему находился и Серов, демонстративно отказавшийся от звания члена императорской Академии художеств после событий Кровавого воскресенья, во главе которых выступил ее президент великий князь Владимир Александрович. И все три мастера для выражения своих убеждений искали новых изобразительных форм и средств.

Из новых знакомых он особенно тесно сходитя с Верой и Львом Шехтелями, детьми известного и модного архитектора, и будущим известным художником Василием Чекрыгиным. Осенью 1912 г. несколько раз ездит с ними в свой любимый старый парк Петровского-Разумовского и не без их воздействия пробует свои силы в стихосложении. Первое стихотворение — оно родилось, когда Маяковские жили на пресловутой московской Живодерке, носившей пышное название Владимиро-Долгоруковской улицы (ныне ул. Красина, 12). Записи стихов на случайных листках и обрывках бумаги покрывают всю квартиру.

Володя просит не убирать и уж во всяком случае не выбрасывать их. Стихия поэзии перехлестывает интерес к живописи. Из воспоминаний матери:

«Я сказала ему, что хорошо бы все же закончить художественное учебное заведение. Володя в шутовском тоне ответил мне: «Для рисования нужна мастерская, полотно, краски и прочее, а стихи можно писать в записную книжку, тетрадку, в любом месте. Я буду поэтом». Я читала первые стихи и говорила: «Их печатать не будут», на что Володя, уверенный в своей правоте, возразил: «Будут!» Чтения на слушателях в Романовке поддерживали внутреннюю убежденность. Пусть аудитория была мала — она представлялась очень ответственной. Стены Романовки звучали именами, и какими!

В 1890-е гг. живет здесь все время своей учебы русский композитор-симфонист В.С. Калинников, «Кольцов русской музыки», как назовут его современные критики. Острая нужда заставит его подрабатывать на жизнь в сырой и промозглой оркестровой яме соседнего, на углу Кисловского переулка и Большой Никитской, театра «Парадиз». Переезд в Ялту не сможет остановить начавшегося туберкулеза. В те немногие разы, когда средства позволят ему добираться до Москвы, он будет останавливаться в Романовке и здесь исполнит для навестившего его С.И. Танеева в 1895 г. свою приобретшую мировую известность Первую симфонию.

В конце девяностых годов в Романовке возникает своеобразный музыкальный салон. У поселившегося в ее номерах музыкального деятеля С.Н. Кругликова охотно собирается вся труппа Русской Частной оперы С.И. Мамонтова. Часто бывает Н.А. Римский-Корсаков, художники Константин Коровин и М.А. Врубель со своей женой, певицей Забелой-Врубель, которую Римский-Корсаков считал непревзойденной исполнительницей своих произведений. Любит петь у Кругликова Ф.И. Шаляпин. В непринужденной обстановке скромной кругликовской квартиры происходили и репетиции опер мамонтовского театра.

Рядом, в той же самой Романовке, точнее — в пристроенном вдоль Малой Бронной театральном помещении для концертов и спектаклей (ныне — Театр на Малой Бронной), иначе — в Романовской зале, рождался Художественный театр. До появления собственного здания в нынешнем проезде МХАТа, молодой театр использовал Романовскую залу для репетиций. Второго сентября 1900 г. здесь на репетиции «Снегурочки» А.Н. Островского побывал А.М. Горький. Писатель рассказывал об этом запомнившемся дне: «Я был на репетиции без костюмов и декораций, но ушел из Романовской залы очарованный и обрадованный до слез. Как играют Москвин, Качалов, Ольга Леонардовна (Книппер-Чехова), Савицкая! Все хороши, один другого лучше... Художественный театр — это также хорошо и значительно, как Третьяковская галерея, Василий Блаженный и все самое лучшее в Москве». Образ Горького — «великого Горького», как его называет в юности Маяковский, — продолжал жить в Романовке. Образ буреви́тника — огромной и легкой, стремительной черной птицы, каким впервые увидел писателя В.И. Качалов на лестнице Романовки. О ней услышал Маяковский и в первую свою московскую зиму, расспрашивая участников баррикадных боев. Баррикаду, перегородившую Малую Бронную около нее,

удалось взять царским войскам 14 декабря 1905 г. только после артиллерийского обстрела, повредившего и самый дом.

Все годы были разными, но среди них были и совершенно особенные, как год тринадцатый. Ранняя весна. Прогулки с Шехтелями по едва начавшему просыпаться после зимы лесу Петровского-Разумовского. Фотография троих друзей – Маяковского, Льва Шехтеля, Василия Чекрыгина, – сделанная Верой Шехтель. Разговоры об издании стихов. Всякие попытки переговоров с книгоиздателями оказались безуспешными: печатать непривычную поэзию никто не решался. Мысль о собственном издании литографским путем.

В доме Шехтелей (Большая Садовая ул., 4) Чекрыгин переписывает на светочувствительную бумагу тексты и вместе с обоими Шехтелями делает иллюстрации, иногда нравившиеся, чаще не нравившиеся поэту. На обложке появляется на черном фоне ярко-желтый бант – своего рода портретная черта Маяковского, вызывавшая неудержимое бешенство критики. Сам Маяковский рассказывал о его появлении: «Костюмов у меня не было никогда. Были две блузы – гнуснейшего вида. Испытанный способ – украшаться галстуком. Нет денег. Взял у сестры кусок желтой ленты. Обвязался. Фурор. Значит, самое заметное и красивое в человеке – галстук. Очевидно – увеличишь галстук, увеличится и фурор».

Необходимые для расплаты с литографом тридцать рублей были добыты Львом Шехтелем, и, подготовив к воспроизведению всю книгу, друзья все вместе отправились в небольшую литографическую мастерскую на Садовой-Каретной. Не обошлось без отказов со стороны хозяина и уговоров со стороны пришедших, тем не менее, цель была достигнута – 3 мая появилась корректура.

В. Серов. А.М. Горький.
1904 г.

«Когда была получена первая гранка — первый контрольный экземпляр, громадный Владимир Владимирович прыгал от радости на одной ноге, весь сиял от счастья, — писала В. Шехтель. — И все острил: «Входите в книжный магазин: «Дайте стихи Маяковского». — «Стихов нет — были, да все вышли, все распроданы». Это казалось настолько нереальным, необычайным, что в первую очередь он, а за ним и все мы хохотали невероятно. Эта его острота чем-то ему особенно понравилась, он повторял по несколько раз в день: „Нет стихов Маяковского — были да все вышли“».

Весь тираж — триста экземпляров — был напечатан 17 мая и незамеченным не остался. Реакция читателей была различной, но всегда одинаково бурной — как в восторге, так и в неприятии. Не проходят мимо нового явления критики и среди них Корней Чуковский. Его встреча с Маяковским сама по себе сложилась достаточно необычно. Чуковский разыскал Маяковского в Литературно-художественном кружке на Большой Дмитровке (15).

«...Я узнал, что Маяковский находится здесь, рядом с рестораном, в бильярдной. Кто-то сказал ему, что я хочу его видеть. Он вышел ко мне нахмуренный, с кием в руке и неприязненно спросил:

— Что вам надо?

Я вынул из кармана его книжку и стал с горячностью высказывать ему свое одобрение. Он слушал меня не дольше минуты и, наконец, к моему изумлению, сказал:

— Я занят... извините... меня ждут... А если вам хочется похвалить эту книгу, подите, пожалуйста, в тот угол... к тому крайнему столику, видите, там сидит старичок... в белом галстуке... подите и скажите ему все...

Это было сказано учтиво, но твердо.

— При чем же здесь какой-то старичок?

— Я ухаживаю за его дочерью. Она уже знает, что я великий поэт... А отец сомневается. Вот и скажите ему.

Я хотел было обидеться, но засмеялся и пошел к старичку... После этой встречи я понял, что покровительствовать Маяковскому вообще невозможно. Он был из тех людей, которым не покровительствуют.

Поговорив со старичком сколько надо (а старичок оказался прелестный), я поспешил уйти из ресторана. Маяковский догнал меня в вестибюле. Едва только мы вышли на улицу, он стал вполголоса декламировать отрывки стихов Саши Черного, а потом переведенные мною стихи Уолта Уитмена...

— Неплохой писатель, — указал он. — Но вы переводите его чересчур бонбоньерочно. Надо бы корявее, жестче. И ритм у вас бальмонтовский, слишком певучий».

В том же мае Маяковский объявляет открытую войну бальмонтовскому направлению в поэзии. В Литературно-художественном кружке проходит доклад Бальмонта о совершенном им путешествии в Мексику. Снобистические восторги. Изумление посвященных. Множество таинственных непонятных слов. Немного зрителей. И неожиданный взрывной выход всклоченного юноши в блузе с ярким галстуком: «Константин Дмитриевич! Позвольте приветствовать вас от имени ваших врагов!» Поэт П.Г. Антокольский, гимназистом оказавшийся на этом ве-

чере, вспоминал: «Юноша говорил о том, что Бальмонт проглядел изменившуюся вокруг него русскую жизнь, проглядел рост большого города с его контрастами нужды и богатства, с его индустриальной мощью. И он снова цитировал Бальмонта:

Я на башню всходил, и дрожали ступени,

И дрожали ступени под ногой у меня.

А сегодня, дескать, на эту вершину взобралась реклама фабрики швейных машин.

Говорил он громко, по-ораторски, с великолепным самообладанием. Кончил объявлением войны Бальмонту и тому направлению поэзии, которому служит Бальмонт... По рядам, где-то сбоку и сзади пронесся шелестящий, свистящий шепот:

– Кто?

– Кто это? Не знаете?

– Черт знает что! Какой-то футурист Маяковский...

Молодецкое, веселое и острое в облике и словах Маяковского не могло не врезаться в память и воображение. Оно казалось мне достойным и осуждения и подражания, пугало и радовало одновременно. Во всяком случае, оно начисто смыло тусклые краски вечера».

Как ни продолжало по-прежнему манить Петровское-Разумовское, лето 1913 г. проходит в Кунцеве, одном из самых модных и популярных среди москвичей дачных мест. Не хотелось расставаться с Шехтелями, тем более пренебрегать возможностью работать в сооруженной рядом с великолепной трехэтажной дачей их отца мастерской. Работать всем вместе и спорить о главном – средствах отражения современности. В мастерской на стене висела специальная тетрадь для записей, носившая название: «Мое сегодняшнее мнение о моей сегодняшней живописи». Споры продолжались и у Маяковских, снимавших комнаты недалеко от железнодорожной станции в Почтовом проезде (2-я Московская ул., 5). Володя помещался в крохотной клетушке на втором этаже, спорщики размещались на веранде первого этажа или в саду у врытого в землю стола с деревянной скамьей. Купались в Москве-реке у Крылатского – Володя частенько переплывал на другой берег. Проводили часы под знаменитым кунцевским вековым дубом. Маяковский со временем напишет, что строка «гладьте сухих и черных кошек» из трагедии «Владимир Маяковский» пришла ему на ум именно там.

Кунцевский дуб дважды входит в историю литературы. Тем же летом впервые решается прочесть вслух свои стихи под его могучими ветвями Сергей Есенин. Тогда двум поэтам еще не суждено было встретиться.

Настоящее поэтическое лето – именно тогда Маяковский начинает себя сознавать как поэта. В сентябре он заканчивает трагедию в стихах «Владимир Маяковский», носившую первоначально название «Восстание вещей». Девятнадцатого октября выступает на открытии футуристического кабаре «Розовый фонарь» в Мамоновском переулке. Торжественное открытие, привлечшее весь цвет московского общества, завершилось грандиозным скандалом. По словам газетного отчета, начавший читать свои стихи «Маяковский в дальнейшем выражался весьма определенно, – заявил, что плюет на публику». По словам Маяковского, «„Розовый фонарь“ закрыли после чтения мной

В.В. Маяковский. Фото 1916 г.

„Через час отсюда“». Московские нувориши не могли стерпеть прямого и открытого оскорбления в свой адрес, Маяковский не собирался скрывать своего отношения к ним. Сборник, который они издадут вместе с Алексеем Крученых благодаря материальной помощи композитора С. Долинского и летчика Г. Кузьмина, так и будет называться «Пощечина общественному вкусу».

Улица Большая Пресня, 36, квартира 24 — последняя московская квартира перед отъездом в Петроград. С ее адреса начинается стихотворение «Я и Наполеон», и себя Маяковский назовет поэтом с Большой Пресни:

*Люди!
Когда канонизируете имена
Погибших, меня известней, —
Помните:
еще одного убила война —
поэта с Большой Пресни.*

Начавшиеся в январе петроградские дни вскоре прервутся поездкой в старую столицу. С марта до середины мая 1915 г. Маяковский будет в Москве гостем Д.Д. Бурлюка (Большой Гнездиковский пер., 10). Вскоре он закончит поэму «Облако

в штанах» и в июне 1916 г. прочтет ее в Большой аудитории Политехнического музея как пророчество наступающих перемен:

*Я,
обсмеянный у сегодняшнего племени,
как длинный
скабрезный анекдот,
вижу идущего через горы времени,
которого не видел никто.
Где глаз людей обрывается куцый,
главой голодных орд,
в терновом венце революций
грядет шестнадцатый год.*

Чтение стало причиной очередного столкновения с полицией. По словам Льва Никулина, «в первом ряду сидел известный москвичам полицейский пристав Строев, на его мундире красовался университетский значок – редкостное украшение для полицейского чина. Наружность Строев имел обыкновенную, полицейскую, с лихо закрученными черными усами. Его посылали на открытия съездов, на собрания, где можно было ожидать политических выпадов против правительства, и на литературные публичные вечера. Так что присутствие именно этого пристава никого особенно не встревожило, но странно было, что он держал в руках книгу и, пока читал Маяковский, не отрывался от нее. И вдруг в середине чтения встал и сказал:

– Дальнейшее чтение не разрешается.

Оказывается, он следил по книге, чтобы Маяковский читал только разрешенное цензурой, когда же Владимир Владимирович попробовал прочитать запрещенные строки – тут проявил свою власть образованный пристав.

Поднялась буря, свистки, крики «вон!».

Тогда полицейский знаток литературы сказал, обращаясь не к публике, а к поэту:

– Попрошу очистить зал».

В течение 1917 г. 26 марта Маяковский выступает в театре «Эрмитаж» (Каретный ряд, 3) на 1 республиканском вечере искусств с отрывками из поэмы «Война и мир», 24 сентября в Большой аудитории Политехнического музея он читает доклад «Большевик искусства», стихи «Война и мир» и «Революция». Семнадцатого ноября звучит его призыв на большом собрании литераторов, художников и артистов: «Приветствовать новую власть и войти с ней в контакт». С декабря 1917 г. до июня 1918 г. Маяковский снова в Москве в меблированных комнатах «Сан-Ремо» в Салтыковском переулке (Дмитровский пер., 9), где был написан «Приказ по армии искусств»:

*Канитель стариков бригады
Канитель одну и ту ж.
Товарищи!
На баррикады! –
баррикады сердец и душ.
Только тот коммунист истый,
кто мосты к отступлению сжег.
Довольно шагать, футуристы, –
в будущее прыжок!*

Как остро он ощущал: жизнь изменилась – в своем смысле, ритме, неослабевающим накале напряжения буден. С начала

марта 1919 г. окончательно в Москве. «Комнатенка-лодочка» в Лубянском проезде (Лубянский пр., 3 кв. 12) — рабочий кабинет до последнего дыхания. С октября девятнадцатого до марта 1922 г. художественно-поэтическая мастерская РОСТА — Российского телеграфного агентства (Милютинский пер., 11): плакаты на все злободневные темы. Рисованные и подписанные. Всего было создано 1600, из них больше пятисот принадлежало ему, как художнику, к восьмистам он сделал подписи. «Вспоминаю — отдыхов не было. Работали в огромной нетопленной, сводящей морозом (впоследствии — выедающей дымом буржуйки) мастерской РОСТА. Придя домой, рисовал опять, а в случае особой срочности клал под голову, ложась спать, полено... особенно не заспишься», — Маяковский признавал только телеграфный стиль в описании биографии.

В развороте творческих замыслов ему едва хватает целой Москвы. Собственные слова: «1918 год — РСФСР не до искусства. А мне именно до него. 15 октября 1918 года. Окончил «Мистерию-буфф». Читал. Говорят много». В июне 1921 г. пьеса будет поставлена для делегатов III конгресса Коминтерна в помещении бывшего цирка Соломонского (Цветной бульвар, 15). Из воспоминаний современницы: «Спектакль шел в море разноцветных огней, заливавших арену то синей морской волной, то алым адским пламенем. Финальное действие развернулось в победное шествие нечистых и парад всех участников

В.В. Маяковский. Фото
1924 г.

Д.Д. Шостакович,
В.Э. Мейерхольд,
В.В. Маяковский,
А.М. Родченко за работой
над постановкой пьесы
Маяковского «Клоп».
1929 г.

спектакля под гром «Интернационала», подхваченного всей многоязыкой аудиторией... Маяковского долго вызывали. Наконец, он вышел на середину арены с какой-то совершенно ему несвойственной неловкостью, сдернул кепку и поклонился представителям всего земного шара, о судьбе которого он только что рассказал».

Двадцать первого октября 1924 г. Маяковский читает в Красном зале МК ВКП(б) (Б. Дмитровка, 15-а) поэму «Владимир Ильич Ленин». Он прочтет здесь же перед партийным активом в октябре 1927 г. поэму «Хорошо», а 21 января 1930 г. последняя часть поэмы о Ленине прозвучит в его исполнении на траурном вечере в Большом театре.

Бесконечные редакции, издательства требовали посещения, предлагали постоянно все новые и новые литературные заказы: газета «Комсомольская правда» (Малый Черкасский пер., 1), Госиздат (М. Никитская, 6/2), газета «Известия» на Пушкинской площади:

*Люблю Кузнецкий
(простите грешного!),
потом Петровку,
потом Столешников;
по ним
в году
раз сто или двести я
хожу из «Известий»
и в «Известия».*

И один из самых дорогих адресов – театр В.Э. Мейерхольда, иначе – Гостим, на площади, которая будет носить его собственное имя (Тверская ул., 34, ныне – Концертный зал им. П.И. Чайковского, перестроенный из театрального помещения). Здесь пройдут премьеры в 1929 г. «Клопа» и в 1930 г. «Бани».

Работа сосредоточивалась в «комнатенке-лодочке», жизнь – с конца апреля 1926 года в далеком, за Таганкой, Гендриковом переулке (пер. Маяковского, 13/15, ныне – Государственная

библиотека-музей В.В. Маяковского). Теодор Драйзер, Назым Хикмет, Луи Арагон, Диего Ривера, Мейерхольд, А.В. Луначарский, И.Э. Бабель, С.М. Эйзенштейн — немногие из тех, кто бывал здесь.

Простое крылечко. Тесный тамбур. Узкая лестница на второй этаж. Две крохотных комнаты. Столовая с черным кожаным диваном, буфетом и раздвижным столом, окруженным обыкновенными стульями. Служивший спальней кабинет с письменным столом и широкой тахтой. Немного книг. Удобная лампа. Пишущая машинка. Слова Луначарского о впервые здесь прочитанной поэме «Хорошо»: «Это — октябрьская революция, отлитая в бронзу».

РЕКОНСТРУКЦИЯ

Почти сразу после переезда советского правительства в древнюю столицу, в течение 1918—1925 гг., разрабатывается под руководством архитекторов А.В. Щусева и И.В. Жолтовского план «Новая Москва», намечавший развитие города в пределах Окружной железной дороги. Для усиленного жилищного строительства отводились районы на Севере и Северо-Западе, за счет реконструкции пригородов, для промышленного — Юг и Юго-Восток. Для центра города намечалось создание системы, где сочетались собственно исторический центр, превращаемый в средоточие деловой жизни, и несколько периферийных центров. Реконструкция включала снос ветхой застройки, но с самым бережным сохранением всего архитектурного наследия.

Авторы плана имели в виду усовершенствовать радиально-кольцевую систему улиц, создание на периферии новой кольцевой магистрали, вокруг которой должны были располагаться своеобразные города-сады, строительство двух железнодорожных диаметров и метрополитена.

За этот же период продолжалось усиленное благоустройство города. Водопровод и канализацию получили районы Марьиной рощи, Черкизова, Богородского, Бутырок, Петровско-Разумовского, Сокольников и др. В 1925 г. практически был электрифицирован весь город. Массовую электрификацию московских окраин позволил пуск Шатурской и Каширской электростанций.

Прокладка трамвайных путей позволила одновременно вести работы по устройству мостовых, тротуаров, уличного освещения.

Промышленные и градостроительные достижения Москвы были представлены на Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке 1923 г.

Под выставку были отведены земли городской свалки на территории современного Центрального парка культуры и отдыха. Строительными работами руководил архитектор А.В. Щусев. Всего было сооружено 225 зданий, многие из которых во-

Лубянка, нач. 20-х гг.
В этом здании (справа)
размещалось ВЧК–
ОГПУ–НКВД–КГБ

шли в силу оригинальности своего решения в историю нашей архитектуры. Деревянные конструкции разрабатывали А.В. Кузнецов и Г.Г. Карлсен.

В рабочих районах Москвы возникают новые жилые кварталы со свободной расстановкой зданий, дворами-садами, спортивными площадками и площадками для детских игр, как например, Усачевка, Дубровка, Дангауэровка. В строительстве использовались типовые жилые секции и отдельные стандартные конструкции. Особенно широкое распространение по всему городу получают 4–5-этажные кирпичные дома с деревянными перекрытиями, имевшие в основе типовую двухквартирную секцию. В Дубровке, например, это 25 благоустроенных домов (реконструированы в 1977–1978 гг.). 24 дома имела и Дангауэровская слобода, получившая в дальнейшем название Новые дома, к югу от шоссе Энтузиастов. Жилой комплекс на улице Усачева стал памятником архитектуры 20-х гг. Он был возведен архитектором А.И. Мешковым и инженером Г.А. Масленниковым на территории около 25 га. Однотипные по конструкции дома сгруппированы здесь в несколько кварталов с периметральным и глубинным расположением корпусов. Одновременно строилась и вся инфраструктура – детские дошкольные учреждения, школа, амбулатория, универмаг, баня, столовая, заложен бульвар.

БИБЛИОТЕКИ

Сразу после Октябрьского переворота библиотечное дело становится приоритетным в культурной жизни Москвы. Начинает формироваться библиотечная сеть. В основу вновь образуемых библиотек кладется принцип их общедоступности, при-

влечение к сотрудничеству с ними возможно большего количества читателей.

При Моссовете создается Библиотечный совет под руководством В.Я. Брюсова. Совет организует охрану книжных фондов, но и одновременно реквизицию и национализацию крупнейших и наиболее известных частных библиотек. К 1 января 1919 г. их берется на учет около пятисот, хотя для широкого читателя удастся открыть всего лишь семь. Появляется понятие партийной библиотеки, которой должен был располагать каждый район. Специальная библиотечная секция Московского военного округа еще в 1918 г. открывает около семидесяти библиотечных читален для красноармейцев.

1918 г. был отмечен образованием библиотеки Социалистической Академии общественных наук (в дальнейшем, с 1936 г., — Фундаментальная библиотека общественных наук, в настоящее время — Институт научной информации по общественным наукам Академии наук РФ). Осуществляя систематизацию и учет советской и иностранной литературы по общественным наукам, библиотека издавала свыше двадцати серий информационно-библиографических бюллетеней текущих изданий. В ее функции входило составление библиографических указателей и списков, научная работа в области библиотековедения и библиографии. Организационно в ее систему были включены библиотеки всех академических институтов гуманитарного профиля. Первоначальным помещением библиотеки стал особняк на Знаменке (№ 11). С 1974 г. переведена в специально построенное здание (Нахимовский пр., 28/45, архитекторы Я.Б. Белопольский, Е.П. Вулых, Л.В. Мясожников).

В 1919 г. открывается Городская библиотека (с 1946 г. носит имя Н.А. Некрасова) и при ней «Кабинет московского библиотечаря», ставший одним из первых методических кабинетов в Советском Союзе. В годы Великой Отечественной войны располагается в здании ресторана «Прага», в дальнейшем в ансамбле Поливановской усадьбы (Б. Бронная ул., 20/1). 1 мая открывается Центральная медицинская библиотека (ныне — Нахимовский пр., 30, проект архитектора Е.П. Вулых). 1920 г. отмечен образованием Библиотеки иностранной литературы как библиотеки гуманитарного профиля. В 1948 г. она приобретает статус всесоюзной библиотеки. Из Петровских линий, где долгое время размещалась, в 1967 г. библиотека переводится в специально построенное здание (Николоямская ул., 1), выстроенное по проекту архитекторов Д.Н. Чечулина, Н.М. Молокова и В.А. Ситнова.

Уже в начале 20-х гг. Москва приобретает имя библиотечной столицы. Именно в ней закладывается начало формированию сети научно-технических и специальных библиотек, как, например, основанной в 1922 г. Государственной центральной театральной библиотеки. В 1948 г. ей было передано сооруженное М.Ф. Казаковым здание Московской конторы императорских театров (Б. Дмитровка, 8/1), которое после Октябрьского переворота занимало Управление государственных театров.

В 1925 г. формируется Педагогическая библиотека, с 1945 г. носящая имя К.Д. Ушинского. Годом раньше она была включена в систему Академии Педагогических наук РСФСР. Библиотеке предоставлена бывшая усадьба Демидовых (Б. Толмачевский пер., 3).

Валерий Брюсов

Но самым большим событием того же года явилось образование 6 февраля «Ленинки» — Публичной библиотеки Советского Союза. В ее основу легло собрание графа Н.П. Румянцева, включавшее 28 512 томов книг и 1 050 рукописей и составлявшее часть бывшего Румянцевского музея. Последний был ликвидирован в 1921 г. и распался на свои составные части. Его картинная галерея вошла в Музей западной живописи, а картины русской школы в Третьяковскую галерею. Этнографический отдел превратился в Центральный музей народоведения, отдел древностей перешел в Государственный исторический музей.

В библиотечную часть Румянцевского музея со времени его перевода в Москву в 1861 г. вошли библиотеки Одоевского, Чаадаева, Виельгорского, Веневитинова, Нила Попова, Бороздина, Бецкого, Полторацкого, Неустроева, Погодина и многих других. С 1866 г. в нее представлялся так называемый «обязательный экземпляр» каждого выходившего в стране издания.

Деятельность Библиотечного совета при Моссовете пополнила библиотеку, ставшую главной в стране, богатейшими частными библиотеками — С. Шереметева (40 тысяч томов), Воронцова-Дашкова, Барятинских, Юсуповых, Рябушинского, Орлова-Давыдова, С. Трубецкого и т.д., а также целыми складами, как, например, известного антиквара П.П. Шибанова. Большая роль принадлежала в этом разъезжим, как их называли, эмиссарам брошенных коллекций. Библиотека располагала средствами для приобретения книг, но главными оставались поступавшие в нее дары.

«Ленинка» получает библиотеку Общества русских врачей в 67 тысяч томов. К ней присоединяются огромные библиотечные комплексы, вроде библиотеки Духовной академии и бывшей Лаврской, что составляло около 600 тысяч книг, Московского епархиального дома и Духовной семинарии (свыше 150 тысяч томов), Государственной библиотеки по народному образованию. «Ленинка» получает право на два «обязательных» экземпляра.

Не меньшее пополнение принимает и ее рукописный отдел. 1270 рукописей поступают из Сергиевского филиала, старописные и старопечатные книги Рогожского кладбища, архивы Некрасова, Гольцева, Чеховский музей, переписка Буланова, Свищунова, Коновнических.

Соответственно постоянно растет личный состав библиотеки. Если в 1914 г. в него входило 108 сотрудника, то в 1918 г. — 154, в 1919 г. — 268, в 1925 г. — 309. Выдача книг была самой высокой в 1916 г. (около полумиллиона). В течение 1917–1918 гг. последовал спад, но уже в 1921 г. библиотека выполняет 879 000 требований читателей, в 1922 г. — миллион двести тысяч, в 1924 г. — миллион четыреста тысяч. При этом основными читателями (около 70%) остаются учащиеся, вдвое возрастает число рабочих, служащих. Отмечается прирост и среди научных работников.

К тому же «Ленинка» становится центральным справочным аппаратом для Совета Народных Комиссаров, Совета Труда и Обороны, отдельных наркоматов.

Первоначально библиотека располагалась в Пашковом доме, интерьеры которого подверглись коренной перестройке для создания возможно более вместительного читального зала.

Библиотека имени
Ленина

В 1928–1958 гг. возводятся шесть новых корпусов, в том числе 19-этажное книгохранилище (архитекторы В.Г. Гельфрейх, В.А. Шуко и др.).

К числу значительнейших московских библиотек можно также отнести Библиотеку Государственного Исторического музея, существующую с 1883 г. Основная ее направленность — вопросы исторического знания и подбор русских книг по всем отраслям знания до 1860-х гг. При библиотеке существует отдельный раздел — по истории русской книги. Она включает в себя ценнейшие коллекции — А.Д. Черткова, И.Е. Забелина, А.П. Бахрушина, П.С. и А.С. Уваровых, а также собрание книг, рукописных и иконографических материалов имени А.С. Грибоедова, основанное на «Гоголиане» академика М.Н. Сперанского собрание имени Н.В. Гоголя, музей имени Ф.М. Достоевского. В канун октябрьского переворота библиотека насчитывала около 600 тысяч томов, к 1926 г. — миллион 200 тысяч. С 1921 г. библиотека стала получать «обязательный экземпляр».

В 1922 г. были объединены существовавшая с 1872 г. библиотека Государственного Политехнического музея и основанная в 1863 г. библиотека Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, которые включали литературу по вопросам прикладных наук, естествознания, географии, этнологии, антропологии, архитектуры и изобразительных искусств. Число томов на конец 1926 г. превысило 600 тысяч. Библиотека приобрела право на «обязательный экземпляр» книг, издаваемых в РСФСР. В том же 1926 г. был открыт новый общий читальный зал и при нем два кабинета для собственно научной работы.

Тогда же появилась фундаментальная библиотека при Государственной академии художественных наук, в которую вошли собрания Литературно-художественного кружка, Книжного фонда, Брюсовского института преимущественно по вопросам литературы и искусства. Основанная в 1918 г. библиотека Народ-

ного Комиссариата просвещения переходит в ведение Института красной профессуры. Ее первоначальное ядро составили библиотека бывшего Педагогического собрания и бывшего Катковского лицея.

Едва ли не лучшим техническим оборудованием располагала образованная в 1923 г. библиотека Института В.И. Ленина при ЦК ВКП(б). Ее специальное, на 14 этажей, книгохранилище железной конструкции с 12 километрами полок, соответствующими конвейерами и подъемниками, было закончено в 1926 г. Оно заключало в себе собрание на 100 тысяч томов, книжное собрание Женевской библиотеки РСДРП, архива Бунда, коллекции Л.П. Меншикова, Б. Корнилова, Радлова, Крейчи и др. Богатейшее пополнение осуществлялось обменом в широком масштабе, покупками и «обязательным экземпляром» СССР.

В таких же преимущественных условиях находилась и библиотека Коммунистической (до 1924 г. — Социалистической) академии при ЦИК СССР, образованная еще в 1918 г. В нее вошли часть книжного собрания бывшего Катковского лицея, бывшей Практической Академии, Биржевого комитета, Московской Книжной палаты, многих частных лиц.

Общее число книг в библиотеке приблизилось на начало 1927 г. к одному миллиону. Существенной особенностью библиотеки было то, что в 1926 г., например, она получала около 1000 названий иностранных и до 1500 русских журналов, свыше 70 газет. Характерно, что среди 12 кабинетов, на которые подразделялась библиотека, первым шел кабинет идеологии, в который включалась философия, искусство и художественная литература. На втором месте стояла религия, на третьем — точные и естественные науки, на четвертом — история и международная политика и только на девятом — литература по социализму и коммунизму.

Особое место занимала Книжная палата (Кремлевская набережная, 1/9 — бывший дом композитора А.А. Алябьева), как центр государственной библиографии и статистики печати в государственном масштабе. В ее функции входило снабжение библиотек «обязательными экземплярами», в том числе московских, издание библиографических указателей, профилированных по видам изданий, печатных каталожных карточек на все выходящие книги.

Но особенно большим было число общедоступных библиотек в Москве. В конце 1920-х гг. сюда входили библиотеки детские (самостоятельные), базовые, подрайонные, передвижные фонды, самостоятельные читальни, а также читальни центральные, специальные, национальные и районные. В них обращалось около 1 миллиона 200 тысяч книг. Все время в поле зрения библиотечного руководства оставались передвижные фонды, которые территориально охватывали самый читающий — Краснопресненский район (42 передвижки), Бауманский (24), Сокольнический (22), Рогожско-Симоновский (21), Хамовнический (13) и Замоскворецкий (7). К передвижкам были отнесены и так называемые книгоноши — за незначительную плату принимавшие заказ на книгу на дому и на дом же ее доставлявшие. Одним из таких центров стала организованная по инициативе Н.К. Крупской Библиотека Общества «Долой неграмотность», преобразованная в дальнейшем во Вторую городскую библиотеку.

Плакаты. 1920 г.

ку имени Н.В. Гоголя (Никитский бульвар, 7-а, при библиотеке Мемориальные комнаты Н.В. Гоголя с музейной экспозицией).

Библиотеки от передвижных фондов действовали при всех московских домоуправлениях, преимущественно для детей и лиц пожилого возраста, Летом их в обязательном порядке открывали на всех московских бульварах, в парках культуры и отдыха, любых местах народного отдыха. И это притом, что содержание штатов библиотечных работников целиком лежало на местном бюджете, а зарплата последних оставалась одной из самых низких среди работников интеллектуального труда. Осуществление практическое принятого за основу лозунга библиотечного дела — «не ждать читателя, а идти к нему, искать его, звать его» — зиждилось, в конечном счете, на неисчерпаемом энтузиазме библиотекарей, их влюбленности в свое дело.

ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ

Хозяйственная разруха в стране привела к тому, что в 1920 г. валовая продукция крупной промышленности Москвы составляла всего 13% относительно уровня 1913 г. Металлообрабатывающая промышленность производила всего 11%, химическая — 11,2%. Численность рабочих крупной промышленности не превышала 50%.

Последующий рост предприятий отличался редкой стремительностью. Продукция промышленности Москвы в 1921 г. увеличилась по сравнению с предыдущим годом на 30%, в 1922 г. — на 60%, в 1923 г. — на 33%, а 1924 г. — на 42%, в 1925 г. — на 50% по сравнению с каждым предыдущим годом. Уровень выпуска фабрично-заводской продукции вплотную подошел к уровню 1913 г. Усиленно восстанавливались рабочие кадры, хотя количество безработных было еще очень велико.

В 1925 г. крупная государственная промышленность Москвы давала свыше 85% продукции, кооперативная — около 9%, частная — около 5,5%.

Городское хозяйство к 1925 г. в основном достигло уровня 1913 г. и начало его превышать. Длина трамвайных путей составляла перед началом Первой мировой войны 301 км, теперь 385,3 км. Число перевезенных пассажиров увеличилось с 257 до 416 миллионов. В 1924 г. появился новый вид транспорта — автобус.

После Октябрьского переворота основными видами городского транспорта оказываются трамвай и извозчики, причем московский трамвай имеет к этому времени очень развитую сеть и к началу Первой мировой войны число перевезенных им пассажиров достигает четверти миллиона в год. Не случайно в это время его часто определяют как городскую электрическую железную дорогу.

Собственно появление трамвая в России не было связано с Москвой. Пионером в этом виде транспорта выступает в 1891 г.

Строительные работы
на Манежной площади
в 1939 г.

Киев, его примеру следует Казань, затем Нижний Новгород и, наконец, старая столица, пользовавшаяся с 1872 г. услугами конки и только в 1895 г., начавшая переоборудование под трамвай первого участка конки от Страстной (ныне Пушкинской) площади до Петровского парка, излюбленного места народных гуляний и отдыха. Тем не менее нельзя сказать, чтобы Москва значительно отставала в отношении трамвайного транспорта от крупнейших городов мира.

Первая трамвайная линия в мире была проложена в предместье Берлина Лихтенфельде (длиной около двух с половиной километров) только в 1881 г. Такая возможность в техническом плане появилась вместе с возникновением в 1870 г. электрических станций, необходимых для использования электрического двигателя постоянного тока. Соответственно первые опыты были поставлены в 1878–1879 гг. Эдисоном в США и Сименсом в Германии.

В 1884 г. трамваи появляются в Париже, Вене и городах Соединенных Штатов. Первая трамвайная линия в Америке с использованием электровоза сдается в эксплуатацию в 1885 г. в Балтиморе. Тремя годами позже появляется в Ричмонде моторный трамвайный вагон. Ко времени Октября Россия располагала 28 трамвайными предприятиями, а с 1924 по 1946 гг. их было построено еще 45. Но уже в одной Москве число пассажиров трамвая достигло в 1924 г. 380 миллионов человек.

Поезда московского трамвая составлялись из одного, двух и трех вагонов, причем пассажирские вагоны делились на моторные и прицепные, одностороннего и двустороннего действия – по устройству дверей с одной или двух сторон и по количеству контроллеров, осуществлявших управление поездом. Преобладали двухосные вагоны, имевшие длину от 9 до 11 метров, но существовали в эксплуатации и четырехосные – длиной от 12 до 15 метров. Ширина вагонов колебалась от 2,1 метра до 2,5 метра. Расположение диванов для сидения могло быть поперечным, продольным или смешанным. В качестве материала для них применялось дерево.

Первоначальный тип вагонов был неветилируемым, впоследствии в эксплуатацию поступили цельнокорпусные вагоны с самовентиляцией. Причем каждый имел непременно громкоговор, освещение, отопление и сигнализацию.

После Отечественной войны на линии вышли вагоны более совершенной конструкции в смысле прежде всего увеличенной вместимости. Применение колес с подрезиненными бандажами и резиновых рессор обеспечило относительную бесшумность их движения. Повысились скорости.

Помимо пассажирских перевозок, московский трамвай обслуживал и грузовые. Так было и в годы Первой мировой войны и особенно в годы Великой Отечественной войны. Постоянно производились перевозки грузов — строительных материалов, продовольствия, топлива и т.п. Это обходилось городу более чем в два раза дешевле по сравнению с доставкой автогрузовым транспортом. Специальные электровозы везли целые составы из трамвайных и железнодорожных вагонов. Существовали и моторные платформы с одним или двумя прицепами. Грузовые поезда пускались почти исключительно в ночное время и отчасти в дневное. В последнем случае по специально разработанному графику и при наличии ответвлений для разгрузки, чтобы не мешать пассажирскому транспорту. Москва прямо отстраивалась прямо под бомбежками, и в этой неустанной работе московский трамвай был незаменим.

...Утро в Москве начинается с трамвайных звонков. Сначала где-то вдалеке: «дрынь!», «дрынь-дрынь!» Все ближе. Все настойчивее. Ведь утро же! Утро!

Это еще не вагоновожатый прокладывает себе дорогу. Требует. Сердится. Спешит. Это сам вагон позвякивает на пустой улице. Потому что ему не мешают. Потому что на остановках его не задерживают одинокие заспанные пассажиры, а жоатый не крутит бесконечно свою ручку: вправо, влево, плавно — резко. Просто едет.

Конечно, трамвай — работа, хлопоты, нудные каждодневные дела. Но трамвай и праздник, особенно если тебе мало лет и тебя наконец-то после стольких упрашиваний и ожиданий берут с собой взрослые.

Ярко-малиновый. С надраенными до солнечного блеска поручнями. С разноцветными фонарями по сторонам круглого табло с номером над передним стеклом. Не просто разноцветными — каждый знает, что цвет означает цифру. Белый — единица. Зеленый — двойка. Желтый — шестерка. Фиолетовый — девятка. Чтобы издалека было видно: готовиться ли к посадке или снова ждать. И какая же радость, когда в промозглой поземке или сквозь струи дождя узнаешь «свой».

Две металлических ажурных ступеньки — жаль, что таких скользких в зимние дни. Ажурная дверца на открытую площадку, откуда все стараются протиснуться сквозь раздвигающуюся стеклянную дверь в вагон. Тугую — чтобы не распаивалась на ходу.

Конечно, интересней в моторном. Набранные из деревянных узеньких дощечек диваны покрашены в тот же ярко-малиновый цвет. И стоят поперек вагона: с одной стороны на двух человек, с противоположной на одного. Вот на такое-то место

и важно попасть. Зимой, когда покрывает густой слой узорного инея, можно приложенным к окну пятаком оттаять ровную круглую дырочку и увидеть целый мир. А если хватит терпения, еще и поскрести вокруг дырочки той же монеткой, чтобы и вовсе оглядеться вокруг.

Те, кому не достались места, стоят, держась за широкие парусиновые петли, скользящие по протянутой вдоль всего вагона палке. Петли надо перехватывать, чтобы шаг за шагом двигаться от задней площадки к выходу — через переднюю. Здесь свой порядок: сначала чинно и не торопясь сходят (помосковски: не выходят, но сходят!) пассажиры, потом строго по очереди входят ожидавшие на остановке бабушки, мамы с детишками (непреренно после бабушек!), просто пожилые люди. Оговаривать никого не полагается, как бы ни торопился вожатый, тем более толкаться. Очередь выстраивается и из обычных пассажиров, тех, кто «с задней».

Вошедшие спереди непременно передают свои пяточки находящемуся сзади кондуктору, и это тоже ритуал, хоть и очень неудобный в час давки: высвобождать руку, протянуть ее соседу. За всеми остальными следит кондукторша. Крикливая. Громкоголая. С большой кожаной сумкой через плечо и гроздьями билетных роликов на груди. В отношении них порядок часто менялся. То можно было за одну цену ехать весь маршрут, то маршрут делился на дистанции, каждая из которых требовала своей оплаты, и дальние путешественники после расчетов с кондуктором оказывались обладателями бесконечных лент.

Кондукторша объявляла остановку. Кондукторша же и решала, когда переполненному вагону достаточно облепивших его пассажиров. Сообщение с вагоновожатым было самым простым — веревка, протянутая через весь вагон и выведенная на площадку к вожатому. Кондукторша что было силы дергала свою механику. Над ухом вожатого отзывался звонок, и путешествие продолжалось.

Кондукторши знали все. Как куда проехать, где и на что лучше пересест, как сократить путь или наоборот — увидеть, между прочим, самые интересные места. В одном они были непреклонны: никаких старых названий. Только новые. Только революционные, а иной раз и с объяснением, что стояло за революционным названием. Мало ли что был испокон веков на Пятницкой улице Курбатовский переулок — Маратовский, и никаких разговоров. Марат! Это же такой большой революционер. И кондитерская фабрика Иванова — Маратовская, и магазин-распределитель напротив нее фабричный — тоже Маратовский. Оно верно, что с пассажирами не больно сладишь. На вопрос ответишь правильно, а тут же кто-то спросившему подскажет: вам Курбатовский? Так это и есть Маратовский — между Пятницкой, Малой и Большой Ордынкой. Словолюбуются этими отжившими именами.

Особенно настойчиво предлагали трамвайные кондукторши Добрынинскую площадь, следующую остановку после Маратовского. Так вот, никто не повторял: так и оставалась все годы Серпуховская. Одним словом, Серпуховка.

Отличались собой моторный вагон и «прицепа» и по возрасту пассажиров. Кто постарше, ничего, кроме моторного, не хотели знать: там для них и специальные места были обозна-

чены. «Прицеп» оставалась молодежной. Диваны в ней шли по бокам вагона, так что сидючи можно было добраться от одной площадки до другой: только успевай передвигайся. «Глазков» нельзя было делать, зато и кондукторши не успевали слишком строго следить за пассажирами, находившимися в постоянном движении. Им ведь приходилось первым дергать за веревочку звонка, проведенного к кондуктору моторного вагона, да еще следить за «колбасой» — буфером, на котором обязательно зимой и летом примащивались мальчишки. Вот это было настоящим героизмом — доехать на «колбасе» да еще лихо скатиться с нее прямо у собственного дома! Наш трамвай — московский!

Но настоящим предметом мальчишеской зависти были вагоновожатые. До войны — мужчины, начиная с войны — одни женщины. Восседавшие перед контроллером на высоченном винтовом табурете, никак не прикрепленном к постоянно качающемуся полу из мелко набранных реек. Вот только приходилось ли им все часы работы по-настоящему сидеть? Присаживались на свой трон они бочком, так чтобы правая нога все время оставалась на педали огромного оглушающего звонка. Да к тому же не на всех стрелках их ожидали стрелочники. Стрелок было множество, и на многих вожатый останавливал поезд, слезал со ступенек и с небольшим ломиком в руках направлялся к стрелке. Пока дойдет, пока повернет, пока снова вскарабкается. Особенно зимним временем. Да еще, усаживаясь, постарается подоткнуть со всех сторон полы форменной черной шинели с выцветшими петлицами, разбухшей от поддетых под нее кофт, ватников, платков.

И как-то никому не довелось сказать, сколько настоящего человеческого мужества было у этих женщин. Не пугались разрывов падающей рядом бомбы. Не кидались прятаться от летевших осколков. Первыми помогали своим пассажирам спрятаться в бомбоубежищах (хоть делали это москвичи в большинстве своем куда как неохотно!), кому-то донести вещи, кому-то довести ребенка, а сами возвращались к своим поездкам, оставались поблизости от них. «Техника ведь. Как же ее без присмотра...» И вопрос малышу в детском саду: «Кем хочешь быть?» — «Вагоновожатым!»

Особое место в городском хозяйстве Москвы занимали трамвайные парки, получившие в годы первых пятилеток название депо. Первый парк — Миусский был создан в 1903 г. на основании парка конок. За ним были созданы парки Пресненский (в дальнейшем — Краснопресненский), Новокольнический (позднее — имени доктора И.В. Русакова), Рязанский, Золоторожский (после смерти С.М. Кирова получивший его имя), Замоскворецкий (носивший имя П.Л. Апакова, отсюда — Апаковское, в московском обиходе, депо), Уваровский (получивший имя работавшего в нем и погибшего в боях гражданской войны слесаря того же депо И.И. Артамонова, впоследствии — Троллейбусный парк № 5).

С началом Первой мировой войны в мастерских трамвайных парков Москвы производились боеприпасы и вооружение.

В течение 20–30-х гг. сооружаются новые парки — имени Н.Э. Баумана и Октябрьский, старые реконструируются. С развитием троллейбусного движения в Москве под троллейбусные депо переоборудуются Артамоновский и Миусский (ныне — № 4),

носивший имя работавшего там слесаря, участника Декабрьского вооруженного восстания 1905 г. П.М. Щепетильникова, после побега из таганской тюрьмы эмигрировавшего за границу.

Автобус – аббревиатура слов «автомобиль» и «омнибус», или иначе, как его определяли современные справочники, легковой автомобиль, предназначенный для перевозки свыше десяти человек пассажиров, получает распространение в городах Европы и Америки в последние годы Первой мировой войны – начале 1920-х гг. Достаточно сказать, что в Лондоне в 1925 г. курсирует 5767 машин, в Париже – 1247. Причем уже тогда дороговизна бензина заставляет начать поиски заменяющих его составов – смесей бензина с газOLIном, бензолом и т.п. В Германии применяется нормированное топливо – смесь тетралина,

На улицах Москвы. Нач. 1930-х гг.

бензола и винного спирта. Срок работы машины между двумя капитальными ремонтами определялся 70 тысячами километров, что соответствовало 13–14 месяцам постоянной эксплуатации машины.

Те же соображения удобства эксплуатации и расширения городских транспортных сетей определяют появление автобусов и в городских хозяйствах Советского Союза. Первый автобусный маршрут в Москве был открыт 8 августа 1924 г. Он связывал площади Каланчевскую (ныне — Комсомольскую) и Белорусского вокзала. Почти сразу последовало открытие еще нескольких маршрутов, на которые вышло 79 машин. В 1924 г. общая протяженность городских маршрутов составила 82 километра. К началу Великой Отечественной войны она возросла до 985 километров.

Вместе с городскими автобусами в Москве появляются и первые АЗС — автозаправочные станции. Начало было положено созданием в 1928 г. бензобазы, объединившей 11 станций с годовым товарооборотом в 120 тонн. Для сравнения можно привести данные 1978 г., когда Москва насчитывает около 200 АЗС с общим товарооборотом в 1,7 миллионов тонн.

Первыми в эксплуатацию в Москве были пущены 28-местные автобусы английского производства «Лейланд», в 25 лошадиных сил, на пневматиках большого размера, с одной дверью для входа и выхода пассажиров и платформой для багажа на крыше.

Москва знает множество делений, просто необъяснимых для непосвященных. Она делится на собственно Москву и, скажем, Замоскворечье. Все, что «за речкой», — уже не город, не столица, а так, предместье, пусть из его окон и открывается вид на Красную площадь и башни Кремля. При любой попытке обмена площади (делались и такие с самого начала утверждения советского порядка) вопрос: «вы где живете?» и разочарованное, как само собой разумеющийся неотвратимый отказ: «Ах, за речкой...»

Но и «за речкой» существуют свои деления. Для жителя Ордынки или Полянки совершеннейшая глухомань и провинция Таганка, что уж говорить о Серпуховском вале, Даниловском рынке или Котлах! Жители Таганки, Большой Коммунистической (Б. Алексеевской) улицы и думать не хотят об Абельмановской заставе или Птичьем рынке.

Только и в каждом своем, совсем на парижский манер, округе можно жить на главной и неглавной улице. Неглавные не знают городского транспорта. Конечно, и по ним проезжают машины, а того чаще «ломовики» — конные платформы, запряженные в пару могучих спокойных коней с пышными манжетами длинной шерсти у копыт. Могут появиться извозчики — это главный транспорт при выезде на вокзал. Можно нагрузить великое множество багажа, да еще и уместиться семьей. В центре города их год от года становится все меньше, зато у вокзалов целое море, особенно на Каланчевке.

А вот «главная» улица — предмет бешеной гордости, особенно ребятни. Наш трамвай! А что если еще к тому же наш автобус! Из улиц Замоскворечья, например, такой чести достаиваются только две: Пятницкая и Большая Полянка, а дальше Большая Серпуховская.

Темно-красное чудо не въезжает – всплывает на улицу в ослепительном сиянии до зеркального блеска намытых стекол (и это при московской непогоде!), надраенных медных поручней, в неповторимой музыке огромного, прикрепленного снаружи, возле места водителя, клаксона из трех раструбов и резиновых груш. «А-ю-е!» – три ноты, западающие в память как голос детства.

Первые «Лейланды», а затем «Бюссинги» смотрелись как предметы неслышанной роскоши – так достойно выглядели, такой красивой мягкой кожей были обиты их сиденья и отделан под красное дерево салон. В годы НЭП, в немыслимой тесноте трамваев обычным было: «Ах, неудобно тебе? Так и ездил бы на автобусе, барин несчастный!» Хотя разница в оплате проезда была очень незначительной – просто привычка. И уважение к «авто».

И еще. У автобусного кондуктора не было веревки для сигнала отправления, а настоящий звонок с большой красной кнопкой. Одно слово – автобус!

Появление троллейбуса (название от соединения двух английских слов «провод» и «омнибус»), иначе, как определяли его справочники конца XIX в., электрического автомобиля, почти совпадает по времени с появлением трамвая. Первый троллейбус был построен Сименсом в Берлине в 1882 г. В Соединенных Штатах он появляется в городах Ричмонд и Чикаго в 1885 г. В Англии и английских колониях получают распространение двухэтажные троллейбусы.

В Советском Союзе конструируются собственные образцы, которые выходят на московские линии в 1933 г. (первый маршрут – по Тверской улице). К началу Великой Отечественной войны протяженность троллейбусных маршрутов достигает 200 километров.

Хотя в Москве и проводится опыт пуска двухэтажных троллейбусов, в результате предпочтение отдается одноэтажным, длиной около 9,5 метра и шириной в два с половиной метра. При этом они снабжаются шасси автомобильного типа. Колеса имеют резиновые шины. Вместимость салона предвоенных машин – 50 мест (включая места для сидения). Двери в кабину снабжались автоматическим приводом, автоматически открывались и закрывались. Рулевое управление осуществлялось посредством рулевого колеса, торможение (в машинах советской конструкции) – электрическим, пневматическим и ручным тормозами. В принципе конструкция троллейбуса аналогична автобусной. Двигателем же, как и в трамвайном вагоне, служит электромотор, питающийся постоянным током.

Первые троллейбусные парки оборудовались на основе трамвайных.

Перед Октябрьским переворотом в Москве не существовало понятия такси, но многие из существовавших в столице гаражей предоставляли напрокат машины с водителем или без него. Первые городские общедоступные такси появляются в Москве 21 июня 1925 г. Для них использовались марки автомашин: французские «Рено» и итальянские «Фиаты».

С 1932 г. таксомоторные парки снабжаются отечественными машинами ГАЗ-А, с 1936 г. знаменитыми «Эмками», иначе маши-

Московский автозавод.
На конвейере первые
легковые автомобили

нами «М-1». На Садовом кольце появляются маршрутные такси, для которых использовались семиместные ЗИС-101.

В послевоенные годы в качестве маршрутных такси используются ЗИС-110, а для общепассажирских перевозок «Победы» (ГАЗ-20). Одновременно все еще продолжала существовать практика конного извоза. В момент Октябрьской революции извозчиков в Москве было зарегистрировано около 18 тысяч, в 1928 — около 5 тысяч, из числа которых к 1939 г. осталось всего 57, до конца сохранявших внешнюю атрибутику: особого покроя зипуны, поддевки и шляпы.

С 1924 г. в Москве начинает использоваться грузовой автотранспорт отечественного производства — АМО-Ф-15. Первые из них принимают участие в параде на Красной площади 7 ноября того же года.

В 1940 г. Москва располагает шестью пассажирскими таксопарками: 1-й — Крымская набережная, 14; 3-й — Графский переулок, 9; 4-й — Вольная улица, 30; 10-й — Столярный переулок, 18; 13-й — Панская улица, 28; 17-й — Ново-Рязанская улица, 27. В трех парках сосредотачиваются грузовые такси: 5-м — Остاپовское шоссе, 86-а; 11-м — Хорошевское шоссе, 5-а; 12-м — Олховская улица, 51.

Тарифы на перевозки разнились в зависимости от марки машины. На пассажирском ЗИС-101 один километр стоил 1 рубль 40 копеек, на «эмке» — 1 рубль. Грузовые такси (с обязательным счетчиком) обходились в 1 рубль 20 копеек за километр. За пределами города пассажиры платили двойной тариф.

Любой вид такси можно было заказать по телефону через сеть диспетчерских (приезд машины по вызову не оплачивался), которые располагались у всех вокзалов, а также на Таганской, Трубной, Пушкинской, Самотечной, Смоленской, Серпуховской площадях и на ВДНХ.

Проекты прокладки в Москве метрополитена впервые появляются в начале XX столетия. Один из них был эскизно раз-

Проект станции метрополитена. Акварель. Начало XX в.

работан уже в 1901 г. Годом позже инженер П.И. Белинский разрабатывает проект линии, которая должна была соединить Замоскворечье с Тверской заставой. Имелось в виду построить подземную трассу, а через Красную площадь и у Страстной-Пушкинской площади вывести ее на эстакаду. Идея оживленно обсуждалась москвичами и Городской думой. Большим успехом пользовались открытки с изображением «московского метрополитена», причем в вариантах разных авторов.

После Октября вопрос о строительстве метрополитена в Москве был поднят уже в 1922 г., но окончательное решение состоялось только в 1931 г., по докладу на июньском пленуме ЦК ВКП(б) Л.М. Кагановича, — «как главного средства, разрешающего проблему быстрых и дешевых людских перевозок». За этот период был отклонен проект так называемого Мясницкого радиуса (1925) и разработки ряда зарубежных фирм. Тогда же правительство выдвинуло лозунг — «Метрополитен столицы должна строить вся страна», что привлекло в столицу новые отряды строителей, съезжавшихся со всей страны. Метростроевцам помогали и сами москвичи постоянно проводимыми субботниками.

Первая очередь — от Сокольников до ЦПКиО имела протяженность в 11,6 км, располагала 13 станциями и перевозила в течение суток до 117 тысяч пассажиров. 23 октября 1934 г. со станции Комсомольская к Сокольникам был отправлен первый поезд, в начале февраля 1935 г. поезда пошли по всей трассе первой очереди, а 15 мая того же года открылось пассажирское движение.

Вместе с широко разворачивающимся жилым строительством 20-е гг. отмечены в Москве сооружением значительного числа объектов общественного назначения. Прежде всего это школы, детские сады, универсальные магазины (универмаги), больницы, фабрики-кухни, студенческие городки, клубы, производственные здания. Это время расцвета конструктивизма, представленного прежде всего работами архитектора К.С. Мель-

Ле Корбюзье. Здание
Центросоюза в Москве

никова. Это Дом культуры имени И.В. Русакова (1927–1929), на Стромынской площади, представляющий реализацию принципа многоцелевого использования трансформируемых по величине основных помещений. Большую часть объема занимает зрительный зал, который предполагалось делить подвижными перегородками-диафрагмами на меньшие помещения. Композиция здания, состоящего из разнообразных геометрических объемов, необычайно динамична и при круговом осмотре дает живой ряд меняющихся образов и впечатлений. Другим таким же памятником архитектуры стал и созданный К.С. Мельниковым Дом культуры завода «Каучук» (1927) на Плющихе, с полукруглым уличным фасадом, словно прорезанным вертикальными полосами остекления.

К интересным образцам конструктивизма относятся Дом культуры им. С.М. Зуева (1928) на Лесной улице, построенный по проекту архитектора И.А. Голосова, с оригинальной композицией углового стеклянного цилиндра лестничной клетки, как бы пронзающего навывлет верхний этаж, Дворец культуры имени С.П. Горбунова (1930–1938) на Новозаводской улице, задум-

манный архитектором Я.А. Корнфельдом как сложный по композиции комплекс со зрительным залом и большой сценической частью. В 1927 г. возводит по своему проекту Клуб фабрики имени Петра Алексеева, на Михалковской площади, архитектор Л.А. Веснин, обратившийся к асимметричной композиции из трех объемов простых геометрических форм.

Первая фабрика-кухня строится в 1929 г. на Ленинградском шоссе (№ 7). В течение 1932–1933 гг. возводится еще 17 комбинатов, к 1936 г. их число по Москве достигает 25. В основном они располагаются при крупных предприятиях (завод «Динамо», 1-й ГПЗ, Электрозавод им. Куйбышева, Комбинат «Трехгорная мануфактура» и др.), поскольку их целью было освободить работающих женщин от домашних забот о еде. При фабриках-кухнях имелись кафе, столовые и был впервые налажен массовый выпуск полуфабрикатов.

Интересные образцы конструктивизма сохранились в Москве. Это здание газеты «Известия» на Страстной – Пушкинской площади (1925–1927) по проекту Г.Б. Бархина. Новый корпус, со стороны Тверской улицы, достроен в 1975–1976 гг. архитектором Ю.Н. Шевердяевым. А.В. Щусевым в 1928–1933 гг. возведено здание Наркомзема – огромный прямоугольный дом, построенный с применением железобетона и отличающийся удобной функциональной внутренней планировкой. Уникальный памятник представляет Дом Центросоюза (Мясницкая, 39), сооруженный в 1928–1936 гг. по проекту великого архитектора XX в. Ле Корбюзье, при участии Н.Д. Колли, из железобетона и арктического туфа. Поднятое на столбы-опоры, здание вместо первого этажа приобретало стоянку для автомашин. Впечатлению монументальности и вместе с тем легкости сооружения способствовали огромные поверхности остекления в виде окон и витражей.

МОСКВА. БОЛЬШАЯ ВОДА

Летописцу полагалось записывать все. Мятежи и войны. Пожары и ураганы. Морозные поветрия – эпидемии и голод. Засухи и большую воду. Правда, в отношении «большой воды» тихая, медлительная Москва-река не представляется сколько-нибудь грозной. Но это сегодня.

...Шел 1496 г. В московском Кремле кипело строительство. Великий князь московский Иван III, четырьмя годами ранее впервые торжественно именованный «государем и самодержцем всея Руси» заканчивает переустройство западной, тянувшейся вдоль реки Неглинной кремлевской стены. Возведение башен и стен от Собакиной башни до Боровицких ворот представляло тем большие трудности, что грунт отличался здесь из-за близости реки особой топкостью. И тем не менее за два года, к 1495 г., его удалось завершить, благодаря безошибочному проекту и выдающемуся мастерству итальянского архитектора и

инженера Алевиза Фрязина Старого. Из соображений обороны, противопожарной безопасности, наконец, для того, чтобы открыть вид на Кремль, великий князь приказал снести все строения со стороны Неглинной примерно на ширину 220 метров и все строения на ту же ширину за Москвой-рекой, чтобы разбить там сады. И вот на эти освободившиеся места и первые посадки после жестокой морозной зимы, больших снегов весной хлынул поток половодья, затопивший и множество обывательских домов, по сути, первое летописное упоминание о «большой воде» и ее разрушительной силе в Москве.

Сооруженная Алевизом Старым гидротехническая система позволила отвести воды Неглинной от Кремля. Сюда входил глубокий ров, устройство шлюзовых прудов и поддерживавших нужный уровень воды плотин, а также строительство проездных мостов у кремлевских ворот. К 1516 г. работы были завершены, прорыто новое русло Неглинной — от Боровицких ворот вдоль кремлевской стены: естественное русло реки резко сворачивало здесь на юго-запад и уходило от Кремля. Но никакая система не смогла справиться с хлынувшими в июле 1518 г. «долгими дождями», превратившими всю округу в сплошное озеро.

С такими же длинными и пагубными многодневными ливнями пришлось столкнуться в августе 1566 г. Ивану Грозному. Всего пятью годами раньше он праздновал официальное признание своего могущества — даже константинопольский патриарх признал за ним титул царя, а вместе с тем и подтверждение великих прав. В ознаменование Полоцкой победы строители возводят в Благовещенском соборе Кремля четыре бесстолпных одноглавых церкви. Совпавшее с их окончанием пагубное для москвичей половодье вызвало немало неблагоприятных для царя и его начинаний толков.

В наступившем XVII столетии все паводки приходится на время ледоходов и таяния снегов. Тяжелое половодье присоединяется к бедам, которые переживают москвичи в Смутное время — в 1607 г. В 1654 г. на долю москвичей и царя Алексея Михайловича приходится пожар Спасской башни, когда рухнула вся шатровая надстройка, рассыпались белокаменные статуи на фасаде, погибли куранты мастера Галовея. Можно было строить предположения, не было ли в этом особого знака, связанного с началом строительства в Кремле патриархом Никоном его роскошнейших палат, с «нетерпимой гордыней» Никона. Тем более 1655 г. принес с собой такое весеннее половодье, что оказалась серьезно поврежденной выходявшая на Москву-реку кремлевская стена и снесено или уничтожено множество частных домов.

В 1687 г., в правление царевны Софьи, паводковые воды снесли все основные московские наплавные мосты, иначе «живые» — из сцепленных между собой плотов. Но именно на этот год приходится продолжавшееся пять лет строительство первого в столице каменного моста через Москву-реку. Неоднократно с тех пор переделанный, он по-прежнему носит название Каменного, у Боровицких ворот. Строителем выступает безымянный мастер водовозводного дела, по преданию монах.

Хроника позволяет сделать достаточно неожиданный вывод. По мере приближения к нашим дням наводнения учащают-

Высотное здание
на Котельнической
набережной

ся, причем основное их число приходится на начало каждого столетия. В петровские годы, на самом рубеже XVIII в., страшной силы пожар полностью уничтожает Кремль. По свидетельству современников, земля в 1701 г. горела на пол-аршина в глубину, растопившийся лед в погребах закипал. В 1702 и 1703 гг. последовали одно за другим тяжелейшие половодья, повторялась «большая вода» и в канун Полтавской битвы.

Снова Москва-река проявит свой характер только во времена Екатерины II – в 1778, 1783 и 1788 гг. Наводнение 1783 г. оказалось поворотным для города. Во время него впервые пострадали опоры Каменного моста. Их ремонт потребовал сооружения Водоотводного канала, в течение трех лет строившегося по старому руслу реки. Так Москва получила свою Канаву. Но когда канал был уже завершён и река ниже стрелки запружена плотиной, 5-дневные ливни уничтожили эту последнюю. Под водой оказалась огромная часть города.

Половодья и ливневые разливы становятся настолько серьезными, что начиная с 1788 г., а именно в 1806, 1828 и 1856 гг., начинают делаться отметки уровня подъема воды на башне Новодевичьего монастыря и некоторых других зданиях. Достаточно сказать, что в 1879 г. разбушевавшаяся Москва-река затопила одну седьмую часть города.

XX в. приносит с собой едва ли не самый значительный паводок в истории Москвы. Под водой оказывается пятая часть города: большая часть Дорогомилова, Шелепиха, Лужники до Новодевичьего монастыря, улицы Полянка, Ордынка, Пятницкая, Татарская и Замоскворечье, значительные участки около Данилова и Симонова монастырей. Пострадали многие фабрики и заводы, МОГЭС на Раушской набережной – воды Москвы-реки и Канавы соединились, образовав водное зеркало в 16 кв. километров. Вокруг Храма Христа Спасителя ездили на плотах и лодках. Кондитерская фабрика Эйнем, расположенная на стрелке реки и Канавы (впоследствии «Красный Октябрь»),

вынуждена была поставлять в магазины свою продукцию на лодках. Вода поднялась на 9 метров над своим обычным горизонтом. Кремлевские набережные оказались на 2,3 метра под водой. Москва переживает еще одно наводнение в 1926 г., когда уровень затопления достигает 7,3 метра, и в 1931 г. с уровнем затопления в 6,8 метра.

Вплоть до Великой Отечественной войны приход весны в Замоскворечье отмечался тем, что люки и окна подвалов всех домов наглухо закрывались тщательно подогнанными деревянными, обитыми по краям мешковиной щитами, края которых заливались горячей смолой. Очевидцы рассказывают, как в последние два наводнения вода достигала на Пятницкой улице Климентовского переулка. Подвалы и нижние этажи раскрывались только по окончании ледохода, причем москвичи хорошо знали, в какой последовательности проходил лед из различных подмосковных местностей и непременно выходили на мосты подсмотреть на зрелище ледохода. Былая опасность «большой воды» была устранена только созданием системы водохранилищ, связанных с каналом Москва-Волга.

Гораздо дольше продолжали представлять опасность Неглинная и Яуза. Достаточно сказать, что сравнительно недавно — в 1965 г. перекресток Неглинной улицы и Рахмановского переулка превратился в настоящее озеро, а общая площадь затопления достигла 25 га. Что ж, не случайно летописец отмечал, что стоит Москва у устья Неглинной, выше реки Аузы — Яузы.

ГОД 1937-й. СОВПАДЕНИЯ

25–29 мая 1937 г. — обсуждение в труппе Театра В.Э. Мейерхольда материалов пленума ЦК ВКП(б), ставшее началом прямого наступления на режиссера. Сентябрь — открытие выставки «Индустрия социализма». Точно между ними, в середине июля, — гигантская пропагандистская кампания III рейха, которая должна была ознаменовать «исторический поворот в путях немецкого изобразительного искусства», утверждение «народно-социалистического реализма» на обломках произведений всех «инакомыслящих», «возрождение прастарого народного искусства».

Наверняка было множество других изданий и книг, но в семье почему-то заваялся «Настольный календарь 1938 года» Соцэкгиза со статьей «Советское изобразительное искусство в 1937 году»: «Осваивая богатейшее культурное наследие прошлого, учась у великих мастеров живописи, советские художники в 1937 г. показали свой значительный рост. Общий расцвет советского реалистического искусства особенно убедительно продемонстрировала организованная по инициативе товарища Орджоникидзе выставка «Индустрия социализма», приуроченная к 20-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Говоря о задачах выставки, тов. Орджоникидзе предос-

терегал художников от одностороннего увлечения машиной и обращал внимание на то, что основным в работе художников над полотнами должен быть показ людей, создавших советскую индустрию и поставивших ее на службу социализму. Это указание Серго советские художники выполнили с честью. Человек на выставке показан не только в процессах труда, но и в кругу семьи, во время отдыха и т.д.

Яркое отражение в живописи художников нашла Великая Сталинская Конституция. Наиболее талантливым в этой группе картин нужно назвать полотно молодого художника Малаева «Колхозники читают Сталинскую Конституцию». Очень хороши гравюры Староносова «Доклад товарища Сталина на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов», из произведений молодежи замечательны картины: «Партчистка» Алехина, «Брат-предатель» Невежина. Заслуженный деятель искусств орденосец А. Герасимов написал картины «На совещании у тов. Серго», «Награждение Серго орденом Ленина». Художник Моравов выставил крупное полотно «Выступление товарища Сталина на заводе «Динамо» в 1924 году».

Кампания в III рейхе начиналась с Мюнхена. Предстояло торжественное открытие только что отстроенного белораморного «Дома немецкого искусства», в котором было представлено 900 из 15 000 присланных со всех концов страны произведений, «воспевающих труд немецкого крестьянина, работника, солдата, превозносящих фюрера и свершения народной революции». Только в 1987 г. вся немецкая пресса вспомнит об этом событии и открыто скажет о трагической судьбе, уготованной национальному искусству.

Но 18 июля 1937 г. в 10 часов утра мюнхенский гаулейтер Вагнер отрапортовал Гитлеру, что «мир немецкого искусства предстал в полном составе на открытие замечательного скоровища народной культуры, прекрасной галереи, построенной благодаря народному самопожертвованию». Часом позже, осмотрев экспонаты, Гитлер вынесет окончательный приговор всем художникам, не ставшим на платформу конформизма: «Даже здесь заметил я в отдельных работах, что некоторые люди по-прежнему видят окружающий их мир иным, нежели он есть в действительности. Есть еще господа, воспринимающие представителей нашего народа как полных кретинов, господа, для которых луга в принципе голубые, небо зеленое, облака желтые и т.д. Не буду вступать в спор, действительно ли эти люди так видят или только притворяются. Зато я хочу от имени немецкого народа запретить этим недостойным сожаления, страдающим пороками зрения типам навязывать народу придуманное видение мира и убеждать народ, что это и есть искусство».

Но даже фюреру единоличный приговор представлялся недостаточным. Для того чтобы убедить народ в своей правоте, он отдает распоряжение рядом с «Домом немецкого искусства» открыть выставку «Выродившееся искусство». У входа на нее был помещен транспарант: «Немецкий народ, приди и осуди сам!»

Впрочем, может быть, идея такой выставки принадлежала не самому Гитлеру. Уже в июне того же 1937 г. министр пропаганды Геббельс направляет распоряжение: «Исходя из полномо-

чий, предоставленных мне фюрером, уполномочиваю Президента Союза немецких художников Адольфа Зиглера выбрать среди произведений дегенеративного искусства, возникших до 1910 г. и являющихся собственностью государства или коммун, экспонаты для показа их на специальной выставке».

Преподаватель эстетики в Московском университете известный философ, профессор И.Л. Маца объяснял: 1910 — год написания В.В. Кандинским первой абстрактной композиции. И еще — основание журнала и галереи «Дер Штурм» патриархом современного искусства Хервартом Вальденом, создавшим тем самым центр немецкого экспрессионизма. Так или иначе, но это была дата рождения «авангардного искусства». Но само распоряжение гаулейтера в интерпретации Мацы представляло лишь логический вывод из событий, разворачивавшихся в III рейхе, начиная с 1930 г.

Именно тогда министр внутренних дел Тюрингии, он же член первого народно-социалистического местного управления, отдает распоряжение убрать из Веймарского дворцового музея полотна Кокоски, Клее, Берлаха, Нольде, Фейнингера и уничтожить «вырожденческие» фрески Оскара Шлеммерса. Орган нацистской партии откровенно предупреждал: «Музей в Веймаре — только начало».

Само собой разумеется, все это излагалось не на университетских лекциях. В университетском курсе истории искусств перечисленные имена вообще не упоминались. Оглашенные были изгнаны и из советского храма и, как казалось, навечно. Другое дело — частные разговоры со студентами. Даже «Литературная энциклопедия» посвятила Ивану Людвиговичу целую страницу ради перечисления всех допущенных строптивым теоретиком уклонов и ошибок. От гносеологических построений Богданова до «прямого влияния механистических концепций исторического материализма Бухарина».

«Учитесь мыслить самостоятельно. Самостоятельно! И только самостоятельно. Все заклинания — от шабаша ведьм. К человеческому сознанию они отношения иметь не могут». С этим девизом в свои пятьдесят с небольшим лет Иван Людвигович выглядел стариком — сгорбленная спина, резко заострившиеся скулы, запавшие щеки, острый сверлящий взгляд из-под мохнатых бровей, сжатые в нитку губы. И руки венгерского крестьянина — сильные, с набухшими венами и непонятно красными ладонями.

Он ничего не повторял. Каждое слово четко укладывалось в продуманное до конца логическое построение. Ему не хватало ни профессиональной аудитории, ни возможности выступлений в печати. Оказавшиеся в моей библиотеке «Очерки по теоретическому искусствознанию» с авторской надписью продолжения в научной работе профессора получить не смогли.

...На съезде нацистской партии в 1933 г. в Нюрнберге Гитлер заявил с трибуны: «Позаботимся же о том, чтобы народ снова стал наивысшим судьей в области искусства». Одна из первых акций его правительства после захвата власти — одновременное увольнение 27 непокорных директоров и хранителей музеев в Берлине, Дессау, Эссене, Хеммице, Хансруэ, Любеке, Манхейме, Штутгарте, Бреслау.

Культурная революция
в нацистской Германии

Следующим шагом объявленной чистки стало изгнание из художественных учебных заведений «неблагонамеренных» в художественном отношении преподавателей — опять-таки Кокошки, Клее, Бекмана, Баймейстера, Дикса, Шлеммера. Макс Либерман с омерзением, по его собственным словам, слагает с себя в этих условиях обязанности почетного президента Прусской Академии художеств.

«Они не просто оставляли без работы, — в голосе И.Л. Мацы звенит натянутая струна, — они ЗАПРЕЩАЛИ работать. Для себя. Наедине с собой. Понимаете, художник, который должен был забыть о красках». Фразы падают скупой. Резко, будто через себя. «К ним врывались в дома с проверкой. Даже среди ночи. Отбирали все работы, которые находили. У Карла Лаутербаха в Дюссельдорфе было уничтожено все, и он один из сотен. Кто-то умудрялся обивать своими холстами чердаки. Живописью к кровле. Кто-то сходил с ума. Когда жгли отобранное. На площадях».

«Альфред Розенберг не уставал повторять, — Иван Людвигович долго перебирает исписанные бисером истертые листки. — Да, вот: «Обладающая наиболее высокими достоинствами нордически-арийская раса предназначена для создания наиболее высоких достижений в искусстве. Тот же, кто деформирует действительность, как Ван-Гог или Пикассо, сам является деформированным, наследственно больным, вырождающимся». Альтернатива со всеми вытекающими ее последствиями слишком ясна...»

Экспозиция «народно-социалистического реализма» в Доме немецкого искусства не выдержала соревнования с выставкой «Выродившееся искусство». Несмотря на слова из каталога последней: «выставка имеет целью представить потрясающий последний этап дегенерации культуры перед ее обновлением».

Руководитель
нацистского журнала
«Штурм» Юлиус
Штрейхер (в центре)

Дом во всем его белораморном великолепии оставался почти пустым. Через выставку отверженных ежедневно проходило свыше 30 тысяч человек. В течение четырех с половиной месяцев ее посетило больше двух миллионов зрителей. Осуждения и угрозы не приносили желаемого результата.

Со временем живописец Вернер Хафтман расскажет на страницах «Франкфуртер альгемайне цейтунг»: «Я наблюдал за реакцией отдельных зрителей. Были среди них надутые, одетые в мундиры, бухающие сапогами об пол партийные функционеры. Те громко заявляли о своем отвращении. Были фыркающие презрением члены народно-социалистической лиги женщин, были группы молодежи из гитлерюгенд, хохотавшие при виде обнаженных тел на холстах. Но между этими ордами я постоянно видел людей сосредоточенных, серьезных, явно захваченных тем, что они видели... Это мимолетное впечатление, как оказалось, не было ложным. Власти быстро поняли, что многие приходят еще и еще раз, чтобы посмотреть свои произведения. Поэтому, несмотря на наплыв посетителей, выставка была закрыта».

Но те, кому было дорого современное искусство, и не догадывались, что грандиозная работа по стране уже проведена. Комиссия, готовившая выставку, пересмотрела собрания ста одного музея и изъяла в общей сложности 17 тысяч картин, скульптур и графических листов. Весь раздел нового искусства попросту перестал существовать. Описание потерь заняло шесть объемистых томов. Мюнхенская выставка смогла вместить только 730 работ. Этого, с точки зрения ее организаторов, было недостаточно, чтобы показать всю меру «великих преступлений, какие совершили в немецком искусстве преступники на средства международного жидовства».

Впрочем, ограниченность масштаба компенсировалась с лихвой методами экспозиции — кое-как развешанными картина-

ми, перемежающимися с огромными надписями: «Природа, увиденная больным воображением», «Немецкие крестьяне в жидовской перспективе», «Такие мастера учили до последнего времени немецкую молодежь». Тут же красные карточки с астрономическими ценами времен острейшей инфляции и повсюду повторяющиеся рядом с ними пояснения: «Закуплены в счет налогов с работающих людей».

После выставки 125 ценнейших экспонатов были проданы за бесценок на аукционах в Люцерне. Общая сумма, вырученная от продажи, не превысила полумиллиона швейцарских марок, хотя сюда вошли холсты Ван-Гога, Гогена, Матисса и Пикассо. В 1962 г. галерея Франкфурта-на-Майне приобрела обратно один из шедевров Матисса, заплатив за него четверть миллиона долларов. Но таких покупок состоялись единицы. Судьба же работ, оставшихся в Германии, была предreshена. 20 марта 1939 г. 1004 картины, несколько тысяч рисунков, акварелей, графических листов были сожжены во дворе пожарной команды. Аутодафе осуществлялось вполне профессионально.

Мелочь, но на ней Маца настаивал особенно упорно. Накануне открытия в Мюнхене двух противоборствующих выставок на всех городских площадях звучали произведения Бетховена, Брамса, Вагнера в исполнении свезенных со всех концов III рейха лучших академических оркестров.

ПРОСТО СПРАВКА

Андрей Александрович Губер не скрывал: страх. Страх за то, что любил и за что был в ответе. Не перед начальством — с начальством по-всякому — перед профессиональной совестью. В заваленной книгами, тесно заставленной старой мебелью комнате с большим квадратным окном в переулок, рядом с театром Корша, эти записи хранились в непонятном и далеком от любопытных глаз месте. На отдельных листочках, казалось, небрежно исчерканных датами и цифрами. Своего рода шифр, которым пользовался главный хранитель Музея изобразительных искусств. Впрочем, эта должность пришла после войны. До Великой Отечественной и во время нее — никакой эвакуации Андрей Александрович не признал — преподавание на заочном отделении филологического факультета Московского университета. Для будущих искусствоведов Губер читал единственный в своем роде курс и даже вел семинар — «Культура итальянского Возрождения». Единственный — потому что ни по какому другому разделу истории искусства дополнительной дисциплины не существовало. И было еще одно обстоятельство, привлекавшее к нему студентов. Губер знал секрет систематической, во всех мелочах доведенной до совершенства научной работы — с фактом, документом, даже жизненными обстоятельствами. Он подсмеивался над собой: выучка.

На этот раз речь шла о судьбе скрытых в недрах его музея сокровищах Дрездена, в существовании которых в музейных стенах еще никто не признавался. Наконец, запись найдена: расправа Николая I с фондами императорского Эрмитажа. Правда, принадлежавшего царской семье, но все же соотнесенного с национальными сокровищами. В 1854 г. тысячи картин

были удалены из эрмитажных запасников и зал по единственной причине — вкусовых критериев одного человека. Часть распродана за бесценок, часть уничтожена. Но это далекое прошлое, а в наши годы...

1918 г. — полный запрет на вывоз художественных ценностей из страны и ровно через десять лет, в 1928 г., негласная отмена декрета правительственным решением. Торговать сокровищами разрешалось по единственной причине: ввиду предполагавшейся всемирной революции они все равно вернулись бы на старые места. Верил ли кто-нибудь из принимавших гибельное для России решение в подобную перспективу? Первая эйфория уже прошла. Зато немедленно появился первый покупатель — глава иранской нефтяной компании Галуст Гюльбенкян.

Но это что касается правительственных указаний. В действительности — Андрей Александрович подчеркивает — еще в 1925 г. была создана «Главная контора Госторга по купке и реализации антикварных вещей». Именно при ее посредстве агенты Гюльбенкяна смогли отобрать для покупки своим шефом первые эрмитажные картины и в том числе «Благовещение» Дирка Боутса. Общая цена сделки не переросла пятидесяти с небольшим тысяч фунтов.

Аукционы произведений из советских музеев! Против них боролась и русская и даже немецкая общественность, когда второй из них был назначен в Берлине. Просто в 1930 г. очередной аукцион прошел в Лиссабоне. Другое дело, что стали соблюдаться все меры предосторожности. Сделка хранилась в тайне, проходила через несколько ступеней. Но так или иначе из Эрмитажа на этот раз ушли «Портрет Елены Фурмен» Рубенса, рембрандтовские «Портрет Титуса», «Портрет старика» и «Александр Великий», «Меццетин» Ватто, «Урок музыки» Терборха, «Купальщицы» Ланкре, «Диана» Рудона.

Имена «старателей»? Губер постоянно возвращался к одному — Г.Л. Пятакова, торгового представителя Советского Союза во Франции. Это он усиленно «дружил» с Гюльбенкяном. Он же учил клиента соблюдать меры предосторожности, предупреждал о возможных осложнениях в случае разглашения сделки. А усиленная переписка клиента привела и вовсе к отказу от ведения с ним дел. Советское правительство принимает сразу два судьбоносных решения: отказывается от продажи второстепенных произведений в пользу абсолютных шедевров — выгода от их реализации несравненно больше, тем более, что кризис 1930—1932 гг. привел к значительному падению цен на антикварном рынке, но главное, обращается к новому покупателю — министру США Эндрю Меллону.

Новая политика оправдала себя. За один год — с апреля 30 г. по апрель 31 г. — удалось продать 21 эрмитажную картину за 6,5 миллионов долларов! В результате из пяти эрмитажных Рафаэлей ушли два, из двух Тьеполо остался один. Ушли полотна Боттичелли, Перуджино, Ван-Эйков, Рембрандта, Ван-Дейка, Рубенса, Хальса, Веласкеса, Веронезе, Шардена.

Для Андрея Александровича это как события вчерашнего дня. Только что переданная московскому музею «Венера перед зеркалом» Тициана в апреле 31 г. отдана Меллону в придачу к «Мадонне Альба» Рафаэля. Кто бы устоял в правительстве против миллиона двухсот тысяч долларов. Собственно Тициана

оказалось возможным уступить за полмиллиона, а в общей сложности купить за две картины несколько десятков тракторов. Десятков! И только.

Но московский музей понес не только эту потерю. На весенней распродаже была выставлена знаменитая коллекция офортов Рембрандта, принадлежавшая Мосолову. И голландской школы. Да и чему могли противостоять музейщики, когда восторг правительства не знал границ. Аукционы в Европе шли один за другим, и в 30 г. лишь один весенний Лейпцигский принес доход в миллион долларов.

Ошеломляющие для правительства доходы в действительности были нищенскими. Андрей Александрович находит еще одну запись. Май 31 г. Аукцион Лепке в Берлине. В течение трех дней. 256 предметов из Строгановского дворца-музея, в том числе произведения Кранаха, Рембрандта, Рубенса, Рейсдаля, Ван-Дейка. Бюсты Вольтера и Дидро работы Гудона. Выручка – полмиллиона. Долларов.

Все верно – больше доставалось Ленинграду, зато московский музей обязан был поставлять картины в антикварный магазин на Тверской, 26 из расчета около 100 в год. Двадцать процентов выручки доставалось музею на его нужды.

В 1932 г. дело дошло до Музея нового западного искусства. Правда, здесь существовали свои трудности – еще были живы прямые наследники И.А. Морозова и, того хуже, сам С.И. Щукин. Приходилось ставить цены от 5 до 50 тысяч долларов, но и то с опаской. Поэтому из предложенных 9 полотен удалось реализовать оказавшиеся в результате в США «Ночное кафе» Ван-Гога и «Портрет жены художника» Сезанна. Цены не имели значения.

А каким предметом гордости стала продажа Синайского кодекса – самого полного и самого древнего текста Нового завета Британскому музею за полмиллиона долларов, хотя США давали значительно больше.

Конец аукционов? Андрей Александрович никак не связывает их с пресловутой запиской Сталина академику И.А. Орбели. Все гораздо проще. С приходом Гитлера к власти стали невозможными распродажи в немецких городах, другие же страны от них категорически отказывались, считая позорным разграбление России.

Зарубежный механизм выкачивания художественных ценностей стал заменяться внутренним. На помощь пришли советские антикварные магазины и главным образом Торгсин, как единственное средство выжить для многих семей «из бывших». Правда, эта система не успела толком установиться, как в 35 г. закрылся Торгсин. После 37 г. прекратился приезд иностранцев. Зато американский посол Дж. Дэвис прямо в Москве при посредстве правительства отбирает для себя больше 20 икон в Третьяковской галерее, – и это XVI–XVII вв., – в Чудовом монастыре и Киево-Печерской лавре.

А чего стоила «Выставка русских императорских сокровищ из Зимнего дворца, Царского Села и других царских дворцов» в Хаммеровской галерее Нью-Йорка! С нее иконы продавались вообще от 95 до трех тысяч долларов. Всем желающим. Лишь бы купили. Лишь бы не возвращаться с грузом в страну.

Большой Каменный мост
в Москве

Впрочем, в голосе Андрея Александровича что-то прерывается, Впрочем в 1938 г. прямой вывоз за границу музейных ценностей был восстановлен полностью. Или в еще большем объеме.

КОГДА ПЛАН НАСТУПАЕТ

10 июля 1935 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР принимают постановление «О генеральном плане реконструкции Москвы», первом комплексном плане, разработанном архитекторами В.Н. Семеновым, С.Е. Чернышевым и другими. План предусматривал увеличение населения до 5 миллионов человек к 1960 г. и расширение территории с 28,5 до 60 тысяч га, преимущественно в юго-западном и северном направлениях. Для жилищного строительства предлагались участки вдоль набережных Москвы-реки и Яузы и главных магистралей. Исторически сложившаяся радиально-кольцевая структура подвергалась коренной перепланировке, так называемому «упорядочению сети городских улиц и площадей». Новые жилые территории формировались в виде укрупненных кварталов, объединенных в планировочные районы. План в значительной своей части был реализован еще до Великой Отечественной войны и непосредственно после ее окончания.

В процессе реконструкции были созданы Манежная площадь, Охотный ряд, формируемый гостиницей «Москва» и зданием Госплана СССР, магистрали: Тверская, Большая Калужская, Можайское шоссе, 1-я Мещанская (пр. Мира). В 1936–1938 гг., в связи с приходом в Москву волжской воды возведены Крымский мост, Большой Каменный мост, Большой Москворецкий и ряд других. Реконструируются Центральный Парк Культуры и Отдыха, Измайлово, Сокольники, Александровский сад.

Из общественных зданий строятся Театр Советской Армии (1934–1940, К.С. Алабян, В.Н. Симбирцев), Военная академия им. М.В. Фрунзе (1937, Л.В. Руднев, В.О. Мунц), комплекс Всесоюзной сельскохозяйственной выставки.

III РЕЙХ

Живой третий рейх – враг в годы Великой Отечественной войны. А раньше? Временами дружественный, деятельно поддерживаемый газетами и правительственными выступлениями. То, что в нем происходило по отношению к культуре, никогда не становилось предметом осуждения, тем более негодования.

Мейерхольд был расстрелян в начале 1939 г. – так стали утверждать спустя полвека. И тот же 39 год...

«О лживом сообщении агентства Гавас: «Редактор «Правды» обратился к т. Сталину с вопросом: как относится т. Сталин к сообщению агентства Гавас о «речи Сталина», якобы произнесенной им «в Политбюро 19 августа», где проводилась якобы мысль о том, что «война должна продолжаться как можно дольше, чтобы истощить воюющие стороны».

Тов. Сталин прислал следующий ответ:

«Это сообщение агентства Гавас, как и многие другие его сообщения представляет вранье. Я, конечно, не могу знать, в каком именно кафешантане сфабриковано это вранье. Но как бы ни ввали господ из агентства Гавас, они не могут отрицать того, что:

а) не Германия напала на Францию и Англию, а Франция и Англия напали на Германию, взяв на себя ответственность за нынешнюю войну;

б) после открытия военных действий Германия обратилась к Франции и Англии с мирными предложениями, а Советский Союз открыто поддержал мирные предложения Германии, ибо он считал и продолжает считать, что скорейшее окончание войны коренным образом облегчило бы положение всех стран и народов;

в) правящие круги Англии и Франции грубо отклонили как мирные предложения Германии, так и попытки Советского Союза добиться скорейшего окончания войны. Таковы факты.

Что могут противопоставить этим фактам кафешантанные политики из агентства Гавас?»

Сентябрь того же года. Фотография в газете – хитро ухмыляющийся Сталин в окружении Павлова и господина Гауса у стола, за которым Молотов подписывает германо-советский договор о дружбе и границе между СССР и Германией. Карта Польши с перерезавшей ее черной змеей – «линия, установленная правительством СССР и германским правительством в качестве границы между обоюдными государственными интересами на территории бывшего Польского государства». Бывшего! Свою ненависть к Польской Рабочей Партии, польским коммунистам «вождь и учитель» довел до трагического апогея.

Газетная заметка: «28 сентября с.г. Председатель Совета Народных Комиссаров СССР и Народный Комиссар иностранных дел т. В.М. Молотов дал обед в честь министра иностранных дел Германии г-на Иоахима фон Риббентропа. На обеде

Подписание пакта
о ненападении между
СССР и Германией
В. Молотовым (сидит)
и И. Риббентропом
(стоит в центре) в Москве

присутствовали сопровождающие г-на министра г. Ворстер, г. Гауе, г. Шнурре, г. Кордь, г. Ганке, г. фон Галем, г. Шульце, г. Штейнбикель.

Из состава Германского посольства в Москве присутствовали граф фон дер Шуленбург, г. фон Типпельскирх, генерал-лейтенант Кестеринг, г. Гильгер.

Кроме упомянутых лиц, присутствовали тт. И.В. Сталин, К.Е. Ворошилов, Л.М. Каганович, А.И. Микоян, Л.П. Берия, В.П. Пронин, В.П. Потемкин, В.Г. Деканозов, С.А. Лозовский, А.А. Шкварцов, Е.И. Бабарин, Р.П. Хмельницкий, С.П. Козырев, В.Н. Барков, А.М. Александров, А.А. Соболев и В.Н. Павлов.

Во время обеда В.М. Молотов и г-н Иоахим фон Риббентроп обменялись приветственными речами. Обед прошел в дружеской атмосфере».

Март 1940 г. Из доклада о внешней политике правительства, сделанного Молотовым на VI сессии Верховного Совета СССР первого созыва: «Крутой поворот к лучшему в отношениях Советского Союза и Германии нашел свое выражение в договоре о ненападении, подписанном в августе прошлого года. Эти новые хорошие советско-германские отношения были проверены на опыте в связи с событиями в бывшей Польше и достаточно доказали свою прочность. Предусмотренное еще тогда, осенью прошлого года, развитие экономических отношений получило свое конкретное выражение еще в августовском (1939 г.), а затем в февральском (1940 г.) торговых соглашениях. Товарооборот между Германией и СССР начал увеличиваться на основе взаимной хозяйственной выгоды, и имеются основания для дальнейшего развития».

Номер «Правды» от 12 мая 1940 г. Заголовки: «Германские парашютные десанты в Голландии», «Бои в Бельгии», «Подробности бомбардировки Брюсселя», «Бомбардировка Швейцарии», «Занятие Люксембурга». Текст сообщения: «Германское

информационное бюро передает, что первый день операций германских войск на западе, как видно из сообщений верховного главнокомандования германской армии, прошел под знаком успешных нападений германской авиации на неприятельские аэродромы и другие военные объекты. Агентства Гавас и Рейтер передают, будто германская авиация разрушила жилые дома, фабрики и вызвала жертвы среди мирного населения. Эти агентства утверждают, что Германия перешла к тотальной войне. Все эти сообщения, как сообщают в германских кругах, преследуют исключительно пропагандистские цели. В действительности Гитлер издал германской авиации приказ бомбардировать только военные объекты. О тотальной воздушной войне в том смысле, в каком о ней говорят враги Германии, не может быть и речи. Но германская авиация ответит на попытки противника превратить войну в тотальную во много раз превосходящим ударом».

В тот же день вариант «Пионерской правды» — рядом с рассказом о Александре Македонском в Индии для любителей истории, статьей о редком атмосферном явлении — огнях святого Эльма, советами Е.В. Гельцер молодым танцорам и отчетом о смотре детского художественного творчества в Киеве с хорovým исполнением песни «Про батька народного, про Сталіна рідного» и чтением многочисленными юными поэтами сочинений на ту же неиссякаемую тему, — небольшой врез.

«На северо-западе Европы, на берегу Северного моря, расположены две страны: Бельгия и Голландия. Между границами Германии, Франции и Бельгии лежит маленькая страна Люксембург. В особом сообщении, так называемом меморандуме, Германское правительство объявило правительствам этих стран, что оно отдало своим войскам приказ перейти границы этих государств. В меморандуме говорится, что такие действия германского правительства вызваны тем, что Англия и Франция готовили наступление на Германию через Бельгию и Голландию». И никаких комментариев!

В тот же день состоялся заключительный гала-концерт детской художественной самодеятельности в Большом театре. В присутствии самого «вождя и учителя». С эпизодом, едва не унесшим несколько человеческих жизней.

Во время танцевального номера кружка Дома художественной самодеятельности Кировского района Москвы под руководством Л.Д. Голубиной один из огромных мячей, с которыми выступали крохотные девочки, вырвался из рук и покатился... в сторону сталинской ложи. Позеленевшие лица охранников за кулисами, и отчаянный рывок девочки, которая вела программу: мяч ей удалось схватить у самого края страшной ложи. В газетах об этом, конечно же, было сказано, как ведущая «увидела мяч, оставленный на авансцене, и возникла опасность, что «конферансье» вот-вот не удержится и с удовольствием начнет развлекаться — такой непринужденной и радостной представлялась обстановка зала». О нервных припадках за кулисами, о сердечных каплях и отчаянии никто не мог догадаться. Или не хотел догадываться.

Зрелище не должно было задерживаться. Ритм радости, счастливого, дарованного «вождем и учителем» детства не мог сбиваться. И с объявлением каждого нового коллектива на сце-

не появлялся новый грандиозный задник с ЕГО портретом в окружении детей и цветов. Художники превзошли самих себя в изобретательности и натурализме. Ни о каких живописных «фокусах» и думать не приходилось. Зато это было искусство, «нужное народу».

Еще нужны были дети. В зрелищах все более многолюдных, все богаче оформленных, со все более широкой и восторженной прессой. Праздник в Большом театре в день начала тотальной войны в Европе должен был перерасти в еще больший, с сотнями исполнителей, для которых создавался специальный «творческий лагерь» на станции Хотьково Северной железной дороги, с единым сценарием по Маяковскому «Кем быть?», с постановщиком в лице Василия Павловича Охлопкова — жалкое подобие его былых «народных действ».

Шумиха вокруг детей заставляла забыть о тенях войны, все гуще ложившихся на газетные полосы, о гуле артиллерийских канонад и бомбежек, раздававшихся уже по всей Европе. За ней незамеченным остался и промелькнувший на газетных полосах указ Президиума Верховного Совета СССР за подписью Калинина и Горкина — о присвоении наркому внутренних дел СССР Берия Лаврентию Павловичу звания Генерального комиссара Государственной безопасности 30 января 1941 г.

Городской первомайский костер в присутствии Матьяса Ракоши (венгерская коммунистическая партия!). Чтение хором (скольких же часов репетиций это стоило!):

*Так тверже кремня, закаленнее стали,
Мы сменой должны вырастать боевой,
Чтоб с кличем победным: «Да здравствует Сталин!»
Пойти в наш решительный бой.*

Оставалось по-прежнему непонятным, против кого именно. Во всяком случае, Боже сохрани, не против фюрера. До начала войны оставалось 53 дня. До Великой Отечественной.

42 дня — открытие Всесоюзного Лермонтовского конкурса.

16 дней — пышнейший общегородской бал по случаю окончания года 5–7 классами. Конференс на двух языках — русском и... немецком. И на тех же языках михалковские строки:

*Спит Москва. В ночной столице
В этот поздний темный час
Только Сталину не спится,
Сталин думает о нас...*

9 дней — бал-карнавал, посвященный общему окончанию учебного года. Снова строки Сергея Михалкова. Снова тексты выступлений на русском и немецком.

Через годы последний разговор с И.Л. Мацей: «Одинаковая форма всегда означает одинаковое содержание?» — «Что вы конкретно подразумеваете под формой?» — «Картины со всесоюзных выставок».

Профессор молчит. И сразу, с обычной для него резкостью: «Это не имеет отношения к художественной форме. Это форма зрительной аберрации: то, чего нет и не будет. В действительности». — «Фантазия?» — «Обман. Общественный. Гражданский. Человеческий!» — «Но критики применяют к ним искусствоведческую терминологию. Как будто это в порядке вещей».

Долгое молчание. «Я не доживу. Вы — должны. Все равно встанет вопрос о механизме деформации человеческого сознания. Чем позже это случится, тем хуже. Для искусства. И для идеи социализма».

Иван Маца вступил в Коммунистическую партию Венгрии в 1920 г.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ

*Из выступления по радио
В.М. Молотова. 22 июня 1941 г.*

Граждане и гражданки Советского Союза!

Советское правительство и товарищ Сталин поручили мне сделать следующее заявление. Сегодня в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну.

*Приказ начальника МПВО комбрига С.Ф. Фролова
и начальника штаба МПВО
майора С.Е. Лапирова об объявлении в столице
угрожаемого положения. 22 июня 1941 г.*

1. В связи с угрозой воздушного нападения на город объявляю в г. Москве и Московской области с 13 часов 22 июня 1941 г. угрожаемое положение...

2. В первую очередь выполнять следующие меры:

А) полностью затемнить на весь период угрожаемого положения жилые здания, учреждения, торговые предприятия, фабрики и заводы г. Москвы и Московской области.

3. Во избежание излишней тревоги с момента опубликования настоящего приказа запрещаю подачу сигналов сиренами, гудками фабрик, заводов, паровозов и пароходов для других целей, кроме оповещения о воздушной тревоге.

*Из отчета о работе Военного отдела
Москворецкого РК ВКП(б).*

К работе по проведению мобилизации райвоенкомат приступил с 5 часов 22/VI—1941 г., до официального объявления войны правительством. Эта работа проводилась распорядительным порядком по укомплектованию корпуса ПВО людьми и автотранспортом. С 12 часов 22/VI—1941 г., т.е. после выступления по радио т. Молотова, РВК приступил к работе точно по мобплану. И с 6 часов 23/VI—1941 г. сборные пункты были открыты, и начато формирование команд людей и партий транспорта по мобилизационным нарядам.

Явка военнообязанных по мобилизации была полная и своевременная, срывов сроков отправки не было.

Б. Мухин. Плакат. 1941 г.

*Из материалов Военного отдела
Москворецкого РК ВКП(б). 28 июня 1941 г.*

27–28 июня по призыву РК ВЛКСМ комсомольцы-студенты и учащиеся средних школ 8–10-х классов уехали на строительство оборонных рубежей в Смоленскую и Орловскую области...

*Из протокола заседания Военного совета МВО.
2 июля 1941 г.*

1. Мобилизовать в дивизии народного ополчения по г. Москве 200 тыс. человек и по Московской области 70 тыс. человек. В Москве мобилизацию начать 3.VII и закончить 5.VII, по Московской области мобилизацию начать 3.VII и закончить 6.VII.

*Из донесения начальника МПВО Москвы комбрига С.Ф. Фролова
и начальника штаба МПВО майора С.Е. Лапирова
секретарю МК и МГК ВКП(б) А.С. Щербакову
о первой воздушной тревоге в городе.
1 июля 1941 г.*

1. Воздушная тревога в Москве была объявлена в 1 час 47 минут.

4. Укрытие населения.

В метро укрывалось: по 1-й и 2-й очереди — около 400 тыс. человек, по 3-й очереди — 35 тыс. человек...

В подвальных убежищах и щелях — около 950 тыс. человек.

Главный врач больницы им. С.П. Боткина.

Ночь с 21 на 22 июля 1941 г. — на больницу было сброшено большое количество зажигательных бомб и несколько фугасных. Взрывами последних разрушены были инфекционный приемный покой, лечебный павильон на 44 койки и жилые здания. Сильно пострадали от воздушных волн два детских прекрасных буксированных корпуса на 240 коек. Десятки зданий больницы лишились остекления.

Приказ наркомторга СССР

«О введении карточек на некоторые продовольственные и промышленные товары в гг. Москве, Ленинграде и в отдельных городах Московской и Ленинградской областей». 16 июля 1941 г. № 275.

1. Ввести с 17 июля 1941 г. в г. Москве, с 18 июля 1941 г. в г. Ленинграде и с 19 июля 1941 г. в перечисленных в приложении 1 городах и пригородных районах Московской и Ленинградской областей продажу ПО ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫМ КАРТОЧКАМ:

хлеба, хлебобулочных изделий и муки,
крупы и макарон,
сахара и кондитерских изделий,
масла животного, растительного и маргарина,
мяса и мясопродуктов,
рыбы и рыбопродуктов;
ПО ПРОМТОВАРНЫМ КАРТОЧКАМ:
хлопчатобумажных, льняных и шелковых тканей,
швейных товаров,
трикотажных товаров,
чулочно-носочных товаров,
кожаной и резиновой обуви,
мыла хозяйственного и туалетного.

*Из дневника ученого секретаря Комиссии по изучению истории
Москвы П.Н. Миллера. 22/VII. Вторник.*

Вчера в «месячный юбилей» войны немец устроил налет на Москву...

Начало в 10 часов 10 минут вечера — конец — после 4 утра, иначе говоря, ШЕСТИЧАСОВАЯ БОМБЕЖКА... Действовали зенитки, пулеметы, но не авиация. Были пожары, есть человеческие жертвы. Впечатление потрясающее и расшатывающее всю нервную систему.

*Распоряжение Исполкома Моссовета «О работе моргов г. Москвы».
№ 114. 11 ноября 1941 г. Не подлежит оглашению.*

Отмечая совершенно неудовлетворительную работу московских моргов:

1. Обязать зав. Горздравотделом т. Левант:
  - а) в пятидневный срок расширить морги...
2. Обязать трест похоронного обслуживания — т. Шорина и директора крематория т. Лебедева до 15 ноября с.г. увеличить пропускную способность крематория за счет пуска 3-й и 4-й печей и трехсменной работы. Оборудовать и приспособить помещение для приемки трупов на 100 человек.

3. Предложить начальнику ГАИ изъять из учреждений и передать в распоряжение Треста похоронного обслуживания для перевозки одиночных трупов из очагов поражения 5 пикапов и 3 полутонные машины. (Срок три дня.)

*Докладная записка начальника Мосгорреперткома П. Гридасова.
11 ноября 1941 г.*

Почти все театры за исключением оперного им. Станиславского и Немировича-Данченко и Театра милиции эвакуировались. Ликвидировалась Мосэстрада, многие актеры г. Москвы уехали обслуживать фронт, многих мобилизовали, кто ушел в ополчение, кто в рабочие и коммунистические батальоны, кто просто выехал из Москвы...

Состояние концертной деятельности в Москве более чем неудовлетворительное. Правда, работает ВГКО (Всесоюзное Государственное Концертное Объединение), концерты проходят в Зале им. Чайковского, Консерватории, в Малом театре и т.д., но качество этих концертов исключительно низкое.

Вот концерт в Б. зале Консерватории 14, 15 и 16 ноября. Много цыганщины (Чар, Андреева, Кручинин, Пятисотская). Вот еще один концерт от 8/XI с.г., называется он «Концерт советской музыки», но здесь есть и чтение (Обухова), и юмор (Сысоев), причем вводятся давно запрещенные вещи («Диспут о танцах» Ардова). Вот концерт от 8/XI в Зале им. Чайковского под названием «искусство народов СССР», но здесь и Шопен, и цыганская пляска, и Чайковский, и Римский-Корсаков и... цыганские песни «Ехали цыгане»...

Необходимо пресекать всякие увлечения цыганщиной, сентиментальным и упадническим репертуаром. Тематические концерты цыганских песен запретить.

Вспомним, что Красная Армия потеряла в сражениях октября 1941 г. — апреля 1942 г. до 2 млн, человек. Десятки тысяч мирных жителей погибли от бомбежек.

*Решение Исполкома Моссовета
«О заочном обучении учащихся 7-х и 10-х классов».
№ 2/17. 19 января 1942 г.*

1. В целях создания возможности учащимся закончить в текущем году среднюю и неполную среднюю школу организовать для учащихся 7-х и 10-х классов заочное обучение.

2. Предложить Мосгорно, т. Орлову:

а) создать в районах г. Москвы сеть консультационных пунктов (42 пункта) для оказания педагогической помощи в работе учащимся;

4. Обязать Мосжилуправление (т. Брокера) и начальников районных жилищных управлений выделить в бомбоубежищах при домоуправлениях комнаты для самостоятельной работы учащихся, обеспечив их необходимым инвентарем.

5. Начать работу в консультационных пунктах с 2 января 1942 г.

6. Мосгорфинуправлению (т. Михееву) и Мосгорно (т. Орлову) определить размер ассигнований на содержание консультационных пунктов и обеспечить их финансирование.

*Решение Исполкома Моссовета
«О культурно-массовой работе среди детей в зимнее время».
№ 45/24. 27 декабря 1941 г.*

3. Предложить Мосжилуправлению (т. Брокеру) в 10-дневный срок организовать при домоуправлениях не менее 200 катков и 700 снежных горок с необходимым инвентарем (лыжи, коньки, санки).

5. Обязать горфинуправление (т. Михеева) и гороно (т. Орлова) рассмотреть и утвердить штаты и сметы внешкольных учреждений Москвы, включив в штаты необходимое количество пионервожатых.

Сухие цифры военной статистики

С 29 июня по 29 июля из Москвы было вывезено 950 тысяч человек гражданского населения железнодорожным транспортом, за июль – сентябрь около 150 тысяч водным транспортом. В сентябре – октябре из Москвы и Московской области отправлено на Восток свыше 500 промышленных предприятий союзного и союзно-республиканского значения, в том числе Московский автозавод, завод «Динамо», почти все оборонные предприятия. В октябре – ноябре ушло 80 000 вагонов с промышленным оборудованием и материалами, так что к концу ноября из Москвы было вывезено 3/4 всего станочного парка города. Были также эвакуированы крупные научные и культурно-просветительские учреждения, учебные заведения. Учебный год в московских школах начат не был.

К 1 декабря 1941 г. из 4,5 миллионов московского населения осталось около 2,5 миллионов человек. В середине октября в Куйбышев выехал ряд правительственных учреждений и дипломатический корпус.

Резэвакуация началась в начале 1942 г. В Москву стали возвращаться местные промышленные предприятия, которые к лету того же года начали давать продукцию. В принципе было резко увеличено производство самолетов, авиамооторов, минометов и автоматов.

Город, доказавший свою неистребимую способность не просто выживать – но в любых условиях жить, жить в полную силу.

Г.К. Жуков на трибуне

Первой самой тяжелой военной зимой 41/42 гг. в Москве работали 27 вузов, а это 23 с половиной тысячи студентов. В следующую зиму число вузов увеличится до 65, к 1 января 1945 г. — до 72 при 94 тысячах студентов. И это, не говоря о том, что только за военные годы и притом только в одном Московском университете было защищено 106 докторских и 520 кандидатских диссертаций.

Само собой разумеется, продолжать реконструкцию города не представлялось возможным, тем не менее, капитальные вложения в городское хозяйство Москвы составили больше 1 миллиарда рублей. Было завершено строительство 3-й очереди метрополитена, проложены десятки километров трамвайных и троллейбусных линий, заасфальтированы сотни километров улиц и площадей.

19 августа 1944 г. СНК СССР принял постановление «О мерах оказания помощи жилищному хозяйству Москвы», согласно которому возобновились работы по дальнейшему жилищному строительству. Общая численность строительных рабочих к середине 1944 г. составила 130 тысяч человек.

Но едва ли не самым удивительным было то, что за годы войны в Москве восстановили и капитально отремонтировали 1 тысячу жилых домов и более 100 административных зданий.

В 1942 г. возобновились спектакли ряда театров, в 1943 г. вернулись в город Большой театр и МХАТ. Все время работала Студия документальных фильмов.

Первым отзвуком далекой победы стал прозвучавший 5 августа 1943 г. салют в честь освобождения Орла и Белгорода (12 залпов из 124 орудий). Но в дальнейшем поводов для победных салютов становилось день ото дня больше. Для их классификации был введен особый распорядок с делением на 3 категории. К первой относилось освобождение столиц союзных республик, выход на государственную границу и границы других государств. По этому поводу давалось 24 залпа из 324 орудий. Вторая относилась к освобождению больших городов, форсированию значительных рек и соответственно предписывала произведение 20 залпов из 224 орудий. Наконец, третья отмечала овладение железнодорожными узлами, узлами шоссейных дорог, крупными населенными пунктами, имевшими важное оперативное значение. По третьей категории давалось 12 залпов из 124 орудий.

Медаль «За оборону Москвы»

Во всех случаях салюты производились с наступлением темноты, сопровождалась фейерверком цветных сигнальных ракет и подсветкой зенитных прожекторов.

Всего в Москве произведено 353 победных салюта, а 9 мая 1945 г., в День Победы, салют был дан 30 залпами из 1000 орудий.

В отдельные дни салюты звучали в Москве по несколько раз. Например, 27 июля 1944 г., 10 и 22 января 1945 г. было произведено по 5 салютов.

1 мая 1944 г. была учреждена медаль «За оборону Москвы». Медалью награждено свыше 1 миллиона участников обороны города.

24 июня 1945 г. в Москве на Красной площади состоялся Парад Победы. Парад принимал первый заместитель министра обороны и заместитель Верховного Главнокомандующего командующий войсками 1-го Белорусского фронта маршал СССР Г.К. Жуков. Командовал парадом командующий войсками 2-го Белорусского фронта маршал СССР К.К. Рокоссовский.

В параде участвовали сводные полки Карельского, Ленинградского, 1-го Прибалтийского, 1-го, 2-го и 3-го Белорусского, 1-го, 2-го, 3-го и 4-го Украинского фронта, сводный полк Военно-Морского флота. В составе частей 1-го Белорусского фронта прошли представители Войска Польского.

Впереди сводных полков шли командующие фронтами и армиями. Знамена частей и соединений несли Герои Советского Союза.

Марш завершала колонна солдат, несших 200 опущенных гитлеровских знамен, которые были брошены к подножию

Командование
Ленинградского фронта
на Параде Победы
24 июня 1945 г.

Поверженные знамена
гитлеровских частей

Мавзолея. Вслед за ними прошли торжественным маршем части Московского гарнизона, сводный полк Наркомата Оборона, военные академии и суворовские училища, сводная конная бригада, артиллерийские, мотомеханизированные, воздушно-десантные и танковые части.

СУДЬБИНУШКА

Наверно, так было суждено (сама она говорила: «На роду написано»): слава, оговор, презрение, забвение и снова слава, спустя много лет после смерти. На себе проверила слова поговорки: от тюрьмы и от сумы... Начиная девчонкой-нищенкой — первый раз сердцем песню поняла, когда бабка запричитала над отцом, увозимым в солдаты. Мать пела, потому что много работы было, невпроворот домашних дел: не под силу молодой обихаживать мужнину семью с тремя малышами на руках. Пела — сил набиралась и мудрости женской, чтобы не корить судьбу, не жалеть себя, до последнего держаться. Бабка иной раз «сердцем слабела» и ни с того ни с сего заливалась песенным плачем. Внучка, еще не разбираясь, где печаль, где радость, просила: «Поубивайся по тятеньке, чего там». ...Темноглазая, с широкими бровями вразлет, с морщинками-лучиками в уголках глаз, скорая на улыбку, на шутку, она словно спутала все время. И что слушателю, что собеседнику было не понять, сколько ей лет. Верно одно: молодиться не собиралась. Кокетливых ужимок эстрадных «звезд» не терпела: «Какая есть, такую и принимайте». Волосы туго-туго на прямой пробор причешет, платком, как бабам положено, стянет, сарафан покойный, просторный наденет, чеботы без каблуков — и пошла играть пес-

ню. А в песне и детство, и вся жизнь, и все судьбы, что высматривала среди множества встреч. «Главное – сердце распахнуть, на других – не на себя смотреть, людей слушать уметь. И больно за них, и так-то сладостно, что потом все в песню войдет. Мою песню. А они слушать будут и успокоятся. Это уж секрет такой – от сердца к сердцу: мне петь, мне им и соболезнавать».

...Вернулся с солдатчины отец – долго не протянул. Мать трех сирот к своим родителям отвезла, да сама – на завод, в город, на заработки. Тоже долго не протянула. У бабки какой достаток, разве что впроголодь сидеть. Спасибо, добрые люди научили – по дворам ходить да с песенкой милостыню просить. Одни подавали, разжалобившись на самых маленьких, другие – на серебряный голосок старшей. Бабка только слезами заходила: где это видано, за кусок хлеба песни петь... Как-никак род был суровый – старообрядцы.

Однако песня помогла. То ли помещица, то ли чиновница песни Лидкины пожалела – пристроила всех троих по приютам. Лидке достался приют в Самаре. А там регент в церкви услышал, в хор церковный взял. Все лучше, чем другим, пришлось. Спевки чуть не каждый день, а спевки – все равно радость, хотя вколачивал учитель музыкальную науку, ни с летами питомцев, ни с их слабостями не считаясь. Да Лиде окрик не нужен был, все влет схватывала, быстро солисткой стала. Слушать сироту весь город съезжался. Одни просто хвалили, другие не забывали гривенник-другой на ириски дать. Всегда с подругами делилась, в чулок не прятала. Спустя полвека признавалась: «Нараспашку жила, – и, подумав: – как пела». Только рано повзрослела, знала, как с купцами говорить, что ответить. Не то чтобы гордая, а цену себе знала.

Работы не боялась: сама вызвалась в приюте лампы керосиновые чистить да заправлять. Работа «мазучая», зато в класс можно иной раз не пойти, попеть на свободе. За песню ее никогда не ругали, часто, напротив, просили: «Еще спой». Это верно, что учиться бы дальше надо. Какая там учеба – одно городское училище. И, верно, помогли бы, голосистую сироту не оставили бы – сама не захотела. Если уж точным быть, кроме песни, ничего в жизни не хотела. Так и в Саратовской консерватории года не продержалась. Поняла: другому учат – петь, не песни играть. С голосом что-то такое делали, что другим он становился, вроде непослушным. «Я ведь за славой не гналась, – скажет Лидия Андреевна в 1964 г., – слава, она сама приходила. Мне бы петь по моему разумению. Со стороны смешно, наверно, а я как отпою концерт, будто живой водой умоюсь. Руки-ноги гудят, коленки подкашиваются, а на сердце – праздник и легкость такая, что хоть с ходу на другой концерт поезжай. Вот тут я пьяница: никогда песней вдосталь напиться не могла».

Артисты все стараются жизнь лесенкой выстроить: со ступеньки на ступеньку подниматься, чтоб площадки одна лучше другой становились, города – от окраины до Москвы. Русланова начинала в Ростове-на-Дону, туда, на стадион, и в последний год жизни вернулась. На машине ее два раза вокруг трибун обвозили, а стадион грохотал, успокоиться не мог. Многим ли такое счастье выпадало, ведь ей уже стукнуло семьдесят три. «Меня Бог помиловал, я его, грешница, об одном только и про-

сила: голоса не отбирай, дай при песне помереть, из последних сил на сцену выползу, да и спою. Куда мне без них».

К эстраде можно относиться по-разному. Конечно, не симфонический концерт и не опера: для одних — удовольствие в свободную минуту, для других — развлечение, для третьих — вообще не искусство. Но, начиная с двадцатых годов, эстрада у нас значила совсем иное. В ней, в ее легкости, шутках, разнообразии жанров, относительно свободном конферансе жил тот глоток свободы, которого не оставалось в жизни. Концерты Руслановой давали надежду на то, что может быть жизнь для себя: без маршей и оглушительных лозунгов, со своим любимым, своим счастьем, своими радостями и бедами, которых никто не вынесет на всенародное обсуждение.

Хвалили ли ее в те давние годы? Только не начальство. Даже в сборнике памяти певицы, изданном в 1981 г., полно рассуждений о кантилене, постановке голоса, приемах, граничащих с «дурным вкусом», а уж в тридцатые годы от обвинений в «цыганщине» и «отходе от советской действительности» и отбиваться было бесполезно.

«Говорите, народная песня?» — Ветер тихо вздувает светлые занавески на даче в Баковке. — «Да ведь как раз народная-то и не нужна была. Тогда, в тридцатых, нужен был Хор Пятницкого. Не тот, который сам Пятницкий собрал, а новый, который «вдоль деревни, от избы до избы, зашагали торопливые столбы». Это как сельскохозяйственная выставка или физкультурные парады: «Наро-о-од! Стройся! На первый-второй, рассчитайся!» Я ведь не случайно на настоящих костюмах стояла: вот, голубчики, глядите, деревня-то какая была, вот как жили! И любить народного певца не за кантилену любят — за чувство, за смысл. Помните тургеневского турка — Яшку?..»

В последние годы жизни на нее произвел особенное впечатление рассказ о Степаниде Солдатовой, знаменитой в пушкинские времена Стешке-цыганке. Имена же тех, которых считали ее — Руслановой — предшественницами — Плевицкой, Паниной, Вербицкой, — знала, но как-то не откликалась на них. Обходила молчанием. И справедливо: у них были свои особенности, сравниваться же с кем бы то ни было, в том числе и в свою пользу, не хотела: «Моя песня». Зато о Стешке рассказывала, даже в Свиблово съездила посмотреть, где Степанида всю Москву собирала. Один раз бросила: «Вот ее бы сыграла!» — «А у вас были возможности выступить на драматической сцене?» — «Были. Да не искала я их. Тут в чем загвоздка — драматический актер один быть не может, вместе со всеми и среди всех, а мне простор нужен. Да и чужих слов не люблю. Другое дело в песне. Там они в музыке. Я же каждый раз другая. Три раза в вечер концерт пою, три раза по-иному. Песня моя не поется — играется».

В Стешке все казалось родным. Росла в таборе-хоре. Осиротела рано. Ласки не видела. Зато за голос держали, кормили. Учителя нашла на стороне. От него много переняла. Тогда цыганки и все народные песни пели, и романсы, что только-только появляться начали. Пела необыкновенно. Один из современников так и написал, что при пении у нее «в горлышке будто колокольчики переливались». Пела на измор, себя не жалела. Да слаба грудью оказалась — чахотка тогда многих косила.

Знамя Победы над
Рейхстагом. Май 1945 г.

А тут еще дочку прижила, любимому не сказала, жизнь его ломать не захотела. И хоть в хоре, все равно в деньгах нуждалась и Оленьку свою растила, и учителя состарившегося и обнищавшего вместе со всей его семьей содержала. Многие поэты для Стешки писали: Жуковский, Вяземский, Пушкин очень ее любили. Владелец же Свиблова специально приглашал москвичей цыганку послушать.

Лидия Андреевна много раз повторяла, что если Бог голос отнимет, на сцене сказки сказывать станет, только бы от людей не уходить.

И пела она не «просто так». О пении своем говорить не любила, но однажды, между прочим, заметила: «Песня не сама играется – человек ее играет. Старый ли, молодой – всегда разный. Вот этого «своего» никак потерять нельзя. К чему, скажем, мне молодиться, кого-то привораживать? Смешно получится. Так я со своих лет и играю. Надо же, как любила – «по морозу босиком к милому ходила». И сладко, и смех берет, и такая тоска за сердце хватает: ничего не вернешь, больше не сходишь. Мне вот часто говорили, что с годами я вроде лучше пою. И лицом старуха, и голос свое отпел, а все равно лучше. Так это потому, что о жизни больше узнала, передумала, всей ее горечи испила...»

И о войне говорила не слишком охотно. Во фронтовую бригаду пошла сразу, после первых же выступлений решила, что останется около фронта до конца. Слово сдержала: до Берлина дошла со своими солдатыками, на ступенях рейхстага свои песни сыграла. С ног от усталости валилась: сорок лет, может, и не такие большие годы, а если изо дня в день сверх сил, так знать о себе ох как давали. Всем пела – и когда помногу собиралось бойцов, и одному раненому, кому жизни оставалось пос-

ледние минуты. Солдаты «мамашей» звали. Артистка, а не обижалась, что старше своих лет становилась. Иной раз не верили, что она и есть та, «с пластинки». «Неказиста больно была», — смеялась Лидия Андреевна. «Песню играть — не красивой казаться надо, а родной, будто они сами про себя моим голосом поют».

«Вот сейчас словно бы и не понять, за что жизни свои положили: жили небогато, горя повидали без конца, знали, что и еще хлебнут, а все равно героями были. А вы никогда не задумывались, что лучше воюет не тот, кому есть что беречь, а у кого один крест на груди? Сколько ни ездила, уверилась: иначе не бывает. У того, что «с крестом», совестливости больше. Вот им-то песня и впрямь впрок шла, силы придавала. Они и благодарили по-особенному — бережно так, не просто ладошки отбивали. Чуть что не в землю кланялись. Сколько лет прошло, я все глаза их вижу — со всех сторон на меня смотрят: «Спой, Андреевна».

Война все в ее жизни переменяла. На ней нашла и свою последнюю (а может, первую?) любовь. Позднюю. Непростую. Совсем как в песне, где любить и жалеть — одно. Обещала делить все радости и горести, и слово сдержала. Страшной ценой, а до конца сдержала. Горестей оказалось куда как много...

Георгиевский зал Московского Кремля. Празднование Дня Победы. Правительство в полном составе и немногие из тех, кто прошел фронтовыми дорогами. Бесконечные тосты в честь «великого вождя и учителя». Солдаты, полководцы — в стороне. Их терпят будто из снисхождения. Вскипела, да так, что удержать не смогли.

«На приеме в Кремле подошла к Сталину. Плюгавый стоит, рябой, ухмыляется. Что же, мол, Иосиф Виссарионович, все о вас да о вас. Ведь вот они воевали, они и побеждали. Показала на Жукова, на мужа, на других. С косиной глянул: «Язык у вас, Лидия Андреевна!» Отчество не по-нашему выговаривает: «е» тянет. Дома муж: «Что ты наделала — под обух нас всех подвела». Через неделю арестовали. Меня сам Берия допрашивал, как я, мол, за мужем государственную измену замечала. Серов, его

Танкисты в поверженном Берлине. Май 1945 г.

заместитель, особенно трудился. Просто все объяснял: скажешь, что надо, — надевай концертное платье, езжай на концерт, только ты нас и видела; не подпишешь — сама себя вини. Сказала коротко: «Не дождешься! Зато я дождусь, проклятое семя, как тебя на веревке вздергивать будут. Русская я баба, терпеливая, дождусь». Дождалась. Сама на суде была. Сама после приговора подошла — охрана остановить не успела: «Что, голубчики, есть правда?»

Годы во владимирской тюрьме жизнью показались. Только не тюрьма была страшной всего — слухи. Госбезопасность выпустила, искусствоведы поддержали: за то посадили, что русской живописью спекулировала, иностранцам за валюту сбывала. Все сразу забылось: и военные годы, и успех, и любовь зрителей. Искусствоведы с особенным удовольствием свидетельствовали, что конфискованные картины хранятся в Третьяковской галерее и никогда не вернутся к бывшей владелице, — следствие все досконально выяснило.

Живописью русской и в самом деле увлекалась. И подсказал, и научил разбираться в ней Михаил Гаркави, один из любимейших конферансье предвоенных лет. Все-таки преувеличением было бы сказать, что знала манеру отдельных художников. Рассказ о том, как разоблачила Владимира Хенкина, приобретшего портрет И.А. Крылова кисти Тропинина, узнав в изображенном Михаила Семеновича Щепкина, не слишком убедителен, как и сомнения по поводу авторства. В определенном смысле именно Тропинин оказался тем художником, которому стали приписывать немыслимое множество работ безо всяких на то достаточных оснований. Верно другое: хорошо отличала русскую школу от любой западноевропейской, обладала чутьем на подделки и никогда не отказывалась от лишней консультации у знатоков. Сама признавалась, что никогда не видела в картине материальную ценность, способ вложения денег — только радость общения с ней.

«Картин не продавала — рука бы не поднялась. Никому и никогда! О них во Владимире думала: что с ними случилось, увижу ли когда?» Увидела. Все конфискованное собрание было с соответствующими извинениями возвращено владелице. Остался только слух: его никто публично не опроверг. Деготь с ворот руслановского дома никто соскрести не стал. У нас такого нет в заводе. После реабилитации увлеклась другим — мебелью. И в ней разбиралась блестяще. Собрала редчайшую коллекцию. Искала, где могла. Денег не жалела. А новая коллекция невольно опровергла старую клевету: когда пришло время расстаться с дачей в Баковке, Русланова продала ее вместе со всей коллекцией. «Чего уж там душу рвать: было — нету, и весь сказ». Превосходные образцы золоченой мебели XVIII в. так и остались в чердачном помещении. Набивать ими комнаты Лидия Андреевна не хотела: как художник думала об интерьере.

С Баковкой вообще непросто было. Лидия Андреевна начала строиться сразу по возвращении из тюрьмы. Ради мужа. «Понимаете, в первый день, что оказалась в Москве, на своей квартире, увидела в окно своего генерала Крюкова. Спина согнутая. Старая. Плечи остренькие. Все кругом спешат, толкают. А он, генерал армии, забитый такой, к метро пробирается. Зашлась вся, жива не буду — будешь ты, Крюков, на машине ез-

дить, будешь на даче жить, какой никто не видел, и никто тебя не толкнет! Ни о чем никого не попрошу, все своими руками сделаю, сама!»

Сделала. На окраине подмосковной Баковки, рядом с Переделкиным. В поле. Каменный дом с колоннами, флигелями, службами. Терраса к пруду. Гараж на две машины. Без сада. Зато внутри, как в ампирином доме, — центральный зал в шелковых маркизах. Старая мебель. «Какое там золотишко, камешки. Мебель — вот это красиво, дух человеческий. Живой. Теплый. Смотришь и себя уважать начинаешь — вон оно что было-то, за спиной-то. Хорошо!»

В шестидесятых годах — кругом зашторенные окна. Пустота. «После мужа раза два за год заезжаю. Никогда не знала, что здесь делать. Вот работать на все это интересно было — в азарт вошла. За вечер два концертных костюма колом от пота становились. Кажется, всю страну, весь Север объездила. Смысл был. А без Крюкова — что уж».

Разговор за чаем. «Все с человека начинается: подлец или честный, шкура или бессребреник. По моему разумению, все просто: нельзя приказать, как песню сыграть, как нельзя приказать из своей шкуры вылезти. Песня ли, картина — это нутро наше, правда наша. Народу-то мы только правдой своей и нужны. Притворишься, солжешь — и нету песни, ничего нету. А им все командовать нами надо, вот искусства-то все меньше и меньше. Волны были когда-то большие, привольные, а теперь пена одна на ветру сохнет».

Потом была болезнь. Долгая. Выматывающая. На людях Лидия Андреевна по-прежнему держалась. За собой следила, чтобы улыбаться, хоть редко, да пошутить. Круги под глазами иссиня-черными становились, лицо темнело, а глаза все светились неизбывным желанием сыграть песню. Сыграла на ростовском стадионе, незадолго до конца. Сжалилась судьба-судьбинушка, как пела в одной из песен, приветила великой радостью. А звания, газетная слава — они были не для нее, слишком честной, слишком гордой, никому, кроме слушателей, за всю свою долгую жизнь не поклонившейся.

ВОЗРОЖДЕНИЕ

Время измерялось пятилетками. Которые необходимо было перевыполнять — несмотря на расписанные по дням и по всем предприятиям планы. Спрессовывать время, обманывая самих себя.

Четвертая пятилетка. Годы 1946–1950 гг. Нарастающий вал идеологического наступления в защиту коммунизма: постановления 1946 г. о Ахматовой и Зощенко, 1948 г. целых три, в течение августа-сентября, как сбор урожая — о музыке, кинематографе, драматических театрах, а в «подзаконных актах» и об изо. Никаких отклонений от линии партии, никаких рассужде-

Высотное здание
на Садово-Кудринской
площади. 1950–1954 гг.

ний, регламентация всех творческих процессов как принцип. И рядом — к 1947 г. в Москве достигнут уровень **ДОВОЕННОГО** производства. Все решала автоматизация и механизация производственных процессов, повышение производительности труда. Для намеченных рубежей оказывается достаточным четырех лет. За пятую пятилетку (1951–1955) на старых производственных площадях уровень промышленного производства вырастет на 74%.

Только цифры, но за порогом едва успевшей кончиться войны они приобретают особый смысл. К концу 50-х гг. Москва сохраняет ведущее место во многих отраслях промышленности. Ее доля в народном хозяйстве страны составляет: по автомобилестроению — 30%, станкостроению — 20%, производству подшипников — 30%, трансформаторов — 50%, тяговых электродвигателей — 75%, текстильной продукции — 10%, шелкоткацкой — 46%, кожевенной — 10%. Через полвека станет усиленно обсуждаться вопрос о неконкурентоспособности советской продук-

ции. Но Москва именно в это время поставляет продукцию своей машиностроительной промышленности в 58 стран.

С 1945 г. возобновляется преобразование и развитие Москвы. Особое внимание уделяется строительству жилищ и зданий культурно-бытового значения, что требовало введения в строительную практику типизации и индустриализации. Развертывается комплексная застройка жилых районов в Измайлове, на Хорошевском шоссе, на Октябрьском поле, Песчаных улицах. Закладывается основа жилого района на Юго-Западе. В 1957–1958 гг. прокладываются Кутузовский и Комсомольский проспекты. Продолжается строительство Всесоюзной сельскохозяйственной выставки (ВСХВ-ВДНХ).

Начатая строительством в 1939 г., ВСХВ размещалась на площади свыше 140 га, на которых было построено 250 зданий по генеральному плану архитектора В.К. Олтаржевского. Экспозиция строилась по отраслевому и территориальному принципам. До войны ее участниками стали 800 000 человек, посетителями свыше 3,5 миллионов. Работа выставки была возобновлена в 1 августа 1954 г. с тем, что площадь расширилась до 207 га, а число зданий увеличилось до 383. Авторами нового генплана выступают архитекторы А.Ф. Муков и Р.Р. Кликс. За первые четыре года число посетителей составляет 35 миллионов человек. В создании отдельных павильонов участвовали архитекторы В.А. Щуко, В.Г. Гельфрейх, К.С. Алабян, художники М.С. Сарьян, А.А. Дейнека и др.

ТЕАТР НА ТВЕРСКОМ

Они упрямо выходили пройтись по городу. Он — как можно дальше от ушедшего в чужие руки театра. Она — непременно на Тверской бульвар, чтобы снова и снова своими глазами, не отрываясь, смотреть на дом, который когда-то сами выбирали для своего Камерного и приобрели, в котором и начинали и прожили всю актерскую жизнь. Александр Таиров и Алиса Коонен. Режиссер стремился хоть на мгновение забыться, во что-то поверить, к чему-то еще рвануться. Актриса знала — все невосвратимо. Потому что театр — это не просто они двое. Это все, что вокруг, и, прежде всего — люди, уже неспособные отозваться на то, что еще вчера им казалось смыслом жизни. Их театр умирал вместе с верой в человека, в самого себя, в свои возможности — и в справедливость.

«Как можно выйти на сцену после такого!» — Коонен была ошеломлена состоявшимся в их театре — именно в Камерном! — общемосковском судилище, иначе — собранием художественной интеллигенции по поводу постановления о музыке в феврале 1948 г. Вспоминала о нем в последние дни своей жизни с содроганием и отвращением. Доклад делал «какой-то серый человек без лица» и говорил, говорил, говорил. Подробности? Какое они могли иметь значение, когда анафеме предавались Дмитрий

Шостакович, Сергей Прокофьев, Арам Хачатурян, профессора Мясковский и Шебалин – цвет современной музыки.

Откуда Алисе Георгиевне было знать, что разыгрывался последний акт начатой сразу после войны драмы нашей культуры. Подбор осужденных имен определялся тем, что все вместе они составляли Оргкомитет Союза советских композиторов. Но то инакомыслие, которое существовало в их творчестве, не могло быть допущено во вновь образуемый союз. Крамолу предстояло искоренить, и для этой цели уже готовились кадры.

Маленькая и, кажется, оставшаяся незамеченной большинством музыковедов подробность. В №№ 1–2 журнала «Советская музыка» за 1948 г. напечатана фотография Тихона Хренникова с подписью «генеральный секретарь Союза советских композиторов». Но ведь Союза-то еще не существовало! Он возник в апреле, и только тогда формально лишился своей роли Оргкомитет. Формально – в действительности же сразу после постановления бразды правления были переданы Хренникову. И это на 54 года вперед. Соответственно несколькими месяцами раньше будущий музыкальный вождь был принят в ряды ВКП(б).

Наверное, существует конкретный ответ, почему выбор пал именно на него. Но уже та статья, с которой Хренников выступил в журнале в связи с постановлением, свидетельствовала о безукоризненной, стерильной правильности его позиции в искусстве: вместе с русскими музыковедами вычеркивались из «настоящей музыки» Оливье Мессиа́н, Хиндемит, Кшенек, Берг, Менотти, Жоливе, Бриттен, Шенберг, Стравинский. Объектом разноса стал, кстати, и Сергей Дягилев со своими сезонами русского балета. Новым мерилom ценности творчества композитора было выдвинуто условие, сформулированное композитором Захаровым: будут ли слушать колхозники после трудового дня 8-ю или 9-ю симфонии Шостаковича? Если нет, значит, они «антинародны». Впрочем, это нисколько не мешает бессменному руководителю впоследствии не только усиленно добиваться приезда Стравинского в Советский Союз, оказывать ему самое широкое гостеприимство, но и усиленно – на всеобщую память! – фотографироваться с «идейным врагом».

Сопротивляться, возражать – все было одинаково бессмысленно и бесполезно. Особенно Сергею Прокофьеву, жена которого Лина Ивановна отбывала заключение в лагерях. Двадцать лет тюремной жизни в полном отрыве от семьи. Лишь в инвалидном лагере под Воркутой, на станции Абызь, она узнала о смерти Сталина, но так и оставалась в неведении, что в тот же день не стало и ее мужа.

Собственно, музыка была последней в ряду подвергнутых стерилизации искусств. После постановления 1946 г. открытие в 1947 г. Академии художеств явилось решающим действием Сталина на поприще изокультуры. Самим пактом своего появления и содержанием устава Академия завершала триумф догматического соцреализма. И трудно сказать об этом откровеннее, чем новый вице-президент Борис Иогансон в праздничном октябрьском номере «Огонька»: «Когда просматриваешь картины наших художников, написанные к тридцатилетию Октября, невольно вспоминаешь первые годы революции. Тогда реалис-

тическое искусство, в начале еще слабое, но уверенное в конечной победе, пробивало дорогу к советскому зрителю. Это были первые шаги АХРР. Движение это, подхваченное лучшими, передовыми советскими художниками, широко разрослось под лозунгом социалистического реализма. Рост и успехи всех видов изобразительного искусства несомненны. Мне кажется, что выставка «30 лет советской власти» подвела итоги, из которых можно сделать выводы, что наша советская живопись в идейном и качественном отношении является самой высокой в мире. Маразм и разложение куртуазного искусства настолько глубоки, что сравнивать с ним наше искусство кощунственно».

Другому новому академику-секретарю П. Сысоеву был поручен доклад в Камерном театре. Академии художеств предоставлялось наставить на путь истинный композиторов, а заодно навести порядок и в изобразительном искусстве. В процессе охоты на ведьм.

Как трудно было осознать: все происходило одновременно, потому что питалось из одного источника и преследовало единую цель — жесткий курс в культуре и не менее жесткий в партийной жизни. «Советская модель», руководящая роль ВКП(б) утверждались как единообразие политических и экономических структур в странах народной демократии. Сегодня перестало быть тайной, что во многих случаях с прямой помощью отрядов Берии уходят из жизни руководители многих компартий: Албании — К. Дзоде; Болгарии — Т. Костов, И. Стефанов; Венгрии — Л. Райк, С. Сеним, А. Саалн, Л. Бранков; Румынии — А. Паукер, В. Лука; Чехословакии — Р. Сланский, В. Климентис. Только для Польши была уготована иная судьба: В. Гомулка, М. Спыхальский и З. Клишко оказались в тюрьме. Советской. В Куйбышеве. По свидетельству З. Клишки. Югославская компартия сумела избежать общей участи. Ее сопротивление послужило почвой для громкого советско-югославского конфликта, который провоцировался и поддерживался теми же политиками, что и в культуре — Ждановым, Сусловым, Берией.

...Они до конца не верили. Закрывать Камерный театр? Но почему? Среди летевших обломков других искусств, как в центре камнепада, Таиров писал: «Алиса, любимая! И все-таки вопреки всему — в добрый час! В наш 35-й сезон — нашей жизни и работы! Обнимаю! Верю! Верь и ты! Твой А.Т.».

На этот раз это был совместный приказ министра высшего образования С. Кафтанова и ставшего председателем Комитета по делам искусств Александра-Поликарпа Лебедева: «Партия и советский народ осудили антипатриотическую деятельность театральных критиков-космополитов, которые насаждали в искусстве буржуазную идеологию, всячески порочили советское искусство». Два одновременных, хотя и разнохарактерных события мая 1949 г. Отвергается докторская диссертация Бахтина за «формалистический характер» анализа творчества... Рабле. 29 мая в «Советской культуре» появляется редакционная статья «Плоды эстетства и формализма»: «Еще имеют место отдельные проявления формализма и эстетства, низкопоклонства перед реакционной культурой Запада. Примером может служить тот творческий тупик, в котором оказался московский Камерный театр в результате эстетических, формалистических, космополитических взглядов его художественного

Дмитрий Шостакович

Сергей Прокофьев

Арам Хачатурян

руководителя А.Я. Таирова». Оргвывод не заставил себя ждать — 25 июня та же газета сообщила о снятии режиссера. Свой последний в жизни спектакль, знаменитую «Адриенну Лекуврер» — Алиса Коонен играла под надзором специальных уполномоченных, заполонивших кулисы и зал. Закрывал театр будущий академик-секретарь Отделения литературы и языка Академии наук СССР, лауреат Ленинской премии М. Храпченко, в течение 1939–1948 гг. возглавлявший комитет по делам искусств, В. Пименов и А.-П. Лебедев.

Но даже такой могучий отряд не смог сорвать прощания зрителей с великой актрисой современности: Коонен и Таирова зал вызывал 29 раз. Новым руководителем театра был назначен никогда не занимавшийся режиссурой лауреат Сталинской премии В.В. Ванин.

А ведь такое прощание было еще и актом гражданского мужества зрителей. Всякое обсуждение постановлений в области культуры, тем более несогласие с ними, приравнивалось к политической диверсии. Примеров кругом было множество. Особенно среди студентов. Сталинский стипендиат Ленинградского университета А. Наджанов из Душанбе получил 10 лет по статье 58/10 часть 1 за то, что «в 1948 году... с антисоветских позиций обсуждал постановление ЦК ВКП(б) в области музыки», да еще пытался защитить «космополита» искусствоведа Пунина (супруга Анны Ахматовой).

Александр Таиров скончался через год от рака мозга. Уходили один за другим Сергей Эйзенштейн, Д.П. Штеренберг, Лев Бруни... Кто считал тогда эти потери, если даже спустя тридцать с лишним лет историки культуры постараются стереть все события 40-х гг. В выпущенной в 1982 г. «Музыкальной энциклопедии» 48 г. будет представлен в жизни «формалистов» временем безоблачного счастья: для Шостаковича — получение звания народного артиста РСФСР, для Прокофьева — «сближение с дирижером Самосудом», для Мясковского — первое исполнение 26-й симфонии, для Хачатуряна — первое исполнение оды «Памяти Ленина». И ни слова о постановлении!

Впрочем, музыковеды не составляли исключения. Вышедшая двумя годами раньше энциклопедия «Москва» не вспомнит ни о XX, ни о XXII съездах партии. Л.Н. Толстой был прав в своем определении двух видов лжи, бытующих в исторической науке, — лжи словом и лжи умолчанием. Если первую можно опровергнуть, то вторая страшна тем, что о несказанном можно так никогда и не узнать.

МАСТЕР

«Свободен от постоя» — табличка у ворот посерела от дождей и городской пыли. Врезанные в камень буквы зазеленели густой плесенью. Каменный столб давно покосился. Впрочем, ворот уже не было. Только у другого столба поскрипывала чу-

гунная калитка, за которой начиналась дорожка, выложенная широкими плитами желтого известняка — как когда-то тротуары всех московских переулков. Улица Станкевича, 6 — с 1922 г., Большой Чернышев переулок — с конца XVIII в., Вознесенский — сегодня.

Дорожка в 1948 г. вела к парадному подъезду — с широкими пологими ступенями, высокими дубовыми дверями, под модным когда-то навесом на литых чугунных колонках. Но Александр Георгиевич Габричевский усмехнулся: «Это не к академику Жолтовскому». В подъезд входили люди в милицейской форме — здесь помещался так называемый Отдел вневедомственной охраны района и еще какие-то моссоветовские службы.

За углом дорожка разбегалась в разные стороны. Одна окружала по периметру просторный двор былой, еще боярской, усадьбы — мимо дворницкой, людских, конюшни, поварни, превращенных в жилые закутки с отдельными (немыслимая роскошь тех лет!) входами. В такой «квартире» жила здесь с больным сыном особенно почитаемая Габричевским и Жолтовским преподавательница русского языка и литературы Вера Николаевна Величкина с неизлечимо больным сыном. В прошлом учительница знаменитой гимназии Петра и Павла, ставшая преподавателем Московского Горного института (надо же было сообщать будущим командирам могучей промышленной отрасли навыки грамотности!), Вера Николаевна пользовалась уважением своих почитателей не только благодаря взглядам на советскую литературу с ее бесконечными захлебами от собственной талантливости и вечности. Жолтовский не переставал удивляться ее «четкому», по его выражению, прагматизму. Вера Николаевна делила литературу на ту, которая должна возрождаться в человеческих чувствах и сознании, и на ту официальную, о которой не было смысла думать — просто при необходимости пробалтывать как «Отче наш», не засоряя мыслей и чувств ее сиюминутными стремлениями. «Берегите, как зеницу ока, человеческую реакцию на каждую прочитанную строку! Берегите себя!» — это выражение Величкиной не раз приходилось слышать и от Габричевского, и от Жолтовского.

Другая дорожка направлялась к «черному», или кухонному входу барского дома. Никаких ступеней, навесов, одностворчатая дверь, и, по словам Александра Георгиевича, дальше начинался Мастер.

Формально знакомство с Иваном Владиславичем состоялось сразу по окончании Великой Отечественной войны на достаточно необычной выставке, организованной Академией архитектуры. Именно Академия архитектуры сразу после окончания войны получила возможность обследовать освобожденные территории на предмет выяснения гибели памятников и состояния тех, которым удалось уцелеть. Из старшекурсников и аспирантов, в том числе и Художественного института, формировались небольшие бригады, для каждой из которых намечался маршрут и район обследования. Все, что можно практически делать в походных условиях, были акварельные наброски, более или менее проработанные. Белютину с напарником, тоже участником войны, к тому же лишившимся одной руки, достался район Свири, находившейся под финской оккупацией. Кроме огромной бумаги под грифом Академии с просьбой к местным

властям оказывать художникам всяческое содействие (и не принимать их за шпионов!) и с двухмесячным сроком действия, у них ничего не было. Питание гарантировалось только взятыми из Москвы хлебными карточками. Любое его пополнение, как и организация транспорта и ночлега зависели от отношения местного начальства и удачи.

Работа оказалась на редкость интересной, и вот ее результаты показывались на выставке, вызвав интерес старшего поколения архитекторов и в числе первых Жолтовского. Хотя представил Белютина Ивану Владиславичу двоюродный брат его супруги, член-корреспондент Академии наук СССР Виктор Никитич Лазарев, рассчитывать на то, что маститый зодчий запомнит студента, было трудно. К тому же отношения между свойственниками и одинаково увлеченными итальянским Возрождением специалистами складывались непросто. Ни о каких прямых столкновениях не могло быть и речи, но Виктор Никитич не соглашался с характером использования Жолтовским наследия Палладио, тогда как Иван Владиславич считал «засушенным» (его выражение), отстраненным от исторической ауры человеческой жизни восприятие Лазаревым памятников Возрождения. Знаменитая «аура памятника», которой так дорожил зодчий, явно оставляла равнодушным маститого исследователя.

Габричевский как-то вскользь напомнил о корнях подобных разногласий, которые Жолтовский готов был относить к практике хорошо знакомого ему отца Виктора Никитича – гражданского инженера Никиты Герасимовича, много и успешно строившего в Москве. Никиту Лазарева знали к тому же как завязанного автомобилиста-спортсмена, но и члена Литературно-художественного кружка, в котором председательствовал Валерий Брюсов, а среди директоров находились Вересаев, Телешов, Сумбатов-Южин.

Но, так или иначе, предстояла первая настоящая встреча с Мастером.

За низкими маленькими дверями темная прихожая – Жолтовский предпочитал выражение «сени». Оно представлялось тем более оправданным, что сразу слева начиналась лестница на бельэтаж, а впереди открывалась дверь в кухню, впрочем, предмет особой гордости Ивана Владиславича. В хорошем расположении духа он начинал экскурсию по своим владениям именно с нее.

Кирпичный, «в елочку», навощенный и натертый до блеска кирпичный пол. Огромная плита с медным круговым поручнем и медными дверками (газа в доме не было). Покрытые старым кафелем под самый потолок стены. Металлический колпак над конфорками. И в левом, дальнем от входа, углу – дверцы... лифта для кушаний, которые прямо отсюда подавались в столовую на антресолях. Иван Владиславич честно признавался, что старый лифт был всего лишь до бельэтажа и что ему пришлось «совершить варварство» – удлинить его шахту до антресолей. Зато в остальном иллюзия старины была полная: поскрипывал ворот, колебался пеньковый канат, подрагивала вместе со своим грузом маленькая платформочка.

Главное было – груз в виде суповой миски или закрытого блюда со вторым вовремя принять и непременно закрепить

тормозной колодкой ворот. Но это уже не входило в круг обязанностей Ивана Владиславича. Хотя надо признать, подняться по лестницам этой квартиры с подносом в руках даже совсем молодому человеку не представлялось возможным.

Из «сеней» неширокая крутая лестница вела в коридор бельэтажа, к вычлененному из остальных помещений этажа святилищу Мастера — кабинету. Тому самому, в котором работали Баратынский и Станкевич, бывая у брата, где встречались Вяземский, Погодин, Грановский. Который еще раньше служил «самому» — это Иван Владиславич почти торжественно подчеркивал — Александру Петровичу Сумарокову: городская усадьба была родовым гнездом Сумароковых.

Может быть, помещение и не было так велико — что-нибудь около 50 квадратных метров (3 окна по фасаду), зато казалось огромным. И почти торжественным. Скорее всего из-за высокого, тонущего как бы в сумерках потолка, сохранившего гризайльную роспись начала XIX в. Роспись не поновляли, и тона гризайли были подернуты патиной времени. Речи быть не могло об ее расчистке: Иван Владиславич следами времени дорожил нисколько не меньше, чем первоосновой живописи. Если входивший сразу же не откликнулся на удивительную ауру потолка, Иван Владиславич словно охладевал к гостю, воспринимал его как человека не из своего мира.

Кабинет тесно заполняла мебель. Только старая. Только великолепные образцы той или иной эпохи. В мебели Иван Владиславич разбирался, по собственному выражению, «на уровне шестого чувства». Это было то поразительное ощущение материала и мастерства, которым всегда отличались его исторические предки — поляки.

В центре кабинета два фламандских стола XVIII в., украшенных виртуозным маркетри с букетами цветов. Придвинутые друг к другу, они замыкались старым дубовым столом, за которым на совершенно расшатанном и перетертом кресле восседал Мастер. Конечно, под рукой был телефонный аппарат. У стены рядом стояли рейсшины. Во внутреннем кармане атласной куртки — «бонжурки» — подручная перетертая добела готовальня. Не знаю, пользовался ли ими Иван Владиславич, или они оставались символикой зодчества, как в скульптуре XVII—XVIII вв. По правую руку от Ивана Владиславича стояло совершенно истертое кресло XVI в., которое он торжественно называл креслом Марии Тюдор и избранным предлагал попробовать в нем посидеть или, по крайней мере, погладить спинку.

Настоящим чудом мебельного искусства был стоявший за спиной у Жолтовского кабинет красного дерева со слоновой костью по рисунку Камерона. И что бы ни говорил Иван Владиславич о всех других предметах, именно кабинет задавал тон всей комнате, заявлял о характере устремлений самого зодчего. Высокий, занимавший почти всю стену, с множеством дверок и ящиков, он был царством в царстве архитектуры.

У противоположной стены стоял отличный английский поставец, в котором хранились бесчисленные слайды, а к поставцу было придвинуто венецианское кессонэ, в котором Иван Владиславич хранил свои акварели, преимущественно итальянские. Он не очень охотно их показывал. Тем интереснее было их смотреть: зодчий очень точно соблюдал градацию между

собственными, авторскими, зарисовками и зарисовками, в которых его целью становилось воспроизведение чьего-то произведения.

Картин в кабинете было немного, и среди них Жолтовский особенно ценил итальянский подлинник времен Возрождения – портрет одного из Медичи. На окнах стояли голова римской императрицы I в. н.э., приобретенная Иваном Владиславичем непосредственно на раскопках в Италии и – совершенно неожиданно! – шедевр парижского салона конца XIX в.: женская головка, окутанная прозрачной, переданной в мраморе вуалью. Габричевский, как бы извиняясь, пояснял, что все дело было в сходстве с первой женой архитектора из семьи московских миллионщиков Носовых.

Прямо напротив дверей кабинета лестница на антресоли была, совсем крутая, и трудно себе представить, как Иван Владиславич на восьмом десятке преодолевал все эти препятствия. Тем не менее, ничего в своем обиходе он менять не хотел и продолжал заниматься домашним альпинизмом до конца.

На лестнице по стенам висели большие декоративные полотна какого-то фламандца XVIII в. – цветы и птицы. И было самым удивительным, даже для Габричевского, что в первый же визит Иван Владиславич пригласил подняться по этой лестнице в личные комнаты. При его неизменной замкнутости и почти нарочитой отстраненности от окружающих – никаких разговоров, кроме архитектуры, никакой светской болтовни, тем более сплетен! – это приглашение говорило о совершенно исключительных обстоятельствах, которые неожиданно сравнивали перед назидательной и карающей рукой идеологических властей и старших и младших.

Постановления ЦК ВКП(б) по вопросам идеологии коснулись не только композиторов. В архитектуре нож гильотины просвистел над головами Ивана Владиславича и Габричевского – обоих лишили права преподавать и общаться с молодежью – оба были одним росчерком пера вычеркнуты из профессиональной жизни. Роль палачей-практиков охотно взяли на себя архитектор Н.Г. Мордвинов и человек, чья зловещая тень лежала на всех факультетах Московского университета, «великий глухой», как его называли за спиной, заведующий объединенной кафедрой марксизма-ленинизма Н.Д. Сарабьянов. «Космополиты» и «формалисты» были должным образом клеймлены. Для аспиранта Художественного института роковыми оказались зарисовки архитектурных памятников Севера 1945 г. – формалистические приемы изображения, интерес к религиозным памятникам, пессимистическое видение деревни, отсутствие жизнеутверждающего начала и еще тот факт, что в качестве старосты творческой мастерской он осмелился пригласить руководителями «ранее осужденных в их антисоветском творчестве» Павла Кузнецова и Льва Бруни.

Только со временем стало понятно, как важно было перешагнувшему в девятый десяток архитектору убедиться, что его позиции понятны и близки тем, перед кем еще только разворачивается жизнь.

Иван Владиславич не был ни коллекционером, ни собирателем, руководствовавшимся определенным планом, системой. В прошедших поколениях, их созданиях он откликался на то,

что было ему внутренне близко, что позволяло выстраивать свое духовное и эмоциональное пространство — чтобы жить и работать. Поэтому от среды его дома исходило ощущение современности, но никак не музея и древлехранилища. По внутренней своей установке, он ничего не хранил — он со всеми входившими в его дом вещами сосуществовал, уважая их, но и находя в них поддержку.

В столовой, направо от лестницы, мебель ограничивалась удивительным набором белого (!) чиппендейла голландского исполнения — стол, стулья, — находившегося на яхте Петра I. Слева от лестницы шли в маленькой анфиладе гостиная, спальня и еще какие-то скрытые от посторонних глаз потаенные уголки.

Как возникла эта совершенно необычная квартира, можно было только догадываться. Дом до самой революции составлял собственность Александры Владимировны Станкевич и, скорее всего, подсказала его зодчему жившая в нем Елена Васильевна Станкевич, связанная с Габричевскими. Свою секцию в старом особняке Жолтовский в расцвете славы и признания со стороны советского правительства предпочел любой новой мастерской. Она так и числилась за ним как мастерская. Для жизни Ивану Владиславичу с женой была предоставлена представительская квартира в доме напротив Американского посольства на Новинском бульваре.

Но представительство не понадобилось. Жолтовский не был человеком тщеславным. Он обладал иным, ныне почти совсем забытым качеством — чувством собственного достоинства. Высочайшим. Неколебимым. Перед революцией у него рождается мечта приобрести продававшуюся в Италии виллу Палладио. Несмотря на успешную архитектурную практику, необходимой суммы для покупки у него не было. О заеме у жены и ее родственников он не допускал и мысли и — на два года, по его собственным словам, отправился на Урал сплавлять лес, чтобы поднакопить средств. Подобное неожиданное решение оказалось одинаково перспективным и — бесполезным. Революция поставила крест на всех планах.

И снова — Жолтовскому и в голову не приходило присоединиться к волне эмигрантов. При всем том, что до неузнаваемости изменились условия его жизни. Зато открывались перспективы — и какие! — работы, которая значила для него больше, чем что бы то ни было. За рубежом труд архитектора сулил золотые горы, но Иван Владиславич просто любил архитектуру. Она была для него искусством, а не простым конструированием стен, окон, пространства, и от архитектуры он ждал и добивался воздействия на человека.

Казалось бы, оторванный обстоятельствами от стремительно развивающейся строительной техники, он продолжает свято верить, что зодчество не только равно живописи и скульптуре, но и превосходит их в возможностях воздействия на человека. Зритель может легко уклоняться от воздействия небольшой (независимо от реального размера) живописи или скульптурного произведения, но это гораздо труднее сделать, учитывая объемы и пространства, которыми оперирует зодчий.

Каждый приход в дом на Станкевича открывал новую страницу видения своей профессии Мастером. Жолтовскому пред-

ставлялось принципиально важным участие архитектора в строительстве, он и в мыслях не допускал отделения строительного процесса от архитектуры. Как скоро подобное отделение произойдет, утверждал Жолтовский, архитектор перестанет быть художником, а сама по себе архитектура – искусством. И, может быть, самым обидным для Мастера было то, что восторженно смешивая с грязью его взгляды, его профессиональную практику, сарабьяновы осмелились применить к нему понятие «школки». Именно так, унизительно и снисходительно – «школка Жолтовского».

И тем невероятней был этот погром Мастера, что всего лишь тремя годами раньше в День Победы вся Москва ликовала на Красной площади и на Моховой – перед «Домом Буллитта» (по имени посла Соединенных Штатов Америки), где каждое появление американских офицеров встречалось громовым ура – ура союзникам, однополчанам, помогавшим Советскому Союзу пройти невероятные по тяжести испытания. Новый вариант железного занавеса и «холодная война» – это позже, а в тот майский день была одна Победа, одна на всех на фоне строгого и величественного здания, созданного зодчим Жолтовским.

Хрущев поторопился поддержать и даже вернуть к творческой жизни Ивана Владиславича – в 86 лет. А когда Мастера не стало в 1959 г., произошел еще один погром. Вдове было предложено в 48 часов освободить все помещения на Станкевича, 6. Оказывается, они давно стали совершенно необходимыми Моссовету. Растерянная женщина что-то пыталась поместить в квартире на Новинском бульваре, что-то навалом, в полном смысле этого слова, перевезти на дачу в Жаворонки.

Набор петровской корабельной мебели удалось, по счастью, продать с ходу П.Д. Корину, только что получившему Сталинскую премию и потому располагавшему деньгами (набор и сейчас украшает Музей-мастерскую художника). Любимое кессонэ Ивана Владиславича оказалось в сарае в Жаворонках, набитое ржавыми тяпками, лопатами и граблями. Разор осуществлялся стремительно, и ни Союз Архитекторов, ни тем более Музей архитектуры ничего ему не противопоставили. Через несколько дней в кабинет Мастера страшно было войти. Гризайли счищены и загрунтованы под побелку. Паркет конца XVIII в. содран и перекрыт на мастичной основе самым дешевым линолеумом. Рабочие очень торопились: предстояло немедленное открытие читального зала городского архива, документы в который, по заказу читателей, предстояло привозить через весь город. В углу кабинета вместе со строительным мусором валялись телефонный аппарат Ивана Владиславича с оборванным проводом, его рейсшины и среди множества карандашей, резинок, угольников маленькая готовальня, с которой он не расставался в своей домашней куртке. На вопрос, можно ли взять на память эти вещи, вдова согласно кивнула, в конце концов, ей было ни до чего; она уже перенесла несколько онкологических операций и не сомневалась в последствиях нового стресса. Ее не стало действительно через год после кончины Ивана Владиславича. Еще через год с небольшим не стало и ее единственной дочери и наследницы, тонкой и романтической актрисы Театра им. Моссовета Любочки Смышляевой, игравшей Дездемону с Отелло –

Мордвиновым. Потом не менее стремительный уход из жизни супруга Любочки. Удивительный мир Мастера, позволивший ему работать и выстоять, исчез. Мир Ивана Жолтовского, признанного академиком в 1907 г.

СТРАНИЦА ИЗ БАЛАНСА ВЕКА

Перед глазами мелькала и рвалась лента хрущевских лет. Почти десятилетие. В непонятно всплывающих подробностях. Иногда важных для всех. Иногда только для себя. И всегда — для Истории.

НАЧАЛО 1953-го. Первые дни января — страшное по своей злобной бессмысленности дело «врачей-вредителей». Неожиданный взлет доносчицы — врача Л.Ф. Тимашук, «дорогой доченьки», как называли ее благодарные трудящиеся в письмах в газеты.

Март — церемония похорон Сталина, и почти сразу же арест Василия Сталина, отправленного сначала в Лефортовскую, позже во Владимирскую тюрьму. Арест, с которым согласились все друзья и соратники бывшего «отца и учителя».

Апрель, 12-е — день из тех, которые не забываются, хотя в то время все выглядело очередным успехом советской науки: испытание нашей водородной бомбы.

Октябрь — избрание А.Д. Сахарова действительным членом Академии наук.

Декабрь — присуждение ему же Сталинской премии и звания Героя Социалистического Труда.

1955-й. Испытание теперь уже гигантской водородной бомбы. Второе звание Героя Социалистического Труда у А.Д. Сахарова, Ленинская премия. И шепотом передававшееся среди физиков МГУ известие о числе унесенных человеческих жизней. Пройдет тридцать с лишним лет, пока в печати появится упоминание об одном солдате и одной маленькой девочке, погибших в десятках километров от места взрыва.

1956-й. Венгрия. Советский посол Ю.В. Андропов. Приезд Сулова. Дело «Клуба Петефи». Советские танки на улицах Будапешта. В маленькой деревушке Репихово, близ подмосковного Абрамцева, Григорий Аксенов, бывший танкист тех дней. Лицо, сереющее при воспоминании, как шли машины по улицам, как невысказанно было смотреть через смотровую щель.

И так незаметно ушедшие из жизни Александр Родченко и Петр Митурич. Еще достаточно молодые. Уже давно вычеркнутые из художественной жизни. Митурич, так и не успевший показать ни своей пространственной графики, ни движущихся аппаратов с использованием законов биохимии.

1957-й. Странно запомнившаяся мелочь — Хрущев в Большом театре на премьере оперы Тихона Хренникова «Мать» (по Горь-

кому). Хренников в правительственной ложе. Обмен мнениями втроем с А.И. Микояном. Полное взаимопонимание. Общность взглядов — на оперную музыку.

XX съезд! Конечно, прежде всего XX съезд! С засекреченным докладом, о котором узнавали полупешепотом друг от друга, веря и не веря.

Как доказательство перемен — пусть косвенное! — Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Москве. Пусть они махали москвичам только из окон автобусов, стремительно переезжавших от одного места назначения до другого. Пусть не появлялись на улицах без плотной толпы сопровождающих. Не вступали в обыкновенные разговоры — да мало кто из москвичей захотел бы в них участвовать. Пусть не приходили в дома. Но ведь были совсем рядом. На той же земле. Веселыми толпами.

Свидетельство их пребывания — магазин на Преображенском рынке, замурзанная лавчонка, где москвичи могли покупать проданные гостями за рубли какие-то немыслимые тряпки. Яркие. Не первой свежести. И уж, само собой разумеется, совсем недорогие: откуда бы взяться креациям Диора и Нины Риччи у обыкновенных молодых работяг.

И еще одно — открытый в одном из павильонов Центрального парка культуры и отдыха имени Горького раздел живописи. Свободной от соцреализма. Далеко не всегда сколько-нибудь талантливой. Подчас просто не слишком умелой. Но в ней, как в зеркале, — то, что происходило в мире. Запретное. Чужое. Безусловно, недозволенное.

При выставке в дни фестиваля была образована на скорую руку своего рода студия для совместной работы художников всех стран. От них — кто угодно, от нас... Вот тут-то и началось самое непонятное. О личной инициативе не могло быть и речи. Кандидаты подбирались тщательно. Попытка президента Академии художеств Б.В. Иогансона назвать имена встретила категорический отпор Министерства культуры. Министр Е.А. Фурцева заявила: «Не входит в вашу компетенцию».

Авторы производившегося подбора остались в тени. В группу включили несколько человек, которых в будущем отнесут официально к числу «подполья». Это означало право постоянного общения с иностранцами, в том числе и в домашних условиях, посещения иностранного пресс-центра, право воспользоваться частным приглашением за рубеж — в то время возможность совершенно немыслимая. Газеты усиленно писали о новых именах и так спонтанно возникшей международной дружбе художников.

1958-й. «Тихая» отмена постановления февраля 1948 г. с осуждением Шостаковича, Прокофьева, Хачатуряна, Мясковского. И одинокая смерть оставшегося отверженным, никем из товарищей по литературному цеху не поддержанного Михаила Зощенко.

Бешеная травля Бориса Пастернака. О «Докторе Живаго» с негодованием говорили все — на общих собраниях предприятий, институтов, даже школ. Неважно, что никто ничего не читал, не видел никакой книги в глаза. «Доктор Живаго» — по неизвестной причине символ измены родине и проникновения тлетворного влияния Запада.

Б. Л. Пастернак

Н.С. Хрущев произносит
тост. 60-е гг.

С какой подкупающей откровенностью сам Хрущев признавался, что никогда не слышал имени поэта, тем более не читал его стихов, но разве это имеет значение! Писательское собрание в большом зале нынешнего Театра киноактера на Поварской. Кажется, никто не уклонился от возможности участия — свободных мест не было. Единогласное (и не надо придумывать, что кто-то тайком выскользнул в фойе — уклонился). За исключением из творческого союза «подонка», четверть века назад создававшего союз. Строки Александра Галича:

*А зал зевал, а зал скучал —
Мели, Емеля!
Ведь не в тюрьму, и не в Сучан,
Не к «высшей мере»!
И не к терновому венцу
Колесованьем,
А как поленом по лицу
Голосованьем!*

И это в 68 лет! Сколько можно было прожить — но после нелепых и неграмотных слов осуждения разве может существовать право судить за творчество! — после измены товарищей? Пусть просто знакомых. Пусть всего только читавших твои стихи. Знавших прожитую тобой жизнь и твои годы.

А рядом уход из жизни Николая Петровича Крымова, Варвары Степановой, Роберта Фалька...

Последние дни Роберта Рафаиловича в мрачноватой палате клиники на Пироговке — все, что мог сделать для художника «золотой стетоскоп», А.Л. Мясников. Растерянный взгляд навсегда уставшего человека: «Зачем они так — с искусством? Зачем?» И дальше песок Калитниковского кладбища, где во рву скрыты сотни и сотни безымянных. Расстрелянных. Наверное, также недоуменно искавших ответа: «Зачем? За что?»

1959-й. Начало (продолжение?) борьбы с «формализмом», положенное в одном из самых, казалось бы, независимых от доктрины соцреализма институтов — Полиграфическом. Объяв-

ленная заведующим кафедрой живописи и рисунка А.Д. Гончаровым чистка рядов преподавателей: «Абстракционизму нет места в советском вузе...»

1960-й. «...Правление Литературного фонда СССР извещает о смерти писателя члена Литфонда Б.Л. Пастернака, последовавшей 30 мая сего года на 71-м году жизни, после тяжелой и продолжительной болезни, и выражает соболезнование семье покойного» — текст единственного сообщения, появившегося в «Литературной газете». Конечно, были сыновья. Но была и Ольга Ивинская, под сфабрикованным предлогом оказавшаяся в концлагере. И строки А. Галича: «До чего ж мы гордимся, сволочи, Что он умер в своей постели...»

1961-й. Утверждение линии будущей берлинской стены. Длина — 46 километров, 210 наблюдательных вышек, 245 укрепленных огневых позиций для круговой стрельбы.

1962-й. Следующий, после 1956 г., испытательный взрыв водородной бомбы...

ОСОБНЯК НА ТАГАНКЕ

Чувствовать, знать, уметь — полное искусство.

П.П. Чистяков. 1889

Вот увидите, духовное освобождение к нам придет через живопись. Ни приказам, ни тугой мощной русского искусства с пути не сбить. Настоящего искусства, само собой разумеется.

Павел Кузнецов. 1942

Зима пришла в тот год рано. Морозная. Снежная. Кто-то вспоминал 41-й год — после окончания Великой Отечественной прошло всего семнадцать лет. Воспоминания касались не московских улиц — подмосковных полей. Сожженных деревень. Разбитых бомбежками дорог. Вчерашние солдаты — им еще не было и сорока. Теперешние художники. Профессия пришла не случайно. О ней мечтали, надевая шинели и в первый раз наматывая портянки. Стреляли не ради нее одной. Но ради нее — в будущем мирном времени — тоже.

Улица начиналась от Таганской площади и называлась Большая Коммунистическая. Справочник «Имена московских улиц» пояснял, что старое название — Большая Алексеевская, главная в одноименной слободе с древним храмом московского святого Алексея Митрополита, — было заменено в 1919 г. «в честь Российской Коммунистической партии большевиков», хотя сначала ее переименовали в улицу Коммунаров. Начинаясь от угла ряд крепко сбитых купеческих домов в девятом домовладении сменялся настоящей городской усадьбой. Просторный двор за чугунной оградой. Нарядный особняк. В углу двора стро-

ение со стеклянной стеной. Чему бы оно ни служило прежде, теперь превращенное в живописную мастерскую. Достаточно большую, чтобы в ней могли работать одновременно несколько десятков художников (при большом желании!). Или поместиться не одна сотня зрителей, если превратить ее в выставочный зал. Вечером 26 ноября 1962 г. дорожка по свежавыпавшей пороше торилась к ней.

Люди спешили. Обгоняли друг друга. И задерживались у входа — вошедшие перед ними не спешили уходить. Знакомые перекликались. Обменивались шутками. Первыми оказались научные сотрудники многочисленных институтов, связанных с проблемами физики, Академии наук. Дорогу уступали только своим шефам — академикам Николаю Николаевичу Семенову, Петру Леонидовичу Капице, Игорю Евгеньевичу Тамму. Выставка была устроена по их инициативе и их усилиями. Тема «Физики и лирики» входила в моду. К тому же «физиками» руководило не простое любопытство. Речь шла о проблеме творческого начала в любом виде человеческой деятельности: теоретические посылки, которые ставили под сомнение установившиеся формулы искусства социалистического реализма. Участники выставки на Таганке, как ее станут называть, были достаточно необычными художниками: по-новому взглянувшими на окружающее, но и продолжающими чистяковскую систему. Со дня смерти «всеобщего учителя русских художников» прошло сорок с лишним лет, которые пришлось на советский период. Из практики подготовки советских художников Чистяков был исключен.

Формально все выглядело достаточно благополучно. В последний год жизни Сталина из печати вышел фундаментальный труд о чистяковском наследии. После смерти вождя было опубликовано все его эпистолярное наследие. В залах Академии художеств состоялась выставка, посвященная великому педагогу и его ученикам. После многих лет запрета на ней впервые появились работы Врубеля (пусть относительно ранние), Борисова-Мусатова, были названы имена Кандинского, Малевича. Слов нет, выставка оказалась наполовину «потаенной» — без афиш, рекламы, радио, телевидения (правда, еще далеко не слишком популярного и распространенного). Даже без обычного открытия — его заменило... обсуждение, назначенное президиумом Академии художеств до того, как толпы зрителей смогли увидеть экспозицию.

В конце концов, все это не имело значения. Все сознавали: лед после сталинских лет готов тронуться. Начинается новая страница в русской живописи. Пожалуй, впервые появляется далеко не всеми опознанное разделение: советское и русское. Главное — выставка работала, и заполняли ее залы не любители вернисажей — художники, стремившиеся разобраться в собственном творчестве, в том, что и как надо дальше писать. И исследования по чистяковской системе, и организация выставки принадлежали живописцу Э.М. Белютину, стоявшему у истоков теперь уже открыто признанного нового художественного направления, получившего название «Новая реальность».

...Ноябрь сорок первого. Немцы под Москвой. Опустевший город. Нетопленные дома. Неосвещенные улицы. Синие кресты на окнах — от бомбежек. Налеты продолжались с 22 июля. Ежедневно. В 10 вечера и на всю ночь. Отдельные бомбарди-

П. Кузнецов. Портрет
Е. Бебутовой

ровщики прорывались к городу без расписания. Фугаски ложились в центре. Градом сыпались на крыши зажигалки. На головы женщин и подростков — тех, кто не ушел на фронт. Москва не просто сопротивлялась — она жила. Вопреки всему. Рухнувшие дома, если была хоть малейшая возможность, тут же начинали отстраиваться. А в пустом и промерзшем Петровском пассаже шла развеска картин.

Выставка! Работы великолепных мастеров — Павел Кузнецов, Надежда Удальцова, Петр Кончаловский, Елена Бебутова. Экспозиционными стенами служили затянутые холстом витрины помещений на 2-й линии. Зрители? Павел Кузнецов отмахивался: какая разница! Пусть десять, пусть сто человек. Главное — как в мирное время. Главное — несмотря ни на что. Именно поэтому в те же дни садился за орган в полупустом (если не сказать, почти пустом) зале Консерватории профессор Александр Федорович Гедике. Несколько рядов закутанных до глаз слушателей старались незаметно бить нога об ногу, чтобы окончательно не окоченеть. Ассистентка органиста прятала руки в муфточку. И только пальцы профессора спокойно и достойно — красиво! — скользили над клавиатурой. Ему не хлопали — кричали «браво».

В декабре того же 41-го — выставки московских художников, не оставивших Москву, в Музее изобразительных искусств и в Третьяковской галерее. В развеске везде участвовал вчерашний десятиклассник и участник ополчения Э. Белютин. Контуженый. С левой рукой на перевязи — последствия газовой гангрены. Ему Павел Кузнецов скажет о неперенном духовном освобождении через живопись. Война все должна изменить и в смысле

надзора за культурой — это казалось совершенно очевидным. Лишь бы художники сами сумели объединиться. Противостоять соцреализму в одиночку? Павел Варфоломеевич был питомцем Московского училища живописи, ваяния и зодчества и представителем московской школы: артель создавала ту благоприятную и дружескую среду понимания, которая облегчает поиски самого себя. Не за покупателя или славу бороться, а поддерживать тех, кто ищет в искусстве. В 1946 г. среди студентов Художественного института образовалась группа из шести человек. Они решили последовать совету старших. С Павлом Кузнецовым соглашался и Аристарх Лентулов, и Владимир Татлин, и Лев Бруни. Студентам по-настоящему посчастливилось: эти мастера стали их преподавателями.

Революция 17-го года начиналась с провозглашения свободного развития каждого человека. Тем более в искусстве. Очень скоро свобода стала трактоваться как осознанная необходимость. Для искусства — необходимость разъяснять, убеждать, заставлять насильно верить в то, чего не было. И не могло быть. Рождались и поощрялись яркие бездумные картинки, не имевшие ничего общего с действительностью. Художника вынуждали не думать, не переживать, не искать решения всех душевных неурядиц, на которые он был обречен, как и все его современники.

Разрыв между принципами русского и советского искусства и прежде всего московской школы ширился, подкреплялся обильными наградами, приобретением «правильных» картин музеями. Роберт Фальк, вернувшийся в Советский Союз в 1939 г. после десяти с лишним лет жизни в Париже, коротко ответит: поединок между совестью художника и выгодой. Только дело было не в одних художниках. Своими картинами они обманывали зрителя, лишали его той правды и бескомпромиссности, которыми всегда отличалось русское искусство. Искусство переставало помогать жить — оно отвлекало от жизни. «Заморочки», по выражению Аристарха Лентулова, становились главными.

Но поединок, в котором внутренне участвовали замечательные мастера 20-х гг., приобретает особую остроту и очевидность, когда к старшим присоединяются прошедшие фронт

Р. Фальк. «Красная мебель»

молодые. Трудности, пережитые на Великой Отечественной, давали право верить в перемены к лучшему. В Московском Товариществе Художников (была и такая организация) появляются многочисленные группы, которые начинают работать над творческими проблемами. В углубленном истолковании оживает чистяковская методика, продолженная в педагогической системе Э.М. Белютина, предложенной им Теорией всеобщей контактности.

С одной стороны, совместная творческая работа уже зрелых мастеров, стремившихся преодолеть догмы соцреализма, найти каждый свой особенный путь и почерк в искусстве. Может быть, в таком объединении не было необходимости в других странах. Но в Советском Союзе существовала обстановка преследования всех творческих поисков, каждой попытки проявить в искусстве индивидуальность мастера. Сразу после окончания Великой Отечественной одно за другим выходят постановления руководства коммунистической партии, предписывавшие, что можно и что нельзя в литературе, безоговорочный запрет джазовой и современной западной музыки, живописи (провозглашение единственным образцом для подражания передвижников). Серебряный век вычеркивался во всех своих проявлениях в виде простых упоминаний в школьных и даже вузовских программах. В театрах преследуется малейшее сходство с режиссурой Всеволода Мейерхольда и Александра Таирова.

В последние сталинские годы творческие группы московских художников были запрещены. В очередной волне политических репрессий сама принадлежность к ним становилась слишком опасной. Но зов искусства оказывается сильнее страха. Сразу же после смерти Сталина — март 1953 г. — группы оживают, пополняются множеством новых участников. У соцреализма не было будущего. Хотя художникам никто и ни в чем не помогал. К концу 1950-х гг. «Новая реальность» объединяла более 600 художников. Профессионалов. С законченным специальным (как правило, высшим) образованием.

Внешне это выглядело как продолжение институтских занятий — натюрморты, натурщики, наброски, композиции. В действительности речь шла о том, чтобы пробудить в художнике ему одному свойственный творческий импульс и помочь выразить этот импульс средствами искусства. Любыми. Или, как тогда говорилось, «нетрадиционными». Каждый материал допускался, если усиливал выразительность решения.

В основе Всеобщей теории контактности лежала посылка, что любое наше общение с окружающей действительностью приносит человеку нарушение душевного равновесия. Иногда это бывает радость, гораздо чаще заботы, беспокойство, огорчения. Чем труднее складывается жизнь, тем сильнее каждый из нас старается уйти в себя, как бы отгородиться от действительности, а вместе с ней и от неприятностей.

Можно сказать, что срабатывает естественный инстинкт самосохранения. Но все дело в том, что по своей натуре человек представляет собой существо общественное. Ему необходимо общение, контакты, связи. Иначе в том замкнутом мирке, который у него возникает, он волей-неволей начинает выстраивать свою систему моральных ценностей, определять, что такое хорошо и что такое плохо, исключает для себя, условно говоря,

нравственные ориентиры, выработанные человечеством. Противостоять этим ориентирам он не может. В результате возникает конфликт со всем окружением, как правило, драматический по своим последствиям, чувство одиночества, бессилия, озлобленности. Сегодня мы встречаемся с такими примерами на каждом шагу и число их неуклонно растет. Разбить подобную «капсулу», прорваться к человеческому «я», выйти на контакт с ним чрезвычайно сложно. Наиболее реальным является путь искусства. Если мы имеем дело не с подражательством, не с копированием увиденного (а именно такая прямая копия натуры кажется начинающим доказательством их художественных возможностей: «совсем как живой!»), а с образами, в которых воплощено впечатление, осмысление и переживание художником его представлений о жизни и ее ценностях.

Два года — 59-й и 60-й — все шестьсот художников «Новой реальности» выезжают летом работать под Можайск. Два года арендуют целые теплоходы и отправляются на них по Оке и Волге: 61-й и 62-й. Теплоходы — на каждом по двести пятьдесят художников, — от трюмов до капитанского мостика переполненные мольбертами, планшетами, холстами, идущие по специально составленному расписанию (день — стоянка для работы, ночь — переезд до новой пристани), спустя 40 с лишним лет кажутся сказкой.

Впрочем, благополучие легендарных шестидесятых тоже было сказкой. Бесконечные проверки со стороны партийных идеологических органов, придирки, невозможность свободной организации выставок, простых просмотров не могли не привести к плохому результату. После первой огромной выставки «Новой реальности» в Доме кино (нынешнем Театре киноактера на Поварской) студия «Новой реальности» была официально закрыта, занятия в ней запрещены. Под очень серьезными угрозами для художников. Апрель 62-го. Последняя теплоходная поездка прошла после закрытия.

Попытки академиков-физиков помочь живописцам оказались безрезультатными. Тогда последовало предложение показать летние работы им и молодым ученым. В особняке на Таганке. Арендная плата за студийную мастерскую была внесена до конца года, художники могли без чьего бы то ни было согласия распорядиться предоставленным им помещением.

Стены были завешены живописью от пола до высокого потолка. Шестьдесят участников, очень разных и объединенных общей идеей искусства, способного помочь человеку переживать окружающее, выстоять в самых сложных испытаниях и не потерять веры в подлинную свободу чувств и побуждений. Валентин Окорочков, мастер, заявивший о себе в 20-е гг., друг А. Родченко, увлеченный идеями космоса. Тамара Тер-Гевондян, выпускница знаменитого ВХУТЕМАСА — ВХУТЕИНА, нового типа высшего художественного учебного заведения послереволюционных лет, племянница известного московского книгоиздателя Саблина. Она стала теоретиком и первооткрывателем советского цветового кинематографа. Живописец и художник кино Майя Филиппова с ее романтическими пейзажами, нашедшими свой отголосок в стихах Н. Заболоцкого. Рядовой Отечественной войны Люциан Грибков с его драматическими образами 17 г. Командир подлодки

в прошлом, темпераментный и словно потрясенный красотой открывающегося перед ним мира Леонид Мечников. Тонкий живописец русской деревни Наталья Левянт. Обращающаяся к тем же деревенским образам в эпическом их истолковании Елена Радкевич. Суровая и сдержанная в выражении глубинных человеческих чувств Инна Шмелева. Владимир Янкилевский. Юло Соостер. Мастер огромного внутреннего напряжения, динамизма Вера Преображенская. Эрнст Неизвестный. Адам Валюс. Владимир Шорц...

Новые приемы живописного письма. Открытый, темпераментный, словно взрывающийся всеми оттенками человеческих чувств цвет. Живопись в собственном смысле этого слова, давно забытая за механическим повторением «благополучной натуры». И натура – действительность без прикрас. Клонящиеся к закату русские деревни. Руины церквей. Остатки монастырей. Перечеркнувшие русские пейзажи, обязательные для советской действительности черты индустриализации – высоковольтные линии электропередач, покрывающие зловонными испарениями и выбросами землю заводы. Человеческие лица, исполненные внутреннего напряжения, трагизма. Исконная красота природы и злая воля, лишаящая человека радости общения с ней. Это было откровение, трудно пережитое художниками и во всей своей страшной правде переданное в картинах. Они не обвиняли, не разоблачали – они раскрывали собственную трагедию, добиваясь сопричастности зрителя. Трагедию народа...

Простой просмотр превратился в настоящий праздник. Ученые. Писатели, и среди них И. Эренбург, Б. Слуцкий. Композиторы, и среди них Софья Губайдулина, Эдисон Денисов. Художники. Специально приехавшие из-за рубежа руководители польского союза художников. Присланные Министерством культуры СССР неожиданные для всех корреспонденты. С ходу переданный в эфир по каналам Евровидения репортаж. Всем казалось, случилось невероятное – в Советском Союзе, несмотря на все запреты и опасности, существовало и свободно развивалось изобразительное искусство, не уступавшее западным исканиям. Совершенно оригинальное, ни в чем не заимствованное. Продолжавшее национальные традиции.

Следующее утро показало – праздник не должен был состояться. Работы были выброшены на снег. Помещение мастерской опечатано. Еще через несколько дней руководство партии потребовало, чтобы выставка была полностью восстановлена и целиком показана в Манеже. На специально выделенных машинах картины свозились со всех концов Москвы и Подмосковья. В течение ночи под наблюдением министра культуры СССР Е.А. Фурцевой развешивались. В 10 часов утра 1 декабря 1962 г. в Манеж приехал Хрущев. Приговор был краток: такое искусство не должно существовать в стране, которой он руководил. Выставку еще раз закрыли (после Таганки). Картины арестовали. Только через год часть их была возвращена авторам. Остальные исчезли. В стране началась беспрецедентная кампания борьбы с «формализмом и космополитизмом». В отличие от будущих легенд, хрущевские «шестидесятые» ни безоблачными, ни безопасными не были.

И все же хеппи-энд состоялся. В декабре 1990 — январе 1991 гг. «Новая реальность» получила весь Манеж. Четыреста участников. Более тысячи картин. Сегодня они есть во всех наиболее значительных музеях России, начиная с Третьяковской галереи. В музеях всего мира, не говоря о частных коллекциях. Павел Петрович Чистяков был прав, говоря в 1918 г., что «русское искусство обречено **ВЫДЕРЖИВАТЬ** все испытания». Это его особенность.

А что касается причины пресловутого манежного скандала Хрущева, годы позволили ответить и на этот вопрос. Пристрастие к тем или иным эстетическим категориям здесь было ни при чем. С момента обретения полноты власти Хрущев взял курс на мирное сосуществование с Западом, поддерживал новый, условно говоря, «антисталинский» курс в архитектуре, допускал возможность сближения со странами из-за железного занавеса в культуре.

Но почти достигнутое умиротворение былых страстей было сорвано, по признанию американских исследователей, роковой ошибкой Эйзенхауэра: он не прекратил действия ранее утвержденного плана разведывательных действий в отношении Советского Союза. Не счел нужным отменить ПОСЛЕДНИЙ по этой программе полет самолета-разведчика на Урал. Именно потому, что он был последним, и проще казалось его отбыть, нежели затевать канцелярскую волокиту с отменой.

Именно последний самолет с пилотом Пауэрсом и был сбит. Немедленно перевес оказался на стороне оппозиции Хрущеву в руководстве партии, тех пресловутых «антиимпериалистов» во главе с Сусловым, которые вот-вот могли потерять и влияние и власть. Подвернувшаяся именно в критический момент возможность воспользоваться посещением Манежа как трибуной для объявления нового курса партии, очередной антиамериканской волны.

Слишком долго задерживаясь в Манеже, впадая минутами в истерический транс, способный руководитель государства понимал, что публично отказывается от собственной линии в политике, от собственных, и немалых, достижений, становится исполнителем чужой воли, с которой боролся. И поэтому таким восторгом звучал крик председателя Союза художников РСФСР Владимира Серова, прямо за плечом премьера: «Случилось невероятное! Мы победили!» Исполнители былых, дохрущевских установок были в полной боевой готовности: они знали и умели проводить идеологические кампании, на этот раз против «космополитов и формалистов». Их программа начиналась с того, чтобы по возможности стереть память о произошедших событиях, о сотнях художников, внутренне близких наметившимся переменам. Москвичам запомнилась Таганская выставка? Что ж, спустя два года то же имя получил местный Театр драмы и комедии, ставший в 1964 г. театром на Таганке.

ПО ПОДСКАЗКЕ КОНСТАНТИНА ЮОНА

«Не берусь судить со всей ответственностью — не специалист, однако полагаю: ваша правда. Архивы. Главное — архивы. Точность каждого обстоятельства. В живом искусстве слишком сильны страсти — «я так считаю», «я так делаю», «я так умею». Для историка искусства такой позиции не может быть».

У Константина Федоровича Юона темные смешливые глаза (что из того, что за плечами восемь десятков!), давно забывшая о волосах сияющая зеркальным блеском лысина, бережные движения больших по-прежнему сильных рук. И та же удивительная бережность в голосе, словно боящемся обидеть собеседника. Ему совсем непросто быть администратором — как-никак директор — Третьяковской галереи! — но, может быть, администратору Третьяковки только таким и надо быть?

«Так вот об этом самом «я так считаю». С годами начинаешь понимать: в молодости — оно от самоутверждения, в зрелом возрасте — от душевной скудости и, если хотите, душевной лени. Да, да, поверьте, лени, прежде всего. Зачем себя беспокоить сомнениями, ставить под вопрос то, что уже умеешь... А историку искусства это обязательно, до самого конца, до последней написанной строчки. Видите, как торжественно вышло...»

В проеме свободного от занавесок окна — перекресток Землянки и Покровки. Серая уличная толчея. Чуть приглушенный рамами прибой рвущихся по Садовому кольцу грузовиков. Устены — трельяж красного дерева, у которого когда-то, очень давно, художник Юон писал портрет жены, причесывающей густые черные косы, — «У туалета». Несколько стульев. Простой рабочий стол. Книги. В затертых переплетах. Много раз перечитанные.

«А разрешение на занятия в нашем Отделе рукописей вы, само собой, получите. Без ограничений. Вот только... — Минутная пауза. Чуть смущенная интонация, — наши слова, художников, перепроверяйте. Нет, нет, вы не подумайте... Просто на всякий случай».

Есть историки и есть архивисты. По натуре. В статьях, популярных очерках эти понятия легко смешиваются, подменяют друг друга. Но это в литературном изложении. На практике, перед лицом документа, между ними ложится трудно преодолимый рубеж. Различие прежде всего в ощущении, сознании масштабности материала. Скажем иначе — целый период, эпоха и данный документ. В их соотношении периодически приходящие в архив за справками искусствоведы — оптимисты, зато строящие свою работу на документах архивисты — скептики. Для архивистов все относительно, все нуждается в бесконечных перепроверках. Факт, обстоятельства реальной жизни не идентичны их словесному выражению, каким бы безусловным и современным событию ни был документ. И обратно — отсутствие подтверждения не означает отрицания. Лобовые решения, прямые, однозначные ответы — они опасны в свидетельствах современников и совсем маловероятны в архивной работе! Но тогда откуда же приходят безапелляционность, «общеизвестность» хрестоматийных выводов? Душевная лень, — может быть, Константин Федорович прав...

И все-таки сначала были встречи — иначе не назвать! — случайные, редкие, необязательные для памяти, как пометки на рассыпанных листках старого календаря, в путанице лет, обстоятельств, впечатлений.

...Третьяковская галерея (старая! настоящая!). Сумрачная зала с зеленоватыми стенами. Неохотно пробивающийся сквозь стеклянный потолок скупой зимний свет. И внутри огромной, густо позолоченной рамы — тюремные нары. Морозный поток воды из зарешеченного окна под сводами. Откинувшаяся к стене девушка в бархатном платье. Распустившаяся коса. Крысы. Множество крыс, карабкающихся к ее ногам. Чье воображение в детстве могло остаться равнодушным к этой картине! «Княжна Тараканова». Еще без своей истории, без подробностей биографии. Просто вот эта черноволосая, теряющая сознание красавица, эта заплесневевшая, тонущая в воде камера и неотвратимость смерти.

...Студенческие годы. Нескончаемые лекции по истории искусств. В разделе России XIX в. живописец Николай Флавицкий. Блистательно пройденный курс в Академии художеств. Пенсия в Италии. Тогда же звание профессора — загодя, в предвидении будущего: разве такой талант нуждается в подтверждении! И через полтора месяца по возвращении на родину смерть от чахотки. После первой и единственной написанной картины — «Княжна Тараканова». Драма героини — драма автора!

Или другое. Один из научных читальных залов в Исторической библиотеке Москвы. Привычный стол у желтеющей стены. Успокоенный свет низко пригнутых к книгам ламп. Шорох редких шагов. Мягкие вздохи большой белой двери. Шепот неразобранных слов. И за широким раствором окон год за годом, в неслышной смене дождей и снега тополевых метелей и струящихся тусклым золотом листьев, — полуисчезнувшие монастырские постройки, расплывшиеся в перестройках очертания собора, келий и упрямая легенда о «потаенной» монахини — без малого сорок лет скрывавшейся именно здесь княжне Таракановой.

Говорят, факты — упрямая вещь. А легенды? Те самые, которым можно верить, а можно и не верить, — все зависит от тебя самого. Кто заставит память уйти от них? Давным-давно забылось, что шумела два раза в году на монастырском дворе единственная в своем роде «шерстяная» ярмарка, где бабы продавали шерсть и пряжу. Та самая ярмарка, ради которой заранее ставились на нынешней Славянской (Варварской) площади трактиры, балаганы, карусели, раскидывались палатки с разным «бабьим» товаром, а шерстяной торг шел прямо на могилах, которыми был заполнен монастырский двор. О ярмарке сегодня можно писать как об открытии, зато княжна с ее необычной судьбой продолжает волновать воображение многих и каждого, интересующегося историей города.

...Свинцовый квадрат неба. Крутой вырез глухих стен. Камень — серый, чуть розоватый, почти черный. Только камень. Булыжная земля. Дрожь жидких травинок: «Здесь похоронена княжна Тараканова». Так утверждали о дворе Алексеевского рavelина Петропавловской крепости старые охранники. Утверждали и даже пытались показать ничем не отмеченный бугорок, который время стерло в тюремную мостовую.

Граф А.Г. Орлов-Чесменский

ЭПИЗОД ОБ УЗНИЦЕ ИВАНОВСКОГО МОНАСТЫРЯ

Надежды не оставалось. Теперь уже никакой. Два года метаний по трактам Сибири. Дальний Восток. Камчатка. Сахалин. Вопросы нетерпеливые, упрямые. Ответы недоуменные, всегда одинаковые.

Шубин Алексей Яковлевич, ссыльный, — не видели, не слышали. Лейб-курьер не знал о секретной приписке в деле Тайной канцелярии: сослать безвестно. Без имени, роду, племени, под строжайшим наказом о них забыть, ни при каких обстоятельствах не поминать. Бессилен был бы помочь даже портрет: десять с лишним лет жестокой ссылки меняли человека до неузнаваемости. Елизавета Петровна торопила, напоминала, отпускала все новые деньги — курьер оставался бессильным.

И все-таки на одном из становищ дымящаяся оловянная кружка чая. Мутный свет набухшего жиром фитиля. Молчаливые серые лица и вопрос: «Разве правит в России Елизавета Петровна?» И после утвердительного ответа со всеми обстоятельствами дворцового переворота: «Тогда я и есть Шубин». Седой. Беззубый. С перечеркнувшими задубевшую кожу морщинами. «Прапорщик Ревельского гарнизона Алексей Яковлевич Шубин». Последний раз названный давний чин, на котором остановилась жизнь.

Елизавета не знала предела монаршьим щедротам. «За невинное претерпение» — его и свое, за незабывшуюся обиду и горечь собственного унижения, за навсегда разделившие годы, всего было мало: орденовских лент, чинов, деревень, средств. Ведь когда-то приходилось отказывать себе в скатертях, чтобы одарить полюбившегося камер-пажа парой золотых запонок. Единственного родового шубинского владения — сельца Курганихи в окрестностях Александровой слободы едва хватало на пропитание да на одного верхового коня. И знакомство с цесаревной состоялось не где-нибудь — в отъезде поле, на охоте.

Была во всех наградах и доля неловкости. Уверившаяся в себе, торжествующая, властная, готовая подчас расчувствоваться, чаще развеселиться, императрица всероссийская ничем не напоминала цесаревны из подмосковной слободы. Иная повадка, иные интересы, иные люди вокруг. Угрюмая настороженность новоявленного генерал-поручика тяготила, неумение «камчадала» принять участие в придворном обиходе раздражало. Императрица безуспешно «выговаривала, чтоб был повеселее».

Кавалер ордена Александра Невского сторонился других придворных чинов, отговаривался от приглашений на праздники и балы, избегал театральной залы, где кончался чуть не каждый день императрицы. Он по-прежнему вздрагивал от скрипа двери, бледнел от мелькнувшей за спиной тени. И молчал. «Племянникам госпожи Шмитши», около которых было отведено место Шубину за царским столом, радости от соседа слишком мало. «Племянники госпожи Шмитши» — брат и сестра, подростки, судя по товарищам их игр, пятнадцати или четырнадцати лет.

Воспоминания о былой близости оказались куда лучше общения новых дней. Для Шубина срочно полученные награды

И. Вишняков.
Императрица Елизавета
Петровна. 1743 г.

не смягчали необходимости каждый день видеть торжество певчего слободских времен — «друга нелицемерного» Алексея Разумовского. Пока лейб-курьер ездил по Сибири, блистательная карьера Алексея Григорьевича достигла апогея. В день восшествия Елизаветы на престол — действительный камергер, вскоре затем — обер-егермейстер, 25 апреля 1742 г. — кавалер ордена Андрея Первозванного и уже в присутствии Шубина — граф сначала Римской, затем и Российской империи. Даже в милостях императрицы Шубин оставался «бывшим».

Елизавета не удержалась от слез, давая Шубину «апшит» — увольнение от двора. Генерал-поручик был волен ехать в свое только что полученное село Роботки Макарьевского уезда Нижегородской губернии — две тысячи душ крестьян, пашни, крутой берег Волги. Перед отъездом оставалась одна забота — прощальный визит во дворец к «племянникам госпожи Шмитши». У Шубина дрожал голос, выпала из руки шляпа — «племянники» торопились на представление французской комедии. Другой встречи не состоялось. Брат и сестра вскоре исчезли из придворных хроник.

Подхваченные депешами дипломатов, придворные слухи утверждали, что несколькими годами раньше на попечении «госпожи Шмитши» находился еще один племянник. Его в бытность Елизаветы Петровны цесаревной удалось «с великим поспешением» пристроить на службу. Судьбой «племянника Шмитши» занялся Александр Борисович Бутурлин. Правда, не сам. В этой любезности ему не отказал И.Ю. Трубецкой. Богдана (иначе — Ивана) Васильевича Умского, значившегося по доку-

ментам сыном шляхтича польской нации, зачислили в феврале 1738 г. копиистом в Сенат. От десятилетнего недоросля действительной службы никто требовать не стал — опека И.Ю. Трубецкого давала вполне ощутимые результаты. Зато в двадцать лет Умской становится поручиком Ингерманландского пехотного полка, а всего несколькими годами позже — капитаном Эстляндского полка. Не отличавшийся служебным рвением, он имел средства для широкого образа жизни, а с основанием Московского воспитательного дома получил удобную и почетную гражданскую должность опекуна.

Обычная, в конечном счете, жизнь обычного средней руки дворянина, если бы не напряженное внимание двора. Умского не продвигали по служебной лестнице, зато поощряли монаршей лаской, деньгами и... не спускали глаз. Тем лучше, что он не причинял никаких дополнительных беспокойств. Одно слово — родной и старший сын Елизаветы Петровны. Так, во всяком случае, настойчиво утверждала народная молва.

А толков о сыновьях было множество. Упорно избегали небезопасной темы только современники. Зато даже сам Д.Н. Блудов признавал, что в одном из монастырей Переславля-Залесского провел всю свою жизнь побочный сын императрицы, горько сетовавший на свою участь. Всякие выезды за пределы монастыря ему были запрещены, посетителей видеть не приходилось. За всю свою долгую жизнь — он умер после 1800 г. — забытый узник не услышал, чтобы кто-нибудь им поинтересовался. Клобуки. Рясы. Мутный дурман ладана. Безысходная смена молитв, постов, покаяний и снова молитв. Без попыток изменить собственную судьбу, вырваться из заключения, хоть на шаг приблизиться к престолу. За таким потомком царствующего дома отказывались следить даже вездесущие дипломаты. Ни для кого и никакого интереса он представлять не мог.

И еще был любитель естественных наук. Тоже без имени. Известный тем, что изучал горное дело и получил возможность заниматься в лаборатории профессора-химика Ломана. Ядовитые испарения от взорвавшейся реторты привели к гибели учителя и ученика. То, что Ломан действительно погиб во время опыта, общеизвестно. Кто из сотрудников разделил его участь, ни современных газетчиков, ни позднейших историков не интересовало.

В том же списке современники уверенно называли Закревского, действительного тайного советника, президента Медицинской коллегии, видного чиновника времен Екатерины.

Еще во времена фавора у Елизаветы-цесаревны «другу нелицемерному» — Разумовскому удалось скопить немного денег для пухнувших от голода малороссийских родных. Мать открыла корчму и сумела пристроить дочерей. Приданого хватило, чтобы выдать Агафью за ткача Власа Климовича, Веру — за регистрового казака Ефима Дарагана, Анну — за закройщика Осипа Лукьяновича Закревского. Понадобилось всего несколько месяцев правления Елизаветы-императрицы, чтобы все они оказались включенными в круг высшей придворной знати. На свадьбу наследника престола, будущего Петра III, родственникам Разумовского было предписано прибыть всем.

Но особенно Елизавета хлопочет об Анне Закревской, пытавшейся избежать поездки в столицу из-за близких родов.

Императрица отдает распоряжение, чтобы Анна отправилась в путь ровно через неделю после родов, чтобы ехала «без промедления денно и ночью», для чего ее будут ждать на каждой станции по десяти подставных лошадей, а в пути на всякий случай — «от чего боже избави» — станет сопровождать лекарь Киевского гарнизона. Анна Закревская родила девочку, но и считавшийся по документам ее сыном будущий президент Медицинской коллегии Андрей Иосифович имел тот же год рождения. Ошибка? Или — родственная помощь оказавшейся в затруднительном положении императрице? Не нужно ли было по возможности скорее передать под опеку Закревских другого новорожденного младенца? Задачи, сложные для цесаревны, приобретали особую сложность для царицы, и пренебрегать ими не приходилось.

Прожил А.И. Закревский сравнительно недолгую жизнь — малоприметный, исполнительный, чуждый честолюбия чиновник, допускавшийся только в самые задние ряды придворных кругов. И все же. Не случайно Г.А. Потемкин, так безошибочно умевший угадывать каждое затаенное желание или колебание Екатерины, спешит женить своего любимого племянника именно на дочери Закревского. Возможных врагов следовало «замирать», тем более что Павел Сергеевич Потемкин только выигрывал от подобной партии.

Начальствующий в Казани во времена Пугачева, он с началом «потемкинского случая» оказывается руководителем секретной экспедиции в Москве, позднее — генерал-губернатором Саратовской губернии и Кавказа. Все усиленно подчеркивают его заслуги в гражданской службе — разве шутка убедить перейти в русское подданство царя кахетинского и карталинского! — и тем более в военной: штурм Очакова, участие в кампаниях самого Суворова. К тому же П.С. Потемкин пользовался вполне заслуженной известностью как удачный переводчик Руссо и «Магомета» Вольтера. Он автор отмеченных печатью литературного дарования эпистол и особенно драм. Тем загадочнее и таинственнее выглядел его конец.

П.С. Потемкин умер 20 марта 1796 г. после разговора с навестившим его поутру «кнутобойцей» Шешковским. Современники, теряясь в домыслах, усматривали здесь и интригу последних фаворитов Екатерины — братьев Зубовых, и тянувшиеся еще с Кавказа нити неких не разобранных дел. Но возникал и вопрос о А.И. Закревском. Жена П.С. Потемкина унаследовала бумаги отца, которые граф старательно хранил. Именно этих бумаг после похорон П.С. Потемкина не удалось найти.

И еще оставалась «племянница Шмитши»...

После обеда были у нас племянники графские (А.Г. Разумовского. — *Н.М.*). Ездили до Ивана Журавки, где и ужинали с ним и с камер-юнгферами, свойственницами графа Разумовского, да с племянницею мадам Иоганны...

Из дневника Ханенко. 1746

Я помню ее, я видел ее в Зимнем дворце на выходах; ее прощали тогда за Голштинского принца, двоюродного брата тогдашнего наследника, а после перемены правительства в 1762 г. все говорили, что она уехала в Пруссию.

Пастор Лиадей. 1775

Портрет фельдмаршала
Г. А. Потемкина. 1790-е гг.

Герб рода Потемкиных

Великая княгиня
Екатерина Алексеевна.
Неизвестный художник.
Середина XVIII в.

Сухощавая. Невысокая. С удлинённым лицом и тонким прямым носом. Молчаливая. Ловко, но неохотно танцевавшая. Бегло изъяснявшаяся на немецком и французском языках, но чаще задумчиво слушавшая.

Пройти мимо свидетельства патера Лиадера трудно. Лиадер вполне реальное лицо. Он служил офицером в русской армии, действительно был вхож во дворец. И маленькая коррективка. Сначала официальное обвинение утверждало, что якобы Лиадер видел в Зимнем дворце собственно «самозванку», объявившуюся в Риме и Пизе, которую в свое время прочили за Голштинского принца. Однако противоречие оказалось слишком очевидным: «самозванке» едва исполнилось 23 года – пребывание Лиадера в России предшествовало ее рождению. Последовало уточнение: Лиадер находил «самозванку» необычайно похожей на побочную дочь Елизаветы Петровны, выданную замуж за двоюродного брата Петра III.

По-видимому, речь шла об одном из сыновей Георга Людвига Голштинского. После переворота в пользу Екатерины II Георгу Людовику удалось бежать в Пруссию. Оба его сына при той же попытке были задержаны новой императрицей. Один из них, Вильгельм, утонул при невыясненных обстоятельствах в 1774 г. в Ревельской бухте; второго Екатерина срочно женила на родной сестре своей невестки Марии Федоровны. Среди многих слухов, которые вызвали эти загадочные события, ходил и такой, что старый герцог успел бежать вместе с женой Вильгельма. Овдовев, она некоторое время жила в Европе, нигде не показываясь, ничем о себе не заявляя.

Так или иначе, упоминания о «племяннице госпожи Шмитши» прекращаются в конце сороковых годов. Остается предполагать, что судьба ее была устроена вдали от двора. Никакими сантиментами Елизавета Петровна не отличалась. Все, что на-

поминало о неизбежном отсчете лет, старалась от себя отстранить. Дальнейшая жизнь «племянницы» растворялась в потоке легенд.

Под сим камнем покоится прах рабы божьей инокини Аркадии, скончавшейся 1839 г., генваря 22 дня. Инокиня Аркадия проживала в посаде Пучеже, при Пушавинской церкви, 50 лет, скрыв настоящее свое звание и род, а называлась Варварою Мироновною по прозванию Назарьевой, жития же ей сколько было, остается неизвестно.

Надпись на каменном надгробии у южной стороны Воскресенской церкви в поселке Пучеже Костромской губернии

Отъезд за границу и возвращение в Россию — они фигурировали во всех версиях. Возвращение насильственное. По крайней мере, противоречившее желаниям «племянницы». И дальше жизнь за монастырскими стенами — монашеская или тюремная, праведная или исполненная внутренних метаний и неостывающих надежд. Назывались монастыри — в том же Переславле-Залесском, Москве, Екатеринбурге, Уфе, Нижнем Новгороде и Костроме. Каждый имел свою легенду, более или менее подробную, более или менее насыщенную датами, обстоятельствами, именами. Об узнице относительно заботились. Иногда ее навещали. И всегда сама она — вначале, во всяком случае, — делала попытки вырваться из неволи.

О пожилой женщине, доставленной под стражей в Пучеж на переломе восьмидесятых — девяностых годов, местным жителям запомнилось многое. Она охотно говорила со своим единственным дозволенным собеседником и духовником, попом местной Воскресенской церкви. Поп был не менее словоохотлив в отношении других своих прихожан, чье любопытство, естественно, не знало пределов. Каждое действие неизвестной в крохотном, насчитывавшем даже к концу XIX в. не больше двух тысяч жителей селении становилось общим достоянием и предметом обсуждений.

Оказывается, неизвестная долгие годы прожила под стражей в особых кельях в Орле, где ее духовником был протоиерей тамошней кладбищенской Иоанновской церкви Лука Малинов, а затем в Арзамасе. В Пучеж ее доставил с особыми мерами предосторожности полковник Бушуев, увезший живших с нею «четыре женских персон» в более далекую и глухую ссылку. Местом жительства неизвестной был выбран закрытый в 1764 г. Воскресенский мужской монастырь, вернее — его стены с единственной действовавшей в них церковью. В ограде никто, кроме неизвестной, не жил, на богослужениях почти никто не бывал. И если старевшая одинокая женщина не испытывала особенно острой нужды, то только благодаря владельцу соседнего огромного села и богатейшей пристани князю Егору Александровичу Грузинскому. Ему была она обязана присланной в услужение женщиной, запасом дров на зиму и провиантом, на который ей забыли отпустить денег.

Неизвестная много и безрезультатно писала в Петербург, адресуясь к самым знатным придворным особам. Под ее диктовку подобные письма писал и поп, запомнивший имя В.П. Кочубея. Историки готовы были впоследствии усматривать в этом тень

родственных связей — Кочубей женился на родной внучке К.Г. Разумовского, младшего брата фаворита. Но верно и то, что Кочубею довелось дважды возглавлять министерство внутренних дел. Как человек он отличался вошедшей в пословицу опасливой предусмотрительностью, как министр мог прислушаться к прошению или передать его в царские руки. О личных чувствах можно скорее говорить в отношении князя Грузинского. Потомки грузинского царя Вахтанга VI Законодателя были обязаны Елизавете Петровне получением богатейшего благоустроенного подмосковного Всехсвятского и того же Лыскова, которое Егор Грузинский предпочитал Москве. К тому же князь готов был бравировать своим оппозиционным отношением к петербургскому двору.

Местные предания. Местные свидетели. И никаких документальных источников — ни в архиве Тайной канцелярии, несомненно занимавшейся делом пучежской узницы, ни в клировых ведомостях, скрупулезно отмечавших каждого, принимавшего монашеский постриг. Единственное очень косвенное доказательство в пользу версии о дочери Елизаветы Петровны — имя Аркадия. По существовавшему обычаю, иноческое имя должно было начинаться на ту же букву, что и светское, данное при крещении: Августа — Аркадия.

Принцесса Августа Тараканова, во иноцех Досифея, постриженная в московском Ивановском монастыре, где по многих годах праведной жизни своей скончалась 1808 г. и погребена в Новоспасском монастыре.

*Надпись на обороте портрета, хранившегося в настоятельских кельях московского Новоспасского монастыря.
Масло, холст. 10 1/2×7/2 вершков*

Под сим камнем положено тело усопшия о госпде монахини Досифеи, обители Ивановского монастыря, подвизавшейся о Христе Иисусе в монашестве 25 лет и скончавшейся февраля 4-го 1810 года. Всего жития ее было 64 года. Боже, всели ее в вечных твоих обителях.

Надпись на надгробии из дикого камня у восточной ограды московского Новоспасского монастыря, рядом с колокольней

На этот раз были реальные памятники — портрет, надгробие, и снова никаких документальных свидетельств. Когда и по чьему приказу привезена и пострижена, что скрывала под иноческим именем — оставалось загадкой. Клировые ведомости Ивановского «в старых садах», «под бором», «на Кулишках» монастыря инокини Досифеи не упоминали. Впрочем, даже существование портрета оставалось недоказанным. Кому-то довелось его видеть, кто-то скопировал надпись, но в инвентарных описях монастырского имущества он не фигурировал. В ответ на настойчивые расспросы исследователей настоятели второй половины XIX в. утверждали, будто в ведении монастыря портрета никогда не числилось. Ничего удивительного — у обеих монастырей была особая и совсем не простая слава. Точнее — заслуги перед самодержцами и престолом.

«А когда оный монастырь построен, при котором государе, и по какой государственной грамоте, и в котором году, о том в означенном монастыре точного известия нет», — сообщала мо-

настырская опись 1763 г. Возможно, Елена Глинская, согласно одной из распространенных легенд, хотела его основанием отметить рождение сына — будущего Ивана Грозного. Только как раз при Грозном монастырь стал выполнять свою главную роль — места заключения для опальных женщин высокого рождения. Сюда привезут из Владимира насильно постриженную на Белоозере вторую жену царевича Ивана Ивановича Прасковью Михайловну Соловых, и здесь же кончит свои дни другая невестка Грозного — Александра Сабурова. В 1610 г. в Ивановском монастыре будет пострижена разлученная с мужем юная царица Марья Петровна Шуйская.

Страшные московские пожары 1737 и 1748 гг., казалось, навсегда прервали историю монастыря. Но Елизавета Петровна возобновляет его в 1761 г. для сирот и вдов заслуженных лиц. Снова появляется настоятельница с грошовым жалованьем в 3 рубля 45 копеек на год и сорок три монахини с половинным содержанием — в один рубль 72 копейки годовых. Но так же быстро восстанавливается и бывшая роль монастыря — страшной потаенной тюрьмы. По-прежнему присылались сюда узницы из Тайной канцелярии и Сысного приказа, Раскольничьей конторы, лица, замешанные в политических и особо важных уголовных делах, «очистившиеся» перед тем на допросах «кровью». Монахиням оставалось быть тюремщицами. Только крамола свивала гнезда и среди них.

Еще в первой трети XVIII в. были похоронены в монастырских стенах казненные лжеучители так называемых Людей Божьих — лжехристы Иван Тимофеевич Суслов и Прокопий Лупкин. А в 1733 г. Тайный приказ открыл, что в келье одной из стариц продолжали собираться по праздникам для своих молитв последователи Суслова. Старица вместе с четырьмя другими монахинями была казнена, все остальные по наказанию кнутом сосланы навечно в Сибирь, тела лжехристов выкопаны палачами и вывезены «потаенно» в поле, чтобы не собирать народу на могилах. В Ивановском монастыре должна была отбывать пожизненное одиночное заключение страшная Салтычиха, проведшая здесь, в застенке при церкви, тридцать три года. Сюда же в 1785 г. поступила и та, которая носила имя Досифеи.

...Две крохотных комнатенки с подслеповатыми прорезями окон. Низкие потолки. Решетки. Мутно поблескивающая в полумраке изразцовая печь. Пара нехитрых стульев. Просиженное кресло. Расшатанный стол. Старенькое, набитое мелочами бюро. Вытертый зеленоватый войлок полов. Портрет Елизаветы Петровны на стене. Застывший на десятилетия глухой, захлестнутый тишиной мирок, в котором замкнулась жизнь.

Может быть, в слухах была своя доля правды — сначала долгий разговор наедине с Екатериной. Увещевания. Доказательства. Обещания. Скрытые угрозы. Выбора все равно не существовало. И, независимо от обещаний, единственной дорогой стала дорога в церковь: темный коридор, крытая лестница, грохот засова, закрывавшего входную дверь. Единственное развлечение — богослужения все с тем же попом и тем же причетником, отвечавшими враждебным молчанием на каждую попытку заговорить, бросить пару ничего не значащих слов. Для редких

ненужных бесед была настоятельница, когда получала разрешение или приказ вступить в разговор. Даже ютившаяся в каморке келейница оказалась глухонемой. Оставалось довольствоваться хорошей едой – деньги специально отпускались казначейством – и правом ждать.

Ждать смены правлений. Сочувствия. Милосердия. Простого безразличия к тому, что с годами теряло свое значение и остроту. Иногда в монастыре появлялись высокие посетители, даже члены царской семьи. На имя узницы приходили от неизвестных лиц значительные суммы. Но гости исчезали, а деньги по-прежнему тратить было не на что. Границы мирка оставались неизменными – при Екатерине, при Павле, при Александре I. И ответом становится обет молчания, который принимает неизвестная – сухощавая невысокая женщина со следами редкой красоты и горделивой осанкой привыкшего повелевать человека. Молчаливая по натуре, она с годами не потеряла лишь одной особенности – панического страха перед скрипом дверей, неожиданно возникавшими в полутьме теней. Некому войти, некого ждать, и все же... Воспоминания о ее рассказах – всего лишь плод фантазии старавшихся придать себе значительности потомков.

И она понимала – нужен конец. Ее конец. «Натуральный». Благопристойный. С соблюдением всех предположенных монашеским чином обрядов. Чтобы все стало на свои места. Тридцать восемь лет заключения в этих же стенах жены царевича Ивана закончились торжественным ее погребением в Вознесенском монастыре Кремля – усыпальнице всех женщин царского дома: тридцать три года Салтычихи – похороны в Донском монастыре, где погребали всех Салтыковых. Инокiniu Досифею ждал еще более пышный обряд похорон в Новоспасском монастыре, бывшей усыпальнице семьи Романовых, которую они не переставали почитать и ценить. С участием всего высшего московского духовенства – заболевшего митрополита заменил его викарий, – главнокомандующего Москвы, многочисленной знати, если и не приехавшей лично, то приславшей свои экипажи. Погребальная процессия безвестной инокини растянулась едва ли не на полверсты. Ее могила стала местом всеобщих посещений. И невольный вопрос: непредвиденные обстоятельства или заранее задуманный и срежиссированный эффект? Чего не ждали и на что рассчитывали те, кто должен был проводить в последний путь Досифею?

Нет сомнений, неожиданности были. Не могли не быть. И все же никаких сведений о погребении в тайный сыск не поступило, никаких особых докладов высшему петербургскому начальству и самому Александру I не последовало. Значит, задуманный результат был достигнут. Обе столицы имели возможность убедиться, что не стало подлинной дочери Елизаветы Петровны, пусть открыто и не названной, зато погребенной со всеми необходимыми почестями. Иначе говоря, вместе с инокиней Ивановского монастыря старицей Досифеей не стало Августы Тимофеевны – княжны Таракановой.

СТРОИТЕЛИ

Для архитекторов и строителей это был порог новой жизни — Всесоюзное их совещание в декабре 1954 г., наметившее пути коренной перестройки реализации их профессий. Теперь речь шла о создании крупных жилых массивов, по возможности на свободных городских землях. Тем самым планировка и застройка могли вестись с учетом всех функциональных, технико-экономических требований, но и особенностей местности. Новые градостроительные принципы реализуются в жилых районах на Рублевском шоссе, в Химках-Ховрине. Выразительность комплексов могла создаваться путем пространственной группировки зданий, различных по протяженности, этажности, назначению. В проекты вводятся балконы и лоджии, используется разнообразие окраски.

Образцами сооружений общественного назначения становятся гостиница «Юность» (архитектор Ю.В. Арндт), кинотеатр «Россия», построенный в том же 1961 г. (архитекторы Ю.Н. Шервдяев, Э.А. Гаджинская, Д.С. Солопов), с большим залом на 2470 мест и двумя малыми залами, каждый на 200 зрителей. В течение 1958—1962 гг. на Воробьевых горах строится Дворец пионеров и школьников — комплекс, состоящий из 11 корпусов, с концертным залом на 1 000 мест, пионерским театром (300 мест), лекторием (400 мест), закрытым бассейном, стадионом с трибунами на 5 000 мест. Архитектурный проект принадлежал группе: И.А. Покровский, Ф.А. Новиков, В.С. Егеров, В.С. Кубасов, Б.В. Палуй, М.Н. Хажакян, инженер Ю.И. Ионов и др. Не менее существенно, что создан был Дворец по инициативе, на средства и при участии комсомольцев, отработавших на строительстве свыше 3 миллионов человекочасов.

В 1955—1956 гг. сооружается один из крупнейших в мире спортивных комплексов — стадион в Лужниках (реконструирован в 1976—1979 гг. с учетом требований к олимпийским стадионам). Авторы проекта основного комплекса — архитекторы А.В. Власов, И.Е. Рожин, Н.Н. Уллас, А.Ф. Хряков, инженеры Н.В. Насонов, Н.М. Резников, В.П. Поликарпов. Большую спортивную арену фланкировали расположенные симметрично относительно нее Бассейн и Малая арена. В западной части были размещены Дворец спорта и Детский городок.

В составе комплекса на 1978 г. было около 140 сооружений. На стадионе размещены производственные мастерские, типография, врачебно-физкультурный диспансер, музей спорта и т.д. Тогда же, помимо 10—15 тысяч спортсменов, около 10 тысяч постоянно занималось в спортивно-оздоровительных группах (от 5 до 75 лет).

В 1962—1969 гг. застроен Новый Арбат, носивший первоначально название проспекта Калинина, по проектам архитекторов М.В. Посохина, А.А. Мндоянца, Г.В. Макаревича, Б.И. Тхора, Ш.А. Айрапетова. И.А. Покровского, Ю.В. Попова, А.В. Зайцева и др.

Немалые споры среди москвичей вызвало сооружение в Кремле, за счет сноса древних построек, Кремлевского дворца съездов в 1959—1961 гг. (архитекторы М.В. Посохин, А.А. Мндоянец, Е.Н. Стамо, П.П. Штеллер, инженеры Г.Н. Львов, А.Н. Кондратьев, И.И. Кочетов). Параметры здания 120×70 м, при высоте 29 метров и заглублении на 15 метров. Дворец был рассчитан, прежде всего, на проведение партийных съездов. Первым в его стенах состоялся XXII съезд КПСС.

Останкинская телебашня
в Москве

В 1967 г. сооружается Телевизионная башня в Останкино (главный конструктор Н.В. Никитин), обеспечивавшая прямую передачу телепрограмм в радиусе 120 км. Высота башни (с антенной и флагом) – 539 м, что делало ее самым высоким свободностоящим сооружением в Европе.

Многофункциональный комплекс «Парк-плейс», гостиницы «Софител-Ирис-Москва», «Президент-отель», «Паркотель-Лагуна»... Дело не в грибоедовских ассоциациях и даже не в том, что в их стенах никогда не окажутся обыкновенные, даже со среднестатистическим достатком москвичи, куда важнее – все заморские изыски создаются на их деньги, точнее – за счет их собственности. Это бюджет мэрии и – городская земля.

Сегодня в Москве можно сооружать и сносить все. Где угодно и как угодно. В советские годы существовала определенная разрешительно-запретительная система. Ее порой волюнтаристски преодолевали, но всегда оставался серьезный шанс, что не смогут преодолеть. Если в дело активно вмешивалась ставшая теперь предметом насмешек «общественность». Положим, не смогли студенческие пикеты противостоять воле первого секретаря обкома партии в Свердловске-Оренбурге и сберечь дом Ипатьева, где погибла царская семья. Но остался стоять в Москве, по существу, на Пушкинской площади, красавец дом Сытина, к которому когда-то вплотную уже подступили бульдозеры.

Иные социальные условия? Наконец-то обретенный капитализм? Только в том-то и дело, что в той же Москве, как и в любом городе России, в дореволюционные годы разрешительно-запретительная система существовала и действовала еще более безотказно и жестко.

Каждый город подвергается реконструкции на протяжении всей своей истории. Каждый. Тем более столичный. При этом

по мере развития цивилизации возрастает организующая роль государства, при любом социальном устройстве защищающая, в конечном счете, интересы общественные, интересы горожан и национальной культуры. Как-то никому не хочется вспоминать, что в дореволюционной Москве на собственном участке земли, в собственном доме домовладелец не имел права приделывать над входной дверью железный козырек, заменить внутреннюю лестницу или провести паровое отопление. На все требовалось разрешение архитектора данного района города.

И было несколько обстоятельств, обеспечивавших неподкупную объективность «разрешителей». Это мнение коллег и общественное мнение. Наконец, существовало понятие, выпавшее из обиходного словаря наших дней, — порядочность.

Разгулу предводительских фанаберий противостояла и цена земли. Спрямление любого уличного угла, проведение красной линии было связано с выкупом земли у владельца, который незамедлительно взвинчивал цену. Положить этому предел не могли никакие административные меры — только общественное мнение.

В истории Москвы остался эпизод с «Хомяковской рощей» — участком между задним фасадом Большого театра и Кузнецким мостом, принадлежавшим сыну известного славянофила А.С. Хомякова. Необходимость расширения проезда Кузнецкого моста побудила Городскую думу обратиться к Хомякову-младшему с просьбой о продаже земли городу. Назначенная цена оказалась запредельной. Торговаться хозяин не стал и в доказательство своих прав высадил на участке некое подобие сквера, тут же прозванное москвичами «Хомяковской рощей». Всеобщие издевки вынудили Хомякова-младшего уступить свое владение, да еще по самой низкой цене.

Новая глава в истории Москвы началась со сплошного переименования улиц. И планов реконструкции. «Новая Москва» Щусева и Жолтовского еще думала о сохранении исторической застройки. Спустя несколько лет знаменитый Корбюзье напишет в Москву: «Во время трех моих посещений Москвы я попытался понять ваше устройство и сочувственно судить о нем... То, что я почувствовал в советском явлении, — это вот что: только русская художественная душа допустила чудо устремления к огромной общей мечте... Воля и разум могут разрушать, но могучий инстинкт, любовь к чему-нибудь могут возвести людей и народы к наивысшей участи».

Принцип возникающего на рубеже 20–30-х гг. Генплана Москвы опять-таки сохранял «щадающий» режим в отношении исторической застройки, сосредоточивая внимание на создании вокруг столицы городов-спутников. В 1934 г. был объявлен открытый конкурс на создание Генплана реконструкции и развития столицы. В нем приняло участие 160 архитекторов, в том числе немало зарубежных. В окончательном выборе, который был осуществлен, сыграло свою роль и влияние Корбюзье (транспорт — бог города!), и позиция ряда градостроителей, произведших произвольную и субъективную переоценку художественных и исторических ценностей в городской архитектуре. И.Э. Грабарь был не одинок в отрицании значения всех памятников XVII в. (по принципу простой временной принадлежно-

сти), как и в замысле организации продажи русских икон и произведений живописи за рубежом. В июле 1935 г. Генплан был утвержден.

Время показало, что идеи коммунизма в повседневной практике часто не соответствовали конкретным действиям тех, кто на словах собирался претворять их в жизнь. Генплан 1935 г. — один из ярких тому примеров. Но если идеи тех, кто прикрывался красными знаменами, сегодня критикуются, то ошибки исполнителей другой политической окраски в наши дни слишком часто получают второе дыхание.

Конечно, нельзя не возмущаться внедрявшейся идеей сноса ГУМа и расширения Красной площади чуть ли не на всю территорию Китай-города, проектируемым сносом правой стороны Варварки (со стороны гостиницы «Россия»), той же четной стороны Петровки (включая Высокопетровский монастырь) и Большой Дмитровки. Но у нас на глазах осуществлялся снос правой стороны Большой Якиманки. Усиленно разрабатываются все те же печально знаменитые кольцевые магистрали. Имеет хождение проект, по которому Новый Арбат должен обрасти по сторонам фонтанами и бассейнами, причудливыми арками, потому что новая изобретенная ипостась Москвы — курортный город.

В канву Генплана 1935 г. входил и Дворец Советов, несомненно, оригинальное по архитектуре и инженерным задачам сооружение. Ошибочным, однако, оказался выбор места для него. Хотя авторы проекта и руководители страны исходили из тех же соображений, что в свое время Николай I и архитектор К.А. Тон, — о географическом центре городского ансамбля. На Дворец Советов предполагалось сориентировать все городские магистрали.

Отказ от строительства Дворца Советов после окончания Великой Отечественной был как бы компенсирован сооружением семи московских «высоток» (1948–1952).

Вторая половина 50-х гг. — это Кутузовский, Комсомольский проспекты, Новый Арбат в Москве, Лужники. А на переломе 60-х гг. — гостиница «Юность», кинотеатр «Россия», Кремлевский дворец съездов и почти сразу Дворец пионеров на Воробьевых горах. Не говоря о массовом жилищном строительстве. Это время ключей от отдельных квартир. В «хрущевках», в тесноте, с минимальным комфортом, неудобным сообщением, но отдельных! И так во всех городах.

Как и санкционированное Хрущевым уничтожение церквей сотнями и тысячами. Как и проблема с памятниками, которые оказываются на пути набирающих разворот и скорость строителей. Над тем, чтобы совместить все стороны процесса и потребностей развития культуры, никто по-настоящему не задумывался. В государственных учреждениях. Но в творческой среде эти проблемы приобретали исключительную остроту.

Образцы истории, сознание ценности их материальных свидетельств и ощущение грандиозной страны и народа, одержавшего величайшую в истории человечества победу. Вопросы технического прогресса и экологического тупика — в будущем. Проблема комфортности общественной и личной, которая бы не нуждалась в постоянном обновлении по крайней мере на бли-

Университет
на Ленинских горах

жайшие 150–200 лет. Проблема коммуникаций и коммунального обслуживания, отбравшая у города всегда слишком много средств. Все это требовало кардинального, причем общего решения. И одним из наиболее убедительных примеров служили московские памятники: если отдельные из них и удавалось буквально спасать, единое историческое целое Москва скоро перестала бы представлять.

Общая совокупность московских градостроительных проблем увлекает мастеров, которых объединяло направление «Новая реальность». Именно мастеров, потому что в «Новую реальность» входили и архитекторы, и живописцы, и скульпторы, и дизайнеры, и военные строители. Голос времени воспринимался представителями всех созидających профессий.

Идея «Города за облаками» принадлежала руководителю направления живописцу Э.М. Белютину. И — одареннейшему русскому инженеру-конструктору Н.В. Никитину. Никитин только что принимал участие в строительстве «Лужников», комплекса университетских зданий на Воробьевых горах и закончил сооружение Останкинской телебашни. Идея захватила его, как, впрочем, и архитектора Леонида Павлова. Расчеты свидетельствовали о реальности замысла, а творческие перспективы, с ней связанные, не могли не увлечь.

В творческую группу вошла целая плеяда молодых архитекторов. Многие были известны своими реализованными проектами. Так, Р.Ф. Голышко (1931–1980) строит здания учебных заведений в странах народных демократий и во Вьетнаме. Визитной карточкой В.П. Грищенко (1932–2002) можно назвать гостиницу «Киев» на Крещатике, в столице Украины. В.А. Соков — неоднократный участник международных конкурсов на театральные здания, автор театров в Новгороде Великом и в Комсомольске-на-Амуре. Среди разработчиков идеи — мастера тяготеющей к монументальным и вместе с тем эмоционально напряженным решениям живописи В.В. Буддаков, В.И. Преображенская, Н.З. Левянт, И.Н. Шмелева, А.В. Строчилин, М.В. Филиппова, Б.В. Миронов (1937–2002). Всего около ста человек.

«ГОРОД ЗА ОБЛАКАМИ», КОТОРЫЙ МОГ БЫ БЫТЬ

«Москва строится», «Москва хорошеет», — не устают твердить СМИ. «Москва становится неотличимой ото всех европейских городов», — твердят иностранные гости.

И как тут не вспомнить грибоедовские строки о «французике из Бордо», который в Москве «приехал и нашел, что ласкам нет конца. Ни звука русского, ни русского лица не встретил, будто бы в отечестве с друзьями: такой же толк у дам, такие же наряды; он рад, но мы...»

Так вот рады мы или не рады? Москвичам никто этого вопроса не задавал. «Консенсус» с москвичами, да и не только москвичами, по-видимому признается технически невозможным. Значит, и пользоваться выражением «Москва строится» просто нельзя. При правильном употреблении русского языка оно бы означало строить всем миром, общими усилиями. Как в годы Великой Отечественной после очередной бомбежки столицы торопились разбирать еще дымившиеся развалины, чтобы со следующего дня, немедленно, на том же месте отстраивать не какой-то, а именно уничтоженный дом. И наша вина, что на этих, под бомбежками восстановленных зданиях нет памятных таблиц о подвиге сердца и воли москвичей: Никитский бульвар, 8, Моховая, 11, Малая Бронная, 31/13 — всех не перечесать.

Экономическая оправданность строительства повышенной этажности в большом, тем более столичном, городе становится очевидной еще в начале XX столетия. До сих пор остается по многим параметрам образцовым 11-этажный дом в Большом Гнездиновском переулке.

Тема высотного строительства стала актуальной в связи с намечавшимся строительством Дворца Советов. Его проектируемая высота — 416 метров (из которых 100 метров составляла высота статуи Ленина) — на 33 метра превосходила «Эмпайр билдинг» в Нью-Йорке и тем более Эйфелеву башню (300 метров). Важно отметить, что конструкторы и строительная промышленность готовы были к взятию подобной высоты, что в полной мере подтвердили послевоенные постройки: гостиница «Украина» — 200 метров (со шпилем), здание Московского университета (в центральной части) — 318 метров, Никитинская телебашня в Останкине и вовсе — 540.

Проект «Новой реальности» предлагал взметнуть новый город над старым на высоту в среднем около 1 000 метров. Этим в первую очередь решался вопрос здоровья людей. Они избавлялись от тяжелого воздуха городских улиц, отравленного выхлопными газами и выбросами предприятий. Вместе с тем резко увеличивалось количество солнечных часов для каждого, сокращаемое городским смогом.

Поднять город означало соорудить в районе Кольцевой дороги двадцать зданий целевого назначения — отдельно для жилья, отдельно — для разного рода учреждений. Вынесенные далеко в сторону от исторически сложившегося города, эти здания сочетались с единственным высотным сооружением в самой Москве — Дворцом мира в районе Даниловской площади. Задуманные из промстекла разных оттенков, к тому же подсвечиваемые в темные часы суток, высотные здания могли со-

здать ощущение многокрасочного, словно бесконечно расширившегося в своих границах мира человеческого познания и человеческих ощущений. «Город, в котором не будет будничных дней, — напишет известный французский критик и историк архитектуры Мишель Рагон, — не будет и просто грустных». «Мир, которому невозможно не радоваться», — заметит знаменитый польский архитектор профессор Ян Богуславский, кстати сказать, построивший нынешний комплекс польского посольства в Москве и восстановивший Королевский замок в Варшаве. Одним из самых деятельных болельщиков-консультантов во все время работы над проектом был профессор Л.Н. Павлов (автор выходящего на Георгиевский переулок второго здания нынешней Государственной думы).

Что касается технических параметров, проект предполагал комплексное решение градостроительных проблем, включая транспорт, коммуникации и техническое обслуживание. Дворец мира задуман как резиденция правительства страны с соответствующей системой рабочих помещений, зала для собраний (а также концертных и спортивных мероприятий) на 100 000 мест, зала для съездов — на 25 000 человек. Здесь же проектируется библиотека, превосходящая по размерам библиотеку американского сената, служба связи и обеспечения. По своей конфигурации Дворец мира представляет стеклянный шар диамет-

Вид на Кутузовский
проспект и гостиницу
«Украина»

ром 700 метров, опирающийся на пять (по числу материков на планете и частей света) пилонов. Каждый пилон, имея высоту 600 метров, рассчитан на размещение в нем правительственных и государственных учреждений и министерств.

Подобное объединение значительно упростило бы общение между собой отдельных институтов, сократило затраты на их обслуживание. Под Дворцом мира размещаются подземные гаражи на необходимое количество машин. Сюда же подводится линия метрополитена.

По Камер-Коллежскому валу располагаются гостиницы, банки и офисы крупнейших фирм. Высота каждого здания равна высоте пилонов Дворца мира, и вместимость его, независимо от конкретного предназначения, определяется двадцатью пятью тысячами человек. Фирмы и банки могут выступать арендаторами суперсовременных и оборудованных по последнему слову техники помещений, в которых технически проще поддерживать соответствующие растущим требованиям условия производственного комфорта. Тем более это относится к гостиницам, раздробленность которых создает все новые сложности в сфере услуг и ведет к росту цен на эти услуги.

Между Камер-Коллежским валом и Московской кольцевой дорогой располагаются высотные здания, которые вмещают научно-исследовательские учреждения, учебные институты и больницы. Высота этих зданий повышается до 1 000 метров, каждое из них рассчитано на обслуживание 75 000 человек.

Что же касается жилых домов, то они отступают еще дальше от центра города — на пересечение основных входящих в город автодорог и Московской кольцевой. Их высота достигает 1 500 метров, и каждый из них представляет жилой полностью обеспечивающий себя комплекс на 100 000 жителей. Рядом с квартирными секциями располагаются дошкольные учреждения, школы, магазины, кафе-кухни, дискотеки, зоны тихого отдыха, лечебные учреждения — все то, что составляет сферу наиболее полного и комфортного обслуживания. И это позволяет в значительной степени решить проблему необходимого общения старшего и младшего поколений. Под всеми зданиями — подземные гаражи.

Особым разделом проекта явилось решение транспортных развязок, как внутригородских, так и рассчитанных на прибывающих в город гостей. Весь ансамбль высотных зданий должен быть связан линиями метрополитена. Вместе с тем вся транспортная система Москвы выводится на новую кольцевую дорогу в 50 километрах от города. По идее, именно на ней пассажирские и товарные поезда, а также грузовой автотранспорт должны перегружаться на собственно московскую монорельсовую дорогу, а затем на пассажирские и грузовые станции метрополитена.

Один из организаторов французского Сопrotивления времен гитлеризма, писатель и эссеист Жан Кассу написал о людях, которые могли бы жить в «Городе за облаками»: «Уверен, это будут по-иному воспринимающие мир и окружающую жизнь люди, которым доведется родиться и жить в задуманных вами домах. Выше птичьего полета, на уровне горных вершин. Это масштаб наступающего тысячелетия, к которому мы так жестоко и по-варварски подходим. Ничего не поделаешь — история всегда права».

Между тем после Великой Отечественной войны идеи все новых и новых генпланов продолжали сменять одна другую. В 1951 г. появляется так называемый 10-летний план реконструкции, руководимый Д.Н. Чечулиным, и учреждается институт магистральных архитекторов (Моспроект). В 1966 г. были обнародованы технико-экономические основы нового генплана. Спустя пять лет правительство утвердило Генплан развития Москвы на ближайшие 25–30 лет.

Непосредственная разработка идеи «Новой реальности» началась на рубеже 60–70-х годов. Проект был закончен в 1974 г.

За прошедшие годы изменилось слишком многое, и прежде всего условия осуществления любого проекта. Стал ли он безусловно нереальным? На это есть ответ в работах Корбюзье: «Кто будет платить за постройку этих огромных деловых зданий? Пользующиеся ими. Их в Париже легион — тех, кто пойдет на покупку под конторы 50, 100, 200, 1 000 квадратных метров площади. Собственниками небоскребов и являются пользующиеся ими. Однако есть очень много таких, кто не может располагать капиталами, представляющими часть их собственности в небоскребах... Тогда они являются только съемщиками». Точку зрения Корбюзье разделяли многие из его современников: поставить в центре Парижа 20 небоскребов — значит защитить город от варварских разрушений, создав необходимые новые площади. В конце концов, все эти абсолютно актуальные для наших дней и финансовой ситуации предложения еще в 1933 г. были опубликованы в Москве в переводе классического труда зодчего — «Планировка города».

Недавно в печати появилось выражение: «Москва — город неосуществленных проектов». Если это и правда, то нельзя забывать, что неосуществленные архитектурные проекты входят в историю архитектуры и оказывают на нее самое непосредственное влияние. Так было во Франции с гениальным Леду, с тем же Корбюзье или нашим Константином Мельниковым. Так или иначе они становятся выражением творческого потенциала города, национальной культуры и представлений о человеке. Пожалуй, для России это всегда было и остается главным — Человек.

САМАЯ МОСКОВСКАЯ...

Во дворах Октябрьского поля пылилось московское лето. Жухлые листья, истоптанные добела тропки, серый асфальт... Скрипела полусломанная перекидная доска на забытой детской площадке. Громоздились у контейнеров груды бумаг. Лаяла собака. Спешили люди.

От станции метро дорога петляла среди одинаковых кирпичных домов с одинаковыми балконами и взъерошенной зеленью американских кленов, сумевших так быстро вырасти, но

Особняк Второва
на Спасопесковской
площадке

так и не полюбившихся в старом городе. Те же дома выстроились вдоль маленькой улочки, замыкавшейся глухим забором невидимого завода. Наспех положенная поперек тротуара красная ковровая дорожка выглядела до крайности нелепо. Прохожие смотрели на нее и только потом — на распахнутую дверь первого этажа, которая по нехитрому замыслу «типовых» строителей должна была служить дверью неприятного затхлого магазина. На этот раз по счастливой случайности его место заняла районная галерея. Пресловутая перестройка когда-то начиналась с освободившихся стен, где каждый спешил повесить свои картинки. Главное — свои. Неважно — талантливые или не талантливые, профессиональные или самодеятельные, отмеченные художественным вкусом или этому вкусу противопоказанные. Так приходило, пусть ни на чем не основанное, ощущение свободы.

На былом Ходынском поле случилось непредвиденное: место живописи заняли фотографии. С русскими и нерусскими сюжетами, пейзажами, архитектурными мотивами. Не всегда мастеровитые, но непременно трогающие сердце и вызывающие желание вдуматься, понять, что же именно привлекло глаз автора. Фотообъектив возвращался снова и снова к уголку оконницы, изгибу чугунной решетки, строю уютных колонн.

Виновница торжества была счастлива. Уютная пожилая женщина с деловой походкой и крепким пожатием руки напоминала первых школьных учительниц и уж никак не дипломатических дам. Кто бы заподозрил в госпоже Мэтлок супругу посла Соединенных Штатов! Она с пристрастием допрашивала о впечатлениях от своих любимых снимков и настаивала на замечаниях: «Они мне нужны для работы! Не может же вам нравиться все... И кстати, знаете, я никак не могу приняться за наш Спас-хауз. Он так красив! Пожалуй, слишком красив для снимков. У нас такой дом был бы редкостью. У вас иначе, не правда ли? И у него должна быть необычная история. Вы не знае-

те ее? Не могли бы рассказать для нас? Или для всех? Мне никто не смог найти никакой литературы по нашему дому. Разве Спас-плац не целая особенная страна даже по сравнению со старым Арбатом?»

«Спас-плац» — Спасопесковская площадь...

Наконец-то для Василия Дмитриевича Поленова настало время, когда он мог заняться живописью. За плечами осталась сербская и болгарская война — в 1876 г. он уехал добровольцем в армию генерала М.Г. Черняева. «Мне припомнился Кутузов в «Войне и мире», — писал художник о своем генерале. И еще: «Все ждут перемирия, а потом и мира; неудачная война всем надоела...» По приезде в Москву Поленов снимает квартиру в центре — в Трубниковском переулке, 7. И из окна пишет свой «Московский дворик», получающий одобрение самого Павла Петровича Чистякова. Единственный учитель художника, он тоже добрался до старой столицы и даже остановился у Поленова. Картина понравится ему («Самая московская!»), и он не забудет осведомиться о ее судьбе по возвращении в Петербург в мае 1878 г.: «Напишите мне, продана ли ваша картина?»

19 мая Поленов ответит: «Ваше посещение и наставление обновляют и оживляют всегда, так и этот раз было с нами. После Вас глаза открываются, и начинаешь на дело глядеть иначе, начинаешь опять строже относиться к себе, а рядом с этим и смелости больше является... Картинка моя действительно продана, ее купил Павел Михайлович Третьяков».

Казалось, Трубниковский переулок появился в жизни художника только для того, чтобы был написан «Московский дворик». Почти сразу после отъезда П.П. Чистякова Поленов пе-

В. Поленов.
Московский дворик

ребирается на Девичье поле, в дом А.И. Олсуфьева, красующийся еще на одной «самой московской» картине «Бабушкин сад», приобретенной другим братом Третьяковым – Сергеем Михайловичем. Но «Бабушкин сад» – это иные настроения. Скончался отец Поленова, тяжело болела и ушла из жизни любимая сестра – Вера Дмитриевна Хрущева-Поленова. Это она запечатлена на трагическом поленовском полотне «Больная». О новой квартире, в которой художник проведет четыре года и которой теперь уже не существует, рассказывал И.С. Остроухов: «Старый барский дом с колоннами по фасаду, громадный сад, тургеневское дворянское гнездо. Непосредственно за вестибюлем – обширная, высокая комната, приспособленная под мастерскую художника. Вкусно и комфортабельно. В углу большая конченная картина «Больная», несколько этюдов, блюд по стенам. Очень уютно». И далее автор добавит: «Очень похоже на дом княгини Лобановой-Ростовской, который почему-то принято называть „щербатовским“».

МАЛЕНЬКАЯ КНЯГИНЯ

Увлечение? Чехов досадовал на неуместные предположения приятелей. Увлечение – кем? Не слишком молодой, не слишком красивой, да к тому же и недалекой женщиной? Случайной знакомой, общение с которой было, по сути, весьма поверхностным: расстояние между начинающим доктором и светской дамой достаточно велико, а обстоятельства не способствовали их сближению. Впрочем...

Все началось с мысли отказаться от привычного и по-настоящему полюбившегося Бабкина. Все три проведенных в нем лета были очень хороши, но писательский труд требовал новых впечатлений, встреч, ощущений. Кто-то из друзей толковал о предместьях Харькова. Кому-то из домашних виделись хутора под родным Таганрогом. Победителем оказался «хохол» А.И. Иваненко, влюбленный в свои Сумы, Миргородский уезд и назвавший имя своих друзей Линтваревых. Было решено отправить в разведку брата Михаила, да только дожидаться его впечатлений не хватило терпения. И к лучшему: в его представлении обветшавший линтваревский дом, запущенный сад и двор с огромной миргородской лужей посреди значительно проигрывали в сравнении с благоустроенным поместьем под Звенигородом с его английским парком, пышными цветниками и оранжереями. Чехов в начале мая уже отправился в путь с матерью и сестрой. И пришел в восторг, который разделил с ним гость Чеховых – поэт А.Н. Плещеев.

Слова Чехова: «Живу я на берегу Псла, во флигеле старой барской усадьбы. Нанял я дачу заглазно, наугад и пока еще не раскаялся в этом... Природа и жизнь построены по тому самому шаблону, который теперь так устарел и бракуется в редакциях: не говоря уж о соловьях, которые поют день и ночь, о лае

собак, который слышится издали, о старых запущенных садах, о забитых наглухо, очень поэтичных и грустных усадьбах, в которых живут души красивых женщин, не говоря уже о старых, дышащих на ладан лакеях-крепостниках, о девицах, жаждущих самой шаблонной любви, недалеко от меня имеется даже такой заезженный шаблон, как водяная мельница (о 16 колесах) с мельником и его дочкой, которая всегда сидит у окна и, по-видимому, чего-то ждет. Все, что я теперь вижу и слышу, мне кажется, давно уже знакомо по старинным повестям и сказкам».

Брат Михаил со временем станет утверждать, что эта поездка не принесет Чехову ничего, кроме образа старика Фирса из «Вишневого сада» и нескольких смешных выражений. Может быть, Михаил Павлович так и не сумел побороть в себе первоначальной неприязни к новому месту. Неуловимый аромат линтваревского поместья пронизывает весь «Вишневый сад». Под тем же впечатлением Чехов пишет свои рассказы «Красавицы», «Именины», «Припадок» и «Княгиня». Впрочем, образ маленькой княгини жил в его памяти еще с бабкинских времен. Может быть, он просто по-новому увиделся в разрухе и заброшенных новых мест. Вера Николаевна, разойдясь с мужем, жила в своем звенигородском имении и называлась княгиней Лобановой-Ростовской. В недавнем прошлом дама петербургского большого света, она стала теперь жительницей Москвы, где чувствовала себя покойней и вольнее.

«Бывает так, что в темную келию постника, погруженного в молитву, вдруг нечаянно заглянет луч или сядет у окна келий птичка и запоеет свою песню; суровый постник невольно улыбнется, и в его груди из-под тяжелой скорби о грехах, как из-под камня, вдруг польется ручьем тихая, безгрешная радость. Княгине казалось, что она приносила с собою извне точно такое же утешение, как лучи или птичка. Ее приветливая, веселая улыбка, кроткий взгляд, голос, шутки, вообще вся она, маленькая, хорошо сложенная, одетая в простое черное платье, своим появлением должна была возбуждать в простых, суровых людях чувство умиления и радости. Каждый, глядя на нее, должен был думать: «Бог послал нам ангела...». И, чувствуя, что каждый невольно думает это, она улыбалась еще приветливее и старалась походить на птичку...».

Такие портреты дарят не всем своим героиням. А личные встречи... Во всяком случае, Чехов знал московский адрес княгини Веры — ее усадьба на Спасопесковской площади представляла собой островок со своим укладом, и с трудом верилось, что за оградой живет своей жизнью большой город. В Звенигороде Вера Николаевна без особого сожаления продавала одну за другой свои деревни: жить бережливо, как и хозяйствовать, она не умела. Дошел черед и до городских владений. С последним большим участком старого сада у Спаса на Песках она рассталась за четыре года до Первой мировой войны, продав его промышленникам-текстильщикам Второвым. Топор Лопахиных прогромел и на Арбате.

Между тем это было родовое гнездо маленькой княгини. История этих земель прослеживается еще с екатерининских времен. В то время усадьба принадлежала древней семье Ржевских. Стояло на ней три жилых деревянных дома, и одной своей стороной двор примыкал к погосту приходской церкви Ни-

колы на Песках. После эпидемии чумы 1771 г. все городские кладбища были закрыты, захоронения при них запрещены. Приходам было предписано пользоваться специально устроенными кладбищами за Камер-Коллежским валом — Ваганьковским, Даниловским, Калитниковским, Миусским, Пятницким, Семеновским и двумя старообрядческими — Преображенским и Рогожским. Эти кладбища известны и сегодня, а на месте Никольского погоста зеленеет сквер.

Вели свой род Ржевские от Смоленских князей. Были в свое время удельными князьями города и удела Ржева, хотя титул за ними в дальнейшем и не сохранился. Первый из известных нам хозяев двора у Спаса на Песках Матвей Васильевич Ржевский родился в 1702 г., обучался по указу Петра I морскому делу, стал капитаном I ранга российского флота, умер в 1766 г. и был похоронен в церкви Большого Вознесения у Никитских ворот, связанной, по преданию, с венчанием А.С. Пушкина. Еще сравнительно недавно в подклете храма сохранялась чугунная могильная плита с именем капитана I ранга, прихожанина Большого Вознесения и владельца соседнего с ним дома. После смерти супруга вдова его Федосья Наумовна, урожденная Сенявина, — дочь известного русского адмирала — продала дом отцу А.В. Суворова. В конце XVIII в. дом у Никитских ворот перешел от отца к самому полководцу и несет памятную доску с именем Александра Васильевича.

Дети Ржевского заняли заметное положение в русском обществе. Сын — Степан Матвеевич ко времени кончины отца достиг чина полковника, в 1770 г. стал бригадиром, а в дальнейшем — генерал-поручиком. Достаточно высоко ценился военными историками его оригинальный труд «О русской армии во второй половине екатерининского царствования». Дочь Марья Матвеевна стала женой известного государственного деятеля и дипломата Платона Мусина-Пушкина.

Как и Ржевские, последующие владельцы усердно занимались благоустройством дома на Песках, однако печально известный пожар 1812 г. ничего от него не оставил.

Герои грибоедовского «Горя от ума» справедливо замечали, что пожар способствовал обновлению Москвы. Но вместе с новой застройкой, новой архитектурной модой в древнюю столицу приходили и новые домовладельцы: дворянские дома отходят купцам, промышленникам, даже просто «деловым» мещанам. Материальное положение дворянства было подорвано, и история не дала возможности его восстановить. Домовладение Ржевских попало в число тех немногих, которые, хотя и переменив хозяев, все же удержались в руках дворянства.

Князь Александр Александрович Щербатов отстраивает заново усадьбу Ржевских. Здесь вырастают три каменных жилых двухэтажных дома, обращенных на Большой Николопесковский переулок. На углу Большого Николопесковского и Дурновского переулков возводится великолепный трехэтажный дом с колоннадой и торжественным въездом. Для хозяйственных целей строятся конюшня, каретный сарай и огромная оранжерея. В направлении приходской церкви разбивается большой сад. Княгиня Вера Николаевна говорила, что такого чудного сада ей не доводилось встречать даже в поместьях.

И. Ругендас. Пожар
Москвы в 1812 г.

О Щербатовых можно сказать, что они представляли один из древнейших русских княжеских родов, происходивший от Рюрика. Для истории не меньшее значение имело и то, что самая тесная дружба связывала их с А.С. Пушкиным.

Статский советник и камергер двора А.А. Щербатов имел от второго брака с княжной Прасковьей Сергеевной Одоевской шестерых детей, которые участвовали в общих с Пушкиными семейных детских праздниках. Оба сына Щербатовых — Николай Александрович, штабс-ротмистр лейб-гвардии уланского полка, и Сергей Александрович, штабс-капитан лейб-гвардии конно-егерского полка, — дослужились до чина полковника. Четыре дочери Щербатовых стали великосветскими дамами. Анна Александровна была супругой хорошего знакомого А.С. Пушкина, побочного сына великого князя Константина Павловича — Павла Константиновича Александрова; Елизавета Александровна — фрейлиной двора и супругой генерал-майора П.А. Савича; Наталья Александровна — фрейлиной двора, женой барона Розена; Прасковья Александровна — женой своего дальнего родственника князя А.А. Щербатова.

Старого князя А.А. Щербатова не стало в 1834 г. Дом на Песках наследует его старший сын — Николай Александрович. Но меняются времена, а вместе с ними и материальные возможности. Необходимость деления городской усадьбы между многочисленными наследниками, как и несоразмерность строительных затрат с реальным капиталом приводят к тому, что бывшее владение начинает распадаться. Маленькая княгиня всего лишь продолжила то, что началось еще до ее рождения.

В 1839 г. князь Николай Александрович делит щербатовскую усадьбу на Песках на две неравных части. Он оставляет себе главный барский дом с колоннами, деревянный жилой дом с антресолями, конюшню и оранжерею. К новому владельцу — Федору Николаевичу Лугинину отходит двухэтажный жилой дом с каменным низом и деревянным верхом, два одноэтажных

деревянных дома и каретный сарай. И этим начинается новая глава в истории городской усадьбы на Песках.

Федор Николаевич – также добрый знакомый А.С. Пушкина. Их встреча с поэтом состоялась в Бессарабии, где Лугинин участвовал в военно-топографической съемке. Выпускник одной из лучших в России и известных своим свободомыслием офицерских школ – так называемого Муравьевского училища для колонновожатых, он в январе 1822 г. получает назначение прапорщиком квартирмейстерской части Генерального штаба. Закончит службу Ф.Н. Лугинин подполковником и оставит очень интересные записки о встречах со ссыльным Пушкиным. К сожалению, даже скудные сведения о его жизни в Москве неточны. По утверждению Б.С. Земенкова («Памятные места Москвы»), в конце 1830-х гг. Лугинин с семьей жил на Волхонке. Архивные материалы щербатовской усадьбы на Спасопесковском – адрес, остававшийся для исследователей неизвестным, – свидетельствуют, что именно здесь проходит детство его сыновей Владимира и Святослава. Да, собственно, и вся их дальнейшая жизнь делится между Москвой и Костромской губернией.

Владимира Федоровича судьба сводит с Л.Н. Толстым. Подобно писателю, он оказывается под Севастополем в артиллерийских частях – ранее он окончил артиллерийское училище в Петербурге. Далее его интересы сосредоточиваются на общественной деятельности – он увлечен кругом проблем, вызванных к жизни отменой крепостного права. Вместе с младшим братом Владимир Федорович выступает как один из пионеров кооперативного движения в России. В Ветлужском уезде Костромской губернии он основывает первое в стране ссудо-сберегательное товарищество, тогда как Святослав Федорович учреждает там же первое в России уездное статистическое общество. Классическими становятся труды В.Ф. Лугинина по организации банковского и ссудного дела: «Густав Вернер и основанная им в Тейтлинге братская община» (1864), «Практическое руководство к учреждению сельских и ремесленных банков по образцу ссудных товариществ» (1869), «Сельские ссудные товарищества» (1870). Пребывание за границей предоставляет ему не только возможность познакомиться и близко сойтись с А.И. Герценом и Н.П. Огаревым, но и приобрести блестящую подготовку в области химии под руководством знаменитого химика Бертло. Впрочем, этот, по выражению самого ученого, «закордонный перерыв» во многом был вынужденным: радикальные проекты в области экономики уже вызвали настороженное внимание правительственных кругов.

Климент Тимирязев

Но В.Ф. Лугинин слишком деятельный человек, чтоб долго выдерживать свою полуэмиграцию. Как пишет в его биографии К.А. Тимирязев, «в конце 70-х гг. ему показалось, что можно было вернуться в Россию; он поселился в Петербурге, устроил лабораторию и собрал вокруг себя кружок молодых химиков, но после 1 марта 1881 г., когда Петербург стал ареной деятельности добровольной охраны, в рядах которой находились люди просвещенные, слыхавшие, что Лугинин работает с «бомбой» Бертло, и он сделался предметом их особых забот: его выслеживали на улице, врываются в переднюю, когда у него собирались знакомые, и т.д. – пришлось снова бежать в Париж. В 1889 г. Лугинин вернулся вторично, но уже в Москву, где, по

предложению профессоров Столетова и Марковникова, «отставной поручик лейб-гвардии конной артиллерии» был избран почетным доктором химии. Этим открылась перед ним возможность официальной научной деятельности».

Новая московская глава в жизни ученого ознаменовалась тем, что на собственные средства В.Ф. Лугинин оборудует первую в России и притом лучшую в Европе термохимическую лабораторию, и поныне носящую его имя. В свое время здесь работали академики В.И. Вернадский и И.А. Каблуков. Профессора В.Ф. Лугинина не стало в 1911 г., спустя шесть лет вышел первый том его трудов.

Факты. Только факты. Но рядом с ними и через них рисуется просветленный образ человека из числа тех, кто принадлежал к шестидесятникам прошлого века и стал их идеалом. После суда и следствия в Петропавловской крепости, после обряда гражданской казни и дороги в далекий Вилуйск, обреченный на пожизненную каторгу и ссылку Н.Г. Чернышевский находит в себе силы для литературной деятельности. Владимир Федорович Лугинин становится прообразом одного из героев его романа «Пролог» — Нивельзина. А К.А. Тимирязев причисляет В.Ф. Лугинина к «той славной кучке деятелей, благодаря которой так называемые шестидесятые годы выделяются светлой полосой».

Между тем успевший постареть дом на Песках оказывается вовлеченным в общий с его владельцами водоворот событий. Лугининская часть в 1870-х гг. переходит к некой вдове титулярного советника: деньги нужны были младшим Лугининым для реализации их научных и общественных планов, в чем отец им не препятствовал. Спустя 20 лет вдову титулярного советника сменит князь Николай Еммануилович Голицын, принадлежавший к одному из ответвлений многочисленной семьи Голицыных.

Отец князя родился в Париже, занимался там же в Политехнической школе, а в 1825 г. вступил в русскую армию для участия в русско-турецкой войне, которая закончилась для него тяжелым ранением под Варной. Еммануил Михайлович изменил своим первоначальным интересам, много путешествовал по Европе и России, стал известным писателем, способствовавшим знакомству Запада с литературой, искусством и историей нашей страны. На французском языке он издает: «Голубые одежды» (1837), «На севере Сибири» (1843), «Иван Никитенко, русский рассказчик» (1843), «Русский рассказчик: сказки, басни и легенды» (1846), «Финляндия» (1852), «Россия XVII века и ее западноевропейские связи».

Молодой князь отмечает свое появление на Песках едва ли не одним только строительством на тесном лугининском участке каменного трехэтажного доходного дома, ради которого полностью уничтожается эта часть сада.

Вместе с упомянутой вдовой титулярного советника владельцев щербатовской части становится маленькая княгиня. Не слишком удачно устроившая свою семейную жизнь В.Н. Лобанова-Ростовская с самого начала не предполагает затевать здесь никаких новшеств. В конце концов, она отдает запущенный сад под дворец заводчиков Второвых — нынешний Спас-хауз, как его называют американцы.

В лице Николая Александровича Второва о себе заявляла и себя утверждала новая Россия – достаточно простого перечисления должностей текстильного магната: директор товарищества Ново-Костромской мануфактуры Н.Н. Коншина, директор Товарищества «А.Ф. Второв и Сыновья», директор правления Товарищества Варваринских торговых помещений (в Москве – крупнейшие оптовые склады), член правления Товарищества на паях внутренней и вывозной торговли мануфактурными товарами, директор Товарищества Даниловской мануфактуры, директор Товарищества ситцевой мануфактуры Альберта Гюбнера и, наконец, выборный Московского Биржевого общества.

Именно ему отходит парадная, обращенная на Спасопесковскую площадь часть усадьбы. А маленькая княгиня – что ж, она удовлетворится видом глухого переулочка, хотя и сохранит остатки своих владений до самого Октября.

Чехов, досадуя на неуместные шутки близких, с нарочитой грубоватостью, за которой скрывалось то, о чем нам никогда не узнать, напишет о рассказе «Княгиня»: «Черт с ней, она мне надоела, все время валялась на столе и напрашивалась на то, чтоб я ее кончил. Ну и кончил, но не совсем складно». Он потребует у А.Н. Плещеева корректуры рассказа для дальнейшей «шлифовки». «Шлифовка» состоялась, и после нее остались строки:

«Княгиня прошлась по аллее, села на скамью и задумалась. Она думала о том, что хорошо бы поселиться на всю жизнь в этом монастыре, где жизнь тиха и безмятежна, как летний вечер; хорошо бы позабыть совсем о неблагодарном, распутном князе, о своем громадном состоянии, о кредиторах, которые беспокоят ее каждый день, о своих несчастьях, о горничной Даше, у которой сегодня утром было дерзкое выражение лица. Хорошо всю жизнь сидеть здесь на скамье и сквозь стволы берез смотреть, как внизу под горой клочьями бродит вечерний туман, как далеко-далеко над лесом черным облаком, похожим на вуаль, летят на ночлег грачи... Сидеть бы неподвижно, слушать и думать, думать, думать...»

Между тем Второвы – отец Николай Александрович и сын Борис Николаевич, по молодости лет успевший стать всего лишь членом правления Товарищества на паях вывозной и внутренней торговли мануфактурными товарами, – появились на Спасопесковской площади последними.

Дом 8, владелица которого в 1819 г. – полковница Аграфена Дмитриевна Зыкова поступилась частью садовой земли в пользу князя А.А. Щербатова, не один десяток лет находился во владении купцов Касьяновых. Одна из членов этой семьи Екатерина Ивановна намеревалась в 1911 г. снести всю старую застройку, чтобы возвести пятиэтажный доходный дом. Ранняя кончина помешала ее замыслам. Муж покойной – Александр Васильевич, потомственный почетный гражданин и коммерции советник, делил наследство с большим числом детей. Торговая Москва хорошо знала его как компаньона-распорядителя Торгового дома «И.Я. Чурин и К°», располагавшегося на Воздвиженке, 9, в бывшем доме деда Л.Н. Толстого, которым перед революцией владел Шамси-Асадуллаев.

Домовладению № 6 не повезло так же, как и бывшей усадьбе Ржевских-Щербатовых. Они были сметены пожаром 1812 г.

А. П. Чехов

Из девяти с лишним тысяч зданий, которые насчитывала старая столица, сгорело больше шести тысяч.

Для восстановления города пришлось создать специальную Комиссию для строения, просуществовавшую последующие 30 лет — до 1842 г. Ее деятельность оказалась настолько эффективной, что уже к 1817 г. количество жилых построек превысило допожарное время. В 1820 г. был отстроен и дом под номером 6, получивший в истории русской архитектуры название Дома Щепочкиной — в высшей степени оригинальный образец московского ампира. Крошечный — в пять окон по фасаду, — с четырьмя прислоненными к фасаду колоннами и тремя резными круглыми медальонами в опирающихся на колонны арочках, он красовался рядом с затейливыми каменными воротами, из-за которых тянулись на улицу деревья большого сада.

Красовался когда-то — потому что в результате бесконечных ведомственных споров между руководством города и Обществом охраны памятников дом разрушился, в заключение сгорел и сегодня ждет некоего мифического спонсора для «восстановления в новом материале». Если похожей на него декорации и предстоит появиться, к московскому деревянному ампиру она не будет иметь отношения.

В канун же революции домом владела семья Зворыкиных — генерал-майор Григорий Николаевич с супругой Марией Михайловной и инженер путей сообщения Михаил Иванович из Службы пути Северной железной дороги, сослуживец Марии Никитишны Гриневой, урожденной княжны Курбатовой, сотрудничавшей в Статистическом отделе той же дороги. С последней автор этих строк находится в родстве. Пожелтевшая пасхальная открытка в забытом ящике поставца хранит широкую подпись владельца Дома Щепочкиной.

Рекомендации М.И. Зворыкина был обязан своей дополнительной работой и настоятель церкви Николы Чудотворца, что на Песках, протоиерей Василий Петрович Некрасов. Он состоял единственным законоучителем в известном реальном училище инженера путей сообщения Ф.Д. Дмитриева, занимавшего дом графини Кутайсовой на Тверском бульваре, 20. Училище, обладавшее правами казенных учебных заведений, славилось превосходной постановкой преподавания математики и — абсолютной грамотностью своих выпускников, впрочем, предпочитавших профессию инженера.

А поленовская церковь — Спаса на Песках — богатством не отличалась, зато имела собственную церковно-приходскую школу, где преподавали ее последний настоятель протоиерей Сергей Васильевич Успенский и дьякон Иван Павлович Попов, и достаточно состоятельного старосту — основателя Торгового дома «Братья Колесниковы» — Федора Николаевича. И его фабрика, и оптовый склад, и магазины — все находилось в районе старого Арбата и Смоленской площади.

Впрочем, оставалась еще одна непрочитанная страница местной истории — Грибоедовы. В приходе Спаса на Песках жила семья Александра Сергеевича по матери — здесь прошло ее детство, позже — первые годы семейной жизни. Семейная легенда утверждала, что у Спаса на Песках состоялось и венчание молодой четы. Грибоедовская Москва — может быть, начинать ее надо именно отсюда?

МЕГАПОЛИС

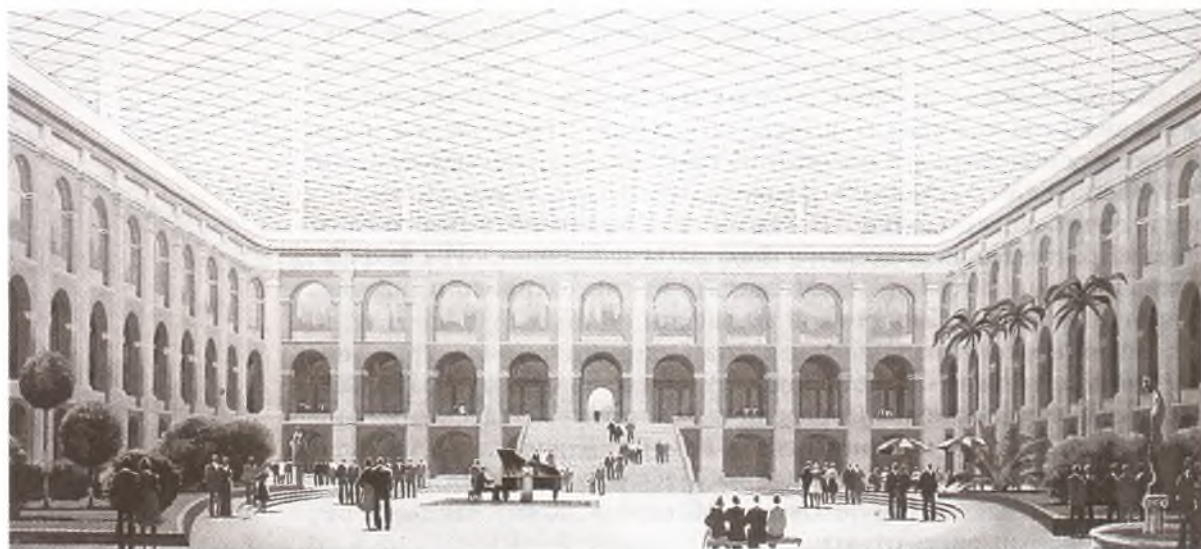
В конце позапрошлого — XIX в. Совет хранителей национальных музеев Франции принял официальное решение: ставить вопрос о включении в собрание Лувра произведений не раньше, чем через полвека после смерти их авторов. Полвека были приняты за срок, который необходим, чтобы улеглись страсти современников, личные счеты, вкусовые пристрастия и возникла временная отстраненность, необходимая для объективной оценки определенного явления в искусстве.

Но если картину или скульптуру можно убрать на время с глаз, не фиксировать на них внимания специалистов и неспециалистов, то с архитектурой, несомненно, нуждающейся в такой же отстраненности, все обстоит гораздо сложнее. Здание прорывается в окружающую вас среду и неизбежно вызывает немедленную реакцию, зачастую нарушает душевное равновесие, порождает внутренний дискомфорт, который, в свою очередь, втягивает во внутреннюю дискуссию практически каждого горожанина или просто прохожего.

Так было всегда, но в Москве споры всегда носили острый характер, вызывали волны общественной реакции. Бунташный, как говорили в XVII в., город? Ментальность москвичей? Ни то, ни другое. Особенная, почти на физиологическом уровне привязанность к Москве! Лишнее доказательство, что для каждого живущего в ней существует свой очень личный образ города, понимание характера своего существования в нем. В наши годы забылось очень старое и какое же точное выражение: болеть душой. Город, который столько раз выгорал дотла, лежал в руинах после событий Смутного времени, Отечественной войны 1812 г., получил столько ран после Октября и Великой Отечественной и который с таким вдохновенным упорством отстаивали и отстраивали по «всем старым межам» москвичи.

Развернувшееся в послевоенные годы строительство, развитие промышленности были продолжены и после Хрущева — в брежневские времена. Можно приводить статистику роста предприятий, научно-исследовательских институтов, учебных заведений, больниц, поликлиник, театров, школ, вот только нужно ли. И дело не в том, что все поставлено под сомнение послед-

Проект интерьера
Гостиного двора

Здание Правительства РФ
(Белый дом)

Триумфальная арка
и Мемориальный комплекс
на Поклонной горе

ним десятилетием и пока не нашло компенсации ни моральной, ни нравственной, ни удовлетворяющей гражданские чувства. Никуда не уйти от горькой обиды за могучее государство, частью которого каждый себя сознавал. Социологи до сих пор не хотят признать, что так называемая ностальгия относится, прежде всего, к отвергнутому в принципе общинному началу, утверждавшемуся на нашей земле вне зависимости от расовой, религиозной и социальной принадлежности. Не случайно народ безоговорочно выигрывал все ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ войны.

Теоретически Москва на рубеже Третьего тысячелетия вернулась к социальной системе начала XX в. Но только теоретически, только формально. Потому что та, стародавняя, столи-

ца развивалась по принципу облегчения существования беднейшим, нынешняя озабочена созданием «эксклюзивных» условий для богатейших. Ради этой единственной цели отбрасываются все те необходимые меры предосторожности, которые принимаются во всех больших городах всего мира. Ни Нью-Йорк, ни Вашингтон не имеют сходства с Лас-Вегасом, а Париж кажется крепостью пуританизма по сравнению с нашей сегодняшней разнузданной (не будем говорить об элементарном вкусе!) рекламой.

Сегодня еще рано анализировать результаты строительного бума последнего десятилетия XX в., тем более что он является отражением экономических расчетов частных лиц, а не естественной потребности населения города. Слишком свежи примеры с осуждением модерна и конструктивизма в сталинские времена, именно тех стилей, которые стали в наши дни предметом повышенного интереса. Совершенно очевидно, что

Хоральная синагога
на улице Архипова

Мечеть на улице Дурова

Московские строители

Новый микрорайон
Москвы

подлинной классикой мировой архитектуры стали творения того же К. Мельникова, тот же Дом культуры имени Русакова, над которым так усердно потешался в своих выступлениях Хрущев.

Главное другое. Строительный вихрь смел такие зыбкие границы заповедных зон Москвы. Престижность попирает все нормы здравого смысла. Ведь если в начале 80-х гг. исторический центр составлял всего лишь 3% всей московской застройки, то с разрастанием города его все уменьшающуюся долю следовало бы беречь как зеницу ока. Она — наше прошлое, но и настоящее. Наше лицо и душа русской культуры. И если сегодня Москва представляет единственный в мире город, где школьники проходят единственный в своем роде предмет — москвоведение, то как можно мириться с тем, что изучать его придется не сегодня-завтра на слайдах и старых фотографиях ввиду исчезновения памятников или их замены новоделами. Как бы точно ни повторял новодел объект старины, он всегда будет оставаться всего лишь декорацией. Зрительным, но не духовным образом. Речь не идет о музеефикации города. Музеефикация, да и то относительная, возможна лишь в отношении маленьких городов, вроде затерявшегося в хлебных полях Суздаля. Столица не может застыть и просто обязана развиваться. Такова была всегда историческая судьба нашей Москвы, жившей бурной жизнью, откликавшейся на все перемены, торговавшей больше, чем воевавшей даже в стародавние времена. Радужно принимавшей гостей со всех концов земли, а не отгораживавшейся от иноплеменников и иноземцев. Обладавшей слишком

древней и глубокой культурой, чтобы опасаться ее размывания, но стремившейся к ее обогащению. Допускавшей звучание любой речи на своих улицах, но неколебимо хранившей чистоту родного языка. Не случайно Гоголь мечтал «упиться русской речью» только и именно в Москве. Недаром Толстой говорил, что ощущение материнского крова, заботы, тепла возникает в Москве. Это его слова: «Москва — мать». А лицо матери не может не быть дорогим каждой своей морщинкой, каждой складкой пусть немолодого, зато какого же милого лица. Прикипеть сердцем — народное выражение, так понятное каждому москвичу.

И сегодня мы спорим, прикипевшим сердцем не соглашаемся с отдельными решениями градостроителей, планировщиков, архитекторов, но — но любимся ухоженными улицами, отреставрированными фасадами, заботливо убранными двориками в центре и уже не можем себе представить «спальные» районы без нынешнего размаха, свободной планировки, масштабов. Наверно, можно было создать иные проекты — и, хочется верить, они непременно появятся, — но то, что уже создано, войдет в будущее неотъемлемой его частью. Время покажет, кто был прав в споре об облике города. Неумолимое время, слишком часто в истории не подтверждавшее личных амбиций строителей и скульпторов, не менее часто утверждавшее талант тех, кого не сумели понять и оценить современники.

В кипении сегодняшних страстей важно другое. Объездив многие города Европы и Америки, мы сегодня в полной мере сознаем, как хороша и величественна наша Москва, и какое это счастье, вернувшись из любого далека, окунуться в ее жизнь, ее просторы, ее ритмы. Еще раз всем сердцем осознать: мой мегаполис, моя бескрайняя планета Москва.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	5
Со дна морского	7
Пришел на землю человек	12
Князь-строитель	14
Княжество Московское	20
«Москва, Москва, река быстрая...»	23
Московский святитель	33
На Ваганьковом холме	38
По стенам и башням Кремля	46
Кремлевские соборы	55
Повесть о жилье	67
Чертеж земли Московской	81
О чем молчат стены	97
По улице по Устретенке	109
По Тверской – в Кремль	118
Загадка простой переписи	126
Смоленский шляхтич	130
Кизилбашская земли живописец	142
Музыканты случались разные	160
Девятый патриарх	164
«Бояре висячие» Преображенского дворца	177
Огни московских викторий	186
Адонис из Голландии	196
Театр на Красной площади	202
Листок из фагота	213
Жемчужина Заречья	225
Путешествие в легенду	240
Тайна соловьиного дома	265
Правда московского соловья	275
Пушкиниана. Непрочтенные листы	295
Под кровом Земфиры	295
«Эта старая Архарова...»	297
Посаженный отец	300
Герой Тильзита	303
Роковой долг	304
Подаренное письмо	306
Великая тень	308
Судьба Мцыри	318
Последняя квартира	322
Купцы из Касимова	326
Торжество в Манеже	330
Забывшееся чудо	333
Под Новинским	338
Храм Христа Спасителя	343
Моя Остоженка	353
От Сретенки до Неглинной	358
По Никитскому бульвару	379
Патриаршьи пруды	384
Улица боярыни Морозовой	387
Обитель муз	393
Знакомые незнакомки	395
Милосердие	411

Лосинка	418
Московская жизнь Серебряного века	425
Дом в Гнезdnиках	428
Теремок на набережной	442
Перцовский дом	445
Москва – ХХ столетие	447
Управление городом	462
Драчевка, г. Че-ву	465
Княжна Марья	481
Академия торговых наук	490
Москва – деловой финансовый центр	495
Памятники веры	498
«Расстрельный храм»	503
Просто учительница	507
Госпожа магистр	514
Спортивная столица	520
Век Серебряный – театры	525
Век Серебряный – музеи	530
Живые картины 1917 г.	543
Великий передел	546
Город и поэт	551
Реконструкция	565
Библиотеки	566
Индустриализация	571
Москва. Большая вода	582
Год 1937-й. Совпадения	585
Просто справка	590
Когда план наступает	593
III рейх	594
Великая Отечественная	598
Судьбинушка	605
Возрождение	611
Театр на Тверском	613
Мастер	616
Страница из баланса века	623
Особняк на Таганке	626
По подсказке Константина Юона	634
Эпизод об узнице Ивановского монастыря	636
Строители	645
«Город за облаками», который мог бы быть	650
Самая московская... ..	653
Маленькая княгиня	656
Мегаполис	664

Нина Михайловна Молева
МОСКВА — СТОЛИЦА

Ведущий редактор *Л.Н. Асанов*
Младший редактор *И.Н. Маевская*
Художественный редактор *С.Д. Алексеев*
Технический редактор *Н.Д. Стерина*
Компьютерная верстка *И.В. Слепцовой*
Корректор *В. С. Фадеева*

Подписано к печати 16.06.2003 г.
Формат 60 × 84 ¹/₈. Бумага офсетная.
Гарнитура Баскервиль. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 78,12. Тираж 5000 экз.
Изд. № 03-5604. Заказ № 869.

Издательство «ОЛМА-ПРЕСС»
129075, Москва, Звездный бульвар, 23

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93

ИЗДАТЕЛЬСТВО
**ОЛМА
ПРЕСС**

ISBN 5-224-04274-7

9 785224 042746

ОЛМА
ПРЕСС

Н. И. Молеева

ИСТОРИЯ —

ГОРОДА

